3 1761 08821016 6

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe Sobranie Sochinenij

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

(v. 4)

494387
7.7.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

УРАЛЬСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

„ВЪ ХУДЫХЪ ДУШАХЪ“...

Разсказъ.

I.

— Вотъ тебѣ и Шерамà...—проговорилъ мой возница, тыкая кнутовищемъ по направленію блеснувшей изъ-за пригорка степной рѣчки Уразаевки.— Какъ на ладонкѣ...

Шерамà, село дворовъ въ полтораста, красиво облѣпило бревенчатыми избами холмистый берегъ Уразаевки. Издали можно было залюбоваться имъ. Такихъ селъ въ Зауральѣ попадается очень много. Одно только портило картину: насколько хваталъ глазъ, ковромъ разстилались все поля и поля, и нигдѣ не было даже клочка лѣса. А прежде, лѣтъ полтораста назадъ, судя по преданіямъ, вдоль береговъ Уразаевки красовались вѣковые бора—и аборигены Шерамы, башкиры, откочевывали на лѣтнія тебеневки далеко, въ Ишимскую степь. Даже пней не осталось отъ этихъ боровъ, все выжгли уральскіе заводчики, имъ усердно помогали и сами крестьяне. Русскій человѣкъ цѣнитъ лѣсъ только тогда, когда его изведетъ до послѣдняго дерева. Впрочемъ, шераминскіе мужики не особенно тужатъ объ исчезнувшихъ лѣсахъ, потому что на мѣстѣ этихъ лѣсовъ теперь зеленѣютъ безконечныя хлѣбныя поля, сѣнокосы, и только часть остается подъ пустошами, куда выгоняютъ скотъ. Исторія этихъ исчезнувшихъ въ Зауральѣ лѣсовъ живо напоминаетъ исторію прежнихъ обитателей этого благословеннаго края, башкиръ; послѣдніе давно уже вытѣснены изъ лучшихъ мѣстъ русскимъ населеніемъ. Отъ башкиръ остались во многихъ мѣстахъ только одни названія. Такъ, рѣчка Уразаевка и село Шерамà—несомнѣнно названія башкирскія, хотя въ Шерамѣ не найдете ни одного башкира, какъ и по всему теченію Уразаевки. Здѣсь плотно и крѣпко осѣло русское населеніе, и между бывшими башкирскими деревнями разсажались чисто-русскія села: Шляпово, Новоселы, Полома и т. д.

Но зауральскій мужикъ совсѣмъ не того типа, къ какому привыкъ глазъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Здѣсь живетъ народъ „естевой“, т.-е. зажиточный (вѣроятно, отъ слова: есть), „народъ-богатей“, если сравнить съ „Рассеей“. Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. На привольныхъ мѣстахъ окрѣпъ тотъ же самый народъ, раздобрѣлъ. Недаромъ славятся сибиряки своей смышленостью и промышленнымъ характеромъ. Подъ бокомъ киргизская степь, Обь со своими притоками; позади стѣной подымается Уралъ—было гдѣ поучиться зауральскому мужику уму-разуму.

Отъ деревни Шляповой до Шерамы везъ меня какой-то дядя Евменъ и всю дорогу весело балагурилъ на своемъ облучкѣ. При видѣ Шерамы даже

Евменъ пришелъ въ нѣкоторый восторгъ, потому, вѣроятно, что она раскинулась „какъ на ладонкѣ".

— Важное село,—говорилъ, любуясь, Евменъ, когда наша телѣга начала осторожно спускаться по крутому косогору прямо къ рѣкѣ.—А вонъ домъ попа Якова... Естевый попъ. Тебѣ къ нему?

— Да.

— Ну, ты, ма-ахонькая!—прикрикнулъ на свою лошадь Евменъ, прыгая на облучкѣ; его рубаха изъ изгребнаго холста надулась парусомъ, показывая свои кумачныя ластовицы.—Попадья Руфина пирогомъ попотчуетъ,—прибавилъ Евменъ, поворачивая ко мнѣ свое широкое улыбавшееся лицо съ оскаленными зубами и загорѣлымъ румянцемъ.

— Любите попа Якова?—спросилъ я.

— Якова-то? Пошто его не любить—любимъ... Онъ у насъ какъ мохомъ оросъ. Теперь, надо полагать, на пятый десятокъ перевалило, какъ онъ поступилъ къ намъ въ Шераму. Нѣтъ, ничего, любимъ Якова... У него десятинъ сорокъ, поди, посѣяно—да скотины сколько... всякой всячины — дивно! Яковъ-то все у насъ самъ доспѣетъ *), своими руками, оттого мы его и любимъ. Примется пахать, такъ куды мужику, не угнаться... Могутный изъ себя, навалится на сабанъ, такъ лошадь-то только-только не закряхтитъ, едва выворотитъ полосу-то. Важно пашетъ... А примется косить, или сѣно метать, или молотить—только успѣвай глядѣть. А вотъ жать—нѣтъ, не можетъ,—съ улыбкой прибавилъ Евменъ, поглаживая свою бороду мочальнаго цвѣта: — брюхо не позволяетъ... Какъ нагнется, глядишь—и сѣлъ. Ей-Богу!.. Да и то сказать, старо мѣсто, на седьмой десятокъ перевалило, гдѣ ужъ за молодыми угнаться...

Послѣ короткой паузы Евменъ тряхнулъ своей головой и, поправивъ шляпу на одинъ бокъ, проговорилъ задумчиво:

— А вѣдь у попа-то Якова нонѣ не ладно въ дому...

— Что такъ?

— Да такъ...—коротко отвѣтилъ Евменъ такимъ тономъ, который дѣлалъ дальнѣйшіе разспросы совершенно излишними.

Мы въѣзжали въ самое село. Широкая улица, обставленная рядами красивыхъ избъ, вела прямо къ каменной бѣлой церковкѣ, красиво прятавшейся въ густой зелени черемухъ, липъ и березъ. Наше появленіе, конечно, прежде всего обратило на себя вниманіе деревенскихъ собакъ, которыя съ азартнымъ лаемъ настоящихъ провинціаловъ провожали насъ до самаго дома отца Якова. Я очень люблю этотъ домикъ, выстроенный отцомъ Яковомъ изъ стариннаго кондоваго лѣса; онъ такъ добродушно поглядываетъ изъ-подъ своей порыжѣлой тесовой крыши узкими окошечками съ бѣлыми ставнями, точно вотъ-вотъ сейчасъ хочетъ улыбнуться. Лѣтъ десять не бывалъ я въ этомъ домѣ, но онъ не измѣнился ни на волосъ, только какъ будто глубже вросъ въ землю да плотнѣе надвинулъ свою крышу прямо на глаза, какъ старую разносившуюся шляпу.

— А вонъ и попадья Руфина!..—проговорилъ Евменъ, когда наша телѣга мягко подкатилась по зеленой полянкѣ къ воротамъ, точно по ковру.

У воротъ стояла низенькая, толстая старушка въ полиняломъ темненькомъ ситцевомъ платьѣ и, заслонивъ черные узкіе глаза короткой пухлой ручкой, внимательно всматривалась въ меня. Ей было подъ шестьдесятъ, хотя на видъ она казалась бодрой еще не по лѣтамъ. Круглое добродушное лицо

*) Доспѣетъ—поспѣетъ.

было покрыто мелкими морщинами; онѣ собрались около глазъ и рта лучами, разбѣгавшимися по всему лицу при каждой улыбкѣ.

II.

— Здравствуйте, Руфина Анемподистовна,—здоровался я, слѣзая съ телѣги.—Не узнали меня?

— Да гдѣ тебя сразу-то узнàешь,—отозвалась добродушно старушка, видимо, еще сомнѣваясь въ твердости своей памяти.

— Ахъ, батюшки... да вѣдь это ты...—встрепенулась старушка, называя меня по имени.—А ужъ я-то не чаяла тебя и въ живыхъ видѣть... Никакъ, лѣтъ десять будетъ, какъ ты не бывалъ у насъ?

— Около того.

Старушка обняла меня и расцѣловала, а потомъ, схвативъ за рукавъ пальто, бойко потащила въ „горницу“. Пока мы шли отъ воротъ къ старому крылечку, она нѣсколько разъ оглядывалась на меня, какъ будто стараясь убѣдиться въ томъ, что имѣетъ дѣло не съ призракомъ, а съ живымъ человѣкомъ. Конечно, при такомъ благопріятномъ случаѣ старушка не преминула всплакнуть и, сквозь слезы, съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ шептала:

— Изъ себя-то ужъ ты больно тово... въ чемъ душенька!.. Все, небось, учился? Охъ-хо-хо... Учитесь вы до сѣдого волоса, а когда жить-то будете...

— Какъ о. Яковъ здравствуетъ?

— Здоровъ, ничего... Что̀ ему сдѣлается?...

Дворикъ у отца Якова былъ устроенъ на крестьянскую руку. Службы были заняты „сто̀йками“ для скотины, амбарами, сусѣками и громаднымъ сѣноваломъ. На задней половинѣ двора помѣщалось отдѣленіе живности; изъ-за перегородки весело смотрѣла мохнатая голова годовалаго жеребенка; нѣсколько овецъ лежало въ тѣни амбара, вытянувъ по землѣ шеи. Изъ самой глубины двора выглядывала маленькимъ окошечкомъ крошечная банька; въ ней отецъ Яковъ любилъ отдохнуть лѣтомъ послѣ обѣда часокъ-другой и „позолотить хлѣбъ-соль“, т.-е. покурить изъ большой деревянной трубки. Посреди двора стояла тюменская телѣга, на которой только-что пріѣхали съ поля; на колесахъ оставались слѣды вчерашней грязи, а изъ кузова лѣзла во всѣ стороны не успѣвшая еще подсохнуть недавно скошенная трава. Подъ навѣсомъ у погреба были сложены бороны.

— Милости просимъ...—говорила матушка Руфина, съ легкимъ переваліемъ утицей забѣгая по настланнымъ дощечкамъ въ темныя сѣни; она распахнула дверь въ кухню и любовно смотрѣла на меня своими черными глазками.

Если во дворѣ было царство отца Якова, то за порогомъ сѣней начинались уже владѣнія матушки Руфины. Я всегда съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ переступалъ черезъ этотъ порогъ; за нимъ каждая вещь говорила о неустанномъ, вѣчномъ трудѣ. Налѣво отъ входныхъ дверей, за косякомъ, стоялъ обыкновенно посошокъ отца Якова; если посошокъ дома—и хозяинъ дома, посошка нѣтъ — и хозяина нѣтъ. Теперь посошокъ отсутствовалъ. Направо въ углу стояла крашеная деревянная кадка съ водой, а потомъ цѣлый арсеналъ сундуковъ, ящиковъ, ящичковъ, коробушекъ, плетенокъ и тому подобнаго „хлама“, какъ называлъ отецъ Яковъ весь этотъ хозяйственный скарбъ. Отъ самаго порога сѣней вела въ горницы бѣлая, какъ снѣгъ, тропинка изъ домашняго холста.

Ходъ въ горницы шелъ черезъ кухню, и другого не полагалось. „Что я, развѣ губернаторъ какой, чтобы парадное крыльцо строить?—говаривалъ попъ Яковъ.—Я, братъ, своими руками домъ-то строилъ... Тутъ не много разгуляешься. Было бы тепло!“ Впрочемъ, незнакомый человѣкъ не скоро бы и догадался, что онъ въ кухнѣ. Русская печь скромно пряталась за ситцевой занавѣской, посуда была всегда прибрана, и, можетъ-быть, только одинъ пузатый самоваръ, всегда стоявшій на залавкѣ, могъ навести нѣкоторое сомнѣніе своимъ присутствіемъ.

— Снимай балахонъ-отъ свой,—говорила матушка, помогая мнѣ снять верхнее пальто.—Гость будешь, да еще какой гость-то... Вотъ ужо попъ придетъ, такъ онъ какъ обрадуется...

Прямо изъ кухни одна дверь вела въ горницу самого отца Якова; эта горница выходила тремя окнами на улицу и была перегорожена низенькой ширмой пополамъ. За ширмой стояла широкая двуспальная кровать. Вторая дверь вела изъ кухни въ горницу матушки Руфины, крошечную комнатку, выходившую однимъ окошечкомъ на дворъ. Нужно сказать, что въ домикѣ отца Якова всегда стоялъ совершенно особенный воздухъ, весь пропитанный какимъ-то специфическимъ ароматомъ. Не то роснымъ ладаномъ пахло, не то старой вишневой наливкой или геранью—не разберешь хорошенько.

— А это у васъ что за оружіе?—спросилъ я, разсматривая полицейскую шашку, которая висѣла на ширмѣ вмѣстѣ съ бѣлымъ кителемъ.

— Да вѣдь Прошку-то помнишь? Ну, еще изъ училища его тогда исключили! Это его муниція... Онъ у насъ урядникомъ служитъ въ Шерамѣ. Какъ же, чинъ получилъ недавно... Теперь гдѣ-то въ Полому уѣхалъ, ловитъ кого-то.

— Кого?

— Да въ Поломѣ-то попомъ о. Ксенофонтъ, а у него сынъ... Ну, тамъ гдѣ-то въ Москвѣ обучался. Только это такъ... онъ совсѣмъ ничего, а это Прошка придумалъ.

На маленькомъ столикѣ, который стоялъ въ углу комнаты, были разложены книги и стопкой лежали подобранные номера газеты. На одномъ переплетѣ я прочиталъ: „Das Kapital, von Marx“.

— Это Кинтильяновы книги,—предупредила мой вопросъ старушка.—Ты его не помнишь, поди? Нѣтъ, гдѣ помнить. Онъ еще въ училищѣ тогда учился, когда ты былъ у насъ въ послѣдній-то разъ.

— Вѣдь у васъ еще два сына?

— Да, какъ же... Митрей-то Яковлевичъ попомъ теперь въ Зюзиной служитъ, а Никаша—дохтуромъ земскимъ. Четверо ихъ у меня.

— А дочь? Вѣдь у васъ была дѣвочка, Аня.

Старушка только махнула рукой.

— Замужъ вышла?

— Нѣтъ...

— Умерла?

— Хуже...—прошептала со слезами на глазахъ бѣдная старушка и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, таинственно проговорила:—ужо разскажу тебѣ вечеромъ, когда уберусь. Да вонъ и попъ съ Кинтильяномъ идутъ... Обѣдать сейчасъ будемъ.

III.

Попъ Яковъ вошелъ въ это время уже въ кухню и, замѣтивъ меня, проговорилъ своимъ густымъ баскомъ:

— Да это никакъ...

Онъ назвалъ меня по имени и, заключивъ въ свои могучія объятія, облобызалъ. Высокаго роста, съ могучей грудью, попъ Яковъ смотрѣлъ настоящимъ русскимъ богатыремъ, а благообразная сѣдина придавала его фигурѣ нѣчто патріархальное. Когда, мальчуганомъ, я училъ исторію ветхозавѣтныхъ патріарховъ, попъ Яковъ для меня служилъ живымъ и наглядымъ примѣромъ; я отлично представлялъ себѣ фигуру библейскаго патріарха Іакова,— стоило только закрыть глаза и припомнить попа Якова. Десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видалъ его, почти не измѣнили его наружности, за исключеніемъ развѣ того, что косматая окладистая борода изъ сѣдой превратилась въ желтую, да на высокомъ лбу легло нѣсколько глубокихъ морщинъ. И костюмъ на отцѣ Яковѣ оставался тотъ же, т.-е. панковый синій подрясникъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, какихъ нынѣшніе модные батюшки уже совсѣмъ не носятъ; изъ-подъ подрясника выглядывала ситцевая рубашка-косоворотка, перехваченная тоненькимъ гаруснымъ пояскомъ чуть не подъ самыми мышками. Этотъ поясокъ мнѣ всегда казался особенно забавнымъ, потому что безъ подрясника, въ одной рубашкѣ, какъ частенько ходилъ дома отецъ Яковъ, онъ походилъ на колоссальнаго ребенка. Старикъ любилъ въ такомъ видѣ работать во дворѣ или въ огородѣ, а на пашнѣ это было даже ему необходимо, потому что подрясникъ только запледалъ ноги и мѣшалъ работать.

Широкое русское лицо попа Якова глядѣло своими большими сѣрыми глазами строго и внушительно; губы всегда были плотно сжаты и очень рѣдко распускались въ улыбку. И въ фигурѣ, и въ движеніяхъ, и въ выраженіи лица сказывался человѣкъ, который „въ потѣ лица снискивалъ“ свой хлѣбъ. Я всегда любилъ эту спокойную увѣренность попа Якова, его медленную рѣчь, веселую умную улыбку, которою все лицо точно освѣщалось.

На этотъ разъ меня непріятно поразила только одна перемѣна въ о. Яковѣ; онъ оставался прежнимъ попомъ Яковомъ,—но это по наружности. Глаза же смотрѣли какъ-то неестественно-пытливо, и онъ нѣсколько разъ тревожно поглядывалъ въ окно; улыбался онъ тоже не попрежнему—какой-то натянутой, не своей улыбкой. Вообще во всемъ—въ движеніяхъ, въ голосѣ, во взглядѣ и въ улыбкѣ—чувствовалось то „неладное“, о чемъ мнѣ говорилъ дорогой Евменъ.

— Ну, мать, соловья баснями не кормятъ,—замѣтилъ о. Яковъ, когда мы успѣли обмѣняться первыми вопросами, какіе неизбѣжны между старыми знакомыми послѣ долгой разлуки.

Кинтильянъ, сынъ, только издали поклонился мнѣ и даже не вошелъ въ горницу. Онъ былъ одѣтъ въ коротенькое казинетовое пальто; казинетовыя брюки были заправлены за сапоги. Такая же ситцевая рубашка, какъ у о. Якова, была точно такъ же подпоясана гаруснымъ пояскомъ и выпущена поверхъ брюкъ, на мѣщанскій манеръ. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать пять; русая пушистая бородка красиво обрамляла его блѣдное, изнеможенное лицо и придавала ему какую-то преждевременную серьезность. Вообще, и ростомъ и лицомъ Кинтильянъ походилъ на мать; отцовскаго въ немъ оставались только одни глаза, сѣрые, большіе, строгіе, съ темными густыми рѣсницами.

— Милости просимъ...—приглашала матушка, появляясь въ дверяхъ.— Только ужъ ты, гостенекъ, не обезсудь насъ на нашей простотѣ... Нечѣмъ тебя угощать-то, потому пріѣхалъ къ самому обѣду, а печка у меня ужъ простыла.

— Ничего, вечеромъ пельмени сдѣлаешь,— успокоилъ о. Яковъ старушку.— А теперь пусть отвѣдаетъ нашего мужицкаго кушанья... Ѣшь просто, проживешь лѣтъ со сто!—пошутилъ батюшка.

Мы уселись въ кухнѣ, за маленькій деревянный столикъ, накрытый синей изгребной скатертью. Тарелокъ не полагалось. Ѣли изъ одной чашки деревянными ложками. Кушаньевъ было собственно два—щи и гречневая каша. Зато щи матушки Руфины стоили цѣлаго обѣда. Такихъ щей никто не умѣлъ сдѣлать, и старушка гордилась своимъ искусствомъ.

— Давно ли попалъ въ наши палестины?—спрашивалъ о. Яковъ между первой и второй чашкой щей.—Тамъ вѣдь, въ вашемъ-то Петербургѣ, иль въ Москвѣ, все бѣдовый народъ живетъ.

— Ну ужъ, пошелъ...—съ неудовольствіемъ замѣтила матушка.

— Чего: пошелъ?! Я дѣло говорю... Вонъ благочинныхъ запретили выбирать... Вездѣ судъ, да доносы, да подозрѣнія,—говорилъ какъ-то отрывисто о. Яковъ, и вдругъ спросилъ:—а гдѣ у насъ Прошка, мать?

— Самъ знаешь гдѣ,—неохотно отвѣтила матушка.

— Это онъ къ Полому забрался? Да не песъ ли... не за столомъ будь сказано... Да Ксенофонтъ-то разорветъ его, какъ дохлую кошку... Ну, и народецъ только нынче пошелъ!..

Отецъ Яковъ все время сильно волновался и нѣсколько разъ принимался бранить то Петербургъ, то Прошку. Кинтильянъ хранилъ самое упорное молчаніе и не проронилъ ни единаго словечка. Послѣ обѣда о. Яковъ увелъ меня въ горницу, закурилъ свою деревянную трубку и опять навелъ разговоръ о Петербургѣ. Нѣсколько разъ онъ среди своей рѣчи бросалъ трубку, рылся въ газетахъ и вынималъ какой-нибудь номеръ, гдѣ карандашомъ было отмѣчено все достойное примѣчанія.

— Нѣтъ, онъ намъ вотъ гдѣ, вашъ Петербургъ-то,—говорилъ старикъ, указывая на свой могучій затылокъ.—Ой, какъ солоно онъ приходится... Да! Хорошъ Питеръ, да бока повытеръ... Кажется, живешь себѣ въ такомъ мѣстѣ, что и воронъ костей не заноситъ, а, глядишь—не тутъ-то было. Да!.. Прежде я этихъ самыхъ газетъ и въ руки никогда не бралъ, развѣ про войну прочитаешь, а нынче нѣ-ѣтъ... Ждешь не дождешься номера-то, какъ Христова дня. Не прежнія времена... Вонъ мужики—и тѣ какъ газеты любятъ читать. Недаромъ, видно, пословица сложилась, что въ городѣ дрова рубятъ, а въ деревню щепки летятъ...

Вечеромъ матушка Руфина приготовила пельмени, а когда мы уже сидѣли за столомъ, явился и Прошка—изъ Поломы. Онъ былъ верхомъ и едва могъ спуститься съ сѣдла. Пошатываясь, вошелъ онъ въ кухню и красными, воспаленными глазами посмотрѣлъ на всѣхъ. Плотный, коренастый Прошка цвѣлъ завиднымъ здоровьемъ.

— Ну что, не отколотилъ тебя Ксенофонтъ?—спросилъ о. Яковъ.

— Н-нѣтъ... мы помирились,—заплетавшимся языкомъ отвѣтилъ Прошка, стараясь сохранить равновѣсіе, а потомъ покрутилъ головой и улыбнулся пьяной, блаженной улыбкой.—Мы съ Ксенофонтомъ-то цѣлую четверть раздавили, родитель... А я ему все-таки покажу! Нѣтъ... я ему... Онъ меня сначала-то было за воротъ схватилъ...

— Я бы на его мѣстѣ такъ просто удавилъ бы тебя, яко смердящаго пса!—замѣтилъ о. Яковъ.—Взятку, небось, хотѣлъ взять?..

— Н-нѣтъ, зачѣмъ взятку брать... законъ не велитъ, а вотъ четвертную мученицу ничего... не воспрещено...

Прошка только теперь замѣтилъ меня и сейчасъ же преобразился, принялъ дѣловую осанку, нахмурилъ брови и строго спросилъ:

— А позвольте, милствый гсдарь... докумепты!

— Я тебѣ покажу такіе документы, что ты у меня не будешь знать, которымъ концомъ сѣсть...—зарычалъ о. Яковъ.

— Да я такъ... пошутилъ...—осклабился Прошка и, махнувъ рукой, прошелъ въ горницу.

Отецъ Яковъ хотя и храбрился все время, но я замѣтилъ, что онъ не въ своей тарелкѣ. Нѣтъ-нѣтъ и посмотритъ въ окно какъ-то изъ-за косяка, точно онъ опасался какой-то засады или нечаяннаго нападенія. Матушка Руфина тяжело вздыхала и подбирала губы оборочкой, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ.

IV.

Вечеромъ мы долго калякали съ попомъ Яковомъ, сидя на завалинкѣ во дворѣ. Говорили о разныхъ разностяхъ и, между прочимъ, о мѣстныхъ новостяхъ.

— Ябеды вездѣ пошли,—объяснилъ мнѣ старикъ.—Прошка-то,—видѣлъ его давеча,—раньше былъ сельскимъ учителемъ. Такъ этотъ самый о. Ксенофонтъ все на него доносы писалъ: и въ церковь, молъ, не ходитъ, и газеты мужикамъ читаетъ, и по постнымъ днямъ скоромное ѣстъ... Выжилъ вѣдь парня съ мѣста! Шатался-шатался Прошка безъ мѣста, а потомъ за свою простоту въ урядники попалъ... И какъ это онъ устроилъ—ума не приложу! А какъ попалъ, и пошла потѣха... Есть тутъ въ Новоселахъ псаломщикъ, Варваръ. Башка, я тебѣ скажу! Вотъ этотъ Варваръ повздорилъ о чемъ-то съ о. Ксенофонтомъ и давай доносы жарить на его сына, а Прошка его ловить... Теперь у нихъ такая каша, что упаси Боже!.. Ксенофонтъ-то больно дерзокъ на руку и силенъ, медвѣдь-медвѣдемъ. Вотъ когда-нибудь онъ освѣжуетъ Варвара съ Прошкой...

Попадья Руфина, пока мы бесѣдовали на завалинкѣ, подтыкавъ подолъ, таскала ведро за ведромъ въ стойки, гдѣ мычали только-что вернувшіяся съ поля коровы. Старушка искоса поглядывала на насъ, улыбаясь, и, перегнувшись на одинъ бокъ, съ старческимъ покряхтываньемъ сѣменила по двору. Когда она пропила съ большимъ дойникомъ доить коровъ, попъ Яковъ поднялся и проговорилъ:

— Ну, заболтался я съ тобой... Поди-ка спать въ баню, тамъ ужъ мать все тебѣ приготовила. Утро вечера мудренѣе... А мнѣ еще нужно къ завтрему дровъ наносить попадьѣ да телѣгу вымазать.

— А что вашъ докторъ?—спросилъ я.

— Это Никишка-то? Служитъ въ земствѣ, что ему сдѣлается. Недавно былъ у насъ, съ женой... Ты развѣ не слыхалъ? Женился... такую госпожу въ очкахъ подцѣпилъ, что... Ну, да это не нашего ума дѣло: ему съ ней жить-то, а глянется, такъ и слава Богу.

Попъ Яковъ побрелъ за дровами, а я отправился въ баню. Тамъ матушка Руфина когда-то успѣла уже все приготовить. На широкой лавкѣ былъ постланъ киргизскій войлокъ, покрытый чистенькой простыней съ плетенымъ кружевомъ у спускавшагося на полъ края. Ситцевая подушка, взбитая пухленькими ручками матушки Руфины, высилась горой. Рядомъ съ постелью, на деревянномъ табуретѣ, была поставлена сальная свѣча въ желѣзномъ луженомъ подсвѣчникѣ, и тутъ же лежало нѣсколько номеровъ газеты и еще какая-то книга. Добрая старушка обо всемъ успѣла позаботиться, чтобы доставить гостю всѣ удобства. Я развернулъ книгу и невольно улыбнулся. Это были какія-то литографированныя записки по женскимъ болѣзнямъ. Нужно сказать,

ея матушка Руфина не умѣла читать и притащила первую попавшуюся подъ руку книгу.

Въ банѣ было немного душно, и я открылъ окно. На меня глянула пахучая лѣтняя ночь и краешекъ синяго неба, усыпанный звѣздочками, какъ серебряными блестками. Тутъ же подъ окномъ, на двухъ грядкахъ, росли кусты малины, образуя зеленую бесѣдку. Нѣсколько кустовъ бузины и ряды гряды съ капустой, картофелемъ и горохомъ упирались въ низкую изгородь, которою усадьба попа Якова разграничивалась съ владѣніями церковнаго старосты, зажиточнаго мужика Никитича. По наружной сторонѣ бани, по натянутымъ веревочкамъ вился зеленой спиралью хмель; пара молоденькихъ глазочекъ его съ дѣтскимъ любопытствомъ заглядывала въ самое окно. Навѣрно, Аня любила этотъ тѣнистый уголокъ, гдѣ лѣтомъ такъ удобно работать. Я едва помнилъ ее дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, съ любопытными и серьезными черными глазками, съ неправильнымъ, но симпатичнымъ, всегда загорѣлымъ личикомъ... Гдѣ-то ты, Аня, проводишь эту мягкую и поэтическую ночь?

Въ открытое окно тянуло свѣжимъ ночнымъ воздухомъ, вносившимъ съ собой пеструю смѣсь звуковъ, какими отдавала теперь спавшая глубокимъ сномъ Шерама. Гдѣ-то перекликались деревенскія собаки, ржала лошадь; глухо погромыхивая, прокатилась по деревенской улицѣ запоздалая телѣга. Точно съ того свѣта донеслась и сейчасъ же смолкла далекая проголосная пѣсня. Кто ее поетъ, эту пѣсню: можетъ-быть, молодой деревенскій парень, котораго зазнобила дѣвичья краса; можетъ-быть, выливается въ ней чье-нибудь одинокое, тяжелое горе; можетъ-быть, поетъ забубенная головушка, кабацкій пропойца... Мудрено поетъ русскій человѣкъ; не разберешь хорошенько, горе или радость заставляетъ его пѣть.

Любуясь ночью, я вспомнилъ про женитьбу доктора Никашки.

Странный былъ человѣкъ этотъ Никашка. Какъ теперь, вижу его въ коротенькой люстриновой поддевкѣ, въ таковыхъ же шароварахъ, заправленныхъ за сапоги, и въ сѣромъ мужицкомъ чекменѣ, который онъ носилъ вмѣсто осенняго пальто. Изъ-подъ мягкой коричневой пуховой шляпы любопытно и насмѣшливо выглядывали два черныхъ бойкихъ глаза. Узкое лицо съ козлиной бородкой и широкими губами отличалось необыкновенной подвижностью и постоянно улыбалось умной, немного иронической улыбкой. Однимъ словомъ, уродился Никашка, какъ говорится, ни въ мать ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца. Такимъ учился и такимъ жить пошелъ, да, вѣроятно, такимъ и останется до гробовой доски.

Помню,—это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—какъ въ первый разъ явился Никашка въ Шераму докторомъ въ своей поддевкѣ и верхней сермяжкѣ. Удивилъ онъ даже деревенскую простоту. Щеголяли и другіе сермяжками, да скоро бросали, а Никашка такъ и остался съ ней на всю жизнь. Простъ былъ Никашка, да и время тогда было совсѣмъ особенное, не въ примѣръ другимъ. Идеальное было время, хотя Никашка въ простотѣ своего сердца считалъ себя „мыслящимъ реалистомъ“. Жилъ этотъ докторъ еще проще, чѣмъ одѣвался. Съ удовольствіемъ припоминаю, какое неизгладимо-сильное впечатлѣніе производилъ Никашка тогда на насъ, школяровъ. Что-то такое хорошее, убѣжденное, вѣрующее чувствовалось подъ его сермяжкой, и мы льнули къ нему, къ его книжкамъ, къ его разсказамъ объ alma mater.

Только давно это было, много воды съ тѣхъ поръ утекло, а право, докторъ Никашка остается для меня лучшимъ и самымъ дорогимъ воспоминаніемъ, какъ хорошій юношескій сонъ, смутный и неопредѣленный, но послѣ котораго чувствуешь такой приливъ молодыхъ силъ.

V

— Ты не спишь еще? — послышался голосъ матушки Руфины, и ея круглое сморщенное лицо показалось въ оконцѣ.

— Да еще рано...

— То-то, я смотрю, окно не заперто... Дай, думаю, загляну,—прибавила старушка, точно въ свое извиненіе.—Да зажги свѣчу-то, чего въ потемкахъ разговаривать... Не воровать пришли!

Я чиркнулъ спичкой и зажегъ свѣчу. Желтый неровный свѣтъ разлился по банѣ и освѣтилъ лицо старушки; оно было теперь серьезно и печально. Въ рамѣ окна на темномъ фонѣ матушка Руфина походила на портретъ старинной голландской школы.

— О чемъ съ попомъ-то разговаривали даве?

Выслушавъ мой разсказъ, она тяжело-тяжело вздохнула и, пристально взглянувъ на меня, заговорила:

— Ничего-то я, ровнешенько ничего не понимаю... Хоть расколи меня! Точно вотъ не я слушаю, а кто-нибудь другой...

Матушка сильно пригорюнилась, высморкалась и, вытеревъ кончикомъ фартука глаза, опять начала:

— Вотъ я и пришла къ тебѣ... поговорить съ тобой. А то хожу я, какъ въ потемкахъ все равно. Да... Смертоньки нѣтъ, а жить, пожалуй, и въ тягость. Отдохнуть бы старымъ костямъ...

— Что вы, Руфина Анемподистовна,—поспѣшилъ я успокоить старушку:— зачѣмъ умирать. Еще жить нужно...

Старушка только махнула рукой, а потомъ, улыбнувшись сквозь слезы, прибавила:

— Извѣстно, раньше смерти не умрешь... а только пора. Какъ человѣкъ не сталъ ничего понимать, значитъ, пора и въ землю. Чего даромъ-то небо коптить?

— А вы о чемъ со мной хотѣли поговорить?

— О чемъ поговорить-то хотѣла?..—въ раздумьѣ повторила мой вопросъ старушка:—видишь ли, надо сначала тебѣ разсказать все, какъ дѣло-то наше вышло, а потомъ ужъ я тебя и спрошу. Только я тебѣ зачну съ самаго начала разсказывать...

— Разсказывайте, я съ удовольствіемъ послушаю.

— Ты вѣдь Никашу-то помнишь?

— Какъ же, очень хорошо помню. Онъ женился?

— Женился...—уныло отвѣтила матушка.—Была я у нихъ какъ-то, у Никаши-то... Разскажу я тебѣ, какъ въ гости-то ѣздила. Ужъ послѣ свадьбы была. Онъ вѣдь въ городу живетъ, въ Моховѣ. Тамъ и квартира у него. Только самъ-то онъ больше въ разъѣздахъ. Должность-то свою все собачьей службой зоветъ, да еще прибавитъ: „волка ноги кормятъ, маменька!“. Знаешь его: у него каждое слово не спроста, все смѣшкомъ. Ну, давненько онъ меня звалъ къ себѣ въ гости, да все недосугъ было, а тутъ какъ-то передъ Рождествомъ я и собралась отъ свободности. А давно въ городу не бывала, да и на лошадяхъ страсть боюсь ѣздить... хуже смерти! Всю дорогу подъ подушкой лежала... Думаю, если и убьютъ меня лошади, такъ хоть невзначай. Не видали бы глазыньки. Вотъ и пріѣхала я въ городъ, на его квартиру, часовъ этакъ въ десять утра. А онъ еще спитъ, и жена спитъ. Въ разныхъ комнатахъ спятъ, по-образованному, она на одномъ концѣ дома, онъ на другомъ. Грѣшнымъ

дѣломъ, случись пожаръ, одинъ сгоритъ, а другой и не услышитъ. Все по-образованному... Хорошо. Промерзла я въ дорогѣ, а работница вышла разряженная такая...

— Горничная?

— Ну, по-вашему горничная, по-нашему работница... Только хотѣлось мнѣ чайку испить съ дороги—не посмѣла, горничную-то побоялась безпокоить, а самой ставить самоваръ да въ чужомъ домѣ какъ-то и неловко. Хоть и деревенская дура, а все-таки докторова мать. Ну, вотъ докторова мать и сидитъ часъ, сидитъ другой, индо въ горлѣ пересохло, а все не смѣю спросить самовару... Только встали наконецъ, т.-е. Никашка всталъ. Увидалъ меня, обрадовался. Сидимъ, калякаемъ. Только выходитъ жена... А я еще не видала ее. Посмотрѣла на меня этакъ сыздальки, кивнула головой, усмѣхнулась и пошла опять въ свою комнату. Изъ себя женщина довольно полная и молодая, ну, а личикомъ какъ будто не вышла маненько... шадрива и глаза какъ-то на выкатѣ, точно кто ее стукнулъ по затылку. — „Наташа, говоритъ мнѣ Никаша, умная... Ты уже не обращай на нее вниманія, у ней, говоритъ, характеръ...“ Какъ-то это онъ мудрено выразилъ, да я позабыла. — „Вижу, говорю, Никаша, что умная у тебя жена... Вотъ бы, говорю, чайку испить...“ Подали самоваръ... А надо тебѣ сказать, что квартира у Никаши хоть и хорошая, да только столь она грязна, столь грязна, — и не умѣю сказать... Вотъ когда передъ Пасхой дома убираемъ, такъ въ этомъ самомъ родѣ. И самоваръ и чашки—все подъ одну стать... Ну, мы съ Никашей чай пьемъ, а жена въ книжку читаетъ и цыгарку при этомъ куритъ. Только въ своей деревенской простотѣ я и спрашиваю: „А сколько ты, Никаша, въ годъ проживаешь?“ Жена-то какъ воззрится на меня.—„Вы,—говоритъ этакъ высоко,—подсчитывать, что ли, насъ пріѣхали?“—„Извините, говорю, невѣстушка, на глупомъ словѣ, потому какъ я сказала спроста...“ Ну, ничего, напились чаю, а тутъ за Никашей пріѣхали изъ уѣзда.—„Вы, говоритъ, маменька, погостите тутъ, пока я ѣзжу“... Я сдуру-то и останься. Ну, не понимаю, значитъ, какъ это по-образованному-то люди живутъ, дай погляжу. Никаша уѣхалъ, а я сижу. Походила по комнатамъ, небель посмотрѣла, обзаведенье... А жена все въ книжку читаетъ, точно по комнатамъ кошка ходитъ. Ей-Богу. И смѣшно мнѣ и жаль, т.-е. Никашу-то жаль. Сѣла я этакъ къ окошечку, пригорюнилась. Сидѣла-сидѣла, вплоть до самаго вечера высидѣла... Обѣдаютъ у нихъ въ семь часовъ вечера, когда мы ужинаемъ. Ну, тутъ мнѣ и вспади на умъ: чего, молъ, я дуру здѣсь строю?.. Пошла на дворъ да и велѣла лошадей запрягать мужику, благо онѣ отдохнули. Такъ, не ѣмши, и уѣхала отъ гощенья, дорогой ужъ калачикъ городской прихватила да на станціи съѣла... Я тебѣ это не къ тому разсказываю, чтобы жену Никаши осудить... Господь съ ней! Можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ ученая, а я только къ тому веду рѣчь, что понятія во мнѣ не стало... Не понимаю ничего, и конецъ. По-Никашину это, можетъ, и хорошо такъ жить, а мнѣ такъ его жаль... Простъ онъ, Никаша-то, вотъ что̀! О чемъ я, бишь, хотѣла разсказывать-то?.. Ты перебилъ меня этой свадьбой-то...

— Да о Кинтѣ хотѣли разсказывать, матушка.

— Да, да... припомнила. Это я со снохой-то спуталась... Ну, помнишь, какъ тогда Никаша дохтуромъ пріѣхалъ? Тогда Кинтѣ ужъ въ семинарію надо было переходить... Нѣтъ, не такъ. Митрею — въ семинарію-то, а Кинтя въ духовномъ училищѣ еще учился. Такъ вотъ Митрея-то тогда изъ семинаріи исключили, Никаша и взялъ его къ себѣ. А Митрей, кромѣ своей водки, и знать ничего не хочетъ... Побился-побился съ нимъ Никаша года съ два,

такъ ничего и не смогъ сдѣлать, а Митрей въ псаломщики поступилъ, а теперь въ попы вылѣзъ. Это прежде трудно было въ попы попадать, надо было изъ богословія, а нынче исключатъ изъ семинаріи, а потомъ его же въ попы и поставятъ. Такъ вотъ Митрей-то Яковличъ первое горе намъ съ отцомъ и сдѣлалъ. А теперь ничего, выправился. Сытый такой, горло широкое, конскій заводъ держитъ... По-моему это не подходящее попу... Только это мы успѣли оглянуться, а тутъ Прошка изъ училища вылетѣлъ. Этотъ ужъ совсѣмъ дурашливый уродился, такъ, пожалуй, и горя бы не было. Думали, пусть его при домашности останется; все же, пока мы живы, съ голоду не помретъ. А Никапа давай Прошку учить, да въ учителя и опредѣлилъ... Ну, дальше ужъ знаешь, какая каша пошла съ Ксенофонтомъ этимъ да съ Варваромъ. Такъ вотъ трое у меня старшенькихъ сыновъ, какъ-никакъ, а все при мѣстѣ. Опять вздохнули мы съ попомъ свободнѣе, думаемъ — теперь отдохнемъ, потому Кинтильянъ учился первымъ, а Аня дома жила, такъ какая забота о ней. Ну, какъ, значитъ, человѣкъ возгордится, какъ мы возгордились съ попомъ Яковомъ, Господь его и найдетъ... Мы думаемъ теперь, вотъ отдыхъ намъ пойдетъ,—а, глядишь, вмѣсто отдыха горе, да еще какое горе-то!... Вотъ у меня ихъ пятеро, какъ перстовъ на рукѣ, а всѣхъ одинаково жаль, да глупаго-то, какъ Прошку, еще больше жаль. И пословица говорится: умнаго-то жаль, а дурака вдвое....

Старушка печально смолкла и, какъ бы отдохнувъ, продолжала:

— Изъ четырехъ сыновъ Кинтильянъ былъ самый меньшенькій,—такъ начала старушка подавленнымъ голосомъ:—только еще Аня была его моложе... Та ужъ такъ и родилась и росла совсѣмъ на особицу: одна дочка въ домѣ, балованное да нѣжное дитятко... Ну, такъ Кинтя какъ еще родился, такъ не нарадовались мы на него съ попомъ... Точно сколоченный весь, какъ ядреная рѣпа. Родился—и кулаки себѣ сосетъ, всѣхъ насмѣшилъ. Такъ онъ и выросъ... Ужъ сколько же и хорошъ выросъ мой мальчикъ: точно нарисованный. Не приходится свое дѣтище хвалить, а къ слову пришлось, да и дѣло прошлое. Румяный, брови черныя, глаза какъ у отца, да свѣтленько таково поглядываютъ, и на всѣ руки парень: озорничать, такъ озорничать, учиться, такъ учиться. Растимъ парня да потихоньку радуемся. И какой-то, Господь его знаетъ, характеръ у него особенный: грубаго слова не слыхивали, обиды не знали. Шелкъ, а не парень. И все-то онъ видитъ и все понимаетъ, а сталъ подрастать—стишалъ, телячью-то бодрость оставилъ. Такъ мы его тогда и въ училище это отдали. Отдали, учится, а что ни праздникъ, то намъ, глядишь, новую радость везетъ, учился все первымъ, и учителя не нахвалятся. Кроткій да гораздый парень на все. А пріѣдетъ домой, книжки всѣ до единой привезетъ и все ихъ учитъ. Поиграетъ и учитъ. Вчуже пріятно было смотрѣть. Всѣ завидовали, а мы напринимались маяты-то съ Митреемъ-то Яковлевичемъ да съ Прошкой-то, такъ намъ это все вдвое кажется. Только одного и боялись, чтобы не избаловать. Поѣдетъ, бывало, къ Никашѣ въ гости и тоже книжки привезетъ и опять читать. Такъ онъ изъ училища первымъ поступилъ въ семинарію и тамъ первымъ кончилъ, а самъ точно красная дѣвица: румянецъ во всю щеку, какъ налитой. Водки капли въ ротъ не бралъ, не курилъ этихъ цыгарокъ... А здоровье у него, точно бы и вѣкъ не изжить: никогда не хварывалъ ничѣмъ...

„Вотъ послѣ семинаріи-то и грѣхъ первый у насъ вышелъ, — продолжала старушка:—отцу взбрело что-то на умъ уговаривать Кинтю итти въ попы. И съ чего это онъ придумалъ—ума не приложу! Самъ всегда говорилъ, что поповское житье самое послѣднее, а тутъ на поди... Наладилъ, что какъ

умремъ, потому будетъ предъ престоломъ Господнимъ стоять... Такъ ужъ это, пакатился стихъ такой... Ну, Кинтя слушалъ-слушалъ отца-то, тихонечко этакъ усмѣхнулся да и отвѣтилъ: „Это, говоритъ, вы меня дармоѣдомъ хотите сдѣлать?“ Тутъ ужъ отецъ-то изъ себя вышелъ: засучилъ рукава да и показываетъ ему руки.—„Погляди-ка, говоритъ, щенокъ ты этакій, развѣ у дармоѣдовъ такія мозоли живутъ на рукахъ? Это, говоритъ, вы — дармоѣды-то... Знаю, говоритъ, кто тебѣ въ уши надулъ: Никашка!.. Онъ думаетъ, говоритъ, что большое жалованье получаетъ да образованіе имѣетъ—такъ только будто и свѣту, что въ окнѣ? А я, говоритъ, горбомъ добываю себѣ каждый кусокъ, да этимъ же кускомъ меня и корятъ“... Ничего не сказалъ Кинтя, сложилъ себѣ котомку, попрощался и ушелъ. „Куда, говорю, идешь-то?“—„Учиться“, говоритъ. Думаемъ съ отцомъ, что къ Никашѣ уйдетъ, на брата надѣется. Стороной навѣдались про Никашу, а тотъ и сномъ дѣла ничего не знаетъ. Тутъ ужъ мы и схватились за умъ... Погорячился отецъ-отъ, понадѣялся на его кротость, а надо бы его потихоньку да лаской. Ну, погоревали, потужили, поплакали, а прошлаго, говорятъ, не воротишь... Черезъ людей ужъ мы узнали, что Кинтя въ Москвѣ учится, а потомъ онъ и письмо прислалъ. Какъ ужъ онъ тамъ устроился, гдѣ денегъ взялъ—ничего не знаемъ. Написалъ, что ему хорошо и что въ деньгахъ не нуждается...

„Прошло этакъ года съ два, — продолжала матушка Руфина съ тяжелымъ вздохомъ: — тутъ нашъ Кинтя и объявился въ Шерамѣ. Нежданно-негадано, какъ снѣгъ на голову. — „Пріѣхалъ, говоритъ, изъ Москвы, васъ, стариковъ, повидать“. А онъ эти два года въ дохтурскомъ отдѣленіи учился... То ли не дошлый парень! Обрадовались мы, что сына увидали, а про свои слезы да про горе, которое мы терпѣли за эти два-то года, мы и забыли... Больно ужъ рады мы Кинтѣ-то были! Такъ рады, такъ рады... Въ тѣ поры дочка-то, Аня-то, какъ разъ въ емназіи въ городу курсъ кончила; Никаша ее на свой счетъ училъ — ну, намъ радость вдвое. Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. А Кинтя опять такой скромный да кроткій: воды не замутитъ. Отецъ совсѣмъ растаялъ, не надышится на него, а я, грѣшный человѣкъ, держу у себя на умѣ: „Ой, не ладно дѣло, что больно смиренъ нашъ Кинтя... Недаромъ онъ пріѣхалъ сюда такую даль!“ Ужъ я раскусила его тогда еще, какъ онъ отца-то дармоѣдомъ обозвалъ... Кротость-то у него больно ужъ мудреная. И вѣдь какъ онъ отца обошелъ: оказія!.. Совсѣмъ старикъ рехнулся и всякое зло позабылъ, а слѣдовало бы Кинтю тогда побранить, хоть для видимости. Я пробовала-было ругать его, такъ куды тебѣ: отецъ такъ горой за него и стоитъ! Приступу нѣтъ. Ну, а вышло по-моему... Много слезъ привезъ тогда намъ Кинтильянъ!“

VI.

— Теперь объ Аннѣ сказать...—дрогнувшимъ голосомъ проговорила старушка.—Послѣднее наше дитятко было, Аня-то! Маленькая замарашкой такой росла, а въ емназіи-то выровнялась. Я ужъ приданое потихоньку готовила... Вотъ у тебя простыни да одѣяла—это изъ приданаго Ани... Да, думали со старикомъ, что, можетъ, Господь велитъ, и внучатъ дождемся отъ дочурки. А мнѣ такъ это ужъ совсѣмъ хорошо казалось, потому сынки-то, дорого они матери стоятъ, а радости да привѣту отъ нихъ не много увидишь. А дочь-то другое совсѣмъ... Она ужъ все понимаетъ, и дѣти-то дочернины какъ-то ближе, чѣмъ отъ сыновей... Ну, мы свое соображаемъ, а глядимъ, стала Аня задумываться... Тогда ужъ я и спохватилась, что Кинтя ее по-своему поворотилъ. Увелъ вѣдь дѣвку...

— Куда увелъ?

— Да въ этотъ вашъ Петербургъ... Чтобы ему ни дна ни покрышки! Сколь мы ни бились, сколь ни уговаривали: наладила одно, что учиться поѣдетъ, и хоть ты ей колъ на головѣ теши. Боялась я тогда, чтобы отецъ или самъ не рехнулся, или надъ Кинтей чего не сдѣлалъ... Однако обошлось дѣло такъ. Кинтюшка-то кроткимъ такимъ прикинулся, точно онъ и подъ ногами-то у себя ничего не видитъ... Оказія, что̀ это за человѣкъ уродится: вѣдь свое рожоное, а никакъ ты его не распознаешь... Хорошо. Увезъ Кинтя нашу Аню въ Петербургъ, и остались мы одни-одинешеньки съ Прошкой нашимъ. Куда съ нимъ дѣться-то... Отецъ-то и возропталъ на Кинтю тогда, тихо возропталъ, а вышло-то такъ, что и за сына его, пожалуй, не сталъ считать

„Прошло этакъ съ какихъ-нибудь полгода, не больше, пали до насъ слухи, что съ Кинтей не ладно... Ни слуху, ни духу. Какъ въ воду канулъ. Отецъ-отъ нарочно къ Никашѣ въ городъ ѣздилъ, телеграмму посылали, и все ничего. Аня отписала мнѣ потихоньку, что Кинтя-то вышелъ разъ изъ дому вечеромъ да больше и не приходилъ. Объявили въ полиціи, и тамъ ничего не знаютъ. Тогда мы и узнали настоящее горе... Живъ ли Кинтя, померъ ли, нагрезилъ ли—ничего не знаемъ. Я чуть и глаза-то всѣ не проплакала о немъ, а отецъ началъ именно съ тѣхъ поръ газеты читать. Все читаетъ и все изъ лица какъ будто темнѣетъ. Ничего не говоритъ о Кинтѣ, точно его и не бывало никогда. А меня-то вдвое убиваетъ: хоть бы онъ пожалѣлъ его!.. Не понимала я тогда ничего, т.-е. попа-то своего не понимала, что̀ у него на умѣ бродитъ. Только этакъ прошло съ годъ время... Аня-то изъ Петербурга такъ и не выѣзжала... Лѣтомъ это мы какъ-то спимъ съ попомъ на постели. Кровать-то у насъ двухспальная, старинная. Сплю я этакъ и слышу, какъ будто кто-то плачетъ. Какъ вскочу... Съ просонковъ-то показалось, что дите плачетъ. Вѣдь покажется же... Сѣла да и думаю: „кому же, думаю, плакать, вѣдь всѣ большія дѣти-то!“ А на попа-то и не подумаю... Крѣпокъ онъ на слезы,—можно подумать, что совсѣмъ безчувственный, а тутъ упалъ лицомъ-то въ подушку да тихо-тихо такъ плачетъ. совсѣмъ по-ребячьи. Стала его спрашивать, утѣшать... Тутъ ужъ онъ и сказалъ все. Всталъ и говоритъ:—„Сонъ видѣлъ, попадья...“—„Какой такой сонъ?“—спрашиваю. „А такой, говоритъ, не простой сонъ. Прилегъ, говоритъ, помолился про себя, а потомъ и вижу, точно наяву, Кинтю нашего. Вотъ какъ тебя вижу... Только далеко это, въ нашей же сторонѣ, гдѣ на собакахъ ѣздятъ. Блѣдный такой, исхудалъ, тоскливо таково смотритъ. „Кинтя!“ окликнулъ я. Смотритъ на меня, а ничего не говоритъ. „Кинтя, говорю: — я тридцать лѣтъ предъ престоломъ Божіимъ возношу молитвы, а ты... что̀ ты надѣлалъ? Вѣдь ты кровь моя, мое рожденіе, я за тебя долженъ отвѣтъ Богу дать на страшномъ судѣ...“ Слушаетъ меня Кинтя, а потомъ какъ у него губы затрясутся, заплачетъ...— „Папа, говоритъ это, а самъ плачетъ:—папа, прости меня... Я не могу... Это не отъ меня зависитъ... Не моя воля!“ Отъ этихъ самыхъ словъ я и проснулся, и такъ мнѣ стало жаль Кинти, такъ жаль, что, кажется, вотъ взялъ бы да и умеръ вмѣсто него... Жаль, и стыдно, и страшно. Вѣдь я противъ Бога иду, что такого сына пожалѣлъ“... Разсказываетъ это мнѣ попъ, а самъ такъ рѣкой и разливается... Ну, потомъ ужъ я догадалась: затеплила передъ образомъ свѣчку и велѣла попу молитву читать... Встали мы на колѣнки рядышкомъ и давай со слезами съ горькими молиться за всѣхъ и за вся, и за боляры, и за вои. И такъ-то мы жарко молились, такъ хорошо, что и сказать тебѣ не умѣю. Плачемъ и молимся, молимся и плачемъ... Я, грѣшный

человѣкъ, и за Кинтю, за блудящаго, нѣтъ-нѣтъ да поклончикъ и отложу, — тоже и за Аню. Такъ молитвой мы тогда этотъ самый сонъ и избыли. Точно гора съ плечъ...

„Вѣдь Аня-то вскорѣ послѣ этого и воротилась домой, — прибавила съ оживленіемъ старушка.—Зимой было дѣло... Пошла я вотъ въ эту самую баню за чѣмъ-то... Дѣло вечеромъ было. Темно совсѣмъ на дворѣ. Ну, иду себѣ ощупью, знакомое мѣсто. Только это отворила дверь въ баню, гляжу, а тамъ человѣкъ... Я такъ отъ страху и обомлѣла... Стою и крикнуть не могу, а сама думаю, что, навѣрно, это бродяжка бѣглый забрался на ночь, вотъ онъ ужо меня кокнетъ чѣмъ ни на есть. А потомъ и слышу Анинъ голосъ:— „Мама... это я, не бойся!“. Я такъ на мѣстѣ и сѣла... дура-дурой и ни словечка вымолвить не могу. Это Аня-то, значитъ, убѣжала да и пришла къ отцу... Еще мужчинка перебьется какъ-нибудь, а дѣло женское, куда ей дѣться... Вотъ и сидимъ мы съ ней, горюемъ. Одежонка-то на ней плохонькая, иззябла вся, не ѣла два дня... Ахъ ты, горе мое, горе бѣдовое! И жаль мнѣ ее, и попу-то боюсь сказать... Потому, какъ ее, бѣглую-то, держать, вѣдь человѣкъ не иголка, особливо въ деревнѣ, сейчасъ замѣтятъ и затаскаютъ по судамъ. Все-таки укрѣпилась, не сказала ничего попу, а сама отогрѣла Аню, накормила... Материнское сердце, изъ себя кусокъ готова вырѣзать, да только бы дитё было сыто. Ну, такъ недѣли съ двѣ и хоронила я Аню по разнымъ угламъ, а сама и ночей не сплю, и днемъ мнѣ спокою нѣтъ... Гдѣ стукнетъ, гдѣ брякнетъ—такъ у меня сердечушко и оборвется: по Аню пришли! И Богу молилась и зарокъ давала... Такую муку приняла, такую муку, что совсѣмъ хожу въ родѣ какъ полоумная. А тутъ ужъ попъ Ксенофонтъ успѣлъ пронюхать про Аню... И какъ это онъ узналъ—ума не приложу. Ну, сейчасъ доносъ исправнику и всякое прочее. Хитрящій попъ, все доносы пишетъ... Вотъ этакъ ночью лежимъ мы на кровати съ попомъ. Онъ спитъ, а я все слушаю... вотъ все равно заяцъ въ логовѣ. Все мнѣ мерещится,—встану, погляжу въ окошечко и опять слушаю. Ну, тутъ и слышу: подъѣхали тихохонько сани... другія... Подскочила къ окошку... Пришелъ мой конецъ, подкосились мои ноженьки. Проснулся попъ, а исправникъ и входитъ. Знаешь Петра Иваныча... Славный такой, чаемъ сколько разъ угощала его, ну, а тутъ такъ и думаю, зарубитъ онъ меня, безпремѣнно зарубитъ. Сейчасъ Петръ Иванычъ къ моему попу и бумагу ему показываетъ. Попъ такъ даже затрясся весь, изъ лица вышелъ, а потомъ сотворилъ крестное знаменіе и говоритъ: „Дѣлайте, что хотите... я ничего не знаю!..“ А я ужъ въ это время успѣла одуматься, и сама дивлюсь, что вдругъ у меня никакого страху не стало... Вотъ на столечко (старушка отмѣрила кончикъ мизинца) не боюсь никого: ни Петра Иваныча, никого. Ей-Богу!..

„Нѣтъ, постой, надо тебѣ еще одинъ случай тутъ разсказать, — прервала старушка нить своего повѣствованія:—была у насъ курица кохинхинка... Славная такая курица, и яйца несла по кулаку. Ну, посадила я ее на яйца, и вывела моя курочка цыплятокъ... А тутъ, какъ на грѣхъ, ястребъ палъ на одного цыпленка и поволокъ. Такъ что бы ты думалъ: вѣдь курица-то его заклевала, ястреба-то. Ухватилась за него да на крышѣ его и задолбила. Вся деревня тогда диву далась,—отъ роду не видывала этакого чуда... Ну, такъ когда Петръ Иванычъ-то послѣ сказалъ, что надо теперь на дворѣ поискать, мнѣ эта курица и вспади на умъ. Не дамъ, думаю, Аню, и кончено... Мое—не тронь! Ей-Богу, согрѣшила предъ Господомъ Богомъ, такъ и подумала... Ну, пошли по двору, потомъ въ баню. Думаю про себя, Аня безпремѣнно подъ полокъ залѣзла или подъ лавку, прикрою какъ-нибудь ее

платьемъ... Вѣдь вотъ подумаешь, какъ по-ребячьи все это выходило въ мысляхъ! Охъ-хо-хо!.. Ну, пришли въ баню, а Аня-то и не думала прятаться. Тутъ ее и взяли, голубушку, а я въ родѣ какъ осатанѣла: ухватилась за Аню-то и давай ее къ себѣ тащить. Кусаюсь, царапаю ногтями, кричу... Такъ меня въ горницу отдѣльно унесли. Тамъ ужъ я и отошла потомъ... Попъ-то ужъ не зналъ, о комъ и горевать, все думалъ, что и меня вмѣстѣ съ Аней по судамъ таскать будутъ. Однако Петръ-то Иванычъ попустился мнѣ, а Аню увезли. Таскали-таскали ее по городамъ... а потомъ Аня-то стала задумываться да и рехнулась... Съ годъ высидѣла въ Казани, въ душевномъ лазаретѣ, да толку не вышло. Теперь у Никаши живетъ. Онъ ее самъ лѣчитъ, да только проку не будетъ... Все молчитъ и прячется, никого не узнаётъ. Тошнехонько смотрѣть на нее, а помочь нечѣмъ. Думаемъ теперь домой ее взять. Загубили мою дочурку, вконецъ загубили...“

Старушка неожиданно заплакала, заплакала мелкими старческими слезами, которыя такъ и сыпались у ней изъ глазъ. Нѣсколько слезинокъ застряли и расплылись по морщинамъ. Матушка Руфина не вытирала своихъ слезъ и не стыдилась ихъ; ея выцвѣтшія, побѣлѣвшія губы слабо шептали:

— Вонъ на этой самой лавкѣ, гдѣ ты лежишь, и взяли Аню-то... Блѣдная такая сидитъ, ни кровинки въ лицѣ нѣтъ... Такъ вотъ все ее и вижу передъ собой: какъ живая стоитъ... И ночью и днемъ покоя нѣтъ. Только вотъ этакъ чуть-чуть забудусь, а она ужъ опять и смотритъ на меня...

Матушка Руфина умолкла. Склонивъ сѣдую голову на грудь, она неподвижно сидѣла на своей завалинкѣ, полная святой материнской тоски. Я вспомнилъ слова Писанія: „Гласъ въ Рамѣ слышенъ бысть, плачъ и рыданія, и вопль многъ... Рахиль бо плачущися о чадѣхъ своихъ и не хотяше утѣшитися, яко не суть“.

VII.

— А Кинтильянъ скоро вернулся?—спросилъ я, выводя матушку изъ задумчивости.

— Кинтя-то... какъ же, вернулся,—проговорила старушка, просыпаясь отъ своего раздумья.—Только его шесть годиковъ ровнешенько не было... цѣлыхъ шесть. Мы и въ живыхъ давно его не чаяли, и въ поминаніи за упокой поминали... Ужъ сколько слезъ было принято, сколько горя—и не спрашивай! Только этакъ въ великое говѣнье, передъ Страстной... тогда ужъ оттеплѣло, проталинки пошли... ну, этакъ вечеркомъ, въ сумеркахъ ужъ, убираю я въ кухнѣ молоко, а подъ окномъ кто-то тихо такъ постучалъ. Думаю, бродяжка какой-нибудь. Много ихъ объ эту пору изъ Сибири въ Рассею бѣжитъ... Мы имъ, грѣшные люди, подаемъ хлѣбушка, несчастненькимъ. У другихъ и полочки такія у окошекъ придѣланы для потайной милостины, чтобы ночью ежели придетъ, такъ самъ взялъ кусочекъ-то... У насъ тоже была полочка раньше, а тутъ ребята сломали, попъ все не могъ собраться наладить ее. Вотъ я отрѣзала ломоть хлѣба, высунула руку въ окошко и говорю: „Прими, Христа ради“... Вижу, что мужчинка стоитъ въ рваномъ этакомъ зипунишкѣ и даже совсѣмъ синій изъ себя. Еще пожалѣла его про себя... Подаю я это ему хлѣбъ-отъ, а онъ не беретъ, а только таково пристально смотритъ на меня. Что за оказія, думаю. „Чего, молъ, тебѣ надо, родименькій?“—„А вы не узнаёте меня?“—спрашиваетъ.—„Нѣтъ, говорю, мало ли вашего брата, бродяжекъ, по здѣшнимъ мѣстамъ проходитъ“... Помолчалъ, а потомъ опять и говоритъ: „Кинтя поклонъ прислалъ“. Ну, тутъ у меня но-

[illegible] испугалась, закричала я, а попъ бросился за ворота и бродяжку въ избу тащитъ. Напоили мы его чаемъ, накормили, а онъ зеленехонекъ и видно по обличью-то, что изъ благородныхъ. Бородка маленькая и всякое прочее... Одно ужъ приятно. Ну и разсказалъ намъ бродяжка про Кинтю, что живъ онъ и здоровъ, хоть и далеко отсюда. Бродяжка разсказываетъ, а попъ и говоритъ мнѣ: „Попадья, а помнишь мой сонъ?“ Сонъ-то вышелъ у попа совсѣмъ правильный. Сидимъ мы съ бродяжкой и бесѣдуемъ, я слушаю, а сама плачу, рѣка-рѣкой... и радостно мнѣ и горько. А ужъ ночь на дворѣ, попъ и говоритъ: „Ну, милый человѣкъ, не взыщи—обогрѣли мы тебя, накормили, а ночевать попросись къ кому другому... Оставилъ бы я тебя не на ночь, а на годъ, за твое хорошее слово, да не моя воля: слѣдятъ за мной, а узнаютъ, что бродяжка ночевалъ—со свѣту сживутъ“... Говоритъ это попъ, а самъ трехрублевую бумажку суетъ въ руки бродяжкѣ... Тутъ ужъ Кинтя и не стерпѣлъ—бродяжка-то Кинтя и былъ нашъ—какъ заплачетъ... Не повѣришь, мы родного сына не признали. Не признаёмъ и кончено: не такой у насъ Кинтя былъ... Такъ ужъ онъ разстегнулъ рубаху и показалъ мнѣ родимое пятнышко надъ лѣвой грудью, такъ ужъ по пятнышку-то его признали... А попъ такъ недѣли съ двѣ къ нему все не могъ привыкнуть: чужой, и кончено. Охъ-хо-хо!.. Ужъ не знали мы тогда, что̀ намъ и дѣлать: плакать ли, радоваться ли... Такъ совсѣмъ изъ ума вышибло!.. А онъ правильно воротился, съ бумагой, и всякое прочее. Ну, пытала я спрашивать Кинтю, что̀ и какъ... Ничего не сказываетъ, только этакъ улыбнется по-своему.—„Зачѣмъ, говоритъ, это вамъ знать, маменька? Былъ тамъ, а теперь здѣсь“... А самъ все скучный такой, на себя не походитъ и по ночамъ долго не спитъ. Разъ какъ-то сидимъ съ нимъ вдвоемъ, чай пьемъ. Онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на меня и говоритъ:—„Пусто, маменька, вотъ здѣсь (показываетъ на грудь), не долго поживу, такъ ужъ вы не очень убивайтесь, какъ помру... Кажись, не много радости отъ меня видѣли“. А самъ усмѣхается... Да я и сама вижу, что не жилецъ онъ у насъ, въ живыхъ покойникахъ...

„А теперь о себѣ-то тебѣ разскажу,—продолжала старушка.—Наше-то дѣло какое... а? Видѣлъ попа-то? Замѣтилъ, какъ онъ по сторонамъ оглядывается? А все отъ страху... Такъ всего и боимся: щелкнетъ гдѣ, стукнетъ—у насъ и душа въ пятки. Ужъ, кажись, чего бы и бояться: насъ, стариковъ, никуда не подернешь, а молодыхъ не осталось... Такъ вотъ и маячимъ да со дня на день ждемъ какой-нибудь бѣды. Съ требой какъ-то пріѣхали за попомъ, такъ онъ со страху на погребъ залѣзъ... Едва оттуда его вытащили. Ей-Богу... И грѣхъ и смѣхъ! Такъ въ *худыхъ душахъ* *) и живемъ: ни живы мы ни мертвы, а одинъ страхъ... Вотъ я тебя и хотѣла спросить насчетъ этого: долго еще намъ въ худыхъ-то душахъ жить? Прежде вотъ холерные года бывали, тоже вотъ солдатчина, а нынче въ худыхъ душахъ живемъ. Погляжу это я кругомъ-то и точно отемнѣю, ничего не понимаю. Какъ ужъ мы и жить будемъ—одной Царицѣ Небесной извѣстно...“

Старушка, очевидно, спрашивала только для формы, чтобы подѣлиться своимъ горемъ съ живымъ человѣкомъ. Она не ждала моего отвѣта и смотрѣла куда-то въ сторону, опустивъ голову. А лѣтняя ночь уже была на исходѣ; окутывавшій насъ мягкій сумракъ смѣнился бѣлесоватымъ свѣтомъ занимавшейся зари. Звѣзды тихо гасли; только двѣ или три продолжали еще теплиться мигающими блестками. Небо было сѣро. Откуда-то набѣгалъ слабый вѣтерокъ, безыменная птичка беззаботно и весело заливалась на ближай-

*) Въ „худыхъ душахъ“ равносильно: при смерти - въ ожиданіи смерти.

шей черемухѣ. Могучимъ покоемъ вѣяло отъ этой незамысловатой картины, которая съ первымъ солнечнымъ лучомъ проснется разомъ въ тысячахъ звуковъ и красокъ. Но теперь этотъ покой природы заставлялъ подозрѣвать что-то скрытое, недосказанное, что, казалось, висѣло въ воздухѣ. Вотъ въ этой сочной зеленой травѣ, подернутой утренней росой, съ виду тоже тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика и стона, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку и червяка, дѣлаясь, въ свою очередь, добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни...

— Гляди-ка, гляди...—зашептала таинственно матушка Руфина, толкая меня своей короткой ручкой.

Въ это время двери сѣней домика о. Якова слегка пріотворились, и въ нихъ показалась сѣдая голова самого хозяина. Онъ осторожно и подозрительно оглядѣлся кругомъ и вышелъ во дворъ. Гдѣ-то глухо стучала деревенская телѣга, старикъ долго прислушивался къ удалявшемуся стуку, а потомъ, озираясь по сторонамъ, подкрался къ воротамъ и припалъ глазомъ къ узкой щели въ полотнищѣ калитки. Что-то такое жалкое и несчастное было въ этой старческой фигурѣ, которая теперь стояла у воротъ въ положеніи насторожившагося зайца...

1882.

БАШКА.

Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ.

I.

Утро было отвратительно, точно природа вывороти́ла изъ своихъ нѣдръ всю грязь, какая только была въ запасѣ. По небу ползли низкія, грязныя облака, цѣплявшіяся за самыя крыши городскихъ домовъ. На улицахъ грязь стояла по колѣно, и можно было подумать, что съ неба въ теченіе двухъ послѣднихъ дней лился не дождь, а помои. Грязь, грязь и грязь—цѣлое море грязи, въ которомъ уѣздный городишко Пропадинскъ растворялся, какъ брошенная въ стаканъ воды горсть соли.

— Совершенная подлость! — коротко замѣтилъ густымъ надтреснутымъ басомъ Башка, взглянувъ въ запотѣвшее окно на улицу.

Въ этотъ моментъ все кругомъ окончательно потонуло въ мутной кружившейся мглѣ, сверху тихо начали падать хлопья мокраго снѣга и сейчасъ же таяли въ липкой, точно разведенной грязи. Черезъ полчаса окна кабака „Плевна“ были залѣплены мокрымъ снѣгомъ, такъ что внутри сдѣлалось совершенно темно, какъ въ сумерки.

— Экое божеское произволенье! — флегматично замѣтилъ сидѣлецъ „Плевны“, толстый и рябой мужикъ въ плисовомъ пиджакѣ; его звали обыкновенно Иванъ-Василичемъ, а подъ сердитую руку просто Ванькой Капномъ.—Ну, Башка, дѣло дрянь выходитъ... совсѣмъ, какъ есть дрянь!

Башка протянулъ свои длинныя ноги въ стоптанныхъ опоркахъ и ничего не отвѣтилъ, а только передернулъ широкими плечами. Облокотившись жилистой, волосатой рукой на стойку, онъ низко опустилъ свою лохматую голову съ легкой просѣдью въ русыхъ кудрявыхъ волосахъ. Костюмъ Башки давно требовалъ самой серьезной ремонтировки, потому что засаленный старинный сюртукъ съ узкими рукавами и широкимъ воротникомъ расползался окончательно и далъ нѣсколько трещинъ по швамъ, а сѣрые триковые штаны готовы были свалиться каждую минуту, не говоря уже о выдавшихся заплатанныхъ колѣнкахъ и точно выѣденныхъ задкахъ раструбовъ. Но Башкѣ было не до костюма. Онъ весь былъ поглощенъ одной идеей, сосавшей и щемившей его съ ранняго утра: это—опохмелиться. Все громадное тѣло Башки ныло каждой косточкой, каждой каплей крови, а въ трещавшей головѣ колесомъ вертѣлась одна мысль. Его широкое лицо съ окладистой бородой, густыми бровями, приплюснутымъ носомъ и высокимъ лбомъ точно было подернуто сегодня туманомъ, а маленькіе сѣрые глазки смотрѣли воспаленнымъ взглядомъ.

— Хоть бы чортъ принесъ кого-нибудь,—проворчалъ Башка, поглядывая на отворяющуюся и затворяющуюся дверь кабака.—Этакая мерзость!

Непогодь гнала народъ въ „Плевну“, но это все были чужіе: извозчики, отставные солдаты, мужики съ базара, нѣсколько мастеровыхъ. Они вносили съ собой комья грязи на ногахъ, отряхивали снѣгъ съ шапокъ, ругались и подходили къ стойкѣ Ваньки Каина, который не успѣвалъ сегодня поворачиваться, наливая стаканчики изъ толстаго пузыристаго стекла. Водка выпивалась, слышалось здоровое кряканье совсѣмъ прозябшихъ людей, на стойку сыпались пятаки, а потомъ долго прожевывалась захваченная съ собой закуска. „Ухъ, студено!“—кричалъ приземистый, плотный извозчикъ, отворачивая полу своего кафтана, чтобы достать кисетъ съ деньгами. Онъ какъ-то особенно аппетитно опрокинулъ себѣ въ ротъ стаканчикъ водки, закрылъ глаза и однимъ глоткомъ покончилъ всю церемонію. Башка старался не смотрѣть на эту картину, но это не мѣшало ему чувствовать каждый глотокъ водки, разливавшій блаженную теплоту. Ванька Каинъ казался какимъ-то необыкновеннымъ капельмейстеромъ, который разыгрывалъ цѣлую оперу.

„Нѣтъ, чтобы предложить опохмелиться... ну, какой-нибудь стаканчикъ,— съ тоской думалъ Башка, и ненависть къ Ванькѣ Каину нѣсколько парализовала ломавшее его жестокое похмелье.— Этакая шадривая каинская рожа!.. Вѣдь разсчитался бы послѣ. У! дьяволъ... И какъ на зло никого нѣтъ: ни Хохлика, ни Корнилыча, ни Трубы“.

Кабакъ „Плевна“ былъ изъ привилегированныхъ и находился почти въ центрѣ города, въ глухомъ переулкѣ, который шелъ отъ Хлѣбнаго рынка. Прямо изъ сѣней дверь вела въ большую полутемную комнату со стойкой Ваньки Каина въ глубинѣ: это собственно и былъ кабакъ; изъ-за стойки маленькая дверца вела въ каморку самого сидѣльца, а другая дверь изъ кабака вела въ двѣ слѣдующія комнаты, предназначенныя для публики почище, собственно для кабацкихъ завсегдатаевъ въ родѣ Башки. Эти завсегдатаи рѣдко останавливались передъ стойкой, а проходили дальше и проклажались уже въ своей компаніи. Случайные посѣтители и мужичье толклись обыкновенно въ первой комнатѣ или сидѣли на широкой грязной лавкѣ, поставленной вдоль всей передней стѣны. Теперь собственно была полна только эта первая комната. Но музыкальное, чуткое ухо Башки уже поймало знакомые, торопливые шаги въ сѣняхъ: это, безъ сомнѣнія, былъ онъ, Корнилычъ. Въ растворившихся дверяхъ показалась сгорбленная юркая фигурка въ пиджакѣ и фуражкѣ; раскланявшись съ Ванькой Каиномъ, она быстро исчезла въ сосѣдней комнатѣ, куда поплелся и Башка.

— Едва ушелъ... — торопливо разсказывалъ Корнилычъ, моргая своими рысьими глазками.— Всего двѣ партіи сыгралъ на бильярдѣ, подвинулъ двѣнадцатаго шара рукавомъ, ну, меня и взбрили. Въ бокъ здорово саданули кулакомъ... Ну, а ты? Вижу, вижу... Эхъ, скверно!..

Корнилычъ запустилъ руки въ карманы брюкъ и забѣгалъ по комнатѣ маленькими шажками, какъ ходятъ трактирные половые; на его пиджакѣ мокрыми отпотинами обозначались остатки мокраго снѣга, а плечи просто дымились отъ пара.

— Нѣтъ, Ванька-то... а? Каковъ подлецъ?!—громко проговорилъ Башка, останавливаясь посерединѣ комнаты въ самой трагической позѣ.—Вѣдь видитъ, тельма рогатая, какъ живого человѣка кочевряжитъ, и хоть бы какой наперстокъ...

— Это ты напрасно, Башка,—уговаривалъ Корнилычъ.— Гдѣ же насъ всѣхъ поить даромъ? А безъ Ваньки куды бы мы? Пропадай, какъ червь.

Башка крѣпко выругался, но долженъ былъ согласиться съ Корнилычемъ, который всегда и всѣхъ оправдывалъ и даже на самого себя смотрѣлъ какъ-

то со стороны. Лицо у Корнилыча было бойкое, всегда измятое и всегда добродушное; остриженные щеткой волосы дали поводъ называть его въ своей компаніи „ершомъ". Онъ былъ замѣчательный мастеръ разговаривать и знакомиться съ кѣмъ угодно и былъ самымъ необходимымъ человѣкомъ въ хорошей компаніи.

— Ну, а сѣлъ?—спросилъ Башка, что-то соображая про себя.

— Сѣлъ? Подлецъ, а не погода... такъ и лѣпитъ. Мнѣ за воротникъ сколько насыпало... бррр... У тебя покурить нѣтъ? Ну, не надо...

Ерошка наслаждался теперь и охватившей его теплотой гнилого кабацкаго притона и сознаніемъ собственной безопасности. Эти грязныя, покосившіяся стѣны, избитый точно въ конюшнѣ полъ, пропитанная специфическими кабацкими міазмами атмосфера,—все ему было дорого и мило; Ерошка съ удовольствіемъ потянулъ въ себя промозглую струю воздуха, прохваченную запахомъ грязи, дегтя, гнилой кожи, мокраго платья, перегорѣлаго лука и сивушнаго масла. Нѣсколько расшатанныхъ стульевъ и некрашеный деревянный столъ составляли всю меблировку этой привилегированной половины.

— А вотъ и наши здѣсь! — проговорилъ въ дверяхъ плечистый, приземистый мужикъ въ поддевкѣ; рыжая борода и прищуренный косой глазъ придавали ему очень подозрительный видъ. — Ну и погодка!.. Мѣсилъ, мѣсилъ грязь, хоть бы одна шельма попалась. Ѣсть до смерти хочется, братцы...

— У насъ табаку нѣтъ, а онъ: ѣсть! — презрительно отвѣтилъ Башка, шагая по комнатѣ неровными шагами.—Хохлика не видалъ?

— Какъ не видалъ: у Хохлика тоже ненастье...

— Вотъ что, Труба, какъ бы намъ того... не пропадать же въ самомъ дѣлѣ?—заговорилъ Ерошка заискивающимъ голосомъ. — Сходи, братику, къ Каину, авось разступится... а? Ты объясни ему... а?..

Труба почесалъ въ затылкѣ, еще сильнѣе прищурилъ свой косой глазъ и отрицательно покачалъ головой. Наступила тяжелая пауза, которой не нарушило даже появленіе Хохлика. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ съ зеленовато-сѣрымъ лицомъ и глубоко ввалившимися глазами, горѣвшими лихорадочнымъ, чахоточнымъ блескомъ. Онъ молча сѣлъ въ уголокъ, поджалъ подъ себя ноги и долго не могъ отдышаться послѣ скорой ходьбы. На всѣхъ напала минута тяжелаго унынія, какъ у людей, заблудившихся въ лѣсу. Въ такихъ исключительно критическихъ случаяхъ обыкновенно выручалъ Башка, отличавшійся дьявольской изобрѣтательностью, но сегодня и онъ повѣсилъ носъ, точно пришибленный. А изъ кабака доносилась настоящая мелодія довольнаго кряканья послѣ выпивки, звона стаканчиковъ и того кабацкаго галдѣнья, какое бываетъ только около стойки.

— Экъ ихъ взяло, подлецовъ! — глухо пробасилъ Башка, натягивая на свою голову заношенную, какъ блинъ, кожаную фуражку.—Ну, братцы, я схожу... подождите, можетъ, и выгоритъ что.

Когда высокая фигура Башки скрылась въ дверяхъ, всѣ какъ-то разомъ оживились и заговорили: „Ужъ Башка одно слово... Выручитъ! Да онъ изъ земли добудетъ, особенно ежели съ похмелья ломаетъ когда. Золотая голова!" Даже Ванька Каинъ почувствовалъ угрызеніе своей каиновой совѣсти, когда мимо его стойки Башка прошагалъ съ самымъ мрачнымъ видомъ.

„Но погодью-то надо бы стаканчикъ было подать,—думалъ Ванька Каинъ, проворно орудуя за своимъ прилавкомъ. — Ну, да больно зазнаваться сталъ, пусть не фордыбачитъ".

Въ душѣ Ваньки Каина шевельнулась обидная мысль, что Башка третьяго-дня облаялъ Акулину, его любовницу, которая жила съ нимъ въ ка-

моркѣ. И всего-то дѣла было, что Акули на попросила Башку наставить самоварчикъ, такъ куды тебѣ—сейчасъ на дыбы, мы-ста образованные люди и всякое прочее, а вотъ теперь, образованный человѣкъ, ступай-ка, помѣси грязь-то... Это даже совсѣмъ преотлично для тѣхъ, кто настоящаго понятія не хочетъ имѣть и добра не помнитъ.

II.

Отчаянное положеніе выдавило въ головѣ Башки мысль, которую онъ теперь несъ изъ „Плевны“ на самый конецъ города. Собственно, это было послѣднее средство, на какое онъ рѣшался только въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.

— Э, чортъ съ ними!—ругался Башка, шагая черезъ грязь.

А погода дѣлалась все отвратительнѣе. Холодъ крѣпчалъ. Откуда-то налеталъ порывами пронизывавшій насквозь вѣтеръ, который просто жегъ голыя руки и спину. Хлопья мокраго снѣга смѣнились сухой снѣжной пылью, тихо кружившейся въ воздухѣ отдѣльными пушистыми снѣжинками въ формѣ правильныхъ звѣздочекъ, иглъ и разныхъ замысловатыхъ геометрическихъ фигуръ. Недавно сплошная полоса грязи, заливавшая пропадинскія улицы, теперь приняла самый обманчивый видъ, и Башка постоянно ошибался, стараясь пробраться поблагополучнѣе. Въ одномъ мѣстѣ онъ совсѣмъ оставилъ свои опорки въ грязи и долго не зналъ, что̀ дѣлать съ ними. Грязь еще сохраняла въ себѣ извѣстную теплоту, сравнительно съ верхнимъ снѣговымъ налетомъ, который рѣзалъ ноги, какъ ножомъ. Послѣ короткаго раздумья, Башка всунулъ ноги въ полныя грязи опорки и зашагалъ по деревянному тротуару. Отъ „Плевны“ ему было нужно перекосить соборную площадь, потомъ обогнуть старый гостиный дворъ, а тамъ свернуть въ узкую Проломную улицу, гдѣ тонули въ грязи постоялые дворы. Сдѣлавъ съ полверсты по этой убійственной дорогѣ, Башка почувствовалъ непреодолимое желаніе вернуться подъ гостепріимный кровъ „Плевны“, — обычная энергія измѣнила даже его желѣзной натурѣ. Это былъ настоящій припадокъ малодушія, но Башка устоялъ противъ искушенія и только быстрѣе зашагалъ впередъ.

Скрестивши по-наполеоновски руки на груди, чтобы сохранить теряющуюся теплоту, и поднявъ плечи, чтобы защитить голую шею отъ попадавшаго за воротникъ снѣга, Башка летѣлъ впередъ, какъ хорошій волкъ. Въ концѣ Проломной стоялъ кабачокъ Зобуна, въ который Башка иногда заходилъ, но теперь было не до него — до цѣли оставалось всего съ полверсты. Купеческіе каменные дома въ Пропадинскѣ были только въ центрѣ, затѣмъ во всѣ стороны расходились деревянныя постройки, а на окраинахъ тянулись самыя жалкія лачуги, слѣпленныя кое-какъ изъ разной дряни, какъ ласточкины гнѣзды. За Проломной, на самой окраинѣ, какъ исключеніе, стоялъ большой каменный домъ гуртовщика Ломотина; сюда и держалъ свой путь Башка. Разбогатѣвшій мужикъ Ломотинъ недавно умеръ, и сегодня шелъ девятый день, слѣдовательно должна была быть богатая подачка нищей братіи. Башка не безъ основанія разсчитывалъ кое-что получить здѣсь, хотя къ такому нищенству прибѣгалъ только въ самомъ безвыходномъ положеніи, какъ сегодня.

Около ломотинскаго дома уже собралась порядочная кучка нищихъ. Когда Башка подходилъ къ ней, въ воротахъ появился мордастый дворникъ: онъ загородилъ калитку жердью и началъ пропускать подъ нее во дворъ по одному человѣку. Нищая братія однимъ сплошнымъ шевелившимся комомъ лохмотьевъ наперла на калитку и брала приступомъ каждый вершокъ. Слы-

плась хриплая ругань, бабій визгъ и тяжелые вздохи. Башка остановился позади всѣхъ и терпѣливо ждалъ своей очереди пролѣзть подъ жердью, перегораживавшей калитку; онъ чувствовалъ особенное отвращеніе къ этой грязной сволочи, потерявшей всякій образъ и подобіе Божіе, потому что и въ самомъ паденіи своемъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше этого человѣческаго хлама. Нѣкоторыхъ онъ зналъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ сѣдой сгорбленный старичокъ, который особенно назойливо пробивался впередъ; онъ когда-то служилъ въ земскомъ судѣ, занималъ видное мѣсто и во время своей славы раскуривалъ трубку кредитками, но спился съ круга и теперь жилъ подаяніемъ. За нимъ держался смуглый бритый мужчина; этотъ славился, какъ прежній богачъ, умѣвшій промотать доставшееся ему наслѣдство въ пятьдесятъ тысячъ. Далѣе слѣдовалъ рядъ совершенно темныхъ личностей, собравшихся сюда Богъ знаетъ изъ какихъ трущобъ; особенно были подозрительны женщины-побирушки, съ обрюзгшими, измятыми лицами и злыми глазами. Это все были спеціально нищіе, промышлявшіе сборомъ подаянія по домамъ, на рынкѣ, по церковнымъ папертямъ и шмыгавшіе по всѣмъ поминкамъ въ богатыхъ купеческихъ и чиновничьихъ домахъ. Для нихъ лохмотья и заплаты служили средствомъ существованія, какъ вывѣски какого-нибудь цехового мастера; гдѣ кончались лохмотья и гдѣ начинался человѣкъ, трудно было разобрать; люди здѣсь превращались въ живыя лохмотья, заплаты и прорѣхи.

Башкѣ пришлось прождать битый часъ въ этой толпѣ, и онъ совершенно окоченѣлъ, напрасно стараясь согрѣться переминаніемъ съ ноги на ногу. Живая теплота живого тѣла оставила его; у Башки начинали стучать зубы, и онъ почувствовалъ особенную ненависть къ жирному и брыластому дворнику, который нарочно медлилъ, пропуская очередныхъ, и нѣсколько разъ начиналъ переругиваться съ нищими жиденькимъ теноркомъ.

— Отпячивай назадъ, пѣхота! — кричалъ дворникъ, защищая входъ своимъ толстымъ брюхомъ въ бѣломъ фартукѣ.—Я вотъ скажу Анѳусѣ Парѳеновнѣ, такъ она васъ всѣхъ метлой отселева...

— А ты не больно шеперься, не великъ въ перьяхъ-то! — огрызалась какая-то шустрая старушонка съ птичьимъ лицомъ. — Не къ тебѣ пришли...

— Разговаривай!—лѣниво протянулъ дворникъ. — Вонъ она, Анѳуса-то Парѳеновна, сама на крыльцѣ-то стоитъ.

Наконецъ наступила и очередь Башки. Онъ уже держался одной рукой за палку, ожидая своей очереди и стараясь не глядѣть на дворника, который его просто возмущалъ всей своей фигурой, какъ голоднаго волка возмущаетъ сытая собака. Вмѣстѣ съ тѣмъ Башка испытывалъ тяжелое чувство униженія и еще больше сердился на ни въ чемъ неповиннаго дворника, котораго съ удовольствіемъ перекусилъ бы пополамъ. Отъ-нечего-дѣлать онъ разсматривалъ внутренность богатаго двора, усыпаннаго желтымъ песочкомъ, съ крѣпкими службами назади, съ цѣпной собакой у амбара, съ привязанной у столба великолѣпной лошадью, заложенной въ лакированный экипажъ; налѣво былъ подъѣздъ съ стекляннымъ фонаремъ; въ этомъ фонарѣ, защищенная отъ вѣтра и снѣга, стояла сама Анѳиса Парѳеновна въ лисьей шубѣ и степенно давала каждому его пай милостыни, лѣниво повторяя одну и ту же фразу: „Помолись, миленькій, за раба Божія Симеона и сродниковъ“. Около купчихи толклись какія-то двѣ старушонки въ темныхъ платочкахъ съ глазками.

— Пролѣзай!—крикнулъ дворникъ на зазѣвавшагося Башку.

Башка согнулся, чтобы пролѣзть подъ жердью, но въ этотъ моментъ мимо него головой впередъ рванулась какая-то бабенка съ подбитымъ глазомъ

и чуть было не предупредила его, но Башка вò-время схватилъ ее за шиворотъ и отбросилъ назадъ, какъ тряпицу.

— Куда, Фигура, прешь?—ворчалъ онъ, уже шагая къ крыльцу.

Получивъ подаяніе и крѣпко сжавъ деньги въ кулакѣ, Башка зашагалъ въ другой конецъ двора, куда выпроваживалъ нищую братію высокій кучеръ въ кожаномъ кафтанѣ. Чтобы не было напрасной давки, нищихъ выпускали изъ двора другими воротами. Очутившись на улицѣ, Башка сосчиталъ полученныя деньги; на его долю достался цѣлый полтинникъ, и это обстоятельство разомъ вознаградило его за всѣ лишенія.

Черезъ полчаса Башка уже входилъ въ кабакъ Зобуна, гдѣ толпились нищіе, успѣвшіе „выправить“ подаяніе раньше его. Размякшій, ожирѣлый сидѣлецъ съ зобомъ на шеѣ орудовалъ не хуже Ваньки Канна и, наливая стаканчики, приговаривалъ:

— Помяни раба Божія Симеона и сродниковъ... Больно добра для васъ Анѳуса-то Парѳеновна, гли-ка, по полтинѣ на рыло сошлось. А! и ты, Башка, здѣсь?

— Ну, ну, не разговаривай... совсѣмъ околѣлъ!

Башка залпомъ выпилъ два стаканчика, чтобы сразу согрѣться, но водка на него не дѣйствовала сегодня, и онъ потребовалъ себѣ третій. Когда Башка уже подносилъ дрожавшей рукой стаканъ ко рту, около него появилась давешняя бабенка съ подбитымъ глазомъ и нахально толкнула его локтемъ въ бокъ.

— Ты опять, Фигура?—зарычалъ взбѣшенный Башка и даже замахнулся на надоѣдливую бабенку поднятой рукой.—Раздавлю, какъ муху...

— Ухъ, какой страшный! — кокетливо взвизгнула Фигура и нахально захихикала прямо въ лицо Башкѣ. — Этакое верзило и съ бабами драться... Ну, тронь, только тронь!..

Отпустивъ нѣсколько отборнѣйшихъ выраженій на спеціально-кабацкомъ жаргонѣ, Фигура съ наслажденіемъ выпила стаканчикъ зеленаго бальзама, вытерла губы подоломъ грязнаго платья и опять засмѣялась своимъ нахальнымъ смѣхомъ.

— Что, Башка, наткнулся на ерша?—спрашивалъ Зобунъ, кисло улыбаясь.—Ужъ она октрыса, одно слово, какъ бритвой бреетъ...

Башка презрительно взглянулъ на Фигуру еще разъ и отвернулся. Онъ вообще ненавидѣлъ всѣхъ женщинъ, какъ другіе не выносятъ мышей или таракановъ, а теперь еще долженъ былъ переживать чувство оскорбленнаго достоинства, что связался съ бабой.

Именно этотъ почти невольный жестъ физическаго отвращенія задѣлъ за живое Фигуру, которая въ дни крайняго паденія не могла разстаться съ логикой хорошенькой женщины, привыкшей требовать общаго вниманія. Взглянувъ теперь на Фигуру, никто бы не повѣрилъ, что это отекшее лицо съ воспаленными и слезившимися глазами, съ распухшимъ носомъ и блестѣвшими синеватыми губами могло быть когда-нибудь красиво, хотя это было такъ. Костюмъ Фигуры былъ самаго подозрительнаго свойства — какая-то рыжая кофточка, сбившаяся на одинъ бокъ, ситцевыя юбки, обносокъ шали на головѣ и стоптанныя ботинки на ногахъ. Выпивъ два стакана бальзама, Фигура сѣла на лавку, рядомъ съ Башкой, и далеко вытянула свои грязныя ноги, такъ что изъ-подъ юбки выставились совсѣмъ голыя щиколотки и нижняя часть бѣлыхъ полныхъ икръ.

— Будь ты проклята, анаѳема!—выругался Башка, вскочивъ съ лавки.— Чего ты лѣзешь?

— Будетъ лаяться-то, невѣжа! — совсѣмъ другимъ тономъ, спокойно и самоувѣренно проговорила Фигура, взяла Башку за локоть и посадила рядомъ съ собой.—Ну, чего ты бѣсишься? Лучше покуримъ: у меня табакъ есть...

Башка сердито плюнулъ на сторону, но отъ табаку не отказался. Онъ испытывалъ теперь совершенно особенное чувство, именно, онъ точно былъ давно знакомъ съ этой нахальной бабой и даже былъ доволенъ, что она его удержала на мѣстѣ. Про себя Башка нѣсколько разъ обругалъ сосѣдку самыми непечатными словами и хотѣлъ сейчасъ же отправиться въ „Плевну“ къ оскорбившимъ его товарищамъ, но, вмѣсто этого, языкъ Башки какъ-то противъ его воли проговорилъ:

— Хочешь еще бальзаму, Фигура Ивановна?

— Только вмѣстѣ съ тобой...

Дальше все происходило въ какомъ-то туманѣ: стаканчики слѣдовали за стаканчиками, Башкѣ сдѣлалось тепло и весело; онъ хохоталъ и пѣлъ со своей новой знакомой, какъ сумасшедшій. Потомъ они вмѣстѣ пошли отъ Зобуна по Проломной улицѣ, и Башка даже помогалъ своей спутницѣ переходить черезъ грязь, какъ настоящій кавалеръ.

— Пойдемъ къ Ванькѣ Каину; тамъ у насъ настоящее гнѣздо, — объяснялъ Башка, сильно пошатываясь. — Все отличные ребята... Ерошку не знаешь? и Хохлика? и Трубу?.. Ну, послѣ этого ты ровно ничего не знаешь...

Башка дергалъ на ходу плечами, сжималъ кулаки и совсѣмъ не чувствовалъ холода, который ледянилъ его тѣло.

— Нужно еще денегъ достать, — говорила Фигура. — Пойдемъ, я знаю гдѣ... Еще есть въ двухъ домахъ поминки.

III.

На привилегированной половинѣ „Плевны“ цѣлый день прошелъ въ самомъ нехорошемъ настроеніи духа; это рѣшительно былъ прескверн**ѣ**йшій день. Сначала все поджидали возвращенія Башки и разсказывали анекдоты о его необыкновенной находчивости; потомъ начали ворчать и ругаться, зачѣмъ Башка такъ долго не идетъ на выручку, и наконецъ всѣ тяжело замолчали, какъ люди, потерявшіе послѣднюю надежду. Даже Ванька Каинъ, и тотъ сжалился надъ ними и выслалъ цѣлое рѣшето чернаго хлѣба и луку. Это было ужъ совсѣмъ подъ вечеръ.

— Должно-быть, Башку пьянаго въ полицію гдѣ-нибудь забрали, — повторялъ нѣсколько разъ Корнилычъ.—Зашелъ погрѣться куда-нибудь, выпилъ, ну, и разомлѣлъ съ холоду-то... Это бываетъ!

Точно въ отвѣтъ на это предположеніе въ дверяхъ „Плевны“ появился самъ Башка, сильно пьяный; гнѣвъ всего общества былъ готовъ обрушиться на его голову, но его проявленіе было парализовано появленіемъ Фигуры, которую привелъ съ собой Башка.

— Господа, рекомендую... вотъ женщина... Фигура Ивановна,—бормоталъ Башка заплетавшимся языкомъ.

Все общество встрѣтило эту рекомендацію гробовымъ молчаніемъ и сдѣлало такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ присутствія „женщины“. Въ дверяхъ выглядывала улыбавшаяся рожа Ваньки Каина, а изъ-за его плеча сумрачно смотрѣла Акулина, высокая костлявая баба, съ широкимъ деревяннымъ лицомъ, походившимъ на лопату.

— Вотъ такъ укололъ Башка штуку... ловко!—хрипѣлъ Ванька Каинъ, любуясь происходившей предъ его глазами сценой.

— Да вы что̀ молчите-то, оглашенные?—заговорила Фигура, обращаясь къ публикѣ вообще.—Подавились чѣмъ, или мухъ ловите здѣсь?

Общество оставалось глухо и нѣмо; всѣ были сконфужены и за себя и въ особенности за сбѣсившагося Башку, который нарочно теперь бодрился передъ своими друзьями, какъ всѣ виноватые люди. Онъ съ напускной развязностью потребовалъ у Ваньки Каина водки и сѣлъ вмѣстѣ съ Фигурой за отдѣльный столикъ, точно вызывая все общество на бой. Собственно говоря, собравшіеся въ этой комнатѣ потерянные люди отличались большой тонкостью чувствъ и той особенной психической чуткостью, когда слова являются излишними для взаимнаго пониманія. Всѣ они отлично понимали другъ друга по одному взгляду, по малѣйшему жесту. Молчаливый протестъ друзей для Башки былъ въ тысячу разъ тяжелѣе открытаго возстанія, ругани и даже рукопашной. Даже пахальная безъ границъ Фигура, и та, видимо, не ожидала такой встрѣчи и теперь только улыбалась пьяной и пахальной улыбкой.

— Пожалуйте, Фигура Ивановна,—угощалъ Башка свою гостью, стараясь быть любезнымъ на зло всѣмъ.

— А какъ тебя зовутъ? Я еще не знаю, — спрашивала Фигура, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ.

— Меня здѣсь зовутъ Башкой...

— Очень хорошее имя: Башка... да! Изъ семинаристовъ? Да, да... Я встрѣчала много семинаристовъ... Славный народъ и пьютъ отлично.

Фигура стыдливо обдернула сбившуюся на бокъ юбку, спрятала грязныя ноги и нѣсколько времени упорно старалась принять серьезный видъ приличной дамы, но ея опухшее лицо само собой расплывалось въ отвратительную улыбку, которая просто коробила Башку, точно его поджигали каленымъ желѣзомъ. Но онъ хотѣлъ выдержать характеръ. Труба, Корнилычъ и Хохликъ сбились въ углу въ одну кучку, какъ послѣдніе римляне и какъ люди, хорошо посвященные въ тайны свѣтскихъ приличій; они вели вполголоса совершенно посторонній разговоръ, какъ это дѣлаютъ хорошіе друзья, когда въ домѣ покойникъ или другое какое несчастіе.

Это критическое положеніе сторонъ разрѣшилось совершенно неожиданной развязкой. За стойкой у Ваньки Каина произошла довольно горячая сцена съ Акулиной, которая сначала шипѣла, а потомъ принялась голосить и ругаться на весь кабакъ.

— Хотя я тебѣ не жена, а все-таки у тебя ума нисколь нѣтъ! — кричала Акулина, размахивая длинными руками. — Развѣ это порядокъ, чтобы пущать въ заведеніе всякую дрянь? Да она, шлюха этакая, еще стащитъ что-нибудь. Развѣ углядишь за ей, поскудой?.. И что̀ это я за каторжная далась тутъ вамъ, чтобы напускать всякихъ потаскушекъ!

— Затвори хайло-то, хайло затвори, ворона!—огрызался Ванька Каинъ, хотя это дѣлалось только для порядку, чтобы показать передъ публикой свою хозяйскую власть.—Вотъ я возьму какъ обихаживать самоё-то, только стружки полетятъ.

— Ну, бей, бей! А я не соглашусь, чтобы всякая потаскушка распоряжалась въ заведеніи! — голосила Акулина неистовымъ голосомъ, точно ее рѣзали.—Хотя я не въ законѣ съ тобой, а въ дому порядокъ долженъ быть... Да я ей, твари, всѣ зѣнки выцарапаю, вотъ что̀! Развѣ у насъ такое заведеніе, чтобы манеры-то эти разводить?.. Я и Башкѣ всю рожу исцарапаю.

Положеніе Башки крайне усложнилось. Ополоумѣвшая Акулина имѣла за себя всѣ преимущества какъ передъ мужемъ, такъ и передъ завсегдатаями, которые, конечно, держали ея сторону. Въ пьяной головѣ Башки шевелилась

уже мысль о неизбѣжности рукопашнаго рѣшенія спорнаго вопроса, и онъ подъ столомъ сжималъ свои страшные кулаки, вызывающе поглядывая на недавнихъ пріятелей.

— Богъ что, Башка, пойдемъ отсюда,—предложила ему Фигура, поднимаясь съ мѣста.—У меня еще дѣло есть... Медальонъ ждетъ.

— Какой Медальонъ?

— Увидишь.

За водку деньги были заплачены впередъ, и парочка торжественно направилась къ выходу. Когда Фигура была уже у дверей, Акулина выбѣжала изъ-за стойки, догнала ее и толкнула своей деревянной рукой въ шею.

— Акулька, язва, отвяжись!—кричалъ Ванька Каинъ.

Башка зарычалъ, какъ медвѣдь, по которому выстрѣлили, но Фигура успѣла его вытолкнуть въ сѣни и энергично потащила за руку впередъ.

— Стоитъ связываться съ дурой! — успокаивала она своего спутника, шлепая по грязи.—Тутъ недалеко, живо дойдемъ. Дай руку, вотъ такъ, какъ барыни ходятъ...

Фигура хрипло засмѣялась въ темнотѣ, а Башка молча зашагалъ рядомъ съ ней. Кругомъ было совершенно темно, хоть глазъ выколи, и только слабо мигали жалкіе фонари по угламъ улицъ. Снѣгъ остановился, но холодъ былъ попрежнему страшный и пробиралъ до костей. Гдѣ-то завывала бездомная собачонка, слышалось хлопанье оторвавшагося съ крыши желѣзнаго листа; какой-то забулдыга брелъ черезъ соборную площадь и все старался затянуть пѣсню, походившую на мычанье. Медленно проѣхалъ извозчикъ, позвонилъ въ чугунную доску ночной сторожъ, а впереди и назади—кромѣшная тьма. Парочка брела на ощупь и черезъ двадцать минутъ была уже въ узкомъ и глухомъ переулкѣ.

— Здѣсь,—проговорила Фигура и остановилась у какой-то деревянной развалины.

Они вошли во дворъ, потомъ въ какой-то сырой и холодный подвалъ, походившій на могилу. Фигура чиркнула спичкой и отыскала сальный огарокъ, вставленный въ бутылку изъ-подъ сельтерской воды. При слабомъ свѣтѣ Башка могъ разсмотрѣть весь подвалъ, когда-то служившій кухней. Маленькія окошечки съ желѣзными рѣшетками, какъ въ казематѣ, выходили на улицу; ободранная дверь болталась на одной петлѣ; около одной стѣны на грудѣ тряпья спалъ какой-то человѣкъ съ блѣднымъ, худымъ лицомъ.

— Медальонъ, вставай... Я гостя привела!..—кричала Фигура, расталкивая спавшаго.—Да ну же, вставай!.. Это наконецъ невѣжливо такъ принимать гостей. Посмотри, какого я звѣря привела...

— Ахъ, это ты, Милочка? — проговорилъ Медальонъ, поднимаясь со своего неприхотливаго ложа.—Какого звѣря?.. Милочка, какъ у меня страшно голова болитъ, мнѣ всего одну бы... а?

— Видишь, какой ты лакомка, Медальонъ: „одну бы“, а гдѣ я тебѣ ее возьму? Ну, ну, не плачь, я сейчасъ... Я и закуски принесла, а пока позволь представить тебѣ нашего гостя: m-r Башка.

Медальонъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, бѣлокурый, жиденькій, съ длинной шеей и голубыми дѣтскими глазами: костлявыя плечи, ввалившаяся грудь и безкровное лицо придавали ему видъ какого-то подвижника. „Эхъ, какая дохлятина! — съ презрѣніемъ подумалъ Башка, разглядывая Медальона. — Настоящая глиста“. Фигура въ это время успѣла достать откуда-то бутылку водки и кусокъ вареной печенки, что составляло уже цѣлый ужинъ на троихъ.

— Странно, право: насъ сегодня выгнали изъ кабака,— разсуждала Фигура, разрѣзывая печенку обломкомъ перочиннаго ножа.—Нашли меня неприличной... Ужели я настолько не умѣю себя держать, что не могу быть приличной даже для кабака? Фи... Какая гадость! Боже мой, Боже мой, до чего можетъ дойти человѣкъ! Я собственно и обидѣлась только сейчасъ, т.-е. не обидѣлась даже, а такъ... гадко стало для самой себя...

Медальонъ, выпивъ двѣ рюмки, нѣсколько пришелъ въ себя и съ аппетитомъ принялся ѣсть печенку. Проглотивъ послѣдній кусокъ, онъ проговорилъ съ комическимъ пафосомъ:

— Sic transit gloria mundi!

— Domine, ты знаешь по-латыни? — обрадовался Башка, протягивая руку.

— Да, немножко...

— Медальонъ кончилъ гимназію съ золотой медалью, — объяснила Фигура не безъ удовольствія,—а такихъ тамъ называютъ „медальонами“.

— Ага!—проговорилъ Башка.—У насъ въ семинаріяхъ первыхъ учениковъ звали „башками“, и я имѣлъ несчастіе быть такимъ первымъ ученикомъ; значитъ, мы съ вами одного поля ягоды.

Они молча пожали другъ другу руки и засмѣялись. Знакомство завязалось быстро, и за рюмкой водки новые друзья разсказали о себѣ всю подноготную. Медальону пришлось не много разсказывать о себѣ: сынъ богатыхъ, но разорившихся родителей, блестящимъ образомъ кончившій гимназію, онъ быстро свихнулся, когда пришлось зарабатывать свой хлѣбъ, и теперь ждетъ какого-то мѣста, обѣщаннаго ему какимъ-то очень хорошимъ человѣкомъ.

— Только бы получить мѣсто, а потомъ я брошу эту проклятую водку и заживемъ съ Милочкой припѣваючи,—закончилъ свою повѣсть Медальонъ.— Такъ вѣдь, Милочка?

— Конечно, конечно... да, припѣваючи,—машинально повторяла Фигура, опуская голову.

— А знаете, что̀ насъ всѣхъ сгубило? — задумчиво говорилъ Башка. — Самолюбіе... Да!.. Вся система нашего воспитанія построена именно на самолюбіи, которое въ насъ развивали съ дѣтства. По себѣ знаю... Это общая судьба всѣхъ первыхъ учениковъ... Поврежденный народъ выходитъ... Видите ли, для такихъ людей должна быть жизнь на особенныхъ условіяхъ, а не прозябаніе обыкновенныхъ смертныхъ. А когда тебя станутъ по носу щелкать на каждомъ шагу, тутъ и погибель: характера-то не хватаетъ, а самолюбіе давитъ... ну и утѣшаемся по-своему... Такъ вѣдь?

— Вѣрно,—согласился Медальонъ.

— Много насъ такихъ-то,—продолжалъ Башка, не обращаясь собственно ни къ кому.—Ну и, конечно, обвинять кого-нибудь и что-нибудь въ своемъ паденіи, по меньшей мѣрѣ, глупо, все равно, что обвинять машину, которая одному раздробила руку, а другого совсѣмъ искрошила... Все, что̀ существуетъ—существуетъ разумно и, ergo, имѣетъ право на существованіе. Фактъ стоитъ выше всякихъ законовъ... да. Если я говорю: „насъ погубила система“, то это только принятая форма выраженія, приспособленная для пониманія большинства. Такъ сказать, это только личная форма... Можно только понимать факты, а сердиться и радоваться по поводу ихъ –это уже дѣтство мысли. Одна есть истинная точка зрѣнія на вещи и факты, это—отвлеченная философская мысль.

— Ухъ, какая ученость! — со вздохомъ проговорила Фигура, чувствуя, какъ у нея слипаются глаза.

Через пять минутъ, подъ шумокъ умныхъ разговоровъ, Фигура уже заснула, гдѣ сидѣла. Ей грезилась плохонькая сцена провинціальнаго театра, плохонькая музыка, плохонькая провинціальная публика, плохонькое освѣщеніе, а она выпархиваетъ въ коротенькихъ юбкахъ и трико прямо къ рампѣ и начинаетъ пѣть забористую шансонетку. Публика аплодируетъ и любуется ея ногами, которыя дѣйствительно замѣчательно хороши своей упругой полнотой и классическими линіями. Ей подноситъ большой букетъ, она прячетъ въ него свое счастливое, улыбающееся лицо, потомъ посылаетъ поцѣлуй публикѣ и улетаетъ за кулисы.

IV.

Теперь намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о „Плевнѣ“ и ея завсегдатаяхъ.

Въ Пропадинскѣ было много кабаковъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свою собственную физіономію. Такъ, кабакъ Зобуна въ Проломной улицѣ славился, какъ притонъ конокрадовъ и лѣсоворовъ; кабакъ „Ямка“, около гостинаго двора, служилъ сборнымъ мѣстомъ нищихъ; были кабаки самой подозрительной репутаціи, какъ пристанище жуликовъ и мазуриковъ, и т. д. „Плевна“ рѣзко отличалась отъ всѣхъ, потому что въ ней завсегдатаями были особенные люди, промышлявшіе разными художествами: въ „Плевнѣ“ составлялись прошенія мужикамъ, тамъ всегда можно было найти для нотаріуса грамотнаго свидѣтеля съ паспортомъ, тамъ же процвѣтала игра въ стуколку, три листа и въ трынку, тамъ же можно было послушать музыку и даже пѣніе, покутить въ хорошей компаніи и т. д. Главное, въ „Плевнѣ“ никогда не позволялось буйство и мазурничество, за чѣмъ Ванька Каинъ слѣдилъ въ оба; полиція была поэтому особенно довольна „Плевной“ и рѣдко осчастливливала ее своими посѣщеніями.

Такія особенности „Плевны“ создались отчасти благодаря ея выгодному центральному положенію, а главнымъ образомъ—благодаря смѣткѣ и административной прозорливости Ваньки Каина. До него изъ сидѣльцевъ въ „Плевнѣ“ славился кривой старикъ Ермила, но послѣ Ермилы наступилъ смутный періодъ междуцарствія: перемѣнился цѣлый рядъ сидѣльцевъ, и звѣзда „Плевны“ начала быстро клониться къ закату, если бы не выручилъ Ванька Каинъ, явившійся въ самый критическій моментъ и сумѣвшій сразу поставить свое „заведеніе“ прямо на точку, чѣмъ онъ особенно гордился. Его предшественники или не умѣли обращаться съ публикой, или не могли выдержать характера, или просто прогорали отъ плохихъ расчетовъ. Кабацкое дѣло кажется со стороны такимъ простымъ, но оно далеко не просто, и только посвященные знаютъ, сколько нужно умѣнья, характера и чисто-дипломатической изворотливости, чтобы удержаться на такомъ видномъ посту, какъ „Плевна“. Конечно, запутанная кабацкая бухгалтерія стояла на первомъ планѣ, потомъ разныя отношенія къ полиціи и акцизнымъ чиновникамъ, но всего важнѣе было организовать правильныя отношенія къ разношерстной кабацкой публикѣ, вѣрнѣе сказать, создать такую публику.

— Прежде всего, мы народъ очень самолюбивый, — объяснилъ Башка, когда Ванька Каинъ забралъ въ свои цѣпкія руки бразды правленія, — Да... А потомъ нужно помнить, что мы совсѣмъ потерянный народъ только для васъ, а для себя мы потерянные только временно. Самый послѣдній пьянчужка глубоко убѣжденъ, что онъ пьянствуетъ только пока, а потомъ броситъ водку и заживетъ еще лучше другихъ.

— Ужъ это обнакновенно; какiй послѣднюю рюмочку у васъ пьетъ, — прибавлялъ глубокомысленно Ванька Каинъ отъ себя. — И мы тоже не безъ понятiя...

— Отлично... Потомъ заруби себѣ на носу, что деньги наживаютъ не съ богатыхъ, а съ бѣдныхъ, вотъ съ такихъ проходимцевъ, какъ мы, въ особенности. Я тебѣ объясню, почему... Во-первыхъ, богатыхъ людей очень немного, второе, богатый всегда и все купитъ во-время и подешевле,—такъ?— ну, а бѣднота платитъ втридорога вашему брату, и изъ грошиковъ-то да изъ пятаковъ, глядишь, у ловкаго человѣка капиталъ выросъ... Такъ?.. И мотай себѣ это на усъ... Если бы ты зналъ математику, такъ я тебѣ доказалъ бы, какъ дважды-два, что значатъ такъ называемыя несоизмѣримо-малыя величины. Горы изъ нихъ растутъ, изъ этихъ несоизмѣримо-малыхъ величинъ... Да. Такъ и въ вашемъ дѣлѣ.

— Ужъ извѣстно, надо и намъ свою линiю выводить... А только я вотъ чего никакъ не пойму: такъ это вы складно умѣете говорить, какъ по-писаному, и такъ все вѣрно у васъ выходитъ, а только вотъ съ собой-то не можете ничего сдѣлать... Даже, ей-Богу, жаль глядѣть въ другой разъ со стороны!.. При этакомъ-то умѣ да при вашей грамотѣ какую бы линiю можно было вывести... т.-е. только ахъ, Боже мой!

— Ну, это ужъ не твоего ума дѣло, Иванъ Василичъ.

Башка сдѣлался для Ваньки Каина правой рукой во всѣхъ важныхъ кабацкихъ дѣлахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянной статьей дохода. Говоря вообще, именно Башка задавалъ тонъ всей „Плевнѣ“, гдѣ онъ являлся вполнѣ авторитетнымъ лицомъ. Спецiальностью Башки служило ходатайство по дѣламъ, причемъ онъ иногда зарабатывалъ порядочныя деньги, одѣвался заново и потомъ все спускалъ до послѣдней нитки. Знакомыхъ у Башки въ мелкомъ купечествѣ, въ духовномъ званiи было несмѣтное число, и онъ умѣлъ эксплоатировать всю эту братiю съ замѣчательной изворотливостью, Въ „Плевнѣ“ было составлено и написано Башкой множество прошенiй, которыми онъ одолѣвалъ суды всѣхъ инстанцiй; онъ же являлся свидѣтелемъ въ двухъ нотарiальныхъ конторахъ, какъ человѣкъ, „лично извѣстный“ гг. нотарiусамъ. На худой конецъ Башка зарабатывалъ въ день рубль или полтора, хотя въ его тревожной жизни случались нерѣдко совсѣмъ глухiе моменты, особенно послѣ жестокаго перепоя, когда онъ сидѣлъ безъ гроша по недѣлямъ. Такiя несчастiя обыкновенно случались съ нимъ сейчасъ послѣ большихъ полученiй: получитъ Башка деньги и пойдетъ чертить, а потомъ и зубы на полку, такъ что даже къ нотарiусу не въ чемъ явиться. Обыкновенно изъ такого отчаяннаго положенiя Башку выручалъ Ванька Каинъ, дѣлавшiй ему при этомъ приличную нотацiю. Въ глубинѣ души Ванька Каинъ благоговѣлъ предъ талантами Башки, хотя иногда и любилъ его поприжать своей каиновой лапой.

Около Башки группировались уже остальные завсегдатаи „Плевны“.

Корнилычъ, промотавшiйся купеческiй сынокъ, былъ великимъ артистомъ по части бильярдной игры; онъ дневалъ и ночевалъ по трактирамъ, выжидая подходящаго случая нагрѣть руки около загулявшаго купчика или чиновника. Всю выручку онъ несъ въ „Плевну“, гдѣ сейчасъ же появлялись на сцену сардинки, сыръ, разныя лакомства сезона и т. д., пока не улетучивалась у Корнилыча послѣдняя копейка. Этотъ человѣкъ остался неисправимымъ мотомъ; сорить деньги было у Корнилыча въ крови, и онъ многолѣтней практикой до совершенства постигъ великое искусство шикнуть и показать товаръ лицомъ. Пилъ Корнилычъ совсѣмъ мало и перебивался въ „Плевнѣ“ около хорошихъ людей въ родѣ Башки.

Труба, сбившійся съ пантылыку мужикъ, промышлялъ около пріѣзжавшихъ въ городъ крестьянъ, съ которыми умѣлъ заводить знакомство съ необыкновенной быстротой; онъ въ одномъ карманѣ носилъ колоду картъ, а въ другомъ свой величайшій секретъ — „гривенку“. Захмелѣвшихъ мужиковъ Труба умѣлъ затянуть въ извѣстную кабацкую игру „три туза“ или начиналъ метать оболянку, причемъ на сцену выступала завѣтная гривенка. Эта гривенка была устроена особеннымъ образомъ. Труба взялъ двѣ старыхъ николаевскихъ гривны и у одной сточилъ „рѣшетку“, а у другой „орелъ“, такъ что сложенныя вмѣстѣ онѣ составляли одну гривну; въ „рѣшеткѣ“ Труба искусно высверлилъ нѣсколько желобковъ и въ нихъ налилъ ртути, а потомъ спаялъ обѣ гривны въ одну. Такая монета, брошенная вверхъ, всегда ложится рѣшеткой внизъ, такъ что Труба никогда не рисковалъ проиграться, хотя завѣтную гривенку приходилось пускать въ оборотъ очень осторожно. Труба рѣдко игралъ въ „Плевнѣ“, а большею частью на сторонѣ, гдѣ его не знали, и съ выигрышными деньгами непремѣнно являлся къ Ванькѣ Каину и пилъ тяжелымъ мужицкимъ запоемъ.

Кто такой былъ Хохликъ, по всей вѣроятности, онъ и самъ того не зналъ. Въ „Плевнѣ“ онъ являлся безотвѣтнымъ, чрезвычайно скромнымъ существомъ; его можно было послать куда угодно, и онъ, кажется, никогда не могъ возразить что-нибудь. Чѣмъ онъ существовалъ—тоже являлось неразрѣшимой загадкой. Его друзья знали только то, что Хохликъ умѣетъ играть на гитарѣ и на пробкахъ; послѣднее искусство стоило ему самаго каторжнаго труда, и онъ овладѣлъ имъ настолько, что, взявши въ зубы двѣ пробки, разыгрывалъ даже опереточныя аріи. Корнилычъ и Труба часто пользовались услугами безотвѣтнаго товарища, когда имъ нужно было подставное лицо, а Башка гонялъ Хохлика съ прошеніями по всему городу. Вообще Хохликъ отличался полнымъ отсутствіемъ воли и былъ счастливъ, когда дѣлалъ что-нибудь для другихъ по ихъ приказанію.

— И какой ты, право, Христосъ съ тобой!—говорила ему въ припадкѣ сердечнаго разслабленія сожительница Ваньки Каина. — Ты бы смѣлѣе, ей-Богу... Учись у Башки-то, али у другихъ тоже... Право, какой ты!..

— Гдѣ ужъ намъ, Акулина Митревна... Мы ужъ такъ-съ... помаленьку-съ.—смущенно отвѣчалъ Хохликъ, обдергивая рукава своего пальто.

— Ежели бы ты блаженненькій былъ... придуривалъ тамъ, а то вѣдь... Уродится же этакій человѣкъ, подумаешь! А?

Кромѣ этихъ завсегдатаевъ, „Плевну“ періодически посѣщало множество другихъ особенныхъ людей, которые временемъ сильно зашибали водкой. Посѣщеніе такого гостя было настоящимъ праздникомъ для завсегдатаевъ. Гость пропивался до нитки и потомъ удалялся во-свояси. Въ этомъ разрядѣ были чиновники, купцы и люди неопредѣленныхъ профессій; за ними обыкновенно являлись родственники, которые страшно ругались съ Ванькой Каиномъ и обѣщались жаловаться начальству.

— Что же-съ? Я ихъ не неволю-съ,—любезно отвѣчалъ Ванька Каинъ, взмахивая жирными волосами.—А что до начальства касательно, такъ у меня есть пакентъ... сдѣлайте ваше одолженіе.

Ванька Каинъ былъ великій тактикъ и въ совершенствѣ обладалъ величайшимъ сокровищемъ, которое называется „чувствомъ мѣры“; людей онъ видѣлъ насквозь и со всякимъ умѣлъ обойтись по-своему. Тонкость пониманія была въ немъ развита замѣчательно и еще скрашена извѣстнымъ запасомъ чисто-русскаго добродушія. Конечно, по-своему Ванька Каинъ былъ прожженый плутъ и мошенникъ, но только для другихъ, а не у себя дома, гдѣ

онъ являлся почти отцомъ семейства. Бездомные бродяги и скитальцы вели у него все хозяйство, ходили за лошадью, и даже самъ Башка пололъ въ огородѣ гряды. Завсегдатаи любили Ваньку Каина именно за его пониманіе, т.-е. за то, что онъ одинъ относился къ нимъ, какъ къ людямъ.

— Да ты думаешь, Иванъ Василичъ, я пошелъ бы куда-нибудь въ кабакъ?.. а?—допрашивалъ пьяненькій Корнилычъ.—Нѣ-ѣтъ, братъ, я тоже себѣ цѣну знаю... А къ тебѣ вотъ иду, потому что уважаю. Да!.. Какъ къ отцу родному иду, во-какъ... Ужъ это ты будь безъ сомнѣнія, по всей формѣ.

Отмѣтимъ здѣсь ту особенность, что въ этой средѣ кабацкихъ завсегдатаевъ соблюдался цѣлый ритуалъ самыхъ строгихъ приличій, преступать которыя никто не могъ, и, можетъ-быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ жестоко не преслѣдовалось отступленіе отъ этихъ приличій, какъ здѣсь. Между прочимъ, строго было запрещено приводить въ „Плевну“ женщинъ или, выражаясь кабацкимъ жаргономъ, бабъ, что и выполнялось до сихъ поръ неукоснительно. Причинъ такого драконовскаго закона было много, начиная съ того, что Башка не выносилъ бабъ вообще и въ частности, и кончая тѣмъ, что Акулина Митревна строго блюла патріархальность нравовъ своего заведенія и въ качествѣ женщины ненавидѣла всѣхъ другихъ женщинъ, а тѣмъ болѣе шляющихся по кабакамъ. Ванька Каинъ держалъ нейтралитетъ, потому что находился въ нѣкоторомъ подчиненіи у своей сожительницы, особенно когда самъ зашибалъ своимъ товаромъ.

Теперь намъ понятно то чувство негодованія, которое было вызвано неожиданнымъ появленіемъ въ „Плевнѣ“ Фигуры. Когда дверь кабака захлопнулась за ней, сейчасъ же послѣдовалъ настоящій взрывъ одобренія, адресованнаго къ расхрабрившейся Акулинѣ Митревнѣ.

— Молодца у насъ Акулина Митревна,—галдѣли завсегдатаи, точно праздновали настоящую побѣду.—Ловко она отчехвостила эту шлюху... А Башка послѣ этого будетъ хуже Мазепы.

— Настоящій Гришка Отрепьевъ.

Общественное мнѣніе „Плевны“ было возмущено до глубины души и вынесло Башкѣ обвинительный вердиктъ безъ всякихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, и только одинъ Ванька Каинъ испытывалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти, что не предложилъ Башкѣ во-время стаканчика и тѣмъ довелъ его до окончательнаго паденія. Впрочемъ, онъ вслухъ никому не высказывалъ своихъ мыслей, тѣмъ болѣе, что его вина носила слишкомъ косвенный характеръ.

„Сбѣсился песъ,—раздумывалъ Каинъ, орудуя за стойкой.—Этакое колѣно укололъ!.. а? Бабу приволокъ, да еще какую-то такую, что... тьфу!.. Этакія пропастины, подумаешь, на бѣломъ свѣтѣ водятся...“

На другой день послѣ этого событія „Плевна“ уже имѣла самыя подробныя біографическія свѣдѣнія относительно прошлаго и настоящаго Фигуры. Это поусердствовалъ Корнилычъ, имѣвшій большія трактирныя связи, а въ трактирахъ Фигуру отлично знали.

— Перво-наперво она у родителевъ жила,—повѣствовалъ Корнилычъ, глубокомысленно насасывая дешевенькую сигарку.—Изъ дворянъ еще будетъ... Ну, воспитаніе получила самое нѣжное, да потомъ и пошла щеголять. Въ театрѣ актрисой была, потомъ арфисткой, потомъ по трактирамъ... Щеголяла-щеголяла, да вотъ и дощеголяла до своего настоящаго виду. Зобунъ разсказывалъ, какъ она Башку-то подцѣпила... Нехорошо даже разсказывать. И такая, сказываетъ, пройдоха, что не приведи Христосъ. Шленда, однимъ словомъ...

— Удавить бы ее, проклятущую!—предложилъ кто-то.

Однако такіе разговоры никого не могли утѣшить; отсутствіе Башки чувствовалось во всемъ: точно изъ машины вынули главное колесо. И, какъ на зло, идетъ такъ и перъ въ „Плевну“ съ прошеніями, а Башка и глазъ не показываетъ.

— Сказываютъ, утонулъ онъ,—отвѣчалъ Ванька Каинъ на разспросы просителей и мрачно улыбался

V.

Черезъ недѣлю Башка неожиданно появился въ „Плевнѣ“, онъ привелъ съ собой Медальона и занялъ свое обычное мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. Понятно, что завсегдатаи встрѣтили его очень подозрительно, но Башка съ обычной хитростью притворился, что ничего не замѣчаетъ, и держалъ себя такъ, точно ничего особеннаго не случилось.

— Экіе безстыжіе глаза! изумлялась Акулина Митревна.—И безпремѣнно у него что-нибудь есть на умѣ... ужъ не таковскій человѣкъ, чтобы спроста! И одежонкой раздобылся, песъ...

Дѣйствительно, Башка явился въ сапогахъ, въ калошахъ, въ приличныхъ брюкахъ и даже въ осеннемъ дипломатѣ съ чужого плеча. Медальонъ жался въ одномъ пиджакѣ.

— А мы ужъ тебя утонувшимъ записали,—ехидно говорилъ Ванька Каинъ, выставляя приличную посудину.—Много тутъ спрашивали... Я еще пожалѣлъ, потому какъ въ цвѣтѣ лѣтъ и, можно сказать, безъ покаянія...

— Будетъ тебѣ огороды-то городить,—обрѣзалъ Башка.—Я вотъ тебѣ хорошаго человѣка привелъ.

— Что же? Мы хорошимъ людямъ завсегда рады... Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Медальонъ былъ подвергнутъ самой безпощадной критикѣ и выдержалъ испытаніе. Его какъ-то сразу всѣ полюбили, а Акулина Митревна сказала прямо, что „энтотъ какъ разъ подъ пару подойдетъ Хохлику-то“. Однако вечеромъ, когда пьяный Башка принялся разсуждать съ Медальономъ о разныхъ философскихъ предметахъ, Ванька Каинъ замѣтилъ женѣ, что Медальонъ „далеко не вплоть“ Хохлику-то, вонъ какія мудреныя слова разговариваетъ. Даже Корнилычъ, на что лютъ бобы-то разводить, и тотъ только глазами хлопаетъ. А Башка дѣйствительно разговорился какъ-то необыкновенно и точно все заискивалъ передъ новымъ своимъ другомъ, чѣмъ завсегдатаи были обижены еще разъ.

— Есть цѣлый разрядъ фактовъ, который совсѣмъ выходитъ изъ предѣловъ обыкновенной логики,—философствовалъ Башка.—Напримѣръ, общество не хочетъ знать насъ и даже стыдится, а между тѣмъ мы самое наизаконнѣйшее явленіе... Даже можно сказать, мы правильнѣе смотримъ на вещи, потому что, по теоріи утилитаризма, промѣняли фиктивныя блага на болѣе существенное, такъ сказать, мы пьемъ сокъ жизни, когда другіе только приближаются къ этому идеалу. Важно доработаться до философскаго міросозерцанія, а съ высоты его разныя житейскія невзгоды кажутся просто смѣшными.

— Совершенно вѣрно!—соглашался Медальонъ, запуская тонкія руки въ свои бѣлокурые волосы.—Людямъ крайне тяжело разставаться съ извѣстными житейскими предразсудками, особенно съ тѣми изъ нихъ, которые срослись съ домашнимъ обиходомъ... Только вотъ у насъ въ гимназіи плохо проходили философію, и я не совсѣмъ понимаю нѣкоторыя твои разсужденія.

— Пустяки! Этотъ недостатокъ твоего воспитанія мы пополнимъ,—

смѣялся Башка, встряхивая своей гривой. Знаешь, я человѣкъ откровенный и прямо тебѣ скажу, что крѣпко недолюбливаю ваше сухарное гимназическое образованіе... Ей-Богу!.. Знаете вы много и порядочно знаете, а вотъ настоящаго закалу въ васъ нѣтъ... этой философской выдержки. У нашего брата, бурсака, дубленые мозги-то... Ха-ха!.. Жизнь, братику, это мудреная исторія, если особенно взять не казовые концы и не ея парадную праздничную сторону, а настоящую суть. Вездѣ противорѣчія... „Ввергохомъ злато въ огонь, и изліяся телецъ“. Ха-ха! Это ужъ постоянно. „Злато“ это то, чѣмъ мы были до нашего воспитанія, а „телецъ“ получился уже въ результатѣ. Знаешь, я недавно шелъ ночью босикомъ въ одной рубахѣ по грязи... холодище смертный, даже одеревянѣлъ весь, а въ главизнѣ разныя латинскія да греческія цитаты такъ и шевелятся: изъ Овидія, изъ Гомера, изъ Цицерона. Вѣдь получается жестокая, но поучительная иронія... Я хохоталъ, надъ собой хохоталъ. Къ чему? Зачѣмъ?.. Жизнь требуетъ цѣльнаго человѣка, сильнаго умомъ и волей, а мы являемся на житейскій пиръ, какъ попугай, съ двумятремя латинскими фразами. Я вотъ человѣкомъ-то себя чувствую только здѣсь, въ „Плевнѣ“, и то постоянно сосетъ червь... Просто иногда пугаетъ этотъ всеобщій разладъ, частицу котораго составляешь и самъ своей особой. Вотъ Ванька Каинъ уравновѣшенная душа, потому что онъ безмѣрно глупъ... изъ породы сумчатыхъ и толстокожихъ, и, навѣрное, у него волосы растутъ прямо изъ мозговъ.

Медальонъ говорилъ на эту же безконечную тему, хотя во многомъ не могъ согласиться съ жестокой логикой Башки. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, болѣзненно согнувшись, точно все еще подъ нимъ была гимназическая парта, и нервно вздрагивалъ каждый разъ, когда за стѣнами „Плевны“ съ визгомъ и завываніями поднимался рѣжущій осенній вѣтеръ, метавшійся по городскимъ улицамъ, какъ оглашенный. Стоялъ октябрь, земля уже покрылась промерзшей корой, и вездѣ бѣлѣлъ первый снѣгъ, которымъ такъ пріятно любоваться изъ хорошихъ теплыхъ домовъ, когда въ запасѣ есть теплая шуба. Въ „Плевнѣ“ въ эту пору всегда бываетъ особенно много посѣтителей, потому что холодъ всѣхъ гонитъ къ теплу.

— Экая у тебя жидкокостная и гнилая натуришка!—негодовалъ Башка каждый разъ, когда у Медальона на улицѣ зубъ съ зубомъ не сходился.—Ты смотри на меня: точно изъ подошвенной кожи сшитъ.

Раньше Башка ночевалъ вмѣстѣ съ другими завсегдатаями въ задней каморкѣ „Плевны“ или по разнымъ ночлежнымъ притонамъ, а теперь къ ночи обязательно исчезалъ въ обществѣ Медальона.

— Это онъ къ той шляется,—соображала „Плевна“ и презрительно пожимала плечами.—А та, небось, боится сюда безстыжіе-то свои глаза показать.

Между тѣмъ Фигура лежала больная въ своемъ подвалѣ, куда Башка и Медальонъ приносили дрова и разный необходимый провіантъ, добываемый ими по веему городу. Башка былъ неузнаваемъ. Онъ сначала ненавидѣлъ Фигуру, потомъ помирился съ ней, а теперь ухаживалъ за ней, какъ за ребенкомъ, т.-е. ухаживалъ-таки опять по-своему, по-бурсацки. Со стороны можно было подумать, что Башка хочетъ приколотить больную. Но это не мѣшало ему просиживать надъ ней цѣлыя ночи, безконечныя осеннія ночи, когда все кругомъ покоится мертвымъ сномъ и только вѣтеръ выводитъ дикія ноты въ трубѣ. Башка привелъ къ больной доктора, ему одному извѣстными способами добывалъ лѣкарства, Башка приносилъ откуда-то дрова. Башка раздобылся матрацомъ и одѣяломъ для больной; однимъ словомъ, онъ

работалъ неутомимо и, кромѣ того, еще ухаживалъ за Медальономъ, котораго полюбилъ съ перваго раза. Фигура лежала на своемъ одрѣ съ закрытыми глазами и, казалося, не узнавала никого: по ночамъ она начинала тяжело метаться и глухо стонала. Башка обкладывалъ ее компрессами, измѣрялъ температуру, подавалъ лѣкарства и былъ очень доволенъ, что у него не остается ни минутки свободнаго времени. Иногда Башка приносилъ съ собой бутылку водки и молча ее распивалъ въ обществѣ Медальона, который дѣлалъ всегда то, что дѣлаютъ другіе. Особенно хорошо чувствовали себя друзья въ тѣ часы, когда топилась вечеромъ печь, и они могли сидѣть передъ ней въ безмолвномъ созерцаніи, какъ настоящіе философы. Пламя трещало такъ весело и разливало кругомъ такую благодатную теплоту.

— Странная вещь этотъ огонь,—задумчиво говорилъ Башка, глядя на переливы пламени.—Это стихійное начало, съ одной стороны... съ другой, символъ очищенія, прообразъ домашняго очага, величайшее пріобрѣтеніе для ветхаго человѣка и неутомимый работникъ для новаго.

Медальонъ цитировалъ греческихъ и римскихъ авторовъ, припоминая мѣста, гдѣ говорится объ огнѣ, а Башка сидѣлъ и думалъ, думалъ безъ конца, какъ думается только въ осеннія непроглядныя ночи. Ни отца ни матери онъ не помнилъ: они умерли разомъ въ 48-мъ холерномъ году. Дядя свезъ его восьми лѣтъ въ бурсу, и съ тѣхъ поръ Башка жилъ своимъ умомъ. Много перенесъ онъ за двѣнадцать лѣтъ бурсацкой науки и холода, и голода, и всякихъ другихъ напастей, и въ концѣ концовъ выработался изъ него чистокровный семинарскій „башка“. Чѣмъ только онъ ни былъ, проходя черезъ это бурсацкое чистилище: архіерейскимъ исполатчикомъ, кадило- и свѣщевозжигателемъ, канонархомъ, иподьякономъ, архіерейскимъ басомъ, потомъ служилъ въ консисторіи, въ акцизномъ вѣдомствѣ, при полиціи, на золотыхъ промыслахъ, въ городской управѣ и т. д.

— Не сносить тебѣ головы, братецъ,—говорилъ Башкѣ одинъ старичокъ, семинарскій профессоръ,—винта не хватаетъ одного въ мозгахъ... Очень ужъ ты башковатъ, своя сила одолитъ, да и гордости этой въ тебѣ черезъ мѣру.

Дѣйствительно, въ головѣ у Башки недоставало какого-то винта. Съ блестящими способностями, съ философской складкой ума, выносливый, изобрѣтательный, онъ принимался за десятки спеціальностей, быстро дѣлался общимъ любимцемъ, а потомъ такъ же быстро ссорился со всѣми, бросалъ дѣло и уходилъ на улицу, которая всегда кормила и поила его. Въ минуты раздумья Башка самъ сознавалъ, что пропадаетъ ни за грошъ, но переломить себя не могъ: его вѣчно грызъ бѣсъ ненасытной гордости, точно какая скрытая зараза. Конечно, Башка страшно пилъ, пилъ съ двѣнадцати лѣтъ, но что могла значить водка для его желѣзной натуры? Онъ пилъ съ тоски, которая неотступно сосала его. Даже успѣхъ не радовалъ его, а наводилъ унынie: онъ, который чувствовалъ въ себѣ силу сдвинуть гору, долженъ былъ „ловить мышей“, какъ выражался Башка. Сознаніе собственной силы и превосходства надъ окружающими сдѣлало его несчастнымъ, какъ и многое множество другихъ талантливыхъ русскихъ выродковъ, кончившихъ роковымъ „общимъ знаменателемъ“, какъ называлъ Башка кабакъ.

Въ жизни Башки былъ одинъ ничѣмъ необъяснимый пробѣлъ: для него женщины почти не существовали, или, вѣрнѣе, существовали, какъ печальная физіологическая необходимость. Радужный ореолъ, которымъ окружали женщину поэты всѣхъ странъ и народовъ, для Башки былъ дребезгомъ и чепухой; онъ видѣлъ только бабъ, самый вздорный и ничего нестоящій народишко, который въ природѣ служитъ только переходной формой и, какъ таковая, но-

ситъ въ себѣ всѣ недостатки переходнаго существованія. Съ физической стороны Башка относился къ женщинѣ брезгливо, съ тѣмъ презрѣніемъ, которое выработала въ немъ тяжелая практика: какъ философъ, онъ ихъ ненавидѣлъ, какъ ненавидитъ каторжникъ цѣпи даже на другихъ. О любви и вообще нѣжныхъ чувствахъ Башкѣ не приходилось задумываться, и въ немъ жилъ какой-то подвижническій, почти аскетическій духъ. Не помня матери и не имѣя семьи, Башка выросъ дикаремъ и частенько подумывалъ о монашествѣ.

Случайная встрѣча съ Фигурой и Медальономъ произвела на него какое-то смѣшанное впечатлѣніе: чѣмъ ближе онъ знакомился съ Фигурой, тѣмъ сильнѣе ее презиралъ, и чѣмъ больше ее презиралъ, тѣмъ больше любилъ Медальона, этого гимназическаго башку въ зародышѣ, въ безконечномъ приближеніи къ своему первообразу и идеалу, точно Башка видѣлъ въ Медальонѣ часть самого себя, именно ту часть, которой ему недоставало. Какъ ни странно сказать, Башка питалъ къ Медальону отечески-нѣжныя чувства, точно самъ онъ физически хотѣлъ продолжиться въ этой жидкокостной натуришкѣ. Сначала Башку до глубины души возмущали телячьи нѣжности въ отношеніяхъ Фигуры и Медальона: эти нѣжности шокировали и коробили Башку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нимъ страница за страницей раскрывался совершенно невѣдомый міръ, міръ неиспытанныхъ ощущеній. Фигура любила Медальона, и это неизвѣданное чувство Башка переживалъ въ отраженной формѣ. Имъ овладѣла какая-то новая тоска, точно онъ что-то потерялъ такое хорошее и дорогое и, вмѣстѣ, такое чистое... Да, это было новое чувство, и Башка боролся съ нимъ молча, сосредоточенно, какъ борются въ темнотѣ со смертельнымъ врагомъ, который напалъ сзади.

— Вздоръ... глупости!—ворчалъ Башка, схватывая себя за голову.

Развѣ онъ могъ любить грязную, истаскашную Фигуру, столько же походившую на женщину, какъ стоптанная, валяющаяся дырявая калоша гдѣнибудь на улицѣ походитъ на настоящую обувь. Башка былъ слишкомъ силенъ физически, чтобы не чувствовать физическаго отвращенія къ Фигурѣ, хотя это чувство и не мѣшало ему видѣть въ ней другую женщину, именно ту, которая еще такъ недавно блестѣла своей свѣжестью,—женщину, которая одной улыбкой могла сдѣлать человѣка счастливымъ. Просиживая ночи у постели больной, Башка припоминалъ плохонькій провинціальный театръ, изъ райка котораго онъ любилъ смотрѣть на сцену, и на этой сценѣ онъ припомнилъ Фигуру. Да, это была она—улыбающаяся, заражавшая публику своимъ весельемъ, а теперь... Даже философски-организованный умъ не въ состояніи помириться съ такимъ безпощаднымъ превращеніемъ, какъ не помирится онъ съ виномъ, потерявшимъ свой букетъ,—оставалась одна форма, а содержаніе улетучилось.

А Фигура все лежала съ закрытыми глазами, и Башка не одинъ разъ думалъ, что она уже умираетъ. Его схватывала какая-то злоба отъ сознанія своего полнаго безсилія предъ творившимся на его глазахъ актомъ природы; онъ, съ своимъ желѣзнымъ здоровьемъ, суровый и непреклонный, былъ здѣсь слабѣе ребенка и, какъ ребенокъ, только могъ ждать. Одна ночь особенно была тяжела, но эта ночь имѣла благодѣтельный исходъ. Фигура заснула въ первый разъ спокойнымъ сномъ выздоравливающаго человѣка и наутро въ первый разъ попросила ѣсть.

— Мнѣ лучше,—прошептала она и пожала руку Башкѣ.

Это невольное движеніе испортило все дѣло: Башка даже пожалѣлъ, что Фигура не умерла, и озлился на себя, зачѣмъ напрасно терялъ время въ

стомъ потолкѣ. Главное, Башка почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно глупо, и ему сдѣлалось совѣстно даже предъ выздоравливавшей.

Наступила новая полоса. Башка началъ теперь пропадать по цѣлымъ днямъ и являлся на квартиру къ Медальону только вечеромъ. Выздоровленіе Фигуры подвигалось впередъ быстрыми шагами, молодой организмъ бралъ свое; она уже могла сидѣть на постели и все придумывала разныя необыкновенныя кушанья.

Знаете, что мнѣ кажется?—говорила однажды Фигура, когда Медальонъ и Башка сидѣли у топившейся печки и мечтали.—Мнѣ кажется, что я родилась во второй разъ... Я какъ-то проснулась здѣсь днемъ одна, и вдругъ мнѣ представилось, что я маленькая дѣвочка, совсѣмъ маленькая, когда ходила въ коротенькихъ платьицахъ и въ панталонахъ съ кружевной оборочкой. Да... Это такъ было смѣшно. И рубашка на мнѣ была такая тонкая и чистая, настоящая батистовая, лѣтнее платьице изъ дешевенькой кисеи съ маленькими такими розовыми мушками, а волосы на головѣ были подвязаны одной ленточкой, — и больше ничего. Вѣдь это во снѣ все... да. И сама я такая легкая сдѣлалась, и хорошо мнѣ такъ, что я даже засмѣялась про себя.

Этотъ разсказъ просто взбѣсилъ Башку. Онъ схватилъ свою шапку и, не сказавъ никому ни одного слова, убѣжалъ изъ подвала.

— Что это съ нимъ такое сдѣлалось?—недоумѣвала Фигура.

— А кто его знаетъ, — равнодушно отвѣтилъ Медальонъ. — Онъ вѣдь вообще довольно странно себя держитъ.

Башка жестоко пилъ весь вечеръ въ „Плевнѣ“, раскаялся во всѣхъ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ Корнилычу и, облегченный этой добровольной исповѣдью, далъ слово своему закадычному благопріятелю, что больше никогда не заглянетъ къ Медальону.

— Ну ихъ къ чорту! — коротко замѣтилъ Корнилычъ.

— Бѣленькое платьице... батистовая рубашка... Слышишь? И рубашка бѣленькая! Ха-ха!.. Говоритъ, во снѣ видѣла... Этакая подлая душонка! И ленточка... тьфу!..

Пьяный Башка проклиналъ всѣхъ бабъ вообще, а на другой день вечеромъ опять сидѣлъ въ подвалѣ у Медальона и сурово курилъ одинъ крючокъ махорки за другимъ. Онъ шелъ мимо и зашелъ погрѣться — не больше. Съ Фигурой онъ не говорилъ ни слова и точно совсѣмъ не замѣчалъ ея присутствія, а когда уходилъ, то такъ сильно хлопнулъ дверью, что та соскочила съ послѣдней своей петли. Это обстоятельство задержало Башку въ подвалѣ дольше, чѣмъ онъ предполагалъ, но онъ все-таки до конца выдержалъ характеръ и не проронилъ съ Фигурой ни одного словечка. Очутившись на улицѣ, Башка долго бродилъ и все что-то обдумывалъ, ругаясь про себя.

— Нѣтъ, это ужъ благодарю покорно! — думалъ онъ вслухъ, шагая по молодому снѣжку, который своей бѣлизной опять напоминалъ ему о проклятой бѣленькой рубашкѣ. — Дудки!.. Къ чорту!

Башка въ послѣднее время работалъ самымъ лихорадочнымъ образомъ и успѣлъ обдѣлать сотни ловкихъ дѣлъ. Изъ-подъ его пера летѣлъ цѣлый градъ прошеній и всяческихъ кляузъ во всевозможныя инстанціи. Денегъ у него было много, и, между прочимъ, онъ успѣлъ достать Медальону мѣсто писца у нотаріуса. Словомъ, работа кипѣла. По вечерамъ Башка иногда захаживалъ въ подвалъ къ Медальону погрѣться, выкуривалъ нѣсколько папиросъ и исчезалъ. Къ Фигурѣ онъ относился съ прежней суровостью, а между тѣмъ она уже могла бродить по комнатѣ и съ удовольствіемъ сидѣла передъ печкой. Болѣзнь совсѣмъ измѣнила ее. Пьяная одутловатость исчезла,

лицо вытянулось, кожа поблѣднѣла, глаза смотрѣли чистымъ свѣтлымъ взглядомъ, какъ у проснувшагося ребенка.

— Теперь ужъ кончено,—въ сотый разъ повторяла Фигура.— Я водки больше ни-ни... У тебя теперь есть мѣсто, и я тоже найду занятія. Поступлю суфлеромъ въ театръ, возьму мѣсто приказчицы, словомъ, устроимся.

Эти планы повѣрялись и Башкѣ, который только иронически улыбался. Онъ теперь занятъ былъ исключительно философскими соображеніями и постоянно спорилъ съ Медальономъ, т.-е., вѣрнѣе, придирался къ нему и постоянно разбивалъ его по всѣмъ пунктамъ. Разъ такой разговоръ перешелъ въ настоящую ссору.

— Ничего вы, медальоны, не понимаете—вотъ что! обрѣзалъ Башка.— Ну что вы за народъ, если разобрать? Плюнуть—и растереть нечего, вотъ и весь разговоръ.

— Однако ты, Башка, довольно сильно выражаешься сегодня,—замѣтилъ Медальонъ, задѣтый за живое.

— А вы привыкли, чтобы васъ по головкѣ гладили?.. а?—зарычалъ неожиданно Башка.—Какой-нибудь издохлый гимназистишка и философія... Ха-ха!..

— Послушайте, это невѣжливо наконецъ —замѣтила отъ себя Фигура.

— Не-вѣж-ли-во?—переспросилъ съ разстановкой Башка, побѣлѣвъ отъ охватившей его злости.—А тебя, Фигура Ивановна, кто спрашиваетъ?.. Къ чорту!.. Слышала?.. А то я, безъ церемоніи, за хвостъ да объ стѣну...

Башка разругался напропалую, и, какъ всѣ неправые люди, старался выместить свою злость на ни чемъ неповинномъ Медальонѣ, который скоро замолчалъ, что уже окончательно вывело изъ себя Башку.

VI.

Дѣла въ „Плевнѣ“ шли все подъ гору, что завсегдатаи объясняли отщепенствомъ Башки. Онъ, правда, бывалъ въ „Плевнѣ“, и даже очень часто бывалъ, но это было „то, да не то“, потому что душой онъ уже не принадлежалъ къ ней, какъ это было прежде.

„И точно на меня затменіе тогда нашло какое,—раздумывалъ съ горечью про себя Ванька Каинъ, пересчитывая выручку.—Ну, чего стоило дать тогда Башкѣ опохмелиться, ну, какой-нибудь стаканчикъ—плевать, а теперь вотъ и ожигайся...“

Съ другой стороны, Ваньку Каина точно какой бѣсъ подталкивалъ не покориться Башкѣ ни подъ какимъ видомъ. „Эка важность, и безъ него проживемъ: было бы болото, а черти будутъ!“ Наружно онъ былъ вѣжливъ съ Башкой попрежнему, хотя и не умѣлъ скрыть оборотной стороны этой вѣжливости, выжидая только случая отомстить Башкѣ по-настоящему. Эти жестокія мысли въ Ванькѣ Каинѣ поддерживались еще больше плохой выручкой, которая даже передъ Рождествомъ не поправилась, хотя это было самое бойкое время. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, чуть не подъ носомъ у Ваньки Каина открывался другой кабакъ, что, очевидно, было дѣломъ рукъ все того же Башки.

— Это даже весьма обнакновенно,—разсуждалъ Ванька Каинъ въ своей компаніи съ видомъ угнетенной невинности.—И поговорка такая есть: „не поя, не кормя, ворога не наживешь“. Оно все такъ и выходитъ: за мою хлѣбъ-соль да меня же Башка и подводитъ. Прежде прошенія писать сколько мужиковъ въ „Плевну“ ходило, такъ и прутъ, какъ въ окружный судъ, а теперь, видно, шабашъ, какъ обрѣзало... А все за мою доброту, да,—прибавлялъ Каинъ многозначительно.

Завсегдатаи „Плевны" тоже чувствовали себя не особенно весело, потому что и у нихъ дѣла безъ Башки сильно пошатнулись, а главное, ужъ не было прежняго духа. Про себя они тоже обвиняли въ своихъ неудачахъ Башку, и винили въ такихъ проступкахъ, о которыхъ онъ не могъ знать даже „сномъ-дѣломъ". Такъ, Корнилычъ проигрывался на бильярдѣ—рука стала не тверда и глазъ притупился, а онъ обвинялъ въ этомъ обстоятельствѣ Башку; Трубѣ гдѣ-то въ харчевнѣ крѣпко наломали бока за его гривенку — и тоже Башка былъ виноватъ. Даже безотвѣтный Хохликъ, и тотъ, ложась съ пустымъ желудкомъ, не разъ былъ огорченъ страннымъ поведеніемъ своего недавняго покровителя.

Разъ, незадолго до Рождества, выдался для „Плевны" особенно плохой день. Снѣгъ такъ и ходилъ по улицамъ бѣлой стѣной, холодъ былъ страшный и пробиралъ до костей въ самыхъ теплыхъ шубахъ, а у завсегдатаевъ на троихъ не было даже теплой шапки. Приходилось сидѣть въ „Плевнѣ" и ждать, не подвернется ли какой хорошій человѣкъ. А тутъ еще, какъ на зло, мимо „Плевны" шли и ѣхали съ разными покупками къ празднику: тащили гусей, ломти замороженной свинины, всяческую другую снѣдь, точно съ спеціальной цѣлью непремѣнно подзадорить щелкавшихъ зубами завсегдатаевъ.

— Хоть бы Башку чортъ принесъ! — ворчалъ Корнилычъ, тоскливо поглядывая на отворявшуюся дверь. — Сказываютъ, въ шубѣ щеголяетъ и съ бобровымъ воротникомъ.

— Ахъ, песъ!—ругался Труба.—Вѣдь вотъ, подумаешь, какое другимъ людямъ счастье привалитъ.

Въ моментъ наибольшаго отчаянія, въ „Плевнѣ" появляется Фигура; она сильно навеселѣ и держитъ окоченѣвшими отъ холода руками какой-то бумажный свертокъ.

— Башка здѣсь?—спрашиваетъ Фигура самого Ваньку Каина, который смотритъ такими глазами, точно сейчасъ намѣренъ проглотить ее живьемъ.

— Былъ, да весь вышелъ.—отвѣчаетъ онъ въ галантерейномъ тонѣ.

— Мнѣ бы поговорить съ вами нужно...

— Говорите.

— Нѣтъ, здѣсь нельзя: у меня секретъ

Каинъ отлично зналъ эти секреты своихъ посѣтителей и только указалъ головою на дверь въ свою комнату, куда Фигура и шмыгнула съ проворствомъ ящерицы. Отдыхавшая на перинѣ Акулина Митревна встрѣтила посѣтительницу самымъ непривѣтливымъ образомъ, не говоря ни слова, вырвала у ней изъ рукъ бумажный свертокъ и сердито принялась обрывать бумагу, вытаскивая на свѣтъ что-то бѣлое.

— Можетъ, еще украдено,—говорила Акулина, растягивая передъ окномъ тонкую батистовую женскую рубашку, отдѣланную кружевами, а потомъ кисейное бѣлое платье съ розовыми мушками; изъ средины упала на полъ тоненькая голубенькая ленточка.—Еще въ судъ потащутъ за краденое-то. Нѣтъ, матушка, не надо... у насъ не такое заведеніе, чтобы краденымъ промышлять.

— Могу васъ увѣрить, что это не краденое, — увѣряла Фигура. — Что дадите, то и возьму.

— Сказывай сказки-то, знаемъ мы...

Въ сущности, у Акулины глаза разбѣжались на хорошій закладъ, но она не могла отказать себѣ въ удовольствіи поломаться надъ ненавистной Фигурой, которую такъ бы и смазала прямо по рожѣ. Акулинѣ давно хотѣлось имѣть кисейное платье, а то она лѣтомъ ужасно потѣла, а теперь платье само прилетѣло къ ней.

— Откедова у тебя такому платью взяться? — тянула Акулина, снова прикидывая на свѣтъ и рубашку и платье.

— Да вѣдь это для васъ все равно: мое, и только.

— Твое!.. А купи его да надѣнь, въ полицію и представятъ. Это какъ?

— Ахъ, Боже мой!.. Я дешево отдамъ...

— Не надо,—обрѣзала Акулина, свертывая комомъ платье.—Наживешь грѣха-то съ вашимъ братомъ. Проваливай по-добру, по-здорову!

— Послушайте, я даже скажу вамъ, отъ кого это платье, только, пожалуйста, не разсказывайте никому...

— Ну?

— Мнѣ подарилъ все это Башка... Да. Онъ такой странный... Вчера я вечеромъ была дома одна, Медальонъ еще не пришелъ со службы, слышу шаги Башки... Я знаю его походку хорошо. Ну, я нарочно и притворилась спящей и думаю: что онъ будетъ дѣлать? Ей-Богу, только онъ вошелъ въ комнату, видитъ, что я одна и сплю, подкрался ко мнѣ и спряталъ подъ подушку вотъ этотъ самый свертокъ, а самъ убѣжалъ. Честное слово, не вру, вотъ ни капельки не вру! Ужъ что ему за фантазія пришла—не понимаю...

— Сколько тебѣ подъ закладъ-то?

— Дайте пять рублей... Вѣдь эти двѣ вещи стоятъ больше двадцати.

— Два бери.

— Помилуйте, вѣдь эти вещи изъ магазина.

Торгъ закончился на трехъ рубляхъ, и Фигура, зажавъ бумажку въ рукѣ, отправилась прямо въ комнату завсегдатаевъ и сейчасъ же спросила три бутылки водки и закуски.

— Господа, мы сегодня кутимъ! — приглашала она компанію.—Да вы не стѣсняйтесь, пожалуйста... Ха-ха!.. Ну, первая коломъ, вторая соколомъ, а потомъ мелкими пташечками полетятъ.

„Плевна“ закутила. Корнилычъ и Труба позабыли всѣ невзгоды и сосали рюмку за рюмкой; безотвѣтный Хохликъ тоже „поддерживалъ компанію“. Но всѣхъ великолѣпнѣе, безъ сомнѣнія, была сама виновница этого импровизированнаго торжества, т.-е. Фигура. Она быстро опьянѣла и коснѣвшимъ языкомъ, улыбаясь, разсказывала разные анекдоты о Башкѣ и, между прочимъ, сама же первая разболтала со всѣми подробностями исторію послѣдняго подарка Башки.

— Онъ славный,—тянула Фигура, дѣлая неопредѣленный жестъ рукой.—И ленточку голубенькую не забылъ... Ха-ха!.. Это я ему сама разсказывала... когда была маленькая... да-а!.. Чему вы смѣетесь?

Подогрѣтая виномъ и общимъ вниманіемъ, Фигура принялась разсказывать о Башкѣ въ лицахъ, кривлялась, размахивала руками и нѣсколько разъ чуть не растянулась на полу. Это даровое представленіе надрывало животики всей „Плевнѣ“, такъ что самъ Ванька Каинъ хохоталъ надъ Фигурой до слезъ.

— Охъ, будь же она проклята, язвина! — шепталъ онъ въ умиленіи, утирая катившіяся отъ смѣха слезы.—Недаромъ сказано, что „баба хмельная—вся чужая“... Ай да Башка, молодца!

Въ самый разгаръ этого веселья, когда вся посторонняя публика приняла въ немъ оживленное участіе, въ „Плевну“ вошелъ Башка. Ванька Каинъ пальцемъ подозвалъ его къ стойкѣ, вынулъ изъ шкапа купленный у Фигуры свертокъ и, развернувъ покупки на стойкѣ, спросилъ:

— Узнаёшь супрызецъ-то? Ха-ха!.. Погляди-ка стунай, какъ твоя-то Фигура представляется.

Башка въ первое мгновеніе совсѣмъ опѣшѣлъ отъ этой пріятной неожиданности, и Башка Каинъ втолкнулъ его въ комнату, гдѣ Фигура въ десятый разъ представляла въ лицахъ передѣланный по-своему анекдотъ о подарѣ Башки. Публика аплодировала и задыхалась отъ смѣха, а Башка, блѣдный, какъ полотно, смотрѣлъ на нее дикими, остановившимися глазами.

— Видѣлъ?.. а?.. — спрашивалъ Каинъ, наклоняясь къ самому уху Башки.

— Видѣлъ.

— И это правда все?

— Правда.

Завсегдатаи, замѣтивъ стоявшаго въ дверяхъ Башку, вдругъ присмирѣли и начали одинъ за другимъ отодвигаться отъ пьяной Фигуры, которая уже не могла ничего видѣть.

— Ну-ка, закати ей хорошаго раза, — поджигалъ Каинъ осовѣвшаго Башку и даже легонько подталкивалъ его впередъ. — Да ну, взвесели ее, шельму!

Башка черезъ плечо посмотрѣлъ на Каина какъ-то такъ странно, улыбнулся и, не сказавъ ни слова, пошатываясь, пошелъ къ двери.

— Постой! Куда ты!—кричалъ Каинъ.—Шапку-то хоть возьми, ежова голова!

Но Башка ничего не слыхалъ и шагалъ уже далеко, чувствуя, какъ его голова и безъ шапки горитъ огнемъ.

Послѣ этого Башку больше не видали въ „Плевнѣ“, онъ исчезъ навсегда изъ Пропадинска.

1884.

ОТРАВА.

Очеркъ.

I.

Жирное, колеблющееся солнечное пятно уперлось прямо въ широкую спину Вахрушки, но онъ продолжалъ лежать на землѣ плашмя, уткнувъ въ траву свое бородатое и скуластое лицо. Солнце жгло отчаянно, а Вахрушка оставался неподвиженъ изъ свойственнаго ему упрямства: не хочу—и шабашъ, пусть палитъ... Нестрядиная рубаха, перехваченная ремешкомъ, и скатавшіеся штаны составляли весь костюмъ Вахрушки. Валеная крестьянская шляпа и сапоги лежали отдѣльно: Вахрушка бережно носилъ ихъ съ собою въ рукахъ—„на всякій случай“, какъ говорилъ онъ.

— Эй, Вахрушка, вставай!—повторялъ я, толкая его прикладомъ ружья въ бокъ. — Нужно переправляться черезъ озеро. Не почевать же здѣсь на берегу.

Вахрушка мычалъ, вытягивалъ босыя ноги и продолжалъ лежать ничкомъ, какъ раздавленный. Это было возмутительно, особенно когда являлась блаженная мысль о холодномъ квасѣ попа Ильи и чаѣ со свѣжею земляникой у писаря Антоныча. На Вахрушку накатился упрямый стихъ, и онъ оставался недвижимъ, какъ гнилая колода. Лягавая собака Фортуна, взятая нами у Антоныча на прокатъ, задыхалась отъ жара. Время отъ времени она звонко щелкала челюстями, стараясь поймать одолѣвавшихъ ее мухъ. Зной былъ нестерпимый, а нашъ тѣнистый уголокъ былъ теперь обойденъ солнцемъ.

— Вахрушка, вставай... Что ты, въ самомъ дѣлѣ, дурака валяешь?

— А... гм...ыгъ-мъ!.. О, Господи милостивый...

Мы попали въ непріятную засаду. Изъ Шатунова вышли тѣмъ раннимъ утромъ, когда еще „черти въ кулачки не бились“. Сначала обошли озеро Кекуръ, потомъ по гнилой степной рѣчонкѣ Истоку перебрались на озеро Чизма-Куль, обошли его кругомъ и съ двумя утками въ охотничьей сумѣ рѣшились возвратиться назадъ. Можно было передохнуть въ небольшой деревушкѣ Юлаевой, гдѣ жилъ знакомый старикъ Пахомычъ, но Вахрушка заупрямился, какъ это съ нимъ случалось, и потянулъ въ Шатуново.

— Первое дѣло, у попа Ильи квасу напьемся,—объяснилъ онъ въ свое оправданіе.—А то какъ же? Къ Пахомычу мы въ другой разъ завернемъ... Изморился я до-смерти съ этими проклятущими утками: одна битва съ ними, а не охота.

Можно было вернуться старою дорогой, что составило бы въ два конца верстъ пять съ хвостикомъ, но Вахрушка опять заупрямился и повелъ ближнею дорогой. Только обогнуть „башкирскую могилу“ (урочище, гдѣ было сра-

женіе во времена башкирскихъ бунтовъ), Чизма-Куль и останется влѣвѣ, а до Кекура рукой подать, изъ лица въ лицо выйдемъ на Шатуново. Какъ разъ и Маланьина избенка стоитъ на самомъ берегу — живо солдатка на батикѣ подмахнетъ, а тамъ и холодный квасъ у попа Ильи. Хорошъ поповскій квасъ!.. И Вахрушка уперся на этой несчастной мысли, какъ быкъ. Было уже такъ жарко, что вступать въ ратоборство съ Вахрушкой не хотѣлось,— ближнею дорогой, такъ ближнею.

Только охотники знаютъ, что такое возвращаться порядочному человѣку съ поля, когда во рту пересыхаетъ отъ жажды, ноги точно налиты свинцомъ и въ головѣ вертится предательская мысль: „нѣтъ, ужъ это въ послѣдній разъ"... Итти пришлось открытыми покосными мѣстами, кое-гдѣ перерѣзанными мелкою порослью и отдѣльными островками. Фортуна давно тащилась по пятамъ, высунувъ языкъ, съ тою особенною собачьей покорностью, которая еще больше увеличиваетъ вашу собственную усталость. Собаки предчувствуютъ глупости своихъ даже случайныхъ хозяевъ. Такъ мы обогнули башкирскую могилу, разлѣзшійся глиняный холмъ съ березовою порослью, оставили влѣвѣ Чизма-Куль („Говорилъ, что влѣвѣ останется озеро",—нѣсколько разъ повторилъ Вахрушка, оспаривая неизвѣстнаго супротивника) и наконецъ завидѣли вдали кривую полосу ярко блестѣвшаго на солнцѣ Кекура. Это было громадное высыхавшее степное озеро, какихъ такъ много разбросано по всему Зауралью. Теперь оно мирно зарастало ситникомъ и осокой, представляя отличный утиный садокъ. Для охоты оно было неудобно. Съ берега не допускала качавшаяся подъ ногами трясина, а гоняться за утками по камышамъ еще хуже. Вода въ озерѣ была дрянная, съ болотистымъ вкусомъ и ржавыми, масляными пятнами, да къ тому же въ ней кишмя-кипѣла такъ называемая водяная вша. Это не мѣшало по берегу Кекура вытянуться семиверстному селу Шатунову,—такихъ селъ въ Зауралѣ не одно, какъ вообще въ Сибири, гдѣ любятъ жить грудно. Издали видъ на Кекуръ и Шатуново былъ по-своему красивъ,—извилистая полоса стоячей воды была точно „обархочена" разнымъ крестьянскимъ жильемъ. Въ центрѣ бѣлѣла каменная церковь, представляя рѣзкій контрастъ съ окружавшими ее бревенчатыми избушками. Шатуновскіе старики помнили еще времена, когда кругомъ Кекура стояли стѣной непролазные лѣса, а въ самомъ озерѣ рыбы было видимо-невидимо; но лѣса давнымъ-давно „поронили", всю рыбу выловили самымъ безжалостнымъ образомъ, какъ умѣетъ это дѣлать одинъ русскій человѣкъ, крѣпкій заднимъ умомъ, и озеро мало-по-малу превращалось въ гніющее болото. Та же исторія повторялась и съ другими озерами, какъ Чизма-Куль, Багаши и др. Теперь на мѣстѣ сведенныхъ лѣсовъ ковромъ разстилались безконечныя пашни, и бывшіе башкирскіе улусы и стойбища поражали своимъ унылымъ, русскимъ видомъ. Когда-то земля была овчина овчиной и давала баснословные урожаи, но, благодаря сибирской привычкѣ не удобрять поля, и это послѣднее богатство уплыло,—урожаи годъ отъ году дѣлались хуже, а единственнымъ средствомъ поправить дѣла были молебны попа Ильи да крестные ходы, когда появлялась засуха.

— Ахъ, ты, телячья голова!—говорилъ Вахрушка, когда мы пришли наконецъ короткою дорогой къ озеру.—Маланьи-то нѣту... а?

— Что же, она, по-твоему, обязана была насъ ждать на берегу?

— Баба она, баба и есть!—ругался Вахрушка, присматривая противоположный берегъ изъ-подъ руки.—Ахъ, телячья голова!.. Вонъ и батикъ на берегу кверху брюхомъ лежитъ, а Маланьи и званья нѣтъ... Утрепалась куда-то, телячья голова!..

Черезъ озеро до села было, на худой конецъ, двѣ версты, и какъ Вахрушка могъ разсмотрѣть не только Маланьину избушку, но даже вывороченную вверхъ дномъ лодку,—я не могъ понять. Прищуренные темные глаза Вахрушки отличались ястребиною зоркостью, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться много разъ.

— Ма-а-а-ланья!.. — кричалъ Вахрушка, подхвативъ одну щеку волосатою рукой.—Телячья голова-а!..

Это было отчаянное средство обратить на себя вниманіе солдатки, но Вахрушка оралъ благимъ матомъ совершенно напрасно, по крайней мѣрѣ, полчаса, пока не охрипъ.

— Вотъ тебѣ и ближняя дорога! — донималъ я Вахрушку въ качествѣ потерпѣвшей стороны. — Теперь кругомъ озера-то до Шатунова битыхъ двѣнадцать верстъ.

— Нѣтъ, поболѣ: всѣ пятнадцать. Ма-аланья!.. А зачѣмъ намъ кругомъ озера экую даль мѣсить?

— Что же мы будемъ здѣсь дѣлать? Не почевать же въ полѣ... Вотъ тебѣ и холодный поповскій квасъ!

Вахрушка презрительно молчалъ и только пнулъ ногой подвернувшуюся Фортуну. Собака отбѣжала въ сторону и, высунувъ языкъ, удивленно посмотрѣла на насъ своими добрыми песьими глазами. Когда Вахрушкѣ надоѣло кричать, онъ облюбовалъ на берегу таловый, завѣсистый кустъ, бросилъ подъ него сапоги и шапку и улегся въ тѣни, точно дѣло дѣлалъ.

— Увидитъ кто-нибудь съ берегу, телячья голова... Вся причина въ Малапьѣ...

Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только послѣдовать его примѣру. Солнце такъ и жарило. Камыши стояли не шелохнувшись, надъ ними плавали два ястреба-утятника; пахло гнилою водой, осокой и протухнувшею рыбой. Іюльскій оводъ кружился въ застывшемъ воздухѣ столбомъ. На небѣ ни облачка, и только съ восточной стороны всплывала бѣлою дымкой высокая тучка. Фортуна два раза мѣняла мѣсто подъ кустомъ, потомъ сходила въ болото, выпачкалась въ грязи по уши и, вернувшись къ намъ, съ ожесточеніемъ принялась трясти ушами и всѣмъ тѣломъ, такъ что грязь полетѣла на насъ дождемъ. Вахрушка не пошевельнулся, и Фортуна легла рядомъ съ нимъ, навалившись на его плечо своимъ грязнымъ бокомъ.

Время идетъ ужасно медленно, когда хочется ѣсть и когда у попа Ильи такой холодный квасъ. Наши съѣстные запасы истощились и, въ надеждѣ на Пахомыча, не было захвачено соли, такъ что нельзя было воспользоваться даже убитыми утками. Я пробовалъ заснуть по примѣру Вахрушки и съ отчаянною рѣшимостью цѣлый часъ лежалъ съ закрытыми глазами, но и это не помогло. Солнце обошло кустъ и начало припекать мнѣ плечо. Я перемѣнилъ мѣсто, а Вахрушка оставался на самомъ припекѣ, онѣмѣвъ отъ истомы.

— Вахрушка, вставай! — будилъ я его. — Пойдемъ кругомъ озера, а то здѣсь просидимъ до завтра.

Вахрушка безмолвствовалъ изъ свойственнаго ему упрямства. Въ Шатуновѣ Вахрушка игралъ роль интеллигентнаго „лишняго человѣка“ и былъ „на перекосыхъ“ со всѣмъ міромъ. Жилъ онъ бѣдно, одинокимъ соломеннымъ вдовцомъ, потому что жена Евлаха, лѣтъ десять терпѣвшая бѣдность и побои, ушла наконецъ въ стряпки къ писарю Антонычу. Свое хозяйство у Вахрушки давно было разорено, и онъ мыкался по людямъ: гдѣ дровъ порубить, гдѣ на сѣнокосъ угодитъ, гдѣ помолотитъ, гдѣ такъ, за здорово-живешь, стащитъ.

Всего замѣчательнѣе было то, что Вахрушка былъ, дѣйствительно, умный человѣкъ, но умный какъ-то болѣзненно, съ непримиримымъ ожесточеніемъ. Все, что дѣлали другіе, Вахрушка обязательно порицалъ, и порицалъ ядовито, съ тѣмъ особеннымъ мужицкимъ юморомъ, который бьетъ, какъ обухъ. Выберутъ новаго старосту, случится деревенскій казусъ — Вахрушка произведетъ такой анализъ, что не поздоровится. Шатуновскіе мужики говорили про него, что „Вахрушка не въ людяхъ человѣкъ“, и это было лучшею характеристикой. Лѣтомъ въ страду, когда отъ работы стонъ стоялъ, Вахрушка сидѣлъ у себя на завалинкѣ или ловилъ петлями утокъ; осенью, когда всѣ отдыхали и справляли свои праздники, Вахрушка напускался на работу. Иногда онъ рѣшался порвать всякія отношенія съ Шатуновымъ, выправлялъ паспортъ и уходилъ куда-нибудь на сторонніе заработки, но это продолжалось не долго, — много, черезъ мѣсяцъ Вахрушка возвращался на свое пепелище озлобленнѣе прежняго и опять входилъ въ свою роль деревенскаго обличителя.

— Всѣ дураки, телячья голова! — повторялъ онъ, посасывая конеечную трубочку.—Къ чужой кожѣ, видно, своего ума не пришьешь!

Были у него братья, хозяйственные, исправные мужики, и безконечная деревенская родня, но всѣ давнымъ-давно отчурались отъ Вахрушки, какъ отъ невозможнаго человѣка. На деревенскихъ праздникахъ или на свадьбахъ, гдѣ угощались званые и незванные, Вахрушка напивался пьянымъ, стервенѣлъ и устраивалъ скандалъ. Его, конечно, колотили, по недѣлямъ держали на высидкѣ при волости, а потомъ Вахрушка получалъ свободу, садился на завалинку и ядовито посмѣивался надъ односельчанами.

Съ этимъ деревенскимъ лишнимъ человѣкомъ я познакомился у попа Ильи, когда послѣдній находился въ полосѣ запоя. Вахрушка ухаживалъ за попомъ и какимъ-то жалобнымъ голосомъ повторялъ:

— Ахъ, батюшка, отецъ Илья, не хорошо... что̀ люди-то про насъ съ тобой скажутъ?.. Надо соблюдать себя, телячья голова!

Обезумѣвшій отъ запоя о. Илья лѣзъ на Вахрушку съ кулаками, ругалъ его самымъ непозволительнымъ образомъ, но Вахрушка переносилъ все съ ангельскимъ терпѣніемъ и только улыбался. Къ чужимъ слабостямъ онъ питалъ необыкновенное влеченіе и защищалъ грудью деревенскихъ отверженцевъ—опять-таки по необыкновенной строптивости своего ума.

II.

Одурѣвшая отъ жара Фортуна вдругъ заворчала: чужой идетъ... Присмотрѣвшись въ запольную сторону, я увидалъ приближавшагося развалистою, усталою походкой мужика въ бѣлой валеной шляпѣ. Онъ шелъ сгорбившись и въ тактъ размахивалъ длинными руками. Меня удивило, что въ такой жаръ мужикъ былъ одѣтъ въ тяжелый чекмень изъ толстаго крестьянскаго сукна и новые сапоги. Для удобства, полы чекменя были заткнуты за новую красную опояску, открывая подолъ стоявшей коробомъ, новой пестрядиной рубахи и такіе же штаны. „Видно, куда-нибудь бредетъ къ празднику“,— невольно подумалъ я, сдерживая рвавшуюся Фортуну за ошейникъ. Но какіе же праздники могутъ быть въ страду, а Ильинъ день уже прошелъ... Свадьбы въ страду тоже не „играютъ“.

— Миръ на стану,—здоровался мужикъ, подходя къ нашей засадѣ.

— Спасибо... садись, такъ гость будешь.

Мужикъ медленно посмотрѣлъ на меня своими прищуренными, слезившимися глазами, потомъ на Вахрушкину спину и, тряхнувъ головой, проговорилъ:

— Видно, перевоза ждете?

— Да вотъ все Вахрушка виноватъ, — пожаловался я, обрадовавшись случаю воспользоваться третейскимъ судомъ. Ближнею дорогой повелъ, да вотъ въ засаду и привелъ.

— Несообразный человѣкъ, одно слово—все на поперекъ ладитъ сдѣлать супротивъ другихъ, — мягко поддерживалъ меня мужикъ, оглядывая мѣсто присѣсть.—Мнѣ, видно, тоже въ Шатуново... попутчикъ вамъ нашелся.

— Къ празднику?—спросилъ я, чтобы поддержать разговоръ.

— Около того,—отвѣтилъ мужикъ и тяжело вздохнулъ.

Онъ бережно подобралъ полы чекменя, снялъ шляпу и сѣлъ на траву между мной и Вахрушкой. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ, но мужицкая старость держится долго: на головѣ ни одного сѣдого волоса, лицо свѣжее,— однимъ словомъ, работникъ еще въ полной порѣ. По одеждѣ и манерѣ себя держать, можно было опредѣлить сразу, что онъ изъ достаточной семьи и не надсаждается надъ работой. Только въ маленькихъ глазахъ стояла какая-то недосказанная, тяжелая мысль, которая заставляла его бормотать себѣ подъ носъ, встряхивать головой и задумчиво разводить руками.

— Эй, Вахрушка, вставай, будетъ тебѣ боченки-то катать,—заговорилъ онъ послѣ долгой паузы.

— Отвяжись, телячья голова! — бормоталъ Вахрушка, заползая головой прямо въ кустъ.—Умереть не дадутъ спокойно.

— Говорятъ: вставай...

Вахрушка судорожно поднялся, сѣлъ и равнодушно проговорилъ:

— А! Пименъ Савельичъ...

— Видно, онъ самый... За охотой ходили?

— Есть такой грѣхъ: рыба да рябки—потеряй деньки... А ты куда поволокся?

Этотъ простой вопросъ какъ-то вдругъ заставилъ старика съежиться, и онъ ничего не отвѣтилъ. Вахрушка тоже, видимо, смутился нетактичностью вопроса и такъ зѣвнулъ, что челюсти хрустнули. Мое присутствіе, видимо, ихъ стѣсняло.

— А все Маланька виновата, телячья голова! — заговорилъ Вахрушка, точно хотѣлъ оправдаться. — Который часъ теперь дожидаемъ, а и всего-то дѣла: сѣла въ батикъ и подмахнула живой рукой... Нѣтъ у этихъ бабъ никакой догадки!..

— Вы бы пальмо на берегу разложили, вотъ Маланья-то и догадалась бы...

— Еще за бродягъ примутъ съ пальмомъ-то... да и въ страду оно не того... сухмень стоитъ.

— Ну, изъ ружья стрѣльнули бы... Маланья—баба увертливая, сейчасъ бы прикинула умомъ.

— И въ самъ дѣлѣ, телячья голова! Вѣдь вотъ, поди ты, въ голову не пришло... Баринъ, одолжите порошку—сейчасъ запалю... Вѣдь вотъ, поди ты, давно бы догадаться такъ-то!.. Померли бы съ голоду, какъ бы не Пименъ Савельичъ...

Я передалъ Вахрушкѣ свою двустволку, которую все равно нужно было разрядить. На берегу грянули два выстрѣла, но солдатка не показывалась. Вахрушкѣ опять пришлось орать благимъ матомъ: „Ма-аланья... те-елячья голова-а!“

— Обожди малость: не до насъ ей,—остановилъ его старикъ.—Со всего села народъ теперь сбѣжался къ слѣдственнику, а Маланья впереди всѣхъ, потому какъ самая легковѣрная бабенка.

Было сдѣлано еще два выстрѣла, но съ прежнимъ успѣхомъ. Фортуна бѣгала по берегу, тыкалась носомъ въ траву, фыркала и, оглядываясь на стрѣлявшаго Вахрушку, отчаянно лаяла.

— Развѣ въ Шатуновѣ есть слѣдователь? — спросилъ я Пимена Савельича, пока происходила вся комедія.

— Нѣтъ, изъ городу пріѣхалъ... Дожидали его день пять, потому какъ объявилось на покосѣ мертвое тѣло... Такъ, вышла заминка... Пора страдная, до того ли теперь, а народъ долженъ дожидать... Извѣстно, бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ!..

— И то утрепалась Маланька-то къ слѣдственнику,—говорилъ Вахрушка, подсаживаясь къ намъ.—Этихъ бабъ хлѣбомъ не корми, а только бы на народѣ потолкаться... Кому горе, а имъ любопытно.

Разговоръ на этомъ оборвался. Пименъ Савельичъ прилегъ на траву и, видимо, начиналъ дремать. Вахрушка растянулся опять пластомъ, раскинулъ руками и коротко вздохнулъ, какъ человѣкъ, приготовившійся отдохнуть послѣ тяжелаго труда. Но его вдругъ точно что-то укололо, — онъ поднялся на ноги однимъ прыжкомъ.

— Кольемъ ее, эту самую Отраву... да!..—азартно заговорилъ Вахрушка, наступая на насъ. — А то слѣдственникъ пріѣхалъ... тьфу!.. Надо безъ разговору, телячья голова, удавить ее... Нѣтъ: привязать за ноги къ двумъ березамъ да на-полы и разорвать, чтобъ она чувствовала.

— Темное дѣло, Вахрушка, не нашимъ умомъ судить... — отвѣтилъ со вздохомъ старикъ.—Чужая душа—потемки.

Въ умѣ я быстро соединилъ найденное на покосѣ мертвое тѣло, пріѣздъ въ Шатуново слѣдователя и теперешній разговоръ объ Отравѣ, шатуновской старухѣ, пользовавшейся репутаціей колдуньи, въ одно цѣлое. Вахрушкинъ азартъ служилъ только дополненіемъ унылаго настроенія Пимена Савельича. Видимо, старикъ имѣлъ какое-то касательство къ разыгравшейся въ Шатуновѣ трагедіи.

— Она, телячья голова, сколько теперь народу стравила... а? — уже хрипѣлъ Вахрушка, входя въ ражъ.—А тутъ на: и слѣдственникъ выѣхалъ, и становой, и понятыхъ нагнали... тьфу, тьфу!.. Нашли важное кушанье!.. Какъ барыню допрашивать будутъ, а всего-то дѣла—веревку ей на шею, да въ озеро... Своими бы руками задавилъ, телячья голова, потому не стравляй народъ!..

— Полно, Вахрушка, зря молоть... не таковское дѣло, — замѣтилъ старикъ, переминая въ рукахъ свою бѣлую шляпу.—Мало ли про кого что болтаютъ!

— Тебя вѣдь тоже колдуномъ зовутъ?—замѣтилъ я Вахрушкѣ.

— Меня?.. Я — другое, телячья голова!.. Ежели отъ ума, напримѣръ, это я могу... Лошади тамъ или коровѣ попритчилось—это ужъ мое дѣло. Да! Всегда могу свое понятіе показать—вотъ и вышелъ Вахрушка колдунъ.

— И Отрава, можетъ-быть, тоже отъ ума помогаетъ?

Вахрушка повернулся въ мою сторону и, откладывая пальцы на лѣвой рукѣ, заговорилъ съ новымъ азартомъ:

— У ей, у Отравы у самой, было три мужа: всѣхъ стравила, а дочерито, этой самой Танькѣ, всего двадцать третій годъ пошелъ. И третьяго мужа дотравитъ... Вторая у ей дочь, значитъ, выходитъ, солдатка Маланья, — ну, когда солдатъ выйдетъ въ безсрочный, и его стравятъ. Солдатъ-то сойдутся съ кузнецомъ Ѳомкой,—мужъ, значитъ, Танькинъ,—и кажный разъ говорятъ: безпремѣнно насъ теденька на тотъ свѣтъ напрасною смертью предоставитъ.

Ей-Богу, сами говорятъ!.. А кривого Ефима кто уходилъ? Обязательный былъ старичокъ... А Пашка Коналухинъ? А другой Пашка, значитъ, зять Спиридки Косого?.. Тутъ, телячья голова, цѣлая уйма народу наберется, а работа все одна... Не одинъ разъ мужики-то всею деревней на эту самую Отраву поскакались и порѣшили бы, да...

— За чѣмъ же дѣло стало?—полюбопытствовалъ я.

Этотъ простой и естественный вопросъ неожиданно смутилъ Вахрушку. Онъ заморгалъ глазами, дернулъ плечомъ, развелъ рукой, да такъ и остался съ закрытымъ ртомъ, точно подавился. Пименъ Савельичъ тоже отвернулся въ сторону. Старикъ все время, пока Вахрушка пересчитывалъ по пальцамъ „стравленныхъ“ мужиковъ, грустно качалъ головой и повторялъ:

— Вахрушка, а, Вахрушка?.. Да уймись ты, а?.. А-ахъ, Бож-же мой, да развѣ про это можно такъ зря говорить... Вахрушка, а?

— Да я первый бы ее, эту самую Отраву, — заговорилъ Вахрушка, не отвѣчая на мой вопросъ, — и съ дочерью Танькой вмѣстѣ... Кишки бы изъ нихъ вытащилъ да обѣихъ коломъ осиновымъ наскрозь, и-на!.. Не трави народъ, первое дѣло. Одно званье чего стоитъ: Отрава... Изъ другихъ деревень къ Шатунову бредутъ бабешки, и всѣ къ Отравѣ, а она ужъ научитъ, телячья голова. Да ежели считать, такъ вѣрныхъ человѣкъ сто стравила! Хошь у кого спроси у насъ въ Шатуновѣ, въ Юлаевой, въ Зотиной, на Тычкахъ... Вотъ она какая, эта самая Отрава! А тутъ слѣдственникъ выѣхалъ, народъ сбили, на окружномъ судѣ безпокоить добрыхъ людей будутъ... Развѣ такой ей судъ надо? Да съ ней и разговаривать-то грѣхъ.

Деликатныя формы новаго суда возмущали Вахрушку до глубины души, и онъ, какъ бывалый человѣкъ, въ лицахъ представилъ весь судебный процессъ

— „Анна Парѳеновна, признаёте ли вы себя виновной, что стравили сто шатуновскихъ мужиковъ и касательно протчихъ деревень?“ — „Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе!“ А тутъ ужъ абвокатъ пойдетъ пластать въ свое оправданіе: и такая-то, и сякая-то, и сейчасъ въ законъ ударитъ, прямо, значитъ, по статьямъ,—ну, Отрава и выправится!..

— Вахрушка, а? Да уймись, не-осъ!—усовѣщевалъ Пименъ Савельичъ, вздыхая.—Какъ это у тебя языкъ-то поворачивается?.. Таковское ли это дѣло, чтобы, значитъ, такъ просто о немъ разговоры эти самые разговаривать?

— У меня свои права есть!—оралъ Вахрушка въ изступленіи.—Тогда женешка-то моя Евлаха тоже было... Какъ это по-твоему, Пименъ Савельичъ?.. Напримѣръ, ты пирога съ груздями поѣлъ, а у тебя въ брюхѣ такая рѣзьба подымется, и сейчасъ подъ сердце подкатитъ. Доставала Отрава-то, телячья голова, и меня, да только я умомъ своимъ собственнымъ тоже раскинулъ: молокомъ парнымъ едва отпоили въ тѣ поры. Значитъ, теперь у меня свои права въ полной формѣ, и завсегда я могу всякія слова говорить.

Мы въ этихъ разговорахъ просидѣли еще часа полтора, пока солдатка Маланья замѣтила насъ и „подмахнула“ на своемъ батикѣ. Батами называются лодки, въ родѣ тѣхъ деревянныхъ колодъ, въ какихъ задаютъ лошадямъ корму. На бату едва можно помѣститься двоимъ, а если сядетъ третій, то грозитъ серьезная опасность утонуть отъ малѣйшей неосторожности.

— Какъ же я васъ повезу?—раздумывала Маланья, когда батъ наконецъ причалилъ къ берегу.—Четверымъ не уйти.

Это была приземистая баба-крѣпышъ съ ласковыми карими глазами и глупо-довольнымъ выраженіемъ круглаго, румянаго лица. Въ Шатуновѣ она пользовалась незавидною репутаціей, но съ нея и не взыскивали, какъ съ не-

покрытой головы. И солдатка живой человѣкъ: крѣпится-крѣпится, да что-нибудь живое и придумаетъ, а охотниковъ на чужую бѣду всегда много.

— Что же ты, телячья голова, не плыла раньше-то? — ругался Вахрушка, налѣзая въ батъ первымъ.—Ужъ мы тутъ и кричали и палили.

— Охъ, безъ васъ тошнехонько! — махнула рукой Маланья и со слезами въ голосѣ прибавила, обращаясь къ старику: — вѣдь твоя-то Анисья во всемъ повинилась слѣдственному...

— И-но-о?

— И все на мамыньку показала... Охъ, конецъ пришелъ!..

Солдатка вышла на берегъ, присѣла на камешекъ и громко заголосила.

— Ну, вотъ что. Маланьюшка, ты здѣсь посиди, а мы, значитъ, поплывемъ, — утѣшалъ Вахрушка, пробуя весло.—Съ какимъ-нибудь мальчонкой выгребемъ батикъ-то.

Маланья только махнула рукой. Батикъ отчалилъ, тяжело раскачиваясь въ водѣ, а мы держались за борта руками, чтобы сохранить устойчивое равновѣсіе. Фортуна спокойно поплыла за нами, какъ это и слѣдуетъ умной собакѣ.

— Кто тебѣ Анисья-то будетъ? — спрашивалъ я старика.

— А дочь! — какъ-то равнодушно отвѣтилъ онъ. — Значитъ, середняя дочь, а старшая-то въ Юлаевой за кузнецомъ.

— Въ чемъ она повинилась?

— Охъ, не спрашивай... Страшно и выговорить: мертвое-то тѣло на покосѣ нашли — это ейный мужъ, выходитъ. Охъ, великій грѣхъ... тошнехонько!

— Сидите смирно, телячьи головы!— обругалъ насъ Вахрушка, когда батикъ сильно качнулся.

III.

Попъ Илья въ лѣтнемъ подрясникѣ изъ ярко-зеленаго люстрина, полалтѣвшаго подъ мышками и на лопаткахъ, ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, выходившей тремя окнами на широкую шатуновскую улицу. Въ переводѣ это значило, что батюшка совершенно здоровъ. Завидѣвъ насъ, онъ выглянулъ въ распахнутое окно и улыбнулся своею застѣнчивою улыбкой.

— А мы насчетъ квасу, о. Илья, — объяснялъ Вахрушка, шмыгая въ калитку.—На перепутьѣ, значитъ, телячья голова.

Поповскій новенькій пятистѣнный домикъ стоялъ какъ разъ напротивъ церкви. Новыя ворота вели во дворъ съ новыми службами и новымъ крылечкомъ, которое всегда стояло раствореннымъ настежь, точно приглашая въ гости къ попу званаго и незванаго. Но самъ дворъ былъ совершенно пустъ, не въ примѣръ всѣмъ остальнымъ поповскимъ дворамъ, переполненнымъ до краевъ разною живностью,—попъ Илья вдовѣлъ лѣтъ пять, дѣтей не имѣлъ и разорилъ все хозяйство. Оставалась всего одна курица, спасавшая свою жизнь гдѣ-то подъ крыльцомъ. Вахрушка неоднократно покушался изловить ее, но „дошлая птица“ отличалась большою предусмотрительностью и точно проваливалась сквозь землю въ самый критическій моментъ.

Пока мы снимали разную охотничью сбрую въ задней каморкѣ, попъ Илья разговаривалъ съ Никономъ Савельичемъ, который понуро стоялъ передъ окномъ.

— Не по лѣсу грѣхъ ходитъ,—повторялъ онъ.

— Да, всеконечно,—бормоталъ о. Илья, разглаживая черную бородку.

Средняго роста, коренастый и плотный, попъ Илья такъ и дышалъ де-

ревенскимъ здоровьемъ, которому нѣтъ износу. Его портило только опухшее лицо и сквозившая на макушкѣ преждевременная лысина. Близорукіе, выпуклые глаза смотрѣли какъ-то удивленно. Шагая по своей залѣ, попъ Илья имѣлъ привычку постоянно прятать руки въ карманы или просто подъ полу зеленаго подрясника.

Когда я вошелъ въ залу, Пименъ Савельичъ простился съ попомъ Ильей и побрелъ своею дорогой, раскачиваясь на ходу.

— Ну что, какъ дѣла, о. Илья?—спрашивалъ я, чтобы начать разговоръ.

— Ничего, скверно... Жаль мужика. Мужикъ-то хорошій!..

— Слѣдствіе производятъ?

— Да.

Попъ Илья не отличался разговорчивостью и замѣнялъ слова усиленною ходьбой. Кромѣ того, ему, видимо, не хотѣлось говорить о случившемся.

— Вѣдь про Отраву разсказываютъ ужасныя вещи? попытался я еще разъ завести разговоръ.

— Не наше дѣло.

— Да вѣдь всѣ же объ этомъ кричатъ, о. Илья?

— Одинъ Вахрушка болтаетъ. Не наше дѣло...

Эта полная безучастность удивила меня. Живя въ деревнѣ, нельзя чего-нибудь не знать, тѣмъ болѣе, что здѣсь выдавалось вопіющее дѣло.

— Вы у Антоныча остановились?—спрашивалъ меня о. Илья.

— Да. А что?

— Такъ. У него полонъ домъ теперь гостей: становой, слѣдователь... Вы оставайтесь у меня.

— Благодарю.

Старушка-родственница, завѣдывавшая несложнымъ хозяйствомъ попа Ильи, подала двѣ бутылки холоднаго поповскаго квасу, о которомъ мы мечтали цѣлый день. Вахрушка припалъ губами прямо къ горлышку и выпилъ всю бутылку.

— Скусенъ поповскій квасъ, телячья голова!—похвалилъ онъ, вытирая свои тараканьи усы рукавомъ рубахи.—Не то, что нашъ, крестьянскій.

Послѣ сидѣнья на солнопекѣ, прохлада поповскаго дома такъ и тянула отдохнуть. Улица была совсѣмъ пуста. Даже собаки — и тѣ попрятались по тѣнистымъ уголкамъ. Вахрушка перехватилъ какой-то закуски на кухнѣ и ушелъ отдыхать въ сарай. Обѣдать съ нами онъ ни за что не хотѣлъ остаться по особой мужицкой деликатности.

— Нѣтъ, ужъ я, телячья голова, лучше въ куфнѣ чего пощиу,—объяснилъ Вахрушка.—Не привычны мы, чтобы съ господами компанію водить... Какъ разъ еще подавишься, телячья голова!

— Перестань ты, Вахрушка, дурака валять...

— Нѣтъ, ужъ въ куфнѣ... Оно способнѣе. Вотъ насчетъ водочки, то-лячья голова, ежели такая милость будетъ... это мы весьма даже принимаемъ.

Попъ Илья махнулъ рукой на купоросившагося гостя, который теперь „пріунищился“ не спроста: вы будто господа, а мы будто мужики,—ну, все-таки у насъ свое понятіе есть. Мужикъ сѣръ, да умъ-то у него не чортъ съѣлъ. Вахрушкинъ гоноръ поднимался на дыбы по самымъ ничтожнымъ поводамъ, какъ было и сейчасъ. Самое лучшее, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, оставить его одного,—гоноръ такъ же быстро спадалъ, какъ и накатывался. Впрочемъ, эта Вахрушкина политика скоро объяснилась: черезъ полчаса въ поповскій домъ нагрянули настоящіе господа—слѣдователь, Василій Васильевичъ, высокій, сгорбленный господинъ въ пенснэ, толстый и лысый докторъ

Атридовъ, старичокъ-становой Голубчиковъ. Гости только-что кончили слѣдствіе и завернули къ попу „стомаха ради", какъ объяснилъ Атридовъ, нюхая воздухъ своимъ приплюснутымъ жирнымъ носомъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — повторялъ Василій Васильевичъ, шагая по комнатѣ. — Цѣлая лабораторія всевозможныхъ ядовъ у этой старушонки... И замѣтьте: все растительные яды, которые и доказать на трупѣ въ большинствѣ случаевъ трудно.

— Другъ мой, я вамъ впередъ говорилъ...— скороговоркой отвѣчалъ докторъ, обнимая Василья Васильевича. — Ужъ я знаю, другъ мой. Замѣтили, какое у ней лицо? Настоящая колдунья!.. Носъ крючкомъ, глаза горятъ, какъ у волка, и хотя бы бровью повела.

Старичокъ-становой сокрушенно вздыхалъ, посматривая на дверь, откуда должны были появиться поповскія наливки и приличная случаю снѣдь.

— Не правда ли, другъ мой, — тормошилъ его неугомонный Атридовъ, успѣвавшій надоѣдать рѣшительно всѣмъ,— рѣдкій случай?

— Вотъ нашли рѣдкость... ха-ха!.. Да у насъ этого добра сколько угодно,—отвѣчалъ становой, какъ человѣкъ, обязанный знать всю подноготную въ предѣлахъ своей территоріи.— Въ любой большой деревнѣ такая птица сидитъ, а за этой я уже давно слѣдилъ... Однимъ словомъ, крупный звѣрь попался.

— И крѣпко попался... Я и говорю Василью Васильевичу: „Другъ мой, вы ее покрѣпче прижмите, чтобы въ собственномъ соку изжарилась"... Кажется, дѣло чисто сдѣлали. Не правда ли, другъ мой?.. А та, молоденькая-то бабенка, Анисья, съ перваго раза размякла и прямо въ ноги: „я мужа отравила". Даже очень глупая бабенка... Старуха-то ее очень хорошо учила: „ты помаленьку трави мужа, чтобы незамѣтно было". Ну, неможется человѣку— и вся недолга. Такъ бы и изошелъ на нѣтъ, фельдшеръ помогъ бы еще какою-нибудь микстурой, а о. Илья предалъ бы тѣло землѣ... да! Ну, а бабенка не стерпѣла: перепаратила... Очень ужъ ей хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ мужа.

— Большая несостоятельность замѣчается теперь среди сельскаго населенія, — глубокомысленно замѣтилъ становой, любившій выразиться покудрявѣе.—Напримѣръ, жизнь человѣка, самое драгоцѣнное благо, идетъ совсѣмъ прахомъ, да!

Предобѣденная выпивка прошла очень торопливо, по-походному. Докторъ и тутъ успѣлъ исполнить долгъ ровно за троихъ и хлопалъ одну рюмку за другой съ приличными случаю прибаутками и наговорами. У него не только покраснѣло заплывшее жиромъ лицо, но даже лысина, и онъ къ каждому слову теперь прибавлялъ свое: другъ мой.

— Замѣчательно то, что за отраву эта старуха взяла съ Анисьи всего тридцать копеекъ деньгами, трубку холста и еще какую-то дрянь, въ родѣ яицъ,—говорилъ Василій Васильевичъ, усаживаясь за обѣденный столъ и запихивая одинъ конецъ салфетки за воротъ накрахмаленной рубашки. — Это таракановъ травить дороже.

— Вы забываете, другъ мой, что почтенная старушка вела свои дѣла оптомъ, а это цѣлый капиталъ... Если она сотню людей отправила такимъ образомъ ad partes и за каждый сеансъ получила, другъ мой, трубку холста, по два десятка яицъ и еще осязуемыми знаками обмѣна, какъ говоритъ политическая экономія... Отецъ Илья, другъ мой, вы что же стомаха ради не чокнете?

— У меня зарокъ, докторъ... Не могу.

— Я вамъ разрѣшаю, другъ мой... Клинъ клиномъ вышибай — это мой принципъ. А если ужъ очень будетъ коробить—сейчасъ, другъ мой, хлоралъ-гидратъ: золотая штучка. Я всегда ее съ собой вожу...

— Не могу.—зарокъ...

За обѣдомъ разговоры велись все о той же Отравѣ, которая пока была заключена въ холодную при волости, а отсюда должна быть препровождена въ уѣздный городъ Пропадинскъ и тамъ содержаться въ острогѣ до суда. Обстоятельства всего дѣла и предположенія о его послѣдствіяхъ передавались съ тѣмъ механическимъ спокойствіемъ, какъ это свойственно людямъ, привыкшимъ къ своей спеціальности, точно дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ пустякахъ. Врачи такъ же говорятъ о самыхъ страшныхъ болѣзняхъ и удивительныхъ случаяхъ въ ихъ практикѣ. Эти разговоры пересыпались самыми домашними отступленіями: у жены Атридова все болѣли зубы, у станового родились весной двойни, у Василья Васильевича была куплена новая лошадь—коренникъ съ необыкновенно завѣсистою гривой, дошлая курица попа Ильи, предназначенная сегодня на жертву стомаху, опять скрылась, и т. д. Говорили объ отличной охотѣ на косачей въ окрестностяхъ Шатунова, когда выпадетъ первый снѣгъ, объ удивительныхъ рыбныхъ тоняхъ въ озерѣ Кекуръ всего какихъ-нибудь двадцать лѣтъ назадъ, о жестокомъ законѣ, который запрещаетъ священникамъ жениться во второй разъ, и въ концѣ концовъ опять разговоръ переходилъ на Отраву—очень ужъ рѣдкій случай.

По обстоятельствамъ всего дѣла, выясненнаго судебнымъ слѣдствіемъ, можно было только возстановить его формальную сторону: тогда-то бабенка Анисья, не ладившая съ мужемъ, пришла къ Отравѣ и попросила средствія; Отрава приняла подарки, порылась въ своей лабораторіи и вынесла необходимую специю въ кабацкой посудинѣ. Бабенка Анисья вмѣстѣ съ средствіемъ получила подробную инструкцію, какъ ей орудовать, но постаралась и двухнедѣльную порцію выпоила мужу въ сутки. Дѣло происходило на покосѣ, въ страдное время. У мужика поднялась ужасная „рѣзьба“, онъ катался съ воемъ по землѣ и прямо указалъ на жену, что она его отравила. Сбѣжались сосѣди по покосу, ребятишки ревѣли, Анисья потерялась и во всемъ повинилась слѣдователю, выдавъ головой Отраву. Старуха, несмотря на поличное, заперлась, и Василій Васильевичъ ничего не могъ отъ нея добиться: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Бабенка Анисья была ясна, какъ день, но Отрава оставалась загадкой: запираться во всемъ противъ прямыхъ уликъ слишкомъ наивное средство для такой опытной старухи, а главное, она сама себя не признавала виновной. Въ ней, въ этой Отравѣ, жило убѣжденіе своей правоты, и это поражало всѣхъ.

— А какъ она сказала про Анисью при очной ставкѣ? — спрашивалъ я, стараясь распутаться въ собственномъ недоразумѣніи.

— Да ничего не сказала, а только посмотрѣла съ сожалѣніемъ. — объяснялъ Василій Васильевичъ. — Дескать, нестоящая ты бабенка, коли не успѣла концы схоронить... Не стоило рукъ марать. А главное, очень ужъ дешево все... Тридцать копеекъ, трубка холста и яйца.

Дѣйствительно, очень ужъ дешево, и это — вторая, запутывавшая дѣло, сторона. Отрава знала, что даетъ и чѣмъ сама рискуетъ, а итти за тридцать копеекъ въ каторгу — прямой нерасчетъ. Вообще Отрава являлась нѣкоторою загадкой и невольно подавляла своею самоувѣренностью.

— Въ прежнія времена съ этими дамами проще обращались, — замѣтилъ становой. — Конечно, съ какой стати она будетъ говорить на свою голову, а прежде прописали бы ей такую баню... да-съ. Оно, конечно, грубое

средство и съ женщиной даже жестокое, но, согласитесь сами, какъ же быть?.. Нужно хоть чѣмъ-нибудь гарантировать неприкосновенность личности.

— Вы, другъ мой, ошибаетесь, — спорилъ докторъ Атридовъ, примыкавшій всегда къ большинству. — Это называется выколачивать истину, а мы живемъ, слава Богу, не въ такое время... Да, другъ мой.

IV.

Вечеромъ у попа всѣ засѣли „повинтить“ — обыкновенное времяпровожденіе засидѣвшагося провинціальнаго человѣка. Спускались прекрасныя лѣтнія сумерки. По улицѣ устало пробрело стадо коровъ. Блеяли овцы, азартно лаяли собаки, гоготали гуси,—вообще Шатуново переживало тотъ оживленный моментъ, за которымъ такъ быстро наступаетъ мертвая деревенская тишина. Въ открытомъ окнѣ нѣсколько разъ появлялась и исчезала голова Вахрушки. Я вышелъ за ворота, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Вечерняя заря ярко алѣла надъ озеромъ, которое горѣло розовымъ огнемъ. Изъ далекаго конца, гдѣ сошлись стѣной камыши, уже потянуло ночною сыростью, и въ воздухѣ, какъ дымъ, плавали первыя пленки тумана.

Постоявъ за воротами, я безъ всякой цѣли побрелъ вдоль улицы. Кое-гдѣ въ избахъ зажигались огни, бабы встрѣчали возвращавшуюся съ поля скотину, деревенская дѣтвора пугливо стихала при видѣ незнакомаго городского человѣка. Русская засыпающая деревня имѣетъ всегда такой грустный видъ, и невольно сравниваешь ее съ городомъ, гдѣ именно въ это время закипаетъ какая-то лихорадочная жизнь. Контрастъ полный... На дорогѣ меня догналъ Вахрушка, слонявшійся по деревнѣ безъ всякаго дѣла, — итти въ свою избушку ему рѣшительно было не за чѣмъ.

— А я таки-сбѣгалъ въ волостное, — докладывалъ онъ, шмыгая ногами на ходу. — Поглядѣлъ на Отраву... Ну, и язва только, телячья голова!.. Сидитъ, какъ сова въ тенетѣ.

Вахрушка удушливо засмѣялся, довольный сравненіемъ.

— А что ей будетъ, значитъ, Отравѣ? — спрашивалъ Вахрушка, забѣгая бочкомъ впередъ. — На окружной судъ пойдетъ?

— На окружной.

— Оправдаютъ, телячья голова! — самоувѣренно проговорилъ Вахрушка и сдѣлалъ отчаянный жестъ рукой. — Извѣстно, господа будутъ судить... Въ прежнія времена за это за самое на эшафотѣ бы взбодрили первое дѣло, а потомъ въ каторгу, да!.. А нынче какое обращеніе: „Анна Парѳеновна, признаёте себя виновной?“ — „Никакъ нѣтъ, вашескородіе, а даже совсѣмъ напротивъ“. Ну, господа и скажутъ: „покорно благодаримъ“. Какой это судъ? По-настоящему-то Отраву на ремни надо разрѣзать...

Около воротъ и на завалинкахъ попадались кучки мужиковъ, тихо разговаривавшихъ между собой, вѣроятно, о той же Отравѣ, какъ и мы съ Вахрушкой. Наше появленіе заставляло ихъ смолкать. Въ темнотѣ едва можно было различить бородатыя, серьезныя лица. Кое-кто снималъ шапки, вѣроятно, принимая меня за лицо, сопричастное къ слѣдствію.

— А въ волостномъ писарь Антонычъ съ фельдшеромъ въ шашки жарятъ, — проговорилъ Вахрушка, когда мы поровнялись съ двухъэтажною избой. — Вѣрно... Къ попу Ильѣ имъ теперь не рука итти, потому тоже чувствуютъ свое начальство, вотъ и практикуютъ между собой. А какое начальство хоть тотъ же Василь Василичъ... Ей-Богу!.. Лонись *) мы съ нимъ за

*) Лонись — въ прошломъ году.

косачами по первому снѣжку ѣздили, — самый что ни на есть простой человѣкъ, телячья голова. Рядкомъ съ нимъ ѣдемъ въ пошевняхъ и раздабариваемъ... Развѣ такое начальство должно быть?

— А какое по-твоему?

— По-моему-то?.. По-моему, настоящее начальство, когда отъ страху человѣкъ всякаго ума рѣшается... Враспохъ-то его и бери, а то одумается, такъ изъ него правды топоромъ не вырубишь. Ту же Отраву взять: нискелешенько она Василь-Василича не испугалась, а даже еще разговаривать съ нимъ...

Мы зашли въ волость. Мнѣ нужно было увидать писаря Антоныча. Это былъ типичный представитель зауральскаго писаря: сѣденькій, обстоятельный, съ неторопливой рѣчью; одѣвался онъ всегда въ черные суконные сюртуки и носилъ „трахмальныя“ манишки. Фельдшеръ Герасимовъ былъ бѣдный, попивавшій господинъ, насквозь пропитанный специфическимъ аптечнымъ ароматомъ. Если Антонычъ держалъ себя независимо, то фельдшеръ испытывалъ какой-то прирожденный страхъ передъ каждою форменною пуговицей и постоянно трепеталъ.

По скрипучей, покосившейся лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ. Въ передней мирно дремалъ на лавочкѣ старикъ-сторожъ, замѣнявшій при волости чиновника особыхъ порученій. Въ присутствіи горѣла на столѣ сальная свѣча и слабо освѣщала двѣ головы, безмолвно наклонившіяся надъ досками съ шашками.

— Ходу? — спрашивалъ фельдшеръ, видимо проигравшій противнику къ стѣнѣ. — Какъ ни ворочай, все одна нога короче...

— Гусей по осени считаютъ, — отвѣчалъ Антонычъ, сдерживая игровую злость. — Подожди, когда другіе похвалятъ... Ахъ, это вы?.. Милости просимъ, садитесь.

Воспользовавшись случаемъ, Антонычъ перемѣшалъ шашки, что вывело фельдшера до глубины души. Онъ только прошепталъ: „Хлизда“.

— Завернули полюбопытствовать насчетъ содержимой? — галантно обратился Антонычъ ко мнѣ, не обращая вниманія на „движеніе“ партнера.

Я объяснилъ, что буду ночевать у попа Ильи и что, пожалуй, не прочь буду взглянуть на „содержимую“, если это никого не затруднитъ.

— Не стоитъ она того, чтобы безпокоить себя, а впрочемъ, пожалуйте, — съ достоинствомъ пригласилъ Антонычъ слѣдовать за собой.

Шатуновскій писарь говорилъ объ Отравѣ нехотя, съ тѣмъ пренебреженіемъ, какъ говорятъ о предметахъ неприличныхъ. Фельдшеръ о чемъ-то шептался съ Вахрушкой и разводилъ руками.

Антонычъ пошелъ впереди насъ со свѣчой. Въ сѣняхъ была узкая и крутая лѣсенка, спускавшаяся въ нижній этажъ. Тамъ было совершенно темно. Мы спустились въ такія же сѣни, какія были наверху, и здѣсь натолкнулись на Пимена Савельича и какихъ-то женщинъ, боязливо прижавшихся къ стѣнѣ.

— Чего вы тутъ дѣлаете? — строго проговорилъ Антонычъ, обращаясь къ сидѣвшему на скамеечкѣ сотскому.

— А къ дочерѣ пришелъ, Иванъ Антонычъ, — тихо отвѣтилъ старикъ, перебирая въ рукахъ свою бѣлую шляпу. — Значитъ, къ Анисьѣ. Охъ, согрѣшили мы грѣшные... привелъ Господь...

Наступила тяжелая пауза. Прижавшіяся къ стѣнѣ бабы тяжело вздыхали и сморкались. Въ запертой на желѣзный болтъ двери продѣлано было квадратное отверстіе, куда я и заглянулъ. Антонычъ услужливо посвѣтилъ своимъ сальнымъ огаркомъ, направивъ полосу свѣта на „содержимыхъ“. Холодная представляла узкую, грязную комнату съ однимъ окномъ, задѣлан-

нымъ мастивною желѣзною рѣшеткой. На полу валялась грязная солома. Отрава, сгорбленная старуха лѣтъ семидесяти, сидѣла на единственной скамейкѣ, по-бабьи, подпершись головою рукой. Сморщенное старушечье лицо глянуло на насъ тусклыми, темными глазами, обложенными цѣлою сѣтью глубокихъ морщинъ. Отрава нисколько не смутилась нашимъ появленіемъ и только равнодушно пожевала сухимъ беззубымъ ртомъ. У стѣнки, опустивъ руки, стояла вторая „содержимая“, Анисья, еще молодая бабенка, но съ поблекшимъ лицомъ и впалою грудью. Глаза у ней распухли отъ слезъ, худыя плечи вздрагивали. Она была босая и такъ жалко выглядѣла всею своею испуганною фигурой.

— Мышей тутъ ловите, телячьи головы? — спрашивалъ Вахрушка, просовывая свою голову къ форточкѣ. — Ахъ, вы...

Онъ выругался, но Антонычъ сердито его оттолкнулъ:

— Не твоего ума дѣло!.. Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

— Такъ ты, Анисья, говоришь, что пестрядину отдать своячинѣ? — вмѣшался Пименъ Савельичъ, очевидно, продолжая какой-то хозяйственный разговоръ.

— Пусть Нюткѣ скроитъ рубашонку, — отвѣтила Анисья съ удивительною для ея общаго убитаго вида дѣловитостью. — Да Пашунькѣ... Па-а-шунь...

Схватившія ее за горло слезы не дали кончить слова.

— И нар-родецъ: человѣкъ въ каторгу идетъ, а они — пестрядина! — ворчалъ Иванъ Антонычъ, оттирая старика.

— Да вѣдь нельзя же, Иванъ Антонычъ, — оправдывался покорно убитый старикъ. — дѣтишки-то маленьки... Тоже обрядить надо, а безъ матери-то хуже сиротъ. Такъ Пашунькѣ-то изъ новыхъ овчинъ шубенку обставить? — заговорилъ онъ въ форточку.

— Шубенку, а останутся которые лоскутки, такъ на заплатки уйдутъ, — отвѣчала Анисья съ новымъ приливомъ энергіи. — И чтобы телушку братану Ильѣ, а ярочку свекровушкѣ. Послѣ дѣтишкамъ-то розстава будетъ...

Бабы у стѣны начали перешептываться. Сотскій цыкнулъ на нихъ, какъ на курицъ. Отрава сидѣла неподвижно и смотрѣла куда-то въ уголъ. „Мамынька, родимая“, — тихо заголосила у стѣнки солдатка Маланья, не смѣвшая подойти къ двери. Антонычъ сморщился и сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ. — какъ человѣкъ галантный, онъ не могъ выносить глупаго бабьяго воя.

— Что же, она все молчитъ? — спросилъ я про Отраву.

— Какъ мертвая,— отвѣтилъ фельдшеръ, хранившій все время молчаніе.— Упорная старушонка-съ.

Молчаливая, точно застывшая фигура Отравы производила на всѣхъ импонирующее впечатлѣніе: за нею, вотъ за этою семидесятилѣтнею старухой, что-то стояло страшное и внушительное, что знала она одна и что давало ей силы. Меня удивляло то смущенное и совѣстливое чувство, которое она возбуждала во всѣхъ и котораго не могли прикрыть ни Вахрушкина грубость ни писарская галантность. Даже Пименъ Савельичъ, этотъ черноземный человѣкъ, и тотъ старался обходить разговоры объ Отравѣ: „Господь съ ней, не наше дѣло“, и т. д.

— А которое, что въ сундучишкѣ, такъ пусть тетка Ѳеклиста побережетъ, — наказывала Анисья, занятая хозяйственными соображеніями. — Смертное *) пусть полежитъ. Послѣ мнѣ же пошлете, куда накажу. А новые башмаки, можетъ, Нютки дождутся...

---

*) Смертное — одежда, приготовленная на смерть.

Мы вышли другимъ ходомъ на крылечко и дворомъ на улицу. Деревня уже спала. Только кое-гдѣ мертвая тишина нарушалась сонным бреханьемъ собакъ.

— Такъ вы къ попу? — спрашивалъ меня Антонычъ.

— Да... У васъ теперь вся квартира занята гостями, а у попа есть свободный уголокъ.

— Нашлось бы мѣстечко... Гости-то, поди, къ утру придутъ — не придутъ. О, Господи помилуй, — зѣвнулъ Антонычъ въ заключеніе.

Мы пошли съ Вахрушкой обратно.

— А ты все-таки схлиздилъ давеча, Антонычъ, — корилъ въ темнотѣ фельдшеръ своего партнера. — Я совсѣмъ въ дамки проходилъ...

— Отвяжись, зуда, — ворчалъ Антонычъ, зѣвая.

Въ Зауральѣ, гдѣ раскинулись такія села, какъ Шатуново, „тысячные писаря“ не рѣдкость. Это очень вліятельный и солидный народъ, не въ примѣръ заблудящимъ писарькамъ другихъ губерній. Такимъ былъ и Антонычъ, который, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, занимался хлѣбопашествомъ, приторговывалъ при случаѣ и вообще умѣлъ сколотить копейку про черный день. Завѣтною его мечтой было попасть въ земскіе гласные и въ члены управы, чтобы этимъ путемъ развязаться съ деревенскою „темнотой“. Въ подтвержденіе своихъ мечтаній онъ любилъ приводить характерную поговорку: „Богъ да городъ, чортъ да деревня“. Изъ такихъ писарей, дѣйствительно, организуются земскія силы вторичной формаціи, и они вертятъ всѣми дѣлами, особенно въ маленькихъ уѣздахъ, гдѣ некого противопоставить имъ.

Попъ Илья тоже былъ изъ тысячныхъ зауральскихъ поповъ; у него посѣвы достигали до 100 десятинъ, было двадцать лошадей, столько же коровъ, — однимъ словомъ, громадное хозяйство. Но послѣ смерти жены, оставшись одинокимъ человѣкомъ, попъ Илья запустилъ хозяйство и началъ сильно запивать. Постепенно все хозяйственное обзаведеніе перешло къ Антонычу, а попъ Илья угрюмо шагалъ по своему дому изъ угла въ уголъ, какъ затравленный звѣрь. Эта исторія никого не удивляла, точно писарь Антонычъ для того и существовалъ, чтобы перевести за себя все поповское добро.

V.

Винтъ въ поповскомъ домѣ продолжался. Выигрывалъ Василій Васильевичъ, несмотря на то, что дѣлалъ постоянные промахи по части выходовъ, забывалъ объявленныя масти и вообще, выражаясь технически, плелъ лапти. Его партнеръ, докторъ Атридовъ, возмущался, стучалъ кулакомъ по столу и оралъ на всю улицу.

— Вы, другъ мой, хуже старой бабы... да! Можно подумать, что вы мечтаете подсиживаете съ намѣреніемъ... Это, другъ мой, наконецъ, чортъ знаетъ что такое!

Старичокъ-становой не выигралъ и не проигралъ, поэтому все его лицо сіяло одною добродушною улыбкой. Развалины закуски на столѣ, пустыя и недопитыя бутылки говорили о жаркомъ дѣлѣ.

— Попъ-то трезвый!—удивлялся Вахрушка, выглядывая на игравшихъ изъ дверей передней.

Я посидѣлъ около игравшихъ и отправился спать въ сарай, гдѣ на сѣнѣ Вахрушка уже приготовилъ все необходимое. Мы улеглись спать; Вахрушка, выспавшійся днемъ, долго ворочался, зѣвалъ и, точно про себя, проговорилъ:

— Трезвый поп-то, а то онъ задалъ бы, телячья голова, хи-хи!.. У него какая повадка, у Ильи-то: пропустилъ двѣ рюмки, глаза на кровѣ и заходили, а потомъ этакъ, молчкомъ, подойдетъ, да хлясь прямо въ ухо... Вотъ какая привычка, телячья голова!.. Сперва-то онъ меня такъ удивилъ: за здоровожитьемъ такъ звѣзданулъ... А самъ молчитъ. Ну, а ужъ потомъ я къ нему вполнѣ привыкъ: какъ онъ ко мнѣ начнетъ приближаться, я ему впередъ кулакъ и показываю: „не подходи, изувѣчу на-смерть!..“ Хи-хи... А такъ смиряющій, раздушевный попъ, и, кажется, кожу съ его снимай, какъ вотъ Антонычъ его оборудываетъ. Такъ, зараза у кого какая, я такъ полагаю, телячья голова...

— А ты пьяный развѣ лучше бываешь?

— Я-то? Я умнѣе дѣлаюсь... Вѣрно тебѣ говорю! У меня своя повадка: чѣмъ больше пью, тѣмъ умнѣе. И, хоть съ кѣмъ хошь, могу свободный разговоръ имѣть... Значитъ, телячья голова, вполнѣ.

— Когда содержимыхъ будутъ отправлять?

— Завтра утромъ.

Отрава не выходила у меня изъ головы: что-то такое непонятное стояло за этою страшною старухой, отравлявшей цѣлую „округу“. Откуда она черпала свое дьявольское спокойствіе? Тихая лѣтняя ночь не давала отвѣта... Уже брезжило утро, и расплывавшіяся полоски бѣлаго свѣта лѣзли къ намъ сквозь щели въ крышѣ. Гдѣ-то звонко прокричалъ первый пѣтухъ. Ему отвѣтили десятки голосовъ. Послѣдніе пѣтухи выкрикивали гдѣ-то, точно въ глубинѣ земныхъ нѣдръ,—это доносился пѣтушиный голосъ съ другого конца деревни. Собаки перестали лаять. На улицѣ глухо топотали просыпавшіяся овцы. Гдѣ-то близко промычала корова. Вся мирная деревенская обстановка вставала въ этихъ звукахъ живьемъ, и съ нею никакъ не могло примириться страшное дѣло, совершившееся всего нѣсколько дней назадъ. Среди этой ночной тишины, какъ должна была мучиться Отрава, обойденная тѣнями „стравленныхъ“ ею?.. Странно было и то, что отравленные были все мужики. За ними стояли осиротѣвшія семьи, дѣти, пущенныя по-міру,—и все это за тридцать копеекъ и десятокъ яицъ. Не было никакой логической связи между причиной и послѣдствіями.

Мнѣ припомнились эти „стравленные“: Пашка Копалухинъ, другой Пашка, зять Спирьки Косого, потомъ „обязательный старичокъ“ Ефимъ, а кузнецъ Ромка и мужъ Маланьи еще ждутъ своей очереди. Сами говорятъ: „стравитъ насъ тещенька“... И все это такъ просто, какъ самое обыкновенное дѣло. А между тѣмъ Шатуново—самое земледѣльческое мѣсто, удаленное отъ всякихъ соблазновъ и разлагающихъ вліяній, какъ городъ, тракты или ярмарки. Исконное крестьянское населеніе всегда отличается мирными инстинктами, а тутъ вдругъ является какая-то старуха, которая возвела въ ремесло отравленіе односельчанъ. И вѣдь живетъ она въ Шатуновѣ не годъ, не два, а всю жизнь. Всѣ ее видятъ, каждый знаетъ, что она—Отрава, кричатъ въ голосъ о каждомъ случаѣ и указываютъ на старуху пальцами, а она все-таки живетъ въ своей деревнѣ до семидесяти лѣтъ. Что-то такое, ни съ чѣмъ несообразное, выплывало изъ всего уклада крестьянской жизни, становясь вразрѣзъ съ мирными деревенскими порядками.

Среди царившей кругомъ мертвой тишины лѣтней ночи доносились изрѣдка возгласы игравшихъ. Собственно, слышался голосъ одного доктора Атридова:

— Другъ мой, это свинство: вы объявили два безъ козыря, я выхожу съ пикъ...

Временами поднимался общій гвалтъ, и слышно было, какъ двигали стульями, поднимаясь для необходимаго подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ. Василій Васильевичъ иногда раскатисто хохоталъ, старичокъ-становой бурчалъ, какъ пойманная за ногу муха, попъ Илья безмолвствовалъ, выдерживая свой трезвенный искусъ. Это мрачное убиваніе своего времени никого общаго не имѣло съ тѣмъ, что теперь мучительно дремало надъ всею деревней. Пріѣхали обязанные службой люди, исполнили свой долгъ и завтра уѣдутъ, а Шатупово останется со своею скрытою болѣзнью. Внѣшнее проявленіе зла будетъ уничтожено, правосудіе будетъ удовлетворено, но все это только скользнетъ по поверхности, оставивъ послѣ себя смутный и расплывающійся слѣдъ.

Утромъ на другой день я проснулся довольно поздно. Вѣрнѣе сказать, это было уже не утро, а, по-деревенски, послѣобѣденное время: двѣнадцать часовъ. Вахрушки въ сараѣ не было. Въ поповскомъ домѣ стояла тишина. Единственная поповская курица ходила по двору съ гордостью „послѣдняго римлянина“. Самъ попъ Илья еще спалъ, но это не мѣшало, въ гостиной на столѣ, отлично вычищенному самовару кипѣть съ самоотверженнымъ усердіемъ.

— Третій разъ доливаю самоваръ-то,—сообщила мнѣ старушка, заправлявшая хозяйствомъ.—Тотъ шалыганъ-то... ну, докторъ этотъ... ужъ забѣгалъ раза два и въ окошко палкой стучался.

— Поздно вчера разошлись гости-то?

— А солнышко, видно, взошло.

Пока я умывался, попъ Илья успѣлъ проснуться и встрѣтилъ меня у самовара. Онъ былъ сегодня особенно мраченъ. Пока я пилъ свой стаканъ чаю, попъ Илья ходилъ по комнатѣ съ сосредоточенностью человѣка, осужденнаго на безсрочную каторгу. Разговориться съ нимъ въ такую минуту было трудно: да, нѣтъ—и весь разговоръ. Раза два онъ подходилъ къ окну и заглядывалъ на улицу, которая въ такое время всегда пуста. Теперь не было даже ребятишекъ и собакъ.

— Кто у васъ вчера выигралъ?—спрашиваю я для оживленія нашихъ разговоровъ.

— А такъ... никто.

— Для чего же играли?

— А такъ, нужно убить время.

Молчаніе. Самоваръ перестаетъ кипѣть и только вздыхаетъ, какъ человѣкъ, пробѣжавшій цѣлую станцію. На улицѣ стоитъ тяжелый зной, отъ котораго попрятались всѣ курицы. Тѣни никакой. Озеро рѣжетъ глаза тяжелымъ блескомъ полированной стали.

— Жарко!—говоритъ попъ Илья, вытирая вспотѣвшее лицо платкомъ

— Страда хорошая.

— Да...

Мой собесѣдникъ, оставивъ стаканъ, начинаетъ опять мѣрно шагать изъ угла въ уголъ съ упорствомъ сумасшедшаго. Въ окнѣ показывается голова Вахрушки.

— Чай съ сахаромъ!—привѣтствуетъ онъ не безъ галантности.

— Заходи, гостемъ будешь,—откликается попъ Илья, не переставая шагать.

— Недосугъ, телячья голова: сейчасъ Отраву на окружной судъ отправлять будемъ.

— А тебѣ-то какая забота?

— Мнѣ?.. А вотъ пойду и погляжу, какъ Отраву барыней пой..,тъ... Какъ же, замѣсто того, чтобы кольемъ ее разорвать, въ городъ везутъ—добрыхъ людей безпокоить. Образованные люди все мудрятъ, телячья голова! Хи-хи... „Анна Пароеновна, признаёте себя виновною?"—„Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе". Ну, Отрава и выправится. А около волости со всей деревни народъ сбѣжался. Тоже отъ ума: поглядѣть, какъ Отрава поѣдетъ съ Анисьей... Все пѣшкомъ ходили, а тутъ сразу двѣ барыни.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть послѣдній актъ деревенской драмы. Когда мы съ Вахрушкой подходили къ волости, тамъ гудѣла толпа народа. Собрались старый и малый. У крыльца стояла простая телѣга, заложенная парой. Сотскій, съ бляхой на груди, вымащивалъ на облучкѣ какое-то хитрое сидѣнье. Бабы столпились черезъ дорогу у новой пятистѣнной избы Ивана Антоныча. Слышались отрывочныя восклицанія, вздохи и сдержанный шопотъ. Въ окнѣ волости нѣсколько разъ показывалась голова Ивана Антоныча, вопросительно поглядывавшая черезъ дорогу. Ждали, когда становой кончитъ завтракъ.

— Василь-то Васильевичъ съ дохтуромъ уѣхали давно,—сообщилъ мнѣ Вахрушка.—Напились чаю и угнали, а становой Отраву самъ повезетъ... Въ честь попала, телячья голова!

Я остался въ толпѣ, чтобы прислушаться къ говору собравшихся здѣсь людей. Мужики сосредоточенно молчали или вполголоса разговаривали о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Замѣтно было то общее смущеніе, которое вызывала Отрава въ мужицкихъ головахъ. Бабы жалѣли Анисью.

— Тихонькая бабенка какая была.—слышался въ толпѣ голосъ.—Воды не замутитъ, а тутъ вонъ что стряслось.

— Помутилась бабочка, вотъ и стряслось,—отвѣчалъ другой голосъ.

— Тише вы, бабы... Экъ васъ взяло!

Бабы на минуту смолкали, а потомъ начинался новый шопотъ. Голова Антоныча появлялась въ окнѣ все чаще. Сотскій нѣсколько разъ влѣзалъ на устроенное сидѣнье, одавлялъ его и глупо ухмылялся, довольный общимъ вниманіемъ.

— Тебѣ бы, Потапъ, шпагу надо дать,—острилъ Вахрушка, принимавшій въ этихъ опытахъ дѣятельное участіе.—Форменнѣе, телячья голова! Съ барынями поѣдешь.

Наконецъ въ окнѣ писарской избы показалась сѣдая голова станового и сдѣлала соотвѣтствующій знакъ головѣ Антоныча. Толпа глухо колыхнулась. Сотскій нырнулъ въ сѣни. Показался Пименъ Савельичъ безъ шапки и съ ребенкомъ на рукахъ. Другой ребенокъ боязливо цѣплялся за полу его чекменя. Подъ конвоемъ Антоныча вывели Отраву и Анисью. Онѣ шли торопливой походкой и неловко усѣлись въ телѣгѣ. Какая-то бабенка тыкала два узелка подъ кучерской передокъ, гдѣ торчали ноги сотскаго. Бабы захныкали. Голова станового наблюдала происходившую сцену и сдѣлала второй знакъ.

— Трогай!—крикнулъ Антонычъ кучеру, подбиравшему вожжи.

— Сичасъ.

Анисья сидѣла съ убитымъ видомъ, опустивъ глаза. Пименъ Савельичъ подтащилъ къ ней ребятишекъ. По лицу у Анисьи пробѣжала судорожная тѣнь, искривившая помертвѣвшія губы. Она съ какою-то жадностью припала къ дѣтскимъ головкамъ и вся замерла.

— Трогай!

Толпа разступилась, давая дорогу. Отрава поклонилась міру на всѣ четыре стороны, перекрестилась и ничѣмъ не выдала своего душевнаго настроенія. Бабы начали прощаться. Какой-то звонкій женскій голосъ рѣзко

выдѣлился изъ остальныхъ и тѣмъ речитативомъ, какъ голосятъ по покойникамъ, принялся наговаривать послѣднія бабьи слова. Голова станового подалъ нетерпѣливый знакъ, и телѣга съ отравительницами тронулась.

По толпѣ пробѣжало то судорожное движеніе, какъ по тихой застоявшейся водѣ отъ перваго порыва бури. Оставшіеся ребятишки-сироты ревѣли, Никонъ Савельичъ стоялъ на волостномъ крылечкѣ, попрежнему безъ шапки, и крестился.

— Ну, слава Богу!—повторялъ писарь Антонычъ, принимая свой обыкновенный степенный видъ.—Гора съ плечъ...

Звякнулъ колокольчикъ, и изъ воротъ писарскаго дома выкатилъ дорожный экипажъ станового.

— Вашему высокоблагородію...—раскланивался Вахрушка, подсаживая въ экипажу.—Скатертью дорога...

Колокольчикъ дрогнулъ и залился своею безконечною дорожною болтовней.

VI.

Позднею осенью мнѣ пришлось заѣхать въ Шатуново. По первому снѣгу здѣсь всегда была такая отличная охота на косачей „съ подъѣзда“. Остановился я у писаря Антоныча, котораго дома не было,—онъ уѣхалъ въ деревушку Низы со сборщиками податей. Чтобы разыскать Вахрушку, необходимаго человѣка для охоты, я отправился къ попу Ильѣ.

Деревенская улица осенью—это сплошная грязь, которая такъ и застываетъ. Народъ былъ дома, и вездѣ шла крестьянская домашняя работа „на зиму“: поправляли избы, подвозили дрова, клали печи. Полевыя страдныя работы кончились, и до зимы можно было управиться съ разною домашностью. Одна бѣднота по первымъ заморозкамъ торопилась на молотяги, чтобы взять новину. Справные мужики ждали, когда „станетъ“ озеро Кекуръ, чтобы обмолотиться прямо на льду. Попа Илью засталъ я дома. Едва я успѣлъ отворить ворота, какъ наткнулся на самого хозяина, который, въ обществѣ Вахрушки, съ полѣномъ въ рукахъ, гонялся за своею послѣднею курицей.

— У, каторжная!..—ревѣлъ Вахрушка, стараясь обѣжать удиравшую отъ него курицу.—Отецъ Илья, валяй ее по ногамъ... Ахъ, телячья голова, опять ушла!..

Оба были пьяны настолько, что даже не могли стѣсняться состояніемъ своей невмѣняемости. Лицо у попа Ильи распухло, волосы были всклочены, костюмъ въ безпорядкѣ, и вообще онъ имѣлъ видъ „разрѣшившаго человѣка“. По нѣкоторымъ даннымъ можно было заключить, что запой продолжался не меньше двухъ недѣль. Когда курица окончательно скрылась, Вахрушка обругалъ ее вдогонку, плюнулъ и, подходя ко мнѣ, проговорилъ:

— Сорвало!

— Что сорвало?—спросилъ я, не понимая этого слова.

— А вотъ насъ съ попомъ Ильей сорвало... Третью недѣлю чертимъ, телячья голова!

Попъ Илья стоялъ, опустивъ голову,—онъ былъ просто жалокъ, когда первая буйная половина болѣзни смѣнялась угнетеннымъ состояніемъ. Теперь онъ находился именно въ такой полосѣ и, кажется, плохо сознавалъ, что происходило кругомъ него. Вахрушка всегда ждалъ поповскаго запоя, какъ праздника, и водворялся въ поповскомъ домѣ, какъ у себя. Пилъ онъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, но водка на него не дѣйствовала: на время его вышибало изъ

ума, а потомъ оставался только полугаръ, и Вахрушка переживалъ блаженное настроеніе. Мужицкое желѣзное здоровье сказывалось въ этомъ случаѣ самымъ осязательнымъ образомъ.

— Отецъ Илья, пойдемъ въ избу,—приглашалъ Вахрушка, подхватывая хозяина подъ руку.—Мы курицу завтра изловимъ, телячья голова, а въ избѣ можно и прилечь... Въ ногахъ правды нѣтъ, телячья голова.

По пути Вахрушка успѣлъ подмигнуть мнѣ и льстиво уговорилъ попа Илью итти въ горницы. Тотъ повиновался, не разсуждая, и только время отъ времени сжималъ свои отекшіе кулаки.

— Тоже гляди, хлобыснетъ по мордѣ, — объяснялъ Вахрушка, проводя больного въ сѣни. — Не успѣешь оглянуться, какъ прилетитъ, — такая ужъ зараза. Вѣдь разговариваетъ, телячья голова, какъ слѣдуетъ быть человѣку разговариваетъ, а тутъ какъ развернется... Я этихъ поповскихъ блиновъ достаточно наѣлся-таки! Сытъ... И тоже другая зараза: безпремѣнно экономку свою колотитъ. Какъ увидѣлъ, сейчасъ, чѣмъ попадя, и благословитъ, а потомъ самъ же и заплачетъ... Вотъ онъ какой, попъ-то Илья: ходи да оглядывайся... А душа въ немъ, телячья голова, предобрѣющая и ума палата. Недѣли по двѣ разговоры эти самые разговариваемъ.

При помощи разныхъ военныхъ хитростей. Вахрушкѣ удалось заманить попа Илью въ спальню и уложить въ постель. Черезъ четверть часа онъ уже храпѣлъ, какъ зарѣзанный.

— Какъ ведерный самоваръ зажариваетъ... —ухмылялся Вахрушка, показывая головой на спальню. — А вы насчетъ косачей?

— Да.

— Оно теперь самое способное время, только вотъ попъ будто связалъ меня по рукамъ и ногамъ...

— Какъ знаешь, я и одинъ съѣзжу.

— А вы по заозеру возьмите... Отъ Юлаевой къ Низамъ пойдутъ островки: тутъ, какъ воронъ, этихъ косачей! Многіе господа любопытствуютъ: Василь Василичъ недавно пріѣзжалъ, такъ пострѣлялъ, становой...

Было уже поздно, и я отправился на квартиру къ Антонычу. Писарь только-что вернулся изъ своей поѣздки и, видимо, дожидался меня за кипѣвшимъ самоваромъ.

— Провѣдывать ходили нашего батюшку?—спрашивалъ онъ, здороваясь со мной. — Очень ослабли... Сельчане-то жалуются, а тоже надо разсудить и по человѣчеству: живой человѣкъ-съ. Сидитъ-сидитъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ,—ну и разрѣшитъ... Много ихъ такихъ-то вдовыхъ поповъ, а я всегда говорю мужикамъ: вы не смотрите на его слабость, а на священство. Да-съ. Мы въ немъ должны нашего пастыря уважать, а не вино. Другой и трезвый, а... Не прикажете ли ромцу?

На огонекъ подошелъ фельдшеръ Герасимовъ и скромно помѣстился въ уголокъ. Говорили о послѣднихъ деревенскихъ новостяхъ, о разныхъ городскихъ знакомыхъ, объ урожаѣ, о чумѣ въ сосѣднемъ уѣздѣ и тому подобномъ, о чемъ разговариваютъ въ такихъ случаяхъ. Въ окна уже глядѣла темная осенняя ночь, самоваръ пускалъ тоскливыя ноты, стаканы съ чаемъ стыли на столѣ. Стукъ въ окно заставилъ всѣхъ невольно вздрогнуть: это былъ Вахрушка.

— Экъ тебя взяло, полуночника!—выругался Антонычъ, дергая за шнурокъ отъ затвора калитки.

— А я вотъ къ барину,—бормоталъ Вахрушка, появляясь въ дверяхъ.— Значитъ, телячья голова, насчетъ косачей... не могу я оставить попа. Чуть

вывернется изъ избы, а ужъ сейчасъ и гребтится,—какъ бы чего онъ не сдѣлалъ надъ собой... Не ровенъ часъ!

— Мы ужъ уговорились,—отвѣтилъ я.—Я одинъ поѣду завтра.

— Вахрамей, посмотри ты на себя, въ какомъ ты образѣ?—усовѣщевалъ гостя Антонычъ и внушительно качалъ головой.

— Въ настоящемъ своемъ видѣ, Иванъ Антонычъ, потому какъ я отъ вина только умнѣе дѣлаюсь... Другой дуритъ, а у меня въ башкѣ настоящая музыка играетъ.

— Оно и видно, что музыкантъ.

Зачѣмъ привязался Вахрушка, трудно было сказать. Пьянъ онъ былъ въ надлежащую мѣру, объ охотѣ разговоры кончились, а Вахрушка все переминался съ ноги на ногу. Антонычъ искоса поглядывалъ на непрошеннаго гостя и только морщился. Въ другое время онъ безъ разговоровъ выпроводилъ бы его въ шею, а теперь ему просто было лѣнь. А Вахрушка все стоялъ и ухмылялся.

— Ты бы шелъ лучше домой,—замѣтилъ фельдшеръ.

— Я... домой?—озлился Вахрушка.—Я знаю, когда мнѣ домой итти... Можетъ, я разговаривать пришелъ, телячья голова!

— Ну, и разговаривай.

— Потому какъ я въ полномъ умѣ сейчасъ... да!

Повернувшись ко мнѣ, Вахрушка съ вызывающимъ видомъ проговорилъ:

— А вы знаете, господинъ, какъ съ Отравой на окружномъ судѣ поступили?

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ-съ... И съ Анисьей тоже?

— Тоже не знаю.

Антонычъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но Вахрушка его предупредилъ:

— Уйду, сейчасъ уйду, Иванъ Антонычъ... Дай слово вымолвить: въ каторгу услали обѣихъ, сударь! Вотъ оно какое дѣло-то!

— Что же, ты доволенъ?

— Я-то?.. Про меня и собаки не брехаютъ... А вотъ какъ вы, сударь, полагаете насчетъ этого самаго случая? Вотъ это самое...

Признаться сказать, этотъ вопросъ меня смутилъ, и я не нашелся, что ничего отвѣтить. Въ самомъ дѣлѣ, какъ судить уже осужденныхъ, тѣмъ болѣе, что многое въ этой исторіи для меня лично оставалось темнымъ?

— Вотъ то-то и есть,—торжествовалъ Вахрушка, выкручиваясь изъ своего неловкаго положенія.—Оно и такъ можно разсудить, и этакъ можно. Теперь нужно такъ взять: ушла Отрава въ каторгу и Анисью съ собой прихватила, а кому отъ этого отъ самаго стало легче?.. Ошибочку большую тогда эта Анисья сдѣлала, телячья голова!.. Не умѣла концовъ схоронить да и подвела Отраву подъ обухъ, а теперь нашимъ бабенкамъ и ущититься нечѣмъ.

— Перестань ты, Вахрушка, молоть!—уговаривалъ его Иванъ Антонычъ, разглаживая бородку.—Тогда что ты говорилъ, непутящая голова? „Кольемъ исколоть Отраву!“—кричалъ по всему селу... Всѣхъ науськивалъ да смутьянилъ.

— Я не отпираюсь: было дѣло, телячья голова!.. Вѣдь я мужикъ и по своей линіи говорилъ, а теперь насчетъ бабъ разговоръ—это опять своя линія. Да!.. Вы, сударь, послушайте, что я вамъ скажу отъ своего-то ума. Дуры эти бабы, вотъ первое дѣло... Имъ бы зубами за Отраву надо держаться, потому защита ихняя была. У насъ какъ теперь бабъ увѣчатъ, одна страсть... Того же взять Пашку Копалухина: возьметъ жену да за ноги и подвѣситъ къ потолку, а самъ ее по спинѣ вожжами, пока изъ силъ не выбьется... Всѣ сусѣди сбѣгутся смотрѣть, какъ она вся синяя виситъ, а Пашка въ оконко кричитъ: „моя жена, на мелкія части изрѣжу“. А другой Пашка, значитъ,

братъ Спиридонъ Косого, свою жену все на муравейникъ водилъ, такъ на обродкѣ, какъ козу, и волокетъ въ лѣсъ, а тамъ раздѣнетъ донага, вобьетъ въ муравьище колъ, свяжетъ ей руки назади, посадитъ голую на муравьище, да къ колу руки и привяжетъ. Цѣльную ночь иной разъ на муравьищѣ-то сердечная корчится, реветъ благимъ матомъ, а никто ослобонить не смѣетъ, потому какъ Пашка-то тутъ же, около нея, на травѣ лежитъ и на гармоникѣ играетъ. Тоже вотъ обязательный былъ старичокъ Ефимъ... Онъ двухъ женъ въ гробъ заколотилъ, женился на третьей, на молоденькой, и надъ ней свой характеръ сталъ оказывать. Ефимъ-то возьметъ жену да и стреножитъ: лѣвую ногу съ правою рукой свяжетъ ремнемъ, да такъ недѣлю и держитъ, а ежели она начнетъ жалиться, онъ ее шиломъ въ самое живое мѣсто, или по толченому стеклу учнетъ водить. Было это, Иванъ Антонычъ?

— Перестань ты, Вахрамей... Мало ли звѣрства по деревнямъ темнота ваша дѣлаетъ!

— А я къ чему рѣчь-то веду, телячья голова?

— Ты лучше про себя разскажи, какъ свою жену увѣчилъ?

— Было и мое дѣло, не отпираюсь... Иногда пьяный и поучишь, на то она баба. Гдѣ же мое-то начальство? Надо мной и становой и старшина куражатся, надо и мнѣ сорвать сердце. Это точно, бивалъ Евлаху...

— Да вѣдь умѣючи надо бить, малиновая голова, а то ухватилъ полѣно и давай обихаживать имъ жену по чемъ попадя.

— Постой, постой, дай ты мнѣ, телячья голова, рѣчь-то кончить! Я насчетъ бабъ все... У Отравы три мужа было, и звѣрь къ звѣрю: одинъ косу оторвалъ вмѣстѣ съ мясомъ, другой полѣномъ руку ей перешибъ, третій кипяткомъ въ банѣ хотѣлъ сварить. Это какъ по-вашему? Тоже у дочери у ейной, у Таньки: первый ребро Танькѣ выломалъ, второй скулу своротилъ... Взять опять Анисью, дочь, значитъ, Пимена Савельича, чего она натерпѣлась отъ мужа-то?.. Вышла она изъ богатаго дома за голяка, потому какъ была по дѣвичьему дѣлу съ изъяномъ... Онъ, мужъ-отъ, въ первый же разъ, какъ повели молодыхъ въ баню, ногами ее истопталъ, а потомъ ужъ совсѣмъ озвѣрѣлъ. Истрялась бабенка... Такъ оно и пошло у нихъ на перекосыхъ: мимо мужъ-то не пройдетъ, чтобы зуботычины не дать, при всемъ народѣ много разъ за косы на улицѣ таскалъ; а потомъ уѣхали на покосъ, у ней ужъ терпѣнья не стало. Всѣ бабенки-то, которымъ невмоготу, завсегда къ Отравѣ шли, а та средствіе свое представитъ и всему научитъ. Ну, мужикамъ все же опаска... Моя-то Евлаха тоже вѣдь стравить меня этакъ же хотѣла. Рѣзьба тогда въ брюху у меня такая пошла, что хуже смерти: точно траву стали косить въ нутрѣ... Тогда вотъ я и говорю, телячья голова, про Отраву-то: большую неустойку показали бабенки-то наши. Теперь ужъ совсѣмъ нечѣмъ имъ будетъ ущититься супротивъ мужьевъ!..

— Что же, правда, такъ правда, — замѣтилъ Иванъ Антонычъ, когда Вахрушка ушелъ.—Звѣрства этого вполнѣ достаточно... Мужики звѣрствуютъ, а бабы травятъ—это по всѣмъ деревнямъ такъ.

— И въ каждой большой деревнѣ своя Отрава есть,—прибавилъ фельдшеръ изъ своего угла.—Мнѣ постоянно приходится отваживаться съ отравленными... А между прочимъ, до свиданія, Иванъ Антонычъ. Пора спать, видно.

— И то пора... Охъ-хо-хо!.. Согрѣшили мы, грѣшные...

Деревня давно спала мертвымъ сномъ, и только кое-гдѣ тишина нарушалась собачьимъ лаемъ.

1887.

ГРОЗА.

Изъ охотничьихъ разсказовъ.

I.

Гора, на которой мы остановились съ Шапкинымъ, называлась — Чортова-Почта. Нельзя не сознаться, что это именно названіе какъ нельзя больше шло къ ней. Представьте себѣ довольно крутую гору съ нѣсколькими лысинами по бокамъ; по самой широкой изъ лысинъ, начиная съ утесистой вершины, тянулись совершенно параллельно двѣ полосы точно нарочно разсыпанныхъ камней. Очевидно, что эти камни когда-то отвалились отъ каменнаго гребня на вершинѣ горы, а потомъ были сдвинуты внизъ снѣгами, или даже, можетъ-быть, когда-нибудь существовалъ здѣсь ледникъ, оставившій на своемъ пути ряды моренъ. Издали, особенно если смотрѣть на Чортову-Почту снизу, глазу представляется совершенно правильная широкая дорога, установленная по бокамъ довольно крупными валунами, — вотъ потому-то уральскіе охотники и назвали ее „Чортовой-Почтой".

— Прямо чортова почта, — объяснялъ Шапкинъ, усаживаясь на одинъ изъ валуновъ.—Вонъ какіе чемоданы да котомки *онъ* пятилъ на гору-то, а потомъ спьяну и разбросалъ по сторонамъ...

— Непремѣнно пьяный?—спросилъ я.

— А то какъ же?.. *Онъ* хоть и чортъ, а тоже не безъ ума... Застань-ка *его* трезваго-то экую страсть каменья наворотить. По-вашему, по ученому-то, можетъ, это и смѣшно, а мы даже очень понимаемъ всѣ *его* штуки.

Шапкинъ, какъ всѣ настоящіе охотники и игроки, былъ очень суевѣренъ, притомъ онъ до извѣстной степени былъ поэтъ въ душѣ и облекалъ жизнь природы въ самыя таинственныя формы.

— Послушайте, Лука Агаѳонычъ, а вѣдь намъ не дойти засвѣтло до Ломовиковъ, — проговорилъ я. — Вонъ солнце ужъ на закатѣ, а итти верстъ семнадцать будетъ.

— Дойти-то дошли бы, да вонъ тамъ шапка плыветъ...—раздумчиво замѣтилъ онъ, указывая головой на сѣверо-восточную сторону неба, гдѣ круглилась и росла темная грозовая туча, точно вырвавшійся изъ какого-то гигантскаго орудія громадный клубъ чернаго дыма.—Гроза будетъ страшенная...

— Что же дѣлать?

— А тутъ есть балаганъ, подъ Вострякомъ, тамъ можно заночевать, если хотите.

Грозовая туча росла съ поразительною быстротою, какъ это бываетъ иногда въ горахъ, и ничего не оставалось, какъ только согласиться на предложеніе опытнаго стараго охотника, знавшаго мѣстность, какъ свои пять

пальнемъ. Итти подъ проливнымъ дождемъ верстъ пятнадцать—было бы плохимъ удовольствіемъ.

— Вотъ спустимся по Чортовой-Почтѣ, перекосимъ ложокъ и какъ разъ упремся въ балаганъ,—объяснилъ Шапкинъ, вскидывая на плечо свою тяжелую старинную двустволку.—И откуда, подумаешь, тучѣ было взяться... Экъ ее раздуваетъ!..

Когда мы начинали спускаться съ горы, вдали глухо ухнулъ первый ударъ грома, какъ будто онъ прокатился подъ землей. Все кругомъ какъ-то разомъ стихло и замерло, точно въ природѣ разыгрывалась одна изъ тяжелыхъ семейныхъ драмъ, когда всѣ боятся со страха дохнуть. Солнце быстро клонилось къ западу, погружаясь въ цѣлое море кроваваго золота; по травѣ отъ легкаго вѣтерка точно пробѣгала судорожная дрожь, заставлявшая кусты жимолости и малины долго шептаться. Тамъ, далеко внизу, тѣни быстро росли и сгущались въ ту вечернюю мглу, которая залегаетъ по логамъ сплошной массой; бурый ельникъ, который отдѣлялъ Чортову-Почту отъ Вострякa, съ каждымъ шагомъ впередъ выросталъ и превращался въ темную зубчатую стѣну. Мѣсто было дикое, но именно теперь, когда съ одной стороны горѣло зарево заката, а съ другой—темной глыбой надвигалась гроза, оно дѣлалось краснымъ своей дикой поэзіей. Вся эта жалкая сѣверная природа точно дохнула всей грудью, и то, что не имѣло смысла, взятое отдѣльно, получило особенное значеніе въ общемъ: всѣ эти разбросанные по сторонамъ камни, топорщившіеся въ травѣ кусты и кустики, точно выросшіе внезапно силуэты отдѣльныхъ елей и пихтъ—все слилось въ одну великолѣпную гармоническую картину, которой нельзя было не залюбоваться.

— Вонъ какъ на Талой дождь запластываетъ,—проговорилъ Шапкинъ, когда мы совсѣмъ ужъ спустились съ Чортовой-Почты.—Прямо на насъ такъ и катитъ!..

Гора Талая, до самой вершины заросшая молодымъ соснякомъ, вся точно вспыхивала при каждомъ громовомъ всполохѣ, и можно было отчетливо разсмотрѣть даже отдѣльныя вѣтви деревьевъ, вырѣзывавшіяся на свѣтломъ фонѣ. Туча выползала съ лѣвой стороны Талой и пустила впередъ себя мутную косую полосу дождя, которая тянулась на насъ, точно тучу задергивала какая-то невидимая рука громадной парусиной. А тамъ, на западѣ, блестѣло послѣднимъ свѣтомъ закатывавшееся солнце, обливая розовымъ огнемъ верхушки лѣса и скалистые гребни горъ. Это была настоящая борьба свѣта и мглы, сопровождавшаяся оглушительной канонадой. Гора Вострякъ, торчавшая своей одинокой верхушкой, какъ громадный зубъ, была въ двухъ шагахъ, и мы скоро зашагали по громадному ельнику, гдѣ было уже совсѣмъ темно. Брести по такому лѣсу, особенно вечеромъ, даже привычному охотнику всегда какъ-то жутко. Васъ охватываетъ мертвая тишина, сырой воздухъ давитъ грудь, начинаетъ казаться, что никогда изъ этой трущобы не выбраться, и невольно прислушиваешься къ шуму собственныхъ шаговъ, который теряется въ мягкомъ желтомъ мхѣ. Именно въ такомъ ельникѣ и „блазнитъ“ непривычному человѣку, который начинаетъ бояться собственной тѣни и со страхомъ пробирается впередъ черезъ лѣсную чащу, валежникъ и папоротники. Глухо, непріятно кругомъ, точно надъ головой нѣтъ больше неба, а тьма ползетъ на васъ со всѣхъ сторонъ и начинаетъ медленно давить.

Я всегда любилъ смотрѣть, какъ Шапкинъ ходилъ въ такомъ лѣсу. Дѣло въ томъ, что простой охотникъ-любитель идетъ всегда дуромъ, какъ попало, въ крайнемъ случаѣ только по извѣстному направленію, а „охотникъ по промышленству“ идетъ съ расчетомъ и очень рѣдко прямо—онъ выбираетъ

каждый шагъ и дѣлаетъ его увѣренно. Рѣзкой особенностью такого охотника служитъ то, что, какъ онъ зашелъ въ лѣсъ, такъ и пропалъ — вы идете съ нимъ чуть не рядомъ и все-таки его не видите. Эта манера на всякій случай итти подъ прикрытіемъ—всего лучше характеризуетъ настоящихъ охотниковъ, и Шапкинъ именно ходилъ такъ... вошелъ въ лѣсъ — точно сквозь землю провалился; десять разъ пройдешь мимо него и не замѣтишь, что онъ стоитъ гдѣ-нибудь за стволомъ дерева или „притулился“ за кустикомъ. Появлялся Шапкинъ тоже какъ-то совсѣмъ неожиданно и ужъ не съ той стороны, гдѣ вы его предполагаете, притомъ ходилъ всегда совершенно неслышнымъ шагомъ. Не въ лѣсу онъ безъ передышки дѣлалъ по тридцати верстъ медленнымъ, развалистымъ шагомъ, точно хорошо заведенная машина. Глядя на его нескладную фигуру, съ несоразмѣрно длиннымъ туловищемъ и короткими вывороченными ногами, никто не подумалъ бы, что этотъ медвѣдь—записной ходокъ. И теперь я едва успѣвалъ слѣдовать за нимъ, хотя Шапкинъ шелъ самымъ обыкновеннымъ шагомъ и даже останавливался иногда. Такимъ образомъ мы перекосили ельникъ въ какихъ-нибудь полчаса, и когда почва пошла замѣтно въ гору и деревья начали рѣдѣть, кругомъ было уже совершенно темно, и только впереди, бѣлесоватымъ пятномъ, выдѣлялся какой-то просвѣтъ. Это была, какъ оказалось, глубокая лѣсная прогалина, гдѣ и стоялъ искомый балаганъ.

— Вотъ мы и дома, — провозгласилъ Шапкинъ, подставляя руку подъ рѣдко падавшія первыя капли дождя.—Только-только успѣли выбраться...

По надвигавшемуся глухому шуму со стороны Талой можно было заключить, что гудѣлъ настоящій ливень, какіе бываютъ на Уралѣ только въ іюлѣ, когда по ночамъ играютъ такъ называемые „зарники“, или зарницы по великороссійскому говору, т.-е. при совершенно чистомъ, безоблачномъ небѣ вспыхиваютъ на горизонтѣ красные огни, точно далекая молнія, хотя послѣднія никогда красной не бываетъ. Балаганъ стоялъ на опушкѣ смѣшаннаго лѣса, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ очень высокихъ лиственницъ, высоко поднимавшихся своими широковѣтвистыми вершинами надъ шелестѣвшими подъ ними осинникомъ, березами и мелкой еловой зарослью. Такой смѣшанный лѣсъ никогда не бываетъ на матерыхъ нетронутыхъ мѣстахъ, а толчется непремѣнно около жилья или по лѣснымъ порубямъ и чрезвычайно напоминаетъ собой какихъ-то лѣсныхъ разночинцевъ. Господствующія лѣсныя насажденія на Уралѣ—это хвойные лѣса: ель, сосна, пихта, кедръ, а лиственныя породы жмутся только по лѣснымъ опушкамъ и главнымъ образомъ около воды, причемъ замѣчательно то, что большинство этихъ лиственныхъ породъ— пришлецы изъ средней Россіи и на Уралѣ появились сравнительно недавно, именно двѣсти-триста лѣтъ назадъ, когда русскіе поселенцы принялись „сводить“ уральскіе лѣса. Колонизація новыхъ лѣсныхъ породъ шла за человѣкомъ шагъ за шагомъ, преимущественно рѣчными долинами, гдѣ вмѣстѣ съ русскими поселенцами осѣла далекая россійская гостья, береза и ея младшая сестра—липа. Собственно въ Сибири береза была неизвѣстна, и среди инородческаго населенія сложилась легенда, что вмѣстѣ съ этимъ „бѣлымъ деревомъ“ идетъ и власть „бѣлаго царя“.

— Скитокъ раскольничій здѣсь когда-то стоялъ,— объяснилъ Шапкинъ, останавливаясь передъ балаганомъ: — потому здѣсь очень превосходный ключикъ есть въ овражкѣ, точно слеза сочится... Медъ, а не вода.

Балаганъ, сгороженный изъ тостыхъ лиственныхъ плахъ, походилъ на верховой погребъ, обложенный дерномъ, только здѣсь сверху просто была насыпана земля и потомъ уже она обросла травой и даже березками. Мимо

него можно было пройти въ десяти шагахъ и не замѣтить. Такихъ балагановъ по широкому приволью уральскихъ горъ раскидано множество, потому что въ нихъ ютятся отъ непогоды и охотники, и бродяги, и артели ягодниковъ, и раскольничьи старцы, и лѣсообъѣздчики. Зимой, когда олень уводитъ охотника на лыжахъ верстъ за двалцать, такой балаганъ—единственное спасеніе. Внутреннее устройство балагановъ вездѣ одинаково: сейчасъ у двери очагъ изъ камней, большею частью безъ трубы, задняя половина занята широкимъ помостомъ — и только. Если хорошенько натопить очагъ, то въ балаганѣ дѣлается жарко, какъ въ банѣ, но неудобно то, что во время топки балаганъ весь наполняется дымомъ, какъ топятся всѣ курныя избы, а потомъ, когда отверстіе въ крышѣ, замѣняющее трубу, заткнутъ дерномъ или травой, въ балаганѣ долго стоитъ тяжелый угаръ. Но охотнику все это не въ диковинку, и онъ только кряхтитъ отъ удовольствія, обливаясь потомъ на полатяхъ: дымъ и угаръ въ счетъ нейдутъ, потому что, главное, было бы тепло и чтобы жгло уши жаромъ.

Пока я старался развести огонь на очагѣ изъ старыхъ головешекъ, стружекъ и хвои, Шапкинъ принесъ цѣлую охапку сухарника и „медовой“ воды въ мѣдномъ чайникѣ. Черезъ четверть часа, когда надъ нашими головами разразилась гроза и лѣсъ точно застоналъ отъ раскатовъ грома, у насъ въ балаганѣ весело горѣлъ огонекъ и быстро наливалась живительная теплота.

— Слава тебѣ, Господи!—крестился Шапкинъ каждый разъ, когда отворенная дверь балагана вспыхивала ослѣпительнымъ пламенемъ занимавшейся молніи.—Вотъ это превосходно... ишь какъ молонья разыгралась!

— Чего превосходно-то?

— А гроза? Куда бы мы безъ грозы-то посѣли... Все у насъ отъ грозы: и хлѣбъ спѣетъ, и трава доходитъ, и цвѣты. Посмотри-ка, какъ завтра все засмѣется кругомъ: настоящій праздникъ будетъ...

— Это отъ дожля, а не отъ молоньи.

— Ну, ужъ извините... Охъ, гдѣ-то дерево расщепало молоньей — слышите?

Среди разгулявшихся звуковъ трудно было различить трескъ разбитаго молніей дерева, но въ этомъ случаѣ я вполнѣ полагался на Шапкина, потому что онъ, какъ музыкантъ, различалъ отчетливо въ хаосѣ звуковъ каждую отдѣльную ноту. Я собственно любовался всполохами яркаго свѣта, который на мгновеніе открывалъ видъ и на Чортову-Почту и на Талую, точно отдергивался какой-то занавѣсъ и на громадномъ свѣтломъ экранѣ вспыхивала цѣлая горная панорама, рѣзавшая глазъ отчетливостью своихъ деталей. Ливень каждый разъ прекращался передъ особенно страшными ударами молніи, чтобы потомъ забушевать съ новой силой, какъ будто гдѣ-то открывался гигантскій душъ и вода бросалась сплошною струей.

— Всѣмъ бы хорошо,—задумчиво говорилъ Шапкинъ, подкладывая новое полѣно въ огонь:—да только я вотъ Агнечкѣ не сказался, что, можетъ, заночую въ лѣсу... ждать будетъ; безпокойная она у меня

II.

Въ числѣ нашихъ охотничьихъ трофеевъ было два рябчика и линялый косачъ, которые и были назначены на ужинъ. Пока кипѣлъ чайникъ, Шапкинъ ощипалъ дичь; рябчиковъ, не выпотрошивъ, завернулъ въ широкіе листья какой-то травы и въ этомъ видѣ закопалъ въ горячую золу, а косача оставилъ на похлебку.

— У него, у подлеца, мясо теперь, какъ подошва.—объяснилъ Шапкинъ, взвѣшивая ощипаннаго косача на рукѣ.—Онъ на варево только и годится, а рябчики въ самомъ соку... Супротивъ нашихъ уральскихъ рябчиковъ нигдѣ не сыскать: первый сортъ, потому онъ теперь сидитъ на земляникѣ, а наша-то земляника тоже извѣстная ягода — съ огнемъ поискать. Когда мы съ покойникомъ Асафомъ Иванычемъ на охоту ѣздили, такъ ужъ очень онъ любилъ, чтобы этихъ рябчиковъ земляникой начинять и рому прибавлять, а только я этого не уважаю.

— Это Ведерниковъ, Асафъ-то Иванычъ?

— Онъ самый... Страшенный охотникъ былъ — хлѣбомъ не корми, а только въ лѣсъ пусти. У Асафа-то Иваныча поваръ испанецъ былъ, собственно еще у его матушки, у самой старухи Ведерничихи... Характерная была покойница и любила покушать чистенько. Можетъ, слыхали? Коренная столбовая дворянка была, не чета нынѣшнимъ-то, и содержала себя весьма неприступно. Ну, такъ я у этого повара-испанца и наблошнился разной стряпнѣ, такъ что Асафъ-то Иванычъ по этому случаю безъ меня никуда на охоту не ходилъ. Охъ, лютъ былъ на всякаго звѣря ходить... Да что говорить, самъ былъ хуже всякаго звѣря: рука, какъ двухпудовая гиря — тройку на всемъ скаку останавливалъ, жеребцовъ однимъ ударомъ съ ногъ валилъ... Вотъ и я, нечего Бога гнѣвить, не обиженъ силенкой, а супротивъ Асафа Иваныча въ родѣ какъ воробей какой али комаръ. Разгуляется, бывало, Асафъ-то Иванычъ въ тепломъ мѣстечкѣ и начнетъ удивлять: двугривенные двумя пальцами сгибалъ... Могутный былъ человѣкъ. Однихъ медвѣдей сколько поднялъ на рогатину, а больше всего любилъ на лося зимой ходить... Это вѣдь самая душевредная охота, потому верстъ тридцать иной разъ за звѣремъ на лыжахъ надо пробѣжать. Тутъ ужъ одному ничего не подѣлать, а непремѣнно надо вдвоемъ или втроемъ. Мы вдвоемъ хаживали, когда глубокій снѣгъ падетъ и звѣря выслѣдятъ. Асафъ-то Иванычъ дня три передъ охотой не пьетъ, чтобы на ногу легче быть, ну, потомъ и орудуетъ. Вѣдь это какая охота: найдемъ слѣдъ сохатаго и жаримъ по слѣду на лыжахъ, Асафъ Иванычъ впередѣ, а я за нимъ. Какъ настигли звѣря, и пошла потѣха... Подумайте то одно, что этакую махину, какъ сохачъ, надо на бѣгу замаять. Пробѣжитъ Асафъ Иванычъ верстъ пять за звѣремъ—верхнюю шубу долой, а я сзади ее поднимаю. Ну, натурально, отстанешь и только ужъ по слѣду за нимъ торопишься. Глядишь—верстъ черезъ пять нижній бешметъ валяется на полу, потомъ шарфъ, даже шапку броситъ, потому разгорится человѣкъ на бѣгу до смерти и никакого холоду не чувствуетъ. Бывало такъ, что Асафъ-то Иванычъ и ружье броситъ и съ однимъ ножемъ гонится, и ужъ непремѣнно положитъ звѣря. Разъ этакъ-то замаялъ онъ сохача, выбилъ его изъ силъ, ну, зарѣзалъ, а я съ одежей-то едва черезъ полтора часа добѣжалъ къ нему. Онъ въ одной рубашкѣ сидитъ на сохатомъ, и паръ отъ него валитъ, какъ отъ пристяжной лошади. Желѣзный былъ человѣкъ, а пропалъ отъ своего характеру: водочка да дѣвушки унесли вѣку, безъ ногъ сдѣлался на сороковомъ году, а вѣдь здоровья на полтораста лѣтъ было...

Къ числу похвальныхъ душевныхъ качествъ Шапкина, между прочимъ, принадлежала скромность, такъ что онъ, въ вящшее возвеличеніе Асафа Иваныча, отъ чистаго сердца превращалъ себя въ воробья, хотя и не имѣлъ ничего общаго съ этой вульгарной и безсильной птицей. Достаточно было взглянуть только на необъятную сутулую спину Шапкина, на его длинныя руки, какую-то необыкновенную четырехугольную шею, чтобы убѣдиться въ его громадной силѣ, и дѣйствительно онъ, въ свои подъ шестьдесятъ лѣтъ, ку-

лакомъ забивалъ двухвершковые гвозди въ стѣну и поднималъ за передніе ноги стоялыхъ жеребцовъ. И лицо у него было самое подходящее къ фигурѣ: глубоко посаженные маленькіе сѣрые глазки, развитыя надбровныя дуги, высунувшіяся скулы, большая нижняя челюсть, едва тронутая жиденькою растительностью песочнаго цвѣта, и ни одного сѣдого волоска въ свѣтло-русыхъ волосахъ. Говорилъ Шапкинъ неопредѣленнымъ жиденькимъ голоскомъ, какъ иногда говорятъ люди очень большого калибра, и улыбался добродушной, немного глуповатой улыбкой, отъ которой все лицо у него точно свѣтлѣло. Дома онъ одѣвался на господскую руку—въ длинный сюртукъ и крахмальныя рубахи, а на охоту являлся въ какой-то мудреной кожаной куртке, купленной гдѣ-то по случаю съ барскаго плеча. Теперь онъ сидѣлъ передъ огонькомъ въ охотничьихъ ботфортахъ и въ одной ситцевой рубашкѣ съ обношеннымъ и полинявшимъ отъ долгаго употребленія воротомъ, который такъ и врѣзывался въ его загорѣлую могучую шею.

Я любилъ слушать безконечные разсказы Шапкина о разныхъ „случаяхъ“, которыми обильно пересыпана была вся его жизнь; вѣрнѣе сказать, эта жизнь представляла одну сплошную цѣпь такихъ случаевъ, потому что жилъ онъ, какъ птица, изо дня въ день. Любимой его темой были воспоминанія о фамиліи Ведерниковыхъ, потому что Шапкинъ выросъ подъ крылышкомъ этой столбовой дворянской семьи, въ качествѣ простого дворового человѣка. Для меня лично Шапкинъ представлялъ особенный интересъ именно съ этой стороны, какъ обломокъ крѣпостного режима. Здѣсь необходимо оговориться. Уралъ, какъ и вся Сибирь, въ сословномъ отношеніи дѣлится только на крестьянъ, промышленниковъ, купцовъ и чиновниковъ — помѣщичій элементъ здѣсь отсутствуетъ, такъ что ни Уралъ ни Сибирь не знали крѣпостного права въ тѣсномъ значеніи этого слова. Уральское горнозаводское населеніе было только приписано къ заводамъ и находилось въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Но въ смутную эпоху дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка на Уралъ, собственно въ Зауралье, было заброшено нѣсколько помѣщичьихъ семей, владѣнія которыхъ являлись крошечными островками въ необъятномъ морѣ остальныхъ заводскихъ и казенныхъ земель и не имѣли никакого самостоятельнаго значенія, какъ вообще дворянскій помѣщичій элементъ; въ настоящее же время эти помѣщичьи земли или перешли въ руки кулаковъ, или пустуютъ, а ихъ владѣльцы давно разорились или вымерли. Странныя были эти помѣщичьи семьи, замѣшавшіяся въ среду сибирскаго населенія, какъ морская рыба, которая по ошибкѣ попала въ рѣку, а изъ нихъ особенно выдавалась фамилія Ведерниковыхъ, особенно старуха „Ведерничиха“, мать Асафа Иваныча.

— Охъ, было-таки пожито,—съ тяжелымъ вздохомъ разсказывалъ Шапкинъ.—Когда жива была сама Ведерничиха, такъ у насъ въ Карабашѣ сплошное Христово Воскресенье стояло... да!.. Село простое было Карабашъ, а какая усадьба—дворецъ. Конечно, теперь головешки однѣ остались, сгорѣла усадьба-то, да и Ведерниковыхъ, почитай, никого не осталось... Ндравная была старушка и такой порядокъ завела: надъ воротами наладила вышку, въ родѣ какъ башня, а на вышкѣ постоянно особенный сторожъ ходилъ, чтобы докладывать барынѣ, кто по дорогѣ мимо ѣдетъ. Трактъ въ верстѣ проходилъ... Ну, должатъ, примѣрно, что тройка бѣжитъ, сейчасъ верховыхъ и тройку заворачиваютъ на дворъ—лошадей въ конюшню, кучеру водки, колеса долой, а гостей въ усадьбу. Выживи три дни и ступай себѣ съ Богомъ. Разъ какъ-то благочинный попался, на слѣдствіе ѣхалъ, дѣло спѣшное, а старуха его не пущаетъ—выжилъ онъ такимъ манеромъ положенные три дня, а по-

темъ потихоньку пѣшкомъ и ушелъ на почтовую станцію за семнадцать верстъ. На моихъ памятяхъ было все...

Послѣ „воли“ Шапкинъ очутился на улицѣ, какъ большинство дворовыхъ, и поселился въ уѣздномъ городѣ Загорьѣ, гдѣ въ теченіе двадцатилѣтнихъ мытарствъ успѣлъ сколотить себѣ домишко, въ которомъ теперь и проживалъ „своими средствами“. Правда, благоприобрѣтенное жилье было не много лучше балагана подъ Вострякомъ и только-что не кричало, что развалится каждую минуту, если его не подопрутъ кольями со всѣхъ четырехъ угловъ; но все-таки у Шапкина былъ свой уголъ, а это было залогомъ полной самостоятельности. Очутившись на волѣ, Шапкинъ перепробовалъ всевозможныя профессіи. Служилъ на чусовскомъ караванѣ, искалъ золото, настраивалъ фортепьяно, устраивалъ почлежный домъ, даже сѣялъ рѣпу, но всѣ эти профессіи ничего, кромѣ убытковъ, не давали, и Шапкинъ подъ конецъ остановился на театрѣ, къ которому прилѣпился всѣми силами души и тѣла. Заѣтной его мечтой, правда, всегда было попасть въ горное Загорское правленіе, къ такъ-называемому „золотому столу“, гдѣ наживали во время оно „большія тысячи“, но эта мечта такъ и осталась мечтой, да и времена перемѣнились: блаженные дни сидѣвшихъ за „золотымъ столомъ“ миновали... Въ театрѣ Шапкинъ не имѣлъ опредѣленнаго занятія и не получалъ никакого опредѣленнаго жалованья, а служилъ такъ, какъ и жилъ; при случаѣ, когда заболѣвалъ кассиръ, продавалъ билеты, при случаѣ мазалъ декораціи, при случаѣ „игралъ“ на турецкомъ барабанѣ въ оркестрѣ, при случаѣ изображалъ „народъ“ и т. д. Только одного онъ никогда не дѣлалъ—не игралъ на сценѣ, потому что,—какъ говорилъ самъ,—у него былъ плохой „резонансъ“, т.-е. произношеніе, а въ сущности—Шапкинъ просто трусилъ, потому что былъ вообще совѣстливый и скромный человѣкъ. Эти „занятія театромъ“ для него имѣли еще то преимущество, что дѣлали лѣто совершенно свободнымъ, а это для его поэтической души было дороже всего.

— Конечно, у „золотого стола“ служить весьма превосходно,—безъ красненькой домой не придешь,—говорилъ Шапкинъ въ припадкѣ откровенности:—а все-таки чиновникъ, какъ цѣпная собака, а я вольный казакъ... Хочу—за дупелями пойду лѣтомъ-то, хочу—за утками,—самъ большой, самъ маленькій. А къ зимѣ подвалятъ актеры, работы по горло.

Кромѣ спеціально-театральныхъ дѣлъ, Шапкинъ всегда исполнялъ разныя порученія своихъ безчисленныхъ знакомыхъ: одна знакомая барыня просила достать непремѣнно бѣлую козлуху, тамъ квартира попадобилась кому-то, дальше подыскивали охотника на иноходца, и такъ далѣе, безъ конца. Вообще, до чужихъ дѣлъ Шапкинъ былъ великій охотникъ и изъ-за нихъ позабывалъ о себѣ. Такими людьми на Руси хоть прудъ пруди, и, какъ кажется, это одна изъ нашихъ національныхъ особенностей. Чѣмъ существовалъ Шапкинъ, какія у него были средства—являлось неразрѣшимой загадкой, въ родѣ квадратуры круга, но онъ существовалъ и, мало того, всегда находился въ самомъ ровномъ и благодушномъ настроеніи духа.

— Помилуйте, да о чемъ горевать-то?—удивлялся Шапкинъ.—Отъ насъ-то персоналу много ли нужно: зимой театръ, лѣтомъ вотъ дупельки, рябчики... Намъ добра не изжить!..

Занятія „театромъ“ давали Шапкину самые жалкіе нищенскіе гроши, но для него важна была не матеріальная сторона дѣла, а сознаніе, что и онъ работаетъ, что и у него есть совершенно опредѣленная профессія, что и онъ наконецъ можетъ болѣть и радоваться въ опредѣленномъ направленіи, какъ органическая часть живого цѣлаго. Новыя декораціи, новая пьеса, новый га-

лантъ провинціальныхъ подмостковъ—все это приводило его въ неподдѣльный, иногда дѣтскій восторгъ, какъ плохіе сборы и разныя спеціально-театральныя неудачи лишали его сна и аппетита. Провинціальный театральный міръ, полный вѣчнаго раздѣленія, интригъ и закулисныхъ каверзъ, являлся для Шапкина постоянной заботой, потому что нужно поддержать такого-то актерика, сбить спесь зазнавшейся, капризничавшей примадоннѣ, провести на хорошую роль начинающій талантъ, поощрить подарочкомъ искреннее служеніе музамъ,—словомъ, работа безъ конца и, главное, совершенно добровольная работа, которой никто не хотѣлъ замѣчать, а тѣмъ болѣе цѣнить. Другой на мѣстѣ Шапкина давно плюнулъ бы на все, но онъ служилъ дѣлу, а не лицамъ, и въ этомъ, можетъ-быть, заключалась тайна его философскаго благодушія. Провинціальныя труппы вообще набираются съ борку да съ сосенки и потому вѣчно грозятъ моментальнымъ распаденіемъ изъ-за ничтожнѣйшихъ пустяковъ; въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Шапкинъ бѣгалъ и суетился, какъ бѣгаютъ крысы въ кораблѣ, дающемъ течь и готовомъ пойти ко дну.

— Въ третьемъ годѣ актриса Размаринова изъ-за трека чуть всю обѣдню не испортила,—повѣствовалъ Шапкинъ съ наивнымъ трагизмомъ.—Треко-то въ одномъ мѣстѣ немного поотцвѣло, а ей нужно было Периколу играть... нѣтъ, не Периколу, а Маргариту въ „Маленькомъ Фаустѣ“, ну и подняла содомъ. Такъ вѣдь едва уломали... И вся-то ей цѣна—расколотый грошъ, а ужъ умѣла угодить публикѣ, потому ноги у ней были антикъ. На Ирбитской ярмаркѣ купцы въ неистовство чувствъ приходили отъ ея ногъ и на себѣ на квартиру каждый вечеръ изъ театру ее возили. Ноги для настоящей актрисы первое дѣло, на нихъ корсета не надѣнешь...

Нужно замѣтить, что Шапкинъ не бралъ капли вина въ ротъ, не курилъ и вообще былъ самый воздержный человѣкъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ слабостей. Такъ, онъ не могъ никогда удержаться, чтобы не привр[ать] малую толику, когда разговоръ заходилъ объ охотѣ, потому что очень у[ж] любилъ все необыкновенное. Впрочемъ, всѣмъ записнымъ охотникамъ, как[ъ] извѣстно, присуща эта маленькая слабость. Разъ какъ-то на охотничь[ей] стоянкѣ разговоръ зашелъ о джигитовкѣ. Народъ собрался все бывалый: кто разсказывалъ о джигитовкѣ донскихъ казаковъ, кто о черкесахъ, кто о текинцахъ. Шапкинъ слушалъ все внимательно и, когда всѣ разсказы истощились, добавилъ слѣдующее:

— Что же, это не велика еще хитрость—съ лошади шапками рубли поднимать или на ногахъ въ сѣдлѣ скакать, а вотъ со мной случай былъ... Какъ-то въ оренбургской степи была джигитовка—вотъ это такъ джигитовка, могу сказать!.. У дороги поставили кадушку ведеръ въ шесть, налили ее молокомъ и бросили въ кадушку двугривенный. Ну, казачокъ на всемъ скаку чубурахъ головой въ кадушку, схватилъ двугривенный зубами и валяй дальше... Прострые оренбургскіе казачишки орудовали!..

III.

Итакъ, мы сидѣли въ балаганѣ; ливень продолжалъ еще итти, но буря уже миновала, и только изрѣдка раздавался въ горахъ оглушительный громовой раскатъ, точно отстрѣливался непріятель, отступавшій въ безпорядкѣ. Пріятно было именно въ такую погоду сидѣть у весело потрескивавшаго огонька, освѣщавшаго неказистую обстановку балагана какими-то взрывами: полоса свѣта то выхватитъ гнилой уголъ, разрисованный зеленоватою плѣ-

сѣнью, то прокопченный дымомъ бревенчатый потолокъ, то заглянетъ подъ полати, гдѣ валялся всякій соръ,—остатки натащеннаго сюда охотниками сѣна, суковатое полѣно, изношенный лапоть, обрывокъ гнилой веревки. За пріятными разговорами мы выпили цѣлыхъ два чайника, а потомъ принялись за изжарившихся рябчиковъ, которые оказались, конечно, превосходными, какъ верхъ доступнаго человѣку кулинарнаго искусства.

— А вы слыхали, какъ сибирскіе купцы живыхъ осетровъ съ собой возятъ?—спросилъ Шапкинъ, вслухъ продолжая нить своихъ мыслей.—Очень просто: возьмутъ такого живого осетра, завернутъ въ оленью доху и положатъ съ собой, а какъ пріѣхали на станцію—сейчасъ ему въ пасть стаканъ водки, и опять дальше. Такъ его можно везти день пять...

Этотъ неожиданный осетръ явился, вѣроятно, въ pendant къ изжареннымъ рябчикамъ. Люди, которые долго остаются съ глазу на глазъ, часто ведутъ такой отрывочный и, повидимому, безсвязный разговоръ—каждый настолько занятъ нитью собственныхъ размышленій, что совершенно не замѣчаетъ безсвязности своего вопроса. Въ отвѣтъ на осетра, глядя, какъ Шапкинъ уплетаетъ удивительно зажареннаго рябчика, я, неожиданно для самого себя, спросилъ его:

— Скажите, пожалуйста, Лука Агаѳонычъ, вы когда-нибудь были больны?

— Я-съ... Т.-е. настоящей болѣзни, пожалуй, не бывало, Богъ миловалъ, а такъ случай одинъ вышелъ... И захворалъ бы, непремѣнно захворалъ бы, ежели бы не одинъ знакомый фершалъ. Это когда я еще въ театрѣ не служилъ, а ходилъ на чусовскомъ караванѣ. Дѣло весной было: суматоха, хаосъ, столарня, не приведи Господи никому, потому дѣло сгѣшное, а бурлачье [illegible] прямо сказать, ничего не понимаетъ. Ну, всѣ караванные служащіе, какъ сплавъ, такъ на другой же день отъ крику безъ голосу, а только хрипятъ, какъ которыя злыя цѣпныя собаки. Бѣгаешь цѣлый день, высуня языкъ, [illegible] весеннее, самое обманчивое, того гляди, прохватитъ вѣтеркомъ. Такимъ манеромъ я и почувствовалъ себя неладно, точно совсѣмъ другой сталъ—и руки не мои, и ноги тоже, и голова, какъ глиняный горшокъ. Вижу, плохо дѣло, сейчасъ къ фершалу, а онъ каждую весну пріѣзжалъ зубы дергать пристанскимъ бабамъ, потому что всѣ онѣ зубами на сплаву маются. Другой за-разъ зубовъ пять выхватитъ... Осмотрѣлъ меня фершалъ и говоритъ: „У тебя, Лука Агаѳонычъ, кислоты нѣтъ...“—Какъ такъ кислоты нѣтъ?—„А такъ, говоритъ, такая есть болѣзнь, что въ человѣкѣ вся кислота истребится“. И вылѣчилъ: истолкъ сулемы да мѣднаго купоросу, да еще прибавилъ какихъ-то злыхъ кореньевъ—и какъ рукой сняло... Послѣ я доктору знакомому разсказывалъ, такъ не вѣритъ и даже весьма смѣялся. А все-таки я нынче къ не настью иногда чувствую, какъ будто опять во мнѣ этой кислоты мало стаетъ... ей-Богу!.. Вотъ вамъ смѣшно, а я это очень хорошо чувствую и стараюсь водворить кислоту: уксусъ пью, лимоны ѣмъ, капусту соленую... очень помогаетъ.

За рябчиками послѣдовала косачиная похлебка, а затѣмъ ничего не оставалось, какъ лечь спать.

— Ну, теперь я васъ буду дымомъ угощать,—говорилъ Шапкинъ, притворяя дверь въ балаганъ.—А то холодно будетъ...

— По-моему, ужъ лучше пусть будетъ холодно, а то задохнешься еще, пожалуй.

— Нѣтъ, вы только закройте глаза, а потомъ привыкнете, даже понравится.

Я кое-какъ уговорилъ старика подождать еще часокъ, пока калякаемъ о разныхъ разностяхъ. Для меня сидѣть такимъ образомъ у огонька, гдѣ-

нибудь на охотничьей стоянкѣ, всегда доставляло истинное удовольствіе: кругомъ темь, хоть глазъ выколи, мертвая тишина, ночной холодокъ ползетъ снизу и заставляетъ вздрагивать, а ты сидишь, какъ очарованный, уставившись въ огонь, и какъ-то ни о чемъ не думаешь, а просто чувствуешь себя безотчетно хорошо. На душѣ дѣлается такъ легко, точно перенесся совсѣмъ въ другой міръ, разомъ стряхнувъ съ себя всѣ злобы и треволненія, которыя одолѣваютъ въ обыкновенное время. И сидѣлъ бы такъ безъ конца, чувствуя, что и тебѣ нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ остальныхъ людей, и имъ тоже. Есть зеленыя горы, есть лѣсъ, есть пара рябчиковъ въ ягдташѣ, есть медовый ключикъ въ лѣсу—и довольно... Вотъ это и есть счастіе, насколько счастіе возможно. Да и много ли нужно для такого счастія? Спрятался человѣкъ отъ дождя въ балаганъ, подставилъ одинъ бокъ къ огоньку, а тамъ пусть вся природа корчится въ конвульсіяхъ безумной борьбы разгулявшихся стихійныхъ силъ. Можетъ-быть, это очень некрасивый эгоизмъ, но вѣдь онъ разыгрывается на пространствѣ всего нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ, и я часто завидую Лукѣ Агаѳонычу, который,—выражаясь языкомъ Шопенгауэра,—такъ полно можетъ „растворяться въ настоящемъ“.

— А все-таки Агнечка безпокоиться будетъ...—нѣсколько разъ повторялъ Шапкинъ, потягиваясь и зѣвая.—Очень она у меня сумнительная дѣвчурка. Во второй классъ гимназіи перешла... какъ же, умненькая такая растетъ.

Агнечка была воспитанница Шапкина, которая жила вмѣстѣ съ нимъ въ его избушкѣ. Это была задумчивая одиннадцатилѣтняя дѣвочка, темноволосая и сѣроглазая. По всему складу маленькой изящной фигурки можно было замѣтить, что Агнечка была не простого роду, но какъ она попала къ Шапкину—онъ не любилъ разсказывать, и когда разговоръ заходилъ на эту тему,—отмалчивался или заминалъ рѣчь. Впрочемъ, у него была страсть къ воспитанницамъ, вынесенная, вѣроятно, еще изъ помѣщичьей усадьбы, гдѣ всегда ютились таинственныя дѣвицы всѣхъ возрастовъ подъ общимъ терминомъ „шпитонокъ“. Старуха Ведерничиха любила окружать себя такими безродными существами, и Лука Агаѳоновичъ унаслѣдовалъ отъ нея это пристрастіе. До Агнечки, по его словамъ, у него была другая воспитанница, которая заплатила ему за отеческія попеченія самой черной неблагодарностью—звали ее Маріенькой. Нашлись злые языки, которые таинственную Агнечку называли незаконной дочерью Шапкина, потому что онъ ужасно возился съ всю; но такое предположеніе еще требовало доказательствъ, а ихъ не было налицо. Къ женщинамъ Шапкинъ относился въ высшей степени сдержанно, хотя и не безъ галантности театральнаго человѣка и любезника старой школы, только онъ не любилъ разсказывать разныхъ пикантныхъ анекдотовъ и „дѣтскихъ“ исторій, къ чему всѣ записные охотники имѣютъ большую склонность. Скоромные разговоры онъ всегда слушалъ со сдержанной и какой-то больной улыбкой, точно обижался. Только раза два онъ какъ-то случайно проговорился, когда мы ночевали вдвоемъ въ лѣсу, о какой-то Аннѣ Асафовнѣ, и то очень неясно... „Вы не знавали Анны Асафовны?—какъ-то неожиданно спросилъ меня Шапкинъ. — Ахъ, какая была отличная дама... такая дама, такая дама, что просто даже удивительно!“—„А кто она такая?“—„Да такъ, она при театрѣ находилась... замѣчательная дама!“ Этимъ разговоръ и кончился, такъ что отличная дама Анна Асафовна оставалась для меня загадкой, хотя по величанью и можно было предполагать въ ней дочь знаменитаго Асафа Иваныча Ведерникова.

— Вы не были женаты, Лука Агаѳонычъ?—спросилъ я нечаянно, раздумавшись объ Агнечкѣ.

Мой вопросъ точно передернулъ Шапкина, и онъ вдругъ какъ-то неловко съежился, точно его укололо.

— Это вы насчетъ Агнечки?—тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, такъ... просто...

Наступила неловкая пауза. Дождь замѣтно стихалъ, въ открытую дверь потянуло уже ночною сыростью; было часовъ десять ночи.

— А вѣдь про Агнечку напрасно болтаютъ,—заговорилъ Шапкинъ, съ трудомъ подбирая слова,—что будто она моя дочь... Совершенная напраслина-съ!.. Я Агнечку дѣйствительно люблю, и даже очень люблю, можетъ-быть, больше родной дочери, а только она мнѣ чужая, т.-е. собственно, пожалуй, и не чужая, а такъ... Анну-то Асафовну помните?

— Нѣтъ.

— Вотъ была дама... ахъ, какая это была дама!.. Да что тутъ говорить...—махнулъ рукой Шапкинъ въ какомъ-то отчаяніи. Это такая была замѣчательная дама, такая дама... Можетъ-быть, помните актера Карачарова? Онъ все больше въ Загорьѣ игралъ...

— Высокій такой?

— Да, четырнадцати вершковъ росту, въ плечахъ широченный и пасть, какъ у быка,—ну, настоящій былъ трагикъ, по всей формѣ. Бывало, двухъ человѣкъ себѣ на грудь ставилъ. Ну-съ, такъ этотъ самый Карачаровъ отъ Анны Асафовны, можно сказать, и въ землю ушелъ...

— Какъ такъ?

— А такъ... случай такой. Вѣдь дамз-то какая была?!— еще разъ воскликнулъ Шапкинъ, хватаясь обѣими руками за голову.—Т.-е. Анна Асафовна собственно была барышня, а только... ну, однимъ словомъ, это съ актрисами всегда такъ бываетъ: дѣвица на дамскомъ положеніи, и Анна Асафовна тоже. Вотъ однажды Карачаровъ и скажи одно слово про Анну Асафовну... очень ей не понравилось это самое слово. Какъ-то сошлись они вмѣстѣ, Анна Асафовна какъ накинется на Карачарова, сбила его съ ногъ и давай топтать, а потомъ схватила его за горло да въ окошко и хотѣла выбросить, этакую машинищу, а Карачаровъ только хрипитъ. И выбросила бы, ежели бы добрые люди не отняли... при мнѣ все было, на моихъ глазахъ. Никому бы въ свою жизнь не повѣрилъ, что такія женщины бываютъ, а вотъ бываютъ же... Карачаровъ-то послѣ этого самаго случая чахъ-чахъ, да такъ и не поправился. Нѣтъ, да вы представить себѣ не можете, что за дама была Анна Асафовна: такихъ больше не осталось... извините!.. Куда?.. Что вы... вѣдь это что такое было: тигръ, а не женщина!

Шапкинъ ужасно воодушевился, размахивалъ руками и даже съ азартомъ нападалъ на меня, хоть я и не думалъ спорить съ нимъ.

— Какое же слово сказалъ ей Карачаровъ?—спросилъ я, чтобы привести старика въ себя.

— Слово?... Ахъ, если бы вы знали Анну Асафовну...—продолжалъ Шапкинъ, не разслышавъ вопроса.—Да на другихъ-то женщинъ послѣ нея и смотрѣть не захотѣли бы... Какія это женщины? Галки—и весь разговоръ. Вонъ у насъ каждый годъ новая примадонна, а что въ нихъ толку: двухъ фунтовъ не подниметъ другая, а тоже я, говоритъ, примадонна... тьфу... Анна-то Асафовна возьметъ, бывало, двухпудовую гирю да двадцать пять разъ одной ручкой—вотъ этакимъ манеромъ—спуститъ и подниметъ ее (Шапкинъ показалъ, какъ Анна Асафовна поднимаетъ гирю) и не дохнетъ. Вотъ какая это была женщина... да-съ! Ростомъ она не велика была и лицомъ не такъ красива, а что касается всего прочаго—портретъ... И не то, чтобы толстая тамъ была,

а въ настоящей пропорціи, какъ слѣдуетъ барышнѣ. Руки, ноги у ней... ахъ, да что тутъ говорить—нѣтъ больше такихъ женщинъ, нѣтъ и нѣтъ, да и не будетъ никогда!.. Купцы просто сатанѣли, когда она въ трико одѣнется, бывало; вся въ ямочкахъ, какъ точно будто изъ воску вылѣпилона.

— А теперь гдѣ она?

— Умерла... лѣтъ ужъ съ восемь этому времю будетъ. Такъ отъ самыхъ пустяковъ погубила себя, потому что все-таки женская часть въ ней была. Оно вѣдь кому какъ: другая только встряхнется, а Анна Асафовна не таковская была женщина—золотая душенька, только ужъ судьба ей такая задалась. У меня на рукахъ и померла. Вотъ гдѣ мое горе было — немало я тогда надъ ней слезъ пролилъ, а она же меня и утѣшала, голубушка. Агнечка-то, значитъ, дочь ей приходится, Аннѣ-то Асафовнѣ; вотъ я и любуюсь надъ ней: хоть и далеко до матери, а все же знаки есть... этакъ разсердится иногда да неподлобья, неподлобья и засмотритъ... Ахъ, люблю я эту Агнечку, вотъ какъ люблю, и ужъ выведу въ настоящіе люди, чтобы послѣ добрымъ словомъ стараго дурака помянула. Вѣдь нынче что! Жить да жить барышнямъ надо, да Господа благодарить, потому вездѣ скатертью дорога, и въ телеграфъ, и въ учительши, и въ разныя конторы, а прежде только и свѣту въ окнѣ, что замужъ, а то пиши блохъ у болонокъ, пока не околѣешь. Порядочная прежде темнота была даже и у образованныхъ-то людей...

— Анна Асафовна была дочь Асафа Иваныча?

— А вы какъ знаете?

— Да по отчеству видно...

Старикъ на мгновеніе задумался, вытеръ лицо ладонью и съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ:

— Да, дочка Асафа Иваныча, голубчика... Кто бы могъ подумать... а?.. У Асафа-то Иваныча еще сынъ былъ, онъ и теперь живъ, въ богалѣльнѣ въ Загорьѣ содержится, потому что не въ своемъ разумѣ, да и изубожился... э, да долго вамъ это все разсказывать, потому что и моя тутъ часть вышла... да, не смотрите, что я изъ дворовыхъ, а чувствовать и я могу... да!.. Къ женскому полу я никогда сладострастія не имѣлъ, какъ покойничекъ Асафъ Иванычъ; думалъ, что и вѣкъ такъ проживу, а тутъ вышла и моя часть. Здоровъ я былъ изъ себя, въ томъ родѣ, какъ вотъ дерево какое смоленое, а тутъ какъ разобрало, такъ, кажется, лучше руки бы на себя наложилъ, чѣмъ этакую смертную муку принимать.

Старикъ задумался. Огонь догоралъ, и только легкое синеватое пламя перебѣгало по углямъ; дождь совсѣмъ прекратился, и небо было чистое, ясное, точно расшитое серебряными блестками по голубому бархату—именно такой шелковистый отблескъ бываетъ только на нашемъ блѣдномъ сѣверномъ небѣ. Я подбросилъ новыхъ дровъ на очагъ, и веселое пламя опять освѣтило весь балаганъ. Шапкинъ сидѣлъ неподвижно и безучастно смотрѣлъ на трещавшій огонь; онъ слишкомъ былъ подавленъ своими воспоминаніями и нѣсколько разъ устало взмахивалъ лѣвой рукой, точно отгонялъ одолѣвавшія его мысли.

— Господи, какъ подумаешь, чего-чего на бѣломъ свѣтѣ ни бываетъ...— заговорилъ онъ послѣ длинной паузы, точно просыпаясь.—Я вѣдь вамъ разсказывалъ, какъ въ Карабашѣ жили... это еще до воли было... Анна Асафовна тогда еще совсѣмъ маленькой была... этакая бѣлокурая да рѣзвая, всегда съ голыми колѣнками ходила, потому у Асафа Иваныча одна англичанка къ дѣтямъ была приставлена. На рукахъ я нашивалъ Анну-то Асафовну, когда она маленькой была. Тэной ее всѣ звали.— это по-аглицкому выходитъ все равно, что по-нашему Аннушка. А крѣпкая была Тэна, когда,

еще дитей совсѣмъ, ухватится за шею—кочень-кочнемъ. Въ праздникъ одѣнуть ее въ бѣлое такое платьице, кружевные кальсончики, ботиночки—чистый ангелъ, а не дѣвочка. Такъ на моихъ глазахъ Тэночка выросла до одиннадцати лѣтъ, а потомъ эта самая воля объявилась, ну, извѣстное дѣло, кто куда—всѣ разбрелись изъ Карабашей! Старуха-то Ведерничиха тогда же и умерла, прямо отъ огорченія, а Асафъ Иванычъ ножекъ лишились. Мое дѣло такое вышло, что на волчьемъ положеніи состоялъ: волка ноги кормятъ... Тогда я по разнымъ статьямъ орудовалъ. Ну-съ, такимъ манеромъ прошло весьма немалое время, можетъ, лѣтъ семь или восемь, я уже по театральной части пошелъ... Хорошо. Тогда эти оперетки еще только объявились: „Орфей въ аду", „Птички пѣвчія", „Прекрасная Елена"—работы всѣмъ много, и публика, можно сказать, ума рѣшилась: такъ и ломитъ. Только и свѣту въ окнѣ, что оперетки да шансонетки, а проклятущія примадонны просто взбѣсились: такія цѣны брали, такія цѣны—страсть!.. Пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ, и не подходи... Антрепренеры просто замаялись съ примадоннами, потому публикѣ ни первыхъ любовниковъ ни трагиковъ не надо, а подавай примадонну. Вотъ разъ и слышу, что къ намъ въ Загорье поступаетъ новая Елена, и разсказываютъ про нее чудеса... Хорошо. Пріѣхала и только успѣла переодѣться, сейчасъ ее на сцену: ну, публика неистовствуетъ... Я тоже пошелъ посмотрѣть—и что бы вы думали: Тэночка Ведерникова. У меня такъ сердце кровью и облилось, окаменѣлъ весь, а она хлещетъ: и юбками, и ногами, и плечами... Дворянское дитё, холеное да нѣженое, и вдругъ передъ публикой хуже, чѣмъ нагая, а публикѣ резонансъ у ней больше всего понравился, потому какъ Тэночка всякими языками говорила и ужъ насчетъ словесности извините—только слушай. Французскія шансонетки на французскомъ языкѣ такъ и откалывала и ножкой при этомъ... Господи! вотъ до чего дожили... Вѣрите, заплакалъ я даже. Ежели сама Ведерничиха-то жива была бы,—да она руки бы на себя наложила отъ этакого сраму!.. Что бы вы думали, я нѣсколько двѣ недѣли не могъ подойти къ Тэночкѣ и объявиться передъ ней, каковъ я есть человѣкъ. Совѣстно было, да и ее конфузить не хотѣлъ. А потомъ ужъ, какъ она съ этимъ Карачаровымъ тогда познакомилась, я ей и отрекомендовался. Передернуло ее сначала, а потомъ ничего, только смѣется... Она тогда и поразсказала мнѣ, какъ у нихъ Карабашъ адвокаты отняли, и какъ Асафъ Иванычъ безъ ножекъ лежалъ, и какъ братецъ Сереженька въ богадѣльню попалъ, потому какъ совсѣмъ безпутнымъ человѣкомъ оказался кутилъ напропалую, а изъ себя былъ жиденькій такой, ну—и скоро разумомъ ослабѣлъ и пляску святого Витта получилъ. Она разсказываетъ, а я плачу-съ... Нѣтъ моихъ силъ терпѣть, точно вотъ я самъ бы взялъ да умеръ лучше. Ну, Тэночка-то сначала въ гувернантки поступила, потому какъ дѣвица съ большимъ резонансомъ была, да не ужилась; извѣстно, какая жизнь этимъ гувернанткамъ: какъ мышь сиди въ мышеловкѣ... А дѣло ея было совсѣмъ молодое: жила-жила Тэночка въ гувернанткахъ да съ самимъ-то барономъ и познакомилась, а барыня узнала да въ шею ее. Ну, выбросили дѣвку на улицу, и ступай себѣ на всѣ четыре стороны. Вотъ она мыкалась-мыкалась, и голодомъ и холодомъ сидѣла, да въ театръ и махнула; а тамъ, конечно, рады, потому что этакого резонансу и во снѣ не слыхивали.

Старикъ тяжело перевелъ духъ и замолчалъ.

— Ну-съ, не хорошо это разсказывать, а былъ великій грѣхъ,— продолжалъ Шапкинъ:—какъ я посмотрѣлъ на Тэночку, какая она стала, на ея силу необыкновенную,—такъ она мнѣ къ самому сердцу пришлась, такъ пришлась... Вѣдь вотъ поди же, какъ человѣкъ устроенъ! Ну, что я такое для

Анны Асафовны, если разобрать: червь и только, а между тѣмъ я все о ней думаю, день и ночь думаю — пойдетъ съ ума, и конецъ тому дѣлу. И какъ теперь помню, какъ все это случилось... точно въ театрѣ, ей-Богу. Анна Асафовна тогда ужъ вплотную съ этимъ Карачаровымъ связалась... Ахъ ты, Господи, Господи, что иногда съ человѣкомъ дѣлается! Ну, что, кажется, въ этомъ Карачаровѣ любопытнаго для такой барышни, какъ Тэночка: рожа у него одна, такъ не приведи Господи во снѣ увидать, а она въ немъ души не чаяла и сколько разъ при мнѣ, бывало, обовьетъ его шею своими руками и давай цѣловать эту поганую-то рожу. Однимъ только и бралъ Карачаровъ, что смѣшить умѣлъ Тэночку—уморитъ со смѣху, а Тэночка безъ него весьма скучала и постоянно меня за нимъ посылала, чтобы я его разыскалъ по трактирамъ да по разнымъ вертепамъ. И слова не дастъ выговорить про Карачарова, про его разные поступки; ужъ прямо сказать, что полюбился сатана пуще яснаго сокола. Подарки ему дарить, деньги дарить, ухаживаетъ... тьфу!.. Я такъ полагаю, что было тутъ дѣло не чисто: приворожилъ онъ Анну Асафовну, а можетъ, и потому еще онъ ей глянулся, какъ составъ имѣлъ для мужчины необыкновенный. Все-таки не понимаю... Всего, бывало, ему накупитъ: и рубашекъ, и одѣяло новое, и—съ позволенія сказать—даже кальсоновъ, а онъ никакой благодарности не понимаетъ. Однимъ словомъ, баловала его, какъ малаго ребенка. Разъ этакъ она и придумала везти Карачарова на охоту—всю снасть купила, на, милый-размилый, а я вмѣсто кучера у нихъ. Отлично... Пріѣзжаемъ въ лѣсъ, я и повелъ Карачарова по болоту, да тутъ и вспомнилъ, что огня позабылъ разложить Аннѣ Асафовнѣ; пожалуй, еще лошадь-то убѣжитъ у ней, потому какъ она при экипажѣ осталась. Вреду это я и слышу, что кто-то дрова у насъ на стану рубитъ и такъ рубитъ, что только стонъ стоитъ. И что же бы вы думали — это сама Анна Асафовна дрова рубила... Я нарочно, знаете, не подошелъ близко, а только взялъ да издалька спрятался за дерево и долго любовался на нее: картина. Отыскала она кочистую такую сухарину, вершковъ восьми въ отрубѣ, да ее и нажариваетъ, а я смотрю да смѣюсь про себя: „отрубить-то, молъ, мы отрубимъ, а вотъ какъ, Анна Асафовна, колоть будете“... Обрубокъ-то пуда въ три былъ. Не успѣлъ я этого подумать, Анна Асафовна взяла топоромъ по обрубку, да какъ черезъ плечо трескнетъ его о сухарину — такъ на три полѣна и расколола сразу. Ахъ, какая это была дама... такая дама!.. Ну, тутъ со мной и сдѣлалось неладно...

— Какъ неладно?

— А такъ-съ... Съ этого самаго моменту тошно мнѣ сдѣлалось, а потомъ нашло на меня какое-то звѣрство. Ей-Богу... Хожу, какъ очумѣлый быкъ, а у самого на умѣ Анна Асафовна. А она, какъ нарочно, постоянно меня при себѣ держала и даже часто одѣвалась и раздѣвалась при мнѣ до рубашки, потому что знала, что я не имѣю сладострастія къ женщинамъ... Ну, разсудите, каково было мнѣ все это терпѣть? Ахъ, какъ я ее любилъ... чувствую, что даже думать-то объ этомъ самомъ мнѣ смѣшно, а самъ еще больше чумѣю—такъ вотъ индо духъ во мнѣ захватитъ. Другіе весьма къ водкѣ бываютъ подвержены въ такихъ случаяхъ, а я и этого не могу, а только смотрю на Анну Асафовну и казнюсь... Всего хуже мнѣ было, какъ она примется меня посылать за Карачаровымъ — сердце изъ меня вынетъ, бывало, однимъ словомъ. Грѣшный человѣкъ, не разъ думалъ: убью Карачарова, порѣшу Анну Асафовну, а подъ конецъ себя кончу — никому не доставайся... ей-Богу!.. Озвѣрѣлъ, значитъ... Охъ-хо-хо!.. грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ. И что бы вы думали: Анна-то Асафовна вѣдь

догадалась насчетъ меня: „ты, говоритъ, Лука Агаѳонычъ, совѣмъ погрубѣлъ нынче, и ничѣмъ, говоритъ, не могу объяснить этого, какъ только тѣмъ, что ты въ меня влюбленъ...“ Я ужъ тутъ напрямки ей и отвѣсилъ, а она меня въ шею. Однако опять воротила къ себѣ и такъ, смѣшкомъ, сказала: „ну чортъ съ тобой, оставайся, если ужъ я такъ тебѣ понравилась“. Только послѣ этого случая замѣтно стала остерегаться меня и, раздѣтая, не допускала до себя. Одно только скажу: что ни дѣлала Анна Асафовна—все у ней по-своему выходило, этакъ умненько, все съ гордостью-съ. Да-съ. А скажетъ слово—такъ прямо рублемъ подаритъ. Развѣ я не чувствовалъ, что она настоящая барышня, а я рабъ предъ ней, а все-таки Анна Асафовна не посмѣялась надо мной. Вотъ это-то самое и дорого...

Шапкинъ увлекся своимъ разсказомъ и позабылъ, что давно нужно ложиться спать.

— Я ужъ вамъ разсказывалъ, какъ Анна Асафовна собственными своими ножками Карачарова истоптала,—продолжалъ онъ:—онъ вскорѣ и душу свою поганую отдалъ... туда и дорога, потому что онъ постоянно обманывалъ Анну-то Асафовну, какъ песъ какой. И на кого мѣнялъ: одна была водевильная горничная, самая лядащая дѣвчонка — взять двумя пальцами и переломится; ну, съ ней путался и съ другими тоже. Ну, развѣ это не обидно было Аннѣ-то Асафовнѣ при ихней-то гордости, когда все это она видѣла и только изъ своей гордости такой видъ принимала, что ничего не замѣчаетъ? Ежели бы еще Карачаровъ съ какой-нибудь красавицей или настоящей дамой закурился, все же не такъ оно обидно было бы Аннѣ-то Асафовнѣ и такъ полагаю, потому что женщина она была гордая и не любила жаловаться. Не стало Карачарова; кажется, тутъ и спокой, такъ нѣтъ—она же и принялась тосковать да убиваться объ немъ. Да вѣдь какъ убивалась!.. Насмотрѣлся я тогда страсти и, можно сказать, досыта наплакался—и про свою-то любовь забылъ, даже очень стыдился, потому что развѣ я могъ такъ чувствовать, какъ Анна Асафовна: прямо сказать, березовое полѣно я былъ передъ ней. Я за ней ухаживалъ тогда ужъ опять по-старому, какъ раньше, и все придумывалъ, чѣмъ бы ее развеселить. Ну, тутъ Ирбитская ярмарка подвернулась. Мы съ Анной Асафовной туда и махнули—можетъ, на людяхъ-то, думаю она и разойдется помаленьку. И не такое горе великое изнашиваютъ, а человѣкъ молодой скоро забываетъ. Хорошо-съ... Пріѣзжаемъ въ Ирбитъ. Ну, натурально, ярмарка; народъ, какъ вода въ самоварѣ, кипитъ. А только нужно вамъ сказать, что эта Ирбитская—кажется, хуже ея ничего нѣтъ. Насмотрѣлся я-таки всего на своемъ вѣку—всякой пакости видѣлъ и съ Асафомъ Иванычемъ, и съ бурлачьемъ, и въ театрѣ, а такого сладострастія не видалъ-съ. Преужасный народъ съѣзжается туда, т.-е. даже не народъ, а дьяволье... Натурально, какъ Анна Асафовна объявилась на ярмаркѣ, за ней и ударились: кто во что горазъ, всякому хочется удивить. Она ужъ тогда сдѣлалась точно въ отсутствіи ума и тоже всѣхъ удивляла: въ руки никому не давалась, а только душу выматывала да зорила. Такой кутежъ около нея стоялъ, точно Содомъ и Гоморъ, а Аннѣ Асафовнѣ даже весьма пріятно было дурачить разныхъ купчишекъ, потому что у нихъ извѣстное понятіе: деньгами, молъ, что хочешь, куплю. Другой протянетъ, бывало, къ ней свою лапу, чтобы обнять или за ногу схватить, такъ она его прямо смажетъ по рожѣ, а имъ, подлецамъ, это еще пріятнѣе. А никто не зналъ, кромѣ меня, какъ Анна Асафовна не почамъ-то плакала да убивалась, когда домой пріѣхала... Еще хуже, чѣмъ въ Загорьѣ, пожалуй, и я жизни не радъ сталъ: замучала и меня. Тогда ужъ меня ни на шагъ отъ себя-то не отпускала, даже въ свою спальню я спалъ

клала: она на кровати почиваетъ, а я на полу... Ярмарочное дѣло, — очень даже опасно для женщины.

— А все-таки эта проклятущая Ирбитская и доконала вконецъ Анну-то Асафовну, — съ тяжелымъ вздохомъ продолжалъ свой разсказъ Шапкинъ, низко опуская голову:—резонансъ она тамъ потеряла... да. То ли простыла гдѣ, или болѣзнь приключилась—только прежняго резонанса какъ не бывало, а куда же Анна Асафовна послѣ этакой жизни да безъ резонанса? Станетъ пѣть и оборвется... А тутъ еще бѣда: была она тяжела послѣ Карачарова, хоть никому и не говорила, даже отъ меня таилась. Извѣстно, все-таки дѣвичье дѣло, какъ хотите, оно даже весьма совѣстно, а Тяночка-то настоящая барышня была, ей вдвое еще совѣстнѣе. Ну, я-то примѣчалъ ужъ за ней давненько, что будто она сильно круглиться начала, только молчалъ, потому дѣло наше совсѣмъ маленькое. Хорошо-съ... Какъ быть? И совѣстно-то, и денегъ-то нѣтъ, и резонансу лишилась, и тоже надо спокой имѣть въ такомъ положеніи... Ну, я тогда Анну Асафовну къ себѣ въ избушку и перетащилъ, а въ Загорьѣ-то всѣмъ разсказалъ, что она въ Казань уѣхала. Долго не соглашалась Анна Асафовна ко мнѣ переѣзжать, да ужъ дѣлать было нечего, выбирать-то не изъ чего было... Такъ она у меня въ избушкѣ и Агнечку родила, да и сама скоро скончалась. Прислуги-то никакой не было, я самъ за ней все ходилъ и даже рѣшительно все дѣлалъ. Акушерка была, а потомъ ужъ я орудовалъ... Ну, Агнечка-то родилась, Аннѣ Асафовнѣ точно полегчало вдругъ, спокойная да веселая вдругъ сдѣлалась, и я тоже съ ней ожилъ. Со мной постоянно разговаривала. Про старое-то разспрашивала, какъ на Ирбитскую ѣздили, и точно все удивляется, самой себѣ удивляется, что такіе поступки она могла поступать, а про Карачарова ни единаго слова... Потомъ стала говорить, что броситъ театръ и будетъ честнымъ трудомъ жить. Хорошо она умѣла говорить, когда развеселится... Смѣялась она ужъ очень хорошо: улыбнется да этакъ исподлобья и посмотритъ. Роды у ней были самые легкіе, потому составъ вонъ какой былъ, ну, а тутъ акушерка велитъ девять день лежать... очень это обидно было Аннѣ Асафовнѣ, да и меня все жалѣла, потому что я за ней хожу и за ребенкомъ. Какъ-то отвернулся я въ лавочку за чѣмъ-то, прихожу, а она у печки возится: я такъ и ахнулъ, а она только смѣется. „Чего мнѣ, говоритъ, сдѣлается, Лука Агаѳонычъ? Замаяла я тебя...“ Ну, какъ я ее ни уговаривалъ—ничего не могъ подѣлать съ ней; походила она такимъ манеромъ дня съ два, а потомъ и разнемоглась—родильная горячка прикинулась. Такъ, моя голубушка, и кончилась... безъ памяти все время была.

Когда Шапкинъ кончилъ свой разсказъ, ночь была уже на исходѣ, и восточная сторона неба приняла сѣрый цвѣтъ — это занималась утренняя заря. Въ лѣсу начали слабо перекликаться первыя утреннія птички, точно настраивали инструменты въ какомъ-то громадномъ оркестрѣ.

— Вплоть до зари проболтали,—конфузливо замѣтилъ Шапкинъ, точно онъ испугался своей откровенности: — право, по простотѣ больше болтаю!.. Ужъ вы не взыщите.

— Помилуйте, Лука Агаѳонычъ, я съ такимъ удовольствіемъ слушалъ все время.

— Очень пріятно-съ, ежели угодилъ... А не двинуть ли намъ на охоту-съ по зарѣ-то? Самое теперь преотличное время...

— Да вѣдь мокро въ лѣсу послѣ дождя...

— Ахъ, да, я и забылъ-съ, что была гроза... да, совсѣмъ забылъ. Вотъ вѣдь, право, подъ старость-то память совсѣмъ дѣвичья сдѣлалась: короткая. Хе-хе... Значитъ, соснемъ?

— Я думаю, что это лучше будетъ.

Мы улеглись. Теперь въ балаганѣ было тепло, да и солнце скоро встанетъ и обогрѣетъ, но это не помѣшало Шапкину наглухо запереть дверь, отчего весь балаганъ сейчасъ же наполнился дымомъ и угаромъ. Онъ даже порывался наглухо „закутать“ трубу дерномъ, но я энергически протестовалъ и кое-какъ настоялъ на своемъ. Мы пролежали такимъ образомъ съ полчаса, но сонъ не шелъ на умъ.

— Вы не спите?—окликнулъ меня Шапкинъ въ темнотѣ.

— Нѣтъ... А что?

— Да такъ-съ... Хотѣлось мнѣ одно спросить у васъ: за какія-такія провинности Анна-то Асафовна мучилась... а? Какъ вы насчетъ этого полагаете?.. И смерть напрасную приняла, когда жить бы да жить надо... Я часто объ этомъ думаю и такъ своимъ умомъ прихожу: за родительскія прегрѣшенія она подъ грозу попала... Не иначе, потому и въ Писаніи насчетъ этого совсѣмъ ясно сказано, что „на главы чадъ даже до седьмого колѣна“. Извините, пожалуйста, а меня это вотъ седьмое колѣно ужасно смущаетъ, потому неужели же и Агнечка должна пропасть?..

Я напрасно старался разувѣрить старика въ неправильномъ толкованіи этого семиколѣннаго возмездія, которое противно основному духу христіанскаго ученія. Шапкинъ только вздыхалъ и опять принимался за свое „даже до седьмого колѣна“.

— Вѣдь совсѣмъ ясно сказано,—уныло продолжалъ старикъ.—Да я это самъ чувствую иногда, когда смотрю на Агнечку... Конечно, въ ней есть знаки Анны Асафовны и большіе знаки, а иногда мнѣ покажется Богъ знаетъ что! Право... Вы подумайте только: разъ смотрю на нее, какъ она книжку читаетъ, а глаза-то у ней карачаровскіе! Такъ вотъ во мнѣ даже все нутро со страху перевернулось. „Господи, думаю, за что же Ты меня-то еще этакой напастью наказываешь?“ И какъ я теперь ее буду любить, когда въ ней одна-то половина Анны Асафовны, а другая — карачаровская? И такое на меня сомнѣніе нападетъ, такое сомнѣніе, точно даже я совсѣмъ не люблю Агнечки!.. Ахъ, грѣхъ какой...

Когда старикъ наконецъ заснулъ, я вышелъ потихоньку изъ балагана, потому что оставаться тамъ дольше не было никакихъ силъ. Зато въ лѣсу теперь было чудно-хорошо. Все кругомъ блестѣло и лоснилось послѣ вчерашняго дождя, какъ покрытое лакомъ. Прямо передъ балаганомъ поднималась Чортова-Почта, на которой можно было разсмотрѣть каждый камешекъ, каждый кустикъ; Талая походила на громадную шапку съ зеленымъ бархатнымъ верхомъ. Надъ балаганомъ недвижно высились вѣчно молчаливыя, печальныя лиственницы; лужайка, на которой стоялъ когда-то раскольничій скитъ, вся была затянута высокой травой, доходившей мнѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до плечъ. Тихо качались розовыя головки иванъ-чая; пахло земляникой и еловой смолой. На спускѣ лѣса заливались невидимые пѣвцы; это пѣніе точно висѣло въ самомъ воздухѣ, струившемся подъ солнечнымъ лучомъ, какъ вода. Хорошо такъ было кругомъ, такъ мирно и торжественно; не хотѣлось вѣрить, что только вотъ нѣсколько часовъ назадъ надъ этими самыми горами пронеслась гроза и вырвала съ корнемъ не одно дерево вотъ въ этомъ лѣсу, гдѣ теперь все такъ радуется и ликуетъ, — ликуетъ, когда тутъ же, рядомъ, лежатъ мертвые, для которыхъ больше нѣтъ солнечнаго свѣта.

1885.

НА ШИХАНѢ.

Изъ записной книжки охотника.

I.

— Тамъ кто-то есть... — проговорилъ Савка, нюхая воздухъ, какъ собака. — На шиханѣ *) артель.

Онъ остановился въ задумчивой позѣ, поставилъ свою винтовку на камень и пристально посмотрѣлъ назадъ, въ дымившуюся подъ нашими ногами голубую даль. Пестрая собачонка Кукша давно уже почуяла присутствіе людей и въ отвѣтъ на слова хозяина только помахала своимъ пушистымъ хвостомъ и даже облизнулась — умное животное чувствовало близость другихъ собакъ.

— Карла съ объѣздчиками... шестеромъ, на вершныхъ, — продолжалъ Савка, осматривая каменистую извилистую тропу, круто забиравшуюся кверху между двумя розсыпями. — Чуешь, баринъ?

— Нѣтъ, ничего не чую... — долженъ былъ я сознаться.

— А я давно чую, и Кукша тоже...—проговорилъ Савка съ задумчивой улыбкой, которая такъ шла къ его изрытому оспой некрасивому лицу.

Небольшого роста, худенькій, сутуловатый Савка казался такимъ жалкимъ мужичонкой въ своемъ широкомъ армякѣ, подпоясанномъ какимъ-то оборваннымъ ремешкомъ. Разношенная бобровая шапка, надвинутая на самыя уши, дѣлала лицо Савки еще меньше. Ободранные сапоги на ногахъ и мѣшокъ изъ синей пестрядины за плечами дополняли охотничій костюмъ. Дробь и порохъ Савка носилъ въ двухъ деревянныхъ ладункахъ, которыя пряталъ въ пазухѣ, всегда отдувавшейся у него самымъ неудобнымъ образомъ; „свистоны“, хранившіеся въ пузырькѣ изъ-подъ какого-то лѣкарства, онъ пряталъ въ шапку, вмѣстѣ съ табачнымъ кисетомъ и пыжами. Курилъ Савка преуморительно: свернетъ изъ газетной бумаги крючокъ, набьетъ крупкой, зажжетъ и, затянувшись раза два, погаситъ крючокъ прямо о ладонь своей заскорузлой руки и окурокъ спрячетъ въ шапку. Спичекъ изводилъ онъ несмѣтное количество, но никогда не рѣшался выкурить весь крючокъ за-разъ.

— Далеко еще до шихана?—спросилъ я, когда Савка полѣзъ въ свою шапку за окуркомъ.

— Да версты двѣ, поди, будетъ... Засвѣтло еще придемъ.

Я собственно былъ очень доволенъ этой остановкой, потому что едва передвигалъ ноги: мы бродили цѣлый день по лѣсу, а тутъ еще крутой подъемъ на гору почти въ пять верстъ. Три версты этого подъема оставались назади, оставалось сдѣлать еще двѣ. Пожалуй, хорошо было бы устроить охотничій

---

*) Шиханами на Уралѣ называютъ каменные утесы на вершинахъ горъ.

привалъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы сейчасъ стояли, но Савка былъ неумолимъ въ такихъ случаяхъ—не сдѣлать ночевку въ заранѣе намѣченномъ балаганѣ, урочищѣ или просто гдѣ-нибудь подъ камнемъ для него было чѣмъ-то въ родѣ святотатства. Впрочемъ, это ужъ такая „зараза“ всѣхъ записныхъ охотниковъ, и Савкѣ не разъ случалось, особенно на зимней охотѣ за оленями или дикими козлами, являться въ балаганъ полуживымъ. Черезъ четверть часа мы продолжали свой подъемъ въ гору, карабкаясь по громаднымъ камнямъ розсыпи. Но сначала нужно сказать, что такое „розсыпь“. Если смотрѣть на гору издали, часто кажется, что цѣлый бокъ горы усыпанъ мелкимъ щебнемъ, какимъ мостятъ шоссе; иногда изъ такого щебня образуются правильныя полосы, которыя спускаются внизъ каменными потоками. Это и есть розсыпи. Когда вы начинаете взбираться на гору и встрѣчаете розсыпь, то вмѣсто щебня оказываются громадные камни, иногда объемомъ въ нѣсколько кубическихъ саженъ. Приходится прыгать съ камня на камень, карабкаться и даже ползти, чтобы подняться по такой розсыпи. Когда вы наконецъ подниметесь на самый верхъ, передъ вами открывается великолѣпная картина: розсыпь сползаетъ внизъ сплошной сѣрой массой валуновъ, точно высыпанныхъ здѣсь изъ гигантскаго мѣшка какимъ-нибудь исполиномъ. Края розсыпи обыкновенно затянуты кустами жимолости, черемухой, малиной и иванъ-чаемъ; кой-гдѣ поднимаются сибирскіе кедрики и горныя ели и пихты. Особенно красивы послѣднія: онѣ такъ и рвутся въ небо своими готическими прорѣзными вершинами, а внизу разстилаютъ по камнямъ цѣлый коверъ изъ бархатной зеленой хвои. Между этимъ ковромъ и стрѣлкой ели остается голый темный стволъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ Савку о причинѣ такого расположенія вѣтвей.

— Это отъ олешковъ... — флегматически объяснялъ Савка. — Когда у олешка вырастутъ молодые рога, вѣдь они у него кожей обтянуты и въ шерстѣ—вотъ олешекъ и обтираетъ эту кожу по розсыпямъ о пихты, потому зудятъ у него рога-то въ тѣ поры.

Мнѣ такое объясненіе Савки казалось недостаточнымъ, потому что такія же пихты должны были бы встрѣчаться и въ обыкновенномъ лѣсу, гдѣ водятся олешки, но этого не бываетъ.

— Говорю: олешки... Чего еще тебѣ? — сердился Савка.

Подъемъ по розсыпямъ значительно облегчается тѣмъ, что всѣ камни, точно нарочно, выложены разноцвѣтными мхами и необыкновенно красивыми лишаями. Нога ступаетъ иногда какъ по мягкому ковру; въ засуху лишаи хрустятъ и осыпаются подъ ногой, но послѣ дождя камни кажутся обтянутыми змѣиной кожей, такой же пестрой, влажной, холодной и скользкой. Мхи бываютъ большею частью великолѣпныхъ сѣрыхъ цвѣтовъ или зеленоватые съ черными пятнами, красными крапинками и цѣлыми узорами, точно вычерченными какой-то очень искусной рукой. Эта чисто-сѣверная растительность гнѣздится по камнямъ и медленно разлагаетъ ихъ поверхность въ мелкій песокъ, который смывается дождемъ и сносится внизъ снѣгами. Можно представить себѣ ту микроскопически-гигантскую работу, при помощи которой получается каждая горсть песку гдѣ-нибудь на днѣ горной рѣчки. Растенія здѣсь помогаютъ атмосфернческимъ дѣятелямъ и разъѣдаютъ камни своими корешками. Мелкая зеленая травка осыпаетъ образовавшійся изъ старыхъ лишайниковъ слой чернозема точно мѣдной ярью или изумрудной оправой; иногда изъ расщелины скалы весело глянетъ на васъ розовымъ или синимъ глазкомъ сѣверный цвѣтникъ, занесенный сюда Богъ знаетъ откуда, иногда широко топорщатся широкіе листья или расползутся по откосамъ и сеадинамъ разныя каменки и горькая горная полынь.

Наша тропинка вилась теперь между двумя такими розсыпями, потомъ перекосила одну изъ нихъ и ушла въ густую еловую заросль, которая зеленой щеткой покрывала широкую впадину почти на самомъ верху горы. Насъ сразу охватило смолистымъ ароматнымъ воздухомъ, который накопился здѣсь за день. И я теперь уже слышалъ легкій запахъ гари, тянувшій со стороны недалекаго шихана.

— Теперь по самому по лбу идемъ... — объяснилъ Савка, развалисто ступая своими кривыми ногами. — Широченный у ей лобъ-отъ!..

Гора, на которую мы взбирались, называлась Лобастой, потому что имѣла форму волчьей головы; мы поднялись по самому крутому подъему, который велъ къ шихану. На Лобастой было два шихана, которые издали казались ушами каменной головы.

Съ каждымъ шагомъ впередъ горная панорама точно раздавалась все шире и шире, и небо дѣлалось глубже. Гора Лобастая составляла центръ небольшого горнаго узла; отъ нея въ разныя стороны уходили синими валами другія горы, между ними темнѣли глубокіе лога и горбились небольшіе увалы, точно тяжелыя складки какой-то необыкновенно толстой кожи. Хвойный лѣсъ выстилалъ синѣвшую даль, сливаясь съ горизонтомъ въ мутную бѣлесоватую полосу. Гдѣ-то далеко желтѣлъ своими песчаными отвалами небольшой пріискъ, дальше смутно обрисовывалась глухая лѣсная деревушка, прятавшаяся у подножія довольно высокой горы съ двумя вершинами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ винтомъ поднимался синій дымокъ, тихо таявшій въ воздухѣ и расплывавшійся голубымъ пятномъ. Нѣсколько бойкихъ рѣчекъ сбѣгались въ одну, которая смѣло пробивалась между загораживавшихъ ей дорогу прикрутостей и увaловъ; въ одномъ мѣстѣ она пробила скалистый берегъ, который вставалъ отвѣсной каменной стѣной, точно полуразрушившійся замокъ.

Надъ этой картиной плыло нѣсколько бѣлоснѣжныхъ облачковъ, прохваченныхъ по краямъ розоватымъ золотомъ, густѣвшимъ и точно спекавшимся въ кровавый сгустокъ на самомъ западѣ, гдѣ багровымъ шаромъ спускалось надъ горами закатившееся солнце. Горизонтъ горѣлъ кровавымъ пожаромъ; это море огня дрожало и переливалось золотыми блестками, точно тамъ, сейчасъ за зубчатой линіей горизонта, колыхалась сплошная волна расплавленнаго золота. А здѣсь, на землѣ, уже чувствовалась наливавшаяся ночная свѣжесть, потянуло ароматомъ лѣсныхъ пахучихъ травъ—земля „дала паръ“, какъ объяснялъ Савка. Надъ лѣсной опушкой толклись высокимъ столбомъ комары, гдѣ-то впросоньѣ пиликала какая-то лѣсная „пичужка“, неожиданно мелькала изломанной линіей летучая мышь и быстро исчезала въ накоплявшейся мглѣ. Внизу, по логамъ и разсѣлинамъ, заползалъ волокнистый туманъ, путавшій бѣлой пеленой говорливыя рѣчки и ключики, рѣчную осоку, всѣ низины и болотины.

— Вёдро будетъ... ишь какъ туманъ-то заходилъ, — проговорилъ Савка, перекидывая свою винтовку съ одного плеча на другое. — Кукша, цыцъ, тренятая!

Вдали, точно подъ землей, вопросительно гукнулъ сторожевой собачій лай, и Кукша отвѣтила подавленнымъ ворчаньемъ.

II.

На шиханѣ, вѣрнѣе—подъ шиханомъ, дѣйствительно сдѣлала привалъ охотничья артель, съ „Карлой“ во главѣ, какъ угадалъ Савка. Намъ навстрѣчу вылетѣли два сеттера-гордона, черные, съ желтыми подпалинами, и

сейчасъ же напали на Кукшу, которая присѣла задомъ къ землѣ и по-волчьи защелкала зубами.

— Ну вы, дуроломы, отойдите! — кричалъ Савка на лаявшихъ господскихъ собакъ. — Въ хозяина шерстью-то вышли...

Шиханъ на Лобастой представлялъ собой острый каменный гребень саженъ въ двѣнадцать высотой, сейчасъ подъ нимъ образовалась въ мелкой пихтовой заросли небольшая лужайка. Мѣсто было порядочно дикое, но его скрашивали два охотничьихъ балагана, поставленныхъ одинъ противъ другого подъ самымъ шиханомъ. Такихъ балагановъ по горамъ разбросано безъ числа: въ нихъ скрываются отъ дождя и непогоды охотники, лѣсообъѣздчики и просто бродяги. Въ осеннюю дождливую пору, а особенно зимой, такому балагану цѣны нѣтъ, и не одинъ охотникъ спасся здѣсь отъ вѣрной смерти, поэтому балаганы оберегаются, какъ общественное достояніе.

Теперь на лужайкѣ подъ шиханомъ горѣлъ яркій костеръ; около него собралась пестрая кучка охотниковъ. Въ центрѣ, около самаго огня, на бухарскомъ коврѣ лежалъ въ охотничьей венгеркѣ самъ „Карла“, а около него лежали и сидѣли на травѣ человѣкъ пять лѣсообъѣздчиковъ. Надъ самымъ огнемъ висѣлъ походный котелокъ съ варевомъ и мѣдный чайникъ.

— Миръ на привалѣ...—здоровался Савка, входя въ полосу свѣта, падавшаго отъ огня.

— Миръ дорогой,—отозвался одинъ изъ объѣздчиковъ.—Да это ты, Савка?

— Выходитъ, что я, Иванъ Васильичъ... Можно намъ заночевать?

— На-вотъ, всѣмъ мѣста хватитъ.

— А я вотъ барина по лѣсу водилъ, пристали... Кукша, цыцъ, стерва!..

— Пожалуйтъ, пожалуйтъ, каспада...—заговорилъ самъ Карла, приподнимаясь съ ковра. — Веста, тубо... назать!.. А, это ти, Сафкъ...

— Я, Карла Иванычъ... Вотъ къ огоньку вашему прибрели съ бариномъ.

— Ошэнь ратъ... садитесь на мѣсту... Кого убиль?

— Да такъ, пустяки, Карла Иванычъ,—скромничалъ Савка, снимая съ плечъ свой пестрядевый мѣшокъ.—Двухъ поляшей залобовали да польнюшку *).

— Карошъ.

Мы познакомились. Карла Иваныча я зналъ по слухамъ. Онъ былъ управителемъ въ Кособродскомъ заводѣ и между рабочими слылъ подъ именемъ „Слава-богу“, потому что называлъ Ивана Богослова—Иванъ Слава-богу. Это былъ чистокровный баварскій нѣмецъ—вспыльчивый, горячій и по-своему добрый; онъ жилъ „на Россіи“ чуть не двадцать лѣтъ и говорилъ самымъ невозможнымъ ломанымъ языкомъ, но зато ругался по-русски мастерски. Рабочіе любили его, потому что Слава-богу хоть и былъ крутъ, но зато былъ и отходчивъ сердцемъ; обругаетъ, прогонитъ, а потомъ отойдетъ и все забудетъ. Бывало такъ, что онъ даже извинялся предъ простыми рабочими. „А шортъ минэ взялъ... мой не правъ... твой извиняйтъ“, — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, и рабочіе по-своему понимали этотъ тарабарскій языкъ. Наружность Карлы какъ нельзя больше соотвѣтствовала его внутреннему содержимому: средняго роста, коренастый, съ взъерошенными волосами, съ бѣлыми нѣмецкими глазами на выкатѣ, онъ точно былъ налитъ кровью. У Карлы не только было красное лицо, но и вся шея, даже руки. Козлиная бородка и усы, завинченные штопоромъ, придавали ему видъ „человѣка“ изъ номеровъ для гг. пріѣзжающихъ или егеря средней руки. У насъ на Уралѣ онъ сходилъ за заводскаго управляющаго, и даже за очень хорошаго управляющаго, хотя въ спеціальномъ

*) Поляшъ, или косачъ—тетеревъ-березовикъ, польнюшка—тетерка. Залобовать—убить.

заводскомъ дѣлѣ ничего не смыслилъ. Уральскіе заводскіе управляющіе — народъ съ бору да съ сосенки, военные писаря, гардемарины, какіе-то забасные шведы, кантонисты и т. д., такъ что въ этой разношерстной средѣ Слава-богу являлся настоящей находкой и пользовался громкой репутаціей настоящаго дѣльца. Кровяные бифштексы, англійскій портеръ, рижскія сигары и вѣра въ то, что нѣтъ на свѣтѣ людей лучше нѣмцевъ, дѣлали изъ Карлы то, чѣмъ онъ былъ.

— А ви сюда... коверъ...—обязательно предлагалъ мнѣ Слава-богу мѣсто около себя и сейчасъ же налилъ водки въ походный серебряный стаканчикъ.— Зарядиться... мѣсть опасный.

Пять человѣкъ лѣсообъѣздчиковъ смотрѣли въ глаза своему повелителю, какъ дрессированныя лошади, и старались предупредить малѣйшій его жестъ. Народъ былъ все рослый, здоровый и крайне плутоватый, потому что около господъ нельзя не избаловаться. Лучше другихъ былъ Иванъ Васильичъ, старый объѣздчикъ, степенный и благообразный старикъ, съ широкой грудью и сѣдыми подстриженными усами; онъ былъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и въ тонкости зналъ всякую субординацію и военную вытяжку. Охотничья закуска была намъ приготовлена въ лучшемъ видѣ, потому что первой обязанностью хорошаго лѣсообъѣздчика считается поварское искусство. Мы съѣли отличный супъ, пару рябчиковъ и какую-то кашу, а потомъ на сцену появились сардинки, копченый языкъ и даже страсбургскій пирогъ въ герметически закупоренной жестянкѣ. Карла ѣлъ за четверыхъ, запивалъ все водкой и портеромъ и болталъ безъ умолку на своемъ попугайскомъ языкѣ. Собаки почтительно дожидались подачки, облизывались и съ опущенными ушами униженно вертѣли хвостами.

— Хорошъ собакъ?—спрашивалъ Слава-богу, облизывая свои пальцы.— Веста, кушъ... отличный сука!

Подкрѣпивъ свои силы всевозможными составами, нѣмецъ растянулся у огня и сейчасъ же захрапѣлъ. Мой Савка развелъ огонекъ у другого балагана и варилъ убитую полнюшку въ горшечкѣ, который раздобылъ откуда-то изъ балагана. Кукша, положивъ свою острую морду съ торчавшими пнемъ ушами межъ переднихъ лапъ, слѣдила за каждымъ движеніемъ хозяина и вызывающе взмахивала бѣлымъ пушистымъ хвостомъ.

— Экъ этотъ Карла трескаетъ... страсть!—задумчиво говорилъ Савка, помѣшивая одной рукой въ своемъ горшечкѣ, а другой заслоняя лицо отъ летѣвшихъ искръ.—Чисто какъ въ бочку водку льетъ. Этакая прорва... И кажный день такъ-ту натрескается, а потомъ и дрыхнетъ, какъ стоялый жеребецъ. Иванъ Васильичъ, хошь моей похлебки?..

Иванъ Васильичъ молча подсѣлъ на корточки къ огоньку и раскурилъ деревянную трубочку, которую онъ по солдатской привычкѣ носилъ за голенищемъ.

— Хороша у васъ сучка-то...—проговорилъ Савка, отставляя горшокъ отъ огня.

— Ничего...—протянулъ Иванъ Васильичъ, насасывая свою трубочку.— На дупелей стойку держитъ, на копалятъ *) тоже...

— Ну, это пустое... а такъ, баская собачка. Вы куда?

— Подъ Мохнатенькую... Карлѣ пуще всего болото: хлѣбомъ не корми, а подъ Мохнатенькой болотина верстъ на пять.

---

*) Глухаря-самку на Уралѣ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ копалухой, а глухарятъ— копалятами.

— Знаю... Куликовъ стрѣлять? Извѣстно, господская охотка... все въ летъ надо.

Савка презрительно улыбнулся, потому что куликовъ и всякую болотную дичь считалъ поганой. Самъ онъ стрѣлялъ только въ сидячую птицу, да и то изъ винтовки, потому что его винтовка пороху принимала самую малость, а это большой расчетъ для настоящаго охотника.

А лѣтняя горная ночь уже давно все кругомъ закутала своимъ мягкимъ сумракомъ, который спустился по логамъ и въ лѣсу въ черную мглу. Горы приняли фантастическія очертанія, точно онѣ выросли и поднялись выше; лѣсъ превратился въ сплошныя темныя массы, неподвижно обложившія все кругомъ. Сильно пахло свѣжей травой и смолевымъ деревомъ. Пала роса, что̀ предвѣщало завтра хорошую погоду. Лѣтнія ночи, по-моему, особенно хороши именно этой росой и густыми туманами, чего не бываетъ весной, когда стоишь на тягѣ—отъ сухой травы пахнетъ чѣмъ-то мертвымъ, а тутъ точно все дышитъ около васъ. Я долго любовался измѣнявшейся картиной сѣвернаго неба, которое сейчасъ послѣ солнечнаго заката сильно потемнѣло и только мало-по-малу „отошло“ и приняло великолѣпный голубой цвѣтъ. Полярная звѣзда, Большая Медвѣдица горѣли лихорадочнымъ свѣтомъ; Млечный Путь теплился матовымъ фосфорическимъ блескомъ. Въ одномъ мѣстѣ чиркнула по небу падавшая звѣзда, точно кто въ темной комнатѣ зажигалъ спичку о стѣну. Падавшія звѣзды производили на Савку какой-то суевѣрный ужасъ, и онъ долго шепталъ какую-то молитву.

— Это анделъ Божій палъ на земь,—объяснялъ онъ.—По душу Господь его послалъ, по праведную.

Лежа въ балаганѣ, на широкихъ полатяхъ, я долго не могъ заснуть, хотя усталъ страшно. Въ открытыя двери балагана мнѣ видна была вся площадка, освѣщенная двумя кострами. Недалеко бродили по травѣ спутанныя лошади, тяжело падая на переднія ноги при каждомъ прыжкѣ. Гдѣ-то ухнулъ филинъ и замолкъ; ночная птица шарахнулась надъ самымъ огнемъ и заставила Савку обругаться. „О, будь ты проклята, некошна̀я!—ругался онъ за свой испугъ. — Экъ ее взяло, проклятущую...“ Иванъ Васильичъ, похлебавъ изъ горшечка охотничьяго варева, облизалъ ложку, вытеръ усы и, снявъ кожаную фуражку, помолился на востокъ.

— Ну, что̀ у васъ на Кособродскомъ?—спрашивалъ Савка, раскуривая бумажный крючокъ.

— Да чего тебѣ новаго-то... Дровосушки закрыли. Наладили новую печь, Сименсомъ зовутъ, труба высоченная, ну, такъ эта печь сырыя дрова-то жретъ. Слышь, щепамъ да корьемъ можно топить... Дѣвкамъ теперь на дровосушныхъ печахъ никакой работы не стало, а только которыя еще поденщиной перебиваются.

— А будь онѣ отъ меня трижды прокляты, эти дровосушныя печи!—азартно проговорилъ Савка, бросая окурокъ въ траву.

— Не забылъ развѣ еще Анки-то? Ахъ ты, песъ тебя возьми... ишь вѣдь... а?.. Экій у тебя харахтеръ, Савка... чистый ты дьяволъ, ежели разобрать... а?

— Хуже дьявола, потому какъ...

Савка не докончилъ рѣчи и началъ крутить новый крючокъ.

III.

Мнѣ пришлось познакомиться съ Савкой въ лѣсу, на охотѣ около глухой деревушки Студеной. Дѣло было осенью, подъ вечеръ, когда нужно было позаботиться о ночлегѣ.

— Пойдемъ, баринъ, ко мнѣ, заночуемъ...—предложилъ Савка.—Я въ Студеной живу...

Вѣроятно, многимъ случалось пользоваться такими любезными приглашеніями, а затѣмъ на повѣрку оказывалось, что у гостепріимнаго хозяина изба полна ребятъ и жена хуже чорта. Видъ Савки говорилъ не въ его пользу, и я колебался принять его предложеніе.

— Да ты чего, баринъ, сумлѣваешься?—заговорилъ Савка, угадывая мою мысль.—Я въ своемъ дому хозяинъ, не сумлѣвайся... Вѣрно тебѣ говорю!.. У меня избушка теплая, самоваръ оборудуемъ...

Мы отправились. Деревушка Студеная была недалеко отъ золотыхъ промысловъ, и намъ приходилось тащиться въ кромѣшной тьмѣ верстъ пять, рискуя каждую минуту свалиться куда-нибудь въ шахту. Я вполнѣ положился на охотничью опытность Савки и брелъ за нимъ ощупью. Наконецъ показалась и Студеная. Избушка Савки стояла на самомъ краю и была безъ воротъ и двора: ходъ въ нее шелъ прямо съ улицы. Въ избѣ огня не было: насъ встрѣтила высокая здоровенная баба, которая сначала обыскала карманы и пазуху Савки, а потомъ принялась ругаться.

— И чего ты, шатунъ, ведешь незнакомаго барина, на ночь глядя?—ругалась достойная половина Савки.—Въ избѣ и мѣста-то нѣтъ совсѣмъ...

Въ избѣ Савки, дѣйствительно, мѣста совсѣмъ не оказалось: на полу, на лавкахъ, на полатяхъ—вездѣ валялись ребята. У Савки было восемь человѣкъ дѣтей, и самый меньшой качался еще въ зыбкѣ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ только ругать про себя и дурака Савку и свою глупую довѣрчивость.

— Намъ бы, Анка, насчетъ самоварчика?—попробовалъ робко заявить Савка предъ своей разгнѣванной половиной.

— Самоварчикъ?!.. да гдѣ я тебѣ его возьму?—съ азартомъ закричала Анка, наступая на мужа со сжатыми кулаками.—Заведи сперва самоварчикъ-то, а потомъ и спрашивай, а то у меня и чугунки-то нѣтъ...

— Да ты что больно зудишь?—заговорилъ Савка съ очевиднымъ намѣреніемъ показать себя настоящимъ хозяиномъ въ своемъ дому:—я тебя расчешу, постой... я тебѣ...

Вмѣсто отвѣта Анка схватила ухватъ и со всего плеча принялась ломить „хозяина своего дома“ по чему попадя. Ребятишки проснулись и заревѣли. Я ожидалъ жестокой схватки, но Савка, подъ градомъ сыпавшихся на него ударовъ, улизнулъ на печку и уже оттуда кричалъ на жену: „Погоди, Анка, вотъ я тебя расчешу... будетъ тебѣ зудить-то!“

— Охъ, погубитель... охъ разбойникъ, нѣтъ на тебя пропасти-то, на окаяннаго!..—неистово голосила Анка, стараясь ударить Савку по самому чувствительному мѣсту, по головѣ, въ животъ или по хребту.—Гли-ко, ребятишекъ-то наплодилъ полную избу, а самъ все на проклятомъ винищѣ протрескиваетъ... Всѣ вѣдь видятъ мою-то муку мученицкую!..

Савка ругался, кричалъ, но даже не пытался сопротивляться, а только защищалъ себя руками и ногами, какъ перевернутый на спину тараканъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что, утомившись колотить мужа, Анка сѣла посреди пола и принялась причитать, какъ по покойникѣ, причемъ для перваго знакомства разсказала всю подноготную про мужа: какъ онъ въ третьемъ годѣ послѣднюю телушку свелъ въ кабакъ, какъ потомъ, когда она рожала послѣдняго ребенка, Савка отбилъ замокъ у ея сундука и пропилъ всю одежу до нитки, какъ... и т. д.

Я провелъ подъ гостепріимной кровлей Савки прескверную ночь и утромъ

на другой день былъ крайне удивленъ картиной полнѣйшаго примиренія супруговъ. Дѣло объяснилось какимъ-то недоумѣніемъ въ расчетахъ: Анка заподозрѣла мужа въ сокрытіи нѣсколькихъ пятаковъ, чего не оказалось въ дѣйствительности.

— Она, Анка-то, славная у меня...—докладывалъ Савка.—И меня любитъ, а только на руку больно скора, когда разстервенится. Конечно, есть тутъ и мое звѣрство...

Анка при дневномъ свѣтѣ была еще некрасивѣе, чѣмъ при искусственномъ освѣщеніи. Это была здоровенная, высокая баба съ необыкновенно широкой спиной и некрасивымъ желтымъ лицомъ; она точно вся была сдѣлана изъ дерева, притомъ сдѣлана столяромъ-самоучкой, который больше всего заботился о крѣпости своего произведенія. Въ своей избушкѣ Анка являлась настоящей рабочей машиной, не знавшей устали; единственнымъ недостаткомъ этой машины была только ея неистощимая производительность. За двадцать лѣтъ супружества Анка принесла восемнадцать ребятъ, изъ которыхъ десять похоронила.

— А пропасти на васъ нѣтъ... хошь бы передохли всѣ до единаго!—кричала Анка на ораву ребятишекъ съ утра до ночи.—Который померъ—и слава Богу, не мается самъ и меня не тянетъ... А отцу что, хоть окслѣй мы тутъ, ему бы только вино. Охъ, ужъ и жисть же только; какъ колесомъ по тебѣ ѣздятъ...

Несмотря на свою видимую суровость, необыкновенную скорость на руку и способность голосить, Анка была самой примѣрной женой и по-своему очень любила мужа и дѣтей. Каждый новый дѣтскій гробокъ она оплакивала по мѣсяцамъ, пока новый ребенокъ не отнималъ у нея послѣднія свободныя отъ работы минуты. Савку за глаза Анка никогда не ругала и никому не жаловалась на свое положеніе, какъ дѣлаютъ другія бабы, даже напротивъ, она яростно защищала его предъ общественнымъ мнѣніемъ Студеной и готова была перегрызть горло каждой бабенкѣ, которая скажетъ что-нибудь нехорошее про Савку.—„Онъ, Савка-то, вѣдь совсѣмъ особенный, не какъ другіе...“—объяснила мнѣ однажды Анка про мужа, и этимъ однимъ словомъ было сказано все.

Вотъ исторія Савки въ короткихъ слозахъ.

Жилъ въ Кособродскомъ заводѣ одинъ мужикъ, по прозванію Крохаль. Это былъ настоящій богатырь—высокій, плечистый, широкій въ кости, съ желѣзной рукой; онъ въ свободное отъ заводской работы время промышлялъ звѣрованьемъ и на своемъ вѣку залобовалъ за сорокъ медвѣдей. Какъ всѣ слишкомъ развитые физически люди, старый Крохаль не получилъ соотвѣтствующаго развитія умственныхъ способностей и даже былъ „слабоватъ головой“; избытокъ матеріи перевѣшивалъ въ немъ болѣе тонкія психическія отправленія. Между прочимъ, этотъ медвѣдь въ человѣческомъ образѣ испытывалъ какой-то паническій ужасъ, когда ему приходилось итти въ заводскую контору или къ приказчику; Крохаль всегда говорилъ, что ему лучше итти одинъ-на-одинъ на медвѣдя, чѣмъ къ начальству. Извиняющимъ обстоятельствомъ для стараго Крохаля было только то жестокое крѣпостное время, когда на заводахъ съ рабочими обращались, какъ съ преступниками, даже хуже. По необъяснимой игрѣ природы, у богатыря Крохаля былъ сынъ, лядащій мужичонка Савка Крохаленокъ, и, по еще болѣе необъяснимой игрѣ природы, въ этомъ лядащемъ Крохаленкѣ отъ младыхъ ногтей проявились именно тѣ самыя душевныя свойства, какихъ недоставало отцу. Начать съ того, что Савка Крохаленокъ не боялся рѣшительно никого и ничего на

свѣтѣ и горло отстаивалъ свое „я“ отъ всякихъ поползновеній на его неприкосновенность. Сначала мальчишки, потомъ подростки и мужики—всѣ узнали въ Савкѣ особеннаго человѣка, котораго не тронь. Однимъ словомъ, Крохаленокъ оказался отчаянной башкой, которому вездѣ было по колѣно море и все—трынъ-трава. Старики дивились въ Савкѣ его необыкновенному уму: онъ все понималъ по-своему и все умѣлъ представить въ самомъ смѣшномъ видѣ, съ той безпощадной ироніей, на какую способны только особенные мужицкіе мозги. Савка и говорилъ не какъ люди, а совсѣмъ по-своему, какъ говорятъ всѣ талантливые выродки и отщепенцы: мысль выражалась полусловами, намеками, загадками, точно это была бурлившая горная рѣчка, которая прокладывала себѣ извилистое теченіе черезъ тысячи препятствій.

— Ужъ Савка скажетъ—какъ завяжетъ!—дивилось мужичье.—Мудреный, несъ...

— Не больно завидно мудренѣе васъ-то быть,—огрызается Савка.—Всѣ вы, какъ бараны, другъ за дружкой ходите... Всякій своего ума боится.

— А ты поживи за насъ своимъ-то умомъ, Савка.

— И поживу.

Особенному человѣку Савкѣ скоро вышла и особенная судьба. Онъ работалъ на заводской фабрикѣ, въ кричной; на фабрикѣ же при дровосушныхъ печахъ работала и Анка. Что̀ понравилось Савкѣ въ ней—трудно сказать, но только онъ крѣпко привязался къ Анкѣ и вездѣ ходилъ за ней, какъ хорошій гусь. Вѣроятно, эта связь прикрылась бы вѣнцомъ и былъ бы тому дѣлу конецъ, но, на бѣду Савки, не такъ вышло. Приказчикомъ въ Кособродскомъ на ту пору случился Чернобровинъ, изъ крѣпостныхъ служащихъ; это былъ благочестивый тихонькій старичокъ, большой охотникъ до ядреныхъ и рослыхъ бабъ. Чернобровинъ увязался за Анкой и при помощи своихъ клевретовъ получилъ желаемое, т.-е. въ одну прекрасную ночь Анка очутилась въ господскомъ домѣ, прямо въ когтяхъ благочестиваго старца. Вся фабрика замерла въ ожиданіи, что̀ выкинетъ Савка Крохаленокъ по такому исключительному случаю. И Савка дѣйствительно выкинулъ: Чернобровина нашли задушеннымъ въ своей квартирѣ, причемъ преступленіе было совершено среди бѣлаго дня съ отчаянной смѣлостью. Наѣхалъ судъ, и первымъ дѣломъ, конечно, схваченъ былъ Савка. Несмотря на всевозможные подходцы и придирки, прямыхъ уликъ противъ Савки судъ не могъ найти и до окончанія дѣла препроводилъ Савку въ острогъ. Съ этого момента въ жизни Савки начинается рядъ подвиговъ, прославившихъ его имя на нѣсколько уѣздовъ: онъ шесть разъ уходилъ изъ острога, наводилъ грозу на цѣлыя селенія и снова попадался въ острогъ, благодаря своей слабости къ родному гнѣзду и къ своей Анкѣ. Онъ не могъ прожить больше году, чтобы не объявиться въ Кособродскомъ, и притомъ являлся всегда смѣло, съ отчаянной энергіей и замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

— Ужъ знаю, что взловятъ меня, а иду домой,—разсказывалъ Савка:—какъ въ петлю иду и никого не боюсь. Чего мнѣ было бояться, когда люди меня боялись хуже огня?.. Даже смѣшно въ другой разъ бывало надъ ихней глупостью!.. Приду въ Кособродскій ночью, прямо въ кабакъ: отворяй!.. Цѣловальникъ трясется, какъ осиновый листъ, только его не тронь, и прямо меня за стойку, какъ дорогого гостя—еще мнѣ же кланяется... А тамъ ужъ донесутъ въ контору, потому караулятъ меня, ну, сейчасъ ударятъ на пожаръ, народъ и повалитъ Савку ловить къ кабаку. А на меня самое это звѣрство нападетъ: сижу въ кабакѣ и не могу съ мѣста встать—такъ бы я всѣхъ этихъ дураковъ въ крошки расшибъ, потому боятся одного человѣка. И уходилъ, изъ глазъ у всѣхъ уходилъ, развѣ когда соннаго возьмутъ.

— Какъ же ты уходилъ?

— Да такъ... больше по своей смѣлости, потому человѣкъ, ежели разстервенится, хуже онъ въ тѣ поры всякаго звѣря. Ну, кому свою-то голову охота было подставлять, да и крѣпостные тогда были, не по своей волѣ ловили меня, а тутъ еще свои дружки-пріятели помогали. Гдѣ тутъ въ свалкѣ ночью-то разберешь—одинъ крикъ да гамъ, какъ на пожарѣ, а я, глядишь, и вывернулся... Ну, а какъ воля пришла, этихъ самыхъ приказчиковъ прежнихъ не стало, лютовать-то не передъ кѣмъ, ну, я самъ пришелъ въ острогъ-то и объявился. Таскали-таскали меня по острогамъ, а потомъ въ подозрѣніи оставили и выпустили, потому какъ большая неправда прежде по заводамъ была и утѣсненіе народу. Много насъ этакихъ-то въ бѣгахъ состояло, по горамъ бродили, какъ олени... Нынче тихо все, потому ужъ не тѣ времена.

— Ну, а Анка что?

— Анка?.. Конечно, вышелъ тогда съ ней грѣхъ, только это грѣхъ подневольный, а тѣмъ море не испоганилось, что несъ налакалъ...

Нужно замѣтить, что крѣпостное время съ его варварскими порядками создало на уральскихъ горныхъ заводахъ два характерныхъ явленія, служившихъ какъ бы сторонами одной и той же медали: это заводскіе разбойники и заводскіе дураки. Около такихъ разбойниковъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ симпатіи населенія, сложились цѣлыя легенды, но достаточно указать на тотъ фактъ, что прошло всего какихъ-нибудь 25 лѣтъ воли, какъ тѣ и другіе совершенно исчезли, вмѣстѣ съ создавшими ихъ причинами. Такъ, Савка до воли состоялъ въ бѣгахъ и наводилъ панику, какъ завзятый разбойникъ, а когда настала воля—онъ просто перешелъ въ разрядъ тѣхъ „особенныхъ“ людей, какихъ выдвигаетъ изъ себя крестьянскій міръ въ видѣ исключеній.

И занятіе себѣ Савка выбралъ „особенное“, ни отъ кого не зависящее—охоту. Замѣтимъ здѣсь въ скобкахъ, что для мужика собственно охоты, какъ удовольствія, въ барскомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ, и даже самыя слова „охота“ или „охотникъ“ считаются обидными, потому что господа стрѣляютъ всякую погань—куликовъ, воробьевъ и т. д.; мужикъ звѣруетъ, т.-е., какъ старый Крохаль, бьетъ только звѣря, или лѣсуетъ, т.-е., какъ Савка, бьетъ птицу и звѣря. Отъ старинныхъ временъ сохранился еще терминъ: ясачить, который часто употребляется на Уралѣ, но не въ своемъ собственномъ смыслѣ, т.-е. не въ смыслѣ добыванія ясака. Савка отлично зналъ мѣста на сто верстъ кругомъ и могъ жить безбѣдно, промышляя лѣсованіемъ, но его губила водка—онъ часто не доносилъ выручныхъ за дичь денегъ, за что и получалъ законную трепку отъ Анки.

— Ужъ супротивъ Савки не сдѣлать,—говорили про него другіе мужики:—его и птица всякая знаетъ и звѣрь, потому какъ онъ слова такія знаетъ... Вѣдь онъ того, не къ ночи будь сказано: съ нечистой силой знается.

Въ сущности, Савка, какъ большинство настоящихъ охотниковъ, былъ поэтъ въ душѣ и крайне наблюдательный человѣкъ, которому до тонкости были извѣстны всѣ привычки, особенности и образъ жизни каждой дичи. Онъ являлся настоящимъ хозяиномъ въ лѣсу.

— Зачѣмъ же ты пьешь такъ, что зоришь самъ себя?—нѣсколько разъ спрашивалъ я Савку.—Вѣдь ты могъ бы жить не хуже другихъ?

— Отъ звѣрства отъ своего и пью...—коротко объяснялъ Савка.—Вѣдь ты у меня не былъ на душѣ-то у пьянаго? То-то вотъ и есть, а я, можетъ, жисти своей не радъ... Какъ пойдутъ въ башкѣ круги да столбы, начнется

тоска... Охъ, да что тутъ говорить, баринъ!.. А то раздумаешься-раздумаешься...

Таковъ былъ особенный человѣкъ Савка, составлявшій вмѣстѣ органическое цѣлое со своей Анкой.

IV.

На шиханѣ утромъ мы поднялись очень рано, потому что Савка обѣщалъ Слава-богу показать какое-то дупелиное болото сейчасъ подъ Лобастой горой.

Въ горахъ даже самыя лучшія іюльскія утра очень холодны и какъ-будто непріятную дрожь. Солнце подымается въ туманной мглѣ горизонта багровымъ шаромъ безъ лучей, точно оно отдѣлено отъ васъ громаднымъ матовымъ стекломъ; утренній свѣтъ льется откуда-то сверху дрожащей волной, которая дробится миріадами искръ въ ночной росѣ, еще покрывающей траву и деревья. Въ логахъ колышется густыми массами туманъ; гдѣ-то изъ-за горы онъ всплылъ кверху небольшимъ бѣлымъ облачкомъ. Зелень свѣжа и рѣжетъ глазъ своимъ блескомъ, какъ только-что ограненный драгоцѣнный камень. Все кругомъ дышитъ наливающейся силой лѣтняго дня, и вы чувствуете эту силу, какъ и то, что вы ничтожная пылинка въ этомъ грандіозномъ концертѣ природы. Вздрагиваешь, надѣвая покоробившіеся за ночь охотничьи сапоги, вздрагиваешь, когда солнце ударитъ въ глаза ослѣпляющимъ свѣтомъ, вздрагиваешь отъ перваго слабо дохнувшаго вѣтерка, поднявшаго накопившійся за ночь въ лѣсу тяжелый ароматъ, а тамъ стоитъ густая трава по поясъ, которая промочитъ васъ до нитки на нѣсколькихъ саженяхъ пути.

— Важное утречко издалось... — говоритъ Савка, залѣзая плечами въ свой пестрядинный мѣшокъ.—Пусть ужо Карла погоняетъ куликовъ въ болотѣ, ноги-то у него долгія.

Слава-богу совсѣмъ одѣтъ и уже красенъ, какъ зажаренный съ кровью барашекъ. Объ собаки съ нетерпѣніемъ слѣдятъ, какъ онъ надѣваетъ на себя патронницу и заряжаетъ свою бельгійскую двустволку центральнаго боя; Веста слабо взвизгиваетъ отъ радости и взмахиваетъ хвостомъ, готовая сейчасъ ринуться въ мокрую траву, опустивъ носъ къ землѣ.

— Пошла, Сафкъ?—спрашиваетъ Слава-богу, опрокидывая серебряный охотничій стаканчикъ.

— А я, Карла Иванычъ, этихъ самыхъ куликовъ одинова набилъ цѣлый десятокъ шапкой,—разсказываетъ Савка, трогаясь въ путь своей развалистой походкой.

— Врать...—скептически замѣчаетъ Иванъ Васильичъ, потягиваясь въ сѣдлѣ и зѣвая.

— Ей-Богу, сейчасъ помереть... Утренничекъ былъ этакъ въ Успленьевъ постъ, ну, имъ росой-то крылушки и заморозило. Я иду около болота, а они передо мной порхъ-порхъ... Взлетѣть-то и не могутъ. Ну, я снялъ шапку, да шапкой ихъ и ловилъ.

Мы идемъ съ Савкой впереди. За нами въ линію вытянулись лѣсообъѣздчики; лошади фыркаютъ и громко лязгаютъ подковами по камнямъ. Слава-богу молча сосетъ сигару, продолжая дремать въ сѣдлѣ; объѣздчики тоже дремлютъ и потихоньку зѣваютъ. Шиханъ и пихтовая заросль остались назади, а передъ нами крутой спускъ съ горы между розсыпями. Видъ на горы отсюда утромъ необыкновенно хорошъ. Воздухъ совершенно прозраченъ, и простымъ глазомъ замѣтно, какъ онъ дрожитъ и переливается въ яркомъ утреннемъ свѣтѣ солнца. Синевато-сѣрая даль точно поднесена. Можно раз-

смотрѣть даже Кособродскій заводъ, до котораго отъ Лобастой вёрныхъ тридцать верстъ; ближе спряталась въ лѣсу Студеная, около нея сѣрыми пятнами выдѣляются золотые пріиски. Лѣсъ въ логахъ принимаетъ какой-то фіолетовый оттѣнокъ, и только курени и поруби остаются свѣтло-зелеными, точно громадныя заплаты. Глазъ отдыхаетъ на этой картинѣ широкаго простора, дышится такъ вольно, и является скромное желаніе подняться куда-то выше, въ синеву неба, гдѣ черными точками плавають ястреба.

Между розсыпями трава по поясъ; бѣлыя шапки душистаго бѣлаго шалфея, иванъ-чай и малина лѣпятся около самыхъ камней, точно живая бахрома. Въ одномъ мѣстѣ изъ-подъ куста жимолости вынырнулъ зайченокъ и пустился на утекъ въ траву; Веста вздрогнула, согнулась и, какъ пущенная изъ лука стрѣла, пустилась вдогонку за бѣглецомъ. Слава-богу спрыгнулъ съ лошади и пустился бѣгомъ за собакой, выкрикивая хриплымъ голосомъ: „Веста, Веста... канайль!.. швейнъ!“. Быстрая на бѣгу Веста совсѣмъ начала настигать зайченка, но хитрая звѣрушка, спасая свой заячій животишко, сдѣлала крутой поворотъ назадъ и стремглавъ полетѣла прямо на насъ. Разбѣжавшейся собакѣ нужно было выгнуть большой кругъ, чтобы вернуться назадъ.

— Охъ, баринъ!..—вдругъ крикнулъ Савка какимъ-то не своимъ голосомъ, пустившись бѣжать къ Карлѣ.—Ой, баринъ... стой!..

Но было уже поздно, Слава-богу успѣлъ выстрѣлить, и бѣдная Веста съ дикимъ воемъ упала въ траву. Дальше произошло что-то необыкновенное: Савка подбѣжалъ къ Слава-богу и какъ-то по-волчьи схватилъ его прямо за горло. Прежде чѣмъ объѣздчики успѣли опомниться, Савка уже катался по травѣ съ Карлой однимъ живымъ комомъ. Когда мы подбѣжали на выручку, Слава-богу уже сидѣлъ на Савкѣ и колотилъ его прямо по лицу своими красными кулаками.

— Бей, бей...—прошепталъ Савка, закрывая глаза.—Лучше меня бей.

— А... канайль... швейнъ!..—ревѣлъ Карла, продолжая обрабатывать побѣжденнаго непріятеля.—Ты минэ хотѣлъ убивайтъ... душилъ за горломъ...

— И задушу... встъ постой, нѣмчура... я тѣ покажу...

Мы кое-какъ растащили сцѣпившихся враговъ, и странно было то, что Савка не отпускалъ нѣмца, а не наоборотъ.

— Отцѣпись ты, дьяволъ!—кричалъ Иванъ Васильичъ, напрасно стараясь разжать судорожно скорченныя руки Савки.—Точно клещъ впился... Дьяволъ, тебѣ говорятъ: пущай...

— Бей меня, а то пса губитъ... живодеры, мошенники!—ревѣлъ Савка, продолжая барахтаться.

Пятеро здоровенныхъ мужиковъ едва могли оторвать Савку. Слава-богу смотрѣлъ кругомъ ошалѣлыми глазами, не понимая, что такое случилось. Веста неистово визжала, ползая въ травѣ.

— А шортъ минэ взялъ... а шортъ тебэ взялъ... Зачево минэ душиль?.. спрашивалъ Слава-богу, повертываясь.—Стрѣлялъ мой собакъ... твой минэ душиль...

— У! нехристь...—шипѣлъ Савка, стараясь вырваться изъ рукъ объѣздчиковъ.

Этотъ неожиданный эпизодъ совсѣмъ растроилъ нашу охоту. Слава-богу уѣхалъ съ лѣсообъѣздчиками, а я остался съ Савкой на розсыпи. Этотъ странный человѣкъ долго молча лежалъ на травѣ и только вздрагивалъ всѣмъ своимъ тщедушнымъ тѣломъ. Я принесъ ему воды въ берестяномъ чуманѣ и легъ на траву; въ десяти шагахъ отъ насъ валялась убитая Веста, надъ которой уже начали кружиться какія-то зеленыя мухи. Гдѣ-то въ воздухѣ слышался ребячій крикъ коршуна и щекотанье пельнюшки-матки, сторожи-

ышей изъ ягодникѣ свой выводокъ. Тихо-тихо набѣгалъ утренній вѣтерокъ, колыхалъ высокую траву и скрывался въ лѣсной заросли съ тихимъ шопотомъ. Въ травѣ стрекотали кузнечики и ползала всякая мелкая тварь, можетъ-быть, жившая всего однимъ этимъ днемъ и поэтому особенно наслаждавшаяся самымъ фактомъ своего существованія. По небу плыли легкія облачка, вытягивая за собой по горамъ длинныя тѣни.

Савка безмолвно пролежалъ съ полчаса, а потомъ сѣлъ и тяжело вздохнулъ. Лицо у него вспухло, одинъ глазъ совсѣмъ затекъ; на зипунѣ и на рукахъ оставались кровавыя пятна. Онъ ощупалъ что-то за пазухой и только покачалъ головой, а потомъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ происходила свалка. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ съ земли маленькій ножъ, который всегда носилъ за пазухой.

— Ишь ты, проклятый... вывалился изъ-за пазухи-то,—какъ-то въ раздумьѣ проговорилъ онъ, разглядывая ножъ.—Ну, счастливъ Карла, а то я бы ему выпустилъ всѣ кишки.

— Это изъ-за собаки?

Савка посмотрѣлъ на меня, отрицательно покачалъ головой и въ прежнемъ раздумьѣ заговорилъ:

— Не помню, изъ ума вышибло... Ахъ, баринъ, баринъ!.. Какъ это Карла напѣлился въ собаку, такъ у меня точно что порвалось въ нутрѣ... Не помню ничего, что дальше было, а только помню, какъ онъ меня по рожѣ лупилъ. Да мнѣ это наплевать, а вотъ псицу жаль... Зачѣмъ онъ ее порѣшилъ безъ вины? Не могу я этого самаго звѣрства видѣть, потому во мнѣ все нутро закипитъ... Охъ, вездѣ неправда, вездѣ темнота, вездѣ это самое звѣрство! Ты теперь разбери, баринъ, кто лучше: звѣрь или человѣкъ?

— Какой звѣрь, какой человѣкъ?

— А всякій... Звѣрь лютуетъ съ голоду, ему пропиталъ нуженъ, а такъ всякій звѣрь, какъ ребенокъ малый. Возьми ты даже медвѣдя... На что волкъ лютъ, а и тотъ сытый не тронетъ. А вотъ человѣкъ-то не такъ... Онъ сытый-то еще, пожалуй, хуже... Вѣрно! Лютости этой въ человѣкѣ, звѣрства—пропасть... Я всякаго звѣря люблю, потому звѣрь справедливѣе завсегда человѣка. А ужъ касательно лошади али пса—такъ и говорить нечего... Я никогда не трону лошадь али пса, потому куда бы мы поспѣли безъ нихъ? Конечно, говорятъ, что души въ нихъ нѣтъ только, а я такъ думаю, что хоть плохонькая душенка, да должна быть... Я тебѣ какой случай скажу. Ѣхалъ какъ-то черезъ нашъ Кособродскій заводъ одинъ купецъ, онъ на ярмарку ѣхалъ. Денегъ при немъ тыщи три было... Ну, остановился у знакомыхъ мужиковъ, покормилъ лошадь, а лошадь у него своя была, преотличная лошадь. Уѣхалъ купецъ, а мужики, у которыхъ онъ останавливался, больно сварились на сто деньги, сейчасъ въ погоню, догнали его да и убили. Ну, убитаго купца затащили въ лѣсъ да въ ширфъ и бросили, а сверху елочками завалили... Теперь куда съ лошадью дѣться, а лошадь дорогая, приметная. Эти самые убивцы взяли эту самую лошадь да къ сосенкѣ на цѣпь и приковали и на ноги желѣзныя путы надѣли. Думаютъ, помретъ на этомъ самомъ мѣстѣ съ голоду,—и конецъ всему дѣлу. Хорошо... А лошадка-то тридня стояла у сосенки да грызла ее, да и перегрызла, а потомъ съ путами-то и поскакала домой. Семьдесятъ верстъ, сердечная, проскакала она въ путахъ и прямо на дворъ къ хозяину. Какъ увидали ее—всѣ всполошились, конечно, и по слѣду назадъ поѣхали, потому изъ ногъ-то у ней кровь все лила по дорогѣ, а она впередъ идетъ и прямо въ Кособродскій къ намъ привела, къ тому двору, гдѣ убивцы жили. Ну, народъ, конечно, собрался, всѣ признали

лошадь-то и всѣ на убивцевъ: признавайтесь... Помялись-помялись они и прямо міру въ ноги: „Наше дѣло... мы убили купца. Простите!“. Признаться признались, а куда убитаго купца дѣли—не сказываютъ. Тогда опять эту самую лошадь и пустили впередъ... Что бы ты думалъ, вѣдь она повела: идетъ впереди, а народъ за нею такъ валомъ и валитъ. Плачетъ народъ-то, такъ это жалостливо все вышло. Ну, привела лошадь къ самой шахтѣ, въ которую купца бросили, и стала. Тутъ его и нашли... Такъ народъ что тогда дѣлалъ: ревмя ревѣли, не надъ купцомъ, а надъ лошадью! Изгибла, сказываютъ, скоро, потому ноги себѣ путами всѣ извела...

— Почему же эти мужики не убили лошадь тогда, когда убивали купца?

— Ахъ, какой ты непонятный, баринъ... Человѣка-то, поди, легче убить, чѣмъ скотину, потому она безотвѣтная тварь, только смотритъ на тебя. На купца, значитъ, рука поднялась, а на лошадь не поднялась. У насъ въ дому какой случай былъ. Жеребушечка у отца росла да ножку себѣ и сломала. Куда съ ней, какъ не пришибить? Ну, отецъ взялъ винтовку, зарядилъ, пошелъ стрѣлять жеребушку—и воротился... Медвѣдей билъ, а жеребушку не могъ порѣшить. Думали-думали, послали за однимъ пропойцей, Тишкой звать. Отчаянная-пречтчаянная башка, настоящій душегубецъ... Ну, Тишка и говоритъ: „ставь полштофъ водки, тогда и жеребушку вашу порѣшу“. Повели его въ кабакъ, выставили полштофъ. Тишка его выпилъ и къ намъ. Отецъ-то со страховъ въ избу спрятался и на крючокъ заперся. Ей-Богу! Ну, а Тишка взялъ топоръ, замахнулся и бросилъ... „Не могу, говоритъ, рука не поднимается, хошь что хошь со мной дѣлайте. Обратно вамъ полштофъ вашъ выставлю...“ И выставилъ, а жеребушечка ужъ сама изгибла. Вотъ оно, баринъ, какое дѣло-то выходитъ! При всемъ нашемъ звѣрствѣ и то руки опускаются, а тутъ еще баринъ называется и пса стрѣляетъ. Песъ-то, можетъ, лучше его былъ...

Въ этомъ безсвязномъ разсказѣ Савки рельефно обрисовывались основанія его оригинальнаго міросозерцанія. Сознаніе Савки было подавлено проявленіями человѣческаго „звѣрства“ и „лютости“; его пытливый умъ прилѣпился къ безграничному лѣсному простору, и здѣсь, въ мірѣ животныхъ, онъ находилъ погибшую въ людяхъ правду... Савку не страшили самыя дикія проявленія желѣзнаго закона борьбы за существованіе въ этомъ животномъ царствѣ, потому что для этого закона существовало разумное объясненіе, какъ неизбѣжной, хотя и жестокой необходимости, тогда какъ человѣкъ проявляетъ свое звѣрство большею частью помимо этой необходимости, а только удовлетворяя своей жаждѣ „лютовать“.

— Теперь читалъ ты о великихъ угодникахъ, которые по лѣсамъ спасались?—допрашивалъ меня Савка.—Къ этимъ угоднымъ человѣкамъ всякій лѣсной звѣрь приходилъ: и медвѣдь и олень... Это какъ по-твоему?.. Звѣрь-то понимаетъ, что человѣкъ его лютѣе, и обходитъ человѣка. Никого такъ звѣрь не боится, какъ человѣка,.. А старухи говорятъ, что въ звѣрѣ нѣтъ души, а паръ. Какой тутъ паръ... Ты бы весной послушалъ, что по лѣсу дѣлается?.. Стоишь этакъ, стоишь, прислушаешься, а лѣсъ-то кругомъ тебя точно весь живой: тутъ птица поетъ, тамъ козявка въ травѣ стрекочетъ, тамъ звѣрь бѣжитъ... Ужъ больно хорошо птицы по веснѣ поговариваютъ, точно весь понимаешь ихъ, и такъ у нихъ все хорошо выходитъ. А какъ вспомянешь свое-то житьишко да про другихъ-то, Господи милостивый, сколько этого грѣха въ насъ, сколько неправды... Разъ я этакъ-то слушалъ-слушалъ, точно очумѣлъ, а потомъ гляжу, вся рожа-то у меня мокрая: слезой пролило.

1884.

ЛЁТНЫЕ *).

Изъ разсказовъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ.

I.

На Татарскомъ островѣ они прятались уже четвертый день. Весеннія ночи были свѣтлыя, теплыя; гдѣ-то въ кустахъ черемухи заливался соловей; рѣчная струя тихо-тихо сосала берегъ и ласково шепталась съ высокой зеленой осокой. По ночамъ, въ глубокой ямкѣ, выкопанной лётными въ срединѣ острова и обложенной изъ предосторожности со всѣхъ сторонъ большими камнями и свѣжимъ дерномъ, курился огонекъ; самый огонь съ берега нельзя было замѣтить, а виднѣлся только слабый дымокъ, который тянулся внизъ синеватой пленкой и мѣшался съ бѣлымъ ночнымъ туманомъ.

Конечно, лётные, изъ страха выдать себя, не разложили бы огня, но ихъ заставила неволя: одинъ изъ троихъ товарищей былъ боленъ и все время лежалъ около огонька, напрасно стараясь согрѣться. Въ партіи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Ивана Несчастной-Жизни, какъ онъ называлъ себя на допросахъ у становыхъ и слѣдователей. Теперь онъ лежалъ у огонька, завернувшись въ рваную сермяжку, изъ-подъ которой глядѣло черными округлившимися глазами желтое, больное лицо. Изношенная баранья шапка закрывала лобъ до самыхъ бровей. Широкія губы запеклись, носъ обострился, глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ. Иванъ сильно перемогался и отлеживался въ своей ямкѣ около огонька, какъ отлеживается отъ лихихъ болѣстей по ямамъ, логовамъ и „язвинамъ“ разное лѣсное звѣрье. Онъ не жаловался, не стоналъ, а только иногда сильно бредилъ по ночамъ—кричалъ, размахивалъ руками и все старался куда-нибудь спрятаться. Въ больномъ мозгу несчастнаго бродяги безъ конца шевелилась мысль о преслѣдованіи.

— Опомнись, зелена муха, Христосъ съ тобой!—уговаривалъ Ивана товарищъ, длинный и костлявый „Іосифъ-Прекрасный“.—Ночесь въ воду было совсѣмъ бросился, ежели бы я тебя за ногу не сохватилъ... Какъ начнетъ блазнить, ты сейчасъ молитву и сотвори. Я такъ-ту въ тайгѣ безъ малаго недѣли съ три вылежалъ, и все молитвой больше...

Иванъ приходилъ въ себя, трясся всѣмъ тѣломъ и какъ-то разомъ весь опускался—это были послѣднія вспышки сохранившейся въ больномъ тѣлѣ энергіи, выкупаемыя тяжелымъ разслабленіемъ. Послѣ такихъ галлюцинацій больной долго лежалъ съ закрытыми глазами, весь облитый холоднымъ потомъ; онъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ его все болѣе и болѣе тянетъ къ землѣ и онъ теряетъ послѣднія крохи живой силы. Но, какъ ни было

---

*) Лётными на Уралѣ называютъ бродягъ.

тяжело Ивану, онъ никогда не забывалъ своей пазухи и крѣпко держался за нее обѣими руками; за пазухой у него хранилась завернутая въ тряпье завѣтная „машинка“, т.-е. деревянная шкатулочка съ необходимымъ приборомъ для отливки фальшивыхъ двугривенныхъ.

— Иванъ, ты, того гляди, помрешь...— нѣсколько разъ довольно политично заговаривалъ Іосифъ-Прекрасный.—Отдай загодя намъ съ Переметомъ машинку-то,—съ собой все одно не возьмешь.

— Поправлюсь, дастъ Богъ...

— Куды поправишься!.. Ей-Богу, Иванъ, помрешь, вѣрно говорю!.. А намъ съ Переметомъ далеко еще брести, веселѣе бы съ машинкой...

— Не мели!

— Ну, зелена муха, не кочевряжься... говорю, помрешь!

Хохолъ Переметъ не принималъ никакого участія въ этихъ переговорахъ, потому что вообще былъ человѣкъ крайне сдержанный и не любилъ болтать понапрасну. Въ картіи онъ былъ всѣхъ старше и въ свои пятьдесятъ лѣтъ сохранилъ завидное здоровье. Переметъ больше всего любилъ лежать на солнышкѣ, на самомъ припекѣ, закинувъ свою хохлацкую голову и зажмуривъ свои карія казацкія очи. Въ усахъ и въ давно небритой бородѣ у него уже серебрилась сѣдина. Въ трудныхъ случаяхъ своей жизни Переметъ говорилъ только одно слово: „нэхай“, и тяжело принимался насасывать свою трубочку-носогрѣйку. Рядомъ съ нимъ Іосифъ-Прекрасный казался какимъ-то вихлястымъ и совсѣмъ несуразнымъ мужикомъ. Его рябое худощавое лицо, съ бѣлобрысыми подслѣповатыми глазками, отличалось необыкновенной подвижностью, точно Іосифъ-Прекрасный вѣчно къ чему-нибудь прислушивался, какъ заяцъ на угонкахъ. Въ немъ именно было что-то заячье.

— Бросится ужо въ воду, да и утонетъ вмѣстѣ съ машинкой, зелена муха...—нѣсколько разъ повѣрялъ Іосифъ-Прекрасный свои опасенія Перемету и зорко караулилъ больного товарища.

— Нэхай,—отцѣживалъ хохолъ.

— А куда мы безъ машинки?..

Не разъ, просыпаясь по ночамъ, Іосифъ-Прекрасный крѣпко задумывался надъ вопросомъ, какъ завладѣть машинкой, и ему приходили въ голову страшныя мысли: представлялись размозженная голова, окровавленное мертвое лицо, судорожно сжатыя безсильныя руки... Но эта картина пугала самого Іосифа-Прекраснаго, и онъ начиналъ молиться вслухъ, чтобы отогнать смущавшаго бѣса. Чтобы разсѣяться отъ накипавшихъ злыхъ мыслей, Іосифъ-Прекрасный по цѣлымъ днямъ бродилъ по Татарскому острову и по-своему изучалъ во всѣхъ тонкостяхъ этотъ клочокъ, а главнымъ образомъ—поселившихся на немъ птицъ. По этой части Іосифъ-Прекрасный былъ великій артистъ и отлично зналъ всякое птичье „обнакновеніе“: какая птица какъ живетъ, гдѣ вьетъ гнѣздо, какими способами обманываетъ своихъ враговъ.

Больной Иванъ подозрѣвалъ душевное состояніе своего пріятеля, но больше опасался молчаливаго хохла, особенно по ночамъ, когда тотъ, завернувшись въ старый полушубокъ, неподвижно лежалъ въ двухъ шагахъ отъ него. Кто знаетъ, что у такого человѣка на умѣ: молчитъ-молчитъ, да какъ хватитъ соннаго камнемъ по башкѣ—только и всего.

Сошлись они всѣ трое случайно, въ сибирской тайгѣ, и хотя общая бродяжническая жизнь, переполненная общими приключеніями и опасностями, сильно сближаетъ людей, но они все-таки мало знали другъ друга, потому что, по какой-то особенной бродяжнической деликатности, избѣгали интимныхъ разговоровъ о томъ прошломъ, которое всѣхъ ихъ загнало въ далекую и холод-

ную Сибирь. Это послѣднее происходило отчасти потому, что бродяги рѣдко говорятъ правду о себѣ даже другъ другу, тѣмъ болѣе, что и сходятся они въ маленькія артельки только на пути черезъ Сибирь, а тамъ, какъ переваливъ благополучно черезъ Уралъ, всякому приходится итти уже въ одиночку.

— Братцы, шли бы вы впередъ... своей дорогой...—нѣсколько разъ говорилъ слабымъ голосомъ Иванъ.—Я, можетъ, долго залежусь.

— Лежи, знай, зеленá муха, а мы отдохнемъ малость,—отвѣчалъ Іосифъ-Прекрасный за всѣхъ.—Слышь, по дорогамъ лѣтныхъ не пропускаютъ... на трахту недавно человѣкъ двадцать имали. Обождемъ, до осени далеко.

Разговоръ обыкновенно на этомъ обрывался, и лѣтные молча раздумывали, каждый про себя, свою думу.

Весеннія ночи были коротки, но для больного, которому приходилось сторожиться отъ своихъ товарищей, онѣ казались безконечными. Стоило закрыть глаза, и начинались самыя мучительныя грезы: представлялся опасный побѣгъ съ каторги, лица гнавшихся по пятамъ конвойныхъ солдатиковъ, догнанный солдатской пулей товарищъ по побѣгу, а тамъ дальше слѣдовало страшное блужданіе по тайгѣ, гдѣ приходилось дней по пяти сидѣть безъ куска хлѣба. Страшные таежные овода заѣдаютъ человѣка на смерть, какъ это и случается съ заблудившимися въ тайгѣ бѣглыми; рветъ его таежный звѣрь, но всѣхъ ихъ хуже таежный дикій человѣкъ, который охотится за „горбачомъ“, какъ называютъ тамъ бѣглыхъ, съ винтовкой въ рукахъ... Все это представлялось больному бродягѣ съ мучительной ясностью, и онъ въ сотый разъ переживалъ всѣ муки и опасенія, перенесенныя имъ въ бѣгахъ: душилъ его прямо за горло таежный медвѣдь, выслѣживалъ бурятъ, верхомъ на лошади, нацѣлившись винтовкой... Видѣлъ онъ квадратное желтое лицо съ косыми глазами, и кровь стыла въ жилахъ, потомъ видѣлъ громадную сибирскую рѣку, потонувшую въ плоскихъ мертвыхъ берегахъ; видѣлъ, какъ горами шелъ по ней весенній ледъ, а онъ самъ, съ шестикомъ въ рукахъ, прыгалъ съ одной льдины на другую, перебираясь на другой берегъ. Это была Обь... Иванъ Несчастной-Жизни навѣки было-скрылся подъ разступившейся обской льдиной, которая проглотила бы его вмѣстѣ съ машинкой, но близко былъ берегъ, и бродяга выплылъ. Пришлось итти въ мокрыхъ оледянѣвшихъ лохмотьяхъ: въ холодной Оби и зачерпнулъ Иванъ свою болѣзнь, которую несъ до самаго Зауралья, куда рвалась его душа. Еще въ тюремномъ казематѣ видѣлъ онъ вотъ этотъ самый Татарскій островъ и наконецъ добрался до него, но здѣсь послѣднія силы оставили Ивана, и онъ даже не могъ подняться на ноги, чтобы посмотрѣть на знакомый берегъ родной рѣки.

II.

Такъ прошло цѣлыхъ три дня. Запасы кое-какіе были, погода стояла отличная, и лѣтные пока ничего не предпринимали, наслаждаясь благословеннымъ покоемъ. Да и пора было отдохнуть, потому что всѣ они бродяжничали ужъ „близко полгода“,—даже у здороваго Филиппа Перемета, и у того по временамъ ныла каждая косточка.

На четвертую ночь Ивану пришлось особенно тяжело, и онъ лежалъ около огня въ тяжеломъ полузабытьѣ. Ночь выпала ясная, немножко холодная, съ сильной росой; надъ островомъ и надъ рѣкой стояла какая-то молочная мгла, чутко вздрагивавшая отъ малѣйшаго звука. Кусты тальника, смородины и вербы, которыми поросъ весь островъ, казались гораздо выше, чѣмъ днемъ, и сливались въ большія темныя массы. Гдѣ-то далеко, на берегу

Исети, заливались два соловья. Иногда у самаго острова глухо всплескивала вода,—это металась въ заводи крупная рыба; гдѣ-то далеко-далеко, точно подъ землей, глухо лаяла собака. Иванъ иногда глядѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, и ему оно казалось громадной синей трубой, опрокинувшейся широкимъ концомъ какъ разъ надъ самымъ Татарскимъ островомъ. Отяжелѣвшіе глаза слипались сами собой, но ухо чутко сторожило малѣйшій шорохъ, заставляя бродягу вздрагивать. То казалось ему, что къ острову осторожно подплываетъ лодка, то въ кустахъ слышались крадущіеся шаги и подозрительный трескъ. Больному „блазнило“ вдвойнѣ, и онъ смѣшивалъ галлюцинаціи съ дѣйствительностью.

Передъ самымъ утромъ, когда небо начало заволакиваться туманомъ, больной началъ совсѣмъ засыпать, но надъ самой его головой жалобно пискнула маленькая птичка, выпугнутая изъ гнѣзда сонною. Это былъ скверный знакъ, и Иванъ только-что хотѣлъ разбудить спавшихъ товарищей, какъ на его плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Не трожь...—прошепталъ чей-то голосъ, и изъ темноты надъ Иваномъ наклонилась сгорбленная широкая фигура.—Я съ хорошимъ словомъ къ вамъ пришелъ: миръ на стану!

— Садись, такъ гость будешь

— Я и то въ гости пришелъ...—засмѣялся гость и усѣлся къ огню на корточки, по-татарски.—Сколько тутъ васъ: трое? Такъ и есть. Эхъ, вы, и бродяжить-то не умѣете: разъ бродяги по ночамъ огни раскладываютъ, а? Наши парнишки всю деревню переполошили. Въ ночномъ лошадей стерегли, а на острову дымокъ; ну, сейчасъ въ деревню: „лѣтные на Татарскомъ острову...“

— Да вотъ неможется что-то,—около огонька все какъ будто способнѣе...

— Ну, это статья другая!..—согласился гость и, не торопясь, принялся раскуривать свою трубку-носогрѣйку.

Спавшіе бродяги проснулись, но продолжали лежать съ закрытыми глазами, наблюдая ночного гостя съ волчьей осторожностью.

— Ишь дьявола, хотятъ дядю Листара оммануть!—весело проговорилъ гость и опять засмѣялся.—У меня такой пѣтушокъ былъ: засунетъ голову въ колѣнницу и думаетъ, что его не видно... занимательный былъ пѣтушокъ. А вы, братцы, не сумлѣвайтесь: дядя Листаръ самъ въ лѣтныхъ-то колотился годовъ съ пять и всю эту музыку произошелъ, какъ же!..

— Ты изъ Тебеньковой будешь?—спросилъ Иванъ.

— Тебеньковскій. Міръ меня, значитъ, послалъ испытать васъ, съ добромъ или съ худомъ вы пришли. Время лѣтнее, въ деревнѣ только старые да малые, ну, чтобы баловства какого не вышло. А я такъ про себя-то мекаю: чистые дураки эти наши мірскіе мужики...

Дядя Листаръ однимъ движеніемъ головы молодцовато передвинулъ свою шляпенку съ уха на ухо и опять засмѣялся хрипымъ смѣшкомъ, прищуривъ свой единственный глазъ. Лицо у него было сильно изрыто оспой, одинъ глазъ вытекъ и былъ закрытъ ввалившимся вѣкомъ; жиденькая желтая бороденка глядѣла старой мочалкой. Одѣтъ онъ былъ въ изгребную синюю рубаху домашняго дѣла и такіе же порты. Широкая сгорбленная спина и длинныя руки выдавали деревенскаго силача, видавшаго виды, о чемъ свидѣтельствовалъ единственный глазъ дяди Листара, который смотрѣлъ какъ-то особенно воровато.

Іосифъ-Прекрасный и Переметъ поднялись со своихъ мѣстъ и подсѣли къ огоньку, разглядывая дядю Листара исподлобья.

— Надолго будете?—спрашивалъ старикъ тономъ своего человѣка.

— Какъ-то-такъ... здорово отдохнули,—хвастливо отвѣтилъ Іосифъ-Прекрасный, грѣя свои длинныя руки надъ огнемъ.—Изъ-подъ Иркутскова буровимъ, третью тыщу доколачиваемъ.

— Такъ... Мѣсто знакомое: самъ изъ-подъ Иркутскова уходилъ.

— Ишь-ё?

— Вѣрно... Я тутъ конокрадствомъ займовался, ну, одного человѣка и порѣшили грѣшнымъ дѣломъ. По этому самому случаю меня и засудили, старые тогда суды были. Было-таки всячины... охъ-хо-хо!

— А глазъ куда дѣвалъ?—спросилъ Іосифъ-Прекрасный.

— Это, милый другъ, одинъ кыргызь мнѣ замѣтку оставилъ... ха-ха!.. Въ ордѣ мы коней воровали у нихъ, ну и тово, прямо копьемъ да въ глазъ кыргызь проклятущій и угадалъ. Такъ вотъ, други милые, пришелъ я къ вамъ отъ своихъ: міръ послалъ... опасятся насчетъ баловства. Обыкновенно—дураки; я про мужиковъ-то: лётные, какъ зайцы, чего ихъ бояться... всякому до себя.

— Вѣрное твое слово... Намъ бы только до своихъ мѣстовъ пройти, а не до баловства. Да вотъ Ивакъ что-то больно разнемогся дорогой, да и на трахту, сказываютъ, тово...

— Насчетъ трахту не сумлѣвайтесь: пустое...—успокоилъ дядя Листаръ.—Конечно, не врежняя пора, ну, все-таки, ежели съ умомъ, такъ хошь на тройкѣ поѣзжай.

— А какъ въ Шадринскомъ нонѣ?—полюбопытствовалъ Переметъ.

— Въ шадринскомъ острогѣ? Дрянь дѣло: изгадили мѣсто совсѣмъ... Прежде шадринскій-то острогъ всѣ лётные даже весьма уважали: не острогъ былъ, а угодникъ. Первое—насчетъ харчу не стѣсняли, а второй—майданъ...

— Слыхивали и мы, какъ же.

— Какъ не слыхать: первое мѣсто было для лётныхъ... Сами бродяжки туда шли по осени, чтобы перезимовать. Шестьсотъ, семьсотъ душъ набиралось... А нынче шабашъ, строгости вездѣ пошли... начальство тоже новое...

Лётные разговорились съ дядей Листаромъ, какъ со своимъ братомъ, и разсказали, кто и куда пробирается: Іосифъ-Прекрасный шелъ на Волгу, въ свою Нижегородскую губернію, хохолъ Переметъ куда-то въ Черниговскую, Иванъ Несчастной-Жизни за Уралъ, въ Чердынскій уѣздъ. Собственно, говорилъ одинъ Іосифъ-Прекрасный, вообще большой краснобай по природѣ.

— Такъ, говоришь, ваши тебеньковскіе сильно испужались насъ, а?—спрашивалъ онъ дядю Листара въ третій разъ.—А ты имъ скажи, своимъ-то мірскимъ, что наше дѣло смиренное: передохнемъ малость и опять къ своимъ мѣстамъ поволокемся.

— Скажу, скажу... Дурачье эти наши мужики самые, правду надо говорить,—философски разсуждалъ дядя Листаръ, разставляя руки.—А того не сообразятъ, что всѣ подъ Богомъ ходимъ: сегодня я справный, самый естевой мужикъ, а завтра заминка вышла, и я самъ въ лётные попалъ... Это какъ? Понимать все это надо, а не то, чтобы бояться. У насъ въ Тебеньковой экъ-ту одинъ брательникъ другого топоромъ зарубилъ, ну, большая неустойка вышла; засудили сердягу, теперь тоже, поди, въ лётныхъ гдѣ-нибудь по Сибири мается.

— А много лётныхъ черезъ ваши мѣста проходитъ?

— Страсть сколько: день и ночь идутъ... по одному, по два, по три. У насъ насчетъ этого даже очень способно—никто пальцемъ не пошевелитъ бродяжку настоящаго, а еще кусочекъ хлѣба подастъ. Не какъ въ этой проклятущей Сибири—тамъ, братъ, травятъ горбачей, какъ зайцевъ. Эти желто-

ротые сибиряки — сущіе псы... А у насъ у каждой избы такая полочка къ окну пришита, чтобы на ночь бродяжкамъ хлѣбъ выставлять. Бабы у насъ жалливыя насчетъ бродяжекъ... Вотъ разбойникамъ да конокрадамъ спуску не дадимъ, это ужъ точно!

Въ этой мирной бесѣдѣ не принималъ участія только одинъ больной Иванъ: онъ лежалъ съ закрытыми глазами и молча слушалъ болтовню лѣтныхъ съ дядей Листаромъ. Послѣдняго онъ узналъ по голосу и теперь старался не попадаться ему на глаза: еще узнаетъ, пожалуй, и разблаговѣститъ въ Тебеньковой.

— Вы бы, черти, хоть землянку сдѣлали, что ли, — говорилъ дядя Листаръ, собравшись уходить. — Мало ли какая причина: дождичкомъ прихватитъ, росой тоже... невпримѣръ способнѣе землянка-то, а то попросту балаганъ оборудуйте. У насъ жить можно: народъ естевой, не чета сибирскимъ-то чеддонамъ. Худого слова не услышите, ежели себя будете соблюдать... Только вотъ съ писаремъ надо будетъ маленько сладиться, и чтобы прижимки какой не вышло. Наши шадринскіе писаря, какъ помѣщики: приступу къ нимъ нѣтъ.

— Ужъ какъ-нибудь сладимся, зелена муха...

III.

Татарскій островъ издали походилъ на громадную зеленую шапку. Рѣка Исеть плыла здѣсь широкимъ плесомъ, точно въ зеленой бархатной рамѣ изъ вербы, ольхи, смородины и хмеля. Кругомъ, насколько хваталъ глазъ, разстилалась безъ конца-краю панорама полей, сливавшихся на горизонтѣ съ благодатной ишимской степью; два-три кургана едва напоминали о близкомъ Уралѣ, откуда выбѣгала красивая Исеть, вся усаженная богатыми селами, деревнями и деревушками, точно гигантская нитка бусъ. Мѣсто было широкое и привольное, какія встрѣчаются только въ благословенномъ Зауральѣ, гдѣ весело сбѣгаютъ въ Исеть рѣки: Теча, Синара и Міясъ, эти настоящія земледѣльческія артеріи.

Въ полуверстѣ отъ Татарскаго острова, внизъ по теченію Исети, на плоскомъ песчаномъ берегу, плотно усѣлось своими двумя сотнями избъ богатое село Тебеньково. Издали красовалась бѣлая каменная церковь, единственная широкая улица тянулась по берегу версты на двѣ, какъ это бываетъ въ настоящихъ сибирскихъ селахъ. Съ тебеньковской колокольни можно было разсмотрѣть нѣсколько другихъ селеній: верстахъ въ десяти вверхъ по теченію Исети горбились крыши деревни Чазевой; внизъ по теченію, прикрытое зеленымъ холмомъ, пряталось село Мутовкино; въ сторонѣ, гдѣ синѣлъ старинный башкирскій боръ, какъ свѣча, бѣлѣла высокая колокольня села Пятигоръ. Эту картину портило отсутствіе лѣса—отъ прежнихъ вѣковыхъ лѣсныхъ дебрей, на пространствѣ сотенъ квадратныхъ верстъ, сохранился только пятигорскій боръ, жиденькіе березовые перелѣски, гривки и островки изъ смѣшанной зелени, прятавшіеся по логамъ и оврагамъ. Зато полямъ не было краю—точно на диво развернулась сказочная скатерть-самобранка: ярко зеленѣли озими, желтѣли, какъ давно небритая борода, прошлогодніе пары, черными заплатами вырѣзывались яровыя.

— Эхъ, мѣста-то, мѣста сколько...—повторялъ съ какимъ-то сожалѣніемъ Іосифъ-Прекрасный, въ которомъ сказывался великорусскій пахарь. — Не то, что въ нашей Нижегородской губерніи... кошку за хвостъ повернуть негдѣ. Тутъ помирать не надо: во какіе луга-то...

Татарскій островъ получилъ свое названіе въ темныя времена башкирскихъ бунтовъ, когда на немъ отсиживались воевавшіе съ русскими насельники башкиры. Преданіе гласило, что эти защитники своей родины полегли костями на Татарскомъ островѣ, всѣ до послѣдняго. Вообще, цвѣтущій бассейнъ р. Исети въ теченіе цѣлаго столѣтія, начиная съ перваго башкирскаго бунта, вспыхнувшаго въ 1662 г. подъ предводительствомъ башкирскаго старшины Сеита, и кончая пугачовщиной, служилъ кровавой ареной, и весь этотъ благословенный просторъ залитъ рѣками башкирской крови. Послѣ окончательнаго замиренія Башкиріи прошло не болѣе ста лѣтъ, и эта „орда“ превратилась въ настоящее русское приволье: на мѣстѣ башкирскихъ улусовъ, стойбищъ, тебеневокъ и кошевокъ, выросли русскія деревни и развернулись крестьянскія нивы, какъ на мѣстѣ скошенной травы вырастаетъ новая... Воспоминаніемъ о поэтическомъ и воинственномъ башкирскомъ племени сохранились въ Зауральѣ только жалкіе островки башкирскаго населенія да башкирскія названія русскихъ селъ, урочищъ, рѣкъ и озеръ.

Май былъ на исходѣ, и весна разливала кругомъ свои чудеса со сказочною щедростью. А давно ли все кругомъ было мертво, какъ пустыня. Долго хмурится апрѣльское небо и точно не хочетъ улыбнуться первымъ весеннимъ лучомъ; въ засвѣжѣвшемъ упругомъ воздухѣ иногда начинаютъ тихо кружиться пушистыя снѣжники; но весна беретъ свое — на бугровыхъ проталинкахъ зеленой щетиной пробивается первая травка, вездѣ блестятъ на солнцѣ лужи вешней полой воды, сердито и весело буравятъ землю безчисленные ручьи, снѣгъ сползаетъ къ оврагамъ и водоринамъ, пухнетъ, чернѣетъ, покрывается ржавыми пятнами и ледяными кружевами. Дольше всѣхъ не сдается скованная толстымъ льдомъ рѣка, пока наливающаяся въ воздухѣ, томящая весенняя теплынь не выгонитъ поверхъ льда желтыя наледи, промоины и широкія полыньи. Первыми вѣстниками наступающей весны являются грачи, скворцы, жаворонки; за ними прилетаетъ разная водяная птица, какъ только рѣки и озера дадутъ закраины; за водяной птицей летитъ болотная, позже всѣхъ прилетаютъ лѣсныя птицы. Усталыя вереницы пролетаютъ тысячи верстъ, дѣлаютъ короткія становища, кормежки и высыпки, и опять летятъ впередъ, туда, на сѣверъ, гдѣ хмурится низкое небо и въ синеватой мглѣ тонетъ безконечная лѣсная полоса, которая разлеглась широкой зеленой лентой отъ одного океана до другого. Сколько милліоновъ перелетной птицы погибаетъ напрасною смертью въ этотъ длинный путь черезъ моря, горы, пустыни и лѣса! Иная, выбившись изъ силъ, попадала въ море, иная погибла отъ голода, иная сдѣлалась жертвой тѣхъ хищниковъ, которые зорко стерегутъ перелетныя станицы на каждомъ шагу и провожаютъ почетнымъ конвоемъ. И хищная птица, и снѣгъ, и звѣрь, и холодный вѣтеръ, а всѣхъ больше человѣкъ — истребляютъ милліоны беззащитной твари; но могучій инстинктъ сильнѣе всѣхъ этихъ препятствій, и птичья армія каждый годъ съ точностью, которая недоступна даже лучшимъ машинамъ, начинаетъ свое переселеніе, точно двигается впередъ какая-то стихійная сила.

Теперь уральская весна была въ полномъ разгарѣ, и все кругомъ жило какою-то напряженною жизнью. Наперекоръ предсказаніямъ Іосифа-Прекраснаго, Ивану Несчастной-Жизни вдругъ полегчало — это было чудо животворящей весны... Больной могъ сидѣть, ѣлъ и вообще превращался въ здороваго человѣка. Онъ каждый день по нѣскольку разъ обходилъ Татарскій островъ, смотрѣлъ сквозь кусты на знакомый берегъ Исети, на разстилавшіяся родныя поля, тебеньковскую колокольню, и чувствовалъ, какъ по его желтому лицу катились счастливыя слезы, слезы безыменнаго бродяги, который имѣлъ

такое же значеніе въ общемъ строѣ жизни, какъ фальшивый двугривенный или письмо, отправленное по почтѣ безъ адреса. Но вѣдь и онъ, Иванъ Несчастной-Жизни, могъ, сколько душѣ угодно, слушать, какъ по ночамъ жалобно курлыкали журавли, бродившіе по тебеньковскимъ пашнямъ, какъ на зарѣ кричали на Исети своимъ дикимъ крикомъ лебеди, какъ куковала гдѣ-то далеко-далеко сирота-кукушка; могъ смотрѣть, какъ надъ деревней, надъ полями, надъ рѣкой широкимъ винтомъ поднимались злые коршуны, зорко выглядывавшіе свою добычу. На Татарскомъ островѣ тоже день-деньской кончивалась разная птичья мелюзга, заливаясь своими пѣснями; ласточки, синички, малиновки, черемушники гнѣздились въ кустахъ; по песчаной отмели проворно бѣгали черныши-бекасы и сѣрые зуйки, граціозно покачиваясь на своихъ тонкихъ, какъ проволока, ножкахъ; въ прибрежномъ камышникѣ было два утиныхъ гнѣзда, въ осокѣ по ночамъ долго скрипѣлъ коростель. У Іосифа-Прекраснаго была вся птица на счету, какъ у хорошаго хозяина; лѣтныя не трогали птицы.

— Это господамъ забава—беззащитную тварь бить,—любилъ разсуждать Іосифъ-Прекрасный, сидя у огонька. — Птица-то проснется и сейчасъ Бога славитъ—вотъ ты на нее и гляди, что она названіемъ-то птица. Звѣрь—тотъ не умѣетъ угодить Богу, потому, какая у него пѣсня: либо завоетъ, либо залаетъ, либо захрюкаетъ, а птица на всѣ голоса выводитъ. Птица, братъ, вольная тварь—первая родня нашему брату, лѣтному... Ее Господь умудряетъ за ея простоту, потому она и мѣсто свое знаетъ лучше другого человѣка — самая махонькая птичка, и та вѣдь какъ знаетъ. Нѣтъ, ее, братъ, не обманешь. Кому, значитъ, что дано: одному такая часть, другому другая; а мѣсто у каждаго свое должно быть; ну, его къ этому самому мѣсту и волокетъ, потому какъ божеское произволенье...

Дѣйствительно, между перелетной птицей и лѣтнымъ существуетъ роковая аналогія: та же стихійная тяга къ своему мѣсту, тѣ же становища, высыпки, кормежки, съ тою разницей, что для каждаго лѣтнаго опасность этого рокового пути удесятеряется тысячью препятствій спеціально-человѣческаго существованія. Самая хитрая и вороватая птица, по сравненію съ самымъ простымъ и глупымъ человѣкомъ, является полнѣйшимъ ничтожествомъ и выкупаетъ свое глупое птичье существованіе только колоссальной плодливостью; параллельно съ этимъ, и опасности птичьяго перелета въ милліонъ кратъ меньше того, что выносятъ лѣтные. Мы приведемъ только страшную цифру ежегодно ссылаемыхъ въ Сибирь въ каторгу и на поселеніе, именно 15.000 человѣкъ, и такъ идетъ изъ года въ годъ; а между тѣмъ, изъ всѣхъ ссыльныхъ, по вычисленіямъ сибирской статистики, въ Сибири остается всего 5%... Куда же дѣваются остальные 95%? Мы можемъ сказать утвердительно, что большинство бѣжитъ... И если первый путь въ Сибирь является специфическимъ русскимъ via dolorosa, то этотъ *второй*, обратный путь является безпримѣрнымъ явленіемъ, получающимъ, благодаря своей численности, правильности и постоянству, глубокое историческое значеніе. И такъ каждый годъ, точно льется широкая рѣка...

Въ общемъ, лѣтные—самый жалкій и забитый народъ, такъ что въ деревняхъ ихъ не боится никто. Встрѣчаясь на дорогѣ съ проѣзжающими, бродяги еще издали снимаютъ шапки, кланяются и — самое большое—попросятъ хлѣба. Среди сельскаго населенія у бродягъ создалась извѣстная репутація, которою всѣ они страшно дорожатъ. Мы отмѣтимъ здѣсь тотъ знаменательный фактъ, что едва ли гдѣ-нибудь такъ хорошо относятся къ бродягамъ, какъ въ богатомъ Зауральѣ. Въ коренной Сибири бродягъ недолюбливаютъ, называютъ

обидным именем „варнаковъ“ и эксплоатируютъ всякими способами; въ свою очередь, бродяги ненавидятъ желторотыхъ сибиряковъ и называютъ ихъ „челдонами“. Зато въ Зауральѣ имъ настоящій отдыхъ; а рѣка Исеть представляетъ собою настоящій бродяжническій трактъ. Бѣглыхъ вы здѣсь встрѣтите на каждомъ шагу, и это самый безвредный народъ, несмотря на тѣ страшныя преступленія, за которыя нѣкоторые изъ нихъ пошли въ Сибирь. Здѣсь самъ собой выступаетъ вопросъ о преступленіи и наказаніи, и важно то, какъ онъ разрѣшается людьми образованными и народомъ. Не безнадежная испорченность или неисправимо-злая воля толкаетъ большинство преступниковъ на путь преступленія, а сцѣпленіе роковыхъ случайностей, которыми такъ богата на каждомъ шагу наша русская жизнь... Только крайнее меньшинство лѣтныхъ, именно лѣтные-разбойники, представляются исключеніемъ изъ общаго правила, и къ нимъ примѣнима тяжелая кара закона. Какая масса никому ненужныхъ страданій устранилась бы сама собой, если бы, съ одной стороны, русская жизнь поменьше создавала роковыхъ случайностей, а съ другой—наши слѣдователи, судьи, прокуроры и присяжные умѣли и могли отличить дѣйствительно несчастнаго преступника отъ закоренѣлаго злодѣя. Простой народъ понялъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ съ присущимъ ему здравымъ смысломъ: женская рука, которая каждый вечеръ кладетъ на полочку къ окну кусокъ хлѣба лѣтному, въ этомъ простомъ человѣческомъ движеніи неизмѣримо чище и выше всѣхъ мудрыхъ и сильныхъ.

Намъ нужно сдѣлать оговорку, именно, что не слѣдуетъ смѣшивать лѣтныхъ разбойниковъ и лѣтныхъ бродягъ. Разбойники держатся особнякомъ, какъ своего рода аристократія, и „работаютъ“ каждый въ свою голову. Это слишкомъ сильный народъ для стаднаго образа жизни, притомъ разбойники всегда стараются замаскировать себя: купцомъ, писаремъ, солдатомъ, мужикомъ и т. д. Лѣтные бродяги совсѣмъ другое дѣло: они являются подъ своимъ собственнымъ именемъ: бродяга, такъ бродяга...

IV.

При помощи дяди Листара, у лѣтныхъ быстро завязались правильныя сношенія съ деревней. Первымъ отправился въ Тебеньково, конечно, Іосифъ-Прекрасный и первымъ дѣломъ зашелъ въ кабакъ къ Родькѣ Безпалому, гдѣ его уже поджидалъ дядя Листаръ. Кабакъ стоялъ на выѣздѣ; вывѣской ему служила прибитая къ коньку и давно порыжѣвшая елка.

— Добро пожаловать...—здоровался Безпалый, разглядывая Іосифа-Прекраснаго своими быстрыми, совсѣмъ круглыми глазами. — Сусѣди, видно, будемъ?

Безпалый засмѣялся жиденькимъ, тонкимъ смѣхомъ, который ужъ совсѣмъ не шелъ къ его толстому брюху и широкому, лоснившемуся бородатому лицу; свое прозвище онъ получилъ за отрѣзанные на лѣвой рукѣ два пальца.

— У генерала Кукушкина служитъ въ полку...—поддерживалъ веселый тонъ сидѣльца дядя Листаръ.—Дай-ка намъ чего потеплѣе, чтобы добрымъ людямъ завидно было.

Кабакъ помѣщался въ обыкновенной крестьянской избѣ, а для удобства посѣтителей, дверь была продѣлана прямо на улицу. Несмотря на то, что, по лѣтнему времени, дверь стояла настежь, въ кабакѣ было темно, особенно, когда войдетъ человѣкъ съ улицы. Страшная грязь, вонь, избитый, какъ въ конюшнѣ, полъ, грязная стойка, грязные стаканчики изъ пузыристаго мутнаго стекла и у стѣны грязная лавка, на которой сидѣли посѣтители... Чаще другихъ бывалъ

здѣсь, конечно, дядя Листаръ: охотникъ онъ былъ выпить, особенно на чужой счетъ, такъ какъ свои деньги не держались у старика. „Не съ деньгами жить-то, а съ добрыми людьми...“—говорилъ дядя Листаръ, подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ.

— Мимо меня лѣтные-то не проходятъ,—говорилъ Безпалый, когда Іосифъ-Прекрасный спросилъ для куражу цѣлый полуштофъ. — Охъ, много ихъ идетъ изъ Сибири... Ну, съ устатку и завернутъ къ Родькѣ нутро поправить. Тоже назябнутся да наголодаются, да натерпятся всякой муки-мученицкой, оно живого человѣка и тянетъ къ теплу... Другому и такъ подашь стаканчикъ.

— Изъ сливокъ *),—поправилъ дядя Листаръ.

— Всяко бываетъ... другой разъ цѣльнаго отломишь.

Въ кабакѣ Безпалаго Іосифъ-Прекрасный познакомился съ разными тебеньковскими мірянами, и все оказался народъ самый хорошій: два брательника Гущиныхъ, рыжій и весноватый Миронъ-кузнецъ, облерганный и забитый мужичонка Сысой, два Гаврилы, степенный и обстоятельный мужикъ Кондратъ и т. д. Сначала мужики немного косились на Іосифа-Прекраснаго, а потомъ разговорились, и только одинъ Кондратъ, засунувъ руку за опояску, загадочно улыбался въ свою окладистую русую бороду.

— Какъ съ вами быть-то: живёте пока...—говорилъ кузнецъ Миронъ, а ему возражали другіе мужики.—Кругомъ лѣтные перебиваются по лѣтамъ: кто по покосахъ по избушкамъ, кто себѣ балагушку пригородитъ.

— Лѣтные, какъ комары: до осени...—смѣялся Родька Безпалый.—Первымъ снѣжкомъ ихъ, какъ метлой, вымететъ. Всѣ въ Шадрипомъ будутъ... Угодникъ на угодникѣ: Елкинъ, Кустовъ, Колыновъ—не найти концовъ.

Мужики добродушно смѣялись надъ лѣтными, выпили лишній стаканчикъ по такому случаю, и знакомство завязалось.

— Вотъ какъ насчетъ бабъ?..—замѣтилъ Кондратъ въ самый разгаръ бесѣды.—Лѣтняя пора—и за грибами и за ягодами ходятъ... Чтобы неустойки не вышло какой.

Іосифу-Прекрасному ничего не оставалось, какъ божиться и клясться, что они и близко къ бабамъ не подойдутъ, что имъ это самое дѣло наплевать, а ужъ если такая нужда застигнетъ, такъ и Шадринскъ не за горами—тамъ этого харчу сколько угодно. Дядя Листаръ кусалъ свою бороду и ничего не говорилъ, потому что настоящему мужику не хорошо болтать о такомъ пустомъ предметѣ—ему даже было немножко совѣстно за степеннаго Кондрата, которому не слѣдовало себя срамить. Эка невидаль—бабы!.. Ужъ тутъ что ни говори, а если тебеньковскія бабенки гуляютъ со своими парнями, такъ будутъ и съ лѣтными гулять: солдатка Степанька, кривая вдова Фимушка, замотавшаяся дѣвка Улита, да мало ли ихъ наберется по деревнямъ?

За Іосифомъ-Прекраснымъ къ Безпалому пришелъ Филиппъ Переметъ и сразу понравился всѣмъ, потому видно, что обстоятельный человѣкъ: напрасно слова не молвитъ и компанію поддержать можетъ. Особенно близко Переметъ сошелся съ кузнецомъ Мирономъ, потому что и самъ близко зналъ всякую кузнечную работу.

Одинъ Иванъ Несчастной-Жизни оставался все еще на Татарскомъ островѣ, потому что едва ходилъ, да и то задыхался черезъ каждые десять шаговъ. Отъ-нечего-дѣлать онъ городилъ вмѣстѣ съ Іосифомъ-Прекраснымъ

---

*) *Сливками* называютъ въ деревенскихъ кабакахъ недопитые остатки, которые изъ стакановъ и шкаликовъ сливаются въ особую посудину.

лѣтній балаганъ, въ которомъ можно было скрыться, по крайней мѣрѣ, отъ дождя.

Первыми на Татарскій островъ явились деревенскіе бѣлоголовые ребятишки; они сначала наблюдали лѣтнихъ съ берега и только потомъ рѣшились переправиться на островъ. Это были самые бойкіе изъ всей деревенской дѣтворы: Семка, сынишка старшаго брательника Гущина, Авдошка Сысойкинъ, Кулка Родькинъ, и съ ними же привязалась семилѣтняя дѣвчурка Сонька. Мальчишки совсѣмъ не замѣтили, какъ она перебрела за ними черезъ рѣку на островъ, и были очень сконфужены ея обществомъ.

— Сонька, подь домой... прибьемъ!..—кричалъ Кулка, первый озорникъ.—Ишь, сопливая, туда же за ребятами...

Онъ схватилъ дѣвочку за тонкое плечо и больно ее толкнулъ. Сонька заревѣла, но за нее вступился Іосифъ-Прекрасный, умѣвшій ладить съ ребятишками.

— Не трожь ее, ребята,—говорилъ онъ буянамъ.—Ты чья будешь, дѣвонька, а?.. Ахъ, ты, зелена муха...

— Ое...ое...кли-и...стина,—всхлипывая и закрывъ лицо руками, отвѣтила Сонька.—Къ мамкѣ хочу...

Дѣвочка опять расплакалась. Но Іосифу-Прекрасному не стоило особеннаго труда утѣшить ее: онъ посадилъ Соньку къ себѣ на колѣни и принялся выдѣлывать на губахъ такія трели, что дѣвочка сейчасъ же засмѣялась чистымъ и довѣрчивымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Иванъ лежалъ въ балаганѣ и видѣлъ всю сцену: имя Ѳеклисты заставило его вздрогнуть; но онъ не вышелъ изъ балагана и только издали разглядывалъ бѣлокурую головку дѣвочки съ заплаканными глазами. Сонька была въ одной старой выбойчатой рубашонкѣ, открывавшей до самыхъ колѣнъ исцарапанныя, желтыя отъ грязи и загара ноги; на спинѣ у нея болталась скатавшаяся косичка; тонкая шея была совсѣмъ коричневая, лицо запачкано, и только одни глаза, какъ двѣ звѣздочки, сіяли тихимъ, яснымъ взглядомъ.

Эта дѣтвора быстро освоилась на Татарскомъ островѣ и съ дѣтскимъ эгоизмомъ одолѣвала Іосифа-Прекраснаго тысячью просьбъ: наладить удочки, поймать птаху, поиграть на губахъ, вырѣзать пикульку помудренѣе, разсказать сказку пострашнѣе. Перемета и Ивана ребята боялись и только съ любопытствомъ поглядывали на нихъ издали. Угождая ребятишкамъ, Іосифъ-Прекрасный черезъ нихъ быстро разузналъ всю подноготную Тебеньковой: какой попъ, кто богатые мужики, какой писарь, когда лѣтные проходили и т. д.

Изъ мужиковъ раньше другихъ пришли брательники Гущины, здоровые и молчаливые мужики, про которыхъ шла не совсѣмъ хорошая молва, особенно про большака: знались брательники съ башкирскими конокрадами и съ трактовыми ворами, пошаливавшими на шадринскомъ трактѣ. Гостей лѣтные угощали водкой.

— Ничего, славно здѣсь у васъ,—говорилъ меньшакъ Гущинъ, заглядывая въ балаганъ къ Ивану.—Лѣтомъ-то даже очень любопытно... тоже вотъ балагушку приспособили. Ну, Иванъ, какъ ты здоровьемъ-то?

— Да ничего... полегчало будто.

— Чердынскій, говоришь?

— Съ той стороны...

— Та-акъ,—недовѣрчиво протянулъ меньшакъ и перегляшулся съ большакомъ.—Только говорьё-то у тебя не подходитъ маненько...

— Смѣшались мы говорьемъ-то...—подхватилъ Іосифъ-Прекрасный, желая выручить товарища.—Въ острогѣ-то всякаго жита по лопатѣ наберется,—ну, какое ужъ тамъ говорье.

Послѣ Гущиныхъ приходилъ кузнецъ Мирошъ, Сысой, и даже заглянулъ степенный Кондратъ, обнюхавшій весь островъ. Лѣтные принимали всѣхъ мужиковъ одинаково и всѣхъ угощали водкой. Водка выпивалась исправно, и мужики повторяли: „ничего, живите пока“. Дядя Листаръ, конечно, навѣдывался чаще другихъ и самъ припрашивалъ водки. Пьяный, онъ разбалтывалъ все, что говорятъ въ деревнѣ мужики относительно лѣтныхъ.

— Тебѣ бы, Иванъ, показаться въ деревнѣ-то...—совѣтовалъ старикъ.— А то сумлѣваются мужики-то... Конечно, по глупости по ихней,—не понимаютъ, что хворый человѣкъ... Заверни, какъ ни на есть, къ Родькѣ, только и всего. Поглядятъ и отстанутъ... дураки, одно слово.

Иванъ такъ и сдѣлалъ—сходилъ въ кабакъ показаться тебеньковскимъ мужикамъ, и этимъ устранились всѣ подозрѣнія: его никто не узналъ, да онъ и самъ себя, вѣроятно, не узналъ бы—такъ болѣзнь его перевернула.

— Обличьемъ-то ровно бы ты на одного нашего мужичка подходишь...— замѣтилъ одинъ Родька Безпаловъ, вглядываясь въ Ивана.— Брательныи тутъ у насъ были, Егоръ да Иванъ; еще неустойка у нихъ тутъ большая вышла: Иванъ-то порѣшилъ Егора, топоромъ зарубилъ.

— Бываетъ...—глухо соглашался Иванъ, желая сохранить спокойствіе:— мало ли человѣкъ на человѣка походитъ. Въ чужую скотину вклеиваются.

— Да вѣдь я такъ, къ слову сказалъ.

Иванъ произвелъ на тебеньковскихъ мірянъ извѣстное впечатлѣніе, какъ человѣкъ особенный и ужъ совсѣмъ не чета Іосифу-Прекрасному. Мужики умѣютъ сразу опредѣлить новаго человѣка по самымъ ничтожнымъ признакамъ, и въ этомъ случаѣ не ошиблись. Иванъ рѣзко выдѣлялся своей спокойной увѣренностью, извѣстнымъ мужицкимъ тактомъ, и особенно тѣмъ, что умѣлъ быть самимъ собой. Онъ не заискивалъ, не поддѣлывался подъ чужой тонъ, а держался просто, какъ всякій другой мужикъ. Иванъ отлично понималъ, что, какъ бы хорошо къ нему ни относились тебеньковскіе мужики, для нихъ онъ отрѣзанный ломоть, чужой человѣкъ, котораго терпятъ изъ милости, и что при первомъ „поперечномъ“ словѣ его выгонятъ въ шею. Эта мужицкая милость была ему тяжела, какъ медвѣжья лапа, которая можетъ раздавить каждую минуту. Однимъ словомъ, онъ какъ-то сразу не взлюбилъ этихъ тебеньковскихъ мужиковъ, которые могутъ такъ свободно расхаживать у себя по деревнѣ, заходить къ Безпалову и вообще держать себя совсѣмъ независимыми людьми. А главное, что имъ отъ него нужно: бродяга, и конецъ дѣлу.

По вечерамъ на Татарскомъ островѣ часто собиралась цѣлая компанія, особенно „частили“ брательники Гущины, приносившіе съ собой свою водку. Около огонька просиживали до зари и болтали о разныхъ разностяхъ, причемъ лѣтные разузнавали все, что имъ нужно было знать: какіе и когда лѣтные прошли черезъ Тебеньково, кто содержится въ шадринскомъ острогѣ, кто изъ лѣтныхъ перебивается по окрестнымъ деревнямъ, на покосахъ въ избушкахъ, какія партіи прошли въ Сибирь и т. д. Центромъ этихъ извѣстій служилъ кабакъ Родьки Безпалова, куда захаживали почти всѣ бѣглые.

— А сколько знакомыхъ наберется, зелена муха,—умилялся Іосифъ-Прекрасный, перебирая клички лѣтныхъ.—Только вотъ этихъ Елкиныхъ да Ивановъ-Непомнящихъ больно ужъ много развелось, и не разберешь.

Когда компанія развеселялась, Іосифъ-Прекрасный затягивалъ сибирскую острожную пѣсню, которая обошла, кажется, всю Россію:

Какъ по рѣчкѣ, по быстрой,
Становой ѣдетъ приставъ...

Охъ, горюшко-горе,
Великое горе!..
А съ нимъ письмоводитель—
Страшенный грабитель.
Охъ, горюшко-горе,
Великое горе!..
Ъдутъ по великому дѣлу:
По мертвому тѣлу..

Голосъ у Іосифа-Прекраснаго былъ высокій, нѣжный, какъ поютъ одни нижегородцы, и онъ выводилъ заунывныя рулады съ особеннымъ усердіемъ, а остальные подхватывали припѣвъ, такой же печальный и тяжелый, какъ непривѣтлива необозримая Сибирь съ ея тайгой, болотами, степями, снѣгами, пустынными рѣками и угрюмымъ населеніемъ неизвѣстнаго происхожденія.

— Охъ, и люблю я эту пѣсню...—какимъ-то слезливымъ голосомъ признавался дядя Листаръ и всякій разъ лѣзъ цѣловаться съ Іосифомъ-Прекраснымъ.—Огонь по жиламъ идетъ...

— Отцѣпись, зеленая муха!..—протестовалъ Іосифъ-Прекрасный, защищаясь отъ этихъ ласкъ.—Развѣ я дѣвка... тьфу!

V.

У дяди Листара своей избы не было, онъ ее давно промоталъ и жилъ теперь у вдовы Ѳеклисты, которой помогалъ управляться съ хозяйствомъ. Въ кабакѣ Бевпалаго иногда лукаво подмигивали насчетъ отношеній Листара къ Ѳеклистѣ, хотя всѣмъ было хорошо извѣстно, что Ѳеклиста баба строгая и содержитъ себя „матерней вдовой“ крѣпко-накрѣпко. Это была видная, высокая женщина лѣтъ подъ сорокъ, съ загорѣлымъ лицомъ и плоской грудью, какая бываетъ вообще у деревенскихъ бабъ, истомившихся на тяжелой крестьянской работѣ. Ходила Ѳеклиста въ темныхъ ситцевыхъ сарафанахъ или попросту въ изгребномъ синемъ дубасѣ, а голову по-вдовьи прикрывала темнымъ платочкомъ съ бѣлыми горошинами.

Ѳеклиста держала за собой мірскую землю и потому вытягивалась на работѣ, какъ лошадь, чтобы управляться и съ домомъ, и съ пашней, и съ покосомъ. Въ домѣ не было мужика, и Ѳеклиста прихватила дядю Листара, который хотя и пьянствовалъ большую половину года, но все-таки помогалъ въ такую пору, какъ деревенская страда.

— Погоди, вотъ Цимка подрастетъ, тогда не пойду въ люди клапяться,—грозилась Ѳеклиста, когда дядя Листаръ очень ужъ надоѣдалъ ей своимъ пьянствомъ.—Чтой-то и за мужикъ: либо лодарничаетъ, либо въ кабакѣ губу мочитъ... Одно божеское наказанье, а не работникъ.

— Ну, ну, размыргалась...—ворчалъ дядя Листаръ, стараясь куда-нибудь уйти съ глазъ отъ Ѳеклисты.—На свои пьемъ... а работа отъ насъ не уйдетъ, еще почище другого трезваго-то сробимъ.

Съ работой Ѳеклиста кое-какъ справлялась, хотя колотилась, какъ рыба объ ледъ; но ее сокрушало то, что ея вдовьи руки никакъ не доходили до дома—изба и дворъ, все начинало медленно разрушаться, какъ это бываетъ въ захудавшихъ сиротскихъ домахъ. Некому было поправить валившуюся верею, приколотить отставшую „досточку“, наладить расползавшіяся на крышѣ драницы, починить прясло въ огородѣ, а тутъ еще амбарушка покосилась, на сѣновалѣ обвалились стрѣхи и т. д. Мало ли въ крестьянскомъ хозяйствѣ такихъ мелочей, за которыми нуженъ хорошій хозяйскій глазъ, а гдѣ же одной бабѣ управиться? Постоянно болѣло Ѳеклистино сердце отъ этихъ хозяйствен-

ныхъ прорѣхъ по дому, и всѣ надежды возлагались ею на девятилѣтняго Пимку—„вотъ Пимка подрастетъ, тогда все выправимъ“.

У Ѳеклисты послѣ мужа осталось пять человѣкъ дѣтей; но трое умерли: Господь сжалился и прибралъ сиротъ, какъ говорила Ѳеклиста. Оставалось всего двое, мальчикъ и дѣвочка, „красныя дѣтки“, какъ говорятъ крестьяне. Маленькую Соньку мы уже знаемъ, братъ Пимка былъ старше сестры всего года на два, но онъ, какъ всѣ деревенскіе сироты, глядѣлъ гораздо старше своихъ девяти лѣтъ и держался настоящимъ мужикомъ. Съ деревенской дѣтворой онъ почти не связывался совсѣмъ, а больше промышлялъ около дома, помогая матери своими дѣтскими руками. Нужно было видѣть, съ какимъ сердитымъ видомъ онъ ходилъ у себя по двору, когда обряжалъ лошадь, задавалъ скотинѣ корму и вообще хозяйничалъ, какъ настоящій большой мужикъ. Дѣтскіе сѣрые глаза смотрѣли серьезно, говорилъ Пимка мало, съ тѣмъ мужицкимъ тактомъ, чтобы не сказать слова зря, и очень рѣдко улыбался. Сонька, по глупости, еще бѣгала по улицѣ съ другими деревенскими ребятишками, а Пимка только по праздникамъ выходилъ за ворота и то больше смотрѣлъ, какъ играютъ другіе.

— Работника себѣ растишь, Ѳеклистушка, — говорили тебеньковскіе мужики, и эта мужицкая похвала заставляла ее краснѣть. — Славный у тебя парнишка выравнивается, не чета нашимъ-то сорванцамъ.

Всего интереснѣе было, какъ Пимка держалъ себя съ дядей Листаромъ. Когда старикъ приходилъ домой пьяный, мальчикъ дѣлалъ такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ Листара, хотя тотъ изо всѣхъ силъ старался передъ нимъ выслужиться.

— Ишь, опять шары-то (глаза) какъ налилъ, — говорилъ Пимка, смягченный пьяной угодливостью старика.—Добрыхъ людей не совѣстно, такъ хошь бы стѣнъ постыдился, пропащая башка.

— А я, думашь, радъ этому самому вину?—объяснялся дядя Листаръ коснѣющимъ языкомъ. — Да я не знаю, что̀ отъ себя отдалъ бы, чтобы не видать его, вина-то... отрава это нашему брату... Да...

— Никто не неволитъ отраву-то лопать...

— А-ахъ! Ббожже мой!.. Да я... да мнѣ олевать... Трекнусь (отрекусь) отъ водки — и конецъ дѣлу!.. Вотъ какой дядя-то Листаръ, вотъ ты и гляди.

— Какъ же, сказывай, трекнулся... такой и человѣкъ,—съ невыразимымъ презрѣніемъ говорилъ Пимка.

Ѳеклиста часто посмѣивалась про себя, слушая откуда-нибудь изъ-за косяка, какъ Пимка доѣзжаетъ пьянаго Листара, точно комаръ, который жужжитъ надъ одурѣвшей отъ лѣтняго жара скотиной. Но это была одна видимость, а въ сущности Пимка и Листаръ были большіе друзья, и Пимка больше льнулъ къ пьяному мужику, чѣмъ къ матери, перенимая отъ него всякую мужицкую ухватку. Дядя Листаръ по-своему очень любилъ „мальца“ Пимку и училъ его всякому мужицкому дѣлу, какъ по дому, такъ и въ полѣ. За это пьяницѣ Листару спускалось Ѳеклистой очень многое, хотя она не одну сотню разъ клялась выгнать его изъ избы.

Извѣстіе о лѣтныхъ, засѣвшихъ на Татарскомъ островѣ, въ избу Ѳеклисты принесла бѣлоголовая Сонька, а потомъ дядя Листаръ. Ѳеклиста отнеслась къ этому событію совершенно равнодушно, потому что мало ли лѣтныхъ бредетъ по Исети каждое лѣто.

— Поживутъ да и уйдутъ...—говорила Ѳеклиста съ сосѣдками, забѣгавшими подѣлиться деревенской новостью.

— Двое-то были въ кабакѣ у Безпалова, — тараторили бабенки передъ

Ѳеклистой.—А третій, баютъ, хворый лежитъ; Гущины пирога съ морковью послали, молодайка-то, которая за Митреемъ.

Но потомъ къ Ѳеклистѣ зашла Степанида Обросимовна, жена богатаго мужика Кондрата, и засидѣлась дольше обыкновеннаго. Правда, старуха закинула какое-то задѣлье, но Ѳеклиста сердцемъ почуяла, что Степанида Обросимовна не сироста раздабариваетъ съ ней о разныхъ пустякахъ. Да и какая у нихъ компанія: семья Кондрата богатая, а Ѳеклиста — бѣдная. Конечно, и раньше Степанида Обросимовна не брезгала Ѳеклистиной бѣднотой, потому какъ еще со стариками дружила сильно, ну, а все-таки недаромъ накинула она на себя простоту. Только когда „вѣжеватая" и степенная старуха заговорила о лётныхъ, Ѳеклиста поняла сразу, куда гнула она, и ее точно что̀ укололо въ самое сердце.

— Это ты насчетъ нашего-то Ивана рѣчь закидываешь? - предупредила Ѳеклиста вопросъ.

— Нѣтъ, я такъ, къ слову молвила. Можетъ, и вашъ-то Иванъ тоже съ лётными гдѣ-нибудь бродяжитъ.

Этотъ же разговоръ повторился съ Аксиньей, женой кузнеца Мирона; потомъ съ сосѣдкой Фролихой, у которой двое сыновей было въ солдатахъ, со стряпкой попа Ампадиста, Егоровной, съ полюбовницей волостного писаря Калиныча, извѣстной въ Тебеньковой подъ именемъ Лысанки, потому что она зачесывала свои рыжіе волосы назадъ, по-городскому.

„Да что̀ онѣ, въ самомъ дѣлѣ, пристали ко мнѣ, верченыя? — раздумалась Ѳеклиста не на шутку и даже всплакнула про себя.—Дался имъ этотъ Иванъ... Можетъ, и бродяжитъ, я почемъ знаю!.."

Но, какъ ни старалась Ѳеклиста отогнать безпокоившія ее мысли,—онѣ лѣзли ей въ голову, какъ лѣтній оводъ.

Разыгравшаяся въ семьѣ Корневыхъ тяжелая драма была очень несложнаго характера, какъ всѣ крестьянскія драмы.

Ѳеклиста выросла въ сиротствѣ и была единственной дочерью Никитичны, больной старухи, изморившейся на работѣ по чужимъ людямъ. Эта Никитична всегда на что-нибудь жаловалась, и не проходило дня, чтобы не попрекнула свою дочь, что вотъ другимъ Богъ посылаетъ же парней, а у нея всѣхъ-на-всѣхъ одна дѣвка. Ну, куда дѣвку повернешь? Корми и воспитывай, а потомъ, глядишь, дѣвка и улетѣла. Чужой товаръ эти дѣвки, и больше ничего.

— Вонъ у Корневыхъ двухъ сыновей растятъ, замѣна будетъ старикамъ-то,—жаловалась Никитична и тяжело вздыхала.

Корневы были сосѣди. Семья у нихъ была небольшая, но достаточная,— мужъ съ женой, старикъ, дѣдушка Аѳоня (по деревенскому прозвищу: Корень) и двое ребятишекъ: Егоръ да Иванъ. Дѣти маленькими выросли вмѣстѣ, на одной деревенской улицѣ, и Ѳеклиста часто бывала у Корневыхъ. Когда она сдѣлалась подросткомъ, меньшакъ Иванъ былъ уже шестнадцати лѣтъ. Дѣтское знакомство перешло въ привязанность, а затѣмъ въ болѣе сильное чувство. Часто имъ приходилось вмѣстѣ и работать, и хороводы водить, и на супрядкахъ сидѣть. Ѳеклиста была смирная и работящая дѣвка, а къ шестнадцати годамъ она расцвѣла тѣмъ трудовымъ здоровьемъ, какое Богъ посылаетъ иногда сиротамъ. Красива она не была, но деревенскіе парни не обѣгали ея своимъ вниманіемъ, и Ѳеклиста износила много синяковъ отъ деревенскихъ кавалеровъ, какъ и они отъ нея. Иванъ Корневъ былъ все-таки на особомъ счету, и деревенскія свахи въ одинъ голосъ повторяли, что быть Ѳеклистѣ за Иваномъ Корневымъ. То же думали и сама Ѳеклиста и старая Никитична,

хотя послѣдняя и любила поговорить, что Корневы найдутъ невѣсту побогаче Ѳеклисты.

Корневы, дѣйствительно, заслали къ Никитичнѣ сватовъ, только присватались за большака Егора, а не за Ивана. Взвыла и забунтовала Ѳеклиста на первыхъ порахъ, не хотѣлось итти за немилаго, но ничего не подѣлаешь— старики столковались между собой, и Ѳеклисту никто не спрашивалъ: хочетъ она итти за Егора или нѣтъ. Корневымъ нужна была въ домъ хорошая работница, потому что сама старуха начала сильно прихварывать и не успѣвала справляться съ хозяйствомъ. Такъ и вошла Ѳеклиста въ новый домъ, и сейчасъ же была завалена такой кучей новой работы, что ей даже дохнуть некогда было, не то, что раздумывать о своемъ миломъ. Однихъ мужиковъ въ домѣ было четверо, да еще свои дѣти пошли, тутъ приходилось вертѣться колесомъ цѣлые дни напролетъ, какъ работаютъ однѣ деревенскія бабы. Мужъ у Ѳеклисты былъ хорошій, работящій мужикъ, хотя и крутенекъ, особенно подъ пьяную руку.

Иванъ молчалъ и, видимо, старался избѣгать Ѳеклисты, хотя сдѣлать это было и трудно, особенно по зимамъ, когда вся семья скучивалась въ одной избѣ. На счастье или на несчастіе, подвернулась рекрутчина, и Корневымъ приходилось выставлять солдата, а на очереди былъ Егоръ. Вся семья взвыла; у Ѳеклисты уже было двое ребятишекъ, и она ходила по дому съ опухшими отъ слезъ глазами. Крѣпко задумался Иванъ надъ нежданной страшной бѣдой и порѣшилъ итти въ солдаты за Егора—все равно, только бы дальше отъ Ѳеклисты. Когда онъ объявилъ свое рѣшеніе семьѣ,—первая, съ воемъ и причитаньемъ, повалилась ему въ ноги Ѳеклиста вмѣстѣ съ ребятишками.

— Не для васъ иду, а для себя...—отвѣтилъ Иванъ и даже отвернулся.

Крѣпкій былъ парень этотъ Иванъ, какой-то совсѣмъ особенный противъ другихъ деревенскихъ парней, но, видно, ужъ такая судьба задалась, чтобы быть ему подъ красной шапкой. Такъ онъ и ушелъ на тяжелую солдатскую службу и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ тянулъ свою лямку гдѣ-то въ уѣздномъ городишкѣ. Даже на побывку онъ не ходилъ въ Тебеньково, чтобы напрасно не тревожить себя и Ѳеклисту, а черезъ пятнадцать лѣтъ вышелъ въ чистую, да еще фельдфебелемъ. Дѣдъ Корневъ и старики успѣли къ этому времени умереть, а всѣмъ хозяйствомъ „руководствовалъ“ Егоръ съ Ѳеклистой. Жили они исправно, и Иванъ поселился на первое время у нихъ, потому что куда же солдату дѣваться въ деревнѣ. Дѣло было какъ разъ зимой, работы никакой не было, и Иванъ отдыхалъ послѣ солдатчины, да, сказать правду, онъ и отвыкъ за время службы отъ тяжелой крестьянской работы. Сначала все шло хорошо, Егоръ былъ радъ благополучно вернувшемуся брату, пока кто-то не намекнулъ ему на прежнія отношенія Ивана къ Ѳеклистѣ. Однимъ словомъ, между братьями пробѣжала черная кошка, хотя оба молчали и старались не подать виду.

Какъ теперь Ѳеклиста помнитъ тотъ роковой день, когда корневскій домъ пошатнулся до основанія и она осталась вдовой съ пятью ребятишками на рукахъ. Это было въ воскресенье, сейчасъ послѣ зимняго Николы. Братья, оба, только-что пришли отъ обѣдни, и Ѳеклиста подала имъ горячій пирогъ съ соленымъ максуномъ. Егоръ что-то былъ не въ духѣ и все косился на брата.

— Ты что это на меня такъ глядишь?—спросилъ наконецъ Иванъ.

— А то и гляжу, что мастеръ ты, Иванъ, чужой хлѣбъ ѣсть,—отрѣзалъ Егоръ, да еще прибавилъ:—работы пока отъ тебя не видали, а за столъ садишься первый...

Это несправедливое слово обожгло Ивана, какъ огнемъ, но онъ сдержался и промолчалъ. Егоръ не унимался и началъ прямо ругаться. Между братьями завязалась тяжелая мужицкая ссора. Слово за слово, а потомъ ссора перешла въ драку. Ѳеклиста бросилась-было разнимать братьевъ, но Иванъ успѣлъ схватить лежавшій подъ лавкой топоръ и раскроилъ имъ черепъ брательнику.

Дальше все было въ какомъ-то туманѣ: слѣдствіе, судъ, потомъ каторга. Корневскій домъ однимъ ударомъ точно раскололся на-двое: большакъ Егоръ убитъ, меньшакъ Иванъ ушелъ въ Сибирь, а Ѳеклиста опять осталась сиротой, и не одна, а съ кѣлой оравой ребятъ.

— Прости меня, ради Христа, Ѳеклиста...—повалился Иванъ въ ноги снохѣ, когда его съ партіей отправляли по этапу.—Бѣсъ попуталъ...

— Богъ проститъ, Иванушка...—глотая слезы, отвѣтила Ѳеклиста. Она не жаловалась, не плакала, а точно вся застыла.

Съ тѣхъ поръ объ Иванѣ не было ни слуху ни духу.

VI.

Разговоры тебеньковскихъ бабъ растревожили Ѳеклисту, и она начала чего-то бояться, хотя сама не знала, чего. Даже работа валилась у нея изъ рукъ, а по ночамъ она тяжело стонала.

Дядя Листаръ часто возвращался домой поздно ночью и, чтобы не тревожить Ѳеклисты, уходилъ въ старую избу, гдѣ раньше по зимамъ держали телятъ. Разъ, проснувшись ночью, Ѳеклиста услыхала, что въ задней избѣ какъ будто кто-то потихоньку разговариваетъ. Она сначала подумала, что это бормочетъ Листаръ самъ съ собой, но потомъ ее взяло большое сомнѣніе — пьяный человѣкъ, приведетъ кого-нибудь съ собой; пожалуй, еще избу подпалятъ съ пьяныхъ-то глазъ.

— Пьянчугу какого-нибудь привелъ, кривой песъ...—ругалась Ѳеклиста, направляясь въ сѣни.

Дѣйствительно, въ задней избѣ разговаривали двое—одинъ голосъ былъ Листаровъ, а другой... Прислушавшись, Ѳеклиста вся вздрогнула и едва устояла на ногахъ: она узнала голосъ Ивана. Да, это былъ онъ, Иванъ... Ѳеклиста нѣсколько разъ уходила изъ сѣней въ свою избу и пробовала даже уснуть, но тутъ было не до сна, и она рѣшилась наконецъ войти къ Листару.

— Ты что это полуночничать-то вздумалъ?—сердито заговорила Ѳеклиста, отворяя дверь въ заднюю избу.—Нѣтъ тебѣ, пьяницѣ, дня-то?..

— Вѣдь встала-таки, учуяла-таки... а?..—удивился дядя Листаръ, стараясь загородить локтемъ стоявшую на лавкѣ посудину съ водкой.—Ну, чего ты приплела? чего не видала?.. Думаешь, больно испугались?.. Вотъ сидимъ и водку пьемъ... а?.. Шла бы ты лучше, Ѳеклиста, да спала бабьимъ дѣломъ...

— Не мели, мелево... Здравствуй, родимый,—поздоровалась она съ Иваномъ Несчастной-Жизни, который сидѣлъ у окна.—Съ острову, видно?

— Съ острову... лѣтный,—глухо отвѣтилъ Иванъ и какъ-то весь побѣлѣлъ, точно его ударило чѣмъ прямо въ сердце.

— Дружокъ мой!—объяснялъ дядя Листаръ, ожидавшій отъ Ѳеклисты большаго гоненія.—Я самъ, Ѳеклиста, опять бродяжить пойду... вѣрно!.. Да ты это что, Иванъ, помучнѣлъ весь?..

— Такъ... неможется все... ослабѣлъ я...

— И то отъ хвори... это бываетъ.

— Дальній будешь?—спрашивала Ѳеклиста, чтобы вывести лѣтнаго изъ неловкаго положенія.

— Не такъ, чтобы очень... а порядочно-таки...—замялся Иванъ.

— Такъ онъ тебѣ и сказалъ, Ѳеклиста... какъ же!.. — бормоталъ дядя Листаръ, болтая головой.—Хошь стаканчикъ колупнуть бы за компанію?

— Отстань... Не привыкла я зря вино-то изводить, да и какая-такая радость у тебя, Листаръ, чтобы виномъ-то наливаться?

— Вотъ и пошла взъѣдаться... Ступай спать, Ѳеклиста, ей-Богу...

Изба была освѣщена сальнымъ огаркомъ, и въ первую минуту Ѳеклиста не могла узнать Ивана и даже подумала, что ей просто „поблазнило“ со сна. Но, вглядѣвшись въ сидѣвшаго у окна лѣтнаго, она больше не сомнѣвалась—это былъ Иванъ, только такой худой, желтый,—краше въ гробъ кладутъ. На немъ былъ надѣтъ подержаный чекмень; на лавкѣ лежала войлочная шляпа, какую носятъ мужики. У Ѳеклисты весь страхъ какъ рукой сняло, когда она увидѣла Ивана,—не прежняго молодого Ивана, а вотъ такого больного и жалкаго. Только одни темные глаза у него свѣтились попрежнему: „ндравный“ былъ человѣкъ, „карахтерный“.

— А ты бы, Листаръ, еще полштофчикъ выправилъ... — говорилъ бродяга, приглядывая пустую посудину къ свѣту.—Вотъ и деньги...

— Но-оо? И то выправлю... Поди, спитъ Безпалый-то, дьяволъ, да я у него изъ горла выну.

Дядя Листаръ полетѣлъ въ кабакъ, какъ былъ — безъ шапки, на босу ногу и въ одной рубахѣ. Въ избѣ нѣсколько времени длилось тяжелое молчаніе.

— Узнала?—первымъ спросилъ Иванъ.

— Узнала, родимый, по голосу узнала и до смертушки устрашилась, а взглянуть на тебя охота. Охъ! Страсть-то какая!.. Да и передъ Листаромъ-то боялась ошибиться, больно ужъ онъ на языкъ-то слабъ... Не узпали тебя наши-то... деревенскіе?

— Нѣтъ, Безпалый маненько вклепался-было, да потомъ отсталъ... Да и гдѣ узнать: мало ли нашего брата, лѣтныхъ, въ кабакѣ у него перебываетъ за лѣто!

— Узнаютъ, родимый, безпремѣнно узнаютъ...

— Ну, и пусть узнаютъ: все мнѣ едино... Убѣгъ, и все тутъ.

Ѳеклиста продолжала смотрѣть на него пристальнымъ, упорнымъ взглядомъ и не замѣчала, какъ по ея загорѣлому лицу катились крупныя слезы.

— Ну, перестань ревѣть, Ѳеклиста... — сурово оговорилъ ее Иванъ. — Дѣло надо говорить... Не прогонишь меня-то?

— Чего мнѣ тебя гнать-то, Иванушка: самъ уйдешь... Не таковское твое дѣло, чтобы разживаться въ деревнѣ-то... Царица небесная, заступница, вотъ какъ довелось свидѣться-то! То-то у меня все сердечушко истосковалось да исщемилось... бабы все тутъ болтали про лѣтныхъ, а на меня тоска напала, страхъ, сама не своя стала. Вотъ и теперь... поговорить бы надо, а въ головѣ-то все измѣшалось...

— Второй разъ я убѣгъ съ каторги-то... — говорилъ Иванъ, опустивъ голову.—Въ первый-то разъ смѣнялся за пять цѣлковыхъ, ну, да бѣгать еще не умѣлъ—скоро пымали и опять въ острогъ. Непомнящимъ сказался... Иванъ Несчастной-Жизни. До осени проживу на островѣ, а тамъ видно будетъ... Трое насъ.

— Слышала, все слышала...

— Шелъ сюда, думалъ, спокой себѣ найду, а тутъ другое... Не глянутся мнѣ мужики ваши, Ѳеклиста, сейчасъ терпятъ, а чуть что — въ шею...

Пожалуй, не зачѣмъ было бѣжать такую даль... Ну, а ты какъ тутъ живешь?..

— Охъ, не спрашивай: плохое мое дѣло, руки не доходятъ, а помощники-то сами до чужого хлѣба. Видѣлъ Соньку? Ну, Нимка старше будетъ года на два, а другихъ ребятишекъ прихоронила. Охъ, плохо, Иванушка, къ кому это сиротство привяжется: сиротой выросла, сиротой и помру.

Вернувшійся изъ кабака Листаръ прервалъ этотъ разговоръ. Ѳеклиста еще немного посидѣла въ избѣ и собралась уходить.

— Засидѣлась я съ вами, полуночниками,—проговорила Ѳеклиста.—Ты, Листаръ, не гони лѣтнаго-то, пусть переночуетъ въ избѣ али въ сараѣ, коли глянется...

— И то, Иванъ, започуй у насъ, ишь Ѳеклиста-то какъ размякла для тебя... она вѣдь баба добрая, только ругаться больно люта.

— Ну, замололъ!..—остановила его Ѳеклиста.

— Нѣтъ, я на островъ уйду,—рѣшилъ Иванъ.—Еще увидятъ мужики-то, болтать будутъ... Спасибо на добромъ словѣ, Ѳеклистушка.

Дядя Листаръ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, размахивалъ руками и постоянно подмигивалъ своимъ единственнымъ глазомъ. Ивану было не до водки, и Листаръ за разговоромъ пилъ стаканчикъ за стаканчикомъ, облизывался, и наконецъ заявилъ, что онъ самъ уйдетъ въ лѣтные.

— Ей-Богу, уйду, Иванъ!.. — кричалъ онъ и хохоталъ хриплымъ хохотомъ.—Что мнѣ, плевать на все... погуляю еще. У насъ тоже былъ экъ-ту одинъ случай! И смѣху только... Ха-ха!.. По осени какъ-то на трахту ловили бродяжекъ, ну, для порядку, значитъ. Ну, въ одной деревнѣ и имали отставного солдата... Каковъ человѣкъ есть? Ну, обнакновенно: Иванъ-Кругомъ-Шашнадцать... А стали его обыскивать, у его солдатскій пачпортъ, правильный пачпортъ. Оказія!.. „Зачѣмъ ты, служба, лѣтнымъ сказался?“ Тутъ ужъ онъ и повинился во всемъ: „Я, баютъ, въ чистую вышелъ, пошелъ въ свое мѣсто, ну, дорогой-то обносился! Да и пить-ѣсть надо... А какія у солдата средствія! Помаялся-помаялся и придумалъ: скажусь лѣтнымъ, потому лѣтному-то скорѣе подадутъ“... Такъ и шелъ въ свою сторону... Ха-ха! Вотъ оно, какъ бываетъ, Иванушка... И я тоже бродяжить пойду, плевать!..

Ѳеклиста слушала всю эту пьяную болтовню и не могла никакъ заснуть. Очень ужъ тяжело ей стало, даже слезъ не было, а такъ—давитъ всю, точно камнемъ.

„Убивецъ вѣдь онъ, Иванъ-то, а я его пожалѣла... — раздумывала Ѳеклиста на тысячу ладовъ, и ей опять дѣлалось страшно. — Мнѣ и глядѣть-то на него не слѣдовало, а я пожалѣла... Владычица небесная, заступница, прости Ты меня, окаянную!.. Измѣшалась я разумомъ...“

Дальше Ѳеклистѣ представлялись лица Соньки и Нимки, которыхъ Иванъ осиротилъ, и ей дѣлалось совѣстно передъ собственными дѣтьми, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, накипало у нея на самомъ сердцѣ мучительное чувство разраставшейся жалости къ несчастному бродягѣ. Богъ его наказалъ и люди тоже, а какая она ему судья? Второй разъ изъ каторги убѣгъ, развѣ легко ему, а что онъ за человѣкъ: не къ шубѣ рукавъ. Пришелъ поглядѣть на свои мѣста, а вотъ снѣгъ падетъ, и всѣ лѣтные по острогамъ разбредутся, кто куда. Ѳеклистѣ мерещилось это больное желтое лицо, темные упрямые глаза, и, сквозь ворохъ безпорядочно шевелившихся въ ней мыслей и чувствъ, начинало просачиваться сознаніе того, что ежели разобрать правильно, такъ она, Ѳеклиста, виновата во всемъ. Вѣдь не выйди тогда она за Егора, жили бы братья какъ слѣдуетъ, а тутъ родители захотѣли на бѣду по-своему сдѣлать. Не переступила Ѳеклиста родительской воли, покорилась да цѣлую семью и

извела. Великій, незамолимый бабій грѣхъ... Припомнились ей темныя ночи, когда она выходила къ Ивану въ огородъ, цѣловалась и миловалась съ нимъ, потомъ лѣтніе хороводы, зимнія посидѣлки, нечаянныя встрѣчи на покосѣ, когда ночь казалась короткой, и вотъ чѣмъ все это кончилось.

Страшное отчаяніе напало на Өеклисту, и она была на волосокъ отъ сумасшествія. Всю ночь она продумала до зари, и чѣмъ дольше думала, тѣмъ тяжелѣе ей дѣлалось.

VII.

Ивану Несчастной-Жизни было не легче Өеклисты, хотя его горе было нѣсколько другого характера.

Наученный горькимъ опытомъ неудачнаго побѣга, онъ въ теченіе шести лѣтъ прошелъ цѣлый подготовительный курсъ, какъ бѣжать, куда, какими дорогами. На каторгѣ были настоящіе профессора по части бродяжничества, которые выходили изъ заключенія десятки разъ. Иванъ терпѣливо ждалъ своей очереди и наконецъ выждалъ удобнаго случая для бѣгства.

Мы уже говорили выше, съ какимъ трудомъ и опасностями сопряженъ путь черезъ тайгу, горы, пустыни и сибирскія рѣки, пока Иванъ добрался до своего мѣста, добрался больной, разбитый, полуживой.

Но именно здѣсь, въ своемъ мѣстѣ, съ Иваномъ случилось нѣчто такое страшное, что было ужаснѣе самой каторги и чего онъ не разсчиталъ раньше, какъ не разсчитываютъ этого всѣ тысячи лѣтнихъ. Онъ почувствовалъ это *страшное* въ избѣ Өеклисты, когда она ему сказала: „самъ уйдешь“. Въ самомъ дѣлѣ, куда и зачѣмъ шелъ Иванъ Несчастной-Жизни? Вотъ и свое мѣсто—родныя нивы, рѣка, деревня, мужики,—и что же?.. На каторгѣ Ивану было лучше, и онъ даже пожалѣлъ, что бѣжалъ. Въ каторгѣ было, конечно, тяжело, но скитаться лѣтному съ мѣста на мѣсто было еще тяжелѣе, потому что онъ, Иванъ, не былъ ни разбойникомъ ни завзятымъ бродягой. Его тянуло на волю, на просторъ, какъ тянетъ всякое живое существо, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта воля для него заключалась тамъ, въ своей деревнѣ. Теперь деревенскій міръ являлся передъ его глазами во всей своей трудовой обстановкѣ, какъ онъ строился еще дѣдами и прадѣдами,—ничего не было здѣсь лишняго, каждый винтъ дѣлалъ свое дѣло, а отдѣльный человѣкъ являлся только ничтожной частицей громаднаго живого цѣлаго и только въ этомъ цѣломъ имѣлъ смыслъ и значеніе, какъ нитка въ пряжѣ или звено въ цѣпи. Каждая крестьянская душа выстраивается по этому порядку и только благодаря этому порядку знаетъ, что хорошо, что дурно: радуется, горюетъ, надѣется, плачетъ, молится и—главное—чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ. А что же такое онъ теперь? Ивана давила не внѣшняя обстановка бродяжнической жизни, а сознаніе, что онъ лишній человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ выдернутый зубъ или какъ отвалившійся отъ горы камень, и что у него даже настоящаго горя не можетъ быть, какъ у той же Өеклисты.

— Ты чего это, Иванъ, какъ будто не въ себѣ?—спрашивалъ Іосифъ-Прекрасный.—Скучный такой...

— Нездоровится...

— Попользоваться можно... Старушка такая есть въ Пятигорахъ; сказываютъ, въ лучшемъ видѣ можетъ хворь изъ человѣка выжить.

— Ну ее къ чорту!

— А то вонъ кузнецъ Миронъ тоже мерекаетъ малость, ежели человѣкъ съ глазу мается или чѣмъ испорченъ.

Іосифъ-Прекрасный и Переметъ, кажется, чувствовали себя очень хорошо и совсѣмъ не торопились уходить съ Татарскаго острова, ссылаясь на разные предлоги; они были счастливы именно тѣмъ, что впереди у нихъ оставалась надежда дойти до своего мѣста, и совсѣмъ не разсуждали о томъ, что ихъ ждетъ въ этомъ своемъ мѣстѣ, какъ больные, которые живутъ изо дня въ день. Переметъ пристроился къ кузнецу Мирону, у котораго и работалъ въ кузницѣ; Іосифъ-Прекрасный промышлялъ по-своему около тебеньковскихъ мужиковъ, а больше сидѣлъ въ кабакѣ у Безпалаго.

Сначала летные жили на счетъ тебеньковской милостыни, которую обыкновенно Іосифъ-Прекрасный раздобывалъ черезъ сердобольныхъ бабъ. Такъ прошло недѣли двѣ, бабы привыкли къ лѣтнымъ, и милостыня пошла туже. Пришлось пустить въ ходъ завѣтную машинку, хотя Иванъ прибѣгалъ къ этому средству только въ самыхъ критическихъ случаяхъ. Производствомъ двугривенныхъ опъ занимался всегда секретно и не любилъ, чтобы за нимъ подглядывали. Заберется, какъ волкъ, куда-нибудь въ чащу, разведетъ огонекъ въ ямкѣ и орудуетъ. Да и фальшивыхъ двугривенныхъ онъ отпускалъ какъ разъ столько, сколько было необходимо, что особенно возмущало Перемета.

— И чего винъ ее берегетъ, тую машинку! — удивлялся хохолъ и ругалъ Ивана „пранцеватымъ кацапомъ“.

Фальшивую монету сдавать въ Тебеньковой было очень опасно: какъ разъ узнаютъ; поэтому съ оловянными двугривенными отправлялся обыкновенно Іосифъ-Прекрасный куда-нибудь въ окрестныя деревни, гдѣ были кабаки побойчѣе. Предварительно эти двугривенные вымазывались дегтемъ или вылеживались въ сыромъ мѣстѣ, и только когда они принимали видъ подержаной монеты, Іосифъ-Прекрасный пускалъ ихъ въ оборотъ, причемъ весь секретъ заключался въ томъ, чтобы какъ можно больше получить сдачи мѣдными. Про эти операціи какъ-то пронюхалъ Родька Безпалый и сейчасъ же предложилъ свои услуги: онъ бралъ оловянные двугривенные исполу съ большимъ удовольствіемъ.

— Что вы мнѣ раньше-то, дьявола полосатые, не сказали? — ругался Родька, пересыпая на рукѣ фальшивую монету.

— Ишь ты, зелена муха, какой гладкій: тоже всяко бываетъ съ такимъ монетомъ: въ другой разъ и въ шею накладутъ. А намъ что за расчетъ съ острову-то уходить...

— Да развѣ я стану ихъ въ Тебеньковой мѣнять-то? Тоже и у насъ не двѣ головы...

— Ну, ну, зелена муха, смалкивай...

— То-то смалкивай... Вѣдь это фартъ *)!

Какъ политичный человѣкъ, Родька Безпалый совсѣмъ не полюбопытствовалъ, откуда у лѣтныхъ оловянные двугривенные. Впрочемъ, кто же скажетъ на свою голову, да и Родькѣ это былъ „одинъ чортъ“...

Точно также обойденъ былъ и другой щекотливый вопросъ, о которомъ говорилъ Кондратъ: ни Переметъ ни Іосифъ-Прекрасный даже близко не подходили къ деревенскимъ бабамъ и дѣвкамъ, но зато по ночамъ на Татарскомъ островѣ появлялись то Улита, то кривая Фимушка. Деревенскіе парни, конечно, знали объ этомъ, но не подавали никакого вида, что подозрѣваютъ что-нибудь, потому что кому охота вязаться за такихъ пропащихъ бабенокъ и срамить себя. Иванъ обыкновенно уходилъ куда-нибудь, когда на островѣ появлялись эти пріятельницы лѣтныхъ.

---

*) Фартъ — прибыль, фартитъ — везетъ.

Съ Ѳеклистой Иванъ видѣлся довольно часто, хотя старался бывать у нея такъ, чтобы не особенно бросалось въ глаза постороннимъ. Обыкновенно онъ отправлялся изъ кабака вмѣстѣ съ Листаромъ. Придетъ въ избу къ Ѳеклистѣ, сядетъ куда-нибудь на лавочку и молчитъ, какъ пень. О прошломъ не было сказано ими ни одного слова, точно это прошлое вовсе не существовало. Только иногда Иванъ замѣчалъ, что Ѳеклиста со стороны слѣдитъ за нимъ такимъ жалостливымъ взглядомъ и точно немножко опасается его. Когда Ѳеклисты не было дома, лѣтный любилъ заниматься съ ребятами, особенно съ бѣлоголовой Сонькой, которая напоминала ему его собственное дѣтство, когда Ѳеклиста была такой же маленькой дѣвчуркой и бѣгала по улицѣ съ голыми ногами, въ такой же выбойчатой рубашонкѣ.

— Дяденька, тебя почто лѣтнымъ зовутъ?—спрашивала иногда Сонька, забавно вытараща свои свѣтлые глазенки.

— А хорошо летаю, Сонька, вотъ и сталъ лѣтный... — отшучивался Иванъ.

— А кусочки ты берешь, которы мамка на полочку къ окну кладетъ?

— Нѣтъ... другіе берутъ.

Иногда Сонька своими дѣтскими вопросами заставляла бродягу краснѣть — ей все нужно было знать. Пимка, наоборотъ, держался съ Иваномъ настоящимъ волчонкомъ и все хмурился; въ немъ уже проявлялась скрытая мужицкая хитрость даже тогда, когда онъ смѣялся своимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Иванъ понималъ, что сойтись ему ближе съ Пимкой было невозможно: въ этомъ мальчикѣ, какъ въ каплѣ воды, отражалось то органическое недовѣріе къ лѣтному, какимъ была пропитана вся деревня, несмотря на видимую доброту и снисходительность. Этотъ маленькій мужикъ въ незамѣтныхъ мелочахъ умѣлъ показать свое мужицкое превосходство надъ бездомнымъ бродягой и давилъ его своими дѣтскими ручонками. Между Иваномъ и Пимкой завязалась глухая, молчаливая борьба, совсѣмъ незамѣтная для посторонняго глаза. Мальчикъ умѣлъ во-время обидно промолчать, иногда сосредоточенно ухмылялся про себя, а при случаѣ отвѣшивалъ крупную мужицкую грубость.

Разъ, напримѣръ, Пимка накладывалъ въ телѣгу навозъ, что было еще совсѣмъ не подъ силу его дѣтскимъ рукамъ; Иванъ взялся за лопату и хотѣлъ ему помочь.

— Не трожь!..—закричалъ Пимка и весь покраснѣлъ отъ охватившей его злости.

— Тебѣ же хотѣлъ помочь... какъ знаешь.

— Знаемъ мы вашего брата, помочниковъ! Тоже выискался!

— Да ты что, Пимка, въ самъ-то дѣлѣ зря лаешься?

— Уди отъ грѣха... объ тебѣ давно сибирскіе-то остроги плачутъ. Кольемъ васъ надо попужать, варнаковъ. Хлѣбъ чужой только задарма ѣдите. Я вотъ и Листара въ три шеи выгоню... Ишь, нашелъ себѣ дружковъ, одноглазый дьяволъ.

Ѳеклиста, понятно, не могла не видѣть такого поведенія Пимки, и къ ея сердцу подступала самая глухая тоска. Указать сыну она въ этомъ дѣлѣ не могла, какъ не могла объяснить ему все на чистоту. Кривой Листаръ пробовалъ по-своему уговаривать Пимку, но изъ этого ничего не вышло, — Пимка такъ „разстервенился“, что бросился на старика съ палкой и даже ударилъ его.

— Осатанѣлъ, пострѣленокъ...—добродушно смѣялся Листаръ, почесывая спину въ томъ мѣстѣ, по которому ударилъ Пимка.—Ишь вѣдь, какое собачье

мясо уродилось!.. И что это помѣшалъ ему Иванъ?.. Оказія, ребята, да и только... Глазенки-то такъ и горятъ, вотъ поди ты съ нимъ.

Однимъ словомъ, съ появленіемъ Ивана въ Феклистиной избѣ началось то „неладное", что отравляло жизнь всѣмъ.

— Боюсь я этого Пимки, рожденія своего боюсь...—стыдливымъ шопотомъ говорила Феклиста Ивану.—Вѣдь все я слышу, какъ онъ фукаетъ на тебя... надо бы закликнуть, выдрать, а я не могу. Сама же и боюсь его, а велико ли мѣсто еще и весь-то парнишка... И что это онъ привязался къ тебѣ, Иванушка?.. Такъ я думаю: чуетъ сердчишко у Пимки отцовскую-то кровь... вотъ онъ и встаетъ на дыбы передъ тобой. Сонька-то вонъ совсѣмъ еще несмышленная, а тоже какъ глядитъ глазенками-то на тебя... да и на меня глядитъ. Въ другой разъ даже совѣстно станетъ.

— Уйду я, Феклиста, отъ грѣха...—говорилъ Иванъ, опустя голову. — Можетъ, тебѣ легче будетъ... Не могу я... тошно мнѣ.

Разговоръ происходилъ ночью, въ огородѣ. Небо было точно подернуто легкой синеватой дымкой, звѣзды искрились, съ рѣки тянуло сыростью. Феклиста стояла, прислонившись къ пряслу спиной; Иванъ сидѣлъ на травѣ. При колебавшемся мѣсячномъ свѣтѣ, онъ могъ отлично видѣть это загорѣвшее грубое женское лицо, которое вдругъ точно дрогнуло. Феклиста глухо рыдала. Она слишкомъ долго крѣпилась, и теперь ее разомъ прорвало.

— Перестань, Феклиста, ну тебя...—заговорилъ Иванъ, чувствуя, какъ у него слезы подступаютъ къ горлу и душатъ его.—Уйду, и все тутъ... Свѣтъ-то не клиномъ сошелся.

— Иванушка, голубчикъ, куда ты уйдешь-то?

— Въ скиты къ кержакамъ уйду... а то поверну обратно въ Сибирь, тамъ богатые челдоны любятъ держать бѣглыхъ, ежели у кого рукомесло... Не пропаду, не бойсь.

— Сказываютъ, на золотыхъ промыслахъ въ ордѣ *) много летныхъ-то укрывается.

— Нѣтъ, на промысла не рука нашему брату... Въ тайгѣ этого добра много: битва, а не житье. У кержаковъ въ скитахъ лучше будетъ.

— Иванушка, не гоню я тебя... охъ, тошнехонько!.. И что я за несчастная такая уродилась... Мнѣ и жалѣть-то грѣшно тебя, а я еще стою вотъ съ тобою здѣсь!.. Моченьки моей не стало... А какъ подумаю, что ты, Иванушка, убивецъ, да еще какой убивецъ-то—страшно слово вымолвить! Теперь вотъ передъ своими дѣтишками казнюсь я денно и нощно!

— Все одно: въ Тебеньковой мнѣ не жить, Феклиста. Обидно на другихъ-то глядѣть. Пока мужики не трогаютъ, а все въ виноватыхъ состоишь. Ужъ лучше въ чужомъ мѣстѣ маячить...

— До осени-то хоть оставайся...

— До перваго снѣга проживу на острову.

Долго Феклиста плакала и не стыдилась своихъ слезъ.

VIII.

Наступила страда. Травы уродились хорошія, погода стояла ведреная, и всякая рабочая рука цѣнилась на вѣсъ золота. Лѣтные съ острова перебрались на покосы, и теперь вездѣ ихъ принимали, какъ дорогихъ гостей. Пере-

*) *Ордой* въ Зауральѣ называютъ башкирскія земли и земли Оренбургскаго казачьяго войска.

метъ работалъ на покосѣ у своего благопріятеля, кузнеца Мирона, Іосифъ-Прекрасный переходилъ отъ Родьки Безпалаго къ брательникамъ Гущинымъ, отъ Гущиныхъ къ Кондрату, отъ Кондрата къ писарю Калинычу. Деревни стояли пустыми, а зато на всѣхъ покосахъ, по низинамъ и поймамъ, широкой волной катился настоящій праздникъ—съ утра до вечера сверкали косы; ровными рядами, покорно ложилась высокая, душистая трава; отъ свѣжаго сѣна далеко несло ароматной струей, точно самая земля курилась благовоніями. Народъ трудился по берегамъ Исети, на заливныхъ лугахъ, по мочежинамъ, въ ложкахъ. По ночамъ, какъ свѣтляки въ травѣ, мигали веселые огоньки; около нихъ собирались семьи, тутъ же бродили спутанныя лошади, стояли телѣги съ поднятыми оглоблями, и весело катилась отъ одного покоса къ другому проголосная пѣсня.

— Ну-ка, Иванушка, поробимъ, благословясь, — весело говорилъ дядя Листаръ, принимаясь за косу. — Понѣ Господь уродилъ не траву, а шелкъ.

Въ страду даже Листарѣ „трекался“ отъ водки и работалъ, какъ медвѣдь, за исключеніемъ „помочей“, когда онъ исправно напивался до полнаго безчувствія. Иванъ Несчастной-Жизни работалъ съ Листаромъ на покосѣ Өеклисты. Мѣсто было отличное, на самомъ берегу Исети; расчистилъ его еще старикъ Корневъ. Широкій лугъ, конецъ на восемьдесятъ, однимъ краемъ упирался въ рѣку, гдѣ подъ прикрытіемъ развѣсистой вербы былъ устроенъ балаганъ. Рядомъ шелъ покосъ старика Гаврилы, который вышелъ въ поле самъ-пятъ: самъ да четыре сына. Семья была на подборъ, и весело было смотрѣть, какъ Гаврилычи поворачивали тяжелую страдную работу. Въ крестьянской страдѣ таится великая трудовая поэзія, которая охватываетъ даже самыхъ лѣнивыхъ. Бродяги давно отвыкли отъ нея, но и ихъ захватилъ общій потокъ, и въ каждомъ заговорила мужицкая кровь. Особенно радъ былъ Иванъ, взявшійся за косу со слезами на глазахъ. Съ него точно спала какая шелуха. Онъ теперь былъ такой же мужикъ, какъ и всѣ другіе—страдная работа всѣхъ сровняла, какъ траву подъ косой. Первые дни Иванъ замѣтно отставалъ отъ Листара, а потомъ началъ работать наравнѣ съ нимъ и даже перегналъ его. Самъ старикъ Гаврила похвалилъ бродягу за чистую работу, а такая похвала дорого стоила—нужно быть артистомъ страдной работы, чтобы понимать всѣ ея тонкости.

— Гдѣ это ты наловчился... а?..—спрашивалъ старикъ Гаврила, внимательно поглядывая на бродягу. — Въ острогѣ-то у васъ трава не растетъ... Чистенько робишь, хошь кому впору. Загонялъ совсѣмъ Листара-то.

— Тебя бы, дѣдка, столько-то колотили, какъ меня, такъ ты и косу-то позабылъ бы, какъ въ рукахъ держать,—оправдывался Листаръ.—Мѣста вѣдь живого во мнѣ нѣтъ...

— За дѣло колотили—не балуй.

Өеклиста была тоже весела и работала наравнѣ съ мужиками; Иванъ часто любовался, какъ она шла по полосѣ рядомъ съ нимъ—дерево-деревомъ, а не баба. Настоящая работница, не чета другимъ бабенкамъ, которыя полѣнивались-таки изъ-за мужей. Нимка не могъ косить, а больше управлялся около лошади, помогалъ ворошить подсыхавшую траву и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда поспѣетъ гребь. Возить копны на старомъ гнѣдкѣ было для него настоящимъ торжествомъ. Онъ теперь не косился больше на Ивана — очень ужъ хорошо работалъ бродяга, недаромъ похвалилъ дѣдка Гаврила. Маленькая Сонька тоже льнула къ Ивану и часто засыпала гдѣ-нибудь въ травѣ около него. Вообще, на Өеклистиномъ покосѣ царилъ тоже праздникъ, какъ

и на другихъ, хотя она сама не вѣрила своему счастію и ждала какой-то бѣды, какъ всѣ много выстрадавшіе люди.

И бѣда была не за горами. Половина покоса была убрана, оставалась вторая. Ѳеклиста стала замѣчать, что дядя Листаръ какъ будто что-то держитъ у себя на умѣ. Старикъ пересталъ работать попрежнему, нѣсколько разъ добывалъ себѣ гдѣ-то водку и видимо перемѣнился къ Ивану. Раза два онъ приходилъ на покосъ совсѣмъ пьяный и пролежалъ въ кустахъ цѣлый день.

— Ты никакъ, Листаръ, рехнулся умомъ-то?—замѣтила ему Ѳеклиста.

— Смалкивай... У Листара побольше твоего ума-то, — огрызнулся старикъ, а потомъ засмѣялся.—Что выпучила на меня бѣльмы-то?.. Нѣтъ, братъ, Листара не проведешь... не объѣдешь на кривой кобылѣ... Рехнулся... Да у меня ума-то на всю деревню хватитъ, да еще останется. Вотъ онъ какой, Листаръ-отъ.

Ѳеклиста поругалась, махнула рукой и отступилась: кривой чортъ, видимо, сбѣсился. Да теперь съ Иваномъ и безъ него можно управиться. Оставалось подкосить конецъ на десять да убрать старую кошенину, которая сохла четвертый день.

— Какъ это я раньше-то не договорился... а?—бормоталъ про себя Листаръ, посасывая трубочку. — Свалялъ дурака... Ловкіе тоже эти лѣтніе. Видно, хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ врозь... Право, псы! хоронятся отъ Листара, а его не проведешь... Теперь прямо сказать: откудова у нихъ деньги? Ну-ка, скажи! Нѣтъ, братъ, тутъ фартъ! Ишь, богачи завелись... Должно-быть, у кого-нибудь машинка, а у другого не у кого быть, какъ у Ивана... ужъ это вѣрно. Самъ лѣтнымъ былъ, тоже понимаю... Право, варнаки послѣ этого... Нѣтъ, чтобы съ кривымъ Листаромъ подѣлиться. „На, старичина, получай свою пленорцію...“ Вотъ онъ какой, дядя-то Листаръ!.. А Ѳеклиста—дурища, и больше ничего.

Подвернулась помочь у писаря Калиныча. Всѣ лѣтные работали у него два дня и ничѣмъ не выдѣлялись отъ другихъ тебеньковскихъ мужиковъ. Дядя Листаръ, конечно, напился, какъ стелька, и явился на покосъ Ѳеклисты въ лучшемъ видѣ, напѣвая какую-то мудреную пѣсню:

Дѣвки въ лѣсъ по хворосъ,
Я за ними поползъ...

— Экъ налакался, кривой песъ...—ворчала Ѳеклиста.—Обрадѣлъ чужому-то впну, безстыжіе шары!..

Иванъ хотя былъ на помочи, но вернулся не пьяный и отдыхалъ въ балаганѣ.

— Иванъ, а Иванъ,—приставалъ къ нему Листаръ.—Нехорошо, братъ... Охъ, какъ нехорошо... Я говорю: омманывать Листара нехорошо...

— Да кто тебя омманываетъ?..

— А лѣтные надуваютъ дядю Листара... Н-нѣтъ, братъ, не на таковскаго напали! Напрямки надо говорить-то, Иванъ... да. Первое дѣло: есть у тебя машинка?

— Ну, есть, а тебѣ какая забота?

— Мотри, Иванъ, ты не того...—бормоталъ Листаръ заплетавшимся языкомъ и закончилъ очень рѣшительно:—давай на полштофа...

— Не дамъ.

— А... такъ ты вотъ какъ? Ну, ладно, пусть будетъ инъ по-твоему. Такъ не дашь?

— Отвяжись, смола!..

— Такъ... ладно... Ну, смотри, Иванъ, не покайся.

— Не твоя забота...

Не спалось эту ночь бродягѣ Ивану. Онъ не боялся кривого Листара, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что вотъ одинъ этакій дрянной мужичонка можетъ испортить ему все... Душистая лѣтняя ночь была хороша; любовно глядѣли съ синяго неба частыя звѣзды, гдѣ-то въ прибрежной осокѣ скрипѣлъ коростель, наносило дымкомъ, который мѣшался съ ночною сыростью и запахомъ свѣжаго сѣна. Давно смолкли пѣсни, и надъ безконечной равниной тихо вѣялъ трудовой сонъ. Когда-то Иванъ тоже пѣвалъ здѣсь и съ замиравшимъ сердцемъ вслушивался, не отдастся ли на его голосъ звонкая дѣвичья пѣсня. Вотъ въ этихъ вербахъ миловались они съ Ѳеклистой, пока старики спали мертвымъ сномъ, а Исеть была закутана бѣлымъ туманомъ. Ничего не осталось, все пошло прахомъ, и только на душѣ, какъ смола, накипало одинокое, тяжелое горе.

„Хоть бы умереть...“—думалъ бродяга, прислушиваясь къ храпѣнью пьянаго Листара, который забрался въ балаганъ къ ребятишкамъ.

— Ты не спишь, Иванъ?—окликнулъ бродягу въ темнотѣ голосъ Ѳеклисты.

— Нѣтъ... не спится.

Они подошли къ огню, который совсѣмъ потухалъ. Изъ пепла только [illegible] съ шипѣніемъ поднималась струйка синяго дыма.

— Слышала я давѣ, какъ этотъ змѣй приставалъ къ тебѣ...—заговорила Ѳеклиста, подпирая щеку рукой.—Не отстанетъ онъ, не таковскій.

— Знаю, что не отстанетъ... Только, вишь, дать-то ему, дьяволу, нельзя: дай разъ, а тамъ не развяжешься съ нимъ...

— Нельзя ему давать—одолѣетъ. Уродится же этакій человѣкъ!

Они долго молчали. Иванъ поправилъ огонь. Въ воздухѣ метнулась ночная птица и неслышно пропала, какъ тѣнь. Ѳеклиста нѣсколько разъ огляну-лась, придвинулась ближе къ Ивану и прошептала:

— Иванушка, голубчикъ, все мнѣ представляется тотъ... помнишь лѣтнаго-то Антона, котораго дѣдушка Корень пристрѣлилъ? Ну, онъ мнѣ все и мерещится... Охъ, не къ добру это! Третьяго-дня только стала я засыпать, а Антонъ-то и идетъ ко мнѣ. Будто какъ отъ Гаврилы съ покосу и прямо къ намъ. „Узнала?“—говоритъ, а самъ мнѣ рѣпку показываетъ. У меня со страховъ и языкъ отнялся, словечка вымолвить не могу. Ну, онъ поглядѣлъ и засмѣялся таково нехорошо. — „Попомни, говоритъ, дѣдушкину-то рѣпку“. Проснулась я, никого нѣтъ, а меня всю такъ и трясетъ, боюсь дохнуть.

— Плохо...—согласился Иванъ,—не къ добру; уходить надо, Ѳеклиста.

Ѳеклиста опять заплакала, закрывъ лицо руками. Живутъ же другіе люди, отчего же ей нѣтъ счастья на бѣломъ свѣтѣ? Хоть сейчасъ бы умерла, ежели бы не ребятишки... Жаль тоже, больно мало мѣсто, да и куда они дѣнутся сиротскимъ дѣломъ? Увлекшись своимъ горемъ, Ѳеклиста даже возроп-тала, но Иванъ остановилъ ее.

— Не нашего ума это дѣло...—проговорилъ онъ.—Кому что̀ на роду напи́сано, тому такъ и быть.

Исторія съ лѣтнымъ Антономъ принадлежала къ одному изъ самыхъ необъяснимыхъ проявленій спеціально-деревенской жестокости, безсмысленной и звѣрской, какъ всякое стихійное зло. Дѣдко Корневъ былъ сгорбленный и худой старикъ со ввалившимися глубокими глазами и лысой головой; Иванъ и Ѳеклиста знали его уже дряхлымъ, выжившимъ изъ ума старикомъ, ко-торый впалъ въ дѣтство. По зимамъ старикъ не сходилъ съ печи, а лѣтомъ

выползалъ непремѣнно куда-нибудь на солнышко и здѣсь по цѣлымъ днямъ грѣлъ свои старыя кости. Деревенская дѣтвора, какъ стая воробьевъ, обсыпала полоумнаго старика и вѣчно просила его разсказать, какъ онъ убилъ лѣтнаго Антона „за рѣпку“.

— Рѣпку онъ у меня воровалъ изъ огорода-то, этотъ Антонъ самый... — хрипло шамкалъ Корневъ своимъ беззубымъ ртомъ.—Я садилъ рѣпку-то, а лѣтный ее учалъ воровать. Я зарядилъ турку *) жеребьемъ и караулилъ его по три ночи сряду; ну, и укараулилъ: какъ пальну изъ турки-то, лѣтный и покатился горошкомъ, а рѣпку мою въ рукѣ держитъ.

Старый дѣдка смѣялся хриплымъ смѣхомъ и долго моталъ своей лысой головой.

— Развѣ тебѣ не жаль было его, лѣтнаго-то? спрашивалъ кто-нибудь изъ ребятишекъ.—Не больно дорога рѣпка-то...

— Да вѣдь она моя была? Послѣ-то жаль было, когда онъ приползъ ко мнѣ же на дворъ... Кровища изъ него такъ и хлещетъ, потому я угодилъ ему жеребьемъ-то прямо подъ сердце въ болонь... До вечера маялся, сердяга... На подмостки его во дворѣ положили, ну, онъ тутъ и докончился! Вся деревня сбѣжалась во дворъ-то: бабенки ревутъ, мужики меня ругаютъ, а моей тутъ причины никакой не было. Ну, какъ сталъ Антонъ отходить совсѣмъ, народъ-то брюсился прощаться съ нимъ—всѣ въ ноги кланяются и въ одинъ голосъ: „прости, миленькій“. Ну, и я подошелъ къ нему; узналъ онъ меня и вымолвилъ: „будешь меня ты помнить, старикъ... напрасную кровь пролилъ“. Такъ мы его и похоронили въ лѣску; ямку вырыли, да въ ямку и положили, а сами молчимъ, потому что по судамъ будутъ таскать. Попу послѣ покаялся за Антона-то...

IX.

Благодаря вёдру тебеньковцы скоро убрались съ сѣномъ, а жнивье еще не поспѣло, такъ что можно было немножко передохнуть, особенно по праздникамъ. Переметъ и Іосифъ-Прекрасный обыкновенно исчезали въ эти дни и пропадали гдѣ-нибудь по укромнымъ мѣстамъ, въ обществѣ гулящихъ бабенокъ—солдатка Степанида путалась съ Переметомъ, а Іосифъ-Прекрасный попеременно дарилъ своимъ вниманіемъ то кривую вдову Фимушку, то заблудящую Улиту. Разъ пьяные тебеньковскіе парни для потѣхи устроили на нихъ цѣлую облаву и для потѣхи же порядкомъ намяли бока всѣмъ; особенно досталось упрямому хохлу Перемету, который вздумалъ защищать свою Степаньку.

— Здорово взбодрили...—отзывался послѣ этой шутки Іосифъ-Прекрасный, щупая избитые бока.—Ишь, дьявола, тоже расшутились!..

Переметъ пролежалъ безъ движенія на островѣ дня три, а потомъ вышелъ на работу, какъ ни въ чемъ не бывало, и его опять видѣли въ обществѣ шатуньи Степаньки.

Въ этихъ тайныхъ удовольствіяхъ не принималъ участія одинъ Иванъ. Онъ по праздникамъ оставался обыкновенно на островѣ и по цѣлымъ днямъ раздумывалъ свою безконечную бродяжническую думу. Да и было о чемъ подумать: осень стояла не за горами. Къ Өеклистѣ Иванъ заходилъ теперь рѣдко. Онъ не то, что боялся Листара, который продолжалъ дуться на него,—это само собой, но была и другая причина. Въ послѣднее время Иванъ сталъ

*) *Туркой* называются большекалиберныя винтовки, а *жеребьемъ*—медвѣжьи пули.

замѣчать, что Феклиста начала какъ будто припадать къ нему: то расплачется ни съ того ни съ сего, то сунетъ ему какую-нибудь деревенскую постряпеньку, взглянетъ таково нехорошо. Иванъ испугался, испугался за самого себя, что не выдержитъ и приголубитъ Феклисту, и въ его душѣ тихо поднималось старое наболѣвшее чувство. Съ другой стороны, предательское желаніе отдохнуть, согрѣться, услышать теплое слово, неудержимо влекло его впередъ, какъ сладкій сонъ замерзающаго въ снѣгу. Нужно было имѣть желѣзную силу воли, чтобы не поддаться этому искушенію и стряхнуть съ себя находившую дурь. Чтобы отогнать отъ себя эти мысли, Иванъ обыкновенно думалъ о Нимкѣ и Сонькѣ: дѣти являлись предъ нимъ защитниками пошатнувшейся матери и вызывали тѣнь убитаго отца.

Разъ, послѣ Ильина дня, Иванъ, по обыкновенію, остался на Татарскомъ островѣ одинъ и лежалъ съ утра въ своемъ балаганѣ, какъ волкъ въ логовѣ. Наканунѣ палъ небольшой дождь, и день выдался такой свѣтлый, теплый, какіе подвертываются только на исходѣ короткаго уральскаго лѣта, когда лѣтнее солнце точно прощается съ землей. Со всѣхъ сторонъ тянуло праздничными звуками: бойко катились по проселку телѣги съ загулявшими мужиками и бабами; съ веселымъ говоромъ и дружной пѣсней возвращались съ работы помочане; на лугу, у самой деревни, развернулся пестрый дѣвичій хороводъ, а тамъ дальше гудѣло и шевелилось все село, точно растревоженный пчелиный улей. По Исети непрерывной волной катился несмолкаемый праздничный гамъ, но это трудовое мужицкое веселье ложилось лишнимъ камнемъ на душу одинокаго бродяги: работа ровняла его съ другими мужиками, а веселье розняло.

Весь день и весь вечеръ Иванъ невольно прислушивался къ праздничнымъ звукамъ, а потомъ заснулъ тяжелымъ сномъ больного человѣка. Ему мерещились и пьяный Листаръ, и Феклиста, и бѣгство съ каторги, и убитый братъ Егоръ, и лѣтный Антонъ съ дѣдушкиной рѣпкой. Ночью его кто-то разбудилъ.

— Эй, Иванъ, вставай, зелена муха...—тащилъ его за плечо едва стоявшій на ногахъ Іосифъ-Прекрасный.—Гостинца я тебѣ приспособилъ...

— Какого гостинца? Отвяжись...

Слабый стонъ гдѣ-то въ кустахъ заставилъ Ивана вскочить, а пьяный Іосифъ-Прекрасный только показалъ ему въ тальникъ и безсильно сѣлъ на траву.

— Тамъ... зелена муха...—бормоталъ онъ, покачиваясь всѣмъ своимъ длиннымъ туловищемъ.—Ну, и штука только, зелена муха...

— Да кто тамъ? Говори толкомъ...

— А она... Дунька... бродяжка. Ну, и зелена муха...

Не добившись толку отъ пьянаго бродяги, Иванъ отправился прямо въ кусты, гдѣ чуть не наступилъ на какую-то бабу, которая ползала и корчилась на землѣ, какъ раздавленный червякъ. Въ первое мгновеніе бродяга испугался и даже попятился—онъ не ждалъ именно того, свидѣтелемъ чего пришлось сдѣлаться такъ неожиданно. Потомъ ему вдругъ сдѣлалось какъ-то совѣстно, и онъ хотѣлъ вернуться, но Дунька опять застонала, жалобно цѣпляясь одной рукой за что-то невидимое въ воздухѣ. Иванъ только теперь, при колеблющемся мѣсячномъ освѣщеніи, разсмотрѣлъ смертельно-блѣдное молодое женское лицо, точно вспыхивавшее неровными пятнами горячаго румянца; узкій бѣлый лобъ закрытъ спутавшимися волосами, а небольшіе сѣрые глаза остановились на немъ въ смертельной истомѣ...

— Батюшки... батюшки... ой, батюшки...—захлебываясь, стонала Дунька и ползала по травѣ на однѣхъ рукахъ.

Иванъ все понялъ и опрометью бросился въ балаганъ, откуда вернулся со своей сермяжкой. Дунька присмирѣла и лежала подъ кустомъ съ закрытыми глазами, а около нея, прямо на травѣ, копошился и вскрикивалъ, какъ мышь, только-что родившійся ребенокъ. Бродяга перекрестился и бережно прикрылъ Дуньку своей сермяжкой. Изъ кустовъ въ этотъ моментъ показалось хихикавшее птичье лицо Іосифа-Прекраснаго.

— Уйди... убью!—закричалъ Иванъ и даже бросился на товарища, но тотъ уже былъ далеко.

Черезъ полчаса Дунька уже лежала въ балаганѣ на Ивановомъ мѣстѣ, прижимая къ своей груди слабо кряхтѣвшаго ребенка. Иванъ то входилъ въ балаганъ, то выходилъ и, видимо, не зналъ, что̀ ему дѣлать.

— Бабушку-то позвать, что ли?—сурово спросилъ онъ, не глядя на больную.

— Нѣтъ... не надо... такъ управлюсь...—шопотомъ отвѣтила Дунька, не имѣя силъ открыть глаза.—Охъ, смертонька моя приходила... испить бы...

Иванъ принесъ воды въ деревянномъ ведеркѣ и поставилъ ее къ изголовью Дуньки, которую вмѣстѣ съ ребенкомъ прикрылъ полушубкомъ Перемета; потомъ онъ развелъ огонь около входа въ балаганъ, чтобы хоть часть тепла попадала на больную. Ночь была не холодная, но на Дунькѣ, кромѣ ситцеваго сарафанишка, ничего не было. Въ дырявый платокъ, который былъ у нея на головѣ, она завернула своего ребенка. Бродяга просидѣлъ у огонька цѣлую ночь, не смыкая глазъ. Въ немъ самомъ происходило что-то такое необыкновенное, чего онъ еще никогда не испытывалъ,—ему и жутко было, и какъ-то легко, и что-то такое хорошее теплилось у бездомнаго бродяги на самомъ днѣ его души, именно то свѣтлое человѣческое чувство, котораго не въ состояніи вытравить никакая каторга. Вотъ здѣсь, почти у него на глазахъ, родился новый человѣкъ, и бродяга смутно сознавалъ все величіе свершившагося акта природы: новая жизнь теплилась въ балаганѣ, какъ блуждающій огонекъ... Небо точно выше поднялось надъ грѣшной землей, тонувшей во мракѣ бродившихъ по ней ночныхъ тѣней, и частыя звѣздочки глядѣлись съ него такъ привѣтливо и чисто, какъ дѣтскіе глазки.

„Это ангелы Божіи... святыя душеньки, — думалъ бродяга, глядя на звѣзды, и торопливо творилъ какую-то молитву.—У кажнаго человѣка, сказываютъ, своя звѣзда обозначена... и у Дунькина робенка тоже хошь маленькая звѣздочка, да есть,—вѣдь тоже живая душа“.

А Дунька, эта женщина, полная грѣха, крѣпко прижимала къ своей груди новое маленькое существо и съ какимъ-то страхомъ ощущала теплоту маленькаго тѣльца, точно у нея на груди шевелился цѣлый необъятный міръ.

Рано утромъ, когда Исеть была еще закутана густымъ бѣлымъ туманомъ, явился протрезвившійся за ночь Іосифъ-Прекрасный. Онъ не рѣшался подойти къ Ивану прямо, а только показалъ издали жестяной чайникъ и глиняную чайную чашку. Ему было совѣстно за свое вчерашнее глупое поведеніе, да онъ и побаивался Ивана, который шутить не любилъ.

— Ну, давай сюда чайникъ-то, да смотри у меня...—пригрозилъ Иванъ.

— И чаю раздобылся и комышекъ сахару, вò... Дунька насчетъ чаю большая охотница, ужъ я знаю. Сластена она, зеленà муха.

— Да гдѣ ты ее добылъ вечоръ-то?..

— Гдѣ?.. А я въ Пятигорахъ былъ съ Улитой, ну, она осталась, а я домой пошелъ. Бреду это пьяный-то, а Дунька, какъ зайчиха, подъ кустомъ мается—разродиться, значитъ, не можетъ. Ну, я ее тогда пожалѣлъ да на островъ и приволокъ. На себѣ тащилъ черезъ рѣку-то... тоже живой чело-

бѣкъ, не помирать же подъ кустомъ-то. Померла бы безпремѣнно, кабы не я. А только и Дунька эта самая, вотъ придумала штуку.

Іосифъ-Прекрасный никакъ не могъ удержаться отъ душившаго его смѣха и только закрывалъ свое птичье лицо локтемъ.

— Чему ты смѣешься-то, дуракъ?—озлился на него Иванъ.

— А то какъ же? По всѣмъ этапамъ эта самая Дунька извѣстна, до самаго Омскова: и рестанты, и солдаты, и лѣтные—всѣ ее очень хорошо знаютъ. Сволочь она, эта Дунька самая, а тутъ дитё.

— Дитё не виновато.

— Знамо, не виновато... А я про Дуньку.. Сказывали, зиму-сь въ Камышловѣ болталась, ну, тамъ, значитъ, и приспособила себѣ это самое дитё... И я и Переметъ знавали ее еще въ острогѣ... какъ же! Она за отраву въ каторгу ушла... мужа, значитъ, сулемой стравила. А теперь въ бѣгахъ который годъ шляется. Спроси хошь кого про Дуньку Непомнящую, всякъ скажетъ. Ну и Дунька, выкинула колѣно, зелена муха! Я Перемету сказывалъ—ругается и меня ругаетъ, зачѣмъ я Дуньку пожалѣлъ...

— Дураки вы оба съ Переметомъ-то!

— Можетъ, и дураки... Я вѣдь такъ молвилъ.

Измученная родами, Дунька проспала въ балаганѣ цѣлый день, а съ ребенкомъ попеременно возились то Иванъ, то Іосифъ-Прекрасный. Послѣдній сбѣгалъ въ деревню за молокомъ и за соской, но ребенокъ плакалъ и не хотѣлъ брать соски. Бродяги ругались и грѣли плаксу передъ огнемъ.

— Прокоптимъ его хорошенько, такъ дольше проживетъ...—добродушно смѣялся Іосифъ-Прекрасный.

Къ вечеру Дунька проснулась, но долго притворялась, что спитъ: ей было совѣстно возившихся съ ея ребенкомъ бродягъ. Только когда стемнѣло, она подала голосъ и приняла ребенка. Цѣлуя его, бродяжка тихо плакала.

— Меня-то узнала, Дунька, а?—спрашивалъ Іосифъ-Прекрасный, просовывая голову въ балаганъ.

— Убирайся къ чорту, лѣшакъ...

— Славнаго ты мальчонку приспособила, зелена муха. А чаю хошь?

Дунька больше не откликалась. Она лежала, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ балагана, и не смѣла пошевелиться, чтобы не растревожить ребенка, жадно припавшаго къ материнской груди.

Появленіе Дуньки какъ-то вдругъ оживило Ивана, и онъ точно позабылъ про свое собственное горе. Да если разобрать, какое его горе было, по сравненію вотъ съ этой самой Дунькой, которую всякій обижалъ, а потомъ надъ нею же ругался? Въ острогѣ, по этапамъ, въ бѣгахъ, Дунька вездѣ оставалась Дунькой—самой послѣдней тварью, которая бродила, сама не зная куда, какъ бездомная собака, чтобы получать новые пинки, ругань и всяческое поношеніе. Положеніе лѣтнаго мужика въ тысячу разъ легче, и Иванъ теперь стыдился за собственное малодушіе. Кромѣ того, у него явилась смутная цѣль, неясная и сбивчивая, но все-таки цѣль: онъ, бродяга Иванъ Несчастной-Жизни, нуженъ вотъ той же Дунькѣ, которая пропала бы безъ него, какъ подстрѣленная птица. Кто бы сталъ за ней ходить? Лежала бы гдѣ-нибудь въ ямѣ и сгнила бы заживо. Ивану доставляло удовольствіе ухаживать за больной Дунькой—кипятить чайникъ съ водой, прикрывать ее по ночамъ полушубкомъ, подкладывать огня къ самому балагану, придумывать новую ѣду.

Черезъ три дня Дунька настолько оправилась, что могла выйти изъ балагана и посидѣла у огонька съ полчаса. Она была совсѣмъ не такая, какою показалась Ивану ночью—курносая, съ веснушками, темноглазая и еще

очень молодая. Загорѣлое лицо Дуньки точно просвѣтлѣло отъ перенесенной муки, глаза смотрѣли чистымъ взглядомъ, и только запекшіяся губы придавали лицу болѣзненное выраженіе. Она видимо стѣснялась и все повторяла:

— Не заживусь я у васъ тутъ: только поправлюсь малость и уйду.

— Да куда ты уйдешь-то, глупая?

— Надо... нельзя мнѣ. Я не одна... Бродяжка тутъ есть, „Носи-не-потеряй“ прозывается, такъ я съ нимъ. Онъ теперь въ Камышловомъ содержится: отъ него дитё-то.

При послѣднихъ словахъ Дунька вся застыдилась, точно боялась, что Иванъ ей не повѣритъ относительно происхожденія ребенка: у этого новорожденнаго бродяги былъ отецъ, и Дунька гордилась, что могла назвать его— это было самое большое счастіе въ ея собачьей жизни.

X.

Неожиданное появленіе Дуньки на Татарскомъ островѣ произвело въ Тебеньковой настоящее волненіе, особенно среди тебеньковскихъ бабъ, которыя совсѣмъ „рѣшились ума“, какъ говорилъ Родька Безпалый. Въ обсужденіи этого важнаго вопроса приняли горячее участіе рѣшительно всѣ, начиная съ солидной Степаниды Обросимовны и кончая Фимушкой. Всякая разница между настоящими бабами и „путаными бабенками“ на время совершенно исчезла: снохи стараго Гаврилы, жёны брательниковъ Гущиныхъ, Аксинья-кузнечиха, поповская стряпка Егоровна не только якшались съ писарской „Лисанкой“, но и съ Фимушкой, съ заблудящей Улитой и даже съ солдаткой Степанькой.

— Статочное ли это дѣло, чтобы бабы бродяжили, — съ негодованіемъ говорила Аксинья-кузнечиха. — Ежели мужики бѣгаютъ изъ остроговъ, такъ это еще не указъ бабамъ: одна мужичья часть, другая—бабья...

— Гдѣ ужъ съ мужиками тягаться: первое дѣло—забрюхатитъ,—прибавила жена Сысоя, испитая, лядащая бабенка.

— Теперь куда съ дитёмъ-то повернется эта самая отчаянная Дунька?

— А вотъ поправится послѣ сносей, такъ нашихъ мужиковъ станетъ сманивать къ себѣ на островъ.

— Ужъ это какъ есть. Разорвать ее, стерву, мало. Листаръ сказывалъ, что Дунька-то свово мужа сулемой стравила... ужо нашихъ мужиковъ чѣмъ бы не напоила тоже,—вѣдь у мужиковъ-то не много ума.

Дядя Листаръ принималъ самое живое участіе въ общей бабьей суетѣ и по возможности старался растравить бабъ, чтобы хоть этимъ путемъ насолить Ивану за его машинку. Черезъ Іосифа-Прекраснаго дядя Листаръ зналъ всѣ подробности появленія Дуньки на Татарскомъ островѣ и то, какъ отнесся къ ней Иванъ. Все было на-руку хитрому Листару, и онъ втихомолку поджигалъ взбѣленившихся бабъ.

— Погодите, выправится Дунька-то, такъ она всѣхъ вашихъ мужиковъ перепортитъ, — предупреждалъ онъ особенно податливыхъ бабенокъ.—Подсунетъ какого приворотнаго зелья, тутъ и шабашъ... всю деревню стравитъ.

Этотъ бунтъ тебеньковскихъ бабъ противъ Дуньки Непомнящей являлся одною изъ тѣхъ необъяснимыхъ житейскихъ несообразностей, которыя такъ заразительно дѣйствуютъ на массы. Отсутствіе логики и самыхъ обыденныхъ человѣческихъ чувствъ служитъ только къ развитію тѣхъ мелкихъ глупостей и нелѣпостей, которыя выплываютъ, какъ соръ, на поверхность вскрывшейся текучей воды. Всего естественнѣе было ожидать, что именно бабы пожалѣютъ

Дуньку, тѣмъ болѣе, что она находилась въ такомъ исключительномъ бабьемъ положеніи, но выходило какъ разъ наоборотъ. Тѣ самыя бабы, которыя каждый вечеръ клали лѣтнымъ кусочки, теперь готовы были разорвать Дуньку въ клочья. Женщины-бродяги—большая рѣдкость, и это одно могло служить нѣкоторымъ объясненіемъ къ вспыхнувшему недоразумѣнію, а тутъ Дунька поселилась вдругъ подъ самымъ носомъ и всѣмъ мозолила глаза своимъ присутствіемъ. Самые обстоятельные деревенскіе мужики чувствовали себя какъ-то неловко и даже замѣтно конфузились, когда заходилъ разговоръ о Дунькѣ. Большинство старалось не обращать вниманія на ополоумѣвшихъ бабъ, и только самые рѣшительные изъ мужиковъ осмѣливались замѣтить: „Будетъ вамъ, бабы, языки-то чесать... право, сороки вы короткохвостыя!“ Но такія замѣчанія только подливали масла въ огонь, и бабы, кажется, готовы были выцарапать глаза каждому, кто скажетъ слово за ненавистную Дуньку.

А виновница этого переполоха продолжала лежать въ балаганѣ у лѣтнихъ, пластъ-пластомъ. Сначала ей какъ будто полегчало, а потомъ наступила страшная слабость,—ныла и болѣла каждая косточка, и Дунька на всѣ разспросы о болѣзни отвѣчала только одно: „вся не могу“. Да и къ себѣ она относилась какъ-то совсѣмъ равнодушно, сосредоточивъ всѣ помыслы и желанія на своемъ ребенкѣ.

Такъ прошла незамѣтно цѣлая недѣля. Иванъ попрежнему ухаживалъ за больной, хотя чувствовалъ, что кругомъ творится что-то неладное. Перемоть совсѣмъ не показывался на островѣ, Іосифъ-Прекрасный тоже начиналъ, видимо, сторониться, являлся на островъ только затѣмъ, чтобы передать, что говорятъ про Дуньку въ деревнѣ. Ивана злило это, и, улучивъ минуту, когда Дунька могла остаться одна, онъ отправился въ деревню, чтобы повидать Ѳеклисту. Жнивье уже поспѣло, и весь народъ былъ въ полѣ. Иванъ дождался Ѳеклисты, и первое, что поразило его, было то, что Ѳеклиста сильно смутилась передъ нимъ и даже покраснѣла.

— Ну, какъ поправляешься?..—спросилъ Иванъ, стараясь не глядѣть на нее.

— Да ничего... по малости управляемся. Сѣно все поставили, теперь за жнивье принялись.

— Я ужо какъ-нибудь на недѣлѣ приду помогать.

Ѳеклиста совсѣмъ смѣшалась и, запинаясь, проговорила:

— Нѣтъ, Иванушка, ужъ лучше ты не ходи...

Этимъ было все сказано. Ѳеклиста была противъ Дуньки, а Иванъ не хотѣлъ ей объяснять, почему и какъ попала Дунька къ нимъ на островъ, потому что это было бы безполезно. „Это другія бабы настроили Ѳеклисту...“—думалъ бродяга, выходя изъ Ѳеклистиной избы. На дворѣ онъ встрѣтился съ Пимкой, который запрягалъ лошадь въ телѣгу.

— Здорово, малецъ...—проговорилъ Иванъ и хотѣлъ потрепать мальчика по головѣ, какъ иногда дѣлалъ.

— Не трожь!..—закричалъ Пимка, и глаза у него засверкали, какъ у настоящаго волчонка.—Ты вотъ Дуньку-то свою гладь по головѣ... Погоди ужо, наши мужики доберутся и покажутъ тебѣ Дуньку.

— Сильно грозятся?..

— Башку, баютъ, отвернемъ...

Иванъ понималъ, что Пимка говоритъ съ чужого голоса и что его, очевидно, научилъ кривой Листаръ, но все-таки бродягѣ сдѣлалось ужасно обидно. Что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлала Дунька имъ всѣмъ? И Ѳеклиста заодно съ другими бабами... Куда же ее, хворую, дѣть, не въ Исеть же спустить, да и

дитё тутъ примѣшалось. Дѣло было подъ вечеръ, и Иванъ зашелъ въ кабакъ къ Безпалому.

— Давай полштофъ...—заявилъ онъ, не здороваясь.

— Что̀ больно угорѣлъ?—засмѣялся Родька.

— И то угорѣлъ...

Въ кабакѣ было пусто, только на лавкѣ спалъ пьяный старикъ-нищій, да на крылечкѣ сидѣли двое обратныхъ ямщиковъ. Иванъ безъ передышки выпилъ два стаканчика и сразу захмелѣлъ—давно онъ не пилъ водки настоящимъ образомъ. Родька дѣлалъ видъ, что будто переставляетъ у себя за стойкой какую-то посудину, а самъ все время не спускалъ глазъ съ бродяги.

— Иванъ, а Иванъ...—окликнулъ Родька вполголоса.

— Ну?

— Мотри, худо твое дѣло... Изъ-за самой этой Дуньки примешь большое горе—мужики сильно серчаютъ...

— Пусть... хворая она лежитъ, такъ не за ноги мнѣ ее тащить съ острова.

— Она точно, что тово...

Наступило тяжелое молчаніе. Иванъ налилъ третій стаканчикъ и долго смотрѣлъ осовѣлыми глазами куда-то подъ лавку, гдѣ валялся разный кабацкій сэръ. Родька попрежнему наблюдалъ его своими лукавыми глазами и наконецъ проговорилъ:

— А куда твои-то дружки ушли?

— Какіе дружки?

— Ну, Переметъ и этотъ Іосифъ-Прекрасный. Вечо̀ръ заходили выпить по шкалику и болтали, что на островѣ больше не останутся: мужиковъ нашихъ устрашились, чтобы за Дуньку чего не было...

— Устрашились, говоришь?..

— Да развѣ они сами-то тебѣ ничего не сказывали?

Иванъ тяжело ударилъ кулакомъ по стойкѣ и сердито плюнулъ на полъ. Это была явная измѣна со стороны товарищей. И кого устрашились?—тебеньковскихъ бабъ...

— А ты, Иванъ, въ самомъ дѣлѣ, поберегайся: неровенъ часъ... Теперь будто жнивье подоспѣло, всѣ въ полѣ, а вотъ праздникъ подвернется, такъ жди гостей.

— Ладно... Куда же ушли мои-то дружки?

— Переметъ поколь у кузнеца Мирона приспособился, а Осипъ махнулъ прямо на трахтъ...

— Подлецы они, дружки-то... А я Дуньку не выдамъ. Что̀ она имъ далась, чертямъ?.. Нашему-то брату, мужику, каково достается бродяжить-то? Въ другой разъ жизни своей постылой не радъ, а бабѣ въ тыщу разъ потяжельше нашего достается.

— Ужъ это что̀ и говорить: больно слабо мѣсто... Только вотъ наши-то тебеньковскія бабенки ощетинились: такъ и рвутъ!..

— Ну, и пусть рвутъ... Робеньчишка у Дуньки-то, а малость выправится—сама уйдетъ.

Дѣйствительно, лѣтные ушли съ Татарскаго острова, и Иванъ остался въ балаганѣ съ глазу на глазъ съ Дунькой. Она женскимъ чутьемъ догадалась, въ чемъ дѣло, и порывалась тоже уйти, хотя сама не могла еще держаться на ногахъ.

— Уйду я, Иванъ, а то, въ самъ-дѣлѣ, мужики тебя еще, пожалуй, изувѣчатъ...—говорила она, собирая какое-то тряпье.

— Перестань, дура... Куда ты уйдешь-то?.. Никого я не боюсь.

Въ ближайшій праздникъ, къ берегу Исети съ утра начали собираться деревенскіе ребятишки, а это было дурнымъ знакомъ. Иванъ узналъ своихъ старыхъ знакомыхъ—и Авдошку, и Кульку, и Семку. Съ ними толклась бѣлоголовая Сонька, сосредоточенно засунувъ пальцы въ ротъ. Такъ продолжалось до самаго вечера, когда со стороны деревни показалась толпа мужиковъ. Иванъ понялъ, что они шли на Татарскій островъ, и сунулъ за пазуху короткій ножъ. Живымъ онъ не хотѣлъ отдаваться въ руки.

Толпа подошла къ берегу и, засучивъ порты выше колѣнъ, побрела къ острову. Впереди всѣхъ шелъ безъ шапки сѣдой сгорбленный старикъ, извѣстный въ деревнѣ подъ именемъ Вилка. Это былъ самый вздорный и зубастый мужичонка, горланившій на волостныхъ сходахъ до хрипоты. За нимъ шли: кузнецъ Миронъ, Сысой, Кондратъ, Родька Безпалый, а позади всѣхъ—степенный старикъ Гаврила съ двумя старшими сыновьями.

— Въ гости къ тебѣ пришли...—заявилъ Вилокъ своимъ скрипучимъ голосомъ, заглядывая въ балаганъ.

— Милости просимъ...—отвѣтилъ Иванъ и прибавилъ:—насчетъ Дуньки?

— Видно, что такъ, милый другъ... Гдѣ она у тебя спрятана, принцесса-то твоя?

— Чего мнѣ ее прятать... въ балаганѣ лежитъ.

Мужики немного замялись и переглядывались между собой. Родька Безпалый первый вошелъ въ балаганъ, но Дунька сама вышла оттуда съ ребенкомъ на рукахъ и молча поклонилась міру.

— Ишь, змѣя, съ дитёмъ тоже... — сбругался Вилокъ и даже плюнулъ.

— Ужъ ты, Иванъ, какъ хошь, а ослобони насъ отъ Дуньки...—заговорилъ Кондратъ изъ-за спины Гаврилычей.—Мы лѣтныхъ не гонимъ, живите, Христосъ съ вами, а главная причина, что вотъ бабенка у васъ объявилась на острову. Очень это неспособно.

— Насъ бабешки-то наши поѣдомъ съѣли...— вставилъ свое слово смирный Сысой.—Житья не стало.

— А ежели Дунька хворая?—спросилъ Иванъ спокойно.

— Знамо, что хворая...—загалдѣли мужики, почесывая въ затылкахъ.—Обнаковенно бабье дѣло. Оченно хорошо понимаемъ...

— Ну, такъ зачѣмъ пришли, коли знаете?—огрызнулся Иванъ.

— А ты что больно ощетинился-то?—началъ задирать Вилокъ, угрожающимъ образомъ наступая на бродягу.—Не больно великъ въ перьяхъ-то... Тебѣ міръ приказываетъ, а ты щетинишься...

— Ужъ это, какъ міръ хочетъ, а я Дуньку не дамъ въ обиду...—заявилъ поблѣднѣвшій Иванъ и инстинктивно положилъ руку за пазуху.

— Такъ и сказать?

— Такъ и скажите...

— Ну, мотри, парень...—грозился Вилокъ, потряхивая своей сѣдой головой.

— И то смотрю, какъ вами бабы помыкаютъ...

— Ребята, пойдемте домой...—неожиданно заявилъ старикъ Гаврила, и „ребята“ безъ слова пошли за нимъ, какъ оглашенные.—Дѣло вѣдь бродяга-то говоритъ...

Мужики ругались всю дорогу, пока шли до Тебеньковой. Неожиданный отпоръ бродяги сбилъ ихъ съ толку, а съ другой стороны, этотъ Гаврила смутилъ всѣхъ.

— Одинъ противъ міра идетъ, стерва!..—ругали мужики бродягу.—Кольемъ его съ острова-то, варнака... Вишь, какой выискался дошлый!..

— Онъ не противъ міра, а маненько будто насчетъ бабъ...—спорилъ старикъ Гаврила.—Правильное слово сказалъ: все изъ-за бабъ загорѣлось, ну ихъ къ ляду!.. Жили лѣтные цѣльное лѣто, а по заморозкамъ-то сами уйдутъ.

Дядя Листарь тоже приходилъ вмѣстѣ съ другими, но благоразумно остался съ ребятишками на берегу, пока мужики были на островѣ. Онъ ругался больше всѣхъ, но его никто не слушалъ.

XI.

Что-то такое страшное и неумолимое чувствуется въ словѣ „осень". Это—медленная агонія умирающей природы... Безконечныя темныя ночи, голыя поля, осиротѣвшій печальный лѣсъ, темная вода въ рѣкѣ, мертвый шорохъ валяющихся на землѣ желтыхъ листьевъ, дождь, грязь и вѣчная пѣсня осенняго вѣтра, который разгуливаетъ съ жалобными стонами по раздѣтой землѣ. Особенно печальна осень въ Зауральѣ, гдѣ мертвыя поля тянутся на сотни верстъ и, послѣ короткаго сѣвернаго лѣта, кажутся такими жалкими, точно оставленное поле сраженія. Хорошо тому, у кого есть свой теплый уголъ, своя семья, свое мѣсто, гдѣ самъ большой, самъ маленькій.

Около Тебеньковой теперь вездѣ красуются клади хлѣба и стога сѣна, а на гумнахъ начинается съ ранняго утра громкая молотьба, точно землю клюютъ сотни громадныхъ птицъ своими деревянными носами. Тукъ, тукъ, тукъ... А вонъ веселый дымокъ стелется надъ овиномъ — сушится мужицкое богатство. Зато Исеть стала такая темная, бурливая; она поднялась отъ дождей въ горахъ и теперь крутится въ пологихъ берегахъ съ глухимъ ворчаньемъ. Валы такъ и хлещутъ, особенно по ночамъ, когда поднималась настоящая сиверка. Татарскій островъ сдѣлался точно ниже, желтый листъ сохранился въ кустахъ только кое-гдѣ, какъ позабытые лохмотья, голыя вѣтви черемухи, вербы и тальника жалко топорщились во всѣ стороны, и глазу неловко за ихъ наготу послѣ пышнаго лѣтняго наряда. Съ дороги въ Тебеньково можно разсмотрѣть балаганъ, устроенный лѣтними на островѣ, и куривщійся передъ нимъ огонекъ. Дунька все еще лежала больная въ балаганѣ и только изрѣдка выползала погрѣться къ огоньку; она любила смотрѣть на черневшую рѣку и задумчиво говорила:

— Иванъ, вонъ ужъ птица стала грудиться...

— Это она къ отлету въ стаи сбиваетъ,—объяснялъ Иванъ.

Лѣсная птица уже улетѣла, за ней двинулась болотная. Дольше всѣхъ держалась водяная—утки, гуси, лебеди. У бродяги Ивана щемило на сердцѣ, когда по небу съ жалобнымъ курлыканьемъ неслись въ теплую сторону колыхавшіеся косяки журавлей, точно они съ собой уносили послѣднее тепло. На Исети появлялись отдѣльныя стаи чирковъ, крахалей, гоголей, чернядей, кряковыхъ; пара лебедей долго плавала у самой деревни. Разъ ночью, захваченный холоднымъ вѣтромъ, на Татарскій островъ палъ цѣлый гусиный перелетъ. Птица выбилась изъ силъ и была такая смирная, хоть бери ее руками. За день гуси успѣли отдохнуть, покормились и съ веселымъ гоготаньемъ двинулись впередъ.

— Ну, видно, и намъ скоро пора, Дунька, тепла искать,—заговаривалъ нѣсколько разъ Иванъ, провожая глазами улетавшія птичьи станицы. — Ты куда думаешь итти?

— А мнѣ въ Камышловъ... Боюсь, чтобы „Носи-не-потеряй" куда въ другое мѣсто не услали. Вѣсточку хотѣлъ прислать.

— Да гдѣ онъ тебя искать будетъ, глупая?

— Найдетъ... Вотъ только бы исправиться. Другой разъ цѣлый день здоровая бываю, а тутъ точно вся размякну: ноженьки не держатъ.

— Въ силу еще не вошла, оттого и не держатъ. Поправляйся скорѣе.

Странная была эта Дунька, какая-то совсѣмъ безотвѣтная, и точно она боялась Ивана все время. Бродяга это чувствовалъ и не могъ понять, зачѣмъ Дунька боится его. Раньше ему было жаль ее, какъ больного человѣка, а теперь онъ жалѣлъ просто замотавшуюся бабу, которая переносила свою судьбу съ непонятнымъ равнодушіемъ. Дунька никогда не жаловалась, не плакала, а только изрѣдка вполголоса затягивала какую-то печальную пѣсню:

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше лѣсу да выше горъ...

Иванъ зналъ только, что Дунька откуда-то съ уральскихъ горныхъ заводовъ, а откуда именно—она не говорила.

— Твой-то „Носи-не-потеряй“ тоже заводскій?—спрашивалъ Иванъ.

— А я почемъ знаю...

Прошло уже недѣль пять, какъ Дунька поселилась на Татарскомъ островѣ. Время летѣло какъ-то незамѣтно. Дунькинъ ребенокъ понемногу росъ и уже могъ улыбаться, когда Иванъ бралъ его къ себѣ на руки.

— Бродяжить пойдемъ, пострѣлъ... а?..—говорилъ Иванъ, подбрасывая ребенка кверху.

Въ половинѣ сентября на Татарскій островъ неожиданно явился Іосифъ-Прекрасный, худой, мокрый, грязный, такъ что Иванъ едва его узналъ.

— Откудова это тебя принесло?—спрашивалъ Иванъ недовѣрчиво.

— Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ... Мнѣ бы зелену муху повидать, Дуньку. Вѣсточку принесъ ей... Мѣсилъ-мѣсилъ отъ Шадрина-то, просто хоть умереть, а нельзя: больно просилъ „Носи-не-потеряй“. Онъ въ Шадринѣ теперь, въ острогѣ, такъ наказывалъ, чтобы Дунька безпремѣнно къ ему шла... серчаетъ.

Это извѣстіе и обрадовало и смутило Дуньку, хотя она ждала его съ часу на часъ. Она даже не разспрашивала про своего возлюбленнаго, что онъ и какъ, а знала только одно: ей непремѣнно нужно итти въ Шадринo и повидаться съ „Носи-не-потеряй“. Иванъ молчалъ и только исподлобья поглядывалъ на Іосифа-Прекраснаго, точно сердился на него.

— Ты чего на меня буркалы-то выворачиваешь? — спросилъ Іосифъ-Прекрасный.

— А смотрю, гдѣ у тебя совѣсть, у анаѳемы. Зачѣмъ тогда убѣгли, дьявола?

— Извѣстно, не отъ радости ушли... экъ пристали!.. Все Переметъ смашивалъ...

— Да вѣдь ты одинъ ушелъ на трахтъ?

— Ну, сначала одинъ, а потомъ и Переметъ пришелъ... онъ и сомустилъ тогда меня, а то я бы ни въ жисть не поддался тебеньковскимъ-то мужикамъ.

— Перестань врать. А гдѣ теперь Переметъ?..

— Переметъ, братъ, на казенное тепло перебрался... И прокуратъ только этотъ самый хохолъ!.. Какъ холода начались, онъ маханулъ на Шадринo и прямо къ слѣдственнику: такъ и такъ, бродяга, не помнящій родства, желаю поступить въ острогъ. Молодой слѣдственникъ-то, славный такой, ну и говоритъ Перемету: „Мнѣ сейчасъ некогда тебя въ острогъ садить—мертвое тѣло производить ѣду, а ты меня обожди—пріѣду, тогда въ лучшемъ видѣ тебя въ острогъ предоставлю“. Ну, Переметъ и ждалъ до самыхъ вечеренъ, а потомъ

забрался въ кухню къ слѣдственному-то, да тамъ и заснулъ. Слѣдственникъ-то пріѣзжаетъ ночью, ему и говорятъ: „Бродяга васъ дожидаетъ, ваше-скородіе“.— „Какой бродяга?“—„А что давѣ приходилъ“.—„Да гдѣ онъ?“—„Да въ кухнѣ у васъ спитъ“. Ну, разбудили Перемета, слѣдственникъ записалъ его въ бумагу и съ бумагой послалъ въ острогъ одного, потому казака не случилось. Переметъ и говоритъ: „Не сумлѣвайтесь, ваше-скородіе, не заблудимся...“ Такъ и представился самъ въ острогъ съ бумагой, зелена муха!

— А много летныхъ идетъ въ острогъ?..

— Идутъ помаленьку... по двое, по трое идутъ. Больше-то не видно. Ну, да еще и настоящаго холоду не было: крѣпятся, которые въ полушубкахъ.

— Ну, а ты какъ со своей головой полагаешь?

— Да что полагать-то, одинъ конецъ...

Іосифъ-Прекрасный неожиданно захохоталъ и долго не могъ успокоиться.

— Чего ржешь-то, дьяволъ?—спрашивалъ Иванъ.

— Охъ, и потѣха только была... Вѣдь я сюда прибѣгъ съ веревочки, ей-Богу!.. Вотъ сейчасъ провалиться!.. Шатался я, шатался по трахту, заморозки пошли, и такъ это мнѣ тошно сдѣлалось, такъ тошно: н-на, ложись да помирай. Листъ это кругомъ облетѣлъ, птица всякая потянула въ теплую сторону, всѣ по своимъ угламъ схоронились, одни лѣтные замѣшкались. Ни ты человѣкъ, ни ты звѣрь, ни ты птица какая... всѣмъ свое мѣсто есть, одному лѣтному земля—клиномъ. Ахъ, ты, зелена муха, пошелъ въ первую деревню да прямо въ волость и объявился; такъ и такъ, молъ, Іосифъ-Прекрасный... А ужъ въ волости-то штукъ восемь лѣтныхъ до меня сидѣло—кого имали, кто самъ пришелъ. Ну, насъ всѣхъ, рабовъ божіихъ, на веревочку да къ ундеру, а ундеръ насъ и повелъ въ Шадрино... И смѣхъ только: насъ восьмеро, и такіе все орлы—упаси Боже, а ундеръ-то одинъ. Мы его, ундера, на смѣхъ и подняли дорогой: „Куда ты, кислый чортъ, ведешь насъ?“ Онъ насъ варнаками креститъ, а мы хохочемъ. Только тутъ ужъ я вспомнилъ про Дуньку-то, что ей наказывалъ „Носи-не-потеряй“, ну, развязался и удралъ отъ ундера, а остальные за мной. Ундеръ-то съ палкой за нами гнался верстъ съ пять...

— Ну, а теперь какъ думаешь насчетъ своей глупой головы?

— Къ тебѣ пришелъ: прогонишь—уйду, не прогонишь—останусь.

— Чего мнѣ тебя гнать: оставайся, коли глянется, только уговоръ дороже денегъ—съ кривымъ Листаромъ не якшаться.

— Ну вотъ, зелена муха, да съ чего я полѣзу къ нему!..

— А отъ большого ума и полѣзешь... Этотъ самый Листаръ унюхалъ про машинку-то и все зубы грызетъ на меня съ тѣхъ поръ.

— Н-но?

— Вѣрно... Да ты же, поди, проболтался тогда ему. Ну, да все равно... Листаръ тогда и бабъ настроилъ противъ Дуньки, и мужиковъ подсылалъ на островъ, чтобы я Дуньку прогналъ. Знаетъ, песъ, чѣмъ насолить..

Иванъ сначала былъ сердитъ на Іосифа-Прекраснаго, потомъ ему было жаль этой безпутной головы, да и Дунька уйдетъ — вдвоемъ веселѣе будетъ горе горевать. Такъ Іосифъ-Прекрасный и поселился снова на Татарскомъ островѣ, какъ настоящая перелетная птица.

— Мы еще ребенка у Дуньки крестить будемъ,—говорилъ онъ.—Такъ, Дунюшка... ась?..

— Отстань, сѣра горючая...

— Стосковалась, поди... а?.. А мы вотъ съ Иваномъ возьмемъ да и не пустимъ тебя, ха-ха!.. Можетъ, мы еще лучше твоего „Носи-не-потеряй“... Погляди-ка на меня-то, а?..

XII.

Начались крѣпкіе заморозки. Земля по утрамъ глухо гудѣла подъ ногой, какъ прокованная полоса желѣза. На Исети образовались закраины; послѣдняя зеленая травка, топорщившаяся кое-гдѣ отдѣльными кустиками, замерзла, и только одинъ утки продолжали кружиться на самой срединѣ рѣки. Передъ Покровомъ выпалъ первый „гнилой“ снѣжокъ и черезъ три дня растаялъ. Сейчасъ послѣ Покрова Дунька собралась уходить, несмотря ни на какіе уговоры лѣтныхъ повременить еще.

— Нельзя... надо...—твердила Дунька, собирая свои тряпицы.

— Да вѣдь ты замерзнешь, окаянная!

— Нѣтъ, ждетъ онъ меня.

Такъ Дунька и не сдалась на уговоры, собралась и въ одно холодное осеннее утро отправилась въ путь, поблагодаривъ лѣтныхъ за хлѣбъ-соль и за ласковое слово. Іосифъ-Прекрасный, въ видѣ послѣдней любезности, перенесъ Дуньку на спинѣ черезъ рѣку и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, повторяя: „Ахъ ты, зелена муха... право, зелена муха!“. Иванъ тоже слѣдилъ глазами съ острова за уходившей Донькой, и его сердце ныло, точно онъ провожалъ ее на прямую погибель.

— Охъ, не надо бы пущать Дуньку-то... — говорилъ вечеромъ Іосифъ-Прекрасный, когда они варили на огнѣ кашу. — Погинетъ она, а бабенка-то ужъ больно безотвѣтная. Какъ собачонка ходитъ за этимъ „Носи-не-потеряй“ а онъ же ее и колотитъ... Видѣлъ я его въ острогѣ-то, такой угланъ.

— Самимъ надо уходить...

— Въ скиты?

— Да, въ скиты къ раскольникамъ... за Верхотурье...

Лѣтные рѣшили уйти съ острова дня черезъ три. Ивану хотѣлось проститься съ Ѳеклистой, и онъ все собирался къ ней каждый день. Можетъ, теперь баба опомнилась, а ссориться съ ней Иванъ не хотѣлъ. Онъ былъ даже доволенъ, что, благодаря Донькѣ, они на время разошлись съ Ѳеклистой: врагъ силенъ—мало ли что могло быть. Выбравъ подходящій вечерокъ, Иванъ отправился въ деревню. Съ рѣки дулъ сильный вѣтеръ, по небу бѣжали свинцовыя тучи, осенняя непроглядная темь захватила все кругомъ, точно могила. Иванъ пробрался къ Ѳеклистиной избѣ задами, но, на бѣду, Ѳеклисты не случилось дома: она ушла куда-то въ сосѣди, а въ избѣ оставалась одна Сонька. Иванъ подождалъ съ полчаса, а потомъ пошелъ обратно.

— Скажи мамкѣ, что Иванъ прощаться приходилъ, — наказывалъ онъ бѣлоголовой дѣвчуркѣ.—Скажешь?..

— Скажу...—лѣниво отвѣтила Сонька; она давно хотѣла спать и готова была разревѣться.

Иванъ шелъ назадъ старой дорогой, и, когда подходилъ уже къ самому острову, небо вдругъ освѣтилось горячимъ заревомъ — горѣло Тебеньково съ самой середины, и вѣтеръ гналъ колыхавшееся пламя въ обѣ стороны.

— Здорово запаливаетъ...—говорилъ Іосифъ-Прекрасный, изъ-подъ руки разсматривая пожаръ.—Страшенное пальмо занялось... Вонъ у Гущиныхъ изба горитъ, къ Кондрату пошло. Охъ, страсть какая: такъ и деретъ пальмо-то.. Развѣ сбѣгать въ деревню-то?

— Ну, придумалъ...—остановилъ его Иванъ.—Не до насъ мужикамъ-то, неровенъ часъ, пожадуй, и въ шею накладутъ.

— Въ лучшемъ видѣ... потому какъ народъ одурѣетъ совсѣмъ. Вонъ какъ поворачиваетъ огонь-то, на обѣ стороны пошелъ...

Деревенскій пожаръ, особенно въ ночную пору—страшная вещь. Черезъ какихъ-нибудь полчаса половина Тебенькова была въ огнѣ: одна изба горѣла за другой, и страшное „пальмо“ съ ревомъ кружилось по улицѣ, прахомъ пуская нажитое потомъ и кровью крестьянское добро, отъ котораго оставались только одни головни да густая полоса чернаго дыма. По небу разлилось кровавое зарево и далеко освѣтило окрестности своимъ зловѣщимъ свѣтомъ, точно къ небу вставала сама мужицкая кровь. Вой вѣтра сливался съ ревомъ скотины, метавшейся по конюшнямъ и пригонамъ. Спавшій народъ выскакивалъ на улицу, кто въ чемъ былъ: мужики—босые, простоволосыя бабы—въ однѣхъ рубахахъ, ревѣвшіе ребятишки — полураздѣтые. На церкви лихорадочно звонили во всѣ колокола, у воротъ вездѣ стояли старухи съ иконами въ рукахъ и громко читали молитвы; со всѣхъ сторонъ въ Тебеньково летѣли крестьянскія телѣги съ мужиками. Мирное село превратилось въ адъ. Народъ совсѣмъ обезумѣлъ, и мужики метались по селу вмѣстѣ съ одурѣвшей скотиной, которая обрывала привязи и рвалась въ горѣвшія стойла. Коровы бросались прямо въ огонь. Ополоумѣвшія бабы растеряли своихъ ребятишекъ и еще болѣе увеличивали общую суматоху своимъ воемъ и причитаньями. Какой-то слѣпой и глухой старикъ ни за что не хотѣлъ выходить изъ горѣвшей избы, и его должны были вытащить на рукахъ силой.

Когда пожарище охватило полдеревни, у мужиковъ опустились руки: нечего было спасать и некуда. Единственная пожарная машина сгорѣла вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ, да и какая машина могла остановить это море бушевавшаго огня. Отъ избы Гущиныхъ остались одни трубы, догорала новая изба Кондрата, у Сысоя его плохая избенка загоралась уже два раза, но онъ съ топоромъ въ рукахъ отстаивалъ свое послѣднее добро. Рядомъ съ нимъ работалъ дядя Листаръ, подставляя огню свою горбатую спину.

— Господи, да откуда это началось-то?—голосили бабы.

У дяди Листара, какъ молнія, мелькнула мысль, и онъ закричалъ съ крыши одурѣвшей толпѣ:

— Кому поджигать-то, окромя лѣтныхъ!..

Эта мысль, какъ искра, упавшая въ порохъ, произвела въ головахъ обезумѣвшихъ мужиковъ и бабъ другой пожаръ. „Лѣтные подожгли... лѣтные!“—ревѣла вся деревня, какъ одинъ человѣкъ. Выискался кто-то, кто видѣлъ, какъ вечеромъ Иванъ пробирался задами къ Ѳеклистиной избѣ — сейчасъ послѣ него и занялся пожаръ. Отыскали Ѳеклисту—она не видала Ивана, ей дали тумака и пообѣщали выдрать, зачѣмъ якшается съ лѣтными. Зато маленькая Сонька разсказала все, что̀ знала.

— Это онъ изъ-за Дуньки деревню подпалилъ!..—кричалъ сѣдой Вилокъ, выскакивая изъ толпы.—Робята, тащите ихъ, варнаковъ, суды...

Толпа мужиковъ бѣгомъ бросилась къ Татарскому оѣтрову... Іосифъ-Прекрасный думалъ спастись бѣгствомъ, но его поймали верховые и потащили по землѣ за волосы, какъ теленка. Иванъ не сопротивлялся и шелъ въ деревню среди толпы остервенившихся мужиковъ, съ побѣлѣвшимъ мертвымъ лицомъ.

— Куда Дуньку дѣлъ?..—ревѣли голоса, и на бродягу посыпались удары.

— Ушла... третьево-дня ушла.

— Такъ и есть! Дуньку спровадили, а сами деревню подпалили! Вашихъ рукъ дѣло, варначье... кайтесь!..

— Братцы, Христосъ съ вами... опомнитесь!..—умолялъ Иванъ, но его голосъ замиралъ въ общемъ гвалтѣ, какъ крикъ ребенка.

— Мы тебя живо разсудимъ, стерва!..—кричалъ Вилокъ, стараясь ударить Ивана кулакомъ по лицу.—Листаръ все видѣлъ...

Іосифъ-Прекрасный былъ уже на пожарищѣ, когда привели въ деревню Ивана. Бродяги были въ разорванныхъ рубахахъ и оба въ крови, которая струилась у нихъ по лицамъ.

— Вотъ они... поджигатели!..—ревѣла деревня.

Въ толпу протолкался дядя Листаръ и закричалъ, указывая на Ивана:

— При мнѣ онъ грозился на деревню...

Изба Сысоя горѣла, какъ снопъ соломы: онъ, захлебываясь отъ ярости, пробился тоже къ бродягамъ и вцѣпился въ Ивана, какъ кошка.

— Это онъ поджегъ!..—неистово голосилъ Сысой, стараясь укусить бродягу за плечо.—Своими глазами видѣлъ...

— Въ огонь ихъ!..—пронеслось въ толпѣ.

Этотъ страшный крикъ стоилъ пожара. За Ивана схватились разомъ десятки рукъ, и, несмотря на самое отчаянное сопротивленіе, онъ повисъ въ воздухѣ—его тащили къ первой горѣвшей избѣ.

— Батюшки... батюшки... батюшки!..—отчаянно вопилъ Иванъ, напрасно цѣпляясь за чужія руки, шеи, головы.

— Въ огонь!..

Въ воздухѣ мелькнулъ какой-то живой комъ, болтавшій ногами и руками, и бѣглый попалъ въ самое пекло. Черезъ нѣсколько секундъ онъ выкатился оттуда, обгорѣлый, окровавленный, продолжая лепетать: „батюшки... батюшки...“. Но толпа не знала пощады, и бродяга полетѣлъ въ огонь во второй разъ, а чтобы онъ не выползъ оттуда, кто-то придавилъ его тяжелой слегой.

Къ утру Тебеньково представляло собой дымившееся пожарище, а отъ Ивана Несчастной-Жизни не осталось даже костей. Іосифъ-Прекрасный черезъ день, отъ полученныхъ на пожарѣ побоевъ, умеръ въ кабакѣ Редьки Безпалова.

1886.

БОЙЦЫ

Очерки весенняго сплава по рѣкѣ Чусовой.

Ой, дубинушка, ухнемъ..

I.

Мы пріѣхали на пристань Каменку ночью. Утромъ, когда я проснулся, ласковое апрѣльское солнце весело глядѣло во всѣ окна моей комнаты, гдѣ-то любовно ворковали голуби, задорно чирикали воробьи, и съ улицы доносился тотъ неопредѣленный шумъ, какой врывается въ комнату съ первой выставленной рамой.

Весна, безспорно, самое лучшее и самое поэтическое время года, о чемъ писано и переписано поэтами всѣхъ странъ и народовъ; но едва ли гдѣ-нибудь весна такъ хороша, какъ на далекомъ, глухомъ сѣверѣ, гдѣ она является поразительнымъ контрастомъ, сравнительно съ суровой зимой. Притомъ южная весна наступаетъ исподоволь, а на сѣверѣ она, наоборотъ, производитъ быстрый и стремительный переворотъ въ жизни природы, точно какой невидимой могучей рукой разомъ зимнія декораціи перемѣняются на лѣтнія. Съ яснаго голубого неба льются потоки животворящаго свѣта, земля торопливо выгоняетъ первую зелень, блѣдные сѣверные цвѣточки смѣло пробиваются черезъ тонкій слой тающаго снѣга—однимъ словомъ, въ природѣ творится великая тайна обновленія и, кажется, самый воздухъ цвѣтетъ и любовно дышитъ преисполняющими его силами. Прибавьте къ этому освѣженную глянцевитую зелень сѣвернаго лѣса, веселый птичій гамъ и трудовую возню, какими оглашаются и вода, и лѣсъ, и поля, и воздухъ. Это величайшее торжество и апоѳеозъ той великой силы, которая неудержимо льется съ голубого неба, какимъ-то чудомъ претворяясь въ зелень, цвѣты, ароматъ, звуки птичьихъ пѣсенъ, и все кругомъ наполняетъ удесятеренной, кипучей дѣятельностью. Я люблю этотъ великій моментъ въ бѣдной красками и звуками жизни сѣверной природы, когда смерть и нѣмое оцѣпенѣніе зимы смѣняются кипучими радостями короткаго сѣвернаго лѣта. Именно такой весенній апрѣльскій день смотрѣлъ въ окна моей комнаты, когда я проснулся на Каменкѣ: весна гудѣла на улицѣ, точно въ воздухѣ катилось какое-то громадное колесо.

Распахнувъ окно, я долго любовался разстилавшейся передъ моими глазами картиной бойкой пристани, залитой тысячеголосой волной собравшагося сюда народа; любовался Чусовой, которая сильно надулась и подняла свой синевато-грязный рыхлый ледъ, покрытый желтыми наледями и черными полыньями, точно онъ проржавѣлъ; любовался густымъ ельникомъ, который, сей-

часъ за рѣкой, поднимался могучей зеленой щеткой и выстилалъ загораживавшія къ рѣкѣ дорогу горы. Въ логахъ еще лежалъ снѣгъ, точно изъѣденный червями: по проталинамъ зеленѣла первая весенняя травка, но березы были еще совсѣмъ голы и печально свѣсили свои припухшія красноватыя вѣтви.

Каменка, одна изъ нижнихъ чусовскихъ пристаней, раскинула свои полтораста бревенчатыхъ избъ по крутому правому берегу въ углу, который образовала съ Чусовой бойкая горная рѣчка Каменка. Моя комната была во второмъ этажѣ, и изъ окна открывался широкій видъ на рѣку и собственно на пристань, т.-е. гавань, гдѣ строились и грузились барки, на шлюзъ, черезъ который барки выплывали въ Чусовую, лѣсопилыю, пріютившуюся сейчасъ подъ угоромъ, на которомъ стоялъ домъ, гдѣ я остановился, и на красовавшуюся вдали двухъэтажную караванную контору, построенную на самомъ юру, на стрѣлкѣ между Каменкой и Чусовой. За рѣкой Каменкой, на низкомъ, отлогомъ берегу, приткнулась маленькая деревушка, точно она сейчасъ вылѣзла изъ воды своими двумя десятками избушекъ и теперь сушилась на солнечномъ пригрѣвѣ. Гавань устроена, вѣроятно, изъ островка или песчаной косы, которая образовалась въ самомъ устьѣ Каменки; нижняя часть этой косы была соединена съ крутымъ берегомъ, на которомъ раскинулась пристань широкой плотиной. Берега гавани вплошную обставлены деревянными магазинами для склада металловъ, строившимися и совсѣмъ готовыми барками; вездѣ валялись бревна, сложенныя въ желтые квадраты, свѣжій тесъ, обломки сгнившихъ барокъ, кучи пакли, козла и платформы спущенныхъ въ гавань барокъ. Нѣсколько огней, около которыхъ варили смолу для барокъ, дополняли картину. Весь берегъ былъ залитъ народомъ, который толпился, главнымъ образомъ, около караванной конторы и магазиновъ, гдѣ торопливо шла нагрузка барокъ; тысячи четыре бурлаковъ, какъ живой муравейникъ, облѣпили все кругомъ, и въ воздухѣ висѣлъ глухой гулъ человѣческихъ голосовъ, рѣзкій лязгъ нагружаемаго желѣза, удары топора, рубившаго дерево, визгъ пилъ и глухое постукиванье рабочихъ, конопатившихъ уже готовыя барки, точно тысячи дятловъ долбили сырое, крѣпкое дерево. И надъ всей этой картиной широкой волной катилась безшабашная бурлацкая „Дубинушка“, съ самыми нецензурными запѣвами. Не успѣвалъ замереть въ одномъ мѣстѣ дружный окрикъ работавшихъ бурлаковъ, какъ сейчасъ же съ новой силой вставалъ въ другомъ. Могучій валъ самой пестрой смѣси звуковъ гулкимъ эхомъ отдавался на противоположномъ берегу и, какъ пѣнистая волна вешней полой воды, тянулся далеко внизъ по рѣкѣ, точно рокотъ живого человѣческаго моря. Эта картина кипучей дѣятельности тысячъ людей представляла неизмѣримый контрастъ съ тѣмъ глубокимъ, мертвымъ сномъ, какимъ покоится пристань Каменка цѣлый годъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ недѣль весенняго сплава. Еще день или два, рѣка взломаетъ ледъ, и вмѣстѣ съ водой уплыветъ вся эта бѣшеная работа, неистовый шумъ и крикъ, и опять все будетъ тихо и мертво кругомъ, вплоть до будущей весны.

— Съ весной, голубчикъ! Съ весной поздравляю!—кричалъ хриплымъ голосомъ хозяинъ моей квартиры, врываясь въ комнату въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и въ короткомъ ваточномъ пиджакѣ.

— А скоро рѣка тронется, Осипъ Иванычъ?

— Э, голубчикъ, чего вы захотѣли... Да послушайте, милый человѣкъ, вы, кажется, еще не проснулись порядкомъ: это безсовѣстно!.. Слышите: безсовѣстно... Я съ четырехъ часовъ утра колочусь, какъ каторжный, а вы тутъ прохлаждаетесь. Вы посмотрите хоть на нашу пристань—вѣдь это цѣлый адъ, пекло какое-то... Охъ, подлецы, подлецы!..

— Кто это провинился такъ?

— Какъ кто? А бурлаки? Вѣдь ихъ четыре тысячи, анаоемъ, а у меня горло одно... Понимаете: одно! Сразу охрипъ... Охъ, моченьки моей не стало съ этими мошенниками!..

Осипъ Иванычъ энергично вытеръ свое вспотѣвшее румяное лицо бумажнымъ платкомъ, поправилъ спутавшіеся на головѣ рѣдкіе русые кудри, загрывавшіе на макушкѣ порядочную лысину, и залпомъ опрокинулъ двѣ рюмки водки изъ графина, который стоялъ на угловомъ столикѣ. Приземистая, широкоплечая фигура Осипа Иваныча, съ краснымъ затылкомъ и высокой грудью, служила какъ бы олицетвореніемъ преисполнявшей его энергіи; выкатившіеся каріе глаза съ опухшими, красноватыми вѣками смотрѣли блуждающимъ, усталымъ взглядомъ, какъ у человѣка, который только-что сейчасъ вырвался изъ жестокой свалки. Русая бородка и большіе усы носили слѣды самаго безцеремоннаго обхожденія: Осипъ Иванычъ, когда начиналъ сердиться, немилосердно ерошилъ свою бороду и грызъ усы, а такъ какъ сердиться ему рѣшительно ничего не стоило, то и бородѣ и усамъ доставалось порядкомъ.

— Охъ, подлецы!—ворчалъ Осипъ Иванычъ сквозь зубы, съ ожесточеніемъ прожевывая сухую корочку хлѣба.—Асциды!..

— Да чѣмъ они васъ такъ обидѣли, Осипъ Иванычъ?

— Какъ чѣмъ?.. Сегодня какой день... а?—грозно приступилъ онъ ко мнѣ, размахивая руками.—Какой день?

— Кажется, 23-е апрѣля...

— Вотъ то-то и есть: „кажется“... Вы бы въ моей кожѣ посидѣли, тогда на носу себѣ зарубили бы этотъ денекъ... 23-го апрѣля—Егорія вешняго—поняли? Только лѣнивая соха въ поле не выѣзжаетъ послѣ Егорія... Ну, обыкновенно, сплавъ затянулся, а пришелъ Егорій, — все мужичье и взбѣленилось: подай имъ сплавъ, хоть роди. Давеча такъ меня обступили, такъ съ ножомъ къ горлу и лѣзутъ... А я развѣ виноватъ, что весна выпала нынче поздняя?..

Наругавшись всласть и пропустивъ еще двѣ рюмки, Осипъ Иванычъ совсѣмъ другимъ тономъ проговорилъ:

— Пойдемте со мной, посмотрите, какъ мы въ смолѣ кипимъ. Сначала надо завернуть въ кабакъ...

— Зачѣмъ?

— Народъ гнать на работу. Только отвернись—сейчасъ въ кабакъ... Я вамъ говорю: разбойники и протоканальи! А всѣхъ хуже наши каменскіе... Заберутъ задатки и въ кабакъ, а тамъ, какъ хочешь, и выворачивайся, хоть самъ сталкивай барки въ воду да грузи!..

Въ передней мы натолкнулись на мужика въ разорванной красной рубахѣ; одной рукой онъ держался за стѣну, стараясь сохранить равновѣсіе. По красному лицу и блуждающему взгляду мутныхъ глазъ можно было принять этого мужика за трудно больного, если бы отъ него не отдавало на цѣлую версту специфическимъ ароматомъ перегорѣлой водки.

— Это ты, Савоська?—окликнулъ мужика Осипъ Иванычъ.

— А то какъ же... я... я!..

— Чего тебѣ надо?

Мужикъ только-что раскрылъ ротъ для необходимыхъ объясненій, какъ Осипъ Иванычъ уже обрушился на него съ необыкновеннымъ азартомъ:

— Да ты гдѣ, каналья, шары-то *) налилъ, а?. Съ какой радости... а?! Люди работаютъ, надрываются, а онъ...

---

*) „Шары“ — глаза.

— Осипъ Иванычъ... дай опохмелиться!

— Чего?

— Опохмел...

— Вотъ тебѣ опохмелиться, а вотъ закусить!—крикнулъ Осипъ Иванычъ, схватывая Савоську за воротъ и ловкимъ подзатыльникомъ выталкивая за дверь.

Мужикъ только загремѣлъ ногами по лѣстницѣ и кубаремъ выкатился на улицу, къ удивленію толпившагося около дома народа.

— Гли, робя: Савоську опохмелили!—слышался изъ толпы чей-то веселый голосъ.—Ай да Осипъ Иванычъ! уважилъ! Хорошій стаканчикъ поднесъ!

— Видѣли?—спрашивалъ Осипъ Иванычъ съ улыбкой.

— Да...

— А между тѣмъ этотъ Савоська одинъ изъ лучшихъ сплавщиковъ у насъ... Золото, а не мужикъ. Только вотъ проклятая зараза: какъ работа, такъ онъ безъ заднихъ ногъ. Чистая бѣда съ этими мерзавцами!

Когда мы вышли на улицу, Савоська писалъ мыслете по самой серединѣ улицы, сдвинувъ свою рваную шляпенку на одно ухо. Это былъ красивый мужикъ лѣтъ сорока, съ широкимъ, бородатымъ лицомъ и русыми кудрями, которые лѣзли изъ-подъ шляпенки во всѣ стороны шелковыми кольцами. Онъ пробовалъ-было затянуть пѣсню, но выходило какое-то дикое мычанье, и Савоська принялся ругаться въ пространство, неровно взмахивая руками. Оглянувшись, онъ замѣтилъ Осипа Иваныча, остановился, подперъ руки фертомъ и, пошатываясь, закричалъ:

— А я тебѣ... покажу, Оська! Подвяжу куфтой хвостъ-отъ... Вѣрно!..

— Ты у меня еще поразговаривай!—закричалъ Осипъ Иванычъ.

— А мнѣ плевать на тебя... Слышалъ?.. Плев...

Осипъ Иванычъ ринулся впередъ, но Савоська уже летѣлъ далеко впереди на всѣхъ рысяхъ, потерявъ свою шляпу.

— Прямо въ кабакъ, шельмецъ, задулъ!—ругался Осипъ Иванычъ, подбирая Савоськину шляпу.

II.

Осипъ Иванычъ служилъ на пристани приказчикомъ. Это былъ русскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова: безхарактерный, добрый, вспыльчивый. Онъ обладалъ счастливой способностью съ совершенно спокойной совѣстью ничего не дѣлать по цѣлымъ мѣсяцамъ и просто лѣзъ на стѣну, когда наваливалась работа. Во время сплава онъ, собственно, былъ золотой человѣкъ, потому что лѣзъ изъ кожи въ интересахъ транспортнаго общества „Нептунъ“, которое отправляло металлы съ Каменки, но, какъ часто бываетъ съ такими людьми, отъ его работы выходило довольно мало толку. Осипъ Иванычъ безъ всякаго пути разносилъ въ щепы совершенно невинныхъ людей, такъ же безъ пути снисходилъ къ отъявленнымъ плутамъ и завзятымъ мошенникамъ и, въ концѣ концовъ, былъ глубоко убѣжденъ, что безъ него на пристани хоть пропадай.

— Я ихъ всѣхъ насквозь вижу, разбойниковъ,—увѣрялъ онъ, когда мы шли по широкой улицѣ къ кабаку.—Это варначье только меня и боится; у меня разговоръ короткій: разъ-два и къ чорррту!.. Они меня знаютъ! Да вонъ посмотрите, какъ зашевелились у кабака: завидѣли грозу... Ха-ха!

Мы шли сначала по берегу Чусовой, миновали часовню, чей-то высокій деревянный домъ съ зеленой желѣзной крышей и завернули за уголъ. Пока-

давшіяся на пути избы производили хорошее впечатлѣніе своими толстыми бревнами, крѣпкими воротами, крытыми наглухо, по-раскольничьи, дворами и бѣлыми кирпичными трубами; извѣстное довольство сказывалось во всемъ, начиная съ тесовыхъ крѣпкихъ крышъ и кончая стекольчатыми окошками и расписными ставнями. На берегу и около домовъ—вездѣ попадались кучки бурлаковъ, съ котомками и безъ котомокъ, въ рваныхъ полушубкахъ, въ заплатанныхъ азямахъ и просто въ лохмотьяхъ, составъ которыхъ можно опредѣлить только химическимъ путемъ, а не при помощи глаза.

— Ишь, молодцы, только-что явились на сплавъ!—ругался Осипъ Иванычъ, когда попадались бурлаки съ котомками.—Ужо, я вамъ покажу кузькину мать!..

— А что же вы имъ сдѣлаете?

— Я?!. У насъ, голубчикъ, все это оформлено: просрочилъ явку на пристань—штрафъ; не явился на спишку барокъ—штрафъ; не пришелъ на нагрузку—штрафъ...

Дорогу намъ загородила артель бурлаковъ съ котомками. Палки въ рукахъ и грязные лапти свидѣтельствовали о дальней дорогѣ. Это былъ какой-то совсѣмъ сѣрый народъ, съ испитыми лицами, понурымъ взглядомъ и неуклюжими, тяжелыми движеніями. Видно, что пришли издалека, обносились и отощали въ дорогѣ. Впередъ выдѣлился сгорбленный, сѣдой старикъ и, снявъ съ головы что-то въ родѣ вороньяго гнѣзда, нерѣшительно и умоляюще заговорилъ:

— Осипъ Иванычъ! мы ужъ къ твоей милости...

— Откуда вы?

— Вятскіе мы, родимый мой, вятскіе...

— Ты не въ первый разъ на сплавъ пришелъ?

— Нѣтъ, не въ первой... Разъ съ двадцать, можетъ, ужъ сплылъ.

— Ну, такъ чего тебѣ отъ меня нужно?

— Да вотъ запоздали мы, Осипъ Иванычъ... Грѣхъ такой вышелъ; непогодье насъ захватило, а дорога дальняя.

— Знать не хочу... вздоръ!.. Что у тебя въ контрактѣ сказано... а?..—заоралъ Осипъ Иванычъ, выкатывая глаза.—Я, что ли, буду сталкивать да грузить барки за васъ?.. Задатки любите получать?!. а?!.

— Да вѣдь задатки въ волость пошли, за подушное...—какъ-то равнодушно оправдывался старикъ, совсѣмъ подавленный величіемъ обступившихъ его нуждъ.—Подушное, Осипъ...

— А мнѣ плевать на ваше подушное! Знать не хочу!.. Просрочилъ трое сутокъ—за трое сутокъ и штрафъ по контракту...

— Осипъ Иванычъ, родимый! мы вѣдь тысячу верстъ съ залишкомъ брели сюды... изморились! А тутъ ростепель захватила...

— Вздоръ!.. Я не Богъ... понимаешь? Я не Богъ...

Старикъ только махнулъ рукой и пожевалъ сухими синими губами. Артель стояла, какъ вкопанная; на извѣтрившихся лицахъ трудно было прочитать произведенное этой сценой впечатлѣніе. Старикъ, перебирая въ рукахъ свое воронье гнѣздо, что-то хотѣлъ еще сказать, но Осипъ Иванычъ уже бѣжалъ къ кабаку и съ непечатной руганью врѣзался въ толпу. Около кабака народъ стоялъ стѣной; звуки гармоники и треньканье балалаекъ перемѣшивались съ пьянымъ говоромъ, топотомъ отчаянной пляски и дикой пьяной пѣсней, въ которой ничего не разберешь. Эта толпа глухо колыхнулась и загудѣла, когда Осипъ Иванычъ ворвался въ самый центръ и съ неистовымъ крикомъ принялся разгонять народъ.

— Аспиды! Разбойники! Мошенники!..—ревѣлъ Осипъ Иванычъ, какъ сумасшедшій, не зная, на кого броситься; по пути онъ сыпалъ подзатыльниками и затрещинами.

Савоська выглянулъ изъ-за косяка кабацкой двери и быстро спрятался; на его мѣстѣ показалась согнутая фигура заводскаго мастерового съ запеченнымъ лицомъ и слезившимися глазами.

— Осипъ Иванычъ, ты неправильно насъ обиждаешь,—заговорилъ онъ, когда Осипъ Иванычъ протолкался сквозь густую толпу до самыхъ дверей.— Сегодня нашъ день, а завтра—твой... Мы тебѣ отробимъ, все отробимъ, а ты насъ не тронь...

— Ахъ, ты...

Мастеровой вылетѣлъ изъ кабака отъ одного удара могучей десницы Осипа Иваныча, а за нимъ вслѣдъ, какъ вилокъ капусты, полетѣлъ Савоська и растянулся плашмя на землѣ.

Пока Осипъ Иванычъ совершалъ свои подвиги, записные пьяницы успѣли попрятаться за углами ближайшихъ избъ, чтобы опять забраться въ кабакъ, когда гроза пронесется. Другіе дѣлали видъ, что идутъ къ гавани, но, завернувъ за уголъ первой улицы, совершали обходное движеніе, чтобы попасть въ кабакъ съ противоположной стороны. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Савоська въ компаніи съ ругавшимся и запеченнымъ мастеровымъ, захвативъ по пути какихъ-то самыхъ подозрительныхъ дѣвицъ въ короткихъ сарафанахъ и яркихъ платкахъ на головѣ. Въ этой толпѣ женскія лица попадались только въ качествѣ исключеній; домовитыя хозяйки были завалены работой по горло, потому что нужно было прокормить чѣмъ-нибудь эту трехтысячную голодную толпу. Конечно, бурлацкое брюхо не отличается особенной прихотливостью, но и оно боится пустоты.

Послѣ долгаго неистовства вѣрнаго служаки, музыка и пѣсни смолкли, и толпа кабацкихъ завсегдатаевъ медленно начала расходиться, потянувшись длиннымъ хвостомъ къ гавани.

— Вы посмотрите только, что̀ это за народъ!—кричалъ Осипъ Иванычъ, выскакивая изъ кабака ужъ безъ шапки.—Мошенникъ на мошенникѣ... И все наши каменскіе либо заводскіе! Ужъ только и парродецъ...

Дѣйствительно, большинство бурлаковъ, собравшихся около кабака, были каменскіе бурлаки и заводскіе мастеровые. И тѣхъ и другихъ отличишь сразу. Для нихъ весенній сплавъ — разливное море, вѣчный праздникъ. Каменскіе славятся по всей Чусовой, какъ лучшіе бурлаки, но зато и отчаяннѣе этихъ каменскихъ не найти по всей Чусовой. Даже заводскіе мастеровые, тоже разбитной народъ, не отличающійся особенной скромностью, далеко уступаютъ каменскимъ. Каменскаго бурлака вы сразу узнаете, хоть будь это распослѣдній пропойца и забулдыга, у котораго весь костюмъ состоитъ изъ однѣхъ заплатъ. Онъ такъ умѣетъ надѣть на себя свои заплаты и идетъ по улицѣ съ такимъ самодовольнымъ видомъ, что сейчасъ видно птицу по полету. А если онъ раздобылся красной рубахой, дырявыми сапогами и мало-мальски приличнымъ чекменемъ, онъ ходитъ по пристани гоголемъ и знать ничего и никого не хочетъ. Лихорадочная, каторжная работа на сплаву, безконечная лѣнивая зима, когда бурлаку рѣшительно нечего дѣлать, затѣмъ водка при отвалѣ каравана, водка на каждой хваткѣ, водка на съемкѣ обмелѣвшихъ барокъ, и самое кромѣшное, безпросыпное пьянство, когда караванъ привалитъ благополучно въ Пермь, все это, взятое вмѣстѣ, создало совершенно особенный типъ. Весенній сплавъ для Каменки праздниковъ праздникъ, и всѣ одѣваются въ самое лучшее платье и ставятъ послѣдній грошъ ребромъ.

Заводскіе мастеровые отличаются отъ каменскихъ своими запечатленными въ откатной работѣ линіями, изможденнымъ видомъ и тѣмъ особеннымъ, неудержимымъ шикомъ, съ какимъ умѣетъ держать себя только настоящая заводская косточка. И чекмень на немъ не такъ сидитъ, и шляпа сдвинута на ухо, и ходитъ чортъ-чортомъ. Впрочемъ, на сплавъ идутъ съ заводовъ только самые оголтѣлые мастеровые, которымъ больше дѣваться некуда, а главное—нечѣмъ платить подати.

— Много у васъ заводскихъ?—спросилъ я Осипа Иваныча, когда онъ нѣсколько отдышался послѣ горячей сцены у кабака.

— Достаточно и этихъ подлецовъ... Никуда не годенъ человѣкъ,—ну и валяй на сплавъ! У насъ все уйдетъ. Намъ вѣдь съ нихъ не воду пить. Нынче по заводамъ, съ печами Сименса да разными машинами, все меньше и меньше народу нужно—вотъ и бредутъ къ намъ. Все же хоть изъ-за хлѣба на воду заработаетъ.

— А сколько вы платите бурлакамъ за сплавъ?

— Рублей восемь, десять, смотря по контрактамъ. У насъ вѣдь круговая порука: артелями нанимаемъ. Одинъ изъ артели не явился, вся артель въ отвѣтѣ.

— Да вѣдь такимъ образомъ при расчетѣ на руки артели можетъ ничего не достаться.

— Сплошь и рядомъ... Въ другой разъ еще съ артели слѣдуетъ получать, только взять-то съ нихъ нечего. А безъ артели—бѣда! чуть запоздалъ сплавъ—всѣ расползутся, какъ тараканы.

III.

Отъ кабака мы пошли къ караванной конторѣ.

По пути намъ попадались тѣ же кучки бурлаковъ, которыя росли и увеличивались съ каждымъ шагомъ, пока не перешли въ сплошную движущуюся массу. Эти лохмотья, изможденныя лица, пасмурные взгляды и усталыя движенія совсѣмъ не гармонировали съ ликующимъ солнечнымъ свѣтомъ и весеннимъ тепломъ, которое гнало съ горъ веселые, говорливые ручьи.

— Осипъ Иванычъ, ослобони!—взмолился-было давешній сѣдой старикъ, выступая изъ толпы.

— Нѣтъ, другъ мой, не могу: у меня слово—законъ!—отрѣзалъ неумолимый Осипъ Иванычъ, торопливо шагая къ караванной конторѣ.

Сейчасъ подъ угоромъ, гдѣ начиналась плотина гавани, стояла пильня. Подавленный визгъ пилъ и какой-то особенный, хриплый звукъ разрѣзываемаго сырого дерева мѣшался съ всплесками и шумомъ вырывавшейся изъподъ водяного колеса воды. Пахло смолистымъ ароматомъ свѣжей сосны и елей, которыя, съ хрипѣньемъ умирающаго, вылѣзали изъ-подъ станка бѣлыми правильными полосами досокъ. На плотинѣ бурлаки смѣшались въ сплошную массу, сквозь которую приходилось пробираться съ большими усиліями, причемъ Осипъ Иванычъ обратился опять къ помощи самыхъ отборнѣйшихъ ругательствъ, выборъ которыхъ у него былъ замѣчательно разнообразенъ и приводилъ въ изумленіе даже бурлаковъ.

— Съ этимъ народомъ иначе невозможно,—объяснялъ онъ, когда мы наконецъ продрались въ караванную контору, гдѣ Осипа Иваныча уже дожидалось много народа.—Охъ, смерть моя!—стоналъ онъ, не зная, кому отвѣчать.—У кабака съ каменскими да съ мастеровыми горло дери, а здѣсь мужичье одолѣваетъ.

Толпа колыхалась и гудѣла, какъ пчелиный улей. Здѣсь, дѣйствительно, собрались все крестьяне, пришедшіе на пристань изъ Вятской, Казанской и Уфимской губерній. Кого-кого тутъ ни было!.. Но на всѣхъ лицахъ, въ выраженіи глазъ, сказывалась одна общая печать: это были люди деревни, загнанные за сотни верстъ на сплавъ горькой, неотступной нуждой. Здѣсь не было и помину о той отчаянности, какою выдѣлялись каменскіе бурлаки, но было и своеобразнаго шика заводскихъ мастеровыхъ: одна общая мысль, одна общая забота связывала эти тысячи бурлаковъ въ одинъ могучій, стройный аккордъ. Во всѣхъ взглядахъ можно прочитать одну мысль, мысль о землѣ, которая въ такую горячую вешнюю пору сиротѣетъ гдѣ-нибудь за тысячу верстъ. Общій интересъ придавалъ этому оторванному отъ родной земли уголку крестьянскаго міра совершенно своеобразную физіономію: они принесли сюда свою великую крестьянскую заботу, отъ которой давно „ослобонились“ мастеровые и разный другой сбродъ, какой набирается на сплавъ. Они подавляли молчаливымъ величіемъ крикливыя „качества“ вырванныхъ изъ земли съ корнемъ людей, индивидуализированныхъ въ духѣ извѣстной экономической школы.

Все время, пока мы шли до конторы, за нами по пятамъ пробирался небольшой, взлохмаченный мужиченка, въ лаптяхъ и въ широкомъ халатѣ, какіе носятъ только вятскіе. Онъ терпѣливо и покорно выжидалъ, пока Осипъ Иванычъ ругался направо и налѣво, а потомъ какъ-то вяло проговорилъ:

— А я къ твоей милости, Осипъ Иванычъ!

Осипъ Иванычъ быстро вскинулъ глазами на мужика и съ какимъ-то отчаяніемъ замахалъ руками.

— Да ты зарѣзать меня хочешь, мошенникъ!—завопилъ онъ, съ бѣшенствомъ накидываясь на несчастнаго мужика.—Ну, чего тебѣ отъ меня нужно... а?... Ну, говори, говори, не тяни за душу!

— Вторую недѣлю проживаемся на пристани—спокойно отвѣчалъ мужикъ, переминаясь.—Обносились, хлѣбушка нѣтъ... двое изъ артели-то въ лежку лежатъ: огневица прихватила.

— Ну и пусть лежатъ, я-то чѣмъ виноватъ... а?.. Я развѣ Богъ?.. Мнѣ-то какая радость держать васъ на пристани?..

— А я къ тому говорю, что кабы артель не выворотилась въ деревню...

— Ахъ, Ббожже ммой!!. А контрактъ? Что у тебя въ контрактѣ сказано: „обязуюсь ждать сплава по первое число мая мѣсяца, а свыше сего, ежели сплавъ затянется, назначается поденная плата, въ размѣрѣ...“

— Оно точно что, оно по контракту, Осипъ Иванычъ... и обязались мы ждать, и насчетъ поденной платы... Только вотъ сегодня Егорія, а черезъ недѣлю Еремея-запрягальника. Сумлѣваюсь насчетъ артели, Осипъ Иванычъ, какъ бы со сплаву не выворотилась.

— Я вотъ вамъ, подлецамъ, такого запрягальника пропишу, что до будущаго сплава будете меня помнить!—горячился Осипъ Иванычъ, начиная жестикулировать самымъ рѣшительнымъ образомъ.—„Сумлѣваюсь, какъ бы артель не выворотилась“!.. Мошенники!.. Ты—первый зажигатель и бунтовщикъ... понимаешь? Сейчасъ позову казаковъ, руки къ лопаткамъ и всю шкуру выворочу на изнанку...

— Рѣка-то когда еще пройдетъ, а пашня не ждетъ,—точно вслухъ думалъ бунтовщикъ.

— А ты все свое долбишь, а?—грозно зарычалъ Осипъ Иванычъ, бросаясь съ кулаками на бунтовщика.—Если ты мнѣ еще разъ покажешь свою рожу... да я... Ну, купи, чортъ ты этакій, гармонику или балалайку и наигрывай, въ кабакъ бы зашелъ отъ скуки... Развѣ я запрещаю?!

Мужикъ почесывался, переминался и опять начиналъ свою пѣсню про Еремея-запрягальника, пашню и артель. Сцена кончилась тѣмъ, что Осипъ Иванычъ наконецъ не вытерпѣлъ и выгналъ бунтовщика изъ конторы въ шею.

— Зачѣмъ вы его выгнали?—спросилъ я.—Вѣдь онъ совершенно вѣрно говорилъ все...

— А я развѣ спорю, что не вѣрно? Только онъ заключилъ контрактъ и долженъ его выполнить... А выгналъ я его потому, что этотъ мужичепка-коноводъ разстраиваетъ другихъ. Такихъ молодцовъ на пристани до десятка наберется, всю душу вытянули. Да вонъ и другой лѣзетъ... Ахъ, Боже мой!!

Каменская караванная контора представляла собой красивое двухъ-этажное зданіе съ мезониномъ и широкимъ желѣзнымъ балкономъ, выходившимъ прямо на рѣку. Во второмъ этажѣ была квартира каваннаго, Семена Семеныча, а въ нижнемъ, въ одной громадной комнатѣ, помѣщалась собственно караванная контора, которая, какъ и всѣ конторы, отличалась страшнѣйшимъ безпорядкомъ, канцелярски-промозглымъ воздухомъ и спеціально-дѣловой пылью и грязью. Двери, письменные столы, стулья, деревянная рѣшетка, которою отгораживалось отдѣленіе для приходящихъ—все было захватано салными, потными руками, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жирная грязь скопилась въ толстыя черныя полосы. За двумя длинными столами помѣщались служащіе, обложенные кипами бумагъ; у самой рѣшетки, за отдѣльнымъ столикомъ, сидѣлъ кассиръ, старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ выбритымъ деревяннымъ лицомъ и старинными очками въ серебряной оправѣ на носу. Онъ методически, какъ заведенная машина, опускалъ правую руку въ желѣзный ящикъ, бралъ ассигнацію, большею частью рубль, и, мелькомъ взглянувъ на предъявленный бурлакомъ контрактъ и расчетную книжку, передавалъ ее въ мозолистыя, корявыя руки. Бумажка завертывалась въ какую-нибудь тряпицу или въ пестрядевый кисетъ и затѣмъ исчезала за пазухой или за голенищемъ, или просто уносилась изъ конторы въ крѣпко сжатой рукѣ. Передъ кассиромъ дефилировалъ безконечный рядъ бурлацкихъ лицъ и лохмотьевъ.

— Эти всѣ штрафъ заплатятъ?—спрашивалъ, сидя на окнѣ, жирный подрядчикъ съ толстой шеей.

— Да, запоздали...—весело отвѣчалъ молодой служащій съ румянымъ лицомъ и бѣлокурой шевелюрой.—Рубль штрафу за каждый просроченный день...

— А Осипъ-то Иванычъ какъ поправляется съ бурлачиной!—лѣниво протянулъ подрядчикъ, закуривая крючокъ изъ махорки.—Онъ у васъ теперь въ родѣ какъ главнокомандующій... Ишь, такъ пѣтухомъ и наступаетъ, такъ и наступаетъ!.. Только и пасть же уродилъ ему Господь: труба трубой.

Служащіе переглянулись и засмѣялись. Въ углу, на скамейкѣ, дремалъ оренбургскій казакъ съ нагайкой черезъ плечо; фуражка съ голубымъ околышемъ сбилась на одну сторону, но безусому молодому лицу бродило нѣсколько мухъ. Два другихъ казака, сидя рядомъ на подоконникѣ, играли въ „хлюстъ“. Это была стража при становомъ, который обязательно является на каждый сплавъ, для устраненія недоразумѣній. Когда Осипъ Иванычъ, окруженный бурлаками, начиналъ голосить особенно неистово и съ отчаяніемъ вздымалъ обѣ руки къ небу, казаки вскакивали съ подоконника и на минуту вытягивались въ струнку.

— Тьфу!! Чортъ васъ всѣхъ возьми... Провалитесь вы совсѣмъ!—ругался Осипъ Иванычъ, задыхаясь отъ жары.

Въ конторѣ было страшно накурено, и сгущался тотъ специфическій міазмъ, какой приноситъ съ собой въ комнату нашъ младшій братъ въ лап-

тяхъ. А въ большія запыленныя окна глядѣлось весеннее солнышко, полосы голубого неба, край зеленаго лѣса. Я поскорѣе вышелъ на крыльцо, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Около конторы народъ попрежнему стоялъ стѣна-стѣной, и попрежнему это былъ крестьянскій людъ. Выгнанный Осипомъ Иванычемъ бунтовщикъ былъ окруженъ цѣлой толпой односельчанъ, съ нетерпѣніемъ ждавшей результатовъ ходатайства.

— Ну чего, дядя Силантій?—спросилъ бѣлобрысый молодой парень съ рябымъ лицомъ.

— По контракту, говоритъ...—отвѣтилъ дядя Силантій, почесывая за ухомъ.

— Выворотимся!—рѣшилъ плечистый мужикъ въ рваномъ зипунѣ.

— Надо обождать,—замѣтилъ Силантій.—Много ждали, маленько обождемъ.

Толпа загалдѣла. На ходока посыпались упреки и ругательства, но онъ только моргалъ глазами и отмахивался безсильнымъ жестомъ рукъ. Къ этой артели присоединились другія, и въ воздухѣ поднялся какой-то стонъ отъ взрыва общаго негодованія. Тутъ же толклись чердынцы, кунгуряки, соликамцы и тоже галдѣли и ругались, размахивая руками.

— Ну васъ къ Богу совсѣмъ!—проговорилъ Силантій, усаживаясь на приступокъ крыльца.—Ступайте, коли хотите, а я останусь... Тебѣ, Митрей, видно, охота, чтобы шкуру спустили въ волости, когда со сплаву прибѣжишь,—замѣтилъ онъ, вынимая изъ котомки берестяный буракъ.

— И пусть спущаютъ,—горячился бѣлобрысый парень.—Я самъ-семъ въ семьѣ, а ежели пашню пропущу изъ-за вашего сплаву—всѣ по міру пойдутъ... это какъ?..

— А такъ... Осипъ Иванычъ сказываетъ: „купи, говоритъ, гармонь али балалайку и наигрывай“... Ну, будетъ тебѣ, Митрей, вотъ садись, ужо закусимъ хлѣбушка.

Митрій, олицетворенная черноземная сила, вдругъ отмякъ отъ одного ласковаго слова дяди Силантія и присѣлъ на корточки около его таинственнаго бурака.

— Зачерпни-ка-сь водицы, Митрей, бурачкомъ-то!

Пока Митрій ходилъ съ буракомъ за водой, Силантій неторопливо развязалъ небольшой мѣшокъ и досталъ оттуда пригоршню заплѣснѣвѣлыхъ, сухихъ, какъ камень, корокъ чернаго хлѣба.

— Что, плохи сухари-то?—спросилъ я Силантія.

— А какіе есть, баринъ. И этихъ едва раздобылся: все пріѣли бурлаки на пристани. Пристанскія-то бабы денежку наживаютъ около нашего брата. Съ лѣта начинаютъ копить пищу про бурлаковъ, значитъ, къ вешнему сплаву. Корочка хлѣбушка завалялась, заплѣснѣвѣла, огрызокъ ребятишки оставили—все копятъ бабы, потому бурлаки съѣдятъ все, только бы хлѣбушкомъ пахло. Тоже вотъ которая рѣдька тронется, продрябнетъ, кислы *) испортятся, картошка почернѣетъ—все берегутъ для насъ, а мы имъ за то деньги платимъ Изъ дому не понесешь за тыщу-то верстъ...

Когда Митрій вернулся съ водой, Силантій спустилъ въ буракъ свои сухари и долго ихъ размѣшивалъ деревянной облизанной ложкой. Сухари, приготовленные изъ недопеченаго, сырого хлѣба, и не думали размокать, что очень огорчало обоихъ мужиковъ, пока они не стали ѣсть свое импровизиро-

*) Кислы—проквашенная мелкая капуста.

ванное кушанье въ его настоящемъ видѣ. Передъ тѣмъ, какъ взяться за ложки, они сняли шапки и набожно помолились въ восточную сторону. Я увѣренъ, что самая голодная крыса—и та отказалась бы ѣсть окаменѣлые сухари изъ бурака Силантья.

— Вы издалека? — спросилъ я, когда бурлаки выхлебали изъ бурака остатки мутной воды съ плававшей плѣсенью, мелкими крошками, и опять помолились.

— Дальніе будемъ; дальніе, баринъ. Изъ-подъ Ланшева пришли...— отвѣчалъ Силантій, надѣвая шапку.—Ну, Митрей, на седни потрапезовали, а къ завтрю тебѣ промышлять пропиталъ... Дойди до деревни, можетъ, найдешь гдѣ еще корочекъ-то.

Молодой мужикъ переминался и не шелъ.

— Что не идешь? Видно, въ карманѣ пусто... Эхъ, ты, горе [illegible]' У меня тоже не густо денегъ-то: совѣмъ прохарчились на этой [illegible] пристанѣ, чтобы ей пусто было...

Дядя Силантій изъ глубины пазухи добылъ нестрядевый мѣшочекъ, бережно его развязалъ и высыпалъ на ладонь нѣсколько мѣдяковъ.

— Все тутъ. На, сходи къ бабамъ, поищи.

Конфузливо собравъ деньги съ ладони дяди Силантія, Митрій исчезъ въ толпѣ.

— Зачѣмъ вы нанимаетесь на сплавъ?—спрашивалъ я Силантія.

— Нельзя, милый баринъ. Знамо, не по своей волѣ тащимся на сплавъ, а нужда гонитъ. Недородъ у насъ... подати справляютъ... Ну, а гдѣ взять? А караванные приказчики ужъ пронюхаютъ, гдѣ недородъ, и по зимѣ всѣ деревни объѣдутъ. Пріѣхали—сейчасъ въ волость: кто подати не донесъ? А писарь и старшина ужъ ждутъ ихъ, тоже свою спину берегутъ, и сейчасъ кондрактъ... За десять-то рублевъ ты и долженъ мѣсить сперва на пристань тыщу верстъ, потомъ сплаву обжидать, а тамъ на баркѣ сбѣжать къ Пермѣ али дальше, какъ подрядился по кондракту.

— Вѣдь это для васъ невыгодно?

— Какое выгодно! Ножъ вострый намъ эти сплавы, вотъ что! Разсуди самъ: самъ теперь я изъ дому долженъ выйти на сплавъ за шесть недѣль, да сплаву прождешь другой разъ всѣ двѣ недѣли, да на баркѣ бѣжишь до Перми четыре дни, а дальше клади еще недѣлю. Сколь всего-то выйдетъ?

— Почти два съ половиной мѣсяца...

— Такъ, а другой разъ и всѣ три. А деньги-то, изъ десяти-то рублей семь въ подать пошли, рупь выдали, какъ пришли на сплавъ, а два рубли получимъ, когда караванъ привалитъ къ Пермѣ. На три-то мѣсяца бурлаку рупь и приходится, а куды ты его повернешь? Теперь сколько одной лопотины *) въ дорогѣ проносишь, сколько обуя **), а пить-ѣсть само собой... Вотъ Осипъ Иванычъ-то давѣ говоритъ: купи гармонь али ступай въ кабакъ, а того не думаетъ, что у меня всю душеньку выворотило. Ночей не спишь, все про свое думаешь... За эти десять-то рублей я три мѣсяца проболтаюсь да пашню опущу—ну, а какой я мужикъ безъ пашни? Вонъ Митрей-то самъ-семъ: вотъ тебѣ и гармонь!

— Чѣмъ же вы живете эти три мѣсяца? Неужели на одинъ руб[illegible]?

— На рупь, баринъ, на него... Пока изъ дому бредемъ, такъ свой домашній хлѣбушко жуешь, а на пристанѣ свой рупь и проживешь. На [illegible] нихъ пристаняхъ даютъ бурлакамъ по пуду муки, а то и по два. Говя[illegible] тоже, сказываютъ, даютъ фунтовъ по пяти на брата...

---

*) Лопотина—верхняя одежда, вообще платье

**) Обуй—обутъ.

— Все-таки рубль на три мѣсяца...

— Это еще что! и рупь деньги! А ты вотъ посуди, какое дѣло: теперь мы бѣжимъ съ караваномъ, а барка возьми да и убейся... Который потонулъ— того похоронятъ на бережку, а каково тѣмъ, кто живъ-то останется? Расчету никакого, котомки потонули, а ты и ступай мѣсить свою тысячу верстъ съ пустымъ-то брюхомъ... Вотъ гдѣ нашему брату бѣда-бѣдовенная!

— А тебѣ случалось такъ уходить со сплаву?

— Нѣтъ, меня Господь миловалъ, а другіе много приходятъ домой чуть не подъ Петровъ день... Ей-Богу! Вѣдь это мужику разоръ, всю семьишку изморомъ сморишь!

— Чѣмъ же бурлаки питаются, когда бредутъ домой съ разбитой барки?

— А Богъ?..

Послѣднее было сказано съ такой глубокой вѣрой, что не требовало дальнѣйшихъ поясненій. Я долго смотрѣлъ на убѣжденное, спокойное выраженіе облупившагося подъ солнцемъ лица Силантія, на его несочную бороденку и крошечные слезившіеся глазки: отъ этого лица вѣяло такой несокрушимой силой, передъ которой всѣ препятствія должны отступить.

Нашъ разговоръ и мои размышленія были прерваны появившейся ватагой пьяныхъ бурлаковъ, которая валила къ конторѣ съ пѣснями и пляской, дикимъ гиканьемъ и присвистомъ.

— Ишь, какъ каменки да мастеровые разгулялись,—задумчиво проговорилъ Силантій.—Имъ что: спола-горя—весь тутъ. Получилъ задатокъ и гуляй... Самый бросовый народъ, ежели разобрать. Никакой-то заботушки, окромя кабака... Охо-хо-хо... Мы каменскихъ бурлаковъ каменками зовемъ, баринъ...

— Да и они тоже не отъ радости въ кабакъ идутъ, Силантій.

— Можетъ, и такъ, кто ихъ знаетъ, а я къ тому вымолвилъ, что супротивъ нашихъ деревенскихъ очень ужъ безобразничаютъ. Конечно, имъ на сплавъ рукой подать и время они никакого не знаютъ...

IV.

Я долго бродилъ по пристани, толкаясь между крестьянскими артелями и другимъ бурлацкимъ людомъ. Шумъ и гамъ живого человѣческаго моря утомилъ слухъ, а эти испитыя лица и однообразныя лохмотья мозолили глаза. Картины и типы повторялись на одну тему; кипѣвшая сумятица начинала казаться самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Сила привычки вступала въ свои права, подавляя свѣжесть и ясность перваго впечатлѣнія.

Послѣ обѣда, когда я успѣлъ немного отдохнуть отъ вороха воспринятыхъ ощущеній, я опять отправился бродить по пристани, только на этотъ разъ пошелъ не къ караванной конторѣ, а въ противоположную сторону, по нагорному берегу Чусовой, гдѣ виднѣлись славныя избы и толпы бурлаковъ не были такъ густы. Между прочимъ, здѣсь мнѣ кинулись въ глаза нѣсколько бурлацкихъ группъ, которыя отличались отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что среди нихъ не слышалось шума и говора, не вырывалась пѣсня или веселая прибаутка, а напротивъ, какая-то мертвая тишина и неподвижность дѣлали ихъ замѣтными среди другихъ бурлаковъ. Кромѣ рваныхъ овчинныхъ полушубковъ, сѣрыхъ кафтановъ и лаптей, здѣсь попадались бѣлыя войлочныя шляпы съ широкими полями, мѣховые треухи, оленьи круглыя шапки съ наушниками и просто невообразимая рвань, какимъ-то чудомъ державшаяся на головѣ. Обладатели этихъ треуховъ, бѣлыхъ шляпъ и оленьихъ шапокъ совсѣмъ не принимали никакого участія въ общемъ шумѣ и гвалтѣ, а боязливо держались

поодаль отъ остальныхъ бурлаковъ. По всему было замѣтно, что эти люди чувствовали себя совсѣмъ чужими въ этомъ разгулявшемся морѣ, а сознаніе своей отчужденности заставляло ихъ сбиться въ отдѣльныя кучки.

— И уродитъ же Господь-батюшка эку страсть! — богобоязливо и съ замѣтнымъ отвращеніемъ говорила какая-то старушонка, тащившая къ гавани рѣшетку съ свѣжими колачами.

Нѣсколько мальчишекъ образовали около молчаливыхъ людей двѣ-три весело смѣявшихся шеренги; мальчишки посмѣлѣе пробовали заговорить съ ними, но, не получая отвѣта, ограничивались тѣмъ, что громко хохотали и указывали пальцами.

— Гли, робя, шапка-то какъ на смъ!—рѣзко выкрикивалъ [illegible] мальчуганъ, вытирая носъ рукавомъ рубахи.—Какъ мухоморъ... А г[illegible] да чернящіе! Страсть!

— А у другого-то, робя, ременный поясъ и скобка прико[illegible] Дядя, на что скобку приковалъ?

— Это бороться, надо полагать.

— Врешь. Они топоры въ скобкахъ носятъ... Гли-ка, огниво у каждаго! Тоже вотъ нехристи, а огонь любятъ.

Эти странные, молчаливые люди—инородцы, которыхъ на каждый сплавъ собирается изъ разныхъ мѣстъ Урала иногда нѣсколько сотъ. Были тутъ башкиры изъ Уфимской губерніи, пермяки изъ Чердынскаго уѣзда, вогулы изъ Верхотурскаго, зыряне изъ Вологодской губерніи, татары изъ Кунгурскаго уѣзда и изъ-подъ Ланшева. Изъ-подъ бѣлыхъ войлочныхъ шляпъ сверкали черные съ косымъ разрѣзомъ глаза кровныхъ степняковъ цвѣтущей Башкиріи; изъ-подъ оленьихъ шапокъ и треуховъ выглядывали прямые, жесткіе волосы съ чернымъ отливомъ, а приподнятыя скулы точно сдавливали глаза въ узкія щели. Бѣлобрысые пермяки съ безцвѣтными, какъ пергаментъ, лицами, сѣрыми глазами и неподвижно сложенными губами казались еще безжизненнѣе и сѣрѣе рядомъ съ пронырливыми и хитрыми зырянами. Основныя типичныя черты монгольскаго типа перемѣшались здѣсь съ финскими, и, право, трудно было рѣшить, кто изъ нихъ былъ жалче. Русская бѣдность и нищета казались богатствомъ по сравненію съ этой степной голытьбой и жертвами медленнаго вымиранія самыхъ глухихъ лѣсныхъ дебрей. Какъ ни бѣденъ русскій бурлакъ, но у него есть еще впереди что-то въ родѣ надежды, осталось сознаніе необходимости борьбы за свое существованіе, а здѣсь крайній сѣверъ и степная Азія производили подавляющее впечатлѣніе своей мертвой апатіей и полнѣйшей безпомощностью. Для этихъ людей не было будущаго; они жили сегодняшнимъ днемъ, чтобы медленно умереть завтра или послѣзавтра.

Живѣе другихъ казались башкиры и татары, которые поэтому и сосредоточивали на себѣ особенное вниманіе мальчишекъ.

— Сплавъ гулялъ, вода ташшилъ, барка кунчалъ...—задорно передразнивалъ какой-то бѣлоголовый мальчуганъ.

Моя попытка разговориться съ этими дикарями кончилась полной неудачей и вызвала только неумолкаемый смѣхъ маленькой веселой публики. При помощи трехъ словъ: „гулялъ“, „ташшилъ“ и „кунчалъ“ трудно было разговориться съ незнакомыми людьми, а пермяки и этого не знали. Одинъ, впрочемъ, какъ-то апатично произнесъ одно слово: „клэпъ“, т.-е. хлѣбъ.

— Нянь?—спросилъ я.

— Нянь, нянь...—отвѣтилъ пермякъ и даже не удивился, услыхавъ свое родное слово; по-пермяцки „нянь“ значитъ хлѣбъ.

Другихъ пермяцкихъ словъ въ моемъ лексиконѣ не сказалось, и я раз-

стался съ молчаливыми людьми, приговоренными исторіей къ истребленію. Но эти лица и это единственное русское слово „клэпъ“ все время не выходили у меня изъ головы. Какая сила выбила этихъ людей изъ ихъ дремучихъ лѣсовъ и привольныхъ степей и выкинула сюда, на берегъ далекой горной рѣки? Отвѣтъ, конечно, одинъ: нужда, которая въ лѣсу и степи еще страшнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ по городамъ и селамъ. Какъ солнечная теплота, заставляя таять зимній снѣгъ, собираетъ воду въ извѣстные водоемы, такъ и нужда стягиваетъ живую человѣческую силу въ опредѣленныя боевыя мѣста, гдѣ не существуетъ разницы племенъ и языковъ. Наблюдая этихъ позабытыхъ исторіей людей, эту живую иллюстрацію желѣзнаго закона вымиранія слабѣйшихъ цивилизацій подъ напоромъ и давленіемъ сильнѣйшихъ, я испытывалъ самое тяжелое, гнетущее чувство, которое охватывало душу мертвящей тоской. Вѣдь вся исторія человѣчества создана на подобныхъ жертвахъ, вѣдь подъ каждымъ благодѣяніемъ цивилизаціи таятся тысячи и милліоны безвременно погибшихъ въ неносильной борьбѣ существованій, вѣдь каждый вершокъ земли, на которомъ мы живемъ, напоенъ кровью аборигеновъ, и каждый глотокъ воздуха, каждая наша радость отравлены миріадами безвѣстныхъ страданій, о которыхъ позабыла исторія, которымъ мы не приберемъ названія и которыя каждый новый день хоронитъ мать-земля въ своихъ нѣдрахъ...

V.

Вечеръ этого шумнаго дня мнѣ привелось провести въ караванной конторѣ, гдѣ, въ квартирѣ повѣреннаго отъ общества „Нептунъ“, собралась веселая компанія.

Квартира занимала второй этажъ: свѣтлая, высокая гостиная была убрана съ роскошью, хотя бы и не для Каменки. Мягкая мебель, драпировки на окнахъ, ковры, бронза—однимъ словомъ, все было убрано во вкусѣ той буржуазной роскоши, какую создаетъ русскій человѣкъ, когда чувствуетъ за собой теплое и доходное мѣстечко. Правда, поговаривали, что дѣла компаніи „Нептунъ“ въ очень незавидномъ положеніи, но у насъ ужъ какъ-то такъ на Руси устроилось, что, чѣмъ плоше дѣла какого-нибудь предпріятія, тѣмъ вольготнѣе живутъ его учредители, члены, повѣренные, контролеры, ревизоры и прочая братія, питающаяся отъ крохъ падающихъ. Спеціально о караванныхъ конторахъ на Уралѣ существуетъ что-то въ родѣ математической аксіомы: стоитъ только попасть поближе къ каравану, и всѣ блага сего грѣшнаго міра повалятся на такого мудреца. Если вы удивитесь, что такой-то ничего не имѣлъ нѣсколько лѣтъ назадъ и былъ бѣденъ, какъ церковная мышь, а теперь ворочаетъ десятками тысячъ собственнаго капитала, имѣетъ нѣсколько домовъ въ Перми или въ Екатеринбургѣ, вамъ совершенно серьезно отвѣтятъ стереотипной фразой: „да вѣдь онъ служилъ въ караванѣ“... Дальнѣйшихъ поясненій не требуется, все равно, какъ для человѣка, побывавшаго въ Калифорніи, сопричисленнаго къ интендантскому вѣдомству или ограбившему какой-нибудь банкъ. Для меня эти караванныя метаморфозы всегда составляли неразрѣшимую задачу, и я упомянулъ о нихъ только между прочимъ, потому что въ экономической жизни Урала вообще встрѣчается очень много самыхъ непонятныхъ феноменовъ.

— Шшш... — встрѣтилъ меня многознаменательнымъ шипѣньемъ караванный повѣренный, умоляюще воздѣвая руки кверху.

— Кто-нибудь боленъ, Семенъ Семенычъ? — поспѣшилъ я освѣдомиться.

— О, нѣтъ... Всѣ, слава Богу, здоровы; только въ кабинетѣ у меня *самъ* отдыхаетъ.

— Кто *самъ*?

Повѣренный назвалъ фамилію одного изъ членовъ-учредителей общества „Нептунъ", пользовавшагося между Нижнимъ и Екатеринбургомъ громкой репутаціей финансовой головы и великаго промышленнаго дѣльца. Самъ повѣренный, котораго я встрѣчалъ на горныхъ заводахъ, былъ одной изъ тѣхъ неопредѣленныхъ и безцвѣтныхъ личностей, которыми особенно богато наше время; онѣ являются неизвѣстно откуда, по какимъ-то таинственнѣйшимъ протекціямъ занимаютъ самыя теплыя мѣстечки, наживаютъ кругленькіе капиталы и исчезаютъ неизвѣстно куда. Каменскій караванный принадлежалъ именно къ этому сорту людей, и, въ крайнемъ случаѣ, о немъ можно сказать только то, что одѣвался онъ совершенно безукоризненно, обладалъ счастливымъ аппетитомъ и любилъ угостить. Какъ извѣстно, на угощеніе русскій [illegible] необыкновенно падокъ, и безцвѣтные люди отлично пользуются этой крупной чертой славянской натуры.

Мы на цыпочкахъ прошли въ слѣдующую комнату, гдѣ сидѣли два заводскихъ управителя, докторъ, становой и еще нѣсколько мелкихъ служащихъ. На одномъ столѣ помѣщалась батарея бутылокъ всевозможнаго вина, а за другимъ шла игра въ карты. Однимъ словомъ, по случаю сплава, всѣмъ работы было по горло, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали раскраснѣвшіяся лица, блуждающіе взгляды и не совсѣмъ связные разговоры. Изъ опасенія разбудить „самого", говорили почтительнымъ полушопотомъ.

— Слышите, что дѣлается?—говорилъ повѣренный, указывая мнѣ движеніемъ головы на окно, откуда доносился глухой гулъ отъ собравшихся вокругъ конторы бурлаковъ. — Чистая бѣда!

Вся обстановка и выраженіе лицъ собравшейся компаніи какъ-то не вязались съ этимъ отчаяніемъ.

— Конечно, вамъ легко разсуждать,—вступился одинъ изъ управителей:— ваше дѣло сторона, а вотъ посадить бы на наше мѣсто... Чей ходъ, господа?..

— Господа, нужно промочить горлышко,—суетился повѣренный, разливая вино по рюмкамъ.—Авось Чусовая скорѣе пройдетъ...

Всѣ, конечно, поспѣшили на помощь застоявшейся Чусовой. Въ углу сидѣлъ заводскій докторъ и, видимо, дремалъ; я присоединился къ нему.

— Много больныхъ на пристани?—спросилъ я.

Докторъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, пожевалъ губами и съ увѣренной улыбкой проговорилъ:

— Вы лучше спросите, чѣмъ они живы, эти бурлаки... Помилуйте! Каждая лошадь лучше питается, чѣмъ весь этотъ народъ. А работа? Да это чистѣйшій адъ... Тифъ, лихорадка—такъ и валятся десятками!

— Больница есть?

Докторъ только махнулъ рукой и опять задремалъ.

Игра, несмотря на предупредительное шипѣнье хозяина, разгоралась. Кучки денегъ на зеленомъ столѣ росли, а съ ними росло и оживленіе игроковъ. Особенно типичны были управители, которые живутъ на Уралѣ, какъ помѣщики. Это совершенно особенный типъ, создавшій кругомъ себя новое крѣпостное право, которое отличается отъ стараго своими изящными, но болѣе цѣпкими формами. Съ каждымъ годомъ заводскому населенію приходится тяжелѣе, а параллельно съ этимъ возвышается благосостояніе управителей, управляющихъ, повѣренныхъ и цѣлаго сонма служащаго люда. Какъ это происходитъ — мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь ограничимся только

указаніемъ на существующую аналогію плохого положенія компаніи „Нептунъ“, бурлаковъ и процвѣтанія администраціи. Вѣроятно, это странное явленіе можно подвести подъ самый простой законъ переливанія жидкости изъ одного сосуда въ другой: что убыло въ одномъ, то прибыло въ другомъ.

Одинъ изъ управителей, еще молодой господинъ, съ жирнымъ лицомъ и какимъ-то остановившимся взглядомъ, выглядывалъ настоящимъ американскимъ плантаторомъ; другой, какой-то безыменный нѣмецъ, весь красный, до ворота охотничьей куртки, съ взъерошенными волосами и козлиной бородкой, смахивалъ на берейтора или фехтовальнаго учителя и, кажется, ничего общаго съ заводской техникой не имѣлъ. Нѣмецъ хлопалъ рюмку за рюмкой, но не пьянѣлъ, а только начиналъ горячиться, причемъ ломаныя русскія фразы такъ и сыпались у него изъ-подъ лихо закрученныхъ рыжихъ усовъ.

— Пастаки!—постоянно повторялъ нѣмецъ, когда у него убивали карту.— Сукина сына, туда твой дорогъ... Швинья — картъ!

Служащіе помельче сбились въ самый дальній уголокъ и тамъ потихоньку перешептывались о своихъ дѣлахъ. Къ завѣтному столику съ винами они подходили не иначе, какъ по приглашенію хозяина.

— Егоръ Ѳомичъ изволятъ шевелиться... — змѣинымъ сномъ докладывалъ хозяину какой-то господинъ, нѣчто среднее между служащимъ и лакеемъ.

— Шш...—зашипѣлъ опять хозяинъ, а потомъ, обратившись къ „среднему“, категорически объявилъ:—у меня смотрѣть въ оба! и ежели гдѣ-нибудь что-нибудь пошевелится или застучитъ—ты въ отвѣтѣ... Понялъ?

„Среднее“ исчезло, чтобы черезъ пять минутъ опять появиться въ дверяхъ.

— Егоръ Ѳомичъ изволили проснуться...

Это извѣстіе всѣхъ заставило встряхнуться и принять надлежащій видъ. Руки какъ-то сами собой застегивали пуговицы у сюртуковъ и визитокъ, поправляли галстухи, лѣзли въ карманъ за носовыми платками, и соотвѣтственно этому слышались глубокіе вздохи, осторожныя покашливанья, словомъ, производились всѣ необходимыя дѣйствія, соотвѣтствующія величію Егора Ѳомича.

— Господа! пожалуйте въ залу! — пригласилъ всѣхъ хозяинъ. — Егоръ Ѳомичъ, вѣроятно, будутъ сейчасъ кушать чай.

Въ свѣтлой залѣ, за большимъ столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, ждали пробужденія Егора Ѳомича еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ размѣстились вокругъ стола и съ напряженнымъ вниманіемъ посматривали на дверь въ кабинетъ, гдѣ слышались мягкіе шаги и легкое покашливанье. Черезъ четверть часа на порогѣ наконецъ показался и самъ Егоръ Ѳомичъ, красивый, высокій мужчина, лѣтъ сорока; его свѣжее, умное лицо было слегка помято недавнимъ сномъ.

— Не помѣшали ли вамъ отдыхать, Егоръ Ѳомичъ? — суетился почтенный, забѣгая нѣтушкомъ передъ „самимъ“.

— Ахъ, нѣтъ, прекрасно выспался,—небрежно отвѣтилъ Егоръ Ѳомичъ, галантно здороваясь съ гостями.

Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся Егоръ Ѳомичъ къ высокому, сѣдому старику раскольничьяго склада. Это былъ управляющій ...скихъ заводовъ, съ которыхъ компанія „Нептунъ“ отправляла всѣ металлы. Передъ нужнымъ человѣкомъ Егоръ Ѳомичъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ, хотя суровый старикъ былъ не изъ особенно податливыхъ: онъ такъ и выглядѣлъ послѣдышемъ тѣхъ грозныхъ управителей, которые во времена крѣпостного права гнули въ бараній рогъ десятки тысячъ людей.

— Надѣюсь, вы все видѣли, всѣ наши порядки? — лебезилъ передъ старикомъ Егоръ Ѳомичъ, заискивающе улыбаясь.

— Да, видѣлъ-съ... Народъ распустили—безобразіе! — коротко отвѣчалъ старикъ.—Порядку настоящаго нѣтъ...

— Ахъ, Парѳенъ Маркычъ, Парѳенъ Маркычъ!—взмолился Егоръ Ѳомичъ, дѣлая выразительный жестъ.—Не старыя времена, не прежніе порядки! Приходится покоряться и брать то, что есть подъ руками. Сознаю, вполнѣ сознаю, глубокоуважаемый Парѳенъ Маркычъ, что многое выходитъ не такъ, какъ было бы желательно, но что дѣлать, глаза выше лба не растутъ...

Говорить умѣлъ Егоръ Ѳомичъ необыкновенно душевно и вмѣстѣ увѣренно. Голосъ у него былъ богатый, съ низкими грудными нотами, каждое слово сопровождалось соотвѣтствующимъ жестомъ, улыбкой, игрой глазъ, отражалось въ позѣ. Однимъ словомъ, это былъ тертый калачъ, видавшій [illegible] Семенъ Семенычъ съ благоговѣніемъ заглядывалъ въ ротъ своему божку, и не смѣлъ моргнуть. Глядя на безцвѣтную, вытянутую фигуру Семена Семеныча, такъ и казалось, что она одна, сама по себѣ, не имѣла рѣшительно никакого значенія и получала его только въ присутствіи Егора Ѳомича, являясь его естественнымъ продолженіемъ, какъ хвостъ у собаки, или какъ въ грамматикѣ прямое дополненіе при сказуемомъ. Бываютъ такіе люди-дополненія, смыслъ существованія которыхъ выясняется только въ присутствіи ихъ патроновъ: люди-дополненія, какъ планеты, въ состояніи свѣтить только заимствованнымъ свѣтомъ.

— Я радъ, господа, видѣть въ вашемъ лицѣ людей, которые являются носителями промышленныхъ идей нашего великаго вѣка!—ораторствовалъ Егоръ Ѳомичъ, закругляя руку, чтобы принять стаканъ чая.—Мы живемъ въ такое время, когда просто грѣшно не принимать участія въ общей работѣ... Помните евангельскаго лѣниваго раба, который закопалъ свой талантъ въ землю? Да, наше время именно время пріумноженія... Не такъ ли, Павелъ Петровичъ?—обратился онъ къ становому.

— А... что?.. Такъ точно-съ...—отозвался Павелъ Петровичъ, бурбонъ чистѣйшей воды.

— Надѣюсь, вы не откажетесь, въ числѣ другихъ, принять участіе въ общемъ трудѣ?

— Помилуйте-съ, съ большимъ удовольствіемъ!

— И отлично. Значитъ, вы поступаете въ число акціонеровъ нашего „Нептуна“?

— Да... т.-е. нѣтъ, пока... Вотъ мы съ докторомъ пополамъ возьмемъ одну акцію.

— Я, право, еще не знаю,—отозвался докторъ.—Да и денегъ свободныхъ нѣтъ... Нужно подумать...

— Чего же тутъ думать?—вѣжливо удивлялся Егоръ Ѳомичъ.—Помилуйте!.. Дѣло ясно, какъ день: государственный банкъ платитъ за безсрочные вклады 3%, частные банки 5—7%, а отъ „Нептуна“ вы получите 15—20%...

Управитель-плантаторъ выразилъ сомнѣніе относительно такой смѣлой пропорціи, но „самъ“ не смутился возраженіемъ и заговорилъ еще мягче и душевнѣе:

— Я понимаю, что васъ, Алексѣй Самойловичъ, смутило. Именно, вы сомнѣваетесь въ такомъ высокомъ дивидендѣ при началѣ предпріятія, когда потребуются усиленныя затраты, неизбѣжныя во всякомъ новомъ дѣлѣ. Не правда ли?

— Да... Мнѣ кажется, что вы преувеличиваете, Егоръ Ѳомичъ,—возра-

жалъ Алексѣй Самойлычъ неувѣреннымъ тономъ.—Когда предпріятіе окончательно окрѣпнетъ, тогда, я не спорю...

— Я то же думаю,—вставилъ свое слово Пароенъ Маркычъ.

— Ахъ, господа... А если я ручаюсь вамъ головой за вѣрность этихъ 15—20%?

— Но вѣдь здѣсь можетъ быть много побочныхъ обстоятельствъ,—замѣтилъ докторъ, съ своей стороны.—Одинъ неудачный сплавъ, и вмѣсто дивидендовъ получатся дефициты...

— Совершенно вѣрно и справедливо... если мы будемъ имѣть въ виду только одинъ годъ,—мягко возражалъ Егоръ Ѳомичъ, прихлебывая чай.—Но въ промышленныхъ предпріятіяхъ смѣты приходится дѣлать на извѣстный срокъ, чтобы такіе случайные убытки и прибыли уравновѣшивали другъ друга. Возьмите, напримѣръ, десятилѣтній срокъ для нашего сплава: средняя цифра убитыхъ барокъ вычислена почти за цѣлое столѣтіе, среднимъ числомъ изъ тридцати барокъ бьется одна. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вполнѣ вѣрнымъ расчетомъ, даже больше, потому что, по мѣрѣ необходимыхъ улучшеній въ условіяхъ сплава, процентъ крушеній постепенно будетъ понижаться, а вмѣстѣ съ этимъ будетъ расти и цифра дивиденда. Только взгляните на дѣло совершенно безпристрастно и на время позабудьте, что вы намѣреваетесь записаться въ число нашихъ акціонеровъ.

Эта шутка разсмѣшила всѣхъ, даже самъ Пароенъ Маркычъ улыбнулся.

— Пастаки!—провозгласилъ за всѣхъ нѣмецъ, выкатывая глаза.—Барка пятъ умеръ.

Чай незамѣтно перешелъ на закуску, а затѣмъ въ ужинъ. Будущіе промышленные дѣятели обратили теперь особенное вниманіе на уху изъ живыхъ харюзовъ, а Егоръ Ѳомичъ налегъ на вина. Шестирублевый шартрезъ привелъ станового въ умиленіе, и онъ даже расцѣловалъ Семена Семеныча, на обязанности котораго лежалъ самый бдительный надзоръ за рюмками гостей.

— А Чусовая все еще не прошла?—спрашивалъ Егоръ Ѳомичъ въ серединѣ ужина, не обращаясь собственно ни къ кому.

— Никакъ нѣтъ-съ,—почтительно отвѣчалъ Семенъ Семенычъ.

— Гм... жаль! Но приходится помириться, какъ мы миримся съ капризами всѣхъ хорошенькихъ женщинъ. Наша Чусовая самая капризная изъ красавицъ... Не такъ ли, господа?

За ужиномъ, конечно, всѣ пили, какъ умѣетъ пить только одинъ русскій человѣкъ, безъ толка и смысла, а такъ, потому что предлагаютъ пить.

— Уралъ—золотое дно для Россіи,—ораторствовалъ Егоръ Ѳомичъ:—но Ахиллесова пятка его—пути сообщенія... Не будь Чусовой, пришлось бы очень плохо всѣмъ заводчикамъ и крупнымъ торговымъ фирмамъ. Пятьдесятъ горныхъ заводовъ сплавляютъ по Чусовой пять милліоновъ пудовъ металловъ, да купеческій караванъ поднимаетъ милліона три пудовъ. Получается очень почтенная цифра въ восемь милліоновъ пудовъ груза... Для насъ даже будущая желѣзная дорога *) не представляетъ ни малѣйшей опасности, потому что конкурировать съ Чусовой — немыслимая вещь.

— О, совершенная пастаки!—подтвердилъ нѣмецъ.

— Т.-е. что пустяки: желѣзная дорога или Чусовая?

— Дорогъ пастаки...

Егоръ Ѳомичъ долго распространялся о всѣхъ преимуществахъ, какія представляетъ сплавъ грузовъ по р. Чусовой сравнительно съ отправкой по

*) Настоящій очеркъ относится ко времени, предшествовавшему открытію Уральской горнозаводской желѣзной дороги. *Авторъ.*

будущей желѣзной дорогѣ, и съ увѣренностью пророчилъ этой рѣкѣ самое блестящее будущее, какъ „самой живой уральской артеріи".

— Теперь большинство заводовъ и купечество отправляютъ грузы въ одиночку,—говорилъ онъ, играя массивной золотой цѣпочкой.—Всѣмъ это обходится дорого, и всѣ несутъ убытки только отъ того, что не хотятъ соединиться во-едино. Другими словами, стоитъ передать эксплоатацію всей Чусовой въ руки одной какой-нибудь компаніи, и тогда разомъ все устроится само собой. Что невыгодно теперь, тогда будетъ давать дивиденды... Компанія организуетъ дѣло на самыхъ раціональныхъ основаніяхъ, по самымъ послѣднимъ указаніямъ науки и опыта, и всѣ неблагопріятныя условія сплава по Чусовой, въ настоящемъ его видѣ, падутъ сами собой, а главное—мы избавимся отъ разъѣдающей насъ язвы, т.-е. отъ необходимости каждый разъ нанимать бурлаковъ изъ дальнихъ мѣстностей.

— Да, бурлаки—совершенная язва, — почтительно вторилъ Семенъ Семенычъ.

— Но какъ же вы обойдетесь безъ рабочихъ?—спрашивалъ кто-то.

— Очень просто: мы замѣнимъ сплавъ на потесяхъ сплавомъ на лотахъ, тогда рабочихъ потребуется въ пять разъ меньше, т.-е. какъ разъ настолько, насколько могутъ дать рабочихъ чусовскія пристани и отчасти заводы. Теперь какая-нибудь лишняя недѣля, бурлаки бѣгутъ, и мы каждый разъ должны переживать крайнія затрудненія, а тогда...

— Но вѣдь для сплава на лотахъ потребуется вдвое больше времени,— замѣтилъ докторъ:—а вода спадаетъ черезъ недѣлю...

— Мы устроимъ въ верховьяхъ Чусовой громадный водоемъ и будемъ сплавлять караванъ по наводку. На помощь главному водоему устроимъ нѣсколько побочныхъ... Однимъ словомъ, съ технической стороны все предпріятіе не представляетъ особенныхъ препятствій, а вся суть заключается въ томъ, чтобы добиться согласія всѣхъ заводчиковъ передать сплавъ грузовъ въ однѣ руки, а затѣмъ привлечь къ участію въ предпріятіи общество. Теперь частные капиталы лежатъ непроизводительно, а тогда они будутъ давать 20—30% дивиденда. Всѣ выиграютъ...

Мы усердно пили шампанское за великую будущность Чусовой, за будущую компанію, за геніальный планъ Егора Ѳомича и за него самого.

— Деньги, деньги и деньги—вотъ гдѣ главная сила!—сладко закатывая глаза, говорилъ Егоръ Ѳомичъ на прощаньи. — Съ деньгами мы устроимъ все: очистимъ Чусовую отъ подводныхъ камней, взорвемъ на воздухъ всѣ бойцы, уничтожимъ мели, срѣжемъ крутые мысы, словомъ, сдѣлаемъ изъ Чусовой широкую дорогу, по которой можно будетъ сплавлять не восемь милліоновъ груза, а всѣ двадцать пять.

Будущіе сподвижники и осуществители грандіозныхъ плановъ Егора Ѳомича только почтительно мычали или издавали одобрительное кряхтѣнье, глупо хлопая осовѣлыми, помутившимися глазами. Становой нѣсколько разъ принимался ощупывать себѣ голову, точно сомнѣвался, его ли это голова...

VI.

— Вамъ куда? — спрашивалъ меня докторъ, когда мы выходили изъ конторы.

— Я къ Осипу Иванычу...

— У него остановились? Гм... Намъ по пути. Мнѣ еще нужно зайти кое къ кому изъ паціентовъ.

Мы пошли по плотинѣ къ селенію. Весенняя бѣлая ночь стояла надъ горами, надъ лѣсомъ, надъ рѣкой. Такія ночи бываютъ только на Уралѣ. Кто не переживалъ такой ночи, тому трудно понять ея чарующую прелесть. Тихо, тихо вездѣ; прохваченный весенней изморозью воздухъ дремлетъ чуткимъ сномъ. Далекія горы чуть повиты молочной дымкой. Дремлетъ темный лѣсъ на берегу, дремлетъ пристань съ своими избушками на крутомъ угорѣ, дремлетъ все кругомъ подъ наплывомъ весеннихъ грезъ. Ручейки, которые днемъ весело бороздили по всѣмъ улицамъ, разъѣдая „черепъ“ *), тоже заснули, превратившись въ грязно-бурыя полосы и наплыви. Я люблю такія ночи, когда такъ легко и вольно дышится здоровому человѣку. Чувствуешь, какъ самъ оживаешь вмѣстѣ съ природой и какъ въ душѣ накопляется что-то такое хорошее, бодрое, счастливое. Не хочется вѣрить, что эти бѣлыя ночи уносятъ вмѣстѣ съ весенними ручейками столько человѣческихъ жизней—эту неизбѣжную жертву всякой весны...

Мнѣ доставляетъ удовольствіе присутствіе доктора, который шагаетъ рядомъ со мной; онъ постоянно спотыкается по своей близорукости, размахиваетъ руками и какъ-то забавно причмокиваетъ губами. Время отъ времени онъ снимаетъ свою баранью шапку и осторожно ощупываетъ голову, какъ давеча дѣлалъ становой.

— Что, докторъ? — спрашивалъ я, удерживаясь отъ желанія пощупать свою голову.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Мы-то съ какой радости пили... а? Вы не акціонеръ „Нептуна“?

— Нѣтъ...

— Я тоже... Этотъ Семенъ Семенычъ подсунулъ за ужиномъ какую-то такую монашескую спецію...

— Шартрезъ?

— Нѣтъ, шартрезъ само собой: это еще милостиво.

Докторъ засмѣялся. Его добродушное старческое лицо покрылось розовыми пятнами, глаза блестѣли. Это былъ типичный представитель тѣхъ славныхъ стариковъ-докторовъ, которые сохранились только еще въ провинціи.

— Скажите, пожалуйста, докторъ, что это за комедія сегодня разыгрывалась въ конторѣ?

— Это вы насчетъ Егора Ѳомича?

— Да...

— Гм... Комедія самая обыкновенная: дѣла „Нептуна“ не-сегодня-завтра ликвидируются—вотъ Егоръ Ѳомичъ и хватается за соломинку, чтобы выплыть. Акціонеровъ вербуетъ...

— Это-то понятно, только онъ едва ли чего-нибудь добьется. Никто ему не вѣритъ и соглашаются съ нимъ только изъ вѣжливости, т.-е., вѣрнѣе сказать, изъ-за угощенія. Я увѣренъ, что Егоръ Ѳомичъ не сбудетъ ни одной акціи...

— Ну, это трудно сказать впередъ. Конечно, ему не вѣрятъ, даже смѣются за глаза надъ нимъ, а навѣрное кончится дѣло тѣмъ, что всѣ попадутъ въ лапы къ этому же самому Егору Ѳомичу. Такія превращенія случаются сплошь и рядомъ. Меня собственно интересуетъ манера Егора Ѳо-

*) Черепомъ называется тонкій слой льда, который весной остается на дорогѣ; днемъ онъ таетъ, а ночью замерзаетъ въ тонкую ледяную корку, которая хруститъ и ломается подъ ногами.

мича добывать акціонеровъ: сначала оглушить проектами, а потомъ навалится съ ѣдой... Вѣдь глупости, кажется, а между тѣмъ дѣйствуетъ, да еще какъ дѣйствуетъ! Взять теперь хоть Парѳена Маркыча — человѣкъ замѣчательно умный, насквозь видитъ Егора Ѳомича со всѣми его проектами, а все-таки Егоръ Ѳомичъ слопаетъ Парѳена Маркыча... И вѣдь какъ просто: сегодня завтракъ, завтра ужинъ, послѣзавтра обѣдъ —дѣло и сойдетъ, какъ по маслу. Подите вотъ вы съ человѣческой природой: противъ всего человѣкъ устоитъ, а ѣдой его проймутъ.

— Вы шутите?

— Нѣтъ, говорю совершенно серьезно. Вотъ сами увидите, какъ Егоръ Ѳомичъ всѣхъ обдѣлаетъ: и Парѳена Маркыча, и Алексѣя Самойлыча, и Павла Петровича, и, по всей вѣроятности, еще многихъ другихъ. Въ природѣ вѣдь то же бываетъ: стоитъ какая-нибудь этакая скала; кажется, и вѣку ей не будетъ, а между тѣмъ точитъ ее ручеекъ, точитъ-точитъ — глядишь, наша скала и рухнула. Такъ и съ нашими акціонерами: наживаютъ деньги правдами и неправдами десятки лѣтъ, крѣпятся, скалдырничаютъ, а тутъ подвернулся Егоръ Ѳомичъ,—благоразумный рабъ и распоясался. Вѣдь самъ не вѣритъ ни Егору Ѳомичу ни его 20%, а все-таки идетъ въ ловушку... Чортъ знаетъ, что̀ за глупость!

Мы подошли къ квартирѣ Осипа Иваныча.

— Вы спать?—спрашивалъ докторъ, останавливаясь.

— Да.

— Въ этакую-то ночь? Да побойтесь Бога, батенька! Это наконецъ безсовѣстно... Лучше пройдемтесь по берегу, вы погуляете, а я навѣщу двоихъ тифозныхъ. Совсѣмъ безнадежны... Идетъ?

— Пожалуй.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, такихъ бѣлыхъ ночей не много выпадаетъ на нашу долю.

Мы шли по берегу Чусовой, мимо крѣпкихъ бревенчатыхъ избъ, гдѣ все покоилось мертвымъ сномъ. Гдѣ-гдѣ глухо брехнетъ спросонья собака, и опять мертвая тишина кругомъ; только молодой мѣсяцъ обливаетъ и лѣсъ, и рѣку, и деревню своимъ трепетнымъ молочнымъ свѣтомъ. Теперь пристань походила на громадное поле убіенныхъ, которые тамъ и сямъ лежали кучками. Ближе эти кучки превращались въ груды лохмотьевъ, изъ которыхъ выставлялись руки, ноги и головы. Спавшіе люди виднѣлись вездѣ, подъ малѣйшимъ прикрытіемъ: подъ навѣсами избъ, на завалинкахъ, за углами, а то и просто на бугоркѣ, который солнце за день успѣло обсушить и прогрѣть. Ни дать ни взять—настоящее поле убіенныхъ, на которомъ не успѣли даже хорошенько прибрать труповъ, а просто, для порядку, стаскали ихъ въ нѣсколько кучъ. Дальше, на самомъ берегу краснымъ глазомъ мелькалъ огонекъ, около котораго можно было различить нѣсколько неподвижныхъ фигуръ.

— Гдѣ же ваши паціенты? — спросилъ я доктора, когда мы подходили уже къ концу деревни.

— А вотъ сейчасъ... предпослѣдняя изба.

У предпослѣдней избы не было ни воротъ, ни крытаго сплошь двора, ни хозяйственныхъ пристроекъ; прямо съ улицы, по шатавшемуся крылечку, ходъ былъ въ темныя сѣни съ просвѣчивавшей крышей. Огня нигдѣ нѣтъ. Показалась поджарая собака, повиляла хвостомъ, точно извиняясь, что ей и караулить нечего, и опять скрылась.

— Осторожнѣе, здѣсь нѣтъ ступеньки... — предупредилъ докторъ, нащупывая рукой бревенчатую стѣну.

Онъ толкнулъ дверь, и она растворилась чернымъ, зіяющимъ пятномъ, какъ пасть чудовища.

— Осторожнѣе, здѣсь люди... — шепталъ докторъ, чиркая спичкой о двери.

Дѣйствительно, весь полъ въ сѣняхъ былъ занятъ спящими вповалку бурлаками. Даже изъ дверей избы выставлялись какія-то ноги въ лаптяхъ: значитъ, въ избѣ не хватало мѣста для всѣхъ. Слышался тяжелый храпъ, кто-то поднялъ голову, мгновеніе посмотрѣлъ на насъ и опять безсильно опустилъ ее. Мы попали въ самый развалъ сна, когда всѣ спали, какъ зарѣзанные.

Докторъ зажегъ стеариновый огарокъ и, шагая черезъ спавшихъ людей, прошелъ въ дальній уголъ, гдѣ на смятой соломѣ лежали двѣ безсильно вытянутыя фигуры. Наше появленіе разбудило одного изъ спавшихъ бурлаковъ. Онъ съ трудомъ поднялъ голову и, видимо, не могъ понять, что происходило кругомъ.

— Это ты, Силантій?—проговорилъ докторъ.

— Я, ваше благородіе... я...—отозвался старикъ, съ тяжелымъ кряхтѣньемъ поднимаясь съ полу.

Въ этой сгорбленной старческой фигурѣ я сразу узналъ давешняго бунтовщика Силантія, который трапезовалъ съ Митріемъ занѣсневѣлыми корочками.

— Ну, что больные?—спрашивалъ докторъ.

— Да кто ихъ знаетъ, ваше благородіе: лежатъ въ лежку... Даве Степа-то пить попросилъ, а Кирила и головы не подымаетъ.

— Да вѣдь ты спалъ и, навѣрно, ничего не слышалъ?

— Можетъ, и не слышалъ...—равнодушно согласился Силантій, движеніемъ лопатокъ почесывая спину.—Ужъ какъ Богъ...

— А ты лѣкарство подавалъ?

— Подавать-то подавалъ...

Больные—Кирила, пожилой мужикъ съ песочной бородой, и Степа, молодой, безусый парень съ сѣрымъ лицомъ—лежали неподвижно, только можно было разслышать неровное, тяжелое дыханье. Докторъ взглянулъ на Кирилу и покачалъ головой. Запекшіяся губы, полуоткрытый ротъ, провалившіеся глубоко глаза—все это было краснорѣчивѣе словъ.

— Кончается? — спрашивалъ Силантій такъ же равнодушно.

— Къ утру будетъ готовъ...

— А Степа?

Докторъ ничего не отвѣчалъ, а только припалъ головой къ больному парню. Когда онъ взялъ его за руку, чтобы сосчитать пульсъ, больной съ трудомъ открылъ отяжелѣвшія вѣки, посмотрѣлъ на доктора мутнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ и глухо прошепталъ всего одно слово:

— Сапоги...

— Какіе сапоги онъ спрашиваетъ? — шопотомъ освѣдомился докторъ у Силантія.

— Онъ такъ это, ваше благородіе... не отъ ума городитъ,—объяснялъ старикъ.—Ишь, втемяшилось ему безпремѣнно купить сапоги, какъ привалимъ въ Пермь, вотъ онъ и поминаетъ ихъ... И что, подумаешь, далось человѣку! Какіе ужъ тутъ сапоги... Какъ на сплавъ-то шли, онъ и спалъ и видѣлъ эти самые сапоги и теперь все ихъ поминаетъ. Не нашивалъ парень сапоговъ-то отродясь, такъ оно любопытно ему было...

Сапоги для мужика — самый соблазнительный предметъ, какъ это уже

было замѣчено многими наблюдателями. Никакая другая часть мужицкаго костюма не пользуется такой симпатіей, какъ именно сапоги. Происходитъ ли эта необъяснимая симпатія оттого, что сапоги являются роскошью для всероссійскаго лапотника, или это наша исключительно національная особенность — трудно сказать.

— Такъ Кирила-то, говоришь, помретъ? — спрашивалъ Силантій, провожая насъ на крыльцо.

— Да... — коротко отвѣтилъ докторъ, задувая огарокъ.

— Ахъ ты, грѣхъ какой вышелъ... а? Чего дѣлать-то будемъ?

— Похоронятъ какъ-нибудь...

— Извѣстно, похоронятъ... Нѣтъ, дома-то у Кирилы семьища осталась — страсть! Самъ-восьмой былъ и все малъ мала меньше... А средствія никакого не будетъ Кирилѣ отъ вашего благородія?

— Нѣтъ, не будетъ...

— Ахъ, грѣхъ какой... И попа-то на этой треклятой пристани нѣтъ; пожалуй, безъ покаянія и отойдетъ. Вотъ бы еще денька два повременилъ, попъ наѣдетъ къ отвалу каравана, ужъ за попутьемъ бы и упокойничка похоронить.

Мы вышли молча. Силантій остался на крыльцѣ, почесываясь лопатками и позѣвывая. Давешняя собака показалась опять изъ-за угла, присѣла задомъ и тихо завыла.

— Чуетъ упокойничка... — проговорилъ Силантій.

— Вотъ вамъ жертва голоднаго тифа... — угрюмо проговорилъ докторъ, чмокая губами.

— И много такихъ?

— Десятка полтора наберется.

Когда еще докторъ осматривалъ больныхъ, съ улицы донесся какой-то подавленный стонъ. Немного погодя звукъ повторился и застылъ въ воздухѣ протяжнымъ, унылымъ воемъ. Безъ сомнѣнія, это были волки.

— Докторъ, слышите? — спрашивалъ я.

— Да...

Мы остановились и прислушались. Это были волки. Они перебѣжали черезъ рѣку на нашъ берегъ и тянули убійственную ноту гдѣ-то тутъ, совсѣмъ близко.

— Цѣлая стая... — замѣтилъ я

Докторъ вдругъ засмѣялся.

— А вѣдь вы и меня на грѣхъ навели, — проговорилъ онъ. — Ха-ха... Нашли волковъ!.. Я и позабылъ совсѣмъ, что сегодня у инородцевъ праздникъ. Аллахъ имъ послалъ *веселую скотинку*—вотъ они и поютъ! Огонекъ-то видите на берегу? — тамъ идетъ пиръ горой.

Дѣйствительно, теперь можно было совершенно ясно опредѣлить, что звуки неслись именно отъ горѣвшаго на берегу огонька.

— Я не понимаю, докторъ, про какую веселую скотинку вы говорите?

— Неужели никогда не слыхали?.. Очень просто: у одного здѣшняго мужика сбѣсилась корова; по всей вѣроятности, ее укусила бѣшеная собака, ну-съ, мужикъ и взвылъ съ своей коровой. Убытокъ убыткомъ, да еще нужно ее зарѣзать, отвезти въ лѣсъ и закопать поглубже въ землю. А время самое горячее, до того ли тутъ... Пока мужикъ горевалъ, добрые люди и надоумили: отдать бѣшеную корову башкирамъ. А имъ это цѣлый праздникъ; они взбѣсившійся скотъ зовутъ веселой скотинкой и ѣдятъ его за настоящій здоровый. Вся пристань давеча сбѣжалась смотрѣть, какъ они будутъ расправляться

съ бѣдной коровой... Мигомъ оборудовали все дѣло: закололи корову, развели огонекъ по берегу и закутили. Именно закутили, потому что совсѣмъ отощали и пьянѣютъ отъ ѣды. Я самъ ходилъ смотрѣть на нихъ: наѣстся человѣкъ и шатается, какъ пьяный; глаза блуждаютъ, ну, однимъ словомъ, всѣ признаки отравленія алкоголемъ.

— Можетъ-быть, это происходитъ отъ отравленія зараженнымъ мясомъ?

— Сначала я и самъ то же подумалъ, но дѣло въ томъ, что такое опьяненіе происходитъ и отъ хлѣба. Ѣстъ-ѣстъ, пока замертво не свалится, потомъ отдышится и опять ѣстъ. Страшно на нихъ смотрѣть. Не хотите ли полюбопытствовать?

— Нѣтъ, благодарю... На этотъ день достаточно впечатлѣній. Я видѣлъ этихъ инородцевъ давеча.

— Да, да... Голодъ согналъ сюда народъ со всѣхъ сторонъ. И болѣзнь у всѣхъ одна: голодный тифъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ какой-нибудь больнички на всякій случай? — спрашивалъ я.

— Какая тутъ больничка... Лѣкарствъ даже нѣтъ. Хининъ стоитъ дорого, поэтому лѣчимъ александрійскимъ листомъ. Да и что можетъ сдѣлать медицина тамъ, гдѣ всѣ условія, точно нарочно, собраны для разрушенія самаго желѣзнаго здоровья: голодъ, холодъ, каторжный трудъ...

Мы опять заговорили о проектахъ медоточиваго Егора Ѳомича.

— Все это вздоръ, — отрѣзалъ докторъ, безнадежно махнувъ рукой. — Жаль только, что всѣ эти медовыя рѣчи отзываются все на той же бурлацкой спинѣ.

— Именно?

— Откуда эти деньги у всѣхъ караванныхъ, повѣренныхъ и прочей братіи? Конечно, все съ тѣхъ же бурлаковъ... Вѣдь ихъ набирается на Чусовую тысячъ двадцать пять, кладите по рублю съ человѣка — и то получается порядочный кушъ, а тутъ еще нагрузка барокъ, опять новая статья дохода. Всѣ наживаются около каравана, потому что не существуетъ никакого контроля. Поставили на барку сорокъ человѣкъ, записали пятьдесятъ; за нагрузку заплатили сто рублей, а въ книгу занесли триста. Кто ихъ можетъ провѣрить? Рука руку моетъ... Вы поплывете съ караваномъ?

— Да.

— Ну, такъ досыта наглядитесь, чего стоятъ эти роскошные ужины, дорогія вина и тайные дивиденды караванной челяди. Живымъ мясомъ рвутъ все изъ-подъ той же бурлацкой спины... Вы только подумайте, чего стоитъ снять съ мели одну барку въ полую воду, когда по рѣкѣ идетъ еще ледъ? Люди идутъ на вѣрную смерть, а ихъ даже не разсчитаютъ порядкомъ... Въ результатѣ получается масса калѣкъ, увѣчныхъ, больныхъ.

— А ихъ куда дѣваютъ?

— Какъ куда! Не тащить же съ собой — оставятъ на бережку, и вся недолга. Какъ негодный балластъ, такъ и выбрасываютъ живыхъ людей. Да еще больные туда-сюда: отлежался — твое счастье, умеръ — добрые люди похоронятъ; а вотъ куда дѣваться калѣкамъ да увѣчнымъ?

— Можетъ-быть, имъ выдаются пособія?

— Какія тамъ пособія! Обратите вниманіе на то, что главная масса увѣчныхъ происходитъ благодаря все этимъ же безгрѣшнымъ доходамъ караванныхъ служащихъ: поставятъ людей въ обрѣзъ, чтобы прописать въ книгу побольше, снимаютъ барки воротомъ, что запрещено закономъ. Да мало ли тутъ пакостей творится! Вотъ поплывете, такъ своими глазами насмотритесь.

Главное, совѣмъ безсудная земля, и если является на силавъ полиція, такъ она всецѣло дѣйствуетъ только въ интересахъ судоотправителей, т.-е. усмиряетъ крестьянскіе бунты, когда силавъ затянется.

Я распрощался съ докторомъ. Осипъ Иванычъ спалъ мертвымъ сномъ, но я долго не могъ заснуть. Мнѣ „мерещилось“ все видѣнное и слышанное за день: эти толпы бурлаковъ, пьяный Савоська, мастеровые, „камешки“, ужинъ въ караванной конторѣ и наконецъ больные бурлаки и этотъ импровизованный пиръ „веселой скотинкой“. Цѣлая масса несообразностей мучительно шевелилась въ головѣ, вызывая ряды типичныхъ лицъ, сценъ и мыслей. Какъ разобраться въ такомъ хаосѣ впечатлѣній, какъ согласовать отдѣльные житейскіе штрихи, чтобы получить въ результатѣ необходимое цѣлостное представленіе? Каждый разъ, когда хотѣлось сосредоточиться на одной точкѣ, мысли расползались въ разныя стороны, какъ живые раки изъ открытой корзины.

А въ окна моей комнаты глядѣлся молодой мѣсяцъ матовыми бѣлыми полосами, которыя прихотливо выхватывали изъ ночного сумрака то уголъ чемодана съ мѣдной застежкой, то какую-то гравюру на стѣнѣ съ неизвѣстной нагой красавицей, то остатки ужина на столѣ, то взлохмаченную голову Осипа Иваныча, который и во снѣ нѣсколько разъ принимался ругаться съ бурлаками. Въ ушахъ у меня все еще стоялъ страшный вой пировавшихъ инородцевъ, и мнѣ казалось, что я опять слышу эти тянущія душу ноты. Наконецъ я забылся тревожнымъ сномъ. Но сегодня-намъ съ Осипомъ Иванычемъ, видно, не суждено было спать, потому что въ серединѣ ночи подъ окнами послышался страшный стукъ, который заставилъ насъ вскочить съ постелей.

— Какой тамъ чортъ ломится? — сердито закричалъ Осипъ Иванычъ, подбѣгая къ окну.

— Отъ караваннаго, — слышался голосъ подъ окномъ.

— Черти полуночные!.. — ругался Осипъ Иванычъ, отправляясь отворять двери. — Умереть не дадутъ спокойно... Ну, какого чорта понадобилось караванному, чтобы ему провалиться вмѣстѣ съ конторой? — спрашивалъ онъ въ передней посланца.

— Вотъ писульку прислали, — почтительно докладывалъ неизвѣстный голосъ.

Осипъ Иванычъ досталъ огня и торопливо пробѣжалъ записку караваннаго. Не дочитавъ до конца, онъ скомкалъ несчастную писульку и принялся неистово плеваться.

— Что случилось, Осипъ Иванычъ? — спросилъ я, тронутый этимъ безмолвнымъ горемъ.

— А вотъ извольте, полюбуйтесь!.. — сердито сунулъ мнѣ подъ носъ принесенную писульку Осипъ Иванычъ и началъ торопливо одѣваться.

Я пробѣжалъ записку. Караванный просилъ Осипа Иваныча немедленно отправить нарочнаго въ Тагилъ, чтобы купить тамъ омаровъ и нѣсколько страсбургскихъ пироговъ. Въ постскриптумѣ стояла лаконическая фраза, подчеркнутая карандашомъ: *отъ этого все зависитъ*...

— Подлецы! аспиды! — неистовствовалъ Осипъ Иванычъ, облекаясь въ архалукъ. — Гнать нарочнаго за семьдесятъ верстъ за омарами... Тьфу! Это Егоръ Ѳомичъ придумалъ закормить управителей... Знаетъ, шельмецъ, чѣмъ ихъ пробрать: ѣдой города берутъ, а наши управители помѣшались на обѣдахъ да на закускахъ. Дорого имъ эти закуски вскочатъ!

Черезъ полчаса Осипъ Иванычъ вернулся; нарочный былъ посланъ въ ночь сейчасъ же. Но только-что мы улеглись, какъ опять послышался стукъ въ окно и прилетѣла вторая писулька отъ караваннаго: проситъ немедленно

послать рабочихъ на какую-то рѣчку за харюзами, которые должны быть готовы къ обѣду. У Осипа Иваныча руки затряслись со злости, и онъ долженъ былъ выпить три рюмки водки, чтобы успокоиться, снова одѣться и отдать соотвѣтствующія приказанія. Я не дождался, когда онъ вернется, но сквозь сонъ слышалъ новый стукъ въ окно; это, вѣроятно, былъ новый заказъ караваннаго на какое-нибудь мудреное яство.

VII.

Каменка — названіе историческаго происхожденія.

Строгановы на р. Чусовой поставили Чусовской городокъ; а братъ сибирскаго салтана, Махметкулъ, на 20 іюля 1573 года, со „многолюдствомъ татаръ, остяковъ и съ верхъ-чусовскими вогуличами“, нечаянно напалъ на него, многихъ россійскихъ подданныхъ и ясачныхъ (платившихъ царскую дань мѣхами — ясакъ) остяковъ побилъ, женъ и дѣтей разбѣжавшихся и побитыхъ жителей полонилъ и въ томъ числѣ забралъ самого посланника государева, Третьяка Чубукова, вмѣстѣ съ его служилыми татарами, съ которыми онъ былъ посланъ изъ Москвы въ „казацкую орду“. У Строгановыхъ, для обороны, всегда была подъ рукой разная казацкая вольница, но они побоялись вступить въ бой съ Махметкуломъ и преслѣдовать его, „опасаясь дальнихъ случаевъ“, т.-е. какъ бы этимъ не нанести „худыхъ слѣдствіевъ отъ сильной сибирской стороны“ своимъ острожкамъ и пермскимъ городкамъ. Такъ Махметкулъ и вернулся во-свояси „съ немалою добычею и плѣномъ“, а Строгановы послали въ Москву просьбу, чтобы имъ позволили ходить войной на сибирцевъ; царь отписалъ Строгановымъ, чтобы они всѣхъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ воевали и подъ руку царскую приводили.

Воспользовавшись этой царской грамотой, Строгановы къ своей казацкой вольницѣ присоединили разныхъ охочихъ людей, недостатка въ которыхъ въ то смутное время не было, и двинули эту орду вверхъ по р. Чусовой, чтобы, въ свою очередь, учинить нападеніе на „недоброжелательныхъ сосѣдей“, т.-е. на тѣхъ вогуличей и остяковъ, которые приходили съ Махметкуломъ. Повторилась обратная исторія: недоброжелательные сосѣди избивались, ихъ жилища превращались въ пепелъ, а жены и дѣти забирались въ полонъ. Такимъ образомъ строгановскіе казаки поднялись вверхъ по р. Чусовой верстъ на 300 и остановились только при впаденіи въ Чусовую р. Каменки. Итти дальше казаки не отваживались, опасаясь „многолюдства татарскаго и вогульскаго и сибирскаго владѣнія“. Чтобы закрѣпить за собой завоеванную сторону, Строгановы поселили на ней своихъ крестьянъ, причемъ селеніе, поставленное на усторожливомъ мѣстечкѣ, при впаденіи р. Каменки въ Чусовую, сдѣлалось крайнимъ пунктомъ русской колонизаціи, смѣло выдвинутымъ въ самую глубь сибирской украйны. Даже неутомимые и предпріимчивые Строгановы не рѣшились забираться дальше въ сибирское владѣніе, „понеже тогда, за сопротивленіемъ сибирцевъ и вогуличъ, далѣе оной р. Каменки по Чусовой заселеніе имѣть имъ, Строгановымъ, было опасно“. Послѣдовавшей затѣмъ царской грамотой вся завоеванная сторона отдана Строгановымъ вплоть по р. Каменку.

Такимъ образомъ основаніе Каменки предупредило на нѣсколько лѣтъ знаменитый походъ Ермака, и эта пристань долго еще служила Строгановымъ опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ съ сосѣдями. Вообще бассейнъ Чусовой въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій служилъ кровавой ареной, на которой кипѣла самая ожесточенная борьба аборигеновъ съ безвѣстными пришлецами. Нечаянныя

нападенія, разрушенія городковъ, одолѣніе или полонъ чередовались здѣсь съ перемѣннымъ счастіемъ для враждовавшихъ сторонъ. Для насъ можетъ показаться страннымъ только одно: гдѣ Строгановы, частные люди, могли набрать столько народа не только для войны съ сибирской стороной, но и для ея колонизаціи, разомъ на сотни верстъ? Такія крупныя задачи, пожалуй, были не подъ силу и самой Москвѣ, не то что частнымъ предпринимателямъ. Дѣло объясняется очень просто, если мы взглянемъ на него съ исторической точки зрѣнія. Созданіе Москвы и патріархальная неурядица московскаго уклада отзывались на худомъ народѣ крайне тяжело; подъ гнетомъ этой неурядицы создался неистощимый запасъ голутвенныхъ, обнищалыхъ и до конца оскудѣлыхъ худыхъ людишекъ, которые съ замѣчательной энергіей тянули къ излюбленнымъ русскимъ человѣкомъ украйнамъ, а въ томъ числѣ и на востокъ, на Камень, какъ называли тогда Уралъ, гдѣ сибирская украйна представлялась, еще со временъ новгородскихъ ушкуйниковъ, самой лакомой приманкой. Истинными завоевателями и колонизаторами всей сибирской украйны были не Строгановы, не Ермакъ и смѣнившіе его царскіе воеводы, а московская волокита, воеводы, подьячіе, земскіе старосты, тяжелыя подати и разбойные люди, которые заставляли „брести врознь“ цѣлыя области.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности того, какъ голутвенные и обнищалые людишки грудью взяли и то, что̀ лежало передъ Камнемъ, и самый Камень, и перевалили за Камень—эти кровавыя страницы русской исторіи касаются нашей темы только съ той стороны, поскольку они служили къ образованію того оригинальнаго населенія, какое осѣло въ бассейнѣ Чусовой и послужило родоначальникомъ нынѣшняго. Послѣ одолѣнія сибирской стороны тяга русскихъ людишекъ на Камень постоянно увеличивалась, чему способствовали нѣкоторые новые мотивы русской исторіи. Такъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ на Камень со всѣхъ сторонъ бѣжали раскольники. Мы встрѣчаемъ названіе Каменки уже не въ царскихъ грамотахъ, а въ дѣлахъ Преображенскаго приказа, когда князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій пыталъ за „государственныя слова“.

Именно, мы приведемъ коротенькій эпизодъ о „государевыхъ словѣ и дѣлѣ“, которыя залетѣли даже на Каменку. Этотъ эпизодъ отлично характеризуетъ порядки того времени и людей, изъ которыхъ образовалось нынѣшнее уральское населеніе.

Лѣтомъ 1722 г. на Каменку приходитъ неизвѣстнаго званія человѣкъ и останавливается въ домѣ крестьянина Якова Солнышкина *). Странника приняли и обогрѣли, какъ своего человѣка, потому что незнаемый пришлецъ назвался приверженнымъ къ расколу. Собралась однажды вечеркомъ вся семья Солнышкиныхъ, и пошли тѣ разговоры, какіе перебѣгали по петровской Руси, какъ электрическія искры. Первыми, конечно, затрещали бабы, жена Якова Солнышкина да его сноха. Онѣ разсказали неизвѣстному человѣку, что проходили черезъ Каменку неизвѣстные гулящіе люди и сказывали, что государь-де въ Казани часовни ломаетъ и иконы изъ часовенъ выноситъ и кресты съ часовенъ сымаетъ. И къ тѣмъ словамъ разболтавшихся каменскихъ бабъ сынъ Якова Солнышкина, тоже Яковъ, прибавилъ про императорское величество, что взялъ бы-де его и въ мелкія части разрѣзалъ и тѣло бы его растерзалъ. Неизвѣстный человѣкъ хорошо запомнилъ горячую выходку младшаго Солнышкина, пожилъ въ Каменкѣ недѣли двѣ, а затѣмъ отправился, какъ объ

*) Дѣло о Солнышкинѣ нами заимствовано у Есипова изъ его раскольничьихъ дѣлъ XVIII вѣка.

ленилъ гостепріимнымъ хозяевамъ, разыскивать мѣдную руду, о которой наслышался раньше.

Изъ Каменки неизвѣстный человѣкъ прошелъ на Тагилъ-рѣку и тамъ дѣйствительно отыскалъ мѣдную руду и въ то же время усмотрѣлъ въ лѣсу двѣ кельи, въ которыхъ жили три раскольничьихъ старицы: Платонида, Досиѳея и Варсонофія, и старецъ Варѳоломей. Встрѣтившись съ раскольниками, неизвѣстный человѣкъ самъ назвался раскольникомъ и поселился на время у нихъ. Повторилась старая исторія: неизвѣстный человѣкъ вкрался въ довѣріе пустынножителей, и опять пошли разговоры. Старицы обрадовались случаю поболтать съ новымъ человѣкомъ, причемъ Платонида называла царя „обмѣннымъ шведомъ“, который не можетъ „воздержать посту“, затѣмъ говорила, что образа пишутъ съ шведскихъ персонъ, и т. д. Старицы-сестры, Варсонофія и Досиѳея, прибавили къ этому, что государь-де сжился съ царицею Екатериной Алексѣевной прежде вѣнца, и что отъ царевича-де, Алексѣя Петровича, родился отъ шведки царевичъ, мѣрою аршинъ съ четвертью и съ зубами, не простъ человѣкъ. Старецъ Варѳоломей читалъ неизвѣстному человѣку какія-то божественныя книги, называлъ поповъ еретиками и говорилъ про крещеніе, что еретическое крещеніе не есть крещеніе, а паче осквернеіе, и т. д., и т. д.

Послѣ этого мы видимъ неизвѣстнаго человѣка уже въ Тобольскѣ, гдѣ онъ объявляетъ „государевы слово и дѣло“ и прямо указываетъ на „государственныя слова“, какія говорили старицы со старцемъ и Яковъ Солнышкинъ. Изъ Тобольска немедленно посылается надежный профосъ (солдатъ), который и забираетъ всѣхъ, на кого донесъ неизвѣстный человѣкъ, а затѣмъ всѣхъ пятерыхъ везетъ въ Тобольскъ. Дорогой старица Платонида умираетъ, а старецъ Варѳоломей убѣгаетъ изъ-подъ стражи. Трое, оставшіеся въ наличности, вмѣстѣ съ доносчикомъ, отправляются въ Москву и сдаются съ рукъ на руки въ Преображенскій приказъ, подъ крылышко князю Ромодановскому.

Кто же былъ этотъ неизвѣстный доносчикъ, и что за цѣль была у него подводить людей, которые пріютили его, обогрѣли и кормили?

Вотъ что показалъ на допросѣ доносчикъ: родомъ онъ казачій сынъ, изъ Сибирской губерніи, города Тюмени, по имени Дороѳей Веселковъ. Изъ Тюмени съ 1721 г. онъ поѣхалъ на Ирбитскую ярмарку съ товаромъ, но дорогой воевода Нефедьевъ товары его побралъ себѣ и его самого посадилъ подъ караулъ. Изъ-подъ караула Веселковъ вскорѣ бѣжалъ, нѣсколько времени проживалъ въ Уфимской губерніи и на Уктускомъ заводѣ, а потомъ наслышался про мѣдныя руды въ имѣніяхъ Строгановыхъ, куда и отправился. Чѣмъ кончился этотъ сыскъ мѣдной руды, мы уже видѣли. Что касается цѣли, какой могъ добиваться своимъ доносомъ Веселковъ, то мы, разсматривая все дѣло, приходимъ къ тому заключенію, что единственной цѣлью этого доносчика было освободиться самому изъ того неловкаго положенія, въ какое онъ попалъ, благодаря воеводѣ Нефедьеву. Другого мотива мы, къ сожалѣнію, не можемъ подыскать; Веселковъ поступилъ такъ, какъ въ то смутное время поступали тысячи людей. Чтобы выгородить себя, жертвовали другими — и только.

Конецъ всего дѣла носитъ трагическій характеръ. Якова Солнышкина и старицъ, не довольствуясь ихъ повинными, вздернули на дыбу и сѣкли плетьми. Старицѣ Варсонофіи было около 70 лѣтъ, и послѣ трехъ пытокъ она скончалась въ „бѣдности“ Преображенскаго приказа, т.-е. въ тюрьмѣ. Яковъ Солнышкинъ едва пережилъ ее двумя недѣлями, а старица Досиѳея пережила своихъ товарищей на полгода, и князь Ромодановскій особенно крѣпко сыскив-

валъ съ нея. Бѣдную старуху много разъ поднимали на дыбу, били плетьми и жгли огнемъ, пока она не скончалась въ той же „бѣдности“.

Главный герой всего дѣла, Дороѳей Веселковъ, получилъ за правый донось денежное вознагражденіе и былъ отпущенъ съ миромъ во-свояси.

Изъ сказаннаго выше видно, какимъ путемъ складывалось населеніе далекаго Урала и какія невзгоды налетали на его голову. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ въ темную глубь исторіи, гдѣ передъ нашимъ взоромъ нескончаемыми вереницами тянутся голутвенные и обнищалые до конца людишки, выкинутые волной нашего историческаго существованія на далекую восточную окраину. Намъ кажется, что исторія не повторяется... Но вымирали поколѣнія, измѣнялись формы, въ какія отливалась народная жизнь, а голутвенные людишки продолжаютъ существовать попрежнему и попрежнему неизвѣстно творятъ русскую исторію, какъ микроскопическія ракушки и полипы образуютъ громадные рифы, мели, острова и цѣлыя скалы. Вглядываясь въ кипѣвшую на Каменкѣ сплавную сутолоку, я невольно припомнилъ историческихъ голутвенныхъ людишекъ: они опять были налицо, живописуя и иллюстрируя настоящее. На одной Чусовой ежегодно набирается бурлаковъ до двадцати пяти тысячъ, а сколько ихъ бьется на другихъ горныхъ рѣчонкахъ въ это горячее время? Прогрессируя, наша историческая русская нужда пустила множество новыхъ развѣтвленій и создала почти неуловимыя формы. Возникли, развились и созрѣли такія злобы мужицкой жизни, о какихъ даж[illegible] и не снилось бродившимъ врознь русскимъ людишкамъ прошлыхъ столѣ[illegible]. Приписные къ заводамъ крестьяне, крѣпостное право—да мало ли цвѣ[illegible] вырощенныхъ неутомимымъ труженикомъ-временемъ! А впереди, въ формѣ капитализма, уже встаетъ нѣчто горшее, которое властно забираетъ все кругомъ...

Въ этомъ живомъ муравейникѣ, который кипитъ по чусовскимъ пристанямъ весной, подъ давленіемъ одной силы, братски перемѣшались когда-то враждебные элементы: коренное чусовское населеніе бассейна Чусовой съ населявшими ее когда-то инородцами, старовѣры съ приписными на заводѣ хохлами, представителями крѣпкаго своими коренными устоями крестьянскаго міра съ вполнѣ индивидуализированнымъ заводскимъ мастеровымъ, этой новой клѣточкой, какой не знала московская Русь и которая растетъ не по днямъ, а по часамъ.

VIII.

Чусовая—одна изъ самыхъ капризныхъ горныхъ рѣкъ. Самыя заурядныя явленія, повторяющіяся періодически, не поддаются наблюденію и каждый разъ создаютъ новыя подробности, какія въ такомъ рискованномъ дѣлѣ, какъ сплавъ барокъ, имѣютъ рѣшающее значеніе. Это зависитъ отъ тѣхъ физическихъ условій, какими обставлено теченіе Чусовой на всемъ ея протяженіи. Начать съ того, что паденіе Чусовой превосходитъ всѣ сплавныя русскія рѣки: въ своей горной части, на разстояніи 400 верстъ до того пункта, гдѣ ее пересѣкаетъ Уральская желѣзная дорога, она падаетъ на 80 саженъ, что составитъ на каждую версту рѣки 20 сот. сажени, а въ самомъ гористомъ мѣстѣ теченія Чусовой это паденіе достигаетъ 22 сот. сажени на версту. Для сравненія этой величины, достаточно указать на паденіе Камы, Волги и Сѣверной Двины, которое равняется всего 2—3 сот. сажени. Затѣмъ, коренная вода на перекатахъ и переборахъ въ межень стоитъ 4 вершка, а весной здѣсь же сплавной валъ иногда достигаетъ страшной высоты въ 7 аршинъ.

Для сплава, конечно, самое важное, когда ледъ вскроется на рѣкѣ. Но и здѣсь примѣниться къ Чусовой очень трудно, можетъ выйти даже такъ, что при малыхъ снѣгахъ рѣка сама не въ состояніи взломать ледъ, и главный запасъ весенней воды, при помощи котораго сплавляются караваны, уйдетъ подо льдомъ. Поэтому вопросъ о вскрытіи Чусовой для всѣхъ расположенныхъ на ней пристаней, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, составляетъ самую горячую злобу дня, отъ него зависитъ все. Чтобы предупредить неожиданные сюрпризы капризной рѣки, обыкновенно взламываютъ ледъ на Чусовой, выпуская воду изъ Ревдинскаго пруда. А такъ какъ вода въ каждомъ заводскомъ прудѣ составляетъ живую двигающую силу, капиталъ, то такой выпускъ изъ Ревдинскаго пруда обставленъ множествомъ недоразумѣній и препятствій, самое главное изъ которыхъ заключается въ томъ, что судоотправители не могутъ никакъ прійти къ соглашенію, чтобы дѣйствовать заодно. Однимъ нужно раньше выпустить воду, другимъ позже, идутъ безконечныя препирательства, пока ревдинское заводоуправленіе, въ видахъ отправленія собственнаго каравана, не сдѣлаетъ такъ, какъ ему угодно. Остальнымъ пристанямъ приходится уже только ловить золотыя минуты, потому что пропустилъ какой-нибудь часъ—и все дѣло можно испортить. Поэтому ожиданіе, когда Ревдинскій прудъ спуститъ воду, чтобы взломать на Чусовой ледъ, принимаетъ самую напряженную форму; всѣ разговоры ведутся на эту тему, одна мысль вертится у всѣхъ въ головѣ.

Понятно то оживленіе, какое охватило всю Каменку, когда на улицѣ пронесся крикъ:

— Вода пришла!.. Вода... Ледъ тронулся!..

Это былъ глубоко-торжественный моментъ.

Все, что̀ было живо и не потеряло способности двигаться, высыпало на берегъ. Въ сѣрой, однообразной толпѣ бурлаковъ, какъ макъ, запестрѣли женскіе платки, яркіе сарафаны, цвѣтные шуги. Ребятишкамъ былъ настоящій праздникъ, и они метались по берегу, какъ стаи воробьевъ. Выползли старые-старые старики и самыя древнія старушки, чтобы хоть однимъ глазомъ взглянуть, какъ нынче взыграла матушка Чусовая. Нѣкоторые старики плохо видѣли, были даже совсѣмъ слѣпые, но имъ было дорого хоть послушать, какъ идетъ ледъ по Чусовой и какъ галдитъ народъ на берегу. Вѣроятно, многіе изъ этихъ ветерановъ чусовского сплава, вдоволь поработавшихъ на своемъ вѣку на Чусовой, и пришли на берегъ съ печальнымъ предчувствіемъ, что они, можетъ-быть, въ послѣдній разъ любуются своей поилицей-кормилицей. Сюда же на берегъ выползли, приковыляли и были вытащены на рукахъ до десятка разныхъ калѣкъ, пострадавшихъ на весеннихъ сплавахъ: у одного ногу отдавило поноснымъ, другому руку оторвало порвавшейся снастью, третій корчится и ползаетъ отъ застарѣлыхъ ревматизмовъ. Эти печальные диссонансы какъ-то совсѣмъ исчезали въ общемъ весельѣ, которое охватило разомъ всю пристань. Это былъ настоящій праздникъ, нагонявшій на всѣ лица веселыя улыбки.

— Вамъ, можетъ-быть, идетъ пенсія? — спросилъ я одного такого калѣку.

— Кака пенсія?—переспросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Изъ караванной конторы пенсія... пособіе.

— Нѣтъ, у насъ никакихъ пособіевъ не полагается, баринъ.

— Да вѣдь тебѣ руку-то оторвало во время сплава, на караванной работѣ?

— Снастью отрѣзало... Я у огнива стоялъ, а снасть-то и оборвись.

— Ну, такъ караванная контора и должна была тебѣ назначить денежное пособіе, рубля хоть три въ мѣсяцъ. Какой ты работникъ безъ руки?

— Ужъ это что говорить: калѣка—калѣка и есть, куды меня повернуть. Пока около сродственниковъ прокармливаюсь, а тамъ и по міру доведется итти. Такъ контора-то обязана, говоришь, насчетъ пособія?

— Конечно, обязана...

Мужикъ задумался: перспектива получить пособіе смутила его, хотя онъ и не довѣрялъ моимъ словамъ. Послѣ минутнаго раздумья, онъ махнулъ оставшейся рукой и проговорилъ:

— Нѣтъ, баринъ, это никакъ невозможно...

— Почему?

— А ты посчитай-ка, сколь у насъ на одной Каменкѣ калѣкъ, а тутъ мы всѣ и приполземъ въ контору насчетъ пособіевъ... Да это и денегъ не достанетъ! Которымъ сплавщикамъ увѣчнымъ — это точно, пособіе бываетъ, а чтобы нашему брату, бурлаку... Вонъ онъ, Осипъ-то Иванычъ стоитъ, суньсяка къ нему, онъ тѣ задастъ такое пособіе! Ишь, какъ глазищами ворочаетъ, въ родѣ какъ осетеръ...

Видъ на рѣку съ балкона караванной конторы былъ особенно хорошъ и даже заслужилъ одобреніе самого Егора Ѳомича, который, въ числѣ другихъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ любовался игравшей рѣкой.

— Немного диковато...—нерѣшительно замѣтилъ кто-то изъ собравшихся на балконѣ публики.

Нахлынувшій валъ поднялъ ледъ, какъ яичную скорлупу; громадныя льдины съ трескомъ и шумомъ ломались на каждомъ шагу, громоздились одна на другую, образуя заторы, и, какъ живыя, лѣзли на всякій мысокъ и отлогость, куда ихъ прибивало сильной водяной струей. Недавно мертвая и неподвижная рѣка теперь шевелилась на всемъ протяженіи, какъ громадная змѣя, съ шипѣньемъ и свистомъ собирая свои ледяныя кольца. Взломанный ледъ тянулся безъ конца, оставляя за собой холодную струю воздуха; вода продолжала прибывать, съ пѣной катилась на берегъ и жадно сосала остатки лежавшаго тамъ и сямъ снѣга. Вмѣстѣ съ льдинами несло оторванныя отъ берега молодыя деревья, старые пни, какія-то доски и разный другой хламъ; на одной льдинѣ съ жалобнымъ визгомъ проплыла собачонка. Поджавши хвостъ, она долго смотрѣла на собравшійся на берегу народъ, пробовала перескочить на проходившую недалеко льдину, но оступилась и черной точкой потерялась въ бушевавшей водѣ. Вся картина какъ-то разомъ ожила, точно невидимая рука подняла занавѣсъ громадной сцены и теперь дѣло остановилось только за актерами.

— Сплавщики пришли проздравлять!—доложило „среднее“ въ сюртукѣ.

Въ передней набралось человѣкъ пятнадцать сплавщиковъ; остальные толпились на лѣстницѣ и на крыльцѣ. Осипъ Иванычъ, конечно, былъ здѣсь же и съ кѣмъ-то вполголоса ругался. Впереди другихъ стояли меженные *) сплавщики. Вотъ степенный высокій старикъ Лупанъ, съ окладистой большой бородой и строгими глазами; онъ походитъ на раскольничьяго начетчика, говоритъ не торопясь, съ вѣсомъ. Изъ-за него выставляется на диво сколоченная фигура Кряжова, который, какъ говорится, сдѣланъ изъ цѣльнаго дерева; балагуръ и весельчакъ Окиня выставляетъ впередъ свою бородку кли-

*) Изъ сплавщиковъ на пристаняхъ особенно цѣнятся меженные, т.-е. тѣ, которые плаваютъ по Чусовой лѣтомъ, по межени, когда рѣка стоитъ крайне мелко и нужно знать до мельчайшихъ подробностей каждый вершокъ ея теченія.

номъ, причмокиваетъ и подмигиваетъ. Прижался въ уголокъ въ своемъ рваномъ азямѣ Пашка, тоже хорошій сплавщикъ, который, къ сожалѣнію, только никакъ не можетъ справиться съ самимъ собой на сухомъ берегу. Мелькаютъ бородатыя и молодыя лица, почтенная сѣдина матераго сплавщика съ безусой юностью „выученика“. Общее впечатлѣніе отъ сплавщиковъ самое благопріятное, точно они явились откуда-то съ того свѣта, чтобы своими смышленными лицами, приличнымъ костюмомъ мужицкаго покроя и общимъ довольнымъ видомъ еще болѣе оттѣнить ту рваную бѣдность, которая, какъ выкинутый водой соръ, набралась теперь на берегу.

— Пришли проздравить Егора Ѳомича... — заявляетъ Лупанъ, когда въ дверяхъ показывается Семенъ Семенычъ.

— Сейчасъ, сейчасъ выйдутъ! — торопливо шепчетъ караванный, оглядывая сплавщиковъ, точно въ ихъ фигурахъ или платьѣ могло затаиться что-нибудь обидное для величія Егора Ѳомича.

— Ой, старый—не молоденькій... А у меня, Осипъ Иванычъ, еще нечесь брюхо болѣло: слышало вашу водку!—смѣется Окиня, потряхивая своими русыми волосами.—У меня это завсегда... Въ томъ родѣ, какъ часы!..

— Ну, ну, будетъ тебѣ молоть-то!

Окиня показываетъ два ряда мелкихъ бѣлыхъ зубовъ, какіе бываютъ только у такихъ богатырей, и продолжаетъ свою неудержимую болтовню.

— Шшш!..—шипитъ караванный, опять вбѣгая въ переднюю.—Входите по одному... да не стучите ножищами. Кряжовъ! пожалуйста, того... не изломай чего-нибудь... Лупанъ, ступай впередъ!

Сплавщики одернули кафтаны, пригладили ладонями волосы на головѣ и гуськомъ потянулись въ залу, гдѣ ихъ ждалъ самъ Егоръ Ѳомичъ.

— Съ вешней водой... со сплавомъ!—говорилъ Лупанъ, отвѣшивая степенный поклонъ.

— Спасибо, спасибо, братцы! — ласково отвѣтилъ Егоръ Ѳомичъ, подавая Лупану стаканъ водки.—Ужъ постарайтесь, братцы. Теперь время горячее, въ три дня надо поспѣть...

— Какъ завсегды... Егоръ Ѳомичъ, — говоритъ Лупанъ, вытирая послѣ водки ротъ полой кафтана. — Переможемся... Вотъ, какъ вода...

— А что̀ вода?

— Надо полагать, что кабы надъ меженью-то больно высоко не поднята. Снѣга нонѣ глубоки, да и весна выпала дружная: такъ солнышко варомъ и варитъ...

— Ну, Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья!

— Обнаковенно, дастъ Господь-батюшка, и сбѣжимъ, какъ ни на есть. Развѣ народъ что̀...

— Это ужъ наше дѣло, Лупанъ; не ваша забота... А! Окиня! здравствуй! Ну-ка, попробуй, какова водка?..

— Водка первый сортъ, Егоръ Ѳомичъ,—не запинаясь, отвѣчаетъ Окиня:— да стаканчикъ-то у тебя изъянный: глонулъ разъ и шабашъ, точно мимо на тройкѣ проѣхали...

— Съ большого стаканчика у тебя голова заболитъ, а теперь нужно работать вилотную,—милостиво шутилъ Егоръ Ѳомичъ.—Какъ привалимъ въ Пермь, тогда будетъ тебѣ и большой стаканчикъ.

— Не омманешь?

— Зачѣмъ же...

У Егора Ѳомича для всякаго было наготовѣ ласковое словцо; онъ половину сплавщиковъ зналъ въ лицо и теперь балагурилъ съ ними съ бар-

скимъ добродушіемъ. Глядя на эту патріархальную картину, завзятый скептикъ пролилъ бы слезы невольнаго умиленія: дѣлецъ и носитель великихъ промышленныхъ плановъ братался съ наивными дѣтьми народа — чего же больше?

— Господская водка хороша, да мужицкая рука коротка, — говорилъ Окиня, проталкиваясь къ выходу.—Видно, добавить придется изъ своихъ денежекъ. Старый—не молоденькій.

— А когда караванъ отвалитъ? — спрашивалъ я Лупана.

— Да дня этакъ три сождемъ, баринъ. Наводка будемъ ревдинскаго дожидать. Вишь. нонѣ кака весна-то ударила, того гляди, не подняло бы Чусовую-то...

Около конторы, въ собравшейся артели сплавщиковъ, мелькали красныя рубахи и шляпы съ лентами франтовъ-косныхъ. При каждой казенкѣ, т.-е. баркѣ, на которой плыветъ караванный, полагается десятка два самыхъ отборныхъ бурлаковъ, которые помогаютъ снимать обмелѣвшія барки, служатъ вѣстовыми и т. д. Это и есть косные; самое названіе произошло отъ „косной“ лодки, въ которой они разъѣзжаютъ. На всѣхъ пристаняхъ они одѣваются въ цвѣтныя рубахи и щеголяютъ въ шляпахъ съ лентами. Собственно косные не исправляютъ никакой особенной должности, а существуютъ по изстари-заведенному порядку, какъ необходимая декоративная принадлежность каждаго сплава.

Чусовскіе сплавщики—одно изъ самыхъ интересныхъ и въ высшей степени типичныхъ явленій своеобразной жизни чусовского побережья. Достаточно указать на то, что совсѣмъ безграмотные мужики дораба[illegible] высшихъ соображеній математики и рѣшаютъ на практикѣ такіе вопросы техники плаванія, какіе неизвѣстны даже въ теоріи. Чтобы быть [illegible] настоящимъ сплавщикомъ, необходимо имѣть колоссальную память, быстроту и энергію мысли и, что̀ всего важнѣе, нужно обладать извѣстными душевными качествами. Прежде всего, сплавщикъ долженъ до малѣйшихъ подробностей изучить все теченіе Чусовой на разстояніи 400 — 500 верстъ, гдѣ рѣка на каждомъ шагу создаетъ и громоздитъ тысячи новыхъ препятствій; затѣмъ, онъ долженъ основательно усвоить въ высшей степени сложныя представленія о движеніи воды въ рѣкѣ при всевозможныхъ уровняхъ, объ образованіи суводей, струй и водоворотовъ, а главное—досконально изучить законы движенія барки по рѣкѣ и тѣ исключительныя условія сочетанія скоростей движенія воды и барки, какія встрѣчаются только на Чусовой. Нужно замѣтить еще то, что каждый вершокъ лишней воды въ рѣкѣ вноситъ съ собой коренныя измѣненія въ условіяхъ: при одной водѣ существуютъ такія-то опасности, при другой—другія. При малой водѣ выступаютъ „огрудки“ *) и „таши“ **), а при высокой — съ баркой подъ „бойцами“ невозможно никакъ справиться. Но одного знанія, одной науки здѣсь мало: необходимо умѣть практически приложить ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно въ тѣхъ страшныхъ боевыхъ мѣстахъ, гдѣ отъ одного движенія руки зависитъ участь всего дѣла. Хладнокровіе, выдержка, смѣлость — самыя необходимыя качества для сплавщика: бываютъ такіе случаи, что сплавщики, обладающіе всѣми необходимыми качествами, добровольно отказываются отъ своего ремесла, потому что въ критическіе моменты у нихъ „не хватаетъ духу“, т.-е. они теряются въ случаѣ опасности. Кромѣ всего этого, сплавщикъ съ одного взгляда долженъ понять свою барку и внушить бурлакамъ полное довѣріе и уваженіе къ себѣ. Но

*) Огрудки — мели въ серединѣ рѣки, гдѣ сгружпвается рѣчной хрящъ.
**) Таши — подводные камни.

все сказанное вполнѣ можно понять только тогда, когда видишь сплавщика въ дѣлѣ на утломъ, сшитомъ на живую нитку, суденышкѣ, которое не только должно бороться съ разбушевавшейся стихійной силой, но и выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы.

Понятно, что типъ чусовского сплавщика вырабатывался, въ теченіе многихъ поколѣній, путемъ самой упорной борьбы съ бѣшеной горной рѣкой, причемъ ремесло сплавщика переходило, вмѣстѣ съ кровью, отъ отца къ сыну. Обыкновенно выучка начинается съ дѣтства, такъ что будущій сплавщикъ органически срастается со всѣми подробностями тѣхъ опасностей, съ какими ему придется впослѣдствіи бороться. Такимъ образомъ бурная рѣка, барка и сплавщикъ являются только отдѣльными моментами одного живого цѣлаго, одной комбинаціи.

IX.

Въ гавани работа кипѣла. Половина барокъ была совсѣмъ готова, а другая половина нагружалась. При нагрузкѣ барокъ непремѣнно присутствуютъ сплавщикъ и водоливъ; первый слѣдитъ за тѣмъ, чтобы барка грузилась по всѣмъ правиламъ искусства, а второй принимаетъ на свою отвѣтственность металлы.

Я отыскалъ въ гавани барку Савоськи. Онъ былъ „въ лучшемъ видѣ“, и только синякъ подъ однимъ глазомъ свидѣтельствовалъ о недавнемъ разгулѣ. Теперь это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, къ которому всѣ бурлаки относились съ большимъ уваженіемъ.

— Пришли поглядѣть, какъ барки грузятся? — спрашивалъ онъ меня.

— Да... А ты развѣ не ходилъ поздравлять съ вешней водой? Я тебя что-то не видалъ въ конторѣ.

Савоська только махнулъ рукой и стыдливо проговорилъ:

— Я ужъ проздравился... Три дни пировалъ безъ просыпу, а теперь трекнулся.

— Какъ ты сказалъ?

— Говорю: трекнулся... Ну ее, эту водку, къ чомору!

„Трекнулся“ значитъ отрекся.

Какъ самому лучшему сплавщику, ему грузили штыковую мѣдь. Начинающимъ сплавщикамъ обыкновенно сначала даютъ барки съ чугуномъ, а потомъ довѣряютъ желѣзо и мѣдь. Расчетъ очень простой: если барка убьется съ чугуномъ — металлъ не много потерялъ отъ своего пребыванія въ водѣ, а желѣзо и мѣдь—наоборотъ. Мѣдная штыка имѣетъ форму узкаго кирпича; такая штыка вѣситъ полпуда. Для удобства нагрузки, штыки связываются лыковыми веревками въ тюки, по шести штукъ. Потаскать въ теченіе дня изъ магазина на барку трехпудовые тюки мѣди—работа самая тяжелая, и у непривычнаго человѣка, послѣ двухъ-трехъ часовъ такой работы, отнимается поясница и спина теряетъ способность разгибаться.

— Много осталось грузиться? — спросилъ я Савоську.

— Четь *) барки осталось...

Сначала скажемъ, какъ устроена чусовская барка, чтобы впослѣдствіи было вполнѣ ясно, какія препятствія она преодолѣваетъ во время сплава, какія опасности ей грозятъ и какія задачи рѣшаются на каждомъ шагу при ея плаваніи.

---

*) Четь — четверть.

Начать съ того, что барка въ глазахъ бурлаковъ и особенно сплавщика—живое существо, которое имѣетъ, кромѣ достоинствъ и недостатковъ, присущихъ всему живому, еще свои капризы, прихоти и шалости. Поэтому у бурлаковъ не принято говорить: „барка плыветъ“, или „барка разбилась“, а всегда говорятъ—„барка бѣжитъ“, „барка убилась“, „бѣжалъ на баркѣ“. По своей формѣ, барка походитъ на громадную, 18 саж. длины и 4 саж. ширины, деревянную черепаху, у которой съ носа и кормы, какъ деревянныя руки, свѣшиваются громадныя весла-бревна. Эти весла называются потесями или поносными. Постройка такой барки носитъ самый первобытный характеръ. Гдѣ-нибудь на берегу, на ровномъ мѣстѣ, вымащиваютъ на деревянныхъ козлахъ и клѣткахъ платформу, на которую и настилаютъ изъ двухвершковыхъ досокъ днище барки; она обрѣзывается въ формѣ длинной котлеты, причемъ боковыя закругленія получаютъ названія плечъ: два носовыхъ плеча и два кормовыхъ. Въ носовыхъ плечахъ барка строится шире кормовыхъ вершка на четыре, чтобы центръ тяжести былъ ближе къ носу, отъ чего зависитъ быстрота хода и его ровность.

— Ежели плечи сдѣлать ровныя на носу, какъ и на кормѣ,—объяснялъ Савоська,—барка не станетъ разводить струю и будетъ вертѣться на ходу.

Собственно здѣсь примѣняется всѣмъ извѣстный фактъ, что бревно по рѣкѣ всегда плыветъ комлемъ впередъ; полозья у саней разставляются къ головкѣ шире, тоже въ видахъ легкости хода.

На совсѣмъ готовое днище, въ поперечномъ направленіи, настилаютъ кокоры, т.-е. бревна съ оставленнымъ у комля корнемъ: кокора имѣетъ форму ноги или деревяннаго глаголя. Изъ этихъ глаголей образуются ребра барки, къ которымъ и „пришиваются“ борта. Когда кокоры положены и борты еще не пришиты—днище походитъ на громадную челюсть, усаженную по бокамъ острыми, кривыми зубами. Въ носу и въ кормѣ укрѣпляется по короткому бревну — это пыжи, сверху на борты накладывается три поперечныхъ скрѣпленія, озды, затѣмъ барка покрывается горбатой, на два ската, палубой — это конь. Въ носовой и кормовой части барки настилаются палубы для бурлаковъ, которые будутъ работать у поносныхъ. Около пыжей укрѣпляются въ днище два крѣпкихъ березовыхъ столба — это огнива, на которыхъ наматывается снасть; пыжей и огнивъ — два, такъ что, въ случаѣ необходимости, барка можетъ итти впередъ и кормой. Средняя часть барки, гдѣ отливаютъ набирающуюся въ барку воду, называется льяломъ.

На каждую барку идетъ около 300 бревенъ, такъ что она вмѣстѣ съ работой стоитъ рублей 500. Главное достоинство барки — быстрота хода, что зависитъ отъ сухости лѣса, отъ правильности постройки и отъ нагрузки. Опытный сплавщикъ въ нѣсколько минутъ изучаетъ свою барку во всѣхъ подробностяхъ и на глазомѣръ скажетъ, гдѣ пущено лишнихъ полвершка. Чтобы спустить барку въ воду, собирается больше сотни народа. Отъ платформы, на которой стоитъ барка, проводятся въ водѣ склизни, т.-е. бревна, намазанныя смолой или саломъ; по этимъ склизнямъ барка и спускается въ воду, при чемъ отъ крика и ругательствъ стоитъ стономъ стонъ. Спишка барокъ не идетъ за настоящую работу, какъ, напримѣръ, нагрузка, хотя отъ безтолковой суеты можно подумать, что творится и Богъ вѣсть какая работа. Самый трагическій моментъ такой спишки наступаетъ тогда, когда барку гдѣ-нибудь „заѣстъ“, т.-е. встрѣтится какое-нибудь препятствіе для дальнѣйшаго движенія. При помощи толстыхъ канатовъ (снасть) и чегеней (обыкновенные колья) барка при веселой „Дубинушкѣ“ наконецъ всплываетъ на воду и переходитъ уже въ вѣдѣніе водолива, на прямой обязанности котораго

находится слѣдить за исправностью судна все время каравана. Сплавщикъ обязанъ только сплавить барку въ цѣлости, а все остальное—дѣло водолива. Такъ что на баркѣ настоящимъ хозяиномъ является водоливъ, а сплавщикъ только командуетъ бурлаками.

— А какъ вы грузите барку? — спрашивалъ я Савоську.

— Барку-то? А такъ и грузимъ... Льяло садимъ четвертей на пять, носовыя плечи на два вершка глубже, а кормовыя на два вершка мельче. Носовой пыжъ грузимъ легче плечъ, чтобы барка рѣзала носомъ и не сваливалась на сторону. На верхнихъ пристаняхъ барки грузятъ на четверть мельче.

— А сколько барка поднимаетъ всего?

— Да какъ тебѣ сказать: какая барка, какая вода. Приноравливаешься къ водѣ больше. Ну, тыщевъ двѣнадцать пудовъ грузимъ, а то и всѣ пятнадцать.

По сходнямъ, брошеннымъ съ берега на барку, безконечной вереницей тянулись бурлаки съ тюками мѣди. Каменскіе и мастеровые, конечно, рѣзко выдѣлялись отъ остальной деревенщины и обращались съ трехпудовыми ношами, какъ съ игрушками. Для нихъ это была привычная и легкая работа; притомъ у каждаго на запасѣ были кожаныя вачеги *), что значительно облегчало работу; веревки не рѣзали рукъ, и тюкъ со штыками, точно самъ собой, становился на свое мѣсто. На бурлаковъ-крестьянъ было тяжело и смѣшно смотрѣть: возьметъ онъ и тюкъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и несетъ его, точно девятипудовую ношу, а броситъ въ барку, опять неладно. Водоливъ ругается, сплавщикъ заставляетъ переложить тюкъ на другое мѣсто.

— Едва поднялъ, — утирая потъ рукавомъ грязной рубахи, говоритъ какой-то молодой здоровенный бурлакъ.

— Ахъ, ты, пиканное брюхо!—передразниваетъ кто-то.

Тутъ же суетились башкиры и пермяки. Эти ужъ совсѣмъ надрывались надъ работой.

— Муторно на нихъ глядѣть-то,—замѣтилъ равнодушно сплавщикъ.— Нехристь, она нехристь и есть, въ емъ и силы-то, какъ въ другой бабѣ... Куды супротивъ нашей каменской—въ подметки не годится!

Между тюками мѣди бѣгалъ, какъ угорѣлый, водоливъ. Это былъ плотный, средняго роста мужикъ, съ окладистой бородой песочнаго цвѣта, бѣгающими безпокойно карими глазами и тонкимъ фальцетомъ. Онъ все время ворчалъ и ругался, точно каждая новая штыка мѣди для него была кровной обидой. Особенно доставалось отъ него крестьянамъ и несчастнымъ башкирамъ; нѣсколько разъ онъ схватывалъ кого-нибудь за шиворотъ, тащилъ къ брошенному тюку и заставлялъ переложить его на другое мѣсто. Вся эта суета пересыпалась нескончаемой и какой-то безхарактерной руганью, которая даже никого и обидѣть не могла: расходившіяся бабы владѣютъ даромъ именно такой безобидной ругани, которая только зудитъ въ ухѣ, какъ жужжаніе комара.

— Да будетъ тебѣ, Порша, собачиться-то!—замѣтилъ наконецъ Савоська, когда водоливъ началъ серьезно мѣшать рабочимъ.—Вѣдь ладно кладутъ... Ну, чего еще тебѣ?

— Это ладно?!.—какъ-то завизжалъ Порша, тыкая ногой ряды штыкъ.— По-твоему, это ладно... а?

— Обнаковенно ладно... Маненько поразбились тюки, ну, такъ дорогой еще успѣешь поправить. Время терпитъ...

---

*) Вачеги — рукавицы, подшитыя кожей.

— Ну, ужъ нѣтъ, Савостьянъ Максимычъ, я тебѣ не слуга, видно... Поищи другого водолива, получше меня!

— Да перестань ты кочевряжиться, купоросъ мѣдный...

— Нѣтъ, шабашъ! Порша тебѣ не слуга!..

Послѣднія слова водоливъ проговорилъ какимъ-то меланхолическимъ тономъ и, точно желая подтвердить свои слова, снялъ шапку, вачеги и съ отчаяніемъ бросилъ ихъ на палубу.

— А вы на караванѣ думаете сплыть?—спрашивалъ меня сплавщикъ, не обращая никакого вниманія на самыя осязательныя доказательства отказа Порши отъ своей „обязанности“.

— Да.

— Въ Пермь?

— Да...

— На казенкѣ поплывете?

— Не знаю еще...

— А то плывите со мной. Порша казенку наладитъ, тоже насчетъ чаю обварганитъ дѣло въ лучшемъ видѣ.

— Да вѣдь Порша отказался отъ своей должности?—проговорилъ я.

Порша сидѣлъ на берегу безъ шапки и злыми маленькими глазами смотрѣлъ на сновавшихъ мимо бурлаковъ; время отъ времени онъ начиналъ отплевываться и что-то тихонько голосилъ себѣ подъ носъ.

— Порша-то?—проговорилъ сплавщикъ, не глядя на берегъ.—Нѣтъ, мы съ Поршей завсегды вмѣстѣ на баркѣ ходимъ... А это у него ужъ карахтеръ такой несообразный: все быргаетъ. Вотъ ужо уходится маненько, такъ самъ придетъ на барку.

Осипъ Иванычъ недаромъ хвалилъ Савоську: въ этомъ мужикѣ что-то было совершенно особенное, начиная съ того, что онъ держалъ себя съ тѣмъ неуловимо-тонкимъ тактомъ, съ какимъ держатъ себя только настоящіе умственные мужики. Если разобрать, такъ нигдѣ нѣтъ такой массы самыхъ тонкихъ приличій и извѣстныхъ требованій такта, какъ въ крестьянской средѣ. Меня въ этомъ отношеніи всегда особенно интересовали новички въ крестьянскомъ кругу; каждому задается такой строгій экзаменъ, какой выдерживаютъ только счастливцы. Малѣйшій промахъ со стороны новичка, лишнее, на вѣтеръ брошенное слово, робость, торопливое движеніе—и все пропало. Только исключенія могутъ позволять себѣ нѣкоторыя вольности. Напримѣръ, посмотрите, какъ мужикъ относится къ пьянымъ: кажется, что если ужъ есть гдѣ-нибудь равенство между людьми, такъ оно именно и должно существовать между пьяными, а на дѣлѣ выходитъ не такъ. Пируетъ Савоська или пируетъ другой сплавщикъ—кажется, все равно, а между тѣмъ получается чувствительная разница: надъ пьянымъ Савоськой посмѣются; при случаѣ, если ужъ сильно закарячится, дадутъ хорошаго подзатыльника, а затѣмъ, какъ проспался, изъ Савоськи вышелъ Савостьянъ Максимычъ. Всякая слабость отражается на авторитетѣ, а такая слабость, какъ пьянство, въ особенности; зашибающіе водкой сплавщики обыкновенно много теряютъ въ глазахъ бурлаковъ; поэтому примѣръ Савоськи очень меня заинтересовалъ, и я нарочно прислушивался, что о немъ галдятъ бурлаки.

— Савоська, обнаковенно, пируетъ,—говорилъ рыжій пристанскій мужикъ въ кожаныхъ вачегахъ:—а ты его погляди, когда онъ въ работѣ... Супротивъ него, кажись, ни единому сплавщику не сплыть; чистенько плаваетъ. И народъ не томитъ напрасной работой, а ежели слово сказалъ—шабашъ, какъ ножомъ отрѣзалъ. Подъ бойцами ни единой барки не убилъ... Другой и хорошій сплав-

щикъ, а какъ къ бойцу барка подходитъ—въ емъ ужъ духу и не стало. Какъ пѣтухъ, кричитъ-кричитъ, руками махаетъ, а, глядишь, барка блина и съѣла о боецъ.

— Что говорить!—соглашалась кучка слушателей: — ежели по-настоящему, такъ Савоськѣ цѣны нѣтъ...

Сплавщики съ разныхъ пристаней славятся разными достоинствами: съ однѣхъ пристаней не садятся на огрудки, съ другихъ—ловко проводятъ барки подъ бойцами или на переборахъ. Но и у самыхъ лучшихъ сплавщиковъ есть извѣстные, почти органическіе недостатки и роковыя мѣста; если разъ сплавщикъ убьетъ барку подъ бойцомъ, въ слѣдующій разъ онъ уже теряетъ присутствіе духа подъ нимъ. Случается такъ, что сплавщикъ бьетъ барки всего только подъ однимъ бойцомъ. Это зависитъ, разъ, отъ совершенно особенныхъ условій, съ которыми приходится бороться подъ каждымъ новымъ бойцомъ, а съ другой стороны, оттого, что предыдущая неудача „отнимаетъ духъ“.

X.

Вода въ Чусовой спала. Ждали второго вала, того наводка, по которому сплавляются всѣ караваны. Обыкновенно его выпускаютъ изъ Ревдинскаго пруда дня черезъ три послѣ перваго вала. Эти три дня прошли. Барки почти всѣ нагрузились. Пріѣхалъ священникъ съ ближайшаго завода и остановился у Осипа Иваныча, т.-е. въ одной комнатѣ со мной.

— Святить караванъ, о. Николай?

— Да... Покойники есть, человѣка два, надо будетъ ихъ похоронить, исповѣдать и причастить больныхъ, мало ли работы нашему брату на сплаву!

Я вспомнилъ про больныхъ мужиковъ, которыхъ навѣщалъ докторъ: живы ли они или ужъ больше ничего не требуютъ, кромѣ могилы?

— Ночью придетъ вода, а завтра—отвалъ...—заговорилъ Осипъ Иванычъ.—А это кто съ вами?

— Да такъ... псаломщикъ хочетъ сплыть на караванѣ въ Пермь, посвящаться во дьякона.

— Такъ-съ... Что же, доброе дѣло,—согласился Осипъ Иванычъ.

— Онъ думаетъ записаться бурлакомъ, Осипъ Иванычъ...

— И превосходно... Даромъ сплыветъ, да еще заработаетъ рублей восемь. Глядишь, и пригодятся, какъ въ консисторію пойдетъ.

О. Николай сдѣлалъ серьезное лицо и даже поправилъ полки своего подрясника изъ синяго люстрина, точно хотѣлъ совсѣмъ закрыться отъ прозрачнаго намека Осипа Иваныча; будущій дьяконъ, рослый дѣтина съ черной гривой, только смиренно кашлянулъ въ свою громаднѣйшую горсть и скромно передвинулся съ одного кончика стула на другой.

— Я вѣдь отлично знаю ваши порядки,—не унимался Осипъ Иванычъ.—У меня есть знакомый одинъ, разсказывалъ всякую процессію...

— А вы все воюете?—политично перемѣнилъ батюшка непріятный разговоръ.

— Да... Что будете дѣлать? Такая ужъ наша обязанность, о. Николай.

— Конечно... Вотъ и голосъ у васъ будто немного того...

— Охрипъ, какъ песъ! Лѣтомъ поправлюсь... Сами знаете: одолѣли бурлачье.

Батюшка ничего не отвѣчалъ, а только вздохнулъ и покачалъ съ участіемъ головой. О. Николай, какъ большинство заводскихъ священниковъ,

держалъ себя съ достоинствомъ. Лицо у него было умное и красивое, каріе глаза смотрѣли проницательно, говорилъ онъ не торопясь, съ вѣсомъ, улыбался рѣдко—вообще выглядѣлъ человѣкомъ себѣ на умѣ. Псаломщикъ былъ изъ простецовъ и не зналъ, куда дѣваться со своими громадными руками и ногами. Дьяконъ изъ него, по всѣмъ признакамъ, долженъ былъ выйти хорошій—и по фигурѣ и по голосу, только вотъ какъ онъ сумѣетъ пролѣзть черезъ консисторскія мытарства.

Мы спали, когда набѣжалъ наводокъ. Все на пристани зашевелилось и загудѣло, точно разбудили спавшій улей. Къ свѣту все и всѣ были уже на ногахъ. День выдался пасмурный. Горы казались ниже, по сѣрому небу низко ползли облака не облака, а какая-то туманная мгла, безформенная свинцовая масса. Чусовая играла на славу, какъ вырвавшійся изъ неволи звѣрь. Съ глухимъ ревомъ и стономъ летѣлъ внизъ пѣнистый валъ, шипучей волной заливая низкіе берега и съ бѣшенымъ рокотомъ превращаясь на закругленіяхъ береговой линіи въ гряды майдановъ, т.-е. громадныхъ бѣлыхъ гребней. Картина для художника получалась самая интересная: въ этомъ сочетаніи суровыхъ тоновъ сказывалась могучая гармонія разгулявшейся стихійной силы.

Барки въ гавани были совсѣмъ готовы. Батюшка съ псаломщикомъ съ утра были въ караванной конторѣ, гдѣ всѣ съ нетерпѣніемъ дожидались желаннаго пробужденія великаго человѣка. Докторъ показался въ конторѣ только на одну минуту: у него работы было по горло. Между прочимъ, онъ успѣлъ разсказать, что Кирила умеръ, а Степа, кажется, поправится, если переживетъ сегодняшній день. Во всякомъ случаѣ, и больной и мертвый остаются на пристани на волю Божію: артель Силантія сегодня уплываетъ съ караваномъ.

— Пора!—слышался сдержанный шопотъ.—А то вода уйдетъ или набѣжитъ сверху караванъ.

Семенъ Семенычъ только разводилъ руками и вытягивалъ впередъ шею: дескать, ничего не подѣлаешь, ежели они изволятъ почивать. Минуты тянулись страшно медленно, какъ при всякомъ напряженномъ ожиданіи. Съ улицы доносился глухой гулъ человѣческихъ голосовъ, мѣшавшійся съ шумомъ воды.

— Пять четвертей надъ меженью!—шопотомъ докладывалъ въ передней какой-то сплавщикъ.

— И еще прибудетъ?

— Надо полагать, что прибудетъ.

Къ десяти часамъ Егоръ Ѳомичъ наконецъ изволили проснуться, а затѣмъ показались въ залѣ. Какъ покорный сынъ церкви, Егоръ Ѳомичъ подошелъ подъ благословеніе батюшки и даже поцѣловалъ у него руку.

— Все готово?—обратился онъ къ караванному.

— Все... Освятить караванъ и въ путь.

— Гм... Время, кажется, терпитъ,—замѣтилъ лѣниво Егоръ Ѳомичъ, взглянувъ на свой полухронометръ.—Успѣемъ позавтракать... Вѣдь такъ, Семенъ Семенычъ?

— Совершенно вѣрно-съ, Егоръ Ѳомичъ, успѣется!—подобострастно соглашался караванный, хотя трепеталъ за каждую минуту, потому что вотъ-вотъ налетитъ сверху караванъ, и тогда заварится такая каша, что не приведи истинный Христосъ.

Завтракъ походилъ на всѣ предыдущіе завтраки: такъ же было много никаптныхъ яствъ, истребляли ихъ съ такимъ же аппетитомъ, а между отдѣльными купаньями опять разсуждали о великомъ будущемъ, какое ждетъ Чусовую, о значеніи капитала и предпріимчивости и т. д. Вино лилось рѣкой,

управители сидѣли красные, нѣмецъ выкатилъ глаза, а становой тяжело икалъ, напрасно стараясь подавить одолѣвавшую дремоту. Караванный и служащіе сидѣли, какъ на иголкахъ; батюшка тоже тревожно поглядывалъ все время на рѣку и нѣсколько разъ наводилъ чуткое ухо къ передней, откуда доносился сдержанный ропотъ сплавщиковъ.

Послѣ нѣсколькихъ тостовъ за великое будущее „главной артеріи Урала", завтракъ наконецъ кончился.

— Можно начинать?—освѣдомился батюшка.

— Пожалуйста, о. Николай!—съ утонченной вѣжливостью отозвался Егоръ Ѳомичъ:—какъ это въ Священномъ Писаніи сказано: „аще ли не созиждетъ... созиждетъ..."

Тысячи народа ждали освященія барокъ на плотинѣ и вокругъ гавани. Весь берегъ, какъ макомъ, былъ усыпанъ человѣческими головами, вѣрнѣе, бурлацкими, потому что бабьи платки являлись только исключеніемъ, мелькая тамъ и сямъ красной точкой. Молебствіе было отслужено на плотинѣ, а затѣмъ батюшка, въ сопровожденіи будущаго дьякона и караванныхъ служащихъ, обошелъ по порядку всѣ барки, кропя направо и налѣво. На каждой баркѣ сплавщикъ и водоливъ встрѣчали батюшку безъ шапокъ и откладывали широкіе кресты.

— Вотъ и ваша каюта,—обратился батюшка ко мнѣ, когда очередь дошла до казенки.—Отлично прокатитесь съ Осипомъ Иванычемъ...

— Дай Богъ, дай Богъ!—отвѣчалъ за насъ Егоръ Ѳомичъ.—Въ добрый часъ...

Сейчасъ послѣ освященія толпы бурлаковъ сѣрой волной хлынули на барки, таща за спиной котомки съ необходимымъ харчемъ на дорогу.

— Охъ, воду пропустили!—стоналъ нашъ водоливъ Порша.—Непремѣнно набѣжитъ сверху караванъ.

— Успѣемъ выйти въ рѣку, а тамъ пусть догоняютъ,—успокаивалъ сплавщикъ.—Къ поносному, ребятушки, къ поносному! Пошевеливай, молодцы!..

Бурлаки живымъ роемъ копошились по палубамъ, всякій старался подальше спрятать свою котомку въ трюмѣ. Порша при такомъ благопріятномъ случаѣ, конечно, свирѣпствовалъ, отплевывался, бросалъ свою шляпу на палубу, ругался, стоналъ.

Наконецъ народъ размѣстился; убрали сходни, оставалось открыть шлюзъ, чтобы выпустить барки въ рѣку. Осипъ Иванычъ остался на берегу и, какъ шаръ, катался по горбатому мосту, подъ которымъ должны были проходить барки.

— Развѣ онъ останется?—спросилъ я Савоську.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Послѣ на косной догонитъ. Наша казенка пойдетъ въ послѣднихъ.

— А почему не первой?

— На всякій случай: какая барка убьется или омелѣетъ — мы сымать будемъ. Тоже вотъ съ рабочими. Всяко бываетъ. Вонъ нонѣ вода-то какъ играетъ, какъ бы еще дождикъ не ударилъ, сохрани Господи. Теперь на самой мѣрѣ стоитъ вода—три съ половиной аршина надъ меженью.

На балконѣ показался Егоръ Ѳомичъ въ сопровожденіи своей свиты; можно было отчетливо разсмотрѣть синюю рясу батюшки и мундиръ станового. Вотъ кто-то на балконѣ махнулъ бѣлымъ платкомъ, на берегу грянулъ пушечный выстрѣлъ, и ворота шлюза растворились. Барка за баркой потянулись въ рѣку; при выходѣ изъ шлюза нужно было сейчасъ же дѣлать крутой

поворотъ, чтобы струей, выпущенной изъ шлюза, не выкинуло барку на другой берегъ — и пятьдесятъ человѣкъ бурлаковъ работали изъ послѣднихъ силъ, побрасывая тяжелыя потеси, какъ игрушку. Одна барка черпнула носомъ, другая чуть не омелѣла у противоположнаго берега, но во-время успѣла отуриться, т.-е. пошла впередъ кормой.

Наступила наша очередь. Савоська поднялся на свою скамеечку, поправилъ картузъ на головѣ и заученнымъ тономъ скомандовалъ:

— Отдай снасть!..

Двое косныхъ подобрали отвязанный на берегу канатъ къ огниву, и барка тихо поплыла къ горбатому мосту. Замѣтно было, что Савоська немного волнуется для перваго раза. Да и было отчего: другія барки вышли въ рѣку благополучно, а вдругъ онъ осрамится на глазахъ у самого Егора Ѳомича, который вонъ стоитъ на балконѣ и привѣтливо помахиваетъ бѣлымъ платкомъ. Вотъ и горбатый мостъ; вода въ открытый шлюзъ льется сдавленной струей, точно въ воронку; наша барка быстро врѣзывается въ рѣку, и Савоська кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Носъ направо, молодцы!!. Сильно-гораздо, носъ направо! Направо носъ!.. Корму поддержи!!.

Барка дѣлаетъ благополучно крутой поворотъ и съ увеличивающейся скоростью плыветъ впередъ, оставляя берегъ, усыпанный народомъ. Кажется въ первую минуту, что плыветъ не барка, а самые берега, вмѣстѣ съ горами, лѣсомъ, пристанью, караванной конторой и этими людьми, которые съ каждымъ мгновеніемъ дѣлаются все меньше и меньше.

Вотъ въ послѣдній разъ взмылъ кверху бѣлой шапкой клубъ дыма и гулко прокатился по рѣкѣ рокотъ пушечнаго выстрѣла, а барка уже огибаетъ песчаную узкую косу, и впереди стелется безконечный лѣсъ, встаютъ и надвигаются горы, которыя сегодня, подъ этимъ сѣрымъ, свинцовымъ небомъ, кажутся выше и угрюмѣе.

Каменка быстро скрылась изъ вида. Мимо зеленой шпалерой бѣжитъ темный ельникъ, шальная вешняя волна съ захватывающимъ стономъ хлещетъ въ крутой берегъ, и барка несется впередъ все быстрѣе и быстрѣе.

— Похаживай, молодцы!—весело покрикиваетъ Савоська, прищуренными глазами зорко вглядываясь на быстро бѣгущую намъ ввстрѣчу синевато-сѣрую даль.

XI.

Барка быстро плыла въ зеленыхъ берегахъ, вѣрнѣе, берега бѣжали мимо насъ, развертываясь причудливой цѣпью безконечныхъ горъ, крутыхъ утесовъ и глубокихъ логовъ. Это было глухое царство настоящей сѣверной ели, которая лѣпилась по самымъ крутымъ обрывамъ, цѣплялась корнями по уступамъ скалъ и образовала сплошныя массы по дну логовъ, точно тамъ стояло стройными рядами цѣлое войско могучихъ зеленыхъ великановъ.

Рѣка неслась, какъ бѣшеный звѣрь. Въ излучинахъ и закругленіяхъ водяная струя съ шипѣньемъ и сосущимъ свистомъ свивалась въ одинъ сплошной пѣнившійся клубъ, который съ ревомъ лѣзъ на камни и, отброшенный ими, развивался дальше широкой клокотавшей и бурлившей лентой. Въ этомъ бѣшеномъ разгулѣ могучей стихійной силы ключомъ била суровая поэзія глухого сѣвера, поэзія титанической борьбы съ первозданными препятствіями, борьбы, не знавшей мѣры и границъ собственнымъ силамъ. Это былъ апоѳеозъ стихійной работы великаго труженика, для котораго тѣсно было въ

этихъ горахъ и который точилъ и рвалъ цѣлыя скалы, неудержимо прокладывая широкій и вольный путь къ теплому, южному морю. Нужно видѣть Чусовую весной, чтобы понять тѣ поэтическія грезы, преданія, саги и пѣсни, какія вырастаютъ около такихъ рѣкъ такъ же естественно и законно, какъ этотъ сказочный богатырь—лѣсъ.

Только когда барку подхватило струей, какъ перышко, и понесло впередъ съ неудержимой бѣшеной быстротой, только тогда я понялъ и оцѣнилъ, почему бурлаки относятся къ баркѣ, какъ къ живому существу. Это нескладное суденышко, сшитое на живую нитку, дѣйствительно превратилось въ одно живое цѣлое, исторически сложившееся мужицкимъ умомъ, управляемое мужицкой волей и преодолѣвающее на своемъ пути почти непреодолимыя препятствія мужицкой силой, той силой, которая смѣло вступала въ борьбу съ самой бѣшеной стихіей, чтобы побѣдить ее.

Первое впечатлѣніе отъ этой живой бурлацкой массы, которая волной шевелилась на палубѣ, получалось самое смутное: отдѣльныя фигуры исчезали, сливаясь въ безформенную кучу тряпья и рвани. Вы видите только, какъ два поносныхъ съ страшной силой распахиваютъ воду, вздымаютъ два пѣнящіеся вала и снова подымаются изъ воды. Только мало-по-малу изъ этой безформенной, шевелящейся массы начинаютъ выступать отдѣльныя фигуры и лица, и вы наконецъ разбираетесь въ работѣ этого муравейника. Вотъ у поносныхъ подъ губой, — конецъ поноснаго съ кочетомъ, — стоятъ плечистые ребята: это подгубщики, которые выбираются изъ самыхъ сильныхъ и опытныхъ бурлаковъ. У насъ всѣ четыре подгубщика были „камешки“, самый отчаянный народъ и замѣчательно ловко работавшій. Не успѣвала команда сорваться у Савоськи съ языка, какъ подгубщики уже бросали поносное въ воду, налегая на губу всей грудью. На такую работу „однимъ сердцемъ“ можно залюбоваться. На каждой палубѣ по два поносныхъ. У лѣваго поноснаго подгубщикомъ стоитъ рослый бурлакъ Гришка; онъ въ одной нестрядевой рубахѣ, нестрядевые порты щеголевато забраны подъ новыя онучи, забинтованныя крестъ-накрестъ свѣжими веревочками новыхъ лаптей. Изъ-подъ кожаной фуражки, которая сидитъ на головѣ Гришки, какъ блинъ, глядитъ узкими черными глазами корявое, изрытое оспой лицо съ жидкой растительностью на подбородкѣ. „Ошшо навались, робя!“—говоритъ онъ, всей грудью напирая на свою губу; видно, какъ подъ рубахой напруживаются желѣзные мускулы, лицо у Гришки наливается кровью, даже синѣетъ отъ напряженія, но онъ счастливъ и ворочаетъ свое бревно, какъ шестигодовалый медвѣдь. Черезъ два кочета отъ Гришки виднѣется женская фигура въ заношенномъ коричневомъ платкѣ; тщедушная бабенка жалко цѣпляется костлявыми руками за свой кочетъ и только другимъ мѣшаетъ работать.

— По закону, кажется, нельзя ставить на барки женщинъ?—спрашиваю я у сплавщика.

— По закону-то оно точно-что не дозволено...—ухмыляясь, отвѣчаетъ Савоська. — Да ужъ оно такъ выходитъ, что на кажную барку безпремѣнно эти самыя бабенки попадутъ. И кто ихъ знаетъ, какъ онѣ залѣзутъ. Отваливаетъ барка, нарочно поглядишь—все мужики стоятъ, а какъ отвалила—бабы и объявятся, въ родѣ какъ тараканы изъ щелей.

— А плата имъ какая?

— Ну, обнаковенно, бабѣ бабья и цѣна; мужику восемь рублей, а бабѣ четыре.

— Что̀ больно дешево? Другая баба, можетъ-быть, сильнѣе мужика...

— Всякія и бабы бываютъ, только по нашему дѣлу онѣ несподручны.

Теперь взять, омелѣла барка—ну, мужики съ чегенями въ воду, а бабу, куды ты ее повернешь, коли она этой воды, какъ кошка, боится до смерти.

— А много наберется на караванѣ бабъ?

— Да штукъ двѣсти, поди, наберется... Вонъ у Гришкинаго поноснаго, третья съ краю, робитъ бабенка,—это его жена. Какъ же... Какъ напьется—сейчасъ колотитъ ее, а все за собой по сплавамъ таскаетъ. Маришкой ее звать... Гришка-то вонъ какой, Христосъ съ нимъ, настоящій деревянный чортъ! за двоихъ ворочаетъ—ну, жена-то и идетъ на придачу.

Очевидно, присутствіе женщинъ на караванѣ, помимо всякихъ интимныхъ соображеній, имѣло великое „промышленное значеніе“, потому что Семенъ Семенычъ всѣхъ бабъ запишетъ бурлаками, а съ міру и набѣжитъ ребятишкамъ на молочишко. Великое это дѣло—міръ... По рублику, по двугривенному, по пятаку съ рыла, а глядишь—въ результатѣ получается цѣлый кусъ. Это одинъ изъ величайшихъ секретовъ нашей преуспѣвающей промышленности. Большинство женщинъ, которыя плывутъ съ караваномъ,—бездомовный, самый жалкій сбродъ, который рѣка сноситъ внизъ, какъ несетъ гнилыя щепы, хламъ и разный никому ненужный соръ. Роль такихъ женщинъ самая незавидная, и онѣ попадаютъ на барки вмѣстѣ со своими любовниками, или просто оттого, что некуда больше дѣваться. Мужнія жены представляютъ нѣкоторое исключеніе, съ той разницей, что всегда щеголяютъ съ фонарями на физіономіи, рѣдкій день не бываютъ биты и вообще испиваютъ самую горькую чашу.

Подъ правымъ поноснымъ стоялъ подгубщикомъ прожженый бурлакъ, съ карими большими глазами и черной бородкой; его звали Исачкой Бубновымъ. Въ своемъ рваномъ азямѣ и какой-то поповской шляпѣ Бубновъ выглядѣлъ самымъ отчаяннымъ проходимцемъ, какимъ и былъ въ дѣйствительности. Достаточно было взглянуть на эту вѣчно улыбавшуюся рожу, чтобы сразу разглядѣть плута по призванію, съ настоящей артистической жилкой. Бубновъ не столько любилъ плоды своихъ замысловатыхъ операцій, сколько самый процессъ хитро придуманной механики. Чистенько сдѣлать самое пакостное дѣло было величайшей его слабостью. Въ это прикрывалось безконечными шутками, раскатистымъ смѣхомъ и самымъ добродушнымъ весельемъ, какого никогда не испытываютъ самые чистые сердцемъ. Нашъ водоливъ Порша стоналъ и сокрушался все время нагрузки, а когда завидѣлъ Исачку—только всплеснулъ руками.

— Что, обрадовался, небось?—балагурилъ Исачка, пробираясь подъ палубу съ какой-то сомнительной котомкой.—Больно я о тебѣ соскучился.

— Да въ котомкѣ-то у тебя что... а?—кричалъ Порша.

— Муниція.

— То-то, муниція... Знаемъ мы тебя. Меня Савоська въ подгубщики звалъ, я съ нимъ завсегда плаваю. Ничего! не бойся, Порша.

Но Порша никакъ не могъ успокоиться и нѣсколько разъ нарочно вылѣзалъ изъ-подъ палубы, чтобы взглянуть на Бубнова, причемъ охалъ, вздыхалъ и начиналъ ругаться.

Подъ командой Бубнова у праваго поноснаго работалъ и дядя Силантій со своею артелью. Я разсмотрѣлъ добродушное лицо Митрія и еще нѣсколько крестьянскихъ физіономій. „Похаживай, пиканники!—покрикивалъ на нихъ Бубновъ.—Что брюхо-то распустили?“ Мужики не умѣли „срывать поноснаго“, какъ настоящіе бурлаки, перепутывали команду и видимо трусили, когда около барки начинали хлестать пѣнистыя волны. Тутъ же, среди сосредоточенныхъ мужицкихъ фигуръ, замѣшалась разбитная заводская бабенка

въ кумачномъ красномъ платкѣ и съ зелеными бусами на шеѣ; она ухмылялась и скалила бѣлые зубы каждый разъ, какъ Бубновъ отмачивалъ какое-нибудь новое колѣнце.

— Ты, умница, съ кѣмъ плывешь?—спрашивалъ Бубновъ, съ убійственной любезностью поглядывая на бабенку.

— Одна... Съ кѣмъ мнѣ плыть-то!

— Обнаковенно, живой человѣкъ—не полѣно!—объясняетъ Бубновъ, къ удовольствію остальной публики:—по веснѣ-то и щепы парами плаваютъ.

Бабенка сердито отплевывается и кокетливо опускаетъ глаза. Кто-то ржетъ на задней палубѣ, гдѣ есть свой балагуръ, въ лицѣ хохла Кравченко. Палубы начинаютъ обмѣниваться взаимными остротами, пересыпая ихъ крѣпкими словцами, безъ которыхъ, какъ хлѣбъ безъ соли, мужицкій разговоръ совсѣмъ не вяжется. Кравченко, худой, сгорбленный субъектъ, въ какой-то бабьей кацавейкѣ и рваной шляпенкѣ, смѣется задорнымъ разсыпчатымъ смѣхомъ, весело щуритъ большіе глаза и не выпускаетъ изо рта коротенькой деревянной трубочки. Онъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, потому что попалъ между двумя щеголихами-дѣвками, которыя плывутъ съ косными. Это настоящія дамы каменскаго полусвѣта и держатъ себя очень прилично, хотя замѣтно довольны веселымъ сосѣдомъ, которому уже успѣли отпустить нѣсколько полновѣсныхъ затрещинъ, когда онъ нечаянно попадалъ руками, куда не слѣдуетъ. Одна, постарше, съ красивыми голубыми глазами, держалась особенно степенно, стараясь не глядѣть на своего сожителя, молодого молчаливаго парня въ красной рубахѣ, который работалъ за подгубщика. Кравченко фамильярно называлъ ее Оксей (сокращенное отъ Аксиньи). Другая дѣвка, молодая и вертлявая, постоянно закрывала свое курносое лицо рукавомъ ситцевой кофточки и хихикала, закидывая голову назадъ.

— Ты, Даренка, чего зубы-то моешь?—спрашивалъ Кравченко, любезно толкая свою сосѣдку локтемъ.—Мотри, какъ дьяконъ-то на тебя зѣнки выворачиваетъ... Кабы грѣхъ какой не стрясся.

— Да вѣдь онъ женатый,—отзывается Даренка, поглядывая на бѣднаго псаломщика, который попалъ на нашу барку.

Будущій дьяконъ конфузится и старается смотрѣть въ другую сторону.

— Что, что женатый... Женатому-то еще лучше, потому какъ его дѣвки не опасятся: женатый, молъ, чего его бояться! нехай поглядитъ, а онъ и доглядитъ.

Псаломщикъ чувствовалъ себя, кажется, очень неловко въ этой разношерстной толпѣ; его выдѣляло изъ общей массы все, начиная съ бѣлыхъ рукъ и кончая костюмомъ. Вѣроятно, бѣдняга не разъ раскаялся, что польстился на даровщинку, и въ душѣ давно проклиналъ не унимавшагося хохла. Скоро „эти дѣвицы“ вошли во вкусъ и начали преслѣдовать псаломщика взглядами и импровизированными любезностями, пока Савоська не прикрикнулъ на нихъ.

— Перестаньте вы, плехи, приставать къ мужику!.. Точите зубы-то объ себя.

Дѣвки обидѣлись и замолчали.

— Самъ съ плехой плывешь!—огрызнулась немного погодя Окся, поглядывая на переднюю палубу.

Савоська промолчалъ, сдѣлавъ видъ, что не слышитъ.

На задней палубѣ толклось нѣсколько башкиръ. Они держались особнякомъ, не понимая остроумной русской рѣчи. Это были тѣ самые, которые три дня тому назадъ лакомились веселой скотинкой. Кравченко попробовалъ-было

заговорить съ однимъ, но скоро отсталъ: башкиры были настолько жалки, что никакая шутка не шла съ языка, глядя на ихъ бронзовыя лица.

Мало-по-малу всѣ присмотрѣлись другъ къ другу, и на баркѣ образовалось сплоченное общество, причемъ всѣ элементы заняли надлежащее мѣсто. Меня всегда удивляла необыкновенная способность русскаго человѣка къ быстрому образованію такого общества; достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы люди, совершенно незнакомые, слились въ одну органическую массу, причемъ образовалось что-то въ родѣ безмолвнаго соглашенія относительно достоинствъ и недостатковъ каждаго. Безъ словъ, всѣ отлично понимали сущность дѣла, и общественное мнѣніе сейчасъ же вступило въ свои права. Я особенно любовался Савоськой, которому достаточно было окинуть глазомъ эту пятидесятиголовую толпу, чтобы сразу опредѣлить, кто и чего стоитъ. Настоящаго работника онъ чувствовалъ уже по тому, какъ тотъ брался за кочетъ поноснаго. Тысячи мельчайшихъ примѣтъ, пріобрѣтенныхъ постояннымъ обращеніемъ „на людяхъ“, выработали у Савоськи тотъ глазомѣръ, который безошибочно опредѣляетъ микроскопическія особенности.

Савоськинъ глазъ давно привѣсился къ рабочимъ. Вонъ на кормѣ у праваго поноснаго „робятъ“ рядомъ кривой парень въ посконной рубахѣ и чахоточный мастеровой съ зеленымъ лицомъ; на видъ вся цѣна имъ расколотый грошъ, а изъ послѣднихъ силъ лѣзутъ ребята, стараются. Тоже вотъ молодецъ въ красной рубахѣ, съ которымъ плыветъ Окся, хорошо робитъ, совсѣмъ обстоятельный мужикъ и держитъ себя серьезно. Есть еще старикъ да мужикъ съ рыжей бородой — и тѣ дружно робятъ. На передней палубѣ подгубщики хороши, потомъ человѣкъ пять каменскихъ бурлаковъ и пиканники. Остальные бурлаки идутъ между прочимъ, на придачу. Въ артели все сойдетъ. Кравченко, конечно, лѣнится, но онъ на съемкахъ первый въ воду идетъ. Есть тутъ же два-три человѣка хорошихъ работниковъ, да водкой зашибаютъ... Всѣхъ знаетъ Савоська, всякаго оцѣнилъ и со всякимъ у него свое обхожденіе: кривого парня, рыжаго мужика и кое-кого изъ крестьянъ онъ привѣтливымъ словомъ замѣтитъ и чахоточнаго мастерового съ дьякономъ не пошлетъ въ воду, въ случаѣ ежели барка омелѣетъ, и т. д. На передней палубѣ замѣтилъ Савоська низенькаго, худенькаго бурлака: это Никифоръ съ Каменки; съ нимъ надо осторожнѣе: вздорный и „сумлительный“ мужикъ, всѣхъ можетъ смутить въ случаѣ чего. Чистая заноса, а не мужикъ.

— Веселенько похаживай, голуби!—покрикиваетъ Савоська, глядя вдаль.— Носъ налѣво ударь... носъ-отъ!.. Шабашъ, корма!

Я любовался этимъ Савоськой, который, разставивъ широко ноги на своей скамеечкѣ, теперь служилъ олицетвореніемъ движенія. Голосъ звучалъ увѣренно и твердо, въ каждомъ движеніи сказывалась напряженная энергія. Онъ слился съ баркой въ одно существо. Но нужно было видѣть Савоську въ трудныхъ мѣстахъ, гдѣ была горячая работа; голосъ его росъ и крѣпчалъ, лицо оживлялось лихорадочной энергіей, глаза горѣли огнемъ. Прежняго Савоськи точно не бывало; на скамейкѣ стоялъ совсѣмъ другой человѣкъ, который всей своей фигурой, голосомъ и движеніями производилъ магическое впечатлѣніе на бурлаковъ. Въ немъ чувствовалась именно та сила, которая такъ заразительно дѣйствуетъ на массы.

— У насъ Савостьянъ Максимычъ—орелка, одно слово!—переговаривались между собой бурлаки.—Сказалъ слово, какъ отрубилъ... Ужъ супротивъ него никакому сплавщику не сдѣлать—вѣрно!.. У него глазъ вострый.

Осипъ Иванычъ скоро обогналъ насъ на косной съ шестью лихими гребцами-косными. Лодка летѣла стрѣлой.

— Куда это онъ плыветъ?—спрашивалъ я Поршу.

— Да такъ, по баркамъ... На всякій случай, мало ли чего бываетъ съ караваномъ.

Поршa и Савоська все время особенно наблюдали переднюю барку, которая бѣжала передъ нами. Тамъ сплавщикомъ стоялъ оборванецъ Пашка. Лодка съ косными пристала къ этой баркѣ.

— Что поглядываешь часто на переднюю барку?—спрашивалъ я Савоську.—Развѣ Пашка плохо плаваетъ?

—Нѣтъ, плаваетъ ничего, а вотъ кабы ему въ голову не попало... Того гляди убьетъ!

За нами плыла барка старика Лупана. Это былъ опытный сплавщикъ, который плавалъ не хуже Савоськи. Интересно было наблюдать, какъ проходили наши три барки въ опасныхъ боевыхъ мѣстахъ, причемъ недостатки и достоинства всѣхъ сплавщиковъ выступали съ очевидной ясностью даже для непосвященнаго человѣка: Пашка бралъ смѣлостью, и бурлаки только покачивали головами, когда онъ щукой проходилъ подъ самыми камнями; Лупанъ работалъ осторожно и не жалѣлъ бурлаковъ: въ немъ недоставало того творческаго духа, какимъ отличался Савоська.

Здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно движенія барки по рѣкѣ.

Различаютъ три рода движенія барки: первое, когда барка идетъ тише воды, подставляя дѣйствію водяной струи одинъ бокъ,—это называется „бѣжать носъ на отрыскъ“; второе, когда барка идетъ наравнѣ съ водой,—это „бѣжать щукой“, и третье, когда барка идетъ быстрѣе воды, зарѣзываетъ носомъ, это „бѣжать въ зарѣзъ“. Эти три комбинаціи скорости движенія воды и скорости движенія барки служатъ единственнымъ средствомъ для управленія баркой. Работа потесей во всякомъ случаѣ ничтожна для борьбы съ такой неизмѣримо-громадной силой, какъ напоръ воды въ Чусовой; онѣ служатъ только средствомъ для управленія движеніемъ барки. Извѣстно, что вода въ рѣкѣ, какъ кровь въ нашихъ артеріяхъ, движется не съ одинаковой быстротой. Если возьмемъ поперечный разрѣзъ рѣки, получится такая картина: самое сильное движеніе занимаетъ середину рѣки, что на поверхности обозначается рубцомъ водяной струи; около береговъ и на днѣ вода, вслѣдствіе тренія, движется значительно медленнѣе. Все это можно отчетливо прослѣдить, если сдѣлать внимательно наблюденіе надъ движеніемъ по рѣкѣ простыхъ щепъ или пѣны. Возьмемъ самый простой примѣръ, именно, движеніе барки въ полосѣ одинаковой скорости. Для того, чтобы сдѣлать движеніе направо, сначала потесями поворачиваютъ носъ направо, потомъ выравниваютъ корму, затѣмъ опять носъ направо, и опять корма выравнивается, пока барка не перемѣщается въ надлежащемъ направленіи. Форма движенія получается самая неуклюжая, какъ у человѣка, у котораго одна половина тѣла разбита параличомъ. При движеніи барки въ полосахъ воды разной скорости пользуются той силой инерціи, какую барка получаетъ отъ своего предыдущаго движенія по рѣкѣ. Для того, чтобы перевалить съ одного берега на другой, барку носомъ прижимаютъ къ берегу и постепенно отводятъ корму. Струя воды напираетъ на бортъ барки и отбиваетъ носъ отъ берега. Барка идетъ теперь тише воды, дѣлая „носъ на отрыскъ“. Потеси помогаютъ такому боковому движенію, подставляя все тотъ же бортъ напору струи. Когда барка изъ тихой полосы попала на струю, она сначала идетъ вровень съ водой, а потомъ начинаетъ обгонять ее, что можно всегда замѣтить по движенію пѣны и сора, который несетъ съ собой рубецъ струи. Барку выравниваютъ потесями и, когда она пошла „въ зарѣзъ“, ставятъ носъ къ тому берегу, куда нужно сдѣлать привалъ.

Когда и какъ пользоваться этими тремя движеніями—зависитъ отъ множества условій: отъ свойствъ теченія рѣки — куда бьетъ струя, какъ стоитъ боецъ, какое дѣлаетъ рѣка закругленіе или поворотъ, отъ ранѣе пріобрѣтенной баркой скорости движенія и отъ тѣхъ условій движенія рѣки, которыя послѣдуютъ дальше; наконецъ отъ количества и качества той живой рабочей силы, какою располагаетъ сплавщикъ въ данную минуту, отъ характера самой барки и, главное, отъ характера самого сплавщика. Отъ сплавщика зависитъ, какимъ движеніемъ барки воспользоваться въ томъ или другомъ случаѣ; въ его рукахъ тысячи условій, которыя онъ можетъ комбинировать по-своему. Опредѣленныхъ правилъ здѣсь не можетъ быть, потому что и рѣка, и барка, и живая рабочая сила мѣняются для каждаго сплава. Ясное дѣло, что, рѣшая задачу, какъ наивыгоднѣйшимъ образомъ воспользоваться данными, сплавщикъ является не ремесленникомъ, а своего рода художникомъ, который долженъ обладать извѣстнаго рода творчествомъ. Мы можемъ указать нѣсколько примѣровъ примѣненія трехъ родовъ движенія барки, хотя они совсѣмъ не обязательны для сплавщиковъ и сплошь и рядомъ не примѣняются на практикѣ. Движеніе „въ зарѣзъ“ употребляется чаще всего на главныхъ закругленіяхъ рѣки, гдѣ представляется возможность постепеннаго бокового перемѣщенія. Барка въ этомъ случаѣ расходуетъ ту силу, какую пріобрѣла отъ своего предшествовавшаго движенія скорѣе воды. На крутыхъ поворотахъ и подъ бойцами барки обыкновенно проходятъ щукой. Носъ на отрыскъ примѣняется тогда, когда барка должна итти носомъ близко къ берегу, какъ это бываетъ около мысовъ. Въ такихъ случаяхъ, если барка не поставлена „носъ на отрыскъ“, она, задѣвъ днищемъ за берегъ, принуждена бываетъ „отуриться“, т.-е. итти впередъ кормой.

Савоська былъ именно такой творческой головой, какая создается только полной опасностей жизнью. Съ широкимъ воображеніемъ, съ чуткимъ, отзывчивымъ умомъ, съ поэтической складкой души, онъ неотразимо владѣлъ симпатіями разношерстной толпы.

— Гдѣ ты всему выучился?—спрашивалъ я его.

— Ученикомъ сперва плавалъ, еще съ отцомъ съ покойникомъ. Съ десяти лѣтъ, почитай, на караванахъ хожу. А потомъ ужъ самъ сталъ сплавщикомъ. Сперва-то намъ, выученикамъ, даютъ барку двоимъ, и товаръ, который не боится воды: чугунъ, сало, хромистый желѣзнякъ, а потомъ желѣзо, мѣдь, хлѣбъ.

— Сколько же вы получаете за сплавъ?

— Смотря по грузу: которые съ чугуномъ плывутъ, тѣмъ 35—40 рублей платятъ, а которые съ мѣдью—50—60 рублей за сплавъ. Ежели благополучно привалитъ караванъ въ Пермь—награды другой разъ даютъ рублей десять.

Такое вознагражденіе работы сплавщика просто нищенское, если принять во вниманіе, какъ оплачивается всякій другой профессіональный трудъ, и въ особенности то, что самый лучшій сплавщикъ въ теченіе года одинъ разъ сплыветъ весной, да другой, можетъ-быть, лѣтомъ, т.-е. заработаетъ въ годъ рублей полтораста.

XII.

Самая гористая часть Чусовой находится между пристанями Демидовой Уткой и Кыномъ. Мы теперь плыли именно въ этой живописной полосѣ, гдѣ по сторонамъ вставали одна горная картина за другой. Чусовая въ межень, т.-е. лѣтомъ, представляетъ собой въ горной своей части рядъ тихихъ плесъ,

гдѣ вода стоитъ, какъ зеркало; эти плесы соединяются между собой шумливыми переборами. Въ нѣкоторыхъ переборахъ вода стоитъ всего на четырехъ вершкахъ, а теперь она поднялась на три аршина и неслась впередъ сплошнымъ пѣнистымъ валомъ, который покрылъ всѣ плесы и переборы. Самые опасные переборы, въ родѣ Кашинскаго, сдѣлались еще страшнѣе въ полую воду, потому что здѣсь теченіе рѣки сдавлено утесистыми берегами.

Главную красоту чусовскихъ береговъ составляютъ скалы, которыя съ небольшими промежутками тянутся сплошнымъ утесистымъ гребнемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отвѣсно подымаются вверхъ саженъ на шестьдесятъ, точно колоссальныя стѣны какого-то гигантскаго средневѣковаго города; иногда такая стѣна тянется по берегу на нѣсколько верстъ. Представьте же себѣ размѣры той страшной силы, которая прорыла такіе коридоры въ самомъ сердцѣ горъ! Всѣ эти сланцы и известняки теперь представляютъ сплошныя отвѣсныя громады буро-грязнаго цвѣта съ ржавыми полосами и красноватыми пятнами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горная порода вывѣтрилась подъ вліяніемъ атмосферическихъ дѣятелей, превратившись въ губчатую массу, въ другихъ—она осыпается и отстаетъ, какъ старая штукатурка. На нѣкоторыхъ скалахъ вполнѣ ясно обрисовано расположеніе отдѣльныхъ слоевъ; иногда эти слои идутъ въ замѣчательномъ порядкѣ, точно это работа не слѣпой стихійной силы, а разумнаго существа, нѣчто въ родѣ циклопической гигантской кладки. Разорванный верхній край этихъ скалъ довершаетъ иллюзію. Пронеслись тысячи лѣтъ надъ этой постройкой, чтобы разрушить карнизы, арки и башни. Услужливое воображеніе дорисовываетъ дѣйствительность. Вотъ остатки крѣпкихъ воротъ, вотъ основаніе бойницы, вотъ заваленныя мусоромъ базы колоннъ... Вѣдь это тѣ самыя Рифейскія горы, куда Александръ Македонскій на вѣки вѣковъ заточилъ провинившихся гномовъ.

Подъ такими скалами рѣка катится черной волной съ подавленнымъ рокотомъ, жадно облизывая всѣ выступы и углубленія, гдѣ лѣтомъ топорщится зеленая травка и гнѣздятся молоденькія ели и пихты. Все, что успѣваетъ вырасти здѣсь за лѣто, рѣка смываетъ и безжалостно уноситъ съ собой, точно слизывая широкимъ холоднымъ языкомъ всякіе слѣды живой растительности, осмѣливающейся переступить роковую границу, за которой кипитъ страшная борьба воды съ камнемъ. Барка подъ такими скалами плыветъ въ густой тѣни: свѣтъ падаетъ сверху разсѣивающейся полосой. Сыростью и холодомъ вѣетъ отъ этихъ каменныхъ стѣнъ, на душѣ становится жутко и хочется еще разъ взглянуть на яркій солнечный свѣтъ, на широкое приволье горной панорамы, на синее небо, подъ которымъ дышится такъ легко и свободно. Малѣйшій звукъ здѣсь отдается чуткимъ эхомъ. Слышно, какъ каплетъ вода съ поднятыхъ поносныхъ, а когда они начинаютъ работать, разгребая воду,—по рѣкѣ катится оглушающая волна звуковъ. Команда сплавщика повторяется эхомъ, нѣсколько разъ перекатываясь съ берега на берегъ. Даже неистовая рѣка стихаетъ подъ этими скалами и проходитъ мимо нихъ въ почтительномъ молчаніи.

Самыя высокія и массивныя скалы—еще не самыя опасныя. Большинство настоящихъ „бойцовъ“ стоятъ совершенно отдѣльными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направленіемъ водяной струи, которая бьетъ прямо въ скалу, что обыкновенно происходитъ на самыхъ крутыхъ поворотахъ рѣки. Обыкновенно боецъ стоитъ въ углу такого поворота и точно ждетъ добычи, которую ему броситъ рѣка. Душой овладѣваетъ неудержимый страхъ, когда барка сдѣлаетъ судорожное движеніе и птицей полетитъ прямо на скалу... На баркѣ мертвая тишина, бурлаки при-

льнули къ неноснымъ, боецъ точно бѣжитъ навстрѣчу, еще одинъ моментъ—и наше суденышко разлетится въ дребезги. Савоська мѣряетъ глазами быстро уменьшающееся разстояніе между бойцомъ и баркой и, когда остается всего нѣсколько саженъ, отдаетъ команду какъ-то всей грудью. Бурлаки испуганно шарахнутся по палубѣ, и поносныя, эти громадныя бревна, даже изогнутся подъ напоромъ человѣческой силы. Нужно видѣть, какъ работали Бубновъ, Гришка и другіе бурлаки: это была артистическая работа, достойная кисти художника. Но вотъ барка быстро повернула носъ отъ бойца и вѣжливо проходитъ мимо него однимъ бортомъ; опасность такъ же быстро минуетъ, какъ приходитъ, и не хочется вѣрить, что кругомъ опять зеленые берега и барка плыветъ въ совершенной безопасности.

— Съ коня долой!—командуетъ Савоська.

Передъ каждымъ бойцомъ, какъ при отвалѣ и привалѣ, а также и послѣ прохода подъ бойцомъ, бурлаки усердно молятся. Такая молитва еще увеличиваетъ торжественность критическаго момента, но она является самымъ естественнымъ проявленіемъ того напряженнаго состоянія духа, который переживаетъ невольно каждый. Хорошо дѣлается на душѣ, когда смотришь на эту картину молящагося народа; и молитва, и трудъ, и недавняя опасность—все сливается въ одинъ стройный аккордъ. Савоська на своей скамейкѣ походитъ на капельмейстера. Не желая утрировать аналогію, мы все-таки сравнимъ бурлаковъ съ отдѣльными музыкальными нотами, изъ которыхъ здѣсь слагается живая мелодія безконечной борьбы человѣка со слѣпыми силами мертвой природы.

Послѣ скалъ и утесовъ главную красоту чусовскихъ береговъ составляетъ лѣсъ. Сѣдыя мохнатыя ели съ побурѣвшими вершинами придаютъ горамъ суровое величіе. Строгая красота готическихъ линій здѣсь сливается съ темной траурной зеленью, точно вся природа превращается въ громадный храмъ, сводомъ которому служитъ сѣверное голубое небо. Особенно красивы молоденькія пихты, которыя смѣло карабкаются по страшнымъ кручамъ; ихъ стройные силуэты кажутся вылѣпленными на темномъ фонѣ скалъ, а вершины рвутся въ небо готическими прорѣзными стрѣлками. Изъ такихъ пихтъ образуются цѣлыя шпалеры и бордюры. Мертвый камень причудливо драпируется густой зеленью, точно его убрала рука великаго художника. Малѣйшій штрихъ здѣсь блещетъ неувядаемой красотой: такъ въ состояніи творить только одна природа, которая изъ линій и красокъ создаетъ смѣлыя комбинаціи и неожиданные эффекты. Человѣку только остается безъ конца черпать изъ этого неизсякаемаго, всегда подвижного и вѣчно новаго источника. Особенно хороши темные сибирскіе кедры, которые стоятъ тамъ и сямъ на берегу, точно бояре въ дорогихъ зеленыхъ бархатныхъ шубахъ. Какъ настоящіе кровные аристократы, они держатся особнякомъ и какъ бы нарочно сторонятся отъ простыхъ елей и пихтъ, которыя отличаются замѣчательной неприхотливостью и растутъ гдѣ попало и какъ попало, только было бы за что уцѣпиться корнями,—настоящее лѣсное мужичье.

По мыскамъ, заливнымъ лугамъ и той полосѣ, которая отдѣляетъ настоящій лѣсъ отъ линіи воды, ютятся всевозможные разночинцы лѣсного царства: тутъ качается и гибкая рябина, эта сѣверная яблоня, и душистая черемуха, и распустившаяся верба, и тальникъ, и кусты вереска, жимолости и смородины, и колючій шиповникъ съ волчьей ягодой. Здѣсь же отдѣльными пролѣсками и островками стоятъ далекіе пришлые люди—горькая осина съ своимъ металлически-сѣрымъ стволомъ, безконечно родная каждому русскому сердцу кудрявая береза, изрѣдка липа съ своей блѣдной, мягкой зеленью. Но

теперь всѣ эти пришлые люди и разночинцы стоятъ голешеньки и жалко топорщатся своими набухшими вѣтвями: тяжело имъ на чужой дальней сторонѣ, гдѣ зима стоитъ восемь мѣсяцевъ. Кое-гдѣ попадаются вырубленныя полосы, гдѣ рядами стояли свѣжіе пни. Со стороны тяжело смотрѣть на этотъ результатъ вторженія человѣческой дѣятельности въ мирную жизнь растительнаго царства. Свѣжія порубы удивительно похожи на громадное кладбище, гдѣ, за трудовымъ недосугомъ, некогда было поставить кресты надъ могилами.

— Это все на барочки нашимъ лѣсъ пошелъ,—объяснялъ Савоська.—Множество этого лѣсу изводятъ по пристанямъ... Такъ валомъ и валятъ!

Вся Чусовая, собственно говоря, представляетъ собой сплошную зеленую пустыню, гдѣ человѣческое жилье является только пріятнымъ исключеніемъ. Нѣсколько заводовъ, до десятка большихъ пристаней, нѣсколько красивыхъ селъ—и все тутъ. Это на шестьсотъ верстъ протяженія. Да и селитьба какая-то совершенно особенная: высыплетъ на низкій мысокъ десятка два бревенчатыхъ избъ, промелькнетъ полоса огороженныхъ покосовъ, и опять лѣсъ и лѣсъ, безъ конца краю. Нѣкоторыя деревушки совсѣмъ спрятались въ лѣсу, точно гнѣзда большихъ грибовъ; есть починки въ два-три дома. Здѣсь воочію можно прослѣдить, какъ и гдѣ селится русскій человѣкъ, когда ему есть изъ чего выбрать.

Изъ встрѣчавшихся по пути селеній больше другихъ были пристани Межевая Утка и Кашка. Первая раскинулась на крутомъ правомъ берегу Чусовой красивымъ рядомъ бревенчатыхъ избъ, а пониже видна была гавань съ караванной конторой и магазинами, какъ на Каменкѣ. Два-три дома въ два этажа съ мезонинами и зелеными крышами выдѣлялись изъ общей массы мужицкихъ построекъ; очевидно, это были купеческія хоромины.

— Скоро шабашъ, видно, Уткѣ-то,—говорилъ Савоська, поглядывая на пристань.

— А что?

— А вотъ желѣзную дорогу наладятъ, такъ на Уткѣ, пожалуй, и дѣлать нечего. Теперь барокъ полсотни отправляютъ, а тогда, можетъ, и пяти не наберутъ...

— По желѣзной дорогѣ дороже будетъ отправлять металлы, чѣмъ по Чусовой.

— Дороже-то оно дороже, да видно ужъ такъ придется, баринъ. Лѣсу не прохватываетъ на Уткѣ барки строить—вотъ оно что! И теперь подымаютъ снизу барки на Утку, а чего это стоитъ! Больно нонѣ лѣса-то по Чусовой пообились, около пристаней. Вѣдь каждый сплавъ считай барокъ пятьсотъ, а на барку идетъ триста деревъ.

— Полтораста тысячъ бревенъ!

— Такъ... Страсть вымолвить. Да еще лѣсъ-то какой идетъ на барку—самый кондовый, первый сортъ! Ну, теперь и скучаютъ по пристанямъ, что объ лѣсѣ. Больно скучаютъ, особливо на Уткѣ. Да и по другимъ пристанямъ начинаютъ сумлѣваться насчетъ лѣсу.

Глядя на берегъ Чусовой, кажется, что здѣсь лѣсныя богатства неистощимы, но это такъ кажется. Въ дѣйствительности—лѣсной вопросъ для Урала является въ настоящую минуту самымъ больнымъ мѣстомъ: лѣса вездѣ истреблены самымъ хищническимъ образомъ, а между тѣмъ запросъ на нихъ, съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла и промышленности, все возрастаетъ. Насколько похозяйничали заводовладѣльцы и промышленники кадъ чусовскими лѣсами, можно прослѣдить по теченію этой рѣки шагъ за шагомъ. Владѣльческіе участки наканунѣ полнаго обезлѣсенія, какое уже постигло нѣкоторыя заводскія дачи

на Уралѣ, какъ, напримѣръ, дачу Невьянскихъ заводовъ. Какъ бы въ противовѣсъ этой картинѣ запустѣнія являются пріятными исключеніями казенные участки, но на Чусовой они представляютъ уже только оазисы среди захватывающаго ихъ рокового безлѣснаго кольца. Такова, напримѣръ, казенная уткинская лѣсная дача, а затѣмъ все пространство, начиная отъ деревушки Іоквы, верстъ семь ниже пристани Кашки, до другой деревушки Чизмы. Здѣсь, на разстояніи ста верстъ, правый берегъ представляетъ казенную собственность, и на немъ лѣса сохранились почти неприкосновенными. Вообще эта часть Чусовой, между Іоквой и Чизмой, самая гористая и вмѣстѣ самая лѣсистая; если между этими точками провести прямую линію и соединить ее съ казеннымъ заводомъ Кушвой, получится громадный треугольникъ, почти нетронутый нашей роковой цивилизаціей. Въ среднемъ Уралѣ этотъ уголъ является какимъ-то исключеніемъ и представляетъ безпросвѣтную лѣсную глушь. Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ и этотъ обойденный потокомъ нашей промышленности уголъ раздѣлитъ участь капитальныхъ владѣльческихъ земель, но пока онъ представляетъ совсѣмъ дѣвственную, нетронутую территорію. Его отлично защищаютъ горы, непроходимые лѣса, топи.

Пристань Кашка разсыпала свои домики на лѣвомъ берегу Чусовой, на низкой отлогости, которую далеко заливаетъ вешняя вода. Видъ на пристань чистенькій и опрятный. Напротивъ селенія правый берегъ Чусовой поднимается крутымъ каменистымъ гребнемъ, теченіе суживается, образуя очень опасный Кашкинскій переборъ. Здѣсь вода шумитъ съ страшной силой, и барки летятъ мимо пристани, какъ птицы. Паденіе рѣки здѣсь настолько сильно, что замѣтно простымъ глазомъ: рѣка катится прямо подъ гору. Такихъ мѣстъ въ гористой части Чусовой не мало, и рѣка въ нихъ играетъ съ особенной яростью.

— На что въ межень—и то по Кашкинскому перебору, пожалуй, не вдругъ въ лодкѣ проѣдешь,—объяснялъ Савоська.—Того гляди, выворотитъ вверхъ дномъ... Сердитое мѣсто.

Послѣ Кашки вплоть до Кыновской пристани, на протяженіи шестидесяти верстъ, не встрѣчается ни одного большого селенія, а маленькія деревнюшки, въ родѣ Іоквы, Пермяковой и Диминевой, издали представляются кучкой домиковъ, которые разбрелись по берегу безъ всякаго плана и порядка. Видъ Пермяковой отличается, пожалуй, довольно оригинальной красотой, хотя и поражаетъ непривычнаго человѣка своей дикостью, какъ вообще вся Чусовая. Всего какой-нибудь десятокъ избъ точно сейчасъ выползли на лѣвый низкій берегъ—и все тутъ. Кругомъ лѣсъ; напротивъ, черезъ рѣку, крутой лѣсистый берегъ. Пермякова замѣчательна тѣмъ, что представляетъ собой типичное разбойничье гнѣздо. По разсказамъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ здѣсь поселился разбойникъ Пермяковъ, который грабилъ проходившія мимо суда,—отъ него и произошло настоящее селеніе Пермяковой. Конечно, теперь о разбояхъ на Чусовой не можетъ быть и рѣчи, но Пермякова между бурлаками пользуется плохой репутаціей.

— Что такъ?—спрашивалъ я Савоську.

— Да такъ... Когда идешь со сплаву домой, засвѣтло стараешься пройти эту самую Пермякову.

— Развѣ здѣсь грабятъ бурлаковъ?

— Нѣтъ, не слышно... А такъ, пронесъ Господь—и слава Богу. Однимъ словомъ, не барское мѣсто... Старики-то сказывали, что самъ-то Пермякъ, старикъ-отъ, промышлялъ насчетъ бурлаковъ, которые со сплаву шли. Выйдетъ этакъ съ винтовкой на тропу, по которой бредутъ бурлаки, и караулитъ:

который отсталъ отъ артели, онъ его и залобуетъ *). Все же лопотина какая ни на есть на бурлакѣ, деньги, можетъ, у другого, оно, глядишь, и покорыстуется. А промыселъ—дома. Бѣлку еще ищи тамъ по лѣсу или оленя, а бурлачки сами идутъ подъ пулю. Можетъ, это и неправда,—прибавилъ Савоська:—мало ли зря люди болтаютъ про допрежнія времена...

Немного пониже деревни Перулковой мы въ первый разъ увидѣли убитую барку. Это была громадная коломенка, нагруженная кулями съ пшеницей. Правымъ, разбитымъ плечомъ она глубоко легла въ воду, конь и передняя палуба были снесены водой; изъ-подъ вывороченныхъ досокъ выглядывали мочальные кули. Поносныя были сорваны. Счастью она была прикрѣплена къ берегу, очевидно, это на скору-руку устроили косные; бурлаковъ не было видно на берегу.

— Гдѣ же рабочіе?—спрашивалъ я.

— Ушли, значитъ. Чего имъ теперь дѣлать у убившей барки. Водоливъ долженъ быть во всякомъ случаѣ у барки... Да вонъ и онъ. Надо полагать, за хлѣбомъ ходилъ. Теперь наладитъ себѣ на бережку шалашникъ и будетъ дожидать купца... Купеческая посудина-то, съ верхнихъ пристаней.

Водоливъ шелъ по берегу и непривѣтливо смотрѣлъ въ нашу сторону.

— Чьихъ вы будете?—крикнулъ Порша, выставляя голову изъ люка.

Водоливъ что-то крикнулъ, но его отвѣтъ былъ заглушенъ работой поносныхъ. Черезъ пять минутъ разбитая барка скрылась изъ вида.

— Съ людями несчастіевъ, значитъ, не было на убившей баркѣ,—проговорилъ Савоська въ раздумьѣ.

— Отчего ты такъ думаешь?

— Кабы кого порѣшило, такъ лежалъ бы на бережку тутъ же; а то, значитъ, всѣ цѣлы остались. Барка-то съ пшеницей была, она какъ ударилась въ боецъ—не ко дну сейчасъ, а помаленьку и отползла отъ бойца-то. Это не то, что вотъ барка съ чугуномъ: та бы подъ бойцомъ сейчасъ же захлебнулась бы, а эта хошь на одномъ боку да плыветъ.

Бурлаки долго галдѣли объ „убившей“ баркѣ, обсуждая обстоятельства послѣдовавшаго крушенія съ пріемами завзятыхъ спеціалистовъ. Бубновъ и Кравченко ругали сплавщика, болѣе обстоятельные мужики вступались за него, потому что на грѣхъ мастера нѣтъ, и т. д. Новички сплава внимательно вслушивались въ непонятную для нихъ терминологію споривщихъ.

Савоська не обращалъ никакого вниманія на эту болтовню и время отъ времени тревожно поглядывалъ кверху, на сѣрое небо, которое будто ниже и ниже опускалось надъ рѣкой.

— Мотроситъ...—проговорилъ онъ, выставляя руку подъ накрапывавшій мелкій дождь.

— А что?

— Худо будетъ...

Я понялъ этотъ лаконическій отвѣтъ. Какъ всякая другая горная рѣка, Чусовая отъ одного хорошаго дождя можетъ подняться на нѣсколько аршинъ, потому что всѣ безчисленные ручейки и рѣчонки, которые бѣгутъ въ нее, раздуваются въ бѣшеные потоки, принося массу шальной воды.

— А гдѣ будемъ хвататься?—спрашивалъ я.

— Подъ Кыномъ надо будетъ хватку сдѣлать. Эхъ, задарма сколько время потеряли даве, цѣльное утро, а теперь, того гляди, паводокъ отъ дождя захватитъ въ камняхъ! Бѣда, баринъ!.. Кабы вы даве съ Егоромъ-то Ѳоми-

*) Залобуетъ—убьетъ.

чемъ покороче ѣли, выбѣжали бы изъ горъ, пожалуй, и подъ Молоковымъ успѣли бы пробѣжать загодя... То-то, поди, нашъ Осипъ Иванычъ теперь горячку перетъ,—съ улыбкой прибавилъ Савоська, дѣлая рукой кормовымъ знакъ „поддоржать корму“.—Поди, рветъ и мечетъ, сердяга.

Въ шести верстахъ отъ деревни Пермяковой стоитъ на правомъ берегу боецъ Писаный. Свое названіе онъ получилъ отъ надписи, которая сдѣлана на немъ въ двадцати саженяхъ отъ уровня рѣки. Надпись вывѣтрилась, такъ что ничего нельзя разобрать; съ барки можно разсмотрѣть только высѣченный въ скалѣ крестъ. Здѣсь въ 1724 году родился Никита Акинфіевичъ Демидовъ, о чемъ и гласила надпись. Самая скала представляетъ отвѣсный утесъ, поросшій лѣсомъ. На противоположномъ низкомъ берегу стоитъ массивный крестъ, высѣченный изъ цѣльнаго камня. Двумя верстами ниже Писанаго стоитъ другой боецъ, Столбы. Это почти правильной круглой формы известковыя колонны въ двадцать саженъ высоты; около нихъ поднимается нѣсколько меньшихъ колоннъ. Можно подумать, что это остатки какой-то гигантской колоннады, заваленной мусоромъ; только благодаря героическимъ усиліямъ Чусовой выглянулъ на свѣтъ Божій одинъ уголъ этой скрытой въ землѣ постройки.

Глядя на эти толщи настланныхъ другъ на друга известняковъ, сланцевъ и песчаниковъ, исчерченныхъ бѣлыми прожилками доломита, такъ и кажется, что предъ вашими глазами развертывается, листъ за листомъ, исторія тѣхъ тысячелѣтій и милліоновъ лѣтъ, которые безконечной грядой пронеслись надъ Ураломъ. Чусовая въ лѣтописяхъ геологіи является самой живой страницей, гдѣ ученый шагъ за шагомъ можетъ прослѣдить полную неустаннаго труда и всяческихъ треволненій автобіографію нашей старушки-земли. Она была настолько предупредительна, что переложила всѣ листы своей рукописи соотвѣтствующими происхожденію каждаго окаменѣлыми представителями тогдашней флоры и фауны. Но ученые съ русскими фамиліями до сихъ поръ какъ-то сбходятъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ Чусовую, и если мы что-нибудь знаемъ о ней, то исключительно благодаря кропотливымъ изслѣдованіямъ любознательныхъ иноземцевъ, Р. И. Мурчисона, Э. Эйхвальда и т. д. Скажемъ нѣсколько словъ о Чусовой именно съ геологической точки зрѣнія.

Представьте себѣ на мѣстѣ нынѣшняго Урала первобытный океанъ, тотъ океанъ, который не занесенъ ни въ какіе учебники географіи. Земля недавно родилась,—недавно, конечно, только сравнительно, т.-е. накиньте нѣсколько милліоновъ лѣтъ,—первобытный океанъ омываетъ ее, какъ повивальная бабка моетъ только-что появившагося на свѣтъ ребенка, а затѣмъ этотъ же океанъ въ теченіе неисчислимыхъ періодовъ времени совершаетъ свою стихійную работу, разрушая въ одномъ мѣстѣ и созидая въ другомъ. Изъ этихъ разрушенныхъ частицъ, которыя носятся въ морской водѣ, медленно осаждаются всѣ тѣ известняки, песчаники и доломиты, которыми мы любуемся уже въ готовомъ видѣ. Все это идетъ очень хорошо, въ самомъ строгомъ порядкѣ, но потомъ первобытный океанъ исчезаетъ, образованные имъ осадочные пласты начинаютъ подниматься и даютъ широкую трещину отъ нашего Ледовитаго океана вплоть до плоской возвышенности, именуемой въ географіяхъ Усть-Уртомъ. Вотъ въ эту-то трещину и выливаются наружу плутоническія породы, производятъ страшный безпорядокъ въ существовавшемъ порядкѣ и наконецъ застываютъ въ видѣ порфировыхъ и гранитныхъ скалъ, образуя основную горную ось съ побочными развѣтвленіями. Съ человѣческой точки зрѣнія, вся эта исторія поражаетъ своими размѣрами во времени и пространствѣ, но въ

жизни планеты' она, вѣроятно, произошла такъ же незамѣтно, какъ складывается на нашемъ лицѣ новая морщина, а на ней садится нѣсколько прыщей. Такимъ образомъ на Уралѣ мы имѣемъ съ одной стороны плутоническія породы, съ другой—нептуническія; первыя рѣзче выражены на восточномъ, сибирскомъ склонѣ Урала, вторыя преимущественно на западномъ, а между ними, въ толщѣ осадочныхъ нептуническихъ породъ пробила себѣ дорогу Чусовая, дѣлая тысячи интересныхъ обнаженій, разрѣзовъ, своихъ собственныхъ отложеній и т. д. На пластахъ силурійской системы вы видите постепенныя наслоенія горноизвестковой формаціи, гдѣ чередуются всѣ эти песчаники, сланцеватыя глины, известняки, прослойки доломитовъ. Глазъ любуется этими причудливыми изгибами отдѣльныхъ пластовъ, въ трещинахъ и изломахъ которыхъ вкраплены сростки известковаго кремня, гипсъ, слюда, гнѣзда металлическихъ рудъ. Все это засыпано уже вывѣтрившимися, разрушенными породами, но опытный глазъ чувствуетъ себя здѣсь, какъ въ гигантской лабораторіи, разрушенной въ моментъ производившихся опытовъ и продолжающей работать уже на обломкахъ и развалинахъ.

По Чусовой барка плыветъ среди великолѣпной геологической панорамы, распадающейся, какъ мозаика, на тысячи отдѣльныхъ геологическихъ картинъ. Эта превращенная въ камень исторія переживаетъ новую стихійную метаморфозу, гдѣ къ силурійской и девонской формаціямъ присоединяются новыя осадочныя образованія, какъ результатъ работы могучей горной рѣки и атмосферическихъ дѣятелей. Едва ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ геологъ найдетъ столь необозримое поле для изслѣдованій, какъ на Чусовой, которая съ чисто-геологическимъ терпѣніемъ ждетъ русскихъ ученыхъ и русской науки, чтобы развернуть предъ ихъ глазами свои сокровища.

Отъ Урала, какъ геологической морщины, мы перейдемъ теперь къ Уралу, какъ нашему историческому порогу въ Азію, потому что наша барка уже подплываетъ къ устью р. Серебрянки, по которой въ 1581 году Ермакъ перевалилъ въ Сибирь.

Устье Серебрянки по наружному виду ничѣмъ особеннымъ не отличается. Правый высокій берегъ Чусовой точно раздался широкими воротами, въ которыя выбѣгаетъ бойкая горная рѣчонка, и только. Мы уже говорили выше о значеніи похода Ермака, какъ завоевателя Сибири, и теперь остается только повторить, что этому походу историками и изслѣдователями придается совсѣмъ не та окраска, какой онъ заслуживаетъ. Истинными завоевателями и колонизаторами Сибирской украйны были голутвенные и обнищалые русскіе людишки, а Ермакъ шелъ уже по проторенной новгородскими ушкуйниками дорожкѣ и имѣетъ историческое значеніе постольку, поскольку служилъ интересамъ исконной русской тяги къ украйнамъ, этимъ предохранительнымъ клапанамъ нашей исторической неурядицы. Народъ по достоинству оцѣнилъ Ермака и поетъ о немъ въ своихъ былинахъ, какъ о казацкомъ атаманѣ, составляющемъ только голову живого казацкаго тѣла. Казацкій атаманъ никогда не могъ быть ни Колумбомъ, ни Магелланомъ, ни Кукомъ: атаманъ былъ только выборнымъ отъ казацкаго круга, гдѣ, какъ во всякой общинѣ, всѣ равны. Онъ тянулъ за Камень, потому что туда тянулъ его казацкій кругъ.

Не доплывая до Кына верстъ пятнадцать, мы издали увидѣли вереницу схватившихся барокъ. Это былъ нашъ караванъ. Онъ привалилъ къ лѣвому берегу, гдѣ нарочно были устроены ухваты для хватки, т.-е. вкопаны въ землю толстые столбы, за которые удобно было крѣпить снасть. Широкое плесо представляло всѣ удобства для стоянки.

— За Кыномъ, по-настоящему, слѣдовало бы схватиться,—объяснялъ Савоська.—Да видишь, подъ самымъ Кыномъ переборъ сумлительный... Онъ бы и ничего, переборъ-отъ, да, вишь, кыновляна караванъ грузитъ въ рѣкѣ, ну, либо на караванъ барку снесетъ, либо на переборъ, только держись за грядки. Одинова тамъ барку вверхъ дномъ выворотило. Силища несосвѣтимая у этой воды. Другой сплавщикъ не боится перебора, такъ опять прямо въ кыновскій караванъ врѣжется: и свою барку загубитъ и кыновскимъ достанется.

Хватка—одно изъ самыхъ трудныхъ условій благополучнаго сплава, особенно въ большую воду. Намъ схватиться за готовыя барки уже не представляло особенной опасности. Порша выкинулъ снасть на самую послѣднюю барку, тамъ положили ее мертвой петлей на огниво, теперь оставалось только осторожно травить снасть, т.-е., завернувъ ее на огниво, спускать кольцо за кольцомъ, чтобы нѣсколько ослабить силу напряженія. Въ первый моментъ, когда Порша завернулъ канатъ вокругъ огнива двумя петлями, онъ натянулся, какъ струна, барка вздрогнула и точно сознательно рванулась впередъ. Въ этотъ критическій моментъ, когда натянувшійся канатъ могъ порваться, какъ гнилая нитка, Порша осторожно началъ его спускать на огнивѣ. Отъ сильнаго тренія огниво задымилось и, вѣроятно, загорѣлось бы, но Исачка во-время облилъ его водой изъ ведерка.

— Крѣпи снасть намертво!—скомандовалъ Савоська.—Съ коня долой...

Всѣ сняли шапки и помолились на востокъ.

— Спасибо, братцы!—коротко поблагодарилъ Савоська бурлаковъ.

— Тебѣ спасибо, Савостьянъ Максимычъ... Съ веселенькой хваткой!

XIII.

Весь берегъ, около котораго стояло десятка два барокъ, былъ усыпанъ народомъ. Вездѣ горѣли огни, изъ лѣсу доносились удары топора. Бурлаки на нашей баркѣ успѣли промокнуть порядкомъ и торопились на берегъ, чтобы погрѣться, обсушиться и закусить горяченькимъ около своего огонька. Нигдѣ огонь такъ не цѣнится, какъ на водѣ; мысль о теплѣ сдѣлалась общей связующей нитью.

При выходѣ съ барки Порша съ обычными причитаньями ощупывалъ каждаго бурлака, чтобы грѣшнымъ дѣломъ нечаянно не зацѣпилъ съ собой полупудовой штыки. Исачка и Кравченко были осмотрѣны имъ особенно тщательно, начиная съ котомки и кончая сапогами.

— А я у тебя, Порша, безпремѣнно сдую штыку,—шутилъ Исачка во время осмотра.—Вѣрно тебѣ говорю...

— Безъ тебя знаю, что сдуешь,—стоналъ Порша.—Варнаки, такъ варнаки и есть... Одна у васъ вѣра-то, у всѣхъ, охаверники!..

Когда очередь осмотра дошла до бабъ, шуткамъ и забористымъ остротамъ не было конца. „У насъ Порша въ родѣ какъ курицъ теперь щупаетъ“,—острилъ кто-то въ толпѣ. Но Порша съ замѣчательной послѣдовательностью и философскимъ спокойствіемъ довершалъ начатый подвигъ и пропустилъ безъ осмотра только одну Маришку.

— Ну, ты и такъ еле ноги волочишь,—проговорилъ Порша, махнувъ рукой.—Ступай себѣ съ Богомъ...

Появился Осипъ Иванычъ. Онъ совсѣмъ охрипъ отъ трехдневнаго крика и теперь былъ подъ хмелькомъ.

— Гдѣ это вы все время были?—спрашивалъ я его.

— Какъ гдѣ? Съ караваномъ плылъ... Вѣдь на всѣхъ баркахъ нужно

было побывать, вездѣ поспѣть... Да'.. У одной барки подъ Каинкой кормовое поносное сорвало, у другой порубень *) ободрало. Ну что, Савоська, благополучно?

— Все благополучно, Осипъ Иванычъ... Только вотъ кабы дождичекъ не подгадилъ дѣла.

— Охъ, не говори... А все изъ-за этого Егорки, чтобы ему ни дна ни покрышки!..

— Я то же говорю! Пожалуй, настигнетъ насъ паводокъ въ кампяхъ, не успѣемъ выбѣжать...

— Ну, Богъ милостивъ... Вы съ чѣмъ пьете чай: съ ромомъ или коньякомъ?—обратился ко мнѣ Осипъ Иванычъ.

— Все равно, только поскорѣе чего-нибудь горяченькаго...

— Ха-ха... Видно, кто на морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался. Ну, настоящая страсть еще впереди: это все были только цвѣточки, а ужъ тамъ ягодки пойдутъ. Порша! скомандуй насчетъ чаю и всякое прочее.

Мы помѣстились въ каютѣ, гдѣ для двоихъ было очень удобно, т.-е. можно было растянуться на лавкѣ во весь ростъ и заснуть мертвымъ сномъ, какъ спится только на водѣ. Огня на баркѣ разводить не дозволяется, и потому Порша отрядилъ одного бурлака съ мѣднымъ чайникомъ на берегъ, гдѣ ярко горѣли огни. Сальная свѣчка, вставленная въ бутылку изъ-подъ коньяка, весело освѣтила нашу каюту, гдѣ все до послѣдняго гвоздя было съ иголочки и вмѣстѣ спито на живую нитку. Савоська при помощи досокъ устроилъ между скамейками импровизованный столъ, на которомъ появилась разная дорожная провизія: яйца, колбаса, балыкъ, сыръ и т. д.

— Савоська! выпьешь для перваго привала?— спрашивалъ Осипъ Иванычъ, наливая серебряный стаканчикъ.

— Нѣтъ, ослобоните, Осипъ Иванычъ... не могу теперь.

— Въ Перми наводить будешь? Ха-ха!

— Ужъ какъ доведется,—скромно отвѣчалъ Савоська.

Скоро Порша поставилъ на столъ мѣдный чайникъ съ кипяченой водой, и мы принялись пить чай изъ чайныхъ чашекъ безъ блюдечекъ. Осипъ Иванычъ усердно подливалъ себѣ то рому, то коньяку, приговаривая:

— Я, батенька, на перемѣнныхъ гоню: скорѣе доѣдемъ...

Савоська помѣстился съ нами и пилъ чашку за чашкой въ какомъ-то оторопѣломъ состояніи, какъ вообще мужики пьютъ чай „съ господами“. Осипъ Иванычъ былъ красенъ до ворота рубахи и постоянно вытиралъ вспотѣвшее лицо бумажнымъ желтымъ платкомъ.

— Самая собачья наша должность,—хрипѣлъ онъ, дымя папироской.— Хуже каторги... А привычка—что подѣлаете! Ждешь не дождешься этой самой каторги. Такъ вѣдь, Савоська?

— Точно такъ, Осипъ Иванычъ...

— То-то!.. Ты вѣдь у меня золото, а не сплавщикъ. Ну, кто у тебя на баркѣ плыветъ?—уже шутливо спрашивалъ онъ.

— Да такъ, всякаго народу довольно...

— И Даренка плыветъ? Знаю, знаю... Сорока на хвостѣ принесла. Нѣтъ, я тебѣ скажу, у Пашки на баркѣ плыветъ одна дѣвчонка... И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ такую отыскалъ.

Савоська улыбнулся какой-то неопредѣленной улыбкой и ничего не отвѣтилъ.

---

*) Порубень — бортъ.

— Вы ужъ меня извините, голубчикъ,— обратился ко мнѣ Осипъ Иванычъ:—живой о живомъ и думаетъ... Ей-Богу, отличная дѣвчонка.

— Хорошая дѣвка на сплавъ не пойдетъ, Осипъ Иванычъ,—почтительно замѣтилъ Савоська, опрокидывая чашку вверхъ донышкомъ.

— А намъ на кой ее чортъ, хорошую-то? На сплавъ не въ монастырь идутъ... Ха-ха!.. Нѣтъ, право, преаппетитная штучка!

Пришли сплавщики съ другихъ барокъ, и я отправился на берегъ. Вездѣ слышался говоръ, смѣхъ; гдѣ-то пиликала разбитая гармоника. Рѣка глухо шумѣла; въ лѣсу было темно, какъ въ могилѣ, только время отъ времени вырывались изъ темноты красные языки горѣвшихъ костровъ. Иногда такой костеръ вспыхивалъ высокимъ столбомъ, освѣщая на мгновеніе темныя человѣческія фигуры, прорѣзные силуэты нѣсколькихъ елей, и опять все тонуло въ окружающей темнотѣ.

Я долго бродилъ между огней. Гдѣ варилась каша въ чугунныхъ котелкахъ, гдѣ уже спали вповалку, накрывшись мокрымъ тряпьемъ, гдѣ балагурили на сонъ грядущій. Исачка и Кравченко, конечно, были вмѣстѣ и упражнялись около огонька въ орлянку; какой-то отставной солдатъ, свернувшись клубочкомъ на сырой землѣ, выкрикивалъ сиповатымъ баскомъ: „Орелъ! Орѣшка!..“ Можно было подумать, что горло у службы заросло такой же шершавой щетиной, какъ обросло все лицо до самыхъ глазъ. Двое фабричныхъ и одинъ косной апатично слѣдили за игрой, потягивая крючки изъ сѣрой бумаги.

— Ошарашимъ по стаканчику?—говорилъ Исачка, улыбаясь глазами.

Въ другомъ мѣстѣ, подъ защитой густой ели, расположилась другая компанія: на первомъ планѣ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, Гришка; онъ спалъ богатырскимъ сномъ. Въ ногахъ у него, какъ собачонка, сидѣла Маришка и апатично сосала беззубымъ ртомъ какую-то корочку. Тутъ же сидѣлъ на корточкахъ чахоточный мастеровой, наклонившись къ огню впалой грудью; очевидно, бѣднягу била жестокая лихорадка, и онъ напрасно протягивалъ надъ самымъ огнемъ свои высохшія руки съ скрюченными пальцами. Исаломщикъ, скорчившись, сидѣлъ на обрубкѣ дерева и курилъ папиросу.

— Садитесь къ огоньку,—предложилъ мнѣ фабричный.

Я подсѣлъ къ будущему дьякону, который вѣжливо уступилъ мнѣ часть своего обрубка. Наступило короткое молчаніе.

— Мы тутъ про разбойника Разсказова разговариваемъ,—глухо заговорилъ мастеровой.—Онъ на Чусовой разбойничалъ...

— А давно это было?

— Да лѣтъ полсотни тому будетъ. Чудесный былъ человѣкъ, такія слова зналъ, что ему все ни по чемъ. Сколько разъ его въ Верхотурье возили, въ острогъ. Посадятъ, закуютъ въ кандалы, а онъ попросить воды испить—только его и видѣли... Вѣрно!.. Ему только дай воды, а ужъ тамъ его не удержишь: какъ сквозь землю провалится. Замки цѣлы, стѣны цѣлы, окна цѣлы, а Разсказовъ уйдетъ, точно по водѣ уплыветъ. Сила, значитъ, въ ней, въ водѣ-то. Одинъ надзиратель въ острогѣ-то и похвастался, что не выпуститъ Разсказова, и не сталъ ему давать воды совсѣмъ, а все квасъ да пиво. Въ десятый разъ, можетъ, Разсказовъ-то сидѣлъ тогда... Ну, а Разсказовъ все-таки ушелъ: нарисовалъ на стѣнкѣ уголькомъ лодочку и ушелъ, ей-Богу... Разныя онъ слова зналъ! Ищутъ его теперь по лѣсу, окружили, дѣваться совсѣмъ Разсказову некуда, а онъ скажетъ слово, да всѣмъ глаза и отведетъ...

— Какъ глаза отведетъ?

— Да такъ: изъ глазъ уйдетъ, все равно какъ потемки напуститъ...

Тоже вотъ разными голосами умѣлъ говорить, самъ въ одномъ мѣстѣ, а закричитъ въ другомъ. Бросятся туда—а Разсказова и слѣдъ простылъ.

Мнѣ не одинъ разъ приходилось слышать на Чусовой разсказы о разбойникѣ Разсказовѣ, съ самыми разнообразными варіаціями: бурлаки любятъ эту темную, полумиѳическую личность за тѣ хитрости, какими обходилъ Разсказовъ своихъ враговъ. Главное, Разсказовъ никогда не трогалъ своего брата мужика, а только купцовъ и богатыхъ служащихъ. Притомъ онъ не проливалъ человѣческой крови, что̀ ставилось всѣми разсказчиками разбойнику въ особенную заслугу. У этого Разсказова на Чусовой былъ устроенъ въ пещерѣ разбойничій притонъ, гдѣ онъ хоронилъ награбленныя сокровища. Мужицкая фантазія, какъ и фантазія привилегированныхъ человѣковъ, здѣсь къ маленькимъ былямъ, очевидно, щедрой рукой подсыпала большія небылицы.

Свой разсказъ мастеровой закончилъ глухимъ чахоточнымъ кашлемъ.

— Нездоровится?—спрашивалъ будущій дьяконъ.

— Какое ужъ тутъ здоровье... Мы на катальной машинѣ робили, у огня. Въ поту бьешься, какъ въ банѣ. Рубаха отъ поту стоитъ коробомъ. Ну, прохватило гдѣ-то сквознякомъ, теперь и чахну: сна нѣтъ, ѣды нѣтъ.

— А семья у тебя есть?

— Какъ же... Ребятенокъ трое, жена. Старика тоже воспитываю... У насъ на заводѣ рано въ старики записываются, сорокъ лѣтъ — и старикъ. Мой-то старикъ робилъ на сортовой катальной, гдѣ проволоку телеграфную тянутъ, а тутъ къ тридцати годамъ безъ ногъ нашъ братъ. Работа вся бѣгомъ идетъ... Въ семьѣ-то насъ два работника, а вмѣсто работниковъ выходятъ два ѣдока. Въ допрежнія времена всѣмъ калѣкамъ и неспособнымъ къ тяжелой работѣ было мѣсто: кого куда разсуютъ, а нонѣ другіе порядки: извелся на работѣ—и ступай, куды глаза глядятъ. Машины вездѣ пошли, гонятъ народъ...

— Это въ родѣ какъ у насъ тоже,—вставилъ свое слово будущій дьяконъ.—У насъ хоть и нѣтъ машинъ, а тоже гонятъ изо всѣхъ мѣстъ. Меня изъ духовнаго училища выгнали за то, что табаку покурилъ... Прежде лучше было: налупятъ бокъ, а не выгонятъ.

— Лучше было, что̀ говорить!—повторялъ мастеровой, хватаясь рукой за грудь.—Знамо, что лучше... Какъ ужъ и жить будемъ! Тоже не отъ сладкаго, поди, житья съ нами, мужиками, у поноснаго обѣдню служишь?

Псаломщикъ только встряхнулъ гривой и посмотрѣлъ на свои медвѣжьи лапы.

— А я къ дождю-то больно разнемогся вечоръ,—прибавилъ мастеровой, запахивая вытертый суконный халатъ около шеи.— Вишь какъ частитъ!.. Другіе въ мокрѣ стоятъ—ничего, только паръ отъ живого человѣка идетъ, а меня цыганскій потъ пробираетъ.

Къ огню подошла пара. Это былъ Савоська. Онъ шелъ, закрывъ широкимъ чекменемъ востроглазую заводскую бабенку, которая работала у насъ на передней палубѣ. Увидѣвъ меня, онъ немного смутился, а потомъ проговорилъ:

— Вотъ мѣста сухонькаго ищемъ... Зарядилъ, видно, нашъ дождичекъ, такъ и сыплется, какъ скрозь рѣшето.

— Рано завтра отвалитъ караванъ?

— А кто его знаетъ? Какъ Осипъ Иванычъ.

Подруга Савоськи засмѣялась, показывая бѣлые зубы.

— На два вершка воды прибыло въ Чусовой,—замѣтилъ Савоська, подсаживаясь къ огоньку.—Ужо, что̀ утро скажетъ...

На баркѣ сидѣлъ одинъ Порша, ходившій по палубѣ, какъ часовой. Осипа Ивановича не было; онъ ночевалъ гдѣ-то на берегу. Рѣка глухо и зловѣще шумѣла около бортовъ, въ ночной темнотѣ нельзя было разсмотрѣть противоположнаго берега.

Ночь я провелъ самую тревожную и просыпался нѣсколько разъ. Казалось, что около барки живымъ клубомъ шипѣла и шевелилась масса змѣй. Когда я проснулся, наша барка подплывала уже къ Кыновской пристани. Въ окошечко каюты, сквозь мутную сѣтку дождя, едва можно было разсмотрѣть неясныя очертанія гористаго берега. Кыновскій заводъ засѣлъ въ глубокой каменистой лощинѣ, на лѣвомъ берегу, гдѣ Чусовая дѣлаетъ крутой поворотъ. „Кыну“ по-пермяцки значитъ холодный, и, дѣйствительно, въ среднемъ Уралѣ немного найдется такихъ уголковъ, которые могли бы соперничать съ Кыномъ относительно дикости и угрюмаго вида окрестностей. Какъ-то всѣмъ существомъ чувствуешь, что здѣсь глухой, безпріютный сѣверъ, гдѣ все точно придавлено. Караванъ кыновской успѣлъ уже отвалить до насъ; на берегу едва можно было разсмотрѣть ряды заводскихъ домиковъ, совсѣмъ почернѣвшихъ отъ дождя.

— На полъ-аршина вода прибыла за ночь,—какъ-то таинственно сообщилъ мнѣ Савоська, когда барка прошла Камасинскій переборъ.

— Опасно?

— Середка на половинѣ... А та бѣда, что дождикъ-то не унимается. Рѣчонки больно подпираютъ Чусовую съ боковъ: такъ разыгрались, что на поди! А чѣмъ дальше плыть, тѣмъ воды больше будетъ.

— А гдѣ Осипъ Иванычъ?

Савоська только махнулъ рукой, движеніемъ головы показавъ на барку Пашки, которая теперь казалась мутнымъ пятномъ.

Бурлаки стояли на палубахъ тихо; лица вытянулись, пропитанныя водой лохмотья глядѣли еще жалче. Богатырь-Гришка стоялъ подъ своей „губой“ въ одной нестрядевой рубахѣ, которая облѣпила его тѣло мокрой тряпицей; Маришка посинѣла и едва волочилась за ходившимъ поноснымъ. Бубновъ нарядился въ какую-то женскую кацавейку и, чтобы согрѣться, работалъ за десятерыхъ. На задней палубѣ тоже не было веселыхъ лицъ, за исключеніемъ неугомонной востроглазой Даренки, которая, кажется, очень хорошо познакомилась съ Кравченкой и задорно хихикала каждый разъ, когда тотъ отпускалъ каламбуры. Большинство лицъ было серьезно, съ тѣмъ апатично-покорнымъ выраженіемъ, съ какимъ относятся къ каждому неизбѣжному злу: если некуда дѣваться, такъ, значитъ, нужно робить и подъ весеннимъ дождемъ. Желая согрѣть бурлаковъ, Савоська дѣлалъ совсѣмъ ненужные удары поносными направо и налѣво, но подгубщики сразу видѣли эту политику насквозь, и работа шла вяло, черезъ пень-колоду.

— Три аршина три четверти!—крикнулъ Порша, мѣряя воду наметкой.

Савоська промолчалъ, а только потуже подпоясался и глубже нахлобучилъ на голову свою шляпу, точно приготовляясь вступить въ рукопашную съ невидимымъ врагомъ.

Прибывавшая вода скоро дала себя почувствовать. Барка плохо слушалась поносныхъ и неслась впередъ съ увеличивавшейся скоростью. На бойкихъ мѣстахъ она вздрагивала, какъ живая.

— Носъ налѣво! Постарайтесь, родимые!—кричалъ Савоська, стараясь вглядѣться въ мутную даль. — Голубчики, поддержи корму! Сильно-гораздо поддержи!..

Порша показывался на палубѣ только для того, чтобы сердито плюнуть

и обругать неизвѣстно кого. Въ одномъ мѣстѣ наша барка правымъ бортомъ сильно черкнула по камню; нѣсколько досокъ были сорваны, какъ соломинки.

— Барка убившая...—послышался шопотъ.

Впереди подъ бойцомъ можно было разсмотрѣть только темную массу, которая медленно поднималась изъ воды. Это и была убившая барка. Двѣ косныхъ лодки съ бурлаками причаливали къ берегу; въ водѣ мелькало нѣсколько черныхъ точекъ—это были утопающіе, которыхъ стремительнымъ теченіемъ неудержимо несло внизъ.

— Наша каменская барка... Гордей плылъ,—проговорилъ Савоська, всматриваясь въ тонувшую барку.—Сила не взяла...

„Убившая“ барка своимъ разбитымъ бокомъ глубже и глубже садилась въ воду, чугунъ съ грохотомъ сыпался въ воду, поворачивая барку на ребро. Палубы и конь были сорваны и плыли отдѣльно по рѣкѣ. Двѣ человѣческія фигуры, обезумѣвъ отъ страха, цѣплялись по цѣлому борту. Чтобы пройти мимо убитой барки, которая загораживала намъ дорогу, нужно было употребить всѣ наличныя силы. Наступила торжественная минута.

— Ударь носъ направо, молодцы!!! Сильно-гораздо ударь!!!—по своимъ голосомъ крикнулъ Савоська, когда наша барка понеслась прямо на убитую.

Трудно описать то ощущеніе, какое переживаешь каждый разъ въ боевыхъ мѣстахъ: это не страхъ, а какое-то животное чувство придавленности. Думаешь только о собственномъ спасеніи и забываешь о другихъ. Разбитая барка промелькнула мимо насъ, какъ тѣнь. Я едва разсмотрѣлъ блѣдное, какъ полотно, женское лицо и снимавшаго лапти бурлака.

— Какъ же они остались тамъ?—спрашивалъ я Савоську, оглядываясь назадъ.

— Ничего, косные снимутъ. Намъ вонъ тѣхъ надо переловить...

Въ косную, которая была при нашей баркѣ, бросились четверо бурлаковъ. Исачка точно самъ собой очутился на кормѣ, и лодка быстро полетѣла впередъ къ нырявшимъ въ водѣ чернымъ точкамъ. На берегу собрался народъ съ убитой барки.

Около Кына и дальше Чусовая имѣетъ крайне извилистое теченіе, дѣлая петли и колѣна. На этихъ изгибахъ расположены четыре очень опасныхъ бойца. Сначала Кирпичный, на правой сторонѣ. Это громадная скала, точно выложенная изъ кирпича. Затѣмъ, на лѣвомъ берегу, въ недалекомъ разстояніи отъ Кирпичнаго нависла надъ самой рѣкой громадная скала Печка. Свое названіе этотъ боецъ получилъ отъ глубокой пещеры, которая черной пастью глядитъ на рѣку у самой воды; бурлаки нашли, что эта пещера походитъ на цѣлю печки, и окрестили боецъ Печкой. Самъ по себѣ боецъ Печка представляетъ серьезныя опасности для плывущихъ мимо барокъ, но эти опасности усложняются еще тѣмъ, что сейчасъ за Печкой стоитъ другой, еще болѣе страшный боецъ, Высокій-Камень. Если сплавщикъ побоится Печки и пройдетъ подальше отъ каменнаго выступа, какимъ онъ упирается въ рѣку, барка неминуемо попадетъ на Высокій, потому что онъ стоитъ на противоположномъ берегу, въ крутомъ привалѣ, куда сноситъ барку рѣчной струей. Чусовая подъ этими бойцами дѣлаетъ извилину въ формѣ латинской буквы S; въ первомъ изгибѣ этой буквы стоитъ Печка, во второмъ Высокій-Камень. Самъ по себѣ Высокій-Камень одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ чусовскихъ бойцовъ. Достаточно представить себѣ скалу въ 50 саженъ высоты, которая съ большими перерывами тянется на протяженіи цѣлыхъ десяти верстъ... У этихъ двухъ бойцовъ въ высокую воду бьется много барокъ. Высокій-Камень отдѣ-

лятъ отъ себя еще новый боецъ, Мултыкъ, который считается очень опаснымъ. Бойцы поменьше, какъ Вострякъ, въ пяти верстахъ отъ Кына, и Сосунъ въ четырнадцати—въ счетъ нейдутъ.

Въ двадцати верстахъ отъ Кына стоитъ казенная пристань Осляпка; съ нея отправляется казенное желѣзо, вырабатываемое на заводахъ Гороблагодатскаго округа. Около Осляпки какимъ-то чудомъ сохранились двѣ вогульскія деревушки, Бабенки и Кончикъ. Обитатели этихъ чусовскихъ деревушекъ для этнографа представляютъ глубокій интересъ, какъ послѣдніе представители вымирающаго племени. Когда-то вогулы были настолько сильны, что могли воевать даже съ царскими воеводами и Ермакомъ, а теперь это жалкое племя разсѣяно по Уралу отдѣльными кустами и чахнетъ по мѣстнымъ дебрямъ и трущобамъ въ вопіющей нуждѣ. Сохранили же чусовскіе известняки разныхъ Amplexus multiplex, Fenestella Veneris, Chonetes sarcinulata и т. д., а отъ вогулъ останется только смутное воспоминаніе.

Въ тридцати четырехъ верстахъ отъ Кына стоитъ камень Ермакъ. Это отвѣсная скала въ 25 саженъ высоты и въ 30 ширины. Въ десяти саженяхъ отъ воды чернѣетъ отверстіе большой пещеры, какъ амбразура бастіона. Попасть въ эту пещеру можно только сверху, спустившись по веревкѣ. По разсказамъ, эта пещера раздѣляется на множество отдѣльныхъ гротовъ, а по преданію, въ ней зимовалъ со своей дружиной Ермакъ. Послѣднее совсѣмъ невѣроятно, потому что Ермаку не было никакого расчета проводить зиму здѣсь, да еще въ центрѣ, когда до Чусовскихъ Городковъ отъ Ермака-камня всего наберется какихъ-нибудь полтораста верстъ. Въ настоящее время Ермакъ-камень имѣетъ интересъ только въ акустическомъ отношеніи; резонансъ здѣсь получается замѣчательный, и скала отражаетъ каждый звукъ нѣсколько разъ. Бурлаки каждый разъ, проплывая мимо Ермака, непремѣнно крикнутъ: „Ермакъ, Ермакъ!..“. Громкое эхо повторяетъ слово, и бурлаки глубоко убѣждены, что это отвѣчаетъ самъ Ермакъ, который вообще былъ порядочный колдунъ и волхитъ, т.-е. волхвъ. Даже Савоська вѣрилъ въ чудеса Ермака.

— Пять!..—кричалъ Порша, прикидывая своей наметкой. — Охъ, подымаетъ вода!..

— Придется сдѣлать хватку,—говорилъ Савоська.—Вечоръ Осипъ Иванычъ наказывалъ, ежели вода станетъ на пять аршинъ, всему каравану хвататься...

— Опасно дальше плыть?

— Опасно-то опасно, да тутъ пониже есть деревушка Кумышъ... Вотъ она гдѣ сидитъ, эта самая деревушка, — прибавилъ Савоська, указывая на свой затылокъ.

— А что?

— Больно работы много за Кумышомъ, да и мѣсто бойкое... Есть тутъ семь верстъ, такъ не приведи истинный Христосъ. Страшенные бойцы стоятъ!..

— Молоковъ?

— Онъ самый, баринъ. Да еще Горчакъ съ Разбойникомъ... Тутъ нашему брату, сплавщику, настоящее горе. Бойцы щелкаютъ наши барочки, какъ бабы орѣхи. По мѣрной водѣ еще ничего, можно пробѣжать, а какъ за пять аршинъ перевалило—тутъ держись только за землю. Какъ въ квашенкѣ мѣситъ... Непремѣнно надо до Кумыша схватиться и обождать малость, пока мѣстъ вода спадетъ хоть на полъ-аршина.

— А если придется долго ждать?

— Ничего не подѣлаешь. Не нашъ одинъ караванъ будетъ стоять... На людяхъ-то, баютъ, и смерть красна.

— Братцы, утопленникъ плыветъ... утопленникъ! — крикнулъ кто-то съ передней палубы.

Въ водѣ мимо насъ быстро мелькнуло мертвое тѣло утонувшаго бурлака. Одна нога была въ лаптѣ, другая босая.

— Успѣлъ снять одинъ-то лапоть, сердяга, а другой не успѣлъ,—замѣтилъ Савоська, оглядываясь назадъ, гдѣ колыхалась въ волнахъ темная масса.—Эхъ, житье-житье! Дай, Господи, царство небесное упокойничку! Это изъ-подъ Мултыка плыветъ, тамъ была убившая барка.

Бурлаки пріуныли. Картина плывшаго мимо утопленника заставила задуматься всѣхъ. Особенно пріуныли крестьяне. Старый Силантій нѣсколько разъ принимался откладывать широкіе кресты.

— Нѣтъ, придется схватиться,—рѣшилъ Савоська, поглядывая на сѣрое небо. — Порша! Приготовь снасть!.. Вонъ Лупанъ тоже налаживается хвататься.

Бурлаки обрадовались возможности обсушиться на берегу и перехватить горяченькаго. Ждали лодки, на которой Бубновъ отправился спасать тонувшихъ бурлаковъ. Скоро она показалась изъ-за мыса и быстро насъ догнала.

— Двоихъ выдернули,—объявилъ Бубновъ, когда лодка причаливала къ баркѣ.—Одного я схватилъ прямо за волосья, а онъ еще карячится, отбивается... Осатанѣлъ, какъ заглонулъ водицы-то!

XIV.

Вторая хватка для насъ не была такъ удачна, какъ первая. Панка схватился на довольно бойкомъ перекатѣ, но съ нашей барки не успѣли вовремя подать ему снасть. Пришлось самимъ дѣлать хватку прямо на берегу. Снасть, закрѣпленная за молоденькую ель, вырвала дерево съ корнемъ, и барку потащило вдоль берега, прямо на другія барки, которыя успѣли схватиться за небольшимъ мыскомъ. Волочившаяся по берегу снасть, вмѣстѣ съ вырванной елью, служила тормозомъ и мѣшала правильно работать. Произошла страшная суматоха; каждую минуту снасть могла порваться и разомъ изувѣчить нѣсколько человѣкъ. Бѣдный Порша метался по палубѣ съ концомъ снасти, какъ нѣтухъ съ отрубленной головой. Нужно было, во что бы то ни стало, собрать снасть въ лодку и устроить новую хватку по всѣмъ правиламъ искусства.

— Руби снасть!—скомандовалъ Савоська Бубнову.

Повторять приказанія было не нужно. Бубновъ на бѣгу обрубилъ канатъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ мертвой петлей былъ закрѣпленъ за вырванное дерево. Освобожденный отъ тормоза канатъ былъ собранъ въ лодку, наскоро была устроена новая петля и благополучно закрѣплена за матерую ель. Сила движенія была такъ велика, что огниво, несмотря на обливанье водой, загорѣлось огнемъ.

— Крѣпи снасть намертво!—скомандовалъ Савоська.

Канатъ въ послѣдній разъ тяжело шлепнулся въ воду, потомъ натянулся, и барка остановилась. Бѣжавшій сзади Лупанъ схватился за нашу барку. По правиламъ чусовского сплава, каждая барка обязана принять снасть на свое огниво со всякой другой барки, даже съ чужого каравана. Это нѣчто въ родѣ международнаго рѣчного права.

— Отчего ты не выпустилъ каната совсѣмъ?—спрашивалъ я Поршу.— Тогда косные собрали бы его въ лодку и привезли въ барку цѣлымъ, не обрубая конца...

— А какъ бы я сталъ мокрую-то снасть на огниво накатывать? Что ты, баринъ, Христосъ съ тобой! Первое—мокрая снасть стоитъ коробомъ, не наматывается правильно, а второе—она отъ воды скользкая сдѣлается, свертывается съ огнива... Мнѣ вонъ какъ руки-то обожгло, погляди-ка!

Порша показалъ свои руки, на которыхъ, дѣйствительно, красными подушками всплыли пузыри.

Было всего часовъ двѣнадцать дня. Самое время, чтобы плыть да плыть, а тутъ стой у берега. Дѣлалось обидно за напрасно уходившую воду и даромъ потраченное время на стоянку.

— Пять аршинъ съ вершкомъ выше межени,—проговорилъ Порша, прикидывая свою наметку въ воду.

А дождь продолжалъ итти съ нѣмецкой послѣдовательностью, точно онъ невѣсть какое жалованье получалъ за свою работу. На бурлакахъ не было нитки сухой.

— Надо первымъ дѣломъ разыскать, гдѣ здѣсь кабакъ,—разрѣшилъ всѣ недоумѣнія Бубновъ.—Простоимъ долго...

— Типунъ тебѣ на языкъ, Исачка!

— Не отъ меня будете стоять, милые, а отъ воды. Говорю: первымъ дѣломъ кабакъ отыскать...

— Какой тебѣ въ лѣсу кабакъ, отпѣтая душа?

— Долженъ быть безпремѣнно... На Чусовой да водки не найти — дудки!.. Хлѣба не найдешь, а водку завсегда. Тутъ есть пониже маленько одна деревнюшка...

— Всего двѣнадцать верстъ, — замѣтилъ Савоська: — и на твою бѣду, какъ разъ ни одного кабака. Народъ самый непьющій живетъ, двоеданы *).

— Для милаго дружка семь верстъ не околица, Савостьянъ Максимычъ. А съ двоеданами я этой водки перепилъ и не знаю сколько: сначала изъ отдѣльныхъ рюмокъ пьютъ, а потомъ—того, какъ подопьютъ—изъ одной закатываютъ, какъ и мы грѣшные. Куда насъ дѣть-то: грѣшны да божьи.

— У меня не разбродиться по берегу,—говорилъ Савоська почти каждому бурлаку, пока Порша производилъ неизбѣжную щупку. — А то штрафъ... На носу это себѣ зарубите. Слышали?

— А какъ насчетъ харчу?

— Пока доѣдайте, у кого что припасено, а тамъ косные привезутъ всякаго провіанту.

— Ну, ужъ это тоже на водѣ вилами писано,—ворчалъ Бубновъ.

Въ общихъ чертахъ повторилась та же самая картина, что и вчера: тѣ же огни на берегу, тѣ же кучки бурлаковъ около нихъ, только недоставало вчерашняго оживленія. Первой заботой каждаго было обсушиться, что подъ открытымъ небомъ было не совсѣмъ удобно. Нѣкоторые бурлаки, кромѣ штановъ и рубахи, ничего не имѣли на себѣ и производили обсушиваніе платья довольно оригинальнымъ образомъ: сначала снимались штаны и высушивались на огнѣ, потомъ той же участи подвергалась рубаха.

— У святыхъ угодниковъ еще меньше нашего одежи было, да не хуже нашего жили,—утѣшалъ всѣхъ Бубновъ, оставшись въ одной рубахѣ.

Мѣсто хватки было самое негостепріимное: крутой уторъ, съ рѣдкимъ лѣсомъ, который даже не могъ защитить отъ дождя. Напротивъ, черезъ рѣку,

---

*) На Уралѣ раскольниковъ иногда называютъ *двоеданами*: это названіе, по всей вѣроятности, обязано своимъ происхожденіемъ тому времени, когда раскольники, согласно указамъ Петра Великаго, должны были платить *двойную подать*. Раскольниковъ также называютъ и *кержаками*, какъ выходцевъ съ рѣки Керженца.

поднималась совсѣмъ голая камешистая гряда, гдѣ курицѣ негдѣ было спрятаться. Пришлось устраивать шалаши изъ хвои, но на всѣхъ не прихватывало инструменту, а къ Поршѣ и приступиться было нельзя. Кое-какъ бабы упросили его пустить ихъ обсушиться подъ палубы.

— Пусти ихъ, въ самомъ-то дѣлѣ, Порша,—просилъ вмѣстѣ съ другими Савоська.—Не околѣвать же имъ... Тоже живая душа, хоть баба.

— А у меня курятникъ, что ли, барка-то?—ругался Порша.

— Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ по яичку снесутъ, какъ обсушатся,—острилъ кто-то.

— Ахъ, будьте вы всѣ прокляты!! Савостьянъ Максимычъ, я тебѣ больше не слуга!.. Только Осипъ Иванычъ пріѣдетъ, сейчасъ металлъ буду сдавать. Вотъ те истинный Христосъ!!

— Перестань божиться-то, Порша. Не ровенъ часъ—подавишься!

Дождь продолжалъ итти; вода шла все на прибыль. Мимо насъ пронесло барку безъ переднихъ поносныхъ; на ней оборвалась снасть во время хватки. Гибель была неизбѣжна. Бурлаки, какъ стадо барановъ, скучились на задней палубѣ; водоливъ безъ шапки бѣгалъ по коню и отчаянно махалъ руками. Нѣсколько десятковъ голосовъ кричали разомъ, такъ что трудно было что-нибудь разобрать.

— Лодку у нихъ унесло водой,—догадался Савоська.—Эй, братцы, кто побойчѣе—въ лодку, да захватите запасную снасть.

Порша не давалъ-было снасти, но его кое-какъ уговорили. Лодка съ Бубновымъ на кормѣ понеслась догонять уплывавшую барку

— Постарайтесь, братцы!—кричалъ Савоська вслѣдъ.—Тутъ верстахъ въ пяти есть изворотъ; кабы не убилась барка-то...

— Успѣемъ!—отозвался Бубновъ, не поворачивая головы.

— Молодцовато плывутъ!—полюбовался Савоська, слѣдя глазами за удалявшейся лодкой.—Все наши камешки... Ужъ на водѣ лучше ихъ нѣтъ, а на берегу не приведи истинный Христосъ.

Въ казенкѣ опять появился мѣдный чайникъ и чашки безъ блюдечекъ. Пришелъ Лупанъ.

— Больно неладно, Савостьянъ Максимычъ,—проговорилъ старикъ, усаживаясь на лавочку.

— На что хуже, дѣдушка Лупанъ.

Лупанъ придерживался старинки, хотя и якшался съ православными. Онъ даже не пилъ чаю, который называлъ антихристовой травой.

— Ты не гляди, что она трава, вашъ этотъ самый чай,—разсуждалъ старикъ.—А отчего нонѣ все на вонтаранты пошло? Вотъ отъ этой самой травы! Мужики съ кругу спились, бабы балуются... Въ допрежнія времена и званія не было этого самаго чаю, а народу было куды вольготнѣе. Это ужъ вѣрно.

— А какъ же, дѣдушка, по деревнямъ люди Божіи маются еще хуже нашего?—спрашивалъ Порша, любившій пополоскать свою гребушину кипяченой водой.—Тамъ чай еще не объявился и самоваровъ не видывали...

— Тамъ своя причина! земляной горохъ *) стали ѣсть—ну, и бѣдуютъ. Всему есть причина... Врагъ-то силенъ!

Въ душѣ Лупана жило непоколебимое убѣжденіе, что всѣ злобы нашего времени происходятъ отъ табаку, картофеля и чаю. На первый разъ такое оригинальное міросозерцаніе кажется смѣшнымъ, но стоитъ внимательнѣе

*) Раскольники называютъ картофель земляным горохомъ.

вглядѣться въ то, что табакъ, картофель и чай служили для Лупана только символами вторгнувшихся въ жизнь простого русскаго человѣка, иноземныхъ началъ Впрочемъ, можетъ-быть, Лупанъ смотрѣлъ на дѣло гораздо проще, безъ всякой символики. Въ мужицкой головѣ еще сохранились воспоминанія о тѣхъ картофельныхъ бунтахъ, какіе разыгрывались на Уралѣ во времена не столь отдаленныя. Табакъ и чай завоевали права гражданства на Руси болѣе мирнымъ путемъ и своей антихристовой силой постепенно побѣждаютъ даже завзятыхъ раскольниковъ.

— А вотъ, что мы будемъ дѣлать, дѣдушка, какъ дождь съ недѣлю пройдетъ?—спрашивалъ Савоська.—Вода не страшна, да народъ-то взбѣленится... Наши пристанскіе да мастерки-то останутся,—только дай имъ поденную плату,—а вотъ крестьянишки—тѣ безпремѣнно разбѣгутся.

— Уйдутъ,—соглашался Лупанъ.—Сегодня двадцать восьмое число, говорятъ, а тамъ Еремой-запрягальникъ на носу... уйдутъ!

— Какъ же мы останемся безъ бурлаковъ?—спрашивалъ я.

— Да ужъ; видно, такъ, какъ Богъ велитъ. Заводы придется запереть, чтобы народъ согнать на караванъ. Не иначе...

Эти ожиданія оправдались въ тотъ же день вечеромъ, когда къ берегу привалила косная Осипа Иваныча. „Шиканшики“ собрались въ одну кучу и глухо зашумѣли, какъ волны прилива.

— А... бунтъ!—зарычалъ Осипъ Иванычъ, мѣряя глазами собравшуюся толпу.—Ахъ, мошенники, протобестіи!

— Бялеты, Осипъ Иванычъ... Намъ ждать не доводится!—послышались нерѣшительные голоса въ толпѣ.

— Что-о?.. Какъ?..—взметнулся Осипъ Иванычъ, отыскивая коноводовъ.—Почему... а?! Кто это говоритъ, выходи впередъ!

Такихъ дураковъ не нашлось, и Осипъ Иванычъ побѣдоносно отступилъ, пообѣщавъ отдуть лычагами каждаго, кто будетъ бунтовать. Крестьянская толпа упорно молчала. Слышно было, какъ ноги въ лаптяхъ топтались на мѣстѣ: корявыя руки сами лѣзли въ затылокъ, гдѣ засѣла, какъ у крыловскаго журавля, одна неотступная мужицкая думушка. Гроза еще только собиралась.

— Уйдутъ, варнаки, всѣ до послѣдняго человѣка уйдутъ!—ругался въ каютѣ Осипъ Иванычъ.—Бѣда!.. Барка убилась. Шесть человѣкъ утонуло... Караванъ застрялъ въ горахъ! Отлично... Очень хорошо!.. А тутъ еще бунтари... Эхъ, нѣтъ здѣсь Палъ Петровича съ казачками! Мы бы эту мужландію такъ отпарировали—все позабыли бы: и Егорія и Еремея, и какъ самого-то зовутъ. Знаютъ, варнаки, когда кочевряжиться... Ну, да не на того напали. Шалишь!.. Я всѣхъ въ три дуги согну... Я... у меня, братъ... Вы съ чѣмъ: съ коньякомъ или ромомъ?..

— Какъ же мы дальше поплывемъ, Осипъ Иванычъ, если народъ разбѣжится?—спрашивалъ я.

— Какъ? Э, все вздоръ и пустяки: нагонятъ народъ съ заводовъ.

— Да вѣдь долго будемъ ждать. Вода успѣетъ уйти за это время...

— И пусть уходитъ, чортъ съ ней! Второй валъ выпустятъ изъ Ревды. Не одинъ нашъ караванъ омелѣетъ, а на людяхъ и смерть красна. Да, я не успѣлъ вамъ сказать: объ нашу убитую барку другая убилась... Понимаете, какъ на Пасхѣ яйцами ребятишки бьются: чикъ и готово!.. А я развѣ Богъ? Ну, скажите, ради Бога, что я могу подѣлать?..

Власть положительно вскружила голову Осипу Иванычу, и личное мѣстоименіе „я“ сдѣлалось исходнымъ пунктомъ его помѣшательства. Какъ всѣ

„административныя“ головы, онъ въ каждомъ дѣлѣ прежде всего видѣлъ свое „я“, а потомъ ужъ другихъ.

Бубновъ вернулся на косной только къ вечеру. Лица гребцовъ были красныя, языки заплетались.

— Гдѣ вы, черти, пропадали?—накинулся на нихъ Порша.

— На хваткѣ были...

— А шары-то гдѣ налили?

— Говорятъ, на хваткѣ...

— Да ты не вертись, какъ береста на огнѣ, а сказывай прямо: въ деревню успѣли съѣздить?.. Ну?..

Бубновъ посмотрѣлъ на Поршу, покрутилъ головой и проговорилъ:

— Насчетъ харча, Порша... Вотъ те истинный Христосъ!..

— Оно и видно, за какимъ вы харчомъ ѣздили: лыка не вяжете.

— А ты благодари Бога, что снасть тебѣ въ цѣлости-сохранности привезли... Вотъ мы какіе есть люди: кругомъ шестнадцать... То-то!.. А барку мы нымали... намъ по стаканчику поднесли. Въ четырехъ верстахъ отседова нымали. Мнѣ снастью руку чуть-чуть не отрѣзало.

— Надо бы обѣ вмѣстѣ отрѣзать: не сталъ бы воровать...

— Порша, мотри!

— Я и то гляжу.

Оказалось, что Бубновъ съ компаніей дѣйствительно привезли и харчу, т.-е. нѣсколько ковригъ хлѣба. Между прочимъ, бурлаки захватили цѣлаго барана, котораго украли и спрятали подъ днемъ лодки. Эта отчаянная штука была въ духѣ Исачки, обладавшаго неистощимой изобрѣтательностью.

— Шкурку промѣнялъ на водку, а тутъ и закуска,—отшучивался Исачка.— Только бы Осипъ Иванычъ не узналъ... А ежели увидитъ, скажу, что купилъ, когда хозяина дома не было.

Другимъ бурлакамъ оставалось только удивляться и облизываться, когда Исачка принялся жарить свою добычу. На его счастіе, Осипъ Иванычъ спалъ мертвымъ сномъ въ казенкѣ.

Всю ночь около огней, гдѣ собрались крестьянскія „артелки“, шли разговоры о томъ, какъ быть со сплавомъ, которому не предвидѣлось и конца. Съ одной стороны, кондрактъ, пачпорты въ рукахъ Осипа Иваныча, порка въ волостномъ правленіи, а съ другой — до Еремея оставалось всего „два дни“. „Выворотиться“—было общей мыслью, о которой старались не говорить и которая тѣмъ настойчивѣе лѣзла въ голову. Другой не менѣе важной общей мыслью была забота о „пропиталѣ“, въ частности — о харчахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не еловую же кору глодать, сидя на пустомъ берегу.

— Вамъ поденныя будутъ платить,—говорилъ я старику Силантію, у котораго теперь не было даже заплѣсневѣлыхъ сухарей.

— По кондракту, баринъ, обязаны поденныя платить, а намъ это не рука... Куды мы съ ихними поденными.

— Осипъ Иванычъ обѣщалъ по полтинѣ каждому въ сутки.

— И рупь дастъ, да намъ ихній рупь не къ числу. Пусть ужъ своимъ заводскимъ да пристанскимъ рубли-то платятъ, а намъ домашняя работа дороже всего. Охъ, чтобы пусто было этому ихнему сплаву!.. Одна битва нашему брату, а тутъ еще Господь погодье вонъ какое послалъ... безъ числа согрѣшили! Такой ужъ незадачливый сплавъ нонѣ выдался: на Каменкѣ нашъ Кирила померъ... Слышалъ, можетъ?

— Слышалъ.

— Такъ безъ погребенія и покинули. Попъ-то къ отвалу только при-

ѣхалъ... Ну, добрые люди похоронятъ. А вотъ Степушки жаль... Помнишь, парень, который въ огневицѣ лежалъ. Не успѣлъ оклематься *) къ отвалу... Плачетъ, когда провожалъ. Что будешь дѣлать: кому ужъ какой предѣлъ на роду написанъ, тотъ и будетъ. Отъ предѣлу не уйдешь!.. Вонъ шестерыхъ, сказываютъ, вытащили утопленниковъ... Ох-хо-хо!.. Царствіе имъ небесное! Не за гѣмъ, поди, шли, чтобы головушку загубить...

— А ваша артель не выворотится, Силантій?

— Ничего не знаю, баринъ, ничего... Не работа, а одинъ грѣхъ! Больно галдитъ наши-то хрестьяны. Такъ и рвутся по домамъ. Вотъ не знаемъ, сколь времени рѣка не пуститъ дальше...

— Этого никто не знаетъ.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда.

На другой день, когда я проснулся, Осипъ Иванычъ въ безсильной ярости неистовствовалъ на баркѣ. Около него собрались кучки бурлаковъ.

— Вѣдь убѣжали!—встрѣтилъ онъ меня.

— Кто убѣжалъ?

— Да мужландія... Цѣлая артель убѣжала. Помните этого бунтовщика... ну, старичонка, бородка клинышкомъ: онъ всю артель за собой увелъ. Жалѣю, что не отпоролъ этого мерзавца еще на Каменкѣ. Ну, да наше не уйдетъ... Я еще доберусь до него... я... я...

— Какой бунтовщикъ? Я что-то не припомню?

— Ахъ, Господи... Ну, какъ его тамъ звали, Савоська?

— Силантіемъ, Осипъ Иванычъ. У носового поноснаго робилъ съ артелью.

— Подлецы, подлецы, подлецы!

„Мужландія“ не вытерпѣла наконецъ и „выворотилась“.

— Шесть аршинъ надъ меженью! —крикнулъ Порша, мѣряя воду.

— Не можетъ быть? Ты не умѣешь мѣрять...—усомнился Осипъ Иванычъ, выхватывая наметку изъ рукъ Порши.

— Какъ вамъ будетъ угодно, Осипъ Иванычъ...—обидѣлся водоливъ.— Ужъ если я не умѣю воду мѣрять, такъ послѣ этого... Позвольте расчетъ, Осипъ Иванычъ!

— Убирайся ты къ чорту, дуракъ! Не до тебя! Ахъ, чортъ возьми, дѣйствительно шесть аршинъ надъ меженью!.. Вѣдь это цѣлыхъ двѣ сажени... Наводокъ въ двѣ сажени!..

— Сегодня ночью двѣ барки пронесло мимо, Осипъ Иванычъ,—докладывалъ Савоська.—Должно полагать, съ ухвата сорвало или спасть лопнула... Такъ и тарабанитъ по Чусовой, какъ дохлыхъ коровъ.

А дождь продолжалъ свою работу, не останавливаясь ни на минуту.

XV.

Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ дней Чусовая превратилась въ бѣшенаго звѣря. Это былъ двигающійся потопъ, ломавшій и уносившій все на своемъ пути. Высота воды достигла шести съ половиной аршинъ, а вмѣстѣ съ каждымъ вершкомъ прибывавшей воды увеличивалась и скорость ея движенія. При низкой водѣ валъ идетъ по рѣкѣ со скоростью пяти съ половиной верстъ въ часъ, а теперь онъ мчался со скоростью восьми верстъ; барка по низкой водѣ дѣлаетъ въ часъ среднимъ числомъ верстъ одиннадцать, а по

*) Оклематься—поправиться.

высокой — пятнадцать и даже двадцать. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ условія сплава совершенно измѣняются: тамъ, гдѣ достаточно было 40 человѣкъ, теперь нужно становить на барку цѣлыхъ 60, да и то нельзя поручиться, что всѣ не одолѣетъ подъ первымъ же бойцомъ.

Сила напора водяной струи была такъ велика, что нашу барку привязали къ ухвату еще вторымъ канатомъ. Кругомъ все попрежнему было сѣро. Берегъ превратился въ стоянку какихъ-то дикарей. Бурлаки не походили на самихъ себя: спали въ мокрѣ и грязи, почернѣли отъ дыма, отощали. Оказалось нѣсколько больныхъ, которые лежали подъ прикрытіемъ своихъ шалашиковъ. О медицинской помощи нечего было и думать, когда не было хлѣба и харчей. Вся надежда оставалась на то, какъ и при лѣченіи дорогихъ патентованныхъ врачей, что, авось, человѣкъ „самъ отлежится“. До ближайшей деревни было верстъ двѣнадцать, но попадать туда было крайне замысловато: горой, т.-е. по берегу, нельзя было пройти—не пускали разбушевавшіяся горныя рѣчки; по Чусовой, конечно, было можно попасть, но тяжело было возвращаться назадъ, противъ теченія. Даже отчаянный Бубновъ, и тотъ отказывался отъ поѣздки въ деревню, хотя самъ второй день сидѣлъ впроголодь. Осипъ Иванычъ больше не показывался къ намъ на барку.

— Гдѣ онъ пропадаетъ?—спрашивалъ я у Савоськи.

— У Пашки на баркѣ и днюетъ и ночуетъ... Народъ голодаетъ, а онъ плешничаетъ.

На третій день нашей стоянки „выворотилась“ вторая крестьянская артелька. Это случилось какъ разъ 1-го мая, въ день Еремея-запрягальника. На этотъ разъ побѣгъ пикапниковъ былъ встрѣченъ всѣми равнодушно, какъ самое обыкновенное дѣло. Нервы у всѣхъ притупились, овладѣвала та апатія, которая создается безвыходностью положенія. Оставались пристанскіе бурлаки и „камешки“: этимъ некуда было бѣжать, благо заплатятъ поденщину.

На четвертый день стоянки скрылись башкиры. Они сдѣлали это такъ же незамѣтно, какъ вообще оставались незамѣтными все время сплава.

— Ужъ куда эта нехристь торопится — ума не приложу!—ругался Порша.—Крестьянинъ—готъ къ пашнѣ рвется, а эта погань куда бѣжитъ? Робить не умѣетъ, а туда же бѣжитъ... Чисто какъ лѣсное звѣрье, прости ты меня, Господи!..

Въ казенкѣ, кромѣ меня, помѣщался теперь будущій дьяконъ, а ночевать приходилъ еще чахоточный мастеровой. Время тянулось съ убійственной медленностью, и одинъ день походилъ, какъ двѣ капли воды, на другой. Иногда забредетъ старикъ Лупанъ, посидитъ, погорюетъ и уйдетъ. Савоська тоже ходилъ невеселый. Однимъ словомъ, всѣмъ было не по себѣ, и всѣ были рады поскорѣе вырваться отсюда.

Подъ палубой устроилась цѣлая бабья колонія, которая сейчасъ же натащила сюда всякаго хламу, несмотря ни на какія причитанія Порши. Онъ даже нѣсколько разъ вступалъ съ бабами въ рукопашную, но тѣ подымали такой крикъ, что Поршѣ ничего не оставалось, какъ только ретироваться. Удивительнѣе всего было то, что, когда мужики голодали и зябли на берегу, бабы жили чуть не роскошно. У нихъ всего было вдоволь относительно харчей. Даже забвенная Маришка, и та жевала какую-то позёмину, вѣроятно, свалившуюся къ ней прямо съ неба.

— И откуда у нихъ что̀ берется?—удивлялся Порша.—Вѣдь и на берегъ, почитай, совсѣмъ не выходятъ, а, глядишь, всѣ жуются... Оказія, да и только!..

— Ты на штыки-то смотри, Порша,—совѣтовалъ Савоська.—Бабы онѣ, конечно, бабы, а все-таки и за ними глазъ да глазъ нуженъ...

— Смотрю, Савостьянъ Максимычъ... Кажинный день повѣряю чуть не всю барку. Все ровно въ сохранности, какъ слѣдуетъ тому быть.

Другое обстоятельство, которое очень безпокоило Поршу, заключалось въ томъ, что изъ Бубнова, Кравченки и Гришки составился нѣкоторый таинственный тріумвиратъ. Ихъ постоянно видѣли вмѣстѣ. Будущій дьяконъ увѣрялъ, что нѣсколько разъ слышалъ, какъ они шептались между собой.

— Ужъ навѣрно это Исачка какую-нибудь пакость сочиняетъ,—увѣрялъ Порша.—Недаромъ они шепчутся...

Все дѣло скоро объяснилось.

Однажды, когда Порша предъ разсвѣтомъ дремалъ на палубѣ, что-то булькнуло около барки. Порша бросился на подозрительный звукъ и увидалъ, во-первыхъ, Маришку, которая не успѣла даже спрятаться въ люкъ, во-вторыхъ, доску, которая плыла около барки.

— Ты что тутъ дѣлаешь?—закричалъ Порша, бросаясь ловить доску багромъ.

Маришка ничего не отвѣтила и продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, какъ пень. Когда доска была вытащена изъ воды, оказалось, что снизу къ ней была привязана мѣдная штыка. Очевидно, это была работа Маришки: всѣ улики были противъ нея. Порша поднялъ такой гвалтъ, что народъ сбѣжался съ берегу, какъ на пожаръ.

— Ахъ, ты, поскуда! Ахъ, шельма!—вопіялъ Порша, вытаскивая Маришку за волосы на палубу.—Сказывай, кто тебя паучилъ украсть штыку?

Забитая бабенка, оглушенная всѣмъ случившимся, только вся вздрагивала и испуганно поводила кругомъ остановившимися, безсмысленными глазами. Порша далъ ей нѣсколько увѣсистыхъ затрещинъ, встряхнулъ за шиворотъ и, какъ кошку, бросилъ на палубу.

— Задувай ее, курву, Порша!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Этотъ нервный крикъ, требовавшій возмездія за попранное право, сразу наэлектризовалъ Поршу, и онъ принялся обрабатывать Маришку руками и ногами.

— Ты ее по рылу-то, Порша, по рылу!—поощрялъ какой-то бурлакъ съ барки Лупана, почесывая руки отъ нетерпѣнія.—А потомъ по льну дай раза, сукѣ этакой... Ишь, плеха, не хочетъ на ногахъ стоять!

Маришка, дѣйствительно, отъ каждаго удара Поршн комомъ летѣла съ ногъ, вызывая самый искренній смѣхъ собравшейся публики. Это побоище продолжалось съ четверть часа, пока не явился заспанный Савоська.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спрашивалъ онъ.

— Порша Маришку учитъ,—обязательно объяснялъ кто-то.

— Ахъ вы, дураки... Порша, оставь! Отцѣпись, деревянный чортъ, тебѣ говорятъ!—кричалъ Савоська, стараясь оттащить Поршу отъ Маришки.

— Она штыку украла!—хрипѣлъ Порша, выкатывая налитые кровью глаза.

— Дуракъ!.. Да на что ей штыку? Надо сперва разобрать дѣло, а ты...

— Я... я... она украла штыку...—повторялъ Порша.—Запирается...

— А ежели окажется, что не она украла штыку?

Порша на мгновеніе задумался, потомъ вдругъ бросилъ на палубу свою шапку и запричиталъ:

— Нѣтъ, я тебѣ не слуга, Савостьянъ Максимычъ... Ищи другого водолива!.. Я—шабашъ, только металлъ сдать Осипу Иванычу.

Составилось нѣчто въ родѣ народнаго суда. Савоська сталъ допрашивать Маришку, какъ было дѣло, но она только утирала рукавомъ грязнаго понитка окровавленное, избитое лицо съ крупнымъ синякомъ подъ однимъ глазомъ. и не могла произнести ни одного слова.

— Кто тебя научилъ, говори?—допрашивалъ Савоська.

Молчаніе. Маришка только на мгновеніе подымаетъ свои большіе, когда-то, вѣроятно, красивые глаза и съ изумленіемъ обводитъ ими кругомъ рядъ суровыхъ или улыбающихся лицъ. На одно мгновеніе въ этихъ глазахъ вспыхиваетъ искра сознанія, по изможденному, сморщенному лицу пробѣгаетъ нервная дрожь, и опять Маришка погружается въ свое тупое одеревянѣлое состояніе, точно она застыла.

— Ты ей поддуй раза, Савостьянъ Максимычъ... Заговоритъ, небось.

Голосъ знакомый. Оборачиваюсь: это говоритъ чахоточный мастеровой. Лицо у него злое и совсѣмъ позеленѣло, глаза горятъ лихорадочнымъ возбужденіемъ, Онъ вытягиваетъ впередъ свою тонкую шею и сжимаетъ костлявые кулаки.

— Гришка съ Бубновымъ идутъ!—послышался шопотъ.

— Ну, ступай. чортъ съ тобой!—заканчиваетъ свой судъ Савоська.— Вотъ пріѣдетъ Осипъ Иванычъ, тогда твое дѣло разберемъ...

— Хоть бы лычагами постегать, Савостьянъ Максимычъ!—проситъ чей-то голосъ.—Чтобы впередъ было неповадно...

Бубновъ и Гришка подходили къ баркѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Толпа почтительно разступилась предъ ними, давая дорогу къ тому мѣсту, гдѣ стояла Маришка. Услужливые языки уже успѣли сообщить Гришкѣ о подвигѣ Маришки.

Гришка, не говоря ни слова, такъ ударилъ Маришку своимъ десятипудовымъ кулакомъ, что несчастная бабенка покатилась по землѣ, какъ выброшенный изъ окна щенокъ.

— Наливай ее!—поощрялъ Бубновъ, давая Маришкѣ нѣсколько пинковъ ногой.—Ишь притворилась... Язва! Валяй ее, зачѣмъ воровать не умѣетъ... Подъ другой глазъ наладь ей!

На Маришку посыпался градъ ударовъ. Собравшаяся толпа съ тупымъ безучастіемъ смотрѣла на происходившую сцену, и ни на одномъ лицѣ не промелькнуло даже тѣни состраданія. Нѣчто подобное мнѣ случилось видѣть только одинъ разъ, когда на улицѣ стая собакъ грызла больную, старую собаку, которая не въ состояніи была защищаться.

Когда я обратился къ Савоськѣ съ просьбой остановить эту бойню, онъ только пожалъ плечами.

— За что онъ ее бьетъ?—спрашивалъ я.—Можетъ-быть, окажется, что и не она украла штыку...

— Да вѣдь она жена ему, Гришкѣ-то?—удивился мужикъ.

— Ну, такъ что изъ этого, что „жена“?

— Жена—значитъ, своя рука владыка. Хошь расшиби на мелкія крошки—наше дѣло сторона... Ежели бы Гришка посторонюю женщину сталъ этакъ колошматить, ну, тогда, извѣстно, всѣ заступились бы, а то вѣдь Маришка ему жена. Ничего, баринъ, не подѣлаешь...

Коротко и ясно.

Послѣ Гришкиной науки Маришка замертво была стащена куда-то въ кусты.

Вечеромъ, когда явился Осипъ Иванычъ, было произведено строжайшее слѣдствіе по дѣлу о кражѣ мѣдной штыки Маришкой. Оказалось слѣдую-

щее: вся механика кражи была устроена, конечно, Бубновымъ, въ чемъ онъ и сознался, когда улики были всѣ налицо.

— Ну, разсказывай, братецъ, какъ ты штыку у Порши воровалъ?—допрашивалъ Осипъ Иванычъ Исачку.

— Да что тутъ разсказывать-то, Осипъ Иванычъ,—хвастливо отвѣчалъ Бубновъ.—Извѣстное дѣло... Мы съ Гришкой да съ Кравченкой, значитъ, въ уговорѣ были, а Маришка должна была штыку съ барки пущать. Кравченко пущалъ сверху отъ берегу доску по рѣкѣ. Маришка ее ловила, потомъ привязывала штыку и спущала въ воду. А мы, значитъ, съ Гришкой должны были ловить доску и плотикъ ужъ наладили, да Маришка, окаянная, подвела.

— Значитъ, Маришка только вамъ помогала?

— Выходитъ, видно, такъ,—соглашался Бубновъ

— Ну, это дѣло мировой судья въ Перми разберетъ... А теперь скажите, зачѣмъ вы Маришку до полусмерти избили?

— Это не я, а Гришка, Осипъ Иванычъ. Какъ бы я билъ Маришку, такъ сразу бы ее убилъ... Ей-Богу! Все дѣло испортила...

Гришку даже не спрашивали, зачѣмъ онъ колотилъ жену.

— Ужъ я спустилъ бы имъ три шкуры,—ругался Осипъ Иванычъ:—да теперь безъ нихъ нельзя... Что будете дѣлать? Говорѣзы!.. Бубновъ, шельма, знаетъ, что рабочіе до зарѣзу нужны, и бахвалится. Ужъ я ему прописалъ бы, ежели бы Палъ Петровичъ здѣсь былъ... я... Ну, да чортъ съ ними. Вы съ чѣмъ будете чай пить?

Немного погодя въ казенку явился Бубновъ.

— Я до твоей милости, Осипъ Иванычъ.

— Ну, чего тебѣ?

— Да вотъ мы съ Гришкой да съ Кравченкой пришли...

Гришка и Кравченко показались въ дверяхъ.

— Ну?

— Ужъ лучше прикажи лычагами наказать насъ, Осипъ Иванычъ, а къ мировому не таскай. Посадятъ на высидку, тебѣ отъ этого не легче будетъ.

— А какъ Порша?

— Да ужъ съ Поршей какъ ни на есть помиримся... Четверть водки ему поставимъ, лѣшій его задери.

Составленъ былъ совѣтъ изъ Савоськи, Порши и Лупана. Пошумѣли, побранились и порѣшили, что невпримѣръ лучше стодрать воровъ лычагами, а то еще въ Перми по судамъ съ ними таскайся да хлопочи. Исполненіе этого рѣшенія было предоставлено косным, которые устроили порку тутъ же на палубѣ. Всѣмъ троимъ было дано по десяти лычагъ.

— Ну, впередъ у меня чтобы ни-ни!!.—кричалъ Осипъ Иванычъ, пока наказанные приводили въ порядокъ необходимыя принадлежности костюма.—А то всѣхъ къ чор-рту...

— А безъ насъ тоже не далеко уплывешь, Осипъ Иванычъ,—говорилъ Бубновъ, поправляя рубаху.—Крестьяны-то всѣ, видно, разбѣжались, камъ же доведется робить...

— Съ вами, разбойники, съ вами! Только вы душеньку всю изъ меня вытянули, распротоканальи...

Этотъ невинный эпизодъ неудавшагося воровства точно послужилъ сигналомъ для погоды, которая наконецъ замѣтно начала разгуливаться, хотя вода держалась на прежнемъ уровнѣ. Крестьяне поголовно бѣжали со всѣхъ карауловъ, несмотря ни на какія угрозы и самыя заманчивыя обѣщанія.

— Только подождемъ, какъ вода спадетъ на пять аршинъ—сейчасъ побѣжимъ,—говорилъ Савоська.—Недоколѣ намъ здѣсь ждать... Послѣдній народъ разойдется.

— Да вѣдь по такой высокой водѣ опасно плыть?

— Не одни мы поплывемъ, баринъ. И другіе прочіе караваны съ нами поплывутъ тоже... Ужъ кому что достанется, тотъ тѣмъ, значитъ, и владай.

Всѣми овладѣло вполнѣ понятное нетерпѣніе, когда вода наконецъ пошла на убыль. Дождь пересталъ. Высыпала по взлобочкамъ и на солнечномъ пригрѣвѣ первая травка, начали развертываться почки на березѣ. Только сѣрыя тучи попрежнему не сходили съ неба, точно оно было обложено кошмами и недоставало солнца.

Когда вода спала на три четверти аршина, подошла партія бурлаковъ изъ Кыновскаго завода. Нужно было дорожить временемъ, чтобы не запоздать. Новые бурлаки нанесли самыхъ невеселыхъ новостей, которыя, главнымъ образомъ, вертѣлись около „убившихъ“ барокъ на камняхъ, т.-е. между Уткой и Кыномъ. Ихъ считали десятками. Вообще нынѣшній сплавъ задался совсѣмъ невпримѣръ прошлымъ годамъ и получалась невѣроятная цифра крушеній, когда еще не было пройдено и половины пути.

— Подъ Высокимъ-Камнемъ, сказываютъ, шесть барокъ убившихъ,—разсказывалъ одинъ мастеровой въ розовой ситцевой рубашкѣ.—Да подъ Печкой двѣ... Страсть Господня! У насъ подъ Кыномъ двѣ коломенки затонули тоже. Такъ и поворачиваетъ эта самая вода!

Кыновскіе мастеровые, какъ двѣ капли воды, походили на мастеровыхъ другихъ горныхъ заводовъ: такой же отчаянный народъ, вышколенный съ дѣтства работой на фабрикѣ. Сосѣдство Чусовой придавало имъ бурлацкій закалъ и природную страсть къ водѣ, чѣмъ кыновляне особенно славятся.

— Ну, братцы, какъ-то мы теперича поплывемъ,—слышались голоса въ собравшихся кучкахъ бурлаковъ.

— Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать...

— Въ семьдесятъ третьемъ году не экую страсть видѣли, да ничего, Господь пронесъ.

— Ужъ извѣстно: все отъ Господа. Обнаковенно...

Сплавъ семьдесятъ третьяго года надолго останется въ памяти чусовлянъ. Это былъ совершенно исключительный годъ, можетъ-быть, даже единственный за цѣлое полстолѣтіе. Изъ 600 барокъ тогда разбилось 64 барки да обмелѣло 37, т.-е. изъ пяти барокъ дошли до Перми только четыре, тогда какъ среднимъ числомъ бьется изъ 30 барокъ одна. Интересно прослѣдить, отъ какихъ причинъ произошли крушенія и обмелѣнія въ этомъ году. Изъ 64-хъ убитыхъ барокъ 36 потерпѣли крушеніе отъ естественныхъ опасностей сплава, 7—отъ тѣсноты, 15—вслѣдствіе столкновенія судовъ между собой, 5—при причалѣ къ берегу о подводные камни и отъ разрыва снастей, одна подрѣзана льдомъ; изъ 37-ми обмелѣвшихъ барокъ 23 судна были занесены вѣтромъ и 14 обмелѣли отъ неосторожности и неизвѣстныхъ причинъ. Въ общемъ выводѣ, тѣснота при сплавѣ даетъ 40% всѣхъ несчастій съ барками. Случалось такъ, что всѣ чусовскіе караваны мелѣли во всемъ своемъ составѣ, какъ это было въ 1851, 1866 и 1867 годахъ, когда требовался для ихъ сплава вторичный выпускъ воды изъ Ревдинскаго пруда; бывали годы, что изъ всѣхъ карауановъ разбивалось 3—4 барки, и даже былъ такой одинъ годъ, когда совсѣмъ не было ни крушеній ни обмелѣній, именно 1839. Потери рабочихъ, понятное дѣло, возрастаютъ съ числомъ убитыхъ барокъ; каждый сплавъ погибнетъ 3—4 человѣка, но бываютъ страшные года, когда число

убитыхъ и утонувшихъ людей возрастаетъ до страшной цифры въ сто человѣкъ.

XVI.

Мы простояли на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ пять дней, что въ сплавное, горячее время очень много.

— Мы сегодня отваливаемъ,—говорилъ Савоська утромъ шестого дня.

— А сколько надъ меженью воды стоитъ?

— Пять аршинъ безъ вершка...

Я посмотрѣлъ на Савоську, желая убѣдиться, что онъ пошутилъ. Но Савоська смотрѣлъ совершенно серьезно и прибавилъ:

— На свѣту ревдинскій караванъ пробѣжалъ... Того гляди, съ другихъ пристаней коломенки налетятъ, тогда хуже будетъ. Осипъ Иванычъ еще вечоръ заказали, чтобы все было готово къ отвалу.

— А сколько народу у насъ на баркѣ?

— Человѣкъ съ сорокъ пять наберется-не-наберется.

— Мало...

— Всѣ, сколь есть...

Теперь все было понятно: если ревдинскій караванъ пробѣжалъ, такъ намъ ужъ не статья была сидѣть у моря и ждать погоды. Всѣ думали одно и то же: ревдинскіе уплыли—и мы уплывемъ, а какъ уплывемъ—это другой вопросъ.

Наша барка и барка Лупана стали готовиться къ отвалу. Бурлаки опять потащились со своими котомками подъ палубы; у поносныхъ стали тѣ же подгубщики. Убѣжавшихъ „пиканниковъ“ замѣнили кыновскими мастеровыми, но людей было мало вообще, а для такой высокой воды въ особенности. Но великъ русскій „авось“ на водѣ, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ на сушѣ.

Когда все было готово на обѣихъ баркахъ, всѣ стали нетерпѣливо поглядывать вверхъ по рѣкѣ, гдѣ изъ-за мыска должна была показаться барка Пашки. Какъ только она показалась, отвалилъ Лупанъ, а черезъ десять минутъ и мы.

— Ну, братцы, теперь будетъ работы досыта,—говорилъ Савоська бурлакамъ.—Постарайтесь...

Чусовая мчалась теперь въ горахъ бѣшенымъ валомъ, который точно когтями рвалъ по пути землю и уносилъ молодыя деревья десятками. Барка дѣлала въ часъ больше двадцати верстъ, что при постоянныхъ поворотахъ рѣки создавало массу новыхъ препятствій. Горы замѣтно понижались, не было такой цѣпи утесовъ, какъ до Кына. Мало-по-малу прояснилось и небо, точно надъ горами поставили голубой шатеръ, затканный всѣми переливами солнечнаго свѣта. Въ бездонной выси поплыли серебристыми грядами бѣлогрудыя облачка. Наконецъ мы увидѣли солнце, которое было скрыто отъ нашихъ глазъ въ теченіе цѣлой недѣли. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ, залившемъ берега струившейся волной, самыя опасности не были такъ страшны, какъ въ ненастье. Отдохнувшіе и обсохшіе люди молодецки срывали поносныя, точно стараясь наверстать столько потерянного даромъ времени. Только одна Маришка представляла рѣзавшее глазъ исключеніе: все лицо у ней вздулось подъ одинъ багровый пузырь, начинавшій зеленѣть по краямъ. Одна губа была разсѣчена, лѣвый глазъ едва смотрѣлъ изъ-подъ отекшей брови.

— Чистые звѣри, вишь чего сдѣлали изъ бабенки,—пожалѣлъ Савоська несчастную Маришку.—Вонъ какіе патреты наладили на рожѣ-то...

До Кумыша мы уже встрѣтили нѣсколько разбитыхъ барокъ. Одна изъ нихъ была подрѣзана льдомъ. Нѣсколько утопленниковъ лежали на берегу подъ рогожкой. Одного откачивали на разостланныхъ зипунахъ. Бѣлое тѣло мертвымъ движеніемъ перекатывалось въ рукахъ качавшихъ, а русая голова болталась въ тактъ раскачиваній.

— Царствіе небесное упокойничку...

Впечатлѣніе отъ второго „упокойника“ не было такъ сильно, какъ отъ перваго. Бурлаки отнеслись къ нему совершенно пассивно, какъ къ самому заурядному дѣлу. Да оно и понятно: теперь на баркѣ исключительно работали пристанскіе и заводскіе бурлаки, которые насмотрѣлись на своемъ вѣку на всякихъ „упокойниковъ“.

Немного ниже убитой барки намъ пришлось „отуриться“ подъ бойцомъ, т.-е. итти дальше кормой впередъ, что иногда дѣлается въ опасныхъ мѣстахъ. Барка была на волосокъ отъ гибели, и только присутствіе духа и находчивость Савоськи спасли ее. Лупанъ тоже отурился, а Пашка потерялъ кормовое поносное.

Передъ самымъ Кумышомъ мы набѣжали еще на двѣ убитыхъ барки. Картина была та же, что и раньше: отъ барки выставлялась только крыша, на берегу собрались кучками бурлаки, лежало нѣсколько упокойничковъ и т. д.

— Вотъ и Кумышъ,—послышались голоса, когда впереди на берегу показалась небольшая деревня.

Деревня Кумышъ не представляетъ собой ничего особеннаго среди другихъ глухихъ чусовскихъ деревушекъ. Савоська пристально посмотрѣлъ на ближайшія избушки и только покачалъ головой.

— Ни единой живой души во всей деревнѣ нѣтъ,—проговорилъ онъ.

— На сплавъ ушли?

— Мужики на сплаву, а остальной народъ убѣжалъ къ бойцамъ... Много, надо полагать, тамъ убившихъ барокъ.

Бойцы, расположенные за деревней Кумышомъ, представляютъ послѣднюю каменную преграду, съ какой борется Чусовая. Старикъ Уралъ напрягаетъ здѣсь послѣднія силы, чтобы загородить дорогу убѣгающей отъ него горной красавицѣ. Здѣсь Чусовая окончательно выбѣгаетъ изъ камней, чтобы дальше разлиться по широкимъ поемнымъ лугамъ. Въ камняхъ она едва достигаетъ 50 саженъ ширины, а къ устью разливается саженъ на 300.

— Съ коня долой!—скомандовалъ Савоська, когда издали послышался глухой шумъ.

На баркѣ давно стояла мертвая тишина; теперь всѣ головы обнажились и посыпались усердные кресты. Народъ молился отъ всей души, той теплой, хорошей молитвой, которая ровняетъ всѣхъ въ одно цѣлое—и хорошихъ и дурныхъ, и злыхъ и добрыхъ. Шумъ усиливался: это ревѣлъ Молоковъ.

— Постарайтесь, братцы... посъ налѣво! Похаживай, молодцы, веселенько... Сильно-гораздо ударь носъ-отъ!!! Милые, постарайтесь!

Подъ Молоковымъ и Разбойникомъ, какъ подъ Печкой и Высокимъ-Камнемъ, рѣка дѣлаетъ два послѣдовательныхъ оборота, причемъ бойцы стоятъ въ углахъ этихъ поворотовъ, и струя бьетъ прямо на нихъ съ бѣшеной силой.

Скоро мы завидѣли и Молоковъ. Это была громадная скала, стоявшая къ верховьямъ рѣки покатымъ ребромъ, образуя наклонную плоскость, по которой вода взбѣгала пѣнящимся валомъ на нѣсколько саженъ и съ ужаснымъ ревомъ скатывалась обратно въ рѣку, превращаясь въ бѣлую пѣну. Вся рѣка подъ Молоковымъ представляла бѣлую вспѣненную массу, точно кипящее мо-

локо; отсюда и названіе бойца Молоковъ. Другимъ ребромъ боецъ выступаетъ въ рѣку, точно выдвигая каменный тарапъ. Отброшенная скалой вода пересѣкаетъ рѣку наискось вплоть до противоположнаго берега, образуя цѣлую гряду ревущихъ майдановъ; они далеко бѣгутъ внизъ по рѣкѣ, точно стадо бѣлыхъ овецъ. Сила движенія воды здѣсь настолько велика, что за бойцомъ образуется суводь, т.-е. вода тихимъ токомъ медленно возвращается къ бойцу, что можно замѣтить по плывущей вверхъ по рѣкѣ пѣнѣ. Такимъ образомъ съ одной стороны страшная гряда майдановъ, а рядомъ съ ней совершенно тихая полоса суводи. Получается поразительный контрастъ, рѣзко обозначенный водянымъ рубцомъ.

Трудность прохода подъ Молоковымъ заключается въ слѣдующемъ: водяная струя бьетъ прямо въ скалу, дѣлая здѣсь уголъ, и идетъ къ слѣдующему бойцу, Разбойнику; барка должна пересѣчь эту струю подъ Молоковымъ въ самомъ углу, чтобы дальше попасть въ суводь. Если она этого не успѣетъ сдѣлать и попадетъ на майданы, ее неудержимо снесетъ прямо на Разбойника. Чтобы не попасть ни на первый ни на второй боецъ, баркѣ приходится перерѣзать рѣку въ косомъ направленіи, съ одного мыса на другой, причемъ ей необходимо переваливать черезъ рубецъ. Но разстояніе между бойцами всего двѣ версты, и барка не въ состояніи при условіяхъ своего движенія и при страшной быстротѣ теченія во-время перерѣзать струю за первымъ бойцомъ, если не перебьетъ ее подъ самымъ бойцомъ. Получается роковая дилемма: если барка пройдетъ далеко отъ перваго бойца и не перерѣжетъ струи въ углу, она разобьется о второй боецъ; если барка не побоится бойца, то какое-нибудь одно просчитанное мгновеніе—и она въ щепы разобьется о каменный выступъ. При мѣрной водѣ эта мудреная задача разрѣшается сравнительно легче, но при высокой все зависитъ отъ сплавщика: нужно имѣть крѣпкую душу, чтобы не дрогнуть, когда на васъ понесется боецъ... Именно въ такихъ боевыхъ мѣстахъ начинаетъ казаться, какъ при всякомъ быстромъ движеніи, что не самъ движешься, а все кругомъ летитъ мимо тебя съ увеличивающейся, захватывающей духъ скоростью.

— Три убившихъ барки...—прошепталъ Савоська, вглядываясь въ бѣжавшій навстрѣчу боецъ.—И заплавни выброшены на берегъ... Лупанъ пробѣжалъ, кажется, благополучно.

Около самыхъ опасныхъ бойцовъ, какъ Косой, Бражка, Владычный, Волеговъ, Узенькій, Дружной, Кирпичный, Печка, Мултыкъ, Горчакъ, Молоковъ и Разбойникъ, въ воду спускаются деревянные брусья, составленные изъ четырехъ восьмивершковыхъ бревенъ. Они огораживаютъ боецъ подвижной деревянной рамой, которая укрѣпляется въ скалѣ деревянными пружинами, т.-е. громадными брусьями, которые при ударѣ барки о заплавни нѣсколько подаются въ бокъ и этимъ уменьшаютъ силу удара. Такіе заплавни нѣсколько предохраняютъ барки отъ крушеній, но при высокой водѣ первая налетѣвшая на боецъ барка ломаетъ ихъ и даже выбрасываетъ на берегъ. Когда мы подходили къ Молокову, заплавни не дѣйствовали: пружины были сломаны и брусья лежали на берегу.

Наша барка подходила къ бойцу въ мертвомъ молчаніи. Майданы ревѣли все сильнѣй. Въ воздухѣ висѣла водяная пыль, садившаяся на лицо паутиной. Съ каждымъ мгновеніемъ разстояніе между баркой и бойцомъ дѣлалось все меньше и меньше. Можно было разсмотрѣть всѣ впадины и трещины на ожидавшей насъ скалѣ. Бурлаки прильнули къ поносному; ни одного звука, ни одного движенія. Савоська застылъ на своей скамеечкѣ въ одной позѣ и не сводитъ глазъ съ шестика, который укрѣпленъ на носу нашей

барки, какъ прицѣлъ на ружьѣ. Вотъ барка врѣзалась носомъ въ клокочущую гряду майдановъ и тяжело колыхнулась, точно ее подхватили тысячи могучихъ рукъ и понесли на бойцъ. До страшнаго выступа всего нѣсколько саженъ; чувствуешь, какъ холодѣетъ внутри, въ глазахъ рябитъ... Чувство физическаго ужаса овладѣваетъ всѣми одинаково, сознаніе едва теплится. Нѣтъ, скорѣе что-нибудь одно: или конецъ, или счастливый исходъ, только не эти страшныя мгновенія страшнаго ожиданія. Кажется, что все погибло, спасенья нѣтъ... Вонъ сосенка на скалѣ, а тамъ, на берегу, мелькаютъ какіе-то люди. Гребни волнъ обдаютъ палубу дождемъ брызгъ... Въ какомъ-то полуснѣ слышишь сорвавшуюся команду; когда до бойца остается всего нѣсколько аршинъ, поносныя съ страшной силой падаютъ въ воду, поднимаются, опять падаютъ... Барка повернулась къ бойцу бокомъ и прошла отъ него всего на разстояніи какихъ-нибудь шести четвертей, можно рукой достать, но вѣдь это все одно мгновеніе, и не хочется вѣрить, что опасность промелькнула, какъ сонъ, и такъ же быстро теперь бѣжитъ отъ насъ, какъ давеча бѣжала навстрѣчу. Мы въ суводи, барка плыветъ ровно, навстрѣчу подымаются по рѣкѣ клочья пѣны. Впереди двѣ исковерканныхъ массы, около которыхъ бурлитъ вода: это убившія барки. На берегу десятки людей, которые разбились на отдѣльныя кучки. Всѣ смотрятъ на бойцъ, къ которому теперь бѣжитъ Пашка.

— Охъ, Пашка не ладно отрабатываетъ отъ камня!..—какъ-то застопалъ Савоська, оглядываясь назадъ.—Нѣтъ, не перескѣкетъ струю...

Пашкина барка прошла дальше нашей отъ Молокова и попала на майданы. Видно, какъ бѣгаетъ по палубѣ водоливъ со своей наметкой. Поносныя судорожно загребаютъ воду, но струя отбрасываетъ барку каждый разъ, когда она хочетъ перевалить черезъ рубецъ въ суводь.

— Шабашъ, подъ Разбойникомъ зарѣжетъ барку!—говоритъ Савоська, махнувъ рукой.—Сила не беретъ...

Хорошіе сплавщики рѣдко обвиняютъ другихъ сплавщиковъ въ неудачахъ, а стараются свалить вину на что-нибудь другое.

Но намъ теперь не до Пашки, а до себя. Двѣ версты промелькнули въ пять минутъ, и впереди уже встаетъ знаменитый бойцъ Разбойникъ, который подымаетъ свою каменную голову на 50 саженъ кверху и упирается въ рѣку роковымъ острымъ гребнемъ.

— Похаживай, молодцы!—покрикиваетъ Савоська, когда барка начинаетъ подходить къ мысу.

Когда мы вышли изъ-за мыса и полетѣли на Разбойника, нашимъ глазамъ представилась ужасная картина: барка Лупана быстро погружалась однимъ концомъ въ воду... Палуба отстала, изъ-подъ нея съ грохотомъ и трескомъ сыпался чугунъ, обезумѣвшіе люди соскакивали съ борта прямо въ воду... Крики отчаянія топувшихъ людей перемѣшались съ воемъ рѣки.

— О чужую, убившую барку Лупанъ убился,—объяснилъ Савоська.

Дѣйствительно, изъ-за барки Лупана теперь можно было разсмотрѣть расщепанную корму другой барки, на которой уже никого не было. Намъ пришлось пройти рядомъ съ топувшей баркой Лупана, которую тихо заворачивало кормой внизъ. Нѣсколько человѣкъ бурлаковъ успѣли перескочить къ намъ; какой-то несчастный старикъ поскользнулся и упалъ въ воду, гдѣ и скрылся сейчасъ же подъ захлеснувшей его волной. Самъ Лупанъ оставался на баркѣ и съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ отвязывалъ прикрѣпленную къ борту неволю. Нѣсколько черныхъ точекъ ныряло въ водѣ, это были спасавшіеся вплавь бурлаки. Рѣдкій изъ нихъ не тащилъ за собой своей котомки въ зубахъ. Разстаться съ котомкой для бурлака настолько тяжело, что

онъ часто жертвуетъ изъ-за нея жизнью: барка ударилась о боецъ и начинаетъ тонуть, а десятки бурлаковъ, вмѣсто того, чтобы спасаться вплавь, лѣзутъ подъ палубы за своими котомками, гдѣ часто ихъ и заливаетъ водой.

Мы пробѣжали мимо Разбойника совсѣмъ благополучно. За Разбойникомъ весь берегъ былъ усыпанъ бурлаками съ убившихся здѣсь барокъ, которыхъ насчитывали больше десятка. Эта картина страшнаго разрушенія быстро промелькнула мимо насъ, оставя въ душѣ самое смутное впечатлѣніе. Нѣсколько утонувшихъ бурлаковъ лежали на берегу, двоихъ откачивали на холстахъ, которые притащили бабы изъ Кумыша. Среди большихъ покойниковъ выдавался только трупъ мальчика лѣтъ двѣнадцати. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку съ голыми ногами, въ одной розовой ситцевой рубашкѣ, точно спалъ. Вѣроятно, это былъ ученикъ сплавщика. Три бабы стояли около него и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на бездушное дѣтское тѣло. А солнце такъ весело освѣщало весь берегъ и Чусовую, точно кругомъ была идиллія.

— Вонъ Пашка летитъ на боецъ...

Я оглянулся. Пашка дѣйствительно прямо бѣжалъ на роковой гребень. Бурлаки выбивались изъ силъ, работая поносными. Издали казалось, что по палубамъ каталась какая-то сѣрая волна, точно барка дѣлала конвульсивныя движенія, чтобы избѣжать рокового удара. Но все напрасно: еще одно мгновеніе—и барка Пашки врѣзалась однимъ бокомъ въ выступъ скалы, послышался трескъ ломавшихся досокъ, крикъ людей, грохотъ сыпавшагося чугуна, а поносныя продолжали все еще работать, пока не сорвало переднюю палубу, вмѣстѣ съ поносными и людьми, и все это не поплыло по рѣкѣ невообразимой кашей. Доски, люди, бревна — все смѣшалось въ живую кучу, которая барахталась и ползла подъ бойцомъ, какъ раздавленное пятидесятиголовое насѣкомое. Отъ берега къ бойцу плыли косныя лодки, чтобы спасать погибающихъ.

— Эка страсть, милостивый Господь:—шепчетъ кто-то въ ужасѣ.—Народичку сколько погибнетъ по-занапрасну...

Мы можемъ пожалѣть только объ одномъ, что въ средѣ русскихъ художниковъ не нашлось ни одного, кто въ краскахъ передалъ бы все, что творится на Чусовой каждую весну.

XVII.

Бойцы подъ Кумышомъ, какъ мы уже сказали выше, составляютъ послѣднюю каменистую преграду теченію Чусовой; дальше она течетъ въ холмистыхъ берегахъ и разливается все шире и шире. Сообразно измѣняющимся условіямъ теченія, мѣняются и условія сплава: убившія барки больше не встрѣчаются, за рѣдкими исключеніями, на сцену выступаютъ мели и огрудки, которыми усѣяно все теченіе Чусовой вплоть до самаго устья. Но впечатлѣній отъ прохода „въ камняхъ“ слишкомъ много, и бурлаки долго передаютъ взаимныя наблюденія, воспоминанія и примѣры. Героями являются все тѣ же бойцы, о которые бьются коломенки, а дѣйствующія лица, бурлаки, фигурируютъ въ этихъ разсказахъ въ формѣ специфическаго chair à boïetz...

— Одначе здорово ноньче Чусовая играетъ!—говоритъ Бубновъ, работавшій подъ Молоковымъ и Разбойникомъ за десятерыхъ. — Барокъ съ тридцать убьется въ камняхъ... Одинъ Разбойникъ залобовалъ ужъ десятокъ, да еще Лупанъ съ Пашкой нарѣзались. Ужъ наши ли каменскіе сплавщики не люты проходить подъ бойцами, а тутъ сразу двѣ барки...

— Сила не беретъ.

— Извѣстно, кабы сила... Тутъ только держись за грядки. Вѣдь пять аршинъ надъ коренной водой бѣжимъ... Дьяконъ даве подъ Молоковымъ страсть испужался нашей бурлацкой обѣдни! Помушѣлъ весь...

— Осипъ-то Иванычъ на косной объѣхалъ бойцы,—передаетъ Даренка своей подругѣ Оксѣ.

— Одинъ?

— Нѣтъ... Испужался, видно.

До Кумыша чусовское населеніе можно назвать горнозаводскимъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деревень, гдѣ промышляютъ звѣриной или рыбной ловлей; ниже начинается сельская полоса съ полями, нивами и поемными лугами. Нѣсколько селъ чисто-русскаго типа съ рядомъ избъ и бѣлой церковью въ центрѣ красиво декорируютъ рѣку; иногда такое село, поставленное на крутомъ берегу, видиѣется верстъ за тридцать.

Намъ скоро попалось нѣсколько обмелѣвшихъ барокъ. Около нихъ кипѣла самая горячая работа, десятки бурлаковъ стояли въ водѣ съ чегенями и подъ дружную „Дубинушку“ старались столкнуть барку. Работа 50—60 человѣкъ, при пятнадцати тысячахъ груза на каждой баркѣ,—крайне тяжелая и опасная.

— Намъ здѣсь хуже, чѣмъ въ камняхъ,—объяснялъ Бубновъ. — Подъ бойцомъ либо панъ, либо пропалъ, а здѣсь, какъ барка залѣзла на огрудокъ — проваландаешься дня три въ водѣ-то. А тутъ еще перегрузка, чтобы ей пусто было!

— Зато насчетъ водки здѣсь свободно...

— Хошь обливайся, когда гонятъ въ ледяную воду или къ вороту поставятъ. Только отъ этой работы много бурлачковъ на тотъ свѣтъ уходитъ... Тутъ лошадь не пошлешь въ воду, а бурлаки по недѣлямъ въ водѣ стоятъ.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ Чусовая особенно широко разлилась въ низкихъ берегахъ, у самой воды на камешкѣ сидѣлъ мальчикъ и замѣчательно хорошо пѣлъ какую-то заунывную пѣсню.

— Наигрывай, голубчикъ, наигрывай себѣ на здоровье!—улыбнулся Савоська, поглядывая на берегъ.—Ишь какъ разбираетъ!

Меня удивило явно-враждебное отношеніе Савоськи къ маленькому пѣвцу; бурлаки смѣялись тоже надъ нимъ, а Бубновъ попробовалъ даже попасть въ мальчишку камнемъ.

— Зачѣмъ бурлаки смѣются надъ мальчикомъ?—спросилъ я.

— Это надъ парнишкомъ-то?... А то и смѣются, что больно хорошо пѣсню задуваетъ... Ишь, какой дошлый!.. Много ихъ по веснѣ здѣсь распѣваетъ, а бурлаки или силавщикъ зазѣвался, глядишь, барка и приткнулась на огрудокъ.

— Ну, а парнишка тутъ при чемъ?

— Его крестьяны изъ деревни подослали, чтобы работы себѣ добыть, ежели барка омелѣетъ... Пой, милый; пуще старайся!..

Бурлаки разсказывали, что для вящшаго соблазна плывущихъ мимо барокъ на „сумлительныхъ“ мѣстахъ на берегу появлялись дѣвки, раздѣвались и начинали купаться въ глазахъ у бурлаковъ. Насколько это справедливо — не ручаюсь. По словамъ тѣхъ же бурлаковъ, для приманки иногда устраиваются на берегу ужъ совсѣмъ нецензурныя сцены... Вѣроятно, здѣсь много добавлено пылкой фантазіей, какъ въ разсказахъ о поющихъ морскихъ сиренахъ, которыхъ слушалъ привязанный къ корабельной мачтѣ Одиссей.

— Вотъ те Христосъ, своемъ глазомъ видѣлъ!—божился Бубновъ.—Мы какъ-то съ Андріяшкой изъ-подъ Сулему бѣжали, подъ Камасиномъ этихъ

самыхъ плесъ и падѣли, совѣмъ нагишомъ и въ водѣ валандаются, какъ лягушки. Вѣрно тебѣ говорю, хошь у кого спроси... Никанники, тѣ хитрые-мудрые, ежели ихъ разобрать. Здѣсь все никанники пойдутъ; наши заводскіе да чусовскіе въ камняхъ остались.

Работы теперь было значительно меньше, чѣмъ въ камняхъ, гдѣ постоянно приходилось то отрабатывать отъ бойцовъ, то перебивать струю. Рѣка текла замѣтно медленнѣе, и только мѣстами попадались перекаты. Иногда на широкомъ плесѣ можно было разсмотрѣть до десятка барокъ. Вообще картина получалась очень оживленная. Особенно была замѣтна рѣзкая климатическая разница сравнительно съ камнями; тамъ зелень едва пробивалась, а здѣсь поля уже давно стлались зеленымъ ковромъ и на деревьяхъ показались первые клейкіе весенніе листочки, точно покрытые лакомъ. Солнце начинало сильно припекать и даже жгло спину, особенно тѣмъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ.

— Который Богъ вымочилъ, тотъ и высушилъ,—говорилъ Кравченко, сильно прихворнувшій на послѣдней хваткѣ послѣ стеганья лычагами.

— Отчего сплавщики не заведутъ себѣ карты Чусовой, чтобы удобнѣе было запомнить теченіе, мели, таши и повороты?—спрашивалъ я у Савоськи.

— У насъ одинъ приказчикъ экъ-ту тоже поплылъ-было съ картой,—отвѣчалъ Савоська,—да въ остожье *) и заплылъ...

Подъ селомъ Вереи, которое стоитъ на крутомъ правомъ берегу, наша барка неожиданно сѣла на огрудокъ, благодаря тому, что дорогу намъ загородила другая барка, которая здѣсь сидѣла уже второй день. Сплавщики обѣихъ барокъ ругнули другъ друга при такомъ благопріятномъ случаѣ, но одной бранью омелѣвшей барки не снимешь. Порша особенно неистовствовалъ и даже плевалъ въ сплавщика сосѣдней барки, выкрикивая тончайшимъ фальцетомъ:

— Не стало тебѣ, рыжей баганѣ, мѣста-то въ рѣкѣ, зачѣмъ дорогу загородилъ?

Рыжій сплавщикъ обидѣлся, что его назвали „баганой“, и отвѣтилъ въ томъ же тонѣ, такъ что нашъ Порша даже завизжалъ отъ злости, точно его облили сѣрной кислотой. Посыпалась горохомъ терпкая мужицкая ругань, въ которой бурлаки обѣихъ барокъ приняли самое живое участіе.

— А тебѣ чортъ ли не велѣлъ держать правѣе?—справдывался рыжій сплавщикъ.—За поясомъ, что ли, у тебя глаза-то были?

— Ахъ, рыжій дьяволъ!.. Ахъ, рыжая багана!..—завывалъ Порша, неизвѣстно для какой цѣли бѣгая по баркѣ, съ шестомъ въ рукахъ.

Наконецъ это даровое представленіе надоѣло той и другой сторонѣ, нужно было подумать, какъ сниматься съ огрудка.

— Чего тутъ думать: думай не думай, а надо запущать „неволю“,—рѣшилъ Бубновъ.—Вотъ мы съ Кравченкой и пойдемъ загрѣвать воду, только чтобы намъ за труды по первому стакану водки...

„Неволей“ называется доска, длиной саженъ въ пять и шириной вершковъ четырехъ, она обыкновенно вытесывается изъ цѣлаго дерева. Такихъ неволь при каждой баркѣ полагается двѣ, онѣ плывутъ у бортовъ.

— Надо бы подождать косныхъ,—говорилъ Савоська: — да кабы долго ждать не пришлось...

— Гдѣ ихъ ждать!—кричалъ Бубновъ. — Онѣ провалandаются съ убившими барками до морковкина заговѣнья, а мы еще десять разъ успѣемъ спяться до нихъ...

---

*) Остожьемъ называется загородка изъ жердей вокругъ стога сѣна.

На огрудки садятся и самые опытные сплавщики, потому что эти мели часто появляются на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше проходъ для барки былъ совершенно свободенъ. Обыкновенно въ „сумнительныхъ“ мѣстахъ плывутъ по наметкѣ, постоянно мѣряя воду. Въ данномъ случаѣ Савоська поздно увидѣлъ омелѣвшую барку, прикрытую мысомъ, такъ что не было никакой возможности во-время отработать отъ огрудка. Омелѣвшая барка повернулась кормой на струю и такимъ образомъ загородила дорогу нашей; Савоська побоялся убиться о корму и „переправилъ“. Бурлаки отлично понимали весь ходъ дѣла и не роптали на сплавщика, какъ водится въ такихъ случаяхъ у плохихъ и „средственныхъ“ сплавщиковъ.

— Вѣдь чортъ его зналъ, что онъ тутъ сидитъ!—разсуждали бурлаки, срывая злобу на чужомъ сплавщикѣ. — Кабы знать, такъ не то бы и было... Мы вонъ какъ хватски пробѣжали подъ Молоковымъ, а тутъ за лягушку зацѣпились.

— Все чистенько бѣжали, а тутъ грѣхъ вонъ гдѣ попуталъ... Ну, Порша, налаживай снасть.

Дѣйствіе неволи при съемкахъ барокъ заключается въ томъ, что при ея помощи производятъ искусственную запруду: струя бьетъ въ неволю, поставленную въ водѣ ребромъ, и такимъ образомъ помогаютъ баркѣ сняться съ мели. Когда спустятъ неволю, съ другой стороны барку сталкиваютъ чегенями и въ то же время въ соотвѣтствующемъ направленіи работаютъ веслами.

Наша барка зарѣзала огрудокъ правымъ плечомъ, оставивъ струю влѣво, слѣдовательно, чтобы опять выйти въ вольную воду, намъ необходимо было отуриться, т.-е. повернуть корму налѣво, на струю, и дальше итти нѣсколько времени кормой впередъ. Порша отвязалъ отъ лѣваго борта неволю и широкимъ концомъ подвелъ ее къ лѣвому плечу; свободный конецъ неволи, привязанный къ снасти, былъ спущенъ съ кормового огнива такъ, чтобы струя била въ неволю подъ угломъ. Чтобы произвести запруду, оставалось только повернуть неволю на ребро и удержать ее въ этомъ направленіи все время, пока барку съ другой стороны, подъ кормовымъ плечомъ, бурлаки будутъ сталкивать чегенями. Работать на неволѣ—необходимо имѣть извѣстную сноровку и ловкость. Бубновъ и Кравченко вызвались на неволю и, оставшись въ однѣхъ рубахахъ, съ ловкостью записныхъ бурлаковъ, разомъ очутились на колыхавшейся осклизлой доскѣ. Бубновъ укрѣпилъ свой чегень въ дырѣ, какія сдѣланы на обоихъ концахъ неволи, и ждалъ, пробуя воду голыми ногами, когда Кравченко устроитъ то же самое съ противоположнымъ концомъ неволи. Добраться до этого конца, выходившаго на струю, было не легкой задачей; неволя подъ ногами Кравченка колыхалась и вертѣлась, какъ фортепьянная клавиша, пока онъ не добрался до конца, на который и сѣлъ верхомъ.

— Готово!—крикнулъ онъ, сжигаясь отъ холодной воды.

Человѣкъ двадцать были уже въ однѣхъ рубашкахъ и съ чегенями въ рукахъ спускались по правому борту въ воду, которая подъ кормовымъ плечомъ доходила имъ по грудь. Будущій дьяконъ былъ въ числѣ этихъ бурлаковъ, хотя Савоська и уговаривалъ его остаться у попоспыхъ съ бабами. Но дьякону давно уже надоѣли остроты и шутки надъ нимъ бурлаковъ, и онъ, скрѣпя сердце, залѣзъ въ воду вмѣстѣ съ другими.

— Мотри, не пожалѣй послѣ,—говорилъ Савоська.—Твое дѣло не обычное, какъ разъ замерзнешь... Вода вешняя, терпкая.

— Ничего, какъ-нибудь!—говоритъ дьяконъ дрогнувшимъ голосомъ; зубы у него такъ и стучали отъ холода.

У поносныхъ остались бабы, чахоточный мастеровой и нѣсколько стариковъ. Не итти въ воду на съемкѣ—величайшее безчестіе для бурлака, и только крайность, нездоровье или дряхлость служатъ извиняющимъ обстоятельствомъ.

Когда бурлаки выстроились съ чегенями подъ правымъ плечомъ, Бубновъ затянулъ высокимъ теноромъ припѣвъ „Дубинушки“:

Шла старуха съ того свѣту,
Половины ума въ ей нѣту...

Дружно подхватили бурлаки: „Дубинушка, ухнемъ...“, и громкое эхо далеко-далеко покатилось по рѣкѣ голосистой волной. Въ этотъ моментъ Бубновъ съ Кравченкой поставили неволю ребромъ, поносныя ударили носъ налѣво, и барка немного подалась кормой на струю, причемъ желтый рѣчной хрящъ захрустѣлъ подъ носомъ, какъ орѣховая скорлупа.

— Ишшо разикъ, навались, робя!..—неистово кричалъ Гришка, какъ медвѣдь наваливаясь на свой чегень.—Идетъ барка...

— Какъ же, пошла... Держи карманъ шире!..

Нѣсколько разъ начиали „Дубинушку“, повертывая неволю ребромъ, но толку было мало: барка больше не двигалась съ мѣста. Когда неволя ставала къ водѣ ребромъ, напоромъ воды гнуло ее, какъ туго натянутый лукъ, а конецъ постоянно вырывался кверху, такъ что Кравченкѣ приходилось сильно балансировать на немъ, какъ на брыкающейся лошади. Раза два онъ чуть не слетѣлъ въ воду, гдѣ его утащило бы струей, какъ гнилую щепу, но онъ какъ-то ухитрялся удержаться на своей позиціи и не выпускалъ чегеня изъ закоченѣвшихъ рукъ. Бурлаки съ чегенями скоро были мокры до ворота рубахи, лица посинѣли, зубы начали выбивать лихорадочную дробь. Но всѣ крѣпились, потому что на сосѣдней баркѣ шла точно такая же работа съ неволей и неизмѣнной „Дубинушкой“.

Надъ Чусовой быстро спускались короткія весеннія сумерки. Мимо насъ проплыло нѣсколько барокъ. Воздухъ похолодѣлъ; потянуло откуда-то вѣтеркомъ. Искрившимися блестками глянули съ неба первыя звѣздочки. Бурлаки продрогли и начали ворчать. Недоставало одного слова, чтобы всѣ бросили работу.

— Околѣвать намъ, что ли, въ водѣ?..—отозвался первымъ пожилой мужикъ, съ длиннымъ, изрытымъ оспой лицомъ.—И то умаялись за день-то...

— Братцы! еще разикъ ударьте!—упрашивалъ Савоська.—По стакану на брата... Ей, Порша, подноси! Только не вылѣзайте изъ воды, а то простоимъ у огрудка ночь, воду опустимъ, кабы совсѣмъ не омелѣть.

Порша съ боченкомъ обошелъ бурлаковъ, поднося каждому стаканъ водки. Корявыя, побѣлѣвшія отъ холодной воды руки подносили этотъ стаканъ къ посинѣлымъ губамъ, и водка исчезала.

— Валяй по другому, Порша!—скомандовалъ Савоська, тревожно поглядывая на темнѣвшую даль.

Снова „Дубинушка“ закатилась по рѣкѣ, но барка не двигалась, точно она приросла къ огрудку.

— Ну, шабашъ, ребятки!—проговорилъ Савоська.—Утро вечера мудренѣе... Что буди—будетъ завтра, а то и въ самомъ дѣлѣ не околѣвать въ водѣ.

— О-го-го-го!.. — гоготалъ Кравченко въ темнотѣ, прыгая на концѣ неволи.

— Повертывай неволю, Кравченко... Шабашъ...

Всѣ бурлаки продрогли до послѣдней степени, и, вдобавокъ, имъ нечѣмъ

было замѣнить своихъ мокрыхъ рубахъ: приходилось ихъ высушивать на себѣ... Весь костюмъ у большинства состоялъ изъ одной рубахи и портовъ, съ маленькимъ дополненіемъ въ видѣ какого-нибудь жилета, бабьей кацавейки или рванаго халата.

— Отчего нѣтъ огня на берегу?—спрашивалъ я у Савоськи.

— Погоди, бабы разведутъ... Вдругъ-то нельзя, изъ ледяной воды да къ огню: сразу обезножеешь, надо сперва такъ согрѣться, а потомъ ужъ къ огню. Вотъ я имъ плепорцію задамъ сейчасъ... Порша, дава-кось по два стаканчика на брата, согрѣть надо ребятъ-то.

Бѣднаго дьякона, послѣ полуторачасовой ледяной ванны, трепала жестокая лихорадка, противъ которой были безсильны даже такія всесцѣляющія средства, какъ ромъ и коньякъ.

— Зачѣмъ вы не остались у поноснаго?—спрашивалъ я его, когда мы въ казенкѣ пили чай.

— Совѣстно было... Засмѣютъ бурлаки.

— А теперь какъ себя чувствуете?

— Одеревянѣлъ весь... голова болитъ.

Я предложилъ дьякону сейчасъ же натереться водкой и лечь спать въ нашей каютѣ. Къ утру бѣдняга не могъ поднять головы, у него открылся жесточайшій тифъ. Какъ провели эту ночь работавшіе въ водѣ бурлаки—трудно себѣ представить! Раннимъ утромъ, съ пяти часовъ, они были опять по горло въ водѣ, и опять „Дубинушка“ далеко катилась вверхъ и внизъ по Чусовой. Къ довершенію нашего несчастія, рыжій сплавщикъ снялъ свою барку и уплылъ на нашихъ глазахъ. Скоро поплыли мимо насъ одна барка за другой: обидно было смотрѣть на это движеніе, когда самимъ приходилось сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Вода на вершокъ спала...—со страхомъ сообщалъ Порша сплавщику.

Савоська самъ сдѣлалъ необходимые промѣры; дѣйствительно, вода начинала убывать, и грозила серьезная опасность совсѣмъ обсохнуть на огрудкѣ.

— Что будемъ дѣлать?—спрашивалъ я Савоську.

— Чего дѣлать-то... Придется, видно, воротомъ орудовать.

— А отчего не хочешь сдѣлать разгрузку?

— Вода уйдетъ, да и бурлакамъ эти разгрузки ножъ вострый: въ воду лѣзутъ, а перегружать барку хуже имъ смерти.

Съемка омелѣвшихъ барокъ воротомъ запрещена закономъ, въ виду тѣхъ несчастныхъ случаевъ, какіе могутъ здѣсь произойти и происходили. Воротъ все-таки продолжаетъ существовать, какъ радикальное средство. Обыкновенно вкапываютъ на берегу столбъ, на него надѣваютъ пустую деревянную колодку, къ колодкѣ прикрѣпляютъ крестъ-накрестъ нѣсколько толстыхъ жердей — и воротъ готовъ, остается только наматывать снасть на колодку.

Когда къ вороту станутъ человѣкъ шестьдесятъ, сила давленія получается страшная, причемъ сплошь и рядомъ лопается снасть. Въ послѣднемъ случаѣ народъ бьетъ и концомъ порвавшейся снасти и жердями самаго ворота. Бурлаки, конечно, отлично знаютъ всѣ опасности работы воротомъ, и, чтобы заставить ихъ работать на немъ, прежде всего пускаютъ въ ходъ все ту же водку, этотъ самый страшный изъ всѣхъ двигателей. Субъектамъ, въ родѣ Гришки, Бубнова и Кравченки, работа воротомъ—настоящій праздникъ.

— Воротъ надо налаживать!—кричали бурлаки, которымъ надоѣло стоять въ водѣ.—Околѣли совсѣмъ...

— Ну, воротъ, такъ воротъ... Нечего, видно, дѣлать...

Устроить воротъ на берегу было дѣло полутора часа. Когда онъ совсѣмъ

былъ готовъ, къ баркѣ подкатилъ Осипъ Иванычъ на своей коляскѣ. Первымъ дѣломъ онъ, конечно, накинулся на силавщика, обругалъ по пути Поршу, затопалъ ногами на бурлаковъ.

— Я васъ всѣхъ, подлецовъ, въ одинъ узелъ завяжу!.. — неистовствовалъ онъ въ качествѣ предержащей власти.—Не успѣлъ отвернуться, какъ ты ужъ и на мель сѣлъ?.. А?.. Я развѣ Богъ?.. а? Развѣ я разомъ могу на всѣхъ баркахъ быть... а?... Что-о?.. Бунтовать?.. Сейчасъ съ чегинями въ воду...

— Мы воротъ наладили, Осипъ Иванычъ,—замѣтилъ Савоська.

— Вздоръ... Сейчасъ сломать все! Въ воду!.. Всѣ въ воду!.. Ахъ, мошенники, подлецы! Я развѣ Богъ, что могу вездѣ поспѣть и все устроить!..

Осипъ Иванычъ былъ пьянъ еще со вчерашняго дня и самъ не понималъ, что говорилъ и чего требовалъ. Эту расходившуюся власть кое-какъ усадили обратно въ лодку и отправили дальше.

— Поѣдемте въ Верею! — предлагалъ онъ мнѣ. — Отлично кутнемъ... Я ужъ заказалъ, чтобы баня была приготовлена и всякое прочее... Ха-ха... Не хотите? Ну, до свиданія... Въ Перми увидимся. Меня найдете въ первомъ трактирѣ...

При помощи ворота, мы черезъ нѣсколько часовъ работы наконецъ снялись съ державшаго насъ огрудка и поплыли дальше.

До Чусовскихъ Городковъ отъ деревни Камасино Чусовая идетъ въ красивыхъ холмистыхъ берегахъ. Тамъ и сямъ на берегу стоятъ красивыя деревни, зеленой лентой развертываются поля. Лѣсъ является только промежутками и не сплошной стѣной, какъ въ камняхъ. Въ заводяхъ начали попадаться стаи утокъ и пары лебедей. На Чусовой эту красивую птицу почти совсѣмъ не стрѣляютъ, и мнѣ случалось видѣть лебединыя стаи, штукъ въ пятьдесятъ, притомъ въ двухъ шагахъ отъ селенья. Омелѣвшія барки были теперь такимъ же заурядным явленіемъ, какъ въ камняхъ убившія. Около нихъ дыбомъ вставала „Дубинушка“ и тяжело бурлили неволи. Въ двухъ мѣстахъ барки перегружались, въ третьемъ снимали барку воротомъ. Глядя на этотъ каторжный трудъ, нельзя было не согласиться съ бурлаками, что ужъ лучше плыть въ камняхъ, чѣмъ здѣсь.

Нижніе и Верхніе Чусовскіе Городки, расположенные въ 4 верстахъ одни отъ другихъ, одни изъ самыхъ красивыхъ чусовскихъ селъ. Съ ними связаны самыя старинныя свѣдѣнія о фамиліи Строгановыхъ, для которыхъ эти села долго служили самымъ крѣпкимъ гнѣздомъ и ключомъ ко всей Чусовой. Здѣсь отсиживались Строгановы отъ нечаянныхъ нападеній разныхъ недоброжелательныхъ сосѣдей и отсюда же снарядили Ермака въ его знаменитый сибирскій походъ. Въ настоящее время Чусовскіе Городки представляютъ только историческій интересъ. Мѣстность кругомъ открытая, Чусовая течетъ здѣсь широкимъ плесомъ. Издали пріятно смотрѣть на это „усторожливое“ мѣстечко, на какихъ наши предки любили селиться въ то безпокойное, тревожное время.

Пониже Чусовскихъ Городковъ, на высокомъ лѣвомъ берегу, стоитъ красивое село Монастырекъ. Глядя на него съ Нижнихъ Чусовскихъ Городковъ, такъ и кажется, что все село, съ своей красивой бѣлой церковью, точно виситъ въ воздухѣ. Здѣсь въ XVI столѣтіи подвизался преподобный Трифонъ, миссіонеръ, дѣйствовавшій въ духѣ Стефана Великопермскаго. Онъ нѣсколько времени жилъ среди остяковъ, на берегу р. Мулянки — впадаетъ въ Каму, ниже Перми—гдѣ срубилъ и сжегъ громадную ель, которой молились остяки. Вскорѣ онъ переселился въ Чусовскіе Городки и основалъ Успенскій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село Монастырекъ. Здѣсь препо-

добный Трифонъ прожилъ десять лѣтъ и принужденъ былъ оставить выбранное мѣсто по настоянію Строгановыхъ. Передадимъ послѣдній эпизодъ словами протоіерея Евгенія Попова, заимствуя слѣдующую выноску изъ его книги „Великопермская и Пермская епархіи (1379—1879 гг.)“:

„Здѣсь (въ Монастырькѣ) Трифонъ подвергся страшной опасности. Чтобъ имѣть свою пашню для устроеннаго монастыря, онъ сталъ сжигать пни и корни деревъ около своей хижины. А тутъ случилась буря. И вотъ произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣли дрова, приготовленные на соледваренные заводы Строганова! (Дровъ сгорѣло до трехъ тысячъ саженъ). Жители вооружились. Когда Трифонъ сидѣлъ на высокомъ берегу Чусовой, опустивъ ноги, вдругъ они столкнули его внизъ. По страшной крутизнѣ покатился угодникъ Божій. Но Господь, сохраняющій *пришельцы* (Псал. 145, 9), сохранилъ его жизнь. Онъ нашелъ себѣ на берегу лодку, и, безъ всякаго весла, переплылъ на другую сторону. Строгановъ заковалъ его въ желѣза вмѣсто того, чтобъ въ столь необыкновенномъ пожарѣ видѣть Божіе посѣщеніе. Но дня черезъ четыре самъ подвергся, по предсказанію преподобнаго, оковамъ отъ царскихъ пословъ. Вразумленный этимъ обстоятельствомъ, которое не безъ труда могъ поправить, Строгановъ тотчасъ далъ свободу преподобному и испросилъ у него прощенія; однако совѣтовалъ Трифону уйти изъ своихъ вотчинъ“.

Отъ Чусовскихъ Городковъ до устья Чусовой съ небольшимъ сто верстъ. Здѣсь берега рѣки совершенно пустынны, такъ что въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи восьмидесяти верстъ, встрѣчается одинъ починокъ въ три двора.

На девятый день нашъ караванъ привалилъ въ Пермь, не досчитываясь шести убитыхъ и смелѣвшихъ барокъ.

XVIII.

Пермь—самый глухой губернскій городокъ, особенно зимой. Но съ открытіемъ навигаціи онъ сильно оживляется, особенно во время сплава карауановъ, когда въ Перми скопляется до десяти тысячъ бурлаковъ, набирающихся сюда со всѣхъ притоковъ глубокой Камы. Около Перми весь берегъ всплошную уставленъ привалившими сюда барками, которыя съ берега, рядомъ съ баржами и пароходами, кажутся просто жалкими суденышками. По пермскимъ улицамъ съ утра до вечера ходятъ ватаги бурлаковъ. Слышатся пьяныя пѣсни, ругань, трепканье балалайки. Въ кабакахъ и харчевняхъ яблоку упасть негдѣ. Большинство бурлаковъ получаютъ въ Перми окончательный расчетъ и спѣшатъ пропить въ первомъ кабакѣ послѣдніе гроши. Что будетъ дальше—бурлакъ не думаетъ, и мы не обвинимъ его за эту отчаянную гульбу, которой онъ наверстываетъ всѣ тѣ лишенія и невзгоды, какія перенесъ на весеннемъ сплаву.

Главнымъ центромъ, гдѣ собирается камская бурлачина, служитъ Черный рынокъ. Это недалеко отъ пристаней и въ центрѣ города. Самъ по себѣ Черный рынокъ, какъ вмѣстилище непролазной грязи, спеціально пермской воли отъ полусгнившихъ знаменитыхъ сиговъ и всяческаго тряпья, на которое страшно смотрѣть, этотъ рынокъ заслуживаетъ подробнаго описанія, если бы мы захотѣли угостить читателя картинами во вкусѣ реалистовъ послѣднихъ дней. Но грязь, вонь и тряпье такая необходимая принадлежность всѣхъ городскихъ рынковъ, что мы не считаемъ нужнымъ входить во всѣ подробности описанія этой живой клоаки. Бурлаки на Черномъ рынкѣ стоятъ стѣной съ утра до ночи. Народъ собрался сюда съ нѣсколькихъ губерній, говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, но все это разнообразіе великой ни-

веллирующей силой нужды подогнано подъ одинъ основной типъ жалкаго оборваннаго бурлака. О подраздѣленіяхъ этого типа на заводскихъ мастеровыхъ, порѣчныхъ, сельчанъ и инородцевъ мы уже говорили выше.

Я долго толкался въ этой гудѣвшей, какъ расшевеленное гнѣздо шмелей, толпѣ. Завѣтревѣвшія, запеченныя лица, покрытыя какой-то бурой корой, тупой апатичный взглядъ, растрескавшіяся губы, корявыя руки — все это краснорѣчивѣе всякихъ описаній говорило за тѣ бѣды и напасти, которыя долженъ пережить каждый бурлакъ, прежде чѣмъ попадетъ сюда, т.-е. на Черный рынокъ, это обѣтованное мѣсто, настоящій бурлацкій рай для всѣхъ Гришекъ, Бубновыхъ и Кравченковъ. „Здорово погуляли въ Пермѣ...“—съ удовольствіемъ будетъ вспоминать каждый бурлакъ въ теченіе восьмимѣсячной глухой зимы. А все бурлацкое „погулять“ сводится на одну водку, которую онъ пьетъ въ ужасающемъ количествѣ, пьетъ, пока есть деньги, или пока не свалится съ ногъ. Душа—мѣра этому отчаянному разгулу, созданному самой отчаянной, спеціально-бурлацкой бѣдностью. Наѣсться вонючаго сига, котораго не будетъ ѣсть самая голодная собака, набить брюхо вѣсовымъ сырымъ хлѣбомъ—это уже роскошь.

Тутъ же, на Черномъ рынкѣ, есть бѣлая харчевня. Когда я проходилъ мимо, меня окликнулъ знакомый голосъ. Это былъ Савоська. Его русая, кудрявая голова выставлялась въ окно, и онъ улыбался мнѣ.

— Заходите, баринъ, чайку попить со сплавщиками,—предлагалъ Савоська.

Бѣлая харчевня стояла на солнечной сторонѣ рынка; ее содержалъ разбитной ярославецъ, малый лѣтъ сорока, въ бѣлой ситцевой рубашкѣ съ крапинками и съ налощенными кудрявыми волосами. У этого субъекта совсѣмъ не было шеи, и хитрая ярославская голова приросла прямо къ плечамъ; но, несмотря на такой органическій недостатокъ, ярославецъ обладалъ замѣчательной подвижностью, какъ ученая собака, смотрѣлъ прямо въ глаза и къ каждому слову прибавлялъ самое деликатное *съ*. Несмотря на плутоватость хозяина, бѣлая харчевня была непроходимо грязна, такъ что ее можно смѣло было назвать черной или грязной. Зеленыя, захватанныя стѣны, облупившійся потолокъ, покрытая черными слоями грязи мебель—все говорило о неприхотливыхъ вкусахъ посѣтителей этой харчевни.

Савоська сидѣлъ въ углу за столомъ со своей подругой. На грязной салфеткѣ, стоявшей коробомъ, помѣщалась пара чаю. Сосѣдніе столики были заняты тоже пившими чай сплавщиками. Народъ былъ все плотный, дюжій. Очевидно, они только-что успѣли получить расчетъ отъ хозяевъ и теперь благодушествовали въ свою вольную волюшку. Красныя лица и покрытые маслянистой влагой глаза краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, что сплавщики, кромѣ чая, успѣли попробовать и *чапхи*.

— Расчетъ, видно, получили? — спросилъ я Савоську, усаживаясь къ столику.

— Точно такъ, сполна получилъ. Сейчасъ въ карманѣ двѣ четвертныхъ гумажки лежатъ... Ей-Богу!.. Вотъ хошь у Степаньки спроси...

— Удержатся, не удержатся до послѣзавтра, — отвѣтила Степанька, та самая шустрая бабенка, которая работала у насъ на передней палубѣ.

— Нѣтъ, я зарокъ на себя положилъ! Погуляю два дни и зашабашу. Остатошныя деньги всѣ домой понесу...

— Больно много, пожалуй, не донесешь...

— Ну, ну... Ежели теперь у меня зарокъ? Да я хошь сейчасъ икону со стѣны сниму... А вы баринъ, видѣли Осипа-то Иваныча нашего?

— Нѣтъ.

— Шабашъ... закурилъ... Сейчасъ отъ него. Сидитъ въ гостинницѣ, дѣвчонка съ нимъ съ Пашкиной барки и таку компанію завели — разливанное море. Всякаго водкой накачиваетъ, только пей. Я, грѣшный человѣкъ, вперевой разрѣшилъ у него, опарашилъ-таки стаканчика три. Водка не водка, а такое вино забористое... Любитъ попировать нашъ Осипъ Иванычъ!

— Да вѣдь нужны деньги, чтобы пировать?

— На-вотъ... Съ караваномъ плыть да денегъ не добыть? Что ты, баринъ... Да развѣ Осипъ-то Иванычъ безъ рукъ или безъ глазъ! Онъ кажный разъ уйму денегъ заворачиваетъ со сплаву...

— Кажется, жалованье у него небольшое?

— Ахъ, баринъ, баринъ... Какое тутъ жалованье, да развѣ караванные жалованьемъ живутъ?... Ха-ха... Взять Семена Семеныча, или Осипа Иваныча, да по ихней жисти имъ тысячное жалованье надо класть, и того не прохватитъ.

— Теперь взять хоть приказчиковъ съ другихъ пристаней,—продолжалъ Савоська:—все та же музыка... Они вмѣстѣ съ нашимъ-то Осипомъ Иванычемъ пируютъ, потому какъ, значитъ, у всѣхъ у нихъ денегъ не въ проворотъ. Ей-Богу!.. Гдѣ нашему брату горе да работа—имъ нажива! Отъ каждой убившей барки сколь они денегъ наживутъ, да отъ обмелѣвшихъ. Вездѣ надобна работа, а поди, усчитай-ка его... Не побѣжишь за нимъ по берегу-то досматривать: что написалъ, то и ладно! Вѣдь теперь обмелѣвшую барку надо сымать, надо людей—вотъ онъ и пишетъ, сколько влѣзетъ, а объ убившихъ говорить нечего: тамъ, первое дѣло, рабочихъ не разсчитаютъ, ступай, съ чѣмъ остался, потомъ металлъ надо добывать изъ-подъ бойца, изъ воды — опять прибытокъ, потомъ сколь металлу не досчитываютъ, когда добывать изъ воды его станутъ—съ кого возьмешь. Вотъ оно куда хватило: изо всякой дыры караваннымъ деньги лѣзутъ... Ужъ это вѣрно!.. А еще ты возьми нынѣшній сплавъ, сколь мы дней простояли изъ-за воды, рабочимъ должны поденное платить—опять тебѣ нажива... Ужъ я тебѣ говорю, только умѣй брать, а деньги—какъ вешняя вода на нашихъ караванахъ. А привалили на мѣсто, примѣрно сказать, въ эту самую Пермь, надо дѣлать рабочимъ окончательный расчетъ: тому не додалъ полтинника, съ другого штрафъ вычелъ, третьяго совсѣмъ не расчиталъ — опять тебѣ прибыль... Такъ? А развѣ бурлакъ можетъ что съ приказчика искать, когда они за лишніе дни рядились въ лѣсу, безъ всякой бумаги?

Савоська сильно захмелѣлъ. Свою сожительницу онъ послалъ на рынокъ за какими-то покупками, а самъ все пилъ стаканъ за стаканомъ невообразимую бурду, которую ярославецъ подавалъ за настоящую вишневую наливку.

— Ты бы ужъ лучше водку пилъ! — посовѣтовалъ я ему.

— Всему свое время: и водка отъ насъ не уйдетъ... Гуляй, душа! Ха-ха... А ты помнишь, какъ меня Осипъ Иванычъ тогда въ зашеи съ лѣстницы спустилъ? Я вѣдь тебя видѣлъ тогда, и совѣстно мнѣ было такой стамъ принимать при чужомъ человѣкѣ... А Осипъ Иванычъ такой же пьяница, какъ и мы, грѣшные. Небось, ничего не останется, все пропьетъ дочиста. У другихъ дома какъ грибы растутъ, а онъ только опухнетъ отъ сплаву... Ей-Богу!..

— Зачѣмъ же ты пьешь-то, Савоська?

— Я-то?

Савоська опустилъ свою кудрявую голову и задумался. Сквозь запы-

ленныя стекла лѣзли въ комнату ласковые весенніе лучи, дѣлая грязь обстановки харчевни еще грязнѣе. Гдѣ-то катилась безшабашная бурлацкая пѣсня. Муха билась о стекло головой и звенѣла, какъ слабо натянутая струна. Около сплавщиковъ на столикахъ появились бутылки съ разноцвѣтными наливками, лица сдѣлались еще краснѣе и покрылись точно жирнымъ лакомъ. Отъ разговоровъ стоялъ въ комнатѣ громкій, безсвязный гулъ. Дѣлалось невыносимо жарко и душно, точно въ жарко натопленной банѣ. Я хотѣлъ уже уходить, но Савоська удержалъ, упрашивая остаться еще на минуточку.

— А ты любишь пѣсни, баринъ?.. — неожиданно спросилъ Савоська, точно просыпаясь.

— Люблю. А что?

— Да такъ... Я одну тебѣ спою, нашу пристанскую. Мастакъ *) я пѣсни-то былъ пѣть прежде; вся пристань наша слушаетъ, бывало, какъ Савоська поетъ...

Приложивъ руку къ щекѣ, Савоська затянулъ богатѣйшимъ грудянымъ тенoромъ:

Охъ, съ-по горамъ-горамъ
Да съ-по высокіемъ —
Тамъ молодецъ гулялъ...

Все, что было въ комнатѣ, сразу затихло и затаилось. Проголосная пѣсня полилась хватающими за душу переливами, какъ та рѣка, по которой мы еще недавно плыли съ Савоськой. Она, эта пѣсня, такъ же естественно вылилась изъ мужицкой души, какъ льются съ горъ весенніе ручьи. Просторомъ, волей, молодецкой удалью вѣяло отъ этихъ безхитростныхъ, но глубоко поэтическихъ строфъ, и, вмѣстѣ, въ нихъ сказывалось такое подавленное горе, та тоска, которая подколодной змѣей сосетъ сердце. Вся эта окружавшая насъ грязь, эти потныя, пьяныя лица—все на время исчезло, точно въ комнату ворвался лучъ яркаго свѣта...

— Да откудова ты, лѣшій тебя задери?—спрашивалъ мужикъ съ встрепанной головой, начиная трясти Савоську за плечо. — Этакій чортъ... а?..

— Нѣтъ, не могу больше...—глухо проговорилъ Савоська, обрывая свою пѣсню.—А прежде хорошо пѣвалъ...

Сплавщики начали приставать къ нему съ угощеніемъ. Савоська не отказывался и залпомъ выпилъ нѣсколько стаканчиковъ отчаянной сандальной наливки.

— А вѣдь прежде Савоська не былъ пьяницей, баринъ...—заговорилъ онъ, точно стараясь что-то припомнить. — Нѣтъ, не былъ... Справный былъ мужикъ, одно слово: чистякъ-парень, хошь куды поверни. Да...

Послѣ короткой паузы, Савоська, пододвинувшись ко мнѣ,—проговорилъ сдержаннымъ полушопотомъ:

— А знаешь, баринъ, отчего Савоська пьяницей сдѣлался?

— Нѣтъ.

— Да, пьяница, самъ вижу, самому совѣстно, а не могу удержаться: душеньку изъ меня тянетъ, баринъ... Всѣ видятъ, какъ Савоська пьетъ, а никто не видитъ, зачѣмъ Савоська пьетъ. У меня, можетъ, на душѣ-то каменная гора лежитъ... Да!.. Охъ, какъ мнѣ тяжело бываетъ: жизни своей постылой не радъ. Хоть камень да въ воду... Я вѣдь человѣка порѣшилъ, баринъ!—тихо прибавилъ Савоська и точно самъ испугался собственныхъ словъ.

— Какъ порѣшилъ?

---

*) Мастакъ — мастеръ.

— Да такъ: взялъ обухъ, да живого человѣка и давай крошить... Вѣрно!.. Только давно это было, годовъ съ двадцать тому времю быть. Въ тѣ поры я еще совсѣмъ молодой парень былъ, хоть изъ подростковъ и вышелъ. Ну, было этакъ по двадцатому году, надо полагать. Не упомню хорошенько-то. Больно давно!.. Ну, у меня отецъ сплавщикомъ былъ на Каменкѣ и меня выучилъ плавать на баркѣ. У насъ весь родъ сплавщики. Хорошо. Пониже Каменки есть пристань Утка, а на ней жилъ у меня дядя, Селифономъ звали. Тоже сплавщикомъ былъ. Только карахтеромъ этотъ Селифонъ былъ оченно ужъ строгъ: какъ огня его всѣ боялись въ нашей-то родинѣ. Ну, вотъ этакъ передъ Пасхой, значитъ, самой дѣло было, отецъ мнѣ и говоритъ, чтобы я съѣздилъ на Утку къ дядѣ. Дѣлишко маленькое было. У насъ въ допрежнія времена насчетъ родительской воли была строжина: какъ сказалъ, все равно, что отрубилъ. Поѣхалъ я на Утку, пріѣзжаю, сдѣлалъ, что̀ наказывалъ отецъ— надо домой ѣхать. А Селифонъ и говоритъ: „Савоська, оставайся у насъ на Пасху“... Ну, я было туда-сюда, нѣтъ, дядя и слышать ничего не хочетъ. Видишь, тетка его подбила удержать-то меня, потому у нихъ свадьба затѣвалась, дочь выдавать хотѣли. А мнѣ не хотѣлось тогда на этой Уткѣ оставаться, до смерти не хотѣлось, дядю-то Селифона я очень любилъ, да на Каменку меня ужъ больно тянуло: зазноба у меня тамъ осталась. Хорошо. Перечить дядѣ не смѣю, остался. Пришла Пасха. А надо тебѣ сказать, что въ нашемъ роду всѣ по старой вѣрѣ, по безпоповщинѣ. Старики да старушки у насъ все справляютъ, что̀ слѣдуетъ. Хорошо. Вотъ на первый день Пасхи собралось много нашихъ старовѣровъ у дяди, старики отслужили свою службу, а когда лишній народъ разошелся, сѣли мы разговляться: я, дядя Селифонъ, два старца, которые служили за поповъ, да тетка съ дочерью. Сидимъ, разговляемся, все какъ слѣдуетъ по порядку, а тетка наливаетъ мнѣ стаканъ водки и подноситъ: „Поздравь, говоритъ, дядю съ праздникомъ“... А я въ тѣ поры насчетъ этой водки ни-ни, ни единой капли въ ротъ не бралъ. Ну, зачалъ я отпираться отъ водки, а тетка давай меня стыдить. Извѣстно, старуха сама пропустила стаканчикъ и разгулялась... Дядя-то тоже смѣется надо мной, что какой изъ меня сплавщикъ будетъ, коли я водки не умѣю пить. Ну, я и ожогъ первый стаканчикъ, а потомъ, какъ забрало, другой. Съ непривычки-то у меня такъ столбы въ башкѣ и заходили, весело таково сдѣлалось. Только сидимъ мы этакъ, разговляемся, а дядя-то Селифонъ и говоритъ теткѣ: „Мать, гдѣ у насъ Ѳедоръ?“ А тетка этакъ ему сердито отвѣтила: „Гдѣ ему, Ѳедькѣ, быть, на сараѣ дрыхнетъ“... Дядѣ теткины-то слова и не поглянись, взбурилъ онъ на нее, какъ матерый волчище, а самъ опять свое: „Надо позвать Ѳедьку разговляться, а то нехорошо: сегодня всѣмъ праздникъ“. А надо тебѣ сказать, что этотъ самый Ѳедька былъ первый разбойникъ въ нашихъ мѣстахъ,— продолжалъ Савоська. — Я о немъ раньше-то слыхивалъ много, а видать не видывалъ Ѳедька-то былъ съ ... заводовъ, изъ мастеровыхъ. Ну, тогда еще всѣ за барикомъ жили, Ѳедька и угодилъ въ разбойники. Случай такой у него вышелъ съ однимъ приказчикомъ... Полюбилась Ѳедькѣ одна дѣвка, а приказчикъ взялъ ее себѣ въ плехи, силкомъ. Тогда вѣдь этакія дѣла просто дѣлались: подневольный былъ народъ... Обнаковенно, Ѳедькѣ это не по нутру пришлось, онъ и полыхнулъ приказчика ножомъ, а самъ въ лѣсъ, да въ лѣсу и проживалъ, а по зимамъ у знакомыхъ раскольниковъ перебивался. Вотъ у дяди-то Селифона онъ частенько бывалъ... А въ тѣ времена за пристанесодержательство страсть какъ доставалось: въ острогѣ сгноятъ. Ну, Ѳедька по первоначалу жилъ, какъ слѣдуетъ, не обижалъ своихъ, а потомъ, какъ изварначился, и зачалъ шутки шутить надъ знакомыми раскольниками: пріѣдетъ

ночью, прямо въ ворота: „Отворяй ворота!“. Отворили. „Не хочу, разбирай заборъ!“. Помнутся-помнутся, поругаются, а дѣлать нечего—и заборъ разберутъ, потому съ Ѳедькой шутки плохія. Такъ Ѳедька-то и галеганился надъ мужиками съ годъ, этакъ сказать, ну, и надъ дядей тоже, надъ Селифономъ. А тутъ еще статья особенная подошла: у дяди, значитъ, у Селифона, дочь у его была, Матреной звали, красивая дѣвка изъ себя, вотъ она возьми да съ Ѳедькой и сживись... Ну, дядѣ-то Селифону это ужъ ножъ вострый: Ѳедьку-то онъ прималъ изъ милости, а ужъ дочь отдавать за разбойника — это другой разговоръ. Крутъ былъ дядя-то, вотъ онъ и удумалъ штуку надъ Ѳедькой сдѣлать...

„Только я про эти самыя дѣла въ долгомъ времени узналъ, послѣ ужъ, когда Матрена-то замужемъ была. Ее и замужъ поскорѣе отдали, чтобы прикрыть Ѳедькинъ грѣхъ, такъ, за пропащаго парня и отдали. Ну, такъ сидимъ это мы за столомъ, а въ избу и входитъ Ѳедька... Въ красной рубахѣ, въ бархатныхъ шароварахъ—чистякъ-парень, одно слово. Высокій, въ крыльцахъ широкій, изъ себя молодчина, хоть куды повернуть. Было ему тогда лѣтъ за тридцать съ небольшимъ. Ну, усадила тетка этого Ѳедьку за столъ, а дядя принялся его накачивать водкой: и ему подноситъ, и самъ пьетъ, и я, глядя на нихъ, хлещу тоже водку. Хорошо... А потомъ, мало-замалымъ, и зачался промежду нихъ разговоръ... Дядя-то Селифонъ и давай корить Ѳедьку за все про все, такъ напрямки ему и катитъ. Ѳедька сидитъ и все молчитъ, а дядя отчитывалъ-отчитывалъ ему, а потомъ какъ схватится да какъ полыхнетъ Ѳедьку по уху... Здоровъ былъ этотъ Селифонъ, какъ медвѣдь, лошадь кулакомъ съ ногъ сшибалъ. Ну, какъ Ѳедькѣ прилетѣло въ ухо, онъ соскочилъ, сгребъ со стола ножъ да съ ножомъ на дядю... Тутъ и пошла кутерьма!.. Одинъ старичонка ухватился Ѳедькѣ за руку, а дядя опять въ другое ухо. И схватились они втроемъ за Ѳедьку, а Ѳедька—куды тебѣ!—какъ зачалъ стариками поворачивать, у Селифона-то только сѣдая борода мелькаетъ. Вѣдь совсѣмъ зачалъ Ѳедька одолѣвать стариковъ, могутный изъ себя парень, ну, куда съ нимъ старикамъ справиться. А тетка сперва убѣжала изъ избы, а потомъ, какъ увидѣла, что Ѳедька насѣлъ совсѣмъ на стариковъ, какъ закричитъ: „Савоська, ты чего глядишь... Бей Ѳедьку!..“. А я все время дуракомъ сидѣлъ и рукой не касался, а тутъ сразу разстервенился, да какъ брошусь въ кучу къ старикамъ. Ужъ хорошенько и не помню, какъ мнѣ топоръ въ руки попалъ, надо полагать, тетка же и подсунула, я и давай благословлять обухомъ Ѳедьку... Увидалъ онъ, что дѣло плохо—въ окошко, а старики уцѣпились за него, какъ клещи, ну, онъ и ихъ за собой въ окошко вытащилъ. Ну, тутъ ужъ, за окошкомъ-то, я его, Ѳедьку, и прикончилъ... Послѣ положили на дровни, да въ лѣсъ. Такъ я и порѣшилъ Ѳедьку, баринъ! Какъ теперь вижу: прямо по затылку какъ пластнулъ обухомъ—такъ Ѳедька и покатился по землѣ...

„Воротился я послѣ этого самаго случая домой, — продолжалъ Савоська.—Ну, сперва-то немножко сумлительно было, блазнило Ѳедькой, а потомъ все прошло. Даже вѣдь и забылъ объ емъ, точно не я его и порѣшилъ. Хорошо. А тутъ меня женили на зазнобѣ на моей, на Аннушкѣ. Эхъ, хороша была дѣвушка Аннушка, баринъ, а вышла—еще стала краше да лучше. Вся пристань на насъ, бывало, любуется... Хорошо вѣдь и со стороны глядѣть, какъ люди душа въ душу живутъ, какъ два голубя. Отецъ у меня скоро померъ, остался я въ дому полнымъ хозяиномъ, все у насъ есть съ Аннушкой, все спорится: живемъ да радуемся. Этакъ годовъ съ восемь мы прожили, ужъ мальчонка сынишка у меня сталъ подрастать... Тутъ вотъ моей Аннушкѣ

что-то и попритчилось: сглазили ее, что ли, только стала она сохнуть—какъ все равно свѣча таетъ. Ужъ лѣчили-лѣчили мою Аннушку—и лѣкарки, и знахарки, и старики знающіе: нѣтъ ей легче, и шабашъ. И взяло тогда меня горе, баринъ, такое горе, хоть руки на себя наложить: больно я любилъ мою Аннушку... Чтобы тамъ пальцемъ ее пошевелить, какъ другіе-прочіе дѣлаютъ—ни Боже мой! Годъ она, сердечная, маялась... Спросишь: „Гдѣ болитъ, Аннушка?“—„Нигдѣ у меня не болитъ“,—отвѣтитъ, а-сама такъ ласково-ласково смотритъ. Глаза-то у ней стали большіе-большіе, взглянетъ ими, вотъ какъ обожгетъ по сердцу... Пошло дѣло къ веснѣ, заиграла вода, начала совсѣмъ чахнуть моя Аннушка... Только однажды она мнѣ и говоритъ: „Савося, не жилица я на бѣломъ свѣтѣ, не топтать мнѣ, видно, зеленой травушки, помру я скоро... Скажи мнѣ одно, Савося, нѣтъ ли у тебя на душѣ какого грѣха?“ Какъ она это самое слово промолвила, у меня точно что̀ оборвалось: Ѳедька-то мнѣ тогда и вспалъ на умъ... Ну, покаялся я Аннушкѣ въ своемъ грѣхѣ, усмѣхнулась она и говоритъ: „Это за *него* меня Господь наказалъ...“ Тутъ подошелъ сплавъ, я убѣжалъ съ караваномъ, а Аннушка безъ меня и душу Богу отдала. Остался я одинъ-одинешенекъ, и такъ-то мнѣ сдѣлалось тошнехонько, что и сказать тебѣ не умѣю. Ну, а тутъ ужъ нашлись дружки-пріятели, давай утѣшать, а какое у насъ утѣшеніе: кабакъ... Сталъ я похаживать въ кабакъ, отбился отъ работы, люди дивуются, какъ я домъ свой зорю, меня бранятъ да ругаютъ. А на что мнѣ домъ, когда я и жизни своей постылой не радъ? И чѣмъ дальше я пью, тѣмъ Ѳедька предо мной неотступнѣе: вижу его, какъ живого вижу, вотъ какъ теперь вижу тебя. Сначала все по ночамъ онъ приходилъ ко мнѣ, а потомъ и днемъ... И молиться я принимался, и на скиты старицамъ подаяніе посылалъ, и эпитимію на себя накладывалъ: не идетъ Ѳедька у меня съ ума, и шабашъ! Жену у меня Богъ отнялъ изъ-за него, сынишка ушелъ за матерью, а теперь онъ за мной пришелъ... Только мнѣ и легче, когда я пѣсни пою! Можетъ, это и грѣшно, да ужъ на сердцѣ-то тошнехонько... Хорошо я пѣвалъ, когда молодымъ былъ, а тутъ какъ выпью, пойду по улицѣ и зальюсь: вся улица слушаетъ, по которой иду. Старики-то которые да старухи и осудятъ меня за мои пѣсни: „вино въ Савоськѣ поетъ!“, а того не подумаютъ, что не вино во мнѣ, а мое горе-горькое поетъ... И тяжело мнѣ и хорошо, когда пою!“

Савоська задумался и опустилъ голову. По лицу у него катились пьяныя слезы.

— Ходилъ я къ одному старцу, совѣтовался съ нимъ...—глухо заговорилъ Савоська.—Какъ, значитъ, моему горю пособить. Древній этотъ старецъ, пожелтѣлъ даже весь отъ старости... Онъ мнѣ и сказалъ слово: „Потуда тебя Ѳедька будетъ мучить, покуда ты наказаніе не примешь... Ступай, говоритъ, въ судъ и объявись: отбудешь свою казнь и совѣсть найдешь“. Я такъ и думалъ сдѣлать, да боюсь одного: суды нонѣ милостивы стали, пожалуй, безъ наказанія меня совсѣмъ оставятъ... Куда я тогда дѣнусь?

Черезъ полгода я прочелъ въ газетахъ замѣтку о крестьянинѣ Севастьянѣ Кожинѣ, который самъ явился въ ...ской судъ и сознался въ убійствѣ. Это былъ Савоська. Присяжные выпесли ему оправдательный вердиктъ.

Компанія „Нептунъ“ черезъ годъ ликвидировала свои дѣла, заплативъ своимъ акціонерамъ по 5 коп. за рубль.

1883.

ЗОЛОТУХА.

Очерки пріисковой жизни.

I.

Съ широкаго крыльца паньшинской пріисковой конторы, на которомъ смотритель пріиска Бучинскій, по хохлацкой привычкѣ, имѣлъ обыкновеніе отдыхать каждое послѣобѣда съ трубкой въ зубахъ, открывался великолѣпный видъ какъ на весь Паньшинскій пріискъ, такъ и на окружавшія его Уральскія горы. И пріискъ и горы были „точно поднесены къ конторѣ“, по мѣткому выраженію пріисковой стряпки Аксиньи.

Уральскія горы спускаются въ сторону Азіи крутыми уступами, изрытыми массой глубокихъ роговъ, овраговъ и падей. На сѣверъ отъ Уральской желѣзной дороги горы начинаютъ подниматься выше, и по дну роговъ бойко катятся безымянныя горныя рѣчушки, которыя образуютъ собой живую подвижную сѣтку. Лозьва и Тура принимаютъ въ себя такія горныя рѣки тысячами; рѣчка Панья, на которой расположился Паньшинскій пріискъ, впадаетъ въ Туру, предварительно сдѣлавъ сотни самыхъ мудреныхъ колѣнъ, поворотовъ и извилинъ. Съ крыльца пріисковой конторы пріискъ представлялъ глубокій оврагъ, сдавленный съ обѣихъ сторонъ довольно высокими лѣсистыми горками; по самому дну этого лога прихотливыми извивами катится Панья. Вѣроятно, годъ назадъ она совсѣмъ была затянута кустами ивняка, ольхой, смородиной и густой, ярко-зеленой осокой, а теперь берега ея совсѣмъ обнажены, и только кой-гдѣ по нимъ валяются кучи покраснѣвшаго на солнцѣ хвороста, свѣжія бревна и маленькія полѣнницы новыхъ дровъ. Сейчасъ за конторой, которая занимаетъ пригорокъ, берега Паньи, на протяженіи двухъ верстъ, изрыты на всѣ лады, точно здѣсь прошелъ какой-то гигантскій кротъ. Вообще, вся эта масса взрытой безъ всякаго плана и порядка земли походила скорѣе на слѣпую работу стихійныхъ силъ, чѣмъ на результатъ труда разумно-свободнаго существа, какъ опредѣляютъ человѣка учебники логики и психологіи. По бокамъ пріиска тянутся грядой громадныя свалки изъ верховыхъ пластовъ, не содержащихъ золота; желтые валы перемывокъ, т.-е. промытаго песку, чередуются съ глубокими выработками, гдѣ добывается золотоносный песокъ, рядами шурфовъ, походящихъ на только-что вырытыя могилы, и небольшими мутными прудками, которые Панья образовала тамъ и сямъ по своему теченью. Мутная вода этихъ прудовъ, при помощи канавъ и деревянныхъ желобовъ, проведена къ самымъ далекимъ частямъ пріиска, гдѣ поднимаются свои перемывки и свалки. Присутствіе людей оживляло всю картину и при яркомъ солнечномъ освѣщеніи дѣлало ее даже красивой, какъ проявленіе

самой кипучей человѣческой дѣятельности. Пестрыя кучки старателей были разсыпаны по всему пріиску, по нимъ можно было опредѣлить положеніе вашгердовъ, на которыхъ совершалась промывка песковъ. Въ выработкахъ, куда въѣзжали и выѣзжали пріисковыя двухколесныя телѣжки-таратайки, можно было разсмотрѣть только одинъ мужскія головы, въ валеныхъ шляпахъ и фуражкахъ, а около вашгердовъ суетилась голосистая пестрая толпа женщинъ. Въ глубинѣ пріиска, гдѣ дорогу Панькѣ загородила невысокая каменистая горка, виднѣлась довольно сложная золотопромывательная машина; издалека можно было разобрать только ряды стоекъ и перекладинъ, водяное колесо и крутой подъемъ, по которому подвозились на машину пески. Люди, работавшіе на машинѣ, казались съ крыльца конторы муравьями, а когда на подъемъ взбиралась таратайка, то лошадь можно было принять за комнатную муху. Рядомъ съ промывкой весело попыхивала паровая машина; изъ высокой, тонкой трубы день и ночь валилъ густой черный дымъ, застилавшій даль темной пеленой.

По бокамъ пріиска, подъ прикрытіемъ дремучаго ельника, лѣпились старательскіе балаганы и землянки; кое-гдѣ около нихъ курились веселые огоньки и суетились женщины, а въ густой зеленой травѣ, на которой паслись спутанныя лошади, мелькали бѣлыя дѣтскія головки. Съ внѣшнимъ міромъ пріискъ соединялся извилистой, узкой дорогой, которая желтой змѣйкой взбѣгала мимо пріисковой конторы на крутой увалъ и сейчасъ же терялась въ сѣнистомъ лѣсу изъ елей, сосенъ и пихтъ. На западѣ, изъ-за зубчатой стѣны хвойнаго лѣса, придавленной линіей, точно валы темно-зеленаго моря, поднимались горы все выше и выше; самыя дальнія изъ нихъ были окрашены густымъ сѣро-фіолетовымъ цвѣтомъ. Вся эта картинка пріиска была вставлена въ темно-зеленую раму дремучаго хвойнаго лѣса, заполонившаго все кругомъ на сотни верстъ. Гордо поднимали свои пирамидальныя вершины столѣтнія, посѣдѣвшія ели; воздушными стрѣлками, какъ готическія башенки, летѣли прямо въ небо молодыя бархатныя ели, и, широко раскинувъ свои могучія вѣтви, свѣтло-зелеными шапками поднимались надъ всѣмъ лѣсомъ старыя лиственн. Отъ этого непролазнаго, угрюмаго сѣвернаго лѣса вѣяло первобытной стихійной силой, которую не въ состояніи сокрушить ни сорокаградусные морозы, ни трехъаршинные снѣга, ни убійственный сѣверо-восточный вѣтеръ, который заставляетъ деревья поворачивать свои вѣтви къ далекому благословенному югу.

— У насъ работа, какъ вода въ котлѣ кипитъ,—самодовольно говорилъ Бучинскій, любуясь послѣ обѣда картиной пріиска. — Человѣкъ триста работаютъ... Да. Усимъ хлѣбъ даемо. А сколько пользы государству приносимъ? Хе-хе!.. Золото... Всѣмъ золото треба, всѣ его шукаютъ... пхе! А оно у насъ подъ носомъ... Ткни рыломъ землю, вотъ и золото.

Ѳома Осипычъ, какъ всѣ хохлы, послѣ обѣда впадалъ въ философское настроеніе и любилъ побесѣдовать на тему о государственной пользѣ. Его круглое, прыщеватое лицо съ свиными глазками, носомъ луковицей и длинными казацкими усами подергивалось въ эти минуты жирнымъ блескомъ, и по толстымъ, отвислымъ губамъ блуждала самодовольная улыбка человѣка, который не желаетъ ничего лучшаго. Кто былъ Бучинскій самъ по себѣ, какими вѣтрами занесло его на Уралъ, какъ онъ попалъ на пріисковую службу — покрыто мракомъ неизвѣстности, а самъ онъ не любилъ распространяться о своей генеалогіи и своемъ прошломъ. На пріискѣ Бучинскаго не любили, и старатели просто называли его безпалымъ Ѳомкой, потому что у него на лѣвой рукѣ недоставало одного пальца.

Жилъ Бучинскій на пріискахъ пришѣваючи, ѣлъ по четыре раза въ день, а въ хорошую погоду любилъ бродить по пріиску, останавливаясь преимущественно около тѣхъ вашгердовъ, гдѣ работали красивыя дѣвки. До женскаго пола Бучинскій былъ необыкновенно падокъ и не пропускалъ мимо ни одной смазливой рожицы. По цѣлымъ часамъ, бывало, торчитъ, какъ индюкъ, около бабъ и не уйдетъ безъ того, чтобы не щипнуть самую хорошенькую. Отъ бабъ иногда ему крѣпко доставалось, но на удары скребками или просто рукой наотмашь Бучинскій только жмурился, какъ закормленный котъ, и приговаривалъ съ не оставлявшимъ его никогда юморомъ: „А ты, Апроська, побереги руку-то, глупая: пригодится еще“.

Пріисковая контора только-что была поставлена весной и желтѣла на пригоркѣ своими новыми бревнами и тесовой крышей. Она дѣлилась на двѣ половины. Въ одной помѣщалась собственно контора, гдѣ жилъ Бучинскій, и хранилась касса, а въ другой была устроена кухня и людская. Собственно контора однимъ окномъ выходила на дорогу, а двумя другими на пріискъ, такъ что Бучинскій изъ-за своего письменнаго стола могъ видѣть всякаго, кто ѣхалъ на пріискъ или съ пріиска, а также и то, что̀ дѣлалось на пріискѣ. Стѣны конторы внутри были только-что выдѣланы и еще хранили слѣды топора, которымъ съ грѣхомъ пополамъ были обтесаны бревна. Полъ и потолокъ были сдѣланы изъ расколотыхъ надвое бревенъ и подровнены какъ разъ настолько, чтобы на полу нога не запиналась о края настланныхъ плахъ. Желтый мохъ, которымъ были законопачены пазы между бревнами, не успѣлъ еще завянуть и таращился клочьями, усиками и колючей щетиной; когда по утрамъ горячее іюльское солнце врывалось въ окна конторы снопами ослѣпительныхъ лучей, которые ложились на полу золотыми пятнами и яркими полосами, веселые зайчики долго и прихотливо перебѣгали со стѣны на стѣну, зажигая золотыми искорками капли свѣжей смолы, вытоплявшіяся изъ расщелявшихся толстыхъ бревенъ. Одно окно, какъ зеленымъ шатромъ, было запушено лапистыми вѣтвями старой ели; солнечные лучи, проходя черезъ живую сѣтку изъ зеленыхъ иглъ, окрашивались особеннымъ, желто-зеленымъ цвѣтомъ, точно ихъ пропустили сквозь тонко прокованный листъ золота.

Обстановка конторы отличалась большой простотой и тѣмъ отчаяннымъ безпорядкомъ, какой всюду вноситъ съ собой грубая половина человѣческаго рода. Самъ Бучинскій прибавилъ отъ себя спеціально хохлацкую грязь и какой-то особенный запахъ, который никогда не оставлялъ его. У самыхъ оконъ, во всю длину наружной стѣны, на деревянныхъ козлахъ были настланы доски и прикрыты толстымъ сѣрымъ сукномъ; это и былъ письменный столъ, около котораго торчали два колченогихъ стула и новенькая табуретка со слѣдами красноватой пріисковой глины. На столѣ смѣшалась масса предметовъ въ замѣчательномъ безпорядкѣ. Можно было подумать, что всѣ эти предметы были высыпаны на столъ прямо изъ мѣшка, да такъ и остались въ томъ положеніи, куда толкнула ихъ сила инерціи. Изъ-подъ слоя желтой пріисковой пыли, разсыпаннаго табаку, пепла и окурковъ можно было разсмотрѣть чернильницу безъ чернилъ, нѣсколько желѣзныхъ кружекъ съ красными пріисковыми печатями, пустую готовальню, сломанный ящикъ изъ-подъ сигаръ, коллекцію штуцерныхъ пуль, дробь въ мѣшечкѣ, дробь въ коробочкѣ изъ-подъ пастилокъ Виши и дробь, просто разсыпанную по всему столу вмѣстѣ съ пистонами, оборванными пуговицами, обломками сургуча, заржавѣвшими перьями и тому подобной дрянью, которая неизвѣстно для чего и какъ забирается на письменные столы. Кипы счетовъ и конторскихъ книгъ были сложены отдѣльно, подъ прессомъ изъ золотосодержащаго кварца; нѣсколько раскрытыхъ книгъ

лежали тамъ и сямъ въ самыхъ отчаянныхъ позахъ, какъ только-что раздавленные люди съ раскинутыми руками.

Въ углахъ конторы, сейчасъ у дверей, были устроены на деревянныхъ козлахъ двѣ походныя кровати; на одной спалъ Бучинскій, а другую занималъ я. Около постели Бучинскаго стояла пріисковая касса, т.-е. желѣзный сундукъ, а надъ постелью, на развѣшенномъ по стѣнѣ тюменскомъ коврѣ, въ красивомъ безпорядкѣ размѣщено было разное оружіе, начиная съ револьвера и кончая бельгійской двухстволкой и заржавѣвшимъ турецкимъ кинжаломъ. Около стѣнъ стояло нѣсколько зеленыхъ тагильскихъ сундуковъ, въ которыхъ хранилась вся движимость Бучинскаго и разный домашній скарбъ.

II.

Мнѣ пришлось провести на Паньшинскомъ пріискѣ въ обществѣ Бучинскаго нѣсколько недѣль, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю про это время. Для меня представляла глубокій интересъ та живая сила, какой держатся всѣ пріиски на Уралѣ, т.-е. старатели, или, какъ ихъ перекрестили по-новому уставу о золотопромышленности — золотники.

— Старатели... пхе!.. Хочется вамъ съ этими пьяницами дѣло имѣть! — не разъ говорилъ мнѣ Бучинскій: онъ никакъ не могъ понять, что̀ меня могло тянуть къ старателямъ. — Самый проклятый народъ... Я говору вамъ. Въ высшемъ градусѣ безнравственный народъ... Да!.. И живутъ, какъ свиньи... Имъ только дай горилки, а тутъ бери съ него все: онъ вамъ и золото продастъ, и чужую лошадь украдетъ, и даже собственную жену приведетъ... Я вамъ говору!..

— Мнѣ кажется, что о старателяхъ много лишняго говорятъ.

— Кажется?!. Тэ-тэ-тэ!.. Отто глупая скотына этотъ Бучинскій! Ха-ха...— хриплымъ смѣхомъ залился Бучинскій, причемъ вмѣсто глазъ у него образовались двѣ жирныя складки кожи.—Я теперь все понимаю... даже до капли все! Ссс... А все никакъ въ свою глупую башку взять не могъ. Да вы бы лучше прямо до меня обратились, и я устроилъ бы все, какъ ваше сердце желаетъ... Хе-хе!.. Вотъ у Зайца смачная дивчина есть, у Силы... Знаете „губернатора“? Тэ-тэ-тэ... Да вы ужъ и безъ меня успѣли зацѣпить лихую дивчину! По глазамъ вижу... да. А я вамъ говору по совѣсти: на всемъ пріискѣ нѣтъ лучше губернаторовой Наськи! Да вы жъ навѣрно раньше меня все это знаете?..

Разувѣрять Бучинскаго въ чистотѣ моихъ намѣреній было напраснымъ трудомъ: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ заматерѣлыхъ скептиковъ, которые судятъ о всѣхъ по самимъ себѣ.

Пріискъ вблизи былъ совсѣмъ не то, чѣмъ онъ казался издали. Свалки, перемывки, выработки, шурфы, канавы, кучи песку и галекъ — все это напоминало издали работу сумасшедшаго, который не стѣснялся осуществленіемъ своихъ дикихъ фантазій и то, что̀ вырывалъ въ одномъ мѣстѣ, сваливалъ въ другомъ. Нужно было пройти пріискъ изъ конца въ конецъ, и только тогда „открывался въ этомъ безпорядкѣ порядокъ“ и вся масса затраченнаго человѣческаго труда освѣщалась разумной мыслью. Точно такъ же и относительно старателей. Главное впечатлѣніе производила необыкновенная пестрота собравшагося здѣсь народа. И кого-кого только ни было на пріискѣ: мастеровые съ горныхъ заводовъ; старовѣры изъ глухихъ лѣсныхъ деревень по р. Чусовой; случайные гости на пріискѣ—вороняки, т.-е. переселенцы изъ Воронежской губерніи, которые попали сюда, чтобы заработать себѣ необходимыя деньги на далекій путь въ Томскую губернію; нѣсколько десятковъ

башкиръ, два вогула и та спеціально-пріисковая рвань, какую вы встрѣтите на каждомъ пріискѣ, на всемъ пространствѣ отъ Урала до Великаго океана. Этотъ гуляющій, бездомный, разношерстный людъ есть порожденіе безтолковой пріисковой жизни и составляетъ настоящую язву, корень всяческихъ золъ. Стоитъ разъ взглянуть на эти типичныя лица и на живописныя ихъ лохмотья, чтобы угадать настоящихъ пріисковыхъ волковъ, которые голодными стаями бродятъ всю жизнь по пріискамъ.

На первый взглядъ кажется, что всѣ эти люди, загнанные сюда на пріискъ со всѣхъ концовъ Россіи однимъ могучимъ двигателемъ, нуждой, безтолково смѣшались въ одну пеструю массу пріисковыхъ рабочихъ; но, вглядываясь внимательнѣе въ кипучую жизнь пріиска, мало-по-малу выясняешь себѣ главныя основы, на которыхъ держится все. Шагъ за шагомъ обрисовываются невидимыя нити, которыми связываются въ одно цѣлое отдѣльныя единицы, и наконецъ рельефно выступаетъ основная форма, первичная клѣточка, въ которую отлилась безшабашная пріисковая жизнь. Эта руководящая нить для уразумѣнія пріисковой жизни заключается въ понятіи русской артели, которая нашла себѣ здѣсь глубокое примѣненіе. Безъ артели русскій человѣкъ — погибшій человѣкъ; поэтому артель живетъ на всѣхъ вольныхъ промыслахъ, въ тюрьмахъ и въ монастыряхъ; даже разудалая вольница, ничего не хотѣвшая знать, кромѣ своей вольной волюшки — и та складывалась въ разбойничью артель. Если съ испоконъ вѣку русскій человѣкъ работалъ артелью, и грабилъ артелью, отсиживался по тюрьмамъ и острогамъ артелью, то такое широкое примѣненіе артельныхъ началъ вносило въ нихъ, на каждый спеціальный случай, спеціальныя примѣненія въ формѣ и содержаніи. Старательская артель, въ которую, если позволено такъ выразиться, выкристаллизовалась пріисковая жизнь, рѣшила ту же задачу, какую рѣшаютъ всѣ русскія артели, т.-е. какъ, при наличности minimum'а благопріятныхъ условій, не только ухитриться просуществовать, но еще выполнить maximum работы.

Было свѣтлое іюльское утро, когда я въ первый разъ спускался отъ конторы на пріискъ. Солнце едва показалось изъ-за линіи лѣса, и въ низкихъ мѣстахъ стояла еще ночная сырость, а кой-гдѣ сохранившіеся клочки зеленой травы были покрыты каплями росы. Со стороны лѣса доносился нестройный птичій концертъ; залетные гости короткаго сѣвернаго лѣта точно хотѣли удесятерить его радость своими веселыми пѣснями. Въ лѣсу еще стояла ночная прохлада: около балагановъ огни едва дымились; по дорогѣ мнѣ попалось нѣсколько таратаекъ, нагруженныхъ пескомъ. Лошадью правили босоногіе мальчишки-подростки, а на одной таратайкѣ кучеромъ сидѣла курносая, рябая дѣвка въ красномъ платьѣ и въ желтомъ, высоко подтыканномъ сарафанѣ. Я миновалъ цѣлый рядъ глубокихъ шурфовъ, при помощи которыхъ производится развѣдка золота, и направился въ ту сторону, гдѣ происходила добыча золотоноснаго песку, т.-е. къ выработкѣ. Изъ выработки въ одномъ мѣстѣ выставлялась голова гнѣдой лошади, а въ другомъ широкая лысина съ остатками мягкихъ русыхъ кудрей. Выработка имѣла форму глубокой четыреугольной ямы съ выемкой на одной сторонѣ; по этой выемкѣ осторожно поднялась гнѣдая мохноногая лошадка съ нагруженной телѣжкой.

— Кузька! Мотри не балакай съ бабами-то подолгу,—крикнулъ вслѣдъ выѣзжавшей телѣжкѣ средняго роста широкоплечій старикъ, лысину котораго я замѣтилъ еще издали.

Кузька, подростокъ лѣтъ четырнадцати, съ бойкимъ загорѣлымъ лицомъ, только взмахнулъ концомъ веревочныхъ вожжей и трусцой направился къ ближайшему прудку, около котораго виднѣлись два вашгерда.

— Богъ на помочь!—поздоровался я со старикомъ, который рукавомъ старой нестрядевой рубахи вытиралъ свое красивое, широкое лицо, покрытое каплями крупнаго пота.

— Миръ дорогой!—весело отозвался старикъ.—Иди въ выработку-то, лопатка и на твою долю найдется... Вонъ Никита умаялся съ утра-то съ кайломъ играть.

Молодой мужикъ, длинный, нескладный, съ острыми плечами и непріятнымъ, худымъ, рябымъ лицомъ, только тряхнулъ спутанными волосами и опять принялся долбить кайломъ осыпавшійся слой мокраго песку. Мужики были оба одинаково одѣты въ синіе нестрядевые рубахи и порты, работы одной хозяйки; на ногахъ были лапти. Дно выработки было покрыто слоемъ липкой грязи, въ одномъ углу стояла цѣлая лужа мутной воды; на краю лежали свернутый чекмень и узелокъ съ краюхой чернаго хлѣба. Старикъ закурилъ коротенькую трубочку, пока я осматривалъ выработку, и принялся неспѣшно выбрасывать желѣзной лопаткой скопившіеся турфа, т.-е. несодержащую золото землю, наверхъ, прямо на деревянныя полати, настланныя изъ досокъ у самаго края выработки. Кузька успѣлъ свезти пески на вашгердъ и теперь вернулся, чтобы навалить свою таратайку турфами и вывезти ихъ къ ближайшей свалкѣ.

— Что, бабы благодарятъ за гостинецъ?—спрашивалъ старикъ.

— Доводить пора, тятька...

— Безъ нихъ знаю, что пора. Никита, ты покедова поковыряй здѣсь, а какъ я доведу золото, наужинать будемъ. Вотъ барину охота поглядѣть, какъ мужики золото добываютъ. Ну, баринъ, пойдемъ къ грохоту, старый Заяцъ все тебѣ покажетъ, какъ на ладонкѣ

— А тебя какъ звать?—спрашивалъ я

— Меня-то?.. Да Зайцемъ добрые люди зовутъ; это вотъ мои зайчата, а у грохота сама Зайчиха. Теперь понялъ? А я тебѣ покажу все, какъ есть...

Только когда Заяцъ вылѣзъ изъ своей выработки, я хорошенько разсмотрѣлъ его атлетически-сложенную фигуру. Ему было пятьдесятъ слишкомъ, но это могучее мужицкое тѣло смотрѣло еще совсѣмъ молодымъ и могло вынести какую угодно работу. Замѣтивъ мой пристальный взглядъ, старикъ съ добродушной улыбкой проговорилъ:

— Что на меня глядишь, баринъ?

— Да такъ смотрю; здоровый ты изъ себя очень.

— Здоровый... Какое ужъ мое здоровье, баринъ! Былъ когда-то Заяцъ, а теперь одна шкурка осталась... Да. Вотъ гдѣ моя погибель сидитъ!—проговорилъ старикъ, указывая на свои ноги:—тутъ Зайцу и конецъ. Ну, куда онъ безъ ногъ-то, баринъ?

— А что, развѣ у тебя болятъ ноги?

— Я тебѣ вотъ что скажу, баринъ: какъ теперь станетъ весна, али осень, вода будетъ ледяная—шабашъ! Какъ поробилъ твой Заяцъ въ выработкѣ, пришелъ въ балаганъ да легъ, а встать и невмоготу. Другой разъ недѣли съ двѣ Заяцъ безъ работы лежитъ, потому ноги какъ деревянныя

— Простудилъ гдѣ-нибудь?

— А слыхалъ про заводъ Тагилъ?

— Какъ не слыхать.

— Ну, такъ въ этомъ самомъ Тагилѣ есть Мѣдный рудникъ, вотъ Заяцъ тамъ и ножки свои оставилъ... Это еще когда мы за бариномъ были, такъ Заяцъ въ огненной работѣ робилъ, у обжимочнаго молота. А въ тѣ поры былъ управителемъ нѣмецъ, вотъ Заяцъ согрубилъ нѣмцу, а его, Зайца,

за задніи ноги да въ гору, въ рудникъ, значитъ. Думалъ, что оттедова и живой не выдѣзу... Но поясъ въ ледяной водѣ робили. Ключи тамъ изъ горы бѣгутъ, студеные ключи.

Отъ выработки до вашгерда было саженъ двѣсти съ небольшимъ. У низенькой плотины стоялъ деревянный ящикъ, длиной аршина два; одинъ бокъ этого ящика былъ вынутъ, а дно сдѣлано покатымъ, въ нѣсколько уступовъ. Это была нижняя часть вашгерда, или площадка; сверху она была прикрыта продырявленнымъ желѣзнымъ листомъ въ деревянной рамѣ—это грохотъ. Площадка и грохотъ составляли весь нехитрый приборъ, на которомъ производилась промывка золотоносныхъ песковъ; на ученомъ языкѣ горныхъ инженеровъ этотъ приборъ называется вашгердомъ.

— Тоже безъ снасти и клопа не убьешь,—обязательно объяснялъ мнѣ старый Заяцъ.—Не больно хитро устроено, а въ шапкѣ золота не намоешь.

У вашгерда работали три женщины. Старшая, Зайчиха, высокая старуха въ темномъ платкѣ, набрасывала на грохотъ пески, которые Кузька свалилъ около вашгерда. Двѣ молодыхъ бабы размѣшивали эти пески по грохоту маленькими желѣзными лопаточками, скребками. По деревянному желобу изъ прудка была проведена къ грохоту вода и падала на песокъ ровной струей. Когда песокъ смѣшивался съ водой, частицы глины и мелкаго песку относились струей, гальки оставались на грохотѣ, а золото вмѣстѣ съ чернымъ песочкомъ, шлихами, падало сквозь отверстія грохота прямо на площадку, гдѣ и задерживалось маленькими деревянными валиками. Ходъ всей операціи былъ крайне незамысловатъ, и достаточно было посмотрѣть на него въ теченіе пяти минутъ, чтобы усвоить вполнѣ.

— У меня и семья вся налажена для пріиску,—хвалился Заяцъ, указывая на бабъ.—Вонъ молодайка съ Парашкой какъ поворачиваютъ, того гляди грохотъ изломаютъ.

— Ну, будетъ тебѣ зубы-то точить,—заворчала Зайчиха. — Пристали безъ того...

— Я вправду говорю,—оправдывался старикъ.—Ну, дѣвоньки, еще маненько навалитесь—и доводить.

Молодая, высокая дѣвка съ румянымъ, скуластымъ лицомъ, которую Заяцъ назвалъ Парашкой, по всѣмъ примѣтамъ принадлежала къ семьѣ Зайцевъ. То же завидное здоровье, веселый взглядъ большихъ карихъ глазъ, привѣтливая улыбка на красныхъ губахъ—все говорило, что Парашка была дочь стараго Зайца и его баловень. Въ своемъ ситцевомъ розовомъ сарафанѣ и въ такой же рубашкѣ, она выглядѣла настоящей пріисковой щеголихой; подвязанный подъ самыя мышки передникъ плохо скрывалъ ея могучія юныя формы. Неправильное лицо было красиво молодой, здоровой красотой, выращенной прямо подъ открытымъ небомъ, какъ растутъ безыменные полевые цвѣточки, которыми зеленая трава обрызнута, точно драгоцѣнными камнями.

— Это невѣста Ѳомки безпалаго,—говорилъ Заяцъ, указывая на дочь.— Вотъ въ Филипповъ постъ свадьбу будемъ играть. Ѳомка-то давно на нее губы распустилъ...

Молодайка, жена Никиты, не принимала участія въ общемъ разговорѣ, шуткахъ и смѣхѣ; какъ только послѣднія лопатки песку были промыты, она сейчасъ же бѣгомъ убѣжала въ сторону лѣса, гдѣ стоялъ балаганъ Зайца. Блѣдное лицо молодайки съ большими голубыми глазами мнѣ показалось очень печальнымъ; губы были сложены сосредоточенно и задумчиво. Видно, не весело доставалась этой женщинѣ пріисковая жизнь.

— Ишь какъ Лукерья побѣгла!—удивлялся добродушнѣйшимъ образомъ вслѣдъ своей снохѣ старый Заяцъ.—Тамъ у насъ въ балаганѣ еще два зайченка есть, такъ вотъ матка и бѣгаетъ къ нимъ съ работы. Старатели будутъ, какъ подрастутъ.

— А велики?

— Одному парнишкѣ, старшенькому, около зимняго Николы два года будетъ,—отвѣчала Зайчиха.—А меньшенькій еще матку сосетъ, всего по третьему мѣсяцу... Здѣсь на пріискѣ и родился.

— Съ кѣмъ же ребенокъ остается въ балаганѣ, пока мать работаетъ здѣсь?

— Съ кѣмъ ему оставаться, баринъ?.. Лежитъ себѣ въ зыбкѣ, и все тутъ.

— Да вѣдь его комары заѣдятъ?

— Бываетъ и такой грѣхъ,—соглашался Заяцъ, вынимая изъ-подъ вашгерда щетку и небольшую желѣзную лопаточку: — и комару надо лѣтомъ чѣмъ-нибудь питаться. Ну, гляди, баринъ, сколько у Зайца золота напрѣло!.. Сейчасъ доводить стану.

Старикъ уменьшилъ струю, падавшую на грохотъ, и присѣлъ на корточки къ площадкѣ. По дну площадки темными полосами расположились шлихи, а въ нихъ свѣтлыми искорками желтѣли крупники золота. Старикъ, осторожно засучивъ рукава, повелъ щеткой вверхъ по дну площадки и взмутилъ воду; струя подхватила часть чернаго песочка и унесла его съ площадки. Съ каждымъ движеніемъ щетки шлиховъ оставалось все меньше и меньше, а черезъ десять минутъ работы въ водѣ блестѣло одно золото. При помощи лопаточки, Заяцъ осторожно собралъ его все и проговорилъ:

— Будетъ не будетъ ползолотника.

— Мало?

— Изъ-за хлѣба на воду заробимъ. Потому считай: за золотникъ намъ въ конторѣ даютъ рубль восемь гривенъ, а за ползолотника приходится девять гривенъ... Такъ? Ну, а мы робимъ самъ-шестъ, прикинь, сколько на брата придется въ полдни.

— По пятиалтынному.

— А мы эту самую битву принимаемъ съ самаго солнцевсхода, значитъ, съ двухъ часовъ по-вашему... Клади еще двухъ коней. Пообилось наше золото, видно, чтобы ему пусто было семь разъ.

— А раньше лучше шло золото?

— День на день не приходится... Въ другой разъ и два золотника падало за день на грохотъ, а то и четь-золотника.

Старикъ высыпалъ золото въ сухую тряпочку, высушилъ его въ ней, а потомъ высыпалъ въ круглую желѣзную кружку съ пріисковой печатью.

— Бабы, зовите паужинать Никиту. Баринъ, хлѣбъ-соль кушать съ нами.

III.

Мнѣ часто доводилось бродить по пріиску, и я быстро освоился съ его пестрымъ населеніемъ. Всѣ старательскія артели были устроены, какъ одна, и носили смѣшанный семейный характеръ, сближавшій ихъ съ кустарнымъ промысломъ. Малосильныя семьи соединялись по двѣ и по три, а если для артели недоставало одного человѣка — его прихватывали „на сторонѣ“, изъ тѣхъ лишнихъ людей, какихъ набирается на каждомъ пріискѣ очень много.

Было нѣсколько и такихъ артелей, члены которыхъ не были связаны никакими родственными узами, а единственно соединились для одной работы. Но послѣдній, повидимому, самый чистый типъ артели представлялъ на пріискѣ исключеніе, а главнымъ правиломъ являлась все-таки артель-семья, какъ, напримѣръ, Зайцы.

Главную массу пріисковыхъ рабочихъ составляли горнозаводскіе мастеровые и жители лѣсныхъ деревень гористой части Верхотурскаго уѣзда, гдѣ почва камениста и неродима; для нихъ было во всѣхъ отношеніяхъ прямымъ расчетомъ работать на пріискахъ семьями. Трудъ всѣхъ членовъ семьи утилизировался съ замѣчательной послѣдовательностью, и не пропадала даромъ ни малѣйшая его крупица. Пріисковая тяга не миновала ничьей головы.

— Прежде, какъ за барином жили,— разсуждалъ Заяцъ,—бывало, какъ погонятъ мужиковъ на пріиски, такъ бабы какъ коровы ревѣли... Потому извѣстно, каторжная наша пріисковая жизнь! Ну, а тутъ, какъ объявили волю да зачали по заводамъ рабочихъ сбавлять—гдѣ робило сорокъ человѣкъ, теперь ставятъ тридцать, а то и двадцать—вотъ мы тутъ и ухватились за пріиски обѣими руками... Все-таки съ голоду не помрешь. Прежде одинъ мужикъ маялся на пріискѣ да прималъ битву, а теперь всей семьей страдуютъ... И выходитъ, что наша-то мужицкая воля поровнялась, прямо сказать съ волчьей! Много черезъ это самое золото, баринъ, нашихъ мужицкихъ слезъ льется. Вонъ погляди: бабы въ брюхѣ еще тащатъ ребятъ на пріиски, да такъ и пойдетъ съ самаго перваго дня, въ родѣ, какъ колесо: въ зыбкѣ старатель комаровъ кормитъ-кормитъ, потомъ чуть подросъ—садись на телѣжку, вози пески, а потомъ становись къ грохоту или полѣзай въ выработку. Еще мужику туды-сюды—оно тяжело, чего говорить, а все мужикъ — мужикъ и есть; а вотъ бабамъ, тѣмъ, пожалуй, и невмоготу въ другой разъ эти пріиски..

Мастеровые—народъ обтертый, разговорчивый, однимъ словомъ, заводская косточка. Присутствіе посторонняго человѣка не только не стѣсняло заводскихъ артелей, а, напротивъ, доставляло имъ большое удовольствіе... Это и понятно, потому что къ барину, въ лицѣ своихъ служащихъ и приказчиковъ, мастеровые привыкли съ малыхъ лѣтъ. Исключеніе представляли раскольники, которые на пріискѣ занимали совсѣмъ отдѣльный уголъ и выглядѣли особнячкомъ. Познакомиться съ жизнью раскольничьихъ артелей являлось дѣломъ очень труднымъ. Мужики отмалчивались, бабы косились и отплевывались. На самой работѣ, около раскольничьихъ вашгердовъ, лежала печать какого-то тяжелаго отчужденія и подавленной, скрытой печали; не было слышно пѣсенъ, не сыпались шутки и прибаутки, безъ которыхъ не работается русскому человѣку. Раскольники изъ лѣсныхъ деревень, съ р. Чусовой и изъ Чердынскаго уѣзда особенно бросались въ глаза и своимъ костюмомъ и полной неприступностью. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться поближе съ жизнью этихъ именно артелей, и счастливый случай свелъ меня съ одной изъ нихъ.

— Ты чего это къ кержакамъ къ нашимъ повадился? — фамильярно спросила меня однажды наша пріисковая стряпка Аксинья, разбитная, черноглазая бабенка, вѣчно щеголявшая въ кумачныхъ сарафанахъ и козловыхъ ботинкахъ.

— Да такъ... Посмотрѣть, какъ работаютъ.

Аксинья молча посмотрѣла на меня и, показавъ два ряда, какъ слоновая кость, зубовъ, проговорила:

— А они тебя боятся... Думаютъ, что ты не насчетъ ли золота досматриваешь. Право... Чистые дураки! Я имъ сколько говорю: баринъ простой,

хорошій... Ей-Богу, вотъ сейчасъ съ мѣста не сойти, такъ и сказала. Ну, а братъ-то мой... Видалъ, чай?

— Это съ рыжей бородой?..

Аксинья взглянула на меня исподлобья и, улыбнувшись, кокетливо проговорила:

— Нѣтъ, это такъ... кумъ. Чортъ его знаетъ, зачѣмъ шатается...

Кумъ, плотный старикъ съ рыжей бородой, являлся къ намъ въ контору періодически черезъ каждые два дня; онъ обыкновенно усаживался на порогѣ кухни и терпѣливо дожидался, пока щеголиха-кума освободится отъ своей суеты. Я замѣчалъ, что таинственное появленіе этого рыжаго кума всегда совпадало съ самымъ скверными расположеніемъ духа Бучинскаго. Этотъ почтенный человѣкъ раза два совсѣмъ утратилъ свое обычное душевное равновѣсіе и даже вступилъ съ Аксиньей въ жестокую перепалку. Нужно сознаться, что побѣда осталась не на сторонѣ Ѳомы Осипыча: Аксинья принялась такъ неистово голосить и такъ трещала языкомъ,—точно свѣжій блинъ на каленой сковородѣ,—что Бучинскій счелъ за самое лучшее отступить, хотя долго ругался на террасѣ и въ конторѣ, посылая кума ко всѣмъ чертямъ и желая ему „четырнадцать разъ сдохнуть“. Очевидно, Аксинья крѣпко держала въ своихъ рукахъ женолюбивое сердце Бучинскаго и вполнѣ разсчитывала на свои силы; высокая грудь, румянецъ во всю щеку, бѣлая, какъ молоко, шея и неистощимый запасъ злого веселья заставляли Бучинскаго сладко жмурить глаза, и онъ приговаривалъ въ веселую минуту: „Отто пышная бабенка, возьми ее чортъ!“. Кумъ не жмурилъ глазъ и не считалъ нужнымъ обнаруживать своихъ ощущеній, но, кажется, на его долю выпала львиная часть въ сердцѣ коварной красавицы.

— Ужо, вотъ придетъ какъ-нибудь братъ, такъ я скажу ему,—обѣщала Аксинья, когда я просилъ ее познакомить меня съ кержаками, т.-е. съ раскольниками.

Братъ Аксиньи, который на пріискѣ былъ извѣстенъ подъ уменьшительнымъ именемъ Гараськи, совсѣмъ не походилъ на свою красивую сестру. Его хилая и тщедушная фигура, съ вялыми движеніями и какимъ-то сѣрымъ лицомъ, рядомъ съ сестрой, казалась просто жалкой; только въ изъелена-сѣрыхъ глазахъ загорался иногда насмѣшливый, злой огонекъ, да широкія губы складывались въ неопредѣленную, вызывающую улыбку. Въ моихъ глазахъ Гараська былъ просто бросовый парень, которому нечего и думать тянуться за настоящимъ мужикомъ.

— Это Гараська-то бросовый?!—удивился Бучинскій, когда у насъ завела рѣчь рѣчь о немъ.—Да я вамъ скажу, дайте мнѣ десять старателей, за нихъ одного Гараську не отдамъ. Да-съ.

— Да вѣдь онъ же не можетъ работать, какъ другіе старатели?

— Работать... что такое работать... пхэ... Лошадь работаетъ, машина работаетъ, вода работаетъ... такъ? А Гараська—золотой человѣкъ. У него голова на плечахъ, а не капустный вилокъ, какъ у другихъ. Знаете, что я вамъ скажу,—задумчиво прибавилъ Бучинскій:—я не желалъ бы одной ночи провести вмѣстѣ съ этимъ Гараськой гдѣ-нибудь въ лѣсу...

— Почему такъ?

Бучинскій насосалъ свою трубку, исчезъ въ облакахъ дыма и засмѣялся:

— Вотъ вы живете недѣлю на пріискѣ и еще годъ проживете, и все-таки ничего не узнаете,—заговорилъ онъ.—На пріискахъ всякій народъ есть: разбойникъ на разбойникѣ... Да. Вы посмотрите только на ихнія рожи: ножъ

въ руки, и сейчасъ на большую дорогу. Ей-Богу... А Гараська... Однимъ словомъ, я пятнадцать лѣтъ служу на пріискахъ, а такого разбойника еще не видалъ. Онъ васъ среди бѣлаго дня зарѣжетъ за двугривенный, да еще и зарѣжетъ не такъ, какъ другіе: и концовъ не найти.

Бучинскій любилъ прибавить для краснаго словца, и въ его словахъ можно было вѣрить любой половинѣ, но эта характеристика Гараськи произвела на меня впечатлѣніе противъ всякаго желанія. При каждой встрѣчѣ съ Гараськой слова Бучинскаго вставали живыми, и мнѣ начинало казаться, что дѣйствительно въ этомъ изможденномъ тѣлѣ жило что-то особенное, чему не приберешь названія, но что заставляло себя чувствовать. Когда Гараська улыбался, я испытывалъ непріятное чувство.

— А вамъ что смотрѣть у насъ?—какъ-то равнодушно спрашивалъ Гараська, когда мы отъ конторы шли къ его вашгерду.—Робимъ, какъ всѣ другіе...

Объяснить прямую цѣль своихъ посѣщеній я не желалъ, а только постарался увѣрить загадочнаго парня въ полной чистотѣ своихъ намѣреній.

Изъ выработки недоверчиво глянуло на насъ широкое и суровое лицо рыжаго кума, а около вашгерда молча работали двѣ женщины. Онѣ даже не взглянули въ нашу сторону. Одна, помоложе, со слѣдами недавней красоты на помертвѣломъ блѣдномъ лицѣ, глухо кашляла; это была, какъ я узналъ послѣ, любовница Гараськи, попавшая на пріиски откуда-то изъ глубины Чердынскаго уѣзда. Другая женщина, некрасивая и рябая, съ тупымъ равнодушнымъ лицомъ, служила живымъ олицетвореніемъ одной мускульной силы, безъ всякихъ признаковъ той сложной внутренней жизни, которая отпечатывается на человѣческомъ лицѣ.

— Ну, теперь видѣлъ?—коротко проговорилъ Гараська, когда мы осмотрѣли выработку и вашгердъ; кумъ молчалъ, какъ затравленный волкъ, бабы смотрѣли въ сторону.

— Отчего васъ работаетъ всего четверо?—спросилъ я.—Вѣдь неудобно.

— Кому какъ, а намъ и такъ хорошо.

Я заходилъ нѣсколько разъ къ Гараськѣ, и эти посѣщенія не привели ни къ чему, за исключеніемъ того развѣ, что кумъ наконецъ разступился и заговорилъ. Поводомъ для нашего сближенія послужила охота. Кумъ снизошелъ даже до того, что обѣщалъ когда-нибудь въ праздникъ свозить меня подъ какую-то Мохнатенькую гору, гдѣ дичи водилось видимо-невидимо. Однажды, когда я сидѣлъ въ выработкѣ кума, до меня донеслись странные звуки: въ первую минуту я подумалъ, что кто-то причитаетъ по покойникѣ, но потомъ уже разслушалъ, что это была пѣсня.

— Ишь развылась! — строго замѣтилъ кумъ, не страдавшій излишней словоохотливостью и болтливостью.

— Кто это поетъ?

— Да Гараскина Марѳутка каку-то плачу все воетъ... Слышь, въ ихней сторонѣ на свадьбѣ такія пѣсни играютъ. Марѳутка-то чердынская выходитъ, такъ къ ненастью и тоскуетъ.

— А другая дѣвка заводская?

— Это Ховря-то? А чортъ ее знаетъ, откудова она... Какая-то безчувственная, Христосъ съ ней.

Я долго вслушивался въ „плачу“ Марѳутки. Голосъ у нея былъ хорошій, хотя и надсаженный. Но въ словахъ и въ самомъ мотивѣ „плачи“ было столько безысходной тоски, глухой жалобы и нѣжной печали!..

Мнѣ ночесь, молодешенькѣ,
Не спалось да много видѣлось:
. . . . . .

Съ-по лугамъ, лугамъ зеленымъ
Разлилася вода вешняя,
По крутымъ краснымъ бережкамъ,
По желтымъ песочкамъ.
Отнесло, отлелѣяло
Миду дочь да отъ матери;
Шла по бережку родна матушка,
Съ-по круту родимая...
„Воротись, мое дитятко!
Воротись, мое родимое!“

IV.

Кумъ угадалъ; дѣйствительно, Мароутка недаромъ разливалась въ своей плачѣ—вечеромъ же небо обложилось со всѣхъ сторонъ сѣрыми низкими тучами, точно войлокомъ, и „замотросилъ“ мелкій дождь „сѣногной“. Утромъ картина пріиска измѣнилась до того, что ее трудно было даже узнать сразу. А черезъ три дня все кругомъ покрылось мутноватой водою и липкой пріисковой грязью; пѣсни смолкли, самыя веселыя лица вытянулись, и всѣ смотрѣли другъ на друга какъ-то непріязненно, точно это низкое сѣрое небо придавило всѣхъ. Всякому было до себя, до своего измокшаго, зябнувшаго тѣла. Подъ этимъ ненастьемъ ярко выяснилась самая тяжелая сторона пріисковой работы, когда по цѣлымъ днямъ приходилось стоять подъ дождемъ, чуть не по колѣна въ водѣ, и самый трудъ дѣлался вдвое тяжелѣе. Рабочіе походили на мокрыхъ птицъ, которыя съ тупымъ равнодушіемъ смотрятъ на свои мокрыя, опустившіяся крылья. Женщинамъ и здѣсь доставалось тяжелѣе, чѣмъ мужчинамъ, потому что сарафаны облѣпляли мокрое тѣло грязными тряпками, на подолахъ грязь образовывала широкую кайму, голыя ноги и башмаки были покрыты сплошнымъ слоемъ вязкой красной глины.

Сидѣть въ конторѣ въ такую погоду, съ глазу на глазъ съ Бучинскимъ, было просто невыносимо. Натянувъ охотничьи сапоги, я побрелъ черезъ весь пріискъ къ машинѣ, гдѣ разсчитывалъ посмотрѣть на работу подъ прикрытіемъ какого-нибудь навѣса или пріисковыхъ полатей. Около вашгердовъ шла молчаливая работа, точно всѣ на кого-то сердились. Въ выработкѣ Зайца я не замѣтилъ старика. Никита работалъ съ какимъ-то молодымъ бойкимъ мужикомъ въ заплатанной кумачной рубахѣ и въ рваномъ татарскомъ азямѣ; сплющенная, какъ блинъ, кожаная фуражка была ухарски сбита на затылокъ. Загорѣлое бойкое лицо было не заводскаго типа.

— А гдѣ старый Заяцъ?—спросилъ я, подходя къ выработкѣ.

— Въ балаганѣ лежитъ,—отвѣчалъ Никита.

— Обезножилъ старый Заяцъ,—прибавилъ мужикъ, не спуская съ меня своихъ большихъ черныхъ глазъ.—А я вотъ на его мѣсто попалъ...

У вашгерда, гдѣ работала Зайчиха со снохою и дочерью, сидѣлъ низенькій, тщедушный старичокъ съ бородкой клинышкомъ. Онъ равнодушно глянулъ на меня своими слезившимися глазками, медленно отвернулъ полу длиннаго зипуна и досталъ изъ-за голенища берестяную табакерку; пока я разговаривалъ съ Зайчихой, онъ съ ожесточеніемъ набилъ табакомъ свой распухшій носъ и проговорилъ, очевидно, докапчивая давешній разговоръ:

— Нѣтъ, Матвѣвна, не тово... не ладно...

— Сдѣлай ты ладнѣе, сватъ Сила.

— Нѣтъ, не ладно, Матвѣвна...

— Ну, затвердилъ одно: не ладно, не ладно. А кого возьмешь? Работа не ждетъ, а Заяцъ третій день въ балаганѣ валяется. Къ ненастью, говоритъ,

спина страсть тосковала, а потомъ и ноги отнялись. Никита и привелъ Естю...

— Да вѣдь Естя-то откуда вашъ?

— А кто его знаетъ... Спроси самъ, коли надо...

— Видѣлъ я его даве: орелко... Нѣтъ, Матвѣвна, не ладно. Ты куда, баринъ?—спросилъ меня старикъ, когда я пошелъ отъ вашгерда.— На машину? Ну, намъ съ тобой по дорогѣ. Прощай, Матвѣвна А ты, Лукерья, что не заходишь къ намъ? Настя и то собиралась къ тебѣ забѣжать, да ногу повихнула, надо полагать.

Мы пошли. Старикъ какъ-то переваливалъ на ходу и постоянно передвигалъ на головѣ свою высокую войлочную шляпу съ растрескавшимися полями; онъ нѣсколько разъ вслухъ проговорилъ: „Нѣтъ, Матвѣвна, не ладно... я тебѣ говорю: не ладно!“

— Что не ладно-то, дѣдушка?—спросилъ я.

— Какъ что?.. Орелка-то видѣлъ? Ну и не ладно выходитъ. Теперь Заяцъ въ балаганѣ лежитъ, а Естя будетъ работать. Такъ? А Лукерья, выходитъ, мнѣ дочь... да и Паранька-то дѣвчонка молодая. Чужой человѣкъ въ дому хуже хвори... Теперь понялъ? Гдѣ углядишь за ними... Нѣтъ, Матвѣвна, не ладно! Глазъ у этого у Ести круглый, какъ у уросливой лошади.

— „Губернатору“ наше почтеніе!..—кричалъ какой-то мужикъ съ черной бородой, когда мы проходили со старикомъ мимо одной выработки.

— Будь здоровъ Евстратъ! — добродушно отозвался старикъ, приподнимая свою шляпу.—Эхъ вода одолѣла пріискъ, баринъ! Теперь ненастье, надо полагать, зарядило денъ на пять... вѣрно.

— Тебя зачѣмъ „губернаторомъ“ зовутъ, дѣдушка?

— Губернаторомъ-то? А вотъ заходи какъ-нибудь ко мнѣ въ балаганъ, такъ я тебѣ разскажу все по порядку. Только спроси, гдѣ, молъ, „губернаторъ“ старается: всякій мальчонокъ доведетъ. Ну, прощай, мнѣ сейчасъ направо итти.

Старикъ приподнялъ свою разношенную шляпу и побрелъ по маленькой дорожкѣ, которая отдѣлилась вправо; шлепая по лужамъ, губернаторъ нѣсколько разъ передвинулъ шляпу на головѣ и проговорилъ не выходившую изъ его головы фразу: „Нѣтъ, Матвѣвна, не ладно!..“

Золотопромывательная машина вблизи представляла собою подъѣздъ на высокихъ сваяхъ и главный корпусъ, гдѣ шумѣло водяное колесо, и маленькій шлюзъ, по которому скатывалась мутная вода. Если около старательскихъ вашгердовъ земля была изрыта вездѣ, какъ попало, зато здѣсь работы велись въ строгомъ порядкѣ, по в ѣмъ правиламъ искусства. Прежде всего снятъ былъ въ нѣсколько правильныхъ уступовъ верхній пластъ земли, турфы, и затѣмъ обнаженная золотая розсыпь вырабатывалась шагъ за шагомъ, чтобы не оставить въ землѣ ни одной крупицы драгоцѣннаго металла. Накоплявшаяся въ низкихъ мѣстахъ вода откачивалась паровой машиной. Для старательскаго вольнаго промысла здѣсь не было мѣста, а работа велась наемными поденщиками. Это и была та пріисковая голытьба и рвань, которая не въ силахъ была соединяться въ артели, а предпочитала поденщину.

Я пришелъ къ той части машины, гдѣ на отлогомъ деревянномъ скатѣ скоплялись шлихи и золото. Два штейгера въ сѣрыхъ пальто наблюдали за работой машины; у стѣны, спрятавшись отъ дождя, сидѣлъ какой-то поденщикъ въ одной рубахѣ и, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, сосалъ коротенькую трубочку. Онъ постоянно сплевывалъ въ сторону и сладко жмурилъ глаза.

— Гдѣ бы мнѣ увидать смотрителя машины?—спросилъ я у штейгера.

— Да вонъ онъ торчитъ... Точно филинъ, прости Господи!—сердито отозвался одинъ изъ штейгерей, движеніемъ головы указывая наверхъ.

Я поднялъ голову и нѣсколько мгновеній остался въ такой позѣ неподвижно. Наверху, облокотившись на перила подъѣзда, стоялъ небольшого роста коренастый и плотный господинъ въ осеннемъ порыжѣломъ пальто; его круглая, остриженная подъ гребенку голова была прикрыта черной шляпой съ широкими полями. Онъ смотрѣлъ на меня своими близорукими, выпуклыми глазами и улыбался. Нужно было видѣть только разъ эту странную улыбку, чтобы никогда ее не забыть: такъ улыбаются только дѣти и сумасшедшіе.

— Да вѣдь это Ароматовъ, Стратоникъ Ермолаичъ?—проговорилъ я наконецъ.

— Здгавствуйте, domine! — весело отозвался господинъ въ осеннемъ пальто и какъ-то наотлетъ приподнялъ свою широкополую шляпу, причемъ открылся громадный выпуклый лобъ и широкая лысина во всю голову.

Черезъ минуту я имѣлъ удовольствіе пожать небольшую, всегда холодную руку моего стараго знакомаго.

— Да вѣдь я вторую недѣлю живу на пріискѣ,—говорилъ я:—какъ же это мы съ вами не встрѣтились до сихъ поръ?

— Очень просто, domine... У насъ съ Бучинскимъ контры—вотъ и не встрѣтились,—добродушно отвѣчалъ Ароматовъ, не выпуская моей руки.— Представьте себѣ... Однажды Бучинскій идетъ мимо машины, я и кричу ему: „Ѳома Осипычъ, зайдите ко мнѣ на минутку...“ А онъ мнѣ: „Стратоникъ Ермолаичъ, хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ“. А я ему: „Извините, Ѳома Осипычъ, я не зналъ, что вы хлѣбъ, а я брюхо...“ Ну, и разошлись... Ну, да это все пустяки... А мы съ вами давненько-таки не видались, domine!.. Позвольте, гдѣ это въ послѣдній разъ я васъ встрѣтилъ?.. Та-та-та!.. Помните отца Макка? Вѣдь у него? Да, да...

— Да на пріиски-то вы какъ попали?

— Волею неисповѣдимыхъ судебъ служу спеціально златому тельцу второй годъ... Какъ же-съ!.. Нѣкоторымъ образомъ способствуемъ преуспѣяніямъ отечественной промышленности, а если перевести сіе на языкъ простыхъ копеекъ—получаемъ двадцать рублей жалованья.

Широкое добродушное лицо Ароматова при послѣднихъ словахъ точно расцвѣло отъ улыбки: около глазъ и по щекамъ лучами разбѣжались тонкія старческія морщины, рыжеватые усы раздвинулись, и по широкимъ чувственнымъ губамъ проползла удивительная дѣтская улыбка. Ароматовъ носилъ окладистую бородку, которую на подбородкѣ для чего-то выбривалъ, какъ это дѣлаютъ чиновники. Черный шелковый галстукъ сбился на бокъ, открывая сомнительной бѣлизны ситцевую рубашку и часть бѣлой, полной шеи.

— Да, я устроился по-американски и живу настоящимъ янки,—прибавилъ Ароматовъ, какъ бы въ отвѣтъ на мой осмотръ.—Да вотъ пойдемте въ мою землянку, тамъ все увидите.

Если вообще на Руси странныхъ людей непочатый уголъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, Ароматовъ принадлежалъ къ числу самыхъ странныхъ, начиная съ его дѣтскаго выговора и сумасшедшей улыбки. Я съ нимъ познакомился совершенно случайно, въ глухой деревушкѣ Зауралья, куда насъ загнала жестокая зимняя мятель. Какъ теперь вижу Ароматова, какъ онъ вошелъ въ избу въ волчьемъ тулупѣ и безъ церемоній заговорилъ своимъ комически-возвышеннымъ слогомъ: „Извините, если я помѣшаю вамъ своимъ присутствіемъ... Но законы природы стоятъ выше условныхъ приличій. Полярнымъ льдамъ угодно было скопиться въ устьяхъ Оби, образовалось громадное холод-

ное теченіе, понеслась пугга, и вотъ мы, nolens-volens, должны познакомиться. Да, человѣкъ является только ничтожной единицей въ агиометическихъ выкладкахъ игигоды, но онъ все-таки не дитя слѣпого случая.

„Ты дхнешь—и двигнешь океаны,
Течешь—и вспять они текутъ.
А мы?.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!“

съ неподдѣльнымъ пафосомъ продекламировалъ Ароматовъ, не вылѣзая изъ своего тулупа.

— Имѣю честь рекомендоваться: сопричисленъ къ лику святыхъ, къ колѣну Левитову,—прибавилъ Ароматовъ совершенно другимъ тономъ и въ первый разъ улыбнулся своей сумасшедшей улыбкой.—А теперь игинадлежу къ взыскующимъ града.

Кому случалось по цѣлымъ суткамъ отсиживаться отъ зимней мятели гдѣ-нибудь въ мужицкой избѣ, тотъ пойметъ, что Ароматовъ былъ для меня настоящей находкой. Онъ проговорилъ въ теченіе десяти часовъ безъ умолку, пересыпая свою рѣчь цитатами изъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Бокля и Спенсера; нѣсколько разъ принимался декламировать стихи Некрасова и передавалъ въ лицахъ лучшія сцены комедій Островскаго и Гоголя. Какъ актеръ, Ароматовъ былъ замѣчательно хорошъ, но его погубила „проклятая буква р“; колоссальная память и начитанность придавали его разговорамъ живой интересъ, и, что̀ все занимательнѣе, онъ владѣлъ счастливой способностью не только схватить, но и передать съ замѣчательнымъ искусствомъ смѣшныя стороны въ людяхъ и животныхъ. Пока мы дожидались конца мятели, наша изба превратилась въ сцену: Ароматовъ скопировалъ своего ямщика, старуху, которая пряла нитки, кошку, лакавшую молоко; успѣлъ показать, какъ пьетъ курица, клюютъ ерши, какъ дерутся собаки, представилъ въ лицахъ кошачій концертъ и т. д. Бабы и ребятишки смотрѣли на Ароматова съ разинутыми ртами, а когда онъ перешелъ къ опытамъ чревовѣщанія—въ ужасѣ попятились отъ чудного барина и начали даже креститься.

Во второй разъ я неожиданно столкнулся съ Ароматовымъ на фабрикѣ одного изъ уральскихъ заводовъ, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ простого рабочаго. Но тяжелый фабричный трудъ оказался Ароматову не по силамъ, и въ слѣдующій разъ я встрѣтилъ его уже совершенно въ новой роли. Мнѣ нужно было взять изъ ...скаго волостного правленія какую-то справку. Захожу въ волость и вижу цѣлую толпу людей, которая окружила столъ и хохотала, какъ сумасшедшая. Проталкиваюсь впередъ, смотрю,—за столомъ сидитъ Ароматовъ и пишетъ обѣими руками: одной—отношеніе становому, другой—какой-то протоколъ исправнику. Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ Ароматовымъ у о. Марка; Ароматовъ служилъ за псаломщика, пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ, подавалъ кадило. Онъ объяснилъ это послѣднее свое превращеніе закономъ наслѣдственности.

— Вотъ и моя хатка,—проговорилъ Ароматовъ, когда мы подходили къ какой-то землянкѣ.—Живу какъ американецъ... Питаюсь солониной, читаю газеты. Только вотъ никакъ не могу игивыкнуть жевать табакъ...

— Да для чего вамъ его жевать?

— Какъ для чего, domine? Вгемя—деньги, а на кугеніе табаку сколько его напгасно уходитъ.

Входъ въ землянку походилъ на нору; узкое окошечко изъ разбитыхъ стеколъ едва освѣщало какую-то нору, на которой валялась уже знакомая читателю шуба, замѣнявшая Ароматову походную постель, столикъ изъ обрубка

дерева, полочка съ книжками и небольшой очагъ изъ булыжника. Трубы не полагалось, и поэтому все кругомъ было покрыто толстымъ слоемъ сажи.

— Живу, какъ индѣецъ,—объяснялъ Ароматовъ, любезно предлагая мнѣ мѣсто на волчьей шубѣ.—Omnia mea mecum porto... Конечно, сначала трудновато газставаться съ нѣкоторыми предразсудками, но энергія прежде всего. Это вѣдь только кажется, что мы не можемъ обойтись безъ горячаго обѣда, чистаго бѣлья, свѣтлаго помѣщенія,—я испыталъ на себѣ.

— Все это предразсудки по-вашему?

— Совершенно вѣрно...

Очевидно, Ароматовъ находился въ періодѣ американизма и бредилъ жизнью настоящаго янки; на одной стѣнѣ была повѣшена четырехугольная картонка, на которой готическими буквами было написано: „Деньги потерялъ—ничего не потерялъ, время потерялъ—много потерялъ, энергію потерялъ—все потерялъ“. На другой—такая же картонка съ другой надписью: „Time is money“. На полочкѣ съ книгами я разсмотрѣлъ нѣсколько разрозненныхъ томовъ Добролюбова и Бѣлинскаго, папку съ бумагами и маленькій томикъ разсказовъ Бретъ-Гарта.

— Все-таки, Стратоникъ Ермолаичъ, какъ вы на пріиски попали?—спрашивалъ я, когда Ароматовъ усердно принялся разводить на своемъ очагѣ огонь, чтобы угостить меня вновь изобрѣтеннымъ имъ кушаньемъ изъ провѣсной свинины съ какими-то травами и кореньями.

— Да я же служилъ въ горномъ правленіи въ ...гѣ десять лѣтъ,—объяснялъ Ароматовъ, наполняя свою конуру густымъ ѣдкимъ дымомъ.—Какъ же... Имѣю чинъ титулярнаго совѣтника. Помните у Некрасова:

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
А она—генеральская дочь...

Ароматовъ речитативомъ пропѣлъ два куплета и опять принялся раздувать огонь.

— Отчего же вы оставили казенную службу?

— Да не приходится... Пока служилъ въ правленіи — все было хорошо, а какъ меня командировали на казенные золотые промыслы — все и пошло прахомъ... Мнѣ выпало гадкое счастье набить карманы... Да! На рысакахъ бы теперь катался, денегъ хоть лопатой гребли... Ну, не вытерпѣлъ. Нагодъ грабятъ на пріискахъ, я и донесъ въ горный департаментъ, а меня сейчасъ по шапкѣ.

Ароматовъ подробно разсказалъ, какъ онъ попался въ настоящую „золотую кашу“. На казенныхъ пріискахъ шла въ то время большая игра: не воровалъ только тотъ, кому лѣнь было протянуть руку. Рвали страшные куши, и дѣлежка казеннаго совершалась въ вопіющихъ размѣрахъ. Система этого хищенія была выработана съ замѣчательнымъ искусствомъ. Такъ какъ уставъ о золотопромышленности запрещалъ вести промывку золота старательскимъ „хищническимъ“ способомъ, то она производилась поденщиной... на бумагѣ. Въ сущности, все промытое золото добывалось тѣми же старателями и сдавалось ими въ пріисковыя казенныя конторы по 1 р. 70 к., а въ книгахъ все было разложено на поденщину. Въ результатѣ правительству каждый золотникъ, намытый этимъ казеннымъ способомъ, обходился среднимъ числомъ въ $3^1/_2$ — $4^1/_2$ рубля. Разница, которая получалась между платой старателямъ и показной цѣной, достигала почтенной цифры — 2 — 3 рубля съ каждаго золотника. Сколько было нажито на этой незамысловатой операціи, покажетъ приблизительный расчетъ: на казенныхъ .....скихъ промыслахъ добывалось

въ годъ золота до тридцати пудовъ. Воротилы казенныхъ золотыхъ пріисковъ, считая прибыли съ каждаго золотника по 2 р., съ тридцати пудовъ среднимъ числомъ, за здорово живешь, получали ни больше ни меньше, какъ *двѣсти тысячъ* рубликовъ въ годъ. Къ этому нужно еще прибавить оклады жалованья чиновникамъ, затѣмъ суммы на различныя командировки, развѣдки и комиссіи; наконецъ практиковался самый простой способъ обкрадыванія мелкихъ служащихъ: маленькая чинушка расписывалась въ полученіи двадцати пяти или тридцати рублей жалованья, а въ дѣйствительности получала всего десять, пятнадцать рублей. Наконецъ записывалось жалованье миѳическимъ служащимъ, существовавшимъ только на бумагѣ; спекулировали на провіантѣ, который запасался рабочимъ, и т. д. Однимъ словомъ, велась крупная игра въ круговую, гдѣ „рука руку мыла“. Доносъ какого-то Ароматова, конечно, канулъ въ рѣку забвенія, вмѣстѣ съ его авторомъ.

— А на частныхъ промыслахъ развѣ лучше? — спрашивалъ я Ароматова, который теперь сидѣлъ предъ огнемъ на корточкахъ и кулакомъ протиралъ глаза; я, въ ожиданіи американскаго кушанья, тоже задыхался отъ густого дыма и принужденъ былъ нѣсколько разъ выходить изъ землянки, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ.

— На частныхъ промыслахъ, по крайней мѣрѣ, есть впереди выходъ, — объяснялъ чудакъ. — Погодите, всѣмъ будетъ хорошо...

— Когда?

Ароматовъ повернулъ ко мнѣ свое вспотѣвшее лицо, покрытое сажей, и съ дѣтской увѣренностью сумасшедшаго человѣка проговорилъ:

— А вотъ когда устроимъ все по-американски... Вы не смѣйтесь, domine. У меня въ головѣ иногда дѣйствительно немного умъ за разумъ заходитъ, а все-таки нужно „совлечь съ себя ветхаго человѣка“ и жить по-американски. По-моему, Россія и Америка очень походятъ другъ на друга. Это двѣ молодыя цивилизаціи, прямая задача которыхъ выработать новыя формы жизни.

Новое американское кушанье вкусомъ походило на спартанскую похлебку, и мнѣ стоило большого труда отказаться отъ удовольствія проглотить его цѣлую кружку.

V.

Однажды, послѣ обѣда, когда я съ книгой въ рукахъ лежалъ въ своемъ уголкѣ, послышался грохотъ подъѣхавшаго къ конторѣ экипажа. Не успѣлъ я подняться навстрѣчу подъѣхавшимъ гостямъ, какъ въ дверяхъ показался небольшого роста господинъ въ черной фрачной парѣ, смятой сорочкѣ, безъ галстука и съ фуражкой на затылкѣ.

— Карнауховъ — пьяница... ввѣрно!.. Да, Лука Карнауховъ величайшій пьяница изъ всѣхъ рожденныхъ женами. А все-таки Карнауховъ честный человѣкъ... Ѳедя! вѣдь мы съ тобой честные человѣки?

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе,—по-солдатски отвѣтилъ сухой, вытянутый старикъ; въ дверяхъ виднѣлась одна его голова въ какой-то поповской шляпѣ.

— Высокоблагородіе... хе-хе!.. — продолжалъ Карнауховъ, попадая на своихъ коротенькихъ и кривыхъ ножкахъ. — А ежели разобрать, Ѳедя, такъ мы съ тобой выходимъ порядочные подлецы... Вѣдь подлецы?..

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Ну, ипъ будь по-твоему: честные подлецы... Хха!.. Ахъ, чортъ тебя возьми Ѳедя!.. Вчера пили коньякъ на Любезномъ у этого эѳіопа Тишки

Безматерныхъ, такъ? Третьяго-дни пили шампанское у доктора Поднебеснаго... такъ? Ну, сегодня проваландаемся у Бучинскаго... такъ? А завтра... Ѳедя, ну куда мы съ тобой завтра дѣнемся?..

— Вы хотѣли, ваше высокоблагородіе, побывать на Майнѣ.

— Это у Синицына? у разбойника?!. Ну, нѣтъ, шалишь: Лука Карнауховъ къ Синицыну не поѣдетъ, хоть проведи онъ отъ Паньшина до Майны рѣку изъ шампанскаго... На лодкѣ по шампанскому везя — и то не поѣду! Понялъ? Синицынъ — воръ... Ты чего это моргаешь?

Ѳедя, сѣдой сухой старикъ, только пожалъ широкими острыми плечами и молча кивнулъ въ мою сторону своей по-солдатски подстриженной головой. Въ переводѣ этотъ жестъ означалъ: „Чужой человѣкъ здѣсь, ваше высокоблагородіе...“. Карнауховъ посмотрѣлъ въ мою сторону воспаленными голубыми глазками и, балансируя, направился ко мнѣ съ протянутой рукой.

— А, здравствуйте, батенька! — заговорилъ онъ такимъ топомъ, точно мы вчера съ нимъ разстались. — А я васъ и не замѣтилъ... извините... А мы вчера у Безматерныхъ съ дьякономъ Органовымъ сошлись... Вотъ ужъ поистинѣ: гора съ горой не сходится, а пьяница съ пьяницей всегда сойдутся. Ну, и устроили, я вамъ скажу, такое попоище, такой водопой!.. Ха-ха!.. Доктора Поднебеснаго знаете? Въ окно выскочилъ да въ лѣсъ... Совсѣмъ осатанѣлъ отъ четырехдневнаго пьянства... Спасибо, вотъ Ѳедя поймалъ, а то бы нашъ докторъ гдѣ-нибудь въ шахтѣ непремѣнно утонулъ. Ей-Богу!..

Карнауховъ остановился, невѣрнымъ движеніемъ поправилъ спутанные волосы на головѣ, улыбнулся и, топомъ не совсѣмъ проснувшагося человѣка, проговорилъ:

— Послушайте, вы къ Синицыну не ѣздите. Синицынъ — воръ...

— Не пойманъ — не воръ, ваше высокоблагородіе! — коротко замѣтилъ Ѳедя, поправляя широчайшей ручищей выцвѣтшій лацканъ своей охотничьей куртки.

— Нѣтъ, братику, воръ!—настаивалъ Карнауховъ, напрасно стараясь попасть рукой въ карманъ разстегнутаго жилета, изъ котораго болталась оборванная цѣпочка. — Ну, да чортъ съ нимъ, съ твоимъ Синицынымъ... А мы лучше соборнѣ отправимся куда-нибудь: я, Тишка, докторъ, дьяконъ Органовъ... Вотъ пьетъ человѣкъ! какъ въ яму, такъ и льетъ рюмку за рюмкой! Вѣдь это, чортъ его возьми, игра природы... Что жъ это я вамъ вру! Позвольте отрекомендоваться прежде: Лука Карнауховъ, хозяинъ Паньшинскаго пріиска...

Замѣтивъ мой вопросительный взглядъ, Карнауховъ торопливо заговорилъ:

— Да, собственно пріискъ принадлежитъ Меропѣ Самодѣлкиной, только Меропея-то Самодѣлкина принадлежитъ мнѣ, яко моя законная жена... Теперь поняли? Еще въ „Belle Hélène“ есть такой куплетъ:

Я мужъ царицы,
Я мужъ царицы...

Ахъ, чортъ возьми!.. Моя Меропея такъ же походитъ на Елену, какъ уксусъ на колесо... Ха-ха!.. А мы все-таки, батенька, поѣдемъ съ вами... Ѳедя, вѣдь поѣдемъ?

— Соснуть бы, ваше высокоблагородіе! Три ночи не спали.

— По-твоему, значитъ, я долженъ удалиться въ объятія Морфея?

Ѳедя, вмѣсто отвѣта, разостлалъ на постели Бучинскаго потертый персидскій коверъ и положилъ дорожную кожаную подушку; Карнауховъ нетвердой походкой перебрался до приготовленной постели и, какъ былъ, комомъ повалился взъерошенной головой въ подушку. Ѳедя осторожно накрылъ барина

пестрымъ байковымъ одѣяломъ и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Когда дверь за нимъ затворилась, Карнауховъ выглянулъ изъ-подъ одѣяла и съ пьяной гримасой, подмигивая, проговорилъ:

— Видѣли этого дурака, Ѳедьку-то? Вѣдь дуракъ по всѣмъ тремъ измѣреніямъ, а моя-то благовѣрная надѣется на него... Ха-ха!.. На улицѣ жаръ нестерпимый, уши жжетъ, а онъ меня байковымъ одѣяломъ накрылъ. Какъ есть, двояко-выпуклый дурень!

Карнауховъ весело и какъ-то по-дѣтски хихикнулъ, взмахнулъ короткими ручками, какъ собирающаяся взлетѣть на заборъ курица, и, послѣ небольшой паузы, опять заговорилъ:

— Послушайте... Есть двоякаго рода подлецы: подлецы чистѣйшей воды, какъ Синицынъ или Бучинскій, и подлецы честные, какъ вашъ покорный слуга, Лука Карнауховъ, мужъ Самодѣлкиной... Ну, скажите ради Бога, что̀ это такое: мужъ купчихи Меропеи Самодѣлкиной?.. Я теперь посланъ въ ссылку, нѣкоторымъ образомъ, а Ѳедька изображаетъ цербера... Вѣдь я образованіе высшее получилъ, голубчикъ! Какъ же, думалъ даже пользу человѣчеству приносить! Меропея Самодѣлкина... Тьфу!.. Послушайте, однако вы за кого меня считаете? Ну, сознайтесь, вѣдь подумали: „вотъ, молъ, дуракъ этотъ Лука, сроду такихъ не видалъ...“, а?

Не дожидаясь отвѣта, Карнауховъ боязливо посмотрѣлъ на входную дверь и съ поспѣшностью нашалившаго школьника нырнулъ подъ свое одѣяло. Такой маневръ оказался нелишнимъ, потому что дверь въ контору пріотворилась, и въ ней показалась усатая голова Ѳеди. Убѣдившись, что баринъ спитъ, голова скрылась. Карнауховъ, дѣйствительно, уже спалъ, какъ зарѣзанный.

Погода къ вечеру разгулялась; по синему небу бѣлыми шапками плыли вереницы облаковъ; лѣсъ и трава блестѣли самыми свѣжими цвѣтами. Природа точно обновилась подъ дождемъ и расцвѣтала всѣми своими красками. Ѳедя сидѣлъ на крылечкѣ и отъ-нечего-дѣлать покуривалъ изъ коротенькой пѣнковой трубочки. Его потемнѣвшее сморщенное лицо точно застыло въ степенномъ, выжидающемъ выраженіи, какъ это бываетъ только у хорошихъ собакъ и старыхъ слугъ. Въ тупомъ взглядѣ небольшихъ сѣрыхъ глазъ, въ увѣренной улыбкѣ, въ каждомъ движеніи чувствовалось какое-то обидное холопское самодовольство. На порогѣ кухни сидѣлъ рыжій „кумъ“, а напротивъ него, брюхомъ на зеленой травѣ, съ соломинкой въ зубахъ, лежалъ Гараська. Всѣ трое молчали, но въ выраженіи лицъ и взглядовъ можно было замѣтить скрытую, глухую злобу. Застарѣлый холопъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души этихъ вольныхъ людей, какъ собака ненавидитъ волковъ.

— Ну, чего вы чертями-то сидите?—не вытерпѣлъ наконецъ старикъ, когда я вышелъ на крыльцо. — Видите, баринъ вышелъ, ну, шапочку бы сняли. Ахъ, вы, чертоломы! Вѣдь съ поклону голова не отвалится.

— А ты вотъ что̀, милый человѣкъ, — растягивая слова, заговорилъ Гараська своимъ теноромъ. — Мы не къ тебѣ пришли, чего ты шеперишься!.. Мы къ Ѳомѣ Осипычу.

— „Къ Ѳомѣ Осипычу“... — передразнилъ Ѳедя, сердито сплевывая на сторону. — Знаемъ мы васъ... Не великъ еще въ перьяхъ-то вашъ Ѳома Осипычъ!.. Избаловалъ онъ васъ, вотъ что̀!

— Да ты нешто съ того свѣту пришелъ, дѣдушка, чего больно ругаешься-то?.. Мотри, къ ненастью...

— А то и ругаюсь, что насквозь васъ вижу, всѣхъ до единаго человѣка. Всѣ ваши качества вижу.

Наступило принужденное молчаніе. Со стороны пріиска, по тропамъ и дорожкамъ, брели старатели съ кружками въ рукахъ: это былъ часъ пріема золота въ конторѣ. Въ числѣ другихъ подошелъ, прихрамывая, старый Заяцъ, а немного погодя показался и самъ „губернаторъ“. Ѳедя встрѣчалъ подходившихъ старателей самыми злобными взглядами и какъ-то забавно фукалъ носомъ, точно старый котъ. Бучинскаго не было въ конторѣ, и старатели расположились противъ крыльца живописными группами, по два и по три человѣка.

— На Майнѣ богатое золото идетъ, — говорилъ мужикъ съ окладистой черной бородой. — Сказываютъ, старую свалку стали промывать, такъ, слышь, со ста пудовъ песку по золотнику падаетъ.

— Но-о? — отозвался „губернаторъ“.

— Вѣрно.

— Вишь ты... а?!. Старую свалку, говоришь?

— Да... Хотѣли пробу сдѣлать, а тутъ богачество.

— Ла-адно...

— У майновскихъ-то золотниковъ золото въ сапогахъ родится,—ядовито замѣтилъ Ѳедя.—Знаемъ мы, какую на Майнѣ свалку моютъ... У Синицына, ежели онъ захочетъ, золото изъ глины полѣзетъ. Варнаки вы всѣ, вотъ что я вамъ скажу!—неожиданно заключилъ Ѳедя, бросая вызывающіе взгляды.

Старатели переглянулись; послышался сдержанный смѣхъ. Отъ толпы отдѣлился „губернаторъ“ и неторопливымъ мужицкимъ шагомъ подошелъ къ самому крыльцу.

— А ты видалъ, въ какихъ сапогахъ майновскіе-то золотники ходятъ? — спрашивалъ старикъ, не спуская глазъ съ Ѳеди.

— Вы только послушайте ихній воровской разговоръ, — обратился Ѳедя ко мнѣ, не отвѣчая на вопросъ „губернатора“.—Спроста слова не скажутъ... У нихъ и языкъ свой, какъ у цыганъ.

— Ну-ну, дѣдка, скажи-ка по-нашему-то? — спрашивалъ изъ толпы бойкій парень въ кумачной рубахѣ. — Гляжу я на тебя, больно ты лютъ хвастать-то...

— „Принеси мнѣ смолы два, заноза въ лѣсу“, — проговорилъ Ѳедя, опять обращаясь ко мнѣ. — Поняли?

— Нѣтъ.

— Ну, а они понимаютъ. Вѣдь понимаете? — обратился Ѳедя побѣдоносно къ толпѣ старателей.

— А что это значитъ? — спросилъ я.

— „Принеси фунтъ золота, лошадь въ лѣсу...“ — объяснилъ Ѳедя. — Золотникъ по-ихнему *три*, фунтъ — *два*, пудъ — *одинъ*; золото — *смола*, полштофъ — *притачка*, лошадь — *заноза*... Теперь, ежели взять по-настоящему, какой это народъ? Развѣ это крестьянинъ, который землю пашетъ, али тамъ мѣщанинъ, мастеровой... У нихъ у всѣхъ одна вѣра: сколько укралъ, столько и пожилъ. Будто тоже золото принесли, а поглядѣть, такъ одинъ золотникъ несутъ въ контору, а два на сторону. Волки, такъ волки и есть, куда ихъ ни поворотн!..

— Ты чего тутъ ругаешься, Ѳедя?—спрашивалъ Бучинскій, подходя къ нашему крыльцу съ пріиска.

— Да вотъ, Ѳома Осипычъ, любуюсь на вашихъ золотниковъ, — отвѣчалъ Ѳедя, вытягиваясь во фронтъ.—Настоящая семая рота.

Бучинскій засмѣялся и прошелъ въ контору; что хотѣлъ сказать Ѳедя послѣднимъ сравненіемъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Старатели одинъ за

другимъ побрели въ контору, а Ѳедя, осторожно оглянувшись кругомъ, прошепталъ:

— Этого Ѳомку безпалаго, сударь, мало повѣсить.

— Какъ такъ?

— Да ужь такъ-съ... Конечно, баринъ не занимается пріисками, а барыня, Меропея Кононовна, по своему женскому малодушію, ничего даже не понимаютъ. Правду нужно говорить, сударь... Такъ Ѳомка-то всѣмъ и верховодитъ: половину барынѣ, а половину себѣ. Ей-Богу!.. Обошелъ, несъ, барыню и знать ничего не хочетъ. А дѣло не чисто... Я вамъ говорю. Слышали про Синицына-то, что давѣ баринъ говорилъ? Все какъ есть одна истинная правда: вмѣстѣ съ Ѳомкой воруютъ.

Въ это время въ дверяхъ показался старый Заяцъ.

— Ну что, какъ дѣла?—спросилъ я его.

— Не спрашивай, баринъ...—глухо отвѣтилъ старикъ и махнулъ рукой.

— Что такъ? Плохо золото идетъ?

— Нѣтъ, золото ничего... Заходи какъ-нибудь къ намъ въ балаганъ, покалякаемъ. А я недѣлю безъ ногъ вылежалъ... Ох-хо-хо!..

VI.

Трудно себѣ представить что-нибудь оригинальнѣе уральской лѣтней ночи. Внизу сгустился мракъ, и черныя тѣни залегли по глубокимъ лугамъ; горы и лѣсъ слились въ темныя сплошныя массы; а вверху, въ голубомъ небѣ, какъ алмазная пыль, фосфорическимъ свѣтомъ горятъ неисчислимые міры. Пріискъ потонулъ въ густомъ бѣломъ туманѣ, точно залитый молокомъ; огни у старательскихъ балагановъ потухли, и только гдѣ-гдѣ глянетъ сквозь ночную мглу красная яркая точка. Слышно, какъ бродятъ по травѣ спутанныя лошади; гдѣ-то залаяла собака; безтолково шарахнулась въ застывшемъ воздухѣ птица и камнемъ пала въ траву. Мѣсяцъ блѣднымъ серпомъ выплылъ изъ-за горы, и отъ него потянулись во всѣ стороны длинныя серебряныя нити; теперь вершины лѣса обрисовались рѣзкими контурами, и стрѣлки елей кажутся воздушными башенками скрытаго въ землѣ готическаго зданія. Но вотъ далеко-далеко изъ тумана встала проголосная русская пѣсня и полилась по всему пріиску:

Между го-оръ-то было да Енисейскихъ горъ,
Раздается его томный гласъ...

— И пѣсня-то разбойничья!—проговорилъ Ѳедя.

— Какъ разбойничья?

— Да такъ—разбойничья, и все тутъ. Сложилъ эту пѣсню разбойникъ Свѣтловъ, когда по Енисейскимъ горамъ скрывался. Одно слово: разбойничья пѣсня, ее по всѣмъ пріискамъ поютъ. Этотъ самый Свѣтловъ былъ силищи непомѣрной, въ родѣ какъ медвѣдь. Мѣдные пятаки пальцами свертывалъ, подковы, какъ крендели, ломалъ. Да... А только Свѣтловъ ни единой человѣческой души не загубилъ, разбоемъ однимъ промышлялъ.

Мы долго сидѣли молча, прислушиваясь къ заунывному мотиву разбойничьей пѣсни. Я раскурилъ папироску.

— А позвольте узнать, сударь,—заговорилъ Ѳедя:—изъ какого дерева у васъ портсигаръ?

— Кажется, изъ орѣха.

— Такъ-съ... Изъ орѣха.

Оедя немного помолчалъ, затѣмъ, вздохнувъ всей грудью, заговорилъ какимъ-то измѣнившимся слащавымъ голосомъ:

— Эхъ, сударь, что этого орѣха въ нашей Владимирской губерніи растетъ... Ей-Богу! А вишенье? А сливы? Чего проще, кажется, огурецъ... Такое ему и названіе: огурецъ—огурецъ и есть. А возьмите здѣшній огурецъ или нашъ, муромскій. Церемонія одна, а вкусъ другой. Здѣсь какія мѣста, сударь: горы, болотина, рамень... А у насъ-то, Господи-батюшка! помирать не надо! И народъ совсѣмъ особенный здѣсь, сударь, ужасный народъ! потому какъ она, эта самая Сибирь, подошла—всему конецъ. Ей-Богу!..

— А ты давно сюда попалъ?

— Я-то?.. Да считать, такъ всѣ тридцать лѣтъ насчитаешь. Да-съ. Глупость была... По первоначалу-то я, значитъ, промышлялъ въ Москвѣ. Эхъ, Москва-матушка! Было пожито, было погулямо — всячины было! Половымъ я жилъ въ трактирѣ, а барину своему оброкъ высылалъ. А надо вамъ сказать, что смолоду силища во мнѣ была невѣроятная... Она меня и въ Сибирь завела. Да. Видите ли, какъ это самое дѣло вышло. Вы слыхали про Неуѣденова?

— Нѣтъ.

— Ну, да гдѣ же и слыхать!—съ самодовольной улыбкой проговорилъ Оедя.—Васъ еще тогда, можетъ, и на свѣтѣ не было. Это еще до крымской войны, сударь, было дѣло. Такъ вотъ-съ, этотъ самый купецъ Неуѣденовъ и повадился въ нашъ трактиръ ходить. Такъ-съ. Изъ себя невеликъ, а въ крыльцахъ широкъ, и рука у него тяжелая. Хорошо. Вотъ ходитъ онъ къ намъ въ трактиръ и все какъ быдто на меня поглядываетъ. Разъ этакъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на меня да и говоритъ: „А что, Оедя, сила у тебя есть?“— „Есть, говорю, ваше степенство, маленькая силенка. Десятипудовые сундуки въ третій этажъ на собственной спинѣ подымаю“. — „Такъ, говоритъ. А хочешь, говоритъ, со мной силой попробовать: одолѣешь — тебѣ десять рублей, не одолѣешь — Богъ проститъ“. Забавно мнѣ это показалось, потому, думаю про себя, что возьму я его да со всѣмъ потрохомъ въ окно выкину. Ей-Богу! Бывалое дѣло, не такіе столбы ломилъ... Ну-съ, снялъ онъ съ себя сюртучокъ, полотенце черезъ плечо и давай бороться. Что бы вы думали! Ходили-ходили мы, ка-акъ онъ меня хлопнетъ подъ колѣнку, да оземь... У меня свѣтъ изъ глазъ! Ну, посмѣялся онъ тогда, угостилъ водкой и говоритъ: „А ты мнѣ, Оедя, понравился; хочешь ко мнѣ на службу поступить— жалованьемъ не обижу“. То, се—и уговорилъ меня ѣхать съ нимъ на Уралъ, а зачѣмъ — не сказалъ. Ну, собрались мы и але маршъ въ дорогу. Тогда этихъ желѣзныхъ дорогъ и въ поминѣ не было; мы по зимѣ и махнули. Пріѣзжаемъ мы на Уралъ, въ Екатеринбургѣ наняли избушку и живемъ, а мой купецъ и говоритъ: „Ну, Оедя, теперь торговать будемъ...“ Смѣется. „Чѣмъ?“—спрашиваю. — „Краденымъ золотомъ“, говоритъ. Какъ это самое слово сказалъ онъ, такъ меня даже въ потъ ударило. Думаю: пропала моя голова, не видать мнѣ ни дна ни покрышки. Вѣдь по тогдашнимъ временамъ за эти дѣла по зеленой улицѣ да въ каторгу. Понимаете, сударь, я отъ этихъ самыхъ мыслей и сна и пищи рѣшился. Похудѣлъ даже изъ себя; а потомъ прихожу къ своему купцу и говорю: „Ваше степенство, какъ хошь, а я тебѣ не слуга... Поищи другого“. Опять смѣется. „Испугался, Оедя?“ спрашиваетъ.—„Точно такъ“, говорю.—„Ну, такъ, говоритъ, не бойся. Только, говоритъ, что я тебѣ скажу: было бы шито и крыто, а то я тебѣ такъ завяжу языкъ, что и воронъ костей не найдетъ“. И что бы вы думали. Вѣдь этотъ самый купецъ Неуѣденовъ былъ совсѣмъ не купецъ, а *вывороченный сюртукъ*.

— То-есть какъ: вывороченный сюртукъ?

— Ну, фискалъ, значитъ, а фамилія ему Суставовъ, Аркадій Павлычъ. Изъ дворянъ былъ, изъ настоящихъ, а тутъ его и послали на Уралъ хищниковъ обслѣдовать. Вѣдь въ тѣ поры, хошь оно и строгій законъ былъ, а золотомъ торговали, какъ все равно крупой. Открыто торговали... Хорошо. Вотъ мы и стали жить да поживать въ Екатеринбургѣ, а сами дѣла эти хищническія развѣдывали. Скупали золото кой у кого изъ богатыхъ мужиковъ, а Аркадій Павлычъ все въ книжечку да въ книжечку записываютъ. Ей-Богу!.. Сколько эта книжечка послѣ горя да слезъ принесла, что и думать, такъ не придумать! На Березовскихъ золотыхъ пріискахъ много народу попалось, въ Уктусѣ, въ Шарташѣ... Въ Шарташѣ-то насъ чуть и не покончили съ Аркадій Павлычемъ. Народъ живетъ тутъ самый закоснѣлый, раскольники съ испоконъ вѣку. Ну, провѣдали они про насъ что, али такъ хотѣли покорыстоваться скупленнымъ золотомъ, только ѣдемъ, этакъ въ ночь, съ Аркадій Павлычемъ, иноходчикъ у него былъ гнѣденькій — ну, катимъ, какъ по маслу — а тутъ—пыхъ, со стороны изъ ружья! А впереди двое на вершной стоятъ и ждутъ. Тутъ намъ и сила наша пригодилась: какъ поровнялись верховые — сейчасъ изъ стороны трое и прямо въ сани. Только и силенъ былъ Аркадій Павлычъ! Какъ мы зачали ихъ, еретиковъ, поворачивать—вдвоемъ пятерыхъ, какъ гнилую картошку, раскатали, только шерсть полетѣла. Такъ Господь и отнесъ бѣду, а то шабашъ: кунчалъ голова! Пожили мы тогда въ Екатеринбургѣ, долго ли, коротко ли, а потомъ Аркадій Павлычъ и говоритъ: „Ну, теперь мы съ тобой въ самое гнѣздо поѣдемъ, откуда это золото идетъ“. И точно, этакъ по зимѣ, склались на саночки и маршъ на заводы. Первымъ дѣломъ въ Касли... Тутъ даже совсѣмъ открыто торговали золотомъ, безо всякой обережи. Даже бабы торговали. Ну, мы и ходимъ по избамъ да покупаемъ, а Аркадій Павлычъ придетъ куда въ избу да перстенькомъ на окошкѣ въ стеклѣ и оставитъ замѣточку, значитъ въ перстнѣ-то брильянтъ былъ, такъ онъ брильянтомъ-то и запишетъ, сколько этого золота купили и когда, а книжка—само собой... Изъ Каслей проѣхали на Міасъ, тутъ ужъ совсѣмъ лафа подошла: въ деревнѣ Надыровой у одного башкира мы купили пудъ пять фунтовъ золота-то. Вонъ оно куда пошло... Да. А потомъ, сударь мой, поѣхали мы подъ Петропавловскъ, къ Троицку—вездѣ работишка была, Аркадій Павлычъ пишетъ да пишетъ перстенькомъ своимъ. Ну-съ, какъ обдѣлали мы всѣхъ этихъ подлецовъ, Аркадій Павлычъ сейчасъ бумагу въ Петербургъ, а потомъ и давай по книжечкѣ всѣхъ ловить... Вѣдь нѣсколько сотъ человѣкъ тогда влетѣло по золоту! А что было по заводамъ — страсти Господни: такъ ревмя и реветъ народъ. Однѣхъ бабъ сколько забрали... Ну, обнаковенно, всѣхъ этихъ подлецовъ привезли въ Екатеринбургъ, давай судить, а потомъ мужиковъ повели по зеленой улицѣ да въ каторгу, а бабъ плетями. Такой страхъ тогда былъ, такой вой да ревъ, что и не разсказать... А въ заводахъ, такъ совсѣмъ даже пусто сдѣлалось послѣ этого, сразу захудали. И теперь еще поютъ по заводамъ пѣсню, которую тогда по этому случаю сложили:

Ужъ ты садъ ли, мой садъ, садъ зеленый виноградъ,
Отъ чего ты, садъ, повялъ?

— А потомъ я женился, ну, и пришлось остаться здѣсь,—закончилъ свой разсказъ Ѳедя.—Аркадій-то Павлычъ приглашалъ меня въ Петербургъ, да я не поѣхалъ тогда. Тутъ подвернулся генералъ Карнауховъ... Можетъ, слыхали?

— Да, слыхалъ.

— Какъ же не слыхать, первѣющій анжинеръ былъ по всему Уралу. Лука-то Василичъ, теперешній баринъ мой, сынкомъ имъ приходится и тоже въ анжинерахъ. Только супротивъ родителя куды — не та церемонія. Генералъ-то жилъ князь-княземъ. Прежде вѣдь анжинеры были первое дѣло; но то, что̀ по-теперешнему, съ позволенія сказать, всякая шваль лѣзетъ въ господа. Лука-то Василичъ ужъ очень просты, гонору въ нихъ совсѣмъ нѣтъ, а вѣдь дворянское дитё. Я вѣдь ихъ сызмальства выхаживалъ и, можно сказать, привѣсился къ ихнему характеру вполнѣ-съ. Теперь вотъ эта ихняя слабость къ водкѣ много преферансу убавляетъ: какъ баринъ закурилъ—сейчасъ на пріиска, да здѣсь и хороводятся недѣли двѣ-три. А какой народъ на пріискахъ? Сами знаете. Конечно, доктора Поднебеснаго взять — уважительный человѣкъ, а остальные... Охо-хо-хо! Что̀ и будетъ, сударь!.. Вездѣ купецъ силу забралъ, а настоящему барину житья совсѣмъ нѣтъ. Возьмите теперь Тишку Безматерныхъ или Синицына — вѣдь мужичье! порты да рубаха—и вся тутъ церемонія, а какъ они настоящими господами ворочаютъ...

Ѳедя задумался, выпустилъ нѣсколько клубовъ дыма и печально прибавилъ:

— Проклятая здѣсь, сударь, сторона...

— Что̀ такъ?

— А то какъ же... Все это проклятое золото мучитъ всѣхъ. Ей-Богу! Даже въ другой разъ ничего не разберешь. Недалеко взять: золотники... Видѣли? Эхъ, слабое время пошло. Поймаютъ въ золотѣ, поваландался въ судѣ, а потомъ на высидку. Да развѣ мужика, сударь, проймешь этимъ? Вотъ бы Аркадія Павлыча послать на понѣшніе промысла, такъ мы подтянули бы всѣхъ этихъ варнаковъ... Да-съ.

VII.

Среди глубокой ночи, когда все кругомъ спало мертвымъ сномъ, я былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ. Въ первую минуту, спросонья, мнѣ показалось, что горитъ наша контора и прискакала пожарная команда.

— Гости пожаловали, Ѳома Осипычъ!—докладывалъ въ темнотѣ голосъ Ѳеди.

— А?.. Чего? Якій тамъ бісъ?—отозвался Бучинскій, выскакивая на крыльцо въ одномъ бѣльѣ.—Го... да тутъ цѣлая собачья свадьба наѣхала!—проговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, возвращаясь въ контору за сапогами и халатомъ.

— На двухъ тройкахъ, сударь,—слышался въ темнотѣ голосъ Ѳеди.

Я поспѣшилъ поскорѣе одѣться и вышелъ на крыльцо. При слабомъ мѣсячномъ освѣщеніи можно было разсмотрѣть только двѣ повозки, около которыхъ медленно шевелились человѣческія тѣни. Фонарь, съ которымъ появился Ѳедя около экипажей, освѣщалъ слишкомъ небольшое пространство, изъ котораго выставлялись головы тяжело дышавшихъ лошадей и спины двухъ кучеровъ.

— Отцы... уморили! Охъ, смерть моя!..—доносился чей-то хриплый голосъ изъ глубины одной повозки.—Ослобоните, отцы... Дьяконъ раздавилъ совсѣмъ... Эй, чортъ, вставай!..

Я побѣжалъ на выручку задавленнаго и, при свѣтѣ фонаря Ѳеди, увидалъ такую картину: изъ одной повозки выставлялась лысая громадная голова съ свиными узкими глазами и съ остатками сѣдыхъ кудрей на жирномъ въ три складки затылкѣ.

— Да гдѣ дьяконъ-то, Тихонъ Савельичъ?—спрашивалъ Оедя, тыкая своимъ кулакомъ въ глубину повозки.

— Ахъ, отецъ... да вѣдь это ты, Оедя?—съ радостнымъ изумленіемъ проговорила голова. — Тащи его, Оеденька, за ноги! Ой! смерть моя... Отцы, тащите дьякона!

На эти отчаянные вопли около повозки собралось человѣкъ десять, и длинное тѣло дьякона Органова наконецъ было извлечено изъ повозки и положено прямо на траву. Это интересное млекопитающее даже не соблаговолило проснуться, а только еще сильнѣй захрапѣло.

— Ишь, кашалотъ какой! ругался Тихонъ Савельичъ, пиная дьякона короткой, толстой, какъ обрубокъ, ногой.

— Да какъ это васъ угораздило?—спрашивалъ кто-то въ толпѣ.

— А чортъ его знаетъ, какъ оно вышло...—хрипѣлъ Тихонъ Савельичъ.— Все ѣхали ладно, все ладно... а тутъ, надо полагать, я маненичко вздремнулъ. Только во снахъ и чувствую, точно на меня чугунную пушку навалили... Ха-ха!.. Ей-Богу!.. Спасибо, отцы, ослобонили, а то задавилъ бы дьяконъ Тихона Савельича. Поминай, какъ звали.

Покачиваясь на коротенькихъ ножкахъ, старикъ, какъ шаръ, вкатился на крыльцо. Эта заплывшая жиромъ туша и былъ знаменитый Тишка Безматерныхъ, славившійся по всему Уралу своими кутежами и безобразіями.

— Синицынъ здѣсь,—конфиденціально сообщилъ мнѣ Оедя.—Такая темная копейка—не приведи истинный Христосъ!..

Въ дверяхъ конторы я носомъ къ носу столкнулся съ докторомъ; онъ былъ въ суконной поддевкѣ и въ смятой пуховой шляпѣ. Длинное лицо съ массивнымъ носомъ и сѣдыми бакенбардами дѣлало доктора замѣтнымъ издали; изъ-подъ золотыхъ очковъ юркимъ, бѣгающимъ взглядомъ смотрѣли каріе, добрые глаза. Изъ-за испорченныхъ гнилыхъ зубовъ, какъ сухой горохъ, торопливо и безпорядочно сыпались самыя шумныя фразы.

— Бучинскій! Гдѣ Бучинскій?—неистово кричалъ докторъ. — Голоденъ, ангелъ мой, какъ сорокъ тысячъ младенцевъ... Ахъ, извините, ангелъ мой!.. Докторъ Поднебесный, къ вашимъ услугамъ... Только не дайте умереть съ голоду. За одну яичницу отдамъ тридцать фараоновъ и одного Бучинскаго. Господи, да куда же провалился Бучинскій? Умираю!

— На Руси съ голоду не умираютъ, докторъ,—послышался изъ конторы чей-то пріятный, низкій голосъ съ теноровыми нотами.

— Это Синицынъ говоритъ!—шепнулъ мнѣ Оедя, втаскивая въ контору кипящій самоваръ.

У письменнаго стола, заложивъ ногу за ногу, сидѣлъ плотный господинъ съ подстриженной русой бородкой. Высокіе сапоги и шведская кожаная куртка придавали ему видъ иностранца, но широкое скуластое лицо съ густыми сросшимися бровями было несомнѣнно настоящаго русскаго склада. Плотно сжатыя губы и осторожный рѣжущій взглядъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ придавали этому лицу непріятное выраженіе: такъ смотрятъ хищныя птицы, готовясь запустить когти въ свою добычу. Можетъ-быть, я испытывалъ предубѣжденіе противъ Синицына, но въ немъ все было какъ-то не такъ, какъ въ другихъ: чувствовалась какая-то скрытая фальшь, та хитрость, которая не наноситъ удара прямо, а бьетъ изъ-за угла.

Бучинскій шустро сѣменилъ по конторѣ и перекатывался изъ угла въ уголъ, какъ капля ртути; онъ успѣвалъ отвѣчать за-разъ двоимъ, а третьему разсыпался сухимъ, дребезжащимъ смѣхомъ, какъ смѣются на сценѣ плохіе комики. Докторъ сидѣлъ уже за яичницей-глазуньей, которую уписывалъ за

обѣ щеки съ завиднымъ аппетитомъ; Безматерныхъ сидѣлъ, въ ожиданіи пунша, въ углу и глупо хлопалъ глазами. Только когда въ контору вошла Аксинья съ кринкой молока, старикъ ожилъ и заговорилъ:

— Здравствуй, Аксиньюшка! Какъ живешь-можешь? Да подойди сюда ближе, вѣдь не укушу... Ишь ты, какая гладкая стала: какъ ямистая рѣпа.

Старикъ попытался-было поймать своей опухшей рукой шуструю бабенку, но та ловко вывернулась изъ его объятій и убѣжала на крыльцо.

— Въ родѣ какъ молонья, раздуй ее горой!—удивился Безматерныхъ, почесывая бокъ, придавленный дьякономъ.

— У Бучинскаго есть вкусъ, господа, — прибавилъ докторъ, вытирая губы салфеткой.

— Какой вкусъ... что вы, господа,—отмахивался Бучинскій обѣими руками, дѣлая кислую гримасу.— Не самому же мнѣ стрянать?.. Какая-нибудь простая деревенская баба... пхэ!.. Просто изъ жалости, бабѣ дѣваться некуды было.

— Врешь, врешь и врешь! — послышался голосъ Карнаухова, который успѣлъ проснуться и теперь глядѣлъ на всѣхъ удивленными, заспанными глазами.—Вотъ те и разъ... Да откуда это вы, братцы, набрались сюда?.. Ловко!.. Да гдѣ это мы... позвольте... На Любезномъ?

— Попалъ пальцемъ въ небо... Не узналъ своей конторы?..

Взрывъ общаго смѣха заставилъ Карнаухова прійти въ себя, и онъ добродушно принялся хохотать вмѣстѣ съ другими, забавно дрыгая ногами.

— Вотъ и отлично! Мы послѣ чая такую цхру сочинимъ,—провозгласилъ Безматерныхъ,—чертямъ будетъ тошно...

— Я отказываюсь, господа,—заявилъ Синицынъ.— Вы дорогой выспались, а я ни въ одномъ глазу.

— Павелъ Капитонычъ, голубчикъ... одну партію!—умолялъ докторъ.

— Нѣтъ, не могу. Не спалъ...

— Вотъ и врешь,—кричалъ Карнауховъ.—Я вѣдь знаю тебя: ты, какъ заяцъ, съ открытыми глазами спишь. Ну, да чортъ съ тобой: дрыхни. Мы и безъ тебя обойдемся: я, Бучинскій, докторъ, Тихонъ Савельичъ—цѣлый уголъ народу набрался.

Сейчасъ послѣ чая началась знаменитая „цхра“. Бучинскій мастерски сдавалъ карты, постоянно хихикалъ и громко выкрикивалъ приличныя случаю прибаутки. Мнѣ съ Синицынымъ Ѳедя устроилъ постели изъ свѣжаго душистаго сѣна подъ навѣсомъ, гдѣ обыкновенно ставили экипажи. Восточная сторона неба уже наливалась молочно-розовымъ свѣтомъ, когда мы, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, растянулись на своихъ постеляхъ. Звѣзды тихо гасли; пріискъ оставался въ туманѣ, который залилъ до краевъ весь логъ и бѣлой волной подступалъ къ самой конторѣ. Въ просыпавшемся лѣсу перекликались птичьи голоса; картинѣ недоставало только перваго солнечнаго луча, чтобы она вспыхнула изъ края въ край всѣми красками, цвѣтами и звуками горячаго сѣвернаго лѣтняго дня.

— Завтра вёдро будетъ,—говорилъ Синицынъ, зѣвая и крестя ротъ.— Роса густая выпала...

VIII.

На другой день, когда я проснулся, солнце стояло уже высоко; Синицына подъ навѣсомъ не было. По энергическимъ возгласамъ, доносившимся до меня изъ отворенной двери конторы, можно было убѣдиться, что цхра шла полнымъ ходомъ.

На зеленой лужайкѣ, гдѣ стояли экипажи, образовалась интересная группа: на травѣ, въ тѣни экипажа, лежалъ, растянувшись во весь свой богатырскій ростъ, дьяконъ Органовъ; въ своемъ новенькомъ азямѣ, въ красной кумачной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ и въ желтыхъ кожаныхъ штанахъ, расшитыхъ шелками, онъ выглядѣлъ настоящимъ русскимъ богатыремъ. Молодое лицо, съ румянцемъ во всю щеку, писанными бровями и кудрявой русой бородкой, дышало завиднымъ здоровьемъ, а разсыпавшіеся по головѣ русые кудри и большіе темно-сѣрые соколиные глаза дѣлали дьякона тѣмъ разудалымъ добрымъ молодцемъ, о которомъ въ пѣсняхъ сохнутъ и тоскуютъ красныя дѣвицы. Въ головахъ у дьякона сидѣлъ, сложивъ ноги калачикомъ, Ѳедя, а въ ногахъ на корточкахъ помѣстился Ароматовъ. Послѣдній, рядомъ съ дьякономъ, просто былъ жалокъ; въ рукахъ у него бѣлѣла перевязанная ленточкой трубочка какихъ-то бумагъ.

— Третью сотню докторъ просаживаетъ, — заговорилъ Ѳедя, пуская кверху струйки дыма.—Тишка тоже продулся. Бучинскій всѣхъ обыграетъ.

— Ну, а твой баринъ чего смотритъ?—отозвался Органовъ, не поворачивая головы.

— Чего баринъ... извѣстно!..—недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Ѳедя.—У него одна линія: знай коньякъ хлещетъ, знай хлещетъ...

Пауза.

— Ѳедя!—какимъ-то упавшимъ голосомъ заговорилъ Органовъ, тяжело поворачиваясь на одинъ бокъ.—Ѳедя, голубчикъ!..

— Ну?

— Ахъ, право, какой ты?!. Вѣдь у меня все нутро выжгло. Рюмочку бы коньячку... а?.. Всего одну рюмочку, Ѳедя... а?

— А чортъ ли тебѣ велѣлъ лакать столько?—ворчалъ старикъ.

— Да вѣдь нельзя, Ѳедя... Самъ знаешь Тишку: пей, хоть расколись! Я теперь второй мѣсяцъ свѣту не вижу. Ежели бы они не играли, такъ хоть обливайся, а теперь жди! Легко это?

Ѳедя укоризненно покачалъ головой, но поднялся и заковылялъ въ контору.

— Неужели вы не можете жить иначе?—спрашивалъ Ароматовъ.

— Да какъ иначе-то?

— Нужно дѣло какое-нибудь выбгать и габотать. Вонъ у васъ какое здоговье... А какую вы голь иггаете у Тишки?

— Я-то?.. Ох-хо-хо...—застоналъ Органовъ.—Чревоугодіе одолѣло... натура... Понимаешь?.. Главо моя, главо, камо тя преклоню?.. Ты думаешь, мнѣ нравится свое-то свинство? Нѣтъ, братъ, я самъ эту водку презираю... да!..

— А вы сдѣлайте усиліе надъ собой. Вѣдь стоитъ только захотѣть. Слыхали объ амегиканцахъ? Нужно жить по-амегикански.

— У тебя это какая бумага-то?

— Это... это пгоектъ, котогый я сегодня гг. золотопгомышленникамъ пгедставлю. Мнѣ пгишла въ голову блестящая идея.

Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Ѳеди, который осторожно несъ налитый до краевъ дорожный серебряный стаканчикъ.

— На, лакай!

Органовъ разомъ „хлопнулъ“ стаканчикъ въ свою широкую глотку, въ которой только зажурчало.

За завтракомъ, который Аксинья подала на крыльцо, шелъ очень оживленный разговоръ о золотопромышленности; Бучинскій, Карнауховъ и Безматерныхъ продолжали рѣзаться въ цхру и не принимали участія въ завтракѣ.

— Ну-съ, какъ ваша канава, докторъ? — спрашивалъ Синицынъ, прищуривая слегка одинъ глазъ.

— Охъ, ангелъ мой!—вздохнулъ тяжело докторъ.—Вѣдь погубила меня эта канава... Вы представьте себѣ: она стоитъ мнѣ восемь тысячъ рублей, а теперь закапываю девятую.

— Вольному воля... Для чего вамъ она?

— Вотъ милый вопросъ... Какъ для чего? А вода? Вѣдь воду нужно было отвести, чтобы продолжать работы. У меня на пріискѣ эта проклятая вода, какъ одиннадцатая египетская казнь.

— Кто же это вамъ посовѣтовалъ рыть именно канаву?

— Да вѣдь воду нужно отвести?

— Хорошо. Однако какой умный человѣкъ посовѣтовалъ вамъ отводить воду именно канавой?

— Своей головой дошелъ, милый мой.

— Гм... А не лучше ли было бы поставить три такихъ паровыхъ машины, какъ у Бучинскаго? Вѣдь онѣ стоили бы не дороже канавы, а въ случаѣ окончанія работъ вы канаву бросите, а машины продали бы.

— Э, ангелъ мой! Хорошо совѣтовать послѣ времени, когда дѣло сдѣлано. Нѣтъ, вы влѣзьте-ка въ мою кожу.

— Именно?

— Да какъ же, погубилъ меня пріискъ... Но уши въ долгахъ, практику растерялъ, опустился вообще. Вѣдь это чего-нибудь стоитъ? Хорошо вамъ! Вы золото гребете лопатой.

— И у насъ всяко бывало.

— Такъ-съ... Вѣдь у васъ старательскія работы?

— Да.

— У меня тоже,—глухо проговорилъ докторъ.—Старатели—это органическое зло, это вопросъ государственной важности. Они меня вконецъ зарѣжутъ: послѣднія крохи золота тащатъ съ пріиска и продаютъ на сторону. Да вотъ вы посторонній человѣкъ,—обратился докторъ ко мнѣ:—ну-съ, какъ вы нашли нашихъ старателей?

— Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь, докторъ.

— Какъ ошибаюсь? Значитъ, по-вашему, старателямъ слѣдуетъ воровать наше золото?

— Нѣтъ, я этого не говорю. Но думаю...

— Нѣтъ, вы представьте себѣ,— кричалъ докторъ, не слушая меня и размахивая руками:—чего смотритъ правительство... а?.. У насъ на четыреста пріисковъ полагается одинъ горный ревизоръ... Ну, скажите вы мнѣ, ради самого Создателя, можетъ онъ что-нибудь сдѣлать? О горныхъ исправникахъ и штейгерахъ говорить нечего... Нужно радикальное средство, чтобы прекратить зло въ самомъ корнѣ.

— Это средство въ вашихъ рукахъ, докторъ,—замѣтилъ я.—Вы сколько теперь платите своимъ старателямъ за золотникъ?

— Больше, чѣмъ другіе: два рубля.

— Назначьте старателямъ три рубля за золотникъ, и воровство падетъ само собой.

— Это невозможно — пѣвуче заговорилъ Синицынъ. — Во-первыхъ, мы платимъ арендныя деньги за землю, во-вторыхъ, вносимъ государственную пошлину, а самое главное, мы несемъ страшный рискъ при переходѣ отъ ручной промывки къ машинной... Вотъ вамъ живой примѣръ — канава доктора.

— Да вы взгляните, ангелъ мой, взгляните! — патетически воскликнулъ докторъ, указывая на пріискъ.—Что это такое? Свиньи раскопали...

— Государство несетъ страшный убытокъ отъ старательскихъ работъ,— вторилъ Синицынъ. — Старатели не добываютъ изъ земли и половины всего золота, потому что не могутъ вести работъ въ широкихъ размѣрахъ. Они не разрабатываютъ хорошенько розсыпей, заваливаютъ турфами лучшія залежи песковъ и этимъ загораживаютъ дорогу крупнымъ предпринимателямъ.

— Да, да!.. —кричалъ докторъ.—Притомъ старатель, по самой организаціи своего труда, хищникъ съ ногъ до головы: онъ выбираетъ только лучшіе куски, снимаетъ сливки и бросаетъ, чтобы перейти къ другимъ. Старатель можетъ разрабатывать розсыпи съ содержаніемъ 60—70 долей золота на 100 пудовъ песку, тогда какъ въ Америкѣ выгоднымъ считается промывать розсыпи съ содержаніемъ 5 долей.

— Это вѣрно, докторъ,—согласился я. — Только вы забываете, что въ Америкѣ золотопромышленникъ, самый мелкій, получаетъ полную цѣну добытаго золота, а вашъ старатель довольствуется третью этой цѣны. Затѣмъ, климатическія условія въ Америкѣ совсѣмъ другія, тамъ неизмѣримо шире развита промышленность, дешевле капиталы, наконецъ—предпріимчивость янки вошла въ пословицу...

— Э, ангелъ мой, и у насъ будетъ все то же, только, при конкуренціи старательскихъ работъ, намъ немыслимо поставить дѣло на вполнѣ раціональныхъ условіяхъ.

Докторъ набросалъ широкую картину золотого промысла „на раціональномъ основаніи“, которая составлялась изъ двухъ частей: собственно пріисковаго хозяйства—заготовка матеріаловъ и припасовъ, своевременная доставка ихъ на пріискъ—и усовершенствованія техники: рельсовые пути для подвозки песковъ, паровые элеваторы, штанговыя и центробѣжныя машины, шурфованіе при помощи сжатаго воздуха. Чтобы окончательно убѣдить въ чудесахъ золотопромышленной техники, докторъ привелъ примѣръ того, что артель въ 6 человѣкъ, 2 мужика и 4 бабы, добывая песокъ горнымъ, шахто-ортовымъ способомъ, едва успѣваетъ промыть въ день 600 п., тогда какъ при открытыхъ работахъ, разрѣзомъ, та же артель свободно промоетъ цѣлую кубическую сажень песковъ, т.-е. 1.200 пудовъ.

— Если еще послѣ этого вы...—ораторствовалъ докторъ, но не договорилъ своей фразы.

Къ намъ незамѣтно подошелъ Ароматовъ и, снявъ свою шляпу, униженно раскланивался, прижимая къ сердцу свой свертокъ, какъ это дѣлаютъ раскланивающіеся съ публикой концертные пѣвцы и пѣвицы.

— Вамъ что угодно?—спросилъ докторъ, не зная, какъ принять эти поклоны.

— Если, господа, у васъ найдется свободная минута...—заговорилъ Ароматовъ, продолжая раскланиваться. — Я, конечно, маленькій человѣкъ... очень маленькій... Да вотъ изчитите изъектъ, господа, тамъ все сказано. Счастливая мысль, очень счастливая мысль...

Синицынъ сморщилъ носъ и черезъ плечо едва взглянулъ прищуренными глазами на маленькаго человѣка. Для чего Ароматовъ ломался—я никакъ не могъ понять. Докторъ взялъ „проектъ“, развернулъ нѣсколько листовъ чисто переписанной бумаги и прочиталъ выведенный готическими буквами заголовокъ:

— „Опытъ рѣшенія соціальнаго вопроса по послѣднимъ даннымъ науки и на основаніи указаній практики, поскольку онъ касается всего человѣчества вообще, русскаго народа въ частности и пріисковъ въ особенности“...

Если бы надъ нашей головой раздался пушечный выстрѣлъ, вѣроятно, впечатлѣніе получилось бы слабѣе; докторъ съ раскрытымъ ртомъ вопросительно посмотрѣлъ сначала на насъ, потомъ на Ароматова.

— Послушайте! что же вы стоите безъ шляпы?—заговорилъ онъ въ смущеніи.—Да идите сюда... Вотъ вамъ стулъ. Не хотите ли завтракать?

Ароматовъ, скомкавъ шляпу подъ мышкой, какимъ-то приниженнымъ шагомъ взошелъ на крыльцо и продолжалъ молча отвѣшивать поклоны; стоило большого труда упросить его взять свободный стулъ и сѣсть къ столу.

— Чего же вы собственно хотите именно отъ насъ?—спрашивалъ докторъ, не зная, какъ ему смотрѣть на новаго гостя—какъ на сумасшедшаго или просто какъ на чудака.

— Я-съ собственно ничего не хочу и не могу хотѣть, кромѣ того, чтобы удостоили своимъ преосвѣщеннымъ вниманіемъ мой проэктецъ,—униженно заявлялъ Ароматовъ, усаживаясь на самый кончикъ стула.

Пробѣжавъ первыя строки рукописи, докторъ внимательно посмотрѣлъ на автора „Опыта“, и опять погрузилъ свой длинный носъ въ бумаги. Однако чтеніе продолжалось недолго: докторъ передалъ рукопись мнѣ, а самъ залился неудержимымъ смѣхомъ, какъ умѣютъ хохотать только очень добрые люди. Какъ я ни былъ подготовленъ къ фокусамъ Ароматова, но его „Опытъ“ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: это была невообразимая окрошка изъ ученыхъ выводовъ и сентенцій, перемѣшанныхъ съ текстами Священнаго Писанія, стихами Гейне и собственными размышленіями автора. Тутъ было всего понемножку: и марксовское сравненіе капитала со створоженнымъ рабочимъ временемъ, и фаланстеріи Фурье, и теоріи Лассаля... Болѣзненная фантазія Ароматова безъ разбору нанизывала одно на другое, и въ результатѣ получалась какая-то сумасшедшая мозаика. Синицынъ полюбопытствовалъ узнать содержаніе „Опыта“ и, пробѣжавъ черезъ мое плечо первую страницу, проговорилъ:

— Да это соціалистъ, господа...

— Гдѣ соціалистъ? Какой соціалистъ?—спрашивалъ Карнаухонъ, появляясь въ дверяхъ. Замѣтивъ Ароматова, онъ, пошатываясь, подошелъ къ нему и поцѣловалъ въ лысину.—Да ты какъ сюда попалъ, чортъ ты этакій?.. Ароматовъ... тебя ли я вижу?! Господа, рекомендую: это Шекспиръ... Ей-Богу!.. Ароматовъ, не обращай на нихъ, дураковъ, вниманія, ибо ни одинъ пророкъ не признаётся съ своемъ отечествѣ... Блаженни чистіи сердцемъ... Дай приложиться еще къ твоей многоученѣйшей лысинѣ!..

На эти возгласы Карнаухова изъ конторы выкатился собственной персоной самъ Тихонъ Савельичъ; отъ безсонной ночи и выпитаго вина его сыромятное лицо свѣтило какимъ-то жирнымъ блескомъ, а глаза были совсѣмъ мутны.

— Какого это ты француза поймалъ?—спрашивалъ старикъ Карнаухова, показывая своимъ точно обрубленнымъ пальцемъ на Ароматова.

— Погодите, погодите... Соловья баснями не кормятъ,—суетился Карнаухонъ, затаскивая Ароматова въ контору.—Ну, братъ, прежде всего устроимъ разрѣшеніе вина и елея... Вкушаешь?

— Единую—могу...

— Сначала, конечно, единую!

Послѣ трехъ рюмокъ Ароматовъ сразу воодушевился и продекламировалъ нѣсколько куплетовъ изъ Беранже: невзыскательная публика аплодировала артисту, а Безматерныхъ фамильярно хлопнулъ его своей пятерней по плечу и хрипло проговорилъ:

— Да ты, кошки тебя залягай, изъ заправскихъ актеровъ, что ли?

Выпитое вино, общія похвалы и вниманіе воодушевили Ароматова; онъ, потирая руки, раскланивался на всѣ стороны, какъ заправскій актеръ, и по пути скопировалъ Бучинскаго, который все время смотрѣлъ на него съ кислой физіономіей.

— Комедіантъ!—презрительно пожимая плечами, заявилъ Ѳома Осипычъ.—Которы порядочны чоловікъ есть, онъ никогда не позволитъ себѣ...

— Давайте, господа, обѣдать!—предлагалъ Карнауховъ.

Обѣдъ былъ поданъ на крыльцѣ и состоялъ всего изъ двухъ блюдъ: русскихъ щей и баранины. Зато въ винахъ недостатка не было, и Карнауховъ, въ качествѣ хозяина пріиска, одолѣлъ всѣхъ. Ароматовъ сидѣлъ рядомъ съ хозяиномъ, и на его долю перепало много лишнихъ рюмокъ, такъ что, когда встали изъ-за стола, онъ нѣсколько разъ внимательно пощупалъ свою лысую голову и скорчилъ такую гримасу, что всѣ засмѣялись.

— Ну что, Шекспиръ?—спрашивалъ Карнауховъ.—А гдѣ у васъ дьяконъ, господа? Вотъ интересно бы ихъ свести вмѣстѣ!

— Дьяконъ спитъ, ваше высокоблагородіе,—докладывалъ Ѳедя.—Они немного не въ себѣ...

— Господа... устроимте маленькую сцену!—предлагалъ расходившійся Ароматовъ.—Я вамъ одинъ газыгаю опегу.

При помощи двухъ досокъ и стульевъ устроены были двѣ скамьи для публики, а сцена помѣщалась въ переднемъ углу. Когда публика заняла мѣста, Ароматовъ съ театральнымъ жестомъ объявилъ:

— Господа, вниманіе: увертюга!

Ароматовъ заигралъ на губахъ интродукцію. Кто-то подавленно прыснулъ, а Безматерныхъ захватилъ обѣими руками свою сыромятную рожу и запыхтѣлъ, какъ локомотивъ. „Господи, прости насъ многогрѣшныхъ“,—захрипѣлъ старикъ, когда Ароматовъ перешелъ къ первому дѣйствію и заходилъ по комнатѣ театральнымъ шагомъ Сусанина. Пѣлъ онъ разбитымъ голосомъ, но роли выдерживалъ удивительно; номера изъ женскихъ партій исполнялъ фистулой. Странно, что первое смѣшное впечатлѣніе исчезло, когда началась драматическая часть пьесы: этотъ смѣшной, жалкій чудакъ умѣлъ вдохнуть жизнь въ свое паясничество и добавлялъ жестомъ и мимикой то, чего не могъ передать голосомъ. Наконецъ Сусанинъ погибъ; публика готова была зааплодировать актеру, который теперь безмолвно лежалъ на полу, какъ настоящій убитый, но онъ поднимаетъ свою плѣшивую голову и говоритъ:

— Тише, господа... сейчасъ будетъ похоронный маршъ.

Ароматовъ опять растянулся на полу и заигралъ маршъ на погребеніе Людовика XIV. Это было уже слишкомъ, и вся публика разлилась дружнымъ хохотомъ. Безматерныхъ не могъ выдержать—выбѣжалъ на сцену и хлопнулъ лежавшаго на полу Ароматова ладонью прямо по лысинѣ.

— Подлецъ!—закричалъ Ароматовъ, поднявшись съ полу.

— А ты дуракъ... ха-ха!...—заливался Безматерныхъ.

Вмѣсто отвѣта, обезумѣвшій чудакъ бросился на старика съ кулаками: ихъ едва розняли.

— Вы... всѣ... эксплоататоры!—кричалъ опьянѣвшій отъ злости Ароматовъ со слезами на глазахъ.—Я артистъ... я никого не обижалъ... я... вы обираете народъ... Пьете чужую кровь!.. разбойники!

— Охъ-хо-хо!.. — заливался Безматерныхъ, подставляя ногу неистовствовавшему чудаку.—Охъ! горе душамъ нашимъ!

— Кровопійцы!..Вы не золото добываете на пріискахъ,а кровь человѣческую...

Съ Ароматовымъ сдѣлался истерическій припадокъ, и его едва могли уложить на постель. Нашатырный спиртъ и холодные компрессы немного его успокоили, но время отъ времени онъ опять начиналъ плакать и кричать:

— Доктогъ... я не обидѣлъ никого... не смѣялся ни надъ кѣмъ... Доктогъ... вотъ тутъ, сейчасъ за стѣной... сотни людей мучатся цѣлую жизнь... Женщины... дѣти, доктогъ!.. Мой пгоектъ... тамъ все сказано!

Ароматовъ съ дѣтскими рыданіями упалъ своей лысой головой въ подушку.

— Охъ, уморили, отцы...—вздыхалъ на крыльцѣ Безматерныхъ, вытирая вспотѣвшую красную рожу бумажнымъ платкомъ.—Ужо дьякону надо отказать, а взять этого... какъ бишь его... Шекспира... ха-ха!..

Вечеромъ въ конторѣ стояло кромѣшное пьянство. Ароматовъ спалъ на постели Бучинскаго, его мѣсто занималъ дьяконъ Органовъ.

— Затягивай, дьякопъ!..—оралъ Безматерныхъ, сидя на полу въ одной рубахѣ.

Дьяконъ всталъ на середину комнаты, приложилъ одну руку къ шекѣ, закрылъ глаза и ровнымъ бархатнымъ теноромъ затянулъ проголосную пѣсню:

Съ вечера дождичекъ,
По утру ранымъ туманъ.
На меня, на дѣвицу,
Пришла скука и печаль...

Хриплымъ голосомъ подхватилъ пѣсню Безматерныхъ, раскачиваясь туловищемъ въ обѣ стороны; подтянулъ ее своимъ фальшивымъ тенорикомъ Синицынъ, даже докторъ, и тотъ что-то мычалъ себѣ подъ носъ, хотя не могъ правильно взять двухъ нотъ. Бучинскій сидѣлъ въ углу, верхомъ на табуреткѣ, и тоже пѣлъ только свою собственную хохлацкую пѣсню:

Ой, я нещастный...
Сполюбивъ дивчину,
А вона не хоче... не хо-оче!!

А въ открытыя окна конторы глядѣла чудная лѣтняя ночь, насквозь прохваченная легкой изморозью. Туманъ сгустился на самомъ днѣ пріиска, вдоль теченія Паньи, по обоимъ берегамъ которой были навалены недавно срубленныя деревья. При колеблющемся свѣтѣ мѣсяца вся картина пріиска грустно настраивала душу. Казалось, что передъ глазами раскинулось поле сраженія какихъ-то великановъ, покрытое теперь групами убитыхъ. При неверномъ мѣсячномъ свѣтѣ всѣ предметы принимали фантастическія очертанія, особенно срубленныя деревья. Вотъ, напримѣръ, лежитъ у самой рѣчки громаднѣйшій воякa: очевидно, онъ горячо гналъ врага, но невзначай попалъ на роковую пулю, да такъ и растянулся во весь свой богатырскій ростъ, уткнувъ голову въ ночной туманъ. Немного подальше лежитъ цѣлый рядъ убитыхъ; можно разсмотрѣть даже отдѣльные члены: вотъ безсильно согнутыя и застывшія въ этомъ положеніи ноги, вотъ судорожно скорченная рука, которою убитый все еще хватается за свою рану... Ближе виднѣлись двѣ женскія фигуры, которыя наклонились надъ чьимъ-то распростертымъ трупомъ. А тамъ, гдѣ около старательскихъ балагановъ, сквозь туманъ мелькали огни, тамъ раскинулся станъ торжествующихъ побѣдителей... Воображеніе дополняло то, чего не могъ схватить глазъ, и, кажется, въ самомъ воздухѣ, въ этомъ чудномъ горномъ воздухѣ, напоенномъ свѣжестью ночи и ароматомъ зелени и цвѣтовъ,—въ немъ еще стояли подавленные стоны и тяжелые вздохи раненыхъ.

IX.

Въ теченіе двухъ дней гости успѣли настолько надоѣсть, что я постарался какъ можно раньше утромъ уйти на охоту. Погода стояла великолѣпная, какъ это бываетъ только въ концѣ іюля на Уралѣ; солнце весело золотило верхушки деревьевъ и ложилось по травѣ золотыми, колеблющимися пятнами. Брести по высокой густой травѣ, еще полной ночной свѣжести, доставляло наслажденіе, извѣстное только охотникамъ; въ лѣсу стояла ночная сырость, насыщенная запахомъ лѣсныхъ цвѣтовъ и свѣжей смолы. Я люблю сѣверный лѣсъ за строгую красоту его дѣвственныхъ линій, за бархатную зелень красавицъ-пихтъ, за торжественную тишину, которая всегда царитъ въ немъ. Вообще, люблю этотъ могучій лѣсъ-великанъ, какъ олицетвореніе живой стихійной силы.

Особенно хорошо въ самомъ густомъ сельникѣ, гдѣ-нибудь на днѣ глубокаго лога. Непривычному человѣку тяжело въ такомъ лѣсу, гдѣ мохнатыя вѣтви образуютъ надъ головой сплошной сводъ, а сквозь него только кой-гдѣ проглядываютъ клочья голубого неба. Между древесными стволами, обросшими сѣдымъ мохомъ и узорчатыми лишаями, царитъ вѣчный полумракъ: свѣсившіяся лапчатыя вѣтви елей и пихтъ кажутся какими-то гигантскими руками, которыя точно нарочно вытянулись, чтобы схватить васъ за лицо, пощекотать шею и оставить легкую царапину на память. Мягкій желтоватый мохъ скрадываетъ малѣйшій звукъ, и вы точно идете по ковру, въ которомъ пріятно тонутъ ноги; громадные папоротники, которые топорщатся своими перистыми листьями въ разныя стороны, придаютъ картинѣ лѣса сказочно-фантастическій характеръ. Прибавьте къ этому невѣрное, слабое освѣщеніе, которое, какъ въ какомъ-нибудь старомъ готическомъ зданіи, падаетъ косыми полосами сверху, точно изъ оконъ громаднаго купола,—и вы получите слабое представленіе о томъ лѣсѣ, про который народъ говоритъ, что въ немъ „въ небо дыра“. Какъ-то даже немного жутко сдѣлается, когда прямо съ солнцепека войдешь въ густую тѣнь вѣковыхъ елей и пихтъ и кругомъ охватитъ мертвая тишина, которой не нарушаютъ даже птичьи голоса. Птицы не любятъ такого лѣса и предпочитаютъ держаться по опушкамъ, около лѣсныхъ прогалинъ и въ молодыхъ зарослях. Въ настоящую лѣсную глушь забираются только бѣлка да пестрый дятелъ; здѣсь же по ночамъ ухаетъ филинъ и тоскливо надрывается лѣсная сирота—кукушка. Каждый разъ, когда мнѣ приходится бывать въ нетронутомъ настоящемъ лѣсу, мною овладѣваетъ то особенное душевное состояніе, которое переживалось еще въ дѣтствѣ, когда случалось съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и благоговѣнія проходить по пустой церкви. Лучшіе лѣсные пейзажи, которымъ удивляется публика на выставкахъ, просто кажутся жалкими по сравненію съ вѣчно-подвижной и глубокопоэтической въ каждомъ своемъ уголкѣ природой.

Съ Паньшинскаго пріиска мнѣ нужно было взять сначала на лѣсистую, небольшую горку, перевалить черезъ нее и спуститься на увалъ, который и долженъ былъ вывести къ безымянной рѣчкѣ, а отъ этой рѣчки верстахъ въ двухъ проходила дорога на Майну. По маршруту рыжаго кума, чтобы попасть на Мохнатенькую горку, слѣдовало пройти по этой дорогѣ верстъ пять, а тамъ сдѣлать поворотъ влѣво, перейти пять ложковъ—тутъ тебѣ и будетъ Мохнатенькая. Я такъ и сдѣлалъ. До выхода на майновскую дорогу успѣлъ убить двухъ рябчиковъ, а когда отыскалъ наконецъ дорогу—солнце было уже высоко. Плестись по пыльной дорогѣ въ жаръ было плохое удовольствіе, и я

начиналъ подумывать объ отдыхѣ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога спускалась по глинистому косогору, меня нагналъ экипажъ Синицына, въ которомъ ѣхалъ самъ хозяинъ вмѣстѣ съ докторомъ: за первой тройкой показалась вторая, нагруженная спавшими тѣлами Безматерныхъ и Карнаухова. Федя сидѣлъ на облучкѣ и приподнялъ весело свою поповскую шляпу; изъ кузова выставлялись въ желтыхъ, сбившихся до колѣнъ штанахъ ноги дьякона Органова.

— Видѣли? — спрашивалъ Федя, кивая головой на первый экипажъ. — Поистинѣ: связался чортъ съ младенцемъ... А мы на Майну катимъ. До свиданія, сударь!

Я проводилъ послѣдній экипажъ и свернулъ по своему маршруту влѣво; по дну второго ложка весело катился холодный, какъ ледъ, ключикъ. Я выбралъ мѣстечко въ тѣни пушистой черемухи и съ наслажденіемъ растянулся на зеленой высокой травѣ, которая встала вокругъ меня живой стѣной. Красиво колебались въ воздухѣ красныя верхушки иванъ-чая, облѣпленныя шелковистымъ бѣлымъ пухомъ; тутъ же наливались въ травѣ широкія шапки лѣсного пахучаго шалфея, съ тысячами маленькихъ цвѣточковъ, цвѣта лежалыхъ старыхъ кружевъ. Нѣсколько кустовъ малины пріютились около кучки гранитныхъ обломковъ, Богъ знаетъ, какой силой занесенныхъ въ это глухое мѣстечко; надъ самымъ ключикомъ свѣсила свои липкіе побѣги молодая верба и нѣсколько кустовъ черной смородины. Трудно было подобрать уголокъ красивѣе, и я съ удовольствіемъ отдыхалъ здѣсь, прислушиваясь къ жужжанью осъ и шмелей, которые кружились надъ головками шалфея. Изъ лѣсу доносились голоса какихъ-то птичекъ, назвать которыхъ я не умѣю, — мало ли вольной птицы въ лѣсу, и мнѣ каждый разъ бываетъ какъ-то больно, когда непремѣнно хотятъ опредѣлять, какая именно птица поетъ. Богъ съ ней, пусть себѣ поетъ на здоровье! Птицы съ названіями всегда напоминаютъ мнѣ занумерованныя склянки въ аптекахъ...

— Тятя... а тятя?..—прокатился по лѣсу свѣжій дѣвичій голосъ.

— Здѣсь...—глухо отозвался издали мужской голосъ.

— Заплуталась... тя-а-а-тя!.. Гдѣ ты?!.

Въ десяти шагахъ отъ меня изъ лѣсу вышла высокая молодая дѣвушка съ высоко подтыканнымъ ситцевымъ сарафаномъ; кумачный платокъ сбился на затылокъ и открывалъ замѣчательно красивую голову съ шелковыми русыми волосами и карими большими глазами. Отъ ходьбы по лѣсу лицо разгорѣлось, губы были полуоткрыты; на бѣлой полной шеѣ блестѣли стеклянныя бусы. Дѣвушка замѣтила меня, остановилась и съ вызывающей улыбкой смотрѣла прямо въ глаза, прикрывая передникомъ берестяную коробку съ свѣжей малиной.

— Губернаторова Настасья?—невольно проговорилъ я, любуясь первой пріисковой красавицей.

— А ты какъ меня знаешь?

— Да такъ...

Дѣвушка весело засмѣялась, беззаботно тряхнула головой и быстро исчезла въ густой травѣ. Я побрелъ за ней, чтобы узнать, что могъ дѣлать старый Сила такъ далеко отъ Напьшинскаго прииска. Мнѣ пришлось сдѣлать всего саженъ полтораста, какъ открылся покатый логъ: сквозь рѣдкія сосны я издали увидѣлъ „губернатора". Старикъ по грудь стоялъ въ какой-то ямѣ, которая имѣла форму могилы; очевидно, Сила шурфовалъ, т.-е. разыскивалъ золото. Настасья стояла уже около шурфа и бойко работала желѣзной лопатой, отбрасывая въ сторону снятые турфы

— Богъ на помочь,—проговорилъ я.

— Спасибо на добромъ словѣ,—отозвался старикъ.—За охотой пошелъ? Ну, рябка да рябки—потеряй деньки... Подъ Мохнатенькой видѣлъ я тетеревятъ гнѣзда съ три.

— Ширфуешь, дѣдушка?

— Да, ковыряю задарма землю,—неохотно отвѣчалъ „губернаторъ“, съ легкимъ покряхтываніемъ принимаясь копать землю кайломъ.—Тоже вотъ какъ твое дѣло; охота пуще неволи, а бросить жаль.

— Тятя, обѣдать пора!—проговорила Настасья.—Я вонъ малины набрала къ обѣду...

— Вотъ это люблю,—весело отозвался Сила:—а то на стариковскіе-то зубы одинъ аржаной хлѣбъ и не тово...

— У меня есть два рябчика, можно ихъ зажарить,—предложилъ я.

— А самъ-то какъ?

— Еще убью...

Старикъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, а потомъ какъ-то нехотя принялся собирать хворость для огня; Настасья помогала отцу съ той особенной граціей въ движеніяхъ, какую придаетъ сознаніе собственной красоты. Черезъ десять минутъ пылалъ около шурфа большой огонь, и рябчики были закопаны въ горячую золу безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, прямо въ перьяхъ и съ потрохами; это настоящее охотничье кушанье не требовало для своего приготовленія особенныхъ кулинарныхъ знаній.

— За что тебя, дѣдушка, „губернаторомъ“ прозвали?—спрашивалъ я, когда огонь совсѣмъ разгорѣлся.

— „Губернаторомъ“-то?..—задумчиво повторилъ старикъ мой вопросъ.—А это, вишь, дѣло совсѣмъ особливое, баринъ. Надо съ самаго началу тебѣ обсказать... Слыхивалъ ты про пріискъ Желтухинскій?

— Да, слыхалъ; одинъ изъ самыхъ богатыхъ...

— Ну, такъ вотъ этотъ самый пріискъ я открылъ... Да. А про купца Живорѣзова слыхивалъ?

— Желтухинскій пріискъ, кажется, Живорѣзову принадлежитъ?

Старикъ задумчиво почесалъ въ затылкѣ, поправилъ свою козлиную бороду и, тряхнувъ шляпой, продолжалъ:

— Живорѣзовъ милліонты нажилъ на этомъ пріискѣ, первый богачъ по нашимъ заводамъ, а не было бы Силы, не было бы и Живорѣзова... понялъ? Я его, пріискъ-то, три мѣсяца въ горахъ искалъ; съ корочкой хлѣба за пазухой ширфовалъ по горамъ, образъ Божій совсѣмъ потерялъ, а какъ объявилъ пріискъ—Живорѣзовъ у меня и отбилъ его. Ну, я началъ съ нимъ, Живорѣзовымъ-то, спориться. Онъ мнѣ четвертную бумажку отступного сулилъ, а я трехсоть съ него не бралъ. Тутъ ужъ Живорѣзовъ-то и обидѣлся. „Ежели, говоритъ, ты добромъ не хочешь брать четвертной, такъ я у тебя даромъ возьму пріискъ, потому я раньше твоего заявилъ...“ Такъ оно и вышло: навели справку въ полицейскомъ управленіи—точно, Живорѣзовъ раньше моего записанъ. Ну, тутъ я къ губернатору пошелъ, а меня за это драть... Вотъ я съ тѣхъ поръ и сталъ, милый человѣкъ, „губернаторъ“. Завладѣлъ Живорѣзовъ моимъ пріискомъ, а у меня, кромѣ что на себѣ,—ничего нѣтъ.

— А теперь опять ширфуешь?

— Опять ширфую...

— А если опять отберутъ новый пріискъ?

— Можетъ, и отберутъ,—соглашался старикъ.—Только я не могу, баринъ... Обычай ужъ такой у меня: какъ зима повернула на весну, такъ меня и потянуло въ лѣсъ. Тошнехонько сидѣть въ избѣ... Да и семью всю уведу

Оно, это самое наше старательство, въ родѣ какъ болѣсть навяжется... И тяжело и въ убытокъ себѣ робишь, да тутъ ужъ не разбираешь, только бы по лѣсу. Старатель старателю рознь, баринъ: который старатель съ семьей выходитъ на пріискъ, того не примѣтишь къ одиночкѣ. Эти намъ одиночки, бабы или мужики, вотъ гдѣ сидятъ!—проговорилъ старикъ, указывая на затылокъ.— Самый путаный народъ... Отъ нихъ много горя по пріискамъ. Всѣ говорятъ про насъ, про старателей, что мы и пьяницы, мы и воры... А это неправильно. Конечно, живемъ на людяхъ,—грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ,—а все-таки грѣхъ грѣху рознь.

— Но вѣдь старатели воруютъ хозяйское золото?

Старикъ внимательно посмотрѣлъ на меня и какъ-то нехотя отвѣтилъ:

— Есть и такой грѣхъ, есть грѣхъ... Только, ежели разсудить это самое дѣло по правилу, старатель-то у кого, по-твоему, воруетъ?

— У хозяина пріиска?

— Вотъ и не угадалъ: у себя, баринъ, воруетъ... Вотъ ты и поди!.. да... Возьми хоть какой пріискъ: Коренной, Желтухинскій, Кончикъ, Люсезный—кѣмъ дѣло держится? Старателями... Хозяинъ что? Хозяинъ заплатилъ по 15 к. съ сажени ренты, поставилъ контору—и все тутъ, вся ихняя заботушка. А старатель-то всей семьей робитъ-робитъ, колотится-колотится, а принесъ сдавать золото — на, получай рупь восемь гривенъ за золотникъ, всѣ твои. А хозяинъ-то сдаетъ это золото въ казну по пяти рубликовъ, значитъ, съ каждаго золотника ему три рубли двадцать въ карманъ.

— Но вѣдь на пріискахъ не вездѣ старательскія работы, а моютъ золото и машинами.

— Это только для отводу глазъ, для левизора дѣлается, баринъ,—убѣжденно заговорилъ старикъ.—Вѣдь поденщику заплати, а что онъ добудетъ—твои счастки... А поденщина, извѣстное дѣло, съ рукъ да съ ногъ: лопатку песку бросилъ да два раза оглянулся; старатель-то въ это время десять успѣетъ бросить, потому какъ робитъ онъ на себя. Ужъ я тебѣ, баринъ, вѣрно скажу: всѣ эти левизоры да инженеры, хоть разорвись, а такой машины не придумаютъ, чтобы съ голоду робила... А ты не считаешь того, что мы задаромъ этой земли перероемъ? Да ежели бы по-настоящему-то заплатить старателямъ за ихнюю работу, такъ золото то бы не пять рублей за золотникъ стоило, а клади всѣ десять. Насъ тоже не радость на пріиски-то гонитъ, а неволя... Мужики робятъ, бабы робятъ, ребятишки махонькіе, по восьмому году, и тѣ на тѣлежкахъ ѣздятъ: положи на деньги—такъ и не сосчитаешь! А еще насъ же корятъ, что мы водку пьемъ, бабы у насъ балуются. А ты возьми по правилѣ: ежели я шесть денъ роблю, какъ двужильная лошадь, не допиваю, не доѣдаю—могу я въ праздникъ Господень, въ Христово воскресенье пропустить стаканчикъ? У меня жена бьется еще хуже меня, потому день-то денской у грохота она молотитъ, а ночью съ ребятишками водится да, бабьимъ дѣломъ, должна то починить, другое поправить... Долженъ я своей бабѣ поднести стаканчикъ или нѣтъ? А въ ненастье, по осени, или весной, когда снѣгъ таетъ... Ужъ ежели гдѣ мужику тяжело, такъ бабѣ вдвое. Нѣтъ, баринъ, съ нашихъ кровныхъ трудовъ купецъ раздувается, а мы выходимъ воры...

— Ну, а золото-то все-таки старатели тащатъ на сторону?

— Какъ не тащить, ежели плату хорошую даютъ: въ конторѣ получи рупь восемь гривенъ, а на волѣ и всѣ четыре съ полтиной. Теперь взять Синицына, дастъ онъ за золотникъ четыре рубли—значитъ, выгодно ему? Вѣдь у него съ каждаго золотника рупь остается въ карманѣ... Такъ? Въ другой

разъ на грохотѣ-то за всю недѣлю намоютъ два золотника, а то и одинъ. Вѣдь шесть животовъ глядятъ на этотъ золотникъ, а я долженъ его нести въ контору за рубь восемь гривенъ. И мы счетъ деньгамъ-то знаемъ, не хуже купцовъ или тамъ господъ... Въ позапрошломъ году къ намъ на пріиски пріѣзжалъ одинъ инженеръ. Осмотрѣлъ нашу работу, а потомъ и говоритъ: „вы, говоритъ, не золото добываете, а закапываете золото...“ Это онъ къ тому, значитъ, что мы не робимъ въ сплошную, а выбираемъ, гдѣ мѣстечко получше. А ему я говорю: „ваше высокоблагородіе, дайте намъ по четыре рубли за золотникъ—всѣ до единова пріиска сызнова перероемъ: только успѣвай принимать наше мужицкое золото“. Добрый такой былъ инженеръ, только усмѣхнулся.

— Ну, рябчики-то, кажется, поспѣли, баринъ,—проговорилъ „губернаторъ“, перегребая золу.—А ты, Наська, подавай намъ свою малину.

Мы закусили на скорую руку, и я поднялся, чтобы итти дальше.

— А что, старый Заяцъ поправился?—спрашивалъ я.

— Охъ, не говори, баринъ!—какъ-то глухо проговорилъ старикъ, махнувъ рукой.—Помнишь Орелка-то? Бѣда вышла у нихъ, да еще какая бѣда... За Никитой-то Зайцевымъ моя дочь Лукерья. Видѣлъ, поди: совсѣмъ безотвѣтная бабенка, какъ есть... Ну, поробилъ этотъ, грѣхъ его побери, Естя, а Зайчиха и стала примѣчать, что онъ какъ будто льнетъ къ Лукерьѣ, къ моей-то дочери, значитъ. Старуха обстоятельная, ну, сторожитъ сноху, да въ лѣсу гдѣ за всѣмъ углядишь... Хорошо. Только на той недѣлѣ Зайчиха-то и присылаетъ за мной своего Кузьку; наказала, чтобы безпремѣнно я шелъ къ нимъ. Оболокся я поскорѣе и побрелъ къ Зайцеву балагану. Прихожу — ну, братъ, шабашъ!.. Старый Заяцъ, какъ туча, сидитъ у балагана, молодой Заяцъ лежитъ пьяный, а моя Лукерья вся въ синявицахъ... Какъ увидала меня, вся индо затряслась, побѣлѣла. „Что, молъ, у васъ, родимые, стряслось?“ Ну, Зайчиха-то все и обсказала... Видишь, присматривала она за снохой-то, ну, все какъ будто ничего, а тутъ какъ-то поглядѣла въ балаганѣ, а у ней, у Лукерьи-то, значитъ, подъ самымъ зголовьемъ новешенькій кумачный платокъ лежитъ. „Откуда у тебя платокъ?“—„Не знаю...“ Ну, старуха сначала ее побила, значитъ, Лукерью, а потомъ пробовала на совѣсть; нѣтъ, заперлась бабенка, и конечно. А откедова быть платку, окромя Орелка? Старухѣ-то бы за мной послать, можетъ, Лукерья мнѣ-то и повинилась бы, а она возьми да и скажи мужикамъ... Ну, извѣстно, пошли бабенку кудслить съ уха на ухо, таскать за волосы, а Никита-то еще ногами ее давай топтать: сказывай, гдѣ взяла платокъ? Избили бабенку въ лоскъ... Ну, послушалъ я Зайчиху — что мнѣ дѣлать? Пожалѣть али заступиться за дочь—скажутъ, потачу; подумалъ-подумалъ, заодно ужъ, видно, молъ, терпѣть тебѣ, и давай прикладывать...

— Дура Лукерья-то!—проговорила Настасья.

— Ты больно умна...

— А ты ее за что трепалъ? Ну?.. Зайцы-то всѣ паршивые, а ты за нихъ же... Я бы знала, что сдѣлать.

— Ну-ка, что?

— Взяла бы да и ушла—чортъ съ вами... Естя-то захотѣлъ посмѣяться надъ бабой и подкинулъ ей платокъ на зло, а вы давай бабу бить.

— А вѣдь оно, ежели разсудить, такъ, пожалуй, и тово,—согласился старикъ, почесывая за ухомъ.—Ну, да дѣло прошлое, не воротишь...

— Какъ же, прошлое!—огрызалась Настасья.—Никитка-то вторую недѣлю пируетъ, а пришелъ домой—сейчасъ колотить жену. Старуха же и направляетъ, старая чертовка...

— Ну, ладно, разговаривай...Васъ,бабъ,только распусти,такъ у васъ ной нетъ.

— Терпѣть да не отъ паршиваго Никитки,—ворчала Настасья, сердито сплевывая на сторону.—Развѣ это мужикъ?

— А вѣдь Есть увелъ за собой у стараго Зайца Параху-то,—задумчиво проговорилъ „губернаторъ“.—Ужъ чѣмъ этотъ Орелко соблазнилъ дѣвку—ума не приложу.

До Мохнатенькой отъ губернаторова шурфа было всего съ версту. Издали эта гора казалась не особенно высокой, но подниматься пришлось версты двѣ: самая вершина была увѣнчана небольшой группой совсѣмъ голыхъ скалъ. Это шиханъ, какъ говорятъ на Уралѣ. Съ вершины шихана открывалась широкая горная панорама, уходившая въ сине-фіолетовую даль волнистой линіей; въ двухъ мѣстахъ горы скучивались въ горные узлы, отъ которыхъ безпорядочно разбѣгались горки по всѣмъ направленіямъ, какъ заблудившееся стадо овецъ. Зеленые валы безъ конца тянулись къ сѣверу, сталкивались, загораживали дорогу другъ другу, и въ сѣроватой дымкѣ горизонта трудно было различить, гдѣ кончались горы и начиналось небо. Лѣсъ, безконечный лѣсъ выстилалъ горы, точно онѣ были покрыты дорогимъ, мохнатымъ темно-зеленымъ ковромъ, который ложился темными складками и блестѣлъ на вершинахъ свѣтло-зелеными и желтоватыми тонами, дѣлаясь на горизонтѣ темно-синимъ. Панья пробиралась изъ одного лога въ другой серебряной нитью; въ одномъ мѣстѣ изъ-за мохнатой горки выглядывалъ край узкаго горнаго озера, точно полоса ртути. Это море зелени начинало волноваться, когда по немъ торопливо пробѣгала широкая тѣнь отъ плывшаго въ небѣ облачка; нѣсколько ястребовъ черными точками парили въ голубой выси сѣвернаго неба.

Но какъ ни хороша природа сама по себѣ, какъ ни легко дышится на этомъ зеленомъ просторѣ, подъ этимъ голубымъ бездоннымъ небомъ—глазъ невольно ищетъ признаковъ человѣческаго существованія среди этой зеленой пустыни, и въ сердцѣ вспыхиваетъ радость живого человѣка, когда тамъ, далеко внизу, со дна глубокаго лога взовьется кверху струйка синяго дыма. Все равно, кто пустилъ этотъ дымъ—одинокій ли старатель, заблудившійся ли охотникъ, скитскій ли старецъ: вамъ дорога именно эта синяя струйка, потому что около огня грѣется вашъ братъ-человѣкъ, и зеленая суровая пустыня больше не пугаетъ васъ своимъ торжественнымъ безмолвіемъ.

Съ вершины Мохнатенькой можно было разсмотрѣть желтымъ пятномъ выдѣлявшійся Паньшинскій пріискъ, а верстахъ въ двадцати отъ него Любезный, принадлежавшій доктору; ближе къ Мохнатенькой виднѣлась Майна. Можно было даже разсмотрѣть пріисковую контору, походившую на дѣтскую игрушку. Глядя на пріиски, мнѣ припомнилось все, что̀ пришлось видѣть, слышать и пережить за послѣднія двѣ недѣли... Плакавшій истерически Ароматовъ, „плача“ Марѳутки, подвиги Аркадія Павлыча Суставова, избитая Лукерья, „золотая каша“, торжествующая клика представителей крупной золотопромышленности, преслѣдующихъ государственную пользу, каторжная старательская работа—сколько зла, несправедливости несетъ съ собой человѣкъ всюду, и подъ каждой вырытой крупинкой золота сколько кроется глухихъ страданій и напрасныхъ слезъ.

X.

Бучинскій нѣсколько дней находился въ прескверномъ расположеніи духа. Онъ ходилъ по конторѣ, плевалъ во всѣ углы и разражался страшными проклятіями, когда кто-нибудь нарушалъ бурное теченіе его мыслей.

— Что съ вами, Ома Осипычъ?—спросилъ я наконецъ.

— А... не спрашивайте! Живешь какъ свинья, работаешь какъ каторжный, а тутъ... тьфу!

— Ужъ здоровы ли вы?

— А для чего мнѣ здоровье? Ну, скажите, для чего? На моемъ мѣстѣ другой тысячу разъ умеръ бы... ей-Богу! Посмотрите, что за народъ кругомъ? Настоящая каторга, а мнѣ не разорваться же... Слышали? Ѣдетъ къ намъ ревизоръ, чтобы ему семь разъ пусто было! Ей-Богу! А между тѣмъ, какъ пріѣхалъ, и книги ему подай, и пріискъ покажи! Что же, прикажете мнѣ разорваться?!—съ азартомъ кричалъ Бучинскій, размахивая чубукомъ.

Въ конторѣ появились штейгера и казаки. Раньше я ихъ какъ-то не замѣчалъ на пріискѣ, а теперь они точно изъ земли выросли. Обязанность штейгеровъ заключается въ томъ, чтобы предупреждать всѣми способами хищеніе хозяйскаго золота, но извѣстно, что у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу, и штейгера безполезны на пріискахъ въ такой же мѣрѣ, какъ и всякая казенная стража. На казакахъ лежали спеціально полицейскія обязанности, причемъ все было упрощено до послѣдней степени: всѣ дѣла разрѣшались при помощи нагаекъ. Гдѣ эта братія пропадала въ мирное время—трудно сказать.

— Ну что, какъ вы нашли губернаторову Наську?—совершенно неожиданно спросилъ меня однажды Бучинскій.—О, я знаю, на какую вы охоту ходите и для кого стрѣляете рябчиковъ...

— Да откуда же вы можете все знать?

— Сорока на хвостѣ принесла... Хе-хе!.. Нѣтъ, вы не ошиблись въ выборѣ: самая пышная дивчина на всемъ пріискѣ. Я не уступилъ бы вамъ ее ни за какія коврижки, да вотъ проклятый ревизоръ на носу... Не до Наськи!.. А вы слышали, что ревизоръ ужъ былъ на Майнѣ и нашелъ приписное золото? О, чортъ бы его взялъ... Гдѣ у этого Синицына только глаза были?.. Теперь и пойдутъ шукать по всѣмъ пріискамъ, кто продавалъ Синицыну золото... Тьфу!.. А еще умнымъ человѣкомъ считается... Вотъ вамъ и умный человѣкъ.

Сдѣлавъ многозначительную мину и приподнявъ палецъ кверху, Бучинскій шопотомъ проговорилъ:

— Доносъ былъ сдѣланъ на всѣ пріиски... да! И знаете, кто сдѣлалъ доносъ?

— Кто?

— Вашъ пріятель, этотъ дурень Ароматовъ... Онъ и меня втянулъ, должно полагать! Ей-Богу... Вотъ и дѣлай людямъ добро, хлопочи о нихъ... Вѣдь я этого Ароматова съ улицы взялъ! Вотъ вамъ благодарность...

Разъ вечеромъ, когда я возвращался отъ Ароматова въ контору, на пріискѣ я встрѣтилъ стараго Зайца, который сильно попатывался и улыбался самой блаженной улыбкой. Старикъ узналъ меня и потащилъ въ свой балаганъ.

— У Зайчихи и водка найдется про насъ,—заплетавшимся языкомъ болталъ Заяцъ, продолжая выдѣлывать ногами самыя мудреныя па.

Меня удивило счастливое настроеніе стараго Зайца, которое какъ-то не вязалось съ происходившей неурядицей въ его семьѣ.

— А вѣдь Параха-то не тово...—заговорилъ старикъ, когда мы уже подходили къ балагану:—воротилась. Сама пришла. *Онъ* съ нея все посымалъ: и сарафанъ, и платокъ, и ботинки... Въ отцу теперь пришла! Зайчиха-то ее дула-дула... Эхъ, напрасно, баринъ! Зачѣмъ было дѣвку обижать, когда ей и безъ того тошнехонько.

Балаганъ Зайца прилѣпился къ самой опушкѣ лѣса; по формѣ эта незамысловатая постройка походила на снятую съ крестьянской избы крышу въ два ската. Между двумя елями была перекинута жердь, а съ нея проведены по бокамъ ребра; все это сверху было покрыто берестой, еловой корой, дерномъ и кое-гдѣ засыпано землей. Старый Заяцъ очень гордился своимъ балаганомъ, потому что въ дождь сквозь его крышу не просачивалось ни одной капли воды; внутри балагана были сложены харчи, конская сбруя и разный домашній скарбъ, который „боялся воды“. Около стѣнъ, изъ травы и старой одежи были устроены постели для бабъ и ребятъ; надъ самымъ входомъ въ балаганъ висѣла на длинномъ очепѣ дѣтская люлька, устроенная изъ обыкновенной круглой рѣшетки, прикрытой снаружи нестрядевымъ пологомъ.

— Тутъ у насъ главный старатель качается,—объяснилъ Заяцъ, дергая люльку за веревку.—Эй, Зайчиха, примай гостей... Слышишь?..

Изъ балагана показалась „сама“, молча посмотрѣла на улыбавшагося мужа, схватила его за воротъ и, какъ мѣшокъ съ сѣномъ, толкнула въ балаганъ; старикъ едва успѣлъ крикнуть въ моментъ своего полета: „А я ба-арина привелъ...“. Зайчиха была обстоятельная старуха, какія встрѣчаются только на заводахъ среди старовѣровъ или въ сосѣдствѣ съ ними: ея умное лицо, покрытое глубокими морщинами и складками, свидѣтельствовало о давнишней красотѣ съ одной стороны, и съ другой—о томъ, что жизнь Зайчихи была не изъ легкихъ.

— Садись, такъ гость будешь,—сухо пригласила меня Зайчиха, подсаживаясь къ огоньку съ какой-то работой.

Только теперь я разсмотрѣлъ хорошенько, сколько безмолвнаго горя и глухихъ страданій таилось подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ. Всякое горе, которое постигаетъ членовъ семьи, обыкновенно собирается около домашняго очага, гдѣ оно еще разъ переживается всѣми, а всѣхъ больше, конечно, тѣмъ, чье сердце болитъ о дѣтяхъ съ перваго дня ихъ появленія на свѣтъ. Страданія и неудачи заставляютъ семью тѣснѣе сплачиваться, точно она занимаетъ оборонительное положеніе, и въ центрѣ этой семьи, ея душой въ несчастьяхъ является всегда женщина. Въ женской любящей натурѣ живетъ несокрушимая энергія, которая до послѣдняго вздоха стоитъ за интересы своего пепелища. Когда мужчина теряется и начинаетъ испытывать первые приступы глухого отчаянія, женщина быстро собирается съ силами и является съ геройской рѣшимостью не отступать ни передъ какой крайностью. Старая Зайчиха геройствовала своимъ искусственнымъ равнодушіемъ, не желая выдавать дѣйствительнаго настроенія своихъ чувствъ.

— Гдѣ у тебя Никита-то?—спросилъ я, чтобы поддержать разговоръ.

— И не спрашивай... совсѣмъ спутался.

— А бабы гдѣ?

— Лукерья пошла мужа разыскивать, а Параха въ балаганъ. Немножется ей...

Эта невольная ложь передъ чужимъ человѣкомъ выдавила изъ подслѣповатыхъ глазъ Зайчихи двѣ слезинки, и она еще ниже наклонилась надъ своей работой, ковыряя иглой какое-то тряпье.

— А какъ у васъ золото идетъ?

Старуха недовѣрчиво взглянула на меня, махнула рукой и тихо заплакала; высморкавшись въ самый кончикъ передника, она глухо заговорила:

— Слышалъ, чай... на весь пріискъ срамъ. Охъ, проклятое это золото!

— Мнѣ „губернаторъ“ разсказывалъ...

— Дуракъ вашъ „губернаторъ“—вотъ что!

— Зачѣмъ дуракъ?

— А такъ...

Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ какой-то старухи, которая подошла къ огню нерѣшительнымъ шагомъ и съ заискивающей улыбкой на сухихъ синихъ губахъ; по оборванному, заплатанному сарафану и старому платку на головѣ можно было безошибочно заключить, что обладательница ихъ знакома была съ нуждой.

— Здравствуй, Матвѣевна...—разбитымъ, выцвѣтшимъ голосомъ обратилась она къ Зайчихѣ.

— Садись. Митревна... гостья будешь.

— А я къ тебѣ забѣжала... Видѣла, какъ Лукерья-то прошла къ Абрамову балагану, думаю, теперь Матвѣевна одна... А гдѣ у тебя Заяцъ-то?

Зайчиха молча показала глазами на балаганъ: Митревна съ соболѣзнованіемъ покачала головой и принялась ругать пріисковыхъ мужиковъ, которые только пьянствуютъ.

— Твои-то развѣ тоже?—спрашивала Зайчиха.

— Охъ, не говори, мать! Не глядѣли бы глазыньки. Какъ лошадь у насъ увели, такъ все и пошло. Надо бы другую лошадку-то, а денегъ-то про нее и не припасено. Какія ужъ деньги: только бы сыты... Ну, выработка-то далеко отъ грохота, изволь-ка пески на тачкѣ таскать... Мужики-то смаялись совсѣмъ, ну, а съ маяты-то, что ли, и сбились. Чего заробятъ, то и пропьютъ.

Митревна принадлежала къ тому типу совсѣмъ изжившихся старушонокъ, которыя, по народной пословицѣ, въ чужой вѣкъ живутъ. Глядя на ея испитое лицо, безсмысленно моргавшіе глаза, на сгорбленную спину и невѣрную, разслабленную старческую походку, трудно было поручиться, что вотъ-вотъ „подкатитъ ей подъ сердце“ или „схватитъ животомъ“—и готова: даже не дохнетъ, а только захлопаетъ глазами, какъ раздавленная птица. Между тѣмъ такими жалкими старушонками иногда держится вся семья: вездѣ-то она все видитъ, все слышитъ, всѣхъ побранитъ, о всякомъ поплачетъ, и кончится часто тѣмъ, что всѣхъ перехоронитъ—и старика-мужа, и дѣтей, и внучатъ, да еще и бобылкой будетъ маяться лѣтъ двадцать. Удивительно живуча человѣческая натура. По заискивающему тону разговоровъ Митревны не трудно было узнать, что она совѣстится попросить у Зайчихи какой-нибудь пятакъ прямо, а считаетъ своимъ долгомъ повести дѣло издалека, чтобы незамѣтно подойти къ главной цѣли. Такіе подходы слишкомъ наивны, чтобы не замѣтить ихъ сразу, и мнѣ было жаль Митревны, когда она начала плести свою жалкую околесную.

— Солдатку-то Маремьяну знаешь?—спрашивала Митревна.

— Ну, знаю.

— Наши бабы ее поучили вечоръ... Развѣ не слыхала?

— Нѣтъ.

— Здорово поучили... Вишь, она, шлюха этакая, до чужихъ мужиковъ больно охотлива и, надо полагать, умѣетъ ихъ приворачивать къ себѣ. Понъ ихъ чѣмъ, что ли. Только этакъ-ту она Абрамова старшаго сына сманила къ себѣ, потомъ зятя Спиридонихи, да много еще кой-кого. Ну, бабенки-то и сбились съ ума совсѣмъ: что имъ, значитъ, съ мужиками со своими дѣлать? днюютъ и почуютъ у солдатки, а чуть баба слово—въ зубы и въ поволочку. Спиридонихина-то дочь топиться бѣгала съ горя... Тутъ какой-то добрый

человѣкъ и надоумилъ бабенокъ: завели они эту самую Маремьяну въ лѣсъ да своимъ судомъ... Волосы даже на ней всѣ спалили, косу обрѣзали, а на тѣлѣ живого мѣста не оставили. Теперь въ балаганѣ солдатка-то ни въ живыхъ ни въ мертвыхъ лежитъ.

— Надо бы было раньше догадаться,—проговорила Зайчиха.—Такъ и надо учить этихъ шлюхъ, да еще вотъ этихъ сводней, что по пріискамъ шатаются да дѣвокъ смущаютъ.

— Охъ, и не говори, Матвѣевна!—съ тяжелымъ вздохомъ согласилась Митревна и, понизивъ голосъ, прибавила:— встрѣла я сегодня поутру Силу... Тебя больно жалѣетъ.

— Дуракъ... выжилъ совсѣмъ изъ ума на старости лѣтъ.

— Всѣ, голубушка, всѣ по пріиску-то пальцами указываютъ на Аську-то, а онъ другихъ жалѣетъ...

Митревна засмѣялась какимъ-то дряблымъ, высохшимъ смѣхомъ, причемъ все лицо у ней собралось въ одинъ комочекъ, какъ печеная рѣпа.

— Я ему сколь разъ говорила, Силѣ-то,—разсказывала Зайчиха.—А онъ смѣется только... Вотъ теперь и кажись!

— Да и Ѳомка-то хитеръ, несъ... Самъ даже и не смотритъ на Аську, когда мимо грохота идетъ.

— А сводни-то на что?

— Вотъ-вотъ, онѣ самыя и есть... Много ли дѣвкѣ надо при ея глупомъ разумѣ: сегодня сводня пряниками покормитъ, завтра ленточку подаритъ да насулитъ съ три короба—ну, дѣвка и идетъ за ней, какъ телушка. А какъ себя не соблюла разъ—тутъ ужъ дѣваться ей совсѣмъ некуда! Куда теперь Аська-то дѣнется? У отца не будетъ вѣкъ свой жить, а сунься въ контору—да Аксинья-то ее своими руками задавитъ. Злющая баба...

— Что говорить: злыдня!.. Она Ѳомку-то, говорятъ, за волосья таскаетъ.

— А я къ тебѣ, Матвѣевна!—совсѣмъ другимъ голосомъ заговорила старуха.—Ребятишки-то со вчерашняго дня не ѣдали, а хлѣба-то ни маковой росинки... Мнѣ бы хоть полковрижки? Какъ только деньги мужики получатъ за золото, сейчасъ тебѣ отдамъ.

— Да вишь, у насъ у самихъ-то...

Зайчиха немного поломалась, а потомъ ушла въ балаганъ и вынесла Митревнѣ небольшую коврижу хлѣба; старуха съ жадностью схватилась за него обѣими руками и торопливо поплелась во-свояси.

Зайчиха долго сидѣла молча, не сводя глазъ съ курившагося огонька; наконецъ проговорила:

— Слышалъ про „губернатора“-то? Не радуйся чужой бѣдѣ, своя на грядѣ. Вишь, ему обидно тогда показалось за Лукерью. Я, точно, построжила, ну, мужики тоже малость потеребили, а для кого?.. Для Лукерьи же... Долго ли молоденькой бабенкѣ на пріискахъ спутаться. Я спроху-то караулила-караулила да родную дочь и прокараулила... Легко мнѣ это? Къ кому она пойдетъ, дочь-то, окромя матери? Ну, и принесла съ собой все! Охъ-хо-хо, баринъ, распослѣднее наше житье!.. Робить-то робишь, маяту примаешь съ утра до ночи, а тутъ еще мужики примутся пировать, бабы гулять...

— А на заводахъ развѣ нельзя было устроиться?

— Можно-то, пожалуй, можно, только не сподручное дѣло, баринъ... Вишь, по нонѣшнимъ заработкамъ по заводамъ нельзя мужику одному робить, надо посылать на фабрику и подростковъ и дѣвокъ. А что они на фабрикѣ-то увидятъ, особливо дѣвки? Самое распослѣднее дѣло: которая ни пойдетъ робить — та, глядишь, и загуляла, а тамъ съ готовымъ брюхомъ и пришла

къ отцу, къ матери... Балуются дѣвки на фабрикѣ всѣ до послѣдней. Ну, первo-то мы долго крѣпились, все крѣпились, а тутъ и пошли недостатки. Хлѣбъ дорожаетъ, харчи дорожаютъ, обутокъ, одежа дорожаютъ, а платы мужикамъ не прибавляютъ... Побились-побились, дальше ужъ и биться нечего стало: выходило такъ, что Параху съ Кузькой надо было на фабрику посылать. Подросткомъ была дѣвка-то, жаль до смерти, ну, думали-думали съ Зайцемъ и порѣшили на пріиска, какъ с атъ Сила. Про себя-то думала, что какъ-никакъ, а дѣти при себѣ, при своемъ глазу будутъ... Какъ теперь и головушку покажешь къ себѣ на заводъ...

— А что?

— Какъ что? Хорошая слава лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ. Видѣлъ Митревну-то? Вотъ она у меня хлѣба приходила занять, да она же первая по всему свѣту и разнесетъ про Параху-то... Тутъ, чтобы по этакой славѣ, дѣвкѣ замужъ выйти — ни въ жисть! Всякій выбираетъ товаръ безъ изъяну... Тоже вотъ и Наська... Ужъ, кажется, всѣмъ взяла дѣвка, а тоже добрыхъ-то людей не скоро проведешь!

— Отчего бабы на пріискахъ такъ балуются?

— Отъ тяжелой жизни, баринъ, отъ ней самой... Ты погляди-ка, какъ бабы колотятся на пріискахъ, ну, а тутъ ужъ долго ли до грѣха: другая за доброе слово съ себя голову дастъ снять. Тутъ какъ-то въ позапрошломъ году была одна дѣвчонка... Такъ изъ себя-то немудренькая, а все-таки себя крѣпко соблюдала. Штегерю одному эта самая дѣвчонка и погляпись... Извѣстно, съ жиру бѣсятся! Ну, приставалъ, приставалъ къ дѣвкѣ: та не идетъ. Такъ что они сдѣлали съ ней: сводню штейгеръ подговорилъ, а та дѣвчонку завела въ лѣсъ подальше, ну, а штейгеръ-то тамъ ужъ ждетъ ее... Только дѣвка-то изъ себя могутная была, не поддавалась, тогда они ее водкой напоили... А своднѣ-то обидно показалось, что дѣвка больно билась, вотъ она ушла впередъ на пріискъ да оттуда парней и прислала штукъ десять... Они тамъ и издѣвались въ лѣсу надъ дѣвкой, а потомъ бросили. Послѣ замертво свезли въ гошпиталь. Слѣдователь пріѣзжалъ. Ну, а которая доброй волей дѣвка себя потеряетъ, той и искать не съ кого... Охъ, да вѣдь это Никитка безпутный съ артелью валитъ?—всполошилась старуха, заслоняя глаза рукой.—Онъ и есть, стремецъ!

Со стороны пріиска къ балагану Зайца съ пѣснями валила пьяная ватага, между которыми издали выдѣлялась вихлястая фигура безпутнаго Никитки; какой-то парень бойко наигрывалъ на гармоніи, а молодой Заяцъ по травѣ пускался вприсядку. По всему пріиску громко разносилась безшабашная пріисковая пѣсня:

Какъ сибирскій генералъ
Станового обучалъ...
Ай-вотъ, калина!..
Ай-вотъ, малина!..
По щекамъ его лупилъ,
Таки рѣчи говорилъ...
Ай-вотъ, калина!..

Зайчиха вооружилась длинной черемуховой палкой и встала въ выжидающей позѣ; позади всѣхъ съ ребенкомъ на рукахъ и съ опущенной головой плелась Лукерья. На ней, какъ говорится, лица не было. Зеленыя пятна отъ синяковъ, темные круги подъ глазами, какой-то сѣрый цвѣтъ лица...

— Маммынька—я загулялъ!—мычалъ Никита, останавливаясь въ приличной дистанціи отъ мамынькиной палки.—Родимая... загулялъ...

— Иди-ка сюда, не-ось..—низкими нотами заговорила Зайчиха и, поймавъ Никиту за вихоръ, принялась обрабатывать его длинную, сухую спину своей палкой.—Доколѣ ты будешь пировать-то... а?..

— Мамынька... Вотъ те истинный Христосъ, не буду больше!..—вопилъ Никита, валяясь на землѣ.

Заслышавъ пѣсню, старый Заяцъ высунулъ-было свою голову изъ балагана, но сейчасъ же спрятался, какъ началась экзекуція.

— А вы чего стали тутъ?.. Ступайте домой!..—кричала Зайчиха на переглядывавшихся гостей.—Ступайте, пока я васъ всѣхъ палкой не прогнала...

— Мамынька!.. Намъ политофчикъ всего...—умолялъ Никита, почесывая бока.

— Ступайте домой, въ самъ-то дѣлѣ,—заговорила Лукерья, укладывая ребенка въ люльку.—Добрые люди спать ложатся...

— Ахъ, ты... змѣя!—вскипѣлъ Никита и погой ударилъ жену прямо въ животъ.

Лукерья какъ-то дико вскрикнула, но Никита уже за волосы тащилъ ее по землѣ, нанося страшные удары правой рукой прямо по лицу. Посыпалась мужицкая крупная брань и вопли беззащитной жертвы, но Зайчиха не тронулась съ мѣста, чтобы защитить сноху, потому что этимъ нарушилось бы священнѣйшее право всѣхъ мужей отъ одного полюса до другого.

XI.

Наступили первые дни августа. Выпало два холодныхъ утренника, и не успѣвшіе отцвѣсти лѣсные цвѣточки поблекли, а трава покрылась желтыми пятнами. Солнце ужъ не такъ ярко свѣтило съ голубого неба, позже вставало и раньше ложилось; порывистый вѣтеръ набѣгалъ неизвѣстно откуда, качалъ вершинами деревьевъ и быстро исчезалъ, оставивъ въ воздухѣ холодѣвшую струю. Радости короткаго сѣвернаго лѣта приходили къ концу, впереди грозно надвигалась безкопечная осень съ ея проливными дождями, ненастьемъ, темными ночами, грязью и холодомъ. Почти все свободное время я проводилъ въ лѣсу, на охотѣ; хвойный лѣсъ съ наступленіемъ осени дѣлался еще лучше и точно свѣжѣлъ съ каждымъ днемъ. Возвращаясь однажды съ такой охоты, я шелъ на Папынинскій пріискъ по майновской дорогѣ; эта узкая лѣсная дорога, по которой съ трудомъ можно было пробраться въ хорошую погоду, теперь представляла собою узкое и глубокое корыто, налитое липкой глинистой грязью. Шагая по сторонѣ дороги, я догналъ тащившійся шагомъ экипажъ Карнаухова. На козлахъ сидѣлъ Ѳедя и правилъ разбитой тройкой разномастныхъ лошадей; изъ повозки выглядывали ноги дьякона Органова, которыя я узналъ по желтымъ шароварамъ.

— А... садитесь, сударь!—обрадовался мнѣ Ѳедя, останавливая свою еле плетущуюся тройку. — Въ родѣ какъ съ мертвыми тѣлами ѣду,—указалъ онъ головой на экипажъ.

— Куда теперь, Ѳедя?

— Да надо пробираться домой, только вотъ баринъ не въ себѣ, да и дьяконъ тоже...

— Что такъ?

— Да вотъ посмотрите...

Ѳедя откинулъ кожаный фартукъ, и внутри экипажа, рядомъ съ скорчившейся фигуркой Карнаухова, я разсмотрѣлъ русую голову Органова, перевязанную полотенцами.

— Съ дьякономъ-то насилу отводились на Майнѣ,—повѣствовалъ Оедя, закрывая фартукъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, извѣстно, отъ собственной глупости. Какъ пріѣхали, и давай пить, давай пить... Пили-пили-пили! А Тишка Безматерныхъ съ этого питья даже, можно сказать, совсѣмъ сбѣсился и придумалъ такую штуку: съ вечеру напоилъ дьякона до положенія ризъ, а утромъ и не велѣлъ давать опохмеляться. Видишь, ему хотѣлось поглядѣть, какъ будетъ ломать дьякона послѣ трехмѣсячнаго пьянства... Хорошо. Проснулся дьяконъ и первымъ дѣломъ просить водки поправиться. Не дали... Ужъ онъ просилъ-просилъ, молилъ-молилъ, на колѣнкахъ ползалъ—не дали ни капли!.. Дьяконъ-то сталъ ихъ стращать, что утопится въ шахтѣ, ежели не дадутъ водки. Вотъ тутъ Синицынъ и придумалъ потѣху: принесъ ящикъ изъ-подъ вина, поставилъ къ стѣнкѣ и говоритъ дьякону: „ежели проломишь лбомъ доску — сейчасъ бутылку коньяку велю тебѣ подать...“ Ну, доски на ящикѣ не то, чтобы ужъ очень толсты, а въ полъ-пальца все будутъ. Дьяконъ сперва было не соглашался, а потомъ точно одурѣлъ—какъ тяпнетъ головой въ ящикъ, только доски затрещали... Вѣдь расшибъ, сударь!.. Если бы своими глазами не видалъ, никому бы не повѣрилъ. Ну, доску-то онъ точно что прошибъ, да и голову себѣ однако проломилъ: кровь изъ него такъ и хлещетъ, какъ изъ барана, а тѣ хохочутъ-заливаются... Хохотали-хохотали, а тутъ нашъ дьяконъ и повалился, помутнѣлъ весь, ну, тогда и давай съ нимъ отваживаться. Дня съ три вылежалъ безъ языка, а теперь выправляется. Только бы до Паньшина довезти въ живыхъ, а тамъ и самъ найдетъ дорогу домой. Охъ-хо-хо!..

— Ну, а что Бучинскій?—спрашивалъ Оедя. — Ужо будетъ ему баня, голубчику... Только слабыя нонче времена, сударь!

Вечеромъ, пока отдыхали и кормились лошади Карнаухова, мы долго сидѣли съ Оедей на крылечкѣ. Вечерняя заря догорала, окрашивая гряды бѣлыхъ облаковъ розовымъ золотомъ; стрѣлки елей и пихтъ купались въ золотой пыли; гдѣ-то въ густой осокѣ звонко скрипѣлъ коростель; со стороны пріиска наносило запахомъ гари и нестройнымъ гуломъ разнородныхъ звуковъ. Балаганы давно потонули въ тѣни лѣса, и только крайніе изъ нихъ пламя горѣвшихъ огней на мгновеніе точно выхватывало изъ накоплявшейся мглы. Гдѣ-то всталъ и замеръ какой-то дикій крикъ; можетъ-быть, это послѣдній вопль какой-нибудь жертвы человѣческаго насилія или предсмертная агонія зайца въ когтяхъ совы.

— Большіе подлецы бываютъ на свѣтѣ, сударь,—задумчиво говорилъ Оедя, насасывая свою пѣнковую трубочку. — Вотъ хоть Бучинскаго взять... Вѣдь онъ въ сдѣлкѣ съ Синицынымъ и прудитъ ему золото съ нашего пріиска пудами. Ей-богу! Майна-то, сударь, совсѣмъ бездушный пріискъ, т.-е. золота въ немъ самая малость, а держится за него Синицынъ по той причинѣ, чтобы отвести глаза... Такъ-то скупать золото неспособно, у кого своихъ пріисковъ нѣтъ, а ежели пріиска есть—только валяй. А ревизоръ пріѣхалъ—покажутъ ему книги, и вся недолга. Такъ-то-съ!.. А Синицынъ почему держится за Майну? Очень просто... эта самая Майна сѣла какъ разъ посередь всѣхъ прочихъ пріисковъ, вотъ Синицынъ и доитъ ихъ: съ одной стороны подошли пріиска Безматерныхъ, съ другой—докторскій, съ третьей—нашъ... Только получай! Всѣ работаютъ на Синицына, сударь. И онъ же первый другъ-пріятель всѣмъ: и доктору, и Тишкѣ, и нашему барину... А развѣ они не знаютъ всю его механику? Знаютъ, да ничего не подѣлаешь, потому не поймалъ—не воръ... И очень просто это дѣлается, сударь...

Ѳедя осторожно оглядѣлся кругомъ и тихо заговорилъ:

— Аксинью-то знаете? Она будто въ куфаркахъ у Бучинскаго, а на самомъ-то дѣлѣ метреской... Какъ же! Ну-съ, такъ золото-то черезъ нее и прудятъ на Майну, т.-е. не сама она таскаетъ его туда, а есть у ней какой-то братъ, страшенный разбойникъ... Такъ вотъ онъ и есть коноводъ всему дѣлу! Имя-то у него...

— Гараська?

— Онъ самый, сударь: Гараська... Отчаянная голова, сударь, этотъ Гараська! Штейгера они тутъ уходили на Майнѣ, и слѣдъ простылъ. Пьяный сболтнулъ лишнее про ихнія дѣла, Гараська-то и спустилъ его въ шахту: только и видали... Ревизоръ какъ-то хотѣлъ словить этого Гараську, караулилъ его на Майнѣ цѣлую недѣлю; ну, Гараська и влетѣлъ-было, да догадливъ, несъ: мѣшечекъ-то съ золотомъ прямо въ повозку къ ревизору и подкинулъ, ревизоръ самъ и увезъ съ собой краденое золото, а тамъ ужъ его добыли послѣ изъ повозки-то. Такъ вотъ этотъ Гараська скупаетъ у паньшинскихъ старателей золото да и сдаетъ его Синицыну, а барыши пополамъ съ Бучинскимъ. Сказываютъ, у этого Гараськи есть какая-то дѣвка, Ховрей называется, такъ эта самая Ховря въ себѣ проноситъ золото и по этому случаю ее коробкой, сударь, зовутъ на пріискѣ.

Ѳедя долго разсказывалъ про подвиги Бучинскаго и старателей, жаловался на слабыя времена и постоянно вспоминалъ про Аркадія Павлыча. Пересѣлъ на травку, на корточки и не уходилъ; ему, очевидно, что-то хотѣлось еще высказать, и онъ ждалъ только вопроса. Снявъ съ головы шляпу, старикъ долго переворачивалъ ее въ рукахъ, а потомъ проговорилъ:

— Дьяконова шляпа-то у меня... По наслѣдству мнѣ досталась, когда онъ разстригался. Мы вѣдь съ нимъ старые знакомые, въ городу-то когда онъ служилъ, я частенько къ нему захаживалъ... Хорошій былъ человѣкъ, сударь, справный. А какой хозяинъ—все своими руками умѣлъ сдѣлать: и за столяра, и за каменщика, и за сапожника. Хозяйственный человѣкъ, однимъ словомъ. Жена у него тоже славная была бабочка. А знаете, сударь,—другимъ голосомъ прибавилъ Ѳедя:—ежели разобрать, такъ дьяконъ отъ меня и съ кругу спился. Вотъ поди ты, какая штука можетъ произойти! Ей-Богу! Кажется, думать, такъ не придумать...

— Что же ты сдѣлалъ ему такое?

— Я-то?.. да оно дѣлать-то ничего не сдѣлалъ, а все-таки грѣхъ на моей душѣ, сударь. И попу каялся... да-съ. Видите ли, захожу я разъ къ дьякону, вотъ этакъ же дѣло лѣтомъ было, сидимъ мы у него вечеромъ на крылечкѣ и калякаемъ. Хорошо этакъ бесѣдуемъ... Только дворъ-то крытый и совсѣмъ во дворѣ темно стало: хошь глазъ выколи. Я сидѣлъ-сидѣлъ, да и говорю: „Дай мнѣ тыщу рублей — не пойду теперь на сарай“. Дьяконъ давай меня просмѣивать, что я нечистаго боюсь, а никакой нечисти, говоритъ, нѣтъ. Старухи, говоритъ, придумали. Ну, поспорили: онъ—свое, я—свое. Только мнѣ это и покажись обидно, что дьяконъ какъ будто надъ моей необразованностью смѣется, въ родѣ какъ мужицкую мою глупость хочетъ показать... Такъ-съ. Я и говорю дьякону: а вотъ, говорю, генералъ Карнауховъ, покойникъ, не глупѣе насъ былъ, а тоже этихъ привидѣніевъ до смерти боялся... Тоже вотъ если заяцъ дорогу перебѣжитъ, попъ встрѣтится... Ну, сижу да перебираю, что покойный баринъ не уважалъ, а дьяконъ какъ отрѣжетъ мнѣ: все это бабьи „запуки“!.. Меня ужъ тутъ зло и взяло... „Ахъ, ты, думаю, долговолосый баранъ!..“. Потомъ и говорю: „Ну, ежели ты боекъ, дьяконъ, сходи сейчасъ на сарай да принеси мнѣ сѣна...“—„Чорта, говоритъ, за рога

приведу...“ Да какъ сиѣлъ, въ одной рубашкѣ и кальсонахъ — маршъ на сарай... Ну, сижу на крылечкѣ да слушаю, какъ дьяконъ по двору босыми ногами шлепаетъ. Вотъ заскрипѣли половицы, значитъ, на сарай бродитъ, потомъ слышу—спущается по лѣстницѣ и сѣномъ шуршитъ... Я даже молитву хотѣлъ сотворить, что Господь пронесъ благополучно нашу глупость, а дьяконъ какъ ухнетъ, какъ заревѣлъ... Ну, ей-Богу, медвѣдю или чумному быку впору! Меня такъ и затрясло, а дьяконъ тошнѣе того ревѣлъ, да со страховъ-то какъ кинется, да на столбъ и оземь...

Осдя помолчалъ, раскурилъ трубочку и продолжалъ:

— Вотъ оно, куда глупое-то слово человѣка приводитъ, сударь! Я только хотѣлъ спичкой чиркнуть да свѣту добыть, а въ избѣ дьяконица тоже какъ ухнетъ и тоже оземь, въ родѣ какъ квашонка. Баба послѣднее время ходила, а тутъ какъ услыхала, что дьяконъ словно подъ ножомъ ревѣлъ—со страху и покатилась по избѣ. Ахъ, ты, Господи милостивый! Ужъ не помню, какъ я за ворота выскочилъ, и только на улицѣ маненько опамятовался... Ну, дьяконъ тоже на улицу за мной. „На чорта, говоритъ, ногой наступилъ...“ А на самомъ лица нѣтъ. Что дѣлать?... Перекрестился я, зажегъ спичку, и пошли мы досматривать, гдѣ этотъ чортъ лежитъ. И что бы вы, сударь, думали? Подходимъ къ сараю, а около сарая лежитъ теленочекъ пестренькій; коровато, значитъ, только-только успѣла отелиться, онъ еще не успѣлъ и обсохнуть, сердечный, какъ дьяконъ наступилъ на него ногой и слышитъ, что подъ ногой и теплое, и мокрое, и живое, и мохнатое... Ну, натурально, чортъ!.. Ну-съ, тутъ намъ даже смѣшно стало, опять по глупости по нашей. Онъ чортъ и оказался...

— Теленокъ-то?

— Теленокъ само собой, а чортъ само собой, сударь. Вотъ вамъ это даже смѣшно кажется, анъ дѣло-то не смѣшно вышло... Вы послушайте, что дальше-то было. Съ того самаго случая и начни дьяконица хворать... Выкинула она первымъ дѣломъ дитё, а потомъ, какъ подъ сердце подкатитъ—дьяконица глаза подъ лобъ, пѣна у рта, а сама по полу катается. Ей-Богу... Ну, обнаковенно, потащили дьяконицу по докторамъ: одинъ то, другой другое... И грѣшно и смѣшно про этихъ докторовъ сказывать, сударь. Одинъ ее все голодомъ морилъ, недѣли съ три морилъ, пока у дьяконицы языкъ не отнялся; другой холодной водой ее обливалъ, третій льдомъ ее обложилъ—нѣтъ нашей дьяконицѣ лучше и шабашъ: урчитъ въ утробѣ и конецъ дѣлу, а потомъ подъ сердце. Бились-бились съ дьяконицей, а потомъ дьяконъ ужъ догадался, что тутъ не доктора надо... Онъ, чортъ-то, въ утробу дьяконицѣ забрался. Нѣтъ, вы, сударь, не смѣйтесь, а слушайте, что дальше-то было. Какъ догадались объ этомъ, по-вашему... а?

— Право, не знаю...

— Вотъ то-то и есть... А дѣло проще пареной рѣпы. Старушоночка одна, побирушка, научила. Какъ дьяконицѣ подкатило, старушоночка и говоритъ: „А прочитай Іисусову молитву“... Ну, обнаковенно, дьяконица только перстомъ показываетъ, что „овъ“ ей не даетъ Іисусову молитву читать.

— У дьяконицы просто была падучая...

— Ну, пусть будетъ по-вашему, падучая, а мы знаемъ эту падучую, сударь... Вы послушайте дальше-то. Дьяконъ тоже все по-вашему говорилъ и всѣхъ старушонокъ-лѣкарокъ въ три шеи гналъ... А тутъ и случись дьякону куда-то на покосъ уѣхать, сѣно ставили. Тутъ дьяконицу и научили къ одному старичку обратиться, чтобы использовалъ... А старичокъ этотъ многимъ уже помогъ. Ну, дьяконица къ нему, а старичокъ говоритъ: „Хорошо, только чтобы

дѣлать все, какъ я скажу". Обыкновенно, дьяконица рада-радехонька, только вылѣчи. Вотъ прихватилъ старичокъ двухъ старушекъ и пришелъ къ дьяконицѣ... Вбилъ въ стѣну два гвоздя, поставилъ дьяконицу къ стѣнѣ и прикрутилъ ей руки къ гвоздямъ веревкой. Хорошо. Потомъ какъ разбѣжится да головой прямо въ брюхо дьяконицѣ... А могутный изъ себя старичокъ былъ—ну, дьяконица и запѣла на всѣ голоса. А старичокъ-то сотворитъ молитву, разбѣжится да опять головой, по-бараньему, въ брюхо дьяконицѣ. Ну, такимъ манеромъ орудовалъ онъ часа полтора, пока дьяконица билась на гвоздяхъ да ревѣла, а потомъ, какъ стихла, онъ ее и велѣлъ на кровать положить. Совсѣмъ было-вылѣчилъ: сначала-то будто охала, а потомъ и затихла... А дьяконъ-то и воротись на причту: старика въ шею, старушонокъ за шиворотъ — всѣхъ располировалъ и все дѣло сразу испортилъ. На третій день дьяконица кончилась, а дьяконъ разстригся, да пить, да пить, да вотъ докакой оказіи и дошелъ. Вотъ оно, сударь, глупое-то слово куда насъ приводитъ.

Ночью Карнауховъ и Ѳедя уѣхали съ пріиска; Карнауховъ все время не поднималъ головы и только разъ попросилъ напиться воды. Дьяконъ Органовъ остался на пріискѣ, и Бучинскій столкалъ его со своихъ рукъ въ землянку Ароматова; послѣдній былъ очень радъ такой находкѣ и съ торжествомъ увелъ своего постояльца.

— Охъ, въ живыхъ бы довезти барина до дому,—говорилъ Ѳедя, усаживаясь на козлы. — А то будетъ мнѣ на орѣхи отъ барыни... До свиданія, сударь!.. Извините на нашей простотѣ...

XII.

Какъ-то ночью я былъ разбуженъ осторожнымъ шопотомъ и шагами какихъ-то мужиковъ. Поднявъ голову, я узналъ въ мужикахъ пріисковыхъ штейгерей и переодѣтыхъ казаковъ. Очевидно, произошло на пріискѣ что-то очень важное, и Бучинскій на мой вопросъ только приложилъ умоляюще палецъ къ губамъ. Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и торопливо пряталъ въ карманъ штановъ револьверъ.

— Мнѣ можно съ вами?—спросилъ я.

— О, никакъ невозможно, никакъ невозможно! Дѣло государственной важности!.. Мы скоро вернемся...

Скоро вся шайка, подъ предводительствомъ Бучинскаго, исчезла во мглѣ осенней ночи. Таинственность этой экспедиціи заинтересовала меня, и я съ тревогой сталъ дожидаться ея исхода. Пріискъ спалъ мертвымъ сномъ; ночь была темная, нигдѣ не мелькало ни одного огня. Время тянулось съ убійственной медленностью, и часовая стрѣлка точно остановилась. Прошло десять минутъ, четверть часа, двадцать минутъ, — мнѣ сдѣлалось просто душно въ конторѣ, и я вышелъ на крыльцо. Осенняя безпросвѣтная мгла висѣла надъ землей, и что-то тяжелое чувствовалось въ сыромъ воздухѣ, по которому проносились какія-то сѣрыя тѣни: можетъ-быть, это были низкія осенніе облака, можетъ-быть—созданія собственнаго разстроеннаго воображенія. Я напрасно прислушивался къ охватившей весь пріискъ тишинѣ—ни одинъ звукъ не нарушалъ ее, точно все вымерло кругомъ.

Въ это время изъ кухонной двери вырвалась яркая полоса свѣта и легла на траву длиннымъ неяснымъ лучомъ; на порогѣ показалась Аксинья. Она чутко прислушалась и вернулась; дверь осталась полуотворенной, и въ свободномъ пространствѣ освѣщенной внутри кухни мелькнулъ знакомый для меня

силуэтъ. Это была Наська... Она сидѣла у стола, положивъ голову на руки; тяжелое раздумье легло на красивое дѣвичье лицо черной тѣнью и сдѣлало его еще лучше.

— Застанутъ, думаешь, Никиту-то?—тихо спрашивала Аксинья.

— Застанутъ...—такъ же тихо отвѣтила Наська, не поднимая своей головы.—Въ ночь сегодня собирался на Майну съ золотомъ...

— Лукерья-то не знаетъ? — послѣ короткой паузы спросила Аксинья.

— Нѣтъ... Избилъ онъ ее третьево-дни—страсть!.. Глазъ не видно, безъ языка лежала всю ночь...

— А ты черезъ кого узнала про Никитку-то?

— Да мальчишка у нихъ есть, Кузька... онъ и сболтнулъ, что Никита собирается въ ночь куда-то, а куда ему по ночамъ ѣздить, окромя Майны?

Молчаніе.

— Это тебѣ старый песъ подарилъ платокъ-отъ?—спрашивала Аксинья.

— Нѣтъ...

— Не ври. Гараська сказывалъ... А ты денегъ съ него проси: послѣ, пожалуй, не дастъ. Кумъ сказывалъ, что съ Кореннаго сюда пришла робить одна кержанка... Пожалуй, какъ бы не отбила у тебя старика!..

— Ну его совсѣмъ: не дорого дано...

— А тебѣ Никиты-то не жаль?

— Значитъ, не жаль, ежели сама его подвела... Лукерья-то безотвѣтная, какъ я за нее упеку его!.. Путаный мужичонка — туда ему и дорога...

Прошло часа полтора времени, и мнѣ надоѣло дожидаться на крыльцѣ. Я успѣлъ заснуть, когда за конторой послышались громкіе крики и чей то плачъ. Скоро въ контору вошелъ самъ Бучинскій и торжественно перекрестился: за дверями кто-то кричалъ и ругался.

— Говорите: слава Богу...—заговорилъ Бучинскій.

— А что?..

— То есть государственная польза... Да!.. Пойдемте-ка, какихъ птицъ я вамъ покажу...

Мы вышли. На лужайкѣ, предъ крыльцомъ столпилось человѣкъ десять; Аксинья держала въ рукахъ желѣзный фонарь, и въ его колебавшемся слабомъ свѣтѣ люди двигались какъ тѣни.

— А... бісови ворюги!—ревѣлъ Бучинскій, пробираясь къ тремъ мужикамъ, которые были окружены штейгерами и казаками.

Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза длинная фигура Никиты Зайца, растянутая по травѣ; руки были скручены назади, на лицѣ виднѣлись слѣды свѣжей крови. Около него сидѣли два мужика: одинъ съ черной окладистой бородой, другой — лысый; они тоже были связаны по рукамъ и все порывались освободиться. Около Никиты, припавъ головой къ плечу сына, тихо рыдала Зайчиха.

— Попались, голуби,—злорадствовалъ Бучинскій.—Съ поличнымъ влетѣли; теперь, братъ, шалишь!

— Врешь, старый песъ!—хриплымъ голосомъ кричалъ лысый мужикъ, дергая связанными руками. — Твои же штегеря намъ подкинули золото... Ты воръ, а не мы!..

— И какъ ловко попались!—восхищался Бучинскій.—Вотъ этотъ...—ткнулъ онъ на Никиту,—приходимъ къ балагану: снятъ. Оцѣпили. Ну, а онъ ужъ проснулся и съ мѣшечкомъ ползетъ изъ балагана... Накрыли его, а въ мѣшечкѣ золото!.. Ха-ха!.. От-то есть дурень!..

— Ваше высокоблагородіе!—голосила Зайчиха, какимъ-то комомъ бросаясь Бучинскому въ ноги:—не пусти по міру... ребятишки... Ваше...

— О-то глупая старуха! То есть государственная польза... Я маленькій человѣкъ, а вотъ пріѣдетъ ревизоръ — онъ все дѣло разберетъ. Вы будете золото воровать, а я подъ судъ за васъ попадать?.. Спасибо!

— Батюшка, да вѣдь всего и золота-то два золотника будетъ не будетъ... Ослобони, кормилецъ!..

— Я же тебѣ говору, милая, что не могу... Государственная польза, ревизоръ пріѣдетъ, развѣ ты можешь это понимать?

1883

ПОПРАВКА ДОКТОРА ОСОКИНА.

I.

Докторъ Осокинъ долго мѣшалъ ложечкой чай въ своемъ [illegible] томъ проговорилъ довольно грубымъ тономъ:

— Знаешь, что̀ я скажу тебѣ, Матрена? Ты ужасно [illegible] трихину...

— Какъ на трихину?—обиженно удивилась Матрена Ива[illegible]кивая съ дивана.—Ты, Семенъ Павлычъ, кажется, совсѣмъ сбѣсился... Я очень хорошо знаю, что̀ таксе трихина: этакій бѣленькій червячокъ, который живетъ въ ветчинѣ. Только трихина тонкая, а я, кажется, слава Богу...

Въ подтвержденіе своихъ словъ Матрена Ивановна не безъ граціи повернулась подъ самымъ носомъ доктора всею своею круглою фигуркой и даже показала ему свои бѣлыя, пухлыя, маленькія ручки, которыми немало гордилась, хотя въ качествѣ акушерки и должна была бы имѣть руки въ родѣ клещей. Дряблое и пухлое лицо Матрены Ивановны тоже было совсѣмъ круглое, и на немъ пытливо, съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ свѣтились два крошечныхъ голубыхъ глаза, точно вставки изъ выцвѣтшей бирюзы.

— Конечно, трихина,—настаивалъ докторъ, ероша свои коротко остриженные сѣдые волосы. — Что̀ такое трихина? Трихина есть злокачественный паразитъ, который губитъ животныхъ однимъ существованіемъ въ нихъ, а ты заражаешь людей ядомъ своего неизлѣчимаго пустословія. Утѣшеніемъ для тебя, Матрена, въ этомъ случаѣ можетъ служить то, что противъ трихины медицина не знаетъ никакихъ средствъ лѣченія, слѣдовательно онѣ могутъ существовать совершенно безнаказанно...

— Ну, пошелъ городить... А еще всѣ считаютъ умнымъ человѣкомъ!.. Тьфу!.. Умный человѣкъ!..

— Конечно, умный, а то какъ же?

— Ну, ужъ извини, голубчикъ, а по-моему у тебя, Семенъ Павлычъ, не умъ, а умишко, да и того еле-еле хватаетъ, чтобы отвѣсить дерзость... Старый пѣтухъ и больше ничего!

Докторъ Осокинъ слушалъ съ завидным спокойствіемъ, какъ Матрена Ивановна ругалась съ нимъ, и, повидимому, былъ даже очень доволенъ, посасывая длинную трубку и на время совсѣмъ исчезая въ облакахъ бѣлаго дыма. Ему всегда доставляло удовольствіе дразнить Матрену Ивановну, которая иногда ругалась съ нимъ до слезъ. Въ такихъ случаяхъ Матрена Ивановна ненавидѣла до глубины души самую фигуру доктора—его широкія плечи, сильныя волосатыя руки, эту большую стариковскую голову, красивую какою-то старческою красотой, наконецъ самодовольное выраженіе докторской

рожи. Въ пылу негодованія она иногда ругала его дуракомъ или подлецомъ, а докторъ продолжалъ оставаться невозмутимымъ и только изрѣдка позволялъ себѣ улыбнуться, именно позволялъ, потому что, какъ Матрена Ивановна была убѣждена, манера держать себя у доктора была вся дѣланая и вымученная, своего рода кокетство поддѣльно-умнаго человѣка.

— Умный человѣкъ!—не унималась расходившаяся Матрена Ивановна, размахивая своими коротенькими ручками.—Это все наши пропадинскія дамы придумали: „Умный, умный!.. Жену судьи Берестечкина въ одномъ бѣльѣ приняла“. Какъ же, помилуйте, пріѣзжаетъ къ нему дама за совѣтомъ, а онъ и выкатилъ даже безъ халата... Хорошъ, нечего сказать!

Докторъ и теперь сидѣлъ по-домашнему: въ халатѣ, въ туфляхъ на босу ногу и съ разстегнутымъ воротомъ ночной рубашки; это былъ его обычный домашній костюмъ. Но Матрена Ивановна не обращала вниманія на нѣкоторую свободу докторскихъ одеждъ и всегда говорила своимъ безчисленнымъ знакомымъ: „Э, батенька, я и не такіе виды видывала!“.

— Полагаю, что я могу у себя дома жить, какъ это мнѣ нравится,— отцѣживалъ докторъ,—и не желаю себя стѣснять... Удивляюсь только, зачѣмъ ко мнѣ шляются нѣкоторые люди, которымъ я совѣтовалъ бы лучше сидѣть дома и читать псалтырь.

— Какъ это остроумно, Семенъ Павлычъ... просто великолѣпно'.. Остроуміе военнаго писарька передъ горничной...

Описываемая нами сцена происходила въ большой и высокой комнатѣ, которая доктору Осокину служила пріемной, гостиной и всѣмъ, чѣмъ хотите. Она была совсѣмъ пустая, за исключеніемъ деревяннаго дивана, ломбернаго стола и нѣсколькихъ стульевъ. Давно не бѣленыя стѣны были покрыты полосами паутины, на полу вездѣ лежали узоры отъ грязныхъ собачьихъ лапъ, захватанныя двери имѣли самый жалкій видъ, какъ въ какой-нибудь казармѣ. Теперь на столѣ красовался давно нечищенный самоваръ съ зелеными потеками и самая сборная посуда, такъ что Матрена Ивановна только морщилась и пожимала своими круглыми плечами, разливая чай.

— Меня просто въ восторгъ приводитъ твоя глупость, Матрена,—говорилъ докторъ, допивая стаканъ. — Необыкновенно рѣдкій экземпляръ, хотя вообще всѣ женщины не отличаются особеннымъ умомъ... Какое-то вѣчное полудѣтское существованіе, а потомъ дѣтская старость. Взять хоть тебя, Матрена, вѣдь безобразна ты, какъ сморчокъ, а вѣдь туда же еще кокетничаешь... Ну, скажи на милость, не глупо все это?

— Это ужъ не тебѣ понимать, Семенъ Павлычъ... да. Конечно, я теперь старуха, а тоже было время, когда вашъ братъ, мужчинишки, бѣгали за мной, ручки у Матрены Ивановны цѣловали.

— Отчего же ты замужъ не выходила за одного изъ этихъ бѣгавшихъ за тобой дураковъ? Вѣдь въ этомъ все назначеніе женщины...

— Замужъ?.. Я замужъ?.. Никогда! На другихъ-то смотрѣть тошно, довольно я наглядѣлась, какъ бабы мучатся изъ-за вашего-то брата... Я дѣвушка, да-съ!

— Старая дѣвка?

— Пусть.

— Христова невѣста?

— Пусть.

По обыкновенію, они разссорились. Матрена Ивановна заявила, что ея нога больше никогда не будетъ въ докторской квартирѣ, и что она знаетъ себѣ цѣну. Скажите, пожалуйста, какая знаменитость: докторъ Осокинъ...

ха-ха! Всякій куликъ на своемъ болотѣ великъ. Оказалось, что Матрена Ивановна была знакома съ настоящими столичными медицинскими знаменитостями, которыя берутъ по сто рублей за визитъ. Да-съ, а то какой-то докторъ Осокинъ, который корчитъ изъ себя великаго человѣка... Нѣтъ, это положительно смѣшно, и, если бы Матрена Ивановна умѣла писать, она такъ бы расписала этого докторишку, что не поздоровилось бы.

— Да одно то сказать: старый холостякъ... тьфу! — ораторствовала Матрена Ивановна, нѣсколько разъ порываясь выйти изъ комнаты. — Я еще понимаю, если женщина не выходитъ замужъ, а мужчина...

— Что же въ этомъ позорнаго?

— Очень просто: значитъ, ты человѣкъ безъ сердца или потерялъ всякую способность быть настоящимъ мужчиной.

Докторъ провелъ по своей сѣдой щетинѣ рукой и задумчиво улыбнулся.

— Когда я служилъ въ Саратовѣ военнымъ врачомъ,—заговорилъ онъ, раскуривая потухшую трубку,—когда я служилъ въ Саратовѣ, всѣ дамы находили, что я имѣю сердце, и даже очень горячее.

— Нашелъ чѣмъ похвалиться... Саратовскія дамы!.. Знаю я ихъ... по всей Волгѣ только тѣмъ и славятся, что умѣютъ отлично ловить б[illegible].

Эта выходка Матрены Ивановны разсмѣшила доктора, хотя въ слѣдующую за смѣхомъ минуту онъ и раскаялся за свою слабость: Матрена Ивановна сѣла на стулъ и даже развязала ленту своей шляпки съ желтыми цвѣтами, что въ переводѣ означало желаніе просидѣть еще часъ у доктора,

— Нѣтъ, мы разсудимъ все дѣло на чистоту, Семенъ Павлычъ,—говорила она, наливая себѣ чашку холоднаго чая.—Если бы я была царемъ, я всѣхъ бы этихъ подлецовъ-холостяковъ женила первымъ дѣломъ... да. Ужъ я это отлично понимаю все, пожалуйста, не спорь!.. Что такое дѣвица, по-твоему, Семенъ Павлычъ, а?

— Очень мудреный и глупый вопросъ.

— Дѣвица—несчастный человѣкъ, вотъ что нужно сказать. Первое, она должна быть молода и красива, а дѣвичья красота продолжается какъ разъ отъ шестнадцати до двадцати четырехъ лѣтъ, а тутъ ужъ собачья дѣвичья старость начинается. Такъ? Вашъ-то братъ, мужчинишки, даже очень хорошо это понимаютъ. Ну, значитъ, у дѣвицы восемь красивыхъ годковъ, и должна она себя въ это время пристроить, а ежели совѣстливая-то да деликатная дѣвица, такъ это даже весьма трудно по нынѣшнему времени. И въ самомъ-то дѣлѣ, дѣвица серьезный разговоръ съ молодымъ человѣкомъ начинаетъ, а кругомъ ну-шу: жениха барышня ловитъ... Ну, совѣстливая-то дѣвица и плюнетъ. Тоже вѣдь и гордость своя есть... Да и много ли у насъ жениховъ-то, ежели вотъ наше захолустье взять, тотъ же городъ Пропадинскъ? Глядишь, дѣвка и завяла, а жить бы ей, жить надо, да еще какъ жить-то. Глазъ у васъ, у подлецовъ, нѣтъ... Халда которая, та скорѣе выскочитъ замужъ, или вдова какая, потому что онѣ свободное обращеніе имѣютъ съ мужскимъ поломъ. Правду говорю, Семенъ Павлычъ, истинную правду. Вы вотъ всѣ науки произошли, а только, что подъ носомъ у васъ дѣлается, этого вотъ не видите. Много хорошихъ дѣвицъ этимъ манеромъ изъ-за своей совѣсти пропадаютъ, а другая терпитъ-терпитъ, да за перваго прохвоста и махнетъ...

— Я-то при чемъ же тутъ?

— Ты? А вотъ ты первый во всемъ виноватъ, кругомъ виноватъ... Къ этому и рѣчь веду, голубчикъ, Семенъ Павлычъ. Вы вѣдь ученые, съ васъ и первый спросъ. До сѣдого волоса учитесь. А какое ваше мужское положеніе? Какъ вѣтеръ, гуляй изъ стороны въ сторону, и никакого тебѣ запрету

нѣтъ. Ты еще вотъ въ гимназіи училѣя, а ужъ всю женскую часть произошелъ: и барынька податливая попалась, и смазливая горничная, и такъ сбѣгаешь вечеркомъ въ хорошее мѣсто. Всего насмотришься и вотъ досюда (Матрена Ивановна указала на свою короткую шею) доволенъ... Знаю я, какъ вы по столицамъ-то высшее образованіе получаете: другой пріѣдетъ домой-то въ чемъ душа. Ну, выучился, поступилъ на службу и пошелъ разбирать: та дѣвушка не хороша, эта хороша, да приданаго нѣтъ, третья и съ приданымъ и съ красотой, такъ образованія не имѣетъ или не можетъ свободно ученые ваши разговоры разговаривать. Можно разбирать-то изъ-за готовыхъ харчей: тутъ около дамочекъ свое удовольствіе получишь, тамъ экономку какую-нибудь развертную возьмешь, къ арфисткамъ съѣздишь пѣсенокъ послушать. Хорошія-то дѣвушки вянутъ да вянутъ у себя по теремамъ, а ты свинья свиньей живешь да еще порядочнымъ человѣкомъ себя считаешь. „Я, говоритъ, смотрю на жизнь философски. Конечно, семейная жизнь съ гигіенической стороны имѣетъ за себя большое преимущество, но пойдутъ хлопоты, дрязги, недостатки,—тутъ уже не до науки". Это въ тебѣ твое свинство говоритъ, Семенъ Павлычъ, а не наука. Ну, такимъ манеромъ и ты достукаешься къ пятидесяти годамъ до своей собачьей старости.

— Этакій у тебя языкъ, Матрена... Ну, и буду старымъ холостякомъ, никому до этого дѣла нѣтъ. Твоей совѣстливой дѣвицѣ даже лучше, что я ее обманывать не буду.

— Ахъ, какой ты глупый человѣкъ, Семенъ Павлычъ!.. А дѣточки-то, ангелочки-то? Что у тебя? Кабакъ, псарня какая-то (Матрена Ивановна торжествующе обвела комнату глазами)... Пустота, грязь, мерзость... Вонъ тамъ у тебя кабинетъ, тамъ спальня, а въ той комнатѣ... что у тебя въ той-то вонъ комнатѣ, налѣво?—позабыла я.

— Тамъ собаки живутъ.

— Да, да... собаки! Тьфу ты, окаянная душа... А комнатка-то какая...

Матрена Ивановна отправилась въ комнату налѣво, отворила дверь и долго стояла на порогѣ, покачивая своею головой. Эта комната выходила двумя окнами прямо въ садъ и была совсѣмъ пустая, только на полу, на соломѣ, спала глухая сука Джойка.

— Охъ-хо-хо, хорошенькая комнатка!—вздыхала Матрена Ивановна.—Вотъ тутъ бы у тебя и жила старшая твоя дочь. Къ стѣнкѣ бы кроватку поставить, въ углу этажерочку, тутъ комодикъ, письменный столикъ,—отличная бы комнатка вышла. Пошелъ бы вотъ этакъ на службу куда, а самъ бы и прислушался, что, молъ, моя Саша дѣлаетъ теперь? Глядишь, и забота была бы, не до свинства тогда. То Сашѣ ботинки новые нужно, то Саша нездорова, то Сашѣ книжку умненькую надо прочитать, да объяснить, да показать, да научить. А Саша бы, глядишь, къ отцу бы приласкалась, свѣженькая да чистенькая такая, какъ первая весенняя травка. Такъ я говорю?

Докторъ давно не слушалъ свою собесѣдницу и сидѣлъ, опустивъ голову. Трубка потухла, чай давно стоялъ холодный, въ комнатѣ было уже темно.

— Чтой-то это какъ я заболталась съ тобой,—спохватилась Матрена Ивановна, горошкомъ вскакивая со стула.—Ночь на дворѣ, а я къ холостому мужчинѣ забралась. Прощай, Семенъ Павлычъ.

— Прощай, трихина.

— Пѣтухъ старый!

Оставшись одинъ, докторъ долго сидѣлъ въ темнотѣ. Онъ все хотѣлъ раскурить трубку, но какъ-то забывалъ каждый разъ и опять задумывался.

На улицѣ уже горѣли фонари; гдѣ-то громыхали по избитой мостовой дребезжавшія дрожки. Въ комнату вошла любимая собака доктора, ирландскій сеттеръ Нахалъ; онъ ткнулъ хозяина холоднымъ носомъ въ руку, повилялъ пушистымъ хвостомъ и, не дождавшись обычной ласки, отправился въ комнату больной Джойки.

— Ахъ, да, комната старшей дочери, — вспомнилъ докторъ, прислушиваясь къ шагамъ собаки, и горько улыбнулся.

Вечеромъ докторъ долго не ложился спать и со свѣчкой въ рукахъ нѣсколько разъ обошелъ всю свою квартиру, изъ комнаты въ комнату, и внимательно разсматривалъ свой холостой безпорядокъ, точно онъ видѣлъ все это въ первый разъ. Доктору сдѣлалось вдругъ какъ-то жутко: изъ каждаго угла на него смотрѣло его одиночество и то холостое свинство, о которомъ говорила Матрена Ивановна. Единственная комната въ домѣ, пахнувшая жилымъ, былъ докторскій кабинетъ — шкапы съ книгами, медицинскіе инструменты, разные препараты, письменный столъ, заваленный книгами, бумагами и покрытый пылью и табачнымъ соромъ. Спальня была совсѣмъ пустая комната съ кроватью посрединѣ. Докторъ спалъ, вмѣсто матраца, на мѣшкѣ съ сѣномъ, которое мѣнялось каждый день. Въ комнатѣ Джойки докторъ пробылъ особенно долго. Это былъ великолѣпный кофейный понтеръ съ глазами двѣ горчицы; у Джойки былъ маразмъ, единственное лѣкарство отъ котораго — смерть. Умная собака, кажется, сама понимала свое положеніе и какъ-то виновато смотрѣла на хозяина своими слезившимися глазами.

— Плохо, Джойка,—проговорилъ докторъ, щупая сухой носъ собаки.

Джойка сдѣлала усиліе, уперлась задними ногами въ солому, вытянулась и проползла нѣсколько шаговъ, но больше не могла и только печально вильнула хвостомъ. Нахалъ, со свойственнымъ своему юношескому возрасту эгоизмомъ, не желалъ понимать происходившей сцены и все лѣзъ къ доктору, тыкаясь къ нему въ колѣна своею рыжею шелковою головой.

— Экая дура эта Матрена,—вслухъ проговорилъ докторъ, лаская Нахала —Единственный вѣрный другъ у человѣка—это собака. Такъ, Джойка?

II.

Уѣздный городъ Пропадинскъ совсѣмъ не былъ такимъ захолустьемъ, какъ отзывалась о немъ Матрена Ивановна; напротивъ, это былъ очень чистенькій и бойкій городокъ съ двадцатитысячнымъ населеніемъ, развитою промышленностью и тѣмъ особеннымъ бойкимъ складомъ жизни, какимъ отличаются всѣ сибирскіе города. Правильныя, широкія улицы, обстроенныя каменными и деревянными домами, вытянулись параллельно теченію маленькой горной рѣчонки Пропадинки. Издали видъ на городъ былъ очень красивъ: чѣмъ-то свѣжимъ и оригинальнымъ вѣяло отъ этой пестрой кучи домовъ, садовъ, церквей, общественныхъ зданій, дачъ и заимокъ. Трудно было даже разобрать, гдѣ кончался собственно городъ, потому что заимки и дачи уже входили въ черту города, а затѣмъ, почти въ центрѣ, зеленою шапкой высилась небольшая лѣсистая горка, служившая мѣстомъ для общественнаго гулянья. Изъ общей массы строеній выдѣлялись, какъ громадныя заплаты, четыре городскихъ площади и цѣлый рядъ громадныхъ каменныхъ домовъ казарменной архитектуры временъ Александра Благословеннаго; это были палаты разныхъ заводчиковъ и золотопромышленниковъ. Половина этихъ дворцовъ стояла пустая и медленно разрушалась, потому что владѣльцы или разорились, или вымерли, или проживали гдѣ-нибудь въ столицахъ и за границей.

Самое блестящее время существованія Пропадинска были сороковые годы, когда здѣсь бойко развернулись золотопромышленники, заводчики и горные инженеры. Особенно прославились фамиліи золотопромышленниковъ Гуськовыхъ и Ефимовыхъ, прогремѣвшихъ на всю Россію; за ними выдвинулись купцы Свѣтляковы, откупщикъ Хлызднинъ, винокуренные заводчики Барчъ-Гржеляховскіе и т. д. Пропадинскъ зажилъ бойко и размашисто, какъ умѣютъ жить только въ Сибири, а затѣмъ какъ-то вдругъ золото „отошло“ въ другія мѣста, и жизнь вошла въ свою обычную колею. Вмѣсто дикихъ милліоновъ выступили на сцену туго сколоченные капиталы, промышленники и предприниматели новаго пошиба.

— Ничего, свѣтленько-таки пожили... всячины бывало!—любила вспоминать Матрена Ивановна, еще помнившая самый развалъ пропадинскаго благополучія.—Гуськовъ-то, Михайла Платонычъ, очень даже умѣлъ себя показать: протеръ глазки-то своимъ милліонамъ, не много отъ нихъ осталось наслѣдничкамъ-то... Свой театръ имѣлъ, какъ же, полный оркестръ музыкантовъ, и [illegible] хотѣлъ настоящій циркъ изъ Италіи выписать, да умеръ скоро. Когда выдавали Евлампію-то Михайловну, вторую дочь отъ первой жены, такъ одинъ фейерверкъ стоилъ пять тысячъ, а сколько было посуды перебито на свадьбѣ, сколько платья испластано на гостяхъ—и не сосчитать.

— Зачѣмъ же платья на свадьбѣ рвали, Матрена Ивановна?

— А отъ радости, ангелъ мой, отъ радости. Это ужъ такое дикое купеческое обыкновеніе: ежели все благополучно съ невѣстой, сейчасъ все въ клочья. Была я на свадьбѣ-то, такъ и меня чуть было не ободрали до ниточки. До настоящаго сраму дѣло доходило: подбѣжитъ самъ-то Михайла Платонычъ къ какой дамѣ и сейчасъ за воротъ да до самаго подола все платье на ней и разорветъ, а самъ плачетъ отъ радости...

У Матрены Ивановны былъ свой домишко, стоявшій на Соборной улицѣ, рядомъ съ запустѣлыми хоромами разорившихся богачей Ефимовыхъ; окъ выходилъ на улицу всего тремя небольшими окошечками и выкрашеннымъ въ сѣрую краску деревяннымъ подъѣздомъ, надъ которымъ красовалась большая синяя вывѣска: *Экзаменованная повивальная бабка* (sage-femme) *М. И. Пупышкина*. Домишко былъ старый, держался, кажется, только на своей деревянной обшивкѣ, но Матрена Ивановна не желала ни починивать его ни строить новый, потому что „на мой-то вѣкъ и этого хватитъ, а съ собой не возьмешь“. Собственное помѣщеніе Матрены Ивановны заключалось въ трехъ крошечныхъ комнатахъ, набитыхъ до самаго потолка разною старинною мебелью, точно это была лавка со старыми вещами.

— Все подарки отъ моихъ паціентовъ,—объясняла Матрена Ивановна любопытнымъ.—Если самимъ что-нибудь изъ мебели надобло, сейчасъ Матренѣ Ивановнѣ и подарятъ. А я все беру, потому что зачѣмъ обижать добрыхъ людей? Конечно, все это хламъ, ну, а какъ умру, такъ разные неблагодарные племянники найдутъ мѣсто всему.

Въ пріемной комнатѣ стоялъ диванъ корельской березы, надъ нимъ висѣло неуклюжее зеркало въ тяжелой рамѣ краснаго дерева съ вычурной золотой рѣзьбой по угламъ, передъ диваномъ красовался круглый чугунный столъ, по сторонамъ дивана стояли какія-то двѣ необыкновенныя тумбы, раскрашенныя подъ мраморъ; пузатый орѣховый комодъ, бюро безъ двухъ ящиковъ, нѣсколько старинныхъ креселъ и стульевъ дополняли эту обстановку. Конечно, на полу были ковры, на диванѣ лежала расшитая шерстями и бисеромъ подушка; столы, комодъ, тумбы, спинки у креселъ и дивана были завѣшены вязаными „филейными“ ковриками и салфеточками. Въ задней комнатѣ Ма-

трена Ивановна собственно только спала, и тамъ же стояли ея сундуки съ разнымъ добромъ да еще большой посудный шкапъ, въ которомъ хранилось, кажется, все достояніе бойкой старушки.

— Буду старая, такъ негдѣ будетъ взять-то,—говорила Матрена Ивановна, когда кто-нибудь изъ знакомыхъ упрекалъ ее въ скупости.—Сирота вѣдь я; голодомъ и холодомъ насидишься съ добрыми-то людьми, а мнѣ вонъ еще для Поленьки нужно промышлять.

Въ подвальномъ этажѣ домишка Матрены Ивановны проживала въ особой каморкѣ бывшая пропадинская знаменитость—Поленька Эдемова. Примадонна и первая красавица, сводившая съ ума весь городъ, теперь даже не имѣла угла, гдѣ могла бы преклонить свою старую голову, и, если бы не Матрена Ивановна, примадоннѣ пришлось бы умирать на улицѣ. Теперь Поленькѣ было подъ шестьдесятъ; она носила темненькія шерстяныя платья, вязаную косынку на шеѣ и какую-то фантастическую наколку на головѣ. Полное, обрюзглое лицо Поленьки казалось старше своихъ лѣтъ, хотя глаза еще сохранили блескъ и всѣ зубы были цѣлы; сѣдые волосы она завертывала какою-то пуговкой на самомъ затылкѣ. Держала себя Поленька крайне неровно, чѣмъ постоянно огорчала Матрену Ивановну, очень „легкую“ на гнѣвъ и на милость. Часто, глядя на Поленьку, Матрена Ивановна удивлялась про себя,—странная эта Поленька: то какъ будто простая и славная, а то вдругъ какую-то гордость на себя напуститъ, начнетъ капризничать, вообще сдѣлается такою фальшивой и непріятной. Эти припадки обыкновенно случались при комъ-нибудь постороннемъ. „Ну, опять бѣсъ поѣхалъ на нашей Поленькѣ!—махнетъ только рукой Матрена Ивановна.—Вѣдь ужъ старуха, а все еще ломаться да представляться надо передъ добрыми людьми“.

Матрена Ивановна не хотѣла понять этихъ вспышекъ пережившаго себя тщеславія: въ Поленькѣ каждый разъ мучительно умирала та знаменитая актриса, которую когда-то всѣ носили на рукахъ, а потомъ просто хорошенькая женщина, привыкшая быть красивой. Это была настоящая дама, и Поленька дѣлалась каждый разъ больна послѣ своихъ капризовъ. Она обыкновенно запиралась на нѣсколько дней въ свою каморку и никого не принимала, даже Матрену Ивановну. Комнатка была крошечная и выходила единственнымъ окномъ во дворъ. Впрочемъ, у Поленьки ничего и не было, кромѣ какой-то необыкновенной кровати краснаго дерева; это было цѣлое архитектурное сооруженіе, преподнесенное ей въ дни ея славы самимъ Михайлой Платонычемъ Гуськовымъ. Необыкновенно низкая и широкая, эта знаменитая кровать была украшена высокими спинками съ самою причудливою рѣзьбой. По угламъ сидѣли золотые амуры, прицѣливавшіеся стрѣлами другъ въ друга. Несмотря на всѣ превратности своего существованія, Поленька сохранила эту кровать за собой и желала умереть на ней. Въ дни унынія и печали, запершись на крючокъ, она отодвигала въ кровати широкій ящикъ и надолго погружалась въ разсматриваніе его содержимаго. Весь соръ и пепелъ, какой несетъ за собой театральная слава, теперь сосредоточивался въ этомъ ящикѣ; тутъ были засохшіе букеты, цвѣты изъ вѣнковъ, широкія шелковыя ленты съ разными надписями, пожелтѣвшіе и выцвѣтшіе портреты, цѣлыя кипы стиховъ, вороха записокъ, страстныхъ посланій, нѣжныхъ объясненій въ любви и просто безграмотной дичи, которую могла писать и понимать одна любовь. Цѣлый уголъ занимали пустые футляры отъ разныхъ цѣнныхъ подарковъ, и Поленька очень дорожила именно этими футлярами; ихъ цѣнное содержимое давнымъ-давно перешло въ цѣпкія руки разныхъ закладчиковъ, но она могла хоть читать потемнѣвшія золотыя надписи на этихъ футлярахъ. Такъ, на футлярѣ

изъ-подъ аметистоваго колье была надпись: *Единственной отъ города Пропадинска*, на фермуарѣ: *Поклонительницѣ отъ побѣжденныхъ*, на бриллиантовой брошкѣ: *Волшебницѣ отъ Гуськова;* дальше слѣдовали: *Несравненной красотѣ отъ клуба приказчиковъ, Моему божеству отъ майора Передеина, Отъ ослѣпленныхъ красотой горныхъ инженеровъ* и т. д. и т. д. Это были подарки общественнаго характера, гдѣ больше щеголяли футлярами, а самыя цѣнныя вещи были помѣчены какою-нибудь одною буквой, числомъ или годомъ. Золотопромышленникъ Гуськовъ и откупщикъ Хлыздинъ соперничали передъ Поленькой Одемовой дорогими подарками, и каждый оставался въ убѣжденіи, что именно его одного Поленька Одемова и любитъ.

„Господи, куда же все это дѣвалось?—въ какомъ-то ужасѣ иногда думала Поленька, перебирая воспоминанія прошлаго.—Гуськовъ разорился и давно умеръ, Хлыздинъ тоже, Ефимовъ сошелъ съ ума... Другіе всѣ: кто умеръ, кто замаливаетъ старые грѣхи, а кто по старости лѣтъ послѣднюю [illegible] позабылъ“.

Поленька иногда чувствовала себя какою-то тѣнью самой себя, а жизнь [illegible]ей тяжелымъ сномъ. Правда, она оживлялась, когда разговоръ захо[illegible]вопломъ и когда можно было отвести душу хоть съ тою же Матре[illegible]вной, которая знала всю подноготную Пропадинска, какъ свои пять пальцевъ.

— И куда что̀ дѣвалось, ума не приложу,—разсуждала Матрена Ивановна, попивая кофе съ Поленькой.—Прежде-то, прежде какія, напримѣръ, дѣвицы бывали!.. а?

— Я то же самое говорю,—соглашалась Поленька:—что-то какъ будто нынче ихъ не видно, развѣ изъ молодыхъ кто выберется.

— Нѣтъ, прежде-то: Евлампія у Гуськовыхъ, Евпраксія, своячина Хлыздина, Лидочка и Капочка у Ефимовыхъ, у протопопа Катонова цѣлыхъ три дочери, генеральша Отмстышева, засѣдательша Голубкова... Одна лучше другой, одна краше другой!.. Помнишь, какъ протопоповскія дочери на гитарѣ играли, а засѣдательша Голубкова русскую въ шароварахъ и въ шелковой рубахѣ отхватывала?.. Мнѣ больше всѣхъ Евлампія Гуськова нравилась: брови густыя, какъ два соболя, глазъ сѣрый съ искорками, грудь какъ у богини, а руки какія у ней были... Тройкой правила, какъ ямщикъ, а рука точно вся выточена до самаго плеча! Купила она послѣ то сильно... Охъ-хо-хо!.. И всѣ-то старыя-старыя сдѣлались, брюзжатъ, да стонутъ, да капаютъ... Одинъ, видно, мы съ тобой, Поленька, остались! Право, если съ молодыми-то сравнить, такъ мы еще, пожалуй, того...

— А Машенька Свѣтлякова, Эммочка Бодманъ, говорятъ, красавицы?—сомнѣвалась Поленька.

— Машенька Свѣтлякова? Эммочка?.. Ха-ха!.. И это красавицы!.. Моль какая-то нѣмецкая: у Эммочки талія до пятъ, а у Свѣтляковой спина, какъ у стерляди... Знаю я ихъ всѣхъ!.. Вотъ теперь много судейскихъ барынь, у инженеровъ, у купечества,—все будто люди, а чтобы настоящая красавица—ни одной!.. Я ихъ кончушками всѣхъ зову... право, настоящія кончушки. Да вотъ хоть теперь взять тебя: вѣдь ужъ ты старуха, Поленька, старый грибъ, а, ей-Богу, всѣхъ этихъ красавицъ сложить вмѣстѣ, такъ онѣ одной твоей ноги не стоятъ. Ахъ, какія у тебя ноги, Поленька, были, какія ноги!.. Недаромъ Хлыздинъ шампанскимъ ихъ мылъ да этимъ шампанскимъ гостей поилъ.

При этой похвалѣ Поленька краснѣла послѣднимъ старческимъ румянцемъ и стыдливо опускала глаза.

— Я вѣдь тебѣ не буду льстить, матушка,—не унималась Матрена Ивановна,—я правду всегда ляпну... Только ты себѣ цѣны настоящей не знала и напрасно этимъ подлецамъ-мужчинишкамъ довѣрялась. Такъ я говорю?.. Конечно, красотою особенной меня Господь не наградилъ, но за одно благодарю моего Создателя: ни одному мужчинишкѣ никогда не повѣрила, а то, по-твоему же, суму на шею надѣли бы да и пустили по міру.

— Нѣтъ, это я сама виновата, Матрена Ивановна...

— И говорить не смѣй!.. Она же ихъ и защищаетъ... Позабыла, видно, какъ у меня жениха отбила?.. Стара вотъ я только стала, а то бы еще ничего, посчиталась бы съ тобой... Ну-ка, скажи по совѣсти, изъ-за кого я старою-то дѣвкой осталась?

— Матрена Ивановна... оставьте...—глухо шептала Поленька, закрывая лицо руками.—Прогоните меня лучше, а не мучьте.

— Да я же тебѣ въ ножки поклонюсь за доброе дѣло,—смѣялась Матрена Ивановна.—Кабы не ты, пропала бы моя головушка. Безъ ума сдѣлалась я тогда...

Эти старые счеты заключались въ томъ, что у Матрены Ивановны былъ женихъ, какой-то учитель Горорытскій, а Поленька Эдемова, бывшая тогда наверху своей славы, разстроила это складывавшееся молодое счастье изъ-за какого-то шального пари, что отобьетъ жениха у некрасивой акушерки. Горорытскій сразу попался на удочку. Поленька потѣшилась имъ нѣсколько дней, а затѣмъ дала ему чистую отставку; учитель скоро спился и умеръ, а Матрена Ивановна осталась весталкой.

— Одно меня удивляетъ,—разсуждала Матрена Ивановна, впадая въ задумчивое настроеніе,—откуда это звѣрство въ человѣкѣ? Погубила двоихъ разомъ, и не жаль... Я не въ укоръ тебѣ говорю, Поленька, а только къ примѣру.

— Велико кушанье твой Горорытскій!—возмущалась Поленька, увлекаясь воспоминаніями.—Помнишь, какъ горный инженеръ Блюдечкинъ застрѣлился изъ-меня?.. Онъ меня сначала хотѣлъ убить...

— Да мало ли было дураковъ, всѣхъ не пересчитаешь... Сколько человѣкъ по міру пустила ты, Поленька, а ужъ сколько жены мужнія изъ-за тебя слезъ пролили да синяковъ износили. А я нѣтъ, не сержусь... Ну-ка, спой ты эту самую пѣсенку, помнишь?.. Господи, что дѣлалось въ театрѣ, когда ты, Поленька, романсы пѣла..

У Матрены Ивановны хранилась гитара, подаренная ей одной изъ дочерей протопопа Катонова, и она иногда любила поиграть на ней, припоминая старину. Обыкновенно Матрена Ивановна аккомпанировала, а Поленька пѣла дребезжащимъ старческимъ голосомъ. Самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ для обѣихъ старушекъ былъ старинный романсъ: „Собака вѣрная моя“. Когда Поленька пѣла этотъ романсъ, Матрена Ивановна горько плакала. Чтобы развеселить Матрену Ивановну, Поленька исполняла тоже старинную модную пѣсенку про „Ванюшу-трубочиста“, который былъ „лицомъ черенъ, но душою чистъ“.

Вернувшись въ послѣдній разъ отъ доктора, Матрена Ивановна долго не могла заснуть, ворочалась на своей постели, а потомъ не выдержала и спустилась къ Поленькѣ, которая съ лампой сидѣла на своей кровати и вырѣзывала изъ бумаги лепестки искусственныхъ цвѣтовъ. Бывшая знаменитость любила эту работу, которая не мѣшала думать и, въ то же время, доставляла удовольствіе и маленькій заработокъ.

— Была я у того, у медвѣдя-то,—говорила Матрена Ивановна, съ ногами забираясь на Поленькину кровать.

— У какого медвѣдя?—равнодушно спрашивала Поленька, разглядывая издали только-что собранную бланжевую розу.—Не правда ли, какая прелесть?

— Отстань, пожалуйста, съ своими глупостями... А мнѣ, право, даже жаль его сдѣлалось!

— Кого жаль?—съ прежнимъ равнодушіемъ спрашивала Поленька, продолжая любоваться своимъ произведеніемъ.

— Ахъ, какая ты глупая, Поленька! — вспылила Матрена Ивановна, окончательно обиженная невниманіемъ.—Я же тебѣ разсказываю про Семена Павлыча.

— А... такъ бы и сказала. Опять поругались?

— Да ты слушай. Сначала-то чуть не разодрались, а потомъ, какъ я принялась его золотить, какъ принялась, ну, онъ и прикусилъ языкъ-то. Ужъ на что, кажется, дерзокъ, а тутъ замолчалъ... Знаешь что, Поленька? Мнѣ кажется, что докторъ очень несчастливъ, очень, очень несчастливъ!

— Можетъ-быть... не знаю...

Матрена Ивановна искоса взглянула на Поленьку и невольно подумала: „Ну и глупа же ты, матушка. Этакое дерево смолевое!“. А Поленька какъ-то машинально продолжала любоваться своимъ цвѣткомъ и, чтобы не огорчить Матрену Ивановну, напрасно старалась принять внимательный, слушающій видъ.

— Вотъ что я хотѣла тебя спросить,—продолжала Матрена Ивановна съ самымъ невиннымъ видомъ.—Вѣдь ты хорошо помнишь Семена-то Павлыча, когда онъ молодымъ пріѣхалъ въ Пропадинскъ?

— Доктора Осокина?—не безъ важности переспросила Поленька.—Какъ же, помню... Онъ еще когда-то ухаживалъ за мной и ужасно мнѣ надоѣдалъ своими глупостями.

— Какими глупостями?

— Да разными. Мнѣ тогда не до него было: съ одной стороны приставалъ Гуськовъ, съ другой—Хлыздинъ, а тутъ еще этотъ докторъ. Старики-то совсѣмъ сбѣсились: ревнуютъ меня къ доктору, а я просто не знала, какъ съ нимъ развязаться.

— Ты, кажется, думаешь, что и Семенъ Павлычъ былъ влюбленъ въ тебя?

— Не спорю, но что-то такое было.

Какъ Матрена Ивановна ни допытывалась, но Поленька рѣшительно не могла вспомнить, что такое у ней было съ докторомъ,—память измѣнила старой актрисѣ.

III.

Въ Пропадинскѣ докторъ Осокинъ пользовался репутаціей страннаго человѣка. Всѣ были согласны, что докторъ—умный человѣкъ, и даже очень умный, но вдругъ на него накатывался какой-то особенный стихъ, и докторъ начиналъ блажить: то паціента обругаетъ, то барыню до истерики доведетъ, то какой-нибудь такой фокусъ выкинетъ, что всѣ ахнутъ. Нужно сказать, что было такое особенное время, когда всѣ умные провинціальные люди обязательно чудили, и благодаря этому нѣкоторые завзятые дураки до самой смерти пользовались репутаціей умниковъ. Странности доктора Осокина распадались на два разряда: странности постоянныя и странности случайныя. Къ первымъ относилось то, что докторъ въ гигіеническихъ видахъ спалъ всегда

на свѣжемъ сѣнѣ, пилъ одну отварную воду, питался исключительно морковными пирогами, приготовленными для него по какому-то необыкновенному рецепту, зимой ходилъ въ лѣтней фуражкѣ, лѣтомъ въ папахѣ, не признавалъ галстуковъ, изъ удовольствій допускалъ только одно—пойдетъ на дворъ, разбросаетъ полѣнницу дровъ и совершенно доволенъ.

— Это мнѣ замѣняетъ музыку,—объяснялъ докторъ на своемъ странномъ языкѣ.

Какъ врачъ, докторъ Осокинъ пользовался громадною популярностью, хотя всегда старался по возможности избѣгать частной практики, почему обращался съ паціентами съ необыкновенною грубостью, но послѣднее приводило какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ: самыя нервныя и жантильныя барыни никому не хотѣли вѣрить, кромѣ доктора Осокина. Онѣ терпѣливо выносили самыя отчаянныя докторскія грубости, плакали, нюхали спирты, необходимые въ такихъ случаяхъ, давали клятву, что больше никогда не обратятся къ этому грубіяну, и при первомъ же случаѣ опять посылали за докторомъ Осокинымъ. Разсказывали, что одну изъ своихъ восторженныхъ паціентокъ докторъ выгналъ изъ своей квартиры прямо въ шею, а m-me Берестечкину принялъ въ одномъ бѣльѣ.

Въ Пропадинскѣ докторъ жилъ больше тридцати лѣтъ, и жилъ все время отчаяннымъ холостякомъ. Докторская квартира служила притчей во языцѣхъ, какъ рѣдкій примѣръ безпорядка и отсутствія всякихъ удобствъ жизни. Но докторъ прожилъ въ ней всѣ тридцать лѣтъ и, кажется, совсѣмъ не думалъ выѣзжать изъ нея. И прислуга у доктора была одна и та же: неимовѣрно глупый лакей Авель, котораго докторъ держалъ изъ удовольствія назвать его первымъ человѣкомъ въ мірѣ, и старая кухарка Таисья, умѣвшая готовить только одни морковные пироги. Лошади докторъ не держалъ, потому что имѣть свою лошадь значило лишать себя величайшаго удовольствія ходить по городу пѣшкомъ.

— Это мнѣ замѣняетъ живопись,—объяснялъ докторъ, когда ему совѣтовали завести лошадь.—Помилуйте, ѣздить на лошади—это величайшее безуміе и самый вѣрный путь къ насильственной смерти, а я этого не желаю и надѣюсь прожить до ста лѣтъ.

Съ пропадинской публикой докторъ какъ-то не сошелся и рѣшительно ни у кого не бывалъ; у него тоже гостей было немного, и Матрена Ивановна являлась счастливымъ исключеніемъ. Трудно сказать, какъ произошло это знакомство и чѣмъ оно поддерживалось, тѣмъ болѣе, что докторъ былъ заклятымъ врагомъ женщинъ. Но Матрена Ивановна была у доктора почти каждую недѣлю и даже увѣряла своихъ безчисленныхъ знакомыхъ, что докторъ Осокинъ скучаетъ безъ нея.

— А что вы у него дѣлаете, Матрена Ивановна?—допытывались наивныя барыни.

— Чего дѣлать-то? Чаи пью... Какъ недѣли двѣ не загляну къ нему, каждый разъ скажетъ: „А я ужъ думалъ, что ты, Матрена, издохла“. Ну, и я ему тоже не пирогами откладываю. А все-таки пріятно съ умнымъ человѣкомъ поговорить, точно вотъ сама на цѣлый вершокъ умнѣе сдѣлаешься. Иногда часа два разговариваемъ.

— Душечка, Матрена Ивановна, говорятъ, докторъ двадцать лѣтъ какое-то необыкновенное ученое сочиненіе пишетъ?

— Не хочу врать: не замѣтила насчетъ сочиненія. А такъ книгъ разныхъ, дѣйствительно, много, больше по нашей медицинской части. Ну, тоже инструменты разные, банки да склянки... А что онъ дѣлаетъ—прахъ его раз-

беретъ. Просто самъ передъ собой умнаго человѣка разыгрываетъ... Это иногда бываетъ, болѣзнь такая есть, только позабыла я, какъ по-латынски называется.

Весь Пропадинскъ былъ глубоко убѣжденъ, что докторъ Осокинъ занимается чѣмъ-то необыкновенно ученымъ, потому что всегда въ его кабинетѣ огонь свѣтился далеко за полночь. Но чѣмъ занимается докторъ—осталось тайной, хотя и существовали на этотъ счетъ болѣе или менѣе счастливыя гипотезы: одни говорили, что докторъ „пишетъ философію", другіе—что занимается вивисекціей или спиритизмомъ, третьи—что просто-напросто докторъ пьетъ фельдфебельскимъ запоемъ. Единственными свидѣтелями докторскихъ занятій были его собаки, но и тѣ не умѣли ничего разсказать, какъ и докторская прислуга.

— Чего ему дѣлать-то, нашему барину? Обыкновенно, ходитъ изъ угла въ уголъ до вторыхъ пѣтуховъ, вотъ и вся работа,—грубо отвѣчалъ Авель на всѣ разспросы любопытныхъ.—Сначала въ книжку почитаетъ, а потомъ примется бродить, какъ маятникъ... Даже страшно въ другой разъ сдѣлается: кто его знаетъ, что у него на умѣ-то?

Общество своихъ собакъ докторъ Осокинъ предпочиталъ обществу людей и съ ними проводилъ свое свободное время, когда хотѣлъ отдохнуть или развлечься. Онъ любилъ кормить ихъ изъ своихъ рукъ и каждый день гулялъ съ ними по городу часа два. Разсказывали настоящія чудеса про необыкновенный умъ докторскихъ собакъ, которыя даже не играли съ другими собаками, точно онѣ стыдились своего глупаго собачьяго рода.

Въ сущности,. дѣло было гораздо проще. Докторъ Осокинъ дѣйствительно занимался, и занимался очень упорно, и чѣмъ дольше погружался въ свои занятія, тѣмъ сильнѣе увлекался ими. Въ далекой юности и онъ заплатилъ извѣстную дань своему возрасту: пользовался удовольствіями, бывалъ въ клубѣ, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, ухаживалъ за хорошенькими женщинами, а потомъ все это разомъ бросилъ и засѣлъ въ своей квартирѣ. Провинціальная жизнь, сосредоточивавшаяся около вина, картъ и сплетенъ, дѣйствительно не интересовала доктора, и онъ съ удовольствіемъ промѣнялъ ее на „дорогой хлѣбъ науки". Въ полный расцвѣтъ силы докторъ Осокинъ натолкнулся на одну интересную тему и разрабатывалъ ее съ замѣчательною настойчивостью. Его жизнь прошла не даромъ, и онъ съ гордостью ученаго смотрѣлъ на свой рабочій столъ и рукописи. Въ самомъ дѣлѣ, пока другіе размѣнивались на мелочи провинціальнаго существованія, онъ, докторъ Осокинъ, вращался въ мірѣ великихъ идей, теорій, гипотезъ и геніальныхъ предчувствій. У него была *своя* идея, и онъ хотѣлъ пріобщить ее къ общей сокровищницѣ человѣческаго знанія. Но гордость ученаго завоевателя и поэтическіе восторги раскрывавшагося вдохновенія часто смѣнялись минутами апатіи, сомнѣніями и даже отчаяніемъ. Это были настоящія родильныя муки, и докторъ боялся только одного: самыя сильныя муки доставляютъ матерямъ мертворожденныя дѣти, и его двадцатилѣтній упорный трудъ могъ оказаться однимъ изъ тѣхъ ученыхъ мыльныхъ пузырей, которые разсыпаются радужною пылью при самомъ своемъ появленіи. За минутами унынія слѣдовало обыкновенно самое бодрое настроеніе, тотъ подъемъ духа, который доступенъ только творящей мысли, и въ докторской головѣ сами собой складывались счастливыя комбинаціи, логическія обобщенія, неожиданные выводы и совершенно новыя объясненія.

Въ этомъ образѣ жизни и занятій доктора находилось объясненіе его отношеній къ Матренѣ Ивановнѣ: напряженно работавшей мысли необходимо

было извѣстное развлеченіе, необходимо было спуститься съ научныхъ высотъ въ дѣйствительный міръ маленькихъ людишекъ, крошечныхъ интересовъ, мелкаго тщеславія и невообразимой путаницы взаимныхъ отношеній. Матрена Ивановна служила лучшимъ образчикомъ маленькаго человѣка, и докторъ изучалъ ее, какъ своего рода патологическое явленіе. Она постоянно удивляла его, и докторъ, прищуривъ свои глаза, иногда долго-долго смотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Ну, чего ты на меня уставился-то?—разсердится Матрена Ивановна, начиная чувствовать себя неловко.

— А ты попробуй смотрѣть прищуренными глазами на кого-нибудь: человѣкъ дѣлается все меньше, меньше и меньше... а потомъ просто получается какая-то букашка.

Въ описываемое нами время докторъ уже предвидѣлъ конецъ своей работѣ: наступалъ давно желанный мигъ, когда онъ могъ представить свой трудъ на судъ публики и пустить въ оборотъ новую комбинацію идей. Мысль объ этомъ торжествѣ захватывала духъ у доктора, и онъ начиналъ бояться, что вдругъ умретъ, не докончивъ самыхъ пустяковъ. Какая-нибудь пустая случайность, и трудъ цѣлой жизни можетъ остаться недодѣланнымъ, а это равнялось его гибели.

„Ужъ не схожу ли я съ ума?—задумывался иногда докторъ, перелистывая главную рукопись, испещренную какими-то чертежами и математическими формулами.—Еще какихъ-нибудь полгода, и все будетъ кончено“.

Такъ разсчитывалъ докторъ, но вышло совсѣмъ иначе, и бѣда пришла съ той стороны, откуда докторъ уже никакъ не могъ ожидать ея: она свалилась на сѣдую докторскую голову съ языка Матрены Ивановны. Да, эта безнадежно-глупая женщина отравила существованіе доктора Осокина на цѣлую недѣлю, и въ его мозгу стучала все одна и та же фраза, брошенная Матреной Ивановной, конечно, совершенно безсознательно. Шагая по своему кабинету, докторъ часто повторялъ: „Комната старшей дочери!.. Комната старшей дочери!“. Матрена Ивановна именно такъ и сказала, и удивительно, какъ все въ этой фразѣ было сплочено: почему не сына, а дочери, и непремѣнно старшей?

— Вѣдь это цѣлый отдѣлъ жизни я просмотрѣлъ!—удивлялся докторъ вслухъ.—Счастливая идея: *жизнь въ возможности*. Да, именно этого у меня и недоставало! Получится совершенно новое освѣщеніе нѣкоторыхъ положеній.

Параллельно съ чисто-научными соображеніями шелъ другой порядокъ мыслей; докторъ думалъ о самомъ себѣ и невольно оглядывался кругомъ. Всего удивительнѣе было здѣсь то, что докторъ меньше всего когда-нибудь думалъ остаться старымъ холостякомъ, а между тѣмъ выходило такъ. Жизнь имѣетъ свою логику и положительно глупую логику. И чѣмъ дольше думалъ докторъ на эту тему, тѣмъ больше удивительныхъ мыслей приходило ему въ голову, а всего удивительнѣе было то, что всѣ эти мысли вертѣлись около роковой фразы Матрены Ивановны.

Слѣдствіемъ этой душевной работы явилась довольно странная выходка.

Въ одно „прекрасное утро“ докторъ вышелъ изъ своей квартиры и пошелъ, какъ обыкновенно дѣлалъ, не къ городскому предмѣстью, а вдоль Проломной улицы къ центру города. Стояла осень, и вездѣ городскія улицы были залиты сплошною грязью, но докторъ бодро шагалъ по переходамъ и сосредоточенно раскланивался съ встрѣчавшимися знакомыми, прикладывая руку къ своей старой папахѣ. Миновавъ Проломную улицу, докторъ вышелъ на

Черный рынокъ, потонувшій въ непролазной грязи, а потомъ повернулъ въ узкую Мучную улицу, набитую мучными лавками, крестьянскими телѣгами и цѣлыми стаями голубей. Наконецъ докторъ очутился на Соборной площади, центръ которой былъ занятъ старымъ гостинымъ дворомъ. Пробѣгая глазами вывѣски, докторъ только бормоталъ: „Нѣтъ, не здѣсь...“. Лавки съ галантерейными товарами, колоніальные магазины, торговля краснымъ товаромъ, шорныя лавки,—все это было не то, что̀ нужно было доктору.

— Ага, вонъ она гдѣ,—вслухъ проговорилъ докторъ, читая розовую вывѣску на углу дома, выходившаго на Соборную площадь.—„Моды и платья m-me Раскеповой“. Такъ... здѣсь...

Докторъ благополучно переправился черезъ всю Соборную площадь прямо къ модному магазину и остановился только у каменнаго крылечка, чтобы немножко перевести духъ. Потомъ онъ грузно поднялся по каменнымъ ступенькамъ во второй этажъ, пролѣзъ черезъ стеклянный фонарь и наконецъ очутился въ самомъ магазинѣ. Доктору Осокину никогда не случалось бывать въ подобныхъ заведеніяхъ, и онъ съ любопытствомъ разсматривалъ длинную комнату, выходившую тремя окнами на площадь. Около стѣнъ стояли шкапы съ готовыми платьями, между шкапами тянулись лакированныя деревянныя полки, набитыя синими картонками съ выставлявшимися изъ-подъ крышекъ образцами лентъ, кружевъ и разныхъ вышивокъ. На широкомъ прилавкѣ въ особыхъ витринахъ красиво были разложены такія вещи, назначеніе которыхъ онъ едва ли могъ бы опредѣлить: наколки, куски лентъ, банты, косыночки, шарфики, крашеныя перья, стеклярусъ, какія-то бронзовыя погремушки и т. д. Небольшая полукруглая арка соединяла магазинъ съ слѣдующей комнатой, гдѣ весь полъ былъ занятъ цѣлыми ворохами различныхъ матерій. Изъ этого цвѣтного облака на доктора любопытно смотрѣли бойкія личики молоденькихъ швеекъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, докторъ?—спросила пѣвуче m-me Раскепова, появляясь въ аркѣ.—Вы, кажется, въ первый разъ у меня... Садитесь, пожалуйста.

— Да, у меня есть серьезное дѣло,—заговорилъ докторъ, напрасно стараясь засунуть свою папаху между какими-то картонками.—Видите ли, мнѣ необходимъ цѣлый подборъ такихъ вещей, которыя необходимы каждой молодой дѣвушкѣ... Какъ это называется, позвольте... есть такое слово...

— Приданое.

— Да, да, именно приданое,—облегченно проговорилъ докторъ и провелъ рукой по своимъ сѣдымъ волосамъ.—Обратите вниманіе, что приданое нужно для молодой особы.

M-me Раскепова снисходительно улыбнулась:

— Развѣ приданое дѣлаютъ старухамъ?

Засмѣялись маленькія швеи въ сосѣдней комнатѣ, и даже улыбнулась блѣдная, худая дѣвушка, стоявшая посреди комнаты въ роли манекена; главная швея, некрасивая блондинка съ злыми глазами, не могла улыбнуться только потому, что ротъ у ней всегда былъ занятъ булавками, которыми она прикалывала примѣряемыя на манекенѣ платья.

— Вѣроятно, вамъ, докторъ, приходится выдавать замужъ племянницу или какую-нибудь бѣдную родственницу?—замѣтила m-me Раскепова.

— Н-нѣтъ... не совсѣмъ,—замѣтно смутился докторъ и даже уронилъ своей папахой нѣсколько картонокъ.—Есть одна молодая особа, очень близкая мнѣ...

M-me Раскепова сдѣлала сердитое лицо, строго подобрала свои крошеч-

пыя губы и въ короткихъ словахъ объяснила доктору, что нужно „молодой особѣ“. Затрудненіе вышло изъ-за роста, но докторъ обѣщалъ доставить мѣрку.

— Вы представьте себѣ, madame, только одно, именно, что у этой особы рѣшительно ничего нѣтъ,—объяснялъ докторъ, поднимая сѣдыя брови.

— Потрудитесь также доставить номеръ перчатокъ, которыя носитъ эта молодая особа, а также мѣрку съ ноги,—сухо объясняла m-me Раскепова съ какою-то печальною торжественностью въ голосѣ.—Наша обязанность исполнять аккуратно и добросовѣстно *всякіе* заказы.

Докторъ совсѣмъ не замѣтилъ, какъ m-me Раскепова подчеркнула послѣднюю фразу; онъ смотрѣлъ на эту полную важную даму съ гладко зачесанными темными волосами довѣрчивымъ и улыбающимся взглядомъ; она ему нравилась, какъ нравился весь этотъ магазинъ, ленты, разбросанная по полу матерія, улыбавшіяся лица бойкихъ швей. Все это было такъ ново для него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ отвѣчало именно его требованіямъ: здѣсь было рѣшительно все, что̀ ему нужно. M-me Раскепова терпѣливо ожидала, когда наконецъ уйдетъ докторъ, а онъ продолжалъ очень внимательно разсматривать всю обстановку магазина.

— А вѣдь это очень интересно, очень...—бормоталъ онъ.

— Да?

— Да... Вы, madame, вѣроятно, слыхали о покровительственной окраскѣ у животныхъ и брачномъ опереніи? Это именно относится къ вашей спеціальности и даже могло бы служить очень полезнымъ источникомъ для нѣкоторыхъ указаній практическаго характера. Покровительственная окраска — это общій научный терминъ, хотя его понимаютъ исключительно въ смыслѣ сохраненія отдѣльныхъ представителей вида, а брачное опереніе служитъ въ интересахъ дальнѣйшаго продолженія этого вида. То же замѣчается въ окрашиваньи цвѣтовъ, хотя роль растеній въ этомъ случаѣ совершенно пассивная: привлечь на себя вниманіе тѣхъ насѣкомыхъ, которыя переносятъ оплодотворяющую цвѣточную пыль. Только знаете, какая особенность: у животныхъ, въ интересахъ продолженія вида, покровительственную окраску принимаютъ самцы, а у людей наоборотъ.

— Извините, докторъ, мнѣ некогда,—холодно замѣтила m-me Раскепова.

— Виноватъ, еще одинъ вопросъ: надѣюсь, ваше дѣло идетъ очень бойко?

— Да, ничего, не могу пожаловаться.

— Не можете ли вы опредѣлить время года, когда особенно оживляется спросъ на наряды?

— Конечно, зимой, докторъ... Балы, семейные вечера, театръ, вообще, въ это время мы завалены работой, особенно къ большимъ праздникамъ.

— Странно... Опять спеціально человѣческая особенность. Впрочемъ, это вполнѣ понятно, потому что человѣкъ уже освободился отъ фатальной зависимости отъ климатическихъ условій и создалъ искусственныя формы жизни.

— Извините, докторъ...

— Ухожу, ухожу... Мы еще побесѣдуемъ съ вами когда-нибудь на эту тему.

— Не забудьте послать мнѣ всѣ мѣрки.

— Непремѣнно,—бормоталъ докторъ, напяливая папаху на свою сѣдую голову.

Не успѣлъ докторъ затворить за собой дверь, какъ весь магазинъ по-

катился со смѣху: величественно хохотала сама m-me Раскепова, схватившись обѣими руками за колыхавшуюся полную грудь, главная швея даже корчилась отъ смѣха, ползая по полу около хихикавшаго манекена, до слезъ хохотали всѣ мастерицы, швеи и самыя маленкія дѣвчурки, подававшія утюги и бѣгавшія по разнымъ порученіямъ.

— Не угодно ли, *молодая особа, у которой рѣшительно ничего нѣтъ*...—повторяла m-me Раскепова, поднимая свои жирныя плечи.—Знаемъ мы этихъ особъ!.. Ха-ха...

Вмѣстѣ съ m-me Раскеповой, кажется, смѣялись всѣ эти картонки съ кружевами, ленты, выпивки, бантики, а висѣвшія въ витринахъ готовыя платья печально разводили своими пустыми рукавами.

IV.

Весь Пропадинскъ заговорилъ о выходкѣ доктора Осокина, такъ какъ m-me Раскепова не поскупилась на краски и по-своему „освѣтила предметъ“. Дамы пришли просто въ ужасъ и приписали все случившееся старческому безумію рехнувшагося доктора. Многіе жалѣли, нѣкоторые негодовали, остальные разводили руками или многозначительно мычали.

— Даже не счелъ нужнымъ замаскировать свою распущенность, — повторяли негодовавшія дамы.—Могъ все это устроить при посторонней помощи, какъ дѣлаютъ другіе мужчины, когда экипировываютъ своихъ содержанокъ. А то заявился среди бѣлаго дня прямо въ магазинъ: „у ней ничего нѣтъ“... Очень хорошо!

— Мнѣ было ужасно совѣстно передъ своими дѣвушками, — увѣряла m-me Раскепова своихъ заказчицъ.—Помилуйте, такъ безцеремонно объяснять разныя гадости... И представьте себѣ, докторъ всѣхъ вообще женщинъ называетъ птицами, а мужчинъ—животными... Какъ-то онъ это мудрено сказалъ.

Всѣхъ занималъ въ одинаковой формѣ вопросъ, кто эта таинственная молодая особа, у которой ничего нѣтъ и которая оказалась настолько близка докторскому сердцу? Въ почтенныхъ семействахъ матери дѣлали умоляющія лица, когда разговоръ заходилъ о докторѣ при молодыхъ дѣвушкахъ; самое имя доктора являлось чѣмъ-то въ родѣ заразы. Вообще, городъ былъ скандализированъ и оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ, и естественно, что всѣ взоры устремились на Матрену Ивановну, которая одна бывала въ докторской квартирѣ.

— Хорошъ вашъ пріятель, — нападали дамы на Матрену Ивановну и укоризненно кивали головами.—Помилуйте, въ каждомъ семействѣ есть взрослыя дѣвушки, и вдругъ такой скандалъ... Вѣдь, главное, совершенно открыто все дѣлается, на зло всѣмъ общественнымъ приличіямъ и общественному мнѣнію.

— Сдурилъ старикъ, совсѣмъ сдурилъ,—соглашалась Матрена Ивановна и тоже качала головой. — Я это замѣтила въ послѣдній разъ, когда была у него, и тогда же прямо въ глаза ему все сказала.

— А вы не видали у доктора эту молодую особу?

— Позвольте, сударыня, вы слишкомъ много себѣ позволяете: я дѣвушка и такихъ вещей не понимаю, да. Да я послѣ такого случая, если и на улицѣ встрѣчу Семена Павлыча, такъ не узнаю его... Извините, меня изъ-за него этакъ ни въ одинъ порядочный домъ не пустятъ!

Однимъ словомъ, Матрена Ивановна отреклась отъ доктора начисто и даже начала отпираться, что ходила къ нему чай пить.

— Всего-то, можетъ-быть, разъ-два я у него и была, и то по своимъ медицинскимъ дѣламъ, потому что съ кѣмъ же посовѣтоваться?

Но отъ пропадинскихъ дамъ было не такъ-то легко отдѣлаться.

— Непремѣнно тутъ кроется какой-нибудь романъ, — твердили онѣ въ одинъ голосъ.—Вѣдь вы давно знаете доктора, Матрена Ивановна; вѣроятно, раньше что-нибудь было такое?..

— Романъ?..—прикидывалась Матрена Ивановна непонимающей и отрицательно крутила своею круглою головкой.—Нѣтъ, ничего похожаго на романъ не было. Просто жилъ докторъ холостой свиньей и только. Да и съ кѣмъ роману-то быть?.. Прежде-то онъ, конечно, бывалъ вездѣ: у Гуськовыхъ, у Ефимовыхъ, у протопопа Катонова, у засѣдателя Голубкова. Вездѣ были дѣвицы и дамы, только никакого романа и быть не могло. Ужъ я это знаю и голову отдамъ на отсѣченіе. Это вамъ вездѣ романы мерещатся, а прежде строго было... Такъ ужъ, которая самая отчаянная, ну, тѣ позволяли себѣ очень свободное обращеніе съ мужчинами.

Какъ ни храбрилась Матрена Ивановна, но дамы довели ее до того, что почтенная старушка наконецъ сдѣлалась больна: у ней открылась лихорадка и насморкъ. Матрена Ивановна пролежала въ постели цѣлыхъ три дня, и Поленькѣ Эдемовой было много съ ней хлопотъ: она натирала Матрену Ивановну всевозможными мазями, поила липовымъ цвѣтомъ и даже вспрыскивала съ уголька водой. Только на четвертый день Матрена Ивановна встала съ постели и перешла на свое любимое мѣсто къ окошечку, гдѣ стояло глубокое старинное кресло, подарокъ откупщика Хлыздина.

— Какъ будто поманиваетъ меня кофію напиться,—задумчиво говорила Матрена Ивановна, поглядывая на улицу. — Думала, конецъ мой приходитъ, Поленька. И все мнѣ этотъ проклятущій докторъ мерещится...

Пока Поленька возилась съ кофейкомъ въ своей каморкѣ, Матрена Ивановна съ любопытствомъ смотрѣла на улицу, не проѣдетъ ли кто-нибудь изъ знакомыхъ. Взглянувъ вдоль тротуара, Матрена Ивановна чуть не обмерла со страху: по тротуару, прямо къ ея домишку, шелъ докторъ Осокинъ въ своей папахѣ. Матрена Ивановна хотѣла закричать, но у ней со страху перехватило горло, и она только закрыла глаза, какъ курица, надъ которой поваръ замахнулся ножомъ. Но Матрена Ивановна напрасно встревожилась: докторская папаха благополучно миновала ея крылечко, а затѣмъ скрылась въ воротахъ. Поленька наливала чашку кофе, когда въ ея каморку вошелъ докторъ; старая актриса слабо вскрикнула, и любимая фарфоровая чашечка Матрены Ивановны упала на полъ.

— А я къ вамъ зашелъ,—кротко проговорилъ докторъ, останавливаясь въ дверяхъ, такъ что Поленькѣ не было никакой возможности убѣжать отъ сумасшедшаго человѣка.—Одѣвайтесь и пойдемте, мнѣ очень нужно васъ...

— Какъ же это такъ?.. Я не знаю, не лучше ли въ другой разъ!—лепетала совсѣмъ растерявшаяся Поленька, закрывая шею худенькою косыночкой.

— Нѣтъ, сейчасъ,—настойчиво повторялъ докторъ. — Я подожду васъ здѣсь въ коридорѣ, пока вы одѣнетесь.

Сначала Поленька перетрусила и даже подумала выскочить въ окно, но потомъ опомнилась. Чего ей, въ самомъ дѣлѣ, бояться доктора, вѣдь сейчасъ выйдутъ на улицу, а тамъ всегда народъ, можно, по крайней мѣрѣ, закричать караулъ. Она торопливо надѣла перекрашенное шелковое платье, старую шляпу съ страусовымъ перомъ, накинула старенькій бурнусъ и вышла въ коридоръ, гдѣ докторъ нетерпѣливо шагалъ въ совершенной темнотѣ.

— Вы мнѣ позволите, докторъ, зайти къ Матренѣ Ивановнѣ и предупредить ее?

— Это еще что̀ за нѣжности? Вздоръ.

— Она больна...

— Ничего, не умретъ.

Поленькѣ ничего не оставалось, какъ только покорно слѣдовать за докторомъ, который повелъ ее на другой конецъ города, къ своей квартирѣ, какъ догадывалась Поленька. Какъ вѣжливый кавалеръ, докторъ шелъ позади своей дамы и только коротко объяснялъ, куда нужно было повернуть, когда встрѣчался перекрестокъ. Такъ они благополучно дошли до самой докторской квартиры, и докторъ былъ настолько любезенъ, что самъ отворилъ дверь передъ своею дамой и даже помогъ ей снять бурнусъ.

Въ пріемной на столѣ ожидалъ гостью кипѣвшій самоваръ, корзинка съ сухарями и коробка конфетъ. Поленька окончательно смутилась и на случай запомнила выходную дверь, чтобы можно было убѣжать, а докторъ молча указалъ ей на пустой чайникъ. Пока Поленька дрожащими руками заваривала чай, докторъ тяжелыми шагами ходилъ по комнатѣ и время отъ времени смотрѣлъ на нее. Она чувствовала на себѣ тяжелый докторскій взглядъ и еще сильнѣе смущалась. Докторъ былъ въ старомъ военномъ мундирѣ и даже въ крахмальной рубахѣ, которая, видимо, сильно его стѣсняла.

— Вы крѣпкій чай пьете или слабый?—рѣшилась, наконецъ, Поленька прервать тяжелое молчаніе.

— Крѣпкій.

Получивъ стаканъ, докторъ въ упоръ посмотрѣлъ на Поленьку и съ разстановкой проговорилъ:

— Вы, повидимому, очень бѣдствуете, сударыня... Да, этого слѣдовало ожидать, и я нисколько не удивляюсь...

Поленька вся вспыхнула и хотѣла что-то возразить, но докторъ схватилъ ее за руку и потащилъ къ двери, которая вела въ комнату Джойки. Распахнувъ дверь, докторъ уступилъ дорогу своей гостьѣ и съ какимъ-то безпокойствомъ осмотрѣлъ всю обстановку только-что меблированной комнаты. Она была вся отдѣлана заново: стѣны оклеены розовыми обоями; на окнахъ висѣли шелковыя драпировки, на полу лежалъ персидскій коверъ, у одной стѣны, подъ шелковымъ пологомъ, стояла красивая желѣзная кровать, покрытая бѣлымъ покрываломъ, между окнами пріютился дамскій письменный столъ, въ углу стояла этажерка съ книгами, у окна дамскій рабочій столикъ; комодъ, гардеробъ и умывальникъ занимали уголъ комнаты и были замаскированы низенькою ширмочкой. Вездѣ были разложены въ строгомъ порядкѣ всевозможныя вещи, необходимыя въ женскомъ обиходѣ: туалетныя принадлежности, альбомы, начатая женская работа, позабытая на окнѣ соломенная шляпа и т. д.

— Кто же это у васъ здѣсь живетъ? — удивилась Поленька, съ любопытствомъ разсматривая комнату.

— Кто здѣсь живетъ?.. *Это комната нашей старшей дочери.*

Поленька поняла все. Она страшно поблѣднѣла и едва могла дойти до своего стула за чайнымъ столомъ. Докторъ опять шагалъ по комнатѣ, и слышно было, какъ онъ тяжело вздыхалъ.

— Помните, Поленька, какъ тридцать лѣтъ назадъ вы играли въ „Бѣлой дамѣ“?—заговорилъ докторъ, усаживаясь на свое мѣсто къ остывшему стакану.

Поленька молчала, опустивъ голову; по лицу у нея катились мелкія старческія слезы.

— Да, это было давно, очень давно,—продолжалъ докторъ послѣ короткой паузы. — Я тогда увидѣлъ васъ въ первый разъ. На васъ было простое бѣлое платье, въ волосахъ приколота бѣлая камелія... О, я все это отлично запомнилъ!.. Вы тогда пѣли замѣчательно удачно, а я былъ молодъ... Конечно, вы понимаете, что̀ изъ всего этого могло произойти?

— Докторъ, я помню... но я была такъ глупа... Вы ухаживали за мной, но вѣдь тогда цѣлый городъ сходилъ съ ума отъ моей игры. Конечно, это было такъ давно, и кто могъ бы ожидать... Вы что-то такое говорили мнѣ, но я была еще такъ молода...

— Гм... да. И я тоже былъ молодъ и имѣлъ глупость думать, что двое молодыхъ людей могли бы прожить недурно. Для меня это было ясно, какъ день, потому что... потому что я слишкомъ любилъ васъ. Да, теперь я это могу сказать вамъ въ глаза, а тогда вы не желали меня понять... Насъ разлучили ваши театральные успѣхи, тотъ чадъ, которымъ вскружили вашу голову. Это вполнѣ понятно: я былъ бѣденъ, а васъ окружали богатые люди. Каждая женщина на вашемъ мѣстѣ сдѣлала бы то же, что̀ сдѣлали вы... Наша непоправимая ошибка заключалась въ томъ, что мы думали только о себѣ... Я не могъ полюбить въ другой разъ, а вы размѣняли свою молодость на мелкую монету.

Докторъ закрылъ лицо руками, и Поленькѣ показалось, что старикъ тихо плакалъ.

— Докторъ, простите меня, — шептала Поленька, прикладывая бѣлый платокъ къ глазамъ, какъ это дѣлаютъ на сценѣ „благородные отцы“.—Простите, докторъ.

Эта фраза заставила доктора вскочить. Онъ какъ-то дико посмотрѣлъ на Поленьку, махнулъ рукой и застоналъ—глаза у него были полны слезъ.

— Намъ слѣдуетъ просить прощенія вотъ у той, которая должна была жить вотъ здѣсь,—глухо проговорилъ докторъ, указывая на „комнату старшей дочери“. — Мы убили своихъ собственныхъ дѣтей... Это страшная вина, которая не имѣетъ искупленія. Мнѣ не даютъ покоя эти розовыя дѣтскія лица... они стоятъ предо мной живыя... О, я начинаю чувствовать, что схожу съ ума!..

Докторъ глухо зарыдалъ и отвернулся къ окну. Поленька не плакала, но какъ-то тупо смотрѣла на потухшій самоваръ, который время отъ времени пускалъ какую-то одинокую жалобную ноту; она чувствовала, что умираетъ, раздавленная этою ужасною сценой.

Было уже темно, когда Поленька вспомнила, что ей пора домой. Докторъ отправился ее провожать и былъ настолько вѣжливъ, что даже предложилъ руку. Они шли все время молча, и только когда уже подходили къ домику Матрены Ивановны, докторъ заговорилъ:

— Надѣюсь, вы не придадите никакого особеннаго значенія сегодняшней сценѣ... На жизнь нужно смотрѣть съ философской точки зрѣнія. Мы всѣ являемся только матеріаломъ въ рукахъ слѣпыхъ законовъ природы.

Поленька ничего не отвѣтила, молча пожала руку доктора и молча скрылась въ комнаткѣ. Докторъ нѣсколько времени стоялъ на тротуарѣ, а потомъ проговорилъ:

— Она глупа, какъ всегда.

Сначала докторъ машинально пошелъ домой, но, когда увидѣлъ свою квартиру, его точно оттолкнула какая-то сила: что̀ онъ будетъ тамъ дѣлать? Его что-то давило, и онъ чувствовалъ, что задохнется въ своей комнатѣ. Нужно было воздуха, какъ можно больше воздуха. Послѣ докторъ не могъ хорошенько

припомнить, какъ онъ провелъ эту ночь; онъ проходилъ по грязнымъ улицамъ Пропадинска до самаго утра и вернулся домой въ самомъ отчаянномъ видѣ: весь въ грязи, изможденный и безъ папахи. Авель даже испугался, когда увидѣлъ своего барина въ такомъ отчаянномъ видѣ.

Въ эту страшную ночь докторъ еще разъ пережилъ свою личную жизнь. Онъ съ мучительною ясностью видѣлъ далекое прошлое, когда онъ только-что пріѣхалъ въ Пропадинскъ молодымъ врачомъ. Тогда только-что былъ открытъ первый театръ въ городѣ, труппу для котораго золотопромышленникъ Гуськовъ выписалъ на свой счетъ. Какъ новинка, театръ привлекалъ къ себѣ массу публики, и надъ всею этою публикой царила Поленька Эдемова, русоволосая красавица съ удивительными глазами. Она была на опасной дорогѣ, потому что слишкомъ снисходительно относилась къ окружавшимъ ее шалопаямъ и богачамъ-самодурамъ. Докторъ увлекся ею и хотѣлъ спасти красавицу. Въ ней были еще та простота и наивная свѣжесть молодости, которыя могли служить залогомъ успѣха. Поленькѣ нравилось, что за ней всѣ ухаживаютъ, и она всѣхъ дарила своими улыбками, а въ томъ числѣ и молодого доктора.

Какъ теперь помнилъ докторъ плохой деревянный театръ, плохо намалеванный занавѣсъ, плохой оркестръ и грязную сцену, куда онъ пробирался съ замиравшимъ сердцемъ. Уборная Поленьки была сейчасъ направо отъ сцены, нужно было только подняться на три ступеньки какого-то деревяннаго помоста. Здѣсь всегда пахло свѣжею краской, сальными огарками, свѣжимъ деревомъ и еще чѣмъ-то такимъ, чѣмъ пахнетъ только за кулисами провинціальныхъ театровъ. Поленька была одна въ уборной, совсѣмъ готовая къ выходу на сцену, и въ послѣдній разъ осматривала себя въ зеркало, когда въ уборную вошелъ докторъ.

— Вы нездоровы?—спросила Поленька, взглянувъ на доктора.

— Да, мнѣ необходимо съ вами переговорить,—дѣловымъ тономъ заговорилъ докторъ.—Есть у васъ свободныхъ пять минутъ?

— Говорите, только скорѣе... сейчасъ занавѣсъ.

Докторъ, торопливо подбирая слова, началъ говорить объ опасностяхъ, окружающихъ всякую театральную знаменитость, о томъ печальномъ будущемъ, которымъ выкупаются эти успѣхи, и послѣ этого предисловія прямо предложилъ свою руку и сердце.

Поленька точно испугалась и поблѣднѣла. Она нѣсколько мгновеній молча смотрѣла на доктора, потомъ откинула назадъ свою красивую головку и проговорила:

— Докторъ, мнѣ некогда, занавѣсъ...

— Это не отвѣтъ.

— Мнѣ жаль огорчить васъ, докторъ, но я... я... Однимъ словомъ, вы ошиблись во мнѣ.

Отъ отчаянія и тѣхъ глупостей, какія дѣлаютъ люди въ подобномъ глупомъ положеніи, докторъ спасся тѣмъ, что всею душою отдался наукѣ. Онъ бросилъ завязавшіяся знакомства, отказался отъ общественной жизни и закупорился въ четырехъ стѣнахъ своей квартиры, откуда показывался только по дѣламъ своей медицинской спеціальности.

Отказавшись отъ Поленьки, докторъ совсѣмъ не думалъ отказываться отъ семейной жизни и только выжидалъ время, когда уляжется чувство къ Поленькѣ, чтобы жениться съ чистымъ сердцемъ на какой-нибудь простой доброй дѣвушкѣ и завести свое гнѣздо. Но годъ шелъ за годомъ, а на душѣ у доктора накипала какая-то ненависть къ женщинамъ. Его радовало, когда

онъ открывалъ какой-нибудь новый недостатокъ въ женщинахъ. Конечно, это—низшее существо сравнительно съ мужчиной и никогда не выходитъ изъ потемокъ дѣтскаго существованія. Въ любви мужчины относятся къ своимъ возлюбленнымъ именно какъ къ дѣтямъ, съ тою обидною снисходительностью, которая является оскорбленіемъ въ отношеніяхъ между собой мужчинъ. Это глупое дѣтство у женщины переходитъ прямо въ старость съ ея безплодными сожалѣніями, мизантропіей и ханжествомъ. Пять-шесть лѣтъ своего ребячьяго счастья женщина выкупаетъ цѣной всего остальнаго безцвѣтнаго существованія. Мужчина еще полонъ жизни, онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и рвется впередъ, когда женщина продолжаетъ жить только по привычкѣ и сама начинаетъ тяготиться своимъ безплоднымъ существованіемъ. Развѣ женщина что-нибудь создала въ наукѣ или искусствѣ? Ей недоступны вершины человѣческаго сознанія, и она умираетъ въ потемкахъ своего полусознательнаго существованія.

Однимъ словомъ, докторъ впалъ въ мизантропію и тѣшилъ самого себя своими выходками противъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ.

V.

Вернувшись отъ доктора, Поленька серьезно захворала. Теперь пришлось ухаживать за ней Матренѣ Ивановнѣ. На сцену опять явились таинственныя мази и липовый цвѣтъ. Отвернувшись къ стѣнѣ, Поленька иногда потихоньку плакала, но Матрена Ивановна видѣла заплаканные глаза и возмущалась.

— Погоди, ужо я разсчитаюсь съ этимъ мерзавцемъ,—грозилась Матрена Ивановна, не называя доктора по имени.

— Нѣтъ, онъ славный,—защищала Поленька доктора.

— Хорошъ, очень хорошъ!

Матрена Ивановна имѣла полное право ожидать, что Поленька разскажетъ ей все, что̀ съ ней случилось, но Поленька упорно молчала и только тяжело вздыхала. Конечно, всякій другой на мѣстѣ Матрены Ивановны спросилъ бы Поленьку прямо, что̀ и какъ, но Матрена Ивановна, прежде всего, была гордая женщина и совсѣмъ не желала залѣзать въ чужую душу. Кромѣ того, для Матрены Ивановны половина дѣла была совершенно ясна: докторъ Осокинъ былъ кругомъ виноватъ, и она съ нимъ раздѣлается по-своему.

Когда Поленькѣ сдѣлалось лучше и она могла обходиться безъ посторонней помощи, Матрена Ивановна первымъ дѣломъ, конечно, отправилась къ доктору, впередъ предвкушая удовольствіе разсчитаться съ этимъ извергомъ человѣческаго рода. Занятая этими размышленіями, Матрена Ивановна незамѣтно дошла до докторской квартиры. Двери были не заперты, какъ всегда, и Матрена Ивановна свободно проникла въ докторскую пріемную. Первое, что̀ ее поразило, это холодъ давно нетопленой квартиры и какая-то особенная пустота.

— Эй, Семенъ Павлычъ, гдѣ ты?—окликнула Матрена Ивановна, оглядываясь кругомъ.

— Здѣсь,—послышался глухой голосъ изъ кабинета.

Докторъ лежалъ на старомъ клеенчатомъ диванѣ, одѣтый въ старую военную шинель и въ лѣтней фуражкѣ. Матрену Ивановну поразилъ его больной видъ: это былъ какой-то другой человѣкъ, желтый, испитой, съ темными кругами подъ глазами и лихорадочнымъ взглядомъ.

— Ты это что̀ же, старый пѣтухъ, таракановъ, что ли, морозишь?—набросилась на него Матрена Ивановна.

Докторъ быстро поднялся съ дивана и какъ-то испуганно замахалъ обѣими руками.

— Тише, тише... шшш! — зашипѣлъ онъ, какъ защищающійся гусь. — *Она* еще спитъ...

— Очень мнѣ нужно, кто у тебя спитъ... мерзавка какая-нибудь.

— Ради Бога, тише,—умолялъ докторъ.—Она поздно встаетъ.

Докторъ на цыпочкахъ вышелъ въ пріемную, тревожно посмотрѣлъ на дверь завѣтной комнаты и знакомъ пригласилъ Матрену Ивановну слѣдовать за собой. Онъ пріотворилъ дверь и показалъ глазами на обстановку комнаты. На кровати лежала Джойка и виновато виляла своимъ пушистымъ хвостомъ. Матрена Ивановна не знала, на кого ей смотрѣть: на комнату, на собаку или на доктора.

— Здѣсь живетъ моя старшая дочь, — проговорилъ докторъ съ серьезнымъ лицомъ.

— Полно тебѣ, Семенъ Павлычъ, добрыхъ-то людей морочить...

— Спроси Поленьку, если не вѣришь: это *наша* дочь.

Матрена Ивановна вдругъ испугалась, испугалась того спокойнаго тона, какимъ докторъ разговаривалъ съ ней. Въ головѣ Матрены Ивановны мелькнула страшная мысль, и она, чтобы успокоить самоё себя, разсчитанно-громкимъ голосомъ спросила:

— Такъ... А гдѣ у тебя Авель-то?

— Авель?.. Онъ ушелъ... Деньги у меня укралъ и ушелъ

— Да ты, послушай, не морочь, Христа ради... это съ морковныхъ пироговъ у тебя умъ за разумъ заходитъ. Если Авель деньги укралъ, такъ почему ты его въ полицію не отправилъ?

— Зачѣмъ въ полицію? Я вчера лежалъ на диванѣ, Авель вошелъ въ кабинетъ, вытащилъ деньги изъ стола и ушелъ... Я все время смотрѣлъ на него. Онъ все это очень ловко сдѣлалъ и, кажется, думалъ, что я сплю. Ему, вѣроятно, очень были нужны деньги.

— Нѣтъ, ты, батюшка, рехнулся... положительно рехнулся. Сколько денегъ-то было?

— Тысячи двѣ было.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Докторъ, кажется, не хотѣлъ ничего понимать и только нѣсколько разъ пощупалъ свою голову, точно сомнѣвался въ ея благополучномъ существованіи.

— Спятилъ, совсѣмъ спятилъ,—рѣшила Матрена Ивановна и совсѣмъ растерялась, не зная, что ей слѣдуетъ предпринять.

— Пойдемъ въ кабинетъ, я тебѣ покажу что-то,—проговорилъ докторъ.

Докторъ долго рылся на своемъ письменномъ столѣ между бумагами и наконецъ отыскалъ объемистую тетрадь. Матрена Ивановна слѣдила за нимъ, не спуская глазъ. Она больше не сомнѣвалась, что докторъ сошелъ съ ума. И на чемъ человѣкъ помѣшался!

— Вотъ эта самая,—говорилъ докторъ, похлопывая рукой по тетради.— Двадцать лѣтъ работы посажено въ нее... да. Могу сказать, что первый строго-математическимъ путемъ доказалъ истину неуничтожаемости силы и матеріи. Матрена, есть только одна точная наука, это математика, и вотъ я воспользовался ею.

— Ну, ну, почитай, что у тебя написано тутъ.

— „Законъ неуничтожаемости жизни“,—прочиталъ докторъ заглавіе рукописи.—Да ты поймешь ли что-нибудь?

— Пойму, пойму... читай.

— Я тебѣ прочту только конецъ. Только на-дняхъ удалось закончить... „Неуничтожаемость силы и матеріи пользуется репутаціей вполнѣ научно-установленной истины,—началъ чтеніе докторъ,—хотя доказательства этого положенія вращались въ сферѣ слишкомъ грубыхъ явленій внѣшняго міра. Мнѣ первому, при помощи высшей математики, выпало счастье доказать эту грубую эмпирическую истину строго-научнымъ путемъ. Полученная формула въ полномъ своемъ объемѣ выражается такъ: *настоящій запасъ циркулирующихъ и комбинирующихся во вселенной силъ и матерій, плюсъ весь запасъ органической жизни, равняется всему запасу силъ и матерій, дѣйствовавшихъ отъ начала міра и слагавшихся въ необозримо-пеструю амальгаму отдѣльныхъ явленій.* Запасъ силы и матеріи остается тотъ же, но этотъ длящійся въ необозримомъ пространствѣ вѣковъ „плюсъ нарастающая органическая жизнь“ съ роковою силой прорываетъ заколдованный кругъ неизмѣннаго круговращенія силы и матеріи; прогрессъ является именно въ предѣлахъ этой разрастающейся органической жизни, а не въ смѣнѣ чередующихся комбинацій и развивающейся поступательно способности дифференцироваться. Этотъ плюсъ въ своемъ безконечномъ повтореніи превращается наконецъ въ знакъ умноженія. Такимъ образомъ, за внѣшнимъ міромъ вѣчно слагающихся и разлагающихся силъ и матерій, вырастаетъ тотъ неизмѣримо большій внутренній міръ самыхъ сложныхъ и неуловимо-тонкихъ проявленій дѣятельности, который выдвигается далеко за предѣлы уничтожаемости силъ и матерій“.

Докторъ тяжело перевелъ духъ, положивъ рукопись на столъ. Матрена Ивановна сконфуженно смотрѣла куда-то въ уголъ и перебирала рукой какую-то оборку на своемъ платьѣ.

— Ну, Матрена, кто изъ насъ сумасшедшій?—спрашивалъ докторъ, раскуривая папиросу.—Читать дальше?

— Читай, Семенъ Павлычъ.

— Хорошо... Только пользы тебѣ не много будетъ.

— Ладно, послѣ успѣемъ поругаться-то.

Докуривъ свою папироску и откашлявшись, докторъ продолжалъ чтеніе своей рукописи: „А „свербящая похоть славы“, окрыляющій жаръ молитвы, чистые восторги первой любви, муки уязвленнаго самолюбія, вѣчно томящая жажда неудовлетворенной жизни, насильственное заглушеніе законнѣйшихъ требованій человѣческой природы, что̀ это такое? Гдѣ мы будемъ искать тѣхъ математическихъ равнодѣйствующихъ, когда въ этомъ необъятномъ океанѣ человѣческой скорби, мукъ и страданій крошечная человѣческая радость исчезаетъ, какъ утопающій въ океанѣ человѣкъ? Развѣ математическая формула, самая точная и геніальная, можетъ непосредственно спасти бѣдняка отъ страданія, общество отъ нравственной неурядицы?“

— Но тутъ,—заговорилъ докторъ, откладывая въ сторону свою рукопись,—явилась новая поправка. До сихъ поръ дѣло шло о фактахъ и явленіяхъ существующихъ, бралась дѣйствительность, но есть цѣлый рядъ жизненныхъ явленій, гдѣ эта жизнь затаилась и приняла омертвѣлыя формы. Въ большинствѣ недостаетъ ничтожныхъ пустяковъ, какой-нибудь случайности, чтобы именно здѣсь-то и вспыхнулъ огонь накопившейся жизни, чтобы развернулась роскошная форма новаго существованія,—какъ считать эти дремлющія силы, жизнь въ возможности? А между тѣмъ не считать ихъ нельзя, потому что на нихъ затрачена громадная энергія, можетъ-быть, въ нихъ-то и проявлялись бы высшія формы существованія.

Матрена Ивановна качала головой и дѣлала видъ, что начинаетъ понимать доктора.

— Вотъ, напримѣръ, у меня есть семья, дочь *въ возможности*. Я вижу ее, да, ее, мою дочь; она приходитъ сюда, разговариваетъ со мной... Удивляюсь, какъ это раньше я не могъ догадаться: вѣдь она все время жила со мной, вѣрнѣе сказать, во мнѣ... И какъ мнѣ хорошо дѣлается, какъ легко... Это высшее счастье, какое доступно человѣку, именно жить повторенною жизнью, быть молодымъ во второй разъ и чувствовать, что вотъ именно ты не умрешь, а будешь жить, только въ новой, лучшей формѣ.

Слушая этотъ бредъ, Матрена Ивановна плакала.

У доктора Осокина оказалось тихое помѣшательство, то, что въ психіатріи извѣстно подъ именемъ idée fixe. Конечно, старикъ уже не могъ заниматься частной практикой, а жить между тѣмъ было нечѣмъ. Матрена Ивановна напрасно разыскивала родныхъ доктора по всей Россіи и кончила тѣмъ, что взяла его къ себѣ.

— Ужъ мнѣ заодно съ ними двоими няньчиться,— говорила Матрена Ивановна.—Все-таки въ домѣ мужчинка будетъ...

Въ солнечные ясные дни часто можно встрѣтить на улицѣ сумасшедшаго доктора, который въ своей папахѣ задумчиво шагаетъ по тротуару и разговариваетъ вслухъ съ самимъ собою.

1885.

ПЕРВЫЕ СТУДЕНТЫ.

Разсказъ.

I.

Какъ-то страшно сказать: мои воспоминанія, потому что давно ли все это было? Вчера, третьяго-дня—такъ живо проходятъ передъ глазами разныя сцены, разговоры, лица... А между тѣмъ несомнѣнно, что все это уже отошло въ область прошлаго, далекаго прошлаго, о чемъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ новые люди, явившіеся на смѣну старымъ, какъ свѣжая трава смѣняетъ прошлогоднюю. Перебирая въ своемъ умѣ разныя воспоминанія, невольно удивляешься, что вотъ это случилось пятнадцать лѣтъ назадъ, а то двадцать.

Да, двадцать лѣтъ тому назадъ я былъ большимъ подросткомъ—самый „неблагодарный возрастъ", когда человѣкъ отъ ребятъ отсталъ, а къ большимъ не пристalъ. Это время колебаній, сомнѣній и какихъ-то смутныхъ позывовъ впередъ, въ туманную даль неизвѣстнаго будущаго. Помню тѣ приливы юношеской гордости, которые смѣнялись періодами сомнѣній и самоуничиженія. Совершался глубокій внутренній переломъ, какой наблюдается у животныхъ въ пору перваго линянія или перемѣны всей кожи. Тянуло къ живымъ людямъ, въ общество, и вмѣстѣ съ тѣмъ одолѣвалъ какой-то безпричинный страхъ, заставлялъ искать одиночества.

Лично для меня въ этотъ критическій періодъ спасеніемъ являлась охота,—я говорю о лѣтѣ, когда все время было свободно.

Пріѣзжая на каникулы въ одинъ изъ уральскихъ горныхъ заводовъ, я бо́льшую часть времени обыкновенно проводилъ съ ружьемъ въ лѣсу. Бродить по горамъ отъ зари до зари, дѣлать ночевки по лѣснымъ избушкамъ или гдѣ-нибудь на пріискѣ въ старательскомъ балаганѣ—было истиннымъ наслажденіемъ послѣ школьныхъ занятій въ средне-учебномъ заведеніи. Это было счастливое время, хотя къ осени обыкновенно я превращался въ порядочнаго дикаря.

Моимъ неизмѣннымъ спутникомъ въ такихъ экскурсіяхъ былъ одинъ изъ молодыхъ заводскихъ служащихъ. Разъ мы какъ-то потеряли другъ друга около горы Мочги. Вечерѣло. Въ лѣсу темнѣетъ быстро, и мнѣ хотѣлось засвѣтло выбраться изъ ельника куда-нибудь на ночлегъ. Ближайшимъ удобнымъ пунктомъ для такой цѣли былъ пріискъ Мочга—стоило только спуститься по рѣкѣ версты двѣ, а тамъ и пріискъ и знакомые мужики. Когда торопишься—дорога всегда кажется длиннѣе. Какъ я ни спѣшилъ, быстро шагая по ельнику, но вышелъ на пріискъ уже въ сумерки. Въ лѣсу поднялась тяжелая ночная сырость, всѣ предметы кругомъ принимали самыя фантастическія

очертанія, и я былъ очень доволенъ, когда между деревьями мелькнуло мутное пятно пріиска.

Картина пріиска хорошимъ лѣтнимъ вечеромъ замѣчательно оригинальна: весь логъ, точно молокомъ, залитъ густымъ бѣлымъ туманомъ, но угорью у лѣсной опушки привѣтливо мигаютъ около старательскихъ балагановъ огоньки, пахнетъ гарью и дымомъ, а по лугу изъ конца въ конецъ волной ходитъ проголосная пріисковая пѣсня. Бредешь по травѣ, которая уже покрывается росой; начинаютъ попадаться пробные шурфы, едва защищенные брошенной сверху хворостиной или валежникомъ, — нужна большая осторожность, чтобы въ темнотѣ не сломать себѣ шеи среди пріисковой городьбы. Въ лѣсу отрывисто бренчатъ боталами пущенныя на волю лошади. Изъ плывущаго уровня тумана далеко горбится крыша промывальной машины, точно спина какого-то чудовища. Вотъ и старательскіе балаганы—около огней паужинаютъ пошабашившія работу семьи. Слышится ребячій плачъ, говоръ, чей-то смѣхъ. Надъ кострами качаются чугунные котелки съ пріисковымъ варевомъ, бабы пробуютъ ложками свою стряпню, кое-гдѣ къ огню просовывается добродушная лошадиная голова, ищущая въ дыму защиты отъ лѣсного овода. Вообще, картина самая оригинальная и слишкомъ близкая моему уральскому сердцу.

Балаганъ стараго кержака Потапа стоялъ какъ разъ напротивъ пріисковой конторы, и я еще издали замѣтилъ сидѣвшаго передъ огнемъ моего товарища по охотѣ. Вонъ и самъ Потапъ въ кумачной красной рубахѣ, и его жена, старуха Архиповна, и дочь Солонька, и сынъ Гордей со снохой. Звонко тявкнула на меня точно выскочившая изъ-подъ земли собачонка Куренко и, понюхавъ воздухъ, ласково завиляла хвостомъ.

— Миръ на стану... — проговорилъ я стереотипную охотничью фразу, вступая въ полосу свѣта, падавшаго отъ костра, и только хотѣлъ ударить пріятеля по плечу, но во-время удержался—это былъ совсѣмъ не онъ, а какой-то незнакомый молодой человѣкъ въ крестьянской сермяжкѣ, плисовыхъ шароварахъ и въ мягкой пуховой шляпѣ на головѣ.

— Откедова Господь несетъ, родимый мой? — заговорилъ самъ Потапъ, изъ вѣжливости поднимаясь съ корточекъ.—Куды дѣвалъ товарища-то?..

— А развѣ онъ не приходилъ?..

— Нѣтъ, не слыхать... Можетъ, къ другому къ кому въ балаганъ завернулъ, да какъ будто не тово, не слышно.

— Ну, значитъ, разошлись.

— Извѣстное дѣло: въ лѣсу-то часто глаза отводитъ, особливо подъ вечеръ. Идешь въ одну сторону, а выйдешь наоборотъ... Какъ помоложе-то былъ, такъ лѣсовалъ тоже, съ ружьишкомъ, значитъ, и очень хорошо это знаю. Экъ-ту одинова верстовъ съ двадцать задарма прочесалъ... Вотъ оно, какое это самое дѣло!..

По необыкновенно ласковой разговорчивости старика Потапа и по особенной непривѣтливости старой Архиповны я сразу понялъ, что старикъ выпивши, а такъ какъ была средина недѣли, когда ему выпивки не полагалось, то причиной веселью былъ, конечно, молодой человѣкъ въ пуховой шляпѣ, какъ и оказалось послѣ. Потапъ замѣтно покраснѣлъ, чаще обыкновеннаго мигалъ глазами и все повторялъ любимое раскольничье словечко: „родимый мой“. Воротъ красной, запачканной въ пріисковой глинѣ рубахи замѣтно стѣснялъ Потапа, и онъ щупалъ свой крѣпкій затылокъ, улыбаясь блаженной улыбкой и потряхивая головой. Маленькая темная бородка, темные усы и брови придавали старику очень моложавый видъ, а въ слегка вившихся черныхъ волосахъ только еще начинала серебриться сѣдина; лицо было тоже

свѣжее, хотя подъ глазами были уже глубокія морщины. Сынъ Потапа—Гордей, наоборотъ, казался старше своихъ лѣтъ и глядѣлъ исподлобья, какъ волкъ. Это вообще былъ непривѣтливый и неразговорчивый малый, уродившійся ни въ мать ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца. Старуха Архиповна когда-то была очень красивая баба раскольничьяго склада—высокая, чернобровая, сильная, такихъ много попадается въ старинныхъ раскольничьихъ семьяхъ. Характеръ у ней былъ злой и сдержанный, какимъ отличается большинство раскольничьихъ старухъ, точно она разъ и навсегда разсердилась, что отдала всю свою молодость и красоту дочери Солонькѣ. Эта послѣдняя не вышла въ мать только ростомъ, но зато уродилась такая крѣпкая, какъ сколоченная. Солонька всегда щеголяла въ ситцевыхъ сарафанахъ, подобранныхъ съ чисто-заводскимъ щегольствомъ — къ ней шелъ этотъ вообще неизящный костюмъ. Лицо у Солоньки было бѣлое съ легкимъ загаромъ и румянцемъ; черныя брови, сердитые темные глаза, ловко собранные въ косу темные волосы и красивый небольшой ротъ дѣлали ее завидной пріисковой красавицей.

— Можно заночевать у васъ?—спросилъ я изъ вѣжливости, устанавливая свое оружіе къ балагану.

— Заночуй, коли глянется... — отвѣчалъ Потапъ, мигая съ особенной любезностью.—Только у насъ тамъ ребенчишко... въ балаганѣ, значитъ. Внучекъ мой... ну, такъ, пожалуй, тово... препятствовать только будетъ. Тоже господское дѣло, а онъ мужикъ, разинетъ хайло-то...

— Оно точно, что не способно...—замѣтила угрюмо Архиповна.—Животомъ скудается третью недѣлю ребенокъ-то, замаялись съ нимъ...

— Да вотъ что, г. охотникъ, пойдемте къ намъ въ контору ночевать?—неожиданно предложилъ мнѣ молодой человѣкъ въ пуховой шляпѣ.

— Въ самъ дѣлѣ, Михалъ Павлычъ...—подхватилъ Потапъ.—Это куды порезонистѣе, чѣмъ въ балаганѣ, потому ребенчишко... не укажешь тоже ему, пострѣлу.

Мнѣ оставалось только поблагодарить и изъ вѣжливости отказаться, но молодой человѣкъ продолжалъ настаивать, такъ что пришлось согласиться. Я только теперь разсмотрѣлъ таинственнаго незнакомца—это былъ бѣлокурый молодой человѣкъ съ тонкимъ лицомъ, большими голубыми глазами и жиденькой растительностью на остромъ подбородкѣ.

— Такъ пойдемте... — заговорилъ молодой человѣкъ, поправляя свою шляпу безъ особенной видимой причины. — Петька теперь какъ разъ чай пьетъ. Ну, прощай, Архиповна... Когда ко мнѣ въ гости-то придешь?..

— А вотъ какъ курицы запоютъ по-пѣтушиному, такъ я къ тебѣ и подойду... Водки поболѣ запасай.

— Ахъ, ты, моя матушка... — ласково протянулъ молодой человѣкъ жиденькимъ теноркомъ и задумчиво засмѣялся.

Когда мы пошли отъ балагана, прямо черезъ пріискъ, потонувшій въ туманѣ, молодой человѣкъ обернулся и спросилъ провожавшаго насъ безъ шапки Потапа:

— Это что старуха-то твоя сердится все на меня?

— А отъ глупости отъ своей отъ старой, Михалъ Павлычъ...—бормоталъ Потапъ, забѣгая впередъ.—Вотъ я, значитъ, какъ уподобился шкаличку, ну, ей и обидно. Одно слово: баба... волосъ дологъ, и чтобы настоящаго... и нѣтъ его, настоящаго-то. Какъ передъ истиннымъ Христомъ, родимый мой...

Молодой человѣкъ опять засмѣялся, а Потапъ, чтобы выказать во всей формѣ свое усердіе, забѣжалъ въ сторону и пнулъ ногой стреноженную лошадь

прямо въ животъ. Не ожидавшая нападенія лошадь неловко поднялась на дыбы и тяжело начала скакать подъ гору.

— Зачѣмъ ты лошадь безпокоишь, Потапъ?—спросилъ я.

— А такъ... ишь, мѣсто гдѣ нашла! Еще испугаетъ, пожалуй...

Остановившись, старикъ какимъ-то униженнымъ тономъ прибавилъ:

— Михалъ Павлычъ, родимый мой...

— Чего тебѣ?

— Ахъ, родимый мой, разозлилъ ты только меня... а? Ну, какой я теперь человѣкъ... такъ, только замахнулся.

— Да вѣдь водки нѣтъ больше: всю выпили.

— А въ конторѣ?.. Эхъ, Михалъ Павлычъ, ужъ я заслужу, родимый мой... вѣрно тебѣ говорю. Только одинъ стаканчикъ бы...

— Хорошо. Въ конторѣ, кажется, еще оставалась водка.

— Ужъ я знаю... вѣрно! Михалъ Павлычъ, родимый мой, да я... вотъ сейчасъ провалиться...

Мы шагали въ густомъ туманѣ подъ гору, минуя выработки и шурфы, потомъ перешли плотинку и начали подниматься къ конторѣ, глядѣвшей на пріискъ двумя освѣщенными окнами.

— Михаилъ Павлычъ, вы извините меня... я не помѣшаю вамъ?—спросилъ я, когда мы подходили уже къ самой конторѣ.

Молодой человѣкъ быстро оглянулся на меня, издалъ какой-то неопредѣленный звукъ и опять добродушно засмѣялся, — мнѣ нравилось, какъ онъ смѣялся.

II.

— Петька чай пьетъ, — проговорилъ Михаилъ Павлычъ, бойко взбѣгая на шатавшееся крылечко пріисковой конторы.

Мы вошли. Потапъ изъ вѣжливости остался на крылечкѣ. Пріисковая контора состояла всего изъ одной длинной комнаты, выходившей двумя окнами на пріискъ. Между окнами стоялъ большой столъ, заваленный книгами, бумагами, желѣзными банками изъ-подъ золота, гильзами и т. д. Одинъ уголъ стола былъ очищенъ, и на немъ стоялъ кипѣвшій самоваръ. У окна на деревянномъ табуретѣ сидѣлъ плечистый черноволосый мужчина въ золотыхъ очкахъ и читалъ книгу—это и былъ Петька, какъ я имѣлъ право догадаться.

— А я гостя привелъ, Петька,—торопливо заговорилъ Михаилъ Павлычъ, по пути скидывая свою сермяжку. — Позвольте отрекомендоваться: Михаилъ Павлычъ Рубцовъ и Петръ Гаврилычъ Блескинъ, студенты казанскаго университета... Просимъ любить и жаловать.

Мнѣ оставалось отрекомендоваться, въ свою очередь, и помню, что я сильно сконфузился—меня рѣзнуло по уху заманчивое слово „студенты“, тогда какъ я просто былъ воспитанникъ средне-учебнаго заведенія и притомъ находился въ самомъ неблагодарномъ возрастѣ начинающаго молодого человѣка. Меня особенно смутила манера Петьки здороваться молча, причемъ онъ чуть вскинулъ на меня свои сѣрые добрые глаза. Потомъ у Петьки была такая великолѣпная темная борода, тогда какъ воспитанникамъ средне-учебныхъ заведеній полагается какой-то мерзкій пушокъ, точно у цыпленка. Мнѣ показалось даже, что Петька взглянулъ на пріятеля съ нѣмымъ укоромъ, дескать, зачѣмъ ты привелъ сюда эту дрянь...

— Ага... воспитанникъ... такъ!.. — повторялъ Михаилъ Павлычъ и, повернувшись на одной ножкѣ, какимъ-то писклявымъ голосомъ спросилъ:—а вы

съ чѣмъ чай употребляете: съ ромомъ или съ коньякомъ?.. Ни то ни другое?.. Жаль, значитъ, Америки не откроете. Та-та, вѣдь съ нами Потапъ пришелъ, вотъ и компанія... Эй, Потапъ, гряди въ гридницу и возрадуемся, яко радуется пчяница о склянницѣ.

Потапъ не заставилъ себя просить и высунулъ въ пріотворенную дверь одну голову съ усиленно моргавшими глазками.

— Михалъ Павлычъ, родимый мой...

— Да иди, чортъ деревянный!..

Перешагнувъ порогъ, Потапъ остановился у самыхъ дверей и забавно скосилъ глаза въ сторону Петьки—я вполнѣ понималъ старика.

— Это ты Петьки боишься?—спрашивалъ Михаилъ Павлычъ, вытаскивая бутылку съ водкой.—Ого, нагналъ онъ на тебя холоду...

— Ужъ это точно... Петръ Гаврилычъ постепеннѣе много будутъ вашей милости, Михалъ Павлычъ. Ужъ ты извини меня, родимый мой, на глупомъ словѣ...

— Вѣрю... Ну, будетъ тебѣ дурака-то валять, Потапъ. Вотъ на, выпей стаканчикъ и маршъ къ старухѣ...

Потапъ дрожавшей рукой принялъ стаканчикъ, перекрестился, отвѣсилъ поклонъ хозяину и выпилъ такъ аппетитно, что Михаилъ Павлычъ даже крякнулъ отъ удовольствія.

— Вотъ это я люблю...—похвалилъ онъ старика, налилъ себѣ стаканчикъ и фальшиво запѣлъ:

Мы пѣть будемъ и гулять будемъ,
А и смерть придетъ—помирать будемъ.

Пока Михаилъ Павлычъ выпивалъ свою порцію, Потапъ почтительно выпятился въ дверь.

— Се что̀ краспо и добро есть: живите, братіе, вкупѣ,—проговорилъ Михаилъ Павлычъ, пряча бутылку:—а посему, Петька, мы будемъ чаи распивать.

Петька молча налилъ намъ стаканы и опять уткнулъ носъ въ книгу, точно онъ былъ чѣмъ-то очень недоволенъ.

За чаемъ я успѣлъ разсмотрѣть нехитрую обстановку конторы, т.-е. двѣ кровати, сооруженныхъ на живую нитку, желѣзный сундукъ, служившій кассой, дрянное ружье на стѣнѣ, висѣвшую въ углу волчью шубу, гитару и большую полку, набитую книгами. На окнѣ тоже лежали книги, вѣсы для пріемки золота, приготовленный для работы хорошій микроскопъ, банка съ плававшей лягушкой и нѣсколько стеклянныхъ трубочекъ, какія употребляются при химическихъ опытахъ.

— Вы что̀ же это, г. воспитанникъ, чаю мало пьете?—спрашивалъ Михаилъ Павлычъ, когда я отказался отъ четвертаго стакана.—Сіе не есть укоризненно даже и дѣтскому возрасту... Петька, валяй мнѣ пятый сосудъ, ибо и пити вмерти и не пити вмерти, такъ лучше жъ пити и вмерти!.. Такъ, молодой человѣкъ?..

Михаилъ Павлычъ говорилъ за всѣхъ, пилъ стаканъ за стаканомъ, отдувался, вытиралъ лицо платкомъ и отъ удовольствія даже болталъ короткими ножками. Онъ вглядывался въ меня прищуренными близорукими глазами, улыбался и продолжалъ болтать какъ школьникъ.

— Ухъ, задохся, отцы мои!..—заявилъ онъ наконецъ и распахнулъ окно.—Этакая благодать стоитъ... Петька, очнись, вѣдь умирать не надо! Да посмотри ты въ окно-то...

Петька, чтобы отвязаться, заглянулъ въ окно и опять уткнулся въ свою книгу. А лѣтняя ночь была дѣйствительно замѣчательно хороша... Отъ самой конторы разлился по всему логу волокнистый туманъ, за нимъ, у опушки лѣса, какъ волчьи глаза, свѣтились старательскіе огоньки, а надъ всей этой картиной глубокой бездонной шапкой вставало искрившееся небо. Гдѣ-то въ туманѣ скрипѣли два коростеля, смутно доносились звуки лошадиныхъ боталовъ и лай перекликавшихся собакъ. Въ окно вливалась свѣжая струя ночного воздуха и несла съ собой смолистый ароматъ еловаго лѣса и душистыхъ лѣсныхъ травъ. Я даже пожалѣлъ, что ушелъ изъ балагана Потапа въ контору,—тамъ у огонька такъ хорошо теперь.

Мы заговорили объ охотѣ. Михаилъ Павлычъ тоже былъ охотникъ, хотя по близорукости плохо видѣлъ дичь.

— А вотъ мы завтра утромъ подъ Липовую гору сходимъ,—говорилъ онъ, высовываясь въ окно и всей грудью вдыхая ночной воздухъ.—Вёдро установилось; загубимъ рябцовъ пять... Петька, слышишь?

— Что такое?

— Тьфу ты, окаянная душа... Рябцовъ, говорятъ тебѣ, припесемъ.

— Ага... отлично.

Петька былъ тоже въ простой ситцевой рубахѣ, въ шароварахъ и въ такой же шерстяной поддевкѣ, какъ у Михаила Павлыча. Заложивъ ногу за ногу, онъ продолжалъ читать и время отъ времени сосредоточенно хмурилъ брови.

— Это ваша гитара?—спросилъ я Рубцова, когда онъ замѣтно притихъ и задумчиво смотрѣлъ куда-то въ туманъ.

— А вы играете?

— Немножко.

— Вотъ это великолѣпно...

Не помню хорошенько, съ чего я началъ показывать свое искусство, но потомъ заигралъ извѣстную казанскую студенческую пѣсню:

Гдѣ съ Казанкой-рѣкой,
Точно братецъ съ сестрой,
Типогрязный Булакъ
обнимается.

Петька оставилъ книгу и началъ смотрѣть задумчиво на гитару. Рубцовъ наклонился къ моему плечу, и я чувствовалъ на своей щекѣ его горячее дыханіе, а потомъ онъ со слезами на глазахъ обнялъ меня и даже поцѣловалъ.

— Голубчикъ, миленькій... вотъ уважилъ-то!..—шепталъ онъ задыхавшимся голосомъ...—Ну, еще разикъ... Петька, очнись!.. Вотъ, именно такъ:

Тино-гря-а-азный Бу-лакъ
обнима-а-а-ается!...

Рубцовъ вытащилъ спрятанную бутылку и залпомъ выпилъ новый стаканчикъ. Онъ походилъ на сумасшедшаго и нѣсколько разъ бросался обнимать Петьку и кончилъ тѣмъ, что швырнулъ его книгу въ уголъ.

— Къ чорту... все къ чорту!..—кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ.—Gaudeamus, juvenes dum sumus... А ну-ка еще эту, ну, какъ ее... Да вотъ:

По чувствамъ братья мы съ тобою...

Я зналъ и „эту“. Рубцовъ пѣлъ подъ аккомпанементъ съ увлеченіемъ, хотя страшно фальшивилъ и сердился на самого себя. Петька тоже подтягивалъ свѣжимъ ровнымъ баскомъ, какой бываетъ только у такихъ здоровя-

ковъ. Въ порывѣ восторга Рубцовъ какъ-то машинально хлопнулъ второй стаканчикъ, замѣтно покраснѣлъ и долго смотрѣлъ на меня улыбающимися, но печальными глазами—послѣднее было его особенностью.

— Голубчикъ, понимаете ли вы... ахъ, нѣтъ, надо это пережить... да, пережить!.. —торопливо заговорилъ онъ, роняя слова.—Вѣдь это огнемъ по сердцу... это жизнь... Петька, помнишь?..

Схватившись за голову, Рубцовъ заплакалъ. Это было такъ неожиданно и непонятно для меня, что я оставилъ гитару и смотрѣлъ то на ходившаго по комнатѣ Рубцова, то на спокойно попыхивавшаго папироской Петьку. Замѣтивъ мое смущеніе, Рубцовъ улыбнулся сквозь слезы и взялъ у меня гитару.

— Позвольте, голубчикъ, я вамъ сыграю мою единственную...—говорилъ онъ, усаживаясь съ гитарой на окно.—У меня, какъ у волка, всего-навсего одна пѣсенка... Впередъ извиняюсь за свое козлогласіе.

Своимъ фальшивымъ теноркомъ Рубцовъ запѣлъ старинный романсъ:

Въ хижину бѣдную,
Богомъ хранимую,
Скоро ль опять возвращусь...

— Нѣтъ, это не то...—заговорилъ онъ, оставляя гитару.—Ну-ка еще... Помните, у Иловайскаго во всеобщей исторіи есть анекдотъ? Пировалъ король Артуръ со своими рыцарями—можетъ-быть, и не Артуръ, ну, да не въ этомъ дѣло!—на дворѣ темная осенняя ночь; въ залѣ, гдѣ пировали рыцари, горѣли огни, и вдругъ влетаетъ маленькая птичка... Рыцари задумались, а птичка улетѣла въ окно. Одинъ рыцарь встаетъ и говоритъ: „Король, эта птичка напоминаетъ мнѣ человѣческую жизнь, которой темно впереди и назади...“. Голубчикъ, вотъ и студенческія пѣсни то же, что̀ птички—онѣ напоминаютъ намъ о нашей жизни... Кажется, Петька, я начинаю завираться и немножко того... что-то какъ будто не подходитъ... Ну, да все равно, если не теперь, такъ послѣ поймете меня. Нѣтъ, мнѣ рѣшительно душно здѣсь—пойдемте на воздухъ, господа...

III.

На полянѣ, между конторой и какими-то амбарами, кучеромъ Софрономъ былъ разложенъ небольшой костеръ. На огонь появился опять Потапъ и безтолково суетился, мѣшая Софрону.

— Ты еще все здѣсь?—удивился Рубцовъ.

— Родимый мой... Михалъ Павлычъ...—бормоталъ Потапъ и разслабленно махалъ рукой.—Уважилъ ты меня... то-есть, ахъ, какъ уважилъ!..

Софронъ, молчаливый, красивый парень, какъ-то брезгливо старался не замѣчать пьянаго старика и нѣсколько разъ, будто невзначай, толкнулъ его локтемъ. Было уже часовъ девять. На восточной сторонѣ неба, изъ-за Сосуна-Камня, всплыла длинная туманная полоска и медленно тянулась къ ярко блестѣвшему мѣсяцу; зубчатая линія сельника, окружавшаго пріискъ со всѣхъ сторонъ, точно была посеребрена. Горная даль, виднѣвшаяся въ пріисковую просѣку, совсѣмъ потонула въ сквозившей бѣлесоватой мглѣ. Ближе лѣсъ, кусты и пригорки слились въ сплошныя темныя массы. Густой туманъ попрежнему заволакивалъ весь пріискъ, и только кой-гдѣ еще мелькали догоравшіе огоньки,—народъ спалъ, завтра нужно было подниматься на работу вмѣстѣ съ солнцемъ. Воздухъ былъ теплый, и надъ огнемъ скоро съ тонкимъ пискомъ закружились неугомонные комары. Изрѣдка налетала ночная птица и, какъ брошенный камень, опять пропадала въ окружавшей темнотѣ.

Мы помѣстились на разостланной сермяжкѣ Рубцова и долго сидѣли около огня молча, покуривая папиросы. На минутку пришелъ Петька, посидѣлъ на корточкахъ около огня, помолчалъ и поднялся уходить.

— Петька, ты куда?—окликнулъ его Рубцовъ.

— А спать...—лѣниво отвѣтилъ Петька, потягиваясь.

— Ну, чортъ съ тобой...

Рубцовъ, видимо, былъ недоволенъ безчувственностью пріятеля и нервно теребилъ свою жиденькую бороденку.

— Эхъ, выпить надо...—вспомнилъ онъ и послалъ Потапа за бутылкой. Старикъ, какъ собака, все время сидѣлъ въ почтительномъ отдаленіи и ждалъ поживы отъ загулявшаго барина.

— Петръ Гаврилычъ къ чорту меня послалъ...—объявилъ Потапъ, появляясь съ бутылкой.—И еще такое словечко завернулъ, родимый мой... Не слушай, теплая хороминка!..

Выпивъ стаканчикъ, Рубцовъ опять повеселѣлъ и налилъ водки Потапу за труды. Поплевывая въ огонь, онъ началъ разспрашивать меня, гдѣ я учусь и куда думаю поступить по окончаніи курса.

— Въ университетъ?..—повторилъ онъ задумчиво.—Отличное дѣло... Эхъ, я самъ бы опять поѣхалъ учиться туда, съ перваго курса... Ей-Богу!..

— Вы кончили курсъ?

— Я?.. Я-то не кончилъ, а вотъ Петька кончилъ—кандидатъ естественныхъ наукъ. Ну, да это все равно... Не знаю, какъ вамъ удастся, а мы пожили въ свою долю. Поѣдете по Волгѣ мимо Казани, поклонитесь отъ меня... такъ попросту: снимите шапку и въ поясъ. Да, было пожито, молодой человѣкъ... Хорошихъ людей видѣли, умныя рѣчи слушали, а вотъ теперь на свѣжую воду выплыли...

Увлекшись студенческими воспоминаніями, Рубцовъ съ воодушевленіемъ разсказывалъ о своей жизни въ Казани—о профессорахъ, о сходкахъ, о товарищахъ, о хорошихъ книжкахъ. Понятно, что я слушалъ его, затаивъ дыханіе: это былъ первый живой человѣкъ, который заговорилъ о томъ, о чемъ приходилось читать только въ романахъ. Съ другой стороны, я не могъ не сознавать своей пассивной роли въ этой сценѣ—Рубцову необходимо было высказаться, и вотъ онъ обрадовался живому человѣку. Съ своей стороны, я могъ только разсказать о скучной и однообразной жизни „воспитанника средне-учебнаго заведенія“, причемъ постоянно берегся, чтобы не сказать чего-нибудь глупаго. Рубцовъ замѣчалъ мои усилія и улыбался своей хорошей улыбкой. Онъ обладалъ секретомъ держаться съ той простотой, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ на неопытную юность: я былъ въ восторгѣ отъ моего новаго знакомаго и чувствовалъ, какъ моя голова начинаетъ сладко кружиться отъ поднятаго въ ней вихря мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, это было первое пробужденіе, и будущее рисовалось въ такой заманчивой радужной перспективѣ. Рубцовъ, кажется, понималъ мое настроеніе и самъ заражался юношескимъ восторгомъ.

— Знаете, что я вамъ скажу?—говорилъ Рубцовъ, раскуривая папиросу не съ того конца:—мы никогда не замѣчаемъ своего счастья, какъ не замѣчаемъ своего здоровья... Вѣрнѣе сказать, мы понимаемъ счастье только заднимъ числомъ. Вы это послѣ поймете, когда жизнь помнетъ васъ хорошенько... да. Можетъ-быть, поймете и то, почему Рубцовъ такъ глупо разревѣлся давеча надъ студенческой пѣсенкой... Да, батенька, и глупости наши имѣютъ свою цѣну, поелику въ нихъ кроется зерно поэзіи.

Рубцовъ первый засмѣялся надъ своимъ философскимъ заключеніемъ,

тряхнулъ головой и заговорилъ объ естественныхъ наукахъ. Самая непослѣдовательность въ мысляхъ Рубцова имѣла для меня необъяснимую прелесть, потому что какъ нельзя болѣе отвѣчала моему душевному настроенію. Естественныя науки приклеились необыкновенно плотно къ казанскимъ профессорамъ, и я чувствовалъ, что именно вотъ за эти естественныя науки и отдамъ всю душу—воображеніе рисовало самыя фантастическія картины занятій въ химической лабораторіи, физіологическіе опыты, чтеніе хорошихъ, умныхъ книжекъ.

— Теперь все это для васъ не такъ еще понятно,—ораторствовалъ Рубцовъ, складывая ноги калачикомъ:—а вотъ когда вы выплывете на свѣжую воду, какъ мы, да потретесь среди людей, ну, тогда и поймете... Наука—святое дѣло, она образуетъ великую семью. Вотъ насъ съ Петькой судьба забросила на Уралъ, вонъ въ какой медвѣжій уголъ; да здѣсь съ ума сойдетъ живой человѣкъ, если бы не наука. Будетъ время, и вы помянете Рубцова добрымъ словомъ.

Въ порывѣ охватившаго его увлеченія, Рубцовъ предложилъ мнѣ посвятить меня въ тайны первоначальнаго естествознанія, чтобы подготовиться постепенно къ университетскимъ занятіямъ. Мнѣ до окончанія курса оставался цѣлый годъ и нужно было дорожить временемъ. Конечно, я принялъ это великодушное предложеніе съ восторгомъ, и, чтобы скрѣпить нашъ случайный союзъ, мы опять играли на гитарѣ и пѣли студенческія пѣсни. Отрезвившійся на воздухѣ Рубцовъ опять опьянѣлъ и опять готовъ былъ расплакаться.

— Родимый мой... Михалъ Павлычъ...—заговорилъ Потапъ, пользуясь хорошей минутой.—Стаканчикъ бы... а?.. Заслужу...

— Отвяжись... надоѣлъ!.. Развѣ хорошо такъ приставать?..

— Самъ знаю, что не хорошо, родимый мой... Ужъ что тутъ хорошаго, извѣстное дѣло: одна наша слабость...

— Ну хорошо: я тебѣ дамъ стаканчикъ, а ты спой, знаешь, ту пѣсню, которую я люблю.

— Изуважу... Это „На зарѣ то было да на утренней“?

— Да, да...

Выпивъ стаканчикъ, Потапъ присѣлъ къ огоньку, приложилъ руку къ щекѣ, закрылъ глаза и еще сильнымъ голосомъ затянулъ проголосную уральскую пѣсню:

На зарѣ-то было да на утренней,
На восходѣ-то краснаго солнышка...

Нужно отдать справедливость Потапу, что онъ пѣлъ мастерски, съ той захватывающей душу энергіей, какъ поютъ старыя проголосныя пѣсни одни раскольники. Рубцовъ какъ-то весь распустился и размякъ, напрасно стараясь подпѣвать старику. Пѣсня катилась по всему пріиску и необыкновенно гармонировала съ этой душистой лѣтней ночью, съ этимъ безконечнымъ лѣсомъ, съ догоравшимъ огонькомъ и молочной, шевелившейся кругомъ насъ мглой. Нѣкоторыя ноты Потапъ бралъ всей грудью, и пѣсня лилась далеко-далеко, отдаваясь эхомъ по всему логу.

Ты, дуброва ли, дубровушка зеленая!..
По тебѣ, моя дубровушка,
По тебѣ мы множко гуливали,
Мы гуляли—не нагуливались,
Мы сидѣли—не насиживались...

— Эхъ, хорошо старый чортъ поетъ...—шепталъ Рубцовъ, закрывая глаза отъ удовольствія.—Да... „можжо гуливали...“ „Мы сидѣли—не насиживались...“

Но въ этотъ моментъ изъ ночного тумана, точно навстрѣчу стариковской пѣснѣ, чистою и звонкою, какъ серебро, потой, поднялась другая—пѣлъ свѣжій женскій голосъ, и пѣсня то замирала, то опять поднималась, точно она плыла вмѣстѣ съ этимъ туманомъ. Рубцовъ вздрогнулъ, открылъ глаза и, какъ очарованный, долго прислушивался къ доносившимся звукамъ. На лицѣ у него выступили розовыя пятна, глаза засвѣтились... Потапъ тоже остановился и, прислушиваясь, проговорилъ:

— Ишь, шельма, это моя Солонька заливается...

Рубцовъ неожиданно вскочилъ и, какъ былъ, безъ шапки и въ одной рубахѣ, побѣжалъ подъ гору и сейчасъ же скрылся въ туманѣ. Потапъ рванулся за нимъ.

— Михалъ Павлычъ... родимый мой!.. невозможно!..—кричалъ старикъ, тоже исчезая въ туманѣ.—Ужо тебя старуха-то!.. Миха-алъ...

Слышно было, какъ звонко гудѣли шаги бѣжавшихъ. Кто-то, кажется, упалъ въ воду, потомъ изъ тумана донеслись замиравшіе крики Потапа: „Михалъ Павлычъ... родимый мой!“. А Солонька продолжала свою пѣсню съ тѣми необыкновенно высокими переливами, какъ поютъ кержанки: отдѣльныя звенья пѣсни то замирали, то опять поднимались, и казалось, что она все удалялась куда-то въ лѣсъ.

IV.

Вмѣсто того, чтобы раннимъ утромъ отправиться на охоту подъ Липовую гору, какъ мы уговорились съ вечера съ Рубцовымъ, я проспалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и проснулся только въ десять часовъ, когда лѣтнее солнце заливало своимъ горячимъ свѣтомъ всю комнату. Меня разбудилъ чей-то тихій смѣхъ и молчаливая возня. Открывъ глаза, я сначала не могъ сообразить, гдѣ я. Рядомъ со мной на походной кровати мертвымъ сномъ спалъ Рубцовъ, и это объяснило все—я припомнилъ свое вчерашнее знакомство до мельчайшихъ подробностей.

На письменномъ столѣ, какъ и вчера, стоялъ кипѣвшій самоваръ, а около него съ книгой въ рукахъ сидѣлъ Блескинъ. Я нѣсколько минутъ наблюдалъ идиллическую картину, которая вызывала разбудившій меня смѣхъ. По письменному столу бродилъ маленькій сѣрый котенокъ, который и составлялъ главное дѣйствующее лицо происходившей нѣмой сцены. Блескинъ укладывалъ какую-то большую тетрадь на самый конецъ стола такимъ образомъ, что одинъ конецъ выдавался впередъ; на этотъ выдавшійся конецъ тетради онъ помѣщалъ кусочекъ булки, обмокнутый въ сливки. Сѣрый котенокъ своими умными зелеными глазами долго наблюдалъ устраивавшуюся ловушку, нѣсколько разъ обходилъ кругомъ самоваръ, пробовалъ качавшуюся тетрадь своей мягкой бархатной лапкой и кончалъ тѣмъ, что не могъ удержаться отъ соблазна—онъ осторожно ползъ по тетради къ кусочку, а потомъ летѣлъ на полъ вмѣстѣ съ ловушкой. Это и заставляло Блескина смѣяться до слезъ. Испуганный собственнымъ паденіемъ, котенокъ нѣсколько времени сидѣлъ подъ табуреткой, потомъ съѣдалъ приманку и кончалъ тѣмъ, что опять взбирался на столъ. Блескинъ смѣялся тихимъ душевнымъ смѣхомъ, откинувъ свою красивую голову назадъ, и я никакъ не могъ узнать въ немъ вчерашняго серьезнаго студента, который показался мнѣ такимъ недоступнымъ и сердитымъ человѣкомъ.

Разыгравшійся котенокъ кончилъ тѣмъ, что уронилъ со стола стаканъ съ чаемъ и, какъ молнія, исчезъ въ окнѣ. Это вызвало уже настоящій хохотъ Блескина. Рубцовъ проснулся, посмотрѣлъ кругомъ заспанными красными глазами и безсильно уронилъ въ подушку свою трещавшую отъ похмелья голову.

— Петька, перестань дурачиться...—ворчалъ онъ, закрывая глаза.

Черезъ полчаса мы уже сидѣли за чаемъ. Блескинъ опять читалъ свою книгу, котенокъ спалъ у него на плечѣ. Рубцовъ пилъ свой стаканъ молча, все ощупывалъ свою голову, морщился и старался смотрѣть куда-то въ уголъ. Явившійся штегерь Епишка, вороватый мужикъ съ разбѣгавшимися глазами, нарушилъ эту молчаливую сцену.

— Петръ Гавриловичъ, пожалуйте на машину...—отрапортовалъ Епишка, вытягиваясь у порога во фронтъ.—Маленькая неполадка случилась. Тоже вотъ отводъ надо сдѣлать черновлянамъ... Дѣлянку новую просятъ.

Блескинъ молча поднялся съ мѣста, снялъ съ гвоздя суконную синюю фуражку, глубоко надѣлъ ее на голову и молча послѣдовалъ за штегеремъ. Мы остались въ конторѣ одни. Мнѣ предстояло поблагодарить за ночлегъ и отправиться во-свояси.

— Вы куда это?—удивился Рубцовъ, когда я началъ прощаться.—Нѣтъ, батенька, такъ порядочные люди не дѣлаютъ... Сначала позавтракаемъ, а потомъ побесѣдуемъ. Я вѣдь помню все, что вчера говорилъ вамъ. Только вотъ въ головѣ эскадронъ ночевалъ...

Рубцовъ вытащилъ изъ угла непочатую бутылку водки и выпилъ большую рюмку.

— Перепаратилъ вчера малость,—объяснилъ онъ, пряча бутылку и рюмку.

Выпитая рюмка произвела надлежащее дѣйствіе, и Рубцовъ точно стряхнулъ съ себя тяжелое похмелье. Мы опять говорили объ естественныхъ наукахъ, перебрали лежавшія на полкѣ книги, и тутъ я въ первый разъ познакомился съ ботаническими картинами Шлейдена, съ Молешоттомъ, Либихомъ, Циммерманомъ, Бюхнеромъ и т. д. Отдѣльно стояли сочиненія Бокля, Дрепера, Прудона, Добролюбова и Писарева. Рубцовъ бралъ одну книгу за другой, читалъ изъ нихъ свои любимыя мѣста, а одну растрепанную книжку даже поцѣловалъ. Вернувшійся съ пріиска Блескинъ засталъ насъ за микроскопомъ—мы разсматривали кровообращеніе въ перепонкѣ живой лягушечьей ноги.

— Ну, что?—коротко спросилъ Рубцовъ пріятеля.

— Ничего...—какъ-то нехотя отвѣтилъ Блескинъ, усаживаясь на свое любимое мѣсто къ столу.—Этотъ Епишка настоящій дуракъ. Навралъ Богъ знаетъ что...

— Э, батенька, старая истина!..—засмѣялся Рубцовъ добродушно.—Это настоящая bestia priiskoviana.

Послѣ завтрака изъ великолѣпныхъ рябчиковъ и редиски, мы отправились съ Рубцовымъ на пріискъ.

— Надо немножко провѣтриться, а то главизна зѣло трещитъ,—объяснилъ Рубцовъ, спускаясь съ крыльца.

Днемъ пріискъ представлялъ собой необыкновенно пеструю картину. Сотни рабочихъ, какъ мухи, облѣпили выработки, свалки и тѣ мѣста, гдѣ шла промывка золотоноснаго песку. Главное движеніе сосредоточивалось по теченію р. Мочги, которая вверху была запружена, а внизу разбѣгалась десятками канавъ и желобовъ къ отдѣльнымъ вашгердамъ. Вода была желтая и

глинистая; по краямъ канавокъ и на берегахъ за ночь образовался цѣлый слой липкой, спеціально-пріисковой тины. По извилистымъ дорожкамъ бойко катились пріисковыя двухколесныя таратайки. Въ выработкахъ мелькали мужичьи шляпы, около вашгердовъ пестрѣли яркіе сарафаны, у балагановъ дымились огни и бѣгали по травѣ забытые ребятишки. Мы обошли весь пріискъ, хотя солнце начинало уже припекать безъ всякаго милосердія. Рубцовъ осматривалъ работы и едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы ходившихъ за нами рабочихъ.

— Да вѣдь Петръ Гавриловичъ былъ здѣсь, что вы пристали ко мнѣ?— ворчалъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ ты, Михалъ Павлычъ, какъ ни на есть, погляди,—бормотали голоса.—Ужъ мы тебя знаемъ... Петръ Гавриловичъ точно что были, только вѣдь къ ему тоже не вдругъ подойдешь.

— Ругается?..—съ улыбкой спрашивалъ Рубцовъ.

— Кабы ругался, такъ еще ничего... Хуже: молчитъ.

— Вотъ и подите, потолкуйте съ ними,—обратился Рубцовъ уже ко мнѣ, какъ незаинтересованной сторонѣ.—Нужно, чтобы человѣкъ ругался.

Мы побывали на промывальной, гдѣ попыхивала паровая машина, потомъ заглянули въ выработку Потапа и остановились отдохнуть у потаповскаго вашгерда. Отъ выработки, гдѣ работали мужики, до вашгерда было саженъ сто. Гордей добывалъ въ глубокой ямѣ пески и выбрасывалъ ихъ наверхъ, на особые деревянные подмостки, откуда ихъ наваливали въ таратайку, и десятилѣтній внучекъ Потапа везъ добычу къ вашгерду, гдѣ работали однѣ бабы—старая Архиповна и жена Гордея растирали пески желѣзными лопатами, а Солонька, какъ самая сильная, подбрасывала на грохотъ новыхъ песковъ или сгребала нараставшія кучи галекъ.

— Богъ на помочь!—здоровался Рубцовъ, когда мы подошли къ бабамъ.—Ну, что, Архиповна, много ли намыла сегодня?

— Съ полфунта будетъ,—отвѣтила Архиповна и непривѣтливо покосилась на насъ.

— Маленькихъ полфунта?

— Всѣ наши, и большіе и маленькіе.

— Такъ...

Рубцовъ немножко смутился и не зналъ, въ какомъ тонѣ поддержать разговоръ. Солонька не обращала на насъ никакого вниманія и ловко подбрасывала песокъ на вашгердъ: желѣзная лопата у нея въ рукахъ походила на какую-то игрушку. Я только теперь разсмотрѣлъ первую пріисковую красавицу—она именно хороша была на работѣ. Изъ-подъ надвинутаго на лобъ кумачнаго платка такъ задорно и бойко глядѣли темные глаза, а свѣжее лицо свѣтилось молодымъ, здоровымъ румянцемъ. Голыя ноги и руки не знали устали. Рубцову, видимо, хотѣлось заговорить съ Солонькой, но онъ стѣснялся старухи и кончилъ тѣмъ, что раскурилъ папироску.

— Экъ тебя взяло съ этимъ табачищемъ...—заворчала Архиповна, сердито отплевываясь.—Шелъ бы ты, Михалъ Павлычъ, лучше къ себѣ въ контору. Нечего тебѣ съ бабами тутъ дѣлать...

Эта выходка заставила Солоньку едва замѣтно улыбнуться, и она лукаво вскинула глазами на Рубцова, который вдругъ какъ-то съежился и торопливо сосалъ погасшую папиросу.

— Чистый дьяволъ эта старуха!..—ругался Рубцовъ, когда мы шли по пріиску домой.—И задними и передними ногами бьетъ... Ну, да это все равно!.. Слышали, какъ вчера вечеромъ пѣла Солонька?..

День выдался необыкновенно жаркій, такъ что накаленный воздухъ переливался и струился, какъ вода, что бываетъ только въ самый сильный зной. Вѣтра не было, и все кругомъ застыло въ тяжелой истомѣ. Молча стоялъ лѣсъ, не шепталась трава, не слышно было птицъ, только неугомонный дятелъ гдѣ-то недалеко долбилъ сухое дерево. Нѣсколько артелей пошабашило. Виднѣлись группы обѣдавшихъ рабочихъ. Въ одномъ мѣстѣ около балагана успѣвшіе отобѣдать спали на травѣ въ самыхъ отчаянныхъ позахъ, точно раздавленные, какъ спятъ люди послѣ каторжной, страдной работы. Попался штегерь Епишка, бѣжавшій куда-то съ пустымъ котелькомъ въ рукахъ. Онъ издали снялъ кожаную фуражку и улыбнулся своей вороватой улыбкой. Блескинъ сидѣлъ у окна въ одной ситцевой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, а котенокъ ползалъ у него по широкимъ плечамъ.

У самой конторы насъ догналъ Потапъ и безъ всякой церемоніи объявилъ свое непремѣнное желаніе „починить башку“.

— Ты съ ума, кажется, сошелъ?—разсердился Рубцовъ.—Что у меня развѣ кабакъ?..

— Невозможно, Михалъ Павлычъ... мнѣ просто житья отъ моей старухи не стало, а все изъ-за тебя. Поѣдомъ ѣстъ старая крымза... А ужъ я услужу, Михалъ Павлычъ, родимый мой!..

Рубцовъ только засмѣялся и подалъ старику въ окно цѣлую бутылку водки.

— Всю мнѣ, Михалъ Павлычъ?—изумился Потапъ, не рѣшаясь принять свалившееся съ неба сокровище.

— Всю... Да, пожалуйста, убирайся къ чорту на хвостъ, надоѣлъ!..

Потапъ сунулъ бутылку за пазуху и сначала бѣгомъ побѣжалъ черезъ пріискъ къ своему балагану, но вернулся съ полдороги и скрылся гдѣ-то въ кустахъ.

За обѣдомъ и послѣ обѣда опять шли тѣ хорошіе молодые разговоры, которымъ и конца нѣтъ. Теперь говорилъ больше Блескинъ и, нужно отдать ему справедливость, говорилъ лучше, чѣмъ Рубцовъ. Онъ обстоятельно объяснялъ великое значеніе естественныхъ наукъ, особенно химіи, и самымъ простымъ языкомъ разсказывалъ исторію каждой науки въ отдѣльности. Зоологія, ботаника, анатомія, физіологія—все это были такія великія науки, безъ которыхъ невозможно ступить шагу. Ни психологіи, ни исторіи, ни философіи въ настоящемъ смыслѣ слова еще и не было, потому что всѣ эти науки должны основаться на естествознаніи, которое еще дѣластъ свои первые шаги.

Рубцовъ сидѣлъ на окнѣ, курилъ одну папиросу за другой, плевалъ за окно, стараясь попасть въ котенка, спрятавшагося въ травѣ, и напѣвалъ на какой-то необыкновенный мотивъ строфы изъ Гейне:

У меня глубоко въ сердцѣ
Золотой поставленъ столикъ...
И, сидя на табуреткахъ,
Въ карты дамочки играютъ...
Но съ лукавою улыбкой
Все выигрываетъ Клара...

Съ пріиска я ушелъ только вечеромъ, унося въ своей охотничьей сумкѣ штукъ пять хорошихъ книжекъ. Это было такое молодое счастье, которое не повторяется. Въ головѣ бродилъ какой-то блаженный туманъ, и будущее казалось такъ хорошо, просто и открыто; вотъ въ этихъ книжкахъ, тянувшихъ сумку, какъ кирпичи, все сказано, что нужно. Я даже смѣялся отъ радости.

На опушкѣ лѣса я неожиданно наткнулся на очень веселую группу: старый Потапъ, кучеръ Софронъ и штегерь Епишка сидѣли съ красными лицами на травѣ,—они, очевидно, угощались даровой господской водкой.

V.

Все лѣто для меня прошло въ какомъ-то чаду, хотя я жилъ только собственно на Мочгѣ, куда отправлялся каждую недѣлю раза три. Студенты оставались прежними студентами, и моимъ идеаломъ сдѣлалось быть такимъ же естествоиспытателемъ, какъ Блескинъ. Да, это былъ настоящій идеальный человѣкъ, и каждый разъ я открывалъ въ немъ какое-нибудь новое достоинство. У Рубцова не хватало солидности и той выдержки характера, которая такъ неотразимо дѣйствуетъ на молодую натуру.

Зачитываясь книгами по естествознанію, я жилъ въ какомъ-то совершенно фантастическомъ мірѣ. Дѣйствительность сосредоточивалась въ пріисковой конторѣ на Мочгѣ, гдѣ всегда было такъ упоительно хорошо... Много лѣтъ прошло, а я какъ теперь вижу эту завѣтную полочку на стѣнѣ, гдѣ заманчиво выглядывали объемистые томики геологіи Ляйеля, „Міръ до сотворенія человѣка“ Циммермана, „Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ“ Фогта, „Происхожденіе видовъ“ Дарвина и т. д. и т. д. Сколько безсонныхъ ночей было проведено за чтеніемъ этихъ книжекъ, и вѣра въ естествознаніе разрасталась, крѣпла и въ концѣ концовъ превратилась въ какое-то слѣпое поклоненіе. Хорошія книжки перемѣшивались съ хорошими разговорами, тихими вечерами, бесѣдами, а иногда горячими спорами студентовъ. Да, это было хорошее и счастливое время, и мнѣ отъ души жаль ту молодежь, которая не испытываетъ ничего подобнаго, да и неспособна испытать: не тѣ времена, а „что ни время, то и птицы, что ни птицы, то и пѣсни“.

Погода все время стояла отличная. Изрѣдка перепадали рѣдкіе дожди, точно затѣмъ только, чтобы горы умылись и лѣсъ зеленѣлъ еще красивѣе.

— Вотъ вамъ, братику, великая книга, читайте ее!—ораторствовалъ Рубцовъ, указывая изъ окна на горы и лѣсъ.—Тутъ все: и ботаника, и геологія, и зоологія, и поэзія... Остальное все бирюльки и пустяки.

— Т.-е. что остальное-то?—лѣниво спрашивалъ Блескинъ.

— А все остальное, чѣмъ тѣшились раньше: стишки, музыка, чувствительные романы, картинки разныя, идолы, ну, вообще, такъ называемое искусство и quasi-наука. Гиль и ерунда.

— Однако ты плачешь надъ гитарой?..

— Это атавизмъ, Петька... Ветхій человѣкъ сказывается. Значитъ, еще не укрѣпился въ настоящей поэзіи, а нужно непремѣнно что-нибудь этакое дрянненькое, кисло-сладкое, вообще гнусное...

— Ну, это ужъ ты врешь, братецъ.

— Какъ вру?

— А такъ. Не знаешь мѣры... Искусство тоже необходимо, только хорошее и здоровое искусство: и музыка, и пѣніе, и живопись, и скульптура.

— Да, нужна фотографія, нужны рисовальщики для хорошихъ сочиненій, нужны, пожалуй, двѣ-три хорошихъ пѣсенки, нужно умѣнье приготовить изъ папье-маше манекена, нужна музыка для домашняго обихода, т.-е. когда играетъ Софронъ на своей гармоніи, нужны національные танцы, чтобы встряхнуться, и только.

Этотъ вопросъ объ искусствѣ былъ неисчерпаемой темой для споровъ, и Рубцовъ въ заключеніе всегда ругалъ пріятеля „разслабленнымъ эстетикомъ“.

— Если ужъ ты хочешь, такъ вотъ въ этой лягушкѣ, которая корячится въ банкѣ, все твое искусство сидитъ,—кричалъ Рубцовъ, бѣгая по комнатѣ.

— Ну, это, братъ, началась базаровщина... — отвѣчалъ обыкновенно Блескинъ и смолкалъ.

Мнѣ особенно нравилась та серьезная простота, съ какой держали себя мои друзья относительно рабочихъ. Живость Рубцова уравновѣшивалась солидностью Блескина, и вмѣстѣ они составляли великолѣпную пару. Именно, они особенно хороши были вмѣстѣ, какъ я понялъ много лѣтъ спустя. Отъ заигрываній съ меньшимъ братомъ въ равноправность удерживало обоихъ извѣстное чувство мѣры, да и пріисковые рабочіе какъ-то совсѣмъ не подходили подъ идеальное представленіе настоящаго мужика. У Рубцова, правда, была слабость почитать хорошую книжку кому-нибудь изъ молодыхъ рабочихъ, но результаты появлялись самые плачевные: слушатель потѣлъ, ежился и кончалъ тѣмъ, что или просилъ на водку, или начиналъ прятаться. Единственнымъ плюсомъ въ этихъ попыткахъ было то, что Рубцовъ выучилъ грамотѣ кучера Софрона и штегеря Епишку. Подвергался опытамъ и старый пьяница Потапъ, но онъ ни за что не хотѣлъ читать гражданскую печать.

— Нѣтъ, съ нашими пріисковыми мужиками ничего не подѣлаешь,— рѣшилъ Рубцовъ.—Какіе-то они очумѣлые совсѣмъ... Толкуешь, толкуешь ему, а отвернулся, онъ—свое. Выучилъ Епишку съ Софрономъ читать, далъ имъ хорошихъ книгъ, а они потихоньку отъ меня читаютъ Бову да какой-то солдатскій пѣсенникъ.

— Значитъ, не умѣешь взяться за дѣло... — коротко объяснялъ Блескинъ.

— Ну нѣтъ, тутъ нужно со школы начинать, братику... Можетъ-быть, бабы лучше пойдутъ. Какъ-нибудь надо попробовать съ Архиповной.

— Да она грамотная, кануны „говоритъ“ по покойникамъ.

— Ну, тогда съ Солонькой... Бойкая дѣвка.

— Попробуй. Какъ разъ дѣло копчится клубничкой, на помѣщичій манеръ... Ты къ тому же и стихи Гейне любишь, а тамъ эта реабилитація плоти въ совершенствѣ объясняется.

— Ну, ну, пошелъ! Тебѣ бы съ Архиповной кануны говорить.

Пріисковые рабочіе по вечерамъ часто собирались около пріисковой конторы. Гдѣ-нибудь тренькала балалайка и непремѣнно плясали. По праздникамъ приходили дѣвки и „заводили“ хороводныя пѣсни. Блескинъ посылалъ имъ самоваръ, чаю и пряниковъ, самъ подолгу стоялъ на крыльцѣ и издали смотрѣлъ на чужое веселье. Рубцовъ, конечно, не могъ смотрѣть съ такимъ философскимъ спокойствіемъ на живыхъ людей и непремѣнно вертѣлся въ дѣвичьемъ хороводѣ, гдѣ пѣлъ пѣсни и плясалъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, особенно когда выходила на средину круга подсадистая Солонька.

— Ай да Михаилъ Павлычъ, ловко откалываетъ!.. — восхищались всѣ рабочіе.—Форменно... Ну-ка, Солонька, подкозырни барину-то.

Мнѣ казалось, что всѣ эти рабочіе ловкую пляску Рубцова ставили неизмѣримо выше всѣхъ его остальныхъ достоинствъ—это было просто обидно, хотя Рубцовъ самъ любилъ посмѣяться надъ этой особенностью народнаго пониманія.

— Все-таки добрымъ словомъ помянутъ: „ловко плясалъ Михаилъ Павлычъ!“—смѣялся онъ своей грустной улыбкой. — Вѣдь, если разобрать, такъ цѣлая трагедія античная получится изъ этого непониманія.

Наступившая осень давала себя чувствовать. Первый утренникъ расцвѣтилъ лѣсъ яркими желтыми пятнами, а гдѣ попадались осины—этотъ лѣсъ точно былъ обрызганъ кровью. Время для охоты наступало самое лучшее, но мнѣ приходилось думать объ отъѣздѣ. На Мочгѣ все было попрежнему. Только разъ мнѣ пришлось сдѣлаться невольнымъ свидѣтелемъ одной странной сцены. Я брелъ съ ружьемъ на пріискъ прямымъ путемъ, т.-е. лѣсомъ. Въ одномъ мѣстѣ нужно было перейти узкую лѣсную прогалину, гдѣ обыкновенно паслись пріисковыя лошади. Знакомый смѣхъ и громкій голосъ заставили меня оглянуться. Какъ разъ противъ меня на опушкѣ стояла съ уздой въ рукахъ Солонька, а Рубцовъ обнималъ ее и цѣловалъ въ шею. Солонька закидывала голову назадъ и отъ щекотки заливалась своимъ звонкимъ смѣхомъ.

— Отстань, нехошной!.. — кричала она, дѣлая слабую попытку освободиться отъ барскихъ объятій. — Я вотъ тебя такъ окрещу уздой-то... Экъ, привязался!..

Рубцовъ что-то шепталъ ей на ухо и продолжалъ цѣловать. Мое положеніе было самое глупое, какое только можетъ выпасть на долю недоросля. Оставалось ретироваться, но я это сдѣлалъ такъ неловко, что Солонька оглянулась въ мою сторону и съ визгомъ скрылась въ лѣсу. Рубцовъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и теребилъ свою бородку съ самымъ растеряннымъ видомъ. Я чувствовалъ, что краснѣю, но пришлось выходить изъ невольной засады. Вѣроятно, мой жалкій видъ, когда я подходилъ къ Рубцову, разсмѣшилъ его, и онъ проговорилъ съ улыбкой:

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ... Развѣ хорошо цѣловаться съ Солонькой?.. Стыдитесь. Я вотъ скажу Петькѣ, какіе вы опыты производите по естествознанію.

Шутка вышла тяжелая, и мы стѣснялись другъ друга. Въ моихъ глазахъ Рубцовъ потерялъ прежнее обаяніе: эти поцѣлуи и визгъ Солоньки не имѣли ничего общаго съ тѣмъ, что говорилось обыкновенно въ конторѣ, да и Рубцовъ, очевидно, скрывалъ свое поведеніе отъ Петьки. Выплывала двойная ложь. Что общаго могло быть между Солонькой и Рубцовымъ. и къ чему могло все это повести?.. Помню, какъ мнѣ было стыдно и больно за этотъ импровизированный романъ, и всего удивительнѣе было то, что я не могъ больше смотрѣть прямо въ глаза Рубцову, точно дѣйствительно виноватъ былъ я. Обидное чувство какого-то обмана и фальши не могло улечься и долго послѣ, когда я припоминалъ эту сцену.

Это былъ мой послѣдній визитъ на Мочгу. Мнѣ тяжело было бы встрѣтиться еще разъ съ Рубцовымъ, да и мое присутствіе, видимо, его стѣсняло, точно что-то порвалось между нами.

— Увидимся черезъ годъ, когда вы будете уже студентомъ,—говорилъ Блескинъ на прощанье.

Рубцовъ, противъ обыкновенія, молчалъ и только ерошилъ волосы. Я проклиналъ глупую сцену въ лѣсу вмѣстѣ съ Солонькой.

Черезъ недѣлю я уѣхалъ въ губернскій городъ дотягивать лямку своего ученическаго существованія и, странное дѣло, очень скоро забылъ то тяжелое чувство, которое было вызвано послѣднимъ путешествіемъ на Мочгу. Молодость именно тѣмъ и хороша, что она не помнитъ зла и идетъ навстрѣчу добру съ распростертыми объятіями. Иногда мнѣ казалось, что я создалъ въ собственномъ воображеніи сцену свиданія Рубцова съ Солонькой въ лѣсу, и что въ дѣйствительности не только ничего подобнаго не было, но и не могло быть.

VI.

Прошелъ послѣдній годъ безцвѣтной ученической жизни, и я сдѣлался почти студентомъ. Понятна та радость, съ какой я летѣлъ въ родной уголъ, въ свою горную глушь, и первымъ дѣломъ, конечно, отправился провѣдать своихъ друзей на Мочгѣ.

Пріискъ расширился. Лѣсъ по теченію Мочги былъ вырубленъ еще дальше. Работы съ прежняго мѣста спустились ниже. Около пріисковой конторы образовался пустырь: брошенныя ямы, обвалившіяся канавки, размытая плотинка, высохшій прудъ, зараставшія травой перемывки и т. д. Жизнь точно ушла отсюда, предоставивъ мертвой природѣ залѣчивать нанесенныя человѣкомъ раны и царапины. Пріисковая контора стояла на прежнемъ мѣстѣ, и первое, что бросилось въ глаза еще издали — былъ свѣжій прирубъ. Это значило, что дѣла на пріискѣ шли впередъ и прибавили помѣщеніе для какого-нибудь новаго служащаго. Другія постройки остались въ прежнемъ видѣ: тотъ же магазинъ для разныхъ пріисковыхъ припасовъ, та же людская, гдѣ жили кучеръ Софронъ и штегерь Епишка, тѣ же конюшни и легонькій навѣсъ для экипажей. Прирубъ былъ приставленъ къ глухой стѣнѣ конторы и выходилъ окнами прямо въ лѣсъ; маленькое крылечко было затянуто парусиной, какъ на дачѣ.

Когда я подходилъ къ конторѣ, было еще довольно рано—часовъ десять. Солнце начинало только еще припекать, и собаки наслаждались безмятежнымъ покоемъ въ тѣни крылечка. Имъ, видимо, было лѣнь даже лаять, и только какой-то желтый барбосъ встрѣтилъ меня глухимъ ворчаньемъ. Одно окно конторы было открыто, и, какъ мнѣ показалось, въ немъ мелькнуло женское лицо. Признаться сказать, для меня это было непріятной новостью. Я поднялся на крыльцо и постучалъ въ дверь.

— Войдите...—отвѣчалъ изнутри знакомый голосъ Блескина.

Представившаяся мнѣ картина не требовала объясненія. У окна стоялъ тотъ же письменный столъ; на немъ стоялъ тотъ же кипѣвшій самоваръ, и Блескинъ сидѣлъ такъ же со своимъ стывшимъ стаканомъ чая, заложивъ нога на ногу, а около него сидѣла Солонька и, при моемъ появленіи, быстро спрятала какую-то книжку за спину. Она была одѣта въ шерстяномъ платьѣ какого-то необыкновеннаго линючаго цвѣта и въ красномъ платкѣ, повязанномъ по-бабьи. У стѣны, гдѣ мы когда-то спали съ Рубцовымъ, стояла дѣтская кроватка, и въ ней спалъ разметавшійся ручонками ребенокъ.

— Ахъ, это вы...—здоровался Блескинъ, оглядывая меня изъ-за своихъ очковъ.—Давно ли въ нашихъ краяхъ?

— Только-что успѣлъ пріѣхать...

— Рубцовъ будетъ очень радъ... Онъ гдѣ-то на пріискѣ. Соломонида Потаповна, вы что же это книжку-то прячете?..

— Да такъ...—кокетливо проговорила Соломонида Потаповна, продолжая прятать за спиной книжку.—Такъ я испужалась, Петръ Гаврилычъ,—до смерти.

— Нужно говорить: испугалась...

— Ужъ вы всегда перебьете на каждомъ словѣ... А я все-таки испужалась... да!.. Что вы ко мнѣ пристали?..

— Не кричите, пожалуйста, испугаете ребенка...

— Чего ему дѣлается? Спитъ...

— Вы хотите чаю?—предлагалъ мнѣ Блескинъ, вѣроятно, чтобы прекратить неловкую сцену.—Я вѣдь здѣсь въ гостяхъ, а самъ живу рядомъ, въ новомъ прирубѣ.

Пока шелъ обыкновенный въ такихъ случаяхъ разговоръ, я успѣлъ разсмотрѣть тѣ перемѣны, которыя были произведены въ этой комнатѣ присутствіемъ Соломониды Потаповны. О дѣтской кроваткѣ я уже говорилъ. Въ углу стояли два новыхъ зеленыхъ сундука невьянской работы, тутъ же висѣлъ разный женскій хламъ, принадлежавшій хозяйкѣ — новое ситцевое платье, барашковая шуба, пестрая шаль въ мѣщанскомъ вкусѣ, кумачный сарафанъ и т. д. Появился въ углу дряннои шкапикъ съ чайной посудой, на окнахъ ситцевыя занавѣски и герани, на стѣнѣ нѣсколько лубочныхъ картинъ, въ углу образокъ, двуспальная кровать и даже коверъ передъ ней. Любимая моя полочка съ книгами исчезла совсѣмъ, а книги Рубцова просто валялись въ углу и были покрыты толстымъ слоемъ пыли. Такую же печальную участь раздѣлялъ и микроскопъ, торчавшій на окнѣ. Дѣтскія пеленки, двѣ-три игрушки и тотъ спеціальный безпорядокъ, какой бываетъ только въ дѣтскихъ, довершали общую картину.

Соломонида Потаповна—прежней Солоньки, щеголявшей въ подбористыхъ сарафанахъ, больше не было — не вступалась въ нашъ разговоръ и сердито перебрасывала какія-то вещи въ углу подъ кроватью. Она была еще красивѣе, чѣмъ раньше, той смягченной и теплой красотой, какая дается только молодымъ матерямъ, но все это было испорчено шерстянымъ платьемъ мѣщанскаго покроя съ невозможными оборками и короткой таліей. Оно сидѣло на Соломонидѣ Потаповнѣ, какъ на коровѣ сѣдло, и особенно дѣлало безобразной ея талію; то, что̀ было такъ хорошо въ сарафанѣ, никуда не годилось въ платьѣ. Могучая спина пріисковой красавицы теперь казалась просто безобразной, какъ и эти рабочія мозолистыя руки и большія ноги, неловко ступавшія въ новыхъ козловыхъ ботинкахъ со скрипомъ и каблучками назади.

Чувствовалось что-то натянутое во всей обстановкѣ, именно то, отсутствіемъ чего раньше и была красна жизнь въ этой комнатѣ.

Вернувшись съ пріиска, Рубцовъ былъ, видимо, не въ духѣ и какъ-то тяжело покосился на Соломониду Потаповну, которая не обращала на него никакого вниманія.

— Ну, а что̀ мой плодъ? — любовно спрашивалъ Рубцовъ, наклоняясь надъ дѣтской кроваткой. — Спитъ, каналья... Вотъ всегда такъ: днемъ выспится, а ночью подыметъ такой гвалтъ, что жизни не радъ.

Лицо у Рубцова замѣтно осунулось и загорѣло. Въ большихъ глазахъ уже не было беззаботнаго огонька. Прежней оставалась только поддевка, высокіе сапоги и ситцевая рубаха, какъ и у Блескина. Въ разговорѣ Рубцовъ иногда забывалъ, что̀ спрашивалъ, или отвѣчалъ невпопадъ—вообще, къ прежней разсѣянности прибавилась какая-то тяжелая забота, одна изъ тѣхъ, о которыхъ не говорятъ.

— Обѣдать, что ли, будемъ, Соломонида Потаповна? — обратился Рубцовъ къ своей сожительницѣ съ непріятной ироніей въ голосѣ и при этомъ оглянулъ ее съ ногъ до головы.

— Не поспѣло еще... — коротко отвѣтила та и отправилась въ кухню, захвативъ съ собой узелокъ грязнаго дѣтскаго бѣлья.

— Терпѣть не могу я этихъ проклятыхъ платьевъ... — точно застоналъ Рубцовъ, когда дверь затворилась.—Хоть ты ей колъ на головѣ теши!.. Вѣдь безобразіе... мѣщанство. Не правда ли?—обратился онъ неожиданно ко мнѣ.— И сколько ей ни толкую, чтобы ходила въ своихъ сарафанахъ — ничего не беретъ...

— Соломонида Потаповна совершенно права по-своему, — спокойно заговорилъ Блескинъ.—Ей такъ нравится—значитъ, хорошо, и такъ быть должно.

Заставлять ее одѣваться именно такъ, какъ это тебѣ нравится, это... просто самодурство. Прежде всего въ каждомъ человѣкѣ нужно уважать его личность.

— А если это безобразно, вотъ это самое шерстяное платье? И если Соломонида Потаповна не понимаетъ этого безобразія? Я только желаю объяснить ей, а не принуждаю... Думаю, что я немножко больше ея понимаю, и на этомъ основаніи беру на себя смѣлость давать совѣты.

— Напрасная самоувѣренность... Все это дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

— Наконецъ, если вообще мнѣ это непріятно?.. Мнѣ просто отравляетъ жизнь вотъ это самое проклятое платье съ оборками...

— Ну, это ужъ прихоти, голубчикъ, и нѣкоторый мѣщанскій эгоизмъ.

— Вотъ не угодно ли,—обратился опять Рубцовъ ко мнѣ, какъ къ третейскому судьѣ.—Ихъ двое, а я одинъ... Стоитъ мнѣ ротъ раскрыть, какъ у Соломониды Потаповны является защитникъ, и я же остаюсь кругомъ виноватъ.

— Что же, я могу и не говорить...—замѣтилъ Блескинъ все съ тѣмъ же неуязвимымъ спокойствіемъ.

Рубцовъ только махнулъ рукой и забѣгалъ по комнатѣ своимъ мелкимъ шагомъ.

Проснувшійся ребенокъ вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ улыбался и смѣшно взмахивалъ ручонками, точно хотѣлъ вспорхнуть. Рубцовъ наклонился надъ кроваткой, и маленькое розовое личико отвѣтило беззубой улыбкой. Но это веселое настроеніе быстро смѣнилось первой гримасой, кряхтѣніемъ и отчаяннымъ плачемъ.

— Экъ тебя взяло!..—выругался Рубцовъ, оглядываясь.—Куда это моя дама ушла?.. Вѣчно уйдетъ именно въ то время, когда ребенокъ проснется...

— Это она нарочно дѣлаетъ, чтобы огорчить тебя, — объяснялъ Блескинъ, поднимаясь съ мѣста. — Или, можетъ-быть, ребенокъ выжидаетъ, когда останется съ глазу на глазъ съ папашей, и нарочно зареветъ, чтобы досадить...

Блескинъ спокойно подошелъ къ кроваткѣ, спокойно взялъ своими большими руками плакавшаго ребенка и вынулъ его изъ кроватки. Маленькій плакса сейчасъ же началъ улыбаться прежней улыбкой и, забавно вытаращивъ свѣтлые большіе глаза, аппетитно принялся сосать свой розовый кулачокъ. Рубцовъ облегченно вздохнулъ и сейчасъ же повеселѣлъ.

— Нюта... Нюта... Нюта!..—повторялъ Блескинъ, осторожно подбрасывая ребенка къ самому потолку.—Маленькая барышня Нюта... Смотри, какой у тебя глупый папка!..

Барышня Нюта болтала голыми кривыми ножонками и захлебывалась отъ удовольствія, пуская слюни прямо на руку своей бородатой няньки.

— А мнѣ стоитъ только взять эту барышню на руки, такъ она зальется такимъ отчаяннымъ ревомъ, точно ее рѣжутъ, — объяснялъ съ улыбкой Рубцовъ.—Разбойникъ будетъ дѣвка...

Явившаяся изъ кухни Соломонида Потаповна вся заалѣлась, когда увидѣла ребенка на рукахъ у Блескина.

— Дайте мнѣ ее сюда...—бормотала она, стараясь отнять ребенка, котораго Блескинъ поднялъ къ самому потолку.—Анка, Анка, подь ко мнѣ!..

Всѣмъ сдѣлалось какъ-то вдругъ весело, и въ этомъ хорошемъ настроеніи сѣли за обѣдъ. Обѣдали на Мочгѣ рано, потому что вставать приходилось часовъ въ пять утра. Когда мы уже кончали ѣсть, въ открытомъ окнѣ показалась голова старика Потапа и сейчасъ же скрылась. Это вызвало общій смѣхъ.

— Эй, Потапъ, чего ты прячешься?—позвалъ его Рубцовъ.—Садись съ нами обѣдать.

Голова Потапа опять показалась въ окнѣ; его лицо улыбалось нерѣшительно-заискивающей улыбкой.

— Спасибо, Михалъ Павлычъ... — пробормоталъ старикъ, переминаясь съ ноги на ногу.—Я ужъ тово, пообѣдалъ. На минутку завернулъ... Сейчасъ побѣгу на пріискъ, а то старуха загрызетъ. Михалъ Павлычъ, родимый мой, всю поясницу у меня разломило...

— Тятенька, какъ тебѣ не совѣстно?—оговорила отца Соломонида Потаповна и сердито нахмурилась:—вотъ ужо я скажу мамынькѣ, какъ ты водку здѣсь клянчишь...

— Ну, поди, поди къ матери-то!.. — поддразнивалъ Потапъ. — Она тѣ покажетъ...

— Такъ тебѣ лѣкарства нужно?—спрашивалъ Рубцовъ, наливая походный серебряный стаканчикъ.

— Михалъ Павлычъ, родимый мой... то-есть такъ ухватило, такъ ухватило!..

— Зачѣмъ это вы, Михалъ Павлычъ, напрасно старика балуете?—ворчала Соломонида Потаповна.—Развѣ это порядокъ...

Голова Потапа исчезла, но еще разъ появилась въ окнѣ и проговорила:

— Михалъ Павлычъ, родимый мой... ради ты истиннаго Христа николды не слушай этихъ самыхъ бабъ!..

— Ступай, ступай, нечего тебѣ тутъ дѣлать...—ворчала на отца Соломонида Потаповна.

— Солонька... кто я тебѣ, а?.. Значитъ, тебѣ родной отецъ въ томъ родѣ, какъ березовый пень... ладно!.. Погоди...

Блескинъ улыбался, а Рубцовъ выпилъ еще лишнюю рюмку водки.

Мнѣ показалось, что между друзьями пробѣжала черная кошка, и что прежняя товарищеская непринужденность исчезла навсегда, хотя они сами не желали убѣдиться въ этомъ. Притомъ являлась мысль, что Рубцовъ точно ревнуетъ Блескина—выходило какъ-то такъ, что Блескинъ стоялъ ближе къ Соломонидѣ Потаповнѣ, лучше ее понималъ и умѣлъ заставить ее сдѣлать по-своему. Между ними установилась та тонкость пониманія, которая обходится безъ словъ, и это мучило Рубцова, какъ мучила его и авторитетность Блескина.

VII.

Бывая часто на Мочгѣ, я теперь останавливался уже въ новой комнаткѣ Блескина, гдѣ и мѣсто было свободное на мой пай, и завѣтная полочка съ книжками, и, главное, сознаніе, что здѣсь никого не стѣсняешь своимъ присутствіемъ. Рубцовъ тоже любилъ частенько завертывать въ эту комнату и подолгу засиживался здѣсь за разными хорошими разговорами. Тутъ же неизмѣннымъ сочленомъ нашей компаніи являлся большой сѣрый котъ. Это былъ тотъ самый сѣрый котенокъ, который годъ назадъ смѣшилъ Блескина своими продѣлками до слезъ. Рубцовъ называлъ этого кота „мыслящимъ реалистомъ“.

— Я когда-нибудь изъ этого мыслящаго реалиста великолѣпный препаратъ сотворю,—увѣрялъ Рубцовъ, чтобы побѣсить Петьку.

Вообще въ комнаткѣ Блескина, какъ мнѣ казалось, Рубцовъ на время дѣлался прежнимъ Рубцовымъ, и попрежнему мы подъ треньканье гитары распѣвали студенческія пѣсни, а Рубцовъ обязательно плакалъ, если былъ выпивши, что съ нимъ случалось довольно часто. Но, вообще, все это было

одной формой, внѣшней декораціей, а прежняго духа уже не существовало болѣе: являлась какая-то невидимая тяжелая рука и тушила беззаботное веселье.

Мнѣ привелось сдѣлаться свидѣтелемъ этой жизни присковой конторы до мельчайшихъ подробностей, но это тяжелое *новое* нельзя было объяснить только тѣмъ, что въ конторѣ поселилась Солонька:—нѣтъ, дѣло было гораздо серьезнѣе. Появились такіе вопросы, о которыхъ не говорила ни одна изъ завѣтныхъ книжекъ, а главное—нельзя было не предвидѣть появленія все новыхъ и новыхъ комбинацій. Изъ-за дрязгъ и мелочей спеціально-семейной жизни Рубцова на пріисковую контору надвигалась какая-то грозовая туча, и всѣ переживали то нервное безпокойство, которое испытывается передъ грозой.

Соломонида Потаповна вела жизнь совершенно растительную и, видимо, очень скучала. По утрамъ она училась читать съ Блескинымъ, но занятія шли очень лѣниво, и ученица только потѣла или принималась зѣвать. Блескину стоило невѣроятныхъ усилій научить ее читать, но зато дальше Соломонида Потаповна уперлась и ничего слышать не хотѣла ни объ ариѳметикѣ, ни о чтеніи хорошихъ книжекъ.

— Неужели тебѣ хочется дурой остаться?—спрашивалъ иногда Рубцовъ, выведенный изъ терпѣнія.—Кажется, времени свободнаго у тебя достаточно, а безъ дѣла одурь возьметъ.

— Какая ужъ есть...—упрямо отвѣчала Соломонида Потаповна, сдвигая свои соболиныя брови.—Вамъ что за печаль: дура была, дурой и останусь. Свои глаза-то у васъ были... Вѣдь не вѣнчанные: не поглянулась, и уйду.

— Это какое-то идіотство!..—возмущался Рубцовъ, отступаясь.

Такіе разговоры обыкновенно приводили къ размолвкамъ, но Соломонида Потаповна отлично понимала всѣ преимущества своего нелегальнаго положенія и не упускала случая воспользоваться всѣми его выгодами, т.-е. она всегда повторяла „уйду“, хотя видѣла, что это невозможно—ихъ связывалъ ребенокъ. Къ этому ребенку Соломонида Потаповна относилась какъ-то равнодушно, такъ что, собственно, водился съ нимъ больше Блескинъ: онъ вставалъ для этого даже ночью. Въ своемъ родѣ получалась замѣчательная картина: Блескинъ уносилъ въ свою комнату маленькую Нюту вмѣстѣ съ колыбелькой и сидѣлъ надъ ней вмѣстѣ съ сѣрымъ котомъ.

Любимымъ занятіемъ Соломониды Потаповны было выйти на крылечко, сѣсть на ступеньку и сидѣть здѣсь, пощелкивая кедровые орѣхи безъ конца. Солнце печетъ нещадно, въ воздухѣ налита какая-то смертная истома, а Соломонида Потаповна сидитъ на своемъ крылечкѣ, и только летятъ скорлупы. И это изо дня въ день... Можно себѣ представить положеніе университетскихъ друзей, когда предъ ихъ глазами торчалъ этотъ вѣчный живой упрекъ. Нѣкоторое оживленіе Соломонида Потаповна испытывала только въ моменты, когда кучеръ Софронъ начиналъ наигрывать на своей гармоніи разные залихватскіе пріисковые „наигрыши“, или штегерь Епишка выкидывалъ какое-нибудь колѣнце помудренѣе. Эти глупые люди, порядкомъ нечистые на руку, очевидно, были ближе Соломонидѣ Потаповнѣ, и она кокетливо закрывалась рукой, чтобы не выдать душившій ее смѣхъ.

— Соломонидѣ Потаповнѣ сорокъ одно съ кисточкой...—галантно здоровался краснорожій кучеръ Софронъ, когда проходилъ мимо „полубарыни“, залихватски подергивая свою десятирублевую гармонію.

Вороватый Епишка держался съ полубарыней гораздо осторожнѣе и позволялъ себѣ разныя колѣна только въ отсутствіи господъ. Онъ дѣлалъ

безнадежно глупую рожу и раскланивался съ Соломонидой Потаповной издали „по-господски“, т.-е. расшаркивался, прижималъ руку къ сердцу и держалъ свою кожаную фуражку на отлетъ. Потомъ садился куда-нибудь на бревно и съ помощью скребницы изображалъ, какъ господа читаютъ въ книжку, глядятъ въ „микорсопъ“ и т. д. Софронъ наяриваетъ на гармоніи, встряхивая волосами. Епишка выкидываетъ разныя колѣна, а Соломонида Потаповна, сидя на крылечкѣ, задыхается отъ смѣха.

Не нужно было обладать особенной философской проницательностью, чтобы понять, чѣмъ вся эта исторія кончится въ одно прекрасное утро.

Рубцову приходилось не легко, и мы цѣлые дни вдвоемъ бродили съ нимъ съ ружьями по лѣсу, дѣлая привалы въ излюбленныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь подъ Дымокуркой, на Пальникѣ или подъ Сосуномъ-Камнемъ. Это шатанье по лѣсу всегда оживляло Рубцова, и онъ точно встряхивался, веселѣлъ и безъ конца декламировалъ разные стихи, а больше всего, конечно, изъ Гейне. Особенно онъ любилъ повторять гейневскихъ рыцарей, Вашляпскаго и Крапулинскаго:

Вмѣстѣ ѣли, но съ условьемъ,
Чтобъ по счету ресторана
Не платить имъ другъ за друга:
Не платили оба пана...

— Не правда ли, какая чертовская иронія?—спрашивалъ Рубцовъ, бросая ружье...—Ха-ха!.. Это какъ мы съ Петькой!..

Нѣтъ, не все еще погибло!
Наши женщины рожаютъ,
Наши дѣвушки имъ въ этомъ
Соревнуютъ, подражаютъ...

Эти два рыцаря какъ-то живьемъ засѣли въ моей головѣ, но теперь я не могу слышать этихъ стиховъ: подъ этой ироніей крылась трагедія, та трагедія, которая одинакова какъ въ патентованныхъ трагическихъ странахъ въ родѣ Италіи, такъ и въ самомъ обыкновенномъ захолустьѣ.

— Да, чортъ возьми, наши женщины рожаютъ...—задумчиво повторялъ Рубцовъ, когда смѣшливый стихъ проходилъ.—Природа тутъ немножко того, нерасчетливо поступаетъ.

Студенческая привычка выпивать у Рубцова, кажется, все росла съ каждымъ днемъ, и, что было всего хуже, онъ началъ пить одинъ, потихоньку отъ другихъ. Стѣсняясь показываться пьянымъ передъ Петькой, онъ обыкновенно уходилъ куда-нибудь на пріискъ, пока не протрезвлялся. На охотѣ стѣсняться было некого, и Рубцовъ обыкновенно напивался на привалахъ настолько, что домой приходилъ съ красными глазами. Мнѣ эти выпивки были хуже всего, потому что пьяный Рубцовъ питалъ большое пристрастіе къ откровеннымъ разговорамъ, а извѣстно, что такая пьяная откровенность ставитъ „напересника“ въ самое дурацкое положеніе.

Разъ мы отправились послѣ обѣда за дупелями въ небольшое болотце, до котораго отъ пріиска было около трехъ верстъ. Рубцовъ выпилъ дома да прибавилъ еще дорогой. У него утромъ вышелъ какой-то непріятный разговоръ съ Блескинымъ, слѣдовательно нужно было вознаградить себя. Я предчувствовалъ, что сейчасъ начнется изліяніе сокровеннѣйшихъ чувствъ, и пожалѣлъ, что пошелъ на охоту.

— Да, я никого не обвиняю...—бормоталъ Рубцовъ, ступая невѣрными

шагами.—Это ужъ послѣднее дѣло... да!.. Но это мнѣ не мѣшаетъ все понимать и все видѣть.

Рубцовъ горько засмѣялся и махнулъ рукой.

— Знаете, что мнѣ говорилъ сегодня Петька?..—продолжалъ онъ.—„Соломонида Потаповна скучаетъ оттого, что въ ея жизни произошелъ слишкомъ рѣзкій переходъ отъ тяжелой работы къ бездѣлью... Она слишкомъ здорова и сильна для умственнаго труда, а ей необходима ручная работа, чтобы не сойти съ ума". Чудакъ этотъ Петька... Думаетъ, что я ничего не вижу и не понимаю!.. Вотъ и вы тоже... Нѣтъ, батенька, Рубцовъ все видитъ: какъ и Софронъ выворачиваетъ глаза на Соломониду Потаповну, и какъ Епишка подпускаетъ ей турусы на колесахъ, а Соломонида Потаповна посиживаетъ на крылечкѣ, щелкаетъ орѣхи и этакъ изъ-подъ ручки: хи-хи-хи!.. Такъ?.. Ну-съ, такъ работа Соломонидѣ Потаповнѣ работой, а потомъ настоящій-то мужъ, чуть что, ее же за косы да хорошую трепку,—вотъ она тогда будетъ золотая баба. Тотъ же Софронъ, если бы она вышла за него замужъ, дулъ бы ее не на животъ, а на смерть, и она же души въ немъ не чаяла бы... Такъ я говорю?..

— Нѣтъ, вы ужъ слишкомъ, Михаилъ Павловичъ... такъ нельзя.

— Ну, ужъ, батенька, извините: вотъ такъ, какъ я дѣлаю, это дѣйствительно нельзя, курамъ на смѣхъ, недаромъ Софронъ и Епишка считаютъ меня дуракомъ. Но вѣдь не могу же я ее бить смертнымъ боемъ... Боже мой, Боже мой!.. Нѣтъ, это страшно, вотъ на какія нелѣпости сводится наша жизнь... Учитесь, батенька!.. Въ самомъ дѣлѣ, если разобрать всю эту исторію,—ничего дурного... Живетъ созрѣвшій молодой человѣкъ въ лѣсу и встрѣчаетъ созрѣвшую молодую дѣвушку; естественно, что онъ получаетъ извѣстное влеченіе... такъ? Ну, она необразованная, глупая, но зато такая здоровая и цвѣтущая. Природа всесильна... Она дѣлается матерью. Тутъ ужъ начинается другая аллегорія... Посидимте, батенька, я усталъ что-то. Еще успѣемъ дупелей погонять...

Мы расположились на лѣсной опушкѣ, въ тѣнистомъ уголкѣ. Надъ нашими головами шатромъ поднималась старая рябина; вдали синѣли горы. Жаръ свалилъ, и изъ лѣсу потянуло вечерней сыростью. Рубцовъ еще выпилъ стаканчикъ изъ походной фляжки.

— Знаете, сначала я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ одного чувства, какъ животное...—продолжалъ онъ на ту же тему.—И красивая дѣвка была—у кого угодно голова закружится. Ну, сошелся съ ней... Когда чисто-животный жаръ прошелъ, явилось болѣе глубокое чувство: поднять ее до себя, выучить, дать приличное образованіе. А тутъ еще плодъ явился—значитъ, оставалось итти впередъ. Вѣдь я сколько разъ предлагалъ ей повѣнчаться—не хочетъ.

— Почему?

— А шутъ ее разберетъ... Раскольники они, вся семья, не признаютъ церковнаго брака, а согласитесь, вѣнчаться мнѣ у нихнихъ старухъ тоже не приходится. Вотъ бы веселенькій пейзажикъ получился: студентъ казанскаго университета совратился въ расколъ... ха-ха!.. Хорошо. Ну, замужъ не хочешь итти, такъ будемъ жить, а тутъ вотъ какая музыка получается... Что же мнѣ-то дѣлать, остается ревновать ее къ Софрону или къ Епишкѣ, вѣрнѣе, къ обоимъ заразъ?.. Или изобразить венеціанскаго мавра Отелло?.. Но вѣдь Солонька походитъ на Дездемону такъ же, какъ свинья на пятиалтынный... Софронъ—Кассіо, Епишка—Яго, а я — венеціанскій мавръ... тьфу!.. Все это было бы очень смѣшно, если бы не было такъ грустно. Вѣдь самое страшное въ такихъ вещахъ—сознаніе, которое гложетъ тебя и день и ночь... Въ

самомъ дѣлѣ, чѣмъ виновата Солонька, что она безсовѣстно-здорова и глупа до святости, а я еще меньше ея виноватъ во всемъ этомъ, хотя она, вотъ эта самая Солонька, дорога мнѣ и какъ объектъ моей страсти и какъ мать моего ребенка. Вѣдь изъ этой глупой личинки Нютки вырастетъ большой человѣкъ и скажетъ: „А что, тятенька, разговоры хорошіе вы умѣли разговаривать, а вотъ живете по-свински...“ Понимаете: вотъ этотъ беззубый Нютинъ ротикъ и скажетъ... Что же получается-то? Дрянь и мерзавецъ ты, Михаилъ Павлычъ, и всего твоего ремесла было откозырять тренака!..

— Ну, ужъ вы очень хватили!..

— Нѣтъ, позвольте... Даже самая положительная дрянь, голубчикъ, по всей фермѣ, особенно, если сравнить вотъ съ этимъ Софрономъ или Епишкой... Какъ бы вы думали?.. Конечно, дрянь... Что бы сдѣлалъ Софронъ на моемъ мѣстѣ, если бы замѣтилъ за женой шалость и если бы ее дѣйствительно любилъ, какъ это думаю я самъ про себя? Самое простое дѣло: взялъ топоръ и разсѣкъ Солоньку на мелкія части, а самъ сначала со страховъ убѣжалъ бы въ лѣсъ, а потомъ, какъ пришелъ бы въ себя, сейчасъ въ волость и въ ноги старшинѣ: „такъ и такъ, мой грѣхъ...“ Вотъ какъ сдѣлаетъ Софронъ, и ему и книги въ руки. Такъ что онъ, говоря логически, имѣетъ полное право выворачивать Солонькѣ всю душу своей гармоникой, а Михаилъ Павлычъ долженъ смотрѣть и казниться... Э, батенька, да тутъ такія кружева въ банкѣ заходятъ, что жизни не радъ!.. Какихъ-то винтовъ не хватаетъ, вотъ машина и фальшитъ. Вся суть-то въ одномъ тебѣ сидитъ, а ты въ жизни злостный банкротъ: напечаталъ въ газетахъ объявленіе, заманилъ публику, наобѣщалъ самому себѣ золотыя горы, а хвать—въ карманѣ кукишъ съ масломъ. Да что тутъ говорить, голубчикъ: все это самому надо размотать... своимъ умомъ.

Опять наступила осень. Мнѣ нужно было ѣхать въ одинъ изъ столичныхъ университетовъ. Сцена прощанья съ Мочгой была самая трогательная. Даже Блескинъ расчувствовался и со слезами на глазахъ долго жалъ мою руку.

— Поклонитесь же Казани, какъ поѣдете мимо,—прошепталъ упавшимъ голосомъ Рубцовъ и убѣжалъ въ свою комнату, чтобы скрыть душившія его слезы.

— Да, да... это хорошо,—повторилъ Блескинъ.—Учитесь много, это наше счастье... Наука—все.

Свидѣтелями этой сцены были Софронъ, Епишка и Соломонида Потаповна. Они, видимо, ничего не понимали и переглядывались. Епишка сдѣлалъ плаксивое лицо, чтобы разсмѣшить полубарыню.

VIII.

Когда на Руси разстаются истинные друзья, они всегда даютъ взаимное обѣщаніе писать, но исполненіе прерывается много-много на второмъ или на третьемъ письмѣ... Въ данномъ случаѣ было то же самое: я написалъ изъ Петербурга первое письмо и получилъ на него отвѣтъ отъ Блескина, второе осталось безъ отвѣта, а третье я уже имѣлъ право не писать.

Время катилось быстро среди новой обстановки, новыхъ людей и новыхъ занятій. Я безвыѣздно прожилъ въ Петербургѣ цѣлыхъ пять лѣтъ и только стороной узналъ, что черезъ годъ послѣ моего отъѣзда съ Урала Рубцовъ застрѣлился... Какъ, гдѣ, почему—я ничего не зналъ, хотя имѣлъ много основаній догадываться объ истинныхъ причинахъ этой печальной развязки.

Это съ одной стороны, а съ другой, стоитъ развернуть любую газету, и вы всюдѣ найдете эти коротенькія извѣстія о самоубійствахъ, сдѣлавшихся настолько заурядными явленіемъ въ нашей жизни, что какъ-то даже не обращаютъ на себя никакого вниманія. Застрѣлился —и только, причины остались неизвѣстны, осталась записка—„въ смерти моей прошу никого не винить“ и т. д. Печальное явленіе печальной жизни, больше ничего. Вѣроятно, и Рубцовъ оставилъ послѣ себя такую же записочку, прежде чѣмъ пустилъ пулю въ лобъ, а впрочемъ, могло быть и иначе.

Прошло семнадцать лѣтъ. Много русской воды утекло за это время... „Мыслящіе реалисты“ шестидесятыхъ годовъ оказались идеалистами, хотя и занимались по премуществу точными науками. Новое поколѣніе, не отрицавшее искусства, оказалось практичнѣе своихъ „дѣтей-отцовъ“, хотя въ погонѣ за практическими цѣлями обходилось безъ всякихъ принципныхъ построеній. Шла какая-то громадная перестройка, и въ этомъ рабочемъ гвалтѣ вчерашніе друзья оказывались сегодня врагами, а враги друзьями. Хищенія, репетатство, философія безсознательнаго, самоубійства, всевозможныя репрессаліи— все это перемѣшалось въ шевелившійся живой комъ, гдѣ трудно было что-нибудь разобрать. А „дѣти-отцы“ съ ихъ наивнымъ реализмомъ оказались такими наивными среди этой торжествовавшей „правды жизни“... Естественные факультеты пустѣли, молодежь стремилась въ юристы, медики и тому подобныя хлѣбныя профессіи.

Года два назадъ мнѣ случилось ѣхать по Волгѣ. Великолѣпный американскій пароходъ только-что отвалилъ отъ пристани въ Казани и бойко пошелъ внизъ, оставляя за собой широкій двоившійся слѣдъ. День былъ солнечный, свѣтлый, и публика толпилась на трапѣ. Показались новые пассажиры, сѣвшіе только въ Казани. Тутъ были и студенты въ новой студенческой формѣ, и казанскіе татары, и сомнительные помѣщики, и чиновники, и купцы разныхъ формацій. Всѣ любовались красавицей Волгой. Я сидѣлъ на деревянномъ диванчикѣ у самой мачты и смотрѣлъ туда, въ синѣвшую даль, гдѣ одно за другимъ, какъ бурыя пятна, вставали печальныя волжскія села и деревушки.

Въ числѣ другихъ пассажировъ обращала на себя вниманіе серьезная молодая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, которая сидѣла на диванчикѣ съ книгой въ рукахъ, а около нея грѣлся на солнцѣ старый сѣрый котъ. Простое лѣтнее пальто, простая соломенная шляпа, густая темная коса, заплетенная по-дорожному; сѣрые глаза смотрѣли строго и какъ-то странно гармонировали съ этимъ цвѣтущимъ женскимъ лицомъ. Такихъ дѣвушекъ можно часто встрѣтить на русскихъ пароходахъ—все это учащійся народъ: бестужевки, курсистки, слушательницы, студентки. Кто она? Куда ѣдетъ? Что она читаетъ въ своей книжкѣ и что везетъ въ своей красивой головкѣ туда, въ родную глушь? Нѣкоторый диссонансъ представлялъ только котъ, который ходилъ за дѣвушкой, какъ собачонка. Ни она ни онъ не обращали на публику никакого вниманія: она читала, онъ спалъ.

Во время обѣда дѣвушка съ котомъ исчезла, а вечеромъ вышла на трапъ въ сопровожденіи плотнаго господина въ золотыхъ очкахъ. У него была такая великолѣпная темная борода, уже тронутая сильной просѣдью. Котъ лѣниво шелъ за ними.

— Нѣтъ, ты, Аня, ошибаешься...—спокойно заговорилъ господинъ, очевидно, продолжая какой-то старый разговоръ. Онъ досталъ сигару и, не торопясь, закурилъ ее по всѣмъ правиламъ курильнаго искусства.

Дѣвушка съ живостью что-то ему возражала и такъ любовно и ласково

заглядывала въ лицо. „Вѣроятно, дочь или сестра“,—подумалъ я, наблюдая интересную парочку. Но, когда господинъ заговорилъ еще разъ, я узналъ его по голосу: это былъ Блескинъ.

— Мы, кажется, знакомы съ вами...—заговорилъ я.—Если не ошибаюсь, Петръ Гавриловичъ Блескинъ?

— Да...

— Помните пріискъ Мочгу?

Блескинъ быстро поднялся и съ несвойственной живостью заключилъ меня въ свои объятія. Дѣвушка смотрѣла на насъ какимъ-то недовѣрчивымъ взглядомъ и нѣсколько разъ пытливо переводила глаза съ меня на Блескина и наоборотъ.

— Да какъ это... какими судьбами?—повторялъ Блескинъ, не выпуская моей руки.—Сколько лѣтъ, сколько лѣтъ прошло...

— Лѣтъ семнадцать будетъ.

— Да, время не ждетъ. Аня, рекомендую: нашъ общій знакомый, который зналъ еще твоего отца,—отрекомендовалъ меня Блескинъ и прибавилъ:—а это дочь Михаила Павлыча... Помните маленькую Аню?

— Да, да... и котъ, кажется, назывался мыслящимъ реалистомъ?..

— О, да, онъ самый... Это Михаилъ Павлычъ его такъ называлъ. Послушайте, что же мы здѣсь будемъ дѣлать, пойдемте хоть въ рубку или къ намъ въ каюту.

— Лучше въ каюту,—замѣтила Аня.

Они ѣхали вдвоемъ въ каютѣ второго класса. Пока Аня ходила распорядиться относительно самовара, Блескинъ съ самодовольнымъ лицомъ проговорилъ, кивая головой на затворенную дверь каюты:

— А какъ мы выросли-то... а? Изъ личинки человѣкъ выросъ... Теперь Аня на курсахъ въ Казани. Мы вѣдь тамъ живемъ... вдвоемъ.

— Извините, нескромный вопросъ: о смерти Михаила Павлыча я слышалъ; а гдѣ Соломонида Потаповна?

— Гм... Она вскорѣ вышла замужъ за нашего штегеря Епишку. Да... Разсказываютъ, что она отлично устроилась, по-своему, конечно. Сначала Епишка былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ, потомъ писаремъ, а теперь, кажется, служитъ или членомъ земской управы, или даже предсѣдателемъ. Не шучу...

Блескинъ печально улыбнулся и замолчалъ. Вернулась Аня и опять недовѣрчиво посмотрѣла на насъ, впрочемъ, это могло показаться мнѣ. Не могла же она меня ревновать къ Блескину, хотя нѣчто подобное бываетъ при встрѣчѣ друзей разныхъ формацій: молодые друзья всегда немножко ревнуютъ старыхъ.

— Вѣроятно, опять разговаривали о своей старости?—спросила Аня Блескина съ едва замѣтной улыбкой, спрятавшейся у нея въ углахъ рта.

— Что же, дѣло не къ молодости идетъ...—отвѣтилъ Блескинъ, снимая шляпу.

Онъ носилъ теперь длинные волосы, почему я и не могъ узнать его съ перваго раза, да и волосы эти, какъ и борода, точно были перевиты серебряными нитями преждевременной сѣдины. Лицо было такое же спокойное и очень свѣжее для своихъ лѣтъ. Блескинъ такъ же во время разговора смотрѣлъ черезъ очки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ этомъ лицѣ, и въ движеніяхъ, и во всей фигурѣ чувствовалось что-то новое, чего раньше не было,—это та мягкость, которую придаетъ близость любимаго человѣка.

Аня дѣлала чай, а мы болтали, какъ это и приличествуетъ старикамъ. Вспоминали жизнь на Мочгѣ, разные эпизоды пріисковой жизни, наше зна-

комство и т. д. Сѣрый котъ сидѣлъ тутъ же, на триповомъ диванчикѣ, и, сложивъ подъ себя переднія лапы, точно слушалъ наши разговоры; онъ щурился, закрывалъ глаза и опять принимался дремать стариковской дремотой. Глядя на кота, я разсказалъ свое первое пробужденіе на Мочгѣ, когда сѣрый котенокъ падалъ на полъ вмѣстѣ съ приманкой. Дѣвушка засмѣялась, посмотрѣла на Блескина со счастливой улыбкой и смѣющимися глазами и молча долго гладила мурлыкавшаго реалиста.

— Да, если разобрать, такъ, право, тогда было хорошее время,—задумчиво говорилъ Блескинъ:—главное, вѣра была... что-то такое бодрое было въ самомъ воздухѣ, и жизнь казалась такой простой.

— Вездѣ все клѣточки учили?—спросила Аня.—Дѣйствительно, все ужъ очень просто.

— Это она смѣется надъ нами,—объяснилъ Блескинъ.—И представьте себѣ: дочь Михаила Павлыча Рубцова, реалиста до мозга костей, занимается, чѣмъ бы вы думали?.. Эстетикой... да. Вотъ гдѣ житейская иронія.

— И не эстетикой...—вспыхнула дѣвушка,—а просто вопросами искусства! Если это меня интересуетъ? Притомъ меня занимаетъ спеціально научная сторона этихъ вопросовъ.

— Это и есть эстетика, голубчикъ. Впрочемъ, мы не будемъ вамъ надоѣдать продолженіемъ нашего безконечнаго спора: наша пѣсенка спѣта... По требованіямъ эстетики, нужно выразиться въ такой формѣ: мы умираемъ на своемъ посту, держа высоко знамя реализма. Такъ, Аня?..

— Иронія къ тебѣ нейдетъ, это не въ твоемъ характерѣ...

Послѣ чего дѣвушка ушла, понимая, что намъ хотѣлось о многомъ переговорить съ глазу на глазъ, тѣмъ болѣе, что многаго мы не могли говорить при ней. Мы закурили сигары и нѣсколько времени молчали. Хотѣлось такъ много сказать, и вмѣстѣ такъ было трудно начать.

— Наша встрѣча такъ живо мнѣ напомнила Рубцова,—прервалъ наконецъ Блескинъ молчаніе.—Какъ бы онъ былъ радъ, бѣдняга... Помните, какъ онъ просилъ васъ поклониться Казани! Да, хорошая была душа. Нынче ужъ нѣтъ такихъ восторженныхъ вѣчныхъ студентовъ—народъ все практическій, ничѣмъ ихъ не прошибешь. Да... И какъ онъ свернулся, вдругъ какъ-то. Онъ же, помните, научилъ читать и писать нашего кучера Софрона, а Софронъ взялъ да и написалъ Соломонидѣ Потаповнѣ глупѣйшую любовную записочку... Однимъ словомъ, глупость, и больше ничего. Можно было уѣхать съ пріиска, отказать Софрону, да мало ли что. Рубцовъ сталъ задумываться, похудѣлъ, молчалъ, а потомъ пошелъ въ лѣсъ на охоту и застрѣлился... Дѣвочка осталась послѣ него полуторыхъ лѣтъ. Ну, я ее и взялъ тогда къ себѣ.

— А какъ Аня относится къ матери?

— Да, право, трудно сказать... Возилъ я ее нѣсколько разъ повидаться съ матерью, выходили самыя неловкія сцены: Аня позабыла мать, а у той новыя дѣти. Вообще все это тяжелая исторія, о которой лучше не говорить...

— Теперь вы въ Казани?

— Больше десяти лѣтъ живемъ. Сначала Аня въ гимназіи училась, потомъ вотъ на курсы поступила... Какъ-то невольно молодѣешь съ молодыми, потому, вѣроятно, старики такъ и любятъ всякую молодежь.

Мы ѣхали на пароходѣ двое сутокъ и провели время самымъ хорошимъ образомъ, т.-е. въ разговорахъ, спорахъ и воспоминаніяхъ. Дичившаяся Аня привыкла къ моему присутствію и при каждомъ удобномъ случаѣ разспрашивала про отца, котораго знала, конечно, только по разсказамъ. Я разсказывалъ, что удержалось въ памяти, и мнѣ дѣлалось больно за Рубцова, который

не дожилъ до этого времени, когда личинка превратилась въ настоящаго человѣка. Мнѣ тоже было немного страшно видѣть въ этой большой Анѣ того ребенка, который остался въ пріисковой конторѣ на Мочгѣ.

— Мнѣ кажется, что я иногда его вижу, то-есть отца,—говорила Аня.— Вѣдь онъ былъ такой добрый, хотя и безхарактерный?.. Я представляю себѣ, какъ онъ пѣлъ козлинымъ голосомъ, какъ декламировалъ свои стихи Гейне, какъ называлъ Блескина попросту Петькой. Однимъ словомъ, идеалистъ чистѣйшей воды.

Когда Аня чѣмъ-нибудь увлекалась, на ея бѣломъ лбу всплывала такая хорошая морщинка, какъ и у отца, хотя въ общемъ, кромѣ глазъ, она походила больше на мать, только въ другомъ, исправленномъ изданіи. Мнѣ казалось, что, разспрашивая про отца, дѣвушка больше интересовалась тѣмъ, что относилось къ Блескину.

— Вы его не знаете...—проговорила Аня однажды со вздохомъ.—Это святая, идеальная натура. Такихъ людей больше нѣтъ... Я всѣмъ обязана Петру Гавриловичу, который замѣнилъ мнѣ мать, отца—нѣтъ, больше: развѣ такъ относятся къ дѣтямъ?.. Я вѣдь понимаю, что онъ и не женился изъ-за меня, а между тѣмъ онъ же проповѣдуетъ эгоизмъ, какъ основу всѣхъ человѣческихъ поступковъ.

Мнѣ нравилось лицо Ани въ эти минуты—такое хорошее русское лицо и такіе умные, серьезные глаза.

Черезъ два дня нашъ пароходъ подходилъ къ пристани, гдѣ мы должны были разстаться—я оставлялъ пароходъ, а Блескинъ съ Аней ѣхали дальше. Мы простились друзьями. Когда я пошелъ уже на пристань, Аня догнала меня съ раскраснѣвшимся лицомъ и проговорила:

— Прощайте еще разъ... Кто знаетъ, можетъ-быть, мы совсѣмъ не увидимся или увидимся лѣтъ черезъ двадцать. Мнѣ хотѣлось сказать вамъ одинъ секретъ: я—невѣста Блескина... да!.. Мы ѣдемъ вѣнчаться въ деревню къ его роднымъ...

— Что же вы мнѣ этого раньше не сказали?..

— Петръ Гавриловичъ стѣсняется... Вѣдь я сама его высватала, а это было не легко. Ну, теперь прощайте... второй свистокъ.

Я едва успѣлъ выскочить на пристань, какъ пароходъ отвалилъ. Съ трапа провожали меня два счастливыхъ лица, и Аня долго махала платкомъ.

Нынче лѣтомъ я опять былъ на Мочгѣ...

Я обошелъ всѣ ямы, выработки, свалки и перемывки—все это заросло молодымъ лѣсомъ, а по бокамъ высились двѣ стѣны дремучаго ельника, которыя сомкнутся со временемъ, и отъ пріиска останется столько же, сколько осталось отъ какихъ-нибудь чудскихъ копей. На мѣстѣ пріисковой конторы торчало нѣсколько покосившихся столбовъ да развалившійся фундаментъ. Вездѣ топорщилась свѣжая зелень, но здѣсь, гдѣ было жилье, ютились большія сорныя травы: лопухъ, глухая крапива—эти неизмѣнные спутники человѣческаго существованія. Гдѣ-то звонко долбилъ сухую ель пестрый дятелъ; солнце опускалось къ горизонту, и гдѣ-то далеко, точно подъ землей, погромыхивала тучка. Нужно было уходить изъ лѣсу засвѣтло.

ИЗЪ УРАЛЬСКОЙ СТАРИНЫ.

Разсказъ *).

I.

Ободранная комната, почти безъ мебели, была залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, который бродилъ колебавшимися золотыми пятнами по закопченому потолку, по крашенымъ зеленымъ купоросомъ стѣнамъ, по заплеванному полу; въ раскрытое окно глядѣлась своей мягкой зеленью липа, гдѣ-то слабо посвистывала крошечная сѣрая птичка, съ улицы такъ и тянуло іюльскимъ зноемъ, какой бываетъ только на Уралѣ. Комната выходила двумя окнами на широкій мощеный дворъ громаднаго господскаго дома, а однимъ въ садъ; у одной стѣны на полу валялась овчинная шуба, замѣнявшая постель, между окнами стоялъ некрашеный деревянный столъ, около него два топорной работы стула, на стѣнѣ висѣло плохое тульское ружье, рядомъ какая-то мудреная черкесская амуниція, — и только. Пахло водкой, лукомъ и еще чѣмъ-то такимъ, чѣмъ пахнетъ только въ кабакахъ.

У стола, съ гитарой въ рукахъ, согнувшись, сидѣлъ смуглый, черноволосый, чахоточный человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ; онъ былъ въ грязной ситцевой рубашкѣ и заношенныхъ плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ сапоги. Время отъ времени жилистая и костлявая рука машинально брала нѣсколько аккордовъ на гитарѣ, но самъ игрокъ оставался въ томъ же положеніи: смуглое лицо было неподвижно, темные большіе глаза смотрѣли на одну точку. Онъ точно застылъ въ одной позѣ и не смѣлъ шевельнуться.

— Плохо, Яша,—проговорилъ онъ наконецъ и машинально потянулся рукой къ пустой бутылкѣ изъ-подъ водки, которая стояла на столѣ рядомъ съ недопитой рюмкой.—Ежели теперь...

По смуглому лицу со впалыми щеками мелькнула тѣнь, густыя брови нахмурились, даже на тонкой шеѣ напружились толстыя синія жилы; все вниманіе Яши сосредоточилось на гитарномъ грифѣ. Черезъ нѣсколько минутъ на лбу выступили капли холоднаго пота, а губы сложились въ кривую, непріятную улыбку: Яша увидѣлъ *его*... Да, это былъ *онъ*, старый знакомый, маленькій, черненькій, съ собачьей мордочкой и утиными лапками вмѣсто ногъ. Онъ оскалилъ свои мелкіе зубы, осѣдлалъ грифъ и показалъ Яшѣ длинный красный языкъ.

— Ага, такъ ты вотъ какъ...—прохрипѣлъ Яша и сдѣлалъ рукой такое движеніе, какъ будто хотѣлъ поймать муху, но проворный чортикъ увернулся

*) Дѣйствіе нашего разсказа относится къ жизни Зауралья лѣтъ пятьдесятъ назадъ.
Авторъ.

отъ него съ большой ловкостью и выглядывалъ уже изъ отверстія гитары.— Нѣтъ, постой, братъ, теперь не уйдешь отъ меня... попался, голубчикъ!..

Яша судорожно закрылъ обѣими ладонями круглое отверстіе гитары, но чортикъ, какъ акробатъ, пробѣжалъ по одной струнѣ до колковъ, выдернулъ одинъ изъ нихъ и нырнулъ въ дырочку, только мелькнули въ воздухѣ тонкія, какъ проволока, ножки, длинный мышиный хвостъ; но черезъ минуту чортикъ показалъ свою морду изъ отверстія, гдѣ былъ колокъ, и проворно намоталъ струну себѣ на шею,—какъ есть колокъ... У Яши морозъ пошелъ по кожѣ со страху, но онъ въ отчаяніи схватилъ рукой за ноги чортика и давай ихъ закручивать; струна быстро навилась вокругъ чортовой шеи, и собачья голова налилась кровью, длинный красный языкъ повисъ и черные глазки совсѣмъ выкатились изъ орбитъ.

— Ага... вотъ когда ты мнѣ попался, подлецъ!—кричалъ Яша, продолжая закручивать чортика.

Но въ тотъ самый моментъ, когда чортъ уже совсѣмъ задыхался, струна вдругъ лопнула, чортъ вырвался, кувыркнулся въ воздухѣ и шлепнулся прямо на полъ, гдѣ, какъ капля ртути, расшибся на тысячи мелкихъ крупинокъ, и каждая крупинка оказалась новымъ чортикомъ. Маленькіе, безобразные, нѣкоторые еще съ розовыми лапками, какъ у мышенятъ, чортики забѣгали по полу, какъ вытряхнутые изъ мѣшка тараканы, и Яша бросился ихъ топтать обѣими ногами, причемъ выдѣлывалъ чудеса акробатической ловкости.

— Вотъ я васъ, подлецовъ!—оралъ Яша, бѣгая по комнатѣ съ гитарой въ рукахъ.—Мучить меня... душу тянуть... ха-ха!..

Въ самый разгаръ этой сумасшедшей сцены двери комнаты растворились, и въ нихъ показалась стройная женская фигура. Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, бѣлокурая, голубоглазая, съ тонкимъ носомъ и полнымъ оваломъ лица; она была въ одной крахмальной юбкѣ, а плечи были закутаны пестрой, заношенной турецкой шалью. Сначала она смотрѣла на прыжки Яши съ улыбкой, но потомъ лицо подернулось легкой тѣнью; что-то такое грустное и печальное засвѣтилось въ большихъ глазахъ, а губы сложились въ горькую улыбку.

— Яша, ты что это?—тихонько окликнула она бѣсновавшагося.—Перестань, голубчикъ... никого тутъ нѣтъ, никакихъ чортиковъ.

— А это... а это!..—метался Яша по комнатѣ, гоняясь за призраками своего разстроеннаго безпросыпнымъ пьянствомъ мозга.—Вонъ ихъ сколько, подлецовъ, насыпано на полу... вездѣ!

Дѣвушка спокойно взяла пьяницу за худыя плечи и, какъ ребенка, посадила на стулъ къ столу; нервное напряженіе Яши смѣнилось вдругъ страшной слабостью: онъ весь какъ-то распустился и даже закрылъ глаза. Только высоко поднималась и падала чахоточная грудь, да все тѣло вздрагивало тяжелой судорогой; лицо было облито потомъ, рѣдкіе темные волосы прилипли на лбу и на вискахъ тонкими прядями.

— Яша, очнись... Что ты, голубчикъ?—тихо говорила дѣвушка, напрасно отыскивая глазами воду.

Она торопливо вышла и вернулась черезъ нѣсколько минутъ съ большимъ графиномъ холодной воды, которую и начала лить Яшѣ прямо на голову; тотъ вздрагивалъ, отмахивался руками, причиталъ что-то своимъ хриплымъ теноромъ и только чувствовалъ, точно съ него сдираютъ кожу. Это была ужасная минута, слишкомъ хорошо извѣстная всѣмъ записнымъ пьяницамъ.

— Ну, теперь лучше?—спокойно спрашивала дѣвушка, кончивъ свою жестокую операцію.

Яша съ трудомъ открылъ мутные глаза, посмотрѣлъ прямо въ голубые глаза дѣвушки и засмѣялся.

— Узналъ?—спросила онъ.

— Чортики... вонъ... вонъ!..—закричалъ Яша, вскакивая съ мѣста и тыкая пальцемъ прямо въ глазъ дѣвушкѣ; въ нихъ опять прыгали знакомыя черныя фигурки, переплетались, какъ черви, и высовывали красные языки.

— Дуракъ!—обругала дѣвушка сумасшедшаго, а потомъ достала изъ кармана пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ, отсчитала въ рюмку нѣсколько капель, налила воды и подала неподвижно сидѣвшему Яшѣ.—На, выпей...

— Водка?

— Да, водка...

Яша дрожащей рукой схватился за рюмку и опрокинулъ ее въ ротъ; онъ даже не почувствовалъ, что̀ такое выпилъ, а только тяжело вздохнулъ. Дѣвушка подняла валявшуюся на полу гитару, настроила оборванную струну и сѣла съ гитарой на раскрытое въ садъ окно. Взявъ нѣсколько аккордовъ, она заиграла какую-то заунывную нѣмецкую пѣсню, ловко и отчетливо перебирая струны своими тонкими бѣлыми пальцами. Потомъ нѣмецкая пѣсня перешла въ разудалую цыганскую „Настасью“; дѣвушка, отбросивъ бѣлокурые волосы, падавшіе на лобъ, вполголоса запѣла:

Ты, Настасья,
Ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...

Звуки музыки и пѣніе заставили Яшу открыть глаза и поднять голову онъ пришелъ въ себя и долго смотрѣлъ то на свою комнату, то на сидѣвшую на окнѣ дѣвушку.

— Мантилья Карловна, это вы-съ?—какъ-то нерѣшительно и конфузливо заговорилъ онъ, ощупывая свою мокрую голову.

— Я, Яша, а ты тутъ чего колобродишь? И не совѣстно тебѣ?.. а? Посмотри, какой у тебя голосъ...

— Голубушка, Мантилья Карловна, больше не буду,—зашепталъ Яша и бросился въ ноги дѣвушкѣ.—Простите вы меня, дурака!

Онъ припалъ мокрой головой къ ея юбкамъ и опять зашепталъ что-то такое совсѣмъ безсвязное.

— Я къ тебѣ за дѣломъ пришла... ахъ, отойди, пожалуйста!—брезгливо проговорила Матильда Карловна, подбирая юбки подъ себя.—Грязный весь...

— Ручку... ручку пожалуйте, а то не уйду!—повторялъ Яша съ упрямствомъ протрезвляющагося человѣка.

— Хорошо, на...

Яша припалъ къ протянутой бѣлой рукѣ и долго цѣловалъ всѣ пальчики по порядку, эти удивительно красивые пальцы съ розовыми ногтями и просвѣчивавшей, точно атласной кожей.

— Да какъ вы сюда-то попали?.. а?—удивлялся Яша, не выпуская маленькой, теплой ручки.

— Дѣло есть, Яша... Гуляла по саду и зашла провѣдать тебя. Ахъ, да, а гдѣ Ремянниковъ?—спросила она серьезнымъ тономъ и, прищуривъ глаза, пытливо посмотрѣла прямо въ глаза Яшѣ, который все еще стоялъ передъ ней на колѣняхъ.

— Гдѣ Ѳедька? Да онъ все время здѣсь былъ... мы вмѣстѣ пили, а потомъ ужъ я не помню...

— Врёшь, подлецъ!—крикнула Матильда, и ея лицо покрылось розовыми пятнами.—Ты меня обманываешь...

— Ей-Богу, вотъ сейчасъ провалиться, не вру... вмѣстѣ пили, а потомъ все *онъ* ко мнѣ приставалъ...

— Кто *онъ*?

— Извѣстно кто: черненькій этотъ...

— Да ты не заговаривай зубовъ-то, Яшка!—вспылила дѣвушка и топнула ногой.—Не хочешь говорить правды, такъ я тебѣ сама скажу, гдѣ теперь Ремянниковъ: онъ въ Ключикахъ...

— У попа Андрона?

— Да, у попа Андрона....

— Что же? Можетъ-быть, и тамъ... Да, дѣйствительно, тамъ... Вспомнилъ. Онъ еще третьяго-дня собирался туда...

Дѣвушка все время смотрѣла на Яшу пристальнымъ взглядомъ и съ величайшимъ трудомъ сдерживала кипѣвшее въ ея груди негодованіе: она съ такимъ удовольствіемъ впилась бы своими бѣлыми пальцами вотъ въ эту самую пьяную рожу, если бы она не была ей нужна, нужна сейчасъ же... Но Матильда пересилила себя и постаралась улыбнуться своей ласковой, чудной улыбкой, какъ умѣла смѣяться въ этомъ домѣ только она одна.

— Вотъ что, Яша, я тебя, знаешь, всегда любила, — заговорила дѣвушка съ дѣланой ласковостью. — И ты долженъ исполнить для меня одно маленькое порученіе... Исполнишь?

— А водки дашь?—грубо спросилъ Яша, прищуривая свои черные глаза.

— И водки дамъ и денегъ... сдѣлаешь?

— Все сдѣлаю, Мантилья Карловна.

— Отлично... Только водки я тебѣ дамъ потомъ, а теперь всего одну рюмочку.

Яша тяжело вздохнулъ и впередъ согласился на все, только одну бы рюмочку... У него голова была тяжелѣе пудовой гири. Матильда сходила за водкой и подала Яшѣ рюмочку изъ собственныхъ рукъ; въ водку опять было примѣшано нѣсколько капель нашатырнаго спирта, но Яша ничего не замѣтилъ, а только поморщился.

— Мы до вечера пробудемъ здѣсь, а вечеромъ отправимся,—говорила Матильда, опять усаживаясь съ гитарой на окно.

— Куда?

— Ужъ это мое дѣло.

— Евграфъ Павлычъ?.. Надо спроситься.

Матильда посмотрѣла на Яшу улыбающимся взглядомъ и только засмѣялась...

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ же съ Евграфъ Павлычемъ?—допрашивалъ Яша, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе.—Вѣдь онъ, ежели узнаетъ, живого не оставитъ... А вдругъ спроситъ?

— Этакій ты дуракъ, Яшка; ужъ если я сказала, что не спроситъ,—значитъ, не спроситъ... Понялъ?

— Ага... Узелокъ будетъ развязывать? Ха-ха...

— Чему ты смѣешься, дуракъ?

— Да такъ... Это Матрешкина очередь подошла?.. А славная была дѣвка... ну, да дѣвичье дѣло: всѣмъ одинъ конецъ!

II.

Скоро громадный тѣнистый садъ при кургатскомъ господскомъ домѣ огласился цѣлымъ рядомъ самыхъ отчаянныхъ цыганскихъ пѣсенъ, которыя

распѣвала Матильда Карловна подъ треньканье Яшиной гитары. Яша теперь сидѣлъ съ гитарой на окнѣ и выдѣлывалъ разныя музыкальныя колѣнца съ цыганскими ухватками: бралъ аккорды съ перебоемъ и съ дробью, обрывалъ мотивъ, щелкалъ по гитарѣ пальцами, притопывалъ въ тактъ ногами и время отъ времени, когда Матильда Карловна отвертывалась, быстро ловилъ чортика, который опять началъ выглядывать изъ-за гитарнаго грифа: нѣтъ-нѣтъ да и покажетъ то языкъ, то хвостъ, то свою поганую лапу.

— Ну, каково я сегодня пою, Яша?—спрашивала Матильда Карловна, съ тяжелымъ вздохомъ опускаясь на стулъ.—Походитъ на цыганское?

— Похоже-съ, но еще не совсѣмъ-съ... дрожи настоящей нѣту и раскату. Вотъ „Сѣни“ взять... Сначала тихо идетъ, а потомъ и начнетъ забирать, и начнетъ забирать... вотъ этакъ.

Яша вскочилъ со своего мѣста и принялся показывать, какъ слѣдуетъ выдѣлывать настоящую цыганскую дрожь: распустилъ руки, закинулъ немного голову на бокъ, какъ пристяжная лошадь, и разслабленно перебиралъ ногами, отбивая носками и пятками. Матильда Карловна, сбросивъ шаль, въ одной юбкѣ и спускавшейся съ плечъ рубашкѣ принялась выдѣлывать за Яшей всѣ колѣнца, поводила бѣлыми руками, закидывала назадъ голову и вздрагивала голыми плечами.

— Вотъ этимъ плечикомъ надо чуть-чуть впередъ,—училъ Яша, великій артистъ своего дѣла,—а потомъ руки совсѣмъ распустить... вотъ такъ. И чтобы лопатки сходились на спинѣ, когда идетъ первый размахъ.

Учитель безъ всякой церемоніи хваталъ Матильду Карловну за голыя руки и плечи, выправлялъ ей лопатки, ставилъ ноги, какъ слѣдуетъ, и совсѣмъ не замѣчалъ соблазнительной наготы цвѣтущаго женскаго тѣла, едва прикрытаго сползавшей съ плечъ расшитой тонкой рубашкой.

— Ну, теперь шаль черезъ плечо и начинай,—командовалъ Яша, схватывая гитару.—Сначала тихо руками разводить, а ужъ потомъ, какъ я гряну: „выходила молода“... ну, тогда одними носками взять, вытянуться и сейчасъ плечикомъ впередъ, а шаль распустить.

Яша заигралъ „Сѣни“ съ цыганскимъ растягиваніемъ второго куплета, а Матильда Карловна пошла на него изъ противоположнаго конца комнаты, опустивъ глаза. Треньканье гитары, хриплый голосъ подпѣвавшаго Яши, дикія выкрикиванья Матильды Карловны, когда она въ самыхъ бѣшеныхъ мѣстахъ пѣсни взмахивала руками и откидывалась назадъ,—все это перемѣшалось въ невыразимый гвалтъ и неслось по саду дикой, невозможной нотой.

— Наша-то вѣдьма расходилась,—шептала дворня кургатскаго господскаго дома.—Баринъ почиваютъ, никто дохнуть не смѣетъ въ домѣ, а эта вѣдьма вонъ какой содомъ подняла... Ишь, какъ ее ущемило, окаянную!

Но пѣніе и пляска скоро кончились, и Матильда Карловна, накинувъ на голову турецкую шаль, усталой, лѣнивой походкой отправилась черезъ садъ въ свой флигель, гдѣ подъ ея надзоромъ проживѣтала господская дѣвичья. Чтобы Яша не напился до вечера, Матильда Карловна послала къ нему сторожемъ старика-садовника, который нерѣдко исполнялъ эту обязанность.

Въ Кургатскомъ заводѣ былъ отличный вѣковой садъ, оставшійся отъ прежнихъ дремучихъ лѣсовъ южнаго Урала: сосны, березы, липы росли въ самомъ художественномъ безпорядкѣ; аллеи замѣнялись узкими тропинками и лужайками, гдѣ топорщились кусты черемухи и рябины. Лѣсные просвѣты чередовались съ настоящей зеленой гущей, вересковыми зарослями и лѣсной чащей. Садъ тянулся на цѣлыхъ полверсты по берегу пруда; снаружи его

охранялъ высокій и крѣпкій заборъ, усаженный гвоздями. Отъ флигелька, гдѣ проживалъ Яша съ Ремянниковымъ, Матильда Карловна по извилистой лѣсной тропочкѣ направилась прямо къ своей дѣвичьей, въ глубину сада; на первыхъ же шагахъ ее охватила лѣсная прохлада, напоенная ароматомъ травы, и дѣвушка только теперь вздохнула всей грудью. А кругомъ было такъ хорошо: надъ головой шумѣли вершины высокихъ сосенъ, пахло свѣжей смолой, гдѣ-то беззаботно и весело переговаривались двѣ птички, разсѣянный солнечный свѣтъ падалъ сверху широкими полосами переливавшейся золотой пыли. Усыпанная хвоей дорожка изъ бора вывела въ густой липнякъ, гдѣ пряталась новая тесовая крыша съ узорчатой, раскрашенной вышкой; это и была дѣвичья, выстроенная настоящимъ русскимъ теремомъ, съ широкими сѣнями, крытыми переходами, маленькими, теплыми комнатами, кафельными печами и рѣзными узенькими окошечками съ узорчатымъ желѣзнымъ переплетомъ. На вышкѣ была голубятня. Вообще теремокъ выглядѣлъ такимъ чуднымъ, мирнымъ гнѣздышкомъ, о какихъ разсказываютъ только въ сказкахъ.

Но какъ было теперь тяжело Матильдѣ Карловнѣ возвращаться въ свои владѣнія! Точно она шла въ тюрьму. Она думала о томъ, какъ она вечеромъ поѣдетъ съ Яшей въ Ключики, и это была единственная мысль, которая владѣла ею съ самаго утра.

— Ужъ скорѣе бы вечеръ,—проговорила дѣвушка, поглядѣвъ изъ-подъ руки на высокое солнце.

Она задумчиво подошла къ самому терему и машинально дернула за шелковый шнурокъ отъ звонка; калитка распахнулась сама собой, открывъ лѣстницу на крыльцо съ крашеными пузатыми колонками и деревянной широкой рѣзьбой на карнизахъ.

Навстрѣчу показалась темная, сгорбленная фигура старой дѣвки Аѳоисы, которая была помощницей и правой рукой Матильды Карловны по довольно сложному управленію господской дѣвичьей.

— Ну?—коротко спросила Матильда Карловна, останавливаясь въ сѣняхъ.

— Ничего-съ,—тонкимъ голосомъ отвѣтила горбунья, показывая свои бѣлые зубы.—Только ужъ не послать ли Дашу вмѣсто Матреши... очень ужъ убивается.

— Вотъ еще глупости!.. Кажется, я сказала, что очередь Матрешки... такъ и будетъ.

Матильда Карловна обошла рядъ низенькихъ, уютныхъ комнатъ, походившихъ обстановкой на кельи, и внимательно смотрѣла на работы своихъ воспитанницъ; передъ ней почтительно вставали красивыя дѣвушки въ сарафанахъ и показывали разное дѣвичье рукодѣлье. Всѣхъ дѣвушекъ было двѣнадцать, и онѣ занимали комнаты по-двое; чистота была кругомъ настоящая монастырская и только не пахло ладаномъ.

Послѣдней комнатой въ этомъ осмотрѣ была та, гдѣ вмѣстѣ жили Матреша и Даша, русоволосыя, румяныя дѣвушки, бывшія „на очереди“, какъ говорили въ дѣвичьей. Матреша была высокая, видная дѣвушка съ тяжелой косой и ласковыми карими глазами, которые теперь были красны отъ слезъ; Даша смотрѣла на „Мантилью“ своими черными глазками самымъ вызывающимъ образомъ; она была ниже Матреши и съ явнымъ расположеніемъ къ толщинѣ.

— Это что за новости?—рѣзко крикнула Матильда и со всего размаху ударила Матрешу по лицу.—Сегодня твоя очередь прислуживать барину... Вотъ Аѳоиса проводитъ.

— Пошлите лучше меня, Матильда Карловна, — заговорила смѣлая и разбитная Даша.—Я ужъ постараюсь для васъ угодить барину, а Матреша вонъ какая пюня.

— Не твое дѣло!—обрѣзала нѣмка и, обратившись къ Анюисѣ, прибавила:—на три дня на хлѣбъ и на воду, а если будешь болтать, я сама ее высѣку.

— Не больно испугались... сѣки,—ворчала Даша вслѣдъ уходившей нѣмкѣ, которую въ дѣвичьей ненавидѣли и называли змѣей.—Ишь, расходилась, змѣиная кровь

Матильда Карловна прошла въ свою комнату и ничкомъ упала на низкую рѣзную кровать краснаго дерева; она не плакала, не жаловалась, а только закусила подушку зубами, какъ человѣкъ, которому дѣлаютъ невыносимо тяжелую операцію. Анюиса всегда сопровождала свою повелительницу, какъ тѣнь, и теперь стояла около кровати съ видомъ дрессированной собаки; она ловила каждое движеніе этого судорожнаго, корчившагося молодого тѣла и старалась угадать по этимъ корчамъ дѣйствительный строй мыслей.

— Матильда Карловна, голубушка, зачѣмъ вы такъ убиваетесь?—шептала горбунья, дотрогиваясь своей большой лягушечьей рукой до плеча нѣмки.—Ничего, все уладимъ.

Нѣмка ничего не отвѣчала, а только глубже зарылась головой въ подушки.

Комната „самой“ въ дѣвичьей была устроена съ замѣчательной роскошью: стѣны были обиты пестрыми бухарскими коврами, потолокъ расписанъ масляными красками, на полу красовался настоящій персидскій коверъ, весело теперь игравшій на солнцѣ своими вычурными узорами и линялыми красками; обитый голубымъ бархатомъ диванчикъ, такіе же стулья, туалетъ изъ краснаго дерева, покрытый кружевнымъ пологомъ, двѣ стеклянныхъ горки,—одна съ серебромъ, другая съ фарфоромъ,—нѣсколько хорошихъ картинъ масляными красками,—все голыя красавицы во вкусѣ „добраго стараго времени“, въ заученныхъ академическихъ позахъ, съ банальными улыбками на губахъ и съ расплывшимися формами à la Рубенсъ; шелковыя голубыя драпировки на окнахъ и на дверяхъ, такое же одѣяло и великолѣпный пологъ надъ кроватью,—все это, взятое вмѣстѣ, дѣлало комнату „самой“ похожей на кондитерскую бомбоньерку. Здѣсь всегда пахло какими-то тяжелыми духами, въ родѣ бобровой струи или мускуса, и царствовалъ таинственный полумракъ,—окна всегда были заслонены цвѣтами, которые Матильда Карловна любила до страсти; солнечный свѣтъ пробивался только между занавѣсками и ложился веселыми золотыми узорами по коврамъ, на мебели, на широкихъ лапистыхъ листьяхъ тропической зелени. Самъ баринъ частенько захаживалъ сюда выпить маленькую чашку кофе, который Матильда Карловна готовила для него своими розовыми руками.

Анюиса въ своемъ темномъ платьѣ и въ темномъ платочкѣ на головѣ являлась полной противоположностью съ красотой остальныхъ обитательницъ дѣвичьей, точно для того только, чтобы своимъ безобразіемъ еще рѣзче вытѣнить расцвѣтавшую въ этихъ стѣнахъ юную красоту. Лицо у Анюисы, какъ у всѣхъ уродцевъ, было очень подвижное и злое, съ живыми, темными глазками и злыми тонкими губами; заостренный горбатый носъ придавалъ ему птичье выраженіе, особенно когда дѣвушка смѣялась, показывая два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ. Короткія ноги съ широкими ступнями, какъ у утки, несоразмѣрно-длинныя руки съ широкими кистями дѣлали горбунью похожей на обезьяну, особенно когда она начинала сердиться, что̀ проявлялось въ рѣзкихъ, порывистыхъ движеніяхъ.

— Перестаньте, барышня,—шептала низкимъ контральтовымъ голосомъ Анѳиса, осторожно поправляя разсыпавшіеся бѣлокурые волосы лежавшей неподвижно нѣмки.—Этимъ бѣды не изжить. Развѣ *онъ* можетъ васъ понимать?

— Вотъ что̀, Анѳиса,—заговорила Матильда Карловна, приподнимаясь съ постели.—Ремянниковъ теперь въ Ключикахъ, у попа Андроника... Ты знаешь поповскую дочь Марину? Ты вѣдь все на свѣтѣ знаешь.

— Какъ же, видала, барышня... Ничего, такъ, толстая, рыжая дѣвка, и больше ничего. И самъ попъ рыжій и Марина рыжая.

— Она красивѣе меня, Анѳиса?

— Что̀ вы, барышня?!—пришла въ ужасъ горбунья.—Да развѣ можно такъ говорить? Вы заправская барышня, а та мужичка, въ родѣ какъ наша Дашка... Только и хорошаго въ ней, что изъ себя толстая, какъ сальная свѣча.

— Нѣтъ, ты меня обманываешь,—задумчиво говорила Матильда Карловна, надѣвая расшитую батистовую кофточку.—Чѣмъ же она понравилась Ѳедѣ, если некрасивая?

— Ахъ, барышня, барышня... Да вѣдь всѣ эти мужчинишки на одну колодку: имъ бы только новенькая дѣвка была да глаза на нихъ пялила,—вотъ и все... Попъ-то Андронъ голубятникъ: бѣгаетъ по крышѣ съ шестомъ за голубями, а рыжая Маринка съ гостями хороводится. Извѣстная музыка-то... А только попъ Андронъ хоть и простъ, а какъ Ѳедька попадетъ ему въ лапы, костей не соберетъ. Посильнѣе Ѳедьки будетъ попъ-то, даромъ что старикъ...

— Да?

— Ужъ безпремѣнно... Какъ медвѣдь попъ-отъ: пожалуй, и башку отвернетъ подъ сердитую руку.

Матильда задумалась и долго ходила по комнатѣ, что-то соображая про себя; лицо у ней было нахмурено и блѣдно, губы сжаты, грудь подымалась тяжелой волной. Анѳиса слѣдила за ней улыбавшимися, хитрыми глазами и въ душѣ была счастлива: чужія страданія ей всегда доставляли величайшее наслажденіе, особенно страданія женщинъ, которыя имѣли несчастіе быть красивѣе горбуньи. „Такъ и надо, такъ и надо!—повторяла она про себя, наслаждаясь чужимъ горемъ.—Вотъ вамъ, красивымъ-то, всѣмъ такъ нужно... Не сладко, видно, миленькая Матильда Карловна?“

— Послушай, Анѳиса,—заговорила Матильда, останавливаясь передъ горбуньей.—Я была сейчасъ у Яшки-Херувима... Онъ до чортиковъ допился, ну, да я его нашатырнымъ спиртомъ вытрезвила, ничего, продыбается. Вечеромъ-то я хотѣла сама ѣхать съ нимъ въ Ключики... Понимаешь? Ну, а теперь нельзя изъ-за этой твари Матрешки: все дѣло испортитъ, ежели оставить ее одну съ Евграфомъ Павлычемъ.

— Ничего, сократимъ... Не такихъ ломали; съ жиру дѣвка бѣсится.

— А какъ меня хватится?.. Бѣда будетъ... Такъ вотъ я и придумала поѣзжай ужъ ты съ Яшкой, а я здѣсь останусь. Отправлю васъ съ кучеромъ Гунькой на парѣ гнѣдыхъ, которыхъ изъ Барабы привели,—въ часъ двадцать-то верстъ промчатъ,—а вы остановитесь не у попа... Нѣтъ, все равно, къ попу прямо на дворъ; ты останешься въ повозкѣ, спрячешься, а Яшка пусть идетъ къ попу. Поняла?

— Ну, барышня, какъ не понять... что̀ вы!

— Ты только смотри за Яшкой въ оба, чтобы не натренькался прежде дѣла... Если Ѳедя у попа, выжди, пока онъ съ поповной гдѣ-нибудь свиданье устроитъ; ужъ навѣрно у нихъ сегодня будетъ свиданье, сердце у меня чуетъ.

Горбунья улыбнулась одними глазами и только мотнула своей птичьей головой,—дескать, извѣстное это дѣло.

— А когда Оедя будетъ на свиданьи, Яшка и пусть шепнетъ попу такое словечко про дочь... Одного-то Яшку нельзя отпустить: или проболтается, или напьется прежде времени, а когда будетъ знать, что ты слѣдишь за нимъ, онъ устроитъ. Вѣдь Яшка сильно тебя боится.

— Чего ему меня бояться? Я не медвѣдь, — падулась горбунья, питавшая къ Яшѣ-Херувиму нѣжныя чувства; она постоянно была въ кого-нибудь влюблена и разыгрывала безконечные романы самаго фантастическаго характера, воображая себя красавицей.

— Да, я и забыла, что ты влюблена въ него,—засмѣялась Матильда Карловна.—Значитъ, вамъ веселѣе будетъ ѣхать вдвоемъ.

Горбунья промолчала, потому что не умѣла прощать даже самыхъ невинныхъ шутокъ, задѣвавшихъ ея сердечныя дѣла, но, занятая своими соображеніями, нѣмка не желала ничего замѣчать, а только прибавила не допускающимъ возраженій тономъ, какимъ распоряжалась обыкновенно въ дѣвичьей:

— Ну, такъ рѣшено: подъ вечеръ я тебя отправлю съ Яшей, а сама останусь дежурить здѣсь.

— Можетъ, Евграфъ-то Павлычъ не захочетъ еще глядѣть на Матрешку,—ядовито замѣтила горбунья.—Онъ что-то давненько не бывалъ у васъ... соскучился, поди!

— Молчать, змѣя подколодная!—крикнула Матильда Карловна, вспыхнувъ до ушей.—Очень мнѣ нужно возиться съ пимъ! Будетъ ужъ, надоѣлъ... Пусть свои узелки развязываетъ... Развѣ не стало дѣвокъ? Вонъ ихъ цѣлыхъ двѣнадцать... А ты со мной не разговаривать, когда не спрашиваютъ! Слышала? А то я тебѣ завяжу ротъ, насидишься вмѣстѣ съ Дашкой...

Горбунья сдѣлала свое обычное смиренное лицо и принялась просить прощенія фальшивымъ голосомъ.

III.

Лѣтнее горячее солнце начало клониться къ западу. Въ кургатскомъ господскомъ саду вдругъ захолодѣло, потянули длинныя тѣни отъ деревьевъ, пахнуло откуда-то сыростью, послѣднія птицы лѣниво перекликались гдѣ-то въ самыхъ вершинахъ развѣсистыхъ столѣтнихъ березъ. Господскій домъ былъ все еще залитъ яркимъ свѣтомъ, который слѣпилъ глаза, отражаясь отъ ярко выбѣленныхъ известкой стѣнъ; это было громадное зданіе съ толстыми, чуть не крѣпостными стѣнами, глядѣвшими кругомъ узкими, длинными окнами, походившими на крѣпостныя амбразуры. Передъ домомъ разстилалась небольшая, неправильной формы площадь, упиравшаяся однимъ краемъ въ фабрику, а другимъ—въ садъ и берегъ пруда. Очевидно, домъ былъ построенъ очень давно, какъ строили только въ старину.

Входа съ улицы въ домъ не было, а сначала нужно было войти въ каменныя низкія ворота съ желѣзною рѣшеткой; мощеный плитнякомъ дворъ съ четырехъ сторонъ былъ окруженъ непрерывною цѣпью построекъ; за домомъ сейчасъ начиналась громадная кухня, потомъ людская, дальше погребъ, рядомъ съ нимъ тотъ флигель, гдѣ жилъ Яша. Отъ воротъ до флигелька шелъ длинный каменный корпусъ, служившій конюшней и псарней. Собственно самый домъ раздѣлялся на двѣ половины: въ одной, которая выходила частью оконъ во дворъ, жилъ баринъ Евграфъ Павлычъ Катаевъ, а въ другой—его

родной братъ Андрей Павлычъ. Братья враждовали между собой съ незапамятныхъ временъ, какъ выражаются учебники исторіи; Андрей Павлычъ постоянно проживалъ за границей, и поэтому его половина, выходившая окнами на прудъ, стояла необитаемой. Управленіе Кургатскимъ заводомъ раздѣлялось на двѣ половины, и такое раздѣленіе служило источникомъ нескончаемыхъ недоразумѣній, пререканій и раздоровъ.

Съ балкона, на половинѣ Евграфа Павлыча можно было любоваться отличнымъ видомъ на весь Кургатскій заводъ и на тѣснившіяся кругомъ него горы. Заводъ раскидалъ кучки своихъ бревенчатыхъ домиковъ въ узкой горной тѣснинѣ, на днѣ которой разлился неправильною полосой большой прудъ, уходившій загибомъ въ настоящее горное ущелье; этотъ прудъ раздѣлялъ заводъ на двѣ части: на одной стоялъ господскій домъ со своимъ громаднымъ садомъ, на другой—бѣлая каменная церковь и небольшой заводскій рынокъ. Сейчасъ за плотиной начинались покрытыя сажей заводскія зданія, двѣ домны, цѣлый рядъ трубъ и выкрашенное въ сѣрую краску помѣщеніе заводской конторы; заводъ вѣчно гремѣлъ тысячами колесъ и валовъ, дымилъ и сыпалъ искры. Глухой шумъ воды смѣшивался съ вѣчнымъ грохотомъ и лязгомъ желѣза, точно здѣсь билось на цѣпи какое-то чудовище, скованное по рукамъ и по ногамъ. Общій видъ на широкія заводскія улицы, на прудъ, на заводъ и на выбѣгавшую изъ-подъ него бойкую горную рѣчку Кургатъ былъ довольно красивъ, особенно лѣтомъ, и точно нарочно былъ вставленъ въ тяжелую раму изъ зеленаго рытаго бархата. Вечеромъ, когда даль заволакивалась синеватою мглой, видъ на Кургатскій заводъ и окрестности былъ замѣчательно хорошъ.

Баринъ Евграфъ Павлычъ проснулся только въ седьмомъ часу; послѣ обѣда онъ всегда задавалъ приличную выхрапку, потому что вставалъ вообще очень рано. Лѣтомъ ему подавали сейчасъ, какъ проснется, цѣлый графинъ квасу; баринъ, не вставая съ постели, выпивалъ его стаканъ за стаканомъ и только этимъ путемъ приходилъ въ себя. Обыкновенно квасъ подавала сама Матильда Карловна, пользовавшаяся привилегіей входить въ барскую спальню во всякое время дня и ночи. Она садилась на низенькій табуретъ и ждала, пока графинъ опустѣетъ; баринъ, въ разстегнутой ночной рубахѣ, открывавшей жирную шею и волосатую могучую грудь, выпивалъ первый стаканъ молча, морщился, тяжело вздыхалъ и говорилъ:

— Кажется, я сегодня за обѣдомъ перепаратилъ немного: башка трещитъ, Моть... Ухъ, какъ кочевряжитъ!

— А кто велитъ каждый день напиваться?—съ сдержанной досадой отвѣчаетъ Матильда Карловна. — Съ рапняго утра начинаете рюмки хлопать.

Евграфъ Павлычъ долго сопитъ носомъ, третъ свое скуластое, опухшее лицо ладонью, ощупываетъ жирный, красный затылокъ, трясетъ ушами и опять принимается за холодный, ледяной квасъ, которымъ напрасно старается залить внутренній жаръ. Лицо у барина очень некрасивое: съ маленькими сонными глазами, съ мясистымъ вздернутымъ носомъ, густыми бровями и жирнымъ узкимъ лбомъ; бороду онъ брилъ и носилъ длинные усы, придававшіе ему видъ отставного вахмистра. Высокаго роста, тяжелый на ногу, съ могучей грудью и грубымъ голосомъ, Евграфъ Павлычъ въ свои сорокъ пять лѣтъ былъ все еще капризнымъ ребенкомъ, какихъ воспитывало старое коренное барство. Онъ требовалъ постоянно ухода за собой и привыкалъ къ крѣпкимъ рукамъ въ родѣ тѣхъ, какія были у Матильды Карловны, послѣдней барской фаворитки, завезенной въ Кургатскій заводъ изъ Москвы.

— Ну, Мотя, что у насъ новенькаго?—весело спросилъ Евграфъ Павлычъ, когда сегодня выпилъ свою порцію квасу.

— Ничего новаго нѣтъ... все старое.

— Ага...

Баринъ всталъ и попробовалъ ущипнуть Матильду Карловну за плечо, но она увернулась и надула свои розовыя пухлыя губки.

— А ты мнѣ обѣщала, Мотя, сегодня узелокъ...—проговорилъ баринъ и захохоталъ.—Я вѣдь не забылъ и вечеркомъ приду въ вашъ монастырь.

— Что̀ другое, а это не забудете,—сердито отвѣчала Матильда Карловна, помогая барину одѣваться.

— Чья сегодня очередь?—спрашивалъ баринъ поднимая отъ умывальника свое лицо, покрытое мыльной пѣной.

— Матреша будетъ...

— Гм! ничего, только ужъ худа она очень. Плохо ихъ кормишь, Мотя, а я, знаешь, люблю пожирнѣе... ха-ха!

— Перестаньте, пожалуйста, вздоръ городить, а то я уйду.

— Ну, ну, не сердись... за хорошій узелокъ браслетъ подарю. Я и то монахомъ нынче живу.

— Да, сказывайте... А въ городъ прошлый разъ ѣздили, такъ цѣлыхъ три дня у этой кержанки кутили. Знаемъ все.

— Что̀ же? Кутилъ... Кержанка славная бабенка.

Умыванье барина представляло довольно сложную церемонію и совершалось битыхъ полчаса: въ спальнѣ слышалось кряхтѣнье, фырканье, плескъ воды, точно полоскался цѣлый утиный выводокъ. Вымывшись холодною водой, Евграфъ Павлычъ надѣвалъ бархатный расшитый халатъ и выходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ его уже ожидалъ графинъ съ водкой,—нужно было поправиться, и баринъ опять крякалъ и вздыхалъ, точно везъ тяжелый возъ.

Кабинетъ, свѣтлая и высокая комната съ письменнымъ столомъ посрединѣ, скорѣе походилъ на какую-нибудь оружейную палату; всѣ стѣны были увѣшены всевозможнымъ снарядомъ—ружьями, пистолетами, саблями, кинжалами; въ одномъ углу стояла цѣлая коллекція медвѣжьихъ рогатинъ, въ другомъ—коллекція нагаекъ, у стола—коллекція трубокъ. Письменный столъ былъ заваленъ разнымъ дорогимъ хламомъ, а чернильница стояла безъ чернилъ; баринъ не любилъ писать, даже письма за него писала Матильда Карловна. Передъ письменнымъ столомъ, на стѣнѣ, въ тяжелой рамѣ чернаго дерева, висѣла голая красавица, написанная масляными красками довольно свободно: она только-что вышла изъ воды и отдыхала на какой-то полосатой шкурѣ, придававшей голому тѣлу теплый колоритъ. Напротивъ письменнаго стола, у самой стѣны, помѣщался низкій и широкій диванъ, сдѣланный изъ лосиныхъ роговъ; нѣсколько тяжелыхъ креселъ краснаго дерева, шкапъ съ книгами соблазнительнаго содержанія и небольшое бюро въ простѣнкѣ между окнами дополняли обстановку. Передъ письменнымъ столомъ и передъ диваномъ лежали двѣ медвѣжьихъ шкуры съ набитыми головами и распластанными лапами: это были охотничьи трофеи Евграфа Павлыча, любившаго потѣшить свою удаль съ Мишкой.

Изъ кабинета однѣ двери вели въ спальню, а другія въ пріемную, очень неприглядную, большую комнату, установленную тяжелой мебелью.

— А гдѣ Ремянниковъ?—спросилъ Евграфъ Павлычъ, когда выпилъ вторую рюмку.

— Не знаю... Вы его сами куда-то отпустили,—отвѣтила Матильда Карловна.—Его нѣтъ съ утра.

— Ахъ, да, онъ уѣхалъ по дѣлу. Нужно было...

— По какому это дѣлу?

— Ну, по дѣлу... Коренника ищемъ къ тройкѣ: звѣря нужно, чтобы рвалъ и металъ. Былъ коренникъ, да загнали... Чортъ его знаетъ, съ чего онъ палъ: должно-быть, мошенники-кучера закормили, ну, и задохся. Послушай, Мотя, ты, кажется, сердишься?

— И не думала... Сегодня съ Яшей цыганскія пѣсни учила, скоро хоромъ будемъ пѣть. У Даши славный голосъ и у Матреши ничего.

— Вотъ увидимъ, какой у твоей Матреши голосъ,—хрипло засмѣялся Евграфъ Павлычъ, откидывая голову назадъ.

— Только я съ этой Аноисой совсѣмъ замаялась,—продолжала Матильда Карловна, не обращая вниманія на хохотавшаго барина.—Ужъ такая злая, такая злая...

— Да и ты, матушка, тоже хороша, ха-ха! Нашла, видно, коса на камень. Такъ?.. Да ну, Мотя, перестань дуться, терпѣть не могу. А у этой горбуньи отличный голосъ: серебромъ такъ и разливается... Такъ очень ужъ злая, говоришь, стала? Ну, поучи ее, добрѣе будетъ... Вы тамъ жилы другъ изъ дружки вытянете, ха-ха!

Поздно вечеромъ, когда солнце закатилось и весь Кургатскій заводъ утонулъ въ надвигавшейся почной мглѣ, со двора господскаго дома выѣхала небольшая зеленая долгушка, заложенная парой барабинскихъ гнѣдыхъ. На козлахъ сидѣлъ знаменитый кучеръ Гунька, останавливавшій тройку на всемъ скаку одной рукой; это былъ лучшій и самый любимый наѣздникъ Евграфа Павлыча, пользовавшійся всѣми правами и преимуществами своего исключительнаго положенія. На видъ Гунька ничѣмъ не выдѣлялся отъ другихъ заводскихъ мужиковъ, кромѣ того, что былъ кривъ на одинъ глазъ и вѣчно молчалъ, какъ пришибленный; скуластое, обросшее до самыхъ глазъ рыжеватой бородой, Гунькино лицо производило непріятное впечатлѣніе, да и одѣвался онъ какъ-то не по-людски,—все на немъ лѣзло въ разныя стороны: синяя изгребная рубаха болталась отдувавшейся пазухой, какъ мѣшокъ, армякъ сидѣлъ криво, шапка вѣчно валилась съ головы, даже сапоги, и тѣ были точно краденые. Обыкновенно Гунька ѣздилъ только съ самимъ бариномъ, а сегодня везъ Яшу-Херувима съ горбуньей Аноисой только по спеціальному приказанію нѣмки Матильды, слово которой для Гуньки было закономъ.

— Эхъ, вы, котятки!—прикрикнулъ Гунька, протягивая вожжи.

И лошади помчали легкую долгушку черезъ площадь, какъ перышко; крѣпкая рука была у Гуньки на лошадей, и онѣ чувствовали эту руку, какъ только онъ еще влѣзалъ на козлы.

— Это Гунька поѣхалъ?—спрашивалъ Евграфъ Павлычъ, сидѣвшій въ это время съ Матильдой Карловной на балконѣ.

— Да, я его послала...

Баринъ поморщился, но ничего не сказалъ: спорить съ Матильдой было безполезно, какъ онъ убѣдился изъ долговременнаго опыта, а сегодня даже невыгодно.

— Отлично прокатимся, Яша,—ласково шептала горбунья, прижимаясь своимъ тщедушнымъ тѣломъ къ мотавшемуся на мѣстѣ спутнику.—Яшенька, голубчикъ, какъ поѣдемъ назадъ, я тебѣ водки дамъ, а теперь ни-ни... нельзя...

Яша плохо понималъ, что ему говорила горбунья, и только моталъ головой въ тактъ потряхиваньямъ экипажа; галлюцинаціи продолжали его преслѣдовать, и по сторонамъ съ пискомъ, какъ стая воробьевъ, бѣжали давешніе

чортики. Одинъ особенно надоѣлъ Яшѣ своимъ нахальствомъ: онъ бѣжалъ все время рядомъ съ долгушкой, высунувъ красный языкъ, какъ собака, и все старался забраться въ экипажъ, хотя Яша и отгонялъ его обѣими руками. Но чортъ оказался настоящимъ чортомъ: Яша какъ-то зазѣвался, и черненькая фигурка съ утиными лапками вспорхнула прямо на спину Гупькѣ, потомъ кувыркнулась въ воздухѣ и на одной ножкѣ поскакала по вожжамъ, какъ самый лучшій канатный плясунъ.

— Онъ... вонъ... онъ... въ ужасѣ шепталъ Яша, указывая рукой на танцовавшаго чортика.—Теперь двое... нѣтъ, четверо... десять...

— Да ничего, не бойся, вѣдь я съ тобой, Яша,— шептала горбунья и опять прижималась къ нему, какъ озябшая кошка.

IV.

Надъ землей спустилась чудная іюльская лѣтняя ночь; заводскій прудъ и рѣку заволокло туманомъ, господскій садъ стоялъ на берегу громадной шапкой, все кругомъ стихло и замерло, и только со стороны завода гулко катились по водѣ отрывистые, смѣшанные звуки, точно глухое ворчанье какого-то необыкновеннаго животнаго.

— Погоди, змѣиная кровь, я доберусь до тебя... и всѣ глаза тебѣ выцарапаю!—ругалась и плакала бойкая Даша, сидя въ заключеніи въ особой темной каморкѣ, устроенной подъ дѣвичьей.—Еще говоритъ: „сама тебя высѣку...“ У! нѣмецкое отродье!

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Ключики, горбатая Анѳиса свела Дашу въ „келью“, какъ называли въ дѣвичьей эту комнату, поставила ей кружку воды, заперла на ключъ дверь и ушла, не сказавъ ни слова. Горбуньѣ всегда доставляло большое удовольствіе запирать провинившихся дѣвушекъ въ кельѣ, и она это выполняла съ необыкновенно важнымъ видомъ, хотя, подъ веселую руку, сама любила посплетничать про ненавистную для всего дома „Мантилью“. Провожая подругу въ заточенье, Матреша едва сдерживала слезы, а Даша нарочно не обращала на нее вниманія, чтобы ослабѣвшая дѣвочка совсѣмъ не разжалобилась.

— Эка важность! Не ты первая, не ты послѣдняя,—утѣшала себя Даша насчетъ печальной участи подруги,—Евграфъ Павлычъ добрый... побалуется и приданое сдѣлаетъ, да еще за хорошаго мужика замужъ выдастъ. Только вотъ Мантилька окаянная донимаетъ хуже смерти. Зла, зла, а тоже вотъ, поди ты, размякла къ Ѳедькѣ Ремянникову. Гоняется за нимъ, какъ распослѣдняя шлюха! Такъ ей и надо... Теперь горбунью съ Яшкой послала въ Ключики выслѣживать Ѳедьку. А Ѳедька за поповной ударился... ха-ха!

Сумасшедшая Даша и плакала, и хохотала, и принималась разговаривать вслухъ, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь разогнать одолѣвшую ее тоску одиночества. Келья была совсѣмъ почти темная комната въ четыре шага шириной и столько же длиной, около одной стѣны стояла деревянная кровать, покрытая соломой, около нея деревянный столъ—и только; слабый свѣтъ падалъ сверху, гдѣ въ бревенчатой стѣнѣ было прорублено небольшое окошечко, защищенное крѣпкой желѣзной рѣшеткой. Воздухъ здѣсь всегда былъ тяжелый и сырой, какъ въ подпольѣ, и сидѣть въ такой западнѣ цѣлыхъ три дня было не легко, но Даша, пожалуй, еще помирилась бы со своей печальной судьбой, если бы не боялась до смерти мышей. Теперь она забралась на кровать съ ногами и чутко прислушивалась къ малѣйшему шороху. На возможность выйти изъ кельи раньше

трехъ дней Даша не разсчитывала, потому что нѣмка была безпощадна: сказала слово—и конецъ.

Наскучивъ сидѣть на соломѣ, Даша легла и отъ-нечего-дѣлать принялась слушать, что̀ дѣлается наверху, въ дѣвичьей. А тамъ шла сдержанная суета, потому что сегодня ждали въ гости Евграфа Павлыча; черезъ полъ можно было разслышать торопливые шаги, какую-то непонятную возню, стукъ передвигаемой мебели, чей-то говоръ и опять шаги безъ конца, точно въ дѣвичьей всѣ сошли съ ума и бѣгали изъ угла въ уголъ, какъ пойманныя мыши.

— Экъ ихъ тамъ взяло!— ворчала Даша, лежа съ закрытыми глазами на своей соломѣ.—Хоть бы уснуть.

Спать Даша была великая мастерица, но теперь, какъ на грѣхъ, и сонъ не шелъ, а въ голову лѣзло чортъ знаетъ что̀. Она думала о разныхъ разностяхъ, перебирая событія жизни: вотъ она маленькая дѣвочка, босоножка, бѣгаетъ по улицѣ въ одной выбойчатой рубашонкѣ, потомъ умеръ отецъ, мать ходила по-міру... потомъ о ней доложила Мантильѣ горбатая Аѳиса, какъ о красивой дѣвочкѣ. Четырнадцати лѣтъ Даша уже была въ господской дѣвичьей, пользовавшейся въ Кургатскомъ заводѣ плохой репутаціей, какъ прокаженное мѣсто, гдѣ красивыя дѣвушки гибли для барской прихоти ни за грошъ. Слѣдовалъ рядъ однообразныхъ и скучныхъ лѣтъ мудреной выучки въ дѣвичьей, гдѣ Мантилья „обихаживала“ своихъ воспитанницъ по-своему, откармливала ихъ, какъ индюшекъ, учила пѣть цыганскія пѣсни, разному ненужному рукодѣлью и т. д. Потомъ наступала „очередь“, и опозоренная дѣвушка выпускалась на волю, т.-е. выдавалась замужъ за какого-нибудь прощалыгу, чтобы до самой смерти выносить покоры и побои мужа, насмѣшки сосѣдей и общее презрѣніе. Даша часто думала о томъ, чтобы убѣжать изъ дѣвичьей, куда глаза глядятъ, утопиться, повѣситься, но страхъ наказанія за побѣгъ и, еще больше, страхъ смерти удерживали ее, какъ удерживали другихъ. Да куда бѣжать? Все равно поймаютъ, а тамъ плохія шутки: расправа съ бѣглянками производилась на господской конюшнѣ, откуда наказанныхъ замертво уносили на рогожкахъ. На глазахъ Даши одна дѣвушка бѣжала изъ дѣвичьей. Дѣло было зимой, она ознобила руки и ноги, но ее вылѣчили и все-таки отправили на конюшню для острастки другимъ, гдѣ она и умерла подъ плетью.

— Не я первая, не я послѣдняя,—утѣшалась Даша, представляя себѣ высокую, рослую фигуру добродушнаго барина, который все равно, не-сегодня-завтра, назначитъ ей очередь.—Хоть бы скорѣе... Тощища смертная!.. Вотъ Матреша счастливѣе: ей очередь, а потомъ замужъ выдадутъ... все же вольная будетъ.

Жизнь въ дѣвичьей была устроена совсѣмъ на монастырскій манеръ, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда заявлялся самъ баринъ и кутилъ въ дѣвичьей, иногда ночи три напролетъ. Кромѣ барина, всѣмъ мужчинамъ доступъ въ дѣвичью былъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни; даже никто изъ дворни не смѣлъ ходить въ дѣвичью, за чѣмъ нѣмка и горбунья слѣдили съ неусыпнымъ рвеніемъ въ четыре глаза. Конечно, бывали случаи вторженія въ жизнь затворницъ мужского элемента разными незаконными путями, но это представлялось такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, что въ общій счетъ не могло итти. Собственно, дѣвичья всегда существовала при кургатскомъ господскомъ домѣ, но свой настоящій видъ она получила только въ рукахъ Матильды Карловны.

Сама Матильда Карловна была изъ русскихъ нѣмокъ. Евграфъ Павлычъ купилъ ее у матери въ Москвѣ и вывезъ на Уралъ, въ свой заводъ, гдѣ она

и разбѣлила общую участь всѣхъ обитательницъ дѣвичьей, пока не создала себѣ самостоятельнаго положенія. Она была фавориткой барина года два, а потомъ сдѣлалась дуэньей, организовавшей изъ дѣвичьей настоящій гаремъ. Странная была эта Матильда Карловна, начиная со своей наружности. Къ ней какъ-то никто не могъ примѣниться, и весь господскій домъ былъ противъ нея. Тысячи мелкихъ пакостей подводились подъ ненавистную нѣмку, и не было такой интриги, какую не устроили бы ей ея враги, но Матильда Карловна крѣпко держалась на своемъ мѣстѣ, потому что совсѣмъ завладѣла безхарактернымъ барином. Быстро утративъ обаяніе нетронутой красоты, нѣмка держалась при помощи своихъ воспитанницъ; эта чередовавшаяся юность въ ея ловкихъ рукахъ являлась страшной силой,—баринъ все дѣлалъ „по-нѣмкиному", какъ говорила кургатская дворня. Одна Матильда Карловна умѣла всегда угодить и потрафить капризному Евграфу Павлычу и на его слабостяхъ построила свою власть.

Всѣ „люди" въ господскомъ домѣ ходили у Матильды Карловны по струнке и боялись ея, какъ огня, даже такіе звѣри, какъ Гунька. Интересно было, какъ Матильда Карловна забрала въ свои розовыя руки этого любимца и баловня. Гунька былъ вдовецъ и мѣтилъ жениться на одной красивой заводской дѣвкѣ. Матильда Карловна узнала объ этомъ обстоятельствѣ черезъ горбунью и объяснила Гунькѣ, что при первомъ непріязненномъ дѣйствіи съ его стороны его возлюбленная попадетъ въ дѣвичью, т.-е. въ лапы къ барину. Нѣмка шутить не любила, и Гунька сдѣлался въ ея рукахъ чѣмъ-то въ родѣ ручного медвѣдя.

Но какъ ни сильна была Матильда Карловна, какъ ни крѣпка, а врагъ и ее попуталъ: понравился ей главный барскій охотникъ Ѳедька Ремянниковъ. Это была какая-то дикая страсть. Неприступная и злая нѣмка вдругъ отмякла и отдалась забубенной, удалой головушкѣ, рискуя въ одно прекрасное утро потерять все. Эта связь была извѣстна всему господскому дому, кромѣ одного барина; самые смѣлые люди не рѣшались открыть ему глаза, потому что нѣмка—нѣмкой, да и Ѳедька Ремянниковъ былъ порядочный звѣрь. Вообще, шла очень опасная и рискованная игра, но Матильда Карловна даже и ухомъ не вела, точно постоянной опасностью хотѣла купить свое счастье. Въ ней только теперь проснулась настоящая женщина, и нахлынувшее чувство первой любви жгло ее огнемъ.

Эта исторія усложнилась еще тѣмъ, что Ѳедька Ремянниковъ, побаловавшись съ нѣмкой, переметнулся теперь на сторону ключевской поповны Марины. Весь господскій домъ и дѣвичья замерли въ ожиданіи близившейся развязки: дѣло было немаленькое и могло разыграться крупнымъ скандаломъ.

— А вотъ только, дай Богъ, увидать барина, все ему и брякну!—ворчала бойкая Даша въ дѣвичьей, когда не было горбуньи.—Да что смотрѣть намъ на Мантильку... Будетъ, похороводилась, пора ей и честь знать. Ужо вотъ баринъ-то отверпетъ ей башку... туда и дорога... Вишь, расходилась, змѣиная-то кровь!.. Да и Ѳедька тоже хорошъ...

Но все это говорилось и говорилось много разъ, а смѣлости ни у кого не хватало: пожалуй, еще не повѣритъ баринъ-то, тогда какъ? Дворня, между прочимъ, была глубоко убѣждена, что нѣмка непремѣнно приколдовала чѣмъ-нибудь барина и теперь отводитъ ему глаза на каждомъ шагу. Вообще дѣло не чисто, и какъ разъ можно попасть въ просакъ. Да и плети на конюшнѣ были слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ: рѣдкій день проходилъ безъ экзекуцій, и страшные вопли истязуемыхъ доносились даже въ дѣвичью. Это хоть у кого отобьетъ охоту...

Лежа на соломѣ, Даша долго перебирала въ умѣ разные случаи изъ жизни дѣвичьей, прислушивалась къ доносившейся сверху суетѣ и наконецъ заснула. Во снѣ видитъ она, что сегодня наступила ея очередь, и въ дѣвичьей съ утра стоитъ страшная суматоха: придетъ „самъ“, и нужно ему угодить. Всѣ дѣвушки одѣты въ голубые шелковые сарафаны, выложенные золотымъ позументомъ, и въ кисейныя рубашки; одна она сегодня въ розовомъ атласномъ сарафанѣ, какъ Мантилька одѣваетъ всѣхъ очередныхъ. Дашѣ ужасно совѣстно и хочется плакать. Мантилька даетъ ей послѣдніе совѣты, какъ обращаться съ барином, и Даша краснѣетъ до ушей: какая безстыдная эта Мантилька!.. Но вотъ приходитъ и баринъ. Всѣ окна заперты внутренними желѣзными ставнями наглухо, дѣвушки встрѣчаютъ барина съ опущенными глазами, шепчутся и смѣются, а онъ взглянулъ на нее и тоже улыбнулся. Пока Евграфъ Павлычъ пилъ чай, дѣвушки пѣли пѣсни, потомъ Даша поднесла ему на серебряномъ подносѣ чарку водки; баринъ улыбнулся опять, выпилъ и ласково посмотрѣлъ на нее.

— Что же дѣвушкамъ ничего нѣтъ?—спрашиваетъ Евграфъ Павлычъ, обращаясь къ Мантильѣ.—Дай имъ красненькаго... веселѣе будетъ.

Являются бутылки съ краснымъ виномъ, которое въ дѣвичьей извѣстно было подъ именемъ „церковнаго“, потомъ сладкія наливки, баринъ заставляетъ всѣхъ пить; дѣвушки краснѣютъ, но не смѣютъ отказаться. Начался широкій разгулъ, какъ умѣлъ кутить только Евграфъ Павлычъ; онъ сидитъ на диванѣ въ бархатномъ халатѣ и хлопаетъ одну рюмку за другой, рядомъ съ нимъ сидитъ Даша, онъ обнимаетъ ее одной рукой, а другой—машетъ въ тактъ разудалой цыганской пѣснѣ, которая бьется въ стѣнахъ дѣвичьей, какъ залетѣвшая въ окно дикая птица. Всѣ пьяны, дѣвушки раскраснѣлись, блестятъ глаза, Мантилья съ шалью черезъ плечо запѣваетъ, голова у Даши тихо кружится, но Евграфъ Павлычъ еще заставляетъ ее пить какое-то сладкое вино... Она опомнилась только у себя на кровати, когда надъ ней наклонилось потное, пьяное лицо барина. Ужасъ охватилъ ее, и Даша начала сопротивляться ласкамъ барина, потомъ заплакала и начала умолять его, а въ сосѣдней комнатѣ такъ и льется пѣсня за пѣсней... Даша въ смертельномъ страхѣ вскрикнула и проснулась: кругомъ темнота, она лежитъ на соломѣ, а сверху доносится отчаянный топотъ пляски и какая-то залихватская пѣсня.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—въ ужасѣ шепчетъ Даша, чувствуя, какъ холодный потъ выступилъ у ней на лбу.

А надъ головой ходенемъ-ходитъ пьяная пѣсня и трещатъ половицы отъ пляски: это пошелъ самъ Евграфъ Павлычъ вприсядку. Дашѣ вдругъ сдѣлалось душно, и она зарыдала беззащитными, одинокими слезами. „Душегубы проклятые, кровопійцы!..“ Нѣтъ, она лучше утопится, а не дастся живая барину въ руки. Креста на нихъ нѣтъ, вотъ и губятъ дѣвушекъ! Лучше умереть, чѣмъ нечестной-то жить на смѣхъ добрымъ людямъ... Въ самый разгарь этихъ горькихъ думъ пѣсня наверху какъ-то разомъ оборвалась, и наступила мертвая тишина, прерываемая чьимъ-то плачемъ да крикомъ. Даша замерла и прислушивалась къ каждому звуку, не смѣя дохнуть. Скоро загремѣлъ ключъ въ дверяхъ кельи, и показался свѣтъ.

— Вотъ посиди здѣсь, голубушка...—шипѣлъ голосъ Мантильи, которая втолкнула въ келью плакавшую Матрешу.—А завтра я съ тобой разсчитаюсь по-своему.

Матреша была въ одной рубашкѣ и въ чулкахъ, на голыхъ рукахъ припухли красными полосами слѣды чьихъ-то пальцевъ, русые волосы разсыпались въ страшномъ безпорядкѣ. Этотъ отчаянный видъ подруги привелъ

Дашу въ страшную ярость, и дѣвушка, не помня себя, кинулась прямо на нѣмку.

— Ну, бей меня, бей, змѣиная кровь!—кричала Даша, подвигаясь къ самому лицу Матильды Карловны.—Что̀ взяла?.. а?.. Молодецъ, Матреша, не далась... и я не дамся. Слышала, Мантилья Карловна?.. Ха-ха!.. Креста на васъ нѣтъ съ бариномъ-то... вотъ что̀! Кровь нашу пьете... Погоди, матушка, и на тебя управу найдемъ... стольются волку овечьи слезы!

— Хорошо, хорошо, я завтра поговорю съ вами,—сухо отвѣтила нѣмка, и дверь кельи затворилась.

— Не боюсь, не боюсь! Ничего не боюсь, хоть на мелкія части рѣжь!—кричала Даша, стуча кулаками въ запертую дверь.

Матреша, кажется, ничего не слыхала. Она забралась съ ногами на кровать, обняла колѣна руками и, положивъ голову на руки, погрузилась въ тяжелое апатичное состояніе оглушеннаго человѣка. Страшное напряженіе душевныхъ и физическихъ силъ кончилось какимъ-то столбнякомъ.

— Матреша, голубушка, что̀ съ тобой, родимая?—допрашивала Даша, обнимая подругу.—Ахъ, подлецы, подлецы, что̀ съ дѣвкой сдѣлали... Матрешенька, вѣдь ты не далась барину? Молодецъ... и я не дамся. А Мантилька-то какъ теперь съ бариномъ? Видно, самой придется его утѣшать... У! злыдня безстыжая, такъ ей и надо. А я все здѣсь слышала, какъ у васъ тамъ наверху пѣли и плясали... и какъ ты съ бариномъ драку подняла. Баринъ-то тамъ остался?.. а?.. Да ну, говори же, оглохла, что ли?

— Не знаю, ничего не знаю,—шептала Матреша.

Баринъ еще оставался въ дѣвичьей и сидѣлъ теперь въ комнатѣ Матильды Карловны; неожиданное сопротивленіе Матреши отрезвило его, и онъ задумчиво курилъ одну трубку за другой. Нѣмка ходила по комнатѣ съ нахмуреннымъ лицомъ; она была тоже разбита душой и тѣломъ.

— Славная эта Матрена, — проговорилъ наконецъ Евграфъ Павлычъ послѣ долгаго молчанія.—Раньше она мнѣ какъ-то не нравилась. Ты смотри, Мотя, не притѣсняй ее, пусть сама одумается... Я не люблю такихъ дѣвокъ, которыя какъ семга... Совсѣмъ не любопытно.

— Вы домой пойдете или здѣсь останетесь? — спрашивала Матильда Карловна, останавливаясь.

— Конечно, здѣсь, Мотя,—засмѣялся Евграфъ Павлычъ своимъ хриплымъ смѣхомъ и потянулся обнять дѣвушку.

Этого и боялась нѣмка, но теперь она относилась къ ласкамъ барина какъ-то совсѣмъ равнодушно, потому что ея мысли были далеко, въ Ключикахъ, куда уѣхала горбатая Аѳиса. Что-то тамъ дѣлается?

V.

Отъ Кургатскаго завода до Ключиковъ считалось верстъ двадцать. Дорога шла широкой рѣчной долиной привольно разливавшагося здѣсь Кургата, принимавшаго съ правой стороны бойкую горную башкирскую рѣчонку Сарсъ, а съ лѣвой—Юву. Главная масса уральскаго кряжа осталась назади, а кругомъ, насколько хваталъ глазъ, разстилалась неизмѣримымъ ковромъ благословенная башкирская равнина, усѣянная озерами и изборожденная сотней мелкихъ рѣчонокъ. Особенно хорошъ былъ красавецъ Кургатъ, красивыми излучинами лившійся въ далекій и холодный Иртышъ; по обоимъ берегамъ Кургата и по его притокамъ плотно разсажались богатыя села и деревни, точно они были нанизаны на серебряную нитку. Вездѣ по сторо-

намъ разлеглись пашни и луга, перемежаясь съ остатками вѣковыхъ башкирскихъ боровъ, съ березовыми островками и просто лѣсными гривками и зарослями. Это была настоящая обѣтованная земля, упиравшаяся однимъ краемъ въ каменистые отроги Урала, а другимъ уходившая въ „орду", какъ говорили зауральскіе мужики, т.-е. сходилась съ настоящей сибирской степью, раскинувшейся до Семипалатинска, Усть-Урта и Каспія.

Ключики, громадное село за тысячу дворовъ (въ Сибири по преимуществу ставятся большія села), расползлось по обоимъ берегамъ Кургата верстъ на шесть и далеко красовалось своей новой каменной церковью, противъ которой стоялъ низменный поповскій домъ, упиравшійся въ рѣку огородомъ и садомъ. Было совсѣмъ темно, когда взмыленная пара Гуньки покатилась по кривой деревенской улицѣ, спавшей всѣми своими избушками. Подъѣзжая къ поповскому дому. Гунька сдержалъ расходившихся гнѣдыхъ и мотнулъ головой въ сторону поповскаго прясла, у котораго была привязана верховая киргизская лошадь.

— Стой!—шопотомъ объявила горбунья.—Гунька, ты подождешь насъ здѣсь, а мы съ Яшей пойдемъ къ попу.

Яша покорно вылѣзъ изъ долгушки и направился за горбуньей, которая пошла прямо къ окну поповскаго дома, изъ котораго сырывалась узкая полоса свѣта. Припавъ глазомъ къ закрытому ставню, въ которомъ оставалась щель, горбунья увидѣла такую картину: за столомъ сидѣли четверо и играли въ „фильки"; на диванѣ помѣщался самъ попъ Андронъ, напротивъ него засѣдатель Блохинъ, по бокамъ сидѣли запрещенный попъ Пахомъ и еще кто-то, кого Аѳоиса не могла разсмотрѣть, потому что онъ сидѣлъ спиной къ окну.

— Ты чего это, Пахомушка, крестовую-то кралю затаилъ? — грозно спрашивалъ попъ Андронъ, выставляя впередъ свою рыжую съ просѣдью бороду.—Развѣ это по-игрецки? И то даве изъ-за тебя червоннаго хлапя просолилъ. Хочешь, видно, мокрую, али рвапую получить?

Попъ Андронъ, крѣпкій старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ большой лысиной черезъ всю голову, сидѣлъ въ одной ситцевой рубашкѣ, перехваченной шелковымъ пояскомъ подъ самыми мышками, и въ однихъ невыразимыхъ; голыя ноги болтались въ разношенныхъ кожаныхъ башмакахъ. Время было лѣтнее, а попъ Андронъ не любилъ себя стѣснять. Лицо у старика было некрасивое, покрытое веснушками, съ носомъ луковицей и дрянной бородой, которая росла какъ-то клочьями, какъ болотная трава; хороши были только одни сѣрые умные глаза, особенно когда старикъ смѣялся. Изъ-подъ разстегнутаго ворота ситцевой рубахи выставлялась могучая грудь, обросшая волосомъ точно мохомъ; попъ Андронъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, свободно поднималъ за переднія ноги какого угодно жеребца. Засѣдатель Блохинъ, рядомъ съ попомъ Андрономъ, походилъ на піявку или на глисту: весь какой-то сѣрый, безцвѣтный, съ примазанными на вискахъ волосами, съ выбритой худощавой физіономіей, съ узкими рукавами форменнаго мундира.

— Ступай къ нимъ и сначала виду не подавай, зачѣмъ пріѣхалъ,— давала горбунья наставленія Яшѣ:—а потомъ отзови попа Андрона и спроси гдѣ, молъ, Ремянниковъ, и про Маринку слово закинь. Понимаешь? А я буду тебя здѣсь ждать.

— Такъ, вѣрно...—соглашался Яша.—А рюмочку можно, Аѳоиса?.. Одну только рюмочку...

— Одну можешь, а больше ни-ни. Я буду въ окошко смотрѣть. Ну ступай съ Богомъ.

Появленіе Яши въ комнатѣ игроковъ не произвело особеннаго впечатлѣнія, потому что онъ былъ здѣсь давно своимъ человѣкомъ. Попъ Андронъ мотнулъ ему головой на стоявшую у стѣны закуску и коротко замѣтилъ:

— Угобжайся, Яша.

Яша налилъ одну рюмочку и хотѣлъ-было по пути налить другую, но во-время вспомнилъ, что горбунья слѣдитъ за нимъ, и только вздохнулъ. Посидѣвъ около стола, Яша нагнулся къ поповскому уху и прошепталъ:

— Одно словечко, попище.

— А... говори.

— Секретъ.

— Ну тебя къ чѳмору!

Попъ вылѣзъ изъ-за стола и отвелъ Яшу въ сторону.

— Ѳедька Ремянниковъ былъ здѣсь?—спрашивалъ Яша шопотомъ.

— Ну, былъ.

— Та-акъ-съ... А теперь, думаешь, гдѣ онъ, по-твоему?

— Уѣхалъ въ Кургатъ, домой...

— Анъ и не уѣхалъ... Гдѣ у тебя дочь-то, попище?

— Ну-у?

— Ступай-ка, поищи ее, а Ѳедькина лошадь привязана у твоего прясла, съ проулка.

— Ахъ онъ, пе-осъ!..

Старикъ въ одну минуту побѣжалъ въ комнату дочери. Комната была пуста. Попъ отправился на улицу и началъ подкрадываться вдоль забора къ дремавшей лошади. Горбунья спряталась за угломъ и съ замирающимъ сердцемъ ждала, что̀ будетъ дальше; на всякій случай она сказала Яшѣ выйти сейчасъ же за ворота и теперь увела его обратно въ поджидавшую ихъ долгушку.

Попъ Андронъ въ это время успѣлъ подойти совершенно неслышно къ самой лошади,—онъ шелъ босикомъ; остановившись перевести духъ, старикъ услышалъ осторожный шопотъ, смѣхъ и поцѣлуи, которые доносились сейчасъ изъ-за забора, гдѣ подъ березами стояла бесѣдка. Онъ узналъ смѣхъ своей дочери Марины и закипѣлъ гнѣвомъ. Въ саду было темно, но сквозь просвѣты прясла можно было разсмотрѣть что-то темное, шевелившееся въ бесѣдкѣ.

Однимъ прыжкомъ попъ очутился въ саду и потомъ въ бесѣдкѣ.

— А, такъ ты вотъ какъ платишь за чужую хлѣбъ-соль?!—кричалъ старикъ, медвѣдемъ насѣдая на попятившагося передъ нимъ молодого человѣка.

Завязалась отчаянная борьба, а черезъ минуту попъ Андронъ сидѣлъ верхомъ на Ѳедькѣ Ремянниковѣ и молотилъ его своими кулачищами по чемъ попало. Поповна сначала прижалась въ уголъ бесѣдки и взвизгнула, а потомъ, какъ коза, перепрыгнула черезъ боровшихся на полу и была такова: въ саду мелькнула только ея тѣнь.

— Отпусти, простоволосый чортъ! Экъ насѣлъ! — взмолился наконецъ Ремянниковъ, напрасно защищая свое лицо отъ поповскихъ кулаковъ обѣими руками.—Будетъ тебѣ, дьяволъ.

— Не пущу!..—ревѣлъ старикъ, продолжая обрабатывать свою жертву.—У меня одна дочь-то, татарская твоя образина! Извелъ бы ты ее, песъ, такъ куда я съ ней?.. а?.. Я тамъ въ фильки играю съ засѣдателемъ, сномъ дѣла не знаю, а ты вонъ что̀ придумалъ...

— Перестань, говорятъ. Я женюсь на твоей Маринѣ!

— Ты... ты женишься на моей дочери?! Да кто ты таковъ есть человѣкъ?.. а?.. Ну, говори, пропащая башка!

— Я при Евграфѣ Павлычѣ состою... мѣсто дастъ. Отпусти, говорятъ,— хрипѣлъ Ѳедька, изнемогая подъ расходившимся попомъ.

— Никогда этого не будетъ, чтобы я отдалъ свою Марину за катаевскаго прихвостня!.. Слышалъ? Ты въ медвѣжатникахъ у Евграфа-то Павлыча и жену на медвѣдя поведешь. Ахъ ты дуракъ, дуракъ! Такъ узнай, что за Мариной давно Ключики записаны въ консисторіи, самъ владыка обѣщалъ мнѣ жениха прислать Маринѣ, потому мѣсто это наше родовое: я самъ Ключики за покойной женой взялъ и теперь дочери передамъ. Для кого-нибудь копилъ добро-то! Ѳедька, русскимъ тебѣ языкомъ говорю: выкинь дурь изъ своей пустой башки, да и дѣвку не мути напрасно. Ну?..

— Отпусти, говорятъ, а насчетъ Марины, такъ еще надобно самоё спроситъ.

— Маринкино дѣло впереди: и ее спросимъ, а теперь твой отвѣтъ. Говори, а то задушу. Не будешь мутить дѣвку?

— Ну, не буду... Экъ привязался!

— Побожись!

Ѳедька немного было-замялся, но попъ не на шутку схватилъ его желѣзными ручищами прямо за горло. Нечего дѣлать, пришлось побожиться.

— Не тронешь дѣвку?—спрашивалъ попъ въ послѣдній разъ.

— Ну тебя къ чорту и съ дѣвкой!

Попъ слѣзъ со своего врага, сѣлъ на приступочекъ и заплакалъ.

— Вѣдь она у меня одна... какъ перстъ одна!—шепталъ старикъ, вытирая слезы рукавомъ рубахи.—Креста на тебѣ нѣтъ, на варнакѣ...

— И ты тоже хорошъ,— ворчалъ Ѳедька, приводя въ порядокъ разстроенный туалетъ,—давай по рожѣ хлестать живого человѣка; вонъ какъ устряпалъ рожу-то.

— А ты поговори у меня, Ѳедька, поговори еще!—ругался попъ Андронъ сквозь слезы.—Самъ винсватъ. Зачѣмъ дѣвку обманывалъ? Ежели я тебя еще застану съ ней, такъ и башку отвинчу. Слышалъ?

Черезъ десять минутъ попъ Андронъ и Ѳедька Ремянниковъ входили въ поповскую гостиную, какъ ни въ чемъ не бывало. Появленіе избитаго въ кровь Ремянникова всполошило всѣхъ гостей не на шутку, но старикъ попъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Вотъ угораздило тебя, Ѳедя, свалиться съ лошади... Вонъ рожу-то какъ искочевряжилъ... а?...

— Въ стремѣ запутался... съ полверсты за лошадью тащился,—объяснилъ Ремянниковъ, вытирая окровавленное лицо.—Испугалась она, ну и вышибла изъ сѣдла.

— Мудрено что-то,— качалъ недовѣрчиво головой засѣдатель.—Не таковскій ты человѣкъ, Ѳедя, чтобы изъ сѣдла вышибла лошадь...

— Бываетъ и на старуху проруха и на дѣвушку бабій грѣхъ,—смѣялся запрещенный попикъ въ зеленомъ подрясникѣ.

— Ну-ка, Ѳедя, полѣчись,—предлагалъ попъ Андронъ, подводя избитаго гостя къ закускѣ.—Вотъ тутъ есть настойка на сорока травахъ, отъ сорока болѣзней. Весьма помогаетъ.

Ѳедька Ремянниковъ былъ приземистый молодецъ лѣтъ двадцати пяти; онъ постоянно носилъ полосатый шелковый татарскій бешметъ, изъ-подъ котораго выставлялся только воротъ шелковой рубахи. Кудрявая русая голова

Ѳедьки крѣпко приросла къ широкимъ плечамъ; румяное и круглое лицо, едва опушенное небольшой бородкой, было красиво мужественной красотой, хотя носъ былъ приплющенный и скулы выдавались. Ѳедька смотрѣлъ всегда немного исподлобья и рѣдко улыбался. Кривыя ноги обличали записного наѣздника: но всего замѣчательнѣе у этого молодца были руки: онъ свободно поднималъ по десяти пудовъ каждой рукой. Евграфъ Павлычъ любилъ Ѳедьку за отчаянную удаль и всегда бралъ съ собой на медвѣжью охоту; съ рогатиной въ рукахъ Ремянниковъ ходилъ на медвѣдя одинъ на одинъ. Вообще это былъ настоящій богатырь, хотя старый попъ Андронъ и обломалъ его по-медвѣжьему, такъ что Ѳедька теперь только переминалъ плечами; въ спинѣ и въ бокахъ у него точно были камни.

— Вотъ что: вы теперь поиграйте безъ меня,—предлагалъ попъ Андронъ, пропустивъ, стомаха ради, рюмочку сорокатравной. — Ѳедя за меня сядетъ, а мнѣ надо по хозяйству. Вонъ свѣтать начинаетъ.

— Хорошо, хорошо, ступай, куда тебѣ надо,—согласились гости.

Горбунья Аѳиса успѣла подслушать, что происходило въ бесѣдкѣ, а теперь смотрѣла въ оконную щель. Когда Ѳедька усѣлся играть съ засѣдателемъ, а попъ Андронъ вышелъ изъ комнаты, она рѣшила, что пора ѣхать во-свояси. Занималось туманное лѣтнее утро, и, того гляди, накроютъ—нехорошо, да и дѣлать въ Ключикахъ больше нечего. Гунька и Яша ждали горбунью въ ста шагахъ отъ поповскаго дома, и скоро пара гнѣдыхъ унесла всѣхъ троихъ изъ Ключиковъ.

„Ловко обтяпали дѣльце! — смѣялась про себя Аѳиса, опять прижимаясь къ Яшѣ. — Здорово его обломалъ попъ-отъ, до новыхъ вѣниковъ не забудетъ“.

Небо было совсѣмъ сѣрое, звѣзды тихо гасли; все кругомъ покрылось густой росой. Гдѣ-то далеко-далеко жалобно кричали журавли. Отдохнувшія лошади вольнымъ ходомъ бѣжали домой, а сѣдоки дремали каждый со своей думой.

VI.

Попъ Андронъ цѣлое утро обходилъ свое громадное хозяйство, которое было поставлено на широкую помѣщичью ногу, какъ у многихъ другихъ зауральскихъ поповъ-богатеевъ. О гостяхъ старикъ скоро забылъ, какъ забыли и они о хозяинѣ, да и трудно было разобрать, кто въ этомъ домѣ былъ гость, кто хозяинъ: у попа Андрона двери всегда были настежь для званаго и незваного, и хорошій гость нерѣдко загащивался по недѣлѣ. Старикъ всѣхъ принималъ съ распростертыми объятіями, потому что любилъ угостить, да и угощенье было свое, некупленное: хлѣбъ свой, овощъ всякій свой, птица разная своя, баранина, телятина, козлятина, поросятина—тоже, однимъ словомъ, все было свое. Единственный расходъ былъ на водку, но и тутъ трудно было разсчитать, что шло по хозяйству, что на гостей: обыкновенно попъ Андронъ каждый годъ ставилъ на погребицѣ двѣ сорокаведерныхъ бочки съ пѣннымъ, и къ концу года ихъ не хватало. Дѣло въ томъ, что много водки уходило на помочи, когда поднимали поповское сѣно и убирали хлѣбъ, а потомъ на всякіе другіе хозяйственные случаи, гдѣ нужно было прихватить чужія руки. Въ Ключикахъ мужики были зажиточные, и нанять ихъ въ страдное время на чужую работу было невозможно; деньгами тутъ ничего не подѣлаешь, а помочане шли къ попу „изъ уваженья“. Своихъ работниковъ у попа жило больше двадцати, но этихъ „строшныхъ“ ему не хватало, потому

что одного хлѣба онъ сѣялъ пятьдесятъ десятинъ, да держалъ лошадей за сто штукъ, а всякой другой скотинѣ и счетъ давно потерялъ. Однимъ словомъ, жилъ себѣ старикъ Андронъ панъ паномъ и ничего знать не хотѣлъ, какъ нынче уже не живутъ: время другое и люди другіе.

Говорили, что у старика-попа въ кубышкѣ не одинъ десятокъ тысячъ лежитъ, да хлѣбъ изъ пяти тысячъ пудовъ никогда не выходитъ; всегда въ запасѣ старикъ Андронъ жилъ. Такое богатство простого деревенскаго попа, разъ, объяснялось богатой мѣстностью,—въ Ключикахъ было больше десяти мужиковъ, державшихъ про запасъ тысячи по три пудовъ хлѣба,—а потомъ нѣкоторыми особенными условіями; это богатство копилось не однимъ поколѣніемъ и переходило изъ рода въ родъ. Попъ Андронъ взялъ себѣ жену вмѣстѣ съ мѣстомъ въ Ключикахъ, какъ дѣлывалось въ старину, когда мѣста закрѣплялись за невѣстами духовнаго званія; старикъ-тесть успѣлъ много накопить всякаго добра, и попу Андрону пришлось только пріумножать готовое, что онъ и выполнялъ неукоснительно, потому что былъ хозяинъ образцовый и „вездѣ доходилъ своимъ глазомъ“, всякую хозяйственную „малость“ слѣдилъ.

Пока гости играли въ фильки, хозяинъ успѣлъ обойти не только все хозяйство, но даже побывалъ въ полѣ; нужно было посмотрѣть овсы, пшеницу, траву подъ покосъ. Все было хорошо и въ порядкѣ, только душа у попа не лежала на мѣстѣ: то, да не то. Бродилъ онъ по коровникамъ, по амбарамъ, по конюшнямъ, завернулъ въ погребъ, осмотрѣлъ огородъ, посидѣлъ въ „строшной“, гдѣ успѣлъ задать работу своимъ работникамъ, разбудилъ стряпку, а у самого совсѣмъ не хозяйство на умѣ: задала Маринушка старику-отцу мудреную задачу... Нужно было и честь сохранить честью, чтобы не ославить напрасно дѣвку, и напрасной потачки не дать, потому женское дѣло самое ненадежное, а посовѣтоваться да поговорить старику совсѣмъ не съ кѣмъ: онъ вдовѣлъ уже шестнадцатый годъ.

— Эхъ, не ладно дѣло-то! — вздыхалъ старикъ, не зная, куда бы еще ему сходить.

Кончивъ обходъ по хозяйству, пока стряпка ставила самоваръ, попъ Андронъ любилъ лѣтомъ забраться на голубятню и погонять голубей,—забава самая домашняя. Онъ и теперь отправился туда же. Голубятня была устроена въ концѣ двора, и съ нея все поповское хозяйство было видно, какъ на ладонкѣ, такъ что, помахивая шестикомъ на плававшихъ въ небѣ голубковъ, старикъ въ то же время могъ наблюдать за всѣмъ ходомъ катившагося хозяйственнаго колеса. И теперь, забравшись на вышку, попъ Андронъ, по привычкѣ, осмотрѣлъ строгимъ хозяйскимъ глазомъ весь дворъ, службы, огородъ, конюшни и стоявшую за рѣкой заимку, гдѣ хранились хлѣбные запасы. Все было хорошо, какъ „полная чаша“. Вонъ строшные поѣхали въ поле заборанивать поднятые пары, вонъ два наѣздника гоняютъ на кордѣ караковаго жеребца-трехлѣтка, вонъ надъ кухней синей струйкой всталъ веселый дымокъ и стряпка Оксинья подняла возню на цѣлый день, вонъ стоитъ засѣдательская повозка, около нея бродитъ индѣйскій пѣтухъ и т. д. и т. д. По привычкѣ, попъ Андронъ взялъ свой шестикъ и поднялъ на воздухъ тридцать паръ голубей, и голуби отлично дѣлали свое дѣло, особенно турманы, которые винтомъ поднимались вверхъ, подбирали крылья и въ перевертъ летѣли книзу, какъ сорвавшійся камень. Голубей попъ Андронъ разводилъ лѣтъ пятнадцать, и послѣдней новинкой въ его стаѣ была парочка палевыхъ египетскихъ голубей, настоящихъ египетскихъ, которыхъ ему принесъ изъ Іерусалима знакомый странникъ-монашекъ.

— Такихъ голубей до самой Москвы не найдешь,—съ гордостью объявлялъ старикъ любителямъ-голубятникамъ.

За эту парочку одинъ знакомый купецъ-голубятникъ давалъ сто рублей, но попъ Андронъ только улыбнулся: не продажное дѣло, а завѣтное. Сегодня палевые голуби выдѣлывали чудеса, точно хотѣли нарочно потѣшить старика, но попъ Андронъ только вздыхалъ и все поглядывалъ внизъ, на ту часть своего дома, гдѣ два маленькихъ оконца были завѣшены легкими кисейными занавѣсками: за этими занавѣсками почивала поповна Марина.

Спустившись съ голубятни, старикъ прошелъ въ садъ и наломалъ пучокъ березовыхъ вѣтокъ, облущилъ ихъ отъ листьевъ, спряталъ подъ мышку и пошелъ съ ними къ дому. Гости все еще играли, и онъ прошелъ черезъ кухню къ комнатѣ дочери. Дверь была заперта на крючокъ изнутри; попъ Андронъ постучалъ.

— Кто тамъ?—послышался заспанный голосъ Марины.

— Отворяй...

Послышалась возня торопливаго одѣванья, шлепанье босыхъ ногъ по крашеному полу, и наконецъ на порогѣ явилась Марина, кое-какъ накинувшая на себя ситцевое платье. Она была босикомъ, и золотистые волосы были завязаны на головѣ просто узломъ.

— Чего тебѣ, тятенька?—спросила она, зѣвая и потягиваясь.

— Какъ чего?.. Ахъ ты, куриное отродье!.. Говорить съ тобой пришелъ...

Дѣвушка съ удивленіемъ взглянула красивыми, заспанными сѣрыми глазами на отца и посторонилась, чтобы дать ему дорогу; она только теперь замѣтила торчавшія изъ-подъ пазухи розги и улыбнулась.

Старикъ-отецъ присѣлъ къ окну и нѣсколько времени молчалъ, съ трудомъ переводя духъ. Какъ онъ любилъ всегда эту небольшую комнатку, въ которой покоились всѣ его надежды, заботы и упованія! Такая свѣтленькая и уютная была комната, точно игрушечка.

— Ну, доченька, пришелъ я съ тобой въ сурьезъ побесѣдовать,—заговорилъ наконецъ попъ Андронъ, продолжая оглядывать комнату, точно былъ въ ней первый разъ.—Ты вотъ спишь здѣсь, а я всю ночь проходилъ, какъ другой медвѣдь-шатукъ.

— Извѣстное дѣло, съ гостями въ фильки игралъ... Этакъ и трехъ ночей мало будетъ!

— Нѣтъ, доченька, не то... Дѣйствительно, не одинъ я ходилъ ночь ноченскую, а съ гостемъ: на сердцѣ у меня этотъ гость какъ сѣлъ, такъ и задавилъ, точно медвѣжья лапа.

Маринѣ было лѣтъ семнадцать, но она была уже совсѣмъ развитая дѣвушка, развитая, пожалуй, не по лѣтамъ. Высокая ростомъ, съ небольшой головкой и тяжелой волной золотистыхъ волосъ, она была настоящей деревенской красавицей, хотя лицо у нея и нельзя было назвать правильнымъ: носъ былъ приплюснутъ, скулы немного выдавались, лобъ маленькій, темныя брови срослись надъ переносьемъ. Но зато свѣжесть сѣрыхъ глазъ, молочная бѣлизна кожи, какъ у всѣхъ рыжихъ, яркій румянецъ, улыбка, открывавшая два ряда чистыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ,—все въ ней дышало грубой, вызывающей красотой. Это было олицетвореніе развертывавшейся жизни, заразительно разливавшей кругомъ себя всѣ чары нетронутой, преисполненной силъ юности.

— Ну, доченька, вотъ и пришелъ я побесѣдовать... — нѣсколько разъ повторялъ попъ Андронъ, напрасно подбирая слова для щекотливаго объясненія. — Сейчасъ сидѣлъ я на голубятнѣ и смотрѣлъ кругомъ: всего у меня

много, доченька, наградилъ Господь свыше разума... да. Самъ я старъ, несегодня-завтра помру, ну, кому все это добро пойдетъ?.. а?.. Не мной оно накоплено, а еще дѣдушкой, родовое добро-то...

— Кому хочешь, тому и оставишь свое добро.

— А ты не зуби!—закричалъ старикъ, вскакивая.—Развѣ такъ съ отцомъ-то разговариваютъ?.. Спущалъ я тебѣ много, вотъ и зубишь отцу... Думаешь, твоему-то медвѣжатнику Ѳедькѣ оставлю свое нажитое? Нѣтъ, шалишь, ничего онъ не увидитъ,—вотъ тебѣ мой первый сказъ, а второй сказъ посажу я тебя въ монастырь годика на два; тамъ сбавятъ комариную-то сала.

Марина молчала, опустивъ глаза. Старикъ-отецъ дѣйствительно избаловалъ ее, и она не боялась его ни на волосъ, хотя попъ Андронъ былъ очень „ндравный“ человѣкъ и держалъ себя очень гордо, а подчасъ даже и совсѣмъ неприступно. Мужики ходили передъ нимъ безъ шапокъ, да и чиновники гнули спину передъ толстой поповской мошной; о купцахъ и говорить нечего.—тѣ на сто верстъ кругомъ знали попа Андрона. Только съ самыми близкими пріятелями, въ родѣ засѣдателя Блохина, Андронъ всегда былъ нараспашку.

— Ну, чего ты молчишь, какъ статуй?—спрашивалъ старикъ, начиная закипать гнѣвомъ.

— Твоя воля, тятенька; какъ прикажешь...

— То-то... твоя воля... Моя. видно, да не больно. Хорошее ты слово сказала, да немножко послѣ времени...

— И теперь твоя воля, тятенька,—повторила Марина.

— Моя... А кто вечоръ съ Ѳедькой въ саду шашни заводилъ?.. Ѳедьку-то я здорово отполировалъ, а про тебя ни слова не сказалъ: дѣвичье дѣло; худая-то слава, какъ ртуть, во всѣ стороны разсыплется. Да... пожалѣлъ я вечоръ тебя, а сегодня пришелъ судъ тебѣ произвести... келейно. Я тебя, Маринка, выдеру,—вотъ тебѣ третій мой сказъ... чтобы помнила, какъ съ парнями по садамъ гулять. Матери у тебя нѣтъ, учить тебя некому...

Старикъ приперъ дверь, спустилъ занавѣски и взялся за принесенныя розги. Марина прислонилась къ стѣнкѣ и смотрѣла на отца своими сѣрыми глазами въ упоръ, точно застыла; когда отецъ взялъ ее за руку и потащилъ къ постели, она вырвалась и глухо прошептала:

— Да ты въ умѣ ли, тятенька? Развѣ такихъ большихъ дѣвокъ отцы дерутъ?.. Какъ это тебѣ, тятенька, не совѣстно?.. Уходи отсюдова!

У попа Андрона опустились руки отъ неожиданнаго отпора, а Марина въ это время осторожно взяла его за плечи и вытолкнула въ двери.

— Вотъ еще выдумалъ!—ворчала она, затворяясь на крючокъ.—Ну, посылай въ монастырь... за волосы оттаскай, а то накося!.. А мнѣ на твое добро наплевать.

VII.

Послѣ поповской науки Ѳедька Ремянниковъ пролежалъ въ своемъ флигелѣ дня три, потому что у него не разгибалась поясница и не ворочалась шея. Яша кутилъ хуже стараго и все ловилъ чертей; разъ онъ схватилъ горбатую Аѳиссу прямо за носъ, потому что въ него спрятался самый бойкій чортикъ. Матильда Карловна нѣсколько разъ приходила провѣдывать своего возлюбленнаго и съ участіемъ спрашивала, что съ нимъ такое.

— Съ лошади пьяный упалъ,—сердито отвѣчалъ Ѳедька, повторяя поповскую выдумку попа Андрона.

Лежа на своемъ одрѣ, Ѳедька не разъ задумывался о томъ, какъ Ан-

дронъ врасплохъ напалъ на нихъ въ бесѣдкѣ. Не въ первый разъ Ѳедька цѣловался съ Мариной въ саду, все съ рукъ сходило, а тутъ точно чортъ попа сунулъ. „Навѣрное, кто-нибудь подвелъ попа, — догадывался Ѳедька и съ безсильной злостью противъ неизвѣстнаго врага только скрипѣлъ зубами.— Ужъ только попадись мнѣ этотъ доводчикъ, — всю душу вытрясу... Однако старый чортъ Андронъ здорово меня вздулъ!“ Нѣсколько разъ Ремянниковъ пытался-было стороной выпытать что-нибудь отъ Яши, но тотъ только моргалъ глазами и ежился.

Матильда Карловна и горбунья Аѳиса посмѣивались между собой: все было шито и крыто, разсказать могъ одинъ Гупька, но и тотъ молчалъ, какъ убитый. Устроившая скандалъ Матреша была высѣчена на другой же день и лежала въ кельѣ, больная; за компанію съ ней была наказана и Даша; дѣвки совсѣмъ спятили съ ума и не хотѣли поддаваться нѣмкѣ ни подъ какимъ видомъ. Въ другое время Матильда Карловна сумѣла бы донять ихъ, вымотала бы всю душу съ чисто-нѣмецкой аккуратностью, но теперь ее занимала мысль о томъ, чѣмъ досадить ключевскому попу, который для нея былъ бѣльмомъ на глазу.

— Конечно, онъ отлупилъ Ѳедьку,—разсуждала Матильда Карловна съ горбуньей.—А все-таки и попа нужно взбодрить... Какъ ты думаешь, Аѳиса?

— Надо чѣмъ-нибудь насолить попу,—соглашалась Аѳиса, напрасно стараясь придумать какую-нибудь каверзу.—Только надо чистенько дѣло сдѣлать, а не дуромъ. Погодите, придумаемъ... Главное, чтобы никто не догадался, откуда вѣтромъ пахнуло. Вотъ бы Евграфа Павлыча натравить на попа...

— Въ самомъ дѣлѣ, Аѳисушка,—упрашивала нѣмка,—придумай что-нибудь... Ты вѣдь на эти штуки мастерица!

Однажды, когда онѣ обсуждали этотъ вопросъ, горбунья тихо вскрикнула и захохотала.

— Что это съ тобой?—удивилась Матильда Карловна.

— Придумала, придумала!—кричала горбунья и нѣсколько разъ даже повернулась на одной ножкѣ.—Утѣшимъ Андрона... ха-ха!..

— Да говори толкомъ, будетъ дурачиться.

— И какъ все просто, Матильда Карловна... ей-Богу!.. Попъ-то Андронъ страшенный голубятникъ, у него есть пара египетскихъ голубей... сто рублей давали... не отдалъ,ну,мы Евграфъ Павлыча и натравимъ на этихъ самыхъ голубей.

— Отлично... очень хорошо. Ай да Аѳиса!

Нѣмка даже расцѣловала горбунью.

Натравить Евграфа Павлыча на кого угодно было вовсе не трудно, потому что это былъ совсѣмъ взбалмошный человѣкъ, не умѣвшій себѣ отказать ни въ малѣйшемъ капризѣ. Нѣмка настолько изучила его, что могла руководить имъ безошибочно. Въ данномъ случаѣ она повела дѣло исподволь, не подавая никакого вида относительно истинныхъ своихъ намѣреній. Какъ-то утромъ, когда Евграфъ Павлычъ пилъ чай, Матильда Карловна, между прочимъ, разсказала длинную исторію о поповскихъ голубяхъ; баринъ сразу пошелъ на закинутую удочку и задумчиво проговорилъ:

— Вотъ какъ, а я и не подозрѣвалъ.

— Красивые, говорятъ, голуби: палевые, — поджигала Матильда Карловна съ самымъ невиннымъ лицомъ.—Одинъ купецъ сто рублей давалъ за пару, да попъ не взялъ.

— Ну, ужъ это ты, Мотя, врешь: попы любятъ деньги... Это надо съ ума сойти, чтобы за пару голубей сотенную не взять. Ха-ха... Можно на сто-то рублей отличную пару лошадей купить. Нѣтъ, это ужъ сказка...

— Спросите кого угодно, всѣ вамъ то же скажутъ.

— Да чего мнѣ спрашивать, когда я самъ отлично попа Андрона знаю! Водку съ нимъ пилъ въ третьемъ годѣ: здоровенный попъ и выпить не дуракъ.

— А все-таки не продастъ за сто рублей палевыхъ голубей.

— Вотъ и врешь, Мотя... Хочешь объ закладъ ударимся, что я этихъ самыхъ палевыхъ голубей у попа за пятьдесятъ рублей куплю? Идетъ?

— Идетъ. Если купите, я вамъ плачу пятьдесятъ, а если не купите...

— Да я тебѣ тогда триста подарю... ха-ха!.. Жаль мнѣ тебя, Мотя: напрасно свои пятьдесятъ рубликовъ прозакладуешь.

— Себя пожалѣйте, Евграфъ Павлычъ, а гусей по осени считаютъ.

Ударили по рукамъ. Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, Евграфъ Павлычъ сейчасъ же отправилъ Гуньку верхомъ въ Ключики съ собственноручной запиской попу Андрону; къ запискѣ были приложены деньги пятьдесятъ рублей. Черезъ три часа Гунька вернулся и привезъ обратно деньги: попъ Андронъ сказалъ, что не отдастъ голубей и за сто рублей.

— Ахъ, онъ, простоволосый дьяволъ! — вскипѣлъ Евграфъ Павлычъ и даже покраснѣлъ отъ злости.—Ну, Мотя, я проигралъ закладъ: плакали мои триста рубликовъ... А попу я не спущу: будетъ онъ у меня помнить, какъ поперекъ мнѣ дѣлать.

— А что вы съ нимъ сдѣлаете?—спрашивала Матильда Карловна.

— Я что сдѣлаю съ попомъ? я?.. Первымъ дѣломъ возьму его палевыхъ голубей даромъ.

Однимъ словомъ, каша заварилась не на шутку, и оставалось только подливать масло въ огонь. Евграфъ Павлычъ въ ту же ночь отрядилъ въ Ключики пятерыхъ конюховъ съ мѣшками: они должны были забрать всю поповскую голубятню и привезти въ Кургатъ къ утру. Эта экспедиція закончилась полной неудачей: попъ Андронъ отлично зналъ характеръ Евграфа Павлыча и засѣлъ караулить голубей со своими страшными на цѣлую ночь; когда конюхи съ мѣшками забрались въ голубятню, онъ четверыхъ заперъ на мѣстѣ преступленія, а пятаго отпустилъ донести барину о своемъ пораженіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого случая въ Кургатскій заводъ пріѣхалъ засѣдатель Блохинъ, который всегда останавливался въ господскомъ домѣ. Это былъ самый обыкновенный старинный „чинодралъ“, перебивавшійся около разныхъ милостивцевъ. На этотъ разъ онъ заявился къ Евграфу Павлычу съ самымъ серьезнымъ видомъ, чѣмъ ужасно насмѣшилъ хозяина.

— Послушай, братъ, ты дорогой, вѣроятно, живую муху проглотилъ?— встрѣтилъ его Евграфъ Павлычъ.

— Нѣтъ-съ... изволите шутки шутить-съ! А я-съ по дѣлу-съ и по очень важному дѣлу-съ...

— Знаю, знаю: выпить хочешь, приказная строка! Ха-ха!.. Ѣшь солоно, пей горько, умрешь—не сгніешь.

Засѣдатель только вздохнулъ и пожалъ плечами.

— Не то-съ, Евграфъ Павлычъ,—замѣтилъ онъ послѣ нѣкоторой канцелярской паузы.—Дѣло-то выходитъ самое преказусное... да.

— Какое дѣло?

— А то самое, которое вы настряпали... Попъ Андронъ подалъ на васъ прошеніе о вооруженномъ нападеніи на его домъ въ ночное время и о кражѣ со взломомъ.

— Ну, братъ, испугалъ ты меня... ха-ха!.. Да я всѣ потрохи вытрясу

изъ попа, и онъ у меня самъ залетаетъ, какъ палевый голубь, а на его прошеніе мнѣ плевать.

— Напрасно-съ и даже весьма напрасно-съ, Евграфъ Павлычъ. Хлопотно будетъ и расходъ лишній...

— Ахъ, ты, крапивное сѣмя, да я и тебя вмѣстѣ съ попомъ на одно лыко привяжу да въ воду.

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно-съ. Я маленькій человѣкъ и вамъ же добра желаю-съ.

— А если добра желаешь, такъ пойдемъ выпьемъ...

За выпивкой однако Блохинъ все какъ-то ежился и вздыхалъ „съ утѣсненіемъ“, пока хозяинъ его не оборвалъ:

— Послушай, братъ, да ты на поминки, что ли, ко мнѣ пріѣхалъ?.. а?

— Евграфъ Павлычъ, голубчикъ,—заговорилъ Блохинъ самымъ нѣжнымъ голосомъ и даже склонилъ свою щучью голову на бокъ.—Не могу успокоиться, потому такое дѣло... особенное-съ. Дворянинъ... и вдругъ обвиняется въ кражѣ голубей... Весьма не подобаетъ это вашему званію, Евграфъ Павлычъ. Вотъ я и думаю: вы отличный и благороднѣйшій человѣкъ, отмѣнной доброты и великодушнаго сердца, ну, что̀ вамъ стоитъ пойти на мировую съ попомъ Андрономъ?

— Да ты съ ума сошелъ... Я?.. мириться съ попишкой?

— Позвольте-съ, дѣло-то такое... Что̀ такое голуби? Наплевать, и все тутъ. Предметъ, не стоящій никакого вниманія и даже слабый для благороднаго человѣка.

— Ну ужъ это ты врешь: палевые вѣдь голуби-то...

— Ахъ, Господи, Господи, что̀ же изъ этого? Хоть зеленые будь по-мнѣ. Мало ли у васъ всякаго удовольствія, Евграфъ Павлычъ: и охота, и лошади, и... хе-хе!.. дѣвушки-съ... вотъ предметъ достойный, а то тьфу!.. даже произносить какъ-то неловко-съ.

— А ежели мнѣ эти вотъ самые палевые голуби понадобились, тогда какъ? Дай да выложь, и ничего знать не хочу, а попа Андрона я пройму не мытьемъ, такъ катаньемъ. Вотъ тебѣ и сказъ весь, а тамъ судите меня, хоть на висѣлицу... Ничего не пожалѣю, чтобы себѣ удовольствіе сдѣлать. Охотку тѣшить—не бѣда платить.

— Неукротимый у васъ характеръ, Евграфъ Павлычъ.

Засѣдатель Блохинъ былъ великій дипломатъ и на своемъ вѣку не мало уладилъ самыхъ казусныхъ дѣлъ черезъ простое „миротвореніе“, какъ хотѣлъ устроить и здѣсь, потому что сцѣпились два милостивца, изъ которыхъ онъ не желалъ терять ни перваго ни второго. И дернуло же этихъ проклятыхъ голубей!.. Блохинъ чувствовалъ, что самъ начинаетъ стервениться и, того гляди, украдетъ поповскихъ голубей, чтобы свернуть имъ головы.

— Нашли игрушку, черти этакіе! — ворчалъ миротворитель. — Слышь: палевые голуби... тьфу! тьфу!..

Прежде чѣмъ ѣхать въ Кургатскій заводъ, Блохинъ, конечно, завернулъ въ Ключики къ попу Андрону, съ цѣлью предварительно усовѣстить поднявшагося на дыбы старика, но эта миссія закончилась полной неудачей.

— Главное то, что сану твоему это самое дѣло не соотвѣтствуетъ,— усовѣщевалъ Блохинъ упрямившагося попа. — Нужно по заповѣди прощать седмижды семь разъ... Такъ?

— Такъ, такъ,—соглашался попъ Андронъ.

— И мало ли есть любопытныхъ занятій, кромѣ этихъ голубей: наливки дѣлать, цвѣты разводить... да мало ли.

— Да вѣдь палевые голуби-то, сковая твоя голова!.. Знать ничего не хочу; не попущусь Катаеву ни въ жисть. Мнѣ плевать, что онъ заводчикъ и милліонеръ... Я самъ буду архіереемъ, только вотъ Маринку пристроить. А голубей я не отдамъ, хоть озолоти меня...

— Не дури, попище, а то хуже будетъ!

— А ты мнѣ что за указчикъ? Плевать мнѣ и на тебя...

— Попъ, не кочевряжься!

— Знать ничего не хочу; Катаевъ хотѣлъ черезъ взломъ выкрасть моихъ голубей, и я не попущусь ему...

Однимъ словомъ, дипломатъ-засѣдатель, благодаря проклятымъ палевымъ голубямъ, попалъ въ самое неловкое положеніе, между двухъ огней: милостивцы лѣзли на стѣну и ничего слушать не хотѣли. Блохинъ прожилъ въ Кургатскомъ заводѣ цѣлый день и ничего не могъ добиться отъ Евграфа Павлыча; дѣло выходило совсѣмъ дрянь, если бы не утѣшила немного Матильда Карловна, пообѣщавшая, со своей стороны, сдѣлать все, чтобы помирить Евграфа Павлыча съ попомъ.

— Будьте благодѣтельницей, матушка, Матильда Карловна, — умолялъ Блохинъ, цѣлуя съ умиленіемъ нѣмкину руку.—Вѣдь это что же такое будетъ? Евграфу Павлычу достанется, да и попу дадутъ по шапкѣ... Я теперь даже совсѣмъ презираю самое это слово: голубь!

Прикинувшись сторонницей мира, Матильда Карловна вывѣдала отъ Блохина рѣшительно все, что ей нужно было знать, и осталась очень довольна положеніемъ дѣлъ.

„Дѣло начато, теперь нужно придумать что-нибудь дальше, — думала Матильда Карловна, провожая засѣдателя во-свояси. — Начато хорошо, надо и кончить хорошо“.

VIII.

Хотя Евграфъ Павлычъ и принялся за дѣло горячо, но онъ могъ каждую минуту остынуть: на него ни въ чемъ нельзя было полагаться. А пока дѣло о кражѣ голубей таскалось бы по разнымъ судамъ и палатамъ, баринъ успѣлъ бы и совсѣмъ забыть о немъ. На другой же день послѣ отъѣзда Блохина, за обѣдомъ Матильда Карловна спросила Евграфа Павлыча:

— А какъ вы насчетъ голубей?

— Да, пожалуй, они, Мотя, ужъ мнѣ и надоѣли, чортъ съ ними совсѣмъ!

— Напрасно...

— Ничего не подѣлаешь съ попомъ, войной не пойдешь.

— Можно и безъ войны.

— Это какъ?

— Да очень просто: набрать ястребовъ-голубятниковъ и напустить на поповскихъ палевыхъ голубей.

— Та-та-та... въ самомъ дѣлѣ, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову! Мотя, да ты у меня молодецъ... Мы настоящую соколиную охоту устроимъ на попа. Ха-ха!.. Мотенька, голубушка, что же ты мнѣ раньше-то ничего не сказала? Пусть Блохинъ посмотритъ, какую мы обѣдню отслужимъ попу... Ну, и штука только. Сейчасъ же позвать ко мнѣ Ѳедьку и Гуньку...

Дѣло опять закипѣло; Гунька и Ѳедька отправились сейчасъ же въ одну башкирскую деревушку за ястребами. До деревни было верстъ сто съ лишкомъ, и черезъ полтора сутокъ вѣрные слуги вернулись съ пятью совсѣмъ выношенными ястребами, да кстати захватили съ собой и башкира, хозяина ястре-

бовъ. Предварительно было сдѣлано нѣсколько опытовъ надъ простыми голубями-сизяками; брошенные въ воздухъ ястребы производили настоящія чудеса, такъ что Евграфъ Павлычъ остался совершенно доволенъ ястребиной охотой и впередъ потиралъ руки отъ удовольствія.

— Лихо извеселимъ попа.—заявлялъ Ѳедька, который тоже былъ радъ насолить драчуну.—Будетъ настоящая потѣха.

Чтобы повести дѣло навѣрняка, черезъ особенныхъ посланцевъ было узнано во всѣхъ подробностяхъ, какъ и когда попъ Андронъ гоняетъ своихъ палевыхъ голубей. Оказалось, что старикъ сильно сторожился и, въ ожиданіи нечаяннаго нападенія, ставилъ на опасныхъ пунктахъ особыхъ караульныхъ.

— А мы все-таки его утѣшимъ,—смѣялся Евграфъ Павлычъ надъ попомъ Андрономъ.—Пусть караулитъ, а мы ему ястребочковъ поднесемъ: какъ пить дадимъ палевымъ голубкамъ.

Выбрали лѣтнее туманное утро, и еще затемно по направленію къ Ключикамъ выѣхала изъ Кургатскаго завода настоящая охота: восемь вершниковъ съ Евграфомъ Павлычемъ во главѣ. Рѣшено было накрыть попа съ голубями какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ дѣлалъ раннюю гонку. Самъ Евграфъ Павлычъ ѣхалъ верхомъ на любимой соловой кобылѣ, за нимъ по пятамъ слѣдовали на гнѣдыхъ киргизахъ Гунька и Ѳедька; башкиръ съ ястребами составлялъ центръ экспедиціи, которая замыкалась четырьмя охотниками, прихваченными на всякій случай.

Начинало свѣтать, т.-е. восточная сторона неба сдѣлалась сѣрой, потомъ побѣлѣла, и только мало-по-малу черезъ эту предразсвѣтную, бѣлесоватую мглу начали сквозить розовые тона занимавшейся зари. Дорога шла большею частью по берегу цвѣтущаго Кургата, задернутаго теперь сплошной туманной пеленой. Лошади фыркали и звонко били копытами укатанную землю; въ ближайшихъ рѣчныхъ кустахъ заливалась какая-то невидимая птичка, радовавшаяся всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ наступавшему дню. Евграфъ Павлычъ давно не ѣздилъ верхомъ и теперь сидѣлъ на мягкомъ туркменскомъ сѣдлѣ, какъ мѣшокъ; ему сильно дремалось и дорога казалась безконечной.

„Ужъ уважимъ попа“,—думалъ онъ, зѣвая.

Гунька тоже, грѣшнымъ дѣломъ, клевалъ носомъ въ сѣдлѣ, хотя каждый разъ бодрился и вытягивался, какъ встрепаный, чтобы баринъ не замѣтилъ оплошки; онъ думалъ о черноволосой, смуглой Аннѣ, которую давно присмотрѣлъ себѣ въ жены и о которой не смѣлъ заикнуться барину, чтобы не испортить дѣла. Нѣмка обѣщала женить, если Гунька будетъ служить вѣрой и правдой. Зачѣмъ ѣхалъ баринъ въ Ключики и кто натравилъ его на попа Андрона, Гунька отлично зналъ, но молчалъ, какъ пень. Ѣхавшій рядомъ съ нимъ Ѳедька тихо посвистывалъ и ежилъ плечи отъ холода; ему хотѣлось спать, но перспектива насолить попу Андрону заставляла его улыбаться. Иногда передъ нимъ вставала Марина, о которой онъ скучалъ. Увидитъ онъ ее сегодня или нѣтъ? Не таковская дѣвка, чтобы испугалась отца, но чортъ ее знаетъ: дѣвичья память короткая, до порога.

Не доѣзжая съ полверсты до Ключиковъ, Евграфъ Павлычъ послалъ одного изъ охотниковъ узнать, что̀ дѣлается въ поповскомъ домѣ. Посланный вернулся черезъ полчаса и доложилъ, что у попа гости играютъ въ карты.

— Отлично,—проговорилъ Евграфъ Павлычъ и отправился въ деревню въ сопровожденіи ястребятника-башкира и Ѳедьки.

Гунька съ охотниками былъ отряженъ въ обходъ поповскаго дома и по первому сигналу долженъ былъ спѣшить на выручку.

— Лучше всего, если вы незамѣтно заберетесь въ поповскій садъ,— командовалъ баринъ, — но Боже васъ сохрани попасться попу на глаза: всю шкуру спущу нагайками...

На всякій случай Гунькѣ былъ данъ тоже ястребъ.

У первой избы лошади были остановлены, и Евграфъ Павлычъ самъ-третей отправился къ поповскому дому. Они засѣли въ ближайшемъ огородѣ и терпѣливо принялись выжидать, когда попъ Андронъ выйдетъ на голубятню. Ждать пришлось довольно долго. Большое село начало просыпаться изъ конца въ конецъ, блеяли овцы, мычали коровы, затрубилъ пастухъ въ рожокъ. Солнце выкатилось золотымъ туманнымъ шаромъ изъ-за Кургата, на рѣкѣ волнами заходилъ бѣлый волокнистый туманъ.

„А если попъ Андронъ не выйдетъ?“—думалъ каждый изъ охотниковъ. Трава была мокрая, и лежать въ ней не представляло особеннаго удовольствія, а попъ все не показывался, точно смѣялся надъ засадой. Потянуло дымкомъ отъ затопившихся печекъ, гдѣ-то неугомонно лаяла охрипшая со злости собака.

Евграфъ Павлычъ, лежа въ травѣ, началъ-было ужъ совсѣмъ засыпать, какъ Ѳедька ткнулъ его въ бокъ локтемъ и прошепталъ:

— Попъ...

Дѣйствительно, на поповской голубятнѣ показалась приземистая фигура попа Андрона; онъ зорко осмотрѣлъ окрестности и только потомъ растворилъ голубятню; изъ-за рѣшетчатыхъ дверецъ голуби высыпали на крышу, а потомъ взмыли кверху, какъ брошенная въ воздухъ горсть бѣлаго пуха. Выждавъ, когда старикъ совсѣмъ увлекся своимъ занятіемъ и съ ожесточеніемъ принялся бѣгать по голубятнѣ, постоянно взмахивая шестикомъ, Евграфъ Павлычъ тронулся впередъ. Засада благополучно прослѣдовала до слѣдующей избы; оставалось перейти улицу, но караульный, посаженный попомъ на крышѣ сарая, во-время замѣтилъ опасность и пронзительно свистнулъ. Нужно было высмотрѣть кружившихся палевыхъ голубей и потомъ уже спустить на нихъ ястреба, но теперь было не до того: Евграфъ Павлычъ взялъ у башкира самую большую птицу, снялъ у ней съ головы кожаный колпачокъ и подбросилъ вверхъ. Ястребъ, сильнымъ движеніемъ крыльевъ, сразу началъ забирать вверхъ.

— Бросай второго, бросай третьяго!—закричалъ башкиру Евграфъ Павлычъ, когда голуби метнулись къ голубятнѣ.

Попъ Андронъ не ожидалъ именно такой штуки отъ своего непріятеля и совсѣмъ растерялся; дверь въ голубятню была заперта, голуби сбились на конькѣ крыши въ трепетавшую крыльями живую кучу, а три ястреба спускались все ближе да ближе. Попъ Андронъ какъ-то совсѣмъ обезумѣлъ, присѣлъ и всей своей могучей грудью заоралъ:

— Батюшки, помогите... караулъ! Ой, батюшки, помогите!

— Катай четвертаго ястреба!—крикнулъ Евграфъ Павлычъ и подалъ сигналъ Гунькѣ.

Пять ястребовъ произвели настоящую атаку: въ нѣсколько секундъ голубятня покрылась пухомъ и перьями разорванныхъ голубей, несмотря на самое отчаянное сопротивленіе попа Андрона, отбивавшаго ихъ отъ нападавшихъ ястребовъ своимъ шестикомъ.

— Ой, караулъ... батюшки, грабятъ!—крикнулъ старикъ.

— Дуй его, лупи!—неистово оралъ съ улицы Евграфъ Павлычъ, походившій на изступленнаго.—Бей, катай!..

На этотъ страшный гвалтъ прежде всего выбѣжали гости: засѣдатель

Блохинъ и запрещенный попъ въ зеленомъ подрясникѣ, а потомъ со всѣхъ сторонъ набѣжали поповскіе строшные. На подмогу барину явился Гунька со своими охотниками. Изъ деревни начали собираться мужики, бабы и ребятишки, захватившіе на всякій случай кто что могъ. Блохинъ бросился впередъ и приступилъ къ Евграфу Павлычу съ усиленнымъ моленіемъ о пощадѣ.

— Голубчикъ, батюшка, Евграфъ Павлычъ, уймитесь, ради Христа!— умолялъ онъ и старался поймать расходившагося барина за руки.—Вѣдь это что же такое? Уголовство...

— Бей, катай!—кричалъ Евграфъ Павлычъ хриплымъ голосомъ и бросился на поповскій дворъ.—Я ему покажу, простоволосому, каковъ есть человѣкъ Евграфъ Павлычъ... Ѳедька, Гунька, за мной!

Въ воротахъ завязалась жестокая свалка между катаевскими охотниками и поповскими строшными. Откуда-то явились полѣнья и палки, мелькнуло нѣсколько окровавленныхъ лицъ. Евграфъ Павлычъ и Ѳедька Ремянниковъ работали за десятерыхъ, какъ два медвѣдя, такъ что первыми пробились въ ворота и очутились на поповскомъ дворѣ.

— Гдѣ попъ? Дайте мнѣ его,—оралъ Евграфъ Павлычъ, порываясь къ голубятнѣ, съ которой слѣзалъ попъ Андронъ и по пути засучивалъ рукава своей ситцевой рубашки.

Ѳедька заперъ ворота изнутри и ждалъ, чѣмъ все это кончится. Старикъ Андронъ шелъ на врага какъ былъ на голубятнѣ—босой и въ одномъ бѣльѣ; лицо у него было блѣдное, и только глаза свѣтились, какъ у волка. Евграфъ Павлычъ всталъ въ боевую позицію и тоже засучилъ рукава. Въ виду готовившагося поединка, засѣдатель пустился на отчаянное средство: онъ бросился въ ноги Евграфу Павлычу и на колѣняхъ принялся молить о пощадѣ, но получилъ такого пинка, что кубаремъ откатился къ самымъ воротамъ, какъ гнилушка. Въ самый критическій моментъ, когда враги готовы были сцѣпиться, раздался раздирающій женскій крикъ: въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами стояла Марина... Она только-что вскочила съ постели и выбѣжала изъ своей комнаты въ чемъ была.

Евграфъ Павлычъ оглянулся на крикъ и обомлѣлъ отъ изумленія; руки у него опустились, и онъ съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ то на попа Андрона, то на Марину.

— Кто это?.. а?—шепталъ онъ, обращаясь въ пространство.

— Это я, разбойникъ!—заревѣлъ попъ Андронъ, схвативъ Евграфа Павлыча по-медвѣжьи прямо за затылокъ.—Есть и на тебя управа.

— Постой, попъ, отпусти!—умолялъ Евграфъ Павлычъ, напрасно стараясь освободиться отъ придавившей его желѣзной руки.—Дай всего одно слово сказать, а потомъ хоть разорви...

— Говори,—коротко приказалъ попъ Андронъ, не отпуская своей жертвы.

Евграфъ Павлычъ оглянулся еще разъ, но Марина уже скрылась къ себѣ въ комнату.

— Это твоя дочь?—спрашивалъ Евграфъ Павлычъ.

— Ну, положимъ, что дочь...

— Дочь? Попище, прости ты меня, ради Христа,—вдругъ взмолился гордый кургатскій баринъ и даже повалился попу Андрону въ ноги.—За все заплачу, озолочу тебя, ну, помиримся.

Попъ Андронъ какъ-то совсѣмъ одурѣлъ отъ этой второй неожиданности и выпустилъ затылокъ врага изъ своей десницы. На выручку подоспѣлъ Блохинъ и тоже принялся упрашивать попа Андрона.

— Поцѣлуемся, попъ, — предложилъ Евграфъ Павлычъ и обласкалъ своего недавняго врага.

— Ну, чортъ съ тобой, поцѣлуемся,— соглашался попъ Андронъ и прибавилъ:—а за голубей ты мнѣ заплатишь... да.

— Сейчасъ тысячу отдамъ.

— Давно бы такъ, братіе!—съ умиленіемъ шепталъ Блохинъ и даже прослезился.—Ладно вы, Евграфъ Павлычъ, меня сабанули: всѣ вздохи отшибли.

IX.

Примиреніе враждовавшихъ сторонъ состоялось при самой торжественной обстановкѣ, начиная съ того, что собравшемуся на драку мужичью была выкачена изъ поповскаго погреба сорокаведерная бочка пѣнинаго, конечно, въ счетъ Евграфа Павлыча.

— Гуляй, братцы, въ мою голову!—кричалъ въ окно поповскаго дома самъ баринъ.—Бабамъ сладкой водки, дѣвкамъ пряниковъ...

Гунька былъ отправленъ въ Кургатскій заводъ нарочнымъ съ порученіемъ привезти оттуда всякаго провіанта и господскій оркестръ музыкантовъ. Это извѣстіе сначала замѣтно смутило Матильду Карловну, но, разспросивъ обстоятельства дѣла, она успокоилась и только усмѣхнулась: она поняла намѣренія развернувшагося Евграфа Павлыча.

— Кланяйся барину, да скажи отъ меня, что не по себѣ дерево хочетъ согнуть,—наказывала она, между прочимъ, отправлявшемуся въ обратный путь Гунькѣ.—Обожжется, пожалуй...

Гунька передалъ этотъ наказъ въ точности, но Евграфъ Павлычъ даже не разсердился, а только промолвилъ:

— Ученаго учить—только портить...

Въ поповскомъ домѣ разлилось настоящее море: играла катаевская музыка, пили, играли въ карты,—такъ вплоть до самой ночи, и ночь напролетъ, и слѣдующій день. Евграфъ Павлычъ требовалъ только одного, чтобы поповна Марина изъ своихъ бѣлыхъ рукъ подносила ему рюмку за рюмкой, а онъ цѣловалъ у ней руки и вообще ухаживалъ, какъ старый пѣтухъ.

— Ну, попище Андронище, и дочь только ты вырастилъ!—похвалилъ Евграфъ Павлычъ, ухмыляясь.—Всему міру на украшеніе...

— Нашелъ диво,—ворчалъ для виду старый попъ, польщенный похвалой гостя.—Всѣ онѣ, дѣвки-то, на одну колодку. А вотъ лучше выпьемъ, Евграфъ Павлычъ, стомаха ради и частыхъ недугъ...

Захмелѣвшій Евграфъ Павлычъ заставилъ музыкантовъ играть плясовую и мигнулъ Ѳедькѣ, первому своему плясуну, чтобы вставалъ въ пару съ Мариной.

Дѣвушка сначала отнѣкивалась, но потомъ должна была согласиться на усиленныя просьбы всей кутившей компаніи. Музыка грянула, Ѳедька лихо пошелъ выдѣлывать какое-то замысловатое цыганское колѣно, но Евграфъ Павлычъ его остановилъ:

— Погоди, Ѳедя, ты еще напляшешься... дай намъ, старикамъ, старинку вспомнить. Самъ буду плясать съ Мариной Андроновной.

Когда-то Евграфъ Павлычъ лихо плясалъ—какъ говорится, только стружки летѣли,—но теперь отяжелѣлъ и выдѣлывалъ колѣна очень грузно. Зато, отплясавъ, онъ расцѣловалъ поповну прямо въ губы и проговорилъ:

— Вотъ люблю, Маринушка... изуважила старика! Люблю за молодецкій обычай...

Евграфъ Павлычъ долго не выпускалъ изъ своей ланиши бѣлую и мягкую руку Марины и все время заглядывалъ ей въ опущенные глаза, на подымавшуюся волной высокую грудь, на горячій дѣвичій румянецъ, на дрожавшую на алыхъ губахъ вызывающую улыбку.

Марина плясала такъ себѣ, больше помахивала платочкомъ, но разгулявшимся старикамъ немного было нужно.

Оедька Ремянниковъ присутствовалъ при общемъ весельѣ, пилъ вмѣстѣ съ другими, но выглядѣлъ угрюмо, волкъ-волкомъ; онъ отлично понималъ, отчего развеселился Евграфъ Павловичъ и что завелось у него на умѣ. На Марину Ремянниковъ старался совсѣмъ не смотрѣть: безъ того было тошнехонько и даже вино не пьянило.

— Братіе!—выкрикивалъ засѣдатель и лѣзъ ко всѣмъ цѣловаться.— Слава Тебѣ, Царю небесный... Всѣ и помирились. Родимые мои...

Засѣдатель на вторыя сутки совсѣмъ развинтился и напрасно отыскивалъ уголка, гдѣ бы вздремнуть: его разыскивали, встряхивали и опять заставляли пить.

— Ты вотъ что, Оедя,—говорилъ Евграфъ Павлычъ Ремянникову подъ шумокъ,—засѣдатель еле на ногахъ держится... Попа Андрона я спою, а ты накачивай этого зеленаго попа. Понимаешь?

— Понимаю, Евграфъ Павлычъ.

— Ну, а я отсюда не уѣду, пока не развяжу узелка.

— Понимаю, Евграфъ Павлычъ.

Намѣренія барина были вполнѣ ясны: онъ увлекся востроглазой поповной Мариной, которая сама заигрывала съ нимъ глазами. Евграфа Павлыча бросало въ жаръ и холодъ, когда она смѣялась.

„Будешь моя, голубушка,—думалъ разгорѣвшійся самодуръ-заводчикъ.— Годъ проживу здѣсь, а не отступлюсь.. Вотъ такъ дѣвка: вся яблокомъ, не чета моимъ-то птахамъ“.

Ремянниковъ слѣдилъ за этой двойной игрой и чувствовалъ, какъ самъ онъ дѣлался точно чужой себѣ, точно застылъ, а на сердцѣ такъ и накипаетъ жестокая, смертная злоба.

„Постой, я покажу тебѣ, какъ узелки развязываютъ“,—думалъ Оедька, глядя на Евграфа Павлыча исподлобья, и даже самъ вздрагивалъ. Что-то такое красное застилало ему глаза, и все представлялось лицо барина, блѣдное, искаженное предсмертными судорогами, съ выкатившимися глазами. Да, онъ убьетъ его и Маринушку, подлую, по пути: семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Накажутъ плетями, потомъ пошлютъ въ каторгу, потомъ онъ убѣжитъ и будетъ бродяжить здѣсь же на заводахъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній. А вотъ и эшафотъ готовъ... палачъ въ красной рубахѣ похаживаетъ и вытягиваетъ длинную ременную плеть... Кругомъ тысячная толпа народу... Господи, какъ страшно!.. Оедька поднимается на эшафотъ, и вдругъ у него захолонуло на душѣ, но онъ собралъ всѣ силы, перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны...

— Ты что это, Оеденька, задумался?—пристаетъ зеленый попъ.

— Да такъ... о тебѣ, батька, соскучился. Выпьемъ!

„Зеленый попъ“ на видъ былъ такой вихлястый и жиденькій, пальцемъ ударить, такъ переломится, а пить былъ здоровъ: пьетъ, какъ дудка, и конецъ. Пьетъ и смѣется, да еще свои гнилые зубы показываетъ. Оедька все-таки помнилъ наказъ Евграфа Павлыча и старался всѣми силами накачать водкой зеленаго попа до положенія ризъ.

— Невинно вино, а укоризненно піанство, — повторялъ зеленый попъ передъ каждой рюмкой и опять показывалъ свои гнилые зубы.

„Ахъ, ты, гнилушка проклятущая“,— началъ сердиться Ремянниковъ и серьезно принялся за свое порученіе, заставляя зеленаго попа хлопать одну рюмку за другой.

Марина появлялась къ гостямъ только по зову или посмотрѣть на отца, который все еще держался на ногахъ, а потомъ уходила къ себѣ въ комнату, гдѣ и запиралась на крючокъ. Пьяный Евграфъ Павлычъ, улучивъ минуту, нѣсколько разъ пробовалъ, подъ шумокъ, незамѣтно пробраться къ поповнѣ, но каждый разъ ему что-нибудь мѣшало: то зеленый попъ подвернется, то пьяный Блохинъ. Разъ Евграфъ Павлычъ совсѣмъ былъ у цѣли и даже осторожно постучалъ въ дверь поповнѣ.

— Кто тамъ?—окликнула Марина вполголоса.

— Это я, Маринушка... Отвори, словечко надо сказать.

— Я боюсь...

Безъ сомнѣнія, еще четверть часа — и поповна отворила бы дверь. Евграфъ Павлычъ клялся и божился послѣ, что отворила бы, но какъ на грѣхъ притащился попъ Андронъ, схватилъ Евграфа Павлыча за ухо и увелъ къ гостямъ.

— Сіе не подобаетъ, — строго замѣтилъ старикъ и погрозилъ своимъ короткимъ пальцемъ.—А то я тебѣ всѣ ребра переломаю.

— Да вѣдь я такъ... мимо шелъ, — оправдывался Евграфъ Павлычъ, какъ пойманный школьникъ.

— И мимо не ходи, да и другимъ закажи, послику не подобаетъ. Видѣлъ засѣдателя-то?

— Блохина?

— Ну, его самаго... Такъ вотъ этотъ самый Блохинъ изъявляетъ свое желаніе обручиться съ дѣвицей, нареченной Мариной.

— Ну, ужъ этому не бывать, попище!.. Пусть поищетъ другую твой засѣдатель, а Марина его ногами затопчетъ.

— Не отъ насъ это строится, Евграфъ Павлычъ: кого Господь укажетъ, за тѣмъ и быть Маринѣ.

Это извѣстіе еще больше разгорячило Евграфа Павлыча, и онъ еще больше началъ пьянѣть отъ одной мысли о соблазнительной близости запретнаго плода. Ну, да ничего, только бы споить поповъ, а тамъ все уладится само собой...

Это жестокое пьянство продолжалось ровно три дня и три ночи. Евграфъ Павлычъ помнилъ, какъ сквозь сонъ, что попъ Андронъ преподнесъ имъ какую-то завѣтную наливку на какихъ-то травахъ—цѣлую ведерную бутыль. Всѣ пили рюмку за рюмкой, такъ что подъ конецъ у Евграфа Павлыча заходили столбы въ головѣ. Потомъ все какъ-то перемѣшалось, точно было подернуто дымкой.

На четвертый день Евграфъ Павлычъ проснулся поздно. Голова у него трещала, какъ расколотая. Онъ долго не могъ открыть слипавшіеся глаза, пока не повелъ рукой. Рядомъ съ нимъ на подушкѣ лежала другая голова. Евграфъ Павлычъ быстро поднялся на постели и даже раскрылъ ротъ отъ удивленія: онъ лежалъ на какой-то необыкновенно широкой кровати, а рядомъ съ нимъ спала поповна Марина. Да, это была она, вся розовая, въ сіяньи своихъ разсыпавшихся золотыхъ волосъ...

— Гдѣ же это я? — старался припомнить Евграфъ Павлычъ и потомъ ударилъ себя по лбу. — Въ Ключикахъ, у попа Андрона... ха-ха!.. Очень

хорошо... Однако вѣдь это, кажется, комната Марины? Да, да, всѣ были пьяны, потомъ... потомъ...

Марина проснулась и смотрѣла на Евграфа Павлыча заспанными, улыбавшимися глазами и нисколько не стѣснялась своего новаго положенія, а даже потянулась, какъ кошка, и обняла его своей теплой, бѣлой рукой.

— Здорово кутнули, — проговорилъ наконецъ Евграфъ Павлычъ, напрасно стараясь припомнить подробности этой ночи. — Послушай, Марина, я тихонько вылѣзу въ окно, а то, пожалуй, попъ Андронъ проснется, и тогда плохо будетъ...

Поповна ничего не отвѣтила, а только быстро спрятала свое улыбавшееся, залитое румянцемъ лицо въ подушку.

„Вотъ молодецъ дѣвка!“ — невольно подумалъ Евграфъ Павлычъ, поцѣловалъ Марину въ крѣпкій затылокъ, точно затканный вившимися золотыми волосиками, и началъ быстро одѣваться.

Окна были завѣшены кисейными занавѣсками, но черезъ нихъ можно было разсмотрѣть, какъ по двору ходили какіе-то люди (окна изъ комнаты Марины выходили на дворъ). Значитъ, бѣжать черезъ окно нечего было и думать. Оставалась дверь, но за дверью въ сосѣдней комнатѣ слышались чьи-то шаги и осторожное покашливанье.

„Охъ, плохо дѣло, попъ проснулся, — со страхомъ подумалъ Евграфъ Павлычъ, не зная, какъ ему выбраться отъ ласковой поповны.—А, все равно, скажу, что попалъ сюда пьяный... ничего не помню... отлично!“

Евграфъ Павлычъ пріосанился, пріотворилъ дверь и увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ кипѣвшій самоваръ, за самоваромъ „зеленаго попа“ и самого попа Андрона, который сидѣлъ на диванѣ въ большихъ серебряныхъ очкахъ и читалъ какую-то книгу, въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Дѣваться было некуда, и Евграфъ Павлычъ вышелъ, немного сконфуженный.

— А, вотъ и ты,—весело заговорилъ попъ Андронъ и пошелъ навстрѣчу къ Евграфу Павлычу съ распростертыми объятіями.—Ну, Евграфушка, давай поцѣлуемся.

Зеленый попъ тоже показывалъ всѣ свои гнилые зубы и тоже полѣзъ обниматься.

— Слава Богу, слава Богу! — повторялъ зеленый попъ.—Поздравляемъ васъ, Евграфъ Павлычъ, съ законнымъ бракомъ...

— Съ какимъ законнымъ бракомъ?

— А то какъ же? Изволили вчерашняго числа вступить въ законъ, — объяснилъ зеленый попъ. — Съ радости-то, видно, всю память отшибло... Я васъ и вѣнчалъ, Блохинъ былъ свидѣтелемъ. Да...

— Да вы съ ума сошли, простоволосые черти! — не своимъ голосомъ закричалъ Евграфъ Павлычъ и только теперь припомнилъ, что дѣйствительно былъ въ церкви вчера, горѣли свѣчи и т. д. — Это вы пьянаго меня обвѣнчали?.. а?

— Полно шутить, Евграфушка, — серьезнымъ тономъ заговорилъ попъ Андронъ.—Не такое это дѣло... Я не навязывался съ дочерью: самъ въ ногахъ ползалъ у меня да просилъ согласія.

— А гдѣ Ѳедька?

— На погребицѣ вмѣстѣ съ Блохинымъ лежатъ вторыя сутки: зѣло угобзились...

Евграфъ Павлычъ подумалъ, подумалъ, покачалъ головой и наконецъ проговорилъ:

— Ну, попище, перехитрилъ ты меня... да, ловко околпачилъ...

X.

Свадьба была отпразднована на той же неделѣ въ Ключикахъ, и празднество продолжалось цѣлую недѣлю. Въ ознаменованіе торжества, вся посуда въ поповскомъ домѣ была перебита въ лоскъ, переломана вся мебель, и, войдя въ азартъ, пьяные гости изорвали въ клочья все платье другъ на другѣ, такъ что для продолженія праздника изъ Кургатскаго завода была выписана цѣлая партія киргизскихъ азямовъ, которыми и прикрылась пьяная нагота. Въ этой свалкѣ погибъ и знаменитый зеленый подрясникъ запрещеннаго попа, обвѣнчавшаго молодыхъ.

Пока происходило все это неистовство, Евграфъ Павлычъ послалъ Гунку въ заводъ съ лаконическимъ приказаніемъ: въ три дня разнести дѣвичью при господскомъ домѣ до послѣдняго камешка, а на ея мѣстѣ разбить къ пріѣзду молодыхъ цвѣтникъ. Но какъ быть съ Мотей и ея воспитанницами? Этотъ вопросъ Евграфъ Павлычъ никакъ не могъ разрѣшить и оставилъ открытымъ до своего прибытія, хотя и побаивался молодой жены, которая оказалась съ ноготкомъ.

Впрочемъ, дѣло уладилось какъ-то само собой. Марина Андроновна, по пріѣздѣ въ Кургатскій заводъ, даже и вида не подала, что знаетъ что-нибудь о существованіи дѣвичьей и о той роли, какую играла въ ней Матильда Карловна. Съ нѣмкой встрѣтилась она дружелюбно и даже сблизилась съ ней.

— Я тебя, Мотя, не пущу,—заявила Марина, когда нѣмка начала собираться во-свояси.—Ты мнѣ не мѣшаешь, а одной мнѣ скучно... Живи у насъ экономкой, а то я что же буду дѣлать здѣсь безъ тебя? Ты все знаешь и все умѣешь сдѣлать.

Такъ нѣмка Мантилья и осталась при господскомъ домѣ, хотя Евграфа Павлыча въ первое время немного и коробило, когда случалось обѣдать втроемъ.

Въ какихъ-нибудь полгода все въ кургатскомъ домѣ пошло на новую руку, хотя, повидимому, молодая сама ничего и не дѣлала: рядилась, ѣла, спала—и только. Она оказалась какая-то равнодушная ко всему и часто не знала, чѣмъ и какъ убить время. Евграфъ Павлычъ тоже какъ-то вдругъ притихъ и опустился, какъ проколотый пузырь, и даже началъ замѣтно припадать на одну ножку, значитъ, вступилъ въ законъ въ самый разъ. О прежней развеселой жизни, конечно, не могло быть и помину, и Евграфъ Павлычъ радъ былъ, какъ празднику, когда въ Кургатъ наверится какой-нибудь повенькій человѣкъ.

Однако, несмотря на свое видимое равнодушіе, Марина успѣла пристроить всѣхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ въ дѣвичьей, т.-е. наградила приданымъ и выдала замужъ. Свадьба Матреши и Даши была въ одинъ день, а потомъ онѣ явились со своими мужьями благодарить барыню за великую милость. Глядя на улыбавшихся молодыхъ, Марина Андроновна легонько-легонько вздохнула и прослезилась.

— Намъ и Бога за васъ не замолить, матушка-барыня, — объясняла бойкая Даша. — Какъ бы не вы, такъ ужъ и не знаю, что бы такое со всѣми было...

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — замѣтила Марина Андроновна и отпустила молодыхъ съ новыми подарками.

— Теперь только тебя, Мотя, осталось пристроить да Анюсу, — говорила Марина Андроновна.

— Чего еще намъ нужно? И такъ проживемъ, — отвѣтила Матильда Карловна и слегка зарумянилась.

— Зачѣмъ ты скрываешься отъ меня, Мотя. Я вѣдь все знаю... Погоди, выдадимъ тебя за Ремянникова... Онъ вѣдь тебя очень любитъ, я знаю.

Всю подноготную кургатскаго господскаго дома Марина Андроновна знала черезъ горбатую Аниссу, которая быстро втерлась въ довѣріе къ барынѣ и, между прочимъ, разсказала романъ нѣмки Мантильи и, кстати, свой собственный.

— Надо ихъ женить, — рѣшила Марина Андроновна. — Будетъ Ѳедькѣ неокрученнымъ шататься.

— Тоскуетъ онъ, матушка-барыня, — вкрадчиво докладывала горбунья, стараясь подмѣтить, какъ перемѣнится въ лицѣ Марина Андроновна при этомъ намекѣ на милаго дружка.

— А вотъ женится, такъ и перестанетъ тосковать... Мотя его приберетъ къ рукамъ. Шелковый будетъ...

Ремянниковъ бѣжалъ изъ Ключиковъ, какъ только проснулся послѣ поповскаго угощенія, и недѣли двѣ вылежалъ въ своемъ флигелѣ, сказываясь больнымъ. Этотъ неожиданный оборотъ дѣла разстроилъ весь его планъ убійства барина: дѣло сдѣлано, теперь не поможешь. Долго сидѣлъ Ремянниковъ въ своемъ флигелькѣ, пилъ водку съ Яшей и все думалъ о чемъ-то: упрется глазами въ стѣну и молчитъ. Даже похудѣлъ отъ постоянной думы, — лицо осунулось, глаза ввалились, русые кудри скатались въ одну шапку: не для кого ихъ было расчесывать.

Яша-Херувимъ кашлялъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе, бросилъ пить водку и все молился: онъ таялъ, какъ свѣча. Особенно тяжело доставались Яшѣ безсонныя ночи, когда все кругомъ стихало и только за печкой трещалъ сверчокъ свою безконечную пѣсню. Ремянниковъ спалъ, какъ убитый, или уходилъ куда-нибудь. Однажды Яшѣ сдѣлалось особенно тяжело: душилъ страшно кашель, била лихорадка, въ глазахъ мутилось. „Смерть приходитъ“,— съ ужасомъ думалъ больной и тихо заплакалъ. О чемъ онъ горевалъ? Родныхъ у него не было, сначала онъ былъ пѣвчимъ въ церковномъ хорѣ, потомъ служилъ мальчикомъ въ трактирѣ и наконецъ попалъ въ хоръ какихъ-то странствующихъ пѣвчихъ. Такъ шелъ годъ за годомъ, вѣчное пьянство, безпорядочная холостая жизнь, тоска. Все это теперь перебиралъ Яша въ своемъ больномъ умѣ, и ему дѣлалось еще тяжелѣе: въ этой пестрой, безпорядочной жизни не было ни одного свѣтлаго мгновенія, ни одной радости.

— Свиньей жилъ... въ грязи бродилъ... — стоналъ Яша, падая головой въ подушку.— Давно пора умирать!

Въ Москвѣ Яша познакомился съ Матильдой Карловной, которая тогда жила еще съ матерью. Она была такая бѣленькая, хорошенькая дѣвочка, совсѣмъ еще молоденькая. Яшѣ ужасно было жаль, что она убивается надъ работой въ магазинѣ, и захотѣлъ остепениться, чтобы чѣмъ-нибудь помогать ей. Въ его душѣ затеплилось что-то въ родѣ любви; но это чувство оборвалось въ самомъ началѣ. Въ Москву пріѣхалъ Евграфъ Павлычъ и купилъ у матери маленькую нѣмочку, а по пути захватилъ съ собой нѣсколько пѣвчихъ для своего заводскаго хора. У Яши былъ еще голосъ, и онъ тоже поѣхалъ за своей нѣмочкой куда-то въ Сибирь.

Дальше... что было дальше—Яша затруднился бы разсказать даже себѣ самому: то же безшабашное пьянство, вѣчное похмелье и непроходимое свинство. Да, все грѣхи да грѣхи, точно безконечная паутина. Стояла ужъ осень, листья давно облетѣли съ деревьевъ, и въ саду съ воемъ и свистомъ рвался

холодный осенній вѣтеръ. Дождь то переставалъ, то начиналъ итти снова, и слышно было, какъ слезливо журчала вода по водосточной трубѣ. Непріятно, глухо, уныло было все кругомъ, точно не будетъ завтрашняго дня. Мысли въ головѣ Яши начинали путаться, напалъ какой-то страхъ, и онъ тихо вскрикнулъ, но этотъ слабый, глухой крикъ испугалъ его еще болѣе, точно возлѣ него крикнулъ кто-то другой. Яша уже не въ первый разъ слышалъ этотъ крикъ и не узнавалъ собственнаго голоса. Теперь, охваченный паническимъ ужасомъ, Яша поднялся съ постели и началъ звать Ремянникова, который спалъ мертвымъ сномъ.

— Ну, чего тебѣ?.. а?—бормоталъ Ремянниковъ сквозь сонъ.

— Ѳедя, голубчикъ... страшно мнѣ, — шепталъ Яша, наклоняясь надъ самымъ изголовьемъ спавшаго друга. — Ты не слыхалъ ничего, Ѳедя?.. По ночамъ кто-то у насъ кричитъ... такъ и слышно, что подъ землей кто-то этакъ глухо стонетъ и опять молчитъ.

— Ну, и пусть кричитъ... Экъ тебя взяло, Яшка!.. Только спать мѣшаешь...

— Да вѣдь кричитъ, Ѳедя... Это *онъ* меня зоветъ въ землю. Охъ, какъ страшно, Ѳедя, умирать; темно кругомъ... холодно... а тамъ страшный судъ, за каждый грѣхъ должонъ отвѣтъ дать. Ѳеденька, голубчикъ, прости ты меня, ради Христа, ежели я тебя чѣмъ обидѣлъ...

— Ты обидѣлъ меня?—удивился Ремянниковъ; какъ онъ ни хотѣлъ спать, но мысль, что Яша могъ кого-нибудь обидѣть, заставила его расхохотаться.—Вотъ ты клоповъ, Яша, часто обижалъ; у нихъ проси прощенья... Ха-ха! Обидѣлъ!.. Ужъ только и придумаетъ!

— А вотъ и обидѣлъ я тебя, Ѳедя,—упрямо продолжалъ Яша, съ трудомъ прокашливаясь.—Помнишь попа-то Андрона... когда онъ васъ съ Мариной въ бесѣдкѣ засталъ? *Это я его подвелъ*... Ѳеденька, голубчикъ, прости меня!..

Яша совсѣмъ упалъ на полъ и нѣсколько разъ ударилъ лбомъ въ знакъ полнаго раскаянія.

Это признаніе точно ужалило Ремянникова; онъ вскочилъ съ постели и схватилъ Яшу за его худыя, костлявыя плечи.

— Яшка, такъ это ты подвелъ?.. а? — шепталъ Ремянниковъ, начиная сжимать корчившагося въ его рукахъ Яшу.

— Я... прости, Христа ради... ой, больно!.. Ты мнѣ добро дѣлалъ, а я вотъ какую шутку устроилъ... Охъ, Ѳеденька, тяжело на душѣ... согрѣшилъ я противъ тебя...

Ремянниковъ на минуту задумался, а потомъ спросилъ:

— Для чего тебѣ-то, Яша, нужно было подводить попа? Вѣдь ты меня зарѣзалъ... Да если бы я зналъ это раньше, я тебя тутъ же бы и задушилъ. Не видать бы тогда Евграфу Павлычу Марины, какъ своихъ ушей. Яшка, я и теперь задушу тебя...

— Убей, ну, убей...—беззащитно проговорилъ Яша, опуская руки.

— И убью... Ну, говори, кто тебя научилъ?.. а? Вѣдь это ты не своимъ умомъ придумалъ?.. а?

— Все скажу, Ѳедя... Тогда пришла ко мнѣ вотъ сюда во флигель Мантилья и велѣла ѣхать въ Ключики; она и научила, какъ попа на тебя съ Мариной подвести...

— Такъ вотъ кто... Мотька все устроила! — застоналъ Ремянниковъ и въ отчаяніи рванулъ себя за волосы.

— Гунька тогда возилъ насъ въ Ключики-то,—продолжалъ Яша, припоминая свою поѣздку.

— Кого нась?

— Ну, нась: меня да Анюсу... Сперва-то сама Мантилья хотѣла ѣхать со мной, да ей нельзя было.

— Вотъ оно что!—повторилъ Ремянниковъ нѣсколько разъ, стараясь что-то припомнить.—Такъ... значитъ, и палевые голуби отсюда же прилетѣли! Ловко... Ну, я съ ними со всѣми расправлюсь!

— Съ кѣмъ это?

— А ужъ это мое дѣло...

— Ты, Ѳедя, пожалуйста, не сердись на Мантилью-то: она вѣдь любитъ тебя, а это я виноватъ...

— Убирайся къ чорту!

Ремянниковъ крѣпко призадумался. Онъ два дня ходилъ изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, два дня не ѣлъ и не пилъ и наконецъ куда-то исчезъ.

Какъ-то утромъ Евграфъ Павлычъ съ молодой женой пилъ чай въ столовой. Марина Андроновна была свѣжѣе весенняго утра и въ своемъ кружевномъ утреннемъ пеньюарѣ выглядѣла настоящей русской красавицей.

— Ремянниковъ желаетъ видѣть васъ,—докладывала горбатая Анюса.

— Пусть идетъ. Что за доклады?—грубо отвѣтилъ Евграфъ Павлычъ.—Что-то давненько я его не видалъ: совсѣмъ извелся парень... Все неможется ему что-то.

Когда горбунья ушла, Марина Андроновна проговорила съ лукавой улыбкой:

— А вотъ мы его вылѣчимъ скоро... У меня лѣкарство есть отъ его болѣзни.

— Какое такое лѣкарство?

— Да ужъ такое!.. Ѳедоръ давно вѣдь былъ влюбленъ въ Мотю...

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ это интересно. А я и не подозрѣвалъ ничего! Скажите, пожалуйста...

— Мало ли ты что не знаешь

— Да, да... гм... Это бываетъ иногда. Что же, съ Богомъ...

Въ этотъ моментъ въ столовую быстро вошелъ Ремянниковъ и на мгновеніе остановился въ дверяхъ. Онъ былъ такъ блѣденъ, что Марина Андроновна испуганно посмотрѣла на мужа и сдѣлала невольное движеніе уйти, но Ремянниковъ твердой походкой подошелъ прямо къ ней и повалился въ ноги.

— Ѳедоръ, что ты, что ты?—испугалась совсѣмъ Марина Андроновна.

— Марина Андроновна, прости меня...—проговорилъ Ремянниковъ, не поднимая головы.

— Что съ тобой, Ѳедя?—спрашивалъ Евграфъ Павлычъ.

— Прикажите меня связать, Евграфъ Павлычъ...—глухо отвѣтилъ Ремянниковъ, поднимаясь на ноги.—Тамъ, въ саду... гдѣ стояла дѣвичья...

Въ саду, на мокрой землѣ, между клумбами почернѣвшихъ и высохшихъ цвѣтовъ, валялся обезображенный трупъ Матильды Карловны: несчастная дѣвушка была засѣчена нагайкой и представляла теперь безобразный кусокъ страшно избитаго мяса, такъ что на спинѣ сквозь клочья одежды бѣлѣли кости.

1885.

РОДИТЕЛЬСКАЯ КРОВЬ.

Очеркъ.

I.

Лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ... Настоящій дремучій сибирскій лѣсъ, сохранившійся въ этой мѣстности какимъ-то чудомъ, потому что кругомъ, на сотни верстъ, всѣ настоящіе лѣса давнымъ-давно сведены и выжжены заводчиками. Этотъ лѣсъ извѣстенъ подъ именемъ „середовины“, потому что лежитъ на границѣ казенной дачи и дачи Пластунскихъ заводовъ; по мнѣнію главнаго пластунскаго лѣсничаго, онъ принадлежитъ Пластунскимъ заводамъ, а по мнѣнію казенныхъ лѣсничихъ—казнѣ. Это спорное положеніе спасло „середовину“ отъ конечнаго истребленія, но въ недалекомъ будущемъ ее постигнетъ общая участь всѣхъ уральскихъ лѣсовъ—она будетъ, конечно, истреблена до послѣдняго дерева, какъ умѣютъ истреблять лѣса только на Уралѣ.

Однимъ краемъ „середовина“ упирается въ широкое торфяное болото, а другимъ прилегаетъ къ каменистой грядкѣ невысокихъ увaловъ; болото уходитъ далеко на сѣверъ, гдѣ въ синеватой мглѣ встаютъ уже настоящія горы. Если смотрѣть на окрестности съ вершины одной изъ этихъ горъ, картина представляется довольно оригинальная, особенно рано утромъ, когда болото покрыто еще туманомъ; болото разлеглось неправильнымъ разливомъ на десятки верстъ, на немъ отдѣльныя горки и увалы выдаются, какъ острова или гигантскія бородавки, а „середовина“ кажется громадной черной овчиной, растянутой по неровной, чуть замѣтно всхолмленной поверхности. Въ среднемъ Уралѣ такихъ картинъ слишкомъ много, и съ каждымъ шагомъ на сѣверъ эти болотины разрастаются все шире и шире.

Лѣсъ въ „середовинѣ“ сосновый, дерево къ дереву, какъ восковыя свѣчи, и только по опушкѣ образовался смѣшанный подсѣдъ изъ березняковъ, рябины и черемухи, который на болотѣ переходитъ въ настоящій болотный „карандашникъ“, т.-е. въ чахлыя и корявыя березки, въ кривыя тонкія сосенки-карлицы, тальникъ, ивнякъ и кусты смородины. Этотъ карандашникъ точно зараженъ золотухой или англійской болѣзнью, но сосны-карлицы живутъ по сту лѣтъ и болѣе. Тяжело смотрѣть на такое дерево-уродъ: стволъ непропорціонально тонокъ, узловатъ, во многихъ мѣстахъ согнутъ и покрытъ совсѣмъ особенной мертвой корой, есть даже гнилыя язвы, изъ которыхъ сочится мокрота; рядомъ съ этимъ золотушнымъ чахлымъ лѣсомъ середовинскій боръ является какой-то лѣсной гвардіей, гдѣ каждое дерево—богатырь...

Здѣсь необходимо замѣтить, что „середовина“ служила гранью между сѣвернымъ дремучимъ лѣсомъ и лѣсными породами средней полосы: тамъ, гдѣ высились синія горы, залегли безпросвѣтные ельники, пихтарники и кед-

ровники, тамъ тянутся къ небу своими распростертыми коряжистыми вѣтвями едва опушенныя блѣдной зеленью листвени, а къ югу пошли веселые свѣтлые бора, березняки, липовые острова. На сѣверѣ сосна является исключеніемъ, какъ ель на югѣ, да и сѣверная сосна такая жалкая, вытянутая и голая сравнительно съ коренастыми гвардейцами той же „середовины“. Въ настоящемъ сѣверномъ лѣсу—таежникѣ—чувствуется какая-та глубокая печаль, точно вся природа закуталась въ темно-зеленый трауръ; не то въ „середовинѣ“, гдѣ было такъ свѣтло и просторно, какъ подъ высокими стрѣльчатыми сводами какого-то гигантскаго храма. Всякая дичь любила держаться около этой „середовины“: по опушкамъ кормились табуны поляшей (косачи), рябчики, вальдшнепы, въ глубинѣ—глухарь, въ болотѣ—дупеля и т. д. Однимъ краемъ черезъ „середовину“ протекала рѣка Пластунья, очень болотистая и иловатая въ верхотинахъ, но дѣлавшаяся чище въ низовьяхъ, точно она проходила чрезъ какой-то невидимый фильтръ, въ которомъ оставляла илъ, тину и крутившуюся въ ея струяхъ желтоватую муть.

Около этой „середовины“ была отличная охота: весной по опушкамъ тянули вальдшнепы, на лѣсныхъ прогалинкахъ токовали косачи, въ перелетъ Пластунья покрывалась утками и гусями,—лѣтомъ здѣсь кормились отличные выводки, а глухой осенью, по первой порошѣ, били косачей съ подъѣзда и на чучело. Прибавьте къ этому зайцевъ и волковъ, которые перебивались около „середовины“, а по весеннему „насту“ здѣсь была отличная охота на дикихъ козъ и даже оленей, хотя олень рѣдко заходилъ въ „середовину“, потому что кругомъ было уже слишкомъ голо. Въ виду такого разнообразія дичи, охотниковъ всегда тянуло въ „середовину“, которая во всемъ своемъ составѣ на двадцативерстномъ разстояніи находилась подъ наблюденіемъ всего одного сторожа, извѣстнаго у охотниковъ подъ названіемъ Прохорыча, или попросту—„Секрета“. Кто далъ Прохорычу это названіе: Секретъ — неизвѣстно, но оно какъ нельзя лучше шло къ нему: „Секретъ“ такъ секретъ и есть. Самая физіономія Прохорыча изобличала его „секретное“ происхожденіе: широкое русское лицо, узенькіе голубые глазки, глядѣвшіе какъ-то тревожно и таинственно, рыжая окладистая бородка, сдвинутыя заботливо брови, особенно, когда Прохорычъ начиналъ закручивать длинный тараканій усъ. Говорилъ онъ отрывисто, какими-то обрывками фразъ, и любилъ выражаться иносказательно и даже своимъ особеннымъ высокимъ слогомъ, потому что сильно понаметался около господъ. Костюмъ Секрета составлялся очень замысловатымъ образомъ изъ разнаго тряпья, хотя онъ и держался въ немъ съ большимъ гоноромъ, потому что чувствовалъ себя записнымъ охотникомъ, а записные охотники всегда щеголяютъ въ сборныхъ костюмахъ—это своего рода мода и щегольство.

Сторожка Секрета приткнулась къ самому бору и была заслонена со стороны болота рѣдкимъ березнякомъ, такъ что незнакомый человѣкъ по самымъ точнымъ указаніямъ, когда приходится поворачивать десять разъ направо и столько же налѣво, едва ли отыскалъ бы замысловатое жилище Секрета, особенно лѣтомъ, когда оно совсѣмъ пряталось въ зелени.

— Какъ-то я самъ плуталъ-плуталъ по лѣсу-то, а своей избушки не нашелъ,—объяснялъ Прохорычъ знакомымъ охотникамъ, молодцевато закручивая усы.—Конечно, маненько въ разу былъ... отъ знакомаго барина ѣхалъ... славный такой баринъ въ городу у меня есть. Ну, поднесъ мнѣ стаканчикъ, да три стаканчика на свои выпилъ, въ глазахъ-то и задвоило... Почитай, цѣльную ночь по середовинѣ ѣздилъ да въ лѣсу и заснулъ, а избушки не доѣхалъ, будетъ-не-будетъ, саженъ двѣсти.

Снаружи сторожка Секрета была просто вросшая въ землю лачуга, сильно покосившаяся на одинъ бокъ, вмѣсто крыши была насыпана толстымъ слоемъ земля, покрытая густой травой и даже молодыми березками. Около этого дворца изъ сухарника была пригорожена „стая“ для скотины и небольшой пригонъ. Внутренность сторожки заключалась всего въ одной комнатѣ—направо небольшая русская печь, налѣво въ углу столъ, сейчасъ отъ двери около стѣны деревянная кровать, двѣ скамьи, колченогій стулъ—и только. На стѣнѣ надъ кроватью висѣло два ружья, около печки полочка съ посудой, подъ кроватью разбитый сундукъ съ движимымъ, на покосившемся окнѣ вѣчный горшокъ съ краснымъ перцемъ — дальше этого желанія Прохорыча не шли, потому что Прохорычъ въ душѣ былъ немножко философъ и, какъ всѣ философы, жилъ по преимуществу духомъ. Въ этой избушкѣ Прохорычъ проживалъ со своей женой Власьевной и съ двумя бѣлоголовыми ребятишками и, кромѣ того, ухитрялся держать еще квартирантовъ—то какихъ-то каменотесовъ, то пріисковыхъ старателей, то гуртовщиковъ; кромѣ того, у него останавливались всегда охотники, особенно лѣтомъ, когда кругомъ „середовины“ было настоящее раздолье. Жена у Прохорыча, бабенка лѣтъ тридцати пяти, была какъ разъ ему подъ пару и постоянно ходила съ какимъ-то испуганнымъ лицомъ.

— А вы вотъ что мнѣ скажите, баринъ,—приставалъ Секретъ къ каждому новому знакомому:—чѣмъ я теперь живу въ лѣсу?..

— Какъ чѣмъ: вѣдь ты жалованье получаешь, какъ лѣсникъ...

— Я? Жалованье?.. Мое жалованье вотъ какое: приду къ казенному лѣсничему за мѣсячнымъ, а онъ мнѣ: „Ты проси у пластунскаго управителя жалованье-то, потому середовина-то ихняя“, ну, я въ Пластунскій заводъ, тамъ нѣмецъ Бацъ управителемъ, ну, онъ гонитъ за жалованьемъ къ казенному лѣсничему, потому, говоритъ, середовина казенная... Ужъ ходишь-ходишь, кланяешься-кланяешься. А бываетъ и такъ, что два жалованья получишь... Ей-Богу!..

Въ качествѣ записного охотника, Секретъ вралъ любую половину, но его средства дѣйствительно были сомнительны, и онъ больше кормился отъ пріѣзжавшихъ охотниковъ.

— Кабы не господа—пропадай!—заявлялъ Секретъ самъ.—Отъ господъ только и питаешься, особливо къ Ильину дню, когда изъ Пластунскаго завода, изъ Боровковъ и изъ прочихъ мѣстовъ народъ страдовать начинаетъ. Бабъ тогда по покосамъ множество, а господамъ это даже весьма любопытно бываетъ... Боровскія-то кержанки вонъ какія, Христосъ съ ними: точно ямистая рѣпа, ну и гулеванки тоже, когда мужиковъ близко нѣтъ. Что этого вина въ тѣ поры съ господами выпьешь—страсть!.. Ну, зимой, обнакновенно, гишпина, а къ лѣту опять и оттаешь... Съ ранней весны кружить-то начинаемъ, только тутъ смотри: однихъ господъ не успѣлъ проводить—другіе катятъ, да такъ кругомъ и идетъ. Народъ все прахтикованный, сейчасъ къ каждому примѣняешься: кому и что—одинъ насчетъ водки, другой за бабами, третій куликовъ стрѣляетъ, а есть и такіе, что ѣдутъ просто сами себя удивлять... Ей-Богу, такіе фокусы строятъ—кто что придумаетъ!..

Господа, пріѣзжавшіе на охоту въ „середовину“ изъ города и съ заводовъ, для Секрета служили неистощимымъ источникомъ для самыхъ пикантныхъ разсказовъ, причемъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ являлась всегда водка.

— Лучшіе самые господа пріѣзжаютъ,—объяснялъ Секретъ при каждомъ удобномъ случаѣ.—Пьешь, пьешь, даже совѣстно въ другой разъ сдѣлается... а нельзя, потому я долженъ уважить.

Однимъ словомъ, въ качествѣ „прахтикованнаго“ мужика, Секретъ умѣлъ „утрафить“ всѣмъ и, благодаря такой изворотливости, ухитрялся существовать почти безбѣдно. Но у Секрета была и своя хорошая сторона: онъ горой стоялъ за свою „середовину“ и постоянно сражался съ лѣсоворами, которые дѣлали набѣги на его участокъ. Лѣсоворный промыселъ на Уралѣ распространенъ какъ нигдѣ и обратился въ настоящую профессію, потому что отвода лѣсныхъ надѣловъ населенію еще не произведено. Вы услышите очень часто стереотипную фразу, что такой-то „занимается по лѣсоворной части“, какъ другіе занимаются по части пріисковой, кожевенной, сундучной и т. д. И нужно замѣтить, что эта „лѣсоворная часть“ организована отлично, на разбойничій манеръ, такъ что съ лѣсоворами происходятъ у лѣсной стражи настоящія сраженія. Секретъ лѣзъ на стѣну при одномъ имени лѣсоворовъ.

— Варнаки и душегубы всѣ до единаго,—кричалъ Секретъ, начиная показывать полученные въ разное время рубцы и членовредительства.—Вѣ какъ по поясницѣ изуважили въ позапрошломъ году,—пять денъ вылежалъ... А то по глазу хлобыснули въ томъ году, такъ думалъ: смерть моя, а ужъ что̀ было̀ по затылку кладено—и счетъ потерялъ.

— Да вѣдь и ты имъ не пирогами откладываешь?

— Обнакновенно, разговоръ короткій: я ихъ, варнаковъ, вашескородіе, сухимъ горохомъ стрѣляю... На, носи—не потеряй, голубчикъ!.. И только распильма и народецъ: одинъ безпалый ѣздитъ, а другой—съ одной лѣвой рукой. Такіе кряжи заворачиваютъ—страсть, вершковъ двѣнадцати. Что̀ же, долженъ я на нихъ смотрѣть, вашескородіе, сложа руки?... Сколь могу и я ихъ веселю... Больно ужъ зимой одолѣваютъ: цѣльную ночь сторожишься другой разъ. Не однова меня спалить начисто хотѣли, да лока Богъ хранитъ, что̀ дальше. Боятся они меня, потому какъ я вполнѣ отчаянный человѣкъ насчетъ лѣсу... Бож-же сохрани!

Иногда на Секрета отъ этихъ воспоминаній нападало тяжелое раздумье, и онъ съ неподдѣльной грустью прибавлялъ:

— А не сдобровать, баринъ, середовинѣ-то... охъ, не сдобровать!..

— Почему такъ?

— Да ужъ такъ: сердце чуетъ... Пятнадцать годовъ я здѣсь выжилъ, а теперь сумлѣваюсь. Какъ-то Бацъ говоритъ мнѣ: „Ну, Секретъ, пиши духовную своей середовинѣ, скоро мы ее за себя переведемъ, и сейчасъ только одни угольки останутся“. Точно онъ меня ножомъ полыхнулъ... И переведутъ, безпремѣнно переведутъ, потому кругомъ голо—одинъ карандашникъ, ну, на середовину теперь зубы и точатъ. Нонѣ вѣдь въ Пластунскомъ заводѣ сплошной нѣмецъ пошелъ... Уйму лѣса извели проклятущіе, точно они его жрутъ, потому извѣстно—чужое, развѣ жаль его: повертится нѣмецъ-то годъ-два, сведетъ лѣсъ да и хвостъ убралъ. Нѣтъ, видно, шабашъ середовинѣ...

Однажды въ концѣ іюля я сильно опоздалъ на охотѣ, до города было далеко, и я отправился переночевать къ Секрету. Въ лѣсу уже было совсѣмъ темно, когда я подходилъ къ сторожкѣ со стороны „середовины“. Секрета не оказалось налицо, а Власьевна даже не повернула головы въ мою сторону и только сердито ткнула рукой по направленію горѣвшаго огонька, разложеннаго подъ березками, саженяхъ въ двадцати отъ сторожки.

— Мнѣ бы самоваръ,—попросилъ я, но Власьевна и на этотъ разъ точно такъ же не удостоила отвѣтомъ, а только махнула рукой въ прежнемъ направленіи.

Это нѣмая сцена въ переводѣ обозначала то, что самоваръ подъ березками и что Секретъ прохлаждается тамъ съ какими-то хорошими господами.

Оставалось итти подъ березки—очень веселое и тѣнистое мѣсто дичи.— господа весьма „уважали“ эти березки. Ночевать лѣтомъ въ избушкѣ Секрета нечего было и думать, потому что тамъ вѣчно стояла какая-то отчаянная кислая духота, и охотники обыкновенно располагались подъ открытымъ небомъ у огонька.

— Въ самый разъ, вашескородіе... пресвѣтлительно! — встрѣтилъ меня Секретъ, торопливо вскакивая съ земли.—А мы тутъ съ Евстратомъ Семеновичемъ чайнико шкыркаемъ и насчетъ мухи...

Прямо на травѣ стоялъ кипѣвшій самоваръ, тутъ же торчала початая бутылка водки и какая-то сомнительная снѣдь въ измятой газетной бумагѣ. огонекъ едва дымилъ, отгоняя зудившихъ въ воздухѣ комаровъ, а около него. растянувшись на травѣ, лежалъ громаднаго роста „мужчина“, какъ говорятъ горничныя. По длиннополому сюртуку, красной рубахѣ на выпускъ и полстриженнымъ въ скобку волосамъ, лежавшаго „мужчину“ нельзя было отнести въ разрядъ настоящихъ господъ, а скорѣе это былъ какой-нибудь гуртовщикъ или прасолъ. Прислоненное къ дереву дешевенькое тульское ружье и развѣшанныя на сучьяхъ какія-то лядунки доказывали несомнѣнную принадлежность „мужчины“ къ лику охотниковъ.

— Они по торговой части, изъ Пластунскаго завода,—лебезилъ Секретъ, закручивая усы.—Можетъ, слыхали: Важенинъ, Евстратъ Семенычъ?.. Бакалейное и колоніальное заведеніе и галантереи...

— Не ври ты, ради Христа,—отозвался лѣниво Важенинъ, не поворачивая головы въ мою сторону.—Полфунта чаю да голова сахару—вотъ и вся наша колоніальная торговля...

Важенинъ тихо засмѣялся пьянымъ самодовольнымъ смѣхомъ и сѣлъ Это былъ видный черноволосый мужчина подъ сорокъ; свѣжее румяное лицо. окладистая черная, какъ смоль, бородка, бѣлые зубы и пѣвучій грудной тенорикъ дѣлали его моложе своихъ лѣтъ, и онъ смотрѣлъ настоящимъ молодцомъ. Сѣрые глаза, опушенные длинными загнутыми рѣсницами, замѣтно слинялись, потому что Важенинъ былъ „въ разу“ и сильно раскачивался на мѣстѣ. Это лицо и особенно лѣнивая улыбка показались мнѣ знакомыми, но я не могъ припомнить въ числѣ моихъ знакомыхъ фамилію Важенинъ.

— Побаловаться чайкомъ,—приглашалъ Важенинъ, улыбаясь блаженной улыбкой захмелѣвшаго человѣка.— А мы вотъ тутъ того маненько... разгрызли полштофчикъ.

Пока Секретъ разсказывалъ, какъ они „дрызнули“ послѣ чая, я успѣлъ освободиться отъ разной охотничьей сбруи и съ удовольствіемъ растянулся на травѣ; около меня улегся мой Бекасъ, коричневый понтеръ, уставшій кажется, больше меня. Положивъ свою лобастую умную голову мнѣ на сапогъ собака, прищуривъ желтые глаза, внимательно смотрѣла на суетившагося около самовара Секрета и съ видимымъ удовольствіемъ нюхала воздухъ.

— Это ваша собачка?—спрашивалъ Важенинъ, когда я уже допивалъ второй стаканъ.—Ничего, форменный песикъ... А вотъ я, грѣшный человѣкъ, не люблю собакъ. Вы почему это смѣетесь?

— Да такъ... Извините, нескромный вопросъ: вы изъ старообрядцевъ?

— Около того... по родителямъ-то совсѣмъ кержакъ, а самъ-то по себѣ пожалуй, и православный. А вы почему подумали обо мнѣ, что я изъ старообрядцевъ?

— Потому что всѣ старообрядцы не любятъ собакъ...

— Вѣрно, есть такой грѣхъ. А знаете, почему не любятъ-то?

— Нѣтъ.

— А потому не любятъ, что бѣсъ являлся многимъ угодникамъ въ образѣ пса... Это и въ книгахъ написано.

Мы разговорились, и я окончательно убѣдился, что гдѣ-то встрѣчалъ этого Важенина, но гдѣ—не могъ припомнить никакъ.

— Вы меня не узнаёте?—спросилъ я наконецъ.—Я гдѣ-то васъ встрѣчалъ, а не помню, гдѣ..

Я назвалъ свою фамилію. Важенинъ внимательно посмотрѣлъ на меня и съ улыбкой проговорилъ:

— Даже, можно сказать, весьма васъ помню... Этому ужъ лѣтъ съ шесть будетъ, какъ вы у меня даже въ гостяхъ были въ Пластунскомъ заводѣ. Запамятовали? Да и то сказать, что вамъ и помнить-то трудно этотъ самый случай, потому какъ васъ ко мнѣ привезли въ лежку.

— А, теперь вспомнилъ,—обрадовался я и тоже засмѣялся.

Моя встрѣча съ Важенинымъ была дѣйствительно довольно оригинальна. Поздней осенью я былъ на охотѣ въ горахъ около Пластунскаго завода и схватилъ сильнѣйшую простуду, кончившуюся плевритомъ; больного меня отправили на мѣсто жительства, и я въ первый разъ пришелъ въ себя въ какомъ-то совершенно незнакомомъ домѣ. Какъ теперь вижу маленькую комнату съ крашеными лавками, я лежалъ на кровати, а противъ меня у русской печки сидѣлъ вотъ этотъ самый Важенинъ и внимательно смотрѣлъ на меня. Помню, что мнѣ ужасно было тяжело—томила жажда, кружилась голова и передъ глазами ходили какіе-то круги, но одна фраза, сказанная Важенинымъ съ какой-то дѣтской наивностью, заставила меня разсмѣяться. Смотрѣлъ, смотрѣлъ онъ на меня, встряхнулъ намасленными волосами и какимъ-то необыкновенно добродушнымъ тономъ проговорилъ:

— А вѣдь вы, господинъ, помрете... ей-Богу, помрете!..

Я напомнилъ этотъ эпизодъ Важенину, и мы посмѣялись вмѣстѣ.

— А плохо ваше мѣсто было тогда,—говорилъ онъ, наливая себѣ и мнѣ по стаканчику.—Конечно, въ животѣ и смерти одинъ Господь воленъ, а мы и встрѣтились... Можетъ, еще и меня переживете,—прибавилъ Важенинъ и грузно вздохнулъ своей могучей мужицкой грудью.—Мы такъ думаемъ по своему разуму, а Господь строитъ другое... Пожалуйте!..

Въ концѣ іюля лѣтнія ночи на Уралѣ бываютъ особенно хороши: сверху смотритъ на васъ бездонная синяя глубина, мерцающая напряженнымъ фосфорическимъ свѣтомъ, такъ что отдѣльныя звѣзды и созвѣздія какъ-то теряются въ общемъ свѣтовомъ тонѣ; воздухъ тихъ и чутко ловитъ малѣйшій звукъ; спитъ въ туманѣ лѣсъ; не шелохнувшись стоитъ вода; даже ночныя птицы, и тѣ появляются и исчезаютъ въ застывшемъ воздухѣ совершенно беззвучно, какъ тѣни на экранѣ волшебнаго фонаря. Что-то такое торжественное и великое чувствуется въ такой ночи, которая проходитъ надъ спящей землей неслышными шагами, какъ таинственная сказочная красавица, чарующая все кругомъ уже однимъ своимъ присутствіемъ. Именно была такая ночь, когда мы прохлаждались у Прохорыча подъ березками. Несмотря на усталость послѣ охоты, спать совсѣмъ не хотѣлось, да и нужно было потерять всякую совѣсть, чтобы проспать такую ночь, какъ спалъ, напримѣръ, Бекасъ, свернувшись кренделемъ около огонька. „Середовина“ превратилась въ темную сплошную глыбу, затаившую въ себѣ всѣ звуки; по болоту ползалъ волокнистый туманъ, сквозь мертвую тишину чуть-чуть проносился какой-то смутный шопотъ, заставлявшій собаку вздрагивать.

Секретъ подбрасывалъ въ огонь щепочекъ, закручивалъ усы и облизывался, поглядывая на бутылку съ водкой.

— Такъ ты, Евстратъ Семенычъ, значитъ, приходишь *) на свово-то родителя?—спрашивалъ Секретъ, очевидно, продолжая разговоръ, который они вели до меня.

— Приходить не прихожу, а къ слову сказать,—уклончиво отвѣтилъ Важенинъ, перевертываясь на другой бокъ.—Разсуди, голова съ мозгомъ: кабы ежели тогда покойный родитель опредѣлилъ меня къ Михряшеву, да вѣдь я бы теперь деньгамъ счету не зналъ, а тутъ изволь по конеечкѣ да по грошику сколачивать... Михряшевъ-то тогда по заводамъ страсть гремѣлъ—первый человѣкъ былъ, потому деньжищъ уйма, и вездѣ кабаки и лавки съ панскимъ товаромъ. Приказчиковъ однихъ у него двадцать человѣкъ было, и онъ меня еще у Ивана Антоныча видалъ... Я тогда въ казачкахъ при Иванѣ Антонычѣ состоялъ, и все, бывало, въ передней торчишь, ну, Михряшевъ бывалъ у насъ и замѣтилъ. Денегъ даже давалъ, когда подъ пьяную руку пріѣдетъ. У Ивана Антоныча разливанное море было, потому прежніе заводскіе приказчики жили не по-нонѣшнему: вонъ наши пластунскіе управители не живутъ, а жмутся. Тогда и жалованьишка малюстенныя были, а ни-кого жили. Ну, Михряшевъ свой человѣкъ былъ и примѣтилъ меня, потому какъ былъ я парень-чистякъ: кровь съ молокомъ. Какъ-то разговорились они промежду себя пьяные, ну, Михряшевъ и выпросилъ меня у Ивана Антоныча чтобы въ лавку посадить. Совсѣмъ дѣло на лазъ было, да родитель поднялся на дыбы: не хочу и кончено, потому Михряшевъ хоша и изъ нашихъ старообрядцевъ, а совсѣмъ обмірщился и все компанится съ бритоусами и табачниками.

— Да вѣдь и Иванъ-то Антонычъ мірщилъ тоже?

— Вотъ поди ты... „Ты,—говоритъ родитель,—у приказчика служишь въ казачкахъ не по своей волѣ,—потому крѣпостной человѣкъ,—и грѣха на тебѣ нѣтъ, а какъ перейдешь къ Михряшеву—и грѣхъ примешь на душу,—потому своя воля...“

— А вѣдь оно, пожалуй, и тово, вѣрно сказано-то...

— Ужъ на что вѣрнѣе!.. Покойный родитель постоянный былъ человѣкъ и какъ слово сказалъ, какъ ножомъ обрѣзалъ. Онъ въ тѣ поры въ заключеніи находился...

— А все-таки жаль: изъ-подъ носу ушло богачество-то,—жалѣлъ Секретъ, мотая своей безпутной головой.—Всѣ михряшевскіе приказчики вонъ какъ нонѣ живутъ: всѣ до единаго въ купцы вышли, и ты бы вылѣзъ, кабы не родитель.

— Безпремѣнно бы вылѣзъ, потому Михряшевъ напослѣдки сильно ослабѣлъ, а приказчикамъ это и на руку все растащили... Даже жаль было со стороны глядѣть: Михряшевъ гуляетъ, а приказчики волокутъ изъ лавокъ товаръ сколь могâ.

— Экая жалость, подумаешь, а и ты на руку охулки не положилъ бы, Евстратъ Семенычъ; пожалуй, еще больше бы другихъ уволокъ...

— Уволокъ бы, потому я тогда этой самой водки даже не прикасался... Прямо сказать,—настоящимъ бы купцомъ сдѣлался.

— Ишь, вѣдь... а-ахъ, жаль, право жаль! Кажись, доведись даже не меня экій случай, такъ я бы не одну лавку уволокъ у Михряшева-то...—сострадательно сболѣзновалъ Секретъ, ерзая по травѣ.

— Баринъ-то спитъ?—шопотомъ освѣдомился Важенинъ про меня, протягивая руку къ бутылкѣ.

---

*) „Приходишь“—въ переносномъ смыслѣ, по мѣстному говору, значитъ „жалуешься“.

— Спитъ... Такъ, совсѣмъ пустой человѣкъ: набѣгается по болоту, ну, я сейчасъ спать,—рекомендовалъ меня коварный Секретъ.

Они выпили, пожевали какую-то закуску и долго молчали; Важенинъ былъ совсѣмъ пьянъ и начиналъ дремать, но Секрету еще хотѣлось „дрызнуть“, и онъ, какъ практикованный человѣкъ, „изъ-подъ политики“ старался поддержать разговоръ:

— А гдѣ Харитина-то, Евстратъ Семенычъ?

— Померла нонѣшнимъ годомъ...

— Вмѣстѣ, значитъ, съ Михряшевымъ?

— На одномъ мѣсяцу.

— Добрая была душенька, дай ей, Господи, царствіе небесное!—вздохнулъ Секретъ и даже перекрестился.—Заступалась она за нашего брата, когда Иванъ Антонычъ зачиналъ лютовать. До смерти бы меня закаталъ, ежели бы не Харитина... И то замертво въ лазаретъ унесли... Охъ, лютъ былъ драть покойникъ!.. Я тогда у кричныхъ молотовъ ходилъ, ну, тяну полосу, а Ивана Антоныча и принесло на грѣхъ въ кричную. Поглядѣлъ-поглядѣлъ на мою полосу, а она съ жабриной, ну, извѣстный разговоръ: „Ты, миленькій, зайди ко мнѣ, какъ обѣдъ ударятъ...“ Троихъ-то насъ позвалъ. Пришли. Онъ на крылечкѣ этакъ лѣтнимъ дѣломъ сидитъ, въ одномъ халатѣ, и посмѣивается: „Ну, миленькіе, обижаете вы меня...“ Тутъ же передъ крыльцомъ меня перваго и разложили, два здоровенные конюха у него были, ну и давай прикладывать. Только и драли—изъ кожи изъ своей радъ вылѣзти, а Иванъ Антонычъ посмѣивается да приговариваетъ: „Не я тебя, миленькій, наказываю, а самъ себя бьешь... Попомни, ангелъ мой, жабринку-то, да и другому закажи! Еще миленькому-то поднесите горяченькихъ да харрошихъ... Ну, ангелы мои, постарайтесь!..“ Ну, слышу я, что ужъ изъ ума меня вышибаетъ, и базлать пересталъ, а только молитву сотворилъ про себя, а Иванъ Антонычъ все приговариваетъ да посмѣивается—чистая смерть приходила... Спасибо, тогда Харитина на крыльцо вышла и отняла меня, а то запоролъ бы на смерть... Въ рогожкѣ безъ памяти тогда меня въ лазаретъ сволокли, три недѣли вылежа... Вѣдь онъ тогда въ скоромъ времени до смерти запоролъ Никешку Зо..., такъ подъ розгами и душу отдалъ.

— Ничего ему не было за Никешку?

— Ничего... все дѣло замяли, потому какой на Ивана Антоны... въ тѣ поры судъ—темнота одна была.

— Сказываютъ, Харитина-то въ большой бѣдности проживала напослѣдяхъ... И куда, подумаешь, все дѣвалось: у Ивана-то Антоныча вона сколько добра было накоплено—невпроворотъ!

— Что ужъ говорить... Только дѣтей послѣ Ивана Антоныча не осталось, умеръ онъ наскорѣ, духовной не оставилъ, ну, Харитину племянницки и пустили въ чемъ мать родила. Ей-Богу... Вмѣстѣ съ Михряшевымъ бѣдовала въ городу: и тотъ безъ гроша, и она тоже. Жаль глядѣть было... Да что еще было: у Михряшева-то кой-за-кѣмъ были должишки въ Пластунскомъ, вотъ онъ какъ-то по зимѣ и соберись—съ обратными ямщиками къ намъ на Пластунскій и прикатилъ. Шубенка-то на немъ плохонькая, самъ сѣдой весь, отощалъ... И что бы думалъ, братецъ мой, походилъ-походилъ по заводу—ни одна шельма ни гроша не отдала, а надъ нимъ же, надъ старикомъ, потѣшаются, потому какъ есть совсѣмъ безсильный человѣкъ. А тѣ ироды-то, приказчики-то его, даже чаю напиться не позвали старика... Ну, увидалъ я его и позвалъ къ себѣ, такъ онъ даже заплакалъ. Ей-Богу... „Вотъ, говоритъ, Евстратушка, наша судьба человѣчецкая: весь тутъ, и старъ, и хладенъ, и

гладенъ!“ Переночевалъ у меня, покалякали... „А я, говоритъ, на нихъ-то, на иродовъ-то, не прихожу—въ ослѣпленіи, говоритъ, поступаютъ, а одного жаль, что вотъ ты тогда ко мнѣ въ приказчики не угодилъ—можетъ, тебѣ бы тоже польза была, по крайности въ люди вышелъ бы“. Ну, и Харитина страсть какъ бѣдовала въ городу... на господъ платье стирала и этимъ кормилась. Привезешь ей ситчику на платьишко или чаю—ужъ какъ рада была... Худая стала, да все кашляла,—такъ на работѣ и изошла вся.

Важенинъ вздохнулъ и налилъ стаканчикъ; Секретъ замѣтно нагружался и начиналъ косѣть языкомъ, но онъ пилъ до послѣдняго вздыханія.

— Хочу я тебя, Евстратъ Семенычъ, давно спросить...—говорилъ Секретъ послѣ выпивки:— т.-е. насчетъ этой самой Харитины... разное болтаютъ... хе-хе!..

— Ну, чего болтаютъ?—грубо спросилъ Важенинъ, приподнимаясь на локоть.

— Да насчетъ тебя, что будто имѣла она большое прилежаніе къ тебѣ... хе-хе!.. Ей-Богу, вотъ сейчасъ провалиться...

— Дуракъ!.. Я вотъ тебѣ такое прилежаніе покажу.

— Да вѣдь я такъ, Евстратъ Семенычъ... не серчайте... съ простоты.

— То-то, съ простоты... Знаемъ мы твою простоту, чортъ!..

Пауза. Важенинъ тяжело ворочается; вопросъ Секрета, очевидно, задѣлъ его за живое, но онъ крѣпится. Опять стаканчикъ и глухое крякань.

— Дуракъ!.. чортъ!.. Развѣ ты можешь это понимать, образина?—ругается Важенинъ, сжимая кулаки.—Я тебѣ такую проволочку пропишу. „Прилежаніе“?! Подлецы вы, вотъ что̀...

— Да вѣдь я...

— Поговори еще... ну, поговори?.. А ты знаешь, на сколькомъ году Харитина вышла замужъ-то?.. То-то вотъ и есть... „Прилежаніе“! Дьявола... Ивану-то Антонычу было подъ шестьдесятъ, когда онъ Харитину взялъ, а ей шестнадцатый годокъ шелъ... Изъ бѣдныхъ была, ну, старикъ на ея красоту польстился. На моехъ глазахъ все было... Иванъ-то Антонычъ на фабрику уйдетъ, а она ребячьимъ дѣломъ въ куклы играть, али ребятишекъ назоветъ да съ ними давай кувыркаться... Право, черти!.. „Прилежаніе“... Какой у ней разумъ въ тѣ поры еще былъ: такъ, дѣвчонка-дѣвчонкой... А Иванъ Антонычъ не разбираетъ—свое взыскиваетъ,—потому мужъ. Сильно они вздорили по ночамъ, потому у ней еще ребячье на умѣ, а ему подай свое...

— Билъ онъ ее, сказываютъ?..

— Бивалъ... Какъ-то разъ приходитъ изъ фабрики, а Харитина заигралась въ куклы, да пирогомъ съ осетриной и опоздала—не дошелъ маненько пирожокъ-то. А Иванъ Антонычъ ужъ за столомъ сидитъ и свою рюмочку передобѣденную налилъ, ну, она со страховъ-то недопеченный пирогъ и вслѣла подавать... Тронулъ его Иванъ Антонычъ да сейчасъ же Харитину за косы и давай обихаживать по всей горницѣ,—та реветъ не своимъ голосомъ, а онъ приговариваетъ таково ласково: „Вотъ тебѣ, Харитинушка, пирожокъ съ осетриной!.. Вотъ тебѣ, ангелъ мой, еще пирожокъ съ осетринкой... Вотъ тебѣ, душенька, и еще... не я тебя, голубчикъ, наказываю, а сама себя бьешь!“ Ужъ онъ ее таскалъ-таскалъ, колышматилъ-колышматилъ, пока не натѣшился, ну, пирогъ-то въ это время и допекся, а Иванъ Антонычъ обѣдать... Не красно ей жилось, ужъ что̀ говорить. Плачетъ, бывало, какъ одна останется, рѣкой льется. Ну, сначала меня стѣснялась будто, а потомъ при мнѣ плакала... Убираешь, бывало, со стола или тамъ что̀, а она сядетъ въ уголокъ и примется причитать,— тоску такую наведетъ, хоть самому плакать, такъ въ ту

же пору. Конечно, дѣло наше маленькое видишь—не видишь, слышишь—не слышишь... А потомъ ужъ сталъ я примѣчать, что будто Харитина стала на меня поглядывать, а какъ встрѣтится глазами, вся вспыхнетъ Ну стала какъ будто избѣгать меня и придираться и то не ладно, и это не ладно, и пошелъ не такъ... Мое дѣло тоже молодое, такъ и захолодитъ на сердцѣ, когда мимо идетъ, а ты стоишь въ передней дуракъ-дуракомъ, какъ статуй А надо тебѣ сказать, что покойный родитель, чтобы я не избаловался, взялъ да женилъ меня... Жена-то дома сидитъ, а Харитина на глазахъ постоянно, да и куда же женѣ до нея, потому барыня, одѣта всегда форменно и обращеніе свободное и всякое прочее. Глядѣли-глядѣли мы такъ-то другъ на дружку, а тутъ Иванъ Антонычъ куда-то уѣхалъ, оставилъ жену одну, ну, а Харитина меня тогда и заполучила по всей формѣ: и милый, и ненаглядный, и красавецъ, и сухой, не пареный... Извѣстно, женская слабость

— Ужъ что говорить... обнакновенно.. ужъ тутъ музыка... А, поди, страшно было Ивана-то Антоныча?

— Такъ страшно, такъ страшно, что колѣнки сами подгибаются, какъ онъ взглянетъ... а Харитина какъ есть, хоша бы бровью повела: веселая такая стала, и все ей надо помудренѣе что-нибудь надъ старикомъ посмѣяться. Поди носомъ у него такія штуки укалывала... Вотъ поди ты съ этими бабами—чистое помраченье!.. Ночью даже отъ мужа приходила ко мнѣ въ переднюю-то... и смѣется и плачетъ.

— И, поди, подарки дарила... а?..

— Ужъ это по всей формѣ: всячины надаритъ, а я все беру...

— И деньгами, поди?

— И деньгами... Своими руками шелковую рубаху вышила да подарила. Только эта рубаха чуть меня не завела въ гору, въ мѣдный рудникъ Да... Обнакновенно, въ домѣ-то ужъ начали за нами примѣчать, кто-то [illegible] валъ мнѣ, ну, и въ полной формѣ Ивану Антонычу лепортъ: такъ и так миленькая-то женушка, Харитинушка, вотъ какія художества устр[illegible] Евстратушкой... Ха-ха!.. Ну, тогда-то и полсмѣху не было. Идетъ ра[illegible] Антонычъ, и такой веселый, я вытянулся передъ нимъ въ передней, а онъ меня прямо за воротъ: „Славная у тебя, ангелъ мой, рубашка... Жена тебѣ вышивала, миленькій?“—„Точно такъ-съ...“—„Славная у тебя жена, ангелъ мой“. Ну и пошелъ мудрить, пошелъ наговаривать, а у меня душа въ пятки: учуялъ старый песъ... Только, что бы ты думалъ, братецъ ты мой, пошелъ Иванъ-то Антонычъ отъ меня, пошатнулся и конецъ—кондрашка его схватилъ... На третій день представился. Передъ смертью-то пришелъ я попрощаться къ нему... узналъ и едва такъ внятно проговорилъ: „Въ гору тебя, миленькій... въ гору...“ Это онъ хотѣлъ меня сгноить въ мѣдной шахтѣ и сгноилъ бы, кабы Господь вѣку далъ.

— Ну, а потомъ-то какъ ты съ Харитиной?..

— Чего какъ?.. Чистый ты дуракъ, Секретъ... Она уѣхала въ городъ жить, а я въ Пластунскомъ остался. Когда бывалъ въ городу, захаживалъ къ ней... Только ужъ тутъ совсѣмъ неспособное дѣло было.

— Обнакновенно, никакого интересу, потому забѣднѣла Харитина-то... Чего съ нея было взять-то!..

— Дуракъ, совсѣмъ не то... Неподходящее дѣло эта Харитина нашему брату мужику: жидка ужъ очень собой, въ руки взять нечего.

— Ну, а раньше-то имѣлъ все-таки прилежаніе къ ней?

— Опять дуракъ... „Прилежаніе“?! Тьфу!.. Мы какъ двѣ цѣпныхъ собаки у Ивана-то Антоныча сидѣли, вотъ и вышло прилежаніе, а какъ попали на

волю, даже совѣстно стало обоимъ, потому какая же это музыка, чтобы барыня вязалась съ мужикомъ.

Конца этого разговора я уже не слыхалъ, потому что подъ пумокъ заснулъ и все время видѣлъ какой-то безобразный сонъ: видѣлъ Ивана Антоныча, Харитинушку, разорившагося купца Михряшева и т. д.

II.

Передъ самымъ утромъ палъ маленькій дождичекъ, и утренняя охота пропала. Я проснулся уже довольно поздно, когда Секретъ орудовалъ для гостей самоваръ. Только-что откупоренная бутылка водки свидѣтельствовала о томъ, что и Важенинъ и Секретъ успѣли уже опохмелиться: около бутылки стояла деревянная тарелка съ дымившимися блинами.

— Долгонько вы таки-поспали, вашескородіе...—говорилъ Секретъ, обращаясь ко мнѣ.—А мы тутъ, грѣшнымъ дѣломъ, ужъ разгрызли по стаканчику.

Важенинъ молчалъ, придавленный еще вчерашнимъ хмелемъ: глаза у него были совсѣмъ мутные, лицо красное. Онъ не чувствовалъ жарившаго его голову солнечнаго луча, который пробивался межъ березокъ. Это мѣсто подъ березками было замѣчательно хорошо: назади шапкой стояла „середовина", впереди разстилалось болото, окаймленное по бокамъ синевато-сѣрыми увалами. Умытая росой и дождемъ зелень смотрѣла особенно весело, въ „середовинѣ" заливались даровые лѣсные пѣвцы, въ болотѣ слышался подозрительный шорохъ, заставлявшій Бекаса вздрагивать и чутко нюхать воздухъ. Легкій вѣтерокъ проносился надъ осокой, шепталася въ березовой листвѣ и пропадалъ сейчасъ же; по голубому небу плыла кучка бѣлоснѣжныхъ облаковъ, кругливившихся и надувшихся, какъ парусъ. Трава успѣла просохнуть, и воздухъ [illegible] ароматными испареніями, пахло лѣсной душицей, шалфеемъ, свѣжей [illegible]ой смолой. Дневной зной усиливался съ каждой минутой, и хотѣлось [illegible]ть неподвижно безъ конца. Налитые стаканы чаю стыли, и Секретъ очень [illegible]жался этимъ обстоятельствомъ.

— Вы давно охотитесь?—спросилъ я молчавшаго Важенина.

— Мы-то?.. Да такъ, пустымъ дѣломъ иногда побалуешься,—уклончиво отвѣтилъ онъ.—Ружьишко вотъ попалось въ третьемъ годѣ, почитай даромъ, ну, такъ вотъ и шатаешься съ нимъ. Въ закладъ принесъ его одинъ мастерко да въ полуторыхъ рубляхъ и оставилъ. Съ даровщинкой-то оно и любопытно...

— Ужъ это ты вѣрно, Евстратъ Семенычъ,—почтительно вторилъ Секретъ:—на что лучше... Вотъ еще воровское, сказываютъ, хорошо тоже, особливо насчетъ собаки или птицы—первое дѣло.

— А ты пробовалъ?—иронически спрашивалъ Важенинъ.

— Бывало дѣло... Собачка была у меня, цетерокъ. Не то чтобы настоящій цетерокъ, а такъ смятокъ. Ну, такъ я его уперъ еще щенкомъ, и денегъ мнѣ онъ много нажилъ. Умный такой издался, напрахтиковалъ я его—любо глядѣть, какъ почнетъ орудовать по лѣсу али въ болотѣ. Господа наѣдутъ, я его и пущу—всѣхъ ублаготворитъ, и сейчасъ его у меня покупать. Ну, я его и продалъ цалковыхъ за десять, а онъ, цетерокъ-то, непремѣнно убѣжитъ отъ новаго хозяина и опять ко мнѣ. Разъ пять съ веревкой прибѣгалъ... Разъ восемь я его экъ-ту, пожалуй, продалъ.

— Вотъ это молодецъ!—похвалилъ Важенинъ.

— А то какъ же, Евстратъ Семенычъ? Надо же и мнѣ жить, а господамъ что значитъ десять-то цалковыхъ: тьфу—и только.

Этотъ разсказъ очень понравился Важенину, и онъ повторялъ про себя:

„Ловко... отлично!.. Вотъ такъ петерокъ... Восемь разъ, говоришь?“ Съ одной стороны, его радовала непроходимая господская глупость, а съ другой—ловкость Секрета пріятно щекотала его собственные хватательные инстинкты: это былъ, очевидно, настоящій кулакъ, любившій всякую „дешевинку“ даже въ чужихъ рукахъ, если особенно дѣло обдѣлано „мастеровато“, какъ въ данномъ случаѣ. Типъ собственно заводскаго кулака только еще нарождается, и Важенинъ меня заинтересовалъ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе, что въ немъ къ спеціально-кулацкимъ чертамъ примѣшивалась еще лакейская крѣпостная закваска.

— Вы, собственно, чѣмъ же торгуете?— спрашивалъ я.

— А чѣмъ придется... больше по заводской части, что̀ простому мастеровому надобно—харчъ, обуй, одежа, бакалеи.

— Выгодно?

— Да ничего... слава Богу, жить можно помаленьку. Прежде-то на Пластунскомъ народъ зажиточнѣе былъ, такъ торговля хуже шла, потому богатый мужикъ все норовитъ въ городу купить, въ свое время, а у насъ такъ брали—самые пустяки. А какъ теперь захудали всѣ, къ намъ...

— Да вѣдь много торговыхъ у васъ въ Пластунскомъ?

— Ничего, на всѣхъ прохватитъ... Съ богатаго не много возьмешь, а бѣдный у тебя весь въ рукахъ, потому онъ и муку аржаную фунтиками покупаетъ. Примѣрно, пудъ муки стоитъ восемь гривенъ, а фунтиками продаешь по три копеечки... И чай тоже и сахаръ. Вообще, который темный товаръ—большая отъ него прибыль.

— Какой темный товаръ?

— А на который цѣны не знаетъ мужикъ... даже лучше не надо. Возьмите теперь сапоги или полушубки — на нихъ немного наживешь, — потому цѣна имъ вся извѣстная, а бакалея — темный товаръ, бумага и всякое прочее.

— Какъ же вы на охоту ходите отъ торговли?

— Да лѣтомъ какая наша торговля: самое тихое время. Жена въ лавкѣ управится... А я больно вотъ мѣста люблю, собственно за этимъ и хожу.

— Какія мѣста?

— Ну, всѣ мѣста... весьма даже любопытно, потому какъ здѣсь совсѣмъ особенныя мѣста—угодныя... Въ допрежнія времена по этимъ мѣстамъ сколько разнаго народу хоронилось, хоть взять изъ нашихъ старообрядцевъ... Да вотъ хоть это самое болото: сколько скитовъ было поналажено по островамъ, доступу къ нимъ нѣту, особливо лѣтомъ. Ну, старцы и хоронились отъ начальства: гдѣ ихъ въ болотѣ-то найдешь...

— И нынче живутъ?

— Какъ не жить—и нынче живутъ. только далеко, а поблизости всѣхъ разорили.

— Да вонъ на моихъ глазахъ скитокъ сожгли, — заявилъ Секретъ.— Отседова его видать было... вонъ тамъ налѣво къ уваламъ островокъ, такъ на немъ и проживали старцы-то. Ну, зимой ихъ и выслѣдили лѣсообъѣздчики да и выжгли... Попользовались, говорятъ, всѣмъ: и мукой, и медомъ, и воскомъ, и деньгами. А лучше нѣтъ мѣста, какъ ваши Боровки, Евстратъ Семенычъ: ужъ такое мѣсто, такое мѣсто—на цѣлую округу.

— Древнее мѣсто...—задумчиво отвѣтилъ Важенинъ.—Еще этихъ заводовъ и званья не было, какъ отцы-то наши прибѣжали сюда съ Выгу-рѣки. Много такихъ-то мѣстовъ здѣсь... Можетъ, однихъ угодниковъ сколько спасалось, не говоря о другихъ-прочіихъ людяхъ. Только нынче ослабѣлъ народъ супротивъ стариковъ-то: куда!.. Измотались... малодушіе вездѣ...

— А мнѣ ваши боровковскіе вотъ гдѣ сидятъ, Евстратъ Семенычъ,— проговорилъ Секретъ, указывая на затылокъ: — такіе охальники — страсть... Каждую зиму съ ними смертно бьюсь за середовину. Больно ужъ меня донимаютъ...

— Станешь донимать, когда ѣсть нечего... Тоже не отъ добра лѣсоворничаютъ. Взять хоть тѣхъ же Мяконькихъ... Вонъ какихъ четыре братана *), чистякъ народъ.

— Ужъ это что говорить: осетры... Большакъ-отъ Мишка, вонъ какой лобъ, и проворенъ, окаянный, ну, и другіе ничего—чистые ребята.

Кончивъ чай, Важенинъ и Секретъ переглянулись между собой.

— Теперь самая пора...—проговорилъ Секретъ, поднимаясь съ земли:— залобуемъ дичины, Евстратъ Семенычъ, ужъ я тебѣ говорю. Она тоже время знаетъ...

— Да какая въ полдень дичь?—удивился я.

— А мы найдемъ, вашескородіе...—ухмылялся Секретъ.—Вы въ городъ къ вечеру, али здѣсь заночуете?

— Нѣтъ, въ городъ... Вотъ только жаръ спадетъ—и отправлюсь.

Обвѣсивъ себя лядунками и взявъ ружья, Важенинъ и Секретъ отправились на охоту, а я изъ-подъ березокъ, гдѣ начало сильно припекать солнце, перешелъ къ самой избушкѣ и улегся въ тѣни. Власьевна обѣщала приготовить обѣдъ и накормить Векаса. Около избушки на завалинкѣ играли ребятишки Секрета, но въ моемъ присутствіи замѣтно стѣснялись и все больше смотрѣли на собаку. Зной все увеличивался, такъ что становилось тяжело дышать, и я невольно пожалѣлъ Власьевну, которая должна была жариться у жарко натопленной печи. Это была бойкая городская мѣщанка, худая, какъ щепка, обладавшая способностью вѣчно быть не въ духѣ; она походя тузила ребятишекъ и жаловалась встрѣчному и поперечному на свою горе-горькую участь, т.-е. на своего мужа, который только и зналъ, что жрать водку и т. д. Помыхая теперь ухватами, Власьевна нѣсколько разъ принималась причитать самымъ отчаяннымъ образомъ, какъ причитаютъ по покойникѣ. До меня безъ всякой логической связи доносились слова: „погубитель“, „наплодилъ ребятишекъ, а самъ только водку жретъ“, „ужо вотъ я тебѣ покажу, безстыжіе твои шары“, „пропасти нѣтъ на васъ, окаянныхъ“, „утямились“, „прорвы этакіе“, „безпремѣнно я утѣшу“ и т. д.

— Кого это ты, Власьевна, бранишь?—спросилъ я, когда обѣдъ былъ готовъ и поданъ прямо на траву.

— Извѣстно, кого... одна у меня винная-то капля!..—какимъ-то пришибленнымъ голосомъ заговорила она, отмахиваясь рукой.—Жисти я своей не рада, баринъ, вотъ тѣ Христосъ, потому для кого я маюсь здѣсь въ лѣсу-то?.. Вонъ онъ, Секретъ-отъ, какой у меня: склался, только его и видѣлъ... И вездѣ-то у него дружки да пріятели, и вездѣ онъ свою водку найдетъ. Теперь дни на три закатились съ Важенинымъ...

— А Важенинъ часто бываетъ у васъ?

— Заходитъ по-времю, когда водкой зашибетъ... Запой у него, вотъ онъ и бредетъ въ лѣсъ. Нилъ бы у себя дома, а то нѣтъ, въ середовину надо, моего Секрета спаиваетъ только... Я вѣдь ихъ обоихъ наскрозь вижу, баринъ, даромъ что хитры. Вотъ что... „Мы-ста на охоту...“ Тьфу!.. Знаемъ мы ихнюю-то охоту!.. Ужо вотъ Мяконькіе-то наломятъ имъ бока-то, костей не соберутъ... Ты думаешь, куда они пошли, охаверники?

---

*) Братанъ—братъ.

— Не знаю...

— Да въ Боровки... все туда шляются. Тамъ у братановъ Мяконькихъ сестра есть, Ульяной звать, такъ вотъ Евстратъ-то Семенычъ и увязался за ей... И дѣвка только: высокая, бѣлая, ядреная, на рѣчахъ бойкая. Евстратъ-то Семенычъ вонъ какой быкъ—ему и любопытно такую дѣвку оммануть... Вотъ и шатаются съ Секретомъ, чтобъ Секретъ помогалъ. Тьфу... разсказывать-то про нихъ тошнехонько! Мяконькіе-то ужъ пообѣщали Евстрату Семенычу шею сломать, такъ онъ и подсылаетъ Секрета: придутъ къ Боровкамъ, Евстратъ Семенычъ въ лѣсу спрячется, а Секретъ и подсылаетъ Ульяну за грибами или за ягодами итти. Только не та дѣвка... Она и то одинова такъ отдубасила моего-то Секрета — взяла палку, да палкой и давай его обихаживать, только стружки летятъ. Однимъ словомъ — могутная дѣвка, гдѣ же она имъ какая-то въ руки отдастся... ни въ жисть!..

— Откуда ты это все узнала-то?—сомнѣвался я.

— Да самъ-то Секретъ все пьяный и разсказываетъ, а какъ прочухается — въ отпоръ... Охъ, и жисть только моя, не приведи никому, истинный Христосъ!.. Подумаешь съ подушечкой объ этакомъ угарѣ, какъ мой-отъ, а ребятишки-то вотъ они... Секретъ-отъ мой хоша и ослабѣлъ насчетъ водки, а вѣдь онъ простъ, вотъ я и боюсь, кабы ему гдѣ башку не отвернули.

Мѣстность между „середовиной“, деревушкой Боровками и Пластунскимъ заводомъ, дѣйствительно, въ прежнія времена представляла самую удобную почву для людей „древляго благочестія“, хоронившихся здѣсь отъ никоніанскихъ властодержцевъ и „духоборнаго суда“. Но уральскіе заводы быстро выжгли всѣ лѣса кругомъ и загнали раскольничьихъ старцевъ въ непроходимыя болотныя мѣста, дебри и раменья, но и отсюда ихъ выкурили, какъ выкуриваютъ изъ норъ и „язвинъ“ разное звѣрье. Все это, безъ сомнѣнія, было очень печально и еще болѣе несправедливо, но печальнѣе были такіе галантерейные фрукты, какъ Важенинъ. Воспоминанія о несчастной Харитинѣ, искреннее сожалѣніе, что не удалось попасть въ число разорителей Михрюшева, торговля темнымъ товаромъ и этотъ удивительный расчетъ высасыванія послѣднихъ грошей изъ заводской голытьбы—все это отлично говорило за себя и совершенно логически заканчивалось запоемъ и дикой травлей „могутной“ Ульяны Мяконькой.

Съ охоты я вернулся уже поздно вечеромъ. Надъ городомъ N. висѣло цѣлое облако пыли, окрашенное розовымъ огнемъ заката.

Послѣ картины лѣса, глухой уѣздный городъ, съ его пылью, пьянствомъ и чѣмъ-то такимъ усталымъ и щемящимъ душу, всегда кажется какой-то помойной ямой, въ которой несчастные обыватели копошатся, какъ черви.

III.

Года черезъ два мнѣ случилось ѣхать черезъ Пластунскій заводъ. Стояла глубокая зима, дорога была адская—безконечные ухабы, снѣжные переметы,— однимъ словомъ, всѣ прелести зимняго путешествія по совершенно открытой мѣстности, предоставленной въ жертву всѣмъ четыремъ вѣтрамъ. Округъ Пластунскихъ заводовъ въ среднемъ Уралѣ, кажется, единственный по варварскому истребленію лѣсовъ на громаднѣйшей площади въ семьсотъ тысячъ десятинъ, — вездѣ на Уралѣ лѣса истребляются напропалую, но пластунская дача стоитъ, безъ сомнѣнія, на первомъ мѣстѣ.

Подъѣзжая къ Пластунскому заводу поздно вечеромъ, когда вездѣ уже

въ окнахъ горѣли огни, я вспомнилъ про Важенина и велѣлъ ямщику ѣхать къ нему, потому что, съ одной стороны, не хотѣлось провести ночь гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ, а съ другой — меня заинтересовалъ этотъ типичный заводскій кулакъ. Пластунскій заводъ — одинъ изъ самыхъ старинныхъ заводовъ и залегъ своими кривыми улицами въ глубокой горной лощинѣ, точно спасаясь отъ разгуливавшаго по окружающимъ пустынямъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Найти домъ Важенина намъ было легко, потому что его лавочку намъ сейчасъ же указали. Мы подъѣхали къ двухъэтажному деревянному домику въ три окна — лавка помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, а вверху было хозяйское жилье. Я послалъ ямщика спросить, не пустятъ ли переночевать, и получилъ утвердительный отвѣтъ, хотя предварительно былъ произведенъ самый подробный допросъ: кто, куда и зачѣмъ, какъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ.

Только тотъ, кому случалось по цѣлымъ днямъ ѣхать въ тридцатиградусный морозъ, когда весь точно оледянѣешь и когда отъ холода больно пошевелиться — только тотъ пойметъ то удовольствіе, съ какимъ входишь въ жарко натопленную избу. Самого Важенина не было дома, а меня встрѣтила старуха, его мать, повязанная широкимъ темнымъ платкомъ по-раскольничьи, т.-е. съ распущенными по спинѣ двумя углами платка.

— Гдѣ Евстратъ-то Семенычъ? — спрашивалъ я, съ трудомъ вылѣзая изъ двухъ стоявшихъ коробомъ шубъ.

— Да въ волость ушелъ, родимый, въ волость... — отвѣтила высокая, еще крѣпкая старуха, пытливо разглядывая меня большими сѣрыми глазами.— Ужо, поди, скоро воротится, давно ужъ ушелъ.

Я извинился, что потревожилъ ихъ своимъ визитомъ, и объяснилъ причину, почему это сдѣлалъ. Старуха выслушала меня какъ-то недовѣрчиво и, [illegible] вѣжливости прибавила:

— [illegible]ъ быть-то, родимый, потѣснимся какъ ни на есть, а то кому охота [illegible]ть трепаться... Городской будешь?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, старуха вышла похлопотать насчетъ самовара.

Домъ Важенина хотя и былъ въ два этажа, но внутри былъ устроенъ какъ крестьянская изба: передняя половина, широкія сѣни и задняя изба. Передняя деревянной крашеной перегородкой дѣлилась на двѣ комнаты — прямо изъ дверей пріемная, гостиная и все, что̀ угодно, а за перегородкой крошечная кухня. Прямо у дверей стояла широкая двуспальная кровать, завѣшенная ситцевымъ пестрымъ пологомъ; деревянныя нештукатуренныя стѣны были обиты дешевенькими обоями, около стѣнъ шли широкія, крашеныя синей краской лавки, въ углу большой зеленый кіотъ съ врѣзанными въ дерево старинными мѣдными складнями и осьмиконечнымъ раскольничьимъ крестомъ. У перегородки деревянный шкапъ съ чайной посудой, подъ образами крашеный желтой краской столъ, на полу тряпичные половики домашняго тканья, на стѣнѣ знакомое уже мнѣ ружье-дешевка съ лядунками, рядомъ съ кіотомъ небольшая укладка съ книгами, ладаномъ и восковыми свѣчами, какъ это бываетъ во всѣхъ раскольничьихъ домахъ. Меня удивило только то, что въ этой укладкѣ, вмѣстѣ съ псалтыремъ и часовникомъ, были поставлены съ пестро раскрашеннымъ обрѣзомъ судебные уставы и еще какіе-то „законы“, судя по формату, всѣ анисимовскихъ изданій.

— Это кто же у васъ по части законовъ?—спросилъ я, когда въ комнату вошла съ чайной посудой жена Важенина, немолодая, какая-то опухшая женщина съ засыпаннымъ веснушками лицомъ.

— Да это Евстратъ Семенычъ въ городу накупилъ...—нехотя отвѣтила она, разставляя посуду на желѣзномъ чайномъ подносѣ.—Да вотъ онъ и самъ идетъ.

Изъ сѣней въ облакѣ хлынувшаго пара дѣйствительно показался самъ Важенинъ въ дубленомъ полушубкѣ и мерлушчатой шапкѣ; раздѣвшись, онъ положилъ три поклона на кіотъ и грузно подсѣлъ къ столу. Завязался обыкновенный въ такихъ случаяхъ разговоръ: давно ли изъ города, какова дорога, нѣтъ ли какихъ новостей въ газетахъ и т. д. Такимъ образомъ мы сидѣли за кипѣвшимъ самоваромъ до седьмого пота, калякая о разныхъ житейскихъ разностяхъ. Со мной была бутылка коньяку, и я предложилъ дорожный стаканчикъ Важенину, но онъ какъ-то конфузливо махнулъ рукой и проговорилъ:

— Трекнулся *).

— Давно ли?

— Да вотъ второй годъ пошелъ на Святкахъ... Ну ее, эту водку!.. Когда это я васъ у Секрета-то видѣлъ? Никакъ года два съ залишкомъ будетъ!.. Такъ. Какъ разъ послѣ Ильина дня я тогда въ середовинѣ былъ... Послѣ того еще съ полгода занимался этой слабостью, а потомъ—шабашъ!..

— Что такъ: немножко-то можно, особенно съ устатку или съ мороза?

— Нѣтъ, ужъ кончено... Хворалъ я, такъ зарокъ далъ. Да и то сказать—не подходящее совсѣмъ дѣло.

Мой вопросъ, очевидно, задѣлъ „трекнувшагося“ человѣка за живое, и онъ принужденно замолчалъ. Самоваръ потухъ и только изрѣдка выпускалъ одну длинную ноту, обрывавшуюся, какъ туго натянутая нитка; морозъ замѣтно крѣпчалъ, заставляя трещать даже старыя бревна. По улицамъ мела жестокая мятель, и вѣтеръ нѣсколько разъ принимался съ какимъ-то стономъ завывать въ трубѣ, точно онъ жаловался, что никакъ не могъ ворваться въ этотъ теплый домъ, гдѣ все было поставлено такъ крѣпко, какъ умѣютъ ставить только кулаки и сшибаи, когда заберутъ въ себя силу. Важенинъ сидѣлъ у стола и задумчиво барабанилъ пальцами; онъ замѣтно похудѣлъ и какъ-то осунулся, въ темныхъ волосахъ серебрилась сѣдина, вообще выглядѣлъ обстоятельнымъ, настоящимъ торгашомъ. Чтобы поддержать оборвавшійся разговоръ, я спросилъ, какъ идетъ торговля.

— А что нашей торговлѣ сдѣлается, — неохотно отвѣтилъ Важенинъ, встряхивая волосами. — Народъ кругомъ бѣдуетъ, а намъ это на руку... На заводѣ-то сокращаютъ работу, все машины ставятъ, ну, народу большое отъ этого утѣсненіе, а дѣваться некуда. То же вотъ и по деревнямъ: прежде дрова рубили, уголье жгли, металлъ возили, а нынче тоже сократили и ихъ...

— Чѣмъ же теперь занимаются рабочіе, которые остались безъ дѣла?

— Разнымъ: кто на пріискахъ старается, кто по лѣсоворной части, кто такъ по домашности шишлится... Тѣсное житьишко подходитъ, что говорить: всѣмъ одна петля-то. Ежели бы еще землей надѣлили мужичковъ, такъ оно бы другой разговоръ совсѣмъ, а то не у чего биться совсѣмъ. Обижаютъ землей народъ по заводамъ; всѣмъ крестьянамъ надѣлы даны, а только однихъ мастеровыхъ не могутъ надѣлить... Двадцать лѣтъ какъ уставныя грамоты подписали, а надѣла все нѣтъ — это ужъ не порядокъ: ни пашни, ни лѣсу, ни покосу — все отъ завода, ежели робишь на фабрикѣ. За каждую жердь попенныя взыскиваютъ, пашни отбираютъ. Ну, заводскіе еще, худо ли, хорошо ли, около фабрики околачиваются, а взять, къ примѣру, Боровки—и работы нѣтъ, и угодья никакого не даютъ.

---

*) „Трекнулся“ по-заводски—отрекся.

— Что же, хлопочутъ ваши общественники или нѣтъ?

— Какъ не хлопотать—теперь лѣтъ ужъ пятнадцать стараются, да все толку нѣтъ. Да и то сказать: глупъ народъ-то, прямо сказать—отъ пня, ну, а тамъ господа всѣмъ ворочаютъ. Вонъ къ намъ нонче нѣмцевъ нагнали—вездѣ нѣмецъ... А все-таки помаленьку хлопочемъ. Теперь обчество меня ходакомъ выбрало по этимъ дѣламъ... такъ ужъ я хочу, чтобы все по закону утрафить. Законъ одинъ для всѣхъ, ну, и намъ давай по закону, какъ въ прочихъ мѣстахъ. Это прежде темнота была, а нонѣ законъ... Я теперь третій годъ законы-то почитываю, такъ тамъ все обсказано, а дѣло наше совсѣмъ правое.

Важенинъ досталъ изъ сундука цѣлую кипу разныхъ дѣловыхъ бумагъ и принялся объяснять обстоятельства своего дѣла, которое являлось въ такихъ сбивчивыхъ и запутанныхъ подробностяхъ, что на первый разъ просто голова шла кругомъ: какія-то памятныя записи, копіи съ грамотъ и указовъ, окладные листы, приговоры сельскихъ обществъ, сенатскія рѣшенія, постановленія и отзывы по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, словомъ—непроходимый дремучій лѣсъ всевозможной канцелярщины, и нужно было имѣть такую слѣпую вѣру въ законъ, какъ у Важенина, чтобы надѣяться выйти цѣлу и невредиму изъ этой отчаянной путаницы. Я долго перебиралъ всѣ эти документы и бумаги, всевозможнаго формата, цвѣта и почерковъ, точно это была куча осенняго листа, сбитаго съ всевозможныхъ породъ деревьевъ, но, чтобы разобраться въ этой кучѣ, нужно было, во-первыхъ, спеціальное знаніе, а во-вторыхъ—массу свободнаго времени, и, въ-третьихъ—безкорыстное желаніе „послужить міру“.

— Вы, конечно, обращались къ члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Было и это-съ... Членъ-то говоритъ, чтобы обождать,—потому будутъ межевать, такъ тогда ужъ все обозначится, а мы до этого межеванья перемремъ, какъ мухи. Шибко меня уговаривалъ членъ-то, ну, какъ я его приперъ закономъ—онъ только рукой махнулъ... Даже весьма не совѣтовалъ, ежели безпокоить высшее начальство, а я ему законъ представлялъ. Это, видите ли, о заводскихъ мастеровыхъ одно дѣло, а о деревнѣ Боровкахъ другое... Я ужъ заодно хлопочу объ нихъ. Боровки совсѣмъ на особицу пошли—потому какъ они были основаны раньше Пластунскаго завода,—значитъ, и земля у нихъ своя, а не заводская. Я вѣдь самъ изъ Боровковъ и знаю это дѣло... Первые-то насельники пришли въ Боровки въ 1683 г., когда Пластунскаго завода и званья не было, ну и заняли всю землю, значитъ, земля ихняя. Всѣ съ Выгу-рѣки пришли въ Боровки, ну и пашни пахали, и росчисти дѣлали, и покосы, и всякое прочее крестьянское обзаведеніе. И послѣ настоящими крѣпостными они не были, а только приписаны къ Пластунскому заводу въ работу, да и земля-то у Пластунскаго завода поссессіонная... Вотъ оно, какая штука получается!..

Напавъ на тему, мы разговорились—предо мной былъ совсѣмъ другой человѣкъ, точно недавній кулакъ вышелъ куда-нибудь въ другую комнату. Собственно, выражался Важенинъ довольно темно и постоянно путался въ мудреной юридической терминологіи, но по всему было замѣтно, что это былъ глубоко убѣжденный человѣкъ, проникнутый сознаніемъ своей идеи. За разговоромъ время пробѣжало совершенно незамѣтно, и старушка-мать подала ужинъ; она, видимо, прислушивалась къ нашему разговору и все вздыхала.

— Вотъ и мамыньку спросите про Боровки, она отлично знаетъ это дѣло,—замѣтилъ Важенинъ.

— Какъ не знать: извѣстно, наша земля...—отвѣтила спокойно „мамынька“, степенно оправляя ситцевый длинный передникъ; она была въ косоклиномъ раскольничьемъ сарафанѣ съ глухими проймами и въ бѣлой холщевой рубашкѣ съ длинными рукавами.—Всѣ это знаютъ, родимый, только оно сумнительно очень... насчетъ, т.-е., начальства...

— Ну, это пустяки, мамынька. Мало ли что въ прежнія времена было, тогда темнота одна была, а нынче—другое, нынче вездѣ законъ, мамынька.

— Законъ-то законъ, милушка, да встъ и покойный родитель... такъ въ заточеніи и померъ, сердечный. Все правды искалъ тоже... Двѣнадцать лѣтъ въ острогѣ высидѣлъ.

Старушка вытерла передникомъ показавшіяся на глазахъ мелкія старческія слезинки и тяжело вздохнула.

— Ахъ, какая ты, мамынька!..—недовольнымъ тономъ замѣтилъ Важенинъ и нахмурился.—Покойный родитель былъ не глупѣе насъ съ тобой...

— Да я, милушка, ничего не говорю...—торопливо оправдывалась старушка, стараясь принять спокойный видъ.—Только будто къ слову пришлось...

Только распухшая жена Важенина, державшая себя на городской манеръ, очевидно, была недовольна затѣями мужа и не принимала въ разговорѣ никакого участія.

— Я ужъ наладила тамъ въ задней избѣ гостеньку-то все...—проговорила старушка, когда мы кончили ужинъ.—Здѣсь-то негдѣ, такъ я ужъ въ задней избѣ.

Задняя изба, только-что отдѣланная въ качествѣ парадной половины, была совсѣмъ по-городски: на полу тюменскіе ковры, триповый диванъ съ дессертнымъ столомъ, вѣнскіе стулья, два зеркала въ простѣнкахъ, плохія олеографіи въ золоченыхъ рамахъ, кисейныя занавѣски на окнахъ—словомъ, все было устроено форменно. Постель была мнѣ сдѣлана на полу, около „галанской“ печки съ герметической заслонкой.

— Ужъ не обезсудь на нашей простотѣ,—извинялась старушка, провожая меня въ заднюю избу,—чѣмъ богаты...

— Да не безпокойтесь, бабушка... Все отлично. Благодарю...

— Какъ не безпокоиться-то... Охъ-хо-хо!.. — вздыхала старушка, еще разъ взбивая подушки и, очевидно, желая что-то высказать.—Вотъ что, родимый ты мой, скажи ты мнѣ, ради истиннаго Христа: засадятъ Евстратушку-то въ острогъ... а?

— Зачѣмъ засадятъ, бабушка?

— Да вотъ за законъ-то за его... Отецъ-то вѣдь тоже о землѣ хлопоталъ, да такъ и кончился въ острогѣ, ну и Евстратушка какъ бы туда же не угодилъ. Вонъ какъ онъ разговариваетъ... Все жилъ ничего, все ничего, торговлишку справилъ, обзавелся, а тутъ накося—всему попустился. И въ кого это онъ уродился такой-то?

— Вѣроятно, въ отца, бабушка?

— Такъ, вѣрно, родимый, въ отца и есть... Охъ, чажало это родительскому сердцу!. Уговаривали—пытались, такъ куды — приступу нѣтъ. Жена-то въ ногахъ валялась... Отецъ-то, Семенъ-то Евстратычъ, такой же вотъ былъ неуговоръ: наладитъ, что хошь расколись для него тутъ. Все за Боровки тогда хлопоталъ, объ землѣ объ этой, ну, его въ острогъ—такъ и сидѣлъ по смерть по самую, а не покорился. Строго прежде-то было, при Иванѣ еще Антонычѣ: ужъ онъ дралъ-дралъ Семена-то Евстратыча, голубчика, а ничего выбить не могъ. Евстратушка-то, видно, въ родителя изгадалъ... Не взыщи ты на мнѣ, на старухѣ, за глупый мой разговоръ: все вѣдь сердечушко издрожалось.

Я постарался успокоить горевавшую старуху, какъ умѣлъ, и она ушла, охая и причитая объ ухватившемся за законъ Евстратушкѣ. Заснуть я долго не могъ: въ комнатѣ было жарко даже на полу, за обоями шуршали тараканы, слышно было, какъ самъ хозяинъ нѣсколько разъ входилъ и выходилъ изъ избы, вѣроятно, задавать корму скотинѣ, мятель не унималась и продолжала завывать въ трубѣ, нагоняя тоску.

Это неожиданное превращеніе Важенина изъ кулака въ человѣка, рѣшившагося „послужить міру“—являлось однимъ изъ тѣхъ диссонансовъ, которые въ общемъ житейскомъ омутѣ какъ-то идутъ вразрѣзъ рѣшительно со всѣмъ и служатъ почти неразрѣшимой загадкой. Откуда? какъ? почему? Съ одной стороны, подарки Харитинушки, расчеты на темный товаръ и общую бѣдность, чистосердечныя сожалѣнія о пропущенномъ случаѣ принять участіе въ разореніи купца Михряшева, а съ другой—желаніе постоять за міръ и принесеніе въ жертву этому желанію туго сколоченнаго, копейка за копейкой, благосостоянія. Все это было непримиримымъ противорѣчіемъ, и негдѣ было искать того переходнаго критическаго момента, который долженъ былъ существовать. Даже прецедентъ въ видѣ сгнившаго въ острогѣ родителя, Семена Евстратыча, по общечеловѣческой логикѣ не могъ служить особенно побудительной причиной повторить ту же исторію вторымъ изданіемъ, хотя, конечно, знаменитаго Ивана Антоныча давно уже не было на свѣтѣ, и прежняя крѣпостная темнота смѣнилась новыми порядками. Вся эта исторія казалась такой невѣроятной, что я даже усомнился въ искренности намѣреній Важенина и съ этой мыслью уснулъ въ его кулацкомъ гнѣздѣ, успащенномъ и вѣнской „небелью“, и „зеркаломъ“, и разной другой благодатью, навѣрно, купленной по случаю въ полцѣны.

Пластунскіе заводы представляютъ интересную страничку въ исторіи Урала. Первый, такъ называемый Старый заводъ основанъ былъ на р. Пластуньѣ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, когда на Уралѣ заводы росли какъ грибы, десятками. Мѣсто подъ заводы было выбрано чрезвычайно удачно: богатыя руды, дремучіе лѣса, нѣсколько горныхъ рѣкъ, удобныхъ для запруды—всѣ условія точно нарочно сгруппировались въ интересахъ вящшаго развитія заводскаго дѣла. И дѣйствительно, новые заводы пошли бойко въ ходъ и стали приносить своему основателю милліонные дивиденды. Этотъ первый заводчикъ, по фамиліи Кученковъ, выбился въ большіе люди изъ полной неизвѣстности и цѣлую жизнь работалъ за четверыхъ. Впрочемъ, приблизительно такова исторія возникновенія почти всѣхъ уральскихъ горныхъ заводовъ, за исключеніемъ казенныхъ, гдѣ были свои порядки. Какъ всѣ первые уральскіе заводчики, Кученковъ обладалъ самой завидной энергіей, хорошо понималъ свои интересы и спеціально заводскую часть и, какъ всѣ первые уральскіе заводчики, не церемонился съ рабочими, а въ случаѣ ослушанія расправлялся съ ними звѣрски.

Кученковъ, въ смыслѣ типичности, былъ замѣчательный человѣкъ: ходилъ въ полушубкѣ и въ валенкахъ, съ завода на заводъ переѣзжалъ часто съ „обратьними“ ямщиками, вообще жилъ крайне просто и только любилъ щегольнуть передъ начальствомъ. Наслѣдники Кученкова начали съ того, что раздѣлились: одинъ взялъ заводы, другому выдѣлили часть деньгами, третій получалъ извѣстный дивидендъ и не вступался ни въ какія дѣла. Всѣ трое жили или въ Петербургѣ, или за границей, безобразничая напропалую. Внукъ Кученкова, къ которому перешли заводы, получилъ воспитаніе въ Парижѣ, подъ вліяніемъ какого-то іезуита, и до конца своей жизни не могъ научиться говорить правильно по-русски, хотя жилъ набобомъ и уронилъ заводы

окончательно, опутавъ ихъ неоплатными долгами. Никакое крѣпостное право и никакіе Иваны Антоновичи не могли спасти падавшихъ заводовъ, и они сейчасъ послѣ воли за казенные долги перешли въ опекунское управленіе, гдѣ всѣмъ дѣломъ верховодила сплоченная кучка горныхъ инженеровъ. Эти опекуны повели дѣла чрезвычайно ловко и, въ видахъ „усиленія заводскаго дѣйствія“ разными „хозяйственными способами“, увеличили казенный долгъ вдвое, такъ что, въ концѣ концовъ, Пластунскіе заводы пошли съ молотка и достались какой-то сильной иностранной компаніи.

Владычество новой компаніи началось съ того, что на смѣну старыхъ доморощенныхъ управителей и служащихъ была выслана настоящая армія „нѣмцевъ“ и заведенъ былъ въ дѣлахъ чисто-нѣмецкій безконечный порядокъ. На одномъ Пластунскомъ заводѣ было восемьдесятъ человѣкъ служащихъ, изъ которыхъ шестьдесятъ пять были „нѣмцы“, а пятнадцать изъ старыхъ заводскихъ служащихъ. Конечно, эти нѣмцы разобрали самыя лучшія мѣста: главный управляющій, Фридрихъ Базъ (Секретъ называлъ его „Бацъ“), получалъ двадцать пять тысячъ годового жалованья, за нимъ слѣдовалъ помощникъ главнаго управляющаго Копачинскій, заводскій управитель Вацеръ, завѣдывающій канцеляріей Берхъ, главный бухгалтеръ Баль, начальникъ контроля Бангъ, завѣдывающій хозяйственнымъ отдѣленіемъ Барчъ, главный лѣсничій Бартельсъ, инженеръ по разнымъ порученіямъ Адельсонъ, главный врачъ Абрагамсонъ, главный кассиръ Аншельзонъ и т. д. и т. д. Русскія фамиліи жались на самыхъ послѣднихъ ступенькахъ этой канцелярской лѣстницы—писцами, дозорными, запащиками и тому подобной мелкой сошкой, даже не имѣвшей подчасъ названія своей должности—такъ она была мелка и ничтожна. Заведеніе такого образцоваго порядка являлось только одной стороной дѣла, за которой непосредственно выступала вторая, правда, логически связанная съ первой, — это цѣлая система хозяйственныхъ сокращеній и урѣзокъ въ мелочахъ, въ маленькихъ должностяхъ и особенно на рабочихъ. Была введена артистически выработанная система вычетовъ и штрафовъ, подробныя правила, какъ ходить и дышать, и этотъ аптекарскій способъ экономіи на первыхъ же порахъ далъ самый блестящій результатъ.

Рабочіе, прижатые всевозможными правилами къ стѣнѣ, скоро поняли, въ какую попали западню, и протестомъ съ ихъ стороны послужилъ такъ называемый „книжечный бунтъ“. Новая администрація завела расчетныя книжки, и вотъ эти книжки послужили яблокомъ раздора, потому что какія-то темныя личности заказали накрѣпко не брать этихъ книжекъ ни подъ какимъ видомъ: кто возьметъ такую книжку—превратится опять въ заводскаго крѣпостного. Свои начетчики и грамотеи указывали на заводскую печать на книжкахъ, какъ на „антихристовъ знакъ“—однимъ словомъ, разыгралась самая печальная исторія, потребовавшая даже пріостановки на нѣкоторое время заводскаго дѣйствія. Все это происходило въ такихъ смѣшныхъ формахъ, что призванная къ содѣйствію власть не нашла никакой возможности прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ, практикуемымъ въ такихъ случаяхъ. Когда улеглось первое волненіе, дѣло уладилось само собой, и книжки пошли въ ходъ, хотя старухи-раскольницы пророчили малодушествовавшимъ рабочимъ, по меньшей мѣрѣ, геенну огненную. Конечно, со стороны этотъ „книжный бунтъ“ кажется только смѣшнымъ, но онъ имѣлъ за себя очень вѣскія основанія: кабала явилась, хотя и не со стороны „антихристова знака“. Меня особенно удивляла та единодушная ненависть, съ какой пластунскіе обыватели относились къ новой нѣмецкой администраціи: это было тѣмъ болѣе удивительно, что эти же самые обыватели относились почти безъ ненависти къ звѣрствамъ какого-нибудь

Ивана Антоныча, поровшаго рабочихъ прямо на смерть. Даже такой независимый человѣкъ, какъ Важенинъ, и тотъ чуть не оправдывалъ звѣрства вѣчно улыбавшагося крѣпостного управителя.

— Помилуйте, тогда кругомъ темнота была,—объяснялъ Важенинъ, встряхивая волосами.—Развѣ бы Иванъ Антонычъ сталъ звѣрствовать, ежели бы не тогдашняя темнота?.. На другихъ-то заводахъ не лучше нашего было. А все потому, что съ управителей спрашивали: подай столько-то дивиденту, хоша расколись. Ну, и дралъ Иванъ Антонычъ... тоже ему не свою спину было подставлять за нашего брата. А нынче совсѣмъ другое дѣло: господамъ законъ и намъ законъ... да. Имъ ихнее, а намъ наше... Конечно, нѣмцы теперь большую силу забрали, а только старинные люди говорили такъ: „клопъ клопа ѣстъ, послѣдній самъ себя съѣстъ“.

Въ этой запутанной и перепутанной исторіи было замѣчательно особенно то, какимъ способомъ, при разстроенныхъ заводскихъ дѣлахъ, получались сравнительно высокіе доходы. Секретъ, какъ всѣ великія открытія, былъ очень простъ: заводская администрація не дѣлала никакихъ нововведеній, не заводила ничего, что̀ пахло большими издержками, и даже на ремонтъ списывала самыя незначительныя суммы и, благодаря такому хозяйству, возвышала доходъ. Кромѣ печей Сименса и горячаго дутья, не было капитальныхъ усовершенствованій, да и эти новинки были устроены только въ виду самой настоятельной и вопіющей нужды въ древесномъ топливѣ, на которомъ исключительно работаютъ всѣ уральскіе заводы. Собственно, эта система практикуется и на другихъ заводахъ, и было уже нѣсколько примѣровъ полнаго краха цѣлыхъ заводскихъ округовъ, но разорившіе такимъ образомъ заводы главные управляющіе получили свои десятки тысячъ—„что̀ и требовалось доказать“, какъ говорится въ учебникахъ математики. Роковымъ вопросомъ, conditio sine qua non для всѣхъ уральскихъ заводовъ является переходъ съ древеснаго топлива на каменный уголь, но всѣ заводы тянутся изъ послѣдняго, чтобы хотя на недѣлю отсрочить неизбѣжное рѣшеніе этого вопроса, потому что такой переходъ потребуетъ сразу громадныхъ затратъ на приспособленіе всѣхъ огнедѣйствующихъ заведеній къ употребленію каменнаго угля, а это неизбѣжно отразится на количествѣ получаемаго дохода съ заводовъ,—какой же управляющій рѣшится не только взять на свою отвѣтственность подобный рискъ, но даже просто посовѣтовать владѣльцу. Это было бы двойнымъ самоубійствомъ: лишить заводовладѣльцевъ ихъ доходовъ и, главное, лишить самихъ себя министерскихъ окладовъ. Остается только итти впередъ до послѣдняго полѣна дровъ, что̀ и практикуется всѣми заводчиками въ одинаковой мѣрѣ.

Такимъ образомъ вопросъ о лѣсѣ является въ уральскомъ горнозаводскомъ хозяйствѣ самымъ больнымъ мѣстомъ: заводы увеличиваютъ свою производительность, параллельно идетъ уменьшеніе лѣсныхъ дачъ, и впереди полный крахъ. Но упорное нежеланіе переходить на минеральное топливо имѣетъ еще и другую сторону: всѣ заводчики вопіютъ о недостаткѣ лѣсовъ, и поэтому замедляется надѣлъ заводскаго населенія землей, потому что такой надѣлъ долженъ ipso facto уменьшить лѣсныя дачи. Этимъ путемъ аграрный вопросъ на Уралѣ получилъ совершенно особенныя осложненія и въ недалекомъ будущемъ долженъ повести къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. Трудность размежеванія увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ частныхъ и казенныхъ земель, сотни квадратныхъ верстъ принадлежатъ своимъ владѣльцамъ на поссессіонномъ правѣ, которое само по себѣ является почти неразрѣшимой юридической загадкой. Пластунскіе заводы въ этомъ

случаѣ были не лучше и не хуже другихъ поссессіонныхъ заводовъ, хотя и съ нѣкоторымъ спеціальнымъ „букетомъ“ въ видѣ „сплошного нѣмца“, какъ выражался Секретъ.

IV.

На другой день утромъ, когда я пилъ чай въ задней избѣ, туда вошелъ Важенинъ, оглядѣлся, приперъ дверь поплотнѣе и присѣлъ къ моему столу съ видомъ человѣка, который желаетъ что-то сказать, но не рѣшается.

— Погодка-то какъ будто успокоилась... — тянулъ онъ, заглядывая въ окошко.—Вотъ все я собираюсь какъ-нибудь нутреныя ставешки наладить, желѣзныя... Очень даже это способно по нашему дѣлу, а то —не ровенъ часъ— пошаливаютъ у насъ на Пластунскомъ: недавно четверыхъ зарѣзали. Вотъ этакъ же во второмъ этажѣ: намазали медомъ листъ бумаги, прилѣпили къ стеклу, выдавили и въ лучшемъ видѣ залѣзли...

Поговоривъ о разныхъ пустякахъ и еще разъ оглянувшись кругомъ Важенинъ досталъ изъ кармана своего длиннополаго сюртука вчетверо сложенный листъ и, развернувъ его, подалъ мнѣ. Бумага начиналась стереотипной фразой: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, я при живности своей“ и т. д. Это было форменное духовное завѣщаніе, составленное Важенинымъ на имя жены Платониды Васильевны, причемъ онъ отказывалъ ей все движимое и недвижимое, съ условіемъ, чтобы она по смерть „воспитывала“ старушку-свекровь, оказывала ей „всякую покорность и почтеніе“. Завѣщаніе было подписано тремя душеприказчиками.

— Все форменно?—шопотомъ спрашивалъ Важенинъ, оглядываясь на дверь.—Ежели въ случаѣ, напримѣръ, меня сцапали бы, какъ родителя... Не отберутъ отъ жены-то домъ и лавку?

— Да зачѣмъ васъ сцапаютъ?

— Ну, такъ я, это къ примѣру только... Форменно все?

— Нѣтъ, не совсѣмъ форменно... Это духовное завѣщаніе составлено домашнимъ образомъ и можетъ всегда возбудить споръ со стороны родственниковъ, племянниковъ, напримѣръ, а чтобы окончательно обезпечить себя— вы засвидѣтельствуйте это же завѣщаніе у городского нотаріуса.

— И тогда ужъ форменно будетъ? Т.-е. ни подъ какимъ видомъ, чтобы племянники... какъ вонъ Харитину пустили по міру?

— Да вы напрасно безпокоитесь, Евстратъ Семенычъ: никакой опасности нѣтъ.

— Ужъ вы, пожалуйста, не говорите такія слова,—шопотомъ отвѣчалъ Важенинъ, придвигаясь ко мнѣ ближе.—Были ужъ такіе случаи-то... Ей-Богу! На —скихъ заводахъ этакъ же мужичокъ вздумалъ хлопотать насчетъ земли, ну, его сцапали да и выслали административнымъ порядкомъ тысячи за двѣ верстъ. Это какъ? Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Меня-то высылай, да только жену да вотъ мамыньку не тронь. Про себя-то я ужъ порѣшилъ... Будетъ ужъ мнѣ... да.

— Чаю не хотите ли?

— Благодарствуйте, я ужъ напился... По-деревенски рано встаемъ, да и спу у меня нынче настоящаго не стало! Вертишься-вертишься ночь-то.

— Вѣроятно, нездоровы?

— Нѣтъ, ничего, слава Богу, не могу пожаловаться, а такъ... отъ мыслей. Раздумаешься да раздумаешься...

— Послушайте, Евстратъ Семенычъ, меня удивляетъ, какъ это вы такъ вдругъ... перемѣнились?

Важенинъ внимательно посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Да и самъ я дивлюсь... — отвѣтилъ онъ послѣ короткой паузы. — Такъ ужъ, видно, кому что на роду написано. Видите ли, случай тутъ былъ... Долго, пожалуй, разсказывать-то.

Для безопасности Важенинъ приперъ дверь на крюкъ, подсѣлъ опять къ столу и заговорилъ:

— Помните, тогда встрѣтились въ середовинѣ-то у Секрета? Пировалъ я тогда до неистовства... страсть пировалъ. Ну, извѣстно—мужикъ могутный изъ себя, недѣли двѣ безъ просыпу закачиваешь. А охота, это ужъ другое... Оно одно къ одному, пожалуй, шло. Про Боровки-то, чай, слыхали? Мы съ Секретомъ будто на охоту уйдемъ, а сами въ Боровки и закатимся. Есть тамъ четыре братана Мяконькихъ, а у нихъ есть сестра Ульяна... Только и семейка: здоровенные всѣ, могутные, красавцы, а всѣхъ лучше эта самая Ульяна. Мы вѣдь тоже изъ Боровковъ, и я эту самую Ульяну махонькой еще зналъ, а какъ выросла высокая, да широкая, румяная, руки у ней, ну, однимъ словомъ, богатырь-дѣвка. И на рѣчахъ при этомъ очень бойка, да и веселая-развеселая—только слушай... Ну, и запади эта самая Ульяна мнѣ въ башку: думаю объ ней день и ночь, и шабашъ. По душѣ пришлась... Ну, ужъ я около Ульяны и такъ и этакъ—ничего не беретъ. На заводахъ-то у насъ балованный народъ, и насчетъ женскаго полу даже весьма свободно, а тутъ не дается дѣвка въ руки, и меня ужъ озарки взяли, себя не помню, какъ другой быкъ, напримѣръ. Здоровъ я былъ, ну, кровь-то какъ заходила—смерть... Ужъ я гонялъ-гонялъ Секрета съ гостинцами и съ подарками—толку все мало: возьметъ, поблагодаритъ, а настоящаго дѣла нѣтъ. Все мнѣ хотѣлось Ульяну въ лѣсу гдѣ-нибудь взловить, когда она по ягоды пойдетъ—такъ нѣтъ, дошлая, шельма, не идетъ въ лѣсъ. Кружили мы такимъ манеромъ, кружили съ Секретомъ, дѣло хоть брось. Зима наступила, слышу—сватаютъ Ульяну... Послѣ Рождества свадьба. Меня это изъ ума вышибло: будетъ моя Ульяна... Подослалъ къ ней Секрета выспросить, а Ульяна и говоритъ ему: „кланяйся Евстрату Семенычу... любъ онъ мнѣ, да не умѣлъ взять дѣвку, а теперь братаны замужъ отдаютъ“. Запировалъ я пуще прежняго, а тутъ и Святки на носу... Ну, и укололи мы съ Секретомъ штуку!.. Тоже придумали: напоимъ, молъ, всѣхъ четырехъ братановъ и Ульяну выкрадемъ. Ей-Богу... чистое звѣрье какое-нибудь такое разсужденіе имѣли. Хорошо. Была у меня лошадка припасена нарочно для этого случая—невеличка изъ себя, а такъ бѣгала, такъ бѣгала—стрѣла, а не лошадь. Ну, этого бѣгунчика заложили въ кошовку, поставили ведро водки и сейчасъ въ Боровки, къ Мяконькимъ... Они по лѣсоворной части, и я прикинулся, что срубъ мнѣ надо поставить. Давай мы пировать въ избѣ у Мяконькихъ—праздничное дѣло... А Ульяна тутъ же въ избѣ вертится и будто сномъ—дѣла не знаетъ. Ну, удовлетворили мы братановъ такъ, что ухомъ по землѣ... Выхожу я въ сѣни, свистнулъ Секрета, а онъ мнѣ и говоритъ: „Ульяшка-то убѣжала...“—„Куда?“—„Да куда, говоритъ, ей убѣжать, здѣсь гдѣ-нибудь въ деревнѣ же, не велико мѣсто“. Отправились мы искать ее и, точно, на вечоркѣ нашли въ одной избѣ, и какъ была въ одномъ сарафанѣ, такъ мы ее и заполучили, завязали ротъ платкомъ да въ кошовку: трогай въ середовину... Секретъ на козлахъ, а я снялъ съ себя шубу и въ шубу завернулъ Ульяну, чтобы не замерзла. Сначала сильно билась, а потомъ присмирѣла и сидитъ въ родѣ какъ деревянная. Ну, а тамъ, въ Боровкахъ-то, всѣ на ноги, сказали братанамъ, тѣ кое-

какъ пречухались и сейчасъ на лошадей: два брата по дорогѣ въ Пластунскій заводъ погнали, а двое въ середовину къ Секрету. Мѣсто тоже не близкое, ѣдемъ мы и слышимъ, что за нами погоня, а у Мяконькихъ кони первые по деревнѣ—потому по лѣсоворной части это первое дѣло. Тутъ ужъ и моя Ульяна всполыхнулась: „Охъ, убьютъ тебя братаны... дай, я лучше убѣгу въ лѣсъ, тогда имъ нечего съ васъ взять".—„Куда ты, говорю, дура, въ лѣсъ пойдешь, когда вездѣ снѣгъ по поясъ... Оборонимся, говорю, да и середовина недалеко..." Совѣстно тоже загородиться дѣвкой-то: наша вина—нашъ и отвѣтъ. А погоня все ближе... Видимъ, наша лошадка изъ силъ выступаетъ, тоже трое насъ, чертей,—добрый возъ. Не доѣхали мы до середовины будетъ-не-будетъ съ версту, какъ братаны Мяконькіе налетѣли на насъ... Ну, повернули мы лошадь поперекъ дороги, у меня съ собой оборонка была маленькая: леварвертъ-кулачокъ, шестицволый, значитъ—и пошла свалка. Нагнали насъ двое братановъ: большакъ Мишка и середнякъ Прошка, и приняли насъ въ стяги... Выпалилъ я разика два, а потомъ какъ царапнули меня стягомъ по плечу—и кулачокъ вылетѣлъ... Ну и били они насъ—страсть!.. Сначала все стягами, а потомъ по дорогѣ за волосы да топтать... Здоровенный народъ, чисто какъ два медвѣдя изъ берлоги вырвались. Помню только, какъ перво меня полыхнули стягомъ по правому плечу, а потомъ по крыльцамъ. Такъ замертво насъ бросили въ кошовку, понужнули лошадь, ну, она насъ и предоставила прямо къ Секретовой сторожкѣ,—потому дѣло знакомое. Ну, очнулся я у Секрета въ избушкѣ и не думалъ, что живъ останусь: ни рукой, ни ногой, ни шеей повернуть, а рожа, какъ чугунный котелъ. И Секретъ тоже въ лучшемъ видѣ... Однимъ словомъ сказать, братаны Мяконькіе чистенько свое дѣло сдѣлали...

Важенинъ перевелъ духъ, встряхнулъ волосами и даже засмѣялся, вѣроятно, отъ удовольствія, что братаны Мяконькіе очень ужъ „чистенько" поучили его съ Секретомъ.

— Ну, привезла меня Власьевна прямо къ женѣ: „нà, получай любезнаго супруга", и, натурально, все дѣло ей начистоту выложила... Мамынька реветъ, жена реветъ, а я лежу и пальцемъ пошевелить не могу. Позвали этого доктора, Абрагамсона, поглядѣлъ-поглядѣлъ онъ на меня и только головой покачалъ: „Ловко, говоритъ, устряпали... это, говоритъ, не человѣкъ, а котлетка". Ей-Богу, такъ и сказалъ... Не сталъ и лѣчить, все равно, говоритъ, помретъ; ну, такъ мамынька догадалась, сгоняла за одной старухой и предоставила ей пользовать меня... Ужъ и принялъ я только мýки отъ этой старухи: въ баню да въ баню, да травами меня натирать, да мазями мазать, да пластырями облѣпила, да поитъ какой-то дрянью, что съ души воротитъ. Ну, извѣстно, дѣло смиреное мое было: чтò хотятъ, то и дѣлаютъ—ихняя воля вполнѣ, потому какъ я ни рукой ни ногой, все равно. И вѣдь отлежался... три мѣсяца вылежалъ, а все-таки сталъ на ноги. Ну, шея съ годъ не ворочалась, а потомъ ничего, отлежался, только вотъ къ ненастью каждая косточка ломитъ да ноетъ. Нарочно послѣ сходилъ къ этому самому Абрагамсону и отрекомендовался въ полной формѣ, такъ онъ только ахнулъ: „Ну, говоритъ, вы, подлецы, изъ котельнаго желѣза, надо полагать, сдѣланы... Поглядѣлъ бы, говоритъ, ты на себя-то, въ какомъ ты, напримѣръ, образѣ былъ: весь подъ одинъ пузырь и при этомъ чернѣе опойка... Кто это тебя такъ уважилъ?"—„Есть, говорю, ваше благородіе, добрыхъ-то людей..."

Важенинъ опять засмѣялся и прибавилъ:

— Секретъ скорѣе мого выправился и все водкой: и снаружи водкой мазался и внутрь принималъ... Ему все-таки меньше моего досталось, потому

онъ только такъ, подъ руку подвернулся. Потомъ меня провѣдывать приходилъ, песъ, да моя жена его въ три шеи... извѣстно, женская часть, тоже обидно...

— Ну-съ, такъ вотъ, напримѣръ, когда я лежалъ, все мнѣ проволоки представлялись,—продолжалъ Важенинъ послѣ небольшой передышки.—И не то, чтобы настоящія проволоки, а въ родѣ какъ мысли у меня въ головѣ проволоками тянулись... Ей-Богу! Лежу я въ собственномъ домѣ, на своей кровати, ходитъ за мной моя собственная жена, и я слышу, какъ она вздыхаетъ... Долженъ былъ я восчувствовать себя подлецомъ али нѣтъ? Даже очень восчувствовалъ: не только подлецъ, но и душегубъ... Еще Господь сохранилъ, а то бы прощай, Ульяна. Вотъ до чего дошло!.. И сталъ я думать, сталъ думать... Какъ-то этакъ забылся немножко, открылъ глаза, а она стоитъ передо мной...

— Ульяна?

— Нѣтъ, Харитина Петровна... значитъ, жена Ивана-то Антоныча, у нихъ я въ казачкахъ состоялъ. И съ чего приснилась, подумаешь! Гляжу, а за ней покойный мой родитель, Семенъ Евстратычъ, стоитъ... Вотъ какъ сейчасъ я ихъ вижу! Она-то такая молоденькая да жиденькая, какой замужъ вышла, смотритъ это на меня таково жалостливо и головкой качаетъ, а родитель глядитъ куда-то вбокъ, потому совѣстно ему за меня, такъ надо полагать. Постояли и ушли—только и всего... Ну, тутъ-то я и понялъ, зачѣмъ ко мнѣ родитель-то приходилъ. Кровь это сказалась, надо выкупать родительскую-то кровь. Все мнѣ такъ ясно сдѣлалось вдругъ... Какъ я жилъ-то до этого случая? Какія у меня мысли были въ головѣ? Обмануть, да пировать, да за дѣвками гоняться, да изъ-за этихъ же дѣвокъ чуть смертнаго часа не получилъ. Вѣдь это что же такое, если разобрать: родитель-то животъ свой положилъ за правду, а я душегубствомъ занялся. Наколотилъ всякимъ обманомъ копейку, ѣлъ сладко, пилъ, спалъ вволю, ну, накопилъ дикаго-то мяса, и давай дурить... Еще какъ выжималъ, бывало, каждый грошъ изъ тѣхъ, кто побѣднѣе, потому придетъ такой бѣдный человѣкъ въ лавку—онъ весь твой. То удивительно, что мнѣ пріятно было содрать съ него этотъ вотъ самый распослѣдній грошъ, чтобы онъ, напримѣръ, чувствовалъ, каковъ я человѣкъ есть. Тепло, свѣтло, сытно—сидишь себѣ въ горницѣ да радуешься, на дворѣ стужа, клящій морозъ, а тебѣ еще пріятнѣе,— потому, какъ въ это время бѣднота колѣетъ да зябнетъ. Жену постоянно обманывалъ, да еще Ульяну чуть не загубилъ изъ-за своего дикаго-то мяса... И все-то было мнѣ мало, все завидовалъ, какъ другіе богатые купцы живутъ. Ей-Богу, совѣстно даже разсказывать... Отъ этой самой подлости и пировалъ. Ну, а какъ пришелъ я въ себя, сейчасъ же себѣ зарокъ крѣпко-накрѣпко далъ: первое, чтобы вина ни капли, а второе, что ежели Господь подыметъ на ноги—безпремѣнно родительскую кровь выкупать и охлопотать мужичкамъ землю. Отцы-то наши какую муку принимали за старую вѣру. Прибѣжали сюда, мѣсто было совсѣмъ дикое, звѣровое—опять ихними же трудами все устроилось. А мы какъ живемъ? То-то вотъ и есть... Конечно, оно жалко, когда подумаешь, что надо вотъ все это бросать... жена реветъ, ну, да какъ-нибудь. Вотъ меня только эта самая духовная весьма безпокоила, а теперь къ нотаріусу и шабашъ.

Мы разстались друзьями. Важенинъ вышелъ проводить меня на улицу и долго стоялъ за воротами безъ шапки, заслонивъ глаза рукой. Мнѣ сдѣлалось очень грустно, когда я припомнилъ слова Важенина: „Одно плохо: грамота-то наша больно дубовая, надо, значитъ, къ адвокату обратиться, напри-

мѣръ, а ужъ эти адвокаты... Ахъ, кабы не томнота-то наша, кажется... ну, да что объ этомъ толковать!..". Моя почтовая пара тащилась по узкимъ кривымъ улицамъ, уставленнымъ старинными дворами, какихъ ужъ нынче не строятъ: высокіе коньки, свѣсы подъ окнами и на воротахъ съ узорчатой прорѣзью, шатровыя крыльца —все это было поставлено крѣпко и плотно, какъ нынче не ставятъ избъ. Въ центрѣ завода разлегся довольно большой прудъ; на одномъ берегу стояла каменная церковь, у плотины въ березовой рощѣ потонулъ старинный господскій домъ. Онъ былъ выстроенъ въ одинъ этажъ, какъ строились старинные помѣщичьи дома; маленькія окна вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ какъ добродушнѣйшимъ образомъ смотрятъ кругомъ, какъ умѣютъ смотрѣть очень хорошіе старички, а между тѣмъ сколько драмъ разыгралось за этими окнами, когда царилъ Иванъ Антонычъ... Сколько народа было перепорото на смерть, а Иванъ Антонычъ любовался изъ окошечка на экзекуцію и приговаривалъ: „ангелъ мой", „миленькій", „голубчикъ". Тутъ же и томилась, и чахла, и обманывала Ивана Антоныча „душенька" Харитинушка, вѣроятно, скоро выучившаяся печь „пирожки съ осетринкой", и тутъ же стоялъ казачокъ Евстратушка въ дареной шелковой рубахѣ.

Теперь въ старомъ господскомъ домѣ, полномъ еще крѣпостными слезами и напастями, поселился „сплошной нѣмецъ", сразу напустившій сухоту на тридцатитысячное населеніе всѣхъ пластунскихъ заводовъ, и „быша послѣдняя горше первыхъ". Вонъ на горкѣ строятъ новые дома—это тоже для представителей высшей заводской администраціи, которая быстро доведетъ заводы до полнаго краха и пуститъ населеніе по міру, но—прежде чѣмъ доведетъ до этого—будетъ вытягивать правительственныя субсидіи, будетъ хлопотать о повышеніи пошлинъ на привозимые изъ-за границы дешевые металлы, будетъ донимать рабочихъ штрафами и т. д. Очень и очень невеселая картина.

— А знаете, сколько мы нынче взяли за кабаки-то?—говорилъ Важенинъ, уже стоя за воротами.—Двѣнадцать тысячъ цѣлковенькихъ... Давно бы печѣмъ было платить подати, ежели бы, спасибо, кабаки не выручали: ими можно сказать, только и держимся.

V.

Важенинъ дѣйствительно началъ дѣло о неправильномъ завладѣніи Пластунскими заводами землей, принадлежащей деревнѣ Боровки, постоянно пріѣзжалъ въ городъ, ходилъ по адвокатамъ, собиралъ какія-то справки, ѣздилъ въ губернскій городъ Моховъ за какими-то таинственными документами, писалъ какія-то „копіи, съ коніи копіи" и опять исчезалъ. Заходилъ онъ ко мнѣ раза два „перевести духъ", какъ говорилъ, садился въ уголокъ и, оглядываясь, подавленнымъ шопотомъ разсказывалъ свое хожденіе по мукамъ и мытарствамъ.

— Адвоката, слава Богу, приспособилъ...—говорилъ онъ съ счастливой улыбкой.—Ваше, говоритъ, дѣло правое, только сперва пожалуйте на пошлины и гербовую бумагу, вообче предварительные расходы. Очень обходительный человѣкъ и притомъ: пасть... По фамиліи: Человѣколюбцевъ.

— Кто вамъ его рекомендовалъ?

— Да ужъ я объ нихъ обо всѣхъ стороной наводилъ справки и вызналъ вполнѣ...

Къ особенностямъ Важенина принадлежала чисто-мужицкая черта: величайшее недовѣріе къ господамъ, даже совсѣмъ не заинтересованнымъ въ

дѣлѣ, какъ я, напримѣръ. Онъ вездѣ сталъ видѣть подвохъ и обходилъ всѣ рекомендаціи и совѣты, какъ очень опасные подводные камни: ему нужно было вызнать непремѣнно самому, притомъ черезъ какихъ-то темныхъ „своихъ“ людей, которымъ онъ довѣрялъ.

Пластунская заводская администрація, со своей стороны, тоже зашевелилась: и Базъ, и Берхъ, и Варчъ, и Адельсонъ,—всѣ приняли участіе въ завязавшейся борьбѣ, какъ гудитъ шмелиное гнѣздо, когда въ него ткнутъ палкой. Прежде всего, конечно, „сплошной нѣмецъ“ тоже поѣхалъ наводить справки, писать копіи, собирать документы и, пользуясь удобнымъ случаемъ, увеличилъ свою канцелярскую лѣстницу еще одной ступенькой, заграфленной подъ названіемъ „юрисконсультъ Пластунскихъ заводовъ“, и на эту лѣсенку сейчасъ же взлѣзъ присяжный повѣренный N-скаго окружнаго суда Бартельсонъ, который сдѣлался такимъ образомъ естественнымъ противникомъ Человѣколюбцева, тоже состоявшаго при N-скомъ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго. Словомъ, каша заварилась.

— А мы все-таки покажемъ имъ, какъ лягушки скачутъ...—говорилъ Человѣколюбцевъ, человѣкъ очень строптиваго и неуживчиваго характера.

Человѣколюбцевъ дѣйствительно повелъ дѣло самымъ энергичнымъ образомъ, для перваго раза совсѣмъ растворился во всѣхъ этихъ указахъ, данныхъ, купчихъ крѣпостяхъ, справкахъ, протоколахъ, сенатскихъ рѣшеніяхъ, окладныхъ листахъ, спеціальныхъ планахъ и т. п., такъ что поддерживалъ свои слабѣвшія силы только тѣмъ, что въ теченіе сутокъ выкуривалъ полфунта табаку. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Боровки и производилъ осмотръ самаго мѣста, изъ-за котораго вышло все дѣло, а также вызвалъ официальный осмотръ его отъ лица гражданскаго отдѣленія N-скаго суда. Но пластунская администрація тоже не дремала и даже хотѣла предупредить Человѣколюбцева по части науки о скачущихъ лягушкахъ,—она послала черезъ урядника въ надлежащее мѣсто довольно безграмотный доносъ на Человѣколюбцева, который, въ качествѣ „странствующаго неблагонамѣреннаго адвоката“, обвинялся въ томъ, что онъ, Человѣколюбцевъ, изъ-за корыстныхъ видовъ возбуждаетъ тлетворное волненіе довѣрчивыхъ умовъ, за что и заслуживаетъ немедленнаго удаленія въ соотвѣтствующія прохладныя палестины. „Надлежащее мѣсто“ навело справки, но Человѣколюбцевъ оказался не только сыномъ отечества, а даже великимъ патріотомъ: въ N-скѣ не было лавки и магазина, гдѣ онъ не былъ бы долженъ, затѣмъ выяснилось, что рѣшительно все—даже гораздо больше, чѣмъ все, что онъ получалъ отъ своихъ кліентовъ—онъ немедленно провинчивалъ, и наконецъ, что у него въ разныхъ судахъ накопилось двѣнадцать дѣлъ о незаконномъ присвоеніи чужого имущества и подлогѣ въ разныхъ формахъ. Одинъ остроумный чиновникъ особыхъ порученій гдѣ-то сострилъ, что даже душа у Человѣколюбцева взята гдѣ-то въ долгъ и давно просрочена. Невинность Человѣколюбцева была очевидна, и дѣло пошло своимъ порядкомъ.

— Вотъ возьми-ка его, Аристарха-то Аристархыча,—торжествовалъ Важенинъ, оказавшійся очень проницательнымъ человѣкомъ.—Ужъ это такой человѣкъ, такой человѣкъ, что его ни съ какого боку не уколупнешь: весь въ щетинѣ...

Бартельсонъ былъ нѣсколько иного мнѣнія о Человѣколюбцевѣ и терпѣливо ждалъ судьбища. N-ское общество приняло самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, сейчасъ же раздѣлилось на партіи и въ день суда наполнило собой почти всю залу гражданскаго отдѣленія N-скаго окружнаго суда, которая въ обыкновенное время стоитъ совсѣмъ пустая, или „черная“ публика заходитъ въ нее только погрѣться.

Мы не будемъ утомлять читателя подробностями всего происходившаго въ судѣ. Скажемъ только, что лѣвую половину скамеекъ для публики занимали Вазъ, Герхъ, Барчъ, Адельсонъ и ихъ сторонники, а правую—Важенинъ, четыре братана Мяконькихъ, знакомый ужъ вамъ Секретъ и еще нѣсколько любопытныхъ, явившихся сюда изъ того любопытства, которое нѣкоторыхъ людей неудержимо тянетъ на пожары и вообще къ каждому мѣсту, гдѣ собралась какая-нибудь публика. Бартельсонъ и Человѣколюбцевъ стояли предъ судомъ и усиленно строчили на своихъ пюпитрахъ съ задумчивымъ видомъ людей, рѣшившихся пожертвовать собой для общаго блага. Пока шло чтеніе доклада, продолжавшееся битыхъ часовъ шесть, я разсматривалъ Важенина и братановъ Мяконькихъ, которые представляли собой въ высшей степени типичную группу.

Глядя на братановъ Мяконькихъ, я долго старался припомнить, гдѣ я раньше видалъ этихъ богатырей, настоящихъ людей „отъ пня“, какъ выражался Важенинъ,—но память „захлестнуло“, и конецъ. А между тѣмъ эти страшныя руки, крѣпкіе, какъ столбы, затылки, эти совершенно невѣроятныя спины и могучія груди такъ были знакомы, точно вотъ я ихъ видѣлъ гдѣ-то на-дняхъ. Каково было мое удивленіе, когда я наконецъ припомнилъ все: да вѣдь эти братаны точь въ точь какъ тѣ библейскіе братья, которые нарисованы во всѣхъ священныхъ исторіяхъ для дѣтей—убійство Каиномъ Авеля, сцена, какъ продаетъ Исавъ за чечевичную похлебку свое первородство Іакову, продажа Іосифа братьями измаильтянамъ... Положительно это они: такія же библейскія руки, спины, затылки, ноги. У меня стояли въ ушахъ слова благословенія, которое далъ престарѣлый Іаковъ библейскимъ сыновьямъ: „Ты, Рувимъ, первенецъ мой—ты крѣпость моя и начатокъ силы моей... Іуда, рука твоя на хребтѣ враговъ твоихъ...“ Нужно было видѣть, какъ теперь эти „рослые теревинфы“ напрягали всѣ свои силы, чтобы понять все происходившее у нихъ передъ глазами—они дѣлались жалки въ своей физической силѣ, которая была придавлена ихъ темнотой, какъ тяжелымъ камнемъ. Вотъ большакъ Михалка въ сотый разъ вытираетъ капающій съ лица потъ, точно на немъ цѣлый возъ привезли; середнякъ Мяконькій сдвинулъ брови, наморщилъ лобъ, уперся глазами въ „судъ“, да такъ и застылъ въ одной позѣ; меньшаки потѣли, вздыхали и все смотрѣли на спину Человѣколюбцева, который во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и въ золотомъ пенснэ былъ положительно великолѣпенъ. Важенинъ сидѣлъ впереди у самаго барьера и ужасно походилъ на тѣхъ великопостныхъ причастниковъ, которые съ благочестивымъ спокойствіемъ ждутъ своей очереди; для него никого и ничего не существовало, кромѣ того, что было передъ барьеромъ. Меня поразило именно это спокойствіе, которымъ дышало не одно лицо, а вся фигура Важенина—не было больше ни прежняго недовѣрія, ни скрытнаго искательства, ни страха, потому что онъ одинъ зналъ здѣсь, зачѣмъ онъ пришелъ сюда и что онъ правъ! Именно, правъ, и это сознаніе дѣлало его неизмѣримо выше торжествовавшихъ заранѣе противниковъ: онъ переживалъ великій психическій моментъ, когда человѣкъ дѣлается рабомъ извѣстной идеи и больше не знаетъ сомнѣній.

Сидѣвшій рядомъ съ Важенинымъ Секретъ былъ подъ хмелькомъ и больше зѣвалъ по сторонамъ, время отъ времени закручивая свои тараканьи усы чрезвычайно молодцеватымъ жестомъ. Онъ часто оглядывался къ братанамъ Мяконькимъ, глупо подмигивалъ и дѣлалъ какіе-то необыкновенно таинственные знаки посредствомъ пальцевъ. Въ судѣ Секретъ былъ какъ у себя дома, потому что чувствовалъ непреодолимое тяготѣніе ко всякимъ господамъ—это былъ пропащій человѣкъ, счастливый собственнымъ ничтожествомъ.

Глядя на братанов Мяконьких, на Важенина и Секрета, я никак не могъ представить себѣ ту дикую сцену, которая разыгралась около „середовины“, когда Мяконькіе „произвели“ Важенина и Секрета „подъ одинъ пузырь“; дальше выступали еще болѣе дикія несообразности: „прилежаніе“ Харитинушки, темный товаръ, вылущиваніе грошей и копеекъ изъ пластунскихъ мастерковъ, облава на могутную дѣвку Ульяну... Дѣйствительно, нужно всю силу „родительской крови“, чтобы довести Важенина до того, чѣмъ онъ былъ въ настоящій моментъ.

Послѣ докладчика говорили сначала Человѣколюбцевъ, потомъ Бартельсонъ, затѣмъ опять Человѣколюбцевъ и опять Бартельсонъ. Новаго они ничего не сказали и, кажется, больше всего заботились о томъ, чтобы показать противнику, „какъ лягушки скачутъ“. человѣколюбцевъ въ интересахъ своихъ довѣрителей ссылался на jus primae occupationis и земскую давность; Бартельсонъ доказывалъ, что заводское дѣло имѣетъ величайшее государственное значеніе въ нашъ „желѣзный вѣкъ“, перечислялъ безконечныя права заводовладѣльцевъ, выяснялъ юридическое значеніе права на „нѣдра земли“, значеніе поссессіоннаго права и въ концѣ концовъ сказалъ, что если судъ признаетъ требованія боровковскаго общества правильными, то тѣмъ самымъ подастъ сигналъ къ безконечнымъ аграрнымъ безпорядкамъ. Все это судоговореніе закончилось тѣмъ, что судъ призналъ требованія боровковскаго общества правильными, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Оказалось, что Бартельсонъ и остальные „нѣмцы“ еще ранѣе предвидѣли такое рѣшеніе суда, но зато надѣются на бо́льшую справедливость слѣдующей судебной инстанціи; Важенинъ ничего не сказалъ, а только положилъ на свою широкую грудь широкій мужицкій крестъ.

— Теперь надо будетъ пластунскіе народы вызволять...—говорилъ онъ задумчиво, выходя изъ залы суда.

На другой день рано утромъ забѣжалъ ко мнѣ Секретъ; онъ иногда заходилъ поздравить съ праздникомъ или попросить на похмелье, но на этотъ разъ лицо у него просто сіяло.

— Ты ужъ здоровъ ли?—спросилъ я.

— Слава Богу, какъ слѣдоваетъ быть: въ полномъ составѣ,—отвѣтилъ онъ молодцевато.—А вѣдь я, вашескородіе, того, середовину-то того, сфукалъ.

— Какъ такъ?

— А ужъ такъ... На, не доставайся же она Бацу—и шабашъ. Въ лучшемъ видѣ... Желѣзная дорога пройдетъ черезъ середовину-то, а я буду сторожемъ. Вѣрно... наѣхало теперь господъ страсть: землю мѣряютъ, столбы ставятъ, планты дѣлаютъ, орудуютъ вполнѣ... Все-таки выходитъ, что я отстоялъ ее, середовину-то: никому не доставайся! И только господа наѣхали... ахъ, какіе господа!.. Набольшій-то у нихъ и говоритъ мнѣ: „Ты прикармливай волковъ“... Ну, натурально, насчетъ охоты. Какъ приду, онъ сейчасъ двугривенный: „на двугривенный, купи бараньихъ головъ волкамъ“... Куплю я бараньихъ головъ, брошу ихъ въ лѣсу, а потомъ опять къ барину: „съѣли, баринъ!“—„Ну, еще купи... вотъ тебѣ двугривенный“. Ну, такъ-ту мы бились съ нимъ цѣльный мѣсяцъ: онъ мнѣ деньги, я—бараньи головы волоку, а волки ѣдятъ... Ужъ такіе господа, такіе господа прахтикованные! И жалованье обѣщаютъ... Буду себѣ съ зеленымъ флачкомъ на рельсахъ постанвать,—вотъ оно какое дѣло-то подошло, вашескородіе!..

— Что́ же, стрѣляли волковъ-то?

— Какое стрѣляли: мы имъ бараньи головы валимъ, а они ихъ лопаютъ—только и всего...

1885.

ЛѢСЪ.

Психологическій этюдъ.

I.

Пріѣзжая на лѣто въ Журавлевскій заводъ, я прежде всего отправлялся къ дьячку Ѳомичу, который жилъ рядомъ со мною,—обыкновенный ходъ былъ огородами: перемахнешь черезъ низенькое „прясло“—и сейчасъ на территоріи Ѳомича. Здѣсь прежде всего бросалась въ глаза старая, покосившаяся баня, вся испятнанная пулями и дробью, точно оспой. Особенно пострадали банныя двери съ нарисованнымъ на нихъ чернымъ пятномъ, тѣмъ болѣе, что въ трудную минуту Ѳомичъ выковыривалъ засѣвшія въ дверяхъ пули и пускалъ ихъ снова въ дѣло. Нужно сказать, что эта злополучная баня стояла какъ разъ на межѣ съ нашимъ садомъ, и пули Ѳомича свободно могли летать въ чужой огородъ, но на это послѣднее обстоятельство какъ-то никто не обращалъ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что Ѳомичъ на весь заводъ пользовался репутаціей хорошаго стрѣлка.

Избушка, въ которой жилъ Ѳомичъ, стояла на высокомъ пригоркѣ, такъ что своимъ огородомъ упиралась прямо въ горную бойкую рѣчку Журавлиху. Подъ крыльцомъ избы вѣчно выла голодная собака, потому что Ѳомичъ имѣлъ очень оригинальный взглядъ на питаніе.

— Чутье потеряетъ, — увѣрялъ онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ. — Отъ ѣды у собакъ нюхъ портится.

— Да вѣдь непріятно, когда у васъ подъ самымъ ухомъ день и ночь воетъ голодная собака?..

— Извѣстно: песъ, ну, и воетъ... Кормить его, такъ онъ еще пуще будетъ выть.

Меня всегда удивляла эта безсмысленная жестокость и какое-то полное безчувствіе. Часто по ночамъ вой голодной собаки будилъ сосѣдей, и они бранили его, но изъ этого ничего не выходило: Ѳомичъ совсѣмъ не желалъ портить собачьяго чутья. Конечно, при такомъ образѣ жизни собака издыхала черезъ годъ, много черезъ два — и Ѳомичъ заводилъ новую, причемъ кличка оставалась одна и та же: Лыска. Я помню цѣлый рядъ такихъ несчастныхъ Лысокъ, которыя надрывали мнѣ душу своимъ воемъ. Единственное, что я могъ сдѣлать для нихъ—это потихоньку отъ Ѳомича кормить ихъ. Здѣсь необходимо замѣтить еще то, что всѣ эти Лыски принадлежали къ замѣчательной породѣ вогульскихъ собакъ, которыя въ среднемъ Уралѣ очень цѣнятся всѣми „ясачными“ (здѣсь такъ называютъ охотниковъ, отъ „ясака“—подать мѣхами). Заводскіе мастеровые платятъ за хорошую собаку рублей 15—20, что по мѣстному денежному курсу очень дорого. По внѣшнему виду

такая собака походитъ на эскимосскую: уши торчатъ пнемъ, острая морда, живые глаза, хвостъ загнутъ на спину кольцомъ, широкая грудь и тонкія, сильныя ноги. Большинство такихъ вогулокъ пестрыя, поэтому и распространенная кличка—Лыска. Особенно цѣнятся вогулки желтоватаго цвѣта съ желтыми пятнами на бровяхъ или совсѣмъ сѣрыя, волчьяго цвѣта.

— У которой пятно на брови—та и ночью видитъ,—увѣрялъ Ѳомичъ, а разубѣдить его въ чемъ-нибудь было крайне трудно.

Такая вогулка, дѣйствительно, золотая собака для настоящаго лсачнаго — чутье у ней поразительное, особенно на звѣря. Въ среднемъ Уралѣ эти собаки ведутся отъ чусовскихъ вогулъ, которые живутъ еще и теперь въ двухъ деревушкахъ на рѣкѣ Чусовой — Бабенки и Копчикъ. Сколько мнѣ извѣстно, образованные уральскіе охотники совсѣмъ не обращаютъ вниманія на эту замѣчательную собачью разновидность, которая погибаетъ вмѣстѣ съ вымирающимъ вогульскимъ племенемъ. Мнѣ лично такія вогулки ужасно нравятся: онѣ отличные сторожа, неутомимы на охотѣ за всякимъ звѣремъ и чрезвычайно умны. Можетъ-быть, нужно было цѣлую тысячу лѣтъ, чтобы создать этотъ типъ охотничьей собаки.

Изба Ѳомича дощатой перегородкой дѣлилась на двѣ половины. Въ первой жилъ онъ самъ, а во второй жена, которую онъ звалъ „матерёшкой“, съ единственной дочерью Енафой, курносой и рябой дѣвушкой, „зачичеревѣвшей въ дѣвкахъ“. Комната Ѳомича выходила своимъ единственнымъ окномъ, вѣчно заклееннымъ синей сахарной бумагой, въ огородъ и на рѣку; изъ него открывался великолѣпный видъ на извилистое теченіе Журавлихи, разсыпавшіеся по ея берегамъ дома, на лѣсъ и, главное, на „камешки“, какъ называлъ Ѳомичъ горы. Налѣво отъ двери на стѣнѣ висѣлъ небольшой деревянный шкапикъ, надъ нимъ кремневое ружье, у окна стоялъ некрашеный деревянный столъ, около перегородки лавка, два колченогихъ стула—и только. Комната, собственно, была пуста, но она мнѣ нравилась именно потому, что въ ней жилъ Ѳомичъ. Эта безпріютная, непокрытая бѣдность выкупалась самимъ хозяиномъ.

— Бувайте здоровеньки!.. — говорилъ Ѳомичъ, одинаково каждый разъ здороваясь. Дома, зиму и лѣто, онъ ходилъ въ коротенькой курточкѣ изъ оленьей шкуры и въ шапкѣ изъ молодой оленины. Пестрядиные штаны были заправлены въ голенища всегда худыхъ сапогъ. Этотъ странный нарядъ не казался страннымъ для тѣхъ, кто зналъ Ѳомича. Нужно замѣтить, что, по особеннымъ гигіеническимъ соображеніямъ, онъ, въ своей оленьей шапкѣ, спалъ на печи зиму и лѣто. Когда я познакомился съ нимъ, ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Сгорбленный, худой, съ невѣрной, шмыгавшей походкой, онъ превращался въ типичнаго старозавѣтнаго дьячка, когда надѣвалъ единственный свой казинетовый подрясникъ, обвисавшій на его сгорбленномъ тѣлѣ некрасивыми, тощими складками; къ довершенію этого безобразія, изъза высокаго засаленнаго ворота подрясника появлялись на свѣтъ божій двѣ жиденькихъ и короткихъ косички, болтавшіяся какъ два крысиныхъ хвостика. Въ обыкновенное время эти косички исчезали подъ оленьей шапкой Всего замѣчательнѣе у Ѳомича было его некрасивое, скуластое лицо съ носомъ луковицею. Жиденькая борода и такіе же усы какого-то песочнаго цвѣта не могли скрасить этого лица. Зато хороши были у Ѳомича его небольшіе сѣрые глаза съ узкими зрачками. Онъ имѣлъ характерную привычку смотрѣть куда-нибудь въ сторону и только время отъ времени взглядывалъ на васъ быстрымъ, открытымъ, проницательнымъ взглядомъ, какъ смотрятъ немножко тронутые русскіе люди.

Собственно, въ Ѳомичѣ, какъ это нерѣдко случается на Руси, жило два человѣка: одинъ—приниженный, жалкій и льстивый, а другой—самостоятельный, гордый и оригинальный. Перваго человѣка Ѳомичъ точно надѣвалъ на себя вмѣстѣ съ подрясникомъ. Такимъ онъ былъ на клиросѣ, гдѣ читалъ „бормоткомъ“ и пѣлъ разбитымъ голосомъ вмѣстѣ съ писаремъ Павлиномъ; такимъ онъ былъ, когда попадалъ куда-нибудь въ компанію бойкихъ заводскихъ служащихъ, такимъ онъ ходилъ по заводу за попомъ съ разными требами, такимъ наконецъ онъ пробирался каждое воскресенье прямо изъ церкви въ кабакъ къ своей пріятельницѣ Зайчихѣ „подковать безногаго щенка“. Длинныя руки видимо мѣшали Ѳомичу, и онъ постоянно ими запахивалъ расползавшіяся полы своего подрясника. Даже ходилъ онъ какъ-то крадучись и все старался пробраться гдѣ-нибудь огородами, чтобы не на виду у добрыхъ людей; въ разговорѣ улыбался заискивающей улыбкой и вообще держалъ себя льстиво-униженно.

Дома Ѳомичъ былъ другимъ человѣкомъ. Я много лѣтъ зналъ его и все-таки съ удивленіемъ наблюдалъ это превращеніе,—рѣшительно другой человѣкъ. Впрочемъ, изъ своего приниженнаго состоянія Ѳомичъ выходилъ и при людяхъ, когда выпивалъ лишнюю рюмочку или когда разговоръ заходилъ объ охотѣ. Охотничьи разсказы Ѳомича пользовались большой популярностью, и гдѣ-нибудь на именинахъ около него всегда собирался кружокъ слушателей. Любимой темой были „олешки“ и „мишка“, причемъ Ѳомичъ умѣлъ представить все въ лицахъ: нюхалъ воздухъ, какъ звѣрь, таращилъ глаза и дѣлалъ уморительные прыжки въ своемъ странномъ подрясникѣ. Но въ гостяхъ Ѳомичъ пересаливалъ и дома былъ не тѣмъ, чѣмъ казался постороннимъ людямъ. Во-первыхъ, это былъ замѣчательный оригиналъ и чрезвычайно наблюдательный человѣкъ, котораго никогда не оставляло неизмѣнное добродушно-юмористическое настроеніе. Ко всѣмъ и ко всему Ѳомичъ относился свысока, но эту гордость онъ позволялъ себѣ только дома.

Онъ умѣлъ надъ всѣми посмѣяться умненько и тонко, иногда одной гримасой. Чужія слабости и особенно глупость доставляли ему даже какое-то удовольствіе, и онъ имѣлъ нѣкоторое право смотрѣть на многихъ свысока, потому что обладалъ сильнымъ природнымъ умомъ, котораго не могло сломить даже дьячковское существованіе, несчастнѣйшее изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ добрыми людьми.

Къ своимъ семейнымъ Ѳомичъ относился тоже особеннымъ образомъ, точно стыдился своей человѣческой слабости. Его „матерёшка“ никогда не показывалась при людяхъ изъ-за перегородки, и только слышно было, какъ она чѣмъ-то вѣчно стучала за печкой. Къ женщинамъ Ѳомичъ питалъ чисто-философское презрѣніе, какъ къ предмету недостойному, притомъ очень вредному и даже опасному. Когда писарь Павлинъ заводилъ рѣчь о „женскомъ полѣ“, Ѳомичъ только фукалъ носомъ, какъ разсерженный старый котъ, и отплевывался. Разсказывали, что онъ не довѣрялъ женѣ ни въ чемъ и даже хлѣбъ пекъ собственными руками.

Во всемъ домѣ Ѳомича была единственная сколько-нибудь цѣнная вещь—это кремневая малокалиберная винтовка, служившая ему болѣе тридцати лѣтъ. Тяжелая березовая ложа была собственнаго издѣлія Ѳомича и отличалась хозяйственной прочностью. Замѣчательнѣе всего то, что Ѳомичъ изъ этой винтовки стрѣлялъ и звѣря, и птицу, и бѣлку.

— Откуда у васъ это ружье?—нѣсколько разъ спрашивалъ я старика, разсматривая его самопалъ.

— Такъ... отъ одного человѣка.

Къ числу особенностей Ѳомича принадлежала необыкновенная таинственность, особенно когда дѣло касалось охоты. На свое ружье онъ смотрѣлъ какъ на что-то живое и, когда дѣлалъ изъ него промахъ, обвинялъ не себя, а то, что „дуритъ“ ружье. Больше всего на свѣтѣ Ѳомичъ боялся, какъ бы къ его сокровищу не прикоснулась какая-нибудь женщина: тогда брось все и заводи новое.

— Я изъ него не одинъ десятокъ оленей загубилъ, — любилъ похвастаться Ѳомичъ подъ пьяную руку.—Оно хозяина знаетъ... да!

Трофеи охотничьихъ побѣдъ Ѳомича заключались въ оленьихъ шкурахъ, которыя служили всей семьѣ какъ ковры и одѣяла. Выдѣлывалъ ихъ Ѳомичъ самъ, равно какъ и бѣличьи и куньи шкурки, хотя, нужно отдать ему полную справедливость, выдѣлывалъ очень скверно. Впрочемъ, для своего домашняго обихода Ѳомичъ все дѣлалъ самъ: и ложу къ ружью, и лыжи, и лядунку для пороха, и памятный мнѣ деревянный шкапъ съ охотничьимъ снарядомъ, и мебель, и мережи, и свою оленью куртку. Въ лѣсу у него всегда было надрано лыко и заготовлены дрова. Только при такомъ самодѣльѣ Ѳомичъ и могъ сводить концы съ концами, потому что прожить на три рубля причетничьяго жалованья, съ семьей на рукахъ, дѣло рѣшительно невозможное. Посторонніихъ церковныхъ доходовъ Ѳомичъ получалъ такую гомеопатическую дозу, о которой не стоитъ и говорить. Журавлевскій заводъ наполовину состоялъ изъ раскольниковъ, и приходъ былъ очень плохъ. Нѣсколько разъ Ѳомичу предлагали занять мѣсто дьякона, но онъ упорно отказывался.

— Отчего вы не хотите, въ самомъ дѣлѣ, быть дьякономъ? — спрашивалъ я.—Дьяконъ вдвое больше получаетъ.

— А „матерёшка“ умретъ... Дьякону во второй разъ жениться нельзя...

Это была, конечно, шутка. Ѳомичъ не шелъ во дьяконы по той простой причинѣ, что тогда потерялъ бы право ходить на охоту, другими словами— его жизнь утратила бы всякій смыслъ, а теперь получалось изъ Лыски, Енафы, матерёшки и самого Ѳомича вполнѣ законченное, органическое цѣлое.

II.

Самое лучшее время на горныхъ уральскихъ заводахъ, — это „страда“. Съ Петрова дня до самаго Успенья производство закрывается, кромѣ доменныхъ печей, и все населеніе уѣзжаетъ и уходитъ на покосы. Если нѣтъ своей скотины, „страдаютъ“ для продажи, а если нѣтъ своихъ покосовъ — нанимаются къ другимъ. Заводы пустѣютъ, а зато оживаютъ всѣ окрестности и самые глухіе лѣсные уголки. Лошадь и корова—главныя хозяйственныя статьи заводскаго мастерства, и поэтому на сѣнѣ сосредоточены въ это время всѣ его помыслы. Хлѣбопашество на заводахъ существуетъ, но въ очень небольшихъ размѣрахъ: и земля большею частью „неродимая“, да и народъ отвыкъ отъ настоящей крестьянской работы. Мы говоримъ о большинствѣ горныхъ заводовъ, хотя есть и исключенія, какъ въ заводскихъ округахъ башкирской полосы.

На Журавлевскомъ заводѣ пашни были человѣкъ у десяти, не больше, а для остальныхъ слово „страда“ ограничивалось заготовкою сѣна. Послѣ тяжелой „огненной“ и пріисковой работы, сѣнокосъ являлся желаннымъ отдыхомъ, и всякая мало-мальски справная семья въ полномъ своемъ составѣ перекочевывала на покосы. Нужно было видѣть, какъ „горитъ работа“ у вырвавшагося на свѣжій воздухъ народа—это настоящій праздникъ, и по вечерамъ на десятки верстъ несутся веселыя пѣсни. Цыганская обстановка сѣнокоса

для молодежи является самымъ счастливымъ временемъ, и въ результатѣ получаются осенніе свадьбы или же спеціальныя несчастія, которымъ особенно подвержена „извольничавшаяся“ заводская дѣвка. Нравы заводскаго населенія, какъ извѣстно, не отличаются особеннымъ цѣломудріемъ вообще, а на Уралѣ они поражаютъ своею разнузданностью.

Эта заводская страда совпадаетъ какъ разъ съ охотничьимъ сезономъ; пока не поспѣли выводки, идетъ охота на „линялыхъ“ косачей, которые въ это время прячутся по самымъ неприступнымъ чащамъ и трущобамъ, мѣняя весеннее брачное оперенiе на обыкновенное затрапезное, а съ наступленiемъ іюльскихъ жаровъ начинается охота на оленей, которыхъ днемъ овода загоняютъ въ густыя заросли или прямо въ воду. Въ это горячее время мы съ писаремъ Павлиномъ уходили въ горы на нѣсколько почей и бродили по лѣсу, какъ настоящіе дикари. Окрестности Журавлевскаго завода представляли въ этомъ отношенiи всѣ необходимыя условiя, начиная съ того, что въ одну сторону до ближайшаго жилья было сорокъ верстъ, а въ другую больше ста верстъ тянулись горы и лѣсъ, лѣсъ и горы. Мѣста, въ общемъ, были порядочно дикiя, но они скрашивались необыкновеннымъ изобиліемъ живой текучей воды, сбѣгавшей съ горъ десятками горныхъ бойкихъ рѣчекъ и рѣчонокъ. Кромѣ того, недалеко было одно большое горное озеро со множествомъ острововъ и еще два маленькихъ озерка. Выходила настоящая живая сѣть, которая охватывала собою всѣ горы и привлекала массу всевозможной дичи.

Бродить съ ружьемъ по цѣлымъ днямъ въ этой зеленой пустынѣ — наслажденiе, извѣстное однимъ охотникамъ. Встанешь съ ранней зарей и къ вечеру такъ уходишься, что едва доберешься до первой знакомой избушки. Любимымъ мѣстомъ была избушка Ѳомича на горѣ Разметъ, до которой отъ завода было вѣрныхъ семнадцать-восемнадцать верстъ. Замѣчательное это мѣсто Разметъ—собственно, такъ называлась и самая гора и прилегавшiя къ ней другiя горы, горки, косогоры и увалы. Получался горный узелъ, котораго гора Разметъ являлась связующимъ центромъ и горнымъ водораздѣломъ: въ сторону Журавлевскаго завода сбѣгались рѣчки европейскаго бассейна, а въ противоположную—азіатскаго. Водораздѣльная линiя проходила узкой, извилистой полосой, иногда достигавшей всего нѣсколькихъ десятковъ саженъ, какъ было, между прочимъ, у лѣсной избушки Ѳомича. Такимъ образомъ намъ часто случалось ночевать на самой границѣ между Европой и Азiей.

Въ одинъ изъ отличныхъ іюльскихъ дней, когда, по всѣмъ признакамъ, погода установилась прочно, мы съ писаремъ Павлиномъ забрались въ горы очень далеко. Охота вышла не особенно удачна, и къ концу дня мы едва имѣли въ запасѣ одного косача. Кромѣ того, Павлинъ уронилъ хлѣбъ въ воду, такъ что намъ предстояло лечь съ голодными желудками. Это было далеко за Разметомъ.

— Придется итти къ Ѳомичу,—говорилъ я, когда до заката оставалось всего часа два, значитъ, нужно было торопиться.

— Я не пойду,—упрямился Павлинъ, растянувшись на землѣ пластомъ.

— А я пойду.

— Скатертью дорога.

Произошла небольшая размолвка, закончившаяся тѣмъ, что Павлинъ наконецъ поплелся за мной, — оставаться одному въ глухомъ лѣсу было не особенно пріятно, а до балагана Ѳомича было около десяти верстъ. Писарь Павлинъ—небольшой человѣкъ, съ большой кудрявой головой—принадлежалъ къ самымъ безобиднымъ людямъ, но на него иногда накатывалось совер-

шенно безпричинное упрямство. Ничего не оставалось, какъ воевать съ нимъ тѣмъ же оружіемъ, тѣмъ болѣе, что по ночамъ въ лѣсу Павлинъ боялся не звѣря или человѣка, а „лѣшака“ или „лѣшачихи“, которые продѣлываютъ надъ людьми всевозможныя пакости. Павлинъ по-своему былъ даже начитанный человѣкъ, но освободиться отъ разной чертовщины былъ рѣшительно не въ силахъ.

Признаться сказать, итти десять верстъ на Разметъ, послѣ цѣлаго дня утомительной охоты, было дѣломъ нелегкимъ, и на меня не одинъ разъ нападало свойственное въ такихъ случаяхъ малодушіе. Каждая хорошая ель, открытый берегъ рѣчки или укромный уголокъ гдѣ-нибудь подъ скалой такъ и манилъ отдохнуть, но прежде всего нужно было выдержать характеръ и поддержать авторитетъ предъ ослабѣвшимъ товарищемъ.

Солнце быстро опускалось. Лѣсъ темнѣлъ. Маленькая горная тропинка дѣлала, повидимому, совершенно ненужные повороты и кривулины, точно для того только, чтобы помучить насъ. Солнечный закатъ въ горахъ удивительно красивъ. Тѣни нарастаютъ, и со всѣхъ сторонъ, точно сознательно, будто живая, начинаетъ надвигаться на васъ ночная глухая мгла. Затихшій воздухъ чутко держитъ каждый шорохъ, и, въ параллель съ этимъ, ваши собственныя чувства получаютъ какое-то болѣзненное напряженіе,—именно въ такіе переходные моменты дня больше всего и „блазнитъ“ непривычному человѣку. Ухо, еще полное дневного шума, слышитъ несуществующіе звуки, а глазъ отчетливо видитъ въ перебѣгающихъ и колеблющихся тѣняхъ созданія собственнаго воображенія. Вообще, переживаешь неопредѣленно-тревожное настроеніе, которое въ каждый моментъ готово перейти въ дѣтскую панику. Только такіе „лѣсники“, какъ Ѳомичъ, сживаются съ таинственной жизнью лѣса настолько, что ихъ уже ничто не въ состояніи напугать. Какъ хотите, но въ лѣсу голова работаетъ совсѣмъ не такъ, какъ у себя дома, и прежде всего здѣсь поражаетъ васъ непривычная лѣсная тишина, которая дастъ полный разгулъ воображенію, точно идешь по какому-то заколдованному царству. Днемъ эта тишина нарушается вѣтромъ и птицами, а ночью вы окончательно предоставлены самому себѣ и невольно прислушиваетесь уже къ тому, что̀ незримо хранится въ глубинѣ вашей души. Выплываютъ смутные образы, неясныя лица, звуки и краски.

Павлинъ покорно плелся за мной и, вѣроятно, для храбрости, нѣсколько разъ принимался ругаться, просто такъ ругаться, въ воздушное пространство, не относясь лично ни къ кому и ни къ чему. Въ одномъ мѣстѣ, спустившись въ глубокій логъ, гдѣ было уже совсѣмъ темно, Павлинъ остановился и заявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ:

— Мы не туда идемъ...

Спорить съ нимъ не стоило, и я продолжалъ итти впередъ. Дѣйствительно, начинало казаться, что мѣсто какъ будто не то: и лѣсъ другой, и дорожка дѣлала совсѣмъ ненужные повороты. Являлось серьезное сомнѣніе, что мы сбились съ дороги, такъ какъ и по времени должны были быть уже на мѣстѣ. Крутой подъемъ, который начинался прямо отъ лога, походилъ на Разметъ, но кругомъ было такъ много горъ и всѣ подъемы на нихъ по извилистымъ горнымъ тропинкамъ такъ похожи одинъ на другой. Наступившая ночная свѣжесть придала намъ силы; солнце уже закатилось, и мимолетныя горныя сумерки сейчасъ же смѣнились ночью, холодной и туманной какія бываютъ только въ горахъ. Показались первыя звѣздочки, тепливш яся въ бездонной глубинѣ фосфорическимъ свѣтомъ, какъ свѣтляки въ травѣ выплылъ молодой мѣсяцъ, пустившій широкую и туманную полосу перели-

вшагося серебристаго свѣта. На полугорѣ мы остановились отдохнуть. Должна была показаться повертка къ избушкѣ Ѳомича, но ея не было. Изъ-за лѣса трудно было разсмотрѣть другія горы, чтобы оріентироваться, ночью горная панорама имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ днемъ. По упорному молчанію Павлина я видѣлъ, что онъ окончательно убѣжденъ въ нашемъ „плутаніи“ и что это совсѣмъ не Разметъ.

— Дѣйствительно, кажется, мы того... взяли немножко въ сторону,—заговорилъ я, сознавая свою невольную вину.—Облѣвили, должно-быть.

Огорченный Павлинъ не удостоилъ меня отвѣтомъ и только сердито пыхнулъ своей папиросой: дескать, я говорилъ и т. д. Но въ это время гдѣ-то, точно подъ землей, послышался собачій лай—и сразу все измѣнилось: да, это былъ Разметъ, сейчасъ повертка къ Ѳомичу, а лаетъ его Лыска...

— Слышишь?—торжествующе спрашивалъ я Павлина.

— Чего слышать-то?.. Лыска лаетъ... Вотъ она, береза-развилашка стоитъ у повертки. Слѣпой дойдетъ...

— Однако признайся...

— Нечего мнѣ признаваться... Можетъ, я сто разъ здѣсь бывалъ, а только въ сумерки всегда глаза отводитъ въ лѣсу — ужъ это вѣрно. Однова я такъ-то цѣлую ночь проходилъ по покосамъ: прямо въ трехъ соснахъ заблудился.

Мы весело повернули съ тропинки и побрели прямо „сакмой“, т.-е. легкимъ слѣдомъ, который остается въ травѣ.

Скоро „сакма“ повела насъ по лиственному лѣсу—значитъ, сейчасъ будетъ избушка. Напахнуло дымкомъ, лай Лыски повторился, но съ тѣми нерѣшительными нотами, которыя свидѣтельствовали о ея сомнѣніяхъ: по увѣреннымъ шагамъ собака начинала догадываться, что идутъ свои знакомые люди. Только охотники могутъ различить эти разнообразнѣйшіе оттѣнки собачьяго лая, который именно въ лѣсу имѣетъ свою оригинальную прелесть.

Избушка Ѳомича была поставлена на открытой полянѣ. Теперь избушку Ѳомича выдавала тянувшаяся струйка дыма и колебавшаяся полоса красноватаго свѣта, падавшая на ближайшія деревья отъ костра. Мы уже выходили на самую поляну, гдѣ трава стояла до самыхъ плечъ, какъ Павлинъ вдругъ остановился, точно его чѣмъ ударили—онъ шелъ впереди и ему было видно, что дѣлается передъ избушкою.

— Что случилось?—окликнулъ я.

— Должно-быть, опять поблазнило...—бормоталъ Павлинъ и даже протеръ глаза.—Вотъ такъ штука!.. Ужъ итти ли намъ?.. Эхма!..

Изумленіе Павлина объяснялось очень просто: у избушки стоялъ самъ Ѳомичъ и зорко смотрѣлъ въ нашу сторону, а около огня на корточкахъ виднѣлась какая-то женская фигура — эта послѣдняя и смутила Павлина. Ѳомичъ въ глухомъ лѣсу и съ глазу на глазъ съ какой-то бабой... Лыска съ оглушительнымъ лаемъ летѣла уже къ намъ, нужно было обороняться прикладами, потому что въ азартѣ она могла не узнать и вцѣпиться.

— Миръ на стану!—кричалъ Павлинъ, подходя къ избушкѣ.

— Вишь, полуночники...—проворчалъ Ѳомичъ, здороваясь.—А я думалъ, ужъ не бродяги ли какіе.

Женщина продолжала сидѣть около огня попрежнему неподвижно, и мнѣ бросилась въ глаза только ея покрытая голова съ бѣлокурыми кудрявыми волосами. Она сосредоточенно помѣшивала деревянной ложкой какое-то варево въ болтавшемся надъ огнемъ желѣзномъ котелкѣ и не желала обращать на насъ никакого вниманія.

— Да вѣдь это Параша-Кудрявая!.. — съ удивленіемъ вскричалъ Павлинъ. — Вотъ напугала-то... Ахъ, ты, — ѣшь тебя мухи съ комарами!.. Ну, здравствуй, красавица...

— Была Параша, да чужая, не ваша... — отвѣтила свѣжимъ, низкаго тембра голосомъ красавица и все-таки не двинулась съ мѣста.

— А ты не сердись, умница... Нѣтъ, какъ ты напугала-то, Параша, да еще и на грѣхъ навела.

— Отстань, смола!—сердито окликнулъ его Ѳомичъ.

III.

Избушка Ѳомича была сдѣлана изъ толстыхъ лиственичныхъ бревенъ, почти совсѣмъ вросла въ землю; изъ высокой травы горбилась одна крыша, покрытая дерномъ. Маленькая дверка придавала ей видъ дряннаго погреба. Зато кругомъ горная трава росла въ ростъ человѣка: тутъ была и „медвѣжья дудка“, чуть не въ руку толщиной, съ бѣлыми шапками цвѣтовъ, и красноголовыя стрѣлки иванъ-чая, и душистый лабазникъ, и просто крапива. Лѣтомъ это былъ прелестный, совсѣмъ потонувшій въ зелени уголокъ, но какъ жилъ здѣсь Ѳомичъ зимой по цѣлымъ недѣлямъ—я не могъ понять. Внутри избушка еще сильнѣе походила на погребъ, да и сырость здѣсь вѣчно стояла невыносимая. Задняя половина была занята широкими нарами, налѣво отъ дверей, въ углу, стояла печь, сложенная изъ камней. Трубы не полагалось, поэтому весь дымъ скоплялся въ избушкѣ. Въ холодныя ночи спать въ ней было сущимъ адомъ: дымъ ѣстъ глаза, дышать нечѣмъ, да еще настоящая банная температура. Однако самъ Ѳомичъ, обремененный вѣчными недугами, и лѣтомъ спалъ въ своей избушкѣ.

Мы, конечно, остались на воздухѣ и, первымъ дѣломъ, принялись за чай. Пока происходили эти предварительныя хлопоты, Параша продолжала сидѣть неподвижно и, обнявъ колѣна руками, сосредоточенно смотрѣла въ огонь.

— Чистая русалка!..—шепталъ Павлинъ, указывая на нее глазами.— И волосы свои распустила, и сама не шевельнется. А Ѳомичъ-то какъ за нее вступился!.. Двое поврежденныхъ сошлись!..

Въ лѣсу Павлинъ побаивался Ѳомича, потому что „чортъ его знаетъ, чего ему взбредетъ въ башку“, а теперь Ѳомичъ, видимо, былъ не совсѣмъ доволенъ нашимъ присутствіемъ, и это послѣднее обстоятельство заставляло Павлина снизойти до перешептыванья. Дѣйствительно, Ѳомичъ въ лѣсу являлся новымъ человѣкомъ, и можно было только удивляться этимъ превращеніямъ: приниженный дьячокъ оставался дома, а здѣсь былъ характерный и строгій человѣкъ, который ни одного слова не броситъ на вѣтеръ и не сдѣлаетъ шага напрасно. Ветхая рубашка изъ линючаго ситца, нестрядиные штаны, какіе-то лохмотья изъ рыжаго крестьянскаго сукна, на ногахъ громадные сапоги и неизмѣнная шапка на головѣ оставались тѣ же.

— Чаю хочешь, Параша? — предлагалъ Павлинъ, когда вскипѣвшій жестяной чайникъ былъ уже снятъ съ огня.

Этотъ вопросъ на мгновеніе вывелъ дурочку изъ неподвижности, и она съ какимъ-то удивленіемъ посмотрѣла на всѣхъ насъ, точно замѣтила наше присутствіе только сейчасъ.

— Чаю?! — повторила она вопросъ Павлина и сердито нахмурила брови.—Вонъ гдѣ чай-то,—прибавила она, мотнувъ головой на лѣсъ.—Кругомъ чай... и головками помахиваетъ... желтенькія головки.

— У насъ съ тобой свой чай въ лѣсу растетъ,—объяснилъ Ѳомичъ.

— Лабазникъ пьете?—спросилъ Павлинъ.

— Лабазникъ и еще одну травку прибавляемъ. Надо полоскать тепленькимъ кишки—вотъ и чай.

Параша уже не слушала нашего разговора и опять погрузилась въ свое застывшее раздумье. Она упорно смотрѣла на перебѣгавшее пламя и подбрасывала иногда новое полѣно. Ей было на видъ лѣтъ сорокъ, можетъ-быть, больше. Полное, немного брюзглое лицо со старческимъ румянцемъ на щекахъ еще сохраняло на себѣ слѣды молодой красоты. Большіе, остановившіеся, сѣрые глаза имѣли такое напряженное выраженіе, точно Параша не могла чего-то припомнить. Одѣта она была въ синій раскольничій сарафанъ изъ домашней холстины, въ бѣлую рубашку и длинный ситцевый „запонъ“ съ нагрудникомъ—все это говорило о невидимой доброй рукѣ, которая одѣвала „божьяго человѣка“, можетъ-быть, отъ своихъ кровныхъ трудовъ, какъ особенно принято въ раскольничьей средѣ, гдѣ потайная милостыня цѣнится выше всего.

Послѣ утомительнаго охотничьяго дня сонъ буквально валилъ насъ съ ногъ. Павлинъ уже спалъ, свернувшись клубочкомъ около огня и не докончивъ ужина; я дремалъ рядомъ съ нимъ. Окружавшій нашу поляну лѣсъ при мѣсячномъ освѣщеніи казался гигантскими водорослями, а вверху теплился неизмѣримо-глубокій, вѣчно-подвижный и вѣчно-живой звѣздный океанъ.

— Завтра рано вставать...—говорила Параша, поглядывая на небо.

— Куда торопиться-то?—отвѣтилъ Ѳомичъ, набивая носъ табакомъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше... трава не ждетъ.

— Ну, ну... Надсадой не много возьмешь...

Еще разъ понюхавъ табаку, Ѳомичъ побрелъ своей разслабленной походкой въ избушку, а Параша осталась у огня. Я скоро заснулъ и вскорѣ увидѣлъ себя на морскомъ днѣ, въ обществѣ сказочной дѣвушки-чернавушки и царя водяного, а Павлинъ, съ гуслями въ рукахъ, пѣлъ необыкновенныя пѣсни, отъ которыхъ все водяное царство колебалось, и меня охватывалъ мертвый холодъ морской бездны.

. . . . . .

Параша-Кудрявая принадлежала къ числу тѣхъ дурочекъ, какихъ оставило послѣ себя на уральскихъ горныхъ заводахъ крѣпостное право. Теперь этотъ типъ вымираетъ, вмѣстѣ съ крѣпостными дураками и разбойниками. Это знаменательный фактъ, который лучше всего характеризуетъ существовавшіе на заводахъ порядки.

О Парашѣ ходила такая легенда. Родилась она на Журавлевскомъ заводѣ и выросла въ сиротствѣ,—отецъ былъ сданъ въ солдаты, а тогда солдатская служба равнялась 35 годамъ. Звали ее Дарьей. Такъ и жила солдатка съ дочерью, терпая непокрытую ничѣмъ бѣдность и горе. Потомъ Даша подросла, выровнялась и стала красавицей писаной, какія попадаются только въ смѣшанномъ заводскомъ населеніи. И рослая, и высокая, и румянецъ во всю щеку, и тяжелая коса бѣлокурыхъ кудрей—однимъ словомъ, рѣдкостная дѣвка, а на такую приманку охотниковъ всегда много. Присмотрѣла Даша себѣ и жениха, оставалось только сходить къ заводскому приказчику на поклонъ и попросить разрѣшенія на свадьбу. Увидѣлъ крѣпостной приказчикъ Дашу и заартачился: погоди да не ходи, да некогда, да еще твое время не ушло! Пока дѣло такимъ образомъ тянулось, приказчикъ успѣлъ дать знать управляющему въ другой главный заводъ, Чернорѣченскій, гдѣ проживалъ тогда знаменитый въ уральскихъ лѣтописяхъ самодуръ-заводчикъ Тулумба-

совъ, большой охотникъ до всяческаго безобразія, а надъ своими крѣпостными въ особенности.

Черпорѣченскаго завода всѣ боялись какъ огня; Тулумбасовъ не зналъ ни совѣсти ни страха. По фабрикамъ онъ ходилъ съ заряженными пистолетами и продѣлывалъ надъ рабочими невозможныя звѣрства. За малѣйшую провинность отсылали на конюшню, откуда часто приносили наказанныхъ на рогожкѣ прямо въ больницу. Громадный тулумбасовскій дворецъ являлся для всѣхъ настоящимъ адомъ: тутъ шелъ вѣчный пиръ горой, тутъ же молились по потайнымъ моленнымъ раскольничьи старцы, тутъ же наказывали плетьми и кошками, и тутъ же продѣлывались невозможныя безобразія надъ крѣпостными красавицами, которыми Тулумбасовъ угощалъ своихъ гостей. Благодаря угодливости журавлевскаго приказчика, Даша и попала изъ своей сиротской лачуги прямо въ тулумбасовскій дворецъ. Необыкновенная красота ея обратила на себя вниманіе „самого“, но Даша отвѣтила на его ласки отчаяннымъ сопротивленіемъ—и была сведена на конюшню, откуда уже явилась тѣмъ, чѣмъ осталась на всю жизнь, т.-е. заводской дурочкой.

На Журавлевскій заводъ Даша вернулась „божьимъ человѣкомъ“, и зиму и лѣто ходила съ непокрытой головой, изукрасивъ себя ленточками и цвѣтными лоскутками. Мысль о любимомъ человѣкѣ превратилась въ бредъ и галлюцинаціи. Она никого не обижала и часто пѣла тѣ пѣсни, которыя вынесла изъ тулумбасовскаго дворца, гдѣ гремѣлъ крѣпостной хоръ. Особенно часто она пѣла свою любимую, отъ которой получила и прозвище „Параша“:

Пой, скачи, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай...

Но иногда на все нападалъ нехорошій стихъ, и Параша затягивала неприличную пѣсню: „Косарики-косари“. Ребятишки ее дразнили женихами. Разсердившись, она, какъ всѣ сумасшедшіе, не знала никакого удержу: ругалась, дралась, кусалась и выкидывала самыя неприличныя штуки. Жила она какъ настоящая птица божія: гдѣ день, гдѣ ночь. Благочестивые люди считали за особенное счастье держать у себя Парашу, но она рѣдко могла гдѣ-нибудь ужиться дольше недѣли.

— Нѣтъ, пойду къ жениху!..—повторяла она каждый разъ, отправляясь неизвѣстно куда.

Какъ и зачѣмъ попала Параша-Кудрявая на Разметъ и что она могла тамъ дѣлать—для меня оставалось загадкой, тѣмъ болѣе, что Ѳомичъ былъ самымъ ярымъ женоненавистникомъ.

Утромъ мы проснулись уже поздно, и около избушки не было ни Ѳомича ни Параши-Кудрявой. Павлинъ долго и аппетитно потягивался, зѣвалъ и продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, выжидая, не встану ли я первымъ—обыкновенная политика охотниковъ. Нужно было развести огонь, сходить на ключикъ за водой и приготовить чай—операція вообще сложная, и напиться готоваго чаю всегда пріятнѣе. Я тоже не желалъ поддаваться коварству пріятеля и тоже нѣкоторое время притворялся спящимъ, пока обоимъ эта комедія не надоѣла и мы поднялись разомъ.

— Вотъ что: одинъ пойдетъ за дровами, а другой за водой,—уговаривалъ Павлинъ, чтобы не передѣлать на свой пай.—Этакій чортъ этотъ Ѳомичъ, нѣтъ, чтобы приготовить намъ все... А Параша куда дѣвалась?.. Настоящіе оборотни, чортъ ихъ возьми!

Было часовъ восемь, но солнце еще не успѣло подобрать росы, и трава стояла вся мокрая. Стоило сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ, чтобы промокнуть

до нитки, а такая холодная ванна сейчасъ послѣ сна, когда тѣло еще полно сонной теплоты, особенно непріятна.

— О-го-го!—гоготалъ Павлинъ, направляясь по „сакмѣ“ къ ключику.

— Ѳомичъ на покосѣ,—говорилъ Павлинъ, когда мы кончили чай.— Тутъ у него сейчасъ подъ Разметомъ есть двѣ еланки. По веснѣ отличные тока бываютъ.

Когда трава пообсохла, мы двинулись въ путь. Отъ избушки вела свѣжая сакма прямо на увалъ Размета. Когда мы вышли изъ лѣса, открылась одна изъ тѣхъ чудныхъ горныхъ панорамъ, какія встрѣчаются только на Уралѣ. Каменистый гребень вершины Размета, казалось, стоялъ отъ насъ въ двадцати шагахъ, хотя до него было съ полверсты—такъ обманчива горная перспектива. Сейчасъ подъ ногами шелъ крутой спускъ, усыпанный большими камнями и кой-гдѣ тронутый горной растительностью—елями, пихтами, низкорослыми березками. У подошвы ковромъ зеленѣлъ покосъ Ѳомича, и можно было разсмотрѣть двѣ фигуры, медленно двигавшіяся по линіи свѣжей кошенины. Онѣ медленно раскачивались, очерчивая блестѣвшими на солнцѣ косами широкіе круги.

— Параша-то какъ работаетъ... а! Вотъ такъ штука!..—удивлялся Павлинъ, разсматривая въ кулакъ косарей.—Ай да Ѳомичъ, какую работницу приспособилъ себѣ. Ахъ, вы, оборотники проклятые, что̀ придумали!..

Вся горная даль была еще подернута золотистымъ туманомъ, а по лугамъ лежала синеватая мгла—остатокъ таявшаго на солнцѣ тумана. Изъ-за Размета выглядывало угломъ широкое горное озеро, усѣянное зелеными островами. Дальше тѣснились синія горы, гдѣ-то далеко-далеко на берегу рѣчки желтымъ пятномъ выдѣлялся небольшой пріискъ. Въ двухъ мѣстахъ бѣловатыми струйками къ самому небу поднимался дымъ отъ стоянокъ косарей или на старательскихъ развѣдкахъ. Журавлевскій заводъ казался отсюда едва замѣтнымъ пятномъ на берегу пруда. Но всего лучше былъ лѣсъ, выстилавшій горы до самаго верха и залегавшій по логамъ дремучими ельниками.

— Эхъ, хорошо!..—скажешь невольно, глядя на этотъ необъятный просторъ, едва тронутый двумя-тремя точками человѣческаго жилья.

Утромъ горы необыкновенно хороши, и невольно переживаешь такое бодрое и хорошее чувство, забывая объ усталости и всѣхъ невзгодахъ охотничьяго бродяжничества. Голубое небо точно выше, и дышится такъ легко. На горизонтѣ уже круглятся бѣлыя грозовыя тучки, гдѣ-то зашептала въ травѣ первая струйка поднявшагося вѣтра, въ кустахъ весело чиликнула невидимая птичка. Стоишь, смотришь и, кажется, не ушелъ бы отсюда.

IV.

Покосъ Ѳомича шелъ неправильной полосой по самому краю кончавшагося здѣсь горнаго ската. Дальше начинался дремучій ельникъ.

— Богъ на помочь!..—кричалъ Павлинъ, когда мы подходили къ косарямъ.

Параша-Кудрявая продолжала работать, не обращая на насъ никакого вниманія. Ѳомичъ остановился, чтобы понюхать табаку.

— Куда побрели?—заговорилъ онъ послѣ отчаянной затяжки.

— А я домой...—отозвался Павлинъ, поглядывая на него.—Дѣло есть въ волости. Вотъ только еще заверну въ ельничекъ, за косачами...

Мы посидѣли, поболтали, и Павлинъ отправился во-свояси, а я остался,—мнѣ хотѣлось еще разъ заночевать на Разметѣ.

— Пустой человѣкъ!..—коротко замѣтилъ Ѳомичъ, прислушиваясь къ доносившемуся пѣнію неугомоннаго Павлина.

— А что?..

— Да такъ... Несообразно себя ведетъ: идетъ по лѣсу и хайлаетъ. Развѣ это порядокъ?.. Вонъ Параша, и та понимаетъ... Эй, Параша, будетъ тебѣ, передохни. Обѣдать пора!..

— Ну-у...—недовольно отвѣтила Параша и принялась косить еще съ бо́льшимъ азартомъ, такъ что коса-литовка у нея въ рукахъ только свистала.

— Какъ она къ вамъ сюда попала?—спрашивалъ я.

— Она то? А сама пришла. Потому чувствуетъ себѣ пользу,—ну и пришла...

— Отъ работы пользу?..

Ѳомичъ посмотрѣлъ на меня и ухмыльнулся самодовольно.

— Не отъ работы, а отъ лѣсу польза,—проговорилъ онъ послѣ короткой паузы.—Вы съ Павлиномъ-то ходите по лѣсу, какъ слѣпые, а въ немъ премудрость скрыта: и травка, и цвѣтикъ, и деревцо, и послѣдняя былинка—вездѣ премудрость.

— Какая же это премудрость?

— А вотъ такая... Умные да ученые ходятъ, запинаются и не видятъ, а вотъ Параша чувствуетъ.

Ѳомичъ послѣднія слова проговорилъ обиженнымъ и недовольнымъ тономъ, точно я оспаривалъ его мысль. Подвернувшаяся на глаза Лыска получила ударъ ногой и съ визгомъ скрылась въ травѣ.

— Зачѣмъ собаку бьешь?—крикнула Параша, переходя на другую полосу.—Очумѣлъ, старый чортъ!..

Эта выходка разсмѣшила Ѳомича, и онъ только тряхнулъ головой.

— Ступайте вонъ по ельнику прямо,—заговорилъ Ѳомичъ:—тамъ пониже выпадетъ ключикъ, и какъ спустишься по ключику—попадетъ рѣчка, а на ней старый пріискъ...

— Ягодный?..

— Онъ самый... Тамъ есть косачи.

— Хорошо; я схожу...

— Да хорошенько замѣтьте пріискъ-то: любопытное мѣстечко. Можетъ, и я заверну...

Выкуривъ папиросу, я отправился по указанному направленію. Въ воздухѣ уже начиналъ чувствоваться наливавшійся лѣтній зной, а въ глухомъ ельникѣ было такъ прохладно. Нога совсѣмъ тонула въ мягкомъ желтоватомъ мхѣ. Кой-гдѣ топорщился папоротникъ или попадался цѣлый коверъ изъ брусники, иногда кустикъ жимолости—и только.

Отыскался и ключикъ и рѣчка Смородинка, на которой стоялъ заброшенный пріискъ Ягодный—такихъ Смородинокъ на Уралѣ не одинъ десятокъ, какъ пріисковъ Ягодныхъ и Бѣлыхъ горъ. Картина заброшеннаго прииска всегда на меня производитъ тяжелое впечатлѣніе: давно ли здѣсь ключомъ била жизнь, а теперь все пусто и мертво кругомъ, какъ въ разоренномъ непріятелемъ городѣ. Забравшись на верхъ самой высокой свалки, я долго разсматривалъ развернувшуюся предо мной картину и по глубокимъ ямамъ выработокъ, по отваламъ старыхъ перемывокъ и обвалившимся канавкамъ старался возстановить картину недавняго прошлаго. Вонъ по одну сторону темнѣетъ черной впадиной Лаврушкинъ ложокъ, ближе—хрящеватый мысокъ съ остатками развалившейся пріисковой казармы, въ глубинѣ повитая сѣроватой дымкой угловатая вершина Размета. По теченію Смородинки дремучій ельникъ былъ

вырублень на цѣлую версту, а теперь старая порубь быстро затягивалась свѣжей молодой зеленью, точно зарастала какая-то широкая рана.

Да, этотъ старый вѣковой ельникъ еще оставался по бокамъ пріиска и такъ сумрачно смотрѣлъ на весело катившуюся рѣчку по каменистому, изрытому дну. Бойкая горная вода суетливо перебѣгала по камнямъ и точно сосала глинистый размытый берегъ. Но гдѣ еще такъ недавно была одна разрытая земля, теперь весело росла самая свѣжая зелень, точно она сбѣжалась сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы прикрыть рѣзавшую глаза наготу. Глубокіе выработки и разрѣзы, откуда добывался золотоносный пластъ, теперь были залиты дождевой водой или поросли мягкой, душистой травкой. По берегамъ этой воды жались другъ къ другу кусты смородины, вербы, ольхи и лѣсная малина; а зеленая, сочная осока зашла въ самую воду, гдѣ блестѣла и гнулась подъ напоромъ рѣчной струи, какъ живая. Кой-гдѣ догнивали торчавшія изъ земли бревна, а изъ-подъ нихъ уже вылѣзали молодые побѣги жимолости; тутъ же качались розовыя стрѣлки иванъ-чая и пестрѣли болотные желтые цвѣты. Около старыхъ пней, какъ дорогое кружево, лѣпился своими желтыми шапками душистый лабазникъ. У самаго лѣса вытянулся цѣлый островокъ молодого осинника, переливаясь на солнцѣ своей вѣчно подвижной, металлической листвой, а дальше зеленой стѣной поднимался березнякъ и по теченію рѣчки уходилъ изъ глазъ. Но всего красивѣе были молодыя ели и березки, которыя росли по отваламъ и свалкамъ: онѣ походили на гурьбу дѣтей, со всего размаха выбѣжавшихъ на крутизну и отсюда любовавшихся всѣмъ, что было ниже. Казалось, что эта лѣсная молодежь лукаво шепталась между собой, счастливая солнечнымъ днемъ и тѣмъ, что даетъ только полная силъ молодость.

Такія зарастающія поруби замѣчательны своимъ внутреннимъ характеромъ, тѣми новыми комбинаціями, какія складываются у насъ на глазахъ. При нѣкоторой живости воображенія, получается цѣлая иллюзія, и всѣ эти деревья, кусты и послѣдняя травка освѣщаются глубокимъ внутреннимъ свѣтомъ. Такъ и кажется, что вотъ этотъ темный ельникъ, который обошелъ пріискъ со всѣхъ сторонъ зубчатой стѣной, хмурится и негодуетъ на неизвѣстныхъ пришельцевъ, которые такъ весело разрослись на поруби, пришли Богъ знаетъ откуда и расположились на чужомъ мѣстѣ, какъ у себя дома. Дѣйствительно, всѣ эти березняки и осинники являются какими-то лѣсными бродягами, которые съ нахальствомъ бросились на чужой кусокъ земли. Конечно, и отъ стараго ельника пошла молодая поросль къ рѣкѣ, но ей трудно бороться съ густыми зарослями осины и березы. Издали такъ и кажется, что сошлись двѣ непріятельскихъ арміи, и можно опредѣлить даже линію самой сильной схватки, гдѣ дѣло пошло въ рукопашную: молодыя ели и березки совсѣмъ перемѣшались и задорно напираютъ другъ на друга.

Эта картина борьбы за существованіе усложнялась здѣсь еще рѣкой— по ея берегамъ пришли сюда такія лѣсныя породы, которыя и существуютъ на свѣтѣ какъ-то такъ, между прочимъ, не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства. Верба, ольха, смородина, черемуха и кусты жимолости забѣжали сюда только потому, что настоящихъ хозяевъ не было дома, а когда они вернутся— незваные гости будутъ выгнаны самымъ безжалостнымъ образомъ. Даже по самой посадкѣ видно, что эти пришлецы явились сюда только на время: кто присѣлъ у самой воды, кто распушился около пня, кто торопливо сосетъ корнями жалкій клочокъ хорошей земли. Видно, что все это дѣлается какъ-то зря, на скорую руку, да и не стоитъ серьезно хлопотать, потому что пройдетъ какихъ-нибудь десять лѣтъ—и вся порубь зарастетъ ровнымъ, крѣпкимъ берез-

лѣкомъ, а всѣ эти ольхи, вербы и прочая лѣсная мелочь уйдутъ искать новаго мѣста; по лѣснымъ опушкамъ, по мокрымъ лужкамъ настоящее мѣсто этихъ бродягъ, а не въ настоящемъ лѣсу, гдѣ идетъ вѣчная борьба между елями и березами. То же вотъ будетъ и съ малиной, и съ иванъ-чаемъ, и съ тѣми сорными травами, которыя разрослись на запустѣвшемъ жильѣ—на ихъ мѣстѣ разрастается настоящая лѣсная трава и лѣсные цвѣты. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ ельникъ побѣдитъ березу, и вы не узнаете даже мѣста, гдѣ была когда-то порубь... Такъ совершается эта растительная жизнь, полная неустанной, вѣчной работы, и тотъ сказочный міръ, гдѣ деревья говорятъ, ходятъ, радуются и плачутъ—совсѣмъ не выдумка, а дѣйствительность, только нужно умѣть понять мудреный языкъ этой нѣмой природы.

Сидя на свалкѣ, я совсѣмъ забылъ объ охотѣ. Мысли такъ и роились въ головѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ душой овладѣло какое-то необыкновенно хорошее и доброе чувство, точно начинаешь жить снова. Не помню, какой-то авторъ сравнилъ вѣчный говоръ моря съ тѣмъ шопотомъ, какимъ русскія бабы заговариваютъ кровь; по-моему, это сравненіе идетъ больше къ лѣсу... Именно здѣсь, въ лѣсу, вы чувствуете, что въ васъ затихаетъ и боль, и невзгоды, и заботы, смѣняясь свѣжимъ и свѣтлымъ чувствомъ жизни.

Изъ этого забытья меня вывелъ голосъ Ѳомича, который умѣлъ подходить совершенно неслышными шагами, точно кошка.

— Что, хорошо? — спрашивалъ онъ, взбираясь тоже на свалку. — Параша умаялась и легла отдохнуть, а я не утерпѣлъ и побѣжалъ съ ружьишкомъ.

Заслонивъ глаза отъ солнца, Ѳомичъ долго всматривался въ заросшій пріискъ и задумчиво проговорилъ:

— Всю землю изрыли, какъ свиньи... А ничего, зарастетъ. Каждая травка свое мѣсто знаетъ... да! Вонъ у меня черезъ Разметъ сибирская травка въ Рассею перебирается. Ей-Богу... Все по рѣчкѣ шла въ гору-то, а теперь ужъ перевалила и подъ гору пошла. Вотъ она, премудрость-то, въ чемъ... Мы, вотъ, умѣемъ только рубить да ломать, а она, трава-то, тоже поди чувствуетъ по-своему: въ ней тоже душа.

— И еще другая премудрость есть,—продолжалъ этотъ пантеистъ, вынимая табакерку:—зашелъ ты въ лѣсъ—для тебя мертво все... И трава, и лѣсъ, и кусты—все мертво. Такъ я говорю? А это такъ кажется, потому что все со страхомъ затаилось отъ тебя—и козявка, и птица, и звѣрушка всякая. Ты, какъ чума, идешь по лѣсу-то... да! А вотъ, если ты этакъ гдѣ-нибудь затихнешь—все и покажется, со всѣхъ сторонъ подымется разное живье. И у всякой-то твари свой уголокъ есть, и у всякой твари свой порядокъ, и все на своемъ мѣстѣ. Даже это удивительно, что столько въ лѣсу разнаго живья. Человѣку вотъ тѣсно, другъ друга ѣдятъ, а тутъ какъ вода кипитъ: и червячокъ, и козявка, и мушка, и ящерица, и птица... Всякому свой предѣлъ. Такъ-то... А вотъ человѣку некуда дѣваться. Зачѣмъ?..

Этотъ странный разговоръ о захватывающей полнотѣ непосредственной жизни природы открывалъ цѣлое міросозерцаніе, гармоническое и цѣльное, которое всего труднѣе было бы подозрѣвать именно въ этомъ жалкомъ дьячкѣ, „послѣдней спицѣ въ колесницѣ“, какъ онъ самъ называлъ себя. Помню, какое сильное впечатлѣніе онъ произвелъ на меня именно этой цѣльностью. Великая жизнь природы раскрывалась въ подавляющемъ величіи, оттѣняя всѣ прорѣхи и зло спеціально человѣческаго существованія. Ѳомичъ въ этотъ моментъ являлся прозорливымъ поэтомъ, сливавшимъ свою мысль съ дыханіемъ самой жизни...

— А Параша-то сама вѣдь пришла въ лѣсъ...—заговорилъ Ѳомичъ послѣ долгой паузы, встряхнувъ головой.— И совсѣмъ другая въ лѣсу-то, точно не она. Чувствуетъ тоже... И говоритъ по-настоящему, точно вправду умная. Какъ-то вечеркомъ сидимъ у огня, гляжу, она плачетъ. Закрылась руками и плачетъ.—„О чемъ, говорю, ревешь?“—„А такъ, говоритъ, стыдно мнѣ...“ Это она, значитъ, про то, какъ „Кочарей“ распѣваетъ да подолъ поднимаетъ на голову, когда ее ребятишки женихами дразнятъ. Вотъ онъ какой, лѣсъ-то... Только не говоритъ,—да нѣтъ: говоритъ, свое говоритъ!..

188 г.

ОЗОРНИКЪ.

Разсказъ.

I.

Спирька сидѣлъ у окна своей избушки, смотрѣлъ въ сторону башкирской деревни Кульмяковой и думалъ вслухъ:

— И отчего бы это дыму итти у башкиръ, а?.. Вотъ такъ штука... Не иначе, что гдѣ-нибудь барана скрали, а то и цѣльную лошадь. Вѣрно!.. Ахъ, неумытыя рыла!

Онъ заслонилъ рукой глаза отъ весенняго горячаго солнца и еще разъ убѣдился, что, дѣйствительно, надъ Кульмяковой, засѣвшей подъ горкой на берегу озера Карагай-Куль, тоненькою струйкой поднимается синій дымокъ. Въ слѣдующій моментъ Спирька выругался,—выругался вообще, въ пространство. Ему почему-то показалось обиднымъ, что башкиры могутъ ѣсть, а онъ долженъ смотрѣть, какъ у нихъ дымъ идетъ.

— Ахъ, черти немаканые *), удумали какую штуку!..

По веснамъ Спирька испытывалъ какое-то озлобленное настроеніе. Имъ овладѣвала смутная тоска и неопредѣленное желаніе выкинуть какую-нибудь такую штуку, чтобы чертямъ было тошно. „А ты чувствуй, ежели на то пошло... да. Понимай своей башкой, каковъ есть человѣкъ Спирька... да“. Мысли Спирьки перекатывались въ его головѣ, какъ тяжелые камни, когда заиграетъ по косогорамъ вешняя полая вода. Озлобленное настроеніе объяснялось, можетъ-быть, тѣмъ, что Спирька, послѣ смерти жены, жилъ бобылемъ. Онъ давно разорилъ все хозяйство,—какое же хозяйство безъ бабы?—и не принималъ весной никакого участія въ трудовой и радостной суетѣ своей деревни Разстани. Другіе пахали и сѣяли, бабы готовили свои огороды, старики налаживали всякую снасть къ страдѣ; а Спирька сидѣлъ въ своей избушкѣ и ничего не хотѣлъ знать. Изъ всей скотины у него была одна гнѣдая лошадь, происхожденіе которой терялось во мракѣ неизвѣстности,—другими словами, всѣ были увѣрены, что она—краденая. Лошадь была бы совсѣмъ хорошая, если бъ ее кормить, но Спирька къ послѣднему относился совершенно равнодушно. Вонъ башкиры тоже не кормятъ лошадей, а живутъ... Въ свое оправданіе, впрочемъ, онъ могъ сказать то, что рѣшительно не зналъ, чѣмъ бывалъ сытъ самъ. Будетъ день — будетъ хлѣбъ. А безъ лошади какой же мужикъ? Это было послѣднее воспоминаніе о хозяйственномъ существованіи, какъ когда-то жилъ Спирька женатымъ и когда у него все было. Не хуже другихъ-прочихъ жилъ, а съ женой ушло и все крестьянское хозяй-

*) Немаканые — некрещеные.

ство, и Спирька попалъ въ разрядъ лишнихъ деревенскихъ людей, которыхъ на Руси достаточно. Вотъ и скучно дѣлалось непутевому человѣку, когда занималась весна.

— Безпремѣнно башкиры собираются ѣсть,—повторялъ Спирька съ нараставшимъ озлобленіемъ.—Ну и народецъ!

Отличительно Спирька былъ выведенъ изъ себя, когда въ концѣ грязной, еще не просохшей улицы показалась Дунька. Онъ ее узналъ сразу еще издали. Некому быть, кромѣ Дуньки... Вонъ какъ выступаетъ, точно корова холмогорская.

— Куда бы ей итти утромъ,—соображалъ вслухъ Спирька.—Гладкая баба, нечего сказать.

Спирька еще разъ выругался, теперь уже по адресу Дуньки.

— Ну куда ее чортъ несетъ? Ишь какъ по грязи-то вышлепываетъ.

А Дунька себѣ шла и, кажется, не желала ничего знать. По костюму въ ней сразу можно было узнать расейскую бабу-переселенку. Бѣлая рубаха съ широко вырѣзаннымъ воротомъ, домашней работы черная юбка, на плечи накинута бѣлая свитка изъ домашняго сукна, платокъ на головѣ намотанъ тоже по-расейски,—однимъ словомъ, все по-своему. Красивое женское лицо было полно какого-то подкупающаго спокойствія. Ни одного суетливаго движенія, ни одного лишняго взгляда.

— Куда это тебя понесло, Дунька?—окликнулъ ее Спирька.

Дунька вздрогнула и остановилась. На Спирьку посмотрѣли чудные, сѣрые, большіе глаза.

— А иду...—отвѣтила она спокойно.

— Да куда идешь-то, глупая?

— А телушку искать.

— Ужо вотъ тебя волки задерутъ въ лѣсу-то.

— Пущай дерутъ.

Дунька говорила нѣвучимъ расейскимъ говоромъ, растягивая слова.

— А ты все отдыхаешь, Спирька?—проговорила она, подбирая юбку, чтобы перешагнуть черезъ лужу.—Замаялся, лежавши на печи...

— А тебѣ какая печаль?

— Пожалѣла тебя... Другіе мужики на пашнѣ, а ты дома маешься. Пожалѣлъ бы хоть подоконникъ-то, лежебокъ.

Спирька обругалъ Дуньку и даже погрозилъ ей кулакомъ. Она спокойно пошла дальше, и Спирька долго слѣдилъ за ея бѣлыми босыми ногами, мѣсившими грязь.

— Тьфу, окаянная душа!..—ругался Спирька.—Бить васъ некому, бабенокъ... За телушкой пошла?!.. Тьфу! Я бы тебѣ показалъ телушку... Я бы тебя разуважилъ, гладкую!.. Тоже разговариваетъ... Лежебокъ! Ну, и буду лежать... Не укажешь. Кто можетъ Спирькѣ препятствовать? Ни въ жисть...

А дымъ надъ башкирской деревней продолжалъ подниматься тоненькой синей струйкой, точно кто курилъ трубку. Спирька опять заялся вопросомъ, что это могло значить. Во всякомъ случаѣ, нужно было итти и обслѣдовать все дѣло на мѣстѣ. Спирькѣ даже начинало казаться, что какъ будто пахло вкусной маханиной *). Потихоньку отъ своихъ Спирька любилъ поѣсть кобылятины съ башкирами. Что же, такіе же люди, хоть и живутъ по своему закону. Другой башкиръ получше будетъ русскаго, даромъ что кобылятникъ.

— Нечего дѣлать, надо будетъ итти...—рѣшилъ наконецъ Спирька.

---

*) Маханина—вареное лошадиное мясо.

Онъ накинулъ на одно плечо рваный татарскій бешметъ и вышелъ. До Кульмяковой было битыхъ версты три, но разстояніе для Спирьки не служило препятствіемъ. Впрочемъ, выходя, онъ посмотрѣлъ на пустой дворъ, напрасно отыскивая своего „живота“—способнѣе бы верхомъ въ Кульмякову-то прокатить!—но умудренный голодомъ конь „воспитывался“ гдѣ-то на весеннихъ зеленяхъ. Обругавъ лукаваго „живота“, Спирька побрелъ пѣшкомъ. Ему пришлось итти по той же дорогѣ, по которой только-что прошла Дунька, и это казалось Спирькѣ обиднымъ. Чего ужъ хорошаго, когда баба дорогу перешла.

— Ахъ, ты...—ругался Спирька.—Не стало ей время.

Онъ шагалъ по грязи, закинувъ бешметъ на спину. Небольшого роста, плечистый и жилистый, Спирька былъ въ самой порѣ. Кудлатая голова глядѣла суровыми темными глазами. Обличье у Спирьки было уже не расейское, а съ явными признаками сибирской помѣси: борода была маловата, скулы приподняты, лицо какъ будто сплюснутое. И ходилъ онъ не по-расейски на своихъ выгнутыхъ ногахъ, какъ настоящій кавалеристъ. На южномъ Уралѣ попадаются часто такіе типы, какъ результатъ далекаго умыканья первыми русскими насельниками татарскихъ „женокъ“ изъ недалекой степи. Народъ собрался сюда со всѣхъ сторонъ, и недостатокъ въ своей бабѣ чувствовался долго.

Весеннее солнце такъ и пригрѣвало, несмотря на раннее утро. „Зелени“ взялись необыкновенно дружно, и только березы стояли еще голыми. По низинамъ пушилась верба. Открытыя мѣста, гдѣ шли пашни и покосы, тянулись по долинѣ рѣки Чигодой, дѣлавшей расширеніе у озера Карагай-Куль. Горизонтъ замыкала разорванная линія перепутавшихся между собой отроговъ южнаго Урала. Башкирская деревушка Кульмякова засѣла на берегу озера, прикрытая со стороны Разстани березовымъ лѣсомъ. Русская стройка была плотная, и ряды избъ стояли какъ новые зубы. За Разстанью, въ полуверстѣ, раскинулась Ольховка, гдѣ лѣтъ пять тому назадъ устроились переселенцы, выходцы изъ Рязанской и Тамбовской губерній. Тутъ наполовину новыя избы стояли еще безъ крышъ, надворныя постройки были еще въ зародышѣ, а кое-гдѣ сохранялись еще переселенческія землянки, напоминавшія кротовыя норы. Дунька была изъ Ольховки.

Дорога изъ Разстани въ Кульмякову огибала березовый лѣсъ, и Спирька не пошелъ по ней, не желая вязнуть въ грязи. Онъ не торопясь брелъ по межѣ прямо къ лѣсу,—такъ было прямѣе. Тутъ ему вышла непріятность: попались два разстанскихъ мужика, ѣхавшихъ съ сохами.

— Богъ на помощь, Спирька!—крикнулъ одинъ.—Куда наклался спозаранку?.. Смотри, вывихаешь ноги-то.

Односельчане относились къ Спирькѣ свысока, какъ къ замотавшемуся, непутевому мужику, и это его злило.

— Челдоны желторылые...—ворчалъ онъ.

II.

Главная непріятность ожидала Спирьку именно въ лѣсу. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ Дуньку. Она шла прямо на него, помахивая длинной хворостиной. Спирька остановился, посмотрѣлъ на нее и плюнулъ.

— Тьфу, окаянная!..

Дунька тоже остановилась. Эта неожиданная встрѣча тоже поразила ее

не особенно пріятно. Безпутный Спирька и безъ того не давалъ ей проходу и при каждой встрѣчѣ считалъ своимъ долгомъ обругать. А тутъ, въ лѣсу, съ глазу на глазъ—кто знаетъ, что̀ у него на умѣ, у пьянаго. Еще какъ разъ наозоруичаетъ... Ей хотѣлось убѣжать, но было какъ-то совѣстно. Онъ тоже совѣстился свернуть въ сторону. Какой же мужикъ, который бабы испугался. Послѣ Дунька же и осмѣетъ при всемъ народѣ. Баба бойкая и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

— Ну, чего ты стоишь, какъ березовый пень?—сурово проговорилъ Спирька.

— А тебѣ какое дѣло?.. Иди своей дорогой...

— И пойду. Тоже не укажешь...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Дунька продолжала стоять. Спирька опять остановился.

— Послушай, Дунька, кабы я былъ твой мужъ, я бы взялъ орясину, да орясиной тебя. Развѣ теперь по лѣсу телокъ ищутъ? Ахъ, ты... Скотина вся на зеленяхъ воспитывается.

— А ежели я была на зеленяхъ! Уменъ тоже...

— Все-таки ты круглая дура, Дунька. Зачѣмъ по лѣсу шляешься?

— Ближе лѣсомъ-то... Да что̀ ты присталъ ко мнѣ, смола? Сказано: иди своей дорогой.

— И пойду... Думаешь, испугался? Тоже не укажешь, чортова кукла... У! взялъ бы да такъ взвеселилъ...

Онъ прошелъ въ двухъ шагахъ отъ нея, а потомъ опять остановился. Дунька шла своей дорогой, не оглядываясь.

— Дунька... постой...—крикнулъ онъ измѣнившимся голосомъ, точно кто сдавилъ ему горло.—Словечко надо тебѣ одно сказать...

Дунька, не оглядываясь, вдругъ бросилась бѣжать. Это выраженіе бабьяго страха окончательно вышибло Спирьку изъ ума. Онъ догналъ ее въ нѣсколько прыжковъ и схватилъ за руку

— Не замай... Спирька, да ты въ умѣ ли?

— Постой, говорятъ... Что̀ ты дуромъ-то бросилась бѣжать? Не разбойникъ вѣдь...

— Отпусти, говорятъ!..

— А не пущу...

Онъ тяжело дышалъ. Она смотрѣла на него испуганными глазами и сдѣлалась еще красивѣе.

— Дунька... Дуня... Зачѣмъ ты постоянно сердишься на меня?

— А зачѣмъ ты постоянно меня ругаешь? Проходу отъ тебя нѣтъ, отъ непутеваго...

— Я ругаю?—удивился Спирька, выпуская ея руку:—вотъ опять ты и выпила круглая дура... Какъ есть ничего не понимаешь!.. Да я... ахъ, Боже мой!.. Да я, кажется... Что̀ я, звѣрь я, что ли, лѣсной? Извергъ?

— Извѣстно, каковъ человѣкъ. Недалеко ушелъ отъ разбойника-то, коли чужихъ бабъ въ лѣсу останавливаешь.

— А ты была у меня на умѣ, кикимора? А, была?..

Спирька опять озлился, а потомъ прибавилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Всѣхъ васъ взять, новожиловъ, такъ вы пальца одного Спирьки не стоите... Поняла? Вотъ каковъ есть человѣкъ Спирька...

— Ужъ очень ты дорожишься... Прощай.

Она хотѣла уйти, но онъ опять удержалъ ее.

— Спирька, не замай!.. Вотъ ужо скажу мужу...

— Мужу? Ха-ха... Испугала до смерти. Да я изъ твоего мужа и крупы и муки намелю. Слышала? А я къ тебѣ съ добромъ, Дуня...

Она опять со страхомъ посмотрѣла на него.

— Ну?

— Ты вотъ говоришь, что я тебя все ругаю, ну... А что у меня на умѣ... сердце... горитъ... Кажется, взялъ бы да пополамъ и разорвалъ тебя. На, не доставайся никому... И себя порѣшить... Ничего, значитъ, не надо...

Эти несвязныя слова окончательно перепугали Дуньку, и она вся затряслась.

— Спирька, шалый, кому ты выговариваешь такія-то слова? Забылъ, что я мужняя жена?.. Вотъ я свекру ужо пожалюсь, такъ онъ тебя выучитъ...

— Свекру?

У Спирьки помутилось въ головѣ, точно у быка, котораго ударили по лбу обухомъ. Онъ посмотрѣлъ на Дуньку воспаленными дикими глазами и схватилъ въ охапку.

— Свекру, а?.. Мужу, а?..—шепталъ онъ задыхавшимся голосомъ.—Я же тебѣ покажу.

Она какъ-то жалко пискнула въ желѣзныхъ объятіяхъ Спирьки и начала отчаянно защищаться. Борьба происходила съ молчаливымъ ожесточеніемъ. У Дуньки свалился платокъ съ головы и разсыпались косы изъ-подъ сбившагося повойника. Это пичтожное обстоятельство привело въ себя Спирьку. Дунька воспользовалась мгновеньемъ, вырвалась и заорала благимъ матомъ. Спирька бросился-было за ней, но увидалъ издали ѣхавшихъ по пашнѣ деревенскихъ мужиковъ.

— Дунька!..—крикнулъ онъ вслѣдъ, грозя кулакомъ.—Вѣдь ты душу изъ меня вынула, змѣя подколодная!

Дунька остановилась на опушкѣ, чтобы привести въ порядокъ свой костюмъ, а главное—волосы. Спирька только сейчасъ сообразилъ, какъ все вышло безобразно. Ѣхавшіе по пашнѣ мужики слышали женскій крикъ, а тутъ выскочила, какъ полоумная, Дунька. Нехорошо, главное, было то, что она была простоволосая, что̀ для мужней жены величайшій позоръ. Но Спирька ошибся. Дунька во̀-время сообразила все и спряталась за деревьями, такъ что мужики не могли ее разглядѣть.

— Вотъ тебѣ и фунтъ,—проговорилъ Спирька, окончательно падая духомъ: на землѣ валялся въ качествѣ вещественнаго доказательства Дунькинъ платокъ.—Эй, Дунька, воротись! Возьми платокъ-то, дура...

Она обернулась и только покачала головой. Дѣло выходило совсѣмъ плохо. Простоволосить мужнихъ женъ не полагается по строгому деревенскому обычаю.

Спирька долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая глазами уходившую Дуньку. Вотъ она дѣлается все меньше и меньше, вотъ совсѣмъ маленькая, вотъ и совсѣмъ разобрать ничего нельзя, а только бѣлѣетъ одна свитка. Наконецъ все пропало. Спирька чувствовалъ, какъ тяжело бьется его сердце, слышалъ, какъ ласково шумятъ надъ его головой еще голыя березы, точно что̀ выговариваютъ, видѣлъ, какъ солнце бродитъ по сырой землѣ золотыми пятнами, точно что̀ отыскиваетъ... И опять на его душѣ закипѣла обида, и ему хотѣлось плакать. Да, теперь ужъ все кончено. Придетъ Дунька домой безъ платка и все обскажетъ мужу,—нѣтъ, хуже, нажалуется свекру. Мужъ-то еще стерпитъ и не захочетъ срамить жену, а свекоръ ухватится обѣими руками. Старичонка бѣдовый, ему это только и нужно. Спирька чувствовалъ, что впередъ краснѣетъ отъ будущаго срама.

— А ежели Дунька не скажетъ никому?—думалъ онъ вслухъ.—И никто бы ничего не узналъ.

Но эта мысль обрывается въ самомъ началѣ, и Спирька окончательно погружается въ бездну отчаянія.

— Дура она круглая... Однимъ словомъ, баба.

У Спирьки выступаютъ на глазахъ слезы, и онъ сжимаетъ кулаки. Надо было прямо задушить ее, Дуньку. Все одно, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Развѣ онъ хотѣлъ ее обижать? Да онъ для нея, не знаю, что̀ готовъ сдѣлать... Ахъ, Дунька, Дунька, ежели бы ты не была дура! Ежели бы она хоть чуточку понимала, что̀ у Спирьки дѣлалось на душѣ. И опять ему хочется ее убить, чтобы хоть этимъ путемъ снять съ души каменную гору.

Спирька поднялъ валявшійся на землѣ Дунькинъ платокъ и спряталъ его за пазуху. Вотъ черезъ этотъ платокъ онъ и погибнетъ напрасно. Спирька побрелъ своей дорогой въ Кульмякову, но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ его осѣнила одна мысль. Теперь ему сдѣлалось ясно все, такъ ясно, что онъ даже захохоталъ.

— Вѣдьма она, эта самая Дунька—вотъ и конецъ дѣлу. Конечно, вѣдьма вполнѣ... Убить ее мало.

Припомнивъ разныя подробности своего знакомства съ Дунькой, Спирька убѣдился окончательно въ своемъ предположеніи. Вѣдь съ перваго разу она оказала себя вѣдьмой, еще тогда, когда онъ встрѣтилъ ее на дорогѣ. Она и подвела всѣхъ.

— Вѣдьма... Вотъ какъ обошла. Конечно, платокъ у меня, а она все-таки заправская вѣдьма... Такъ и скажу: „Было дѣло, дѣйствительно, а Дунька—вѣдьма“. Ее надо осиновымъ коломъ пришибить, а не то что̀ разговоры разговаривать.

III.

Дунька пришла въ себя только у околицы. Она рѣшила, что никому и ничего не скажетъ. Но бѣда была въ томъ, что ея платокъ остался у Спирьки. Вернуться домой безъ платка было невозможно. Первая свекровь замѣтитъ и подыметъ дымъ коромысломъ. Въ этихъ расчетахъ она не пошла Разстанью, гдѣ ее видѣли въ платкѣ, а обошла деревню задами и въ свою избу прошла огородами. На счастье, ее встрѣтила одна младшая сноха Лукерья, глуповатая и несообразительная бабенка. Свекровь убиралась въ избѣ и ничего не видѣла. Все вышло хорошо.

— Господь пронесъ...—думала про себя Дунька. — Этакій озорникъ этотъ Спирька. Вотъ какъ бы надо его поучить, чтобы не охальничалъ съ мужними женами. Не стало своихъ дѣвокъ въ Разстани, или вонъ двѣ солдатки живутъ.

Вечеромъ ни съ того ни съ сего накинулся на нее свекоръ. Все дѣло вышло изъ-за телушки. Свекоръ, худенькій и сгорбленный старикъ, держалъ всю семью грозно, на расейскую руку, и снохи передъ нимъ трепетали. Перечить ему и оправдываться не полагалось. Сноха—послѣдній человѣкъ въ домѣ и предъ всѣми виновата. Дунькѣ доставалось особенно, какъ снохѣ-большухѣ, тѣмъ болѣе, что и мужъ у нея былъ смирный и по-своему любилъ ее. Послѣднее ставилось ей на счетъ, и свекоръ строжилъ ее наособицу, чтобы не зазналась.

— Гдѣ телушка?—приставалъ старикъ.—Куда она ушла?

— Не знаю, батюшка.

Несмотря на покорство, Дунькѣ все-таки досталось. Старикъ побилъ ее для „прилику“, а Дунька для „прилику“ голосила, точно ее рѣзали. Все это входило въ распорядки строгой расейской семьи. Даже когда потерявшаяся телушка вечеромъ пришла сама домой, старикъ сердито кинулъ снохѣ:

— Вотъ скотина, а поумнѣе тебя будетъ. Свой домъ знаетъ.

День прошелъ, однимъ словомъ, какъ сотни и тысячи другихъ деревенскихъ дней. Всѣ знали отлично, что такъ нужно. Переселенцы только „строились“ на новыхъ мѣстахъ, и требовалась сугубая строгость. Батюшка-свекоръ постоянно указывалъ на Разстань, какъ примѣръ не настоящаго житья зазнавшихся сибиряковъ. Развѣ это правильная деревня? Развѣ это правильные мужики, а тѣмъ больше—бабы? На послѣднихъ старикъ особенно нападалъ, потому что бабой домъ держится, а сибирская баба не имѣетъ настоящей острастки.

Мужъ Дуньки вернулся съ пашни только вечеромъ и сейчасъ же завалился послѣ ужина спать. Намаялся человѣкъ за день, ну, и отдохнуть надо. Дунька убралась и въ избѣ съ ребятами и на дворѣ со скотиной и улеглась спать послѣдней, какъ и слѣдуетъ снохѣ-большухѣ. Она сильно притомилась за день, но заснуть никакъ не могла. Ее взяло особенное ночное раздумье. Главное, Дуньку начала мучить совѣсть. Зачѣмъ она скрыла отъ всѣхъ давешнее? Вѣдь она ни въ чемъ не виновата и все-таки скрыла. Раздумавшись, она припомнила, что ея платокъ остался въ рукахъ у Спирьки. А вдругъ онъ гдѣ-нибудь напьется и вздумаетъ похвастать. „Вотъ онъ, Дунькинъ-то платокъ!“ Вѣдь тогда всѣ мужики на нее остребенятся и какъ дохлую кошку разорвутъ, потому какъ это первый случай съ расейской бабой, которая не умѣла себя соблюсти.

Чѣмъ больше думала Дунька, тѣмъ ей дѣлалось хуже. Ей казалось, что кто-то ужъ крадется къ ихней избѣ. Вотъ-вотъ подойдетъ и стукнетъ въ окно пьяная рука. „Эй, Дунька, выходи... Вотъ онъ, твой-то платокъ!“ Бѣдная баба тряслась въ лихорадкѣ и про себя творила молитву. Наконецъ она не вытерпѣла и разбудила мужа.

— Степанъ... а Степанъ!

Спросонья Степанъ очень плохо понялъ, что̀ говорила жена. Буркнулъ что-то въ отвѣтъ и снова захрапѣлъ, какъ зарѣзанный. Такъ и промаялась Дунька вплоть до бѣлаго утра. Батюшка-свекоръ поднимался чуть свѣтъ и бродилъ по двору, какъ домовой. Дунька смѣло подошла къ нему и съ бабьими причетами кинулась прямо въ ноги.

— Батюшка, Антонъ Максимычъ, согрѣшила... Не вели казнить—прикажи слово вымолвить. Обманула я тебя вечоръ, раба послѣдняя.

— Ну... говори!..

Старикъ былъ спокоенъ и только пнулъ Дуньку ногой, чтобы не валялась.

— Ну, ну!

Съ причетами и рыданіями Дунька разсказала все, какъ вышло дѣло, и даже прибавила на свою голову. Еще заканчивая эту исповѣдь, Дунька какъ-то всѣмъ тѣломъ почувствовала, какую она сдѣлала глупость, но было уже поздно. Свекоръ взялъ ее за руку, поставилъ къ столбу и велѣлъ ждать. Черезъ минуту онъ вынесъ новенькій сыромятный черезсѣдельникъ, скрутилъ его жгутомъ и принялся имъ бить Дуньку . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Дунька молчала. У нея болѣло все тѣло, каждая косточка. Въ избу она не пошла, а попросила Лукерью принести къ ней полугодового ребенка. Это былъ здоровенькій мальчикъ Тишка, родившійся уже на Уралѣ. Его въ семьѣ называли „новикомъ“.

— Этотъ ужъ не нашъ расейскій...—съ грустью говорилъ дѣдушка.— И не узнаетъ, какая такая Расея есть. Желторотымъ сибирякомъ будетъ расти.

Надъ маленькимъ Тишкой избитая Дунька и выплакала всѣ свои дешевыя бабьи слезы.

Обидѣе всего для Дуньки было то, что при всемъ желаніи она не могла пожаловаться на свою семью, хотя и выходила замужъ круглою сиротой. Семья была настоящая, строгая, мужики работящіе, а свекоръ пользовался особеннымъ почетомъ въ Ольховкѣ, потому что онъ вывелъ всѣхъ на Уралъ, на вольную башкирскую землю. Около него сплачивались всѣ остальные мужики, и старикъ стоялъ всегда въ головѣ новожиловъ. Проявленное надъ Дунькой семейное звѣрство, въ сущности, ничего особеннаго не представляло, какъ самое заурядное проявленіе родительской и мужниной власти. Вотъ вырастетъ Тишка большой, женится и тоже будетъ учить жену. Это было для Дуньки чѣмъ-то въ родѣ утѣшенія. Вѣдь въ свое время и она будетъ лютой свекровью-матушкой.

Въ слѣдующіе дни въ семьѣ наступило тяжелое затишье. Степану, очевидно, было совѣстно, и онъ молча ухаживалъ за женой, скрывая послѣднее отъ грознаго батюшки. Впрочемъ, старикъ, кажется, забылъ о Дунькѣ. Онъ замышлялъ что-то новое. Дунька со страхомъ слѣдила за нимъ. Очевидно, старикъ подбирался къ Спирькѣ и подбивалъ другихъ новожиловъ дѣйствовать заодно.

— Растерзаютъ они его...—со страхомъ говорила Дунька снохѣ Лукерьѣ.

— Такъ и надо озорнику! Не балуй... Ты-то что̀ его жалѣешь?

— А сама не знаю... Просто, дура. Спирька недаромъ меня дурой-то навеличиваетъ.

IV.

Спирька пропадалъ въ Кульмяковой дня два, а потомъ появился въ окнѣ своей избушки. Онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на подоконникѣ и смотрѣлъ на улицу. По нѣкоторымъ признакамъ онъ имѣлъ полное основаніе догадываться, что дѣло не ладно. Во-первыхъ, мимо его избушки безъ всякой цѣли прошли три бабы и разсчитанно-громкимъ голосомъ говорили:

— Охъ, бабоньки, и били же ее, сердечную... Сперва свекоръ утюжилъ, а потомъ мужъ по тому же мѣсту. Въ чемъ душа осталась... Сказываютъ, пластомъ лежитъ.

— Чуть до смерти не заколотили бабенку. А какая такая въ ней вина? Все онъ, змѣй...

Затѣмъ Спирька замѣтилъ, что около воротъ собираются мужики и о чемъ-то толкуютъ между собой. Ему казалось, что нѣсколько разъ прямо указывали на его избушку. Наконецъ онъ видѣлъ, что приходили ольховскіе мужики и о чемъ-то долго толковали съ разстанскими. До него долетали только отдѣльныя слова: „енъ“, „ена“, „озорникъ“ и т. д. Вообще, заваривалась каша, и Спирька только крутилъ головой. На всякій случай онъ приготовился дать съ перваго раза сильный отпоръ.

— А ежели она вѣдьма, ваша Дунька?.. Ну-ка поговорите теперь со мной... Прямо вѣдьма. Она и на васъ на всѣхъ сухоту напуститъ..

Не разъ случалось Спирькѣ выдерживать напоръ всего деревенскаго міра, и онъ собственно былъ спокоенъ. Вѣдьма—и все тутъ. Ужъ ежели кому отвѣчать, такъ имъ же, новожиламъ, зачѣмъ „вѣдьмовъ“ разводятъ.

— Ну, ну, идите сюды!—кричалъ Спирька въ окно.—Я вамъ поккажу... Я васъ произведу!..

Правда, эта храбрость Спирьки сильно уменьшилась, когда онъ разъ замѣтилъ въ толпѣ мужиковъ старика Антона. Этотъ не испугается. Самый вредный старичонка, ежели разобрать, цѣплястый, какъ клещъ вопьется.

Дѣло вышло раннимъ утромъ, когда Спирька еще спалъ. Подъ окномъ его избушки показался волостной.

— Эй, ты, лежебокъ, дай отдохнуть печкѣ-то...

Спирька выглянулъ въ окно. Передъ избой толпилась цѣлая кучка переминавшихся мужиковъ.

— Вамъ чего, галманы?—дерзко спросилъ Спирька.

— А надо съ тобой поговорить, хорошій ты человѣкъ. Выходи ужо на улицу...

— А думаешь, не выйду? И выйду... Сдѣлъ милость. Тоже, подумаешь, испугали...

— И выходи, пріятный ты человѣкъ...

— Да платокъ-то Дунькинъ захвати,—прибавилъ голосъ изъ толпы.—Въ дружкахъ не былъ, чтобы чужіе платки брать...

Въ отвѣтъ изъ окна полетѣлъ скомканный Дунькинъ платокъ. Спирька накинулъ свой армякъ и храбро вышелъ за ворота, гдѣ его сейчасъ же и подхватилъ подъ руку волостной.

— Вотъ такъ, Спирька... Честь завсегда лучше безчестья, пріятный ты человѣкъ. Чего тутъ бояться добрыхъ людей... Просто, значитъ, волостные старички хотятъ съ тобой разговоръ поговорить.

— Дураки ваши волостные старички,—огрызнулся Спирька.

Спирька понялъ, что̀ его ожидаетъ, и всю дорогу ругался самымъ отчаяннымъ образомъ. Около волости его поджидала уже цѣлая толпа, состоявшая изъ старожиловъ и новожиловъ. Спирька струсилъ, когда увидѣлъ въ толпѣ худенькое лицо старичка Антона.

— Енъ самый... озорникъ...—перешептывались въ толпѣ, когда Спирьку вводили на крыльцо волостного правленія.

Въ волости уже дожидались волостные старички, въ рукахъ которыхъ сейчасъ была судьба Спирьки. Однако онъ не потерялся (слава Богу, не вперво̀й было судиться у старичковъ!) и довольно развязно проговорилъ:

— Старичкамъ почтеніе...

Старички сидѣли хмурые, какъ слѣдуетъ быть ареопагу, и ничего не отвѣтили. Волостной предъявилъ имъ Дунькинъ платокъ въ качествѣ corpus delicti. Изба скоро набилась народомъ. Слышно было тяжелое дыханіе и угнетенные вздохи.

— Спирька, а что̀ ты скажешь насчетъ Дунькина платка?—предложилъ вопросъ старшина, не прибѣгая къ предисловіямъ.

— Платокъ?—замялся Спирька и прибавилъ уже бойко:—И очень просто, господа старички... Эта самая Дунька просто вѣдьма. Да... Присушку мнѣ сдѣлала, не иначе.

Старички переглянулись, и старшина отвѣтилъ за всѣхъ:

— Такъ, такъ, пріятный человѣкъ... А мы, значитъ, эту самую Дунькину присушку тебѣ отмочимъ, чтобы впередъ не повадно было охальничать. Такъ я говорю, старички? Ну, Спирька, показывай все на совѣсть...

— Нечего мнѣ и показывать... Дѣло извѣстное. Ежели бы я былъ женатый, такъ оно тово... поигралъ малость съ бабенкой, а она себя и оказала вѣдьмой. Мнѣ бы раньше объ этомъ самомъ догадаться... А что касается платка, такъ это самое дѣло прямо наплевать.

— Прытокъ ты на словахъ, пріятный человѣкъ... Только напрасно путлешь, говори настоящее.

При всемъ желаніи сказать что-нибудь настоящее, Спирька только развелъ руками. Старички переглянулись и сдѣлали знакъ каморнику. Толпа молча разступилась, и предъ стариками очутилась Дунька, блѣдная, испуганная, со свѣжими синяками на лицѣ. Она комомъ повалилась въ ноги судьямъ и заголосила:

— Ничего я не знаю, господа старички... Не взыщите на дурѣ-бабѣ. Какъ есть ничего...

— Вретъ она...—послышался спокойный голосъ свекра.—Дунька, показывай все...

— Твой платокъ, Дунька?

— Конечно, мой... онъ самый и есть.

— Ты телушку пошла искать?

Благодаря этимъ наводящимъ вопросамъ, Дунька разсказала по порядку все происшествіе. Новожилы были довольны этимъ показаніемъ, а старожилы были смущены Спирькинымъ озорствомъ. Тоже не полагается простоволосить мужнихъ-то женъ... Спирька слушалъ, переминаясь съ ноги на ногу, и только проворчалъ, когда Дунька сказала, что онъ чуть ея не задушилъ:

— И надо было задавить... Васъ, вѣдьмовъ, нечего жалѣть, ежели вы присушку дѣлаете.

Обстоятельства дѣла были ясны для всѣхъ. Обвиняемый въ свое оправданіе рѣшительно ничего не могъ сказать и только твердилъ, что Дунька—вѣдьма.

— А хоша бы и вѣдьма,—замѣтилъ резонно одинъ старичокъ:—и съ вѣдьмовъ платки-то не полагается рвать. А ты вотъ того, озорникъ, не понимаешь, что всю деревню острамилъ... Что теперь новожилы-то про насъ будутъ говорить?

Выдвинулся самый больной вопросъ о розни между Разстанью и Ольховкой. Новожилы являлись потерпѣвшей стороной, и требовалось возмездіе, чтобы возстановить честь и доброе имя старожиловъ. Спирька являлся своего рода козломъ отпущенія. Старожилы на немъ какъ будто дѣлали невольную уступку и косвенно признавали права новожиловъ. Спирькой замирялись впередъ поводы къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, и волостные старички, какъ опытные политики, отлично это понимали, какъ понималъ и Спирька, котораго выдавали головой. Міръ отъ него отступался.

— Ну, пріятный человѣкъ, что мы теперь съ тобой будемъ дѣлать?—заговорилъ старшина.—Своимъ-то озорствомъ ты вотъ до чего всѣхъ довелъ...

— Поучить его надо, змѣя, господа старички,—вступился свекоръ Дуньки.

— А ты помолчи, дѣдка...—остановили его судьи, сохраняя собственное достоинство.—Мы дѣло ведемъ на совѣсть... Ну, Спирька, что мы съ тобой должны дѣлать теперь?

Въ судьяхъ было еще нѣкоторое колебаніе, но Спирька самъ себя предалъ—вмѣсто отвѣта взялъ и плюнулъ. Онъ до конца остался озорникомъ, и участь его была рѣшена по безмолвному соглашенію. Для видимости старички пошептались между собой, а потомъ старшина проговорилъ:

— Нечего дѣлать, пріятный человѣкъ... Довелъ ты насъ до-нельзя... Дядя Петра, и ты, Ларивонъ...

Когда Спирька возвращался домой, ребятишки показывали ему языкъ и кричали:

— Драный-сѣченый!..

Спирька только встряхивалъ волосами, но не смущался. Какъ это господа старички поддались этой вѣдьмѣ—даже удивительно. Вотъ до чего ихъ довела Дунька... Дерутъ живого человѣка и думаютъ, что сами это придумали. А новожилы-то чему обрадовались?

V.

Только вершувшись въ свою избушку, Спирька въ первый разъ почувствовалъ приступъ жгучаго стыда. Вотъ въ этихъ самыхъ стѣнахъ жилъ онъ справнымъ мужикомъ, пока не померла жена, а теперь... Спирька забрался въ темный уголъ на полатяхъ и пролежалъ тамъ до ночи, снѣдаемый нѣмымъ отчаяніемъ. Онъ тысячу разъ повторялъ про себя все случившееся и приходилъ къ одному и тому же заключенію, что во всемъ виновата Дунька, и она одна. Какъ вѣдь ловко она съ перваго разу обошла его—никто и не замѣтилъ!

Припомнился Спирькѣ жаркій лѣтній день. Онъ ѣхалъ откуда-то съ помочи, пьяный свалился съ лошади и тутъ же заснулъ въ зеленой душистой травѣ. Лошадь паслась около него. Потомъ Спирькѣ показалось, что кто-то тащитъ у него изъ-за пояса ременный чумбуръ, на которомъ привязана была лошадь.

— Стой!.. Врешь... убью!—заоралъ Спирька, напрасно стараясь подпяться на ноги.—Эй, не подходи!..

— Ну, слава Богу, живой,—проговорилъ надъ нимъ участливый женскій голосъ.—А мы думали, что ты расшибся, али убитый.

Это и была Дунька. Она шла съ свекромъ впереди переселенческаго обоза. Старикъ Антонъ спуталъ какую-то повертку и обратился къ Спирькѣ:

— Милъ-другъ, какъ намъ проѣхать на Томскъ?

— На Томскъ? Ха-ха... Да вѣдь до Томска-то тыщи двѣ верстовъ будетъ. Ахъ, ты, старый чортъ... Можетъ, тыщи дорогъ на Томскъ идутъ: любую-лучшую выбирай. Да вы кто такіе будете? Переселенцы?

— Около этого, милъ-человѣкъ... Рязанскіе, значитъ, Рязанской губерніи, вообче, значитъ, выходитъ, расейскіе.

— Та-акъ...—соображалъ Спирька.—А я думалъ—конокрады.

Пока шелъ этотъ разговоръ, Дунька стояла и съ жалостью смотрѣла на Спирьку. Этакій здоровый мужикъ, а морда въ грязи, рубаха испластана,—она не стерпѣла и проговорила:

— А ты бы рожу-то себѣ вымылъ, да и рубаху надо починить... Видно нѣту жены-то?..

Ахъ, какъ она хорошо все это сказала... Спирька и теперь точно слышитъ этотъ ласковый бабій голосъ и видитъ жалостливые бабьи глаза. Вѣдь вотъ поди ты, сразу угадала все... И хорошо Спирькѣ сдѣлалось и стыдно, а Дунька смотритъ на него такъ прямо и такъ просто.

Старикъ еще что-то разспрашивалъ, а потомъ подошелъ переселенческій обозъ. Ужъ только и народъ... Притомились всѣ за дорогу-то, обносились, затощали — смотрѣть жаль. А видно, что народъ все хорошій, правильный народъ, не чета сибирскому. Этакому-то народу дай-ка вольную сибирскую

землю, такъ работа огнемъ загоритъ. И бабы все хорошія, хотя и въ лаптяхъ.

Когда обозъ уже прошелъ, Спирька замѣтилъ, что Дунька оглянулась на него. Эти большіе сѣрые глаза точно позвали его. Спирька сѣлъ на лошадь, догналъ обозъ и обратился къ старику:

— Ты, видно, дѣдка, ходокомъ будешь?

— Енъ самый.

— Словечко я тебѣ одно скажу, дѣдка... Эхъ, дорогое словечко, а вся цѣна—полуштофъ водки.

Обозъ остановился. Около Спирьки собрались мужики.

— Куда въ Томскую губернію тащитесь?—заговорилъ Спирька, мотаясь въ сѣдлѣ.—Экую даль тащиться, да это помереть.

— Нужда, милъ-человѣкъ, гонитъ... Не сами идемъ. Нужда устигла...

— Эхъ, вы...

Спирька обругался, а потомъ прибавилъ:

— Вотъ что я вамъ скажу, расейскіе мужички... Сдѣлаемъ дѣльце такъ: вы мнѣ выставите, напримѣрно, полуштофъ водки, а я, напримѣрно, отведу вамъ тыщу десятинъ вольной земли. На, пользуйся, да поминай Спирьку... Всѣ будете благодарить, а у которыхъ ежели есть дѣти, такъ и дѣти будутъ чувствовать, каковъ есть человѣкъ Спирька.

Переселенцы выслушали и сначала не повѣрили Спирькѣ: пьяный человѣкъ зря болтаетъ. Да и видъ у него совсѣмъ шалый. Погалдѣли расейскіе лапотники, посмѣялись надъ Спирькой и хотѣли итти дальше, но остановила всѣхъ Дунька:

— Полуштофъ съ міру пустое, а можетъ, енъ и въ самъ дѣлѣ можетъ опредѣлить...

Началась жестокая ряда. Спирька стоялъ на своемъ.

— Да ты скажи напередъ, а потомъ мы тебѣ бочку этого проклятаго вина укупимъ.

— Не могу,—артачился Спирька.—Самому дороже стоитъ, и притомъ у меня свой карахтеръ... Не хотите своей пользы понимать...

Старикъ Антонъ подумалъ-подумалъ и рѣшилъ въ свою голову.

— Вотъ что, милъ-человѣкъ, такъ и быть: сдѣлаю тебѣ уваженіе. Понимаешь, распослѣднее отдаю.

Только теперь Спирька догадался, что такое рѣшеніе старика Антона было внушено Дунькой. Дѣло ясно, какъ день... Она видѣла всѣхъ насквозь.

Водки въ обозѣ, конечно, не оказалось, и пришлось ѣхать до первой деревни, гдѣ былъ кабакъ. Измученный жестокимъ похмельемъ, Спирька выпилъ всю бутылку дрянной кабацкой водки чуть не залпомъ, прямо изъ горлышка. Потомъ Спирька крякнулъ, вытеръ лицо рукавомъ рубахи и заявилъ:

— Ну, дѣдка, твое счастье... Купилъ ты меня.

Эни отошли въ сторону, и Спирька, дѣйствительно, обсказалъ все на совѣсть.

— Вы, дѣдка, вотъ какъ сдѣлайте... Тутъ есть Кульмяцкая башкирская волость, земли видимо-невидимо — понялъ? У нихъ такое правило: башкиру-вотчиннику полагается тридцать десятинъ на душу, а башкиру-припущеннику всего пятнадцать...

Голова старика Антона закачалась отъ удивленія: всего пятнадцать десятинъ?..

— А дѣло не въ этомъ, дѣдка,—объяснялъ дальше Спирька.—Башкирскую-то землю пьяный чортъ мѣрялъ послѣ дождичка въ четвергъ... Сколько

этой земли — никто не знаетъ. И еще есть причина: мрутъ эти башкиры, какъ мухи, а земля-то остается тоже. Понялъ?

— А ты не обманываешь?

— Ну, вотъ тоже скажетъ человѣкъ... Что мнѣ тебя обманывать, когда у насъ своя деревня стоитъ на башкирской землѣ. Пришли и осѣли... Пятьдесятъ лѣтъ теперь судимся съ башкирами, и никакое начальство ничего разобрать не можетъ. По-моему, этой самой земли и вамъ хватитъ, да еще отъ васъ останется... Понялъ? Значитъ, башкирская деревня Кульмякова — понялъ? Мы ужъ къ ней приспособились, ну, а вы къ нашей деревнѣ приспособляйтесь.

— Какъ же это на чужую землю возможно?

— Ахъ, ты, ежовая голова. Ничего неизвѣстно, кому и что слѣдствуетъ... Я тебя и научу, дѣдка, какъ нашихъ разстанскихъ мужиковъ обойти, только за это ты мнѣ второй полуштофъ потомъ выставишь. Ты пріѣзжай завтра къ намъ въ волость и сторгуй три десятины травы у волостныхъ старичковъ, будто лошадей выправить... У насъ трава по двугривенному съ десятины... Ну, а какъ васъ пустятъ, вы ужъ не зѣвайте: сейчасъ налаживайте и балаганы и землянки. Понялъ? А потомъ будто вы перезимовать только хотите... Такъ? А потомъ съ кульмяцкими башкирами сговоритесь, будто вы у нихъ эту самую землю рендуете... Да тутъ конца-края не будетъ, и никто ничего не разберетъ.

— Ну, и сказалъ ты словечко, милъ-человѣкъ...

— А то какъ же? У насъ, братъ, въ Сибири добромъ ничего не возьмешь... Понялъ? Такъ оно и пойдетъ годъ за годомъ, а тамъ, глядишь, башкиры всѣ вымрутъ,—ну, тогда съ Разстанью и раздѣлите землю пополамъ. Вотъ каковъ есть человѣкъ Спирька!

— Такъ, такъ...

— Да ужъ вѣрно сказано.

Переселенцы такъ и сдѣлали, какъ научилъ Спирька, и все вышло какъ по-писаному. Ходокъ Антонъ оказался большимъ мужицкимъ дипломатомъ. Дѣло въ томъ, что русская деревня Разстань не имѣла никакого права на существованіе и осѣла на чужой башкирской землѣ захватомъ. Башкиры судились съ этими незваными насельниками много лѣтъ, но изъ этого ничего не выходило, потому что собственныя права башкиръ тонули во мракѣ далекаго прошлаго. Когда-то, очень давно, они тоже пришли сюда и захватили чужую землю. Оставались права давности, вѣрнѣе — права перваго захвата. Появленіе новыхъ насельниковъ было на руку башкирамъ, сдавшимъ въ долгосрочную аренду землю, принадлежавшую Разстани. Отсюда пошли нескончаемые споры и раздоры между двумя русскими деревнями, сопровождаемые настоящими драками и рукопашной. Переселенцы удерживались только дипломатическимъ талантомъ ходока Антона, умѣвшаго заговаривать зубы и разсчитывавшаго на время.

Все это припомнилъ теперь Спирька и могъ только удивляться черной неблагодарности переселенцевъ. Для него было ясно какъ день, только одно, что, не встрѣть онъ тогда переселенческаго обоза, не былъ бы онъ драным. Вотъ до чего довела Дунька своимъ колдовствомъ и его и другихъ, съ тою разницей, что онъ отлично понималъ, въ чемъ дѣло, а всѣ другіе точно ослѣпли.

— Благодѣтелемъ для нихъ былъ,—размышлялъ Спирька въ огорченіи.— А они же своего благодѣтеля и отлущовали... Нѣтъ, ты погоди, не таковскій Спирька, чтобы живому мыши голову отъѣли.

VI.

Исторія Спирькиной любви была очень грустная, начиная съ того, что онъ не зналъ даже самаго слова—любовь. По его понятіямъ, это была присушка. Взяла хитрая баба и заколдовала. Дѣло тянулось цѣлыхъ пять лѣтъ. Спирька часто бывалъ въ Ольховкѣ у переселенцевъ, но встрѣчалъ Дуньку очень рѣдко и то мелькомъ. Ихъ разговоры ограничивались взаимной перебранкой.

— Что ты на меня воззрился, какъ свинья на мертваго воробья?—спроситъ иногда Дунька.

— У, гладкая!..—отвѣтитъ Спирька и обругаетъ.

Дунька жаловалась на озорника мужу, но Степанъ былъ смирный мужикъ и не обращалъ вниманія. Извѣстно, сибиряки отчаянные, удержу въ нихъ нѣтъ.

А у Спирьки съ каждымъ годомъ сердце все больше и больше разгоралось. Онъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ дѣлается, а только Дунька не выходила у него изъ головы. Развѣ можно было ее примѣнить къ другимъ бабамъ? Глянетъ, такъ точно огнемъ обожжетъ. На Спирьку нападала жестокая тоска, и онъ топилъ свое горе по кабакамъ. Пьяный онъ часто плакалъ и жаловался кабацкимъ друзьямъ, что его испортила одна женщина. Прямо онъ не называлъ Дуньки, а только намекалъ, что она изъ переселенокъ.

— Какъ змѣя проползла... Вотъ какое дѣло! И сплю и вижу ее...

Кабацкіе пріятели отъ души сочувствовали Спирькину горю, отъ искренняго сердца ругали его и совѣтовали бить вѣдьму, которая такими дѣлами занимается.

Но раньше Спирька еще сомнѣвался, что Дунька была вѣдьма, и только теперь это сдѣлалось ему яснымъ, какъ день. И какая вѣдьма—издали приворожила. Другія вѣдьмы или накормятъ чѣмъ, или опоятъ человѣка, а эта однимъ глазомъ только поглядѣла, и Спирька готовъ. Даже сейчасъ, послѣ расправы въ волости, онъ не могъ разсердиться на нее по-настоящему. Были мысли довольно жестокаго характера, но онѣ опадали, какъ осенній сухой листъ съ дерева. По возвращеніи изъ волости Спирька рѣшилъ про себя, что спалитъ дворъ у старика Антона, и эта мысль ему очень нравилась. Темная вѣтреная ночь... всѣ спятъ... и вдругъ надъ Ольховкой зарево, а черезъ два часа хоть шаромъ покати. Для отвода глазъ Спирька хотѣлъ притвориться больнымъ и вылежать въ избѣ съ недѣлю. На, потомъ разбирай да ищи вѣтра въ полѣ... Кто поджегъ — руки-ноги не оставилъ. Нехорошо было то, что расейская стройка дружная, изба къ избѣ, и вся деревня могла сгорѣть, какъ хорошій костеръ. Не стоило изъ-за Дуньки по міру пускать столько народу. Другой способъ—изводить Дуньку самому. Пріѣхалъ къ избѣ верхомъ, да и давай золотить вѣдьму всякими словами. Переселенскіе мужикъ смирные, все стерпятъ. Опять нехорошо...

Цѣлыхъ три дня думалъ Спирька, и ничего не выходило. Виноваты и свои разстанскіе, зачѣмъ выдали головой новоселамъ. Хорошо бы имъ краснаго пѣтуха запустить, чтобы чувствовали вполнѣ.

— Надо васъ, варнаковъ, учить... Простоваты вы, чтобы драть человѣка не знамо за что. Какой же это порядокъ? Сегодня одного отодрали, а завтра другого будете драть... А еще господа старички называются. Отъ всего общества честь... Одной водки сколько вытрескаютъ на сходахъ за мірской счетъ

Но ни одному изъ этихъ жестокихъ плановъ Спирьки не суждено было осуществиться.

Разъ, на самомъ брезгу, Спирька былъ разбуженъ стукомъ въ окно.

— Эй, ты, пріятный человѣкъ...

— Кого тамъ чортъ принесъ?—откликнулся Спирька съ печи.

— А ты выглянь въ окошко.

Спирька слѣзъ съ печи и выглянулъ. Передъ его избой стояла кучка ольховскихъ новоселовъ съ ходокомъ во главѣ.

— Чего васъ носитъ, полуночниковъ?—обругалъ Спирька.

— А ты выдь изъ избы-то. Разговоръ маленькій есть.

— Знаю я ваши разговоры... Опять, что ли, драть?

— Зачѣмъ драть, пріятный человѣкъ, а такъ для разговору словъ. Ежели добромъ не выдешь, такъ сами въ избу придемъ... Тебѣ же хуже будетъ, пріятный человѣкъ.

Спирька нѣкоторое время соображалъ, хотя выбирать было не изъ чего. Потомъ на него напало озлобленіе, и онъ смѣло пошелъ изъ избы. Но его схватили десятки дюжихъ рукъ, едва онъ переступилъ порогъ сѣней.

— Получай, братцы...—обрадованно загалдѣли мужики.—Енъ самый и есть озорникъ. Держи его крѣпче!..

Въ одинъ моментъ Спирька былъ связанъ.

— А вотъ увидишь, пріятный человѣкъ... Ребята, волоките озорника.

— Братцы...

Спирьку потащили посреди улицы, довольно невѣжливо подталкивая подъ бока. Онъ только кряхтѣлъ и по обыкновенію ругался. Стояло самое раннее утро, такъ что не топилась еще ни одна изба. Окрестныя горы были подернуты туманною дымкой. На топотъ десятковъ ногъ и глухой говоръ сопровождавшей Спирьку толпы кое-гдѣ въ окнахъ показывались головы.

— Братцы, убиваютъ!—кричалъ Спирька, когда замѣчалъ мужицкую голову.—Охъ, убиваютъ...

За эти возгласы ему, дѣйствительно, доставались дюжіе тумаки, а потомъ чья-то корявая рука зажала Спирькинъ ротъ.

— Молчи, конокрадъ!

Послѣднее восклицаніе сдѣлало все яснымъ. Спирька понялъ, зачѣмъ его волокутъ въ Ольховку, и ему впередъ представилась ужасная картина мужицкаго самосуда. Онъ самъ видалъ, какъ на смерть бьютъ конокрадовъ, и самъ даже участвовалъ въ жестокихъ расправахъ. Да, все было ясно, какъ день, и даже Спирька ужаснулся, когда толпа свернула въ переулокъ налѣво. Очевидно, новоселы не желали вести Спирьку черезъ Разстань, чтобы не поднимать на ноги разстанскихъ мужиковъ, которые могутъ заступиться за односельчанина. А у себя въ Ольховкѣ сдѣлаютъ, что хотятъ.

Спирьку потащили полемъ. Толчки дѣлались сильнѣе. Кто-то ударилъ Спирьку по щекѣ. Дюжія мужицкія руки держали его, какъ въ клещахъ. У Спирьки начала кружиться голова отъ страшной боли въ лѣвомъ плечѣ,— очень уже поусердствовали скрутить ему руки за спиной.

Ольховка была вся на ногахъ, когда привели Спирьку. Его встрѣтили озлобленныя лица. Кто-то ругался, какая-то женщина причитала. Старуха, жена ходока Антона, такъ и вцѣпилась въ Спирьку.

— Енъ... енъ самый!.. А я ему глаза повытыкаю, озорнику.

Обезумѣвшую отъ ярости старуху едва оттащили.

— Охъ, разорилъ енъ насъ всѣхъ!..— причитала она,— всю семью по

міру пустилъ... Куды мы безъ лошадокъ? Страда наступитъ скоро, а мы какъ безъ рукъ... Снялъ съ насъ голову, озорникъ!..

— Это онъ со злости, что тогда поучили за Дуньку въ волости, — объяснялъ голосъ въ толпѣ—И лукавъ песъ...

Спирьку затащили на дворъ къ Антону и положили связаннаго на землѣ. Тащившіе его мужики запыхались. На всѣхъ лицахъ была написана твердая рѣшимость раздѣлаться съ конокрадомъ по-свойски, чтобы другимъ-прочимъ подобнымъ озорникамъ впередъ не было повадно. Спирька былъ осужденъ заранѣе, осужденъ цѣлымъ крестьянскимъ міромъ, и теперь оставались только маленькія формальности. Когда къ нему подошелъ Степанъ и ткнулъ тяжелымъ мужицкимъ сапогомъ прямо въ лицо, такъ что брызнула кровь, его остановили.

— Не трошь, Степанъ... Теперь онъ никуда не уйдетъ изъ нашихъ рукъ.

Составился полевой судъ. Вся задача заключалась въ томъ, чтобы выпытать отъ Спирьки, куда онъ угналъ лошадей. Степанъ, задыхаясь отъ волненія, въ сотый разъ разсказалъ, какъ они втроемъ караулили лошадей на зеленяхъ и какъ ихъ украли прямо у нихъ изъ-подъ носу. Въ темнотѣ воровъ не могли разглядѣть.

— Ну, теперь твоя рѣчь, — обратился старикъ Антонъ къ Спирькѣ. — Доказывай, куда дѣлъ лошадей?

У Спирьки быстро мелькнула тѣнь надежды на спасеніе. Онъ отвѣтилъ съ дерзостью:

— Не меня надо бить, а вашихъ пастуховъ... Чего они-то глядѣли? Воровъ трое—и ихъ трое.

Толпа немного смутилась. Каждое мгновеніе было дорого, и Спирька рѣшилъ дорого продать свою грѣшную душу. Онъ обругалъ всѣхъ и смѣло заявилъ.

— Ужъ ежели на то пошло, такъ я одинъ вамъ выворочу украденныхъ копей... Дураки вы всѣ!.. Гдѣ васъ надо, такъ тамъ васъ и нѣтъ...

Эта смѣлая ругань произвела извѣстное впечатлѣніе. Кругомъ виноватые люди не будутъ ругаться, особенно, когда смерть на носу.

— Я вамъ всѣмъ покажу, какъ надо на свѣтѣ жить! — уже смѣло заговорилъ Спирька.—Спросите сусѣдей, никуда я изъ избы съ вечера не выходилъ... По насердкамъ *) вы меня взяли. Говорю: одинъ выворочу всѣхъ коней. Мнѣ же въ ноги потомъ будете кланяться, лапотники... Развѣ такіе мужики бываютъ? Эхъ, вы... А Стенькѣ я самъ обѣ скулы сворочу. Его надо бить-то, шалаго.

VII.

Неистовое поведеніе Спирьки сбило новоселовъ съ толку. Ругавшіеся мужики замолчали, озлобленіе смѣнилось недоумѣніемъ. Дунька, спрятавшаяся со страху въ задней избѣ, думала, что уже все кончено. Она все время повторяла про себя:

— Охъ, смертынька... Они его убьютъ!..

А тутъ вдругъ галдѣнье прекратилось. Она выбѣжала въ сѣни и изъ-за косяка увидѣла удивительную картину. Батюшка-свекоръ своими руками развязалъ руки Спирькѣ и даже помогъ ему подняться на ноги. Видъ у Спирьки

*) По насердкамъ—по злобѣ, въ сердцахъ.

былъ ужасный: рубаха разорвана въ клочья, лицо въ крови, на спинѣ и плечахъ сине-багровые подтеки отъ ударовъ. Спирька постоялъ, точно оглушенный, повелъ плечами, точно пробовалъ, цѣлы ли кости, а потомъ проговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Дайте стаканчикъ водки...

Въ данный моментъ его больше всего смущала разорванная рубаха. Въ толпѣ были и бабы и дѣвки, а онъ совсѣмъ голый. Спирька нѣсколько разъ тряхнулъ головой. Да, много разъ его бивали и раньше, только рубаху не такъ рвали.

— На, непутевая голова,—говорилъ старикъ Антонъ, подавая Спирькѣ стаканъ водки.—Такъ лошадушекъ-то добудешь?

— Сказано: выворочу. Экія собаки, право, какъ рубаху-то истерзали... Мѣста живого не осталось.

— Ну, рубаху мы тебѣ другую дадимъ... Дунька, сыщи-ка ему какую ни на есть! — приказалъ Антонъ. — Такъ лошадокъ-то, Спирька, вызволишь? Вѣдь разоръ всему нашему дому...

Дунька разыскала старенькую мужнину рубаху и вынесла ее на дворъ. Спирька сурово повернулся къ ней спиной. Дунька опять убѣжала въ заднюю избу, чтобы никто не видѣлъ ея слезъ,—вѣдь изъ-за нея, дуры, чуть не убили Спирьку. И посмотрѣть-то теперь на него страшно: въ крови весь, какъ баранъ, все тѣло пестрое отъ синяковъ, одинъ глазъ началъ затекать. Поведеніе Спирьки еще больше убѣдило ее въ собственной виновности, и Дунька не могла удержать слезъ. А тутъ еще матушка-свекровушка можетъ увидѣть, какъ она его жалѣетъ, озорника, и можетъ поѣдомъ съѣсть.

Къ себѣ, въ Разстань, Спирька не пошелъ, а послалъ за своей гнѣдой лошадью. По пути велѣлъ захватить пастушій хлыстъ и ременный арканъ. Дунька видѣла, какъ онъ, обряженный въ чужую рубаху, ястребомъ сѣлъ на свою лошадь, поднялся въ сѣдлѣ и попросилъ еще стаканчикъ водки.

— Не поминайте лихомъ Спирьку! — крикнулъ онъ, пуская лошадь съ мѣста полной рысью.

Оставшіеся у воротъ мужики нѣсколько времени сумрачно молчали, а потомъ какой-то голосъ проговорилъ въ толпѣ:

— Оммапетъ Спирька-то... Еще его же и водкой напоили. Теперь ступай, лови его.

Старикъ Антонъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вызовъ. Два стакана водки не расчетъ, когда человѣкъ обѣщаетъ коней воротить. Окромя его, некому и сдѣлать такъ. Спирька по лошадиной части все знаетъ и съ завязанными глазами всю округу обыщетъ.

Спирька пропадалъ цѣлыхъ три дня. Время тянулось ужасно медленно. „Дворъ“ старика Антона переживалъ самый критическій моментъ. Какой „дворъ“ безъ лошадиной силы, а новыхъ лошадей разводить не на что. Получилось самое безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что дѣло шло къ страдѣ. Мужики угрюмо молчали, а бабы ходили съ заплаканными глазами. Теперь все благосостояніе семьи зависѣло единственно отъ смѣлости отчаяннаго человѣка Спирьки. Но больше всѣхъ убивалась Дунька, убивалась молча, одна, затаивъ въ себѣ цѣлый рой чисто-бабьихъ мыслей. О, она теперь выучилась молчать. Съ одной стороны, она, припоминая недавніе побои, даже не желала, чтобы Спирька вернулъ назадъ украденныхъ лошадей,—пусть зорится нелюбимая семья, а съ другой, она такъ боялась за Спирьку. А вдругъ онъ вернется съ пустыми руками? Если его и не убьютъ, такъ самъ навѣкъ себя осрамитъ. Дунькѣ до слезъ дѣлалось жаль того отчаяннаго Спирьку,

когда она припоминала его поведеніе. Какъ онъ обругалъ Степана да всѣхъ другихъ новоселовъ, — лежитъ связанный и ругается. Они-то навалились на одного человѣка всей деревней и убили бы навѣрно, ежели бы не отчаянность Спирьки. Эта смѣлость произвела на Дуньку неотразимое впечатлѣніе. Вѣдь это совсѣмъ не то, что бить беззащитную бабу, какъ ее били батюшка-свекоръ съ мужемъ Степаномъ. Что-то такое новое зарождалось въ душѣ Дуньки, что̀ ее и пугало, и радовало, и заставляло плакать. Потихоньку она молилась за успѣхъ Спирькиной экспедиціи.

Въ Ольховкѣ сильно сомнѣвались относительно Спирьки и потихоньку судачили относительно старика Антона. Правильный старичокъ, а вотъ какъ далъ маху... Обошелъ кругомъ озорной человѣкъ. Но этимъ пересудамъ былъ положенъ конецъ, когда на четвертый день ночью объявился Спирька. Онъ привелъ на своемъ арканѣ всѣхъ трехъ лошадей. Сонная семья выскочила вся на улицу и не вѣрила собственнымъ глазамъ.

— Да ты ли это, Спирька?—спрашивалъ Антонъ.

— Около того...

Когда Спирькѣ пришлось слѣзать съ лошади, онъ только тяжело застоналъ. Правая рука у него висѣла плеть плетью.

— Ты, Спиря, того,—бормоталъ старикъ Антонъ, помогая ему вылѣзть изъ сѣдла.—Эхъ, братъ, тово... Что̀ это у тебя рука-то, какъ чужая?

— А такъ, значитъ...

Бабы ухватились за лошадей и съ причитаньями повели ихъ во дворъ. Оставалась одна Дунька. Она спряталась за верею и наблюдала, какъ батюшка-свекоръ снималъ съ лошади озорника Спирьку. Дунькино сердце билось, какъ подстрѣленная птица, и она чувствовала, какъ задыхается. По всѣмъ признакамъ Спирька былъ едва живъ и доѣхалъ до Ольховки только по инерціи. Когда его сняли съ сѣдла, Спирька весь распустился, какъ ребенокъ, и едва могъ проленетать коснѣвшимъ языкомъ:

— Водочки... стаканчикъ...

— Били тебя, Спиря?

— Охъ, какъ били... И я билъ и меня били

Отъ Спирьки трудно было добиться какого-нибудь толку, да и не любилъ онъ разспросовъ.

— Гдѣ былъ — ничего не осталось, — сурово отвѣчалъ онъ. — Мало ли хорошихъ мѣстовъ.

— Такъ, гришь, шибко били?—повторялъ Антонъ.

— Очень даже превосходно.

По перепавшимъ лошадямъ мужики видѣли, что Спирька былъ не близко, а глядя на него—что дѣло было у него съ конокрадами жаркое.

Онъ оставался гостемъ у Антона дня три, пока поправился и немного отдохнулъ. За нимъ теперь всѣ ухаживали, и пряталась только одна Дунька. Она боялась поднять глаза, когда входила въ избу, гдѣ сидѣлъ съ мужиками Спирька. Онъ тоже отворачивался отъ нея и только разъ, когда они столкнулись на дворѣ, спросилъ:

— Дунь... а Дунь? Ты не серчаешь на меня?

У Дуньки точно что̀ оборвалось внутри отъ этого виноватаго голоса, какимъ заговорилъ съ ней Спирька. Сердце такъ и захолонуло, какъ будто она полетѣла откуда-то съ высоты.

— Такъ не серчаешь, Дунь?

— Что̀ это и придумаешь, Спиридонъ Савельичъ... Посмѣяться надо мной хочешь...

— Я?! Эхъ, Дунюшка!

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и шепнулъ:

— Для тебя только и коней выворотилъ, желанная... На, получай и чувствуй, каковъ есть человѣкъ Спирька. Эхъ, Дуня... Словъ вотъ у меня нѣтъ никакихъ, чтобы, значитъ, обсказать все... Только и умѣю, что ругаться.

— Ты меня вѣдьмой считаешь...

Голосъ Дуньки оборвался, и она закрыла лицо рукавомъ. Душившія ее всѣ эти дни слезы такъ и хлынули. Спирька растерялся и не зналъ, что̀ ему сказать. Да и что̀ скажешь бабѣ, которая дура дурой реветъ? Правда, жаль бабенки... Спирька повернулся къ плакавшей Дунькѣ спиной, постоялъ съ минуту, напрасно отыскивая въ своемъ репертуарѣ хоть одно ласковое слово, но только тряхнулъ головой и ушелъ въ избу. Онъ немного струсилъ и струсилъ самого себя: жалость такъ вотъ всего и охватила.

Спирька ушелъ отъ Антона черезъ какой-нибудь часъ.

— Ты куда это скоро больно поплелся? — уговаривалъ его старикъ Антонъ.—Поживи, пока рука-то поправится.

— Нѣтъ, ужъ я домой,—угрюмо отвѣчалъ Спирька.

Дунька видѣла потомъ, какъ батюшка-свекоръ совалъ Спирькѣ рублевую бумажку, а Спирька ругался.

— Отстань, старый чортъ! Сталъ бы я себя увѣчить изъ-за твоего рубля... Дураки вы всѣ и ничего не понимаете. А Степану я скулу сворочу, какъ вотъ только рука выправится.

Обругалъ всѣхъ и пошелъ домой, придерживая безсильно мотавшуюся правую руку.

VIII.

Вернувшись домой, Спирька сразу слегъ, точно подломился. Сначала у него болѣла ушибленная рука. Она была точно чужая и висѣла плеть плетью. Ударъ пришелся по плечу, и Спирька чувствовалъ по ночамъ страшную боль. Задремлетъ и видитъ во снѣ, какъ нагоняетъ конокрадовъ. Ихъ было трое. Они сидѣли вокругъ огонька, не ожидая опасности. Стреноженныя лошади паслись въ десяти шагахъ. Спирька налетѣлъ на воровъ орломъ. Завязалась отчаянная драка. Могучъ былъ Спирька и двоихъ уложилъ сразу, а третій оказался „жиловатымъ“ и долго дрался со Спирькой. Когда Спирька уложилъ и этого третьяго и „палъ“ на свою лошадь, онъ догналъ его и ударилъ бастрыгомъ по плечу. Хорошо, что Спирька усидѣлъ на лошади, а то бы ему не сдобровать. Сейчасъ онъ повторялъ про себя тысячу разъ эту сцену, и ему казалось, что его все еще бьютъ. Онъ просыпался въ холодномъ поту и кричалъ:

— Эй, всѣхъ убью!.. Не подходи.

Спирька думалъ отлежаться, какъ бывало раньше. Не въ первый разъ его били на смерть. Но чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалось ему хуже. Спирька послалъ за старухой Митревной, которая лѣчила всю Разстань. Митревна пришла, осмотрѣла Спирьку и только покачала головой.

— Экъ тебя угораздило, Спирька.

— А что̀?

— Мѣста вѣдь на тебѣ живого нѣтъ... Точно цѣпами тебя молотили.

— Около того, баушка... Весь не могу. И поясницу ломитъ, и крыльца болятъ, и ноги отнимаются.

— Вотъ, вотъ... Больно ты лютъ драться-то, Спирька.

— Дѣло такое подошло, баушка.

— Да, дѣло хорошее... Какъ еще тебѣ башку не оторвали напрочь.

Баушка Митревна еще разъ осмотрѣла Спирьку, покачала головой и проговорила:

— Умрешь ты, Спирька.

— Раньше смерти не помру.

— Главная причина, что у тебя повреждена становая жила и всѣ болони нарушены.

Мысль о смерти Спирьку не испугала. Что же, умирать, такъ умирать... Обиднымъ для него было только одно — оставалось неизвѣстнымъ, отъ кого онъ умретъ. Били здорово и ольховскіе мужики и конокрады, — ступай, разбирай, которые били сильнѣе. Сначала Спирька рѣшилъ, что его окончательно изувѣчили конокрады, а потомъ на него напало сомнѣніе. Хорошо тузили и ольховскіе новоселы.

Спирька лежалъ въ своей избушкѣ совершенно одинъ. Въ Разстани, и въ Ольховкѣ, и въ Кульмаковой было уже извѣстно, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Приходили провѣдывать разные мужики, и всѣ жалѣли Спирьку.

— Безпремѣнно ты помрешь, Спирька... Ужъ баушка Митревна знаетъ. Она, братъ, скажетъ, какъ ножемъ отрѣжетъ. Достаточно перехоронила на своемъ вѣку всякихъ народовъ.

— Знаю безъ васъ, что помру... Отъ ольховскихъ новословъ въ землю уйду. Я ихъ землей наградилъ, и они меня тоже землей отблагодарили. Мой грѣхъ.

— А ты бы, Спирька, штецъ горяченькихъ похлебалъ. Можетъ, и полегчаетъ... По жиламъ горяченькое-то разойдется.

— Не позываетъ меня на пищу, братцы.

Особенно тяжело бывало Спирькѣ по вечерамъ, когда онъ лежалъ въ темнотѣ. Тихо кругомъ, а въ Спирькиной головѣ мысли такъ и шевелятся. Припоминалъ опъ всю свою жизнь и ничего, кромѣ безобразія, не находилъ. Если бы ему баушка Митревна предложила прожить жизнь во второй разъ, онъ едва ли бы согласился. Тошно и вспоминать, не то что снова все продѣлывать. Такъ, одно безобразіе... Другіе, конечно, жили и по-хорошему, а онъ мыкался.

Разъ лежалъ Спирька вечеромъ и особенно мучился. Ему приходилось плохо. Явилось какое-то смутное ожиданіе чего-то. Вотъ бы встать теперь, выйти на улицу... Кругомъ все давно уже зеленѣло. И горы стоятъ зеленыя, и поля, и луга. Хорошо вездѣ, кромѣ его избушки. Спирька, кажется, задремалъ, когда его разбудилъ осторожный шорохъ въ сѣняхъ. Потомъ раскрылась дверь, и кто-то вошелъ въ избу.

— Ты живъ, Спиридонъ Савельичъ?—спросилъ женскій голосъ.

— Это ты, Дуня?

— Я... Урвалась изъ дому, чтобы съ тобой проститься.

Голосъ у Дуньки оборвался. Спирька слышалъ ея тяжелое дыханіе. Она стояла, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну?—сурово спросилъ Спирька.

— Больше ничего.

Она присѣла на лавку, и Спирька только теперь разсмотрѣлъ, что Дунька пришла съ ребенкомъ.

— Ты это зачѣмъ ребенка-то приволокла?

— А такъ... Сказывали мужики, что ты помираешь — вотъ я и пришла.

— Помираю, Дуня...

Голосъ Спирьки сдѣлался ласковѣе.

— Наши-то мужики тебя вотъ какъ жалѣютъ, потому какъ понапрасну тогда обидѣли тебя.

— Ну ихъ совсѣмъ! Пусть твой Степанъ благодаритъ Бога, что я кончусь скоро, а то бы... Не стóитъ говорить, Дуня.

Дунька тяжело вздохнула.

— А что̀ касаемо того, что я тебя вѣдьмой навеличивалъ, такъ это совсѣмъ особь статья, Дуня. Эхъ, не такъ все вышло. Ну, да что̀ объ этомъ говорить... Не стóитъ. Все одно околѣвать.

Послышались легкія всхлипыванья. Плакала Дунька. Она не вытирала своихъ слезъ.

— Тяжко, Спиридонъ Савельичъ... Мѣста нигдѣ не найду.

— Ну?

— Вотъ какъ тяжко...

— Обижаютъ?

— А мнѣ все одно... Приду домой и скажу, что была у тебя. Пусть бьютъ... И матушка-свекровушка проходу не дастъ. Все тобой попрекаетъ... Пусть... Испортилъ ты меня, Спиридонъ Савельичъ. Все думаю, все думаю... Съ ума ты у меня нейдешь. И мужа не люблю, да и раньше никогда не любила...

— Ну, это ужъ ты тово... законъ принимала, значитъ, тово... терпи...

— А ежели моего терпѣнья не стало? Охъ, тошно... Вконецъ вся извелась, Спиридонъ Савельичъ. Вотъ сынка родила, рощу, а сама все думаю: неужто и онъ въ нашихъ мужиковъ издастся? Какіе это мужики? Всего боятся.

— Это ты правильно, Дуня.

— Себя ущитить не умѣютъ... Духу въ нихъ нѣтъ... Тошно глядѣть. Хуже бабы, а еще мужики... Конями-то ты ихъ застыдилъ.

— Плевое дѣло.

Дунька продолжала плакать. Ребенокъ проснулся и тоже заплакалъ. Спирькѣ хотѣлось сказать ей что-нибудь хорошее, ласковое, утѣшить, приласкать, но у него кружилась голова и никакихъ словъ не было.

— Ну, мнѣ пора домой, Спиридонъ Савельичъ.

Она подошла къ нему совсѣмъ близко, поднесла ребенка и проговорила:

— Ты, Спиридонъ Савельичъ, перекрести младенчика, чтобы онъ тоже не боялся.

Черезъ нѣсколько дней озорника не стало. Онъ успокоился на деревенскомъ кладбищѣ.

1896.

ПЕРЕВОДЧИЦА НА ПРІИСКАХЪ.

Разсказъ.

I.

— Да-съ, Ираида Филатьевна...—говорилъ низенькій сгорбленный старикъ съ опухшимъ краснымъ лицомъ.—Все испыталъ, все перенесъ, какъ праведный Іовъ... Былъ богатъ, пользовался почетомъ, а теперь сиръ и убогъ-съ.

Старикъ жестомъ показалъ на свою порыжѣлую заплатанную визитку, на короткіе, обросшіе внизу бахромой штаны съ выдавшимися протертыми колѣнками и на старые лапти, которые жалко болтались на его голыхъ ногахъ. Ираида Филатьевна, коротенькая и толстая женщина, лѣтъ сорока, съ маленькими голубыми глазками и широкимъ чувственнымъ ртомъ, только пыхнула въ отвѣтъ синимъ дымомъ сигары, которую курила, и немного хриплымъ голосомъ небрежно проговорила:

— Ну, а дальше?

Старикъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу мутными, слезившимися глазами записного пьяницы, покрутилъ головой и улыбнулся разсѣянной, полупьяной улыбкой. Онъ только теперь обратилъ вниманіе на мужской костюмъ Ираиды Филатьевны, которая была одѣта въ черные бархатные шаровары, въ красную канаусовую рубашку и щегольскіе лакированные сапоги; нога у Ираиды Филатьевны была самая маленькая, что̀ называется аристократическая нога, съ высокимъ подъемомъ и крошечной ступней.

— Ну-съ?..

— Ахъ, Ираида Филатьевна... одну крошечную рюмочку бы... А?.

— Да у васъ, батенька, вчерашнее похмелье изъ головы не вышибло, а вы рюмочку...

Вмѣсто отвѣта старикъ моментально схватилъ своими красными дрожавшими руками маленькую бѣлую руку Ираиды Филатьевны и покрылъ ее поцѣлуями; Ираида Филатьевна молча поднялась со ступеньки крыльца, на которомъ они сидѣли, и, слегка переваливаясь на своихъ толстыхъ короткихъ ножкахъ, лѣнивой походкой ушла въ комнату.

Разговоръ происходилъ на крыльцѣ коковинской пріисковой конторы. Старикъ нѣсколько времени сидѣлъ неподвижно на своей ступенькѣ, потомъ поднялъ голову и, прищурившись, долго смотрѣлъ кругомъ. Налѣво отъ конторы поднималась лѣсистая горка, направо раскинулся желтымъ пятномъ Коковинскій пріискъ, точно оправленный въ широкую зеленую раму изъ хвойнаго лѣса. Кругомъ безпорядочно громоздились Уральскія горы, обрѣзывая горизонтъ волнистой неправильной линіей. Все кругомъ—и горы, и лѣсъ, и

пріискъ, и самая контора—было залито ослѣпительнымъ свѣтомъ іюльскаго солнца. Около вашгердовъ на пріискѣ не суетились старатели, въ лѣсу замолкли птичьи голоса, и даже неутомимый дятелъ пересталъ долбить старую ель съ обломленной вершиной, которая стояла въ двухъ шагахъ отъ конторы.

— Ухъ, какъ паритъ...—вслухъ проговорилъ старикъ, снимая съ головы рваную скомканную баранью шапку.

Ирапда Филатьевна вынесла ему стаканчикъ водки; старикъ жадно припалъ къ нему блестѣвшими синими губами и, выпивъ водку залпомъ, на нѣсколько времени впалъ въ то безсознательно-блаженное состояніе, какое испытываютъ только горькіе пьяницы.

— Кто же васъ ко мнѣ прислалъ?—спрашивала Ирапда Филатьевна, опять усаживаясь на ступеньку рядомъ со старикомъ; она задыхалась отъ жара, а на крыльцѣ было какъ будто бы прохладнѣе.

— Самъ пришелъ-съ, самъ,—заговорилъ старикъ разбитымъ хриплымъ голосомъ.—Я вѣдь не всегда такой былъ, Ирапда Филатьевна. Когда вашъ папенька, генералъ Касаткинъ, служили на Уралѣ, они бывали у меня въ домѣ... Какъ же-съ! Всѣ бывали, потому что домъ у меня былъ полная чаша. Всѣ тогда знали Якова Порфирыча Шипицына... Да-съ!.. Въ силѣ былъ, въ большой силѣ-съ, капиталами страшенными ворочалъ... Да и вы у меня бывали, сударыня, этакой маленькой дѣвочкой: коротенькое платьице, бѣлые кальсончики, локончики... Хе-хе!.. Конечно, гдѣ вамъ упомнить, ежели тогда вамъ, можетъ, семой годокъ шелъ... Однимъ словомъ: отроковица.

— Вѣдь вы въ Лобовскомъ заводѣ живете?

— Да... т.-е. нѣтъ: жилъ когда-то, а теперь гдѣ день, гдѣ ночь.

— Я помню: домъ у васъ стоитъ на горѣ?

— Точно такъ-съ... Этакій большой домина, съ мезониномъ, колоннами, галдареей и всякое прочее. А рядомъ съ моимъ-то домомъ стоитъ домъ Хомутова, Прошки Хомутова... Такой же, какъ у меня. Можетъ, помните?

— Нѣтъ... Я помню, какъ сквозь сонъ, что была съ папа въ Лобовскомъ заводѣ, въ домѣ съ колоннами, и ѣла малину въ большомъ саду, вмѣстѣ съ какими-то дѣвочками...

— Именно, именно, сударыня... И малина была крупная, хорошая малина, а дѣвочки-то мои дочери. Да-съ... Вотъ дочери-то меня и загубили, сударыня. Ахъ, не то вѣдь я хотѣлъ сказать: о дочеряхъ послѣ. Завелъ я рѣчь о томъ, почему пришелъ къ вамъ... А видите, какая причина вышла: какъ-то въ городѣ, въ Моховѣ нашемъ, зашелъ я грѣшнымъ дѣломъ въ кабачокъ, извѣстно, не съ радости, а съ горя... Хорошо. Только тутъ попались мнѣ старатели съ Коковинскаго пріиска; ну, разговорились. Вотъ они мнѣ и разсказали про васъ: такая, говорятъ, у насъ славная барышня на пріискѣ, однимъ словомъ, добрѣющая душа. Къ кому хворь, говорятъ, прикинется, али какое горе—все къ ней несемъ... Вотъ я тогда и припомнилъ васъ... Думаю, авось барышня и признаютъ Якова Шипицына. А мнѣ, видите ли, нужно пробраться на Вогульскій пріискъ, къ Хомутову, оно, значитъ, къ вамъ, на Коковинскій-то, мнѣ и вышло по пути... Какъ же-съ! А вы вотъ и признали меня.

— Однако что вамъ отъ меня нужно?

— Я-съ?.. Мнѣ лично отъ васъ ничего не нужно, Ирапда Филатьевна... Какъ изволите видѣть: весь тутъ—старъ и дряхлъ, а похоронить-то и меня мѣсто найдутъ. Вотъ за стаканчикъ я вамъ благодаренъ... Э-эхъ! Ну, да это все пустяки, дѣло-то не въ томъ... Да-съ. Не о себѣ хлопочу. Только ужъ позвольте съ начала вамъ все обсказать.

— Разсказывайте...

Шипицынъ на минуту задумался, припоминая длинный рядъ годовъ, гдѣ мелькали знакомыя лица, дорогія сердцу сцены и разные житейскіе случаи; онъ встряхнулъ головой, точно желая освободиться отъ тяжелыхъ воспоминаній, и заговорилъ своимъ дряблымъ, разбитымъ голосомъ:

— Прохора-то Герасимовича вы знаете?

— Нѣтъ.

— Ну, Хомутова?.. Прошку Хомутова?

— Да, слыхала о немъ, даже разъ, кажется, видѣла его издали.

— Такъ-съ...

Шипицынъ опять задумался. На пыльной дорогѣ, въ двухъ шагахъ отъ конторы, весело выбѣжала синичка и, помахивая длиннымъ чернымъ хвостикомъ, съ женскимъ любопытствомъ посмотрѣла своими черными крошечными глазками на разговаривавшихъ. Одно мгновеніе она, кажется, готова была улетѣть и даже немного присѣла, чтобы вспорхнуть разомъ, но страхъ такъ же быстро миновалъ, какъ и пришелъ, и маленькая шалунья беззаботно погналась за кружившимися въ воздухѣ и ошалѣвшими отъ жару мошками. Она ловко схватывала ихъ, дѣлая самыя граціозныя па, и нѣсколько разъ оглянулась на крыльцо, точно ожидая погони.

— У насъ еще отцы-то жили душа въ душу,—заговорилъ Шипицынъ послѣ своего раздумья:—а потомъ мы съ Прошкой подросли, почитай, однолѣтки были, въ одинъ годъ насъ и женили... Мы по безпоповщинѣ, такъ свадьба у насъ по родительскому благословенію. Живой рукой окрутятъ, и вся тутъ. Хорошо... У Хомутова въ домѣ и моленная налажена была. Ноньче эти дѣла просто пошли, а допрежъ этого, ухъ, какія строгости были: разорятъ за моленную. Только старики-то Хомутовы крѣпки были, ну, и не сумлѣвались: чуть что̀ заслышатъ, сейчасъ давай замазывать всѣмъ рты. Ну, обнаковенная политика... Хорошо. Вотъ мы и живемъ рядышкомъ: у Хомутовыхъ домъ полная чаша, и у насъ тоже. Даже огороды не были разгорожены, ребятишки такъ одной грудкой и ходятъ... А дѣтишекъ у насъ все копится да копится: что̀ ни годъ, то и съ прибылью. Только у Прошки ребята родились все вперемежку: ноньче дѣвка, на другой годъ парень—такъ, въ родѣ какъ часы были заведены; а у меня не такъ: у меня подъ-рядъ шли все дѣвки... Ей-Богу!.. Ужъ чего-чего только мы ни дѣлали съ женой, чтобы парня хотя одного добыть: ни Боже мой! Какъ сама-то тяжелая ходитъ, такъ я ужъ по глазамъ вижу, что безпремѣнно она дѣвку принесетъ опять... И что̀ бы вы думали: десять дѣвокъ! Ну, куда я съ ними дѣнусь, особливо по нашему купеческому положенію! Сынъ подросъ, онъ ужъ и помощникъ, съ десяти лѣтъ за прилавкомъ: и себѣ хлѣбъ зарабатываетъ и отцу замѣна. Хорошо. Вотъ только жена моя въ одиннадцатый разъ и забеременѣла. А меня и страхъ, и горе, и злость впередъ разбираютъ. Какъ, думаю, жена принесетъ одиннадцатую дѣвку, сейчасъ ее, какъ кошку, въ мѣшокъ да въ воду... Ей-Богу, такъ и думаю про себя. Ну-съ, и ждемъ мы съ женой, какъ страшнаго суда, кто родится...

— И родилась одиннадцатая дѣвка?

— Такъ точно-съ: *одиннадцатая*!. Ужъ такое меня горе взяло, такое горе взяло! Пошелъ къ своему старику, который у насъ за попа справлялъ... Маркомъ его звали. Ну, Маркъ меня и спрашиваетъ: „Кого, Яковъ Порфирычъ, Богъ далъ?“—А я ему: „Будь она, говорю, отъ меня проклята—одиннадцатая дѣвка родилась!“ Ахъ, горе, горе!..

— Что̀ же, вы утопили ее?

— Нѣтъ... Какое утопилъ!.. Старшихъ-то дѣвокъ я-таки недолюбливалъ, а одиннадцатая-то къ самому сердцу пришлась. Ей-Богу, сударыня... Стала она подрастать, и такая изъ себя бойкая да смышленая дѣвчурка вышла, ну, заглядѣнье: глазенки какъ черная смородина, волосы русые да кудрявые, сама румяная... Ахъ, хороша уродилась Настенька, всѣ сосѣди любовались, только уродилась она не въ добрый часъ... Да. Какъ разъ съ самаго дня ея рожденія начали мы захудать, т.-е. я и Хомутовъ. Одному тутъ не везетъ, другому въ другомъ мѣстѣ... Не успѣешь отъ одной незадачи поправиться, а тамъ ужъ другая на носу. Такъ оно и пошло, точно подъ гору покатилось. Ну, по крайности, не обидно выходило: пиръ пировали вмѣстѣ и горе горевать вмѣстѣ. Куда что̀ дѣвалось: сначала тоже крѣпились, а потомъ ужъ и крѣпиться мочи не стало. А у Хомутова дѣла еще хуже моихъ... Я-то хлѣбомъ торговалъ, а онъ краснымъ товаромъ. Вотъ и подойди Ирбитская ярмарка. Неотступно Хомутову деньги надобны, а денегъ нѣтъ. Опъ ко мнѣ, какъ къ старому другу-пріятелю, а у меня тоже пусто въ карманѣ: всѣ деньги, какія были, въ товаръ положилъ. Объяснилъ я ему все дѣло и говорю, что помочь мнѣ ему нечѣмъ... А Прошка-то Хомутовъ-то и говоритъ: „Яковъ Порфирычъ, поручись за меня?..“ Подумалъ-подумалъ я, ну, какъ не помочь человѣку, ежели онъ просто заживо тонетъ, да еще какому человѣку: душа въ душу жили чуть не сто лѣтъ. „Хорошо“, говорю я Прошкѣ. Ну, онъ, обнаковенно, зачалъ божиться: тотъ Богъ, этотъ Богъ... Поручился я за него тысячъ на десять, и онъ поѣхалъ на Ирбитскую, набралъ товару, а потомъ черезъ полгода и обанкрутился: все богатство какъ водой смыло—ничего не осталось. А тутъ и меня за мою поруку подтянули и тоже все съ молотка пошло... Охъ-хо-хо!.. Забѣдовали какъ есть... Лавки опечатаны, товаръ съ укціону ушелъ, дома что̀ было накоплено, тоже помаленьку растранжирили,—сегодня лошадку продадимъ, завтра экипажи, послѣ—серебряную посуду, изъ платья что̀ ни на есть. Вконецъ захудали... А я не ропщу: думаю-то, вмѣстѣ бѣду несемъ, авось поправимся. Конечно, оно обидно, что послѣднія крохи у меня за Хомутовымъ пропали, ну, а поправится мужикъ—отдастъ.

— Тогда эти вольные золотые промысла пошли,—продолжалъ Шипицынъ послѣ небольшой паузы.—Ну, Хомутовъ-то и раньше немножко золотомъ займовался, а тутъ ужъ обѣими руками за пріиска схватался... Все равно: двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Сыновья у него подросли, ну, все отцу подмога отъ нихъ. А я такъ и посѣлъ со своими одиннадцатью дѣвками: жениховъ-то и не видывали. Да и какіе женихи: кто побогаче—брезгуютъ изъ разореннаго дому невѣсту брать, кто побѣднѣе—думаютъ, что такая невѣста къ бѣдности все-таки необычна, тосковать станетъ. Ну, ихъ у меня, невѣстъ-то, заразъ штукъ шесть и очутилось на рукахъ... Чистое горе!.. Дѣвичье дѣло—и одѣться надо и обуться, а достатковъ-то не хватаетъ и на хлѣбъ. Вотъ Хомутовъ пріисками занялся, а мнѣ и того нельзя: сижу со своими дѣвками, какъ собака на цѣпи, а дѣвки на возрастѣ—долго ли до грѣха. Къ бѣдности-то завсегда грѣхъ первымъ дѣломъ льнетъ... Такъ мы и маячились лѣтъ съ пять, а тутъ, погляжу, мои старшія-то дочери совсѣмъ зачичеревѣли въ дѣвкахъ, а за ними ужъ меньшія, какъ горохъ по тычинкамъ, растутъ. Одиннадцатая-то, Настенька, тоже ужъ за двѣнадцать годочковъ перевалило и такъ-то наливается, что̀ твое яблочко. И все это ей ни по чемъ, въ родѣ какъ ртуть! Мы ее стрѣлой прозвали за ея разудалый характеръ. Всѣхъ, бывало, утѣшитъ... А въ тринадцать-то лѣтъ она у насъ совсѣмъ заневѣстилась: хоть сейчасъ замужъ. Ей-Богу!.. Оказія, а не дѣвка... А мнѣ ужъ и кормить моихъ дѣвокъ нечѣмъ, давай ихъ сбывать по добрымъ

людямъ: старшія, тѣ въ пачетчицы ушли, другія изъ-за хлѣба околачивались по дальнимъ родственникамъ, одна учительшей была... Не съ голодухи же помирать моимъ дѣвкамъ!.. А ужъ въ тѣ поры началъ я виномъ зашибать... Остальные остатки тащилъ изъ дому да пропивалъ. Да какъ и не пить: придешь домой—въ родѣ какъ адъ кромѣшный. Жена высохла и въ родѣ изъ ума рехнулась, дочери грызутся, бѣдность, нищета... Охъ-хо-хо!.. Одна стрѣла наша и въ усъ не дуетъ: придешь пьяный домой, она тебя и приберетъ, и уговоритъ, и спать уложитъ, а на утро даже опохмелиться дастъ. Подъ пьяную-то руку я драться сталъ крѣпко: всѣхъ, бывало, какъ мышей, разгоню изъ дому... Жену, старуху-то, даже тиранить сталъ. Ей-Богу, осатанѣлъ совсѣмъ. Ну, а тутъ какъ-разъ Хомутовъ и открой этотъ Вогульскій пріискъ: въ годъ всѣ долги свои заплатилъ и четыреста тысячъ въ карманъ чистенькихъ. Обрадѣлъ я, бросилъ свое пьянство, вымылся, помолился и къ Хомутову, за своимъ, значитъ, долгомъ... Что бы вы думали, сударыня, вѣдь этотъ самый Хомутовъ заперся въ моемъ долгѣ?!.. Ей-Богу... „Не биралъ"—и шабашъ. Это онъ моими-то десятью тысячами покорыстовался при своихъ, можно сказать, милліонтахъ... А дѣло велось по дружбѣ, безъ всякихъ записокъ, ну, и сплакали мои десять тысячъ.

— Должно-быть, этотъ Хомутовъ величайшій мерзавецъ?!.

— Какъ вамъ сказать... Мудреное это дѣло, сударыня, человѣка судить: и не мерзавецъ Хомутовъ, и на нищую братію тысячами жертвуетъ, и многимъ помогаетъ, а мнѣ не заплатилъ... Ума не приложу!.. Даже ежели бы онъ и долженъ не былъ мнѣ, ну что ему стоило дать мнѣ взаймы хоть тамъ пять какихъ-нибудь тысячъ: вѣдь всю бы семью спасъ и деньги свои обратно получилъ. Нѣтъ, куда тебѣ! На меня же накинулся и даже въ шею выгналъ изъ своего собственнаго дома... Вотъ тутъ ужъ я и закурилъ окончательно, а жена, старуха-то моя, маялась-маялась, да и догадалась: померла... Да-съ, вотъ оно куда пошло, Ираида Филатьевна... А потомъ, какъ я остался одинъ-одинешенекъ съ моими дѣвками, тутъ такая музыка началась—не приведи, Господи!.. Дѣвки всѣ на возрастѣ, кровь въ нихъ ходитъ, ну, извѣстно, одолѣли... Такъ и пошли по рукамъ ни за грошъ, а стрѣла-то моя одна у меня и осталась, какъ зѣница въ глазу. И то сказать, дѣвчуркѣ всего пошелъ шестнадцатый годокъ. Вострая дѣвка, чего сказать, а водой не замутитъ... Ну, а тутъ какъ-то и ее грѣхъ попуталъ...

— Пятнадцати-то лѣтъ?

— Ей и теперь пятнадцать... Да. Обидно мнѣ это, Ираида Филатьевна, потому какъ сманилъ Настеньку все тотъ же Хомутовъ, Прошка Хомутовъ. Стрѣла-то теперь съ нимъ на Вогульскомъ и живетъ... Ну, посудите: ему за пятьдесятъ, а ей всего шестнадцатый годочекъ... Вѣдь еще дитё, ежели разобрать, хоть изъ себя она вполнѣ можетъ отвѣтить за настоящую взрослую дѣвицу.

— Ахъ, негодяй!—вскричала Ираида Филатьевна, вскакивая со своего мѣста.

— Я вотъ къ нему и пробираюсь за моей стрѣлой, да вотъ къ вамъ по пути завернулъ: не пособите ли чѣмъ моему горю?

— Именно?

— Какъ же-съ... Первое дѣло, одному мнѣ Хомутовъ не отдастъ Настеньку, а ежели бы вы на него напали, вдвоемъ-то мы у него изъ горла вырвемъ дѣвку. Ей-Богу!.. Да мы его... Видите, не могу я съ нимъ разговору вести, а какъ увижу—сейчасъ меня точно обухомъ по головѣ: все потемнѣетъ, и ничего не помню. А вотъ вы бы насчетъ разговору преотлично-съ... Вто-

рое-съ: куда я дѣнусь съ Настенькой, ежели и ослобонитъ ее? Ни кола ни двора... А жаль дѣвку: макъ, а не дѣвка, хоть я и проклялъ ее при рожденіи.

— Хорошо, я подумаю, — задумчиво отвѣтила Ираида Филатьевна, зажигая потухшую сигару.

II.

— А вотъ и наши идутъ, — прибавила Ираида Филатьевна, указывая Шипицыну движеніемъ головы на подходившихъ къ конторѣ со стороны пріиска трехъ мужчинъ.—Оставайтесь съ нами обѣдать, Яковъ... Яковъ...

— Порфирычъ, сударыня, — помогъ Шипицынъ, поднимаясь со своего мѣста.—Нѣтъ, Ираида Филатьевна, оченно вамъ благодаренъ и безъ того... Помилуйте-съ, я свое мѣсто даже весьма понимаю. Куда ужъ мнѣ въ лаптишкахъ съ гг. иностранцами обѣдать...

— Да вѣдь иностранцы такіе же люди, какъ и мы съ вами. Оставайтесь!..

— Нѣтъ, ужъ увольте, сударыня... потому какъ я по своему убожеству даже людей порядочныхъ нынче избѣгаю, а ежели къ вамъ насмѣлился обратиться, такъ единственно по вашей превеликой добротѣ. Въ родителя пошли сердцемъ-то, въ Филата Никандрыча... Вотъ, ежели бы относительно Настеньки вы оборудовали это дѣло, въ правую ножку поклонюсь... Вѣдь еще совсѣмъ отроковица она у меня!

— Хорошо, я подумаю, а вы завтра утромъ навѣдайтесь. Теперь вы куда?

— А на пріискѣ мѣста много... У кого-нибудь изъ старателей перебьюсь до завтра.

Шипицынъ конфузливо переминался съ ноги на ногу и не уходилъ; онъ стыдился попросить еще стаканчикъ водки, но Ираида Филатьевна предупредила его просьбу и вынесла второй стаканчикъ; старикъ съ жадностью выпилъ водку, торопливо вытеръ губы горстью и, какъ-то весь сгорбившись, униженно шмыгнулъ куда-то за уголъ конторы, вѣроятно, избѣгая встрѣчи съ гг. иностранцами.

Впереди всѣхъ шелъ старикъ-французъ съ козлиной бородкой и сѣдыми усами; его высохшее длинное тѣло было заключено въ щегольскую синюю визитку, сѣрыя брюки и лакированные охотничьи сапоги. Изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей весело и проницательно глядѣли свѣтло-каріе глаза, окруженные цѣлой сѣтью мелкихъ морщинъ. Мягкая пуховая шляпа съ широкими полями защищала его отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. Вообще, m-r Пажонъ принадлежалъ къ тому типу молодящихся старичковъ, которые до семидесяти лѣтъ считаютъ себя юношами. Рядомъ съ нимъ ковылялъ герръ Шоттъ, настоящій швабскій нѣмецъ, съ длиннѣйшими руками, длиннымъ туловищемъ, короткими ножками и какимъ-то дряблымъ картофельнымъ лицомъ. Шествіе замыкалъ мистеръ Арчеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, высокій, стройный, съ румянымъ лицомъ, голубыми строгими глазами и твердо сложенными губами; въ зубахъ онъ держалъ маленькую пѣнковую трубочку. Заложивъ сильныя красныя руки за спину, молодой человѣкъ шелъ съ тѣмъ особеннымъ спокойнымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ, какъ умѣютъ ходить только одни англичане; на головѣ у него былъ надѣтъ helmet of India.

— Здравствуйте, m-lle... — заговорилъ по-французски m-r Пажонъ.— Мы, кажется, заставили васъ ждать?.. Тысячу разъ извините...

— У васъ тутъ была какой-то мужчинъ? — спрашивалъ нѣмецъ, сни-

мая съ головы соломенную шляпу, при чемъ его голова оказалась совсѣмъ лысой.

— Экое у васъ бабье любопытство, герръ Шоттъ, — отрѣзала Ираида Филатьевна.—Не „была мужчинъ", а былъ мужчина...

— Ja, ja...—забормоталъ старикъ:—былъ мужчина...

— Ну, былъ, а теперь его нѣтъ... Вамъ какая забота?

— О, вн скажетъ всегда... такое скажетъ...—бормоталъ старикъ, отмахиваясь своей длинной, какъ рачья клешня, рукой.

М-г Пажонъ и мистеръ Арчеръ вдвоемъ знали только два русскихъ слова: первый щи называлъ „чи", а второй говорилъ „хорошо" и „пятьхорошо". Герръ Шоттъ постоянно щеголялъ передъ ними своимъ знаніемъ русскаго языка.

Послѣ обѣда, поданнаго на открытомъ воздухѣ, подъ навѣсомъ крыльца, вся компанія разошлась по своимъ комнатамъ. Коковинская пріисковая контора была выстроена на двѣ половины: въ одной жили герръ Шоттъ и мистеръ Арчеръ, а въ другой m-r Пажонъ и Ираида Филатьевна. Послѣдняя на пріискѣ, кромѣ своей главной роли переводчицы, имѣла еще большее значеніе, какъ хозяйка и подруга m-r Пажона. Международнымъ языкомъ на пріискѣ былъ французскій, и благодаря ему Ираида Филатьевна заняла свое настоящее положеніе. Въ сложности, всѣ четверо представляли собой массу такихъ непримиримыхъ противорѣчій, что едва ли одна кровля когда-нибудь прикрывала болѣе запутанную человѣческую комбинацію.

Ираида Филатьевна передала свой разговоръ съ Шипицынымъ, когда осталась въ комнатѣ вдвоемъ съ m-r Пажономъ. Французъ слушалъ ея порывистый разсказъ сосредоточенно и серьезно, насасывая длинную трубочку съ шелковой кисточкой на тонкомъ чубукѣ; онъ нѣсколько разъ хмурилъ свои сѣдыя брови и наконецъ проговорилъ:

— Что же вы думаете теперь дѣлать, m-lle Ира?

Онъ не говорилъ ей „ты"; Ираида Филатьевна употребляла „вы" и „ты", глядя по расположенію духа.

— Какъ что?—удивилась она.

— Какъ хотите, а женщинѣ вмѣшиваться въ такія дѣла, по-моему, не совсѣмъ удобно...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да вѣдь этотъ Хомутовъ moujik и можетъ сдѣлать какую-нибудь непріятность... наговоритъ дерзостей.

— Что же, по-твоему, оставить эту пятнадцатилѣтнюю дѣвочку въ рукахъ этого скота?

— Можетъ-быть, она сама этого хочетъ...

— Никогда... Слышишь: никогда!.. Въ пятнадцать лѣтъ дѣвочка не можетъ имѣть такихъ гнусныхъ желаній. Это было съ ея стороны ошибкой, можетъ-быть, заблужденіемъ, наконецъ просто несчастіемъ... Ее, во что бы то ни стало, необходимо вырвать изъ рукъ Хомутова. И я это сдѣлаю завтра же...

М-г Пажонъ нѣсколько мгновеній полувопросительно смотрѣлъ на покраснѣвшую Ираиду Филатьевну и потомъ задумчиво проговорилъ:

— У васъ геройская душа, m-lle Ира...

— Вздоръ!.. Никакого тутъ и геройства нѣтъ, а самое простое человѣческое чувство, которое возмущается несправедливостью. Это у васъ всякіе пустяки за геройство сходятъ... Вы думаете, что женщина создана спеціально только для вашего удовольствія?.. Нѣтъ, она такой же человѣкъ, какъ и мужчина. Поймите это разъ навсегда.

— Во всякомъ случаѣ, если Хомутовъ позволитъ съ вами какую-нибудь дерзость, я къ вашимъ услугамъ...

— Это насчетъ дуэли?.. Ха-ха... Хомутова можно побить, но драться на дуэли онъ никогда не будетъ.

— Хорошо, предположимъ, что вы освободили эту дѣвушку, а потомъ что вы съ ней будете дѣлать?

— Какъ что? Привезу ее сюда, и она будетъ жить со мной въ одной комнатѣ, т.-е. вотъ этой самой, въ которой мы сейчасъ разговариваемъ.

— А я куда?

— Вы перейдете къ Шотту... Что жъ тутъ такого, особеннаго? Устроимся какъ-нибудь...

М-г Пажонъ готовъ былъ хоть сейчасъ же драться на дуэли съ Хомутовымъ, но спать въ одной комнатѣ съ герръ Шоттомъ—это заставило его нахмуриться.

— Если вы вздумаете сердиться, то я совсѣмъ уйду отъ васъ,—пригрозила Ираида Филатьевна, загораясь румянцемъ до самой шеи.—Что за глупости!.. Будьте довольны тѣмъ, что имѣете... за неимѣніемъ лучшаго. А то я сейчасъ же... Понимаете?

— Ахъ, я совсѣмъ и не думалъ сердиться,—поправился m-r Пажонъ, цѣлуя руку m-lle Иры. — Мнѣ показалось только неудобнымъ то, что, какъ хотите, подъ одной крышей, сейчасъ за стѣной, не считая меня, будутъ жить еще двое мужчинъ. Знаете, молоденькая женщина, съ одной стороны, сама будетъ подвергаться опасности, а съ другой...

— Ха-ха-ха!..—залилась Ираида Филатьевна.—Вотъ это мило... Ха-ха!.. Что же, они дикіе звѣри, что ли? Что касается мистера Арчера, то могу поручиться за него, что онъ даже не взглянетъ на дѣвицу лишняго раза, потому что онъ джентльменъ съ ногъ до головы. Кромѣ того, онъ влюбленъ въ какую-то кузину, которой пишетъ длиннѣйшія письма въ Англію каждую недѣлю и на которой онъ женится... Я поручусь за Арчера. Можетъ-быть, вы опасаетесь за герръ Шотта? Но, право, этотъ швабскій Аполлонъ совсѣмъ не опасенъ, кромѣ... своей флейты и бумажныхъ ковриковъ. Вѣдь онъ и мнѣ дарилъ эти коврики, однако, какъ видите, это совсѣмъ не такъ опасно

Ираида Филатьевна принадлежала къ тѣмъ горячимъ натурамъ, для которыхъ каждое мимолетное желаніе—законъ. Она цѣлую жизнь была игрушкой и рабомъ этихъ желаній, переживая тысячи неудачъ, ошибокъ и разочарованій, какія неизбѣжно сыплются на голову такихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, точно для довершенія всѣхъ бѣдъ, природа дала ей добрѣйшее сердце, которое вѣчно изнывало подъ напоромъ неудовлетворенной любви, подталкивая ее на самыя дикія выходки. Разъ извѣстная мысль попадала въ голову Ираиды Филатьевны, разъ она согрѣвалась теплотой ея любвеобильнаго сердца—эта мысль немедленно приводилась въ осуществленіе. И такъ шла цѣлая жизнь, какими-то пароксизмами самой лихорадочной дѣятельности, горячими скачками отъ одного предмета привязанности къ другому; эта лихорадка выкупалась тяжелыми минутами унынія, давящей тоски и полнымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ.

Не дальше, какъ утромъ, Ираида Филатьевна переживала одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ своего мудренаго существованія; но тутъ подвернулся старикъ Шиницынъ со своей „стрѣлой“ — и всю хандру какъ рукой сняло. Впрочемъ, она давно уже не испытывала прилива силъ и теперь точно хотѣла наверстать даромъ потраченное время. Конечно, и раньше она никому не отказывала въ помощи и постоянно возилась съ пріисковыми бабами и

ребятишками, которыя одолѣвали ее своими болѣзнями, нуждами и разными бѣдами пріисковаго житья-бытья. Но такая дѣятельность не удовлетворяла кипучей натуры Ираиды Филатьевны, не поглощала всѣхъ силъ, не заставляла переживать мучительныхъ часовъ ожиданія и щемящей тоски.

Теперь другое дѣло.

Когда Шишицынъ еще разсказывалъ о „стрѣлѣ“, въ головѣ Ираиды Филатьевны успѣлъ сложиться самый блестящій планъ не только освобожденія этой дѣвушки, но и окончательнаго устройства ея на пріискѣ. Она дала Шишицыну уклончивый отвѣтъ только подъ вліяніемъ той выдержки, какая еще сохранилась въ ней какимъ-то чудомъ.

— M-lle Anastasie... Настенька... Настя... — шептала про себя Ираида Филатьевна, съ нетерпѣніемъ дожидаясь ночи.

Она уже любила эту пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, жертву бѣдности, людского эгоизма и развращенности. Это чувство охватило ее съ особенной силой и заставило ея сорокалѣтнее сердце бить усиленную тревогу, точно эта Настенька была ея собственной дочерью, которая когда-то была потеряна, а теперь вдругъ нашлась... Да, она, эта Настенька, всего въ тридцати верстахъ отъ Коковинскаго пріиска, и Ираида Филатьевна осыпала дѣтище своей фантазіи самыми ласковыми, нѣжными именами, какія можетъ придумать только любящая женская душа. За ужиномъ Ираида Филатьевна все время думала о томъ, что-то теперь дѣлаетъ ея Настенька на Вогульскомъ пріискѣ? Можетъ быть, тамъ идетъ бѣшеная оргія, и этотъ ребенокъ улыбается своимъ палачамъ. Дальше ей представлялось, что дѣвушка переживаетъ самую горькую нужду. Такъ можетъ думать только мать о своихъ дѣтяхъ, придумывая и переживая тысячи несуществующихъ затрудненій и опасностей. Словомъ, Ираиду Филатьевну охватила всесильная страсть, страсть совершенно особеннаго рода: раньше она любила только мужчинъ, а теперь всей душой прилѣпилась къ совершенно неизвѣстной ея дѣвушкѣ.

Вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, Ираида Филатьевна осторожно поднялась со своей походной желѣзной кроватки и, распахнувъ окно, усѣлась на подоконникѣ, съ голыми плечами и руками. Голова горѣла, ей было душно. Вѣжливый храпъ m-r Пажона возмущалъ ее теперь до глубины души, и она, съ закрытыми глазами, мечтала о блаженномъ завтра, когда въ этой комнатѣ мѣсто накрахмаленнаго истертаго француза займетъ Настенька и разомъ наполнитъ комнату свѣжестью своей шестнадцатой весны. Ея воображеніе уже впередъ рисовало картину того, какъ онѣ устроятся въ этой комнатѣ вдвоемъ: свою кровать она отдастъ Настенькѣ, а сама переберется на клеенчатый диванъ; затѣмъ на окнахъ нужно будетъ повѣсить занавѣски, а на полу разостлать коверъ. Не дурно было бы оклеить стѣны обоями, достать туалетъ...

— Нѣтъ, это ужъ роскошь... вздоръ!—рѣшила Ираида Филатьевна, останавливая полетъ собственной фантазіи. — Необходимо устроить трудовую обстановку, пополнить библіотеку новыми книгами, выписать нѣсколько журналовъ.

А въ окно на мечтавшую Ираиду Филатьевну глядѣла миріадами блестящихъ глазъ пахучая лѣтняя уральская ночь; пріискъ и рѣка Коковинка были затянуты бѣлымъ туманомъ; горы при невѣрномъ освѣщеніи молодого мѣсяца казались выше, пирамидальныя верхушки елей и пихтъ вырѣзывались на голубомъ фонѣ сѣвернаго неба каждой своей вѣточкой; гдѣ-то проскрипѣлъ въ осокѣ коростель и ухнулъ въ лѣсу филинъ. Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ чудно-поэтическихъ, тихихъ и полныхъ грезъ, сѣверныхъ ночей, когда человѣкъ точно тонетъ въ окружающей его сладкой дремѣ.

Да, ночь была чудо какъ хороша и, какъ настоящая красавица, щедро разсыпала кругомъ себя дары и блестки своей красоты. Самый воздухъ, напоенный ароматомъ лѣсныхъ цвѣтовъ и травы, кажется, не смѣлъ шевельнуться, чтобы не нарушить чудной гармоніи, охватившей тихо и торжественно спавшую землю. Ночныя тѣни сгустились у опушки лѣса, залегли темными пятнами по логамъ и впадинамъ, а тамъ вверху, въ бездонной глубокой выси, разливалось трепетное голубое сіяніе лихорадочно горѣвшихъ серебряныхъ звѣздъ, точно алмазная пыль; широкія полосы луннаго свѣта выхватывали изъ ночного мягкаго сумрака стрѣлки елей и пихтъ и ложились на покрытую росой траву матовыми фосфорическими пятнами.

— Какъ это все хорошо!..—проговорила вслухъ Ираида Филатьевна, съ жадностью дыша полнымъ свѣжести лѣтней ночи воздухомъ.

Но она не замѣчала творившихся предъ ея глазами красотъ природы: всѣ чувства и мысли были сосредоточены, какъ въ фокусѣ, на одной идеѣ. Да, теперь все было хорошо. Ираида Филатьевна съ удовольствіемъ припоминала свой послѣдній „случай“, когда она поступила переводчицей на Коковинскій пріискъ. Много она пережила на своемъ вѣку, но похоронить себя въ глухомъ лѣсу, въ обществѣ какихъ-то сомнительныхъ иностранцевъ — это было съ ея стороны очень смѣлымъ шагомъ, на который она рѣшилась съ большимъ трудомъ. Впрочемъ, она была достаточно гарантирована тѣмъ, что m-r Пажонъ былъ очень порядочный человѣкъ, какъ она убѣдилась съ перваго знакомства съ нимъ, хотя онъ и былъ легкомысленъ и говорилъ, какъ истый французъ. Сначала она долго относилась скептически къ этому фантазеру-инженеру, который помѣшался на идеѣ оживить русскую золотопромышленность усовершенствованными способами механической промывки золотоносныхъ песковъ. Потомъ... потомъ повторилась одна изъ тѣхъ исторій, которыя вѣчно останутся новыми: въ одно прекрасное утро Ираида Филатьевна сдѣлалась подругой m-r Пажона. Это случилось какъ-то само собой, и стороны не обольщали себя иллюзіями.

— Если вы хотите, мы завтра повѣнчаемся,—предлагалъ m-r Пажонъ въ порывѣ великодушія.

— О, нѣтъ... Мы и безъ этого успѣемъ еще разойтись, когда надоѣдимъ другъ другу,—отвѣтила Ираида Филатьевна.

III.

На другой день, рано утромъ, Шипицынъ нехотя брелъ къ пріисковой конторѣ. Въ головѣ у него стояло ужаснѣйшее похмелье. Онъ нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться и отдыхать на свалкахъ перемытаго песку. „Поднесетъ или нѣтъ Ираида Филатьевна стаканчикъ?“—думалъ старикъ, съ трудомъ передвигая подгибавшіяся и дрожащія ноги. „Охъ, хорошо бы пропустить два такихъ стаканчика“...—съ безнадежной тоской прибавлялъ Шипицынъ про себя, и въ его воспаленномъ мозгу уже рисовалась картина, какъ Ираида Филатьевна беретъ графинъ водки и наливаетъ стаканчикъ.

— Эй, вы, что же это вы едва шевелитесь?—окликнулъ Шипицына женскій голосъ.

— Вотъ тѣ и разъ...—проговорилъ старикъ, поднимая голову.—Къ самой конторѣ подошелъ... Ишь ты!.. Никакъ у нихъ гости? Какая-то дама... Должно-быть, меня за кучера приняла.

У конторы дѣйствительно стояла тройка осѣдланныхъ лошадей, а по крыльцу нетерпѣливыми шагами ходила сама Ираида Филатьевна въ шелко-

вомъ цилиндрѣ съ вуалью, въ синей амазонкѣ, съ длиннѣйшимъ шлейфомъ и въ шведскихъ перчаткахъ съ лакированными манжетами. Шипицынъ не узналъ ея сначала: она показалась ему выше, чѣмъ вчера, и неизмѣримо красивѣе. Онъ даже снялъ свою баранью шапочку и униженно поклонился издали.

— Да ну же, чего вы стали? — закричала на Шипицына Ираида Филатьевна, топая ногой —Я васъ съ которой поры здѣсь жду... Верхомъ умѣете ѣздить?

— Д-да...

— Ну, такъ садитесь, сейчасъ же и въ дорогу. Вотъ стоитъ гнѣдая, на нее и садитесь.

Шипицынъ отправился къ гнѣдой лошади, закинулъ ногу въ стремя и, какъ мѣшокъ съ травой, свалился на землю.

— Не могу, Ираида Филатьевна...—прошепталъ онъ.—Мнѣ бы поправиться... чуточку поправиться... Я молодцомъ проѣду, ей-Богу, молодцомъ!..

Ираида Филатьевна ушла въ контору и вернулась съ полубутылкой коньяку въ одной рукѣ, а другой она торопливо спрятала въ карманъ своей амазонки плохонькій старинный револьверъ системы Лефоше. Пока Шипицынъ допивалъ второй стаканчикъ, изъ людской показался кучеръ Макаръ.

„Ну, и езопа же барышня гдѣ-то добыла“, — думалъ онъ, не торопясь подходя къ крыльцу.

При помощи Макара, Ираида Филатьевна взобралась въ сѣдло и опытной рукой натянула поводья: соловой киргизъ-иноходецъ, съ поротыми ушами, красиво выгнулъ свою оленью шею и нетерпѣливо затоптался на одномъ мѣстѣ. Шипицынъ, спрятавъ недопитую бутылку за пазуху, тоже взмостился на свою лошадь, причемъ никакъ не могъ попасть другимъ лаптемъ въ стремя.

— Макаръ, принеси свои сапоги, — скомандовала Ираида Филатьевна, сгорая отъ нетерпѣнія.

Макаръ неохотно сходилъ за сапогами и, почесывая въ затылкѣ, подалъ ихъ Шипицыну.

— Двѣ повертки налѣво, а потомъ одна направо?—спрашивала Ираида Филатьевна, пока Шипицынъ надѣвалъ сапоги.

— Точно такъ-съ, барышня, — отвѣчалъ Макаръ, бойко встряхивая своими подстриженными въ скобу волосами.—Первая повертка налѣво будетъ на пріискъ Талый, къ Соболеву, значитъ... Вторая повертка налѣво уведетъ въ Мураши, деревушка тутъ есть, а третья направо — на пріискъ Копчикъ, къ Колченогову.

Черезъ пять минутъ Ираида Филатьевна уже спускалась на своемъ иноходцѣ подъ гору, прямо на пріискъ; Шипицынъ рысцой, дрыгая въ сѣдлѣ, старался догнать ее. Въ поводу онъ велъ запасную лошадь въ дамскомъ сѣдлѣ; это была лучшая лошадь на пріискѣ, вороной масти, съ тонкими сильными ногами и блестѣвшими черными глазами. Шипицынъ даже не спросилъ, куда они ѣдутъ: по воинственному виду Ираиды Филатьевны онъ видѣлъ, что они ѣдутъ добывать отъ Хомутова „стрѣлу“. Они скоро миновали пріискъ и поднялись на крутую лѣсистую горку; съ нея открывался великолѣпный видъ на весь пріискъ и на контору, которая занимала небольшое возвышеніе. Картина получалась самая пестрая: на протяженіи цѣлой версты земля была изрыта по всѣмъ направленіямъ и образовала по бокамъ пріиска громадныя свалки; Коковинка была запружена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и ея мутную, желтую воду издали трудно было отличить отъ размытыхъ песчаныхъ береговъ. Нѣсколько золотопромывательныхъ машинъ, штанговая водокачка, паровикъ

около шахты, толпы рабочихъ, катившіяся пріисковыя телѣжки, нагруженныя золотоноснымъ пескомъ, — все это было залито ликующимъ свѣтомъ занимавшагося ведрянаго дня и производило хорошее, доброе впечатлѣніе. Ираида Филатьевна любила пріисковую жизнь; эта лихорадочная дѣятельность была въ ея характерѣ, отвѣчая ея авантюристскимъ наклонностямъ.

— Экое обзаведеніе, подумаешь,—задумчиво проговорилъ Шипицынъ.

— Пожалуйста, не выпустите лошади, — упрашивала Ираида Филатьевна.

— Помилуйте... да я...

— Нѣтъ, серьезно говорю вамъ. И не отставайте...

Благодаря этой проклятой заводной лошади, положеніе Шипицына выходило самое критическое: лѣвой рукой онъ правилъ своимъ гнѣдкомъ, правой держалъ за поводъ вороную, и за пазухой, между тѣмъ, какъ птичка въ клѣткѣ, билась полубутылка коньяку... Не было никакой возможности пропустить хоть нѣсколько капель живительной влаги, потому что, какъ только онъ пробовалъ вытащить изъ-за пазухи бутылку—вороная начинала прясть ушами, раздувала ноздри и издавала самый подозрительный храпъ. Лошадь припоминала нагайку, которую Макаръ носилъ за пазухой. Пока Шипицынъ переносилъ муки Тантала, Ираида Филатьевна все сильнѣй и сильнѣй подгоняла [illegible]о иноходца. Ей казалось, что горы сегодня были выше обыкновеннаго и [illegible]а дѣлала много совершенно лишнихъ поворотовъ. Особенно сердили ее [illegible]ые спуски, когда приходилось ѣхать шагомъ. Черезъ часъ обѣ лошади [illegible]ли въ мылѣ, и Ираида Филатьевна, обратившись къ своему спутнику, съ досадой проговорила:

— До этого Вогульскаго пріиска будетъ цѣлыхъ сто верстъ, а не тридцать...

— Сударыня, вы очень скоро ѣдете...

— Вотъ вздоръ! Плетемся шагомъ, точно веземъ кислое молоко... Я не знаю, ужъ не сбились ли мы съ дороги? Вы видѣли повертку направо?

— Точно такъ-съ!..

— Это на Талый... Должна быть вторая повертка въ Мураши. Кажется, мы никогда не доѣдемъ до нея.

— На Таломъ-то работаетъ Соболевъ, мой бывшій приказчикъ,—со вздохомъ замѣтилъ Шипицынъ.—На Копчикѣ тоже...

— Другой приказчикъ?..

— Да... Колченоговъ. На мои кровныя денежки теперь раздуваются. Охъ-хо-хо!.. Въ нашемъ купеческомъ званіи всегда такъ бываетъ: хозяинъ разорился, глядишь, приказчики и полѣзли въ гору. А безъ приказчиковъ купцу невозможно!.. Грѣхи!.. Надо же и имъ отвѣдать сладкаго житья,—прибавилъ Шипицынъ со смиреніемъ, чувствуя, какъ у него съ непривычки къ верховой ѣздѣ отнималась поясница и начинали отекать ноги.

А кругомъ, при утреннемъ освѣщеніи, все было такъ удивительно хорошо, точно безконечной пестрой лентой развертывалась какая-то волшебная панорама.

Съ прикрутостей и взлобочковъ можно было видѣть горы на далекомъ разстояніи. Онѣ точно тонули въ золотой пыли утренняго солнца. По лугамъ и впадинамъ, по дну которыхъ прятались безыменныя горныя рѣчушки, еще стоялъ туманъ; кое-гдѣ онъ начиналъ подниматься кверху небольшими бѣлыми облачками, отдѣльными волнами и длинными бѣлыми нитями. Уральскія горы вообще невысоки, и только нѣкоторыя изъ нихъ заканчиваются шиханами, т.-е. группами обнаженныхъ скалъ на вершинахъ. Эти шиханы теперь

были закутаны фіолетовой дымкой, которая на горизонтѣ принимала темно-синіе тона. Дремучій ельникъ выстилалъ все кругомъ, и только кой-гдѣ, на откосахъ и прикрутостяхъ, изъ траурной зелени сѣверной ели выдѣлялись гривки сосняку, да еще по лощинамъ, гдѣ бѣжали изъ горъ ключи, свѣжими свѣтло-зелеными пятнами вырѣзывались отдѣльные островки березняковъ и осинниковъ. Въ одномъ мѣстѣ дымилось въ туманѣ небольшое горное озеро; горы около него тѣснились зелеными валами, точно волны тяжелаго бархата, раскинутыя артистической рукой въ красивомъ безпорядкѣ.

Когда дорога желтой лентой сбѣгала подъ гору, даль пропадала, и путниковъ охватывала настоящая зеленая нетронутая глушь, точно они спускались на дно какого-то бассейна, изъ котораго вода только-что была выпущена. Ели дружной семьей жались къ самой дорогѣ, образуя зеленую, прихотливо вырѣзанную шпалеру, въ отверстія которой золотыми пятнами, полосами и зайчиками врывались солнечные лучи и зажигали брильянтовыми искрами придорожную траву, еще покрытую ночной росой. На самомъ днѣ лога, куда приводила дорога, мелькали зеленыя душистыя поляны, точно опушенныя кустами рябины, жимолостью и смородиной; въ сочной густой травѣ, хватавшей человѣку по грудь, пестрѣли желтые молочаи, полевая гвоздика выставляла свои розовыя головки, и синѣли лѣсные колокольчики. Дикій горошекъ мѣшался съ бѣлыми розетками ромашки; иванъ-чай высоко поднималъ свои пирамидальныя верхушки, облѣпленныя блѣдно-розовыми цвѣточками и бѣлымъ шелковистымъ пухомъ. Здѣсь же въ густой зелени зрѣла и наливалась малина, краснѣли кисти поспѣвавшей костяники и далеко разливалъ въ воздухѣ свой ароматъ горный шалфей. Когда лошади, фыркая и мотая головами, вбродъ переправлялись черезъ говорливую горную рѣчку, путниковъ охватывало ночной свѣжестью, которая заставляла вздрагивать.

— Этакая благодать! — умилялся Шипицынъ. — Чудны дѣла Твои, Господи... Вся премудростью сотворилъ еси!..

— Да, здѣсь дѣйствительно хорошо...—соглашалась Ираида Филатьевна, точно просыпаясь отъ какого-то сна.

Проведенная безъ сна ночь и тревога ожиданія заставили поблѣднѣть ея полное, немного обрюзгшее лицо, на которомъ, на одно мгновеніе, выступили слѣды минувшей красоты. На нее напало тяжелое раздумье, точно она еще разъ переживала свою жизнь. Да, эти воспоминанія давили ее, какъ тяжелый сонъ, въ которомъ безконечный рядъ неудачъ и разочарованій едва освѣщался двумя-тремя свѣтлыми точками. Всего нѣсколько мгновеній счастья на цѣлую жизнь,—это слишкомъ несправедливо!..

Опустивъ поводья и машинально глядя по сторонамъ, Ираида Филатьевна перебирала свое прошлое.

Ей теперь за сорокъ лѣтъ. Начала она себя помнить маленькой пухлой бѣлокурой дѣвочкой, которая ходила въ коротенькихъ платьицахъ, бѣлыхъ панталонахъ, обшитыхъ кружевами, и въ завитыхъ локонахъ. Лицо у ней было всегда круглое и всегда румяное. Отецъ называлъ ее толстушкой и всегда, бывало, ущипнетъ за самую щеку, когда она ласкалась къ нему. Генералъ Касаткинъ принадлежалъ къ тому типу безалаберныхъ и безхарактерныхъ русскихъ людей, которые для подчиненныхъ составляютъ истинное несчастіе, потому что какъ вы примѣнитесь къ человѣку, который сегодня разрушаетъ то, что создавалъ вчера, а завтра будетъ проклинать цѣлый свѣтъ за то, что сегодня вполнѣ одобрялъ. Они въ то время жили на Уралѣ, гдѣ отецъ, въ качествѣ горнаго инженера, занималъ очень видный постъ. Мать для Ирочки навсегда осталась какою-то блѣдной, туманной фигурой, въ родѣ

тѣхъ, какія появляются на экранѣ волшебнаго фонаря. Она всегда ходила съ подвязанной щекой, вѣчно отъ чего-нибудь лѣчилась и появлялась на сцену только въ самыя критическія минуты, когда генералъ Касаткинъ начиналъ рвать и метать. Какъ всѣ безхарактерные люди, онъ былъ очень добръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вспыльчивъ до бѣшенства; въ такія минуты къ генералу не было никакого приступа, и онъ продѣлывалъ тѣ несправедливости, какія люди такого сорта способны устраивать подъ впечатлѣніемъ минуты. Появленіе жены заставляло расходившагося генерала успокаиваться, и онъ даже плакалъ отъ надрывавшей его злости.

— Ахъ, Ирочка, Ирочка... Моя милая толстушка, какъ мы теперь съ тобой жить будемъ?—плакался генералъ, когда въ одно прекрасное утро безцвѣтная генеральша умерла.

Толстушка положила свою бѣлокурую головку на плечо отцу и горько заплакала, заплакала потому, что всѣ въ домѣ плакали; въ дѣйствительности, она совсѣмъ не переживала особеннаго горя, потому что и не понимала и не любила матери. Генералъ предавался шумному и откровенному отчаянію, которое было совершенно искренне, какъ все, что онъ дѣлалъ въ своей жизни; онъ по-своему любилъ свою безцвѣтную жену. На рукахъ у него осталось, кромѣ Ирочки, еще три дочери и два сына; какъ чадолюбивый отецъ, онъ самъ взялся за воспитаніе дѣтей. Это воспитаніе заключалось въ томъ, что дѣтямъ была предоставлена полная свобода, и они, какъ всѣ дѣти, быстро освоились со своимъ новымъ положеніемъ: мальчики живмя жили въ кучерской, а дѣвочки въ кухнѣ или въ дѣвичьей. Въ каждомъ барскомъ домѣ прислуга имѣетъ рѣшающее вліяніе на воспитаніе дѣтей, предъ нимъ разлетаются въ дребезги всѣ благородныя усилія гувернантокъ, гувернеровъ, учителей и учительницъ. За служебными недосугами генералъ Касаткинъ часто совсѣмъ забывалъ о существованіи своихъ дѣтей и дѣлалъ исключеніе только для толстушки Ирочки, которую любилъ безъ ума, потому что она походила на него во всемъ, какъ двѣ капли воды. Къ этому времени относится поѣздка Ирочки вмѣстѣ съ отцомъ по заводамъ, причемъ, для своего возраста, она видѣла, можетъ-быть, слишкомъ много, а еще больше того слышала. Часто ей приходилось быть нѣмой свидѣтельницей очень откровенныхъ сценъ и разговоровъ, какіе ведутся въ холостой мужской компаніи, и никто не обращалъ вниманія на забавную толстушку, которая дремала гдѣ-нибудь въ уголкѣ подъ шумокъ веселыхъ разговоровъ. Эта цыганская жизнь исключительно въ обществѣ мужчинъ оставила въ характерѣ Ирочки глубокій и неизгладимый слѣдъ; къ этому періоду ея жизни относилось и знакомство Ирочки съ семьей Шипицыныхъ.

Отсутствіе безцвѣтной генеральши скоро отозвалось на судьбѣ генерала Касаткина самымъ роковымъ образомъ: не имѣя за спиной поддерживавшей его цѣлую жизнь руки, онъ, благодаря своей горячности, запутался въ самой глупой исторіи. Микроскопическій горный чинъ сдѣлалъ доносъ на генерала, куда слѣдуетъ, обвиняя его въ очень важныхъ злоупотребленіяхъ; этотъ доносъ вызвалъ канцелярское слѣдствіе. Несмотря на свои недостатки, генералъ былъ честный человѣкъ по службѣ и не зналъ за собой никакой вины; но бѣда вышла изъ того, что производить слѣдствіе пріѣхалъ такой же вспыльчивый и взбалмошный человѣкъ, который съ первыхъ двухъ словъ осадилъ генерала и даже заставилъ его замолчать. Понятно, что такое незаслуженное оскорбленіе взорвало генерала, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ слабость считать себя человѣкомъ, въ которомъ не только нуждаются, но безъ котораго министерство даже не въ состояніи обойтись. Словомъ, онъ раздѣлялъ очень простительное

заблужденіе многихъ другихъ людей и, вмѣсто того, чтобы сократить себя и помириться съ оскорбившей его особой, полѣзъ на стѣну и, въ концѣ концовъ, какъ многіе великіе люди, вылетѣлъ окончательно въ трубу. Подавая въ отставку, генералъ Касаткинъ былъ глубоко убѣжденъ, что ненастье бываетъ всегда передъ вёдромъ и что его призовутъ, поклонятся и призовутъ. Но вышло такъ, что генерала Касаткина не только не призвали, а совсѣмъ позабыли и замолчали; онъ навсегда былъ похороненъ для казенной службы и слишкомъ поздно постигъ всю глубину своего паденія, а также и то, что, будь жива безцвѣтная больная генеральша, этого никогда бы не случилось.

Вся эта исторія разыгралась въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. На Уралѣ генералу Касаткину больше нечего было дѣлать, и онъ переѣхалъ въ Казань, гдѣ у него былъ собственный домишко и какая-то недвижимая собственность въ уѣздѣ. Но и въ дни своего паденія генералъ Касаткинъ остался генераломъ Касаткинымъ и не сократилъ себя, но создалъ изъ своей жизни цѣлую оппозицію ненавистному министерству. Прежде всего, семья генерала начала испытывать чувствительные уколы бѣдности, которые наконецъ перешли въ хроническую нужду; но, чѣмъ тѣснѣе смыкалось роковое кольцо, тѣмъ сильнѣе генералъ укрѣплялся на своей позиціи и точно закаменѣлъ въ какой-то болѣзненной гордости. Чтобы насолить своимъ недругамъ, онъ нѣсколько разъ поступалъ на частную службу, но и здѣсь не выдерживалъ характера и ссорился со всѣми. Его разстроенному воображенію вездѣ грезились интриги и козни его недоброхотовъ, такъ что въ концѣ концовъ онъ окончательно и навсегда закупорился въ своемъ домишкѣ, облюбовалъ либеральную газету и, пуская клубы дыма изъ длинной трубки, далъ полную волю своему наболѣвшему чувству. Каждый номеръ газеты приносилъ новую пищу его озлобленному чувству, и онъ злобно хохоталъ, перебирая официальныя извѣстія о повышеніяхъ и наградахъ своихъ бывшихъ товарищей по службѣ. Такъ какъ лично для генерала пѣсенка была спѣта, то онъ постарался создать оппозицію въ лицѣ своихъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ онъ теперь и занялся съ этой нарочитой цѣлью.

Жизнь въ Казани для Ирочки была самымъ бурнымъ періодомъ ея существованія.

Ей только-что минуло тринадцать лѣтъ, когда они переѣхали туда,— самый неблагодарный возрастъ для дѣвочки, когда она теряетъ занимательность маленькой игрушки, а въ обществѣ большихъ является совсѣмъ лишней. Ирочка въ тринадцать лѣтъ была все такой же румяной толстушкой, какъ и раньше, что̀ ее очень бѣсило; ничего похожаго на талію она не могла сдѣлать при помощи самыхъ узкихъ корсетовъ, а руки и ноги были точно налиты самой обидной ребячьей полнотой. Но Ирочка развилась гораздо быстрѣе своихъ лѣтъ, и въ этомъ пухломъ дѣтскомъ тѣлѣ проснулись потребности и желанія большихъ людей. Когда она ходила въ свою школу въ коричневомъ короткомъ платьѣ и съ книжками, перетянутыми ремнемъ, каждая встрѣча съ красивымъ гимназистомъ бросала ее въ жаръ. Ея дѣтское сердце билось не дѣтскими желаніями и глаза заволакивались туманомъ: она изнывала отъ потребности любить и проводила безсонныя ночи за чтеніемъ романовъ. Обыкновенно люди находятъ то, что̀ желаютъ найти, и Ирочка встрѣтилась наконецъ *съ нимъ*. Это случилось именно въ разгаръ генеральской оппозиціи министерству. Старшія двѣ сестры Ирочки учились въ старшихъ классахъ той же школы, а братья кончали курсъ въ гимназіи; въ генеральскомъ домѣ скоро закипѣла шумная молодая жизнь. Генеральская оппозиція какъ-разъ совпала съ движеніемъ конца пятидесятыхъ годовъ, и старикъ

ухватился за это движеніе, какъ утопающій за соломинку. Въ генеральскомъ домѣ происходила настоящая ярмарка и велись самые оппозиціонные разговоры. Ирочка могла только завидовать дѣвушкамъ съ стриженными, по тогдашнему обычаю, волосами и въ синихъ очкахъ, всегда окруженнымъ толпою молодежи. Тринадцатилѣтняя толстушка, конечно, жалко терялась въ этой толпѣ, слѣпо перенимая все, что успѣвалъ схватывать глазъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ молодыхъ людей, она съ грѣхомъ пополамъ добилась имѣть своего собственнаго учителя математики, студента Бѣлоносова. Алгебра въ жизни Ирочки навсегда осталась самой поэтической страницей, въ которой изъ-за математическихъ формулъ и алгебраическихъ выраженій на нее нахлынуло чувство первой любви. Теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, Ирочка, какъ сквозь сонъ, припоминала этого Бѣлоносова,—длинноногій, вихлястый, съ зеленымъ лицомъ и длинной нечесаной гривой, онъ явился для нея тѣмъ идеаломъ, о которомъ она даже не смѣла мечтать. Сколько самыхъ глупыхъ воспоминаній было связано съ этимъ временемъ: Ирочка до тошноты зубрила свою алгебру и въ промежуткахъ цѣловала тѣ страницы учебника, къ которымъ прикасались костлявыя руки Бѣлоносова, а обрѣзки карандашей, которыми онъ писалъ, и бумагу съ формулами, выведенными его рукой, она даже съѣдала, какъ страусъ. Бѣлоносовъ имѣлъ всегда очень суровый видъ и совсѣмъ не замѣчалъ своей тринадцатилѣтней ученицы, когда она, съ блестѣвшими глазами и заливавшимъ все лицо румянцемъ, отвѣчала свой урокъ.

Четырнадцать и пятнадцать лѣтъ промелькнули для Ирочки какъ сладкій сонъ, отъ котораго она не могла проснуться. Бѣлоносовъ наконецъ обратилъ на нее свое вниманіе и началъ даже развивать забавную толстушку. Генералъ предоставилъ дѣтямъ полную свободу и совсѣмъ не вмѣшивался въ ихъ личныя дѣла, благодаря чему Ирочка могла не только гулять со своимъ развивателемъ по пыльнымъ казанскимъ улицамъ, сколько было душѣ угодно, но даже заходила на его студенческую квартиру, гдѣ она чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Эта пыльная, грязная, душная комната, съ колченогимъ столомъ и просиженнымъ клеенчатымъ диваномъ, сдѣлалась нѣмой свидѣтельницей первыхъ вспышекъ любви Ирочки, которая отдалась Бѣлоносову безъ завѣтно.

Ирочка не могла разсуждать или объяснять что-нибудь... Своя воля, свобода,—все это теперь гнело и давило Ирочку, которая молилась на своего идола.

Бѣлоносовъ между тѣмъ кончилъ курсъ по математическому факультету и поступилъ учителемъ гимназіи въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ, сказавъ Ирочкѣ на прощанье:

— Ирочка, ты всегда была умной, разсудительной женщиной и поймешь, что... Однимъ словомъ, я женюсь.

Ирочка побѣлѣла отъ этихъ словъ и жалкимъ, убитымъ взглядомъ въ послѣдній разъ взглянула на своего коварнаго идола. Ночью она приняла мышьяку, а утромъ, когда она металась въ страданіяхъ, молодой врачъ Корольковъ, попыхивая папироской, спокойно говорилъ:

— Эхъ, барышня, и отравиться-то толкомъ не умѣли. Не только любовь, а даже и мышьякъ требуетъ мѣру: вы пересолили... Если бы вы приняли дозу вчетверо меньше, тогда вамъ осталось бы только раскланяться съ этимъ міромъ, какъ говорятъ китайцы.

— Въ другой разъ я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ,—едва могла проговорить Ирочка.

— Бѣдная моя,—жалѣлъ генералъ свою Ирочку, когда узналъ объ ея неудачной попыткѣ отравиться.—Стоило изъ-за подлеца безпокоить себя. Послушай, толстушка, меня, старика... Ну, да что тутъ толковать! Всѣ вы, бабы, на одну колодку: языкомъ и туда и сюда, а какъ дошло дѣло до физіологіи—и шабашъ! Охъ, ужъ эта мнѣ ваша бабья физіологія. Нѣтъ, ты, моя толстушка, будь впередъ поумнѣе! На твой вѣкъ подлецовъ много будетъ, а ежели изъ-за каждаго травить себя—нѣтъ, жирно будетъ!.. А все ваша проклятая физіологія бабья...

Генералъ сильно состарился за послѣдніе года и, какъ всѣ оставшіеся не у дѣлъ, какъ-то совсѣмъ опустился. Его полное, красное лицо обрюзгло и обложилось жирными мѣшками; глаза потухали, а кончикъ носа принималъ предательскій сине-багровый оттѣнокъ, потому что, отъ скуки и бездѣлья, генералъ привыкъ утѣшаться водкой.

Выздоровленіе Ирочки шло быстрыми шагами. Молодая натура, какъ помятая весенняя трава, счастливо пережила неожиданное потрясеніе и расцвѣла краше прежняго. Конечно, Ирочка въ этомъ случаѣ многимъ была обязана доктору Королькову, который каждый день навѣщалъ больную. Это былъ разбитной малый, отъ котораго вѣяло вѣчнымъ праздникомъ. Онъ вносилъ съ собой всюду струю самаго беззаботнаго веселья. Притомъ Ирочка ему нравилась, что удесятеряло его веселье.

— Мы еще поживемъ съ вами досыта,—фамильярно говорилъ онъ своей паціенткѣ, которая замѣтно притихла и упала духомъ.— Необходимо смотрѣть философски на жизнь и на людей. Этоть вашъ Бѣлоносовъ чистый дуракъ, потому что не умѣлъ цѣнить своего счастья. Я бы на его мѣстѣ никогда такъ не сдѣлалъ.

Ирочка скоро утѣшилась въ обществѣ доктора Королькова. Но это была уже не первая любовь: она теперь преслѣдовала своего сожителя сценами ревности, подозрѣніями и горячими домашними перепалками. Впрочемъ, Корольковъ самъ былъ виноватъ въ этомъ: его постоянно тянуло отъ одной женщины къ другой, и похожденія доктора дѣлались извѣстны Ирочкѣ; она уходила отъ него къ отцу, но онъ опять являлся къ ней, приносилъ съ собой чистосердечное раскаяніе въ содѣянныхъ грѣхахъ, клялся всѣми богами, что исправится, и Ирочка прощала ему все. Такъ дѣло тянулось лѣтъ пять, пока Корольковъ не наткнулся на одну очень пожилую вдову, съ рябымъ безобразнымъ лицомъ и ястребиными глазами; она не только женила его на себѣ, но совсѣмъ придавила и загнала.

Ирочка опять осталась одна, на полной своей волѣ, и, занятая своими личными дѣлами, какъ-то не замѣчала, что дѣлалось въ родной семьѣ, которая послѣ смерти генеральши расползлась въ разныя стороны. Братья давно кончили курсъ въ университетѣ и поступили на службу; одна сестра умерла отъ тифа, другая разссорилась съ отцомъ и поступила въ гувернантки къ богатому купцу. Генералъ Касаткинъ давно махнулъ на дѣтей рукой и продолжалъ свою „оппозицію“, какъ онъ называлъ водку. Въ одно прекрасное утро старый генералъ за стаканомъ крѣпкаго чая отдалъ свою душу Богу, и Ирочка осталась одна.

Разрывъ съ Корольковымъ, смерть отца, свои подъ-тридцать лѣтъ, а больше всего новый характеръ шестидесятыхъ годовъ,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило Ирочку крѣпко призадуматься. Казань ей надоѣла; все кругомъ было точно пропитано самыми тяжелыми воспоминаніями: недавніе идеальные люди превратились въ буржуа и открещивались отъ увлеченій юности; общество преслѣдовало то, чему недавно само же поклонялось, впереди

нигдѣ не видно было проблесковъ лучшаго будущаго. Но Ирочка надѣялась на осуществленіе своихъ идеаловъ, хотя кругомъ нея все представляло самую печальную картину разрушенія; она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, гдѣ вмѣстѣ съ работой надѣялась встрѣтить и настоящихъ хорошихъ людей.

Въ Петербургѣ она встрѣтила людей съ такими же недостатками, какъ и въ Казани, и перебивалась цѣлыхъ десять лѣтъ, переходя отъ одной профессіи къ другой. И здѣсь ее преслѣдовали тѣ же неудачи, какъ въ Казани: люди, съ которыми она сходилась близко, всегда кончали тѣмъ, что обманывали ее болѣе или менѣе наглымъ образомъ. Каждый разъ послѣ такого случая Ирочка давала себѣ слово, что ужъ въ слѣдующій разъ ничего подобнаго не повторится. Ирочка одолѣла три новыхъ языка и жила переводами, не отказываясь ни отъ какой работы: была корректоромъ, ретушеромъ, служила въ книжномъ магазинѣ, открывала какую-то мастерскую, словомъ, все было испробовано. Но, несмотря на всѣ эти испытанія, она оставалась прежней толстушкой, съ неизмѣннымъ румянцемъ на щекахъ, и оставалась слѣпо вѣрующей въ свое дѣло и въ тѣхъ людей, которые для нея въ дни юности были окружены ореоломъ героевъ. Свои личныя дѣла она не смѣшивала съ тѣмъ направленіемъ, въ которомъ кружилась съ дѣтства. На ея глазахъ недавніе герои развѣнчивались, уступая мѣсто другимъ; идеи старѣли и замѣнялись новыми; жизнь создавала новые идеалы, типы и средства. Ирочка ничего не хотѣла знать и, присутствуя при медленномъ вымираніи дѣятелей и идей начала шестидесятыхъ годовъ, она даже не допускала мысли, что прежнія „дѣти“ превратились въ „отцовъ“, давно полиняли, вывѣтрились и износились.

Несмотря на всѣ толчки и передряги, Ирочка все еще вѣрила въ „людей слова“. Только семидесятые года заставили ее оглянуться назадъ и сравнить это шумное прошлое съ настоящимъ. Странно, Ирочка не понимала народившихся „дѣтей“, не признававшихъ ни шумныхъ сходокъ, ни полуночныхъ горячихъ бесѣдъ, ни даже завѣтныхъ книжекъ. Эти новыя „дѣти“ пугали Ирочку своей молчаливостью. Такимъ образомъ, похоронивъ движеніе шестидесятыхъ годовъ, Ирочка сознавала только одно, что она въ Петербургѣ лишняя, что ей тутъ нѣтъ мѣста, и уѣхала на Уралъ.

IV.

— Вотъ и Вогульскій...— проговорилъ Шипицынъ, когда они въѣхали на открытую вершину одной горы.

— А? Что?!— проговорила Ираида Филатьевна, просыпаясь отъ своихъ воспоминаній и останавливая взмыленную лошадь.

— Говорю: Вогульскій... Вотъ, въ ложбинкѣ, налѣво.

Было часовъ восемь утра; солнце залило горы яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ, и изъ общей массы зелени пріискъ Вогульскій выдѣлялся неправильной, ярко желтѣвшей заплатой. До него оставалось всего версты три-четыре. Направо, на самомъ горизонтѣ синимъ дымкомъ курился пріискъ Копчикъ. Ираида Филатьевна подобрала поводья и долго смотрѣла въ зеленую даль, на эту чудную воздушную перспективу, прозрачную глубину, въ которой тонулъ лѣсъ, горы и самое небо, едва тронутое легкими серебристыми облачками.

— Денегъ-то Хомутовъ добылъ на Вогульскомъ цѣлую уйму,— тихо говорилъ Шипицынъ, стараясь удержать вороную лошадь, которая тянула въ сторону, къ зеленой травѣ.— Въ прошломъ году зашибъ тысячъ пятьсотъ... Да-съ. Плакали мои денежки...

— Какъ такъ?

— Да вѣдь онъ на мои деньги развѣдки-то производилъ, разбойникъ... Какъ же! Не поручись тогда я за него, вѣдь шабашъ бы Хомутову. Охъ-хо-хо... Вотъ и Кончикъ тоже, и Талый...

Они осторожно начали спускаться подъ гору. Лошади почуяли жилье и весело фыркали, мотая головами. Ираида Филатьевна поправилась въ сѣдлѣ, встряхнула шлейфъ своей амазонки отъ насѣвшей на него пыли и точно вся замерла на какой-то одной мысли. Вся краска сбѣжала съ ея полнаго лица, сочныя алыя губы сложились твердо и увѣренно, глаза смотрѣли вдаль смѣло и вызывающе, точно отыскивая своего противника. Ираида Филатьевна чувствовала, какъ замерло ея сорокалѣтнее сердце, когда она завидѣла вдали контору на Вогульскомъ: тамъ Настенька, отъ которой раздѣляло ихъ всего какихъ-нибудь четыре версты. Скорѣе, скорѣе...

Они спустились въ глубокую лощину, затянутую чахлымъ ивнякомъ, ольхой, кустами смородины и черемухи. Во всемъ чувствовалась близость пріиска: въ сторонѣ ходили спутанныя лошади, глухо позванивая мѣдными боталами; въ одномъ мѣстѣ, на лѣсной прогалинкѣ, трава была скошена только-что сегодня утромъ, и отъ нея остался зеленый слѣдъ по дорогѣ: въ пыли валялись пучки неуспѣвшей завянуть травы и уже свернувшіе свои лепестки помятые цвѣты; деревья были вырублены, тамъ и самъ валялись кучи порыжѣлаго прошлогодняго хворосту и зеленыя вѣтви молодыхъ березъ. Скоро изъ-за рѣдкаго еловаго подсѣда глянулъ и самый пріискъ; изъ-за мелькавшей сѣтки деревьевъ можно было разсмотрѣть глубокую шахту въ горѣ, напротивъ— дробильную машину, которая молола золотосодержащій кварцъ, затѣмъ двѣ золотопромывательныхъ машины, катившіяся таратайки и кучки рабочихъ, которыя красиво пестрили общій желтый фонъ пріиска.

— Вы подождете здѣсь съ полчаса, — говорила Ираида Филатьевна, подбирая поводья.—А потомъ и пріѣзжайте прямо въ контору...

— Хорошо-съ... — смиренно отозвался Шипицынъ, теряя прежнюю бодрость.—Будьте спокойны-съ,—прибавилъ онъ, не зная къ чему.

Въ какихъ-нибудь пять минутъ иноходецъ принесъ Ираиду Филатьевну на другую сторону пріиска и стрѣлой влетѣлъ на взлобочекъ, на которомъ красовалась новая контора съ низкой тесовой крышей и крошечными окошечками. Рабочіе съ удивленіемъ проводили глазами амазонку и отпустили нѣсколько приличныхъ случаю ироническихъ замѣчаній...

Ираида Филатьевна, подъѣзжая къ конторѣ, замѣтила въ одномъ окнѣ чье-то молодое, румяное бойкое лицо, но не могла разобрать: мальчикъ это или дѣвочка. На топотъ лошади изъ людской выскочили два конюха и приняли лошадь; на крыльцѣ конторы показался какой-то сѣденькій старичокъ въ потертой и порыжѣвшей плисовой визиткѣ.

— Могу я видѣть г. Хомутова? — спрашивала Ираида Филатьевна, инстинктивно принимая позу свѣтской дамы.

Старичокъ замялся, но его выручилъ изъ затрудненія молодой человѣкъ, показавшійся изъ ближайшей двери.

— Я сейчасъ ихъ спрошу,—проговорилъ онъ, исчезая въ другой двери, выходившей тоже на крыльцо.

Молодой человѣкъ не заставилъ себя ждать и, появившись снова на крыльцѣ и встряхнувъ волосами, проговорилъ:

— Пожалуйте... вотъ сюда-съ.

Комната, куда вошла Ираида Филатьевна, была убрана очень роскошно для пріиска: полъ былъ закрытъ бухарскимъ ковромъ, стѣны оклеены новень-

ними обоями, у окна стояла орѣховая дорогая конторка, заваленная бумагами и письменными принадлежностями; въ одномъ углу, прикрытая легкими ширмами, стояла кровать, въ другомъ мраморный умывальникъ. Навстрѣчу вошедшей Ираидѣ Филатьевнѣ поднялся изъ-за письменнаго стола высокій, плечистый господинъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ свѣжимъ, рыжимъ скуластымъ лицомъ, узкимъ бѣлымъ лбомъ, остриженными подъ гребенку волосами и узкими темными глазами. Вся фигура такъ и рѣзала глазъ своимъ полуазіатскимъ происхожденіемъ, несмотря на крахмаленную сорочку и безукоризненную лѣтнюю пару изъ чечунчи.

— Касаткина...—задыхаясь, проговорила Ираида Филатьевна; у ней въ глазахъ рябило и металось пестрое пятно, которое выдѣлялось на контркомъ это, безъ сомнѣнія, была сама Настенька, одѣтая въ малороссійскій костюмъ.

— Очень пріятно...—немного хрипло проговорилъ Хомутовъ и, смѣривъ амазонку съ ногъ до головы, онъ прибавилъ, подавая стулъ: — чему обязанъ видѣть васъ, madame?..

— Мнѣ нужно переговорить съ вами по одному очень важному дѣлу...

Ираида Филатьевна остановилась и показала глазами на расшитое красными и синими узорами пятно; дѣвушка поняла этотъ взглядъ, порывисто поднялась съ мѣста и легкой походкой вышла изъ комнаты, кокетливо постукивая французскими каблуками сафьянныхъ туфель. Какъ сквозь туманъ, для Ираиды Филатьевны промелькнуло миловидное характерное лицо съ темными, опушенными густыми рѣсницами глазами, вздернутымъ, капризнымъ носикомъ, пухлыми губками и тяжелой русой косой. Ираида Филатьевна должна была перевести духъ, прежде чѣмъ могла что-нибудь сказать.

— Не хотите ли чаю? — предлагалъ Хомутовъ съ вѣжливостью настоящаго джентльмена.

— Нѣтъ, благодарю васъ...—почти шопотомъ отвѣтила Ираида Филатьевна, чувствуя, какъ все лицо ей залило яркой краской.

— Позвольте... — заговорилъ Хомутовъ, стараясь что-то припомнить, — Касаткина... Касаткина... Вы не дочь ли генерала Касаткина?

— Да.

— Ахъ, очень пріятно,—уже совершенно развязно проговорилъ Хомутовъ, и по его толстымъ губамъ проползла чуть замѣтная улыбка.—Такъ вотъ вы на Коковинскомъ у французовъ живете?

— Да, я служу у m-r Пажона переводчицей...

— Такъ-съ... да. О-чень пріятно...—лѣниво и нахально протянулъ Хомутовъ, еще разъ оглядывая свою собесѣдницу.

Хомутовъ не былъ злымъ человѣкомъ по природѣ, но Касаткина въ его глазахъ была просто „Пажонова наложница“, и слѣдовательно церемониться съ ней было нечего. „Видали мы этакихъ-то генеральскихъ дочерей на своемъ вѣку даже очень достаточно“,—думалъ онъ, нахально разсматривая полную фигуру своей гостьи.

— Я пріѣхала взять отъ васъ Настеньку...—уже спокойно проговорила Ираида Филатьевна, сжимая одну перчатку.—Вы, конечно, согласитесь со мной, что такой молодой дѣвушкѣ не совсѣмъ удобно жить на пріискѣ исключительно въ мужскомъ обществѣ...

— Вотъ какъ!.. — процѣдилъ Хомутовъ, не ожидавшій такого оборота дѣла.—Для чего же вамъ она понадобилась?

— Это ужъ мое дѣло, и вы, какъ честный человѣкъ, должны согласиться со мной. Дѣвочка погибнетъ у васъ...

— Такъ-съ... Гм!.. Погибнетъ... А у васъ ей весслѣе, что ли, будетъ? Вотъ вы, слава Богу, живете и не погибаете...

— Я...—вспыхнула Ираида Филатьевна.—Я совсѣмъ другое дѣло. Мнѣ сорокъ лѣтъ, и я могу располагать своей судьбой, какъ хочу. Однимъ словомъ, это совершенно лишній разговоръ, и я желаю знать только одно: отпустите вы Настеньку со мной, или нѣтъ?

— А позвольте узнать, госпожа, по какому вы праву можете требовать отъ меня Настеньку?

— Если вы хотите знать, я дѣйствую по желанію и просьбѣ Якова Порфирыча...

— Ха-ха-ха!..—залился Хомутовъ, поднимая плечи.—За сколько же онъ продалъ Настеньку вашимъ французамъ?..

— Милостивый государь, вы забываетесь!..—закричала Ираида Филатьевна, вскакивая съ мѣста, блѣдная, какъ полотно.—Я сумѣю заставить васъ замолчать... Да!.. Вы думаете, что я — женщина, совершенно одна въ вашей конторѣ, слѣдовательно со мной можно дѣлать все, что̀ угодно... Вы ошибаетесь и жестоко заплатите за свою дерзость!..

— Ну, ну, извините, барынька... — заговорилъ Хомутовъ, превращаясь опять въ джентльмена. — Право, извините... Я вѣдь не злой человѣкъ. Не хотите ли лучше чайку?.. За самоварчикомъ и покалякали бы...

— Вы, кажется, хотите отдѣлаться отъ меня шутками?

— Совсѣмъ нѣтъ... Я говорю серьезно. Видите ли, я даже хотѣлъ нарочно заѣхать къ вамъ, на Коковинскій, чтобы познакомиться съ вами.

— Со мной?!

— Да, съ вами...

Хомутовъ проговорилъ послѣднюю фразу съ такой добродушной откровенностью, что весь гнѣвъ Ираиды Филатьевны какъ-то сразу прошелъ, и она только подумала про себя: „Или этотъ Хомутовъ дѣйствительно добродушный человѣкъ, или самая тонкая бестія“.

— Нѣтъ, право бы, самоварчикъ? Не хотите? Ну, какъ знаете... А съ дороги оно было бы даже очень интересно, вѣдь тридцать верстъ тоже проѣхали, да еще верхомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я очень тороплюсь... Пожалуйста, не задерживайте меня!

— Вотъ вы опять и сердитесь?.. Я къ вамъ ото всей души, а вы... Ну, однако объ дѣлѣ-то надо говорить. Видите ли, какая штука: я вдовецъ, мнѣ подъ шестьдесятъ, но я еще въ силахъ (Хомутовъ повелъ своими могучими плечами)... Хорошо-съ... Только Настенька мнѣ все-таки не пара, да и свои сыновья подросли, пожалуй, и до грѣха не долго... Вы не подумайте, что я ее соблазнялъ или обольщалъ... Ни-ни!.. Сама пришла... Ей-Богу! Да вотъ спросите ее, она сама вамъ разскажетъ. Ну-съ, такъ выходитъ, что эта самая Настенька даже мнѣ въ тягость, да и предъ сыновьями совѣстно...

— Еще бы: вамъ шестьдесятъ, а дѣвочкѣ пятнадцать! Это просто варварство...

— Ахъ, право, какъ это вы круто разговариваете!.. Право, чайку бы? Ну, не буду, не буду, только не гнѣвайтесь... Не хотите ли курить?

Ираида Филатьевна достала изъ кармана портсигаръ и закурила сигару; Хомутовъ молчалъ, подыскивая слова.

— Ну, я жду?—рѣзко проговорила Ираида Филатьевна.

— Сейчасъ, сейчасъ... Я вѣдь и папашу вашего, Филата Никандрыча, очень даже хорошо зналъ. Онъ и въ дому у меня бывалъ, да и вы тоже.

Маленькой такой дѣвочкой были... Вотъ я и думаю... Только вы, пожалуйста, не гнѣвайтесь!.. Вотъ я и думаю: живете вы теперь на Коковинскомъ, съ этими французами... Вѣдь трудно вамъ?

— Нисколько! Пожалуйста, скорѣе кончайте...

— Извините, madame: вы не замужемъ?

— Да вамъ-то какое дѣло? Что вы меня исповѣдуете?

— А я къ тому рѣчь веду, что Настеньку вы отъ меня возьмите, пусть ее съ французами поживетъ, а сами на Вогульскій переѣзжайте... Ей-Богу, барынька!

— Да вы съ ума сошли?

— Даже нисколько... Я отъ души и никакихъ дурныхъ мыслей не держу въ головѣ. Живите у меня, какъ сами пожелаете, и только всего. Можетъ, и сойдемся...

— Никогда!.. Вы, во-первыхъ, пустили Шипицына по міру со всей семьей, во-вторыхъ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ воспользовались неопытностью пятнадцатилѣтней дѣвочки, въ-третьихъ...

— Это вамъ все Шипицынъ навралъ...

— Я ему должна вѣрить, потому что обвиненіе противъ васъ налицо.

— Это вы про Настеньку-то опять?

— Да, про нее...

Хомутовъ быстро пошелъ къ двери и, вернувшись, проговорилъ:

— Послушайте, барынька... Я не знаю, что вы хотите дѣлать съ Настенькой, но я... Вы мнѣ не повѣрите... Да?.. Спросите ее...

Хомутовъ вышелъ... Черезъ пять минутъ въ комнату вошла Настенька. Ираида Филатьевна такъ и впилась въ нее глазами. Да, эта была та самая Настенька, которую она вчера полюбила и о которой промечтала цѣлую ночь: небольшого роста, но вполнѣ сформировавшаяся, съ гибкими, крадущимися движеніями, она производила съ перваго раза очень выгодное впечатлѣніе; а смуглое, съ загорѣлымъ румянцемъ лицо, съ неправильно выгнутыми черными бровями и кошачьи-ласковымъ взглядомъ темныхъ глазъ съ широкимъ зрачкомъ, принадлежало къ тому загадочному типу лицъ, которыя точно спеціально созданы природой для любви. „О, да это настоящій тигренокъ“, — подумала Ираида Филатьевна, когда Настенька вопросительно и ласково смотрѣла на нее.

— Намъ прежде необходимо познакомиться, — заговорила Ираида Филатьевна.—Надѣюсь, мы полюбимъ другъ друга, т.-е. я, какъ увидала васъ, такъ и полюбила.

— И я тоже...

Ираида Филатьевна горячо поцѣловала Настеньку и, не выпуская ея рукъ изъ своихъ, она порывисто и несвязно передала цѣль своего пріѣзда на Вогульскій пріискъ. Дѣвушка молчала, перебирая смуглой, съ дѣтскими ямочками рукой расшитый край своего передника.

— Я говорила съ г. Хомутовымъ, — закончила свою рѣчь Ираида Филатьевна, стараясь заглянуть въ глаза Настеньки: — теперь дѣло за вами. Я увѣрена, что вы уѣдете со мной, т.-е. съ вашимъ отцомъ, который ждетъ насъ недалеко отъ пріиска. Вамъ и лошадь готова.

— И папа здѣсь?

— Да. Если васъ что-нибудь затрудняетъ, будьте вполнѣ откровенны со мной... Можетъ-быть, вамъ тяжело разстаться съ Вогульскимъ пріискомъ?

— А гдѣ я буду жить?

— Вы будете жить у меня, на Коковинскомъ пріискѣ...

— А папа?

— Про папу я ничего не знаю, какъ онъ думаетъ устроиться...

Подумавъ немного, Ираида Филатьевна прибавила:

— Если вамъ тяжело будетъ разставаться съ вашимъ папой, тогда мы устроимъ его на нашемъ пріискѣ, подыщемъ ему какую-нибудь должность...

— Нѣтъ, я такъ сказала...

Съ послѣдними словами изъ-подъ густыхъ рѣсницъ у Настеньки выступили двѣ слезинки и по лицу промелькнуло конвульсивное движеніе. Ираида Филатьевна обняла дѣвушку и ласковымъ шопотомъ ее спросила:

— О чемъ вы плачете, голубчикъ?

— Такъ...—по-дѣтски отвѣчала Настенька, потихоньку всхлипывая.

— Вамъ, можетъ-быть, не хочется ѣхать отсюда?

— Нѣтъ, хочется... только, пожалуйста, скорѣе...

Эта сцена была прервана чьимъ-то неистовымъ крикомъ, который раздался на крыльцѣ, а затѣмъ послышалась глухая возня, площадная ругань и прежній неистовый крикъ. Можно было отчетливо различить, какъ на полу крыльца упирались и барахтались чьи-то ноги, а затѣмъ тяжело, съ хриплымъ крикомъ, рухнуло какое-то человѣческое тѣло. „А... подлецъ!.. Нашелъ я тебя... наше-елъ!..“—хрипѣлъ чей-то голосъ, пересыпая свои слова неистовой руганью.

— Вѣдь это папа кричитъ...—въ ужасѣ прошептала Настенька, однимъ движеніемъ кидаясь въ двери.

Крыльцо теперь представляло такую картину: на полу лежалъ съ окровавленнымъ лицомъ Шипицынъ, а Хомутовъ, придавивъ его колѣномъ, одной рукой держалъ за горло.

— Я тебя наше-елъ... подлецъ!—хрипѣлъ Шипицынъ, начиная синѣть.

— Онъ... хотѣлъ меня убить... — задыхавшимся голосомъ прошепталъ Хомутовъ, указывая на свое разорванное платье; лицо у него было исцарапано, а на носу катилась капля свѣжей крови.

— Господа, что же это такое!—металась Ираида Филатьевна, напрасно стараясь стащить Хомутова съ Шипицына.—Развѣ вы не видите, что онъ пьянъ?..

— Онъ меня камнемъ хотѣлъ убить...

Послѣ долгихъ усилій, дерущихся наконецъ розняли; Шипицынъ дѣйствительно едва стоялъ на ногахъ. Пока Ираида Филатьевна разговаривала съ Хомутовымъ, онъ успѣлъ докончить бутылку съ коньякомъ.

— Гдѣ у васъ лошади?—спрашивала Ираида Филатьевна.

— Воронко-то убѣжалъ... — смиренно проговорилъ Шипицынъ, приходя въ себя; его одежда сильно пострадала въ неравной борьбѣ.—А я тебя все-таки убью!..—заревѣлъ онъ, обращаясь къ Хомутову.—Мало тебѣ моей крови—ты изъ дѣтей моихъ кровь пьешь!.. Настенька...

Пьяный, обезумѣвшій старикъ опять ринулся-было на Хомутова, но его во-время удержали старичокъ въ плисовомъ пиджакѣ и давешній молодой человѣкъ.

— Мы сейчасъ ѣдемъ,—проговорила Ираида Филатьевна, когда со стороны пріиска привели сбѣжавшую лошадь.

V.

Настенька поселилась на Коковинскомъ пріискѣ.

Ираида Филатьевна была неузнаваема, точно она переживала вторую молодость. Съ утра до поздней ночи она хлопотала безъ устали; этотъ трудъ

доставлялъ ей великое наслажденіе, потому что все дѣлалось для нея, для Настеньки. Толстушка переродилась разомъ и, стряхнувъ съ себя гнетъ тяжелыхъ воспоминаній, зажила новой молодой жизнью, счастливой своимъ самоотреченіемъ. Вѣчная жажда любви, томившая ее, теперь, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась на Настенькѣ: каждый новый день приносилъ новое счастье— открывать новыя совершенства въ этой загадочной дѣвушкѣ. Даже роль кающейся Магдалины придавала Настенькѣ тысячу новыхъ неуловимыхъ прелестей. Ираида Филатьевна совсѣмъ забывала о себѣ. Часто она просыпалась по ночамъ, точно въ комнатѣ спалъ грудной ребенокъ, и по цѣлымъ часамъ просиживала у постели Настеньки, не смѣя дохнуть; она ловила каждый вздохъ своего божка и часто украдкой цѣловала разсыпавшуюся русую дѣвичью косу или полную дѣтской полнотой съ ноября посредине шею. Иногда отъ прилива тайнаго счастья у толстушки навертывались на глазахъ слезы, и она не сдерживала ихъ, всѣмъ существомъ отдаваясь сладкому чувству материнской любви.

Сама Настенька едва ли понимала и сотую часть того, что творилось вокругъ нея; она, какъ котенокъ, напившійся теплаго молока, сладко потягивалась и позѣвывала, не обращая особеннаго вниманія на куриныя хлопоты толстушки и не утомляя себя заботами о будущемъ. Есть такіе люди, которые способны вполнѣ „растворяться въ настоящемъ“, выражаясь языкомъ Шопенгауэра, и мысль о будущемъ не оставляетъ на ихъ лицахъ ни малѣйшей тѣни. Глядя на эту беззаботную, немного лѣнивую и неизмѣнно-веселую Настеньку, толстушка часто завидовала непоколебимому равновѣсію ея душевныхъ силъ.

— Ахъ, это вы...—удивилась однажды Настенька, когда, проснувшись ночью, увидала у своей кровати Ираиду.—Какъ вы меня испугали!..

— Я... мнѣ показалось, что ты неправильно дышишь...—лгала толстушка:—не болитъ ли у тебя что-нибудь, моя крошка?

— Нѣтъ, я здорова...

— Можетъ-быть, тебѣ жестко спать?..

— Нѣтъ, напротивъ...

— Вѣдь ты мнѣ скажешь, когда у тебя что-нибудь заболитъ?

— У меня никогда ничего не болитъ.

Этотъ наивный дѣтскій отвѣтъ разсмѣшилъ Ираиду Филатьевну до слезъ, точно на нее пахнуло изъ далекаго прошлаго собственной молодостью, не знавшей, куда дѣваться со своими, просившими выхода, силами.

Присутствіе Настеньки сдѣлало контору неузнаваемой: на окнахъ появились бѣлыя занавѣси, на полу бухарскій пушистый коверъ, въ простѣнкѣ между окнами новенькій орѣховый туалетъ со множествомъ ящиковъ и шкатулочекъ; подоконники были заставлены душистыми левкоями и резедой, а на почномъ столикѣ у кровати Настеньки чья-то невидимая рука каждое утро выставляла свѣжій букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и душистой травы. Сама Ираида Филатьевна больше не наряжалась въ свою мужскую канаусовую рубаху, а щеголяла въ широкихъ домашнихъ платьяхъ изъ какой-то пестрой лѣтней матеріи. Настенькѣ было предложено на выборъ нѣсколько платьевъ, и она остановилась на самомъ скромномъ изъ нихъ, сшитомъ изъ тонкой батистовки съ блѣднымъ синимъ рисункомъ; когда Настенька надѣла въ первый разъ это платье, зачесала гладко волосы, выбрала самый простой гладкій воротничокъ и подошла здороваться къ Ираидѣ Филатьевнѣ, та даже немного отступила и, покачивая головой, съ невольной гордостью проговорила:

— О, да у тебя есть вкусъ, моя крошка... да!.. Настоящая Маргарита...

Нѣтъ, Маргарита все-таки была нѣмка, вялая нѣмка, а ты походишь на... кошечку. Да?.. Знаешь, Настенька, какіе у тебя глаза странные: никакъ не разберешь, какого они цвѣта... То вдругъ сдѣлаются совсѣмъ темные, то кажутся сѣрыми, то зелеными.

— Какъ у кошки?—засмѣялась Настенька.

Первые дни своего пребыванія на Коковинскомъ пріискѣ Настенька совсѣмъ не показывалась изъ своей комнаты на крыльцо, составлявшее теперь нейтральную почву, на которой сходились всѣ за чаемъ, обѣдали и ужинали. „Ей необходимо отдохнуть и успокоиться отъ своего прошлаго,—думала толстушка.—Конечно, наши мужчины не много съ ней наговорятъ, но примутся таращить глаза, оглядывать всю...“ М-г Пажонъ нѣсколько разъ спрашивалъ Ираиду Филатьевну, когда она наконецъ покажетъ имъ свою кающуюся Магдалину, и при этомъ такъ гнило улыбался, что толстушка чуть-чуть не выцарапала ему глазъ. Герръ Шоттъ тоже вздыхалъ что-то особенно смиренно и съ умиленіемъ заглядывалъ въ глаза Ираидѣ Филатьевнѣ, точно старый закормленный котъ. Одинъ мистеръ Арчеръ оставался джентльменомъ попрежнему и попрежнему былъ серьезенъ и молчаливъ.

Ираида Филатьевна сильно боялась за первое появленіе Настеньки въ этой сборной мужской компаніи, но дѣло обошлось самымъ счастливымъ образомъ: Настенька появилась на крыльцѣ съ скромнымъ достоинствомъ настоящей благовоспитанной дѣвицы, такъ что мужчинамъ оставалось только относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ, что̀ и было исполнено.

— А она ничего...—замѣтилъ послѣ Пажонъ.

— Какъ это прикажете понимать?—рѣзко спросила Ираида Филатьевна, которая теперь начала относиться къ своему сожителю очень сурово.

— Я ничего, кажется, не сказалъ обиднаго...

— Тѣмъ хуже для васъ, потому что у васъ это обидное вертѣлось на языкѣ... Поймите же, что Настенька такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе люди, и оставьте свои пошлыя мысли.

— Но я не виноватъ, что природа устроила мужчину и женщину нѣсколько иначе...

— Опять глупо!.. Природа ничего не устраивала для вашихъ пошлостей, которыя придумали ужъ сами люди.

Настенька стала появляться на крыльцѣ, какъ свой человѣкъ, и держала себя съ независимой простотой, такъ что Ираида Филатьевна торжествовала и за нее и за себя. Побѣда была одержана полная, хотя Ираида Филатьевна и слѣдила самымъ ревнивымъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ „этихъ проклятыхъ мужчинъ“.

Старикъ Шипицынъ, ради Настеньки, тоже былъ устроенъ на пріискѣ, въ какой-то маленькой должности при золотопромывательной машинѣ, и все время не пилъ, увѣряя Ираиду Филатьевну, что онъ теперь не только не можетъ пить, но даже „вполнѣ презираетъ эту самую водку“. По вечерамъ Шипицынъ иногда заглядывалъ въ контору, но въ комнату Настеньки, несмотря на всѣ приглашенія, не входилъ, а становился у окошечка и тутъ бесѣдовалъ со своей „стрѣлой“. Эта идиллія умиляла Ираиду Филатьевну, и она даже противъ желанія начинала вѣрить, что старикъ Шипицынъ, можетъ-быть, и совсѣмъ броситъ водку для своей Настеньки. Сила любви неизмѣрима и творитъ чудеса.

— Отчего же вы не хотите въ комнату итти? — допрашивала старика Ираида Филатьевна.

— Нѣтъ-съ, и безъ того много вамъ благодарны-съ, — уклончиво отвѣ-

чалъ Шишицынъ. — Мы свое мѣсто хорошо знаемъ... Не подъ кадриль намъ съ гг. иностранцами компанію водить.

Въ хорошіе дни Ираида Филатьевна уходила съ Настенькой куда-нибудь въ лѣсъ и была совершенно счастлива. Онѣ бродили по лѣсу цѣлые часы и возвращались на пріискъ съ корзинкой грибовъ или ягодъ. Каждый разъ онѣ брали съ собой легкій завтракъ и, когда уставали, выбирали гдѣ-нибудь подъ елью или березой укромное мѣстечко и отдыхали на полной свободѣ, не стѣсняясь ничьимъ постороннимъ присутствіемъ. Странное дѣло, какъ Ираида Филатьевна ни ухаживала за Настенькой, послѣдняя все-таки оставалась для нея какимъ-то сфинксомъ, котораго никакъ не разгадаешь. Ираида Филатьевна до сихъ поръ не знала даже того, что̀ нравится или не нравится Настенькѣ, что̀ она любитъ, чего желала бы; только въ лѣсу эта загадочная Настенька стряхивала съ себя всякую неприступность, начинала болтать безъ умолку, пѣла и дурачилась, какъ сумасшедшая.

— Э, да ты у меня лѣсная птичка!—восхищалась Ираида Филатьевна.— Любишь лѣсъ?

— Очень... Когда маленькая была, постоянно въ лѣсу жила. Дома скука: мама вѣчно жаловалась и плакала, папа пьяный. Уйдешь въ лѣсъ съ мальчишками—весело! Я отлично на деревья лазила...

Ираида Филатьевна съ жадностью хваталась за малѣйшій обрывокъ такихъ воспоминаній Настеньки, чтобы по нимъ хотя приблизительно составить себѣ картину развитія этой брошенной на произволъ судьбы дѣвочки и затѣмъ опредѣленно итти къ цѣли. А цѣль была ясна: Настенька—богатая, непосредственная натура, лишенная даже тѣни какого-нибудь развитія, но Ираида Филатьевна не сомнѣвалась, что стоитъ только бросить сѣмена знанія на эту нетронутую почву — и произойдетъ чудо умственнаго и нравственнаго просвѣтлѣнія. Даже круглое невѣжество Настеньки, которая едва могла читать по складамъ и писала безъ малѣйшихъ признаковъ орѳографіи, — даже это невѣжество нравилось Ираидѣ Филатьевнѣ, потому что она могла начать постройку зданія съ фундамента. „Развить эту дѣвушку и вывести ее на настоящую дорогу“, — вотъ была золотая мечта Ираиды Филатьевны, и она ухватилась за нее обѣими руками. Планъ былъ набросанъ въ пять минутъ: сначала дать время Настенькѣ отдохнуть и оглядѣться, и въ это время изучить ея характеръ, привычки, недостатки и складъ ума; затѣмъ осторожно приступить къ самому „развитію“, начать, конечно, съ тѣхъ завѣтныхъ книжекъ и плохо переписанныхъ тетрадокъ, надъ которыми пятнадцатилѣтняя Ирочка пережила столько счастливыхъ часовъ. Да, это была блестящая идея: завѣтныя книжки должны пробудить въ Настенькѣ жажду знанія, а тамъ уже все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

Дальше... Первымъ дѣломъ, конечно, бросить пріискъ и переселиться куда-нибудь въ глухой уѣздный городокъ, гдѣ и начать трудовую отшельническую жизнь. Да, это будетъ отлично, а когда Настенька станетъ на собственныя ноги, тогда можно будетъ перебраться и въ Питеръ: пусть Настенька посмотритъ на *настоящую* жизнь и *настоящихъ* людей. Руководствуясь опытомъ собственной тревожной жизни, Ираида Филатьевна хотѣла впередъ застраховать Настеньку отъ возможныхъ ошибокъ и заблужденій духа и плоти. Изъ Настеньки выработается идеальная женщина, и она наконецъ заживетъ той счастливой жизнью, которая для самой Ираиды Филатьевны осталась недосягаемымъ идеаломъ. Вблизи этой молодой натуры Ираида Филатьевна чувствовала себя свѣжѣе, испытывая тотъ приливъ силъ, какой дастъ намъ только молодость; въ ней смутно заговорило нравственное чувство, и она съ

ужасомъ оглянулась назадъ, гдѣ, какъ изъ тумана, выплывали совсѣмъ чужія для нея теперь фигуры: Бѣлоносова, Королькова и до m-r Пажона включительно.

— Все это... грязь и обманъ, — шептала она побѣлѣвшими губами, хватаясь за голову.

„Никто изъ этихъ подлецовъ и никогда не любилъ меня,—съ щемящей тоской думала она далѣе.—Развѣ это была жизнь? Сплошной обманъ и самообманъ. Охъ, Настенька, Настенька, не знаешь ты, моя ласточка, что Господь Богъ создалъ женщину въ минуту Своего гнѣва!..“

Когда Настенька была достаточно подготовлена къ принятію развитія, Ираида Филатьевна прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, пережила что-то въ родѣ священнаго трепета. Нервы у ней поразвинтились за время скитаній, и теперь то, что въ теоріи казалось такъ просто и ясно, на практикѣ волновало ее и даже нагоняло сомнѣнія. А если она не сумѣетъ приняться за дѣло?

— Настенька, а ты не думала иногда...—дрогнувшимъ голосомъ начала она свое роковое объясненіе. — Однимъ словомъ, у тебя не являлось желаніе учиться?

Настенька съ удивленіемъ посмотрѣла на свою покровительницу и какъ-то загадочно улыбнулась...

— Меня учила читать одна старушка-начетчица, — уклончиво отвѣтила она.

— По псалтырю? Можетъ-быть, она била тебя?

— Насъ пять дѣвочекъ у ней училось... Всѣхъ колотила. Возьметъ да козонками по головѣ и ударитъ, а то лѣстовкой по спинѣ отхлещетъ.

— Ну, я не про такое ученье говорю, моя милая. Тебѣ хотѣлось бы знать, какъ люди жили раньше, какъ они живутъ теперь въ разныхъ странахъ?.. Отчего у насъ бываетъ тепло и холодно, зима и лѣто, бѣдные и богатые, добрые и злые? Вѣдь все это интересно знать... да?

— Не знаю...

— А вотъ, если захочешь учиться, тогда и будешь все знать... Я сама тебя буду всему учить, хочешь?

— Хочу... А по-французскому вы будете меня учить?

— Если желаешь, и по-французскому будемъ учиться!

Съ этого разговора и началось развитіе Настеньки. Ираида Филатьевна не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ, достала изъ чемодана свои книжки и тетрадки и съ лихорадочнымъ жаромъ принялась за работу въ тотъ же день. Толстушка не хотѣла видѣть, что Настенька рѣшительно ничего не понимаетъ и не чувствуетъ и иногда потихоньку зѣваетъ, стараясь замаскировать себя рукавомъ. Ираида Филатьевна позабыла все на свѣтѣ и душила свою несчастную ученицу завѣтными книжками далеко за полночь, а ученицѣ эти книжки казались горше козонковъ и лѣстовки старухи-начетчицы.

VI.

За своей новой работой Ираида Филатьевна совсѣмъ охладѣла къ m-r Пажону, который только возмущалъ ее своей вѣжливостью и вообще всей накрахмаленной, молодившейся фигурой.

Дни дѣлались замѣтно короче, и по вечерамъ въ помѣщеніи гг. иностранцевъ отъ трехъ трубокъ стоялъ дымъ коромысломъ, чего, впрочемъ, сами курильщики не замѣчали. Пажонъ отъ скуки училъ двухъ пуделей, за кото-

рями Макаръ нарочно ѣздилъ за двѣсти верстъ; мистеръ Арчеръ ходилъ изъ угла въ уголъ, плотно сжавъ губы и заложивъ руки за спину; герръ Шоттъ возился со своимъ гербаріемъ, а когда всѣ ложились спать — онъ зажигалъ тоненькую восковую свѣчку, защищаемую шелковымъ экраномъ, и потихоньку работалъ изъ разноцвѣтной почтовой бумаги маленькій, очень красивый коврикъ. Нужно отдать справедливость трудолюбію и искусству герра Шотта: въ теченіе двухъ недѣль усиленной тайной работы онъ едва успѣлъ сдѣлать всего одинъ уголокъ краснаго коврика. Въ это время кузина мистера Арчера, не получая обычныхъ писемъ отъ кузена, пролила много напрасныхъ дѣвичьихъ слезъ; добрая дѣвушка изъ своей старой Англіи видѣла глазами любви дорогого кузена, пригвожденнаго на далекомъ Уралѣ къ одру болѣзни тяжкимъ недугомъ... Какъ бы удивилась эта милая особа, если бы увидѣла, какъ въ дѣйствительности крѣпко спалъ мистеръ Арчеръ самымъ здоровымъ сномъ и ужъ совсѣмъ не походилъ на трудно-больного человѣка. Дѣло въ томъ, что мистеръ Арчеръ былъ занятъ изученіемъ русскаго языка, и ему рѣшительно недоставало времени на письма.

Однажды, когда Ираида Филатьевна съ Настенькой чистили на крыльцѣ ягоды для какого-то варенья, мистеръ Арчеръ долго и сосредоточенно наблюдалъ за ихъ работой, а потомъ совершенно неожиданно процѣдилъ сквозь зубы, по-англійски, по-романомъ русскомъ языкѣ, комплиментъ красотѣ Настеньки.

Ираида Филатьевна рѣзко замѣтила мистеру Арчеру по-англійски:

До настоящей минуты я считала васъ, молодой человѣкъ, гораздо умнѣе... Развѣ можно говорить такія вещи молоденькимъ дѣвушкамъ?

— Я не виноватъ, что миссъ Анастази сегодня такая хорошенькая,— невозмутимо отвѣчалъ англичанинъ.

— Но вы все-таки должны себя держать джентльменомъ...

Занятія съ Настенькой по части развитія подвигались крайне туго, ученица не только не понимала умныхъ книжекъ и хорошихъ стиховъ, но обливалась крупнымъ потомъ надъ первыми четырьмя дѣйствіями ариѳметики. Такимъ образомъ пришлось немного измѣнить планъ развитія этой дикарки и вмѣсто умныхъ книжекъ высиживать съ ней ариѳметическія задачи. Однажды, когда такой урокъ порядкомъ надоѣлъ учительницѣ и ученицѣ, подъ окнами неожиданно раздался звонкій лошадиный топотъ, и Настенька быстро спряталась за косякъ.

— Да вѣдь это Хомутовъ?! — въ ужасѣ прошептала Ираида Филатьевна, которой сейчасъ же представилось, что этотъ ужасный человѣкъ пріѣхалъ за Настенькой.

Она выпрямилась и какъ-то вся надулась, какъ насѣдка, которая приготовилась защищать свой выводокъ отъ налетѣвшаго истреба; черезъ минуту она уже была на крыльцѣ и встрѣтила Хомутова очень холоднымъ вопросомъ:

— Вамъ кого угодно, милостивый государь?

— Да я *такъ* пріѣхалъ... — добродушно отозвался гигантъ, передавая своего тюркменскаго иноходца Макару.—Объ васъ соскучился, Ираида Филатьевна, ей-Богу!..

— А я тѣмъ о васъ нисколько... Однако вамъ кого угодно видѣть? Г. Пажонъ на пріискѣ, и въ конторѣ никого нѣтъ...

— Мнѣ вашего Пажона и не нужно совсѣмъ, пусть его погуляетъ по пріиску. Я собственно съ вами хотѣлъ побесѣдовать...

— Благодарю за вниманіе, но мнѣ какъ-разъ рѣшительно некогда сейчасъ.

— Я подожду...

— Да что вы привязались такъ? Кажется, могли бы сообразить, что я не желаю совсѣмъ бесѣдовать съ вами...

Хомутовъ нѣсколько мгновеній вопросительно смотрѣлъ на Ираиду Филатьевну, а потомъ со своей добродушной улыбкой проговорилъ:

— Вы, барынька, думаете, что я о Настѣ соскучился и пріѣхалъ отбивать ее у васъ?

Хомутовъ засмѣялся своимъ хриплымъ смѣхомъ и махнулъ рукой.

— Я не желаю знать, зачѣмъ вы пріѣхали сюда, но на вашемъ мѣстѣ я не сдѣлала бы такъ... Понимаете?

— Почему же это?

— Вы и этого не понимаете?—съ презрительной улыбкой проговорила Ираида Филатьевна.—Вы, кажется, увѣрены, что, имѣя деньги, можно дѣлать все и, мало этого, можно смотрѣть въ глаза другимъ людямъ съ чистой совѣстью...

— Это вы опять насчетъ Насти?

— Кажется, я довольно ясно высказалась...

Эти слова заставили Хомутова улыбнуться какой-то глупо-загадочной, безнадежной улыбкой, и онъ прибавилъ вполголоса:

— А вы спрашивали Настю, какъ все дѣло вышло?

— Я этого не желаю знать и не имѣю права на такіе вопросы...

Хомутовъ помолчалъ съ минуту и потомъ съ какою-то больной улыбкой проговорилъ:

— Знаете, Ираида Филатьевна... мнѣ васъ жаль... да! Вотъ вы образованная женщина и генеральскаго происхожденія, а *этого* не понимаете. Послѣ попомните мои слова, да будетъ поздно...

— Вы напрасно трудитесь застращивать меня: я не изъ робкаго десятка... и даже ждала съ вашей стороны этого подходца.

Хомутовъ молча повернулся, сѣлъ на своего иноходца и уѣхалъ на пріискъ.

Это посѣщеніе сильно встревожило Ираиду Филатьевну, и она со страхомъ ждала слѣдующаго появленія Хомутова на Коковинскомъ пріискѣ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней хомутовскій иноходецъ былъ привязанъ у самой конторы къ столбу, а его хозяинъ сидѣлъ въ комнатѣ съ гг. иностранцами, съ которыми велъ бесѣду при помощи герръ Шотта. Это нахальство и дерзость взорвали Ираиду, и она не показалась съ Настенькой за обѣдомъ на крыльцѣ. Она съ ужасомъ слушала, какъ раскупоривались бутылки и вся компанія начинала говорить все громче и громче.

— Сегодня же нужно уѣхать отсюда,—рѣшила про себя Ираида Филатьевна.—Этотъ разбойникъ, кажется, способенъ на все...

Она, вѣроятно, не замедлила бы привести свою мысль въ исполненіе сейчасъ же, но этому помѣшало то, что путь къ отступленію былъ отрѣзанъ: сейчасъ послѣ обѣда на крыльцѣ устроился сибирскій вистъ съ винтомъ, сопровождавшійся обильнымъ возліяніемъ. Очевидно, все было въ заговорѣ противъ нея, и она металась по своей комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Что вы такъ безпокоитесь?—старалась успокоить Настенька свою учительницу.—Велика бѣда, поиграютъ, напьются и разойдутся...

— Не вѣдь это заговоръ противъ меня! Понимаешь: противъ меня... Они всѣ запляшутъ подъ дудку этого Хомутова!.. Это какія-то куклы... Чтобы я послѣ этого осталась здѣсь?! Никогда!..

— Куда же вы думаете уѣхать?—нерѣшительно спрашивала Настенька.

— А ты поѣдешь со мной?

— Да...

— Тамъ увидимъ, куда... Свѣтъ не клиномъ сошелся, моя крошка. Давно бы слѣдовало уѣхать, да все проклятая лѣнь заѣдала: съ насиженнаго мѣста не хотѣлось трогаться. Э!.. все это вздоръ... Мы еще съ тобой поживемъ...

Настенька тихо засмѣялась.

— Ты надъ чѣмъ это смѣешься?—обидчиво спрашивала Ираида Филатьевна.

Дѣвушка молча кивнула головой по направленію дверей, откуда доносился смѣшанный гулъ голосовъ.

Игра продолжалась до самаго вечера, а когда все стихло, Ираида Филатьевна осторожно выглянула въ слегка пріотворенную дверь. На крыльцѣ никого не было, и только показавшійся молодой мѣсяцъ матовыми серебряными полосами игралъ по зеленой травѣ. Ираида Филатьевна вышла на крыльцо и въ ужасѣ отступила назадъ: на ступенькахъ лѣстницы, гдѣ она недавно разговаривала съ Шипицынымъ, теперь сидѣлъ самъ Хомутовъ и смотрѣлъ на нее остановившимся, безсмысленнымъ взглядомъ совсѣмъ пьянаго человѣка.

— П-послу-ушай...—замычалъ Хомутовъ, дѣлая напрасное усиліе подняться на ноги.— Все гор-ритъ въ нутрѣ... воды испить... смерть моя пришла...

Эта безсвязная рѣчь разогнала весь страхъ Ираиды Филатьевны, и она, не давая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, побѣжала въ комнату за графиномъ воды и нашатырнымъ спиртомъ. Вся проза вытрезвленія была ей извѣстна досконально. Чтобы сразу привести въ чувство Хомутова, Ираида Филатьевна въ стаканъ съ водой пустила нѣсколько капель нашатырнаго спирта. Это лошадиное лѣкарство для этого колосса было дѣтской игрушкой.

— Спасибо, барынька...—проговорилъ потомъ Хомутовъ, когда выпилъ два графина самой холодной воды.

— Натирайте виски вотъ этимъ спиртомъ...

— Нѣтъ, не надо... Ты мнѣ чего-то подсунула, барынька? Сразу весь хмель вышибло... А все это твой Пажонъ, старый пѣтухъ: присталъ съ шартрезомъ, что не выпить мнѣ одному бутылки. Ну, и выпилъ... Перехитрилъ, французскій пѣтухъ!.. Совсѣмъ-было ослабѣлъ... да... ослабѣлъ. Отродясь не бывало этакого страму...

— А вы сегодня не ѣздите домой.

— Нѣтъ, не поѣду... Я еще съ тобой буду говорить.

— Послушайте... вы забываетесь!..

— Нѣтъ, ты теперь меня послушай, барынька... Ты меня послушай!.. Да ты меня не бойся... Скажи сейчасъ: „Хомутовъ, але-маршъ въ воду!“ Только пузырьки пойдутъ... Ей-Богу!.. Да... Э-эхъ, барынька, барынька!.. Разговоръ-то у меня мужицкій, ну, да не въ этомъ дѣло... А вѣдь я тебя полюбилъ, вотъ те Христосъ. Какъ ты меня тогда отругала... помнишь, въ моей конторѣ? Ну, я тебя и полюбилъ...

— Вамъ, право, теперь спать пора, а въ любви мнѣ успѣете объясниться завтра,—уговаривала Ираида Филатьевна.

— Нѣтъ, ты слушай... И обругать человѣка не мудрено,—продолжалъ Хомутовъ въ какомъ-то раздумьѣ:—вонъ Шипицынъ даже искусалъ меня тогда... Не въ этомъ дѣло!.. Да... Видишь, у Хомутова много золота, да не все золотомъ купишь. Такъ? Вотъ и Настя... Ну, да это другая статья совсѣмъ. Я про тебя-то хочу сказать, какъ ты меня тогда приняла, какъ наступила на меня... Ха-ха!.. Нѣтъ, видно, не все золотомъ купишь... Вотъ я тебя тогда за то и полюбилъ, потому неподкупная, гордая у тебя душа. Ты и сама себѣ цѣны не знаешь, и Настя не знаетъ... Да! А я вотъ тебя на-

сквозь вижу... Вижу, какъ ты меня боишься и ненавидишь. А напрасно... боишься-то напрасно!.. Хомутовъ—пропащая голова... вѣрно!.. А отчего онъ пропадетъ? Отъ силы отъ своей, барынька, отъ силы-мочи... Некуда съ ней ему дѣться. Такъ-то!.. Всѣ льнутъ къ золоту, всѣ тебя обманываютъ, ну, и разстервенишься... Теперь, взять, какія наши бабы? Былъ я женатъ и еще жениться могу, а всѣ эти наши бабы на одну колодку скроены: либо боится тебя, какъ мышь, либо подъ башмакъ загонитъ, а настоящей чести въ такой бабѣ все-таки нѣтъ... Гонору нѣтъ, потому такъ она себя не чувствуетъ, своей силы не знаетъ. Вотъ я тебя и жалѣю,—неожиданно прибавилъ Хомутовъ, встряхивая своей головой:—задарма пропадешь, барынька.

— Это не ваша забота.

— Нѣтъ, погоди... я вѣдь тебя отъ совѣсти жалѣю: теперь тебѣ тяжело, а впереди еще тяжельше будетъ... Вѣр-рно!.. Ты меня сторожишься, а себя не жалѣешь... Вѣда-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ...

— Чего же мнѣ жалѣть себя?

— Сама себѣ бѣду наживешь... Твоя-то бѣда теперь тебѣ въ глаза смотритъ, улыбается, а...

— Вздоръ!..

— Ты думаешь, Хомутовъ пьянъ, зря мелетъ... Нѣтъ, голубчикъ, у Хомутова сердце объ тебѣ болитъ... да!..

— Скажите мнѣ одно,—уже задумчиво и серьезно проговорила Ираида Филатьевна, усаживаясь на крылечко рядомъ съ Хомутовымъ:—зачѣмъ вы разорили Шипицына, обольстили его любимую дочь и теперь его же и ненавидите?

— Съ Шипицынымъ насъ Богъ разсудитъ... Мы тутъ всѣ запутались, а теперь поди, разбирай, кто правъ.

— Положимъ даже, что вы и сами не увѣрены были въ своей виновности, чего же стоило вамъ выбросить старому другу пять-десятъ тысячъ, чтобы оградить себя отъ нареканій!.. Вотъ чего я не понимаю! Вѣдь вы другимъ помогаете же, я знаю, а Шипицына преслѣдуете...

— Видите, барынька, прежде-то я даже и думалъ ему помочь, да онъ все со зломъ да съ гордостью ко мнѣ приставалъ. Ну, оно, это самое дѣло, такъ и затянулось... А теперь ужъ ему не поможешь, Шипицыну-то. Если ты скажешь одно слово,—прибавилъ Хомутовъ,—своими ручками бери и отдай Шипицыну, сколько тебѣ поглянется. Отворю сундукъ—и бери...

— Нѣтъ, вы лучше сами ему отдайте, а не для меня.

— Не могу... Шипицынъ-то вамъ разсказывалъ, да не все. Есть у меня старушка-мать, очень древняя старушка, вотъ она и проклянетъ меня, ежели я помогу Шипицыну. Видишь, у ней съ Шипицынымъ разговоръ такой вышелъ, крупный разговоръ. Надо полагать, сказалъ онъ ей, матери-то моей, что ни на есть обидное. А что онъ ей сказалъ—я неизвѣстенъ, потому родительница молчитъ... Мать-то мнѣ прямо сказала: „Прошка, ежели ты хоть грошъ дашь Шипицыну, нѣтъ тебѣ моего благословенія родительскаго во вѣки вѣковъ. Прокляну... А безъ моего благословенія погибнешь, аки червь!“ Идравная старуха, однимъ словомъ.

— Ну, а я, барынька, домой,—заговорилъ Хомутовъ, прерывая самъ себя и поднимаясь съ мѣста.—Топнехонько мнѣ на твоихъ французовъ смотрѣть...

Какъ Ираида Филатьевна ни уговаривала Хомутова не ѣздить ночью, онъ настоялъ на своемъ и взлѣзъ на выстоявшагося иноходца.

— Пріѣзжайте какъ-нибудь,—проговорила Ираида Филатьевна, когда Хомутовъ снялъ шляпу,—побесѣдуемъ.

— Спасибо, барынька... Это я тебѣ пьяный все разболталъ, а трезвому стыдно будетъ глаза показать. Да... А ты подумай, о чемъ я тебѣ толковалъ. Ежели круто придется, только перешли мнѣ нѣсточку: я всѣхъ въ одинъ узелъ завяжу для тебя... Слышала?..

— Нѣтъ, мнѣ еще ни къ кому не случалось обращаться за помощью...

— Гордость одолѣла... Ну, какъ знаешь... А только помни мое слово: берегись того, кого любишь.

Хомутовъ стегнулъ нагайкой иноходца и пропалъ въ бѣломъ густомъ туманѣ, которымъ былъ залитъ весь пріискъ; только удары лошадиныхъ копытъ о камни еще нѣсколько мгновеній нарушали мертвую тишину лѣтней уральской ночи.

Когда Ираида Филатьевна вернулась въ свою комнату, Настенька уже спала въ своей кровати крѣпкимъ сномъ. Она, очевидно, дожидалась Ираиды Филатьевны и прилегла на кровать, не раздѣваясь. „Берегись того, кого любишь“,—вспомнила Ираида слова Хомутова и долго и внимательно смотрѣла въ спокойное лицо Настеньки, залитое ровнымъ горячимъ румянцемъ. Дѣвушка спала, слегка раскрывъ свои пухлыя розовыя губы; ровное, спокойное дыханіе едва можно было замѣтить, по лицу расплывалась какая-то неопредѣленная мысль, заставлявшая одну бровь приподниматься. Длинныя пушистыя рѣсницы бросали на закрытые глаза густую тѣнь, такъ что казалось, что эти глаза смотрятъ, смотрятъ не зрачкомъ, а какъ темныя неясныя пятна.

Странно, за нѣсколько часовъ передъ этимъ Ираида Филатьевна считала Хомутова разбойникомъ и страшно боялась его, а теперь... теперь ей немножко было жаль его. Это было совсѣмъ особенное чувство, которое столько разъ губило Ирочку. Она хорошо знала его симптомы: душу охватывала неопредѣленная тоска, между тѣмъ въ сердцѣ теплилось горячее желаніе и глаза застилало туманомъ.

— Ну, Ирочка, пожалуйста, безъ глупостей,—проговорила она сама себѣ вслухъ, распахивая окно.

Половина неба была заткнута тучей; гдѣ-то вдали глухо рокотала лѣтняя гроза и тянуло свѣжей пахучей струей. Передъ грозой трава всегда сильно пахнетъ. Нѣсколько звѣздочекъ весело мигали въ углу окна.

VII.

Хомутовъ дѣйствительно больше не показывался на Коковинскомъ пріискѣ; Ираида Филатьевна скоро позабыла о немъ и его странныхъ разговорахъ.

Приближалась осень. Въ жизни Ираиды Филатьевны это время года всегда являлось критическимъ моментомъ, и ее всегда страшно тянуло куда-нибудь въ городъ. Но теперь она была не одна, и ее очень заботилъ вопросъ о будущемъ. Чѣмъ онѣ будутъ существовать съ Настенькой? Гдѣ устроятся? Не махнуть ли съ послѣдними пароходами въ Питеръ? Послѣдняя мысль была особенно заманчива, но Ираида Филатьевна боялась сразу окунуть свою воспитанницу въ вѣчныя сумерки столичнаго существованія, съ его голодовками и холодовками. Сама Настенька не высказывалась, куда ей хотѣлось бы переѣхать, и отвѣчала каждый разъ уклончиво.

— Мы съ тобой такъ сдѣлаемъ пока,—предлагала Ираида Филатьевна:—возьмемъ у г. Пажона отпускъ недѣли на двѣ, съѣздимъ въ сосѣдній городъ. Можетъ-быть, тамъ устроимся, а если нѣтъ, тогда махнемъ дальше.

Настенька ничего не имѣла противъ такого плана, и онѣ рѣшились

выѣхать черезъ три дня. Но наканунѣ отъѣзда Настенька сильно прихворнула. Голова у ней была горячая, глаза мутны.

— Придется одной ѣхать,—рѣшила Ираида Филатьевна.—Медлить нельзя.

— А какъ же я здѣсь одна останусь?—спрашивала Настенька.—Я боюсь.

— Глупости... Кругомъ порядочные люди, и никто не осмѣлится безпокоить мою больную дѣвочку.

Передъ самымъ отъѣздомъ, когда лошади уже были поданы, Настенька неожиданно расчувствовалась и расплакалась. Эти первыя слезы тронули Ираиду Филатьевну, и она, цѣлуя Настеньку, ласково ее спрашивала:

— О чемъ ты плачешь, моя крошка? Вѣдь я скоро вернусь и увезу тебя отсюда. Съ тобой вмѣсто меня останется одна старушка, которая не дастъ тебя никому въ обиду. Ну, о чемъ ты плачешь?

— А если вы не пріѣдете?—сквозь слезы спрашивала Настенька.

— Вздоръ!.. Будь умницей и выздоравливай поскорѣе.

— Вы всегда такъ любили меня... заботились...

— О, это пустяки, моя хорошая!.. Я тебѣ всегда говорила, что мы всѣ эгоисты и все на свѣтѣ дѣлаемъ для собственнаго удовольствія или выгоды. Если я тебя взяла къ себѣ, значитъ, мнѣ это было или выгодно, или пріятно, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь благодарности.

— Скорѣе пріѣзжайте, Ираида Филатьевна! Мнѣ безъ васъ будетъ очень скучно.

Настенька бросилась къ ней на шею и со слезами цѣловала ей все лицо и шею, такъ что та принуждена была даже поохладить эти нѣжности. Загадочная Настенька притихла и какъ-то вся съежилась; она показалась теперь Ираидѣ Филатьевнѣ такой маленькой и жалкой дѣвочкой.

— Вы мнѣ отвѣчаете за мою дѣвочку... Понимаете?.. — проговорила Ираида Филатьевна при отъѣздѣ Пажону.

— О, будьте покойны, совершенно покойны!—увѣрялъ старикъ, улыбаясь слащавой неопредѣленной улыбкой.

— Особенно берегитесь Хомутова...—настаивала Ираида Филатьевна.—Это такой человѣкъ, который... Однимъ словомъ, вы мнѣ отвѣчаете за все, что здѣсь случится.

Въ душѣ ея опять проснулся безотчетный страхъ къ Хомутову, и она оставила пріискъ въ самомъ тревожномъ настроеніи. Едва ли она такъ тревожилась бы, если бы оставляла на пріискѣ свою родную дочь.

Ровно черезъ недѣлю Ираида Филатьевна возвращалась домой и нетерпѣливо ждала, когда изъ-за лѣса увидитъ наконецъ коковинскую пріисковую контору.

Дѣла были устроены, работа отыскана, но всю дорогу у Ираиды Филатьевны болѣло сердце. Она сама не могла отдать себѣ отчета въ своей тревогѣ. То ей казалось, что Настенька опасно больна; то она видѣла Хомутова, который ѣхалъ на Коковинскій пріискъ съ коварной цѣлью похитить Настеньку; то она начинала бояться тысячи тѣхъ случайностей, которыя можетъ придумать только возбужденный мозгъ.

Наконецъ дорога кончилась, съ вершины послѣдней горки Ираида Филатьевна увидѣла вдали знакомый низенькій домикъ, о которомъ она столько думала. По наружному виду все оставалось попрежнему, и изъ одной трубы весело поднималась кверху синяя струйка дыма.

Когда экипажъ подъѣзжалъ къ самой конторѣ, Ираида Филатьевна замѣтила, какъ изъ-за угла показалась-было фигура Шишкина и быстро спряталась. Тяжелое предчувствіе сдавило ея сердце. Выѣзая изъ экипажа, она замѣтила голову Пажона, которая выглянула изъ дверей конторы и быстро спряталась. Изъ людской показался герръ Шоттъ въ ермолкѣ и въ старомъ халатѣ; старикъ несъ въ рукахъ что-то бѣлое. Ираида Филатьевна замѣтила издали, что это были женскіе воротнички и манжеты. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣмецъ остолбенѣлъ, выпустилъ изъ рукъ свою ношу и, шлепая стоптанными туфлями, какъ пойманный школьникъ, побѣжалъ обратно въ людскую.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое! — проворчала Ираида Филатьевна, взбѣгая на крыльцо.

Она только-что хотѣла отворить дверь въ свою комнату, какъ ей загородила дорогу молодая горничная въ накрахмаленномъ бѣломъ передникѣ.

— Нельзя-съ...—бойко проговорила горничная.—Барыня почиваютъ... Не приказано будить.

— Какая барыня? Да ты съ ума сошла, моя милая... Я здѣсь барыня и пріѣхала къ себѣ домой.

— Никакъ нѣтъ-съ... У насъ барыней Настасья Яковлевна. Третьева-дня свадьба была въ ...скомъ заводѣ.

— Какая свадьба? Что̀ ты мелешь?..

— Баринъ Пажонъ-съ женились на Настасьѣ Яковлевнѣ. Обыкновенная свадьба... А меня приставили къ барынѣ горничной.

Ираида Филатьевна безсильно опустилась на стулъ, и у ней въ головѣ все пошло кругомъ. Горничная съ двусмысленной сдержанной улыбкой смотрѣла на нее и не оставляла дверей.

Ираида Филатьевна плохо помнила, сколько времени она просидѣла въ этомъ положеніи; ее заставила очнуться маленькая желтая собачка, которая, съ чисто-собачьимъ участіемъ къ человѣческому горю, ласково лизала ей руки. Откуда взялась эта собака—Богъ ее знаетъ: до этого времени Ираида Филатьевна никогда не видала ея на пріискѣ.

— Куда?—проговорила глухо Ираида Филатьевна, когда пришла въ себя.—Куда теперь?

Горничная ушла отъ дверей, за которыми слышался теперь шелестъ накрахмаленныхъ юбокъ и плескъ воды. „Барыня умывается... — подумала Ираида Филатьевна и сейчасъ же прибавила про себя: — А я зачѣмъ сижу здѣсь?“

Было часовъ двѣнадцать; солнце стояло надъ головой, но въ его лучахъ уже не было лѣтняго зноя. Дыханіе наступавшей осени чувствовалось во всемъ: зелень на деревьяхъ поблѣднѣла и перешла въ желтые тона; трава высохла; недавній утренникъ прихватилъ нѣсколько молодыхъ березокъ, и онѣ выдѣлялись изъ остального лѣса яркими, лимонно-желтыми пятнами. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, какъ облитая кровью, стояла осина.

— Зачѣмъ же обманъ?..—стонала Ираида Филатьевна, хватаясь за голову.—Зачѣмъ было обманывать?

— Войдите,—послышался изъ-за дверей голосъ Настеньки.

Въ первую минуту Ираида Филатьевна не хотѣла итти въ свою комнату, но потомъ ее страстно потянуло туда. Еще разъ взглянуть на *нее*, на ту, за которую она готова была отдать свою жизнь.

Когда Ираида Филатьевна вошла въ комнату, Настенька лѣниво поднялась къ ней навстрѣчу изъ-за туалета, предъ которымъ поправляла свой батистовый чепчикъ съ эльзасскимъ бантомъ. На ней былъ надѣтъ длинный батистовый пеньюаръ со множествомъ богатыхъ прошивокъ.

Отъ объясненія съ Настенькой у Ираиды Филатьевны закружилась голова и подкосились ноги: ей предложили поискать другого мѣста. Она хотѣла крикнуть, но только беззвучно раскрыла ротъ и жалкимъ растеряннымъ взглядомъ смотрѣла на улыбавшуюся Настеньку. Можетъ-быть, все это сонъ?—мелькнуло въ ея головѣ, и она даже провела ладонью по холодному лбу,—нѣтъ, это была сама дѣйствительность, которая жгла ей грудь и камнемъ давила сердце.

— А я чуть не забыла...—спохватилась Настенька, придавая своему лицу серьезное выраженіе.—Безъ васъ здѣсь почти каждый день пріѣзжалъ Хомутовъ и все спрашивалъ, когда вы пріѣдете. Онъ навѣрно и сегодня будетъ...

— Настенька!..—глухо застонала Ираида и выбѣжала изъ комнаты.

— Куда? Зачѣмъ?"—вертѣлись въ головѣ ея вопросы, когда она очутилась на крыльцѣ и на нее пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

Лѣсъ былъ такъ же зеленъ, какъ всегда; осеннее солнце обливало золотыми волнами все кругомъ; гдѣ-то беззаботно чиликала безыменная лѣсная птичка; покосомъ и тишиной вѣяло отовсюду,—той тишиной, какой природа преисполняется только осенью, какъ человѣкъ, который готовъ заснуть.

„Куда? Зачѣмъ? — уже вслухъ спрашивала себя Ираида Филатьевна, безцѣльно хватаясь одной рукой за дорожную сумочку.

Она упала на первый попавшійся на глаза стулъ и, схватившись за голову обѣими руками, тихо зарыдала. Цѣлый рядъ яркихъ картинъ промелькнулъ въ ея головѣ, и каждая картина раздавливала ее, какъ колеса катившагося по ней поѣзда, и тутъ же изъ глубины души, изъ полузабытыхъ дѣтскихъ воспоминаній, неизвѣстно какъ, зачѣмъ и для чего, выплыла тихая семейная сцена... Вотъ Ирочкѣ восемь лѣтъ; она лежитъ въ своей теплой мягкой постелькѣ и сладко спитъ утреннимъ дѣтскимъ сномъ, котораго никакъ не можетъ разогнать старая няня Акимовна, выняньчившая еще самого генерала Касаткина, — „Ирушка, вставай, голубушка, — шепчетъ старушечій голосъ, и костлявая сморщенная рука забирается подъ одѣяло, чтобы пощекотать баловницу:—благовѣстятъ, Ирушка".—„Я сейчасъ, Акимовна: одну минуточку",—сладко шепчетъ дѣвочка, не открывая глазъ. Опять набѣгаетъ сладкій и могучій дѣтскій сонъ, и опять слышится старушечій голосъ:—„Ирушка, отблаговѣстили!.." Чьи-то дрожащія руки любовно и осторожно натягиваютъ чулокъ на дѣтскую ногу, и маленькая Ирочка сквозь сонъ, точно изъ Богъ знаетъ какой дали, слышитъ: „Ирушка, трезвонятъ... Вставай, ласточка!"—„Акимовна, голубчикъ, одну секундочку"... Старушка долго смотритъ на разметавшуюся дѣвочку, качаетъ задумчиво головой и ласково шепчетъ:—„Ну, ипъ, понѣжься"... Но черезъ мгновеніе старая Акимовна приходитъ въ себя и какимъ-то испуганнымъ голосомъ начинаетъ шептать:—„Ирушка, оттрезвонили! А?.. Ирушка, отблаговѣстили!"...

— Отблаговѣстили... оттрезвонили... — машинально повторяетъ теперь Ираида Филатьевна слова старой Акимовны, и теперь они жгутъ ее огнемъ: впереди темно, холодно, некуда больше итти...

Конскій топотъ заставилъ ее поднять голову; не видя еще ничего, она уже чувствовала, что это ѣдетъ Хомутовъ. Да, это его иноходецъ звонко бьетъ копытомъ землю... Первымъ движеніемъ ея было куда-нибудь убѣжать, скрыться, но она вспомнила, какъ давеча бѣжалъ отъ нея Шоттъ, какъ прятался за уголъ Шипицынъ—и осталась на мѣстѣ. А Хомутовъ уже входитъ на крыльцо въ какомъ-то татарскомъ азямѣ и издали улыбается ей. Она ненавидѣла его въ это мгновеніе, ненавидѣла за его физическую силу, за самоувѣренную улыбку...

— Ираида Филатьевна...

— Не подходите...—въ ужасѣ шепчетъ она, точно стараясь что-то припомнить.—Погодите, одну минуту погодите...

Хомутовъ остановился съ протянутой рукой на воздухѣ.

— Послушайте, сходите къ *ней*,—шепчетъ она, показывая головой на контору:—скажите ей, что я прощаю ей все... Понимаете: рѣшительно все!.. Я уйду отсюда, только... только я хочу проститься съ ней.

Хомутовъ нехотя вошелъ въ контору, и Ираида Филатьевна отъ слова до слова слышала его разговоръ съ Настенькой, которая нарочно громко отрѣзывала каждое слово.—„Что еще за нѣжности?“—почти кричала она на Хомутова.

Когда Хомутовъ повернулся къ двери, глухой выстрѣлъ заставилъ его вздрогнуть. На крыльцѣ, корчась въ предсмертной агоніи, лежала Ираида Филатьевна, около нея валялся дрянной револьверъ. На выстрѣлъ изъ всѣхъ щелей показались люди и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, начали поднимать умиравшую.

— Отходитъ...—прошепталъ Макаръ, когда Ираида Филатьевна расхрустилась на его рукахъ, какъ подстрѣленная птица.

Уткнувшись въ уголъ лицомъ, тихо захныкалъ старикъ Шипицынъ; Хомутовъ стоялъ надъ самоубійцей растерянный и убитый.

— Эхъ, свѣтлая была душа...—медленно и съ разстановкой проговорилъ онъ, глубоко надвигая на свою голову широкую шляпу.

М-г Пажонъ, глядя на безмолвно лежавшую m-lle Иру, молодцевато покручивалъ усы. Мистеръ Арчеръ безстрастно осмотрѣлъ бывшую переводчицу и ушелъ къ себѣ въ комнату, стобы продолжать начатое письмо въ Англію къ кузинѣ, которая не получала отъ него никакихъ извѣстій въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

1883.

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

Повѣсть.

I.

— Господи, какъ дороги дрова, Антонида Васильевна!

— А квартиры, Яковъ Иванычъ?

— И квартиры тоже... Все новые дома строятъ, все строятъ, а квартиры и не думаютъ дешевѣть. Я за свою конурку пять рублей плачу, Антонида Васильевна... Впрочемъ, нужно будетъ перемѣнить квартиру.

— Я три рубля плачу вотъ за эту мерзость, Яковъ Иванычъ. И квартиры дороги, и дрова дороги, и люди нынѣшніе—дрянь.

— Совершенно вѣрно-съ: дрянные люди. Даже и не люди, а такъ что-то такое: взять въ руки нечего. Даже молодежь—и та ничего не стоитъ. А въ наше-то время, Антонида Васильевна... Господи, точно все это во снѣ видишь!.. Закроешь глаза и видишь...

— Въ живыхъ-то только мы съ вами остались.

— Да... Сколько лѣтъ будетъ, какъ умеръ Крапивинъ?

— Ахъ, давно... двадцать лѣтъ.

— Неужели? А точно вотъ вчера все было... И генералъ умеръ, и Додоновъ... всѣ умерли.

Послѣ этихъ грустныхъ воспоминаній наступила длинная пауза. Яковъ Ивановичъ долго жевалъ своимъ беззубымъ ртомъ, перебиралъ въ рукахъ платокъ, щурился и тяжело вздыхалъ. Все это было прелюдіей къ одному и тому же разговору, который всегда бѣсилъ Антониду Васильевну. О, она отлично знала, что старикъ пройдется своею разслабленною походкой по комнатѣ, поправитъ старомодный воротникъ сюртука и проговоритъ:

— А вѣдь я говорилъ вамъ *тогда*, Антонида Васильевна... Ахъ, напрасно вы меня не послушались!..

Антонида Васильевна вскакивала съ мѣста, выпрямлялась и, принявъ гордую позу, отвѣчала одно и то же:

— Яковъ Иванычъ, вы никогда меня не понимали!

— Сорокъ лѣтъ я вамъ повторяю одно и то же... Ахъ, напрасно, Антонида Васильевна! Помилуйте, я тогда прямо сказалъ вамъ: покаетесь, Антонида Васильевна, да будетъ поздно. Да...

— И не покаюсь!

— А вотъ покаетесь.

— А нѣтъ!

Глядя на старика, Антонида Васильевна часто думала: „Совсѣмъ изъ ума выжилъ человѣкъ... и куда что̀ дѣвалось, подумаешь!..“ Яковъ Ивано-

вичъ думалъ то же, глядя на Антониду Васильевну, и грустно качалъ головой. Неужели это она, та Антонида Васильевна, за которой ухаживалъ самъ хромой генералъ?.. Сгорбилась, обрюзгла, состарилась, глаза слезятся, лицо въ морщинахъ, волосы сѣдые,—даже тѣни не осталось отъ прежней красавицы. Все тлѣнъ и суета, а женщины всегда останутся легкомысленными созданіями и будутъ всегда жить сегодняшнимъ днемъ. Яковъ Ивановичъ съ сожалѣніемъ оглядывалъ пустую комнату своей пріятельницы, просиженный диванъ, единственный комодъ, заключавшій въ своихъ нѣдрахъ все движимое Антониды Васильевны, и еще разъ качалъ головой.

— Не хотите ли кофе, Яковъ Иванычъ?

— Отчего же... Я, знаете, когда шелъ сюда, то думалъ: а хорошо бы напиться кофе. Кровь согрѣвается.

Пока Антонида Васильевна возилась около самовара и согрѣвала дрянной жестяной кофейникъ, Яковъ Ивановичъ ходилъ своими старческими шажками и что-нибудь разсказывалъ.

— Вчера я былъ на рынкѣ, Антонида Васильевна... Капуста была такая дешевая. Я всегда у одной прасолки покупаю... Обманываетъ она меня, но я ужъ привыкъ къ ней. Хорошо-съ... Стою я съ мѣшкомъ около лавки, а на меня лошадь... ей-Богу, чуть не смяли. Сидитъ купчиха и говоритъ: „Я два воза капусты купила да возъ огурцовъ“. Вѣдь это очень выгодно, Антонида Васильевна, т.-е. выгодно все оптомъ покупать. Конечно, у кого есть деньги, такъ тѣмъ выгодно... Вотъ говядина тоже, сахаръ, кофе... Я всегда завидую богатымъ: все дешево покупаютъ, потому что вò-время. Привезли капусту—давай капусту, закололи теленка—давай теленка... хе-хе!.. Я прежде тоже хозяйственно жилъ и всегда дѣлалъ запасы... Своя коровка была, лошадка... Вы мнѣ не крѣпко наливайте: докторъ не велитъ пить крѣпкій кофе.

— Знаю, знаю... Вотъ вамъ сливки, Яковъ Иванычъ.

— Благодарю... Такъ я и говорю, Антонида Васильевна: хорошо богатымъ людямъ на свѣтѣ жить. Комнаты большія, свѣтлыя, теплыя, запасовъ всякихъ много, да еще деньги въ банкѣ лежатъ. Понадобилось—и взялъ изъ банка..

— Да, отлично.

Старики часто ссорились, особенно въ ненастную погоду, но одинъ безъ другого сильно скучали. Однажды у Якова Ивановича заболѣли ноги, и онъ цѣлую недѣлю не показывался. Антонида Васильевна даже всплакнула про себя и послала знакомую кухарку узнать о здоровьѣ. Сама она не рѣшалась навѣстить своего стараго друга: какъ она придетъ на квартиру къ холостому человѣку? Впрочемъ, старики хворали рѣдко, хотя Якову Ивановичу стукнуло уже восемьдесять лѣтъ, а Антонидѣ Васильевнѣ было подъ семьдесятъ. Какъ особа съ тактомъ, старушка не показывала вида, что рада каждому визиту своего стараго друга и что безъ него страшно скучаетъ. Мужчины неблагодарны, и тотъ же Яковъ Ивановичъ могъ подумать про нее Богъ знаетъ что̀, какъ всѣ мужчины. Имъ только позволь... Отношенія Якова Ивановича дѣйствительно носили корыстный характеръ: отчего не напиться кофе фирмы „Чужой и К°“, а потомъ, все-таки моціонъ полезная вещь, и наконецъ керосинъ напрасно горитъ, когда сидишь одинъ дома. Угощать Антонида Васильевна любила, какъ всѣ женщины,—у ней это было въ натурѣ отдавать послѣднее. Вотъ это-то и довело ее до каморки, когда другія женщины, которыя не сто̀ятъ ея пальца, разъѣзжаютъ на рысакахъ и покупаютъ капусту возами.

А какіе бываютъ скверные дни осенью, когда дождь зарядитъ съ утра! На улицахъ грязь, окна въ комнатахъ отпотѣютъ, изъ всякой щели ползетъ предательская сырость, и богатые кажутся еще богаче, а бѣдность еще бѣднѣе. Яковъ Ивановичъ кашлялъ, охалъ и все-таки ползъ къ Антонидѣ Васильевнѣ, чтобы хоть поскучать вмѣстѣ. Именно стоялъ такой ненастный день, когда старикъ явился напиться кофе къ Антонидѣ Васильевнѣ. Онъ въ темной передней бережно снялъ калоши, осторожно поставилъ въ уголокъ свой зонтъ, снялъ отяжелѣвшую отъ дождя шинель съ крагеномъ и проговорилъ въ дверяхъ:

— Можно войти, Антонида Васильевна?

Яковъ Ивановичъ былъ самый вѣжливый и деликатный человѣкъ, и Антонида Васильевна именно за это его и любила больше всего: увы, такихъ вѣжливыхъ людей больше нѣтъ... Нынѣшніе люди не понимаютъ такой простой истины, что вѣжливость—это цѣлый капиталъ, и что, благодаря именно ей, въ свое время Яковъ Ивановичъ всегда пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ у женщинъ. О, любовь ему ровно ничего не стоила, и ему многое прощалось именно за умѣнье держать себя. Яковъ Ивановичъ во-время умѣлъ быть и смѣлымъ и скромнымъ, и всегда молчалъ: ни одной тайны не было имъ выдано. Вотъ секретъ дожить до восьмидесяти лѣтъ, еще въ силахъ, а дальше уже „трудъ и болѣзнь“... Женщины любили Якова Ивановича и въ критическихъ случаяхъ совѣтовались съ нимъ, какъ было и съ Антонидой Васильевной. Конечно, онѣ дѣлали по-своему, а Яковъ Ивановичъ молчалъ, будто ничего не знаетъ.

— Пожалуйте, Яковъ Иванычъ...

Занявъ свое обычное мѣсто на диванѣ, Яковъ Ивановичъ съ присущею старымъ людямъ проницательностью сразу замѣтилъ, что Антонида Васильевна была сегодня не въ своей тарелкѣ. Можетъ-быть, получила непріятное письмо? Нѣтъ, писемъ она уже давно ни отъ кого не получала. Время писемъ миновало для нея... Что бы такое могло быть?

— Холодно, Антонида Васильевна.

— Очень холодно, Яковъ Иванычъ.

Въ своемъ темномъ люстриновомъ платьѣ Антонида Васильевна походила бы на монашку, если бы лицо ея не было покрыто темными пятнами отъ дрянныхъ старинныхъ бѣлилъ. У монахинь лицо бываетъ такое бѣлое и кожа—точно корка просфоры. Дома воротничковъ и рукавчиковъ она не носила, а когда приходилъ Яковъ Ивановичъ, накидывала на плечи стареньную ковровую шаль. Теперь Антонида Васильевна куталась въ свою „тряпочку“, какъ она называла шаль, сильнѣе обыкновеннаго и старалась не смотрѣть на гостя. Перебравъ всѣ темы, Яковъ Ивановичъ вопросительно поглядѣлъ на дверь, откуда долженъ былъ появиться кипѣвшій самоваръ. Онъ не понималъ, зачѣмъ хозяйка такъ медлитъ, а сегодня ему особенно хотѣлось напиться кофе,—мерзавецъ погода.

— Вы здоровы ли, Антонида Васильевна?—спросилъ онъ наконецъ, аккуратно понюхавъ табаку.

Антонида Васильевна что-то перебирала на своемъ комодѣ и удивленно оглянулась, а потомъ быстро вынула изъ кармана платокъ и закрыла имъ лицо. Послышались сдержанныя всхлипыванія. Какъ всѣ мужчины, Яковъ Ивановичъ не выносилъ женскихъ слезъ и разсердился. Помилуйте, такъ могутъ капризничать однѣ дѣвчонки... О, онъ хорошо знаетъ цѣну этимъ женскимъ слезамъ и никогда имъ не вѣрилъ. Въ немъ проснулась старческая жестокость. Но Яковъ Ивановичъ всегда былъ вѣжливый дамскій кава-

лоръ, поэтому, давъ время пройти пароксизму, спросилъ по возможности ласково:

— Что съ вами, Антонида Васильевна?.. Не могу ли я чѣмъ-нибудь быть полезнымъ?

— У меня... у меня нѣтъ больше кофе!..

Яковъ Ивановичъ былъ огорченъ, но все-таки плакать не слѣдовало. Въ жизни ему приходилось много видѣть женскихъ слезъ, и поэтому онъ пустилъ въ оборотъ тотъ безсмысленный наборъ фразъ, какими утѣшаютъ плачущихъ женщинъ. Женщины любятъ, чтобы ихъ такъ заговаривали, а смыслъ—это другое дѣло. Но и это вѣрное средство не помогало; Антонида Васильевна продолжала плакать... Да и слезы были нехорошія,—тѣ тихія слезы, которымъ, какъ осеннему мелкому дождю, конца нѣтъ. Старый эгоистъ только теперь пожалѣлъ свою пріятельницу, тѣмъ болѣе, что это искреннее горе касалось и его.

— Что же, Антонида Васильевна, убиваться?—бормоталъ онъ.—Если нѣтъ кофе, то можно и чаю напиться. Отлично согрѣваетъ...

— И чаю нѣтъ... я... я не ѣла уже два дня... ничего нѣтъ.

У Якова Ивановича вырвался неопредѣленный звукъ: „Это ужъ слишкомъ,—и скверная погода и эти слезы“. Онъ даже посмотрѣлъ на дверь, чтобы половчѣе улизнуть,—послѣднее много разъ выручало его изъ критическихъ обстоятельствъ. Но Антонида Васильевна повернулась уже къ нему и, не вытирая катившихся по ея лицу мелкихъ старческихъ слезъ, порывисто заговорила:

— Все это пустяки...

— Какъ пустяки?

— Что я нищая—это пустяки... Сама виновата. Но меня убиваетъ одно: сегодня 21 сентября...

— Ахъ, да... Вѣдь Павелъ Ефимычъ былъ бы сегодня именинникъ. Да, да... Скажите, а я-то и забылъ. Давно ли это было, подумаешь... Цѣлъ горой шелъ у Павла Ефимыча... шампанское...

— И это пустяки,—прервала его Антонида Васильевна, комкая платокъ въ дрожавшихъ рукахъ.—Сегодня я убѣдилась наконецъ, что *тогда* я, дѣйствительно, была глупа, а вы—правы... Да, вы были правы, Яковъ Иванычъ, хотя прошлаго и не вернешь.

— Ахъ, Антонида Васильевна, Антонида Васильевна... вѣдь я же говорилъ вамъ тогда?.. Если бы вы меня послушались...

— Я была молода... глупа... Кто бы могъ подумать, что я проживу такъ безсовѣстно-долго? Вѣдь я давно пережила себя...

— Да, да, состарились мы съ вами, Антонида Васильевна...

— У меня теперь все бы было: и свой домъ, и лошади, и прислуга... Сорокъ лѣтъ я думала, что поступила, какъ слѣдуетъ порядочной женщинѣ, но вотъ сами видите, что изъ этого вышло... Нѣтъ больше кофе, Яковъ Иванычъ!..

Это признаніе, вырванное отчаяніемъ, обрадовало Якова Ивановича. О, онъ былъ правъ, а женщины упрямы, какъ кошки... Если бы можно было вернуться назадъ какимъ-нибудь чудомъ и поднять изъ земли прошлое! Въ старикѣ съ страшною силой проснулась безсильная жадность, и его маленькіе глазки засверкали.

— Знаете, что я вамъ скажу?—заговорилъ онъ, взволнованный желаніемъ сказать Антонидѣ Васильевнѣ что-нибудь непріятное и хоть этимъ выместить на ней собственную правоту.—Нынче такъ не сдѣлаютъ, да! Нынѣш-

нія примадонны умѣе и этихъ сентиментальностей не признаютъ... Стоило тогда ломаться!

— Нынѣшнія примадонны?

Антонида Васильевна покраснѣла остаткомъ своей старческой крови и молча указала Якову Ивановичу на дверь.

— Уйду, самъ уйду-съ...—бормоталъ онъ, спохватившись, что пересолилъ.—И дернуло же за языкъ съ нынѣшними примадоннами... А все-таки я правъ.

— Да, вы правы, но уходите... всѣ правы... я оскорблена именно этимъ.

Очутившись на улицѣ, Яковъ Ивановичъ долго стоялъ на тротуарѣ и никакъ не могъ понять, какъ это все вдругъ вышло: сидѣлъ на диванѣ и вдругъ—вонъ... что же это такое?.. Онъ вернулся, постучалъ въ дверь, но отвѣта не послѣдовало.

II.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ такой же ненастный осенній день Антонида Васильевна сидѣла въ своей комнатѣ передъ зеркаломъ и старательно закручивала прядь своихъ бѣлокурыхъ волосъ въ папильотки. Въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжали двѣ дѣвушки и въ одинъ голосъ закричали:

— Смотрите, смотрите: медвѣди!

— Смотрите: собаки!

Театральная квартира была какъ разъ напротивъ театра, и по чистенькой городской улицѣ медленно двигалась цѣлая вереница телѣгъ. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по четыре собаки и при нихъ „человѣкъ“. Собаки, истомленныя длиннымъ путешествіемъ и промокшія подъ дождемъ, равнодушно смотрѣли по сторонамъ. Сопровождавшая ихъ прислуга была одѣта въ однообразный охотничій костюмъ: короткія сѣрыя куртки съ серебряными пуговицами, широкія синія шаровары, барашковыя высокія шапки съ красными, свѣшивавшимися на одинъ бокъ курпеями и красные широкіе кушаки. У борзятниковъ, выжлятниковъ и доѣзжачихъ были свои собственные серебряные значки, прицѣпленные къ лѣвому плечу, и у каждаго за поясомъ по кинжалу. Это была настоящая псовая охота, обставленная со всею роскошью. Когда первый обозъ, состоявшій изъ двадцати пяти телѣгъ, миновалъ, за нимъ показались громадныя дроги, на какихъ возятъ тяжести. На дрогахъ были поставлены большія клѣтки изъ полосового желѣза, и въ каждой клѣткѣ сидѣло по живому медвѣдю. Всѣхъ дрогъ было пять, по числу медвѣдей, и въ каждыхъ было заложено по три тройки. Понятно, что такая необыкновенная процессія взбудоражила городъ, и по улицѣ за поѣздомъ бѣжала цѣлая толпа.

— Да это звѣринецъ!..—говорилъ кто-то изъ дѣвушекъ въ театральной квартирѣ.

— Нѣтъ, барская охота, какъ у насъ въ Расеѣ...—замѣтила крѣпостная няня Улитушка, состоявшая безсмѣнно при театральныхъ барышняхъ.

— А медвѣди зачѣмъ, няня?

— Псовъ натравливать, чтобы злѣе были... У настоящихъ господъ всегда такъ дѣлаютъ.

Естественнымъ являлся вопросъ, чья же это охота, но именно на него никто не могъ отвѣтить. Въ Западной Сибири крупныхъ помѣщиковъ не

было, а золотопромышленники-раскольники не имѣли и понятія о настоящихъ барскихъ потѣхахъ.

— Нужно узнать, няня,—рѣшила Антонида Васильевна, занятая небывалымъ зрѣлищемъ.—Сходи къ Павлу Ефимычу и спроси...

— Такъ и пошла: нашли дѣвочку!— ворчала старуха.

— Няня, да вѣдь всего два шага?..

— У, баловницы!.. Да и Павла Ефимыча дома нѣтъ.

— Все равно, отъ камердинера узнаешь...

Старушка всегда ворчала, но баловницы умѣли заставить ее сдѣлать по-своему, какъ было и теперь: „Ну, инъ, схожу... не отвяжешься отъ васъ".

— Бѣдные медвѣди, какъ имъ тяжело сидѣть въ этихъ клѣткахъ!— жалѣлъ кто-то изъ дѣвушекъ, провожая глазами дроги.—Разбило ихъ дорогой. Вонъ, посмотрите, одинъ лижетъ желѣзную полосу... Бѣдняжка, онъ пить хочетъ.

Одинъ изъ медвѣдей стоялъ на заднихъ лапахъ, ухватившись передними лапами за переплетъ рѣшетки, и смѣшно поводилъ мордой. Онъ чутко нюхалъ городской воздухъ и глухо кряхтѣлъ. Лошади фыркали и косились. Какіе-то бойкіе мальчишки подбѣгали къ самымъ дрогамъ и ухали на любопытныхъ звѣрей.

— Вотъ я васъ!..—кричалъ главный доѣзжачій, замахиваясь на ребятъ толстымъ арапникомъ.

Антонида Васильевна задумчиво проводила глазами весь обозъ, и ей вдругъ сдѣлалось грустно. Неужели этихъ медвѣдей будутъ травить громадными меделянскими собаками? Ухъ, страшно!.. Бѣдные, какъ имъ тяжело сидѣть въ своихъ клѣткахъ. Что-то такое тяжелое и горькое заныло въ груди дѣвушки: вѣдь и она тоже сидитъ въ своей клѣткѣ.

— Няня, няня, ну, что?—кричали дѣвушки, веселою гурьбой обступая возвратившуюся Улитушку.—Чья это охота?

— Охъ, отстаньте...—отмахивалась старушка.—Чего пристали-то, какъ осеннія мухи? Вотъ и не скажу... Павелъ Ефимычъ на репетицію велѣлъ итти. Вотъ вамъ и охота...

— Нянюшка, миленькая...

— Барская охота, извѣстно... Заводчикъ тутъ есть, Додоновъ по фамили,—ну, такъ его и охота.

Театральная квартира помѣщалась въ двухъэтажномъ деревянномъ домѣ съ мезониномъ. Въ нижнемъ этажѣ жили актеры, а въ верхнемъ—актрисы. Самъ антрепренеръ Крапивинъ помѣщался въ мезонинѣ, наверху. Эта труппа въ Загорьѣ являлась первой и пока еще только готовилась къ спектаклямъ. Театръ тоже былъ недавно построенъ, и въ немъ еще пахло известкой, глиной и свѣжимъ деревомъ. На репетицію ходить не составляло особаго труда: перешелъ улицу и—въ театрѣ. Актеры уходили раньше, а за ними уже являлись актрисы, подъ надзоромъ Улитушки.

Когда всѣ собрались въ театрѣ, тамъ только и разговору было о проѣхавшей мимо охотѣ и о неизвѣстномъ никому Додоновѣ. Предположеніямъ, догадкамъ и шуткамъ не было конца.

— Онъ и оркестръ свой везетъ,—разсказывалъ капельмейстеръ Яковъ Ивановичъ, толкавшійся на репетиціяхъ около женскихъ уборныхъ.—Да-съ, двадцать пять человѣкъ музыкантовъ... Большой любитель музыки. Въ Краснослободскомъ заводѣ у него и театръ построенъ.

— Кто же будетъ играть въ театрѣ?

— А ужъ этого я не знаю... Спросите у Павла Ефимыча.

Комикъ Гаврюша (онъ же и декораторъ) замѣтилъ, что, вѣроятно, у Додонова медвѣди будутъ давать представленія. Всезнающій Яковъ Ивановичъ сообщилъ, между прочимъ, что Додоновъ постоянно живетъ въ Петербургѣ, гдѣ у него настоящій дворецъ и царская охота. Теперь онъ вздумалъ пріѣхать на Уралъ, чтобы осмотрѣть свои заводы. Мужчины шептались и хихикали между собой, передавая подробности, какъ сегодня черезъ городъ въ закрытыхъ повозкахъ провезли въ Краснослободскій заводъ цѣлый гаремъ,—Додоновъ былъ холостякъ и любилъ женщинъ. Яковъ Ивановичъ весело подмигивалъ и щелкалъ языкомъ, какъ скворецъ.

— Хорошій человѣкъ этотъ Додоновъ и умѣетъ пожить... А что̀ касается представленій на его театрѣ, то я полагаю такъ, что ему безъ насъ не обойтись. Вотъ Антонидѣ Васильевнѣ прекрасный случай показать свои таланты... При ея красотѣ и талантахъ все возможно-съ...

На репетиціяхъ царилъ строгій порядокъ. Крапивинъ не терпѣлъ закулисныхъ сближеній и вольностей. За каждый недосмотръ головой отвѣчала Улитушка, на попеченіи которой находилось цѣлыхъ пять актрисъ. Теперь ей стоило большого труда удержать свою команду въ уборныхъ, да и актеры точно сбѣсились: такъ и лѣзутъ. Особенно надоѣдалъ Яковъ Ивановичъ.

— Ты-то съ какой радости приклеился здѣсь, шубный клей?—ругалась съ нимъ Улитушка, загораживая спиной дверь въ уборную Антониды Васильевны.—Твое дѣло на скрипкѣ скрипѣть. Ужо вотъ придетъ Павелъ Ефимычъ... Способа съ вами никакого нѣтъ, съ озорниками!

Появленіе на сценѣ антрепренера водворило приличный порядокъ, и Улитушка вздохнула свободно. Крапивинъ шутить не любилъ и держалъ свою труппу въ ежовыхъ рукавицахъ. Сегодня онъ замѣтно былъ не въ духѣ и едва кивнулъ головой на низкіе поклоны актеровъ. Подвернувшійся подъ руку Гаврюша получилъ нагоняй за недоконченную еще декорацію.

— Павелъ Ефимычъ, помилуйте, да когда же...—оправдывался комикъ, разводя руками.—И роль учи и декораціи расписывай.

— Ты у меня разсуждать?—закричалъ Крапивинъ и, погрозивъ пальцемъ, прибавилъ:—Кто будетъ со мной балясы точить, сейчасъ на гауптвахту посажу... Черкну записочку генералу и—готовъ рабъ Божій.

Въ виду такой угрозы, Улитушка, конечно, и не подумала жаловаться, хотя Яковъ Ивановичъ и показывалъ ей языкъ, спрятавшись за декорацію.

— Можно войти, Антонида Васильевна?—спросилъ Крапивинъ въ дверяхъ уборной: отдѣльная уборная была только у Антониды Васильевны, какъ у примадонны и главной надежды всей труппы.

— Можно.

Быстро оглянувъ дѣвушку, Крапивинъ присѣлъ къ столу съ зеркаломъ и широко вздохнулъ. Ему на видъ было подъ сорокъ, но для своихъ лѣтъ Крапивинъ сохранился очень хорошо. Широкій въ кости, плотный и сухощавый, онъ еще былъ хоть куда. Умное лицо съ большими темными глазами нравилось женщинамъ, и только на лбу собирались преждевременныя морщины. Дома и въ театрѣ ходилъ онъ въ короткой бархатной курткѣ, всегда застегнутой наглухо.

— Вы свой номеръ приготовили?—небрежно спросилъ онъ, ероша русые кудри и думая о чемъ-то другомъ.

— Да... Я отлично выучила.

Дѣвушка всегда немного конфузилась въ присутствіи Крапивина, который говорилъ ей „вы“ и рѣзко выдѣлялъ ее изъ остального женскаго персонала. Держалъ онъ себя съ ней слишкомъ вѣжливо для антрепренера.

— Я на васъ надѣюсь...— коротко отвѣтилъ Крапивинъ. — Сегодня на репетиціи будетъ самъ генералъ.

— Какъ же я въ папильоткахъ буду пѣть?

— Ничего... Старикъ добрый. Онъ разспрашивалъ меня, и я впередъ похвастался вашимъ пѣніемъ.

Этотъ мимоходомъ брошенный комплиментъ заставилъ Антониду Васильевну покраснѣть, и она почувствовала, какъ въ груди у нея сердце забило тревогу.

— Главное—костюмъ...—продолжалъ Крапивинъ, отбивая по столу красивыми длинными пальцами дробь.—Впрочемъ, я самъ посмотрю, когда все будетъ готово. Кстати, генералъ мнѣ говорилъ... Вы, вѣроятно, видѣли сегодня этотъ дурацкій поѣздъ съ собаками?

— Да... и медвѣди...

— И медвѣди... Такъ генералъ предупредилъ меня, что этотъ Додоновъ большой меломанъ и, вѣроятно, сдѣлаетъ трупѣ предложеніе отправиться къ нему на заводъ... Все будетъ зависѣть отъ генерала, и я, право, не знаю, какъ отказаться отъ подобной чести.

— Зачѣмъ же отказываться?

Лицо у Крапивина вдругъ нахмурилось, и онъ быстро вскинулъ глазами на смутившуюся отъ этого быстраго взгляда дѣвушку. Онъ даже раскрылъ ротъ, чтобы что-то высказать, но удержался и только торопливо тряхнулъ своими кудрями.

— Тамъ увидимъ,—бормоталъ онъ, уже ласково глядя на Антониду Васильевну.

Когда Крапивинъ вышелъ изъ уборной, Антонида Васильевна опустилась на стулъ въ сладкой истомѣ. Она теперь поняла все: Крапивинъ ее любитъ больше, чѣмъ антрепренеръ. У ней кружилась голова отъ незнакомаго ей чувства охватившей радости. Какъ ей дороги показались теперь эти голыя стѣны, колченогая мебель и вообще вся убогая обстановка уборной,—вотъ здѣсь сейчасъ тихо и радостно зародилось ея первое дѣвичье счастье, и молодое сердце ударило въ тактъ съ другимъ сердцемъ. Дѣвушка поняла и смутную тревогу Крапивина, который впередъ ревновалъ ее къ Додонову. Она посмотрѣла на себя въ зеркало, выпрямилась и гордо улыбнулась.

— Генералъ пріѣхалъ,—шептала Улитушка, врываясь въ уборную.— Пріѣхалъ и сѣлъ въ передній рядъ. А плутъ Яшка такъ подъ самымъ носомъ у него и лебезитъ...

Въ дверь постучалъ Гаврюша,—онъ исправлялъ и режиссерскія обязанности. Нужно было выходить. Антонида Васильевна на скорую руку повязала голову тюрбаномъ, перекрестилась и увѣренно вышла изъ уборной. Этотъ тюрбанъ очень шелъ къ ней и сразу понравился генералу, который назвалъ ее туркомъ. Она исполнила свой номеръ отлично, молодой голосъ легко и свободно разливался въ пустой залѣ.

— Одобряю!—громко повторялъ генералъ и даже въ тактъ стучалъ костылемъ.

Это былъ настоящій николаевскій генералъ, высокій, плотный, остриженный подъ гребенку и туго затянутый въ военный мундиръ съ узкими рукавами, раструбомъ закрывавшими верхнюю часть кисти руки. Сѣдые бакенбарды отъ самаго уха шли полукругомъ къ щетинистымъ усамъ. Широкое красное лицо съ большимъ носомъ глядѣло грозно. Одна генеральская нога была контужена еще подъ Браиловымъ въ турецкую кампанію 1827 года, и старикъ ходилъ съ короткимъ костылемъ, который служилъ, въ то же время,

и орудіемъ домашнихъ мѣръ исправленія. Вытянувшійся въ струнку молоденькій адъютантъ вездѣ сопровождалъ генерала, какъ тѣнь, и ловилъ каждый его жестъ.

— Ваше высокопревосходительство, какъ вы находите? — почтительно спрашивалъ Крапивинъ, заходя къ генералу сбоку.

— Одобряю... А впрочемъ, братецъ, сюртукъ нужно надѣвать... да, сюртукъ.

— Слушаю-съ... Рады стараться, ваше высокопревосходительство.

— Ты долженъ другимъ служить примѣромъ... Я не люблю безпорядковъ. Даже турки—и тѣ свой порядокъ знаютъ...

Довольный своимъ каламбуромъ, старикъ отправился за кулисы и ласково потрепалъ Антониду Васильевну по заалѣвшейся щекѣ.

— Ну, турокъ, старайся... Мы будемъ смотрѣть и молодѣть... А я здѣсь живу, какъ отецъ въ большой семьѣ... Такъ, Гоголенко?

— Точно такъ-съ, ваше высокопревосходительство! — звонко отвѣчалъ адъютантъ, дѣлая подъ козырекъ.

— Будьте и для насъ роднымъ отцомъ, ваше высокопревосходительство,— говорилъ Крапивинъ, беря Антониду Васильевну крѣпко за руку.

Генералъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, смѣрилъ глазами стоявшую передъ нимъ парочку и, весело улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не роднымъ, а посажёнымъ отцомъ согласенъ быть, хе, хе, хе!..

Антонида Васильевна вырвала свою руку и, зардѣвшись, скрылась въ уборной. Это еще больше разсмѣшило генерала, и онъ, возвращаясь изъ-за кулисъ, нѣсколько разъ повторилъ:

— Турки всегда бѣгаютъ отъ русскихъ... Такъ, Гоголенко?

— Точно такъ-съ, ваше высокопревосходительство.

— Всегда бѣгаютъ, пока ихъ не возьмутъ въ плѣнъ...

III.

Появленіе перваго театра въ Загорьѣ всецѣло обязано было генералу. Старикъ захотѣлъ, чтобы театръ былъ, и театръ явился, какъ по щучьему велѣнью. Генералъ былъ всесиленъ и при нѣкоторой пылкости воображенія могъ бы строить пирамиды. Загорскіе купцы устроили подписку, и каменное зданіе театра, начатое весной, къ осени было кончено. Для начала сороковыхъ годовъ такая быстрота построекъ не была заурядным явленіемъ. Секретъ заключался въ томъ, что генералъ пожелалъ.

Труднѣе было организовать первую труппу, но и тутъ дѣло уладилось чуть не само собой. Подвернулся кочевавшій по ярмаркамъ средней Россіи антрепренеръ Крапивинъ, который и согласился ѣхать въ Сибирь. Правильно поставленныя труппы тогда существовали только въ столицахъ да по богатымъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Иногда еще появлялись бродячія труппы на бойкихъ ярмаркахъ, какъ и полуцыганская труппа Крапивина. Получивъ приглашеніе въ Сибирь, онъ вынужденъ былъ потерять полгода, прежде чѣмъ обставилъ себя приличными силами. Актеры еще были—военные въ отставкѣ, прогорѣвшіе помѣщики, выгнанные со службы чиновники, но актрисъ, какъ свободной профессіи, почти не существовало. Порядочныя дѣвушки не могли поступать на сцену уже потому, что быть актрисой считалось зазорнымъ, а крѣпостныя артистки были недоступны. У Крапивина явилась отчаянная мысль самому создать собственныхъ актрисъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Орловскую губернію, въ имѣнье недавно умершаго помѣщика-меломана, у

котораго былъ свой домашній театръ и при немъ театральное училище, и здѣсь законтрактовалъ шесть дѣвочекъ-подростковъ на особыхъ условіяхъ. Наслѣдники меломана были рады выгодной аферѣ и отпустили своихъ воспитанницъ подъ надзоромъ няньки Улитушки, которая должна была отвѣчать головой за цѣлость довѣреннаго ей живого товара. Дѣвочки всѣ до одной были крѣпостныя—дочери дворовыхъ и крестьянъ. Воспитанныя въ училищѣ „полубарышнями", какъ говорила Улитушка, онѣ были рады отправиться въ неизвѣстную даль. Самъ Крапивинъ, на ихъ счастье, былъ очень порядочный человѣкъ и страстный любитель сцены. Онъ постарался обставить свою труппу, чтобъ она не походила на ярмарочные балаганы,—средства были обезпечены впередъ.

Прежде чѣмъ отправиться на Уралъ, Крапивинъ на пути далъ нѣсколько пробныхъ спектаклей, чтобы опредѣлить собственныя силы и чтобы труппа вообще, выражаясь технически, спѣлась. Какъ оказалось, выборъ былъ сдѣланъ недурно, и молодыя артистки производили просто фуроръ, особенно въ средѣ помѣщичьей публики. Сразу выдались Антонида Васильевна, какъ хорошая пѣвица и драматическая актриса, а потомъ балерина Фимушка (у орловскаго меломана было обращено особенное вниманіе на балетъ). Въ Симбирскѣ у Крапивина произошла непріятная исторія изъ-за этихъ примадоннъ: привязались два помѣщика, которые сначала ухаживали за актрисами, а потомъ хотѣли ихъ украсть. Когда послѣднее не удалось и они узнали, что актрисы крѣпостныя, то поклялись, что ихъ купятъ, несмотря ни на какіе контракты. Крапивину ничего не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ отъ закулисныхъ героевъ, и онъ бѣжалъ, поплатившись за свои быстрые успѣхи декораціями и частью театральнаго гардероба. Это было хорошимъ урокомъ для человѣка, который ѣхалъ въ Сибирь,—приходилось держать ухо востро.

— Ты у меня смотри, старая!—каждое утро грозилъ Крапивинъ являвшейся къ нему съ докладомъ Улитушкѣ.—Безъ соли съѣмъ, ежели что...

— И то стараюсь, Павелъ Ефимычъ: всѣ глазыньки проглядѣла...

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Крапивина являлось то, что въ Сибири не было помѣщиковъ, слѣдовательно не могло быть и симбирскихъ непріятностей, а купцы не посмѣютъ грабить его. Конечно, были здѣсь богатые золотопромышленники-раскольники, потомъ крупные заводчики, но первые жили по-старинному, а послѣдніе не показывали носа на Уралъ. Все-таки, во избѣжаніе недоразумѣній, Крапивинъ, по пріѣздѣ въ Загорье, немедленно явился къ генералу и объяснилъ ему все начистоту.

— Не безпокойся, братецъ: я здѣсь одинъ отецъ для всѣхъ,—успокоилъ его старикъ, любившій театръ.—Гусаровъ у насъ нѣтъ, а съ остальными мы справимся, въ случаѣ чего... На гауптвахту—и конецъ дѣлу.

— Я маленькій человѣкъ, ваше высокопревосходительство, защитите.

— Хорошо, хорошо... У меня все по-семейному.

Старикъ-генералъ былъ главнымъ горнымъ начальникомъ и пользовался почти неограниченною диктаторскою властью. Крѣпостное горное положеніе являлось государствомъ въ государствѣ, и недаромъ старикъ называлъ себя подъ веселую руку царемъ.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, Крапивинъ постарался обставить себя и дома, какъ въ неприступной крѣпости. Помѣстившись въ мезонинѣ, онъ могъ видѣть каждый шагъ. Актрисы не имѣли права дѣлать ни одного шага безъ его позволенія. Когда комикъ Гаврюша бренчалъ на разбитыхъ фортепіанахъ, помогая Антонидѣ Васильевнѣ разучивать оперные номера, Улитушка сидѣла около него съ чулкомъ въ рукахъ и не спускала глазъ. То же было

и съ Яковомъ Ивановичемъ, когда подъ его скрипку выплясывала Фимушка любимые публикой характерные танцы.

— Гаврюша ничего, а Яшки я боюсь: хитеръ песъ, — жаловалась Улитушка. — Того гляди, набалуетъ. Очень ужъ у него глазъ вострый да масляный.

Въ виду такой опасности, Крапивинъ заставлялъ Антониду Васильевну разучивать номера при себѣ. Онъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ даровитой дѣвушкѣ, дѣлавшей быстрые успѣхи. Репертуаръ былъ небольшой, но тщательно составленный: оперы — „Семирамида“, „Бѣлая дама“, „Тоска по родинѣ“, трагедіи — „Коварство и любовь“, „Дмитрій Донской“, драмы — „Она помѣшана“, „Дитя, потерянное въ лѣсу“, комедіи — „Урокъ дочкамъ“, „Заемныя жены“, „Три султанши“, „Жена и зонтикъ“ и цѣлый рядъ веселыхъ старичныхъ водевилей — „Архиваріусъ“, „Ночной колокольчикъ“, „Лорнетъ“ и т. д. Больше всего Крапивинъ разсчитывалъ на двѣ пьесы, которыя и ставилъ на первый разъ съ особенною тщательностью: „Параша Сибирячка“ Полевого и „Русская свадьба“ Сухонина. Онъ видѣлъ эти пьесы въ Петербургѣ и хотѣлъ удивить провинціальную публику. Кромѣ того, Антонида Васильевна разучила нѣсколько модныхъ романсовъ.

— Намъ придется создавать здѣсь театральную публику, — объяснялъ Крапивинъ своей примадоннѣ, съ которою обращался по-товарищески. — Дѣло не легкое, но мы будемъ работать вмѣстѣ.

— Я боюсь генерала, Павелъ Ефимычъ, — наивно признавалась Антонида Васильевна, выросшая въ страхѣ Божіемъ и барскомъ.

— Пустяки... Старикъ добрый.

Дома актрисы ходили въ простенькихъ ситцевыхъ платьяхъ и вообще одѣвались скромно. Театральный гардеробъ тоже былъ невеликъ, потому что невозможно было обставить сразу цѣлый театръ. Но все это, сравнительно, являлось пустяками, а Крапивина безпокоила мысль о томъ, какъ бы выкупить своихъ артистокъ на волю. Конечно, онъ могъ сначала откупить одну Антониду Васильевну, но такое преимущество поставило бы его въ фальшивое положеніе предъ остальными, тѣмъ болѣе, что онъ положительно чувствовалъ себя неравнодушнымъ къ примадоннамъ. Въ немъ боролись антрепренеръ и любовникъ.

Первое представленіе сошло блистательно. Присутствовалъ самъ генералъ, а слѣдовательно вся его свита и цѣлый штатъ горныхъ инженеровъ. Набрались въ ложахъ мѣстные чиновники и купцы съ семьями, а одинъ золотопромышленникъ купилъ цѣлыхъ пять ложъ, чтобы угодить генералу, но самъ въ театръ не посмѣлъ явиться, опасаясь своихъ начетчиковъ и исправленныхъ поповъ съ Иргиза. Однимъ словомъ, набралась чисто-сибирская публика. Въ новенькомъ занавѣсѣ уже были проверчены хористками дыры, и любопытные глаза разсматривали сидѣвшихъ въ партерѣ.

— Додоновъ здѣсь, — шушукались между собой актрисы. — Сидитъ рядомъ съ генераломъ.

Послѣднее извѣстіе сильно взволновало Крапивина. Онъ инстинктивно боялся этого человѣка, напоминавшаго ему оставленную тамъ, далеко, помѣщичью Россію. Онъ даже боялся подойти къ занавѣсу и посмотрѣть на своего непріятеля. Антонида Васильевна тоже замѣтно волновалась, но старалась не выдать себя. А Додоновъ сидѣлъ и весело разговаривалъ съ генераломъ. Это былъ средняго роста, среднихъ лѣтъ господинъ, одѣтый въ статское платье. Но сюртукъ не могъ скрыть военной выправки. Додоновъ когда-то служилъ въ одномъ изъ дорогихъ полковъ и по одной исторіи вышелъ въ отставку съ

чиномъ полковника. Круглое усатое лицо глядѣло большими усталыми глазами. Когда Додоновъ улыбался, у него непріятно оскаливались десны. Массивная золотая цѣпь, болтавшаяся на пестромъ бархатномъ жилетѣ, и толстый перстень съ большимъ солитеромъ на большомъ пальцѣ лѣвой руки выдавали записного столичнаго щеголя. Онъ сидѣлъ, заложивъ одну короткую ногу на другую, и не обращалъ никакого вниманія на почтительно сидѣвшую въ партерѣ публику.

— Я тоже люблю театръ, ваше превосходительство,— говорилъ онъ, немного картавя и растягивая слова.

— Отличное дѣло, отличное дѣло... Необходимо развивать вкусъ въ публикѣ.

— У меня будетъ свой театръ, ваше превосходительство. Надѣюсь, что вы не откажетесь осчастливить меня своимъ посѣщеніемъ, когда, конечно, все будетъ устроено.

— Непремѣнно, непремѣнно.

Генералъ вообще былъ въ духѣ и милостиво шутилъ съ окружающими. Когда онъ аплодировалъ, остальные неистово его поддерживали. Въ одномъ мѣстѣ онъ рѣзко оборвалъ Якова Ивановича.

— Вторая скрипка вретъ!

„Параша Сибирячка“ прошла отлично, и самъ генералъ вызывалъ Антониду Васильевну. Додоновъ молчалъ и только мелькомъ взглянулъ на раскланивавшуюся примадонну прищуренными глазами. Этотъ взглядъ сильно смутилъ дѣвушку, и она чувствовала его на себѣ все время,— онъ ее точно связывалъ и лишалъ необходимой свободы.

Танцовавшая въ антрактѣ Фимушка вызвала цѣлую бурю восторга, генералъ даже стучалъ своимъ костылемъ, а Додоновъ аплодировалъ ей, улыбался и еще сильнѣе щурилъ свои глаза.

— Каковы у меня актрисы, полковникъ? — хвастался старикъ. — Хоть сейчасъ въ столицу... Конечно, онѣ еще молоды...

— Съ молодостью еще можно помириться, ваше превосходительство... Это такой недостатокъ, который исправляется самъ собой.

— Ты думаешь?.. Полковникъ, смотрите, у меня строго... Ни-ни!..

Вызванный Крапивинъ раскланивался съ публикой, прижимая руку къ сердцу. Додоновъ внимательно разсматривалъ его въ золотой лорнетъ, а потомъ, не дождавшись конца спектакля, ушелъ. У Крапивина точно гора съ плечъ свалилась, когда онъ увидѣлъ рядомъ съ генераломъ пустое кресло. Но Крапивинъ поторопился обрадоваться: Додоновъ сидѣлъ въ уборной Фимушки и, какъ ни въ чемъ не бывало, забавлялся смущеніемъ перепуганной крѣпостной танцовщицы. Улитушка попробовала-было загородить ему дорогу въ уборную, но Додоновъ оттолкнулъ ее, какъ тряпичную куклу.

— Пропала моя головушка...—причитала старуха, поймавъ Крапивина.— Такъ прямо и лѣзетъ въ двери, безстыжіе глаза. Легкое мѣсто сказать: Фимушка-то чуть не голая тамъ съ нимъ сидитъ.

Крапивинъ весь побѣлѣлъ отъ бѣшенства, но что дѣлать съ нахаломъ? Выгнать его—значило оскорбить генерала. Но опытный и бывалый человѣкъ нашелся; отданъ былъ приказъ Якову Ивановичу играть какой-то испанскій танецъ, и Фимушка была освобождена. Она танцовала теперь съ особеннымъ усердіемъ и немедленно послѣ своего номера, подъ конвоемъ Улитушки, была препровождена на квартиру. Додоновъ посидѣлъ нѣсколько времени одинъ, а потомъ надѣлъ картузъ и вышелъ. Вся труппа вздохнула свободнѣе, когда его широкая спина скрылась въ проходѣ со сцены въ буфетъ. Антонида

Васильевна сидѣла въ это время въ своей уборной, затворивъ двери на крючокъ, ее била лихорадка, какъ и въ Симбирскѣ.

„Если такъ дѣло пойдетъ и здѣсь, то мнѣ опять придется бѣжать“,— думалъ про себя Крапивинъ, рѣшившійся бороться отчаянно.

Послѣ спектакля генералъ тоже явился за кулисы и потребовалъ „турка“. Когда дѣвушка, не успѣвшая еще переодѣться послѣ „Русской свадьбы“, вышла къ нему въ своемъ красномъ сарафанѣ, онъ по-отечески расцѣловалъ ее въ обѣ щеки и проговорилъ:

— Одобряю, милашка... Есть талантъ. Молода еще, всего не поймешь сразу, но старайся. Такъ, Гоголенко?

— Совершенно вѣрно-съ, ваше высокопревосходительство.

— Весьма одобряю...

Со стороны генерала особенной опасности не предвидѣлось: онъ былъ женатый человѣкъ, да и его собственныя лѣта служили лучшимъ обезпеченіемъ. Старикъ дѣйствительно любилъ сцену, и только.

Первые же спектакли показали, что существованіе труппы въ Загорьѣ совершенно обезпечено. Главною поддержкой всего дѣла являлся все-таки генералъ, который не пропускалъ ни одного представленія. Послѣ перваго спектакля Додоновъ больше не показывался въ театрѣ. Крапивинъ лѣзъ изъ кожи, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, и съ ранняго утра до поздняго вечера не зналъ отдыха. Онъ былъ одинъ и вездѣ долженъ былъ поспѣть въ свое время. Единственнымъ его отдыхомъ были тѣ немногіе часы, которые онъ проводилъ въ комнатѣ Антониды Васильевны,—у ней была своя комната, какъ и уборная.

— Нужно серьезно относиться къ дѣлу,— поучалъ Крапивинъ свою первую ученицу.—Первые успѣхи еще ничего не значатъ. Даромъ ничего не дается... Для сцены стòитъ поработать. Насъ послѣ помянутъ добрымъ словомъ...

Старая Улитушка была очень недовольна этими бесѣдами съ глазу на глазъ. „Вотъ еще моду затѣяли, на что это похоже?.. Отвѣчать-то передъ господами кому придется?.. А дѣвка молодая, долго ли до грѣха?..“ Другія дѣвушки ревновали Антониду Васильевну и посмѣивались надъ старухой, особенно беззаботная и простоватая Фимушка.

— Охъ, согрѣшила я съ вами! — стонала старуха и даже отплевывалась.—Вотъ ты, Фимка, ногами дрыгаешь, а того и не подумаешь, что и ноги-то у тебя не свои.

— А чьи, няня?

— Извѣстно, чьи — господскія... Вся ты чужая, Фимка!

IV.

Передъ Рождествомъ генералъ пригласилъ Крапивина къ себѣ. Антрепренеръ надѣлъ свою лучшую пару и отправился съ визитомъ не безъ нѣкотораго опасенія. Когда извозчикъ подвозилъ его къ высокому двухъэтажному зданію съ мезониномъ, колоннами, террасой и двумя балконами, онъ предпочелъ бы лучше вернуться домой. Утро стояло морозное, и стоявшія у подъѣзда лошади нетерпѣливо вытанцовывали лихорадочную дробь. Въ передней уже ожидали своей очереди нѣсколько горныхъ чиновниковъ и два подрядчика. Крапивинъ скромно помѣстился въ уголкѣ и здѣсь терпѣливо ожидалъ своей очереди. Швейцаръ изъ отставныхъ солдатъ появлялся въ дверяхъ и выкрикивалъ фамилію очередного. Крапивину пришлось ждать недолго — швейцаръ пригласилъ его не въ очередь.

Передпяя съ комнатой, гдѣ дожидались посѣтители своей очереди, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Широкая мраморная лѣстница вела вверхъ, гдѣ расположена была генеральская казенная квартира.

— Обождите малость здѣсь, — задыхавшимся шопотомъ предупредилъ швейцаръ, оставляя Крапивина во второй пріемной наверху.

Онъ вернулся сейчасъ же и молча распахнулъ двери въ большую залу съ паркетнымъ поломъ. Изъ этой комнаты одна дверь вела въ гостиную, а другая въ кабинетъ. Генералъ сидѣлъ у письменнаго стола въ „вольтеровскомъ“ креслѣ; Гоголенко скромно помѣщался въ уголкѣ, между письменнымъ столомъ и шкапомъ съ бумагами.

— А, это ты, братецъ! — заговорилъ генералъ, не глядя на вошедшаго и милостиво протягивая ему два пальца.

— Не замедлилъ явиться, ваше высокопревосходительство

— Спасибо за исправность... А я тебя, братецъ, пригласилъ затѣмъ, чтобы поблагодарить... Да, спасибо. Отличная у тебя труппа.

— Вы очень снисходительны, ваше высокопревосходительство.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Что хорошо, то хорошо... Одобряю. Даже столичные люди, и тѣ приходятъ въ восторгъ... Мнѣ весьма лестно. Вчера былъ у меня полковникъ Додоновъ и тоже одобрялъ. Онъ большой меломанъ и знаетъ толкъ... гм... да... Такъ вотъ этотъ полковникъ Додоновъ и пригласилъ меня къ себѣ на заводъ. У него тамъ театръ домашній выстроенъ... вся обстановка... Такъ какъ въ субботу труппа свободна, то полковникъ Додоновъ и дѣлаетъ тебѣ приглашеніе играть у него. До завода всего пятьдесятъ верстъ, зимой это три часа ѣзды... Всѣ расходы и лошади на счетъ полковника Додонова. Предложеніе выгодное для тебя и лестное для меня... Ну, что же ты молчишь?

— Я, ваше высокопревосходительство... если, конечно, вы, ваше высокопревосходительство... вообще я очень благодаренъ вашему высокопревосходительству.

— Я это зналъ и впередъ выразилъ свое согласіе полковнику... Въ слѣдующую субботу мы, значитъ, увидимся съ тобой въ Краснослободскомъ заводѣ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше высокопревосходительство...

— Постарайся не ударить лицомъ въ грязь... Не такъ ли, Гоголенко?

— Точно такъ-съ, ваше высокопревосходительство.

Крапивинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, но ничего не возражалъ, — это было безполезно. Генералъ не выносилъ противорѣчій. Когда Крапивинъ, откланявшись, выходилъ уже изъ двери, старикъ окликнулъ его.

— Вотъ что, братецъ... Если ты сомнѣваешься за безопасность своей труппы, то могу тебѣ поручиться. Полковникъ, конечно, большой аматеръ и любитъ хорошенькихъ женщинъ, но, во-первыхъ, у него своя труппа есть для этого, а во-вторыхъ, мы ему пропишемъ такую Симбирскую губернію... У меня все по-семейному, и я не посмотрю, что онъ полковникъ!

— Радъ стараться, ваше высокопревосходительство!

Домой Крапивинъ вернулся, какъ въ туманѣ. У него все вертѣлось въ головѣ. Какъ избыть налетѣвшую бѣду? Пожалуй, это будетъ похуже симбирскихъ помѣщиковъ, да и бѣжать дальше ужъ было некуда.

— Позовите ко мнѣ Антониду Васильевну, — сказалъ онъ кому-то изъ попавшихся навстрѣчу актеровъ.

Когда дѣвушка пришла въ мезонинъ, Крапивинъ довольно сухо пригласилъ ее сѣсть, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и заговорилъ:

— Сейчасъ я получилъ большую непріятность... Генералъ непремѣнно

желаетъ, чтобы наша труппа каждую субботу ѣздила въ Краснослободскій заводъ и давала спектакли на домашнемъ театрѣ Додонова. Вы, вѣроятно, стороной слышали, что за человѣкъ этотъ Додоновъ, поэтому не буду распространяться о немъ... Разсориться съ генераломъ я не могу, и остается одно средство спасенія: бѣжать опять. Вотъ я и пригласилъ васъ, Антонида Васильевна, чтобы серьезно посовѣтоваться, что дѣлать. Я на васъ смотрю, какъ на лучшую надежду всей труппы... вы ужъ большая... наконецъ вы хорошо знаете меня.

Эта откровенность сначала смутила Антониду Васильевну, но потомъ она прямо посмотрѣла въ глаза Крапивину и проговорила тихо:

— Откровенность за откровенность, Павелъ Ефимычъ: вы боитесь за меня?

— Если хотите, да... я именно за васъ боюсь...

— Напрасно... Я слишкомъ уважаю свое положеніе, чтобы промѣнять его на какое-нибудь другое.

Крапивинъ ласково взялъ ее за руки и со слезами въ голосѣ заговорилъ:

— Дитя мое, я вѣрю вамъ... я не могу не вѣрить. Но для всякаго страшенъ одинъ человѣкъ не знаетъ самого себя. Я понимаю, что въ васъ сейчасъ говоритъ искреннее чувство благодарности, наконецъ въ васъ есть хорошія привычки и то, что называется порядочностью, но есть также богатство, роскошь... Устоите ли вы передъ страшнымъ соблазномъ? Богатства я вамъ не могу обѣщать... напротивъ, передъ вами жизнь, полная лишеній и труда. Наша профессія даже не пользуется необходимою степенью уваженія, и особенно женщинѣ приходится выносить много несправедливостей. Вы знаете, какъ смотрятъ на актрисъ наши театральные меломаны...

Крапивинъ вообще говорилъ недурно, а теперь онъ увлекся.

— Искусство святая вещь, а сцена—это верхъ всякаго искусства. Вашими слезами будутъ плакать тысячи зрителей, они же будутъ смѣяться вашимъ смѣхомъ, а вы будете проводить въ темную и необразованную массу идеи истины, добра и красоты. Хорошая сцена воспитываетъ массы, она вноситъ въ ежедневный обиходъ этой жизни свой языкъ и пробуждаетъ въ обществѣ лучшіе инстинкты и стремленія. Величайшіе умы работали для театра, чтобы этимъ путемъ провести въ жизнь свои завѣтныя убѣжденія, назвать каждый порокъ его настоящимъ именемъ, обличить неправду и сказать ласковое, хорошее слово тѣмъ, кому жизнь тяжела... Ахъ, нѣтъ, вы еще не можете понять всего!—какъ-то застоналъ Крапивинъ и отвернулся, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы.—Вы потомъ, когда-нибудь поймете меня.

Дѣйствительно, эта убѣжденная рѣчь была понятна дѣвушкѣ только вполовину, а Крапивинъ говорилъ съ ней слишкомъ возвышеннымъ языкомъ. Ей болѣе понятно было то, что слышалось въ интонаціи, въ страстныхъ переливахъ голоса и во взглядѣ собесѣдника. Раньше ей льстило особенное вниманіе, съ какимъ относился къ ней Крапивинъ, но теперь она даже испугалась зазвучавшейся коретности. Ей просто хотѣлось жить, не взваливая на себя какихъ-то страшныхъ обязанностей и не подвергаясь отвѣтственности.

На этомъ общемъ совѣтѣ было рѣшено, что труппа поѣдетъ къ Додонову, принявъ необходимыя предосторожности. Крапивинъ все-таки ужасно волновался, хотя и старался не выдавать себя передъ труппой. Онъ сдѣлался подозрительнымъ. Актеры были слишкомъ испорченный народъ, чтобы сочувствовать ему. Въ этомъ случаѣ онъ и не ошибался. Первымъ противникомъ являлся тотъ же Яковъ Ивановичъ, разстраивавшій труппу своими смѣшками и подмигиваніями.

— У насъ не труппа, а какой-то монастырь, — вышучивалъ отъ актеровъ.—Конечно, Крапивину это на руку... И Антониду Васильевну въ лапы забралъ, да и другихъ упустить не хочется. Жиръ о будетъ... хе, хе! Погоди, вотъ Додоновъ покажетъ, какъ добрые люди на свѣтѣ живутъ.

Наступила и роковая первая суббота. Въ полдень къ театральной квартирѣ подкатило ровно десять троекъ, заложенныхъ въ четверня кошевня. Изъ всѣхъ экипажей выдѣлялась бѣлая кошевая, заложенная сивою тройкой. И луга была бѣлая, и вся сбруя изъ бѣлой лакированной кожи съ серебрянымъ наборомъ, и колокольцы подъ дугой серебряные; ухарь-кучеръ съ сѣдой бородой сидѣлъ на облучкѣ орломъ.

— Я скажусь больной...—заявила Антонида Васильевна въ рѣшительную минуту.

— Нѣтъ, затѣмъ же?—успокаивалъ ее Крапивинъ.—Я этого не желаю... Дѣлайте такъ, какъ скажетъ вамъ ваше сердце. Что думаю я, вы знаете...

Прокатиться на такихъ тройкахъ для всей труппы было настоящимъ праздникомъ. Особенно волновались женщины, напрасно стараясь скрыть свою радость отъ хмурившагося начальства. Крапивинъ своими руками усадилъ Антониду Васильевну въ бѣлую кошевую, вмѣстѣ съ нянькою Улитушкой. Валерина Фимушка тоже разсчитывала попасть сюда и была обижена, когда пришлось ѣхать въ обыкновенной кошевой, вмѣстѣ съ другими. Крапивинъ ѣхалъ послѣднимъ и на всякій случай сунулъ заряженный пистолетъ въ боковой карманъ своей бархатной курточки. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ режиссеръ Гаврюша.

— Взяли бы и насъ, Павелъ Ефимычъ, — просился Яковъ Иванычъ.

— У Додонова свой оркестръ.

Но Яковъ Иванычъ все-таки уѣхалъ въ Краснослободскій заводъ, примостившись гдѣ-то съ актрисами.

Погода стояла морозная, крѣпкая. Широкая дорога лентой повела въ Уралъ, туда, гдѣ синими шапками тѣснились горы. Скоро начался лѣсъ, стоявшій по колѣна въ глубокомъ снѣгу. Особенно красивы были ели, обсыпанныя мягкими бѣлыми хлопьями, точно какія сказочныя деревья. Съ свистомъ и свистомъ летѣли тройки впередъ, заливаясь колокольчиками, а впереди всѣхъ, какъ лебедь, неслась бѣлая кошевая. Вся труппа была въ восторгѣ отъ этого импровизированнаго удовольствія, и даже Гаврюша улыбался, искоса поглядывая на молчавшаго Крапивина. Антонида Васильевна закалялась на морозѣ всей своей молодой кровью и все оглядывалась назадъ, стараясь разсмотрѣть, гдѣ ѣхалъ Крапивинъ.

— Няня, какъ хорошо... какъ хорошо! — шептала она, припадая къ Улитушкѣ.

— Глупая ты, Тонюшка, вотъ что!—ворчала зябнувшая старуха.—Чему радуешься-то прежде времени? Павелъ Ефимычъ вонъ ночь-ночью сидитъ...

— Ахъ, няня... чѣмъ же мы-то виноваты?

Въ одномъ мѣстѣ заяцъ бойко пересѣкъ дорогу, отковылялъ немного въ сторону и присѣлъ подъ елкой. Улитушка такъ и ахнула.

— Охъ, неладно дѣло... — шептала она, творя молитву и отплевываясь на лѣвую сторону. — Чтобы ему пусто было, треклятому! Обождалъ бы, а то прямо черезъ дорогу. Охъ, не быть добру...

Въ сумерки поѣздъ уже подъѣзжалъ къ заводу. Кругомъ широкими валами расходились горы. Селеніе залегло кривыми улицами по отлогому скату. Громадный заводскій прудъ уходилъ изъ глазъ бѣлою скатертью. У плотины весело дымилась и сыпала искрами фабрика. Веселые огоньки мигали по

всему селенію. Громадный господскій домъ стоялъ на прикрутости, недалеко отъ фабрики, и спускался къ пруду старинными садомъ. Окна были ярко освѣщены, и, видимо, все ожидало гостей. Въ саду темною глыбой поднималось какое-то необыкновенное зданіе, съ вышками и башенками.

— Это театръ?—спрашивала Антонида Васильевна кучера.

— Нѣтъ, барыня... собачій дворецъ.

Подъѣздъ былъ ярко освѣщенъ, и гостей встрѣтила цѣлая толпа прислуги, разодѣтой въ русскіе костюмы — поддевки, красныя шелковыя рубахи, бархатныя шаровары и круглыя шапочки съ павлиньими перьями. Пахнуло тепломъ громаднаго барскаго дома. Воздухъ былъ подкуренъ ароматическою смолкой. Какой-то лысый старичокъ принималъ всѣхъ съ низкими поклонами и повелъ гостей въ нижній этажъ, гдѣ приготовлена была цѣлая квартира—три комнаты для актрисъ и двѣ для актеровъ. Нѣсколько горничныхъ помогали актрисамъ раздѣваться и глядѣли на нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Крапивинъ осмотрѣлъ квартиру и заперъ на ключъ маленькую дверку, выходившую куда-то въ темный коридоръ.

— Пожалуйте къ барину, — приглашалъ его лысый старичокъ. — Генералъ еще не пріѣхали, и придется подождать-съ.

Крапивина повели во второй этажъ, передавая съ рукъ на руки, отъ одного лакея къ другому. Мраморная широкая лѣстница была устлана ковромъ, по сторонамъ зеленѣла шпалера изъ экзотическихъ растеній. Во второмъ этажѣ открывалась цѣлая амфилада комнатъ, освѣщенныхъ въ ожиданіи генерала, какъ передъ праздникомъ. Хозяинъ ждалъ антрепренера въ своемъ кабинетѣ. Это была высокая комната, обитая дорогими тисненными обоями. По стѣнамъ было развѣшано всевозможное охотничье оружіе, блестѣвшее золотою и серебряною насѣчкой. Два шкапа по угламъ тоже заняты были принадлежностями охоты. Нѣсколько турецкихъ низенькихъ диванчиковъ и большой письменный столъ составляли всю мебель. Надъ столомъ, въ простѣнкѣ между двумя окнами, въ тяжелой золоченой рамѣ висѣла большая картина. Конечно, это была голая красавица, валявшаяся на пестрой тигровой шкурѣ. Дворовъ дома ходилъ въ пестромъ шелковомъ бешметѣ и въ турецкой фескѣ. Онъ не протянулъ руки Крапивину и не предложилъ стула.

— Генералъ передалъ вамъ мои условія,—съ легкою картавостью проговорилъ онъ, передавая пакетъ. — А это мой задатокъ. Надѣюсь, господа артисты не будутъ на меня въ претензіи.

— Я думалъ бы свести счеты потомъ.

— Пожалуйста, безъ возраженій.

Выходя изъ кабинета, Крапивинъ думалъ: „Вотъ мерзавецъ!“. Онъ, не разорвавъ конверта, сунулъ пакетъ въ боковой карманъ, гдѣ лежалъ пистолетъ. Слѣдующею непріятностью для него было то, что онъ нашелъ актеровъ въ буфетѣ, гдѣ ихъ угощалъ лысый старичокъ. Актрисамъ былъ поданъ чай.

— Мнѣ придется, пожалуй, играть одному,—замѣтилъ Крапивинъ, указывая старичку на бутылки.

— Съ холоду только погрѣться... немножко...

— Все это такъ, но не лишнее было бы спросить и меня.

— Слушаю-съ.

V.

Генералъ заставилъ себя прождать до девяти часовъ вечера. Согрѣвшись послѣ холода, актрисы дремали, а Фимушка, привезенная для какого-то

номера въ дивертисментѣ, спала самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Антонида Васильевна жаловалась на головную боль,—у ней, дѣйствительно, глаза были красные.

— Мнѣ нужно посмотрѣть сцену, — нѣсколько разъ повторялъ Крапивинъ прислуживавшемуся около актеровъ старику.

— Все готово, будьте спокойны. У насъ порядокъ.

— Да вѣдь нужно же знать, какъ двери отворяются?

— Не приказано-съ...

Когда послѣдовало наконецъ приказаніе, актеровъ гурьбой повели какими-то коридорами и переходами сначала въ зимній садъ, а потомъ уже въ театръ. Это было совсѣмъ отдѣльное зданіе, устроенное по спеціальному плану. Маленькая сцена походила на игрушку, — вымощена она была такъ высоко, что музыканты сидѣли совсѣмъ въ ямѣ. Партера не было, а для публики назначался полукругъ ложъ. Вся обстановка этой затѣи поражала роскошью. Стѣны и потолокъ расписаны въ голубовато-сѣромъ тонѣ, съ серебромъ; такой же занавѣсъ съ довольно смѣлымъ миѳологическимъ сюжетомъ — Венера рождалась изъ серебряной пѣны; ложи отдѣлены между собой драпировками изъ желаго китайскаго шелка, въ простѣнкахъ опять шелковыя полосы,—однимъ словомъ, театръ хоть куда. Уборная примадонны походила на бонбоньерку, выложенную серебристымъ атласомъ. Даже Крапивинъ ахнулъ, когда осмотрѣлъ все.

— Это какой-то сумасшедшій, — бормоталъ онъ, шагая за кулисами.— Тутъ нужно не нашихъ ситцевыхъ актрисъ, а совсѣмъ другое.

Всѣхъ больше восторгался Яковъ Ивановичъ, толкавшійся въ оркестрѣ. У Додонова свой оркестръ состоялъ изъ двадцати пяти человѣкъ, подъ управленіемъ капельмейстера-итальянца Неметти. Музыканты были набраны изъ своихъ крѣпостныхъ и всюду сопровождали владыку.

Спектакль начался только въ десять часовъ и кончился около часа. Для перваго раза былъ поставленъ водевиль „Петербургскій булочникъ“, а остальное дивертисментъ: пѣла Антонида Васильевна, танцовала качучу Фимушка, самъ Крапивинъ декламировалъ монологъ изъ „Разбойниковъ“ Шиллера. Антракты были очень короткіе, такъ что актеры едва успѣвали переодѣться. Публику изображали всего двое: генералъ и Додоновъ. Гоголенко, конечно, былъ тутъ же, но онъ не могъ итти въ счетъ, какъ простая тѣнь генерала. Въ углу одной ложи пряталась какая-то женская фигура, которая интересовала всѣхъ актеровъ,—очевидно, это была одна изъ додоновскихъ одалисокъ. Яковъ Ивановичъ напрасно старался разглядѣть таинственную незнакомку, хотя послѣ и увѣрялъ всѣхъ, что это замѣчательной красоты дѣвушка, съ огненными глазами и китайскою ножкой.

Аплодисментовъ и вызововъ не было, а только генералъ послалъ своего адъютанта выразить господамъ артистамъ благодарность. Крапивинъ вздохнулъ свободнѣе, когда все кончилось. На дѣлѣ пока еще ничего страшнаго не было, хотя Улитушка вздыхала и морщилась больше обыкновеннаго.

— Это просто скучно,—рѣшила Фимушка, когда актрисы вернулись въ свою комнаты.—Хоть бы медвѣдей посмотрѣть.

Утромъ слѣдующаго дня труппа весело катила домой тою же дорогой и въ томъ же порядкѣ. Крапивинъ совсѣмъ успокоился. Когда онъ вечеромъ распечаталъ конвертъ, въ немъ оказалась ровно тысяча рублей, — это было уже совсѣмъ по-барски, и можно было помириться съ нѣкоторыми неудобствами. Да и самъ Додоновъ держался такимъ неприступнымъ божествомъ, что лучшаго и требовать было нельзя.

Любопытство труппы было удовлетворено, и Крапивинъ былъ спокоенъ за слѣдующую поѣздку. Додоновъ просто дуралъ, не зная, куда ему дѣвать свои милліоны. Ну, и пусть его дуритъ... Антонида Васильевна молчала, но она только сейчасъ замѣтила бѣдную обстановку и своей квартиры и театральной уборной. Она даже во снѣ видѣла *свою* уборную въ театрѣ Додонова,— да, это была *ея* уборная, устроенная именно для нея. У дѣвушки являлось неясное и глухое чувство недовольства, нежеланіе выдать свое душевное настроеніе, особенно Крапивину. Никогда она еще не чувствовала съ такою болѣзненною ясностью своего приниженнаго положенія крѣпостной артистки, и что-то въ родѣ зависти мелькнуло у ней въ другой обстановкѣ.

— А ты не слушай Павла-то Ефимыча. Совсѣмъ-то не слушай: онъ свое, ты свое. У мужчинъ у всѣхъ повадка...

— Грѣшно, няня, тебѣ такъ говорить...

— Не про себя говорю, матушка. И въ глаза Павлу-то Ефимычу скажу... Мужчина-то куда захотѣлъ, туда и пошелъ, а дѣвушкѣ одна дорога.

— Какая?

— А такая... Будешь все знать, скоро состаришься.

Слѣдующая поѣздка оказалась веселѣе. Генералъ не пріѣхалъ, и Додоновъ послѣ спектакля пригласилъ всю труппу ужинать къ себѣ наверхъ. Все время на хорахъ играла музыка, и дамы были въ восторгѣ. Додоновъ сидѣлъ въ концѣ стола и весело разговаривалъ съ Антонидой Васильевной. Онъ самъ почти не пилъ никакого вина, но къ гостямъ былъ безпощаденъ—прислуживавшіе за столомъ лакеи не давали опустѣть ни одной рюмкѣ. Крапивинъ пилъ больше обыкновеннаго и дѣлалъ видъ, что очень доволенъ всѣмъ и всѣми. Только когда Фимушка выпила лишнее и чуть не заснула за столомъ, онъ поблѣднѣлъ и сморщился.

— Господа, не забудьте, что мы здѣсь ѣдимъ и пьемъ изъ милости, — объяснялъ Крапивинъ подгулявшимъ артистамъ. — Это печальная необходимость въ нашемъ положеніи, но нужно бояться прихлебательства и лакейства.

Въ слѣдующій разъ Додоновъ показалъ труппѣ свой собачій дворецъ и вообще всю охоту.

— Хотите посмотрѣть, какъ травятъ медвѣдей?—предлагалъ онъ Антонидѣ Васильевнѣ.

— Ахъ, нѣтъ... Страшно!

— Ну, не такъ страшно, какъ можетъ показаться издали, — замѣтилъ онъ, прищуривая глаза.—Знаете, какое самое страшное изъ всѣхъ животныхъ?

— Тигръ?

— Нѣтъ.

— Левъ?

— Нѣтъ: человѣкъ.

Со своими гостями Додоновъ вообще держался джентльменомъ. Правда, проскальзывала иногда обидная снисходительность, но онъ умѣлъ ее очень ловко стушевать. Когда генерала не было, въ театрѣ набиралось довольно много публики, и всѣ ложи были заняты. Появлялся старичокъ-исправникъ, потомъ старшіе служащіе съ семьями. Додоновъ обыкновенно сидѣлъ въ ложѣ одинъ и на сцену не заглядывалъ.

— Гдѣ же гаремъ?—допытывалась любопытная Фимушка.

Актеры молчали, хотя и шептались между собой. Существованіе гарема было извѣстно всѣмъ и больше всего интересовало гостей, но никто и ничего не умѣлъ сказать. Улитушка пробовала заговаривать съ горничными, но тѣ

прикидывались чуть не глухонѣмыми. Лысый старичекъ—его звали Иваномъ Гордеевичемъ,—былъ ласковъ неизмѣнно, но тоже молчалъ.

Этотъ Иванъ Гордеевичъ, пріѣзжая въ городъ, непремѣнно заворачивалъ къ актерамъ. Онъ „барышнямъ“ привозилъ конфеты, а мужчинъ угощалъ барскими сигарами. Особенно близко ласковый старичокъ сошелся съ Улитушкой и Яковомъ Ивановичемъ. Они запирались втроемъ и о чемъ-то подолгу бесѣдовали. Улитушка замѣтно свирѣпѣла, а по вечерамъ отъ нея пахло иногда наливкой. Однажды Иванъ Гордеевичъ забрался въ комнату Антониды Васильевны.

— Посмотрѣть на васъ завернулъ, ангелъ вы нашъ,—объяснилъ онъ.—Довольно-таки у насъ въ заводѣ про васъ разговоровъ... хе, хе!

— Неужели ужъ другихъ разговоровъ нѣтъ, какъ только про меня?

— Говоримъ обо всемъ... разное говоримъ, а подъ конецъ и сведемъ на Антониду Васильевну. Ей-Богу-съ...

— А для чего вы Улитушку наливкой поите?

— Что-то не упомню-съ... При древности ихнихъ лѣтъ ихъ и безъ наливки вѣтромъ шатаетъ, а старушка почтенная. Позвольте ручку поцѣловать.

Антонида Васильевна подозрѣвала, что происходитъ что-то недолжное, но что̀ именно—не могла разгадать. Ее и занимало легкое ухаживанье Додонова и вмѣстѣ дѣлалось страшно. Но вѣдь не съѣстъ же онъ ее, въ самомъ дѣлѣ, а отчего не подурачить такого милліонера, привыкшаго къ легкимъ побѣдамъ? Пугало ее, между прочимъ, то, что Додоновъ славился силой: ломалъ подковы и ходилъ одинъ на медвѣдя,—что̀ такому звѣрю стоило схватить ее и затащить куда-нибудь въ такой уголъ своего дворца, откуда не выцарапаешься? При каждомъ удобномъ случаѣ Улитушка старалась ввернуть словечко за Додонова — вотъ баринъ, такъ настоящій баринъ, и все у него форменно.

— А зачѣмъ онъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ мучитъ, хорошій-то баринъ?—спорила съ ней Фимушка.—Набралъ ихъ чуть не сотню, да и заперъ подъ замо̀къ, какъ кощей.

— Ты еще этого и понимать не можешь: извѣстно, барское положеніе. Чего имъ, дѣвушкамъ твоимъ, сдѣлается: кормятъ, одѣваютъ, а потомъ и замужъ выдадутъ. Небось, не убудетъ, что поживутъ въ холѣ да въ нѣгѣ. За счастье должны считать, что вниманіе обратили на ихъ черную кость...

Въ Улитушкѣ сказалось старое рабье сердце, хотя она и сама въ дни своей юности не мало изкосила горя отъ такого барскаго вниманія.

Послѣдняя суббота передъ Рождествомъ осталась въ памяти Антониды Васильевны навсегда. Въ господскомъ домѣ опять ждали генерала, и артисты слонялись изъ угла въ уголъ безъ всякаго дѣла. Особенно скучали актрисы, которымъ положительно было некуда дѣваться. Актеры въ такихъ случаяхъ обыкновенно забирались во флигель къ додоновскимъ музыкантамъ и тамъ коротали время за графинчикомъ съ водкой. Зимній вечеръ тянулся безъ конца. Фимушка, по обыкновенію, спала; другія актрисы тоже дремали. Одна Улитушка старалась бодрствовать, что̀ стоило ей громадныхъ усилій: послѣ короза старуху такъ и позывало всхрапнуть часикъ-другой. Антонида Васильевна сидѣла у стола и читала какую-то роль для праздничныхъ спектаклей. Чья-то легкая рука притронулась къ ея плечу и заставила оглянуться,—это была низенькая старушка въ старинномъ сарафанѣ съ серебряными пуговицами. Она глазами показала на дремавшую Улитушку и знаками пригласила слѣдовать за собой. Въ первую минуту дѣвушка не согласилась, но потомъ махнула на все рукой: одолѣла скука... Да и старушка такая при-

личная на видъ, а Додоновъ сидитъ въ кабинетѣ съ Крапивинымъ. Старушка, какъ тѣнь, повела ее за собою.

— Куда вы меня ведете?—спрашивала Антонида Васильевна, когда онѣ очутились въ коридорѣ.

— Милушка ты моя, не бойся...—ласково шептала старушка.—Послали меня за тобой... Пелагея Силантьевна прислала, потому давно ей охота тебя повидать.

— Какая Пелагея Силантьевна?

— А вотъ увидишь какая... Только бы этотъ змѣй намъ не встрѣтился, Иванъ Гордеичъ. Сживетъ онъ меня со свѣту...

Безвыходное положеніе ласковой старушки тронуло Антониду Васильевну, и она пошла за ней, догадываясь, куда та ее вела. Миновавъ большой коридоръ, онѣ свернули куда-то налѣво, потомъ поднялись во второй этажъ и опять пошли по коридору. Видимо, ихъ ждали, и невидимая рука отворила дверь въ концѣ коридора.

— Ну, вотъ и пришли, слава Богу,—уже весело заговорила старушка и повела гостью за руку черезъ рядъ низенькихъ и жарко натопленныхъ комнатъ.

Кругомъ была самая скромная семейная обстановка. Обтянутая д... ненькимъ ситцемъ мебель, выкрашенныя сѣрою краской стѣны, цвѣты ... только. Навстрѣчу изъ одной комнаты показалась невысокаго роста худ... кая дама и сдѣлала старушкѣ знакъ оставить ихъ однѣхъ.

— Извините, что я васъ побезпокоила,—заговорила она пріятнымъ и свѣжимъ голосомъ, который совсѣмъ ужъ не гармонировалъ съ ея истомленнымъ, худымъ лицомъ и тонкими, какъ плети, руками.—Вы не сердитесь?

— Нѣтъ... вы желали меня видѣть?

Хозяйка усадила гостью на маленькій диванчикъ и все смотрѣла на нее своими неестественно горѣвшими глазами.

— Неужели вы ничего не слыхали про Пелагею Силантьевну?—спрашивала она, едва удерживаясь отъ желанія расцѣловать гостью.—А мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, видѣть совсѣмъ близко. Какая вы красивая... свѣжая... Я всего разъ видѣла васъ и то издали—въ первый спектакль. Но о васъ столько говорятъ... я первая безъ ума отъ васъ... помните, какъ вы тогда пѣли?.. Я вѣдь тоже прежде пѣла...

Хозяйка не давала гостьѣ сказать слово и все говорила сама, говорила торопливо, точно боялась чего-то не досказать. Время отъ времени она схватывала руку Антониды Васильевны и прикладывала ее къ своей груди.

— Слышите, какъ сердце бьется... точно птица? О, я скоро умру, и лучше... А вѣдь я тоже была красивая,— не такая, какъ вы, но могла нравиться...

Пелагея Силантьевна откровенно разсказала о себѣ все: она дочь чиновника, бѣднаго маленькаго петербургскаго чиновника, и познакомилась съ Додоновымъ лѣтъ десять тому назадъ, когда поступила швеей къ его матери. За работой она всегда пѣла, и голосъ ее погубилъ... У Додонова всегда былъ цѣлый штатъ любовницъ, но она его полюбила и теперь еще любитъ.

— Вы, можетъ-быть, хотите взглянуть на его теперешнихъ фаворитокъ?—неожиданно предложила она и, не дожидаясь отвѣта, что-то шепнула ласковой старушкѣ, вынырнувшей точно изъ-подъ земли.—Это будетъ для васъ интересно... а потомъ Галактіоновна васъ проводитъ другимъ ходомъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь.

Въ коридорѣ скрипнули двери и послышались легкіе шаги. Антонида

Васильевна не знала, куда ей дѣваться: и посмотрѣть ей хотѣлось долговскихъ красавицъ, и какъ-то дѣлалось совѣстно. Вѣдь имъ, навѣрное, будетъ неловко передъ посторонним человѣкомъ. А въ сосѣдней комнатѣ уже слышался смѣхъ и шушуканье и ворчаніе Галактіоновны, терявшееся въ сдержанномъ шумѣ голосовъ. Когда Антонида Васильевна вышла въ гостиную, у ней зарябило въ глазахъ—такъ много было дѣвушекъ. Много было красивыхъ и молодыхъ лицъ, но красавицы ни одной, и всѣ одѣты очень скромно, какъ небогатыя швейки. Онѣ смотрѣли на актрису во всѣ глаза, и только двѣ дѣвушки прятались назади.

— Это новенькія...—шепнула Пелагея Силантьевна.—Еще не успѣли привыкнуть.

Всѣхъ дѣвушекъ было пятнадцать, и Пелагея Силантьевна называла ихъ въ глаза мастерицами.

— Хотите посмотрѣть дѣвичью?—предлагала она.

— Если это никого не стѣснитъ.

— У насъ попросту, безъ стѣсненій.

„Дѣвичья“ состояла изъ ряда комнатъ, обставленныхъ еще скромнѣе [illegible] Пелагеи Силантьевны,—получалось что-то въ родѣ меблированныхъ [illegible]. Въ каждой кровать, комодъ съ зеркаломъ и нѣсколько стульевъ. На [illegible] кнахъ занавѣски. Дѣвушки сначала дичились гостьи, а потомъ [illegible] ыя даже начали разговаривать съ ней. Была и общая комната, въ которой жили дѣвушки, получившія отставку. Въ другой такой же общей комнаткѣ помѣщались кандидатки въ дѣвичью,—ихъ долго мыли и чистили, учили манерамъ и умѣнію одѣваться, прежде чѣмъ представить владыкѣ. Одна комната была заперта, и Антонида Васильевна поинтересовалась узнать, что здѣсь находится.

— А это такъ... на всякій случай, — уклончиво отвѣтила Пелагея Силантьевна, моргая въ сторону столпившихся дѣвушекъ.

— Карцеръ?—догадывалась Антонида Васильевна.

— Почти... вообще, когда нужно отдѣлить кого-нибудь. Наказаній у насъ не полагается, а домашнія мѣры...

По знаку Пелагеи Силантьевны, всѣ дѣвушки разошлись по своимъ мѣстамъ. Антонида Васильевна стала прощаться. У ней такъ было грустно и тяжело на душѣ.

— Посидѣли бы вы, голубчикъ,—умоляла хозяйка.—Если бы вы знали, какъ мы здѣсь всѣ любимъ васъ... Когда вы поете, всѣ дѣвушки слушаютъ васъ изъ зимняго сада. Въ театръ имъ нельзя показаться, такъ хоть издали послушаютъ... Онѣ меня умоляли пригласить васъ сюда.

— Очень рада... я не знала этого раньше.

— А вы обратили вниманіе на послѣднюю привязанность Виссаріона Платоныча? Представьте себѣ,совсѣмъ какая-то замарашка, а ему нравится... Конечно, она еще дѣвчонка, ей нѣтъ и шестнадцати лѣтъ, но все-таки странный вкусъ.

На прощанье Пелагея Силантьевна взяла съ гостьи слово, что она еще какъ-нибудь завернетъ къ нимъ въ дѣвичью. Старая Галактіоновна провела ее обратно, черезъ второй этажъ, парадными комнатами. Дорогой она спросила Антониду Васильевну:

— Ты сегодня опять пѣть будешь?

— Буду...

— Спой ты что-нибудь жалобное, голубушка ты наша,—самое жалобное. Это мнѣ дѣвушки наказывали тебя попросить... Въ ножки, говорятъ, поклонись соловушкѣ.

— Хорошо, хорошо...

Казалось, еще никогда Антонида Васильевна не пѣла такъ хорошо, какъ въ этотъ вечеръ. Генералъ и Додоновъ аплодировали, а она не заставляла себя просить и начинала снова пѣть. Кончилось это тѣмъ, что ей сдѣлалось дурно.

— Зачѣмъ такъ насиловать себя?—ворчалъ Крашевинъ, ухаживавшій за нею съ какими-то спиртами.— Это неблагоразумно, а этихъ дураковъ мы не удивимъ...

Дѣвушка не сказала, для кого она пѣла. Ее била лихорадка, и зубы выбѣгали холодную дрожь. О, она знала, для кого пѣла, и благодарила Бога, что могла вылить свою душу... Пусть хоть въ пѣснѣ узнаютъ о волѣ, о любимомъ и дорогомъ человѣкѣ, о горѣ и радости свободныхъ людей.

VII.

Додоновъ жилъ княземъ и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Краснослободскіе заводы давали ежегодно милліонъ рублей чистаго дивиденда. Поѣздка на Уралъ была одной изъ его дорогихъ фантазій. Въ Петербургѣ сидѣть надоѣло, за границей онъ успѣлъ побывать вездѣ, все видѣлъ и все испыталъ, что можно было купить на деньги. У него были три слабости: женщины, охота и музыка. Въ карты онъ не игралъ и вина почти не пилъ. По натурѣ онъ не былъ злымъ человѣкомъ, какъ не былъ и добрымъ. Жизнь велъ скорѣе уединенную и рѣдко гдѣ бывалъ. Половину дня онъ проводилъ за книгами: прекрасная библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ путешествовала всюду за нимъ. Владѣя тремя новыми языками, онъ могъ наслаждаться сокровищами всей европейской литературы. Прибавьте къ этому желѣзное здоровье, молодость, красивую наружность,—кажется, и желать больше ничего не оставалось, а Додоновъ былъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ и скучалъ, какъ сто нищихъ вмѣстѣ не могутъ скучать.

Сотни людей раболѣпствовали передъ нимъ и жадно ловили каждый его взглядъ, а владыка боялся наступленія слѣдующаго дня, который принесетъ съ собою новую скуку. Единственная страсть, которая еще минутами согрѣвала его, была любовь къ женщинамъ. Но и здѣсь все являлось выстроеннымъ по извѣстному шаблону. Продажная красота уже давно не прельщала его, а свои крѣпостныя красавицы надоѣдали собачьей покорностью,—каждая новая женщина являлась только копіей предыдущей. Иногда Додоновъ начиналъ ненавидѣть всѣхъ женщинъ и не заглядывалъ въ дѣвичью по мѣсяцамъ. Единственнымъ исключеніемъ являлась Пелагея Силантьевна, отъ которой онъ никакъ не могъ избавиться. Она присосалась къ нему, какъ чужеядное растеніе, и онъ не могъ вылутаться. Это были самыя невозможныя отношенія. Додоновъ даже не могъ сказать, красива она или нѣтъ, какъ о самомъ себѣ. Его поражала кошачья живучесть этой женщины, преслѣдовавшей его, какъ собственная тѣнь. Она была съ нимъ то ласкова, то груба до дерзости и всегда полна жизни и внутренняго огня. Всего болѣе Додонова удивляло то, что она его любила и любила искренно. Былъ еще другой человѣкъ, который тоже любилъ его,—это лысый старичокъ Иванъ Гордеевичъ. Поэтому, вѣроятно, старикъ и главная метресса ненавидѣли другъ друга всѣми силами души, что забавляло иногда Додонова.

— Ну, что новенькаго, премудрый Соломонъ?—спрашивалъ Додоновъ: онъ по-домашнему называлъ старика Соломономъ.—Когда ты женишься на Полѣ?..

— Это вы касательно Пелагеи Силантьевны?

— Да, касательно...

— Лучше ужъ я удавлюсь, Виссаріонъ Платонычъ... Это—аспидъ, а не баба. Ржавчина, купоросная кислота...

— Значитъ, ты ея боишься?

— Я?.. Да я ее попаламъ перекушу.

Паша платила тою же монетой премудрому Соломону, и не одинъ разъ у нихъ дѣло доходило до рукопашной. Додоновъ смотрѣлъ на нихъ и улыбался, какъ надъ иллюстраціей человѣческаго ничтожества. Жизнь, полная бездѣлья и всякихъ излишествъ, очень рано выработала изъ него дешеваго философа-пессимиста. Чужія страданія не трогали его душу, а правды для него не было на свѣтѣ. Все шло, какъ этому нужно было итти, и все пойдетъ, какъ тому должно быть. Каждый человѣкъ—жалкая пѣшка въ игрѣ невидимой руки. Гарунъ-Аль-Рашидъ насчиталъ въ своей жизни четырнадцать счастливыхъ дней, а Гёте всего одну четверть часа, да и эти счеты были сдѣланы подъ старость и едва ли соотвѣтствовали истинѣ. Изъ чего же хлопотать, работать, убиваться?

Живымъ человѣкомъ Додоновъ чувствовалъ себя только на охотѣ, когда шелъ съ рогатиной на медвѣдя. Нужно было чѣмъ-нибудь встряхнуть притупленную нервную систему, и тутъ являлись такія ощущенія, какихъ не переживалъ ни одинъ нѣмецкій философъ. Но теперь и охота не тѣшила Додонова. Въ послѣдній разъ на медвѣжьей облавѣ онъ промазалъ по матерому звѣрю въ пятнадцати шагахъ и только махнулъ рукой, когда медвѣдь пошелъ наутекъ. Главный медвѣжатникъ Никита даже обругалъ барина за оплошку и добилъ краснаго звѣря уже самъ.

— Шкуру ты свезешь туда... въ городъ...—устало приказывалъ Додоновъ премудрому Соломону.—Да чтобы голова была набита, какъ живая.

Эта медвѣжья шкура появилась на полу уборной Антониды Васильевны въ городскомъ театрѣ. Никто не видалъ, какъ она попала туда, но всѣ знали, откуда явился такой подарокъ.

Охота была заброшена, и скучавшія безъ дѣла собаки выли по ночамъ въ своемъ собачьемъ дворцѣ. Привезенные для травли живые медвѣди тоже лежали по клѣткамъ самымъ мирнымъ образомъ. А Додоновъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и только по вечерамъ отдавалъ приказъ, чтобы въ главной залѣ играла музыка. Оркестръ игралъ въ пустыхъ комнатахъ, а Додоновъ лежалъ у себя въ кабинетѣ и слушалъ. Онъ закрывалъ глаза и старался вызвать любимую женскую тѣнь, которая отъ субботы до субботы бродила по его пустовавшему дворцу. Премудрый Соломонъ только вздыхалъ, безсильный помочь барскому горю.

Когда онъ являлся изъ города, Додоновъ спрашивалъ его нѣмымъ взглядомъ своихъ усталыхъ большихъ глазъ.

— Плохо, Виссаріонъ Платонычъ...—уныло докладывалъ вѣрный рабъ.—Поперекъ дороги сталъ этотъ проклятый Крапивинъ.

— Я ее куплю, если на то пошло,—отвѣчалъ Додоновъ.

— Это бы вѣрнѣе, Виссаріонъ Платонычъ...

— Убирайся, дуракъ!

Купить крѣпостную примадонну дѣло было самое легкое, но не этого ждалъ Додоновъ. У него своихъ красавицъ непочатый уголъ. Ему хотѣлось, чтобы Антонида Васильевна сама его полюбила. Чѣмъ онъ хуже какого-нибудь несчастнаго Крапивина? Додоновъ нѣсколько разъ приглашалъ антрепренера къ себѣ въ кабинетъ и подолгу разговаривалъ съ нимъ: ничего особеннаго въ

немъ нѣтъ и даже старше его лѣтъ на пять. Конечно, онъ постоянно у нея на глазахъ, наконецъ она находится въ извѣстной отъ него зависимости, но это все были пустяки.

Разъ вечеромъ Иванъ Гордеевичъ явился съ таинственнымъ видомъ, какъ собака, учуявшая дичь. Онъ даже облизывался отъ удовольствія.

— Что скажешь, премудрый Соломонъ?

— Суета суетствій, Виссаріонъ Платонычъ, и всяческая суета...

— Только-то?... Ну, не особенно много даже для мудрости Соломона...

— А есть и еще вѣсточка одна...

Старикъ осторожно оглянулся кругомъ и, подкравшись къ самому уху владыки, прошепталъ:

— Антонида Васильевна въ прошлый разъ была въ нашей дѣвичьей.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно-съ... И всѣхъ вашихъ мэтрессокъ видѣла. А надвела ее Пелагея Силантьевна...

Додоновъ вскочилъ, какъ ужаленный, и даже замахнулся на старика.

— Убейте, на мѣстѣ убейте,—шепталъ съежившійся отъ страха Соломонъ,—а было дѣло... Всю дѣвичью обошла и обо всемъ разспрашивала. Теперь какъ я къ нимъ на глаза-то покажусь?

— Позвать Полю сюда!

Когда явилась къ отвѣту Пелагея Силантьевна, Додоновъ встрѣтилъ ее отборною руганью, размахивая руками подъ самымъ ея носомъ. Иванъ Гордеевичъ подслушивалъ происходившую бурю сейчасъ за дверями и улыбался. Что онъ съ ней разговариваетъ? Каталъ бы прямо съ уха на ухо или отдалъ бы въ его распоряженіе...

— Для чего ты это дѣлала, а?!—ревѣлъ Додоновъ, наступая на Пелагею Силантьевну.—Ты хочешь отмолчаться, змѣя... Нѣтъ, я изъ тебя жилы вытяну, на конюшню пошлю...

— Виссаріонъ Платонычъ...

— Молчать!... Да мнѣ на всю дѣвичью наплевать... слышала?.. Мнѣ надоѣла вся эта ваша гадость, да!.. Я знаю, чего ты добивалась: пусть-де актриса посмотритъ, какъ Виссаріонъ Платонычъ развратничаетъ, да?... Такъ?.. Ты боялась новой соперницы, да?.. Такъ знай же, что ты сдѣлала себѣ же хуже...

Едва замѣтная улыбка скользнула по безкровнымъ губамъ Пелагеи Силантьевны, и она смѣло посмотрѣла въ глаза Додонову.

— Вы забываете только одно, Виссаріонъ Платоновичъ,—заговорила она увѣреннымъ тономъ,—что за вами есть и еще кое-что, кромѣ дѣвичьей..

— А, ты желаешь пугать меня... Вонъ!

— Вы лучше убейте меня, а пока я жива...

Додоновъ сильно позвонилъ. Когда на звонокъ выскочилъ Иванъ Гордеевичъ, онъ, не глядя на обоихъ, проговорилъ всего одно грозное слово:

— На конюшню!

— Я не ваша крѣпостная!—кричала Пелагея Силантьевна, стараясь отбиться отъ Ивана Гордеевича.—Я не позволю обращаться съ собой, какъ съ крѣпостной дѣвкой...

— Двойную порцію этой змѣѣ,—спокойно продолжалъ Додоновъ.—Я за все отвѣчаю...

Когда барахтавшуюся и кричавшую Пелагею Силантьевну вытащили изъ кабинета и когда смолкъ на лѣстницѣ поднятый этою возней шумъ, Додоновъ опять позвонилъ. Въ дверяхъ вытянулся лакей въ русской под-

дѣвкѣ. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ по комнатѣ, Додоновъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— Изволили звонить-съ...

— Я? Ахъ, да... Иди скорѣе на конюшню и скажи, чтобы отпустили Полю сейчасъ же.

— Слушаю-съ.

Какъ ни торопился Иванъ Гордеевичъ исполнить барское приказаніе, но не успѣлъ. Пелагею Силантьевну дотащили уже до корпуса конюшенъ, гдѣ происходили всякія экзекуціи, и выскочили уже конюха, какъ прибѣжалъ во весь духъ лакей и остановилъ готовившееся жестокое дѣло. У Ивана Гордеевича опустились руки: все было готово, какихъ-нибудь десять минутъ и— Пелагея Силантьевна не ушла бы изъ конюшни на своихъ ногахъ, а тутъ вдругъ... Старикъ опрометью бросился наверхъ, чтобы провѣрить лакея.

— Оставить Полю, а мнѣ лучшую тройку,—приказалъ Додоновъ, не смотря на премудраго Соломона.

Вся дѣвичья замерла отъ страха, когда Пелагею Силантьевну принесли изъ конюшни на рукахъ. Ей сдѣлалось дурно, и Галактіоновна долго хлопотала около больной, растирая ее разными снадобьями. Когда Пелагея Силантьевна пришла въ себя, она долго хохотала и плакала, какъ сумасшедшая,— съ ней истерика продолжалась всю ночь.

— Онъ меня узнаетъ... Я ему покажу... ха, ха...—заливалась она, кусая зубами подушку.—Пусть бьютъ... я не крѣпостная.

VIII.

Лучшая сѣрая тройка вихремъ неслась въ Загорье, а Додоновъ все погонялъ. Сѣдой старикъ-кучеръ, лучшій наѣздникъ, не жалѣлъ лошадей: все равно—тройка пропала. Черезъ два часа показался городъ, и загнанная тройка остановилась у театральной квартиры. Додоновъ вбѣжалъ прямо во второй этажъ. Крапивина, къ несчастью, не было дома, и Улитушка, попробовавшая загородить дорогу, отлетѣла въ уголъ, какъ ворона.

— Мнѣ нужно видѣть Антониду Васильевну,—потребовалъ Додоновъ, располагаясь въ залѣ, какъ у себя дома.

— Она не одѣта,—докладывала перепуганная горничная.

— Я подожду.

Антонида Васильевна учила роль, когда горничная прибѣжала сказать ей о нежданномъ гостѣ. Дѣвушка даже не удивилась, точно она ждала Додонова. Одѣвшись въ простенькое домашнее платье и поправивъ волосы передъ зеркаломъ, она вышла въ залу такая спокойная и самоувѣренная. Додоновъ сидѣлъ на диванѣ, низко опустивъ голову. Скрипъ отворившейся двери заставилъ его оглянуться.

— Вы меня желаете видѣть?—проговорила Антонида Васильевна, не протягивая руки.

— Да.

— Что вамъ угодно?

Додоновъ нетерпѣливо оглянулся и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Не безпокойтесь, насъ никто не будетъ подслушивать,—предупредила его Антонида Васильевна.

— Раньше я не рѣшался объясниться съ вами, но вы сами дали поводъ...—началъ Додоновъ, трогая усы.

— Нѣтъ?

— Вы понимаете, про что я говорю... Вы видѣли и знаете все и, какъ порядочная женщина, какъ дѣвушка, не можете не презирать меня.

— Совершенно вѣрно. Я могу только удивляться вашему присутствію вотъ здѣсь.

— Я васъ не задержу. Замѣтьте: вы первая дали мнѣ поводъ! Вы знаете меня съ самой дурной стороны, и я пріѣхалъ сказать вамъ, что... что я, дѣйствительно, дурной человѣкъ.

— И только?

По странному тону Антонида Васильевна приняла Додонова за пьянаго, да и глаза у него были красные.

— Нѣтъ, не только!—уже рѣзко заговорилъ онъ.—Я былъ дурной человѣкъ до встрѣчи съ вами... У меня открылись глаза, и я самъ презираю себя. Богатые, избалованные люди везтѣ одинаковы, съ тою разницей, что дѣлаютъ гадости съ большею или меньшею степенью откровенности. Я откровеннѣе другихъ... Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы я былъ другимъ человѣкомъ.

— Другимъ вы не будете, Виссаріонъ Платонычъ, а меня вы оставьте въ покоѣ... Если вы желаете откровеннаго мнѣнія о себѣ, то узнайте: я васъ ненавижу.

Додоновъ разжѣгся и прищурилъ глаза. Смѣлая рѣчь крѣпостной примадонны еще сильнѣе разожгла его страстное чувство.

— А если я васъ куплю, какъ крѣпостную?—прошепталъ онъ.

— Никогда этого не будетъ.

— Ага, увидимъ...

— Я отравлюсь, даю вамъ мое честное слово. Лучше честная смерть, чѣмъ позорная жизнь... Отъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ вы держите въ своей дѣвичьей, вы этого не услышите, такъ выслушайте отъ меня.

— Вы жестоко раскаетесь въ своихъ словахъ.

— Никогда. До свиданія.

Додоновъ вскочилъ и умоляюще протянулъ руку впередъ.

— Еще одно слово,—шепталъ онъ мѣняя тонъ.—Нѣтъ такого страшнаго грѣшника, который не могъ бы заслужить прощенія... Я еще не встрѣчалъ дѣйствительно порядочной женщины. Во мнѣ всегда видѣли только деньги и деньги... Дѣйствительнаго чувства, серьезной привязанности я не зналъ до сихъ поръ. Не заставляйте меня дѣлать новую несправедливость. Я сдаюсь на всѣ ваши условія, и нѣтъ такого желанія, которое не было бы исполнено сейчасъ же.

Антонида Васильевна показала молча на дверь. Додоновъ поклонился, быстро повернулся и вышелъ. Спускаясь по-лѣстницѣ, онъ встрѣтился съ Крапивинымъ, но не узналъ его. Крапивинъ остановился и проводилъ его глазами до экипажа, а затѣмъ быстро вбѣжалъ во второй этажъ.

— Какъ разбойникъ ворвался,—докладывала шопотомъ Улитушка,—а Тонюшка его приняла по-своему... Не понравилось, вотъ и бѣжалъ.

Антрепренеръ пробѣжалъ прямо въ комнату Антониды Васильевны. Дѣвушка лежала за ширмочкой на своей кровати и горько рыдала.

— Что случилось, Антонида Васильевна?

— То, что должно было случиться.

— Додоновъ предлагалъ вамъ что-нибудь?

— Все... на выборъ... Я сказала, что лучше отравлюсь.

— Дитя мое, потерпите. Сегодня я получилъ письмо отъ вашего по-

мѣшика, съ которымъ веду переговоры относительно вольныхъ всей труппѣ. Да...

— И что же?

— Слава о вашихъ успѣхахъ, къ несчастью, предупредила мое письмо, и онъ требуетъ за одну вашу свободу десять тысячъ.

Въ отвѣтъ послышались новыя рыданія. Крапивинъ схватилъ себя за голову и молчалъ. Въ окно, разрисованное морозомъ, смотрѣлся уже ранній зимній вечеръ. Откуда-то издалека доносился жалобный благовѣстъ. Антонида Васильевна оставалась за ширмочкой и тяжело всхлипывала. Да, она крѣпостная, и съ ней могутъ сдѣлать все, что захотятъ. Зачѣмъ же ее учили, зачѣмъ въ ея роляхъ говорится о какой-то свободной жизни, о любви и радостяхъ? Кругомъ такъ темно и не видно просвѣта.

— Я думаю обратиться къ генералу,—заговорилъ Крапивинъ послѣ длинной паузы.—Старикъ добръ...

— Что изъ этого выйдетъ?

— Во-первыхъ, необходимо отдѣлаться отъ Додонова, а во-вторыхъ... вообще, нужно же что-нибудь дѣлать.

— О Додоновѣ не безпокойтесь: онъ во второй разъ не придетъ.

Въ послѣднее время между Антонидой Васильевной и Крапивинымъ установились немного натянутыя отношенія, и она видимо избѣгала откровенныхъ разговоровъ съ нимъ. Опредѣленнаго повода къ такому положенію не было, но дѣвушка инстинктивно стала держаться подальше, точно провѣряя самое себя. Вѣдь она его не любила,—зачѣмъ же мучить человѣка напрасно? Крапивинъ, кажется, догадывался о душевномъ настроеніи своей любимицы и старался не лѣзть въ глаза. Онъ полагался на время. Вѣдь она еще такъ молода и многаго не въ состояніи понять. Даже въ отношеніи къ Додонову онъ не желалъ вмѣшиваться,—пусть сама оцѣнитъ, кто и чего стоитъ. Эти слезы послѣ визита Додонова служили лучшимъ доказательствомъ, что онъ, Крапивинъ, разсчиталъ вѣрно. Конечно, было извѣстное увлеченіе обстановкой и разсказами о Додоновѣ, но это пройдетъ само собой, только не нужно навязываться съ своею собственной особой.

Вопросъ о выкупѣ крѣпостныхъ актрисъ не давалъ покоя Крапивину. Если ужъ теперь помѣщикъ требуетъ за одну Антониду Васильевну десять тысячъ, то отчего ему не назначить пятьдесятъ,—произволу нѣтъ границъ и конца. Иногда Крапивину приходила мысль обратиться къ Додонову: что ему значило выиграть какихъ-нибудь двадцать тысячъ! Эта сумма давила теперь антрепренера, какъ тяжелый камень. Были, конечно, богатые люди въ Загорьѣ, особенно въ средѣ золотопромышленниковъ, но какъ къ нимъ обратиться, когда раскольничьи попы и начетчики считаютъ театръ бѣсоугодною пляской? Оставалось ждать и сколачивать средства изъ своихъ театральныхъ грошей. А время уходитъ, и вмѣстѣ съ нимъ день за днемъ подтачиваются силы. Крапивинъ хватался за свои рѣдѣвшіе кудри и приходилъ въ отчаяніе. Недоставало только этой исторіи съ Додоновымъ.

Слова Антониды Васильевны не сбылись: Додоновъ не оставилъ ее въ покоѣ. Онъ теперь почти каждый день являлся въ спектакль и занималъ свое обычное мѣсто въ первомъ ряду. Когда былъ назначенъ бенефисъ Антониды Васильевны,—это былъ первый ея бенефисъ,—онъ послалъ ей за свое мѣсто тысячу рублей и букетъ изъ бѣлыхъ камелій.

— Я ему возвращу эти деньги...—заявляла Антонида Васильевна.

— Нѣтъ, не возвращайте,—совѣтовалъ Крапивинъ.—Пусть онѣ пойдутъ на ваше освобожденіе изъ крѣпостной зависимости... Додонову не все ли

равно, куда ни бросать деньги, а здѣсь онѣ, по крайней мѣрѣ, пойдутъ на хорошее дѣло.

Антонида Васильевна ничего не отвѣтила и только задумалась. Обстоятельства такъ складывались, что ей точно нельзя было избавиться отъ Додонова. Вотъ и Крапивинъ совѣтуетъ взять деньги... Послѣ того, что она наговорила ему тогда, другой на его мѣстѣ и носу не показалъ бы въ театръ, а онъ еще букетъ посылаетъ. Эта настойчивость интриговала ее: можетъ-быть, Додоновъ и не такой человѣкъ, какимъ кажется. И няня Улитушка то же говоритъ... Принявъ деньги, Антонида Васильевна сочла себя обязанной приколоть одну камелію къ своему бѣлому платью. Она была необыкновенно эффектна въ этотъ вечеръ и на безконечные вызовы пропѣла лучшіе номера въ своемъ репертуарѣ.

— Если бы я былъ помоложе, полковникъ...—повторилъ нѣсколько разъ генералъ, подмигивая Додонову.—Вѣдь это брильянтъ!..

— Рѣдкіе камни, ваше превосходительство, требуютъ слишкомъ дорогой оправы,—отпучивался Додоновъ.

По желанію генерала, была устроена подписка, и бенефиціанткѣ поднесли нѣсколько золотыхъ бездѣлушекъ: два браслета, брошь и серьги. Послѣ спектакля въ уборной Антониды Васильевны набралось много поклонниковъ и въ томъ числѣ генералъ съ Додоновымъ. Крапивинъ велѣлъ подать шампанскаго,—пиръ, такъ пиръ.

— Въ наше время пили шампанское изъ башмачковъ красавицъ... — шутилъ генералъ, чокаясь съ Антонидой Васильевной.

— Какъ хозяйка, по русскому обычаю, я желаю васъ поцѣловать, ваше высокопревосходительство... — заявила бенефиціантка, покраснѣвъ отъ собственной смѣлости.

— Спасибо... Это ужъ совсѣмъ по-семейному.

Генералъ поцѣловалъ хорошенькую актрису при звукахъ торжественнаго туша и громкихъ аплодисментахъ набравшейся въ уборной публики. Молчалъ одинъ Додоновъ. Онъ держался какъ-то въ сторонѣ, какъ виноватый. Эта покорность польстила Антонидѣ Васильевнѣ. Да, она сегодня была такъ счастлива, какъ еще никогда, а этотъ Додоновъ походилъ на школьника, поставленнаго въ уголъ. Даже генералъ замѣтилъ это и проговорилъ:

— Что ты, братецъ, какъ мокрая курица?.. Можетъ-быть, мнѣ завидуешь?

— У меня сегодня въ чужомъ пиру похмелье, ваше превосходительство,— отвѣтилъ Додоновъ и сейчасъ же началъ прощаться.

— Какой онъ странный...—удивлялся старикъ, когда Додоновъ вышелъ.— Право, очень странный. Не такъ ли, Гоголенко?

— Совершенно странный, ваше высокопревосходительство.

— А между тѣмъ полковникъ... богатъ... молодъ...

Развеселившійся генералъ заставилъ Антониду Васильевну поцѣловаться и съ Крапивинымъ, что та исполнила очень неохотно. Крапивинъ былъ этимъ огорченъ и замѣтно надулся, но дѣвушка чувствовала себя слишкомъ счастливой, чтобы замѣчать чужое настроеніе. Дома его ожидала другая непріятность: комната Антониды Васильевны во время спектакля была убрана заново.

Кровать изъ краснаго дерева была покрыта одѣяломъ изъ бухарскаго шелка, китайская ширмочка служила для нея точно экраномъ; роскошный гуалетъ, зеркало въ настоящей серебряной рамѣ, коверъ на полу, мягкій диванчикъ, обитый голубымъ атласомъ, — словомъ, все заново. Конечно, это устроилъ Иванъ Гордеевичъ, пока шелъ спектакль, и объ этой затѣѣ знала

впередъ одна Улитушка. Отъ старухи сегодня пахло наливкой сильнѣе обыкновеннаго. Крапивинъ совсѣмъ взбѣсился, когда узналъ все.

— Я этого не могу позволить! — кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ. — Я антрепренеръ, и всѣ артистки у меня на отвѣтственности.

Антонида Васильевна молчала. Ей сдѣлалось жаль, когда стали выносить изъ комнаты додоновскіе подарки и поставили на мѣсто старую мебель. Торжество закончилось для нея слезами. Она не могла даже дать отчета самой себѣ, о чемъ плакала. Въ душѣ накипѣло такое обидное и нехорошее чувство: зачѣмъ она крѣпостная, подневольная актриса, зачѣмъ Додоновъ такой богатый и дурной человѣкъ?.. Гдѣ-то въ глубинѣ души у ней шевельнулось чувство къ нему, и она сама испугалась, какъ человѣкъ, который неожиданно очутился на краю пропасти. Но, съ другой стороны, что̀ она сдѣлала такое, чтобы сердиться на нее, какъ дѣлаетъ Крапивинъ?.. И Крапивинъ тоже нехорошій человѣкъ, потому что думаетъ только о себѣ. Да, онъ эгоистъ, этотъ Крапивинъ.

— Ишь какъ расходился!—ворчала Улитушка, раздѣвая свою „шпитонку“, какъ она называла всѣхъ своихъ воспитанницъ. — Небиль помѣшала... Вѣдь она, небиль-то, не виновата. А ты бы завелъ самъ такую-то... Додоновъ баринъ настоящій, ничего не пожалѣетъ.

— Няня, будетъ тебѣ... — оговорила ее Антонида Васильевна, лежа въ постели.

— А всегда скажу... Тоже съ меня не голова снята. Да... форменный баринъ.

Явилось еще одно обстоятельство, которое тоже непріятно дѣйствовало на Антониду Васильевну. Другія актрисы завидовали ей, а откровенная Фимушка высказала это слишкомъ ужъ прямо. Эта зависть отравила бенефиціантк̀ѣ ея торжество окончательно, и она даже швырнула свои подарки на полъ.

— Ну, Милитриса Кирбитьевна, ты не очень швыряй,—ворчала на нее Улитушка, подбирая футляры. — Тоже не щепки, а деньги плачены... Вонъ Фимушка-то что̀ говоритъ: „Я бы, говоритъ, прямо убѣжала къ Додонову“. Умокъ-то у ней невеликъ, а тоже придумала.

Крапивинъ въ это время ходилъ у себя въ мезонинѣ изъ угла въ уголъ, какъ попавшій въ засаду волкъ. Такъ-то цѣнятъ его заботы, его честность, его преданность одному искусству... Достаточно показать нѣсколько блестящихъ побрякушекъ и шелковыхъ тряпокъ, чтобы разрушить всю его работу. Нѣтъ, онъ такъ дешево не продастъ себя. То непріятное чувство, которое онъ пережилъ сегодня, начало мучить, какъ напрасная тяжесть. Ему захотѣлось сказать что-нибудь ласковое Антонидѣ Васильевнѣ, — пусть день кончится для всѣхъ мирно. Онъ спустился во второй этажъ и постучалъ въ двери комнаты своей любимицы.

— Антонида Васильевна, не спите?

Отвѣта не послѣдовало: примадонна сердилась, и Крапивинъ, улыбнувшись, побрелъ въ свой мезонинъ.

IX.

Съ Антонидой Васильевной происходило что-то странное: она начала задумываться и скучать. По субботамъ труппа, попрежнему, уѣзжала въ Краснослободскій заводъ. Додоновъ былъ предупредителенъ, вѣжливъ—и только. Онъ только разъ спросилъ Антониду Васильевну, правда ли, что его подарки выброшены изъ комнаты.

— Да, правда,—отвѣтила она, опустивъ глаза.

— Это было ваше собственное желаніе?

— И да и нѣтъ... Сначала мнѣ не хотѣлось разставаться съ такими хорошими вещами, но потомъ я поняла, что принимать такіе дорогіе подарки неприлично...

— Почему?

— Потому что нужно умѣть за нихъ заплатить, а что можетъ дать крѣпостная актриса?.. Кромѣ этого, съ вашей стороны было просто неделикатно обязывать бѣдную, трудящуюся дѣвушку такими денежными подарками. Поставьте себя на мое мѣсто и скажите, какъ вы поступили бы?

— Я?.. Я сказалъ бы, что этого слишкомъ мало... да! Развѣ можно заплатить деньгами за то наслажденіе, которое доставляется талантомъ?.. Нищимъ являюсь я, а не вы... Своимъ пѣніемъ, своею игрой вы будите во мнѣ живого человѣка... Вѣдь это называется воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

Они сидѣли одни въ большой гостиной, гдѣ со стѣны смотрѣли хмурые фамильные портреты. Теперь Антонида Васильевна нисколько не боялась Додонова и спокойно ходила по всѣмъ комнатамъ, кромѣ дѣвичьей... Ловкій Иванъ Гордеевичъ умѣлъ такъ устроить дѣла, что Крапивинъ не мѣшалъ этимъ tête-à-tête. Въ тяжелой обстановкѣ барскаго стараго дома Антонида Васильевна являлась для Додонова блуждающимъ солнечнымъ лучомъ, который на мгновеніе освѣщалъ его темную жизнь и исчезалъ. Она и сейчасъ сидѣла на бархатномъ диванѣ такая красивая, свѣжая, и столько было чарующей прелести въ этой бѣлокурой грёзовской головкѣ, глядѣвшей прямо въ душу Додонову своими сѣрыми лучистыми глазами. У ней являлось желаніе помучить этого пресытившагося человѣка, и она замѣтно оживлялась въ его присутствіи.

— Вы меня презираете, Антонида Васильевна?—спросилъ Додоновъ тихо и протянулъ свою руку къ ея рукѣ.

— Да, да... Мнѣ дѣлается гадко, когда я думаю о вашей жизни. Бывшій офицеръ, образованный человѣкъ, и такъ погрязнуть... Я удивляюсь, какъ можно унизить себя до такой степени! Есть просто извѣстная порядочность, которая не позволяетъ людямъ дѣлать гадости.

— Но если нѣтъ руки, которая вывела бы изъ этой обстановки, если нѣтъ отвѣта на самое святое чувство, и если этимъ человѣка заставляютъ дѣлать новыя гадости?

— Что вы хотите этимъ сказать?

Додоновъ взялъ ее за руку и съ какимъ-то благоговѣніемъ поцѣловалъ кончики ея пальцевъ. Она хотѣла выдернуть руку и не могла—голова кружилась, въ глазахъ завертѣлись красныя пятна. Ей было страшно и хорошо, но она пересилила себя и засмѣялась нехорошимъ, холоднымъ смѣхомъ.

— Какія нѣжности, Виссаріонъ Платонычъ... Вы, кажется, принимаете меня за горничную. Не хотите ли, я вамъ подарю ленточку на память?

Этотъ смѣхъ точно ужалилъ Додонова, и онъ даже отскочилъ отъ нея. О, это было похуже того, что онъ слышалъ отъ нея раньше!

— Понимаю все,— шепталъ онъ, хватаясь за голову.—Вы любите другого... Для этого другого... вы найдете и другія слова...

— Вы меня оскорбляете, Виссаріонъ Платонычъ... Не забудьте, что я у васъ въ гостяхъ, и это вдвойнѣ обидно.

Она встала и съ гордо поднятою головой вышла изъ комнаты. Какъ онъ смѣлъ такъ говорить съ ней? Про себя она повторяла каждое его слово и открывала въ немъ что-нибудь обидное для себя. Но не все ли ей равно, что онъ говоритъ? Антонида Васильевна обманывала себя: ее уже начинало тянуть

къ Додонову. Въ немъ было что-то такое особенное, чего нѣтъ въ другихъ. Такого человѣка можно бы и полюбить, если бы не эта проклятая дѣвичья... Какой-то предательскій голосъ нашептывалъ ей: „Ты будешь царицей въ этомъ дворцѣ... жизнь польется сплошнымъ праздникомъ... а тамъ, въ столицѣ, ты сама будешь наслаждаться игрой лучшихъ артистовъ“... Собственная бѣдная обстановка начала казаться еще бѣднѣе, а жизнь игрушкой. Конечно, пока она молода и красива, все будетъ хорошо, но вѣдь красота такъ быстро проходитъ, а тамъ, впереди—тяжелое будущее состарившейся и пережившей себя примадонны. Антонида Васильевна часто плакала, оставаясь одна, и съ Крапивинымъ была холоднѣе прежняго.

А кругомъ нея составился цѣлый заговоръ, участниками котораго были: Иванъ Гордеевичъ, Яковъ Ивановичъ и Улитушка. Они частенько собирались втроемъ и долго судили и рядили про барскія дѣла.

— Гордячка она,—повторялъ Иванъ Гордеевичъ, приглаживая свою лысину.—Счастье лѣзетъ въ ротъ, а она отвергаетъ. По-моему, женское естество вездѣ одинаково, и только одна барская прихоть, что подай вотъ эту, а остальныхъ не надо. И нужно этимъ пользоваться... Другая бы даже весьма благодарна была... А ужъ какъ Виссаріонъ Платонычъ тоскуютъ-съ. Можно сказать, спятъ и видятъ Антониду Васильевну.

— А сколько онъ дастъ за нее?—спрашивалъ Яковъ Ивановичъ.

— Ничего, говоритъ, не пожалѣю... Пятьдесятъ тысячъ сейчасъ наличными, а что̀ касаемо подарковъ и благодарности—не въ счетъ.

Яковъ Ивановичъ и премудрый Соломонъ искренно жалѣли, зачѣмъ они не родились такою красавицей, какъ Антонида Васильевна.

— Все равно, такъ, даромъ пропадетъ,—резонировалъ Соломонъ,—и послѣ сама будетъ жалѣть-съ. Только будетъ поздно-съ.

— Конечно, будетъ каяться,—поддакивалъ Яковъ Иванычъ.—Ну, выйдетъ она за Крапивина... ну, и вытягивайся изъ всѣхъ жилъ на сценѣ, пока въ силахъ, а дальше-то что̀?

— Эхъ, молодо-зелено,—качалъ головой Соломонъ.

Привлеченная къ дѣлу Улитушка сочувствовала этимъ взглядамъ и вносила еще свою рабью покорность барской волѣ. Она взяла на себя трудную роль переговорить съ Антонидой Васильевной окончательно, потому что сезонъ подходилъ къ концу, и такого другого случая не дождешься. Старуха долго ходила около своей „шпитонки“, прежде чѣмъ рѣшилась выговорить все, что̀ лежало на ея старой душѣ.

— Тонюшка, а ты напрасно Виссаріона-то Платоныча обѣгаешь...—начала она однажды вечеромъ, когда дѣвушка сидѣла передъ зеркаломъ въ папильоткахъ и выравнивала волосы.—Вонъ онъ что̀ говоритъ-то: ничего, слышь, не пожалѣю... Только бери. Право... Иванъ Гордеичъ говоритъ, что пятьдесятъ тысячъ отдастъ, а подарки особо. На волю бы выкупилась и меня старуху выкупила, и стали бы жить да поживать... Дѣвичья-то память до порога.

Прислонившись къ спинкѣ стула, Антонида Васильевна смотрѣла на няньку остановившимися отъ изумленія глазами. Не во снѣ ли все это происходитъ?.. А расходившаяся старуха не унималась и продолжала свое:

— Тоже вотъ и Яковъ Иванычъ,—ему-то какая корысть?—а онъ въ одинъ голосъ съ Иваномъ-то Гордеичемъ... Добра тебѣ все желаютъ, касаточка. Разъ-то согрѣшишь, такъ и Богъ проститъ... Не ты первая, а съ актрисами это даже и даромъ бываетъ. Подвернется какой худой человѣкъ—дѣвушки какъ не бывало... А Виссаріонъ Платонычъ не обидитъ: въ золотѣ будешь ходить.

— Такъ пятьдесятъ тысячъ, няня?

— Пятьдесятъ, касаточка.

— Отлично... Я сама подумаю.

— Подумай, касаточка, Господь съ тобой... Этакого счастья въ другой-то разъ и не дождешься, а женская наша красота до времени.

Антонида Васильевна больше не плакала. Она цѣлую ночь не сомкнула глазъ и все думала... Припомнилось ей, какъ ее насильно взяли отъ семьи тамъ, въ Россіи, и отдали въ театральную школу; какъ она постепенно забывала своихъ родныхъ, простыхъ дворовыхъ, и какъ теперь она была для нихъ хуже, чѣмъ чужая. Впереди роскошь, богатое бездѣлье... Ее и торгуютъ, какъ лошадь. Отъ денегъ у всѣхъ закружилась голова, начиная съ несчастной Улитушки. Стоитъ только рѣшиться, и широкая дорога открыта. Утромъ Антонида Васильевна передала нянькѣ, что сама желаетъ переговорить съ Додоновымъ, и сама назначила ему часъ, когда онъ можетъ прійти къ ней, не рискуя встрѣтиться съ Крапивинымъ.

— Давно бы такъ-то, касаточка...—обрадовалась старуха.

Заговорщики торжествовали. Яковъ Ивановичъ самъ полетѣлъ съ радостною вѣстью въ Краснослободскій заводъ, и въ назначенный часъ Додоновъ входилъ въ комнату Антониды Васильевны.

— Вы меня желали видѣть, Антонида Васильевна?

— Да... Я желала бы слышать отъ васъ лично все то, что мнѣ передавали. Вы сами назначили цифру въ пятьдесятъ тысячъ?

— Послушайте, это уже извѣстно вамъ, и не все ли равно, кто назначалъ?..

— Значитъ, вѣрно?

— Да.

— И будутъ подарки?

— Антонида Васильевна, что̀ за топъ?

Она посмотрѣла на него такими печальными глазами и замолчала.

— Дѣвичья будетъ уничтожена немедленно... — заговорилъ Додоновъ, поспѣшный этимъ молчаніемъ.—Я понимаю, что это грубо назначить цифру, но вѣдь это только гарантія.

— Благодарю васъ, что вы такъ оцѣнили мой позоръ... и знайте, что я... я любила васъ... а теперь прощайте... навсегда. Вы меня убили...

Она не выдержала и громко зарыдала. Додоновъ хотѣлъ подойти къ ней, но она отстранила его движеніемъ руки.

— Если такъ, то вотъ мое послѣднее слово: выходите за меня замужъ,— предлагалъ Додоновъ.

— Замужъ?.. Чтобы вы бросили меня черезъ недѣлю?.. Нѣтъ, одно мгновеніе я думала нѣсколько иначе о васъ, и если бы отдалась вамъ, то не за деньги и не за честь носить вашу фамилію... Прощайте, прощайте!..

— Опомнитесь, Антонида Васильевна...

— Довольно... будетъ...

Видимо, ей хотѣлось сказать ему что-то еще на прощанье, но она только махнула рукой и убѣжала за ширму. Додоновъ постоялъ среди комнаты нѣсколько минутъ и, стиснувъ зубы, проговорилъ:

— Тогда я васъ куплю, Антонида Васильевна.

— Покупайте, какъ покупаете собакъ.

Додоновъ круто повернулся и торопливо вышелъ. У него голова шла кругомъ. О, онъ отомститъ за это оскорбленіе!.. Какая-нибудь жалкая провинціальная актриса и такъ обращается съ нимъ, Виссаріономъ Додоновымъ?.. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ...

Вечеромъ этого же дня въ театрѣ Яковъ Ивановичъ отозвалъ Антониду Васильевну за кулисы и, всплеснувъ руками, какъ-то простопалъ:

— Антонида Васильевна, что вы надѣлали... что вы надѣлали?!

— Да вамъ-то какая забота, Яковъ Иванычъ?

— Безкорыстно-съ, сударыня... Добра вамъ желалъ, единственно по этой причинѣ. Послѣ меня, можетъ, и добрымъ словомъ помянете...

— Оставьте меня!.. Вы всѣ, кажется, помѣшались... А если вы еще осмѣлитесь приставать ко мнѣ со своими сожалѣніями, я должна буду обратиться къ Павлу Ефимычу...

— Нѣтъ-съ, это пустое-съ... Антонида Васильевна, въ самомъ дѣлѣ, подумайте хорошенько! Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, да я...

— Вотъ и замѣните меня, а я буду вамъ очень благодарна.

— Погордились, сударыня...

— Вонъ!

Яковъ Ивановичъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все качалъ головой. Онъ даже забылъ, что около театра его ожидаетъ премудрый Соломонъ, пріѣхавшій изъ Краснослободскаго завода за окончательнымъ отвѣтомъ.

— Ну что?—спрашивалъ онъ, когда показался наконецъ Яковъ Ивановичъ.

— Ничего... прогнала...

Мудрецы только развели руками. Что же, своего ума къ чужой кожѣ не пришьешь...

Вся труппа уже знала о случившемся, и шушукались по всѣмъ угламъ. Актрисы выражали свое одобреніе, актеры качали головами. Ничего не зналъ одинъ Крапивинъ, который былъ занятъ съ декораторомъ Гаврюшей и даже самъ что-то красилъ и мазалъ, одѣвшись во вретище. У Гаврюши давно чесался языкъ, чтобы разсказать все патрону, но онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, что только крякталъ и вздыхалъ.

— Что у тебя, животъ болитъ?—спросилъ наконецъ его Крапивинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Ефимычъ...

Гаврюша наконецъ не выдержалъ и разсказалъ все, что происходило сегодня въ театральной квартирѣ. Крапивинъ слушалъ его и понималъ всего одно слово: Додоновъ... Додоновъ... Додоновъ. А гдѣ Антонида Васильевна?.. Потомъ онъ опомнился и закричалъ, какъ раненый звѣрь:

— Да ты все врешь, Гаврюшка?!. Все это ваши закулисныя сплетни и дрязги... Никогда и ничего не смѣть мнѣ говорить объ Антонидѣ Васильевнѣ!

— Какъ вамъ будетъ угодно.

X.

Дворецъ въ Краснослободскомъ заводѣ зловѣще смолкъ. Баринъ затворился въ кабинетѣ, и никто не смѣлъ дохнуть. Всѣмъ собакамъ были надѣты намордники, чтобы не лаяли. Музыка больше не играла, охота, кучера, прислуга—всѣ попрятались по угламъ. Ночью только одинъ огонекъ свѣтился во всемъ дворцѣ: это былъ освѣщенъ кабинетъ барина. Дѣвичья на ночь запиралась на желѣзныя ставни, такъ что огня тамъ никогда не было видно съ улицы. Вообще, получалось настоящее мертвое царство.

Бодрствовалъ одинъ Иванъ Гордеевичъ, который обходилъ всѣ углы и закоулки неслышными шагами, какъ настоящій котъ. Утромъ и вечеромъ онъ исправно являлся въ кабинетъ съ докладомъ и вытягивался у дверей, какъ листъ передъ травой. Додоновъ молча выслушивалъ его и отсылалъ назадъ движеніемъ руки.

— Ты виноватъ кругомъ,—проговорилъ наконецъ Додоновъ на одномъ изъ такихъ пріемовъ.— Не умѣлъ повести дѣла...

— Простите, Виссаріонъ Платонычъ, — каялся премудрый Соломонъ, падая на колѣни.—Старался, хлопоталъ...

— Дуракъ!

Въ слѣдующій разъ онъ, не глядя на вѣрнаго слугу, отдалъ короткій приказъ:

— Поѣзжай туда, въ помѣстье... и купи мнѣ всѣхъ актрисъ. Сколько будетъ стоить—все равно... Я покажу имъ, какъ смѣяться надъ Додоновымъ...

Ровно черезъ часъ Иванъ Гордеевичъ выѣзжалъ уже въ легкой зимней кибиткѣ, направляясь куда-то въ Малороссію. По маршруту онъ долженъ былъ ѣхать день и ночь.

Первое извѣстіе объ этой экспедиціи Крапивину принесъ Яковъ Ивановичъ, знавшій рѣшительно все, что дѣлалось въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ.

— Это похуже будетъ симбирскихъ помѣщиковъ, Павелъ Ефимычъ,— заключилъ онъ свою осторожную рѣчь.—Всю труппу, говоритъ, куплю и свой домашній театръ открою... Оркестръ есть, помѣщеніе есть, недостаетъ только актрисъ.

У Крапивина буквально опустились руки отъ такой напасти. Онъ упустилъ удобное время для выкупа, а теперь — гдѣ же ему конкурировать съ Додоновымъ, который броситъ и сто тысячъ, чтобы только добиться своего? Даже къ генералу итти не зачѣмъ. Старикъ, конечно, добръ, но что онъ подѣлаетъ съ такимъ самодуромъ? Спокойною и увѣренною оставалась одна Антонида Васильевна. Она теперь утѣшала Крапивина.

— Есть же на свѣтѣ правда? — повторяла дѣвушка.—Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ...

Крапивинъ слушалъ эти несбыточныя надежды и на время успокоивался. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, что ждетъ всѣхъ впереди? Положимъ, это была надежда утопающаго, но все-таки нужно же хоть что-нибудь, чтобы тянуть день за днемъ. Подробностей исторіи Антониды Васильевны съ Додоновымъ онъ не пытался узнавать изъ чувства простой деликатности. Онъ желалъ вѣрить ей, хотя и понималъ, что прямого отвѣта на свои чувства сейчасъ въ ней не встрѣтитъ. Она не любила его, а только уважала.

Въ Загорьѣ только и было толковъ, что о Додоновѣ. Стоустая молва разукрасилась такими подробностями, что позавидовала бы сама Шехеразада. Разсказывали, что Крапивинъ бросился на Додонова съ ножомъ, а Додоновъ хотѣлъ затравить его медвѣдями; что примадонна хотѣла отравиться, но ее спасъ Яковъ Ивановичъ; что самъ генералъ замѣшанъ въ этой исторіи, потому что явился счастливымъ соперникомъ Додонова, и т. д. Передавали о какой-то крупной размолвкѣ Додонова съ генераломъ, что и подтвердилось очень скоро. Рано утромъ, во вторникъ на масленицѣ, черезъ Загорье двигался опять цѣлый рядъ обозовъ. Везли медвѣдей въ желѣзныхъ клѣткахъ, музыкантовъ, цѣлый обозъ собакъ, точно тронулась какая-то непріятельская армія. Медвѣжьи клѣтки были обшиты войлокомъ, собакъ везли въ громадныхъ фурахъ, музыкантовъ въ крытыхъ возкахъ. Дѣвичья была отправлена раньше, и ее провезли ночью. Одной прислуги, считая охоту, музыкантовъ и дѣвичью, было отправлено больше трехсотъ человѣкъ, такъ что обозъ растянулся на тысячу верстъ, на станціяхъ не хватало лошадей, и отдѣльнымъ транспортамъ приходилось ждать очереди. Все это двигалось опять мимо театральной квартиры, но уже не привлекало вниманія.

— Это какой-то сумасшедшій, — удивился Крапивинъ.—Неужели нельзя было дождаться весны?

Оказалось, что послѣднее было невозможно. У Додонова произошло дѣйствительно недоразумѣніе съ генераломъ, но не изъ-за примадонны, а за карточнымъ столомъ. Собственно говоря, это были такіе пустяки, о которыхъ не стоило говорить, но Додоновъ обидѣлся и рѣшился сейчасъ же отправиться со своею ордой въ Петербургъ. Стоило ли дожидаться весны, когда вся разница по транспортированію заключалась въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рублей? Но эта размолвка Додонова съ генераломъ спасла труппу Крапивина. Очевидно, здѣсь дѣятельно работала Пелагея Силантьевна, умѣвшая настроить Додонова. У ней былъ прямой расчетъ избавиться отъ новой соперницы въ лицѣ Антониды Васильевны. Додоновъ жилъ вспышками, и только нужно было умѣть воспользоваться его настроеніемъ.

У Пелагеи Силантьевны былъ свой планъ, который скоро и объяснился.

Труппа Крапивина играла на масленицѣ каждый день. Работы всѣмъ было по-горло, особенно самому Крапивину. Сезонъ кончался, и нужно было взять послѣднюю дань съ публики, мало-по-малу привыкшей къ театру. У праздничной публики особенный фуроръ производила Фимушка, танцовавшая свои номера съ большимъ шикомъ. На время эта крѣпостная балерина отодвинула на второй планъ даже Антониду Васильевну съ ея драматическими ролями, оперными аріями и романсами. Самъ Крапивинъ ухаживалъ за ней, какъ за главною доходною статьей.

— Попала въ честь и наша Фимушка, — удивлялась Улитушка, качая своею дряхлой головой.—За простоту ей Господь счастье посылаетъ.

Генералъ попрежнему сидѣлъ въ своемъ креслѣ перваго ряда и громко одобрялъ артистовъ. Абонированное на весь сезонъ кресло Додонова оставалось пустымъ. Но въ четвергъ на масленицѣ вся труппа была опять встревожена: Додоновъ появился въ театрѣ и сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, рядомъ съ генераломъ. Къ общему удивленію, враги бесѣдовали между собой въ антрактахъ самымъ мирнымъ образомъ. Крапивинъ сильно взволновался, почувствовавъ какую-то бѣду.

— Берегитесь и будьте осторожны, — предупредилъ онъ Антониду Васильевну,—отъ этого сумасброда нужно всего ожидать...

На всякій случай. Крапивинъ осмотрѣлъ всѣ входы и выходы въ театрѣ и не спускалъ Антониду Васильевну съ глазъ. Спектаклю, казалось, не было конца, а тутъ еще генералъ заставлялъ Якова Ивановича повторять свои любимые номера. Крапивинъ то и дѣло вынималъ часы, считая каждую минуту. Досталось режиссеру Гаврюшѣ, который едва ворочался, потомъ суфлеру и по порядку всѣмъ другимъ театральнымъ маленькимъ людямъ. Въ пылу усердія поскорѣе смотать ненавистный вечеръ, Крапивинъ дѣлался несправедливымъ и не замѣчалъ самъ, что никто не виноватъ, и дѣло идетъ своимъ обычнымъ ходомъ. Подвернувшаяся подъ руку Улитушка не избѣжала общей участи.

— Ты чего тутъ, старая крыса, мѣшаешься? — ругался Крапивинъ. — Ну, чего бѣгаешь, какъ угорѣлая?

Улитушка даже оторопѣла въ первую минуту и только потомъ настолько собралась съ силами, чтобы обругать сбѣсившагося маэстро.

— Погоди, вотъ укротятъ тебя...—ворчала она, улепетывая въ ближайшую уборную.—Не великъ въ перьяхъ-то!..

О происхахъ старухи Крапивинъ кое-что зналъ, но не хотѣлъ съ ней связываться, а теперь у него вырвалось рѣзкое слово общимъ счетомъ. Въ

сущности, старушонка была порядочная дрянь и вѣчно заводила въ труппѣ какіе-нибудь ссоры и перекоры.

Спектакль кончался, и оставался одинъ водевиль. Актрисъ попросилъ Крапивинъ дождаться конца, чтобы всѣмъ итти вмѣстѣ. Въ антрактѣ передъ водевилемъ танцовала свою качучу Фимушка. Эта лѣнивая и глупая толстуха, когда выходила на сцену съ голубымъ шарфомъ и въ голубой газовой юбочкѣ, производила фуроръ, какъ было и теперь. Гримируясь въ своей уборной, Крапивинъ, — онъ игралъ всѣ роли „на затычку“, — съ удовольствіемъ слышалъ, какъ благодарно ревѣла публика, вызывая Фимушку, какъ надрывался Яковъ Ивановичъ со своимъ оркестромъ и какъ стучалъ костылемъ въ тактъ „каданcу“ самъ генералъ. Потомъ все смолкло, потому что для эффекта Фимушка должна была провалиться въ люкъ, какъ это дѣлалось въ то время: фея улетала въ небеса или проваливалась,—то и другое придавало опредѣленный конецъ номеру.

Когда Крапивинъ вышелъ на сцену, то съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Додонова больше нѣтъ въ театрѣ. Оставался одинъ генералъ, разслабленно мигавшій опухшими красными вѣками. Благодаря Крапивину, водевиль свертѣли въ полчаса, и антрепренеръ самъ удивился, что такъ скоро все кончилось. Не смывая грима, онъ бросился въ уборную къ Антонидѣ Васильевнѣ: она была налицо,—значитъ, все благополучно.

— Одѣвайтесь, я сейчасъ, — весело проговорилъ Крапивинъ, убѣгая къ себѣ.

Когда онъ вышелъ, труппа была въ сборѣ, и не оказалось налицо одной Фимушки. Она провалилась въ люкъ и больше не возвращалась. Рабочіе видѣли, какъ она подъ сценой надѣвала шубку, а дальше всѣ слѣды терялись. На квартирѣ Фимушки тоже не было. Только стоявшіе у театра извозчики сообщили, что къ подъѣзду, черезъ который входили и выходили артисты, подъѣзжалъ додоновскій дорожный возокъ, и какая-то дама вышла и сѣла въ него. Очевидно, балерину увезъ Додоновъ... Пока шелъ водевиль, онъ былъ уже далеко.

Дѣйствительно, Додоновъ устроилъ это похищеніе и былъ счастливъ своею легкой побѣдой. Конечно, все было подстроено раньше, при дружномъ содѣйствіи Якова Ивановича, Улитушки и Пелагеи Силантьевны, а Фимушка по своей глупости была рада романическому приключенію. Она, какъ была въ своей газовой голубой юбочкѣ и въ трико, такъ и отправилась въ неизвѣстный путь, отдавшись Додонову. Они вдвоемъ катили по московскому тракту, сломя голову, и это приводило Фимушку въ восторгъ. Додоновъ закутывалъ ее въ свою медвѣжью шубу, какъ ребенка.

За бѣглецами летѣла повозка съ Пелагеей Силантьевной, не оставшейся въ накладѣ. Додоновъ послалъ гонца воротить Ивана Гордеевича съ дороги.

XI.

Романъ Антониды Васильевны закончился бѣгствомъ Фимушки. Черезъ два года она вышла замужъ за Крапивина, который двадцать пять лѣтъ оставался антрепренеромъ и справедливо гордился тѣмъ, что создалъ первую въ Сибири труппу. На его рукахъ выросло цѣлое поколѣніе артистовъ; все это были прямые потомки бывшихъ крѣпостныхъ актрисъ. Конечно, недостатка въ трудныхъ и тяжелыхъ дняхъ не было, труппа не разъ распадалась и снова складывалась, но Крапивинъ держался прочно, какъ человѣкъ вполнѣ порядочный. Одно его огорчало, именно, что Антонида Васильевна оказалась

бездѣтной, но и эта бѣда поправилась, когда эта чета пріютила круглую сиротку, оставшуюся послѣ Фимушки. Бѣдная танцовщица пропадала съ Додоновымъ года два и опять вернулась къ Крапивину въ самомъ несчастномъ видѣ — постарѣвшая и беременная. Крапивинъ не помнилъ зла и пригрѣлъ ее. Выкупая своихъ артистовъ, онъ выкупилъ и Фимушку, которая еще разъ обманула его надежды: балерина простудилась и скоро умерла.

Додоновъ плохо кончилъ: его погубило освобожденіе крестьянъ, а потомъ цѣлый рядъ процессовъ. Капельмейстеръ, завѣдывавшій додоновскимъ оркестромъ, отморозилъ пальцы, играя зимой на открытомъ воздухѣ; одинъ изъ медвѣдей оборвалъ цѣпь и загрызъ двухъ бабъ, и т. д. Бѣда не приходитъ одна. Но скандальнѣе всего разыгралось дѣло съ дѣвичьей. Былъ поднятъ громкій процессъ, тянувшійся годами. Оказался цѣлый рядъ страшныхъ преступленій: ни одна хорошенькая дѣвушка въ дѣвичьей не выживала больше года. Одна загадочная смерть слѣдовала за другой, и умирали именно тѣ дѣвушки, которыя нравились Додонову больше другихъ. Молва обвиняла во всемъ Пелагею Силантьевну, отравлявшую своихъ крѣпостныхъ соперницъ. Насчитывали больше десяти такихъ жертвъ. Потомъ выплыло наружу, что въ дѣвичьей за все время ея существованія не было ни одного ребенка. Являлось подозрѣніе въ томъ, что и это находилось въ связи съ загадочною смертью безвѣстныхъ красавицъ. Къ слѣдствію была притянута и старая Галактіоновна и самъ премудрый Соломонъ. Вообще, дѣло разыгралось настолько широко, что нужны были сотни тысячъ рублей, чтобы замазать все и предать волѣ Божіей, какъ и вышло въ концѣ концовъ, когда съ Додонова нечего было взять. Онъ разорился окончательно, и Краснослободскіе заводы пошли съ молотка.

Оставшись нищимъ, Додоновъ женился на Пелагеѣ Силантьевнѣ и конецъ своихъ дней провелъ у ней нахлѣбникомъ. Старая метреса приберегла какія-то крохи отъ додоновскаго роскошества и на эти средства содержала мужа.

Крапивинская труппа распалась окончательно со смертью своего основателя. Было время, когда въ Загорьѣ широко развернулись первые золотопромышленники, и у Крапивина дѣло шло блестящимъ образомъ. Онъ даже пріобрѣлъ въ собственность домъ, гдѣ помѣщалась театральная квартира. Были свои лошади и вообще вся обстановка на широкую ногу. Деньги, какъ наживались, такъ и проживались. По своей артистической натурѣ Крапивинъ былъ не способенъ къ благоразумному откладыванію средствъ про черный день. Когда закончилось крѣпостное горное дѣло и задававшіе всему тонъ горные инженеры потеряли насиженныя мѣста, дѣла у труппы сразу упали. Крапивинъ все-таки кончилъ свое дѣло съ честью, потому что смерть предупредила грозившій труппѣ крахъ. Антонида Васильевна осталась ни съ чѣмъ и перебивалась кое-какъ, поступивъ на вторыя роли.

Случившаяся размолвка послѣ сорокалѣтней дружбы повліяла на обоихъ стариковъ. Они сидѣли по своимъ угламъ и горько жаловались на свою судьбу. Конечно, Яковъ Ивановичъ, въ качествѣ кавалера старой школы, долженъ былъ первымъ извиниться передъ дамой, но, съ другой стороны, какъ же онъ будетъ извиняться, когда она первая оскорбила его, указавъ на дверь? Каждый вечеръ Яковъ Ивановичъ проходилъ мимо дома, гдѣ жила Антонида Васильевна, и все не могъ рѣшиться пойти первый на примиреніе. Онъ даже поднимался на крыльцо и брался за ручку двери, но его точно отталкивала чья-то сильная рука.

Осень сменилась зимой. Грязь покрылась бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ. Старые люди чувствуютъ себя въ это время особенно нехорошо,—вѣдь зима напоминаетъ смерть. Яковъ Ивановичъ сильно прихворнулъ. Отозвались кое-какіе грѣхи юности, застарѣлые ревматизмы, катарры, простуды. Онъ даже лежалъ въ постели недѣли двѣ. Зато какъ хорошо выздоравливать, точно родишься во второй разъ! Первою мыслью, когда Яковъ Ивановичъ получилъ возможность выходить на свѣжій воздухъ, — первая мысль, конечно, была о томъ, чтобы сейчасъ же сходить къ Антонидѣ Васильевнѣ и примириться.

— О, женщины, женщины!.. Развѣ можно на васъ сердиться серьезному человѣку?—разсуждалъ старикъ, пробираясь по знакомой дорогѣ съ большими остановками.—Всѣ женщины немножко легкомысленны... Хе-хе!..

Ему представлялось впередъ, какъ ей будетъ неловко и совѣстно передъ нимъ, а онъ сдѣлаетъ такой видъ, что не понимаетъ,—не правда ли, вѣдь будетъ очень смѣшно? О, женщины, женщины!.. Но вотъ и знакомый домъ, и проклятая лѣстница, по которой такъ трудно подниматься, и дверь... да, та самая дверь, въ которую... Якова Ивановича по шеямъ... Хе-хе!..

— Вамъ кого угодно?—окликнулъ старика незнакомый женскій голосъ.

— Какъ кого? Антониду Васильевну...

— Ихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, милая? Развѣ она переѣхала на другую квартиру?

— Да, переѣхала... на кладбище. Вотъ уже девятый день завтра...

— Девятый день?.. Странно...—бормоталъ Яковъ Ивановичъ.

Онъ вышелъ опять на крыльцо и долго стоялъ, не надѣвая шапки. Девятый день... переѣхала на квартиру... Вдругъ жгучая боль схватила его сердце, и Яковъ Ивановичъ громко зарыдалъ, какъ ребенокъ. Боже мой, онъ остался теперь совершенно одинъ, одинъ изъ всей крапивинской труппы.

1889.

ВѢРНЫЙ РАБЪ.

Повѣсть.

I.

— Михайла Потапычъ... а?..

— Ну, чего ты присталъ-то, какъ банный листъ?.. Отвяжись...

— Эхъ, Михайла Потапычъ... Родной ты мой, выслушай...

— Какой я тебѣ Михайла Потапычъ дался, въ самъ-то дѣлѣ! Вотъ выдешь за ворота и меня же острамишь: взвеличалъ, молъ, Мишку Михайлой Потапычемъ, а онъ, дуракъ, и повѣрилъ. Вѣрно я говорю?.. Вѣдь ты чиновникъ, Сосуновъ, а я нихто... Всѣ вы меня ненавидите, знаю, и всѣ ко мнѣ же, чуть что приключится: „Выручи, Михайла Потапычъ“. И выручалъ... А кого генералъ по скуламъ лущитъ да киргизской нагайкой дуетъ? Вотъ то-то и опо-то... Наскрозь я васъ всѣхъ вижу, потому какъ моя спина за всѣхъ въ отвѣтѣ.

Мишка заврался до того, что даже самому сдѣлалось совѣстно. Онъ оглядѣлъ своими узкими черными глазами Сосунова съ ногъ до головы и удивился, что теряетъ напрасно слова съ такимъ человѣкомъ. Дѣйствительно, Сосуновъ ничего завиднаго своей особой не представлялъ: испитой, худой, сгорбленный, въ засаленномъ длинноломъ сюртучишкѣ — однимъ словомъ, канцелярская крыса, и больше ничего. Узкая, сдавленная въ вискахъ голова Сосунова походила на щучью (въ горномъ правленіи его такъ и называли „щучья голова“), да и самъ онъ смахивалъ на какую-то очень подозрительную рыбу. Рядомъ съ этимъ канцелярскимъ убожествомъ Мишка выглядѣлъ богатыремъ—коренастый, плотный, точно весь выкроенъ изъ сыромятной кожи. Мишкина рожа соотвѣтствовала какъ нельзя больше общей архитектурѣ — скуластая, съ широкимъ носомъ, съ узкимъ лбомъ и какими-то тараканьими усами; благодарные кліенты называли Мишку татарской образиной.

— Да я съ тобой и разговаривать-то не стану, слова даромъ терять, — равнодушно замѣтилъ Мишка, отвертываясь отъ Сосунова. — Тоже, повадился человѣкъ, незнамо зачѣмъ... Вотъ выйдетъ генералъ, такъ онъ тѣ пропишетъ два неполныхъ. Ничего, что чиновникъ...

— Михайла Потапычъ, яви божескую милость, выслушай... Въ третій разъ къ тебѣ прихожу, и все безъ толку.

— Вотъ привязался человѣкъ... Ну, ин говори, да только поскорѣе. Того гляди, генеральша поѣдетъ...

— Все скажу, Михайла Потапычъ, единымъ духомъ скажу... Дѣльце-то совсѣмъ особенное.

— Омманываешь что-нибудь?

— Вотъ сейчасъ провалится. Ты только послушай, что я тебѣ скажу.

Сосуновъ осторожно оглядѣлся и подошелъ къ Мишкѣ на цыпочкахъ, точно подкрадывался къ нему. Мишка еще разъ смѣрилъ его съ ногъ до головы и вытянулъ шею, чтобы слушать. Вся эта сцена происходила въ большой передней „генеральскаго дома", какъ въ Загорьѣ называли казенную квартиру главнаго горнаго начальника, генерала Голубко. Передняя рядомъ окопъ выходила на широкій дворъ, чистый и утоптанный, какъ гуменный токъ; въ открытое окно, въ которое врывался свѣжій утренній воздухъ, видно было, какъ въ глубинѣ двора, между двухъ столбовъ, стояла заложенная въ линейку генеральская пара на-отлетъ и тутъ же двѣ засѣдланныхъ казачьихъ лошади. Кучеръ Архипъ и два казака оренбургской казачьей сотни сидѣли подъ навѣсомъ и покуривали коротенькія трубочки. У воротъ генеральскаго дома устроена была гауптвахта съ пестрой будкой и такой же пестрой загородкой; на пестромъ столбикѣ висѣлъ мѣдный колоколъ, которымъ „дѣлали тревогу", когда генералъ выѣзжалъ изъ дому или пріѣзжалъ домой. Между колоколомъ и будкой день и ночь шагалъ часовой съ ружьемъ. Въ гауптвахтѣ, низенькомъ каменномъ зданіи съ толстыми бѣлыми колоннами, дежурилъ офицеръ и солдаты спеціальной горной команды. Вся эта команда находилась въ большой зависимости отъ Мишки: онъ подавалъ знакъ въ окно, когда генералъ выходилъ на верхнюю площадку парадной лѣстницы съ мраморными ступенями. Часовой дѣлалъ условный знакъ прикладомъ ружья, и команда готовилась выскочить съ ружьями, чтобы отдать на караулъ по первому удару колокола. Часовые не спускали обыкновенно глазъ съ рокового окна.

— Знаешь гадалку Секлетинью?—шопотомъ спрашивалъ Сосуновъ.

— Ну?..

— Такъ вотъ я, значитъ, и толкнулся къ ней какъ-то послѣ Пасхи... У меня причина съ столоначальникомъ изъ золотого стола вышла.

— Съ Угрюмовымъ?

— Съ нимъ съ самымъ... Поѣдомъ онъ меня ѣстъ и со свѣту сживаетъ. Того гляди, подведетъ, а генералъ въ рудники законопатитъ да еще на гауптвахтѣ изморомъ сморитъ.

— Самый зловредный человѣкъ этотъ вашъ Угрюмовъ, а относительно генерала ты правильно...

— Ну, взяло меня горе, такое горе, что и спа и пищи рѣшился... Вотъ я и пошелъ къ Секлетиньѣ. Она въ Теребиловкѣ живетъ... Подхожу я это къ ея избенкѣ, гляжу, извозчикъ стоитъ. Что же, не ворочаться назадъ... Я въ избу, а тамъ... Можетъ, я ошибся, а только сидитъ барыня, платочкомъ голову накрыла, чтобы лицо нельзя было разглядѣть, а я ее все-таки узналъ. Барыня-то ваша генеральша...

— Н-но-с?—изумился Мишка и сейчасъ же ладонью закрылъ Сосунову ротъ. — Тише ты, аспидъ...

Дѣло въ томъ, что въ этотъ моментъ на верхней площадкѣ лѣстницы мелькнуло ситцевое платье горничной Мотьки, смертельнаго врага Мишки. Вотъ тоже подвернулась когда, проклятая...

— Да ты не оглядѣлся ли?—шопотомъ допрашивалъ Мишка.

— Вѣрно тебѣ говорю: вотъ сейчасъ провалиться... И Мотька съ ней была, только дожидалась генеральши за угломъ. Я это потомъ досмотрѣлъ, когда генеральша поѣхала отъ Секлетиньи.

— Гм... да...—мычалъ Мишка, сразу проникаясь довѣріемъ къ Сосунову и соображая свои мысли.—Ахъ, ты, дошлый!.. Вѣдь вотъ, узорилъ... а?.. Ну, а дальше-то что?

— Ну, какъ генеральша умла, я къ Секлетиньѣ... По первоначалу она все будто отвертывалась отъ меня; я къ ней, а она спиной. Блаженная она, извѣстно... А у меня ужъ со страховъ колѣнки подгибаются. Ей-Богу... Хуже этого нѣтъ, ежели Секлетинья къ кому спиной повернется... Ну, у меня припасенъ былъ съ собой на всякій случай золотой... Еще отъ баушки-покойницы достался. Вынулъ я этотъ золотой и подаю Секлетиньѣ. Она взяла да какъ засмѣется... У меня опять сердце коробомъ. А она завертѣлась на одной ногѣ, машетъ моимъ золотымъ и наговариваетъ: „Не въ золотѣ твое счастье... Не въ золотѣ! А любишь ты золото, только напрасно любишь". — „А будетъ счастье?" — спрашиваю. Она опять отвернулась отъ меня, добыла изъ-подъ лавки корыто, взяла ковшъ съ водой, щепочку, и давай въ корыто воду лить да щепочку по водѣ пущать... Больше я отъ нея ничего и добиться не могъ.

— Только-то? Напрасно только свой золотой стравилъ: отдалъ бы лучше его мнѣ...

— Ахъ, какой ты, Михайла Потапычъ... Слушай дальше-то. Какъ я послѣ-то раздумался, такъ все и понялъ, вотъ до ниточки все, точно у меня глаза раскрылись... Ей-Богу!.. Вотъ я теперь пятнадцать лѣтъ все добиваюсь въ золотой столъ попасть и не могу — она это и сказала, что мнѣ не слѣдъ туда попадать. Ты думаешь, я ей зря золотой-то принесъ? Ну, а щепочки, которыя она по водѣ спущала, обозначаютъ, что ты меня долженъ на караванъ опредѣлить...

При послѣднихъ словахъ у Мишки даже руки опустились отъ изумленія,—и ему сдѣлалось все ясно. Вотъ такъ Секлетинья, да и Сосуновъ тоже ловокъ... Какъ по-писаному, такъ блаженная и отрѣзала. Отъ судьбы, видно, не уйдешь. Да и ловокъ Сосуновъ, нечего сказать... Тоже словечко завернулъ: опредѣли на караванъ. Легкое мѣсто сказать. Ну, а если Секлетинья сказала, такъ и на караванѣ будетъ. Мишка слѣпо вѣрилъ въ судьбу.

— Ну, чего же ты молчишь?—спрашивалъ Сосуновъ.—Я тебѣ все сказалъ, какъ на духу... О благодарности будь безъ сумлѣнья.

— Ладно, ладно... Все на счастливаго.

Мишка только хотѣлъ сказать что-то, какъ подъ окномъ мелькнула стриженая раскольничьей скобой голова въ синемъ картузѣ, и Мишка указалъ Сосунову на маленькую дверку подъ лѣстницей, гдѣ жилъ самъ. Сосуновъ едва успѣлъ затвориться, какъ въ переднюю вошелъ степенный мужикъ въ длиннополомъ сюртукѣ и смазныхъ сапогахъ.

— Михайлѣ Потапычу...—развязно проговорилъ онъ, протягивая руку.— Весело ли попрыгиваешь?

— Не очень-то у насъ напрыгаешься, Савелій, — уклончиво отвѣчалъ Мишка.—За вами гдѣ же угнаться...

Савелій красивыми темными глазами оглядѣлъ переднюю, мелькомъ вскинулъ наверхъ и, разгладивъ окладистую русую бородку, проговорилъ:

— Тарасъ Ермилычъ прислалъ узнать, какъ здоровье его превосходительства, и приказалъ кланяться...

— Обнакновенно, какъ завсегда. Сейчасъ генералъ занятъ, и пустяками нельзя тревожить... Ужо скажу, когда можно будетъ. Ну, а какъ у васъ: все дымъ коромысломъ?

— Охъ, и не спрашивай, Михайла Потапычъ... Совсѣмъ даже ума рѣшились: сильно закурилъ Тарасъ-то Ермилычъ, а тутъ еще Ардальонъ Павлычъ навязался.

— Это тотъ, что въ карты играетъ? Откуда онъ у васъ взялся?

— А неизвѣстно... На свадьбѣ, какъ Поликарпъ Тарасычъ женились,

онъ и объявилъ себя. Точно изъ-подъ земли вынырнулъ... А теперь обошелъ всѣхъ, точно кладь какой. Тарасъ Ермилычъ просто жить безъ него не можетъ. И ловокъ только Ардальонъ Павлычъ: медвѣдь у насъ въ саду въ ямѣ сидитъ, такъ онъ къ нему за бутылку шампанскаго прямо въ яму спустился. Удалый мужикъ, нечего сказать; все на отличку сдѣлаетъ. А пить такъ впереди всѣхъ... Всѣ лоскомъ лежатъ, а онъ и не пошатнется. У насъ его всѣ даже весьма уважаютъ...

— Который мѣсяцъ теперь пошелъ, какъ свадьба-то ваша продолжается?

— Да ужъ близко полгода, Михайла Потапычъ... Охъ, горе душамъ нашимъ! Что только и будетъ: ума не приложить... Ужъ которые есть опасливые, такъ по-добру по-здорову изъ города уѣзжаютъ, потому какъ прямой зарѣзъ отъ нашей свадьбы.

Оглянувшись, Савелій на ухо шепнулъ Мишкѣ:

— Ночѣсь *) одинъ енисейскій купецъ, Турахановъ по фамиліи, съ вина сгорѣлъ...

— Н-но-о?

— Вѣрное слово... Онъ и на свадьбу-то попалъ зря, проѣздомъ завернулъ, — дѣла у него по промысламъ съ Тарасомъ Ермилычемъ были. Ну, и попалъ въ самый развалъ, да мѣсяца два безъ ума и чертилъ... Что ужъ теперь будетъ — и ума не приложимъ. Тарасъ-то Ермилычъ въ моленной заперся, а меня подослалъ сюда... Ужъ какая резолюція выдетъ намъ отъ генерала — одинъ Богъ вѣсть.

Савелій съ изысканной ловкостью, прикрывъ руку картузомъ, сунулъ Мишкѣ скомканную ассигнацію, — нужный человѣкъ Мишка, чтобы генерала подготовить къ извѣстію о случившемся казусѣ. Мишка съ неменьшей ловкостью спряталъ посулъ куда-то въ рукавъ.

— Ужъ ты, тово, Михайла Потапычъ... Сослужи службу, а Тарасъ Ермилычъ не забудетъ — такъ и наказывалъ сказать тебѣ.

— Да ужъ я для Тараса Ермилыча въ ниточку вытянусь...

Конца фразы Мишка не успѣлъ договорить, потому что по лѣстницѣ сверху летѣла горничная Мотька съ такой быстротой, точно ее оттуда сбросили, — она бѣжала на подъѣздъ крикнуть кучеру, чтобы подавалъ лошадей генеральшѣ. Мишка моментально вытянулся въ струнку и скосилъ глаза на лѣстницу, по которой ужъ спускалась генеральша, молодая, пухлая дама, въ сиреневомъ шелковомъ платьѣ. Савелій почтительно отошелъ въ сторонку и наклонилъ голову, какъ дѣлаютъ благочестивые люди въ церкви. Мотька успѣла вернуться и помогала генеральшѣ спускаться по лѣстницѣ, поддерживая ее за руку. „Стрѣла, а не дѣвка“, — подумалъ Савелій, большой охотникъ до проворныхъ и ловкихъ дѣвокъ. Генеральша спускалась съ недовольнымъ лицомъ, застегивая модную лайковую перчатку цвѣта beurre frais. Поровнявшись съ Мишкой, она подняла на него свои темные блестящіе глазки и пѣвуче проговорила:

— А ты не слыхалъ, какъ я звонила?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство...

— Нѣтъ?..

Въ передней звонко раздались двѣ ловкихъ пощечины. Мишка не шевельнулся, а только замигалъ усиленно лѣвымъ глазомъ. Это еще больше разозлило генеральшу, и она ударила кулакомъ Мишку прямо въ зубы, такъ

*) Ночесь — ночью.

ито у того „счакали“ челюсти. Мотька искоса глядѣла на Савелія, улыбаясь одними глазами.

— Только перчатки изъ-за тебя, подлеца, испортила!.. — кричала генеральша, входя въ азартъ. — Мотька, новыя перчатки...

Пока Мотька летала наверхъ за перчатками, взволнованная генеральша ходила по передней мимо стоявшаго неподвижно Мишки и каждый разъ давала ему по ощечинѣ. Савелія она не хотѣла замѣчать. Наконецъ она устала, сѣла на стулъ къ окну и закрыла глаза, чтобы не видѣть ненавистнаго человѣка. Ей было лѣтъ двадцать пять, но, благодаря полнотѣ, она казалась старше. Круглое, бѣлое, безкровное лицо не отличалось красотой, но, когда генеральша улыбалась — оно точно свѣтлѣло и дѣлалось очень симпатичнымъ. Пока Мотька натягивала новыя перчатки, генеральша не открывала глазъ и даже склонила голову на одинъ бокъ, какъ женщина, огорченная до глубины души. Мишка стоялъ все время не шевельнувшись и свободно вздохнулъ только тогда, когда генеральша вышла на крыльцо.

— Ну, и язва сибирская твоя генеральша, — съ участливымъ вздохомъ проговорилъ Савелій.

— Охъ, и не говори!.. — отвѣтилъ Мишка, кулакомъ вытирая окровавленныя губы. — Изводитъ она меня на смерть... Поѣдомъ съѣла. Тссс...

Мишка забылъ, что Мотька осталась на крыльцѣ и подслушивала ихъ разговоръ. Но теперь было уже поздно... Мотька прошла по передней съ такимъ видомъ, что у Мишки сердце повело коробомъ.

— Удалая дѣвка, — проговорилъ Савелій, когда Мотька начала подниматься вверхъ по лѣстницѣ. — Вотъ бы мнѣ такую: въ самый разъ...

Мотька остановилась, свѣсилась черезъ перила и съ особеннымъ задоромъ проговорила:

— Ступай къ своимъ кержанкамъ, да и заигрывай... Кержакъ немаканый!..

— Да вѣдь ваша-то дѣвичья вѣра вездѣ одинакова, Мотя, — ласково отвѣтилъ Савелій, блестя красивыми глазами. — Что кержанка, что православная...

— Ахъ, безстыжіе твои глаза! — вскрикнула Мотька, покраснѣла и, плюнувъ, вихремъ унеслась вверхъ.

— Бѣсъ, а не дѣвка... — какъ-то промурлыкалъ Савелій, сладко закрывая глаза. — Охъ, грѣхъ съ ними одинъ! Прощенья просимъ, Михайла Потапычъ...

Мишка простился съ ласковымъ кержакомъ молча, — очень ужъ разогорчила его генеральша. Зачѣмъ при людяхъ-то, при посторонихъ срамить? Ежели нравится, — ну, бей съ глазу на глазъ, а тутъ чужой человѣкъ стоитъ и смотритъ, какъ генеральша полируетъ Мишку со щеки на щеку. Чужой человѣкъ въ дому, какъ колоколъ...

Сосуновъ оставался въ засадѣ и не смѣлъ дохнуть. Вѣдь нанесла же нелегкая эту генеральшу, точно на грѣхъ, а теперь Михайла Потапычъ рветъ и мечетъ. Подойди-ка къ нему... Ахъ, что надѣлала генеральша! Огорченный рабъ Мишка забылъ о спрятанномъ Сосуновѣ и, когда тотъ рѣшился легонько кашлянуть, обругался по-мужицки.

— Ахъ, ты, крапивное сѣмя!.. Убирайся вонъ... ко всѣмъ чертямъ.

— Михайла Потапычъ...

Въ пылу гнѣва Мишка даже замахнулся на Сосунова, но потомъ вдругъ припомнилъ что-то и спросилъ:

— Такъ генеральша была у Секлетиньи?

— Своими глазами видѣлъ, Михайла Потапычъ...

— Можешь при случаѣ утвердить вполнѣ?

— Могу.

— Ну, такъ попомни это, да пока, до поры до время, никому объ этомъ не говори. Понялъ теперь?

II.

Вѣрный рабъ Мишка въ Загорьѣ являлся страшной силой, потому что старый генералъ Голубко имѣлъ къ нему какое-то болѣзненное пристрастіе. Подъ сердитую руку генералъ лупилъ Мишку нагайкой изъ собственныхъ рукъ, но это не мѣшало Мишкѣ управлять генераломъ до нѣкоторой степени. Всѣ это знали, всѣ этимъ пользовались, и всѣмъ это обходилось не дешево: Мишка даромъ ничего не любилъ дѣлать, потому что „и чирей даромъ не вскочитъ“, а „безъ снасти и клопа не убьешь“. Главное, Мишка изучилъ своего генерала въ тонкости и зналъ, когда къ генералу можно итти и съ чѣмъ — старикъ былъ ндравный и шутить не любилъ. Бывали случаи, когда неблагодарные люди хотѣли обойтись безъ Мишки и дорого платились за это.

Самое появленіе Мишки въ передней генеральскаго дома было обставлено легендарными подробностями. Грозный генералъ Голубко былъ посланъ на Уралъ съ чрезвычайными полномочіями, далеко превышавшими губернаторскую власть. Нужно было подтянуть казенные горные заводы, золотые промыслы, частныхъ заводчиковъ и вообще все крайне сложное горное дѣло. Старый николаевскій генералъ сразу поставилъ себя на настоящую точку, и одно его имя производило панику. Въ его рукахъ сосредоточивалась не только гражданская, но и военная власть, а также судебная по преступленіямъ горнозаводскаго населенія. Самый городъ сразу измѣнилъ свой внѣшній видъ, хотя главнымъ двигателемъ здѣсь и являлась казацкая нагайка, уничтожавшая въ корнѣ обывательскую лѣнь. Въ Загорьѣ были устроены обширныя казенныя фабрики для выдѣлки оружія и разной заводской снасти. Здѣсь все было поставлено на солдатскую ногу, и, когда генералъ Голубко еще только подходилъ къ фабрикамъ, тамъ уже было слышно, какъ муха пролетитъ. Порядокъ во всемъ былъ слабостью грознаго генерала, а до остального онъ мало касался, предоставляя все горнымъ инженерамъ, состоявшимъ тогда на военномъ положеніи. Когда генералъ проходилъ по фабрикамъ, всѣ рабочіе выстраивались во фронтъ и отдавали начальству честь по-солдатски. Горе тому, у кого недоставало пуговицы или носки врозь, — сейчасъ же слѣдовало и возмездіе. Чтобы не было попущеній и послабленій, генералъ самъ наблюдалъ о точности исполненія предписанныхъ наказаній. Наказывали тутъ же, на фабричномъ дворѣ, а розги заготовлялись возами. Вотъ именно здѣсь и проявился знаменитый Мишка, вынырнувшій изъ безличной рабочей массы благодаря счастливой случайности. Онъ работалъ на казенной фабрикѣ, какъ всѣ другіе, и за какую-то провинность долженъ былъ получить пятьдесятъ розогъ. Послѣ экзекуціи, производившейся подъ личнымъ наблюденіемъ генерала, Мишка выкинулъ невиданную штуку. Онъ смѣло подошелъ къ генералу и заявилъ:

— Ваше превосходительство, не велите казнить, велите выслушать...

— Ну, что тебѣ?

— Законъ требуетъ порядка, ваше превосходительство... Обозначено было мнѣ пятьдесятъ лозановъ, а дадено всего сорокъ семь. Самъ считалъ. Прикажите доложить...

Въ первую минуту генералъ даже не нашелся, что отвѣчать, а его свита

ько переглядывалась — выискался невиданный звѣрь. Всѣ были озадачены. Мишка воспользовался общимъ замѣшательствомъ и занялъ мѣсто на деревянной кобылѣ, на которой производилось наказаніе. Получивъ три недоставшія розги, онъ поблагодарилъ генерала и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился на работу въ свой корпусъ. Этотъ случай поразилъ строгаго генерала. Возвратившись домой, старикъ долго хохоталъ и все повторялъ фразу Мишки: „Законъ требуетъ порядка". И утромъ на другой день генералъ проснулся съ этой же фразой и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока Мишка не былъ приведенъ въ генеральскій домъ.

— Законъ требуетъ порядка? — спрашивалъ генералъ.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство! — по-солдатски отвѣчалъ Мишка, не сморгнувъ глазомъ.

— Дополучалъ три лозана? Ха-ха-ха!..

Генералъ Голубко былъ настоящій генералъ, какіе были только при императорѣ Николаѣ — высокій, плечистый, представительный, грозный, справедливый, вспыльчивый, по-солдатски грубый и по-солдатски простой. По наружности генералъ могъ считаться молодцомъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и совершенно сѣдые волосы. Лицо было свѣжее и румяное, а грозные сѣрые глаза глядѣли еще совсѣмъ по-молодому. И веселился грозный генералъ всегда такъ искренне и радостно, что вмѣстѣ съ нимъ не смѣялись только стѣны. Такъ рабъ Мишка и остался въ генеральскомъ домѣ, потому что генералъ почувствовалъ къ нему какое-то болѣзненное пристрастіе. Опредѣленной должности у него не было, а, смотря по надобности, Мишка исполнялъ все, что можно было требовать отъ вѣрнаго раба. Генералъ не могъ жить безъ него и возилъ его съ собой по всему Уралу, когда объѣзжалъ горные заводы. Недавній мастеровой преобразился въ казака, — при генералѣ все было форменно, подтянуто въ струнку и ходило козыремъ. Мишка быстро выучился казачьей муштрѣ и вмѣстѣ съ ней усвоилъ казачью вороватость.

Пять лѣтъ вѣрный рабъ Мишка благоденствовалъ вполнѣ, какъ никто другой. Загорье въ эти именно года прогремѣло открытымъ въ Сибири золотомъ, и деньги лились рѣкой. Во главѣ золотопромышленниковъ стояли Тарасъ Ермилычъ Злобинъ, а потомъ старикъ Миронъ Никитичъ Ожиговъ. Открытое ими въ Сибири золото дало милліоны. За первыми предпринимателями потянулись другіе и тоже получили свою долю, какъ Тихоновы, Сердюковы и Щеголевы. Около этихъ счастливцевъ толклись бѣдные родственники, разные предприниматели и просто прихлебатели и прохвосты. Золото — всемогущая сила, притягивающая къ себѣ неудержимо все — и добро и зло, больше всего послѣднее. Вотъ въ это горячее время, когда всѣхъ охватила золотая лихорадка, вѣрный рабъ Мишка и благоденствовалъ, потому что отъ него зависѣло, приметъ генералъ или не приметъ такого-то, а затѣмъ — осчастливитъ онъ своимъ посѣщеніемъ или пренебрежетъ. Генералъ былъ страшной силой, и Мишка эксплоатировалъ ее въ свою пользу. Какъ это случается, самъ генералъ былъ искренне-честный человѣкъ и никакихъ взятокъ не бралъ, но зато брали около него всѣ остальные, какъ не могли бы брать при начальникѣ-взяточникѣ. Грозный генералъ не могъ допустить даже мысли, что его подчиненные смѣли воровать у него подъ носомъ и обирать другихъ. Помилуйте, онъ ли не грозенъ, — все трепетало отъ одного его взгляда. Вѣрный рабъ Мишка бралъ больше всѣхъ, бралъ рѣшительно все, что ему давали, что онъ могъ взять и что вымогалъ разными неправдами. Въ немъ развился какой-то пьяный азартъ къ взяточничеству: недавній бѣднякъ, существовавшій казеннымъ пайкомъ, теперь превратился въ ненасытнаго волка. Со своимъ

новымъ положеніемъ Мишка освоился съ необыкновенной быстротой и сейчасъ же пустилъ въ оборотъ всѣ пріемы, ходы и выходы закоренѣлаго взяточника, хотя и не могъ достичь изумительной ловкости такихъ артистовъ, какъ столоначальникъ „золотого стола“ въ горномъ правленіи Угрюмовъ и консисторскій протопопъ Мелетій. Мишка могъ только завидовать имъ, какъ чему-то недосягаемому, и его грызло сознаніе собственнаго несовершенства, особенно когда являлась предательская мысль, что онъ могъ взять тамъ-то и тамъ-то или пропустилъ такой-то случай. Эти черныя мысли заставляли Мишку просыпаться даже по ночамъ, и онъ вслухъ говорилъ себѣ:

— Ахъ, и дуракъ же ты, Мишка! Прямо сказать: балда деревянная... Развѣ протопопъ Мелетій али Угрюмовъ сдѣлали бы такъ? Да они бы кожу съ сапогъ генерала сняли... А теперь изъ надъ тобой же, дуракомъ, смѣются: „ахъ, дуракъ Мишка, не умѣлъ взять!“

У Мишки развивалась манія взяточничества, и онъ по ночамъ, во время охватывавшей его безсонницы, по пальцамъ высчитывалъ всѣ случаи, когда онъ могъ взять и не взялъ, а также соображалъ тѣ суммы, какія у него теперь лежали бы голенькими денежками въ карманѣ. Имъ овладѣвало настоящее бѣшенство, и Мишка готовъ былъ плакать, потому что у него передъ глазами стояли такіе непогрѣшимые и недосягаемые идеалы, какъ протопопъ Мелетій и столоначальникъ Угрюмовъ.

Несмотря на эти муки неудовлетвореннаго и ненасытнаго взяточничества, горный рабъ Мишка благоденствовалъ и процвѣталъ до тѣхъ поръ, пока его генералъ не женился. Случилось это какъ-то вдругъ, и Мишка считалъ себя прямымъ виновникомъ быстрой генеральской женитьбы. Дѣло было зимой, на Святкахъ. Генералъ послѣ обѣда отправился кататься. Сопровождавшій его Мишка стоялъ по обыкновенію на запяткахъ саней. Когда они ѣхали по набережной пруда, Мишка, потрафляя хорошему послѣобѣденному настроенію владыки, сказалъ:

— Вонъ катушки налажены, ваше превосходительство.

— Ну, что же изъ этого?

— А любопытно поглядѣть, ваше превосходительство, какъ публика катается съ горъ. Попадаются такія дѣвицы мѣщанскаго званія, что глаза оставить можно...

— Не пугай, дуракъ!

Генералъ приказалъ кучеру повернуть на прудъ, и генеральскія сани черезъ пять минутъ остановились у ближайшей горы. День былъ праздничный, и народъ толпился кучей. Появленіе генерала сначала заставило толпу притихнуть, но онъ черезъ казака отдалъ приказъ веселиться. Съ горы полетѣли одни сани за другими, а генералъ смотрѣлъ снизу и улыбался, какъ веселится молодежь. Катались не однѣ дѣвицы мѣщанскаго званія, а и настоящая публика, — другихъ общественныхъ развлеченій въ Загорьѣ тогда не полагалось. Одинъ эпизодъ разсмѣшилъ генерала до слезъ. На однихъ саняхъ впереди сидѣла молоденькая краснощекая дѣвушка. Когда сани полетѣли съ горы, у ней вырвался изъ рукъ подолъ платья, а вѣтромъ его подняло ей на голову. Мимо генерала вихремъ пронеслось сконфуженное дѣвичье лицо и соблазнительно открытыя дѣвичьи ноги.

— Чья эта... ну, полненькая? — задумчиво спрашивалъ генералъ у Мишки, когда они вернулись съ прогулки домой. — Изъ мѣщанскаго званія?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: дочь гиттенфервальтера *) Тупова, Епафа Аркадьевна. Дѣвица, можно сказать, вполнѣ-съ...

*) Названіе одного изъ горныхъ чиновъ.

— Дуракъ, развѣ ты можешь что-нибудь понимать въ такомъ дѣлѣ?..

Сконфуженное дѣвичье лицо снилось генералу цѣлую ночь, и онъ, проснувшись утромъ на другой день, сказалъ опять: „у, какая полненькая!“.

Черезъ двѣ недѣли была свадьба, и дочь гитенсервальтера Тупова сдѣлалась генеральшей Голубко. Въ приданое съ собой она вывезла только одну крѣпостную дѣвку Мотьку. Эта перемѣна въ домашней обстановкѣ генерала озадачила вѣрнаго раба Мишку съ перваго раза, и онъ рѣшительно не зналъ, какъ ему теперь быть. Молодая генеральша оказалась съ норовомъ и быстро забрала грознаго генерала въ свои пухлыя бѣлыя ручки и почему-то съ перваго же взгляда кровно возненавидѣла вѣрнаго раба Мишку, старавшагося выслужиться передъ ней. Гдѣ крылись истинныя причины этой ненависти, едва ли объяснила бы и сама генеральша, но вѣрно было то, что она не могла выносить присутствія Мишки.

— Куда хочешь, папочка, а только убери этого дурака, — просила полненькая генеральша улыбавшагося счастьемъ грознаго генерала. — Какъ увижу его, такъ цѣлый день у меня испорченъ...

— Зачѣмъ же обижать человѣка, который не сдѣлалъ ничего дурного? — пробовалъ генералъ защищать своего вѣрнаго раба. — Я такъ привыкъ къ нему... Онъ знаетъ все, всѣ мои привычки, и никто такъ не умѣетъ угодить мнѣ.

— Даже я?

— Гм... да... т.-е. я хотѣлъ сказать...

— Не нужно! Ничего не нужно... Я думала, что ты меня любишь... я никогда еще ни о чемъ не просила тебя, папочка...

Дальше слѣдовали первыя слезы и необходимыя утѣшенія, а потомъ вышелъ генеральскій приказъ: Мишка низвергался въ переднюю, и доступъ наверхъ ему закрылся навсегда. Это было нѣчто ошеломляющее, и вѣрный рабъ Мишка почувствовалъ себя въ положеніи падшаго ангела. Когда генералъ проходилъ черезъ переднюю, то старался не смотрѣть на Мишку, потому что чувствовалъ себя виноватымъ. Репутація вѣрнаго раба Мишки сразу измѣнилась, и онъ имѣлъ тысячу случаевъ, убѣждавшихъ его въ черной неблагодарности недавнихъ доброхотовъ и вообще кліентовъ. Къ Мишкѣ теперь обращались только по старой памяти или по ошибкѣ. Все это сосало и грызло рабье сердце безъ конца, и Мишка страдалъ день и ночь. Но этимъ дѣло не кончилось. Генеральша не забывала низверженнаго въ прахъ вѣрнаго раба и съ женской послѣдовательностью донимала его всевозможными каверзами. Не разъ генералъ призывалъ вѣрнаго раба къ себѣ въ кабинетъ, затворялъ дверь и грозно кричалъ:

— Да какъ ты смѣешь, подлецъ, грубить генеральшѣ? Да я тебя въ порошокъ изотру... я... я...

Дальше слѣдовала молчаливая лупцовка, причемъ Мишка не издавалъ ни одного звука, точно генералъ колотилъ нагайкой деревяннаго чурбала. Вѣрный рабъ даже не оправдывался, а принималъ всѣ эти истязанія молча, какъ заслуженную кару за неизвѣстныя преступленія.

Но и этого мало. Вмѣстѣ съ вліяніемъ на генерала, полненькая генеральша постаралась заполучить и всѣ доходныя статьи, изъ сего законнымъ образомъ проистекавшія, именно то, чѣмъ безраздѣльно пользовался раньше одинъ Мишка. Эти дѣла генеральша устроила съ замѣчательной ловкостью, и „благодарность“ разныхъ добрыхъ людей лилась на нее или черезъ посредство горничной Мотьки, или черезъ папашу гиттенсервальтера. Конечно, генеральша знала отлично всѣ „тайности“ Мишкинаго взяточничества, но не выдала его

генералу даже намекомъ,— въ немъ она щадила не только самоё себя, но все горное вѣдомство, жившее такими посулами и благодарностью.

Вѣрный рабъ Мишка стоялъ въ своей передней и терпѣлъ все, что ни дѣлала надъ нимъ генеральша, а это еще сильнѣе бѣсило расходившіяся генеральскія ручки. Но, несмотря на всѣ эти злоключенія, вѣрный рабъ смутно вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду и все думалъ, какъ бы ему извести вымотывавшую изъ него душу генеральшу. И день думаетъ Мишка и ночь думаетъ все объ одномъ и томъ же, и ничего придумать не можетъ, точно на пень наѣхалъ. Изморитъ его генеральша въ конецъ. Разъ, въ минуту отчаянія, у Мишки явилась роковая мысль: взять веревку да и повѣситься у генеральши въ спальнѣ, гдѣ люстра виситъ. Пусть ее казнится...

Послѣдняя непріятность отъ генеральши, невольными свидѣтелями которой были Савелій и Сосуновъ, произвела на Мишку удручающее впечатлѣніе настолько, что о сообщеніи Сосунова, какъ генеральша съ Мотькой ѣздили къ гадалкѣ Секлетиньѣ, онъ вспомнилъ только черезъ день. Зачѣмъ было ей вляться къ ворожеѣ? Генералъ въ ней души не чаетъ, домъ—полная чаша, сама толстѣетъ по часамъ. Что-нибудь да дѣло не спроста.

— Эхъ, достигнуть бы генеральшу, кажется, такую бы свѣчу преподобному Трифону закатилъ!—мечталъ Мишка, раздумывая свое горе.—Утѣшеннымъ отъ начальства преподобный Трифонъ весьма способствуетъ... А то не толкнуться ли къ Секлетиньѣ? Можетъ, она и научитъ... Отъ этихъ бабъ добра и зла не оберешься.

Пока Мишка размышлялъ, Сосуновъ опять завернулъ навѣдаться, какъ и что.

— Да ты съ ума спятилъ?—накинулся на него обозленный Мишка.— Развѣ такія дѣла зря дѣлаются: надо выждать. Не прежняя пора, когда я состоялъ при генералѣ ежечасно...

— Дѣло-то вѣрное, Михайла Потапычъ,—настаивалъ Сосуновъ.—Ужъ ежели кому Секлетинья скажетъ что, такъ тому и быть. Щепочки-то она пущала по водѣ не спроста... А ужъ я тебя не забуду, Михайла Потапычъ, только бы мнѣ отъ Угрюмова избавиться. Ужъ подумывалъ въ консисторію секретаремъ поступить къ протопопу Мелетію, да жалованья у нихъ двадцать семь рублей на ассигнаціи въ годъ...

Уходя, Сосуновъ сообщилъ очень важное извѣстіе, именно, что генералъ, по всей видимости, собирается въ объѣздъ по заводамъ и, по всей вѣроятности, его съ собой возьметъ. Въ горномъ правленіи ужъ пронюхали объ этомъ, да и Злобинъ подсылалъ тогда Савелія не спроста: эти кержаки знаютъ все и раньше всѣхъ. Еще генералъ и не подумалъ, а они ужъ знаютъ, когда онъ поѣдетъ.

— А что бы ты думалъ: вѣдь правильно,—удивлялся Мишка:—вышибла меня генеральша изъ ума, а то и самъ бы догадался.

— Можетъ, и на караванъ посмотрѣть поѣдетъ, ну, такъ ты не зѣвай.

— Ладно, ладно... Ускорился тоже. Къ часу надо слово молвить...

— Да ужъ тебя не учить. А кержаки напередъ насъ все учуяли...

III.

Небольшой горный городокъ Загорье въ сороковыхъ годахъ испытывалъ лихорадочное оживленіе благодаря приливу бѣшеныхъ денегъ. Составляя горнозаводскій центръ, Загорье былъ поставленъ на военную ногу, потому что тогда все казенное горное дѣло велось военной рукой. Военная закваска

чувствовалась въ расплапировкѣ самыхъ улицъ, правильныхъ и широкихъ, въ типѣ построекъ и больше всего, конечно, въ характерѣ самого населенія. Заводскій мастеровой и промысловый рабочій являлись разновидностью николаевскаго солдата—та же выслуга въ тридцать пять лѣтъ, та же муштра, тѣ же розги и шпицрутены. Генералъ Голубко окончательно подтянулъ городъ, и онъ выглядѣлъ чистенькой военной колоніей. Центръ занимали казенныя фабрики. Рѣка Порожняя была поднята высокой плотиной и дѣлила городъ на двѣ части: правая—низменная, лѣвая—гористая. На правой сторонѣ изъ другихъ зданій выдѣлялся своей бѣлой каменной массой „генеральскій домъ“, а на лѣвой—вершину холмистаго берега заняли только-что отстроенныя палаты новыхъ богачей, во главѣ которыхъ стоялъ золотопромышленникъ старикъ Тарасъ Ермилычъ Злобинъ. Въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ они изъ тысячныхъ промышленниковъ превратились въ милліонеровъ и развернулись во всю ширь русской натуры. Нашъ разсказъ застаетъ ихъ въ самый критическій моментъ, именно, когда эти милліоны породнились: старикъ Ожиговъ выдалъ свою послѣднюю дочь Авдотью Мироновну за единственнаго сына Злобина, Поликарпа Тарасыча.

Старикъ Ожиговъ, несмотря на свое богатство, жилъ прижимисто, постаринному. Но зато въ злобинскомъ домѣ стояло „разливанное море“. Самый домъ занималъ вершину главнаго холма, и съ верхней его террасы открывался великолѣпный видъ на весь городъ, на сосновый боръ, охватившій его живымъ кольцомъ, и на притаившіяся въ этомъ лѣсу заимки. Злобинъ не жалѣлъ денегъ, когда строилъ свой дворецъ. Въ немъ было все—и флигеля, и оранжереи, и громадный садъ, и большая раскольничья моленная, и потаенныя каморки съ потаенными въ нихъ ходами. На улицу домъ выходилъ великолѣпнымъ фронтономъ, съ колоннами, балконами и лѣпными карнизами; ворота представляли собой настоящую тріумфальную арку. На мощеномъ широкомъ дворѣ всегда стояло нѣсколько экипажей. Старикъ Тарасъ Ермилычъ занималъ парадный верхъ, а новожены Поликарпъ жилъ въ нижнемъ этажѣ. Кругомъ всего двора сплошной стѣной шли домашнія пристройки—людскія, конюшни, флигеля. Въ общемъ, злобинскій домъ представлялъ собой цѣлый городокъ, биткомъ набитый всевозможнымъ людомъ—тутъ жили и бѣдные родственники, и служащіе, и разныя богомольныя старушки, и просто гости, какъ Смагинъ. Въ злобинскомъ домѣ угощались званый и незваный вотъ уже больше полугода, потому что празднованіе свадьбы затянулось на неопредѣленное время.

Къ обѣду въ злобинскій домъ наѣзжали гости со всѣхъ сторонъ—свои братія купцы, горные чиновники, разные нужные люди и просто гости. Обѣдъ былъ ранній, ровно въ часъ. Длинная столовая помѣщалась въ верхнемъ этажѣ и выходила окнами на широкую садовую террасу. Изъ-за стола гости переходили лѣтомъ прямо сюда, пили здѣсь чай, а вечеромъ устраивались внизу, у Поликарпа Тарасыча, гдѣ шла горячая картежная игра. Самъ старикъ Злобинъ не игралъ, но въ Смагинѣ онъ души не чаялъ и даже перевелъ его жить въ тотъ же домъ—въ антресоляхъ была прелестная комнатка съ балкономъ. Табачникъ и волтерьянецъ, какъ называлъ Смагина консисторскій протопопъ Мелетій, поселился въ этомъ раскольничьемъ гнѣздѣ своимъ человѣкомъ.

Подручный Савелій въ тотъ день, когда былъ у Мишки, такъ и не могъ урвать свободной минуты, чтобы переговорить съ самимъ Тарасомъ Ермилычемъ. Помѣшали гости, да и Тарасъ Ермилычъ немножко лишнее выпилъ, а тогда къ нему приступу нѣтъ, хоть камни съ неба вались. Неукротимый

былъ человѣкъ, когда развеселится. Пришлось выжидать слѣдующаго утра, когда Тарасъ Ермилычъ выйдутъ изъ моленной. Это было лучшее время для всякихъ объясненій. Моленныхъ въ злобинскомъ домѣ было нѣсколько: одна большая, въ особомъ корпусѣ, а затѣмъ такъ называемая „стариковская“ и еще нѣсколько маленькихъ. У Тараса Ермилыча была своя собственная, рядомъ со спальней. Савелій имѣлъ доступъ къ „самому“ во всякое время безъ доклада, а поэтому и прошелъ черезъ парадную залу и гостиную прямо въ спальню. Въ пріотворенную дверь моленной онъ видѣлъ, какъ старикъ прилѣплялъ къ образу восковую свѣчу, а потомъ сталъ „класть уставной началъ“ съ лѣстовкой и подручникомъ, какъ подобаетъ по древлему благочестію. Высокая и плотная фигура „самого“ только установилась въ молитвенную позу, какъ прилѣпленная къ образу свѣча свалилась. Тарасъ Ермилычъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но удержался и со смиреніемъ прилѣпилъ свѣчу во второй разъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать уставныхъ трехъ поклоновъ, какъ свѣча снова упала. Это разсердило старика, но онъ еще разъ прилѣпилъ свѣчу къ образу. Но когда она упала въ третій разъ, онъ вскочилъ на ноги, схватилъ свѣчу и бросилъ ее о полъ, а самъ выбѣжалъ изъ моленной, весь красный отъ охватившаго его бѣшенства. Увидѣвъ Савелія, Тарасъ Ермилычъ плюнулъ и обругался по неизвѣстному адресу.

— Ты тутъ чего торчишь, оглашенный?—накинулся онъ на Савелія.

— Я, Тарасъ Ермилычъ...

— Вижу, что ты... ну?

Савелій по привычкѣ опустилъ глаза и своимъ ровнымъ теноpикомъ сталъ, не торопясь, разсказывать о своихъ вчерашнихъ переговорахъ съ Мишкой. Тарасъ Ермилычъ сразу успокоился. Это былъ высокій статный старикъ съ большой красивой головой. Широкое русское лицо глядѣло большими сѣрыми глазами, сердитыми и ласковыми въ одно и то же время; окладистая темная борода, охваченная первымъ инеемъ благообразной старости, придавала этому лицу такой патріархальный видъ. Волосы на головѣ совсѣмъ посѣдѣли, но лежали молодыми кудрями. Простая ситцевая рубашка-косоворотка, перехваченная шелковымъ пояскомъ, заправленные въ сапоги тиковые штаны и длиннополый, раскольничьяго покроя кафтанъ составляли весь домашній костюмъ милліонера. Прислушиваясь къ разсказу Савелія, Тарасъ Ермилычъ нѣсколько разъ хмурилъ брови и покачивалъ головой, а когда разсказъ дошелъ до рукоприкладства генеральши, онъ засмѣялся.

— Этакая изъѣдуга-баба,—проговорилъ старикъ.—Изъ щеки въ щеку такъ и нажариваетъ? Ловко... А онъ только мигаетъ, Мишка-то?

— Такъ точно-съ, Тарасъ Ермилычъ... Даже вчужѣ какъ-то нелѣпо было смотрѣть на такой конфузъ. Генеральша Енафа Аркадьевна все-таки благородныя дамы и вдругъ объявили такое полное безобразіе... Женскому полу это даже совсѣмъ не соотвѣтствуетъ.

— А Мишка-то только мигаетъ? Ха-ха... Она его прямо по татарской образинѣ хлясь, а онъ только мигаетъ?.. Ты вотъ что̀, Савелій (Тарасъ Ермилычъ взялъ подручнаго за воротъ кафтана), какъ-нибудь при случаѣ, ловконько этакъ, разскажи при Смагинѣ, какъ генеральша полировала Мишку... Пусть онъ послушаетъ.

— Можно-съ и такъ обернуть, Тарасъ Ермилычъ...

— Будто такъ, дуромъ сболтнулъ... понимаешь?.. Да еще вотъ что̀: ступай ты сейчасъ къ Мирону Никитичу и объяви про свой разговоръ съ Мишкой: я для него тебя засылалъ.

Савелій сдѣлалъ налѣво кругомъ, но Тарасъ Ермилычъ вернулъ его отъ дверей и задумчиво проговорилъ:

— Вотъ мы сейчасъ посмѣялись съ тобой надъ Мишкой, а вѣдь онъ недаромъ мигалъ... Помни мое слово: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Ступай. Кланяйся Мирону-то Никитичу да скажи, что онъ насъ забываетъ совсѣмъ.

Про опившагося енисейскаго купца старикъ не сказалъ ни одного слова, какъ будто такъ и быть должно. Само по себѣ мертвое тѣло спеть бы ничего— похоронили, и вся недолга. Полиція была въ рукахъ у всесильнаго Тараса Ермилыча. Но страшенъ былъ генералъ: какъ онъ взглянетъ на такой казусъ? Положимъ, онъ дружилъ съ Злобинымъ и бывалъ у него по-домашнему, даже трубку свою привозилъ, но все-таки страшно—а вдругъ наморщится? а вдругъ учнетъ фыркать? а вдругъ рявкнетъ, яко скимонъ? Генеральская дружба — какъ весенній ледъ. Выручилъ изъ неловкаго положенія Смагинъ. Главное, самъ вызвался. Только и удалый человѣкъ... Въ генеральскомъ домѣ онъ частенько бывалъ и, какъ говорили злые языки, строилъ куры самой генеральшѣ.

— Я въ смѣшномъ видѣ всю исторію генералу разскажу, — объяснялъ наканунѣ Смагинъ недоумѣвавшему Тарасу Ермилычу.—Старикъ посмѣется— только и всего.

— Охъ, въ добрый бы часъ только попасть, Ардальонъ Павлычъ,— угнетенно вздыхалъ старикъ.—Огонь, а не человѣкъ, ежели не въ часъ...

— Ужъ будьте покойны, все въ лучшемъ видѣ. Много будетъ смѣяться Андрей Ильичъ...

— Дивлюсь я на твою смѣлость, Ардальонъ Павлычъ,—наивно признавался Тарасъ Ермилычъ:—какъ это ты легко о генералѣ разговариваешь и даже въ глаза Андреемъ Ильичемъ называешь...

— Чего же бояться его: такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами.

— Такой, да не совсѣмъ...

Смагинъ задумчиво улыбнулся и покрутилъ свой черный усъ. Это былъ красивый и видный мужчина, одинъ изъ тѣхъ счастливцевъ, для которыхъ женщины идутъ на все. На видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать съ большимъ хвостикомъ, но его молодила военная выправка и увѣренность въ себѣ. Бороду онъ брилъ и носилъ по-военному—одни усы, одѣвался франтомъ и вообще держалъ себя львомъ. Загадочные темные глаза глядѣли устало и свѣтлѣли только въ присутствіи хорошенькихъ женщинъ. Тарасу Ермилычу нравилась въ Смагинѣ вся его барская повадка—онъ и не уникался, какъ другіе, и головы не задиралъ выше носу, а тронуть его пальцемъ никто бы не посмѣлъ. Такъ взглянетъ, что не поздоровится. Устраивая дѣло съ генераломъ, онъ и виду не подалъ, что дѣлаетъ какое-нибудь одолженіе Злобину, а такъ просто взялъ да и уважилъ хорошаго человѣка, точно стаканъ воды выпилъ. „Соколъ ясный“,—думалъ Тарасъ Ермилычъ, тронутый счастливостью мудренаго гостя.

— Такъ ты когда къ генералу-то, Ардальонъ Павлычъ? — спрашивалъ Злобинъ, не умѣя скрыть своего нетерпѣнія.

— А завтра...

— Нельзя ли поскорѣе? Какъ узнаетъ генералъ сторонкой про мертвое-то тѣло, хуже будетъ. Тогда ужъ къ нему не подступишься...

— Вздоръ!.. Не безпокойтесь: сказалъ, что устрою, значитъ, и будетъ такъ.

Самоувѣренность Смагина подѣйствовала на Злобина успокаивающимъ образомъ, хотя онъ и заключилъ свою бесѣду съ нимъ широкимъ вздохомъ.

Мертвое тѣло опившагося купца было отнесено въ самый задній флигель,

гдѣ помѣщалась своя злобинская богадѣльня. Это обстоятельство смущало весь домъ, начиная съ самого хозяина и кончая послѣднимъ конюхомъ. Главное то, что нехорошій знакъ... А тутъ еще слѣдствіе, доктора будутъ потрошить — грѣха не оберешься. Положимъ, что вездѣ было дано больше, чѣмъ слѣдуетъ, а все-таки слухъ пойдетъ по всему городу. Можетъ еще и родня привязаться... Однимъ словомъ, непріятность вполнѣ. Полицеймейстеръ уже пріѣзжалъ два раза, смотрѣлъ покойника и только плечами пожалъ.

— Убрать бы его, Иванъ Тимоѳеичъ?—взмолился Злобинъ.

— Не могу, Тарасъ Ермилычъ: уголовное дѣло... Надо слѣдствіе произвести и допросить свидѣтелей.

— Да чего спрашивать, когда человѣкъ съ вина сгорѣлъ? Ежели бы знатье, такъ я бы его близко къ дому не пустилъ, не то что угощать...

Потомъ пріѣхалъ докторъ и тоже пожалъ плечами. Тоже свой человѣкъ былъ, а тутъ оказалъ себя хуже чужого. О томъ, гдѣ будутъ потрошить „мертвяка“, Тарасъ Ермилычъ не смѣлъ и спросить: и домъ новый, и свадьба еще не кончилась, а тутъ этакая мерзость. Хоть бѣжать изъ дому, такъ въ ту же пору... Да и гости теперь будутъ сомнѣваться: не ладно, дескать, въ злобинскомъ домѣ. Вообще скверно, какъ ни поверни... И полицеймейстеръ и докторъ начинаютъ замѣтно ломаться, возмущая гордость Тараса Ермилыча, неумѣвшаго кланяться. И тутъ выручилъ опять Смагинъ, бывшій съ полицеймейстеромъ на „ты“. Съѣздилъ Смагинъ къ благопріятелю, что-то тамъ поговорилъ, а почью явилась полиція и увезла мертвяка въ казенную больницу.

— Надо будетъ благодарность оказать его благородію, — говорилъ Злобинъ, когда все дѣло было улажено.

— Конечно... Только нельзя прямо совать деньги: полицеймейстеръ обидится, и докторъ тоже.

— Я съ Савельемъ пошлю...

— И это неудобно... По-благородному сдѣлаемъ; вы дайте деньги мнѣ, а я ихъ проиграю полицеймейстеру и доктору. Они ужъ сами поймутъ, откуда благодать свалилась...

— Ахъ, Ардальонъ Павлычъ, Ардальонъ Павлычъ... ловко!.. Конечно, мы—мужики, и поблагодарить по-настоящему не сумѣемъ. Каждое дѣло такъ-то...

Смагинъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ: въ тотъ же вечеръ, когда металъ банкъ, докторъ и полицеймейстеръ выиграли именно ту сумму, какая имъ была ассигнована въ благодарность. Злобинъ самъ наблюдалъ за этой игрой: изъ копейки въ копейку все вѣрно. Однимъ словомъ, Смагинъ являлся какимъ-то добрымъ геніемъ.

Мы уже сказали, что гости не переводились въ злобинскомъ домѣ. Но этого было мало: изъ злобинскаго дома они всей ордой перекочевывали къ Тихоновымъ, отъ Тихоновыхъ къ Сердюковымъ, отъ Сердюковыхъ къ Щеголевымъ, а отъ Щеголевыхъ опять въ злобинскій домъ. Получался настоящій заколдованный кругъ, изъ котораго трудно было вырваться. Достаточно было разъ попасть въ одно изъ звеньевъ этой роковой цѣпи, чтобы потомъ уже не вырваться. Послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ отчаяннаго кутежа многіе оказались несостоятельными продолжать свадебное веселье дальше: одни сказывались больными, другіе малодушно прятались, а третьи откровенно бѣжали, куда глаза глядятъ. Покойный енисейскій купецъ Тураховъ пробовалъ убѣгать нѣсколько разъ, но его ловили и возвращали съ дороги.

Когда Савелій вернулся отъ старика Ожигова, Тарасъ Ермилычъ спросилъ:

— Ну что, сильно ругается старикъ?

— Порядочно-таки отзолотилъ насъ всѣхъ, Тарасъ Ермилычъ... Наказывалъ безпремѣнно, чтобы вы сами у него побывали.

— Лично хочетъ обругать?

— Это само собой, а главная причина, что у нихъ дѣльце есть какое-то до васъ. Все счетами меня донимали... По промысламъ и по заводамъ неустойку съ васъ взыскивать хотятъ.

— Ладно, ладно... Будетъ съ него: насосался онъ съ меня достаточно. Такая ненасытная утроба... И куда, подумаешь, деньги копитъ? Кажется, достаточно бы, даже черезъ число достаточно.

— Казенные подряды хотятъ брать Миронъ Никитичъ и опять меня къ Мишкѣ подсылаютъ, хотя теперь Мишка и не въ случаѣ. Не любятъ они очень генеральшу, потому какъ къ нимъ безъ четвертной бумаги не подойдешь, а Мишка бралъ жареными и вареными. Очень сердитуютъ Миронъ Никитичъ на генеральшу...

— Старуха на міръ три года сердилась, а міръ и не зналъ... Ну, а ты не забудь, что я тебѣ про Ардальона Павлыча говорилъ: надо и намъ надъ нимъ шутку спутить.

— Это насчетъ генеральши?

— Было тебѣ сказано, дуракъ!..

— Точно такъ-съ, Тарасъ Ермилычъ...

Выжидать удобнаго случая Савелью пришлось недолго. Въ тотъ же вечеръ, когда играли на половинѣ Поликарпа Тарасыча, онъ разсказалъ исторію избіенія Мишки генеральшей такъ, что Смагинъ не могъ не слышать, но [illegible] и тутъ не выдалъ себя, а только покосился на подручнаго и закусилъ одинъ усъ.

— Не поглянулось?—злорадствовалъ Тарасъ Ермилычъ, хотя этимъ нустаравшійся выместить на ловкомъ барикѣ свое невольное подчиненіе ему.

Исполнивъ порученіе, Савелій не забылъ и себя: озлобится Ардальонъ Павлычъ и какую-нибудь пакость подведетъ, а много ли ему, маленькому человѣку, нужно. Въ тотъ же вечеръ, чтобы задобрить Смагина, Савелій разсказалъ ему исторію, какъ Тарасъ Ермилычъ утромъ молился Богу. Смагинъ захохоталъ отъ удовольствія, а потомъ погрозилъ Савелью пальцемъ и проговорилъ:

— Хорошо, хорошо, сахаръ... Понимаю!.. Только ты у меня смотри: говори да откусывай.

— Это вы насчетъ генеральши, Ардальонъ Павлычъ?

— Да, насчетъ генеральши. Нечего дурака валять...

По пути Смагинъ ловко выспросилъ у Савелья, какія такія дѣла у Злобиныхъ и у Ожиговыхъ, что они такъ боятся генерала. Вѣдь у нихъ главныя дѣла въ Сибири, а генералъ управляетъ горной частью только на Уралѣ. Савелій, прижатый къ стѣнѣ, разболталъ многое, гораздо больше того, что желалъ бы разсказать: такъ ужъ ловко умѣлъ спрашивать Ардальонъ Павлычъ. Конечно, сибирскія дѣла большія, не далеко хватаетъ и генеральская сила.

— Первое дѣло то, Ардальонъ Павлычъ, — повѣствовалъ Савелій, заложивъ по привычкѣ руки за спину:—что сибирское золото обыскали мы, т.-е. Тарасъ Ермилычъ. Ну, за нимъ другіе бросились: Тихоновы, Сердюковы, Щегловы. И каждый свой кусъ получилъ... Хорошо-съ. А роднымъ сибирякамъ это, напримѣръ, весьма обидно, потому какъ пришли чужестранные люди и ихъ родное золото огребаютъ... Дикій народъ и сторона немилая, а это

понимаютъ. Есть они сейчасъ давай дѣлать намъ со своей стороны прижимку... Оспариваютъ заявки, оттягиваютъ пріиски. А это какое дѣло: заявляю я споръ, положимъ, совсѣмъ нестоящій, а работы у Тараса Ермилыча останавливаютъ изъ-за моего спора. Все поперекъ и пойдетъ: рабочіе кандрашные безъ дѣла сидятъ, провіянтъ гніетъ, пріисковое обзаведеніе пустуетъ, а главное—время понапрасну идетъ. Порядки-то въ Сибири извѣстные: одинъ Никола богъ. Ну, большая идетъ прижимка, и Тарасу Ермилычу приходится ужъ въ Питерѣ охлопатывать сибирскія дѣла, а тамъ одинъ разоръ: что ни шагъ, то и тыща. Да еще тому дай най, да другому, да третьему... Вотъ генералъ нашъ и вызволяетъ, потому какъ у него въ Питерѣ вездѣ своя рука есть.

— Такъ, такъ,—поддакивалъ Смагинъ, соображая что-то про себя.

— Другое дѣло, Ардальонъ Павлычъ, эти самые заводы, которые Тарасъ Ермилычъ купили. Округа агроматная, шестьсотъ тыщъ десятинъ, рабочихъ при заводѣ тыщъ пятнадцать—тутъ всегда можетъ быть окончательная прижимка отъ генерала. Конечно, я маленькій человѣкъ, а такъ полагаю своимъ умомъ, что напрасно Тарасъ Ермилычъ съ заводами связались. Достаточно было бы сибирскихъ дѣловъ... Ну, тутъ опять ихняя гордость: хочу быть заводчикомъ, въ томъ родѣ, напримѣръ, какъ Демидовъ или Строгановъ.

— Такъ, такъ... Ну, довольно на этотъ разъ.

Удивительный былъ человѣкъ этотъ Ардальонъ Павлычъ; никакъ къ нему не привѣснишься. Очень ужъ ловко умѣлъ онъ разспрашивать... И все ему нужно знать, до всего дѣло. Такой ужъ любопытный, знать, уродился.

IV.

Ардальонъ Павлычъ Смагинъ просыпался очень поздно, часовъ въ двѣнадцать, когда добрые люди успѣвали наработаться и пообѣдать. Впрочемъ, въ злобинскомъ домѣ этому никто и не удивлялся, потому что, въ качествѣ настоящаго барина, Смагинъ жилъ не въ примѣръ другимъ, а самъ по себѣ. Проснется онъ часамъ къ двѣнадцати и цѣлый часъ моется да чистится, а потомъ надѣнетъ золотомъ расшитыя туфли, бархатный турецкій халатъ, татарскую ермолку, закуритъ длинную трубку и въ такомъ видѣ выйдетъ на балконъ погрѣться на солнышкѣ и полюбоваться Божьимъ міромъ. На балконъ Смагину подавали его утренній кофе. Вся злобинская челядь любовалась настоящимъ бариномъ, пока онъ сидѣлъ на балконѣ и кейфовалъ, и даже подручный Савелій чувствовалъ къ этому ненавистному для него человѣку какое-то тайное уваженіе, какъ уважалъ вообще всякую силу. Ворчали на барина только древніе старики и старухи, ютившіеся по тайникамъ и вышкамъ: продымитъ своимъ табачищемъ баринъ весь домъ.

Итакъ, Смагинъ проснулся, напился кофе, выкурилъ двѣ трубки, переодѣлся и велѣлъ подать себѣ лошадь. Весь злобинскій домъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого момента, потому что всѣ знали, куда ѣдетъ Ардальонъ Павлычъ. Самъ Тарасъ Ермилычъ не показался, а только проводилъ гостя глазами изъ-за косяка.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!..—шепталъ струсившій милліонеръ.—Устрой, Господи, въ добрый часъ попасть къ генералу.

А баринъ Ардальонъ Павлычъ катилъ себѣ на злобинскомъ рысакѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ по утрамъ чувствовалъ себя всегда хорошо, а сегодня въ особенности. Отъ злобинскаго дома нужно было спуститься къ плотинѣ, потомъ переѣхать ее и по набережной пруда,—это разстояніе мелькъ-

нуло слишкомъ быстро, такъ что Смагинъ даже удивился, когда его пролетка остановилась у подъѣзда генеральскаго дома. Встрѣчать гостя выскочилъ вѣрный рабъ Мишка.

— Дома генералъ? — развязно спрашивалъ Смагинъ и, не дожидаясь отвѣта, скинулъ свою лѣтнюю шинель на руки Мишкѣ.

— Не знаю...—уклончиво и грубо отвѣтилъ Мишка, не привыкшій къ такому свободному обращенію: самъ Тарасъ Ермилычъ смиренно ждалъ въ передней, пока онъ ходилъ наверхъ съ докладомъ, а этотъ всегда ворвется, какъ оглашенный.

Когда Смагинъ, оглянувъ себя въ зеркало, хотѣлъ подниматься по лѣстницѣ, Мишка сдѣлалъ слабую попытку загородить ему дорогу, но былъ отолкнутъ желѣзной рукой съ такой силой, что едва удержался на ногахъ.

— Безъ докладу нельзя...—бормоталъ обезкураженный Мишка.

Баринъ даже не оглянулся, а только, встрѣтивъ на верхней площадкѣ почтительно вытянувшуюся Мотьку, проговорилъ:

— Это что у васъ за чучело гороховое стоитъ въ передней? Генералъ дома?

— Пожалуйте...

— А Енафа Аркадьевна?

— Онѣ у себя въ будуарѣ...

Мотька любовно поглядѣла оторопѣлыми глазами на красавца-барина и опрометью бросилась съ докладомъ въ кабинетъ къ генералу. Смагину пришлось подождать въ большой гостиной не больше минуты, какъ тяжелая дверь генеральскаго кабинета распахнулась, и Мотька безмолвнымъ жестомъ пригласила гостя пожаловать. Въ отворенную половину уже видѣлась фигура генерала, сидѣвшаго у письменнаго стола,—онъ былъ, какъ всегда, въ полной военной формѣ. Большая генеральская голова, остриженная подъ гребенку, отливала серебромъ. Загорѣлое лицо было изрыто настоящими генеральскими морщинами. Въ кабинетѣ стоялъ посрединѣ большой письменный столъ, заваленный бумагами, нѣсколько креселъ краснаго дерева, турецкій диванъ, обтянутый краснымъ сафьяномъ, два шкапа съ книгами, третій шканъ съ минералами—и только. Надъ турецкимъ диваномъ на стѣнѣ развѣшано было въ живописномъ безпорядкѣ разное оружіе, а въ простѣнкѣ между окнами портретъ государя Николая Павловича во весь ростъ.

— Ваше превосходительство, я боюсь, что помѣшалъ вашимъ занятіямъ...—почтительно проговорилъ Смагинъ, дѣлая глубокій поклонъ.

— А, это ты, братецъ,—фамильярно отвѣтилъ старикъ, не поднимаясь съ мѣста и по-генеральски протягивая два пальца.—А когда я бываю не занятъ? Я всегда занятъ, братецъ... Дохнуть некогда, потому что я одинъ за всѣхъ долженъ отвѣчать, а положиться ни на кого нельзя.

— Всѣ удивляются вашей энергіи, ваше превосходительство... Городъ сдѣлался неузнаваемымъ: чистота, порядокъ, благоустройство и общая благодарность.

— Благодарность?..

— Точно такъ, ваше превосходительство...

— Но вѣдь я, братецъ, строгъ, а это не всѣмъ нравится...

— Главное, вы справедливы...

— О, я справедливъ! — милостиво согласился грозный старикъ, взятый на абордажъ самой дешевенькой лестью.—Да ты, братецъ, садись... Ну, что у васъ тамъ новаго? Очень ужъ что-то развеселились.

— Тарасъ Ермилычъ просилъ засвидѣтельствовать вамъ свое глубокое почтеніе. Вѣдь они молятся на васъ, ваше превосходительство!

— Знаю, знаю...

— И притомъ народъ все простой, безъ всякаго образованія. Лучшія чувства иногда проявляются въ такой откровенной формѣ...

— Да, но нельзя этого народа распускать: сейчасъ забудутся. Мое правило—держать всѣхъ въ струнѣ... Моихъ милліонеровъ я люблю, но и съ ними нужно держать ухо востро. Да... Мужикъ всегда можетъ забыться и потерять уваженіе къ власти. Напримѣръ, я—я рѣшительно ничего не имѣю, кромѣ казеннаго жалованья, и горжусь своей бѣдностью. У нихъ милліоны, а у меня ничего... Но они думаютъ только о наживѣ, а я вѣрный царскій слуга. Да...

Смагинъ почтительно наклонилъ голову въ знакъ своего душевнаго умиленія,—солдатская откровенность генерала была ему на руку. Послѣ этихъ предварительныхъ разговоровъ онъ ловко ввернулъ разсказъ о томъ, какъ Тарасъ Ермилычъ молился утромъ Богу и бросилъ свѣчу объ полъ. Генералу ужасно понравился анекдотъ, и генеральскій смѣхъ густой нотой вырвался изъ кабинета.

— Три раза прилѣпилъ свѣчу, а потомъ объ полъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство... Бросилъ свѣчку и убѣжалъ изъ моленной.

— На кого же это онъ разсердился: на свѣчу или на Бога?.. Надо его будетъ спросить самого... Ха-ха!.. „Господи, помилуй!“—а потомъ и свѣчку о полъ. Нѣтъ, что же это такое, братецъ? Послушай, да ты это самъ придумалъ?..

— Истинное происшествіе, ваше превосходительство. Удивительнаго, по-моему, ничего нѣтъ, потому что совсѣмъ дѣти природы...

— Ну, этого я не понимаю, братецъ, какія тамъ дѣти природы бываютъ, а вотъ со свѣчкой такъ дѣйствительно анекдотъ... Надо будетъ Енафѣ Аркадьевнѣ разсказать: пусть и она посмѣется. Только я самъ-то не мастеръ разсказывать бабамъ, такъ ужъ ты самъ.

— Сочту за особенное счастіе, ваше превосходительство.

— „Господи, помилуй!“, а потомъ свѣчку... ха-ха!.. Нѣтъ, братецъ, ты меня уморилъ... Пусть и Енафа Аркадьевна посмѣется.

Подогрѣвъ генерала удачно подвернувшимся анекдотомъ, Смагинъ еще съ большей ловкостью передалъ эпизодъ о сгорѣвшемъ съ вина енисейскомъ купцѣ, причемъ въ самомъ смѣшномъ видѣ изобразилъ страхъ Тараса Ермилыча за это событіе.

— Вотъ дуракъ...—удивился генералъ.—Да вѣдь онъ не убивалъ этого опившагося купца?.. Дорвался человѣкъ до даровога угощенія, ну, и лопнулъ... Вздоръ! А вотъ свѣчка... ха-ха!.. Можетъ-быть, Тарасъ-то Ермилычъ съ горя и помолиться пошелъ, а тутъ опять неудача... Нѣтъ, пойдемъ къ генеральшѣ!..

Развеселившійся старикъ подхватилъ гостя подъ руку и повелъ его черезъ парадную залу въ гостиную хозяйки. Енафа Аркадьевна была уже одѣта и встрѣтила ихъ, сидя на диванѣ. Гостиная была отдѣлана богато, но съ мѣщанской нестротой, что на барскій глазъ Смагина производило каждый разъ непріятное впечатлѣніе. Сегодня она была одѣта болѣе къ лицу, чѣмъ всегда.

— Вотъ онъ... онъ все тебѣ разскажетъ...—шепталъ генералъ, задыхаясь отъ смѣха.—Охъ, уморилъ!..

Повторенный Смагинымъ разсказъ однако не произвелъ на генеральшу ожидаемаго дѣйствія,—она даже поморщилась и подняла одну бровь.

— По-моему, это очень грубо...—проговорила она, не глядя на гостя.

— Ахъ, матушка, ничего ты не понимаешь!..—объяснилъ генералъ.— Вѣдь Тарасъ Ермилычъ былъ огорченъ: угощалъ-угощалъ дорогого гостя, а тотъ въ награду взялъ да и умеръ... Ну, кому пріятно держать въ своемъ домѣ мертвое тѣло? Старикъ и захотѣлъ молитвой успокоить себя, а тутъ свѣчка подвернулась... ха-ха!..

— Вамъ нравится все грубое, — спорила генеральша по неизвѣстной причинѣ.—Да и вообще, что можетъ быть интереснаго въ подобномъ обществѣ? Вамъ, Ардальонъ Павловичъ, я могу только удивляться...

— Именно, Енафа Аркадьевна?

— Именно, что вы находите у этихъ богатыхъ мужиковъ? Невѣжи, самодуры... При вашемъ воспитаніи, я не думаю, чтобы вы могли не видѣть окружающаго васъ невѣжества.

— Совершенно вѣрно, но вѣдь я здѣсь случайно... Оригинальная среда, а въ сущности люди недурные.

Съ генеральшей Смагинъ познакомился въ клубѣ и сначала не обратилъ на нее никакого вниманія. Но потомъ онъ по привычкѣ началъ немножко ухаживать за ней, какъ ухаживалъ за всѣми дамами. Ничего особеннаго, конечно, въ ней не было, но, какъ свѣжая и молоденькая женщина, она подогрѣвала его чувственную сторону, — Смагинъ любилъ молодыхъ дамъ, у которыхъ были очень старые мужья, какъ въ данномъ случаѣ. Въ нихъ было что-то такое неудовлетворенное и просившее ласки... Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ „ферлакуръ“ не любилъ очень податливыхъ красавицъ, а предпочиталъ серьезныя завоеванія, со всѣми препятствіями, неудачами и волненіями, неизбѣжно сопутствующими такія кампаніи. На его взглядъ генеральша соединяла въ себѣ оба эти качества.

— Такъ вамъ нравятся наши милліонеры? — приставала генеральша, вызывающе поглядывая на гостя.

— Если хотите — да... Оригинальная среда и оригинальные нравы. Впрочемъ, я скоро уѣзжаю.

— Куда?—спросилъ генералъ.

— Въ Петербургъ... У меня тамъ родные и дѣла.

Высидѣвъ приличное время для визита, Смагинъ раскланялся и уѣхалъ. На прощанье онъ такъ взглянулъ своими улыбающимися глазами на генеральшу, что та даже потупилась и слегка покраснѣла.

— Такъ я сегодня же вечеромъ буду у васъ,—говорилъ генералъ, провожая гостя черезъ залу.—Такъ, братецъ, и скажи Тарасу Ермилычу... Только, чуръ! не проболтайся о свѣчкѣ... ха-ха!.. Уговоръ дороже денегъ. Понимаешь?

— Будьте спокойны, ваше превосходительство.

По уходѣ Смагина генералъ долго не могъ успокоиться и раза два проходилъ изъ своего кабинета въ гостиную, чтобы разсказать какую-нибудь новую подробность изъ анекдота о свѣчкѣ. Енафа Аркадьевна только пожимала плечами, а генералъ не хотѣлъ ничего замѣчать и продолжалъ смѣяться съ обычнымъ грознымъ добродушіемъ.

— Мнѣ кажется подозрительнымъ этотъ Смагинъ,—замѣтила обозленная генеральша.—Что онъ за человѣкъ, зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, какъ наконецъ попалъ сюда?..

— Вотъ тебѣ разъ!..—удивился генералъ.—Смагинъ—дворянинъ, служилъ въ военной службѣ, а здѣсь по своимъ дѣламъ...

— По какимъ же это дѣламъ, позвольте спросить?

— Ну, вообще, мало ли какія дѣла бываютъ... Гм... А впрочемъ, кто его знаетъ, въ самомъ дѣлѣ,

— Мнѣ кажется, что онъ просто шулеръ! выстрѣлила генеральша съ такой неожиданностью, что генералъ даже остолбенѣлъ.—У Злобиныхъ идетъ большая игра...

Генералъ поднялъ брови, потомъ нахмурился, но, вспомнивъ про свѣчку, расхохотался.

— Э, матушка, куда хватила!.. Этакъ и я тоже шулеръ, потому что тоже играю въ карты у Тараса Ермилыча, даже и со Смагинымъ не одинъ разъ игралъ. Играетъ онъ, дѣйствительно, недурно, но дѣлаетъ большіе промахи...

Въ подтвержденіе своихъ словъ старикъ разсказалъ послѣднюю партію въ бостонъ, а потомъ опять засмѣялся и прибавилъ другимъ тономъ:

— Нѣтъ, не могу, голубушка... Сегодня же поѣду къ Тарасу Ермилычу и попрошу самого разсказать все... самого!.. Ха-ха-ха...

Возвращеніе Смагина въ злобинскій домъ было настоящимъ событіемъ. Самъ Тарасъ Ермилычъ выскочилъ на подъѣздъ и, когда узналъ о благополучномъ исходѣ объясненія съ генераломъ, трехкратно облобызалъ дорогого гостя.

— Ужъ чѣмъ я и благодарить тебя буду?—спрашивалъ въ умиленіи старикъ.—Глазъ у тебя счастливый, Ардальонъ Павлычъ: глянулъ и готово...

— Пустяки, Тарасъ Ермилычъ, о которыхъ не стоитъ и говорить... А генералъ даже смѣялся и сегодня вечеромъ хотѣлъ самъ быть у васъ.

— Н-но-о?

— Да... Просилъ передать вамъ.

Гости въ злобинскомъ домѣ не переводились, такъ какъ продолжали праздновать свадьбу, а поэтому къ вечеру народу набралось нетолченая труба. Были тутъ и свои братія купцы, и горные чины, и военные, и неизвѣстные никому новые люди, о которыхъ даже самъ хозяинъ не зналъ, кто они и откуда. Среди гостей ходилъ испитой секретарь знаменитаго золотого стола Угрюмовъ, а на почетномъ мѣстѣ на диванѣ сидѣлъ самъ консисторскій протопопъ Мелетій, толстый и розовый, обросшій бородой до самыхъ глазъ. Протопопъ и секретарь сильно дружили и, кажется, не могли жить одинъ безъ другого,—гдѣ протопопъ, тамъ и секретарь, и наоборотъ. Злобины и вся злобинская родня были отъявленные раскольники, но протопопъ Мелетій не считалъ униженіемъ бывать въ злобинскомъ домѣ, потому что тамъ бывалъ самъ генералъ.

— Всѣ мы, ваше превосходительство, грѣшны да божьи,—объяснялъ Мелетій, хитро улыбаясь.—А Господь разберетъ, кто правъ, кто виноватъ, и кто чего стоитъ. Вотъ и Угрюмовъ то же говоритъ...

— Не похвалятъ насъ съ тобой, протопопъ, — отшучивался генералъ, любившій хитраго попа.—Вѣдь ты не пошелъ бы къ Тарасу Ермилычу, ежели бы онъ бѣдный былъ, да и я тоже...

Купеческая братія, состоявшая изъ Тихоновыхъ, Сердюковыхъ и Щеголевыхъ съ ихъ прямыми и косвенными дополненіями, обыкновенно старалась сбиться въ одну кучу, чтобы не мѣшать своимъ присутствіемъ разнымъ властодержцамъ отъ военныхъ и горныхъ чиновъ. Вообще, они держались своей компаніи и чувствовали себя самими собой только послѣ хорошей выпивки или внизу у Поликарпа Тарасыча, гдѣ веселье шло уже совсѣмъ нараспашку. Наверху всѣхъ стѣснялъ нарядъ,—очень ужъ все по-модному Тарасъ Ермилычъ наладилъ. Паркетный полъ, расписные потолки, саженныя зеркала, шелковая мебель — разойтись по-настоящему негдѣ, чтобы каждая косточка радовалась. А когда пріѣзжалъ генералъ, то наверху ужъ совсѣмъ

житья не было — всѣ смотрѣли въ ротъ генералу и молчали, за исключеніемъ самого Тараса Ермилыча, протопопа Мелетія и Смагина. То ли дѣло у Поликарпа Тарасыча — въ одной комнатѣ столы съ закуской и выпивкой, въ другихъ комнатахъ столы для игры въ карты, и вообще всѣ устраивались по своему желанію. И выпить можно безъ приглашенія, и въ бостонъ сыграть, и пѣсенку спѣть своей компаніей.

Смагинъ вернулся отъ генерала какъ-разъ къ обѣду. Гости, конечно, знали о его секретномъ порученіи, и, когда Тарасъ Ермилычъ, встрѣтивъ его, вернулся въ столовую съ веселымъ видомъ, всѣ вздохнули свободнѣе: тучу пронесло морокомъ. Хозяинъ сразу повеселѣлъ, глянулъ на всѣхъ соколомъ и шепнулъ Савелію:

— Музыку въ садъ да подлеца Илюшку добудь, со дна моря достань его, а то лучше и на глаза не показывайся...

Умѣлъ веселиться Тарасъ Ермилычъ, когда бывалъ въ духѣ—улыбнется, точно солнышкомъ освѣтитъ всѣхъ. Такъ было и теперь. Гости сразу зашумѣли, точно пчелиный рой слетѣлъ.

— А гдѣ у насъ бабы?—спрашивалъ старикъ, оглядывая гостей.

— Внизу у Авдотьи Мироновны сидятъ — отвѣтилъ чей-то услужливый голосъ.

— Подавай бабъ наверхъ, а то сиротами намъ сидѣть скучно... Каша масломъ не испортишь.

Это ужъ было верхомъ веселья, когда Авдотья Мироновна выходила къ гостямъ. Дѣлала она это очень неохотно и только потому, чтобы не обидѣть грознаго и ласковаго свекра-батюшку. Очень ужъ скромная была женщина, воспитанная у скряги-отца на монашескій ладъ. Да и по годамъ неоткуда было набраться смѣлости—ужъ послѣ свадьбы пошелъ семнадцатый годъ, а то дѣвочка дѣвочкой. Худенькая, кроткая, съ большими глазами, она походила на ребенка и ужасно конфузилась своего бабьяго нарчевого сарафана, бабьей сороки на головѣ и другихъ бабьихъ нарядовъ. Очень ужъ къ сердцу пришлась молодая сноха Тарасу Ермилычу, и онъ не могъ надышаться на нее. Другой такой скромницы не сыщешь съ огнемъ. Сынъ Поликарпъ ростомъ и наружностью издался въ отца, но умомъ не дошелъ—простоватъ былъ малый. Впрочемъ, онъ дѣлался глупымъ только при отцѣ, котораго боялся, какъ огня, и отводилъ душу на своей половинѣ, въ своей компаніи. Женитьба придала ему нѣкоторую самостоятельность.

V.

Весело зашумѣлъ весь злобинскій домъ, точно стараясь наверстать налетѣвшую минуту раздумья. Пока шелъ обѣдъ, на хорахъ игралъ оркестръ горныхъ музыкантовъ. Собственно говоря, это была „казенная музыка“, но Тарасъ Ермилычъ платилъ за нее и казнѣ и самимъ музыкантамъ, что было дороже, чѣмъ содержать собственный оркестръ. Послѣ обѣда всѣ гости перешли сначала на террасу, куда былъ поданъ чай. Подгулявшіе гости галдѣли, а Тарасъ Ермилычъ ходилъ между ними съ бутылкой рому и самъ подливалъ въ стаканы „архирейскихъ сливочекъ“, какъ говорилъ протопопъ Мелетій. Смагинъ послѣ обѣда пилъ пуншъ, вѣрнѣе—ромъ, чуть-чуть разбавленный горячей водой съ сахаромъ.

— Музыкантовъ!—командовалъ разгулявшійся Тарасъ Ермилычъ.

По условію, оркестръ не обязанъ былъ играть послѣ обѣда, но Савелій уговорилъ капельмейстера, старичка-нѣмца Глассера.

— Въ накладѣ не будете,—объяснялъ подручный. — Сверхъ числа будете благодарить, ежели угодите Тарасу Ермилычу. Не таковскій человѣкъ, чтобы зря слово молвилъ.

Музыканты не спорили, хотя и устали за обѣдомъ. Горный оркестръ былъ поставленъ на военную ногу, какъ и всѣ другія учрежденія горнаго вѣдомства. По зимамъ, когда въ клубѣ шли балы, веселье иногда затягивалось чуть не до бѣлаго свѣта, а музыка должна была играть. Случалось не разъ, что „духовые инструменты“ падали въ обморокъ отъ натуги, а оставались одни скрипки, віолончели и контробасъ. Самъ нѣмецъ Глассеръ не зналъ усталости, особенно, когда нужно было выслужиться передъ генераломъ,—строгій и неумолимый былъ нѣмецъ. Въ случаѣ ослушанія музыкантовъ садили на гауптвахту, какъ простыхъ солдатъ. Слабымъ мѣстомъ Глассера было то, что онъ состоялъ на службѣ въ горномъ вѣдомствѣ и получалъ чины за выслугу лѣтъ, а слѣдовательно могъ разсчитывать и на пенсію. „Нѣмецъ, я тебя не забуду“,—говорилъ генералъ Голубко и трепалъ пожилистаго музыканта по плечу на зависть всѣмъ другимъ мелкимъ горнымъ чинамъ.

Для музыкантовъ въ саду была устроена особая бесѣдка, напротивъ большого павильона съ колоннами, гдѣ могло помѣститься больше ста человѣкъ гостей. Когда оркестръ занялъ свое мѣсто, Тарасъ Ермилычъ повелъ гостей въ павильонъ. Это составляло своего рода забаву, потому что павильонъ стоялъ въ центрѣ громадной куртины съ запутанной дорожкой,—незнакомый гость могъ обойти павильонъ разъ пять, прежде чѣмъ попадалъ въ него. Эта дѣтская забава повторялась послѣ обѣда съ каждымъ новымъ гостемъ, причемъ не было сдѣлано исключенія даже для протопопа Мелетія. Въ павильонѣ сидѣлъ генералъ и весело смѣялся, пока протопопъ блуждалъ между куртинъ. Добравшись до павильона, протопопъ Мелетій отеръ платкомъ потъ съ лица и замѣтилъ:

— Надъ собой смѣешься, Тарасъ Ермилычъ...

— Ну, не сердись, протопопъ,—утѣшалъ его хозяинъ:—видѣлъ, у подъѣзда выѣздная лошадь стоитъ? Дарю ее тебѣ вмѣстѣ съ фаэтономъ за свою обиду!.. А хочешь, такъ и кучера возьми на придачу,—прибавилъ Тарасъ Ермилычъ для шутки.

— Не надо мнѣ твоего кучера, — взмолился протопопъ: — мнѣ не на кучерѣ ѣздить, а на лошади... Кормить его еще надо, а онъ будетъ пьянствовать. Не надо мнѣ кучера, а за лошадь спасибо.

Теперь повторилась та же исторія съ новыми гостями. Ихъ нарочно задержали на террасѣ, пока свои люди пробирались въ павильонъ. Потомъ явился Савелій съ приглашеніемъ:

— Тарасъ Ермилычъ просятъ пожаловать въ павильонъ...

Проводивъ жертву готовившейся потѣхи до начала дорожки въ павильонъ, Савелій незамѣтно скрылся. Неопытные гости одинъ за другимъ направились къ бесѣдкѣ, вызывая дружный хохотъ, остроты и обидные совѣты. Тарасъ Ермилычъ для вящшей потѣхи вышелъ къ двери павильона и усиленно приглашалъ сконфуженно блуждавшихъ по дорожкамъ новичковъ.

— Милости просимъ, господа... Да поскорѣе, а то другихъ заставляете ждать.

— Держи носъ направо!—кричалъ чей-то захмелѣвшій голосъ.

Надрывалъ животики весь павильонъ надъ хитрой нѣмецкой выдумкой, хохотали музыканты, и только не смѣялись березы и сосны тѣнистыхъ аллей. Эту даровую потѣху прекратило появленіе генерала, о чемъ прибѣжали объ-

авить сразу пять человѣкъ. Позабывъ свою гордость, Тарасъ Ермилычъ опрометью бросился къ дому, чтобы встрѣтить дорогого гостя честь-честью. Генералъ былъ необыкновенно въ духѣ и, подхвативъ хозяина подъ руку, весело спрашивалъ:

— Ну что, веселишься, Тарасъ Ермилычъ... а?

— Пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ, ваше превосходительство.

— А много грѣховъ, братецъ?

— Есть-таки, ваше превосходительство. Только родительскими молитвами держимся пока, а то давно бы крышка.

— Самъ хорошенько Богу молись, братецъ, — посовѣтовалъ генералъ и хотѣлъ выговорить вертѣвшееся на языкѣ словечко, но удержался.

Появленіе генерала въ саду было встрѣчено громкимъ тушемъ, а пьяные гости заорали ура. Генералъ по-военному отдалъ подъ козырекъ.

— Вы у насъ, ваше превосходительство, какъ отецъ родной,—повторялъ Тарасъ Ермилычъ стереотипную фразу:—а мы какъ дѣти неразумныя... Прямо сказать, какъ тараканы за печкой, жмемся около вашего превосходительства.

— Такъ, такъ... А Бога-то все-таки не слѣдуетъ забывать. Что это гости-ти у тебя раненько подмокли, Тарасъ Ермилычъ?

— Есть такой грѣхъ, ваше превосходительство...

При входѣ въ павильонъ генерала встрѣтила сама Авдотья Мироновна съ бокаломъ шампанскаго на подносѣ. Генералъ выпилъ при звукахъ новаго туша и расцѣловалъ застыдившуюся хозяйку по-отечески въ губы.

— Вотъ это хорошо, когда такая красавица хозяйка въ домѣ,—похвалилъ генералъ еще разъ.

— Милости просимъ...—по-дѣтски лепетала Авдотья Мироновна. — Не обезсудьте на нашей простотѣ, ваше превосходительство.

Гости, конечно, всѣ стояли на ногахъ, вытянувшись шпалерой около стѣны. Отъ хозяйки генералъ подошелъ къ протопопу Мелетію и принялъ благословеніе, какъ дѣлалъ всегда.

— А ты что здѣсь дѣлаешь, протопопъ? — освѣдомился генералъ. — Не въ свой приходъ залѣзъ.

— Больной нуждается во врачѣ, а не здоровый,—отвѣтилъ Мелетій съ обычной находчивостью. — Предъ серпомъ гнѣва Божія мы всѣ, какъ трава въ полѣ...

— А знаешь, что Петръ Великій сказалъ вотъ про это самое: предъ Господомъ-то Богомъ мы всѣ подлецы и мерзавцы. Вотъ какъ онъ сказалъ...

Кое съ кѣмъ изъ именитыхъ людей генералъ поздоровался за руку, а Смагина точно не замѣчалъ.

Появленіе генерала пріостановило кипѣвшее до него веселье, и гости разбились на отдѣльныя кучки. Генералъ сѣлъ на парадномъ мѣстѣ и посадилъ по одну руку молодую хозяйку, а по другую своего любимца протопопа Мелетія.

— Веселитесь, господа, я не желаю вамъ мѣшать, — обратился онъ къ остальнымъ.—Я такой же здѣсь гость, какъ и вы всѣ.

Это милостивое разрѣшеніе, конечно, не вернуло давешняго веселья, хотя нѣкоторые смѣльчаки и пробовали разговаривать вслухъ. Впрочемъ, всѣхъ утѣшало то, что генералъ не засидится. Тарасъ Ермилычъ былъ совершенно счастливъ: протопопъ Мелетій да Смагинъ выручатъ, а потомъ можно будетъ генерала за карты усадить. Важно то, что онъ не погнушался злобинскимъ домомъ и милостиво пожаловалъ. Однимъ словомъ, все шло какъ по-писаному.

— Сахъ-то ты что не садишься?—спрашивалъ генералъ хозяина.

— Хозяинъ, что чирей, ваше превосходительство: гдѣ захочетъ, тамъ и сядетъ.

Когда генерала усадили за карточный столъ, въ павильонѣ появился Савелій съ извѣстіемъ, что коробейникъ Илюшка сейчасъ придетъ. Это былъ общій любимецъ и баловень. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ появился и знаменитый Илюшка. Средняго роста, плечистый, съ кудрявой головой и типичнымъ русскимъ молодымъ лицомъ, онъ не былъ красавцемъ, но держалъ себя, какъ всѣ баловни—съ скучающей самоувѣренностью и легкой тѣнью презрительнаго равнодушія. Илюшка шелъ одѣтый, какъ всегда: курточка, сапоги бутылкой, за плечами коробъ съ вязниковскимъ товаромъ, а шапка въ лѣвой рукѣ—единственный знакъ почтенія къ собравшемуся обществу. Онъ и шелъ по садовой дорожкѣ своимъ вязниковскимъ шагомъ, согнувшись и подавшись лѣвымъ плечомъ впередъ—правое оттягивала назадъ коробка съ товаромъ.

— Ты что же это, Илюшка, и глазъ не кажешь? — накинулся на него Тарасъ Ермилычъ.—Какъ за архиереемъ, посла за тобой посылай.

Илюшка отвѣтилъ не сразу, а сначала поставилъ свою коробку на полъ, встряхнулъ кудрями и оглядѣлся.

— Некогда мнѣ, Тарасъ Ермилычъ. Видишь: товаромъ торгую...—отвѣтилъ Илюшка и посмотрѣлъ дерзко на хозяина.—И сюда пришелъ со своей музыкой.

— Ахъ, ты, ежовая голова! И товара-то твоего на расколотый грошъ, а ты еще разговоры разговариваешь...

— Для насъ и грошъ деньги, да другой грошъ мой-то потяжельше всей твоей тыщи будетъ.

— Ну, ну, достаточно. Этакій ты говоръ, Илюшка... Савелій, возьми у него коробъ да унеси въ горницу, а тебѣ, Илюшка, положенную сотенную бумагу.

— Много благодарны, Тарасъ Ермилычъ, а только короба я не продаю: что въ коробѣ—твое, а коробъ у меня завѣтный.

— Разговаривай: за завѣтное изъ спины ремень.

Илюшка ужъ не первый коробъ продавалъ такимъ манеромъ разгулявшемуся Тарасу Ермилычу и пряталъ сторублевую бумажку въ кожаный кисетъ съ такимъ видомъ, точно онъ дѣлалъ кому-то одолженіе. Такъ было и сейчасъ. Подручный Савелій даже прищурился отъ досады, — очень ужъ ловокъ былъ пройдоха - вязниковецъ: и деньги возьметъ да еще поломается всласть надъ самимъ Тарасомъ Ермилычемъ.

— Теперь литки, Илюшка,—пошутилъ кто-то.—Съ продажей надо поздравить тебя.

— Не потребляемъ,—отвѣчалъ Илюшка, не удостаивая спрашивавшаго даже взглядомъ.

— А ежели Тарасъ Ермилычъ тебя попроситъ рюмкой водки?

— Скажу спасибо на угощеньи, а выпить мою рюмку найдется охотниковъ.

— Тебя не переговоришь, Илюшка: съ зубами родился.

Появленіе Илюшки всегда сопровождалось подобными разговорами, — онъ умѣлъ отбрызаться, забавляя публику и не роняя собственнаго достоинства.

— Будетъ тебѣ ершиться, Илюшка,—уговаривалъ Тарасъ Ермилычъ:— лучше разуважь почтенную публику...

— Что же, ваше степенство, я не спорюсь, — совершенно другимъ тономъ отвѣтилъ Илюшка, встряхивая своими кудрями и опуская глаза.

Злобинъ махнулъ платкомъ музыкантамъ. Оркестръ грянулъ проголосную русскую пѣсню, одну изъ самыхъ любимыхъ. Илюшка совсѣмъ закрылъ глаза, приложилъ руку къ щекѣ и залился своимъ высокимъ теноромъ:

Не бѣлы-то снѣги въ полѣ забѣлилися...

Глассеръ взмахами своей палочки постепенно закрылъ трубы, контрабасъ, флейты и скрипки, и голосъ Илюшки разлился по всему саду серебристой струей. Весь павильонъ затихъ, а Илюшка все пѣлъ, изрѣдка полуоткрывая глаза, точно онъ самъ пьянѣлъ отъ своей пѣсни. Послышались тяжелые вздохи и восторженный шопотъ. Грозный генералъ слушалъ, склонивъ голову на-бокъ, секретарь Угрюмовъ совсѣмъ скорчился на своемъ стулѣ. Тарасъ Ермилычъ вытиралъ катившіяся слезы платкомъ. Смагинъ прищуренными глазами наблюдалъ Авдотью Мироновну, которая сидѣла за столомъ блѣдная-блѣдная, съ остановившимся взглядомъ, точно она застыла. Пѣсня уже замерла, а публика все еще не могла очнуться, пока Тарасъ Ермилычъ не крикнулъ:

— Хорошо, подлецъ!..

Поднялся настоящій гвалтъ. Всѣ полѣзли къ Илюшкѣ. Кто-то цѣловалъ его, десятки рукъ тянулись обнимать. На время всѣ позабыли даже о присутствовавшемъ генералѣ. Тарасъ Ермилычъ послалъ съ Савеліемъ оркестру сторублевую бумажку и опять махнулъ платкомъ. Передохнувшій Илюшка снова залился соловьемъ, но на этотъ разъ ужъ веселую, такъ что публика и присвистывала, и притоптывала, и заежилась, какъ отъ щекотки.

— Хорошій бы дьяконъ вышелъ изъ него,—замѣтилъ протопопъ Мелетій, показывая генералу глазами на Илюшку.—Тенористый...

— Нѣтъ, форейторъ вышелъ бы лучше,—спорилъ генералъ.

— Нѣтъ, дьяконъ!..

— Не спорь, протопопъ!..

— Дьяконъ!..

Заспорившихъ стариковъ помирилъ какой-то ловкой шуткой Смагинъ. Взглянувъ на него, генералъ вдругъ расхохотался: онъ вспомнилъ анекдотъ про свѣчку.

Десять пѣсенъ спѣлъ Илюшка и получилъ за нихъ сто рублей. Оркестру Злобинъ платилъ за каждую пѣсню тоже по сту рублей,—разошелся старикъ. Когда Илюшка кончилъ, Тарасъ Ермилычъ налилъ бокалъ шампанскаго и велѣлъ снохѣ поднести его пѣвуну. Авдотья Мироновна вся заалѣлась, когда Илюшка подошелъ къ ней.

— Ну-ка, погляжу я, какъ ты не выпьешь теперь?—весело спрашивалъ Тарасъ Ермилычъ, обнимая его.—Ну-ка?

Илюшка встряхнулъ своими кудрями, глянулъ на застыдившуюся хозяйку и единымъ духомъ выпилъ все вино, а бокалъ разбилъ объ полъ.

— Никогда капли въ ротъ не бралъ и не возьму больше, — говорилъ онъ, кланяясь хозяйкѣ въ поясъ.

— Ахъ, ты, разбойникъ!—журилъ его Злобинъ. — Посудину-то зачѣмъ расколотилъ? Ну, да Богъ съ тобой, Илюшка... Уважилъ.

Вскинувъ на богатырское плечо принесенный Савеліемъ пустой коробъ и поклонившись всей честной компаніи, Илюшка пошелъ отъ павильона, помахивая своей шапкой. Авдотья Мироновна проводила его своими грустными глазами до самаго выхода.

Этотъ праздникъ закончился совершенно неожиданной развязкой.

Когда Илюшка ушелъ, общее вниманіе опять сосредоточилось на генералѣ. Старикъ былъ въ духѣ, и всѣ чувствовали себя развязнѣе обыкновеннаго. Тарасъ Ермилычъ подсѣлъ къ генералу и весело спросилъ:

— Вашему превосходительству надоѣло, поди, наше мужицкое веселье? Сами-то мы лыкомъ шиты...

— Нѣтъ, зачѣмъ надоѣсть,—отвѣтилъ генералъ, улыбаясь.—А вотъ ты, Тарасъ Ермилычъ, какъ свои грѣхи будешь отмаливать?

— Обыкновенно, ваше превосходительство, какъ и всѣ протчіи...

— Обыкновенно?.. Да ты не стѣсняйся и разскажи, а мы съ протопопомъ послушаемъ... ну?..

Въ первую минуту Злобинъ не понялъ вопроса, а потомъ укоризненно посмотрѣлъ на Смагина. Эхъ, продалъ баринъ...

— Ну, что же ты молчишь?—приставалъ генералъ.—А то, хочешь, я и самъ могу разсказать, какъ ты Богу молишься.

— Зачѣмъ же вамъ утруждать себя, ваше превосходительство,—спохватился Злобинъ.—Это вы насчетъ свѣчки?..

— Вотъ за это люблю!—похвалилъ генералъ.—Уменъ... Ну, такъ,—какъ было дѣло?

Всѣ гости навострили уши, смутно догадываясь, что творится что-то совсѣмъ необыкновенное. Савелій стоялъ въ дверяхъ и чувствовалъ, какъ отъ послѣднихъ словъ Тараса Ермилыча у него захолонуло на душѣ. Не въ добрый часъ онъ разболталъ все Ардальону Павлычу... Человѣкъ, подъ которымъ подломился ледъ, вѣроятно, испытываетъ то же, что переживалъ сейчасъ Савелій: у него даже въ ушахъ зашумѣло, а передъ глазами пошли красные круги. Пропалъ, пропалъ, пропалъ... А Тарасъ Ермилычъ вытянулся передъ генераломъ и разсказалъ начистоту все, какъ было дѣло. Генералъ принимался нѣсколько разъ хохотать, прерывая разсказъ. Улыбался и протопопъ Мелетій, поглядывая на Смагина.

— Ну, и въ третій разъ прилѣпилъ свѣчку?—спрашивалъ генералъ.

— И въ третій...—глухо отвѣтилъ Злобинъ.—И въ третій... А потомъ, ваше превосходительство, бросилъ ее объ полъ и убѣжалъ изъ моленной. Вотъ такъ...

Послѣднія слова старикъ выговорилъ совсѣмъ красный, а затѣмъ выбѣжалъ изъ павильона. Генералъ только хотѣлъ захохотать, но такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ. Наступила минута мертвой тишины. Грузная фигура Тараса Ермилыча мелькнула уже на выходѣ изъ сада.

— Позвольте, зачѣмъ же онъ убѣжалъ?—недоумѣвалъ генералъ, обводя всѣхъ глазами.—Обидѣлся?

— Сіе не подобаетъ,—за всѣхъ отвѣтилъ протопопъ Мелетій.

Въ свою очередь, обиженный генералъ поднялся съ мѣста и, не простившись съ хозяиномъ, уѣхалъ домой.

VI.

Неожиданная размолвка съ генераломъ всей своей тяжестью обрушилась на подручнаго Савелія. Весь злобинскій домъ сразу затихъ. Тарасъ Ермилычъ изъ сада пробѣжалъ прямо въ моленную и тамъ заперся. Онъ неистовствовалъ, рвалъ на себѣ волосы и даже плакалъ: посмѣялся надъ нимъ генералъ при всѣхъ. Вспылилъ Тарасъ Ермилычъ не во-время, а теперь генералъ разсердился,—уломай-ка его. А безъ генерала дохнуть нельзя. Больше

всего бѣсило „идравнаго" и „карахтернаго" старика сознаніе своего полнаго безсилія. Что̀ нужно было бы сдѣлать по первому разу: Смагина въ шею, да и Савелья тоже—два сапога пара. Но, раздумавшись, Злобинъ сообразилъ, что именно этого и не слѣдуетъ дѣлать: Савелій разболтался не отъ ума, а безъ Смагина не обойтись. Кто помиритъ съ генераломъ, какъ не Ардальонъ Павлычъ? Придется ему же, Ардальону Павлычу, и кланяться. Чтобы сорвать на комъ-нибудь расходившееся сердце, Злобинъ позвалъ вечеромъ Савелья къ себѣ въ моленную и неистовствовалъ надъ нимъ часа два, и кричалъ, и ругался, и топалъ ногами, и за волосы таскалъ. А Савелій молчалъ, какъ зарѣзанный: кругомъ виноватъ, о чемъ же тутъ говорить.

— Передъ всѣмъ народомъ осрамилъ меня генералъ изъ-за тебя!—визжалъ Злобинъ, наступая на Савелья съ кулаками.—Легко это было мнѣ переносить? Голову ты съ меня снялъ своимъ проклятымъ языкомъ... Эхъ, показалъ бы я вамъ съ Ардальономъ Павлычемъ такую свѣчку, что другу и недругу заказали бы держать языкъ за зубами.

— Виноватъ, Тарасъ Ермилычъ...

— Да мнѣ-то отъ этого легче, а?.. Иродъ ты треокаянный...

Тяжелая злобинская наука продолжалась битыхъ два часа, такъ что Савелій вышелъ изъ моленной краснѣе варенаго рака, въ разорванной рубахѣ и съ синякомъ на лицѣ. Онъ какъ-то совсѣмъ одурѣлъ. Сызмала служилъ у Тараса Ермилыча, разсчитывалъ, что старикъ за вѣрную службу изъ подручныхъ опредѣлитъ куда-нибудь на свои золотые промыслы или на заводы смотрителемъ, на хорошее жалованье, а теперь все пропало. Не забудетъ Тарасъ Ермилычъ его провинности до смерти. Однимъ словомъ, вышло такое дѣло, что ложись и помирай... Да и на дворъ съ избитой рожей показаться было стыдно. Три дня Савелій пролежалъ у себя въ каморкѣ, а потомъ ужъ совсѣмъ тошно сдѣлалось. Вспомнилъ онъ про другого вѣрнаго раба Мишку, котораго лупила генеральша, и вечеркомъ отправился въ генеральскій домъ подѣлиться горемъ.

— Гдѣ это тебѣ морду-ту разрисовали? — удивлялся Мишка, разглядывая Савелія.—Ловко... Должно полагать, на самого натакался?

Въ каморкѣ Мишки, подъ генеральской лѣстницей, Савелій подробно разсказалъ все свое горе и какъ оно вышло. Мишка въ тактъ разсказа качалъ головой и въ заключеніе замѣтилъ:

— Бывало мое дѣло не лучше твоего. Нажалилась какъ-то генеральша на меня, такъ генералъ нагайкой меня лупцовалъ-лупцовалъ, такъ и думалъ: на мѣстѣ помру. Послѣ-то снялъ рубаху, такъ вся спина точно пьявками усажена... Вотъ какъ бываетъ, милый ты другъ!.. У тебя хоть причина есть, а у меня и этого не бывало.

— Усолилъ меня Ардальонъ Павлычъ,—жаловался Савелій: — кажется, взялъ бы да зубомъ его перекусилъ, какъ клопа... Съ ума онъ у меня нейдетъ! Лежу у себя и думаю: порѣшу я Ардальона Павлыча, и дѣлу тому конецъ, а самъ въ скиты убѣгу, и поминай, какъ звали.

— Ну, это ты напрасно, милашъ... Обожди, можетъ, и сойдетъ все. Вѣдь я вотъ терплю...

— Терпишь, Миша... ахъ, какъ терпишь! Я тебя въ прошлый-то разъ вотъ какъ пожалѣлъ.

Долго шла душевная бесѣда въ каморкѣ, подъ генеральской лѣстницей, и вѣрный рабъ Мишка все утѣшалъ вѣрнаго раба Савелья, а тотъ слушалъ и молчалъ. На прощанье Мишка неожиданно проговорилъ:

— Да послушай, Савелій, брось ты совсѣмъ своихъ кержаковъ! Ей-Богу, брось...

— Какъ же это такъ, бросить-то?—удивился Савелій, которому эта простая мысль даже въ голову не приходила. — Служилъ я безъ мала двадцать годовъ, а ты: брось...

— Другая собака цѣпная и больше служитъ, пока не удавятъ... Нѣтъ, что я тебѣ скажу-то, милашъ. Можетъ, оно и лучше, что Тарасъ Ермилычъ тебя отрепалъ на всѣ корки. Бываетъ... Когда ты въ прошлый разъ у меня былъ, такъ вотъ въ этой самой каморкѣ скрывался одинъ человѣкъ. Ко мнѣ приходилъ съ поклономъ, потому какъ ему гадалка судьбу сказала... Такъ, ничтожный человѣкъ, а попалъ черезъ меня къ случаю. Сосунова слыхалъ въ горномъ правленіи? Ну, такъ его съѣлъ Угрюмовъ до конца, а Сосуновъ теперь въ караванные попалъ. Моихъ рукъ дѣло... Улучилъ минуту, когда съ генераломъ на-днихъ въ заводъ ѣздили, и обстряпалъ все. Такъ вотъ я и скажу Сосунову—онъ тебя къ себѣ возьметъ... Положимъ, жила онъ собачья, Сосуновъ-то, а меня боится.

— Спасибо на добромъ словѣ, Михайла Потапычъ, а только я подумаю... Первое дѣло, надо мнѣ отместку Ардальону Павлычу сдѣлать. Живъ не хочу быть...

— Какъ я генеральшѣ?.. Вотъ за это люблю, Савелій. Ну, ин, подождемъ.

На этомъ вѣрные рабы и порѣшили, хотя предложеніе Мишки и засѣло въ головѣ Савелія желѣзнымъ клиномъ. Миронъ Никитичъ давно хотѣлъ прибрать къ своимъ рукамъ казенный караванъ—очень ужъ выгодное дѣло, ну, да онять, видно, сорвалось. Истинно, что вездѣ одно счастье: не родись ни уменъ ни красивъ, а счастливъ. Откуда злобинскіе милліоны—тоже счастье, а безъ счастья и Тарасу Ермилычу цѣна расколотый грошъ.

Савелій былъ своимъ человѣкомъ въ злобинскомъ домѣ, почти роднымъ, и мысль о томъ, что его нужно оставить, казалась ему несбыточной и дикой. Когда Савелій поступалъ къ Злобину, старикъ кое-какъ перебивался разными дѣлами. Была у него своя небольшая салотопенная заимка, при случаѣ бралъ Тарасъ Ермилычъ разные подряды и кое-какъ сводилъ концы съ концами. Вѣсть о сибирскомъ золотѣ прошла въ раскольничьемъ мірѣ довольно давно, ее разнесли разные сибирскіе старцы да шляющіеся божьи люди. Первыя попытки добраться до этого золота кончились неудачей, а предприниматели разорились, какъ Телятниковы или Часовниковы. Но эти неудачи не остановили Тараса Ермилыча. Былъ онъ тогда въ полной силѣ, продалъ свою заимку, перехватилъ деньжонокъ у разной родни и отправился пытать счастья въ далекую енисейскую тайгу вмѣстѣ съ Савельемъ. Легкая рука оказалась у Тараса Ермилыча,—отыскалъ онъ первое золото ровно черезъ годъ. На готовое дѣло все-таки нужны были большія деньги, но на этотъ разъ выручилъ старикъ Ожиговъ. Выговорилъ онъ себѣ половину всѣхъ чистыхъ доходовъ, тройные проценты, и выдалъ Злобину пятьдесятъ тысячъ. Ожиговскія деньги съ лихвой оправдались въ первый же мѣсяцъ, а тамъ золото полилось широкой рѣкой. На пріискѣ Завѣтномъ каждый день намывали по пуду золота,—какъ намыли пудъ, сейчасъ у конторы стрѣляла пушка, и всѣ работы шабашили. Такимъ образомъ въ какихъ-нибудь пять лѣтъ Злобинъ заработалъ чистенькій милліонъ. А дальше пошло уже бѣшеное золото... Черезъ десять лѣтъ Злобинъ купилъ лучшіе заводы на Уралѣ и женилъ своего сына на дочери Мирона Никитича,—злобинскіе и ожиговскіе милліоны соединились. Злобинская свадьба представляла собой что-то невѣроятное, и праздники затянулись на цѣлый годъ, да и конца имъ не предвидѣлось. Достаточно сказать, что скуплено было и выпито въ первый мѣсяцъ все шампанское, какое только можно было достать въ трехъ сосѣднихъ губерніяхъ.

Не могъ уйти Савелій изъ злобинскаго дома, да и оставаться въ немъ ему было хуже смерти. Еще съ Тарасомъ Ермилычемъ можно было помириться — крутъ сердцемъ да отходчивъ, а вотъ Ардальонъ Павлычъ на глазахъ какъ бѣльмо сидитъ. Благодаря размолвкѣ Тараса Ермилыча съ генераломъ, Смагинъ забралъ еще больше силы. Онъ уже нѣсколько разъ ѣздилъ въ генеральскій домъ для предварительныхъ развѣдокъ и возвращался съ загадочно-таинственнымъ лицомъ, а на нѣмой вопросъ хозяина только пожималъ плечами.

— Да я, кажется, ничего бы не пожалѣлъ, кабы насчетъ денегъ... — повторялъ удрученный горемъ Злобинъ. — Только утихомирить бы генерала, Ардальонъ Павлычъ.

— И деньги понадобятся въ свое время,—таинственно отвѣчалъ Смагинъ.—Деньги—сила.

— Сила-то сила, да какъ съ этой силой къ генералу подступиться?

— Надо подумать, Тарасъ Ермилычъ...

И Смагинъ думалъ. Каждый вечеръ на половинѣ Поликарпа Тарасыча шла крупная игра. Въ главныхъ парадныхъ покояхъ, гдѣ раньше стояло разливанное море, теперь было совсѣмъ тихо, а внизу съ вечера наглухо окна запирались желѣзными ставнями и собиралась своя небольшая компанія. Здѣсь играли въ большую игру, и выигрывалъ большею частью Смагинъ,— ему везло, какъ утопленнику. Проигрывались два горныхъ инженера, секретарь Угрюмовъ, казачій полковникъ, нѣсколько купчиковъ, а главнымъ образомъ самъ хозяинъ, Поликарпъ Тарасычъ. Старикъ Злобинъ, конечно, зналъ, чѣмъ занимаются на половинѣ сына, но приходилось молчать, потому что, ежели обидѣть Ардальона Павлыча, тогда вполнѣ зарѣзъ. Что думалъ Поликарпъ Тарасычъ, думалъ ли онъ вообще что-нибудь—трудно сказать. Къ вечеру онъ постоянно былъ сильно навеселѣ, усвоивъ привычку напиваться потихоньку отъ отца и жены. Единственное, что его занимало—это были карты, и онъ съ нетерпѣніемъ дожидался вечера, какъ праздника. Авдотья Мироновна показывалась къ гостямъ рѣдко и сидѣла одна въ своихъ комнатахъ, окруженная приживалками, странницами и божьими старушками. Съ мужемъ она видѣлась только утромъ, когда онъ совсѣмъ пьяный засыпалъ гдѣ-нибудь на диванѣ. Рѣдкіе случаи, когда онъ дѣлался съ ней ласковъ, заканчивались обыкновенно просьбой денегъ. Свои деньги Поликарпъ Тарасычъ давно проигралъ, у отца просить не смѣлъ и теперь проигрывалъ женино приданое, хотя Миронъ Никитичъ за дочерью и не далъ большихъ денегъ, а только обѣщалъ „не обидѣть“. Когда и эта статья была исчерпана, Поликарпъ Тарасычъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ Савелья, притворилъ дверь и безъ обиняковъ проговорилъ:

— Добывай денегъ...

— Т.-е. какъ денегъ, Поликарпъ Тарасычъ?

— А вотъ такъ... Хоть изъ своей кожи вылѣзь, а добывай. И чтобы отецъ ничего не зналъ, а то голову оторву. Вотъ тебѣ и весь сказъ... Вѣдь я единственный наслѣдникъ и разсчитаюсь.

— А ежели тятенька узнаютъ?

— Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ... Надѣйся на меня, не выдамъ.

Положеніе Савелія оказалось скверньѣе самаго скверная: и единственнаго наслѣдника злобинскихъ милліоновъ нельзя было обижать, и Тарасъ Ермилычъ могъ все узнать, и денегъ было достать трудно. Долго молчалъ Савелій, переминаясь съ ноги на ногу, пока не замѣтилъ:

— Вѣдь это прорва, Поликарпъ Тарасычъ... Я насчетъ Ардальона

Павлыча. Никакихъ денегъ для нихъ не хватитъ, и ничѣмъ ихъ не удивите.

— Ну, я тебѣ сказалъ свое, а ты мнѣ безъ денегъ на глаза не показывайся. Знать ничего не хочу, а деньги чтобы были... слышалъ?.. Да языкъ держи за зубами, чтобы вторая свѣчка не вышла...

Пришлось Савелью пуститься на разныя аферы. Обошелъ онъ всѣхъ тугихъ людей, которые тайно давали деньги подъ закладъ и большіе проценты, обошелъ еще болѣе тугихъ заимодавцевъ, выдававшихъ ссуды подъ двойные векселя своихъ раскольничьихъ стариковъ и старушекъ, скопившихъ на смертный часъ разныя крохи,—вездѣ взялъ, вездѣ просилъ и унижался, и все это было сейчасъ же проиграно. Пришлось закладывать брильянты и золотыя вещи Авдотьи Мироновны, а за это досталось бы вдвойнѣ: и отъ Тараса Ермилыча и отъ Мирона Никитича. Но и этого было мало: Поликарпъ Тарасычъ требовалъ все новыхъ денегъ. Когда всѣ статьи, такимъ образомъ, были исчерпаны, у Савелья опустились руки: денегъ взять было негдѣ. Но въ минуту такого глухого отчаянія людей озаряютъ иногда неожиданно счастливыя мысли: вѣрный рабъ Савелій вспомнилъ про вѣрнаго раба Мишку — вотъ у кого должны быть деньги. Старикъ Савелій слыхалъ, что Мишка ссужаетъ вѣрныхъ людей и что онъ же далъ новому каравашному Сосунову на первоначальное обзаведеніе. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Савелій отправился въ генеральскій домъ.

— Ну, что, милашъ, скажешь? — спрашивалъ Мишка. — Зажилъ съ лица-то? А меня генеральша полируетъ пуще прежняго...

Попросить денегъ съ перваго слова было неудобно, и Савелій долго мучилъ благопріятеля всевозможной околесиной, пока самому не надоѣло. Когда онъ, оглядѣвшись, заговорилъ о деньгахъ, Мишка отчаянно замахалъ руками. Какія у него деньги?.. Что и выдумаютъ добрые люди!.. Нашли денежнаго человѣка... Когда Савелій разсказалъ свое горе начистоту, Мишка задумался.

— Что бы тебѣ къ первому бы ко мнѣ прійти?—пенялъ онъ.—Можетъ, я нашелъ бы подходящаго человѣка... У самого-то у меня нѣтъ денегъ—извѣстное наше жалованье: четыре недѣли на мѣсяцъ получаемъ. Да притомъ и то сказать, сколько ни добудь, всѣ деньги проиграете Смагину... Вотъ еще человѣкъ навязался, подумаешь!.. Къ намъ онъ теперь зачастилъ и все больше съ моей генеральшей разговоры разговариваетъ...

Вѣрный рабъ Мишка оказался гораздо проще, чѣмъ предполагалъ Савелій,—поломавшись въ свою волю, онъ сразу отвалилъ три тысячи да еще безъ векселя, а просто на честное слово. Было выговорено всего одно условіе, именно, что Мишка вручитъ деньги лично Поликарпу Тарасычу, когда тотъ прикажетъ. Къ фамиліи Злобиныхъ Мишка чувствовалъ какое-то рабское довѣріе, не то, что къ Сосунову: что значатъ его гроши при злобинскихъ милліонахъ? А когда Тарасъ Ермилычъ умретъ, вѣдь всѣ милліоны достанутся Поликарпу, — онъ не забудетъ Мишкиной выручки. Въ назначенный день и часъ Мишка явился въ злобинскій домъ съ деньгами, и Поликарпъ Тарасычъ принялъ его очень вѣжливо и даже собственноручно подалъ стаканъ водки.

— Что же ты мало денегъ принесъ?—проговорилъ онъ, не считая пачку ассигнацій.—Такими пустяками не стоило тебя безпокоить...

— Всѣ, сколько есть, Поликарпъ Тарасычъ...

Конечно, и эти деньги постигла та же участь, какъ и добытыя Савельемъ раньше. Потребованный въ злобинскій домъ вторично, Мишка заперся: нѣтъ больше денегъ, и конецъ тому дѣлу.

— Что же я буду дѣлать, дуракъ ты этакій?—спрашивалъ Поликарпъ Тарасычъ.

— Не могу знать-съ...

— Вѣдь мнѣ нужны деньги до зарѣзу,—понимаешь?

— Попросите у Ардальона Павлыча: у нихъ теперь большія тысячи.

— Попроси-ка у него самъ... Ну, все это вздоръ!..

Поликарпъ Тарасычъ прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ и, схватившись за голову, заговорилъ:

— Несчастный я человѣкъ, Миша... И нѣтъ меня несчастнѣе во всемъ Загорьѣ! Всѣ меня считаютъ за богатаго: единственный злобинскій наслѣдникъ, женился на милліонщицѣ, а я долженъ просить денегъ у халуя. Камень на шею да въ воду—вотъ какая моя жизнь, Миша!

— Что вы, Поликарпъ Тарасычъ! Какія вы слова выговариваете?.. Просты вы очень, а тутъ лютый змѣй навязался...

Пожалѣлъ вѣрный рабъ Мишка милліоннаго наслѣдника за его простоту и еще далъ денегъ, но это ужъ было въ послѣдній разъ: у самого Мишки ничего не оставалось.

А Смагинъ продолжалъ все ѣздить въ генеральскій домъ и теперь бывалъ часто у одной генеральши, если генералъ куда-нибудь уѣзжалъ. Даже случалось какъ-то такъ, что Смагинъ точно зналъ, когда генерала нѣтъ дома. Впрочемъ, для проформы онъ всегда спрашивалъ въ передней вытягивавшагося въ струнку Мишку:

— Генералъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, Ардальонъ Павлычъ...

— Гм... какъ же это такъ?.. — вслухъ раздумывалъ Смагинъ и потомъ рѣшалъ:—ну, доложи генеральшѣ.

Но Мишкѣ и докладывать не приходилось, потому что Мотька уже выскакивала на верхнюю площадку лѣстницы и кричала:

— Пожалуйте, Ардальонъ Павлычъ... Ея превосходительство просили васъ пожаловать къ нимъ.

Мотька точно знала изъ минуты въ минуту, когда пріѣдетъ Смагинъ, что, конечно, не ускользнуло отъ зоркаго глаза Мишки. Что-то не спроста разгулялся ловкій баринъ... Конечно, Мотька знаетъ все, да только изъ нея правды топоромъ не вырубишь. О своихъ подозрѣніяхъ Мишка, конечно, никому не сообщалъ, но по пути припомнилъ разсказъ Сосунова, какъ онъ встрѣтилъ генеральшу у ворожеи Секлетиньи. О чемъ было ворожить генеральшѣ, да и не генеральское это дѣло разъѣзжать по вороженъмъ. Вообще, Мишкинъ носъ учуялъ что-то неладное, о чемъ онъ не смѣлъ даже догадываться...

Въ злобинскомъ домѣ Смагинъ держалъ себя съ прежнимъ гономъ, и Тарасъ Ермилычъ долженъ былъ все переносить. Что же, самъ виноватъ, зачѣмъ тогда дуракомъ убѣжалъ изъ павильона? Самодуръ-милліонеръ даже стѣснялся заговаривать со Смагинымъ о генералѣ; просто какъ-то совѣстно было, а самъ Смагинъ упорно молчалъ. Только разъ онъ привезъ какъ-то листъ и просилъ подписать какую-нибудь сумму на богоугодныя заведенія.

— Да сколько угодно!..—обрадовался Злобинъ.

— Не сколько угодно, а сколько нужно. Если подпишете много, это выйдетъ въ родѣ взятки,—поучалъ Смагинъ:—а это безтактно... Подписку собираетъ генеральша. Понимаете?

— Ну, а какъ мое дѣло, Ардальонъ Павлычъ?

— Нужно подождать... Генеральша обѣщала похлопотать за васъ, но

вѣдь вы сами знаете, какой человѣкъ генералъ. Устроится все помаленьку, только не нужно нахально лѣзть къ нему на глаза.

Эта благотворительная подписка повторялась нѣсколько разъ, но Злобинъ былъ радъ угодить генеральшѣ за ея хлопоты хоть этимъ. А результаты генеральскаго неблаговоленія уже давали себя чувствовать; по крайней мѣрѣ, самому Тарасу Ермилычу казалось, что всѣ смотрятъ на него уже иначе, чѣмъ раньше, и что на первый разъ горноправленскій секретарь Угрюмовъ совсѣмъ пересталъ бывать въ злобинскомъ домѣ, какъ корабельная крыса, почуявшая течь.

VII.

Выплаканныя у Мишки деньги, конечно, не спасли Поликарпа Тарасыча и ушли по тому же адресу, какъ и добытыя раньше. А игра шла все дальше, и Ардальонъ Павлычъ записывалъ уже хозяйскіе проигрыши въ кредитъ. Но и этому наступилъ конецъ. Разъ вечеромъ, прометавъ талію, Смагинъ отвелъ Поликарпа Тарасыча въ сторону и замѣтилъ лаконически:

— Такъ порядочные люди не дѣлаютъ, молодой человѣкъ...

— Это насчетъ денегъ, Ардальонъ Павлычъ? У меня ничего нѣтъ...

— А вы знаете, молодой человѣкъ, какъ это называется?..

Молодой человѣкъ молчалъ, уныло опустивъ голову. Смагинъ взялъ его своей желѣзной рукой за плечо, встряхнулъ и съ искаженнымъ бѣшенствомъ лицомъ прошепталъ:

— Подлостью называется, щенокъ, а подлецовъ бьютъ...

Результатомъ этой коротенькой домашней сцены было то, что подручный Савелій, несмотря на ночное время, полетѣлъ къ старику Ожигову. Это была отчаянная попытка, но нужно же было хотя что-нибудь сдѣлать...

Старинный ожиговскій домъ засѣлъ на берегу р. Порожней, у самаго выѣзда изъ города, гдѣ уже начинались салотопенныя заимки. Каменный двухъэтажный домъ строился не заразъ, а поэтому окна, выходившія на улицу, были неодинаковой величины и расположились на разной высотѣ. Злобинъ часто смѣялся надъ старикомъ Ожиговымъ по этому случаю и называлъ его домъ скворечницей. Старикъ прищуривалъ свои хитрые сѣрые глазки и, собравъ въ горсточку свою рѣдкую бородку клинышкомъ, отвѣчалъ всегда одно и то же: „Вотъ помру, тогда наслѣдники выстроятся по-твоему, сватушка, а мнѣ ужъ не къ лицу... Не по бородѣ намъ высокія-то хоромы, а кому надо, такъ не побрезгуютъ и моей избушкой!“

Когда Савелій подошелъ къ ожиговскому дому, на дворѣ завизжали блоки и раздался хриплый лай двухъ здоровенныхъ киргизскихъ волкодавовъ. Впрочемъ, во второмъ этажѣ въ двухъ самыхъ маленькихъ оконцахъ теплился слабый свѣтъ—значитъ, старикъ еще не спалъ. Савелій осторожно постучалъ въ калитку и отошелъ. Когда вверху отворилась форточка, онъ, по раскольничьему обычаю, помолитвовался:

— Господи Ісусе Христе, помилуй насъ...

— Аминь... Кто крещеный безъ поры, безъ время?

— Это я, Миронъ Никитичъ, подручный Савелій... Отъ Поликарпа Тарасыча посломъ пришелъ: дѣльце есть.

— Ахъ, полуночники!..—заворчала хозяйская голова и скрылась.

Савелью пришлось подождать довольно долго, пока свѣтъ наверху исчезъ и послышался стукъ отворявшихся дверей. Старикъ съ фонаремъ въ рукахъ шелъ на дворъ, потому что ключа отъ калитки въ ночное время онъ не довѣрялъ никому.

— Это ты, Савельюшка?—спросилъ онъ, не рѣшаясь створить калитку.

— Я, Миронъ Никитичъ... отъ Поликарпа Тарасыча.

Щелкнулъ желѣзный затворъ, точно кто чавкнулъ желѣзной челюстью, и калитка пріотворилась вполовину,—старикъ навелъ свѣтъ фонаря на ночного гостя, чтобы окончательно убѣдиться въ его подлинности. Попасть въ ожиговскій домъ и днемъ было труднѣе, чѣмъ въ острогъ, потому что никто не могъ войти въ него или выйти безъ вѣдома самого хозяина. Отъ калитки проведенъ былъ въ комнату Мирона Никитича шнурокъ, и онъ самъ отворялъ и затворялъ ее. Рѣдкіе выходы самого хозяина сопровождались чисто тюремными предосторожностями, да и самъ онъ походилъ не на хозяина, а на тюремщика.

— Добрымъ людямъ спать не даете,—ворчалъ старикъ, запирая калитку тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ.—Не стало вамъ дня-то, полуночники.

— Не своей волей я пришелъ, Миронъ Никитичъ...

— Знаю, Савельюшка: не къ тебѣ и слово молвится, а кто постарше тебя.

Они подошли къ ветхому деревянному крылечку съ узкой деревянной лѣстницей наверхъ. Пропустивъ Савелья впередъ, старикъ оглядѣлъ еще разъ весь дворъ и съ кряхтѣньемъ началъ подниматься за нимъ. Горькая была эта лѣсенка, и нуждавшіеся люди хорошо ее знали: рѣдко спускались по ней съ деньгами въ рукахъ. Самъ Тарасъ Ермилычъ хаживалъ по ней не одинъ разъ, — гордый былъ человѣкъ, но умѣлъ покориться. Въ низенькой темной передней Савелій остановился, пропустивъ хозяина впередъ.

— Я тебя по первоначалу-то и не узналъ, Савельюшка, — какимъ-то дребезжащимъ голосомъ бормоталъ Миронъ Никитичъ, еще разъ направляя свѣтъ фонаря на своего ночного гостя.—Нѣтъ, не узналъ, Савельюшка.

По своему обыкновенію, старикъ совралъ,—это была машинальная раскольничья ложь, ложь по привычкѣ никогда не говорить правды. Костюмъ загорскаго милліонера состоялъ изъ одной ветхой ситцевой рубахи, прихваченной узенькимъ ремешкомъ, и таковыхъ же синихъ портовъ,—дома изъ экономіи старикъ ходилъ босой. Маленькое сморщенное лицо глядѣло необыкновенно пристальными сѣрыми глазками и постоянно улыбалось; песочнаго цвѣта рѣдкіе волосы на головѣ, подстриженные раскольничьей скобой, и такого же цвѣта рѣдкая бородка клинышкомъ совсѣмъ еще не были тронуты сѣдиной, хотя Ожиговъ и былъ на цѣлыхъ десять лѣтъ старше свата Тараса Ермилыча. Крѣпкій былъ человѣкъ, хотя и выглядѣлъ сморчкомъ.

— Добро пожаловать, Савельюшка, — пригласилъ старикъ. — Заходи въ горницу-то... Гость будешь, хоть и ночью пришелъ.

Савелій вошелъ въ горницу и, прежде чѣмъ поздороваться съ хозяиномъ, положилъ передъ образомъ въ переднемъ углу входный начальъ, а уже потомъ проговорилъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Здравствуйте, Миронъ Никитичъ... Поликарпъ Тарасычъ наказалъ кланяться.

— Ну, садись, Савельюшка,—проговорилъ старикъ изъ фальшивой любезности.—Въ ногахъ правды нѣтъ...

— Ничего, и постоять можемъ, Миронъ Никитичъ... Не по чину намъ разсаживаться-то.

Такъ, такъ... Правильныя твои слова, Савельюшка. Что же, и постой... Твое дѣло молодое, а честь завсегда лучше безчестья.

Низенькая, давно штукатуренная комната, съ маленькими оконцами, голыми стѣнами и некрашенымъ, покосившимся поломъ, всего меньше могла

навести на мысль о милліонахъ. Меблировка состояла изъ жесткаго диванчика у внутренней стѣны, стариннаго комода въ углу, нѣсколькихъ стульевъ и простого стола. Два сундука, окованныхъ желѣзомъ, дорожка домашней работы на полу и стеклянный шкапикъ съ посудой дополняли обстановку. Пріотворенная дверь вела въ слѣдующую комнату, убранную еще бѣднѣе—тамъ стояла одна двухспальная кровать, и только. Старикъ жилъ въ этихъ двухъ комнатахъ одинъ-одинешенекъ, а другія горницы пустовали. Когда-то въ домѣ жила большая семья, но старуха-жена умерла, сыновья переженились и жили въ отдѣлѣ, дочери повыходили замужъ, и домъ замеръ постепенно, какъ замираетъ человѣкъ въ прогрессивномъ параличѣ, когда постепенно отнимаются ноги, руки, языкъ и сердце. Послѣднимъ живымъ человѣкомъ изъ ожиговскаго дома ушла Авдотья Мироновна, воспитанная по-монашески, и старикъ остался въ своемъ домѣ, какъ послѣдній гнилой зубъ во рту.

Заложивъ руки за спину, Савелій нѣсколько времени переминался съ ноги на ногу, не зная, съ чего ловчѣе начать. Ожиговъ сѣлъ на стулъ, уперся по-старчески руками о колѣни и, склонивъ голову немного на-бокъ, приготовился слушать. Когда Савелій началъ свой разсказъ, старикъ сосалъ безкровныя сухія губы и въ тактъ разсказа покачивалъ головой.

— Такъ, такъ, Савельюшка...—проговорилъ онъ, когда подручный кончалъ свою тяжелую исповѣдь.—А сколько денегъ нужно дорогому зятюшкѣ?

— Безъ десяти тысячъ не велѣлъ и на глаза показываться...

Старикъ вскочилъ, посмотрѣлъ на Савелія, какъ на сумасшедшаго, и громко расхохотался.

— Десять тысячъ?.. Да я сроду и не видывалъ такихъ денегъ. Нашли тоже у кого спросить денегъ: у бѣднаго старика. Пусть Поликарпъ Тарасычъ проситъ у отца, ежели ужъ такая нужда приспичила, у свата шальныхъ денегъ много.

— Вы знаете, какой карахтеръ у Тараса Ермилыча?—объяснялъ Савелій, не мѣняя позы.—Они могутъ даже и совсѣмъ изуродовать человѣка, ежели въ азартъ придутъ...

— А мнѣ какое до этого дѣло? Куда деньги Поликарпу Тарасычу да еще въ ночное время? Деньги, какъ курицы, на свѣту засыпаютъ... Да. Такъ и скажи своему Поликарпу Тарасычу... Знаю я, куда ему деньги нужны. Все знаю...

— Онъ заплатитъ, Миронъ Никитичъ, только вотъ сейчасъ зарѣзъ...

— Чужія слова говоришь, миленькій... У васъ тамъ дымъ коромысломъ идетъ, а я буду деньги платить?.. Знаю, все знаю... И Тарасу Ермилычу тоже скажи, чтобы пересталъ дурить. Наслушѝли всю округу... Очень ужъ расширился Тарасъ-то Ермилычъ. Такъ ему и скажи, а теперь ступай съ Богомъ: за Поликарпа Тарасыча я не плательщикъ...

Отвѣсивъ глубокій поклонъ, Савелій направился къ двери, но старикъ остановилъ его.

— Мишку-то генеральскаго видѣлъ?—спросилъ онъ.—Былъ онъ какъ-то у меня, горюнъ... Плохое его дѣло, да и намъ отъ этого не легче, Савельюшка. Приступу теперь не стало къ генералу... Сердитуетъ онъ на Тараса-то Ермилыча? Самъ виноватъ сватушка: карахтеръ свой ужъ очень уважаетъ. Ну, прощай...

Отъ самыхъ дверей Савелій еще два раза вернулся — это была ужъ такая привычка у Мирона Никитича.

— Караванъ-то, Савельюшка, уплылъ отъ насъ...—говорилъ онъ.—Миш-

кино дѣло, что онъ Сосунову достался. Не къ рукамъ, Савельюшка, а дѣльце тепленькое... Голенькія денежки на каравапѣ-то.

Самое главное старикъ всегда приберегалъ къ концу. Савелій зналъ эту повадку и не удивился, когда Миронъ Никитичъ догналъ его съ фонаремъ уже на лѣстницѣ.

— Савельюшка, что у васъ мутитъ всѣмъ этотъ баринъ вотъ, ну, какъ его тамъ звать-то?

— Ардальонъ Павлычъ Смагинъ...

— Вотъ онъ самый... Слышалъ я о немъ достаточно. Напрасно ему ввѣрился Тарасъ Ермилычъ да еще въ домъ къ себѣ взялъ: чужой человѣкъ хуже вòрога. И Поликарпа-то Тарасыча окружилъ этотъ Смагинъ... Все знаю, миленькій. Такъ и Поликарпу Тарасычу скажи: наказывалъ, молъ, тебѣ богоданный твой батюшка... Скажешь?

— Скажу, Миронъ Никитичъ.

— А денегъ у меня такихъ нѣтъ, да и въ заводѣ не бывало, Савельюшка. Только всего и осталось, чтобы похоронить чѣмъ было... Смертное для себя берегу.

Когда Савелій вернулся въ злобинскій домъ, Поликарпъ Тарасычъ встрѣтилъ его съ веселымъ лицомъ и даже пошутилъ:

— Небось, съ одной молитвой воротился отъ тестюшки?

— Отказали Миронъ Никитичъ...

— Ну, и плевать мнѣ... На всѣхъ плевать!

Такой неожиданный оборотъ дѣла не мало удивилъ Савелья. Смагинъ тоже улыбался и только усы покручивалъ. Ну, что же, устроились между собой — и любезное дѣло. Меньше хлопотъ!

Когда Савелій отправился къ себѣ въ каморку, его догналъ молодецъ и объявилъ, что генеральскій Мишка дожидаетъ въ кухнѣ уже два часа и уходить не хочетъ.

„Вѣрно, за своими деньгами приволокся? — подумалъ Савелій. — Тоже и нашелъ время...“

Онъ послалъ за Мишкой, чтобы шелъ къ нему въ комнату. Мишка явился, поздоровался, присѣлъ къ столу и осторожно оглядѣлся.

— Съ секретомъ пришелъ?—спросилъ Савелій, недовольный этимъ несвоевременнымъ визитомъ.

— Есть и секретъ, Савелій Гаврилычъ, — шопотомъ объяснилъ Мишка, продолжая оглядываться. — Такой секретъ, такой секретъ... Стою я давѣ у себя въ передней, а Мотька бѣжитъ мимо. Ну, пробѣжала халда-халдой да бумажку и обронила. Поднялъ я ее и припряталъ... А на бумажкѣ написано, только прочитать не умѣю, потому какъ безграмотный человѣкъ. Улучилъ я минутку и сейчасъ, напримѣръ, къ Сосунову, а Сосуновъ и прочиталъ: отъ генеральши отъ моей записка къ вашему Ардальону Павлычу насчетъ любовнаго дѣла. Вотъ какая причина, милый ты человѣкъ!

— А съ тобой бумажка?

Мишка досталъ изъ-за пазухи скомканный листочекъ почтовой розовой бумажки и передалъ Савелью.

— „Ми-лый, при-хо-ди вечеромъ... Свѣ-ча по-кажетъ“... — разбиралъ Савелій вслухъ. — „Пѣ-ту-ха не... не будетъ“. И все тутъ? Ну, это, братъ, ничего еще не значитъ: неизвѣстно, къ кому, и неизвѣстно, отъ кого.

— Говорятъ тебѣ: отъ генеральши!..

— Да вѣдь не подписано письмо-то?..

— Ахъ, какой ты непонятный!.. Ужъ говорю, что отъ самой генеральши.

Я ужъ давно примѣчаю за ней, что дѣло неладно. Зачастилъ къ намъ Ардальонъ-то Павлычъ и все норовитъ такъ, когда генерала дома нѣтъ. А откуда ему знать это самое дѣло, ежели сама генеральша, напримѣръ, не подражаетъ Ардальону Павлычу? Весьма это замѣтно, Савелій Гаврилычъ, когда человѣкъ немного въ разумѣ своемъ помутился... Ловка генеральша, нечего сказать, а оно все-таки замѣтно. Да...

— Ну, замѣтно, а намъ-то съ тобой какое горе отъ этого сталось?

— Эхъ, ты, малиновая голова! Да ежели бы, напримѣрно, услѣдить генеральшу да подвести генерала: обоимъ крышка — и моей генеральшѣ и твоему Ардальону Павлычу. Понялъ?

— А вѣдь ты правильно, Михайла Потапычъ... Мнѣ-то по первоначалу и невдомекъ, куда ты рѣчь ведешь, а теперь я расчухалъ. Ужъ чего бы отличнѣе, когда этакого медвѣдя натравить на нихъ...

— Онъ бы ихъ распатронилъ, генералъ, значитъ... Только и генеральша увертлива... Всѣ бабы на это ловки: у нихъ, какъ у мышей—входъ въ нору одинъ, а выходовъ десять. Ну, генеральша чистенько дѣло ведетъ,—комаръ носу не подточитъ...

— Какъ же мы ее добывать будемъ, Михайла Потапычъ?

Прежде, чѣмъ отвѣтить, Мишка еще разъ оглядѣлся и даже сходилъ и попробовалъ, плотно ли приперта дверь.

— Вотъ что, Савелій Гаврилычъ, — началъ онъ съ особенной торжественностью:—долго я думалъ объ этомъ. День и ночь думалъ, ну, и придумалъ... Залобуемъ и генеральшу и Смагина: какъ нить дадимъ. Только все это ужъ, какъ ты захочешь: все отъ тебя...

— Отъ меня? Изъ спины ремень вырѣзай хоть сейчасъ, только бы Ардальона Павлыча сплавить... Солонъ мнѣ онъ пришелся. Тарасъ Ермилычъ и глядѣть на меня не хочетъ...

— И безъ ремня дѣло обойдется, ежели съ умомъ. Ты только слушай, Савелій Гаврилычъ.

Мишка еще разъ оглянулся и продолжалъ уже шопотомъ.

— Изловить мнѣ генеральшу самому невозможно... Она вверху, а я туда доступа не имѣю. Все, значитъ, дѣло въ этой самой Мотькѣ... Можетъ, помнишь: увертливая такая дѣвка.

— Помню... ну?

— Не понимаешь?

— Ровно ничего не понимаю, хоть убей.

— Ты еще тогда съ ней какъ-то игру заигрывалъ, а она тебя обругала. Да... А потомъ пытала меня: женатый ты человѣкъ, или нѣтъ? Извѣстно, баба, все имъ надо знать. А я запримѣтилъ, что она и сама на тебя глаза таращитъ: когда ты придешь—она ужъ бѣсомъ по лѣстницѣ вертится. Вотъ ежели бы ты эту самую Мотьку приспособилъ, а потомъ бы черезъ нее все и вызналъ, а потомъ того, мы бы и накрыли генеральшу...

— Какъ будто зазорно, Михайла Потапычъ... Въ передѣлахъ бывалъ, а такими дѣлами не случалось заниматься.

— Да тебя-то убудетъ, что ли?

— Говорю: претитъ... Конечно, Мотька — ухо дѣвка, и побаловаться даже любопытно, только все-таки зазорно.

— Ну, какъ знаешь, Савелій Гаврилычъ... Мое дѣло сказать, а тамъ ужъ самъ догадаешься. А Мотька все знаетъ и все тебѣ обскажетъ, ежели ты ее въ оглобли заведешь... Бабы на это просты.

Какъ ни уговаривалъ Мишка, но Савелій уперся и ни за что не соглашался на его планъ. На этомъ и разошлись...

VIII.

Можетъ-быть, коварство вѣрнаго раба Мишки такъ и осталось бы въ области предположеній, но ему помогъ самъ Ардальонъ Павлычъ. Баринъ зазнался и при посторонихъ посмѣялся надъ Савеліемъ, разсказалъ все тотъ же несчастный анекдотъ о свѣчкѣ съ продолженіемъ. Подручный побѣлѣлъ отъ бѣшенства, когда всѣ хохотали, и сказалъ про себя только одну фразу:

— Погоди, собака, утру я тебѣ носъ...

Савелій въ тотъ же день отправился въ генеральскій домъ и отдалъ себя въ полное распоряженіе вѣрнаго раба Мишки.

— Такъ-то лучше будетъ, милашъ,—похвалилъ Мишка:—твоя-то не велика работа, а каково мнѣ потомъ достанется... А дѣльце наше вѣрное: всѣ знаки есть. Устигнемъ генеральшу, Савельюшка...

На этотъ разговоръ Мотька, конечно, не преминула выбѣжать. Свѣсившись, по обыкновенію, черезъ перила, она крикнула сверху:

— Типе вы, черти!.. Еще генеральшу разбудите.

— Что больно строга?—отвѣтилъ снизу Савелій.

— Вся тутъ: ужъ какая есть.

— Не пугай, Мотя... Еще ночью померещится, въ добрый часъ молвить.

— Тьфу! кержакъ немаканый...

Этой коротенькой сценой началась правильная осада засѣвшаго наверху непріятеля. Черезъ Мишку Савелій узналъ весь порядокъ генеральскаго дня, а главнымъ образомъ, когда Мотька бываетъ свободной. Такихъ минутъ, когда Мотька могла „удосужиться“, было, правда, немного, и ихъ приходилось ловить. Вѣрный рабъ Мишка въ эти рѣдкія минуты съ ловкостью заговорщика умѣлъ куда-нибудь скрыться, а Мотька сверху спускалась въ нижнюю переднюю, чтобы позубоскалить съ красивымъ кержакомъ. Дѣло пошло быстро впередъ, такъ что, если Савелій не показывался дня два, Мотька начинала сама приставать къ Мишкѣ съ разспросами.

— Отвяжись, худая жисть! — притворно ругался Мишка. — Я вотъ ужо доложу генеральшѣ, такъ будетъ тебѣ отъ нея два неполныхъ. Не дѣвичье это дѣло на чужихъ мужиковъ глаза пялить. Надо и стыдъ знать...

— Ахъ, ты, татарская харя!.. Я вотъ тебѣ „доложу“... Забылъ генеральскую-то нагайку?

Мотька хоть и ругалась съ Мишкой, но это было только одной формой и дѣлалось для видимости. Въ сущности Мотька сразу отмякла и больше не подводила Мишку подъ генеральскую грозу, а даже предупреждала, когда генеральша „въ нервахъ“. Мишка велъ свою политику и не показывалъ вида, что замѣчаетъ что-нибудь. Савелій настолько увлекся начатой игрой, что уже началъ стѣсняться Мишки и больше отмалчивался, когда тотъ что-нибудь разспрашивалъ.

— Ты ее изъ дому-то вымани поскорѣе,—училъ Мишка.— А тамъ ужъ вся твоя будетъ... Извѣстно, дура баба!.. Сразу отмякла... Какъ ты придешь, такъ у ней ужъ весь духъ подпираетъ.

— Не совсѣмъ ладное мы затѣяли, Михайла Потапычъ...—вздыхалъ Савелій, крутя головой.—Тоже и на насъ крестъ есть.

— Разговаривай... Эхъ, ты, Савелій! Баба ты, вотъ что я тебѣ скажу... Уйдетъ, видно, отъ насъ Ардальонъ Павлычъ!..

Пока Савелій не дѣлалъ попытки окончательно овладѣть Мотькой, ограничиваясь лясами въ передней и обмѣномъ довольно увѣсистыхъ любез-

ностей—то Мотька огрѣетъ его всей пятерней, то онъ Мотьку смажетъ во всю спину, такъ что у ней духъ займется. Она сама сильно сторожилась раскольника-подручнаго, потому что была православной.

Развязку подвинуло извѣстіе, принесенное Савеліемъ въ генеральскій домъ: Смагинъ выигралъ въ карты у Поликарпа Тарасыча желѣзный караванъ, стоявшій въ Лапшевѣ.

— Какъ караванъ?—изумился Мишка.

— А такъ... Поликарпъ-то Тарасычъ гонялъ-гонялъ меня за деньгами: у всѣхъ забрали, гдѣ только могли. Ну, а ему все мало... Принесешь утромъ, а вечеромъ онѣ въ карманѣ у Ардальона Павлыча. Подъ конецъ того дѣло пришло къ тому, что и занимать не у кого стало. Толкнулся я къ Мирону Никитичу...

— Крышка?

— Обыкновенно... Прихожу я къ Поликарпу Тарасычу, не солоно хлѣбавши, а онъ веселый такой, и Ардальонъ Павлычъ тоже, — значитъ, сладились промежду себя. Ну, думаю, и отлично, коли сладились, а наше дѣло маленькое, подневольное. Я такъ про себя положилъ, что али тятенька Тарасъ Ермилычъ разступился, али Ардальонъ Павлычъ на бумажкѣ записалъ Поликарпа-то Тарасыча... Все единственно для насъ. Хорошо... Только Ардальонъ Павлычъ все играетъ, а Поликарпъ Тарасычъ все проигрываетъ, и счетъ у нихъ идетъ на тысячи. Началъ я разузнавать, какъ и что, и вызналъ. Когда Поликарпъ-то Тарасычъ женился на Авдотьѣ Мироновнѣ, такъ Тарасъ Ермилычъ желѣзные-то заводы на его имя переписалъ, чтобы свой форцъ оказать передъ Мирономъ Никитичемъ. Ну, ежели заводы Поликарпа Тарасыча, значитъ, и желѣзо его... Онъ и бахнулъ весь караванъ Ардальону Павлычу, а въ караванѣ, легкое мѣсто сказать, четыреста тысячъ пудовъ желѣза. Это какъ по-твоему? Тарасъ-то Ермилычъ покедова сномъ дѣла ничего не знаетъ...

Вѣрный рабъ Мишка былъ совершенно ошеломленъ этимъ извѣстіемъ, точно Савелій ударилъ его по головѣ обухомъ.

— Невозможно... — проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія. — Тарасъ-то Ермилычъ, какъ дохлую кошку, разорветъ Поликарпа, когда узнаетъ все...

— И разорветъ, а Поликарпу все равно не сносить головы.

— Ахъ, какое дѣло, какое дѣло! — бормоталъ Мишка, качая головой.— Вотъ не было печали, такъ черти накачали... Да вѣрно ли ты вызналъ-то, Савельюшка?

— Да ужъ вѣрнѣе смерти... Дока на все Ардальонъ Павлычъ и правильный документъ съ Поликарпа взялъ.

Это сочувствіе и горестное изумленіе Мишки Савелій объяснилъ страхомъ за выданныя Поликарпу Тарасычу деньги и постарался его успокоить: единственный наслѣдникъ Поликарпъ Тарасычъ и не будетъ рукъ марать о такіе пустяки, когда цѣлаго каравана не пожалѣлъ. Въ случаѣ чего и Тарасъ Ермилычъ заплатитъ, чтобы не пущать сраму на свой домъ.

— Да не объ этомъ я, Савельюшка,—упавшимъ голосомъ перебилъ его Мишка. — Совсѣмъ не объ этомъ... Оставитъ насъ Ардальонъ Павлычъ съ носомъ на другой статьѣ: живой изъ рукъ уйдетъ, какъ живые налимы изъ пирога въ печи вылѣзаютъ!

— Это въ какихъ смыслахъ?

— А въ такихъ!.. Раскинь-ка умомъ-то, что теперь осталось выигрывать съ Поликарпа, — жена да рубаха, только и всего матеріалу. Ну, Ар-

дальонъ Павлычъ обязательно задастъ стрекача, а мы при генеральшѣ своей и останемся.

— А вѣдь это точно, Михайла Потапычъ, удивлялся Савелій собственной недогадливости: — ловить его надо, пса...

— Я тебѣ говорю... А ты валандаешься съ Мотькой задарма и только бобы разводишь. Говорю: уйдетъ Ардальонъ Павлычъ, коли мы его не накроемъ. Ждать, что ли, когда Тарасъ Ермилычъ все узнаетъ? Будетъ, насосался...

Чтобы поскорѣе „сострунить“ Мотьку, заговорщики придумали устроить притворную ссору и этимъ устранить возможность свиданій въ генеральскомъ домѣ. Прежде всего вѣрный рабъ Мишка накинулся на Мотьку:

— Эй, ты, чужая ужна, что̀ больно перья-то распустила?.. Мнѣ житья не стало отъ твоихъ-то хахалей!.. Чтобы и духу ихняго не было, а то̀ прямо пойду къ генералу и паду въ ноги: „разскажите, ваше высокопревосходительство, а подобныхъ безобразіевъ въ вашемъ собственномъ домѣ не могу допустить“. Слышала?

— Миша, голубчикъ, да въ умѣ ли ты? — уговаривала напугавшаяся Мотька.—Да съ чего ты разъершился-то?

— А ты у меня поговори еще!.. Я тебѣ покажу феферу...

Какъ Мотька ни упрашивала, Мишка остался непреклоненъ, точно бѣсъ на немъ поѣхалъ. Въ первый же разъ, какъ только пришелъ Савелій, вѣрный рабъ Мишка привязался къ нему.

— Да ты что̀ это повадился къ намъ, немаканое рыло?

— Михайла Потапычъ, да вы только выслушайте...

— Было бы кого слушать!.. Мораль по всему городу пущаешь... Подумалъ бы, куда съ рыломъ-то своимъ лѣзешь?.. а?..

— А вы не очень, Михайла Потапычъ... Мы и сами сдачи сдадимъ, коли къ намъ въ домъ придете.

— Мнѣ? сдачи?.. Да я...

Дальше разстервенившійся вѣрный рабъ схватилъ Савелія и вытолкалъ его на улицу. Мотька слышала всю эту сцену, спрятавшись на верху лѣстницы, и горько плакала. А Савелій поднялъ съ земли упавшій картузъ, погрозилъ Мишкѣ въ окно кулакомъ и отправился къ себѣ домой,—только его Мотька и видѣла.

Вечеромъ этого же дня Мишка сидѣлъ въ каморкѣ Савелія и весело бахвалился.

— Что̀, ловко я тебя саданулъ, Савельюшка?

— Ничего-таки... Знакомому чорту тебя подарить, такъ, пожалуй, и назадъ отдастъ.

— А Мотька-то ревѣла-ревѣла... И глаза у ней опухли. Только бы намъ ее изъ дому выманить... Такъ я говорю? Ты этакъ вечеркомъ около дома-то по тротуару разика два пройдись, а Мотька ужъ сама вывернется за ворота. Смотри, улетитъ нашъ Ардальонъ Павлычъ.

Затѣянная комедія была разыграна до конца, какъ по нотамъ. Савелій не показывался въ генеральскій домъ цѣлую недѣлю, а потомъ послалъ Мишкѣ вѣрнаго человѣка, чтобы поскорѣе завернулъ въ злобинскій домъ. Когда Мишка пришелъ, Савелій даже не взглянулъ на него, какъ виноватый, а только проговорилъ:

— Черезъ три дни генералъ поѣдетъ по заводамъ и тебя возьметъ съ собой, а генеральша поставитъ на окно въ гостиной свѣчку... Это у нихъ знакъ такой. Съ террасы есть ходъ въ садъ, вотъ по этому ходу Ардальонъ Павлычъ и похаживаетъ къ генеральшѣ, когда генерала дома нѣтъ.

— И-из-о!.. А вѣдь и точно, Савельюшка: есть такой ходъ. Вѣрное твое слово...

— У нихъ ужъ давно такія непадобныя дѣла, а генеральша нисколько не боится. Ардальонъ Павлычъ сказалъ Мотькѣ, что убьетъ ее, ежели языкъ развяжетъ...

— Дѣла! Въ лучшемъ видѣ, Савельюшка...

— Мое дѣло сдѣлано, а теперь ужъ ты приступивай генералыпу, какъ знаешь.

— Охъ, ужъ и не говори лучше: пришелъ мой смертный часъ!..—вздохнулъ Мишка.—Разразитъ меня генералъ по первому слову, ужъ это я внолнѣ чувствую.

Савелій глухо молчалъ и все отвертывался отъ Мишки: его заѣдала мысль, изъ-за чего онъ сдѣлался предателемъ. Совѣстно было своего же сообщника, а ужъ про другихъ людей и говорить нечего... И Мишку сейчасъ Савелій ненавидѣлъ, какъ змѣя-искусителя. Но, когда Мишка сталъ прощаться съ нимъ, точно собирался умирать, Савелій поотмякъ.

— Ничего, Михайла Потапычъ, не сумлѣвайся очень-то: Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. Пронесетъ и нашу тучу мѳрокомъ...

— Не знаю, останусь живъ, не знаю — нѣтъ... — уныло повторялъ Мишка.—На медвѣдя, кажется, легче бы итти. Ну, чего Господь пошлетъ... Прощай, Савельюшка, не поминай лихомъ!

Прежде чѣмъ объявиться генералу, Мишка отправился въ церковь и отслужилъ молебенъ Ивану-Воину и все время молился на колѣняхъ.

Выждавъ время, когда генеральша уѣхала изъ дому куда-то въ гости, а Мотька улизнула къ Савелію, Мишка смѣло заявился прямо въ кабинетъ къ генералу. Эта смѣлость удивила генерала. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ персидскомъ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ читалъ „Сынъ Отечества“. Мишка только покосился на длинный черешневый чубукъ, но возвращаться было уже поздно.

— Чего тебѣ?—сурово спросилъ генералъ, на мгновеніе исчезая въ облакѣ табачнаго дыма.

Мишка перекрестился и бухнулъ прямо въ ноги генералу.

— Ну?—коротко спросилъ генералъ, сурово глядя на валявшагося въ прахѣ вѣрнаго раба.

Путаясь и перебивая свои собственныя слова, Мишка началъ свой доносъ, но генералъ поблѣднѣлъ при первомъ же упоминовеніи полненькой генеральши.

— Что-о?!..—грянулъ онъ, и черешневый чубукъ засвистѣлъ въ воздухѣ.—Да какъ ты смѣешь, рракалллія?! Меррзавецъ...

Бой на этотъ разъ былъ непродолжителенъ: и чубукъ сломался, и генералъ задохся отъ волненія. Вѣрный рабъ Мишка ползалъ у его ногъ и повторялъ одно:

— Икону сниму, ваше превосходительство... съ мѣста мнѣ не сойти, ежели я хоть единымъ словомъ совру... Не таковское дѣло, чтобы облыжныя слова говорить. Завсегда, какъ свѣча, горѣлъ передъ вашимъ превосходительствомъ...

Генералъ былъ страшенъ. Недавняя блѣдность на лицѣ смѣнилась багровыми пятнами, руки судорожно сжимались, глаза смотрѣли на Мишку съ такимъ выраженіемъ, точно генералъ хотѣлъ его проглотить. Переведя духъ, онъ схватилъ Мишку за горло и прошепталъ:

— Ну, говори, Іуда... говори, змѣй... задушу своими руками, если соврешь хоть одно слово!..

Стоя на колѣняхъ, Мишка разсказалъ по порядку все, что разыгралось у генеральши и о назначенномъ ближайшемъ свиданіи. Генералъ слушалъ его съ закрытыми глазами и только вздрагивалъ, когда въ разсказѣ Мишки упоминалось имя пепиньки генеральши. А если предатель Мишка говоритъ правду? Если... Когда Мишка кончилъ, генералъ, не открывая глазъ, махнулъ ему только рукой, чтобы убирался. Избитый и окровавленный вѣрный рабъ, прихрамывая, вышелъ изъ кабинета и въ душѣ поблагодарилъ Бога, что такъ дешево отдѣлался: первая и самая трудная половина дѣла была сдѣлана, а тамъ ужъ что Богъ дастъ. На его счастье, никто въ домѣ не слыхалъ о происходившемъ въ кабинетѣ избіеніи, и у генеральши не могло явиться ни малѣйшей тѣни подозрѣнія, когда она вернулась домой. Генералъ сказался больнымъ и на ключъ заперся у себя въ кабинетѣ. Это случилось еще въ первый разъ, что старикъ былъ боленъ—онъ никогда не хворалъ, какъ настоящій николаевскій генералъ, закаленный на военной службѣ. Впрочемъ, генеральша не особенно встревожилась: мало ли старики хвораютъ, да и ей было до себя.

Вечеромъ генералъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ Мишку и, не глядя на него, какъ подручный Савелій, проговорилъ:

— Черезъ три дня я ѣду съ тобой на заводы... понимаешь? Будь готовъ... Да скажи, чтобы на дворѣ къ нашему отъѣзду была приготовлена фельдъегерская тройка. Это на всякій случай...

Эти роковые три дня вѣрный рабъ Мишка оставался ни живъ ни мертвъ, какъ приговоренный къ казни. О настроеніи генеральши онъ могъ догадываться только по Мотькѣ, которая вихремъ летала черезъ его переднюю. Генералъ долженъ выѣхать днемъ позже, и эта неаккуратность бѣсила генеральшу.

— Ты какъ будто не совсѣмъ здорова?..—замѣтилъ ей генералъ за обѣдомъ въ день отъѣзда.

— Нѣтъ, ничего, папочка.

— Я могу и не ѣздить, если тебѣ нездоровится.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, папочка... Я не желаю, чтобы ты изъ-за меня упускалъ свою службу.

Сомнѣній больше не могло быть...

Генералъ выѣхалъ нарочно подъ вечеръ, когда спускались мягкія лѣтнія сумерки. Генеральша провожала его съ особенной нѣжностью до самаго подъѣзда. Мишка сидѣлъ на козлахъ, какъ преступникъ на эшафотѣ. Наступалъ рѣшительный часъ, отъ котораго зависѣло все.

— Тройка готова? — спросилъ генералъ, когда они выѣзжали изъ воротъ.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство...

Къ удивленію Мишки, генералъ былъ совершенно спокоенъ и молча покуривалъ свою сигару. Генеральская пятерка во весь карьеръ вылетѣла изъ города и понеслась по тракту къ злобинскимъ заводамъ, но на десятой верстѣ генералъ велѣлъ остановиться, повернуть назадъ и ѣхать въ городъ. У заставы онъ вышелъ изъ экипажа, молча сдѣлалъ Мишкѣ знакъ слѣдовать за собой и солдатскимъ мѣрнымъ шагомъ пошелъ по улицѣ. Ночь была темная, такъ что высокая фигура генерала не обращала на себя особеннаго вниманія. Вѣрный рабъ Мишка плелся за нимъ, какъ грѣшная душа. Такъ они дошли до каѳедральнаго собора, повернули на плотину и пошли по набережной къ генеральскому дому. Мишка первый замѣтилъ одиноко горѣвшую на окнѣ гостиной сигнальную свѣчку и молча указалъ на нее генералу.

Хорошо, подлецъ, —отвѣтилъ старикъ.—Ты карауль у сада, а я пойду къ подъѣзду.

Мишка притаился у садовой калитки, а генералъ зашагалъ къ воротамъ, въ которыхъ и скрылся, незамѣченный даже зазѣвавшимся часовымъ. Наступила минута рокового затишья. Мишка приготовился схватить врага за горло и жадно вслушивался въ нѣмую тишину ночи, нарушаемую только мѣрными шагами часового. Но вотъ въ верхнемъ этажѣ мелькнулъ тревожный свѣтъ, гдѣ-то быстро распахнулась дверь, и Мишка не успѣлъ мигнуть, какъ кто-то съ балкона второго этажа бросился на улицу, перевернулся въ воздухѣ и однимъ прыжкомъ перелетѣлъ черезъ желѣзную рѣшетку набережной, въ воду.

— Держи, держи!—крикнулъ Мишка, но уже было поздно—по пруду быстро плыла черная точка.

Что происходило въ генеральскомъ домѣ—осталось неизвѣстнымъ. Но черезъ полчаса къ подъѣзду подкатила фельдъегерская тройка, генералъ самъ усадилъ въ экипажъ свою полненькую генеральшу вмѣстѣ съ Мотькой и махнулъ рукой.

Генеральша навсегда исчезла изъ Загорья, какъ тѣнь.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло ровно двадцать лѣтъ... Много воды за это время успѣло утечь, а дѣйствіе нашего разсказа переносится съ Урала за тысячи верстъ, на берега одѣтой въ гранитъ Невы.

Былъ солнечный осенній день, одинъ изъ тѣхъ дней, когда солнце точно старается согрѣть землю по-лѣтнему и не можетъ. Эта безсильная старческая ласка кладетъ на все печать усталости и какой-то спеціально-осенней, тихой грусти. И небо какое-то грустное, точно и тамъ, вверху, незримо отлетѣла животворящая сила, а въ мглистомъ осеннемъ воздухѣ носится невидимая глазомъ паутина. Общее впечатлѣніе отъ такого дня похоже на то, что какъ будто гдѣ-то умеръ дорогой человѣкъ, но вы еще сомнѣваетесь въ его смерти, и въ душѣ чувствуется смутный протестъ противъ этого уничтоженія. Хочется вѣрить, что онъ живъ, вотъ именно этотъ самый дорогой человѣкъ, а сердце не можетъ мириться съ самымъ словомъ: смерть. Но есть и своя поэзія въ такихъ осеннихъ дняхъ—убывающая жизнерадостная энергія наводитъ на мысль о покоѣ, о томъ мірѣ, который при всякомъ освѣщеніи остается равенъ самому себѣ и который неизмѣримо больше озаряемаго видимымъ солнцемъ. Это умиротворяющая философія, которая залѣчиваетъ самыя глубокія раны и успокаиваетъ самыя безпокойныя сердца.

Итакъ, былъ солнечный осенній день. По тротуару одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова медленно шелъ сгорбленный, но все еще высокій старикъ, тяжело опиравшійся на камышевую палку. Одѣтъ онъ былъ въ военное генеральское пальто. Отставной генералъ подвигался впередъ медленно, не обращая ни на кого вниманія: онъ дѣлалъ свою обычную предобѣденную прогулку. Потухшіе сѣрые глаза смотрѣли кругомъ совершенно безучастно и не замѣчали встрѣчавшихся лицъ. Да и что ихъ было замѣчать, когда все это были незнакомыя, чужія лица, которымъ тоже рѣшительно не было никакого дѣла до отставного желтаго николаевскаго генерала. Это былъ, какъ читатель догадывается, знаменитый генералъ Голубко, гроза и трепетъ

цѣлаго горнаго міра. Поровнявшись съ Среднимъ проспектомъ, старикъ повернулъ въ аллею налѣво и направился къ знакомой зеленой скамеечкѣ, на которой отдыхалъ во время своихъ прогулокъ каждый день. На этой скамеечкѣ его уже поджидалъ другой старикъ, тоже высокій и рослый, съ окладистой сѣдой бородой и широкимъ, умнымъ, русскимъ лицомъ.

— Вашему превосходительству...—проговорилъ сидѣвшій на скамейкѣ старикъ, снимая заношенный бархатный картузъ.

— Здравствуй... Какъ поживаешь, Тарасъ Ермилычъ?

Злобинъ—это былъ онъ—только горько усмѣхнулся и показалъ глазами на свою лѣвую ногу, разбитую параличомъ. Прогремѣвшій на всю Сибирь милліонеръ обыкновенно каждый день въ это время поджидалъ на завѣтной скамеечкѣ грознаго генерала, чтобы вспомнить вмѣстѣ далекую старину и посѣтоваться о настоящемъ. Такъ было и сейчасъ. Когда генералъ усѣлся на скамьѣ, Злобинъ сейчасъ же заговорилъ съ оживленіемъ:

— А мое дѣльце, ваше превосходительство, опять поступило въ сенатъ. Такъ на возу и привезли, потому какъ вѣсомъ оно одиннадцать пудовъ. Накопилось достаточно писаной-то бумаги за восемнадцать годковъ. Да...

— Нынче плохо разбираютъ дѣла, Тарасъ Ермилычъ,—уныло отвѣтилъ генералъ:—ежели бы оно поступило ко мнѣ, такъ я бы его въ три дня кончилъ... Забыли меня *тамъ*, не нуженъ сталъ. Молодые умнѣе хотятъ быть насъ, стариковъ... Ну, да это еще посмотримъ!

Со старческимъ эгоизмомъ собесѣдники думали и говорили только о своихъ личныхъ дѣлахъ и относились другъ къ другу скептически: генералъ не вѣрилъ ни на грошъ въ знаменитое одиннадцатипудовое злобинское дѣло, а Злобинъ не вѣрилъ, что грознаго генерала вспомнятъ и призовутъ. При встрѣчахъ каждый говорилъ только о себѣ, не слушая собесѣдника, какъ несбыточнаго мечтателя.

— Мнѣ бы только воротить енисейскіе золотые промыслы,—заговорилъ Злобинъ, продолжая мысль, начатую еще дома.—А остальному всему попустился бы, ваше превосходительство.

— Если бы я обкрадывалъ казну, бралъ взятки, какъ другіе...—отвѣчалъ генералъ, продолжая свою собственную мысль, начатую еще третьяго-дня.—О, тогда другое бы дѣло!.. За мной бы всѣ ухаживали, какъ *тогда*... Знаешь, что я скажу тебѣ, Тарасъ Ермилычъ: дуракъ я былъ! Всѣ кругомъ меня брали жаренымъ и варенымъ, а я вѣрилъ въ ихъ честность. Зато они живутъ припѣваючи на воровскія деньги, а я съ одной своей пенсіей... Дуракъ, дуракъ и еще разъ дуракъ!..

— А какія деньги прошли черезъ мои руки тогда, ваше превосходительство? Въ десять лѣтъ я добылъ въ Сибири больше двухъ тысячъ пудовъ золота, а это, говорятъ, двадцать пять милліоновъ рубликовъ чистенькихъ. И куда, подумаешь, все дѣвалось? Ежели бы десятую часть оставить на старость... Ну, да Богъ милостивъ: вотъ только дѣло въ сенатѣ кончится, сейчасъ же махну въ енисейскую тайгу и покажу нынѣшнимъ золотопромышленникамъ, какъ надо золото добывать. Тарасъ Злобинъ еще постоитъ за себя...

— Есть у меня одинъ хорошій человѣкъ въ горномъ департаментѣ,—я его и опредѣлилъ туда, когда самъ былъ въ силѣ. Завернулъ онъ ко мнѣ вечеркомъ и говоритъ: „Андрей Ильичъ, еще ваше время не ушло... Придутъ и сами поклонятся“. А я говорю ему: „Пожалуй, ужъ я старъ... Не стало прежней силы!“—„Что вы, говоритъ, Андрей Ильичъ, да вы еще за двоихъ молодыхъ отвѣтите, а главное—рука у васъ твердая!“ Хе-ке... Вѣдь твердая

у меня рука, Тарасъ Ермилычъ?.. Куда имъ, нынѣшнимъ фендрикамъ... Распустили все, сами себѣ яму копаютъ.

— Главная причина та, ваше превосходительство, что сибиряки меня судами довхали... Легкое мѣсто сказать, судиться восемнадцать лѣтъ! Все просудилъ, что было нажито, а остальное растащили да сынокъ промоталъ... Сперва-то, какъ сибиряки на меня поднялись, я точно медвѣдь, который въ капканъ лапой попалъ, зарычалъ на всѣхъ. На силу на свою понадѣялся, а надо было потихоньку да лаской, да пріунищиться, да съ задняго крыльца по судамъ-то, да барашка въ бумажкѣ. Дуракъ я былъ, ваше превосходительство, потому что ихъ много, а я одинъ. Такъ и медвѣдя въ лѣсу маленькими собачками травятъ... А какіе я убытки бралъ по своей гордости? Бить меня тогда некому было, пряменько сказать...

Старики постепенно разгорячались отъ этихъ обидныхъ старческихъ воспоминаній, размахивали руками и совсѣмъ уже не слушали другъ друга.

— А этотъ подлецъ Мишка, который у меня въ передней стоялъ столько лѣтъ и оказался первымъ воромъ?..—кричалъ генералъ, размахивая палкой.—Вѣдь я вѣрилъ ему, Іудѣ, а онъ у меня подъ носомъ воровалъ... Да если бы я только зналъ, я бы кожу съ него снялъ съ живого! По зеленой улицѣ бы провелъ да плетежками, плетежками... Не воруй, подлецъ! Не воруй, мерзавецъ... Да и другимъ закажи, шельмецъ!.. А ловкій тогда у меня въ Загорьѣ палачъ Аѳонька былъ: такъ бы расписалъ, что и другу и недругу Мишка заказалъ бы не воровать. Аѳонька ловко орудовалъ...

Генералъ даже поднялся съ лавки и принялся размахивать палкой, показывая, какъ палачъ Аѳонька долженъ былъ вразумлять плетью грѣшную плоть вѣрнаго раба Мишки. Прохожіе останавливались и смотрѣли на старика, принимая его за сумасшедшаго, а Злобинъ въ тактъ генеральской палки качалъ головой и смѣялся старчески-дѣтскимъ смѣхомъ. Въ самый оживленный моментъ генералъ остановился съ поднятой вверхъ палкой, такъ его поразила мелькнувшая молніей мысль.

— Тарасъ Ермилычъ, а что было бы, если бы я этого подлеца, Мишку, прогналъ тогда?—спрашивалъ генералъ.—Вѣдь онъ главный-то воръ былъ?

— То и было бы, что на его мѣсто поступилъ бы другой такой же Мишка...

— Нѣтъ, ты это ужъ врешь... Развѣ у меня глазъ не было?.. Да я... да какъ ты смѣешь мнѣ такъ говорить?.. Съ кѣмъ ты разговариваешь-то?

— Ваше превосходительство, успокойтесь...—уговаривалъ Злобинъ, какъ ребенка, расходившагося генерала.—Сдуру я сболтнулъ... А всего лучше, мы самого Мишку допросимъ. Ей-Богу... Тутъ рукой до него подать.

Старческая бесѣда уже не въ первый разъ заканчивалась такимъ рѣшеніемъ: допросить вѣрнаго раба Мишку. Они пошли по Среднему проспекту, свернули направо, потомъ налѣво, и остановились передъ трехъэтажнымъ каменнымъ домикомъ, только-что окрашеннымъ въ дикій сѣрый цвѣтъ. Злобинъ шелъ съ трудомъ, потому что разбитая параличомъ нога плохо его слушалась, и генералъ въ критическихъ мѣстахъ поддерживалъ его за руку.

— Вотъ, полюбуйся!..—иронически замѣтилъ генералъ, тыкая палкой на прибитую надъ воротами домовую вывѣску.—У него, подлеца, и фамилія сказалась.

Вывѣска была довольно оригинальная: „Собственный домъ 3-й гильдіи купца Михайлы Потапыча Ручкина“, и генералъ каждый разъ прочитывалъ ее нелухъ, точно желалъ еще сильнѣе проникнуться презрѣніемъ къ вору Мишкѣ. Дворникъ, замѣтившій издали гостей, побѣжалъ на всякій случай предупре-

дить хозяина, и Михайла Потапычъ Ручкинъ встрѣтилъ ихъ собственной особой на дворѣ собственнаго дома. Онъ былъ въ спинджакѣ, въ сапогахъ бутылкой и въ ситцевой рубашкѣ, а по глухому жилету распущена была толстая серебряная цѣпочка—настоящій купецъ третьей гильдіи, точно на заказъ сдѣланъ. На видъ онъ почти совсѣмъ не постарѣлъ, а только разбухъ, и ноги сдѣлались точно короче.

— Пожалуйте, дорогіе гости... Ваше превосходительство, Тарасъ Ермилычъ, родимые мои! Вотъ уважили-то...

— Погоди, вотъ я тебя уважу, Іуду!— погрозилъ ему генералъ палкой.

Ручкинъ жилъ въ самой плохой квартирѣ, на дворѣ; окна выходили прямо къ помойной ямѣ. Недосягаемая мечта вѣрнаго раба Мишки имѣть свой собственный домъ осуществилась, и Михайла Потапычъ Ручкинъ изнемогалъ теперь отъ домовладѣльческихъ расчетовъ, занимая самую скверную квартиру въ этомъ собственномъ домѣ. Онъ ютился всего въ двухъ комнаткахъ, загроможденныхъ по случаю накупленной мебелью.

Когда старики вошли въ квартиру, тамъ оказался уже гость, сидѣвшій у стола. Онъ такъ глубоко задумался, что не слыхалъ ничего. Это былъ сгорбленный, худой, изможденный старикъ съ маленькой головкой. Ветхая шинелишка облекала его какими-то мертвыми складками, какъ садится платье на покойника. Ручкинъ взялъ его за руку и увелъ въ полутемную сосѣднюю каморку, гдѣ у него стояли завѣтные сундуки.

— Это еще что у тебя за птица?—грозно спросилъ генералъ.

— А такъ, несчастный человѣкъ, ваше превосходительство,—уклончиво отвѣтилъ Ручкинъ и потомъ уже прибавилъ шопотомъ:—караваннаго Сосунова помните, ваше превосходительство? Онъ самый... Въ большомъ несчастіи находится и скрывается отъ кредиторовъ: гдѣ день, гдѣ ночь. По старой памяти вотъ ко мнѣ иногда завернетъ... Боится, что въ ямѣ его заморятъ кредиторы.

— Воръ!..—гаркнулъ генералъ.—Такой же воръ, какъ и ты, Мишка... Нѣтъ, ты хуже всѣхъ, потому что всѣ другіе съ опаской воровали, а ты у меня подъ носомъ. Какъ ты тогда кожу съ меня не содралъ?

— Сосуновъ, говоришь?—вслухъ соображалъ Злобинъ.—Какъ же это такъ: вѣдь онъ въ большихъ капиталахъ состоялъ. Десять лѣтъ караванъ-то грабилъ.

— Нашлись добрые люди и на Сосунова, Тарасъ Ермилычъ: до ниточки раздѣли... Голенькій онъ теперь, въ чемъ мать родила. И даже очень просто...

Хозяинъ усадилъ гостей на диванъ и суетливо бѣгалъ изъ комнаты въ компату, вытаскивая разное барское угощеніе—початую бутылку елисеевской мадеры, кусокъ сыра, коробку сардинъ и т. д.

— Перестань бѣгать-то, Мишка,—уговаривалъ его генералъ.—Намъ не твое угощеніе нужно, а тебя... По дѣлу пришли.

— Сею минуту, ваше превосходительство... Истинно сказать, что съ праздникомъ меня сдѣлали... Не знаю, чѣмъ васъ и принимать.

Когда Ручкинъ успокоился наконецъ, старики принялись его допрашивать.

— Заспорили мы, Мишка, что бы было, если бы тогда генералъ тебя въ шею?—объяснялъ Злобинъ.

— Т.-е. когда же это, Тарасъ Ермилычъ?

— А когда, значитъ, они на генеральшѣ женились...

Ручкинъ весело взглянулъ на своихъ гостей и только засмѣялся.

— Я такъ полагаю, что безъ меня вашему превосходительству никакъ бы невозможно было управиться,—смѣло отвѣтилъ Ручкинъ.—Брать я, точно

брать, но зато другимъ никому не давалъ брать... У меня насчетъ этого было строго: всѣмъ крышка. А безъ меня-то что бы такое было? Подумать страшно...

— Ахъ, ты, каналья!.. засмѣялся генералъ и сейчасъ же нахмурился, припомнивъ эпизодъ съ полненькой генеральшей.

— Вѣдь я какъ бралъ, ваше превосходительство: видѣть не могъ живого человѣка, чтобы не оборвать его. Жадность во мнѣ страшная объявилась... Беру, и все мнѣ мало, все мало. Прямо сказать: прорва, ненасытная утроба. А что было, когда я генеральшу утихомирилъ?.. Всѣ ко мнѣ бросались, всѣ понесли, а я еще больше ожадѣлъ, потому наверстать было надо время-то... Вы-то тогда окончательно мнѣ довѣрились, ваше превосходительство, ну, я и рвалъ, въ томъ родѣ, какъ истощенный волкъ. Не потаю, потому дѣло прошлое: прямо веревку мнѣ тогда на шею слѣдовало да камень, да въ воду...

— Ахъ, подлецъ!.. Плетежками бы тебя, шельмеца... Помнишь палача Аоньку?

— Какъ не помнить, ваше превосходительство... Это вы правильно: слѣдовало и плетежками за мое звѣрство. Какъ раздумаюсь иногда про старое-то, точно вотъ сонъ какой вижу: свѣтленько пожили въ Загорьѣ тогда. Одинъ Тарасъ Ермилычъ какой пыли напустили... Ахъ, что только было, ваше превосходительство! Ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать...

Эти воспоминанія о прошломъ всегда оживляли стариковъ, особенно Злобина. Но сейчасъ генералъ какъ-то весь опустился и затихъ. Онъ не слушалъ совсѣмъ болтовни своего проворовавшагося вѣрнаго раба, поглощенный какой-то новой мыслью, тяжело повернувшейся въ его старой головѣ. Наконецъ онъ не выдержалъ и заплакалъ... Мелкія старческія слезинки такъ и посыпали по изрытому глубокими морщинами лицу.

— Ваше превосходительство, что съ вами?—спохватился Ручкинъ.— Господь съ вами... Да перестаньте, ваше превосходительство!..

— Довольно... будетъ...—шепталъ генералъ.—Зачѣмъ ты тогда подвелъ меня съ генеральшей? Не былъ бы я теперь одинъ... Что жъ, она была молодая, я старикъ... я такъ бы ничего и не узналъ... да и узналъ бы послѣ времени, такъ простилъ бы ее. Слышишь: простилъ бы!.. Ахъ, Мишка, Мишка, отчего я тебя не прогналъ тогда.

— А оно тово, ваше превосходительство...—замялся Ручкинъ.—Дѣйствительно, по человѣчеству ежели разсудить, такъ слѣдовало меня прогнать и даже весьма...

Чтобы понять тяжелую сцену, разыгравшуюся въ квартирѣ Ручкина, мы вернемся назадъ, къ тому времени, когда Смагинъ, соскочившій съ балкона генеральскаго дома, быстро переплывалъ прудъ. Домой онъ вернулся весь мокрый, въ одномъ бѣльѣ—сапоги потомъ нашли на берегу, а платье исчезло въ водѣ. На утро онъ навсегда исчезъ изъ злобинскаго дома, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, его имя прогремѣло на всю Россію, какъ одного изъ крупнѣйшихъ сибирскихъ золотопромышленниковъ: злобинскія деньги пошли впрокъ. Что касается полненькой генеральши, то она кончила очень печально гдѣ-то въ Москвѣ, содержанкой какого-то купца. Съ ней безслѣдно исчезла и Мотька.

Вѣрный рабъ Мишка, избывъ генеральшу, забралъ еще бо́льшую силу, чѣмъ до генеральской женитьбы, потому что генералъ теперь довѣрился ему вполнѣ. Онъ бралъ взятки артистически и далеко превзошелъ секретаря золотого стола Угрюмова и консисторскаго протопопа Мелетія. Особенно поживился Мишка въ крымскую кампанію, когда доставилъ Сосунову крупный подрядъ по доставкѣ артиллерійскихъ снарядовъ, орудій и оружія. Условія были изуми-

тельныя: Сосуновъ взялъ подрядъ, безъ конкуренціи, по 87 коп. за пудъ и сейчасъ же сдалъ его Саввелію по 17 коп. за пудъ. Получилось чистаго барыша по 70 коп. съ каждаго пуда, а такихъ пудовъ были сотни тысячъ. Сосуновъ, такимъ образомъ, въ двѣ навигаціи сдѣлался крупнымъ капиталистомъ, Мишкѣ тоже перепало тысячъ пятьдесятъ, да и Саввелій не остался въ накладѣ. Всѣ трое оправдали исконную русскую поговорку, что стоитъ казеннаго козла за хвостъ подержать и т. д. Дальнѣйшая исторія Сосунова представляла яркій примѣръ неумѣнья распорядиться дико нажитыми деньгами. У него было около милліона, но всѣ эти деньги ушли межъ пальцевъ: выстроилъ онъ громадную мельницу—мельница сгорѣла, выстроилъ домъ-дворецъ, купилъ на югѣ громадный конскій заводъ, открылъ залежи графита и т. д. Эти предпріятія поглотили всѣ деньги Сосунова, а самъ онъ остался нищимъ на старости лѣтъ и долженъ былъ скрываться отъ кредиторовъ уже въ Петербургѣ.

Но поучительнѣе всего была исторія злобинскихъ милліоновъ.

Примиреніе съ генераломъ состоялось въ непродолжительномъ времени, конечно, благодаря содѣйствію Мишки. Но генералъ уже былъ не тотъ: точно полненькая генеральша унесла съ собой всю его служебную энергію. А дѣла у Злобина запутывались все сильнѣе, съ каждымъ днемъ. Давили его и „родные сибиряки“, и петербургскіе дѣльцы высокаго полета, и разныя неудачи со своими уральскими заводами, а больше всего, конечно, своя злобинская гордость. Знаменитая злобинская свадьба, продолжавшаяся цѣлый годъ, закончилась очень печально: во-первыхъ, скоропостижно умеръ виновникъ этого торжества Поликарпъ Тарасычъ, и умеръ очень подозрительно, во-вторыхъ, съ тихой и покорной Авдотьей Мироновной случилась бѣда... Впрочемъ, эта послѣдняя исторія такъ и остается неразъясненной: молодая женщина влюбилась въ коробейника, пѣсенника Илюшку. Такъ, по крайней мѣрѣ, повторяла молва, связывая съ этой романической исторіей печальный конецъ Поликарпа Тарасыча. Коробейникъ Илюшка открылъ въ Загорьѣ большой галантерейный магазинъ и поживалъ припѣваючи. Онъ уже успѣлъ объявить себя несостоятельнымъ три раза и три раза разсчитывался съ кредиторами по 17 коп. за рубль,—эти 17 копеекъ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ таксы для слѣдующихъ купеческихъ банкротствъ, вошедшихъ въ Загорьѣ, съ легкой руки Илюшки, въ моду. Только своихъ соловьиныхъ пѣсенъ Илюшка больше не пѣлъ: онъ точно забылъ ихъ въ злобинскомъ домѣ. Авдотья Мироновна коротала свою жизнь въ полномъ одиночествѣ, забытая злобинской родней. Свадьба открыла собой посыпавшіяся на голову Тараса Ермилыча бѣды. Но это былъ одинъ изъ тѣхъ крѣпкихъ людей, которые могутъ переломиться, но не согнуться—онъ и переломился. Когда денежная сила была надорвана, на Злобина посыпались всевозможные случаи: между прочимъ, выплыло на свѣтъ Божій и „дѣло о мертвомъ тѣлѣ енисейскаго купца Тураханова“. Кажется, ужъ все было кончено и позабыто, но нашлись родственники, которые стали обвинять Злобина въ убійствѣ. Дѣло было пустое, какъ знали и судьи, и свидѣтели, и сами родственники, но Злобинъ все-таки попалъ въ тюрьму, и это окончательно сломило его. Такія дѣла возможны были только въ Сибири при старыхъ сибирскихъ судахъ. Ходили слухи, что все это дѣло поднято было Смагинымъ, которому нужно было захватить въ свои руки лучшіе злобинскіе промысла,—онъ нарочно отправился въ Енисейскъ, розыскалъ родню Тураханова и заварилъ кашу. Ни деньги, ни заступничество генерала Голубко—ничто не могло спасти Злобина, опутаннаго цѣпкими тенетами. Изъ тюрьмы онъ вышелъ совершенно сѣдымъ. Оправданіе было получено тогда, когда уже все было сдѣлано, чтобы его обезсилить окончательно. Докончила его налетѣвшая на Уралъ строгая

сенаторская ревизія, открывшая на заводахъ массу злоупотребленій. Его вторично арестовали и сослали въ Финляндію, а на дѣла наложили опеку. Казенные опекуны растащили послѣднія крохи злобинскихъ богатствъ, такъ что въ концѣ концовъ онъ оказался должнымъ казнѣ, и все его имущество поступило въ конкурсъ и было распродано по частямъ для покрытія сдѣланнаго опекунами казеннаго долга. Цѣлыхъ десять лѣтъ, дорогихъ лѣтъ, прожилъ Злобинъ въ Финляндіи, откуда вернулся нищимъ и поселился въ Петербургѣ, чтобы хлопотать по своимъ безконечнымъ дѣламъ. Всѣ министерства, всѣ департаменты и комиссіи отлично знали высокую фигуру Злобина, ходившаго по своимъ дѣламъ, какъ на службу. Департаментскіе сторожа считали его своимъ человѣкомъ. Злобинъ совершенно ушелъ въ эту работу и по недѣлямъ просиживалъ въ разныхъ архивахъ, откапывая все новые документы по своимъ дѣламъ. Чиновники смотрѣли на Злобина, какъ на сумасшедшаго, и тянули разными обѣщаніями, совѣтами и несбыточными надеждами. Этотъ типъ сумасшедшаго просителя хорошо извѣстенъ каждому департаментскому сторожу.

Генералъ Голубко слетѣлъ со своего мѣста по той же сенаторской ревизіи, которая унесла и Злобина. Наступало новое время, время преобразованій и новыхъ людей. Военный режимъ казеннаго горнаго дѣла отошелъ въ вѣчность, а съ нимъ вмѣстѣ и генералъ Голубко. На него были сдѣланы какіе-то начеты и начато было даже дѣло, но все это было покрыто „милостивымъ манифестомъ“. Генералъ былъ честный человѣкъ и остался при половинной пенсіи, которой сейчасъ и существовалъ.

Интересна была встрѣча генерала и Злобина въ Петербургѣ, въ одномъ изъ департаментовъ. Они не видались лѣтъ десять, но поздоровались такъ, точно разстались вчера.

— А у меня на-дняхъ все кончается...—заявилъ Злобинъ, вытаскивая старый большой бумажникъ съ документами.—Всего-то одной пустой бумажонки недоставало. Добылъ ее, и теперь все пойдетъ, какъ по маслу...

Злобинъ тутъ же въ передней разложилъ на окнѣ разные документы и принялся читать ихъ генералу. Потомъ вытащилъ изъ другого кармана связку писемъ отъ разныхъ сильныхъ людей, обѣщавшихъ свое содѣйствіе и посильную помощь. Генералъ терпѣливо выслушалъ все, а потомъ угостилъ тѣмъ же Злобина, хотя и не въ такихъ размѣрахъ,—у него тоже были и вѣрные документы и письма. Мимо нихъ проходили чиновники, кончившіе службу, проходили ходатаи, просители, но они ничего не хотѣли замѣчать, поглощенные своими дѣлами. Когда департаментъ опустѣлъ, дежурный сторожъ подошелъ къ нимъ и объявилъ:

— Господа, сейчасъ двери будутъ запирать... пожалуйте.

— Какъ пожалуйте?—вспылилъ-было генералъ, но сейчасъ же сложилъ бережно свои драгоцѣнныя бумаги, спряталъ ихъ въ карманъ и пошелъ покорно къ выходу.

Единственной отрадой выбывшихъ изъ строя отставныхъ людей были ихъ ежедневныя встрѣчи во время предобѣденнаго генеральскаго гулянья, когда они могли подѣлиться и своими воспоминаніями, и надеждами, и горестями. Эти встрѣчи отравляла только мысль о томъ, кто первый не выйдетъ на такую прогулку...

Торжествовалъ одинъ вѣрный рабъ Мишка.

1891.

ВОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ЯШКА.

I.

Глубокая осень. Послѣдній осенній караванъ „выбѣжалъ изъ камней“ только къ 8-му сентября. На рѣкѣ Чусовой „камнями“ бурлаки называютъ горы. Пониже камней Чусовая катится уже въ низкихъ берегахъ. Скалы и хвойный лѣсъ быстро смѣняются самой мирной сельской картиной: по берегамъ стелется пестрая скатерть пашень, заливныхъ луговъ и рѣдкихъ перелѣсковъ. Изрѣдка выглянетъ глухая деревушка, изрѣдка мелькнетъ далекая сельская церковь... и опять глухой просторъ на десятки и сотни верстъ.

Выбѣжавъ изъ камней, караванъ отдыхалъ. Тяжелая бурлацкая работа осталась позади,—тамъ, гдѣ, сдавленная каменными кручами, рѣка бурлила и играла, какъ дикій звѣрь. Опасность плаванія усложнялась осенними дождями, которые подпирали рѣку въ нѣсколько часовъ иногда аршина на два. Главнымъ образомъ играли безыменныя горныя рѣчушки; онѣ стремительно несли въ Чусовую дождевую воду, что̀ скатывалась съ горъ. Такъ бываетъ только осенью, когда земля уже достаточно пропитается влагой.

— Теперь будемъ переваливаться съ плеса на плесъ, какъ блинъ по маслу,—говорилъ бурлакъ Яшка, дѣлая преуморительную рожу.

— У тебя вездѣ масло на умѣ,—ворчалъ сплавщикъ *) Лупанъ, припоминая послѣднюю хватку, когда Яшка напился до зла горя.—Все ищетъ, гдѣ полегче да гдѣ плохо лежитъ. У непутеваго человѣка и разговоръ непутевый...

На баркѣ было шестнадцать бурлаковъ и въ томъ числѣ три бабы. Собрались они съ разныхъ сторонъ: какіе-то отбившіеся отъ работы заводскіе мастеровые, двое татаръ изъ Казанской губерніи; остальные—свой чусовскій прибрежный народъ, выросшій на сплавахъ.

Изъ этой пестрой массы Яшка выдѣлился сразу, какъ непутевый человѣкъ. Средняго роста, какой-то весь взъерошенный, кривой на одинъ глазъ—однимъ словомъ, не настоящій мужикъ, а такъ, какъ мякина въ зернѣ. Особенно страдалъ Яшка по части одежды: на немъ, кромѣ пестрядиной рубахи и такихъ же штановъ, ничего не было. И это̀ въ сентябрѣ, когда и холодъ, и вѣтеръ, и холодный осенній дождь.

— Какъ же это ты такъ ошибся одежой-то?—журилъ его водоливъ **).

— А вотъ за работой согрѣюсь... Который Богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ.

— Пропилъ одежу-то?

Яшка только встряхивалъ головой и улыбался. Что̀ же, было дѣло!.. Кто

---

*) Лоцманъ.

**) Водоливъ откачиваетъ воду изъ барки и въ то же время служитъ сторожемъ.

его зналъ, что на рѣкѣ по ночамъ такъ студено будетъ. Ну, да одежда—дѣло наживное: не съ одеждой жить, а съ добрыми людьми.

Такихъ молодцовъ на баркѣ было еще трое, и все забубенные пьяницы. Яшка отличался отъ нихъ только особеннымъ мужицкимъ балагурствомъ, которое иногда переходило въ шутовство. Шутовства-то ему и не прощали. Можно быть пьяницей и забулдыгой, чѣмъ угодно, но только не шутомъ. А Яшка не могъ утерпѣть—нѣтъ-нѣтъ да и выкинетъ колѣнце, такъ что всѣ помираютъ со смѣху:

— Ахъ, Яшка, хрѣнъ тебѣ въ голову!.. Ну и Яшка!

На третій день сплава, когда барка бѣжала еще въ камняхъ, Яшка чуть не подрался.

Дѣло было такъ:

Раннимъ утромъ барка бѣжала мимо лѣсистаго берега. Бурлаки стояли сумрачные, озябшіе, озлобленные. Съ рѣки такъ и поддавало холоднымъ осеннимъ туманомъ. Яшка стоялъ у потеси *) вмѣстѣ съ другими и корчился, какъ грѣшная душа. Вдругъ онъ прищурилъ зрячій глазъ и жалостливымъ голосомъ проговорилъ:

— Эхъ, кабы ружье!..

— А что, Яша?

— Да вотъ жаркое-то какъ насвистываетъ...

Въ лѣсу, дѣйствительно, перекликались рябчики.

— И вкусенъ теперешній осенній рябчикъ, — объяснялъ Яшка. — Ишь, какъ выдѣлываетъ, шельмецъ!.. Разъ!—и жаркое. Нѣтъ лучше этого осенняго рябчика... Падаетъ убитый съ дерева, такъ кожа у него отъ жира лопается.

— Да ты охотникъ, что ли, непутевая голова?

— Случалось... Лѣтъ съ двадцать ружьишкомъ промышлялъ.

— Куда же ты его дѣлъ, ружье-то?..

Яшка хотѣлъ объяснить, но его предупредилъ какой-то шутникъ:

— Да онъ его пропилъ, ружье-то...

— Я? пропилъ?..

Яшка вдругъ обидѣлся, и это послужило потѣхой для всей барки. Такъ могъ сдѣлать только непутевый человѣкъ. Настоящій мужикъ и вида не показалъ бы, что его задѣли за живое, а Яшка выдалъ себя головой.

— Ахъ, Яша, Яша, зачѣмъ же это ты ружье-то пропилъ? — притворно жалѣли его. — Вотъ теперь и стой у потеси... Ѣлъ бы жареныхъ рябчиковъ, кабы ружье-то... Ахъ, Яша, Яша!..

— Ничего вы не понимаете, черти! — ругался Яшка. — Ѣдалъ я этихъ самыхъ рябчиковъ достаточно. И глухарей, и утокъ, и косачей—сколько даже угодно.

Слово за слово — и дѣло кончилось дракой. Яшку едва оттащили отъ большого, здоровеннаго бурлака, въ котораго онъ вцѣпился, точно кошка.

II.

Слышу я всю эту перебранку. Вглядываюсь въ лицо Яшки и вдругъ припоминаю такой же ненастный осенній день въ горахъ, ночлегъ въ охотничьемъ балаганѣ, неожиданное появленіе глухой ночью охотника-промышленника... Это былъ онъ, Яшка! Какъ это я не узналъ его сразу?.. А между тѣмъ лицо у Яшки принадлежало къ числу тѣхъ лицъ, которыя трудно забыть.

*) Потеси—длинныя бревна съ широкой доской на концѣ; онѣ служатъ вмѣсто руля.

Впрочемъ, наша встрѣча происходила ночью, а раннимъ осеннимъ утромъ Яшка уже ушелъ на промыселъ. На разстояніи пяти-шести лѣтъ такихъ встрѣчъ—сотни, и можно забыть даже самое замѣтное лицо.

Да и Яшка сильно постарѣлъ, какъ-то весь вылинялъ, совсѣмъ подходилъ къ однимъ изъ тѣхъ пропащихъ людей, изъ какихъ составляются бурлацкія ватаги.

Непонятно было одно: какъ Яшка, вольный человѣкъ-охотникъ, попалъ въ бурлацкую неволю?

— А ты меня не признаёшь?—обратился я къ нему, когда Яшка грѣлся у огонька, горѣвшаго посреди барки на особомъ очагѣ.

Яшка равнодушно посмотрѣлъ на меня своимъ единственнымъ глазомъ, почесалъ затылокъ и проговорилъ:

— Какъ будто и не припомню этакого барина...

— А какъ-то на Бѣлой горѣ вотъ также осенью ночевали вмѣстѣ въ балаганѣ?.. Ты за рябчиками ходилъ...

Яшкино лицо точно просвѣтлѣло.

— А вѣдь точно...—заговорилъ онъ какъ-то особенно быстро.—Ахъ, ты, братецъ ты мой!.. Еще у васъ тогда собачка рыженькая была, на переднюю ножку припадала? Вотъ-вотъ... У меня тогда тоже собака, Куфта, была—аккуратный песикъ! Вотъ какъ глухарей по осенямъ на лиственяхъ облаивала... спѣлую бѣлку искала!.. И на медвѣдя хаживала!..

Эти воспоминанія были прерваны новымъ взрывомъ досады:

— А вотъ привелъ Господь бурлачины отвѣдать, баринъ!.. Самый пустой народъ... „Ружье,—говорятъ,—пропилъ“, а того не понимаютъ, галманы, что такое ружье. Развѣ его можно пропивать?.. Нѣтъ, прямые подлецы они, баринъ, вотъ это самое бурлачье. Пропилъ!.. Варнаки!..

Оглядѣвшись кругомъ, Яшка прибавилъ вполголоса:

— Ружьецо-то у меня скапутилось... да. Пошелъ по первому снѣгу за оленями; выслѣдилъ одного, подкрался—трахъ!.. казенникъ *) и вырвало. Лучше бы, кажется, руку оторвало... Какой я человѣкъ безъ ружья? Хуже меня нѣтъ. Ужъ я и поправлять его отдавалъ, ружье-то, денегъ на поправку стравилъ видимо-невидимо, а толку не вышло. Мастеришки плохіе и вконецъ извели. Вотъ я и подумалъ сплыть на караванѣ до Перми: зароблю **) восемь цѣлковыхъ, да тамъ и цапну новенькую орудію.

Послѣднія слова Яшка проговорилъ съ какимъ-то особеннымъ вкусомъ и даже закрылъ глаза, предвкушая удовольствіе.

Ружье для него составляло все, и онъ вынашивалъ мысль о немъ, вѣроятно, цѣлую зиму. Добыть новое ружье было для него большою задачей: онъ зналъ, что, добывъ ружье, броситъ бурлацкое дѣло и опять станетъ вольнымъ человѣкомъ!

Эта встрѣча доставила мнѣ много удовольствія, хотя водоливъ, въ балаганѣ котораго я скрывался на ночь отъ холода, и косился на Яшку, когда тотъ съ охотничьимъ простодушіемъ расположился „чаевать“ со мною.

— Развѣ они что понимаютъ?—объяснялъ Яшка съ нѣкоторой снисходительностью.—Такъ, темный народъ... Конечно, я на баркѣ-то „пришей хвостъ кобылѣ“, а поглядѣли бы на меня въ лѣсу. Ну-ка, попробуй!.. Ты десять разъ мимо прошелъ, а Яшка ужъ нашелъ. По лѣсу-то я бариномъ хожу... Хочу—у огонька буду сидѣть, хочу—завалюсь спать. Развѣ они это могутъ пони-

*) Казенникъ—большой желѣзный винтъ, который вставляется въ заднюю часть ружейнаго ствола.

**) «Зароблю»—заработаю. Таковъ говоръ въ Пермскомъ краѣ.

ать?.. Яшка — всякая птица... Вотъ только бы Господь снособилъ касательно ружья!..

Мнѣ очень хотѣлось пріютить Яшку около себя, но это оказывалось невозможнымъ—третьяго мѣста въ балаганѣ не было.

Вечеромъ я укладывался, и мнѣ тяжело было думать, что я лежу въ сухѣ и теплѣ, а Яшка корчится около огонька...

— Вѣдь не я одинъ колѣю,—объяснилъ Яшка.—Конечно, они варнаки и ничего не понимаютъ, а только все же человѣки...

III.

Это была ужасная ночь... Я проснулся отъ какого-то пронизывающаго холода. Часы показывали три. По скрипу потесей, бултыхавшихъ воду съ такимъ тяжелымъ шумомъ, точно ее разгребала какая-то огромная лапа, я заключилъ, что барка плыветъ. Въ камняхъ на ночь останавливали барку,—дѣлали „хватку", а теперь барка плыла, потому что, кромѣ мелей, никакой опасности не предвидѣлось. Работы было меньше, и бурлаки раздѣлились на двѣ смѣны—дневную и ночную.

Когда я вышелъ изъ своего балагана, меня поразила открывшаяся картина. Въ воздухѣ тихо кружились хлопья мокраго снѣга... Вся барка была покрыта слоемъ этого снѣга, по крайней мѣрѣ, на вершокъ. Кое-гдѣ слабо мерещились мокрыя тѣни работавшихъ у потесей бурлаковъ. Картина получалась ужасная. Нѣкоторые кутались въ мокрыя рогожки, а большинство стояло безъ всякаго прикрытія.

Царило мертвое молчаніе. Оно приходилось какъ нельзя больше подъ стать этой картинѣ холодной смерти. Мнѣ казалось, что наша барка плыветъ именно въ какомъ-то мертвомъ царствѣ. Силавщикъ Лупанъ, сѣдой важеватый старикъ съ окладистой бородой, сидѣлъ на своей скамеечкѣ на задней палубѣ и отдавалъ приказанія молча, движеніемъ руки, точно и онъ боялся нарушить мертвую тишину.

— А гдѣ Яшка?—спросилъ я водолива, отливавшаго воду.

Онъ, тоже молча, мотнулъ головой на кладку мѣдныхъ полосъ—„штыкъ",—проходившихъ полѣницей посрединѣ барочнаго дна, отъ носа до кормы. Я понялъ, что водоливъ не забрался въ балаганъ изъ совѣсти и мокнулъ подъ снѣгомъ вмѣстѣ со всѣми остальными. Потому же и Лупанъ оставался на своей скамейкѣ. Сказалось безъ словъ то артельное чувство, которое изъ разношерстной бурлацкой ватаги дѣлало одну дружную семью.

Яшка спалъ подъ мокрой рогожкой, покрытой снѣгомъ. Изъ-подъ нея поднимался только паръ. Онъ устроился прямо на мѣдныхъ штыкахъ, перевязанныхъ по шести штукъ, такъ что черезъ свою рогожку долженъ былъ чувствовать каждое ребро мѣдной штыки и всѣ узлы жесткихъ веревокъ. Другіе бурлаки забрались подъ палубы,—тамъ, по крайней мѣрѣ, не заносило снѣгомъ,—но вольный человѣкъ Яшка привыкъ проводить цѣлыя недѣли на открытомъ воздухѣ, а зимой и прямо спать въ снѣгу.

Я прислушался,—изъ-подъ рогожи слышалось ровное дыханіе спящаго человѣка.

Я присѣлъ къ огню и долго смотрѣлъ кругомъ. Никогда еще пламя не казалось мнѣ такимъ краснымъ, какъ именно сейчасъ, когда оно боролось съ этой влажной, тяжелой тьмой. Въ такія ночи можно понять и все то неизмѣримое значеніе огня, о которомъ какъ-то совсѣмъ забываешь, сидя въ теплой комнатѣ. Какая страшная ночь покрывала бы человѣчество, если бы не было огня! Недаромъ Яшка до сихъ поръ считаетъ грѣхомъ плюнуть на

костеръ. Вотъ и теперь онъ устроился на нитяхъ, навѣрно, только потому, чтобы быть поближе къ огоньку.

— Шли бы вы, баринъ, къ себѣ въ балаганъ,—посовѣтовалъ мнѣ водоливъ, подкидывая на очагъ нѣсколько мокрыхъ полѣньевъ.—Дѣло-то ваше непривычное: какъ разъ лихоманка ухватитъ, а то и параличъ расшибетъ.

Признаться сказать, мнѣ было совѣстно уходить въ свой балаганъ, когда другіе мокли на палубахъ, но оставаться съ ними было не подъ силу. Ушелъ я въ балаганъ, кое-какъ сгороженный изъ досокъ, рогожъ и еловой коры,—на свою жесткую постель изъ наворованнаго на берегу сѣна, и долго прислушивался къ мертвой тишинѣ, пока не заснулъ тревожнымъ сномъ.

IV.

Проснулся я поздно,—проснулся отъ страшнаго шума, происходившаго на баркѣ. Первая мысль была, что барка тонетъ. Я выскочилъ изъ балагана и замеръ отъ изумленія: происходило что-то невѣроятное до послѣдней степени...

Надъ баркой съ гоготаньемъ тяжело кружились дикіе гуси. Обезсилѣвшая птица, застигнутая раннимъ снѣгомъ, падала въ рѣку. До десятка гусей съ какой-то отчаянной рѣшимостью сѣли прямо на барку. Послѣднее было тѣмъ болѣе удивительно, что дикій гусь—очень осторожная птица и не подпуститъ охотника на нѣсколько выстрѣловъ.

— Лови, робя, бей!..—галдѣли бурлаки, гоняясь за обезсилѣвшей птицей.

Работа была брошена, и на баркѣ происходила настоящая свалка. Меня поразилъ отчаянный вопль Яшки, который бѣгалъ по баркѣ, какъ сумасшедшій.

— Братцы!.. Родимые мои!.. Что вы дѣлаете?.. Ахъ, варнаки... ахъ, подлецы!.. Братцы, миленькіе, не троньте Божью тварь!.. Развѣ можно ее трогать въ этакое время?.. Очумѣли вы, галманы отчаянные!.. Креста на васъ нѣтъ, на отчаянныхъ... Ахъ, братцы, грѣшно! Вотъ какъ грѣшно!..

Проворнѣе всѣхъ оказалась одна изъ бабъ,—она поймала уже двухъ гусей и лежала на нихъ пластомъ. Яшка накинулся на нее и отнялъ помятую, обезумѣвшую отъ ужаса птицу.

— Что ты дѣлаешь-то, дурья голова?.. Вотъ я тебя расчешу... Право, отчаянные варнаки!.. Братцы!.. Черти!..

Яшка ругался, какъ остервенѣлый, и въ то же время гладилъ отнятыхъ у бабъ гусей. Бурлаки смутились, и нѣкоторые уже выпустили пойманную птицу.

— А самъ-то, небось, стрѣляешь всякую птицу, ярыга!—отвѣтно ругалась обиженная баба.—Сбѣсился, деревянный чортъ!..

— И стрѣляю, дура-баба... да!—оралъ Яшка, закипая новой яростью.—Только не на перелетахъ... Я вольную птицу бью, которая въ полной силѣ, а эта замерзлая. Вотъ ты бурчишь, дура-баба, а того не знаешь, что убить человѣка грѣшно, а за убитаго странника вдесятеро взыщется. Такъ и съ птичкой перелетной... Нажралась бы ты этой гусятины и околѣла бы сама. Одно слово: дура!.. Птичка-то къ намъ насѣла,—дескать: „дадутъ передохнуть, а можетъ, и накормятъ“,—а ты навалилась на нее, какъ жерновъ. Въ другое-то время развѣ она подпустила бы тебя, дуру?..

— Въ самомъ дѣлѣ, братцы, не троньте Божью птицу!—поддержалъ уже хрипѣвшаго отъ волненія и крика Яшку старый сплавщикъ Лупанъ.—Нехорошо!.. Пусть передохнетъ, а потомъ сама улетитъ, куда ей произволеніе. Яшка-то правду говоритъ...

— Да вѣдь это харчъ?—нерѣшительно заявилъ одинъ голосъ изъ сбившейся кучки бурлаковъ.—Такое бы варево заварили, Лупанъ Степанычъ!..

— А ты, оболдуй, слушай ухомъ, а не брюхомъ!.. Яшка-то всѣхъ умнѣе себя обозначилъ. Да!.. Онъ ужъ это дѣло знаетъ.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь грѣхъ-то какой!—умиленно повторялъ Яшка, обращаясь ко всѣмъ вообще.—Вонъ какая смирная птичка... Сама въ руки идетъ. Только вотъ не говоритъ: „устала, молъ, я, притомилась, иззябла“... А вы ее бить!..

Выбившійся изъ силъ гусиный косякъ теперь покрывалъ Чусовую, точно живой снѣгъ. Гуси не сторожились больше своего страшнаго врага человѣка. Тѣ, которые попали на барку, успѣли отдохнуть и торжественно были спущены на воду къ призывно гоготавшимъ товарищамъ.

Яшка торжествовалъ и даже перекрестился, спуская послѣдняго гуся.

— Будто еще долженъ одинъ быть?—думалъ онъ вслухъ, оглядывая недовѣрчиво толпу бурлаковъ.

— Всѣ тутъ Яшка...

— Ну, и слава Богу!.. Спасибо, братцы!

А снѣгъ все валилъ. Вода казалась такой темной въ этихъ побѣлѣвшихъ берегахъ. Гдѣ-то вдали смутно обрисовывались деревенскія стройки.

— Эй, будетъ валандаться попусту!—скомандовалъ сплавщикъ.—Держи носъ-отъ направо...

Потеси лѣниво забултыхали въ водѣ. Гусиный косякъ сгрудился и стройною массой съ гусиной важностью отплылъ къ противоположному берегу, провожая барку своимъ гоготаньемъ.

— Правильная птица,—замѣтилъ Яшка, провожая глазами удалявшійся отъ насъ косякъ.—Умнѣе ея нѣтъ... И живетъ парами, по-божески. Не то что, напримѣръ, косачъ...

Почесавъ затылокъ, Яшка прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Эхъ, ежели бы вотъ такихъ гуськовъ десяточекъ, былъ бы Яшка съ ружьемъ и не колѣлъ бы, какъ песъ! Въ Перми бы продалъ по цѣлковому штуку...

Вечеромъ мы вмѣстѣ пили чай въ балаганѣ—я, водоливъ и Яшка. На Яшкѣ мокрая рубаха дымилась отъ пара. Онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ пилъ одну чашку за другой, вѣрнѣе—не пилъ, а глоталъ. Это опять былъ жалкій Яшка...

— Тебя не знобитъ?—спрашивалъ я.

— Нѣтъ, зачѣмъ знобить?.. Вотъ ежели бы мокрый-то я у огня началъ грѣться, ну, тогда пропасть.

Напившись чаю и поблагодаривъ, Яшка поднялся.

— Ну, теперь пойду на свою перину, баринъ...

Взглянувъ на изголовье постели, на которой отдыхалъ водоливъ, Яшка укоризненно покачалъ головой:

— Эхъ, Павелъ Евстратычъ... а?.. эхъ!..

— Что?—спросилъ водоливъ, воровато шмыгая глазами.

— Эхъ, Павелъ Евстратычъ!.. То-то я давеча не досчитался одного гуська... Гдѣ у тебя совѣсть-то?..

— Ну, ну, подержи языкъ за зубами.

— Я-то подержу, а тебѣ отрыгнется этотъ гусь...

Изъ-подъ изголовья высовывался гусиный хвостъ.

— Да вѣдь я его не ловилъ!—оправдывался водоливъ.—Самъ онъ забѣжалъ въ балаганъ. Ну, я его и пожалѣлъ: прикололъ.

— У волка въ зубѣ Егорій далъ?.. Эхъ, Павелъ Евстратычъ, нехорошо... Вотъ какъ нехорошо!

1894.

Оглавленіе

IV тома.

стр.

Уральскіе разсказы.

„Въ худыхъ душахъ"... Разсказъ 3
Башка. Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ. 20
Отрава. Очеркъ 43
Гроза. Изъ охотничьихъ разсказовъ 65
На шиханѣ. Изъ записной книжки охотника. 82
Лѣтные. Изъ разсказовъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ 96
Бойцы. Очерки весенняго сплава по рѣкѣ Чусовой 136
Золотуха. Очерки пріисковой жизни. 226
Поправка доктора Осокина 276
Первые студенты. Разсказъ. 300
Изъ уральской старины. Разсказъ. 328
Родительская кровь. Очеркъ 367
Лѣсъ. Психологическій этюдъ 396
Озорникъ. Разсказъ 411
Переводчица на пріискахъ. Разсказъ. 432
Доброе старое время. Повѣсть 468
Вѣрный рабъ. Повѣсть. 507
Вольный человѣкъ Яшка. 555

BINDING LIST JUN 15 1950

494387
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собрание сочинений ... [П.В.Быков].
v.4. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ... [P.V.Bulkov]]

DATE
NAME OF BORROWER.
Dec.12/50 V St + A?

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED